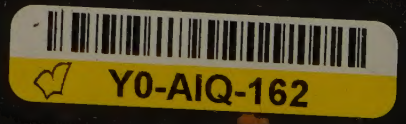
Y0-AIQ-162

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ
П. В. Быкова и съ приложеніемъ портрета
К. М. Станюковича.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1907.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Измайл. пр., № 29.

МОРСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

БЕЗПОКОЙНЫЙ АДМИРАЛЪ.

I.

Въ это прелестное, дышавшее свѣжестью, раннее утро, въ Тихомъ океанѣ, на вахтѣ флагманскаго корвета «Рѣзвый» стоялъ первый лейтенантъ, Владиміръ Андреевичъ Снѣжковъ, прозванный въ шутку матросами «теткой Авдотьей».

Прозвище это не лишено было мѣткости.

Дѣйствительно, и въ полноватой фигурѣ лейтенанта, и въ его кругломъ и рыхломъ, покрытомъ веснушками лицѣ, и въ его служебной суетливости, и въ тоненькомъ, визгливомъ теноркѣ было что-то бабье.

Собой Владиміръ Андреевичъ былъ далеко неказистъ. Благодаря своимъ выкатившимся рачьимъ глазамъ, онъ всегда имѣлъ нѣсколько ошалѣлый видъ. У него были рыжіе жидкіе баки и усы, очень толстыя губы и большой неуклюжій, мясистый носъ, украшенный крупной бородавкой. Эту бородавку, смущавшую лейтенанта особенно передъ приходами въ порты, корветскій докторъ хвастливо обѣщалъ свести, но до сихъ поръ не свелъ, къ большому огорченію Владиміра Андреевича.

Обыкновенно бывавшій на вахтахъ въ удрученномъ томленіи трусливаго человѣка, ожидавшаго «разноса», Снѣжковъ сегодня находился въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ съ беззаботнымъ видомъ шагалъ-себѣ по мостику, посматривая то на океанъ, катившій съ тихимъ гуломъ свои могучія волны, сверкавшія подъ ослѣпительными лучами солнца, то на надувшіеся бѣлые паруса, мчавшіе «Рѣзвый», благодаря ровному попутному вѣтру, до десяти узловъ въ часъ, то на только-что вымытую палубу, на которой происходила теперь ожесточенная обычная утренняя чистка, то на клиперъ «Голубчикъ», который, слегка накренившись, похожій на бѣлоснѣжную чайку, несся чуть-чуть впереди, убравши брамсели, чтобъ уменьшить

свой бѣгъ и не «показывать пятокъ», какъ говорятъ моряки, корвету, съ которымъ, по приказанію адмирала, шелъ соединенно отъ Санъ-Франциско до Нагасаки.

По временамъ Владиміръ Андреевичъ, несмотря на свой солидный видъ человѣка, отзвонившаго въ лейтенантскомъ чинѣ двѣнадцать лѣтъ и недавно отпраздновавшаго тридцатипятилѣтнюю годовщину, даже тихонько подсвистывалъ игривый вальсикъ, слышанный имъ въ санъ-францискомъ кафе-шантанѣ и живо напоминавшій ему о знакомствѣ съ очаровательной пѣвичкой-американкой.

Воспоминанія объ этихъ недавнихъ дняхъ были пріятныя, чортъ возьми! Нужды нѣтъ, что въ двѣ недѣли стоянки пѣвичка заставила своего влюбленнаго поклонника спустить не только жалованье за два мѣсяца, но и всѣ его небольшія сбереженія за два года плаванія. Онъ объ этомъ не жалѣетъ, до того неотразима была эта миссъ Клэръ, пухленькая блондинка съ золотистыми волосами и карими глазками, сразу овладѣвшая мягкимъ сердцемъ Владиміра Андреевича, какъ только онъ съѣхалъ на берегъ послѣ мѣсячнаго перехода, увидалъ эту миссъ и, познакомившись, пригласилъ ее любезной пантомимой вмѣстѣ поужинать.

Небось, онъ отлично объяснялся съ ней, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, несмотря на то, что зналъ по-англійски не болѣе десятка-другого словъ. Но зато какихъ словъ! Все самыхъ существенныхъ и нѣжныхъ, которыя онъ добросовѣстно вызубрилъ по лексикону и повторялъ въ различныхъ комбинаціяхъ, подкрѣпляя ихъ мимикой, особенно выразительной послѣ двухъ-трехъ бутылокъ шампанскаго.

Слава Богу, ему не нужно было прибѣгать къ помощи кого-нибудь изъ товарищей, знающихъ англійскій языкъ, какъ онъ имѣлъ глупость дѣлать прежде. Теперь онъ и самъ храбро выпаливалъ англійскія слова, не заботясь ни о малочисленности ни объ ихъ логической связи. Придетъ онъ къ миссъ Клэръ въ гостиницу, поклонится, поцѣлуетъ ручку, сядетъ около и, воззрившись на нее, словно котъ на сало, начнетъ, какъ онъ выражался, «отжаривать»:

— Добрый день... милая... очень радъ... который часъ... отлично... какъ ваше здоровье... очаровательная... выпить... ѣхать... ножки... ручки... очень хорошо... восторгъ...

«Отжаривъ» эти слова, онъ начиналъ снова, но уже въ обратномъ порядкѣ, начиная съ «восторга» и кончая «добрымъ днемъ», и разговоръ выходилъ хоть куда! Миссъ Клэръ хохотала, какъ сумасшедшая, трепала лейтенанта по рыхлой щекѣ и отвѣчала милыми рѣчами. Что она ему говорила, Снѣжковъ,

разумѣется, и до сихъ поръ не знаетъ, но тогда онъ дѣлалъ видъ, что все понимаетъ, убѣждая ее въ этомъ весьма простымъ способомъ: онъ вынималъ изъ кармана нѣсколько золотыхъ монетъ, большихъ, среднихъ и малыхъ, клалъ ихъ на свою широкую, пухлую ладонь и предлагалъ знаками выбрать одну изъ нихъ на память.

Но американка съ такой ловкостью стягивала своей маленькой ручкой сразу всѣ монеты съ ладони лейтенанта, что онъ приходилъ въ восхищеніе и послѣ такого фокуса въ восторгѣ лепеталъ свои заученныя слова.

Никогда впредь не обратится онъ въ такихъ дѣлахъ къ чужому посредничеству. Знастъ онъ этихъ переводчиковъ! Влюбчивый и ревнивый, Владиміръ Андреевичъ не забылъ и теперь, какъ, года полтора тому назадъ, съ нимъ безсовѣстно поступилъ мичманъ Щегловъ въ Капштадтѣ. Нечего сказать, благородно!

Въ качествѣ переводчика, мичманъ обѣдалъ на счетъ Владиміра Андреевича, въ обществѣ строгой на видъ, чинной и красивой англичанки не первой молодости, «благородной вдовы, случайно попавшей въ Капштадтъ послѣ кораблекрушенія, лишившаго ее всего состоянія», которую лейтенантъ, при любезномъ посредствѣ мичмана, не замедлилъ пригласить обѣдать въ номеръ гостиницы, послѣ первой же встрѣчи на улицѣ и краткаго знакомства съ ея біографіей.

Казалось, Щегловъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ переводилъ комплименты и изліянія лейтенанта, уплетая при этомъ вкусный заказной обѣдъ съ волчьимъ аппетитомъ двадцатилѣтняго мичмана. Казалось, что и англичанка, работавшая своими челюстями съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ мичманъ, пившая не хуже самого Владиміра Андреевича и ставшая къ концу обѣда менѣе строгой на видъ, довольно милостиво слушала переводчика, бросая по временамъ благосклонные взгляды на амфитріона, пожиравшаго жадными взглядами и бѣлую шею и полныя руки этой дамы. Оставалось только развѣдать о наилучшихъ путяхъ къ сердцу «благородной вдовы, потерпѣвшей кораблекрушеніе». И эту щекотливую миссію Щегловъ исполнилъ, повидимому, вполнѣ удовлетворительно, такъ что Владиміръ Андреевичъ на радостяхъ потребовалъ еще шампанскаго. Затѣмъ послѣдовали коньякъ и кофе, и когда лейтенантъ вышелъ на минутку въ садъ, чтобы нѣсколько освѣжить голову послѣ капскихъ винъ, шампанскаго и коньяку, и затѣмъ вернулся въ номеръ, ни вдовы ни мичмана не было. Лакей доложилъ, что они уѣхали кататься и обѣщали скоро вернуться, и подалъ кругленькій счетецъ.

Взбѣшенный Владиміръ Андреевичъ напрасно прождалъ ихъ до поздняго вечера. Они такъ и не пріѣхали, а мичманъ, на слѣдующее утро вернувшійся на корветъ, съ самымъ серьезнымъ видомъ утверждалъ, что «благородная вдова, потерпѣвшая крушеніе» внезапно почувствовала себя нездоровой и настойчиво просила ее увезти.

— Что мнѣ было дѣлать?... Согласитесь, что я не виноватъ, Владиміръ Андреевичъ... И она, знаете ли, не какая-нибудь авантюристка, а настоящая лэди!..—прибавилъ мичманъ, подавляя улыбку.

Съ тѣхъ поръ Владиміръ Андреевичъ ужъ не бралъ съ собой на берегъ переводчиковъ, а принялся за лексиконъ. И опытъ въ Санъ-Франциско доказалъ, что онъ отлично можетъ объясняться по-англійски.

Лейтенантъ снова взглянулъ на паруса — стоятъ отлично; взглянулъ на компасъ—на румбѣ; озабоченно взглянулъ на люкъ адмиральской каюты—слава Богу, закрытъ.

И онъ опять зашагалъ по мостику.

Послѣ воспоминаній о прошломъ въ его головѣ проносились пріятныя мысли о близкомъ будущемъ. Въ самомъ дѣлѣ, плаваніе предстояло заманчивое. И флагъ-капитанъ и флагъ-офицеръ еще вчера положительно утверждали, что «Рѣзвый» изъ Нагасаки пойдетъ въ Австралію и посѣтитъ Сидней и Мельбурнъ, а «Голубчикъ» отправится въ Гонконгъ, для осмотра своей подводной части въ докѣ, а оттуда въ Новую Каледонію, гдѣ долженъ ожидать «Рѣзваго» съ адмираломъ... Бѣдный «Голубчикъ»!—ему не «пофартило». Новая Каледонія съ дикими черномазыми дамами!

«А Сидней и Мельбурнъ—отличные порты, не то что эти китайскія и японскія трущобы съ узкоглазыми туземками, достаточно-таки надоѣвшими»,—размышлялъ Владиміръ Андреевичъ и, предвкушая будущія удовольствія, весело улыбнулся и опять сталъ подсвистывать, вызывая нѣкоторое недоумѣніе въ сигнальщикѣ, который привыкъ видѣть на вахтѣ Снѣжкова всегда озабоченнымъ, суетливымъ и удрученнымъ.

«Что за диковина? Тетка Авдотья веселая!»—подумалъ сигнальщикъ.

Подобное необычайное настроеніе Владиміра Андреевича съ подсвистываньемъ и пріятными воспоминаніями объяснялось исключительно тѣмъ счастливымъ обстоятельствомъ, что «безпокойный адмиралъ», какъ звали про себя начальника эскадры солидные капитаны и лейтенанты, или «свирѣпый Ванька» и «глазастый чортъ», какъ болѣе образно втихомолку выражались легкомысленные мичмана и гардемарины, ни разу не вы-

ходилъ наверхъ во время его вахты и — Богъ дастъ! — не выйдетъ до подъема флага, до восьми часовъ, когда вахта окончится. Вчера «безпокойный адмиралъ» поздно легъ спать и, вѣрно, проспитъ долго!

Всѣ на корветѣ боялись «безпокойнаго адмирала», но никто такъ не трусилъ его, какъ Владиміръ Андреевичъ. Усердный служака, но далеко не морякъ по призванію, нерѣшительный, трусливый и достаточно-таки рохля, онъ въ присутствіи адмирала совсѣмъ терялся, и робкая его душа замирала отъ страха, что ему «попадетъ». Ему дѣйствительно довольно-таки часто «попадало», и Владиміръ Андреевичъ краснѣлъ и пыхтѣлъ, шепталъ молитвы и старался не попадаться на глаза адмиралу, когда только это было возможно. Онъ малодушно прятался за мачту во время авраловъ, избѣгая выходить наверхъ, если наверху былъ «глазастый дьяволъ», за обязательными обѣдами у него не открывалъ рта, испытывая робость и смущеніе; во время вспыльчивыхъ его припадковъ, когда адмиралъ, случалось, бушевалъ наверху, топталъ ногами фуражку и прыгалъ на палубѣ, словно бѣсноватый, грозя повѣсить или разстрѣлять какого-нибудь мичмана или гардемарина, котораго черезъ часъ-другой звалъ къ себѣ въ каюту и дружески угощалъ,—въ такія минуты Владиміръ Андреевичъ, совсѣмъ не понимавшій натуры этого «безпокойнаго адмирала» и привыкшій бояться всякаго начальства, положительно трепеталъ и, по словамъ зубоскаловъ-мичмановъ, тотчасъ же заболѣвалъ Febris gastrica.

— И боится же наша тетка Авдотья адмирала!—смѣялись, бывало, матросы на бакѣ, когда рѣчь заходила о лейтенантѣ.

— Робокъ очень, и нѣтъ въ немъ никакой флотской отважности... Совсѣмъ береговой человѣкъ! — объяснялъ боцманъ трусливость Владиміра Андреевича.

— Отъ этого самаго онъ и суетится безъ толку на вахтѣ... Опасается, значитъ, адмирала!—замѣчали старые матросы.

Посмѣивались надъ нимъ и въ каютъ-компаніи за эту трусость, и мичмана совѣтовали взять да и «развести»*) съ адмираломъ, но Владиміръ Андреевичъ только отмахивался безнадежно руками и рѣшительно изумлялся, что были такіе смѣльчаки, которые «разводили» съ адмираломъ, и что это проходило имъ совершенно безнаказанно. Самъ онъ объ этомъ не рѣшался и подумать и молилъ только Бога, какъ бы поскорѣй вернуться въ Россію и получить тамъ спокойное берего-

*) «Развести» на морскомъ жаргонѣ значитъ поговорить крупно съ начальствомъ.

вое мѣстечко, а не то—какой-нибудь маленькій пароходикъ или канонерскую лодку въ командованіе и находиться подалѣе отъ всякихъ адмираловъ и вообще отъ высшаго начальства.

Къ этимъ, далеко не честолюбивымъ мечтаніямъ присоединялась всегда и мечта о подругѣ жизни въ образѣ какой-нибудь недурненькой женщины,—брюнетки или блондинки, это было для женолюбиваго Владиміра Андреевича безразлично,—но только обязательно не худощавой. Худощавыхъ дамъ онъ не одобрялъ, не предвидя тогда, что судьба дастъ ему въ жены именно худощавую, да еще какую!

II.

На бакѣ только-что пробило четыре склянки. Былъ седьмой часъ въ началѣ, какъ изъ-подъ юта, гдѣ находилось адмиральское помѣщеніе, лѣниво выползла маленькая круглая фигурка курносаго человѣка лѣтъ тридцати, съ краснощекимъ, заспаннымъ и нѣсколько наглымъ лицомъ, опушеннымъ черной кудрявой бородкой,—въ люстриновомъ пиджакѣ поверхъ розовой ситцевой сорочки, въ бѣлыхъ штанахъ и въ стоптанныхъ туфляхъ, надѣтыхъ на грязныя босыя ноги.

Этотъ единственный на корветѣ «вольный», какъ зовутъ матросы всякаго не-военнаго, былъ адмиральскій лакей Васька, продувная бестія изъ кронштадтскихъ мѣщанъ, ходившій съ адмираломъ во второе кругосвѣтное плаваніе, порядочно-таки обкрадывавшій своего холостяка-барина и пускавшійся на всякіе обороты. Онъ давалъ гардемаринамъ подъ проценты деньги, снабжалъ ихъ по баснословной цѣнѣ русскими папиросами и вообще человѣкъ былъ на всѣ руки.

При видѣ адмиральскаго камердинера съ металлическимъ кувшинчикомъ въ рукѣ, всѣ пріятныя воспоминанія и вообще неслужебныя мысли разомъ выскочили изъ головы Владиміра Андреевича, лицо его тотчасъ же приняло тревожно-озабоченное выраженіе, и взглядъ сдѣлался еще болѣе ошалѣлымъ.

— Васька!—тихо окликнулъ онъ адмиральскаго камердинера, когда тотъ былъ у мостика.

Васька галантно приподнялъ съ черноволосой кудластой головы красную шелковую жокейскую фуражку—предметъ его особеннаго щегольства передъ баковой аристократіей — и пріостановился, зѣвая и щуря на солнцѣ свои бѣгающіе, какъ у мыши, плутовскіе каріе глаза.

— Всталъ?—безпокойно спросилъ Владиміръ Андреевичъ, значительно понижая свой визгливый тенорокъ, и мотнулъ головой по направленію адмиральскаго помѣщенія.

— Встаетъ... Только-что проснулся. Сегодня бреемся. Вотъ

за горячей водой иду!—развязно отвѣчалъ Васька, взглядывая на вахтеннаго начальника съ снисходительной улыбкой, которая, казалось, говорила: «И чего ты такъ боишься адмирала?»

И, словно желая успокоить Снѣжкова, прибавилъ фамильярнымъ тономъ, какимъ позволялъ себѣ говорить съ нѣкоторыми офицерами:

— Раньше какъ черезъ полчаса, а то и часъ, онъ не выйдетъ, Владиміръ Андреевичъ. При качкѣ-то скоро не выбреешься, какой ни будь нетерпѣливый человѣкъ. На прошлой недѣлѣ щеки-то порѣзалъ отъ своей скорости...

И Васька направился далѣе, умышленно замедляя шаги.

«Я, дескать, не очень-то спѣшу для адмирала, котораго вы всѣ боитесь!»

Владиміръ Андреевичъ немедленно засуетился. Онъ первымъ дѣломъ озабоченно поднялъ голову, взглядывая на верхніе паруса. Теперь ему казалось, что марсели и брамсели не вытянуты, какъ слѣдуетъ, и онъ скомандовалъ подтянуть шкоты. А затѣмъ понесся на бакъ осмотрѣть кливера.

— Кливера не до мѣста, не до мѣста... Какъ же это? — съ жалобнымъ упрекомъ и съ выраженіемъ страданія на лицѣ обратился Владиміръ Андреевичъ къ вахтенному гардемарину, который съ самымъ безпечнымъ видомъ короталъ вахту, разгуливая по баку.

— Кажется, кливера до мѣста, Владиміръ Андреичъ.

— Вамъ кажется, а мнѣ попадетъ!.. Не вамъ, а мнѣ!.. Адмиралъ увидитъ и... Скорѣй вытяните кливеръ-шкоты...

— Есть!—отвѣчалъ гардемаринъ.

— Да снасти... приберите ихъ... Боцманъ! ты чего смотришь, а?

Подскочившій съ засученными до колѣнъ штанами пожилой боцманъ, который съ ранняго утра усердствовалъ, наблюдая за чисткой и надрывая горло отъ ругани, докладывалъ успокоительнымъ тономъ:

— Уборка еще не окончена, палуба мокрая, ваше благородіе! Какъ, значитъ, справимся съ уборкой, тогда и снасть уберемъ, ваше благородіе!

— А ты поторапливай уборку, поторапливай, братецъ!

— Есть, ваше благородіе!

Въ официально-почтительномъ взглядѣ боцмана скользнула улыбка. И онъ подумалъ: «И съ чего ты зря суетишься?»

— И вообще...—снова началъ было Владиміръ Андреевичъ.

Но такъ какъ онъ рѣшительно не зналъ, что еще «вообще» сказать, то, оборвавъ фразу, побѣжалъ назадъ, покрикивая занятымъ чисткой матросамъ:

— Пошевеливайся, братцы, пошевеливайся!

Матросы усмѣхались и вслѣдъ ему говорили:

— Видно, адмиралъ скоро выйдетъ, что тетка Авдотья забѣгала.

Поднявшись на мостикъ, Владиміръ Андреевичъ зашагалъ, тревожно осматриваясь вокругъ. Онъ то и дѣло подходилъ къ компасу, чтобы посмотрѣть, по румбу ли идетъ корветъ, взглядывалъ на надувшійся вымпелъ, чтобы удостовѣриться, не зашелъ ли вѣтеръ, словомъ, обнаруживалъ тревожное усердіе. И когда на мостикъ поднялся старшій офицеръ, который съ ранняго утра тоже носился по всему корвету, какъ оглашенный, присматривая за общей чисткой, Владиміръ Андреевичъ поторопился ему сообщить, что адмиралъ встаетъ.

— Бриться только будетъ!—прибавилъ онъ.

— Ну и пусть себѣ встаетъ!—равнодушнымъ, повидимому, тономъ проговорилъ длинный, высокій и худой старшій офицеръ, съ очками на близорукихъ глазахъ. — Придраться ему, кажется, не за что... У насъ все, слава Богу, въ порядкѣ... А впрочемъ, кто его знаетъ?.. Съ нимъ ни за что нельзя ручаться!.. И не ждешь, за что онъ вдругъ разнесетъ!—съ внезапнымъ раздраженіемъ прибавилъ старшій офицеръ.

— То-то и есть! — какъ-то уныло подтвердилъ Владиміръ Андреевичъ.

Разставивъ свои длинныя ноги, старшій офицеръ поднялъ голову и сталъ оглядывать паруса и такелажъ.

— Что, кажется, стоятъ хорошо, Михаилъ Петровичъ? Все до мѣста? Реи правильно обрасоплены? — спрашивалъ Снѣжковъ съ тревогой въ голосѣ, ища одобренія такого хорошаго моряка, какъ старшій офицеръ.

— Все отлично, Владиміръ Андреичъ... Не волнуйтесь напрасно,—успокоилъ его старшій офицеръ послѣ быстраго осмотра своимъ зоркимъ морскимъ взглядомъ парусовъ.—А вѣтерокъ-то славный... Ровный и свѣженькій... Какъ у насъ ходъ?

— Десять узловъ.

— Съ такимъ вѣткомъ мы скоро и въ Нагасаки прибѣжимъ... А «Голубчикъ» лучше нашего ходитъ... Ишь брамсели убралъ, а все впереди идетъ! — не безъ досады проговорилъ старшій офицеръ, ревнивый къ достоинствамъ другихъ судовъ и точно оскорбленный за отставаніе «Рѣзваго».

Онъ взялъ бинокль и жаднымъ взглядомъ впился въ «Голубчика», надѣясь увидать какую-нибудь неисправность въ постановкѣ парусовъ. Но напрасно! На «Голубчикѣ», стройномъ, изящномъ и красивомъ, все было безукоризненно, и самый требовательный глазъ не могъ бы ни къ чему придраться.

Недаромъ и тамъ старшій офицеръ былъ такой же дока и такой же ученикъ «безпокойнаго адмирала», какъ и Михаилъ Петровичъ.

Старшій офицеръ нѣсколько минутъ еще любовался «Голубчикомъ» и, отводя бинокль, промолвилъ:

— Славный клиперокъ!

Владиміръ Андреевичъ совсѣмъ чуждъ былъ этимъ морскимъ ощущеніямъ и, равнодушно взглянувъ на «Голубчика», спросилъ:

— А долго мы простоимъ въ Нагасаки, Михаилъ Петровичъ?

— Возьмемъ уголь и уйдемъ.

— Въ Австралію?

— Говорятъ, что въ Австралію.

— Развѣ это не навѣрное?

— Да развѣ съ нашимъ адмираломъ знаешь навѣрное, куда кто пойдетъ?.. Держи карманъ! Я вотъ въ первое свое плаваніе у него въ эскадрѣ вполнѣ былъ увѣренъ, что пойду въ Калькутту, а знаете ли, куда пошелъ?

— Куда?

— Въ Камчатку!

— Какъ такъ?

— Очень просто. Перевелъ меня съ одного клипера на другой — и шабашъ! Вы, Владиміръ Андреевичъ, его, видно, еще не знаете... Онъ любитъ устраивать сюрпризы! — засмѣялся старшій офицеръ.

И, вдругъ вспомнивъ, что еще не осмотрѣлъ машиннаго отдѣленія, сорвался внезапно съ мостика, стремглавъ сбѣжалъ по трапу и, озабоченный, скрылся въ палубѣ.

Не-морякъ, который увидалъ бы въ этотъ моментъ старшаго офицера, навѣрно подумалъ бы, что онъ сошелъ съ ума или что на суднѣ несчастье.

III.

Тѣмъ временемъ Васька, наполнивъ кувшинчикъ кипяткомъ и сказавъ коку, чтобы готовилъ кофе и поджаривалъ сухари, довольно безпечно бесѣдовалъ у камбуза съ молодымъ писаркомъ адмиральскаго штаба Лаврентьевымъ, который былъ первымъ щеголемъ, понималъ деликатное обращеніе, зналъ нѣсколько французскихъ и англійскихъ фразъ, имѣлъ носовой платокъ и носилъ на мизинцѣ золотое кольцо съ бирюзой.

Казалось, Васька мало заботился о томъ, что адмиралъ ждетъ горячей воды, и разсказывалъ пріятелю-писарю о томъ, что̀ за чудесный этотъ городъ Сидней, въ которомъ онъ былъ съ адмираломъ въ первое плаваніе.

— Прежде въ немъ одни каторжники жили, вродѣ какъ у насъ въ Сибири, а теперь, братецъ ты мой, какъ есть столица! Всего, что хочешь, требуй... И театры, и магазины, и конки по улицамъ, и сады, одно слово—видно образованныхъ людей. И умны эти шельмы англичане. Ахъ, умны! Особенно насчетъ торговли... Первый народъ въ свѣтѣ!

Адмиральскій кокъ (поваръ), пожилой матросъ, тоже ходившій съ адмираломъ второй разъ въ плаванье, замѣтилъ:

— Смотри, Василій, адмиралъ тебя ждетъ... Какъ бы не осерчалъ!

— Подождетъ!—хвастливо кинулъ Васька и продолжалъ:— Слышно, что изъ Нагасакъ безпремѣнно въ Сидней пойдемъ... Такъ ужъ я тебѣ, Лаврентьевъ, все покажу... Прелюбопытно... А барышни—одинъ, можно сказать, восторгъ!..

— Ой, Василій... Иди-ка лучше до грѣха... А то шаркнетъ онъ тебя этимъ самымъ кувшиномъ! — снова подалъ совѣтъ поваръ.

— Такъ я его и испугался!.. Я — вольный человѣкъ. Чуть ежели что: пожалуйте разсчетъ и адью! Въ первомъ городѣ и уйду, если будетъ мое желаніе... И то, слава Богу, потрафляю ему... Знаю его характеръ. Другой, небось, на него не потрафитъ... И онъ это долженъ понимать... Безъ меня ему не обойтись!

— Положимъ, ты вольный камардинъ, а все-жъ-таки побереги свои зубы... Самъ, кажется, знаешь, каковъ онъ въ пылу... Не доведи до пыла... Бѣги...

— Ступай, въ самомъ дѣлѣ, Василій Лукичъ!—проговорилъ и писарь.

Совѣты эти были своевременны, и Васька отлично это чувствовалъ. Но желаніе поломаться и показать, что онъ нисколько не боится, было такъ сильно, что онъ продолжалъ еще болтать и не представлялъ себѣ, что адмиралъ, въ ожиданіи горячей воды, уже бѣшено и порывисто, словно звѣрь въ клѣткѣ, ходитъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ по большой, роскошной каютѣ, бывшей пріемной и столовой, и нервно поводитъ плечами.

Еще одна-другая раздражительная минута напраснаго ожиданія, какъ дверь адмиральской каюты пріоткрылась, и на палубѣ раздался рѣзкій, металлическій, полный энергіи и закипающаго гнѣва, голосъ:

— Ваську послать!

Владиміръ Андреевичъ невольно вздрогнулъ, словно лошадь, получившая шпоры, и торопливо, во всю силу своихъ легкихъ, крикнулъ визгливымъ теноркомъ.

— Ваську послать!

— Ваську посла-а-ть!—раздался зычный голосъ боцмана въ палубу и долетѣлъ до ушей Васьки.

— Дождался!—иронически бросилъ кокъ.

— Ишь вѣдь, не потерпитъ секунды... Чортъ!—проговорилъ Васька и ужъ далеко не съ прежнимъ видомъ гоголя выскочилъ наверхъ и понесся къ адмиралу съ кувшиномъ въ рукахъ, придумывая на бѣгу отговорку.

Едва только красная жокейская фуражка исчезла подъ ютомъ, какъ черезъ отворенный и прикрытый флагомъ люкъ адмиральской каюты послышались раскаты звучнаго адмиральскаго голоса, прерываемые тоненькой и довольно нахальной фистулой Васьки.

— Мерзавецъ! — донесся заключительный аккордъ, и все смолкло.

Адмиралъ началъ бриться.

Минутъ черезъ двадцать адмиралъ, свѣжій, съ гладко выбритыми, мясистыми щеками, въ черномъ люстриновомъ сюртукѣ, съ бѣлоснѣжными отложными воротничками сорочки, открывавшими короткую, загорѣлую шею, легкой поступью взошелъ на мостикъ и, въ отвѣтъ на поклонъ смутившагося Владиміра Андреевича, снялъ фуражку, съ привѣтливой улыбкой протянулъ широкую руку и весело проговорилъ:

— Съ добрымъ утромъ, Владиміръ Андреичъ!

И, бросивъ довольный взглядъ на широкій просторъ океана, прибавилъ:

— А вѣдь мы славно идемъ, не правда ли?

— Отлично, ваше превосходительство! Десять узловъ!

— И погода чудесная... Позвольте-ка бинокль.

Владиміръ Андреевичъ передалъ бинокль, и адмиралъ, подойдя къ краю мостика, сталъ смотрѣть на шедшій впереди и чуть-чуть на вѣтрѣ клиперъ «Голубчикъ».

«Онъ въ духѣ сегодня!» — радостно подумалъ Владиміръ Андреевичъ, поглядывая на «безпокойнаго адмирала».

IV.

Полюбовавшись клиперомъ, адмиралъ отвелъ глаза отъ бинокля и, передавъ его вахтенному офицеру, видимо удовлетворенный, сталъ смотрѣть въ океанскую даль.

Онъ снялъ бѣлую съ большимъ козыремъ фуражку, подставивъ вѣтру свою большую черноволосую, засѣдѣвшую у висковъ, коротко-остриженную голову, и съ наслажденіемъ вдыхалъ утреннюю прохладу чуднаго морского воздуха.

Это былъ плотный и крѣпкій человѣкъ небольшого роста,

лѣтъ сорока пяти-шести, кряжистый, широкій въ костяхъ, съ могучей грудью, короткой шеей и цѣпкими, твердыми и толстыми «морскими» ногами. Его смугловатое, подернутое налетомъ сильнаго загара, скуластое лицо съ рѣзкими и неправильными чертами широковатаго носа, мясистыхъ «бульдожьихъ» щекъ и крупныхъ губъ съ щетинкой подстриженныхъ «по-фельдфебельски» усовъ, дышало силой жизни, смѣлостью, избыткомъ энергіи безпокойной и властной натуры и той нѣсколько дерзкой самоувѣренностью, которая бываетъ у рѣшительныхъ, привыкшихъ къ опасностямъ людей. Большіе, круглые, какъ у ястреба, слегка выкаченные, черные глаза, умные и пронзительные, блестѣли, полные жизни и огня, изъподъ густыхъ, чуть-чуть нависшихъ бровей. Лобъ былъ большой и выпуклый.

И въ этомъ энергичномъ лицѣ, и во всей этой коренастой, дышавшей здоровьемъ фигурѣ чувствовалось что-то стихійное, сильное и необузданное, и въ то же время доброе и даже простодушное, особенно во взглядѣ, мягкомъ и ласковомъ, какимъ въ настоящую минуту адмиралъ смотрѣлъ на море.

Глядя на этого человѣка даже и въ эти спокойныя минуты созерцанія, никто не подумалъ бы усомниться въ заслуженности составившейся о немъ во флотѣ репутаціи лихого и рѣшительнаго, знающаго и беззавѣтно преданнаго своему дѣлу моряка и деспотически-страстнаго, подчасъ бѣшенаго человѣка, служить съ которымъ не особенно покойно. Недаромъ же въ числѣ многочисленныхъ кличекъ, которыми надѣляли адмирала въ Кронштадтѣ, была и кличка «чортовой перечницы».

Прошлое его было, разумѣется, хорошо извѣстно среди моряковъ.

Всѣ знали, что онъ былъ «отчаянный» кадетъ и вышелъ изъ морского корпуса въ черноморскій флотъ, куда выходили по преимуществу молодые люди, не боявшіеся строгой службы, гдѣ и получилъ основательное морское воспитаніе въ школѣ Лазарева, Корнилова и Нахимова. Любимецъ двухъ послѣднихъ адмираловъ и восторженный ихъ поклонникъ, онъ выдвинулся въ крымскую кампанію, пріобрѣтя извѣстность исполненіемъ всякихъ опасныхъ порученій и особенно своими смѣлыми выходами на небольшихъ пароходахъ изъ блокируемаго непріятельскимъ флотомъ Севастополя и дерзкимъ крейерствомъ въ Черномъ морѣ, полномъ непріятельскихъ судовъ.

Корневъ—такъ звали начальника эскадры—дѣлалъ блестящую по тѣмъ временамъ карьеру, тѣмъ болѣе для человѣка безъ всякихъ связей и протекціи. Вскорѣ послѣ войны онъ,

флигель-адъютантъ, сорока лѣтъ отъ роду былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и ужъ второй разъ командовалъ эскадрой Тихаго океана.

Когда полгода тому назадъ, совершенно неожиданно, Корневъ пріѣхалъ на смѣну своего предмѣстника, умнаго и образованнаго адмирала N., но совсѣмъ не моряка въ душѣ, почти чуждаго подчиненнымъ, державшаго себя отъ нихъ въ отдаленіи и обращавшагося со всѣми съ любезной и брезгливой холодностью служебнаго баловня, богача и аристократа,—всѣ тотчасъ же почувствовали новаго начальника эскадры и его безпокойную натуру.

Эскадра оживилась, какъ оживляется добрый конь, почуявшій опытнаго и смѣлаго всадника. Всѣ старались подтянуться. Между судами появилось соревнованіе. Офицеры и матросы сразу почувствовали въ новомъ адмиралѣ не только начальника, но страстнаго моряка и знающаго цѣнителя. Онъ взбудоражилъ всѣхъ, приподнялъ самолюбіе и какъ-то осмыслилъ службу этотъ «безпокойный адмиралъ», требуя не одного только исполненія обязанностей, а, такъ сказать, всей души...

Ураганомъ пронесся онъ, явившись на свой флагманскій корветъ «Рѣзвый», когда, послѣ обычнаго опроса у команды претензій, узналъ, что ревизоръ плохо кормитъ людей и не все выдаетъ имъ по положенію. Командиръ и ревизоръ были «разнесены вдребезги». Ревизору было приказано немедленно «заболѣть» и ѣхать въ Россію. «Жаркую баню» пришлось выдержать и одному юнцу-гардемарину, который наказалъ розгами матроса, не имѣя на то права. Гардемаринъ былъ названъ «щенкомъ» и переведенъ на другое судно. И опять досталось капитану, допустившему такой «развратъ».

Не прошло и мѣсяца съ пріѣзда адмирала, какъ на эскадрѣ, собравшейся въ Хакодате, начались перетасовки.

Адмиралъ своей властью смѣнилъ двухъ старыхъ, не особенно бравыхъ и энергичныхъ капитановъ, рѣшивъ, послѣ знакомства съ ними въ морѣ, что они «бабы». Предложивъ имъ ѣхать въ Россію, онъ, не желая повредить имъ, далъ о нихъ министру лестныя аттестаціи и объяснилъ, что хотя они и вполнѣ достойные капитаны, но слабое ихъ здоровье дѣлаетъ ихъ не совсѣмъ пригодными къ безпокойнымъ океанскимъ плаваніямъ. Вмѣсто нихъ онъ назначилъ двухъ, относительно молодыхъ, старшихъ офицеровъ, а на ихъ мѣста совсѣмъ молодыхъ лейтенантовъ, ходившихъ съ нимъ въ первое его плаваніе.

Послѣ этихъ перемѣнъ адмиралъ нѣсколько успокоился.

Нечего говорить, что въ Петербургѣ, привыкшемъ къ кап-

царскимъ перепискамъ и къ боязливой нерѣшительности начальниковъ эскадръ сдѣлать что-нибудь неугодное высшему начальству, были очень недовольны адмираломъ, который такъ круто и самовольно распоряжается.

Управляющимъ министерствомъ въ то время былъ адмиралъ Шримсъ, почти не бывавшій въ морѣ, всю жизнь прослужившій въ штабахъ, очень умный человѣкъ, извѣстный хорошо морякамъ, особенно молодымъ, съ которыми онъ обращался съ фамильярной простотой, какъ веселый балагуръ и циникъ, любившій крѣпкія и пряныя словечки. Весьма ревнивый къ власти и давно привыкшій къ ней, онъ приказалъ написать Корневу строгое внушеніе, поставивъ ему на видъ самовластіе его распоряженій и молодость и неопытность назначенныхъ имъ капитановъ и старшихъ офицеровъ. Бумага заканчивалась предписаніемъ впредь не смѣнять капитановъ безъ его, адмирала Шримса, разрѣшенія.

Эта бумага была получена въ С.-Франциско недѣли три тому назадъ.

Адмиралъ прочиталъ ее, швырнулъ на столъ, зашевелилъ скулами и гнѣвно воскликнулъ, вращая бѣлками:

— Вѣдь этакій болванъ этотъ Шримсъ, хоть, кажется, и умный человѣкъ!

Бывшій зачѣмъ-то въ эту минуту въ адмиральской каютѣ флагъ-капитанъ адмирала, худощавый, чистенькій и прилизанный молодой бѣлобрысый капитанъ-лейтенантъ Ратмирцевъ, щеголявшій изысканными, великосвѣтскими манерами и ханжествомъ, — испуганно взглянулъ на адмирала, котораго боялся больше, чѣмъ моря, и въ душѣ презиралъ за грубыя манеры.

Казалось нѣсколько страннымъ, какъ подобный «придворный сусликъ», какъ прозвали гардемарины этого франтоватаго и свѣтскаго капитанъ-лейтенанта, могъ быть флагъ-капитаномъ у такого человѣка, какъ «безпокойный адмиралъ».

Но дѣло объяснялось просто.

Совершенно неспособный къ морской службѣ, трусливый и мямля, Ратмирцевъ, благодаря связямъ и протекціи, командовалъ клиперомъ въ эскадрѣ Тихаго океана. Долго Корневъ не встрѣчалъ этого клипера, откомандированнаго въ крейсерство у береговъ Приморской области. Но какъ только адмиралъ его встрѣтилъ и проплавалъ на немъ съ недѣлю, онъ немедленно «убралъ» Ратмирцева, предложивъ ему совершенно неотвѣтственное мѣсто флагъ-капитана *), вполнѣ увѣренный,

*) Флагъ-капитанъ—должность въ родѣ начальника штаба.

что Ратмирцевъ самъ будетъ проситься скорѣй въ Россію, такъ что его не придется и «сплавлять».

Адмиралъ снова взялъ полученную бумагу, снова прочелъ и снова воскликнулъ тономъ, не допускавшимъ ни малѣйшаго сомнѣнія, швыряя бумагу:

— Болванъ...

Ратмирцевъ хотѣлъ-было дипломатически исчезнуть изъ каюты.

Адмиралъ замѣтилъ это намѣреніе и рѣзко сказалъ:

— Прошу, Аркадій Дмитричъ, подождать минутку.

И, не обращая вниманія на присутствіе флагъ-капитана продолжалъ:

— Скотина этакая: сидитъ тамъ въ кабинетѣ и ничего не понимаетъ...

Ратмирцевъ только ежился, скандализованный этими выраженіями.

«Совсѣмъ грубое животное!»—подумалъ Ратмирцевъ.

Прошла минута-другая молчанія.

— Аркадій Дмитричъ!

— Что прикажете, ваше превосходительство?—изысканно-вѣжливымъ тономъ спросилъ флагъ-капитанъ, почтительно и очень красиво наклоняя туловище.

— Потрудитесь сегодня же, сейчасъ, немедленно,—нетерпѣливо и рѣзко говорилъ адмиралъ, слегка заикаясь и словно бы затрудняясь пріискивать слова: — написать приказъ по эскадрѣ, что я изъявляю свою особенную благодарность командующимъ «Забіяки» и «Коршуна» за примѣрное состояніе ввѣренныхъ имъ судовъ.

Командующіе этими судами были недавно назначенные адмираломъ и не утвержденные въ званіи командировъ въ Петербургѣ, о чемъ просилъ адмиралъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Да напишите приказъ, Аркадій Дмитричъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ... И не забудьте-съ, Аркадій Дмитричъ, копію съ приказа вмѣстѣ съ другими бумагами послать въ Петербургъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Пусть тамъ прочтутъ-съ!—сказалъ, усмѣхнувшись, адмиралъ, видимо довольный сдѣланнымъ имъ распоряженіемъ и начинавшій «отходить».

Онъ передалъ флагъ-капитану нѣсколько бумагъ изъ Петербурга и приказалъ приготовить отвѣты, какіе нужно.

— А на эту я самъ отвѣчу!—значительно произнесъ адмиралъ, словно бы угрожая кому-то.

И, отложивъ бумагу въ сторону, адмиралъ уставилъ свои большіе круглые глаза, еще сверкавшіе гнѣвнымъ огонькомъ, въ почтительно-равнодушное, безцвѣтное, бѣлобрысое лицо флагъ-капитана.

Судя по этому взгляду, тотъ ждалъ: не будетъ ли еще какихъ приказаній?

Но вмѣсто этого адмиралъ послѣ долгой томительной паузы совершенно неожиданно произнесъ:

— Знасте ли, что я вамъ скажу, любезнѣйшій Аркадій Дмитричъ... Ужасно сильно вы душитесь... Какіе у васъ это духи?— прибавилъ, видимо сдерживаясь, адмиралъ, думая про себя: «И какой же ты вылощенный дуракъ!»

Вотъ что хотѣлъ онъ ему сказать этимъ вопросомъ о духахъ.

Ратмирцевъ, нѣсколько изумленный и сконфуженный, пробормоталъ:

— Опопонаксъ, ваше превосходительство!

— Опопонаксъ!? Отвратительные духи-съ! Можете идти, Аркадій Дмитричъ, и потрудитесь сію минуту написать приказъ!— прибавилъ адмиралъ.

Вслѣдъ затѣмъ адмиралъ принялся за письмо къ Шримсу. Письмо было довольно убѣдительное.

Корневъ извѣщалъ, что за нѣсколько тысячъ миль довольно трудно испрашивать разрѣшеній, и что, отвѣчая за ввѣренную ему эскадру, онъ долженъ быть самостоятельнымъ и считаетъ себя въ правѣ смѣнять офицеровъ по своему усмотрѣнію, а съ завязанными руками командовать эскадрой сколько-нибудь достойно уважающему себя начальнику рѣшительно невозможно, съ чѣмъ, разумѣется, согласится всякій адмиралъ, бывавшій въ плаваніяхъ,—подпустилъ Корневъ шпильку своему начальнику, никогда не командовавшему ни однимъ судномъ. Что же касается до молодости назначенныхъ имъ капитановъ, то онъ «позволяетъ себѣ думать», что молодые, способные и энергичные капитаны несравненно полезнѣе старыхъ, бездѣятельныхъ или болѣзненныхъ, и что въ дѣлѣ выбора людей на должности, требующія знанія и отваги, рѣшительности и находчивости, нельзя сообразоваться съ лѣтами. Такіе знаменитые учителя, какъ Лазаревъ и Корниловъ, въ назначеніяхъ руководились не годами службы, а морскими качествами, и «я самъ имѣлъ честь командовать въ Черномъ морѣ шкуной въ лейтенантскомъ чинѣ». Изъ посланной при рапортѣ копіи съ приказа по эскадрѣ его превосходительство убѣдится, что назначенные имъ командиры вполнѣ достойные и лихіе моряки, и онъ считаетъ за честь имѣть такихъ капитановъ въ эскадрѣ. Въ заключеніе адмиралъ снова просилъ утвердить ихъ въ званіи командировъ, если только

высшему морскому начальству угодно, чтобъ онъ командовалъ эскадрой, и прибавлялъ, что онъ и впредь будетъ дѣйствовать, руководствуясь правами, предоставленными уставомъ начальнику эскадры въ отдѣльномъ плаваніи и принимая на себя отвѣтственность за сдѣланныя имъ распоряженія, клонящіяся къ поддержанію чести русскаго флага.

Въ томъ же письмѣ адмиралъ сообщалъ, что вслѣдствіе полной неспособности въ морскомъ дѣлѣ капитанъ-лейтенанта Ратмирцева, болѣе годнаго для береговой службы, чѣмъ для плаваній, онъ почелъ своимъ долгомъ отрѣшить названнаго офицера отъ командованія клиперомъ и назначить его временно своимъ флагъ-капитаномъ, хотя до сихъ поръ онъ и обходился безъ такового, довольствуясь однимъ флагъ-офицеромъ, а для приведенія позорно запущеннаго клипера въ должный порядокъ и видъ, соотвѣтствующій военному судну, онъ назначилъ командующимъ лейтенанта Осоргина, вполнѣ достойнаго офицера, бывшаго старшимъ офицеромъ на лучшемъ суднѣ эскадры—на клиперѣ «Голубчикъ».

Нетерпѣливый адмиралъ въ тотъ же день отправилъ это письмо, послѣ чего значительно повеселѣлъ и, съѣхавши на берегъ въ своемъ статскомъ, неуклюже сидѣвшемъ на немъ платьѣ и съ цилиндромъ на головѣ, похожій скорѣй на какого-нибудь принарядившагося мелкаго лавочника, чѣмъ на адмирала,—зазвалъ двухъ гардемариновъ, которые не успѣли юркнуть отъ него въ другую улицу, въ гостиницу, угостилъ ихъ обѣдомъ, хотя они и клялись, что только-что пообѣдали, и за обѣдомъ разсказывалъ имъ, какіе доблестные адмиралы были Лазаревъ, Нахимовъ и Корниловъ. И, что всего удивительнѣе, адмиралъ ни разу не разнесъ своихъ гостей ни за то, что они ѣли рыбу съ ножа, ни за то, что они наливали бѣлое вино въ стаканы, а не въ рюмки, ни за то, что не знали знаменитаго приказа Нельсона предъ Трафальгарскимъ сраженіемъ, ни за то, что до сихъ поръ не написали заданнаго имъ сочиненія о томъ, какъ взять С.-Франциско и разгромить тремя клиперами и двумя корветами предполагаемую на рейдѣ непріятельскую эскадру, значительно превосходящую своими силами.

И когда наконецъ адмиралъ отпустилъ гардемариновъ, они радостно выбѣжали на улицу и оба въ одинъ голосъ сказали, весело смѣясь:

— Глазастый чортъ сегодня штилюетъ!

Когда въ Петербургѣ было получено письмо Корнева, адмиралъ Шримсъ проговорилъ, обращаясь къ своему директору канцеляріи:

— Посмотрите, что пишетъ намъ башибузукъ... Артачится...

И съ тонкой улыбкой умнаго человѣка замѣтилъ:

— И ничего вѣдь не подѣлаешь съ этимъ сумасшедшимъ «брызгасомъ»! Чортъ съ нимъ! Пусть себѣ лучше странствуетъ вдали, а не пристаетъ здѣсь съ разными затѣями... Вѣдь у Корнева вѣчно перецъ подъ хвостомъ! — смѣясь, прибавилъ Шримсъ, зная благоволеніе, какимъ пользуется Корневъ у высокопоставленнаго генералъ-адмирала, и ревнуя къ нему.— Утвердите всѣхъ назначенныхъ имъ командировъ... Пусть они тамъ всѣ бѣснуются со своимъ адмираломъ!

И адмиралъ Шримсъ залился густымъ веселымъ хохотомъ.

Пробило шесть склянокъ.

Адмиралъ пересталъ любоваться моремъ и, надѣвъ фуражку, поднялъ глаза на рангоутъ.

Лейтенантъ Снѣжковъ, слѣдившій за каждымъ шагомъ адмирала, тоже возвелъ очи, чувствуя душевное безпокойство.

— А я на вашемъ мѣстѣ, Владиміръ Андреевичъ, давно бы прибавилъ парусовъ, а то срамъ-съ... мѣшаемъ «Голубчику» нести брамсели!

— Какіе прикажете поставить, ваше превосходительство?— испуганно спросилъ вахтенный лейтенантъ.

— Сами развѣ не знаете-съ?—внезапно закипая, воскликнулъ адмиралъ.—А еще морской офицеръ! Ставьте лиселя съ правой и топселя.

Снѣжковъ засуетился и закомандовалъ.

Суетливость его видимо раздражала безпокойнаго адмирала. Уже заходили скулы и стали подергиваться плечи его превосходительства, но быстро исполненный маневръ постановки парусовъ вернулъ ему прежнее хорошее расположеніе духа.

Корветъ чуть-чуть прибавилъ ходу, и адмиралъ съ самымъ привѣтливымъ видомъ сказалъ, чувствуя потребность ободрить смущеннаго лейтенанта:

— Вотъ видите, любезный другъ, мы на четверть узла и прибавили ходу...

Этотъ «любезный другъ» не привелъ однако лейтенанта Снѣжкова въ радостное настроеніе. И онъ, какъ и другіе, очень хорошо зналъ, что у «безпокойнаго адмирала» вслѣдъ за «любезнымъ другомъ» могъ появиться такой нелюбезный окрикъ, отъ котораго у «тетки Авдотьи» положительно душа уходила въ пятки.

— А что, гардемарины встаютъ?

— Не знаю, ваше превосходительство.

— Да что вы меня титулуете?.. Я самъ знаю, что я его превосходительство... Пошлите-ка будить гардемариновъ... Нечего имъ валяться... Такое прекрасное утро, а они спятъ.

V.

Гроза офицеровъ, «безпокойный адмиралъ» особенно школилъ юнцовъ-гардемариновъ, относительно которыхъ былъ не только требовательнымъ адмираломъ, но, такъ сказать, и гувернеромъ-педагогомъ, заботившимся не объ одной морской выучкѣ, а также о пополненіи общаго образованія, довольно скудно отпущеннаго морякамъ морскимъ корпусомъ.

Нечего и говорить, что шесть гардемариновъ и три штурманскіе кондуктора, бывшіе на флагманскомъ корветѣ, не очень-то были признательны своему надоѣдливому учителю, и, признаться, надоѣлъ онъ имъ таки-порядочно.

И зато какихъ только прозвищъ они ни придумывали адмиралу и какихъ только стиховъ ни сочиняли про него!

Когда адмиралъ спустился съ мостика и заходилъ по шканцамъ, въ открытый люкъ гардемаринской каюты до него доносился веселый говоръ встающихъ молодыхъ людей. И вдругъ чей-то теноркъ запѣлъ:

Не пора-ль разсказать,
Какъ пришлося намъ ждать
Адмирала.

«Про меня!» — подумалъ, усмѣхнувшись, адмиралъ, поворачиваясь отъ люка.

Приблизившись снова къ люку, онъ услыхалъ уже слѣдующій куплетъ:

Всюду тыкалъ свой носъ,
Задавая «разносъ»,
Чортъ глазастый!

«Ишь... чортъ глазастый! Это непремѣнно Ивковъ сочинилъ... Дерзкій мальчишка!» — мысленно говорилъ адмиралъ, чувствовавшій нѣкоторую слабость къ этому «дерзкому мальчишкѣ», котораго онъ ужъ грозилъ разъ повѣсить и разъ разстрѣлять.

— Пожалуйте кофе кушать! — доложилъ, приблизившись, Васька недовольнымъ обиженнымъ тономъ, представляясь, что дуется на барина.

— Хорошо.

Въ гардемаринской каютѣ мгновенно наступила тишина. Чья-то голова высунулась въ люкъ и скрылась.

— Пожалуйте, а то кофе остынетъ. Меня же станете ругать. Опять я останусь виноватымъ,— говорилъ Васька.

— Иду, иду... Не ворчи, каналья.

Адмиралъ отправился въ каюту.

Въ это время на палубѣ показался гардемаринъ Ивковъ.

Адмиралъ обернулся и, увидавъ Ивкова, подозвалъ его.

Тотъ подошелъ и приложилъ руку къ козырьку фуражки.

— Добраго утра, Ивковъ,—проговорилъ адмиралъ, подавая гардемарину руку и весело и ласково поглядывая на него.— Вы чай пили?

— Пилъ, Иванъ Андреевичъ.

Адмиралъ какъ будто былъ недоволенъ, что Ивковъ пилъ чай, и сдѣлалъ гримасу.

— Ну, все равно... Покорнѣйше прошу ко мнѣ кофе пить... Надѣюсь, не откажетесь?—любезно предложилъ адмиралъ.

«Чорта съ два откажешься!» — подумалъ Ивковъ, отлично зная, что просьба адмирала была равносильна приказанію.

Бывали примѣры! Однажды гардемаринъ, обиженный на адмирала, который «разнесъ» его утромъ, отвѣтилъ Васькѣ, явившемуся въ тотъ же день передать адмиральское приглашеніе къ обѣду, что онъ не можетъ быть, — такъ была исторія!

Немедленно гардемарина потребовали наверхъ къ адмиралу.

— Почему вы не можете быть, любезный другъ?—освѣдомился адмиралъ.

Гардемаринъ не могъ придумать удовлетворительнаго объясненія. Сказаться больнымъ было невозможно,—у него былъ предательски-здоровый видъ. И онъ угрюмо молчалъ.

— Быть-можетъ, не расположены?—предложилъ коварный вопросъ адмиралъ, уже начинавшій ёрзать плечами.

— Не расположенъ,—отвѣчалъ гардемаринъ.

Адмиралъ тотчасъ же вспыхнулъ:

— Не расположены-съ!? Онъ не расположенъ! Да какъ вы смѣете быть не расположены идти обѣдать къ адмиралу, а?.. Вы полагаете, что мнѣ очень пріятно видѣть такого невѣжу у себя за столомъ, и я поэтому васъ пригласилъ??.. Скажите, пожалуйста!.. Я васъ зову обѣдать по службѣ, и вы не смѣете отказываться! Поняли? Къ шести часамъ быть къ обѣду! — рѣзко оборвалъ адмиралъ.

Послѣ такого, не особенно любезнаго, служебнаго характера приглашенія, пришлось, разумѣется, явиться къ обѣду, иначе—того и гляди—безпокойный адмиралъ приказалъ бы силою привести смѣльчака, который вздумалъ бы упорствовать въ отказѣ.

Къ тому же адмиралъ любилъ за обѣдомъ знакомиться, такъ сказать, болѣе интимно съ подчиненными, любилъ го-

стей у себя за столомъ и былъ гостепріимнымъ и радушнымъ хозяиномъ, пока не становился бѣшенымъ адмираломъ. Каждый день у него, кромѣ штабныхъ—флагъ-капитана и флагъ-офицера—да командира, обѣдали вахтенный офицеръ, вахтенный гардемаринъ, стоявшіе на вахтѣ съ четырехъ до восьми часовъ утра, и, по очереди, старшій офицеръ, штурманъ, механикъ, артиллеристъ и докторъ.

Недавняя исторія съ Лукьяновымъ быстро пронеслась въ головѣ Ивкова.

И онъ, поблагодаривъ за приглашеніе и мысленно проклиная его, не особенно веселый, съ понуреннымъ видомъ влопавшагося человѣка, вошелъ, вслѣдъ за адмираломъ, въ его пріемную и вмѣстѣ столовую.

Это была огромная, роскошная, полная свѣта каюта, отдѣланная щитами изъ краснаго дерева, съ небольшимъ балкономъ за кормой, въ раскрытыя двери котораго, словно въ рамкѣ, виднѣлся океанъ и голубое высокое небо. Коверъ во всю каюту, диванъ вокругъ стѣнъ, мягкая мебель, качалки, библіотечный шкапъ и большой столъ посрединѣ — все это было роскошно и солидно. Двери по бокамъ вели въ кабинетъ, спальню, уборную и ванную этого комфортабельнаго адмиральскаго помѣщенія.

— Эй, Васька! Еще чашку!—крикнулъ адмиралъ, подходя къ небольшому столу въ глубинѣ каюты, у дивана, накрытому бѣлоснѣжной скатертью.—Садитесь, любезный другъ,—обратился онъ къ Ивкову, опускаясь на диванъ.

На столѣ аппетитно красовались свѣжія, только-что испеченныя вкусныя булки и сухари, тарелочки съ ломтиками холодной ветчины и языка, сыръ, масло и банка съ консервованными сливками.

Васька подалъ двѣ большія чашки горячаго кофе; адмиралъ самъ положилъ въ обѣ чашки сливокъ, размѣшалъ и, подавая одну чашку Ивкову, промолвилъ:

— Кофе Васька хорошо варитъ...

Онъ принялся за кофе, заѣдая его бутербродами. Видъ вкусныхъ яствъ соблазнилъ и гардемарина, хотя онъ и пилъ только-что чай.

— Кушайте, кушайте на здоровье, Ивковъ... Быть-можетъ, вы любите печенье... Эй, Васька! Подай намъ печенья!..

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Адмиралъ кончилъ свою чашку и приказалъ Васькѣ подать Ивкову другую.

— Благодарю, Иванъ Андреевичъ, я больше не хочу.

— Выпейте... Вѣдь вы у себя такого кофе не пьете...

— Мы чай пьемъ.

— То-то и есть. Васька, налей!

— Я, право, не хочу болѣе, Иванъ Андреевичъ. Разрѣшите не пить?—спросилъ, улыбаясь, Ивковъ.

— Ну, какъ хотите. Васька, не наливай и убери со стола!

Адмиралъ вынулъ портсигаръ и протянулъ его Ивкову.

Гардемаринъ, давно уже пробавлявшійся манилками и изрѣдка позволявшій себѣ полакомиться папиросками, покупая ихъ за баснословно-дорогую цѣну у Васьки (онъ запасся табакомъ и дѣлалъ хорошій гешефтъ, продавая ихъ офицерамъ), разумѣется, не отказался и закурилъ отличную душистую адмиральскую папироску, съ наслажденіемъ затягиваясь. Закурилъ и адмиралъ.

Попыхивая дымкомъ, онъ уставилъ на Ивкова свои кроткіе, слегка задумчивые теперь глаза и мягко и ласково проговорилъ:

— Смотрю я на васъ, Ивковъ, и вспоминаю свою молодость, вспоминаю вашего батюшку и вашего покойнаго брата. Онъ вѣдь мой лучшій другъ былъ... съ корпуса дружили... Прекрасный морской офицеръ былъ вашъ братъ... Его и Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ цѣнилъ, а Владиміръ Алексѣевичъ не ошибался никогда. И батюшка вашъ въ свое время славился какъ лихой адмиралъ. Крутенекъ только былъ. Мы, тогда мичмана, боялись его, какъ огня.

Въ небольшихъ, бойкихъ и живыхъ карихъ глазахъ Ивкова блеснула улыбка.

«И ты тоже бѣшеный. И тебя, братъ, боятся!» — подумалъ онъ.

— А васъ, Петя, я вотъ какимъ маленькимъ зналъ!— прибавилъ нѣжнымъ тономъ «безпокойный адмиралъ», хорошо знавшій всю семью Ивкова.

Это фамильярное «Петя» и этотъ ласковый, интимный тонъ, повидимому, были не особенно пріятны гардемарину, и онъ не только не былъ этимъ тронутъ, но счелъ долгомъ принять необыкновенно серьезный и строгій видъ. «Не размазывай, дескать!»

Совсѣмъ еще юный, почитывавшій умныя книжки и исповѣдывавшій самыя крайнія мнѣнія, онъ мечталъ, по возвращеніи въ Россію, «наплевать» на службу и «служить» народу—какъ, онъ и самъ хорошенько не зналъ. Нечего и говорить, что онъ старался держать себя подальше отъ адмирала и его любезностей и часто въ каютъ-компаніи и въ кругу товарищей-гардемариновъ зло подсмѣивался надъ адмираломъ, отлично подмѣчая недостатки, слабости и смѣшныя его стороны, и еще болѣе надъ тѣми «трусами» и «льстс-

цами», которые выслушиваютъ его дерзости и лебезятъ предъ нимъ, и изливалъ немало гражданскихъ чувствъ и остроумія въ своихъ стихотвореніяхъ на адмирала. Пользоваться чьей-нибудь протекціей онъ, конечно, считалъ унизительнымъ, злился, когда ему говорили, что Корневъ его «выведетъ», и бывалъ въ восторгѣ, когда выводилъ адмирала изъ себя до того, что тотъ грозился его повѣсить на нока-реѣ, во что Ивковъ ни на секунду не вѣрилъ. Живой и увлекающійся, задорный, нетерпимый и нѣсколько прямолинейный, онъ настраивалъ себя враждебно къ адмиралу уже по тому одному, что тотъ былъ «начальство», да еще «отчаянный деспотъ», не понимающій, что всѣ люди равны, и отдавшійся весь исключительно морскому дѣлу, тогда какъ есть дѣла поважнѣе.

И Ивковъ, признавая въ адмиралѣ лихого моряка, все-таки относился къ нему неодобрительно, слишкомъ юный, чтобы простить ему его недостатки, оцѣнить его достоинства и вообще понять всю эту сложную и оригинальную натуру.

Только впослѣдствіи, когда онъ побольше повидалъ людей и когда жизнь его помяла, онъ многое простилъ «безпокойному адмиралу» и понялъ его.

Адмиралъ не замѣчалъ этой серьезности Ивкова и продолжалъ:

— И тогда вы были отчаянный мальчишка. Однажды вы со мной продѣлали злую-таки шутку... Помните?

— Не помню, ваше превосходительство.

Ивковъ нарочно протитуловалъ.

— А я такъ хорошо помню... Пришелъ какъ-то вечеромъ я къ вамъ... Цѣлый день былъ на вооруженіи и усталъ... Сестра ваша, Любовь Алексѣевна, пѣла... Я слушалъ и задремалъ... И вдругъ вокругъ меня смѣхъ... Я проснулся, и что же?.. На головѣ у меня киверъ. Это вы тогда надѣли...

И адмиралъ разсмѣялся.

Помолчавъ, онъ неожиданно прибавилъ:

— А теперь я глазастый чортъ? А?.. Это вѣдь вы все стихи пишете про своего адмирала?..

— Я, ваше превосходительство...

— Очень хотѣлъ бы прочесть... Давеча я слышалъ только два куплета... А ихъ, вѣрно, много?

— Много...

— Такъ принесите... Любопытно, какъ вы меня браните... Очень любопытно...

— Вамъ мои стихи не понравятся, ваше превосходительство...

— Это ужъ мое дѣло.

— Что-жъ, я принесу!—задорно отвѣчалъ Ивковъ, словно бы говоря:—«я тебя не боюсь!»

— Ну, а теперь я васъ попрошу, любезный другъ, перевести нѣсколько страницъ лоціи Кергалета... Книга у меня въ кабинетѣ... возьмите, а то вы все будете вздоромъ заниматься... стихи писать... Да скажите гардемаринамъ, чтобы всѣ пришли ко мнѣ въ десять часовъ... читать будемъ!.. И знаете ли что, Ивковъ?... Вѣдь я очень люблю васъ и хотѣлъ бы изъ васъ браваго моряка сдѣлать, да и всѣхъ вашихъ товарищей люблю, а вы всѣ ничего не понимаете... Думаете: адмиралъ сумасшедшій, школитъ васъ такъ, чтобъ дошечь?.. Ну, да послѣ поймете, когда умнѣе станете!—какимъ-то пророческимъ тономъ проговорилъ адмиралъ.

И съ этими словами вышелъ изъ каюты.

VI.

Тотчасъ же послѣ подъема флага и обычныхъ утреннихъ рапортовъ о благополучіи корвета во всѣхъ отношеніяхъ, господа офицеры, собравшіеся къ подъему флага на шканцахъ, торопливо спустились въ каютъ-компанію, вполнѣ удовлетворенные сегодня внѣшнимъ видомъ адмирала. Казалось, онъ находился въ отличномъ расположеніи духа—глаза не метали молній, плечи не ёрзали и руки не сжимались въ кулаки, словомъ, по всѣмъ признакамъ, ничто не предвѣщало «шторма» и общихъ «разносовъ», начинавшихся обыкновенно краткимъ, далеко не краснорѣчивымъ, хотя и энергичнымъ по тону предисловіемъ о томъ, какъ завѣщали служить такіе доблестные моряки, какъ Лазаревъ, Корниловъ и Нахимовъ.

— А вы, господа, какъ служите-съ?

Этотъ вопросъ былъ, такъ сказать, штормовымъ предвѣстникомъ. Затѣмъ начинался самый «штормъ», доходившій иногда до степени «урагана», если вспыльчивый гнѣвъ адмирала поднимался до высшаго предѣла, когда у Снѣжкова начинало болѣть подъ ложечкой, а у нѣкоторыхъ дрожали поджилки и замирали сердца.

Не лишено было благопріятнаго значенія и то обстоятельство, что сегодня на вахтѣ Владиміра Андреевича ему ни разу не «попало». Недаромъ же онъ былъ веселъ послѣ вахты, не имѣлъ черезчуръ ошалѣлаго вида и не безъ нѣкоторой хвастливости разсказывалъ въ каютъ-компаніи о любезности и привѣтливости адмирала, хотя подлецъ Васька и раздражилъ его, долго не подавая горячей воды для бритья.

— А я ужъ, признаться, было-струсилъ. Думалъ, выйдетъ онъ сердитый и разнесетъ за что-нибудь вдребезги,—говорилъ

съ добродушной откровенностью Снѣжковъ, намазывая масломъ ломоть бѣлаго хлѣба.

— Нервы у васъ, Владиміръ Андреичъ, того... слабы, хоть, кажется, Богъ васъ здоровьемъ не обидѣлъ... Ишь вѣдь разнесло васъ какъ,—замѣтилъ худой и поджарый, маленькій лейтенантъ Николаевъ.—Кажется, пора бы привыкнуть... Шесть мѣсяцевъ мыкаемся съ безпокойнымъ адмираломъ.

— То-то нервы, должно-быть...

— Я вотъ привыкъ,—продолжалъ маленькій лейтенантъ съ черными усами и бакенбардами:—и отношусь философски. Пусть себѣ оретъ, какъ бѣшеный. Пооретъ и перестанетъ.

— Это вы правильно разсуждаете,—вставилъ пожилой бѣлобрысый докторъ, невозмутимый флегматикъ, котораго, повидимому, ничто никогда не трогало, не удивляло и не возмущало.—Изъ-за чего разстраивать себѣ нервы и лишать себя хорошаго расположенія духа?.. Изъ-за того, что у насъ адмиралъ безпокойный сангвиникъ?.. Не стоитъ...

— Вамъ, батенька, хорошо разсуждать... Вы, какъ докторъ, стоите въ сторонѣ... Вамъ что? Вамъ только завидовать можно!—не безъ досады промолвилъ Снѣжковъ.—А будь вы въ нашей шкурѣ...

— Остался бы такимъ же философомъ, повѣрьте, господа!—насмѣшливо бросилъ съ конца стола черноволосый юный мичманъ Леонтьевъ, съ нервнымъ лицомъ, бойкими глазами и приподнятой верхней губой, что придавало его лицу саркастическое, слегка надменное выраженіе.

— Конечно, остался бы!—хладнокровно промолвилъ докторъ.

— И кушали бы адмиральскую ругань?—задорно допрашивалъ мичманъ.

— И кушалъ бы...

— Похвальная философія... очень похвальная... Вообще у насъ, господа, слишкомъ много философіи, терпѣнія и покорности. Вотъ эта самая философія и плодитъ такихъ самодуровъ, какъ нашъ адмиралъ.

— Ишь какой вы прыткій пѣтушокъ! Скоро, батенька, упрыгаетесь!—снисходительно замѣтилъ докторъ.

Но еще не «упрыгавшійся» мичманъ не обратилъ на эти слова ни малѣйшаго вниманія и, закипая, по обыкновенію, необыкновенно быстро, продолжалъ:

— Я еще удивляюсь нашему башибузуку. Право, удивляюсь. Онъ еще мало ругается и мало разноситъ... Онъ еще церемонится...

— По-вашему, мало?—простодушно удивился Снѣжковъ.

— Разумѣется, мало. Будь я на мѣстѣ адмирала да имѣй дѣло съ такими философами долготерпѣнія...

— Что-жъ бы съ ними сдѣлали? Любопытно узнать, Сергѣй Александровичъ,—иронически спросилъ маленькій лейтенантъ.

— Я бы еще не такъ ругалъ ихъ... Каждый день унижалъ бы ихъ человѣческое достоинство, третировалъ бы ихъ какъ лакеевъ... однимъ словомъ... былъ бы въ родѣ Ивана Грознаго!—рѣшительно объявилъ мичманъ.

— Это съ вашимъ-то радикализмомъ?

— Именно съ моимъ радикализмомъ...

— Зачѣмъ же такая свирѣпость, неистовый Сереженька?—спросилъ недоумѣвающій его товарищъ.

— А затѣмъ, чтобы дождаться, когда наконецъ лопнетъ терпѣніе и пробудится человѣческое достоинство у терпѣливыхъ философовъ и мнѣ дадутъ въ морду!—не безъ пафоса выпалилъ мичманъ.

Въ каютъ-компаніи раздался смѣхъ. Столь рѣшительный образъ дѣйствій миѳическаго адмирала ради подъема цивическихъ чувствъ у подчиненныхъ казался черезчуръ самоотверженнымъ... Вѣдь выпалитъ всегда что-нибудь невозможное этотъ Леонтьевъ!

Старшій офицеръ поторопился выйти изъ своей каюты. Онъ увидалъ по возбужденному лицу юнаго мичмана, что рѣчи его могутъ принять еще болѣе острый характеръ, и поспѣшилъ дать имъ другое направленіе.

А Владиміръ Андреевичъ, взглянувъ на открытый люкъ и замѣтивъ мелькнувшія ноги адмирала, испуганно шепнулъ, присаживаясь къ Леонтьеву:

— Адмиралъ наверху, а люкъ-то открытъ... Онъ, не дай Богъ, слышалъ, какъ вы проповѣдывали... Эхъ, Сергѣй Александрычъ, не пѣтушитесь вы лучше!

— И пусть слышитъ! — нарочно громко отвѣчалъ Леонтьевъ. — Онъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы не понимать, что мы сами же создаемъ изъ него...

— Не пора ли, господа, прекратить этотъ разговоръ. Мы, кажется, на военномъ суднѣ!—внушительно остановилъ Леонтьева старшій офицеръ—столько же по чувству соблюденія дисциплины, сколько изъ желанія оберечь молодого мичмана, къ которому онъ чувствовалъ нѣкоторую слабость, несмотря на его подчасъ рѣзкія выходки и горячую пропаганду идей, не совсѣмъ согласныхъ съ морскимъ уставомъ и строгой морской дисциплиной.

Въ немъ, въ этомъ горяченькомъ юнцѣ, вступавшемъ въ жизнь съ самыми свѣтлыми надеждами вскормленника шестидесятыхъ годовъ и полномъ негодованія ко всему, что̀ казалось ему несоотвѣтствующимъ его идеаламъ,—Михаилъ Петро-

вичъ словно видѣлъ отраженіе самого себя въ пору ранней молодости, когда и онъ, несмотря на суровое время начала пятидесятыхъ годовъ, волновался, увлекался, негодовалъ и интересовался не одною службой, какъ теперь.

Наступило неловкое молчаніе. Необыкновенно тактичный и любимый офицерами старшій офицеръ очень рѣдко обрывалъ такъ рѣзко, какъ сегодня.

Леонтьевъ тотчасъ же смолкъ, сохраняя однако на лицѣ вызывающій видъ, точно онъ въ самомъ дѣлѣ былъ тираномъ-адмираломъ...

А Снѣжковъ не ошибся.

До ушей адмирала дѣйствительно донеслась негодующая тирада мичмана, оракула молодыхъ товарищей и гардемариновъ.

VII.

Юные гардемарины, считавшіе себя обиженными судьбою за то, что плаваютъ на флагманскомъ корветѣ, всегда на глазахъ у адмирала, были нѣсколько удручены вслѣдствіе переданнаго имъ Ивковымъ приказанія адмирала собраться у него въ каютѣ къ десяти часамъ.

Нечего сказать, пріятно!

Опять этотъ «Ванька-антихристъ» (и такой кличкой окрестило адмирала гардемаринское остроуміе!) станетъ донимать чтеніемъ. Заставитъ слушать какую-нибудь историческую книгу (чаще всего Шлоссера), или біографію Нельсона и описаніе его сраженій, или журнальную статью «Современника» или «Русскаго Слова», почему-либо ему понравившуюся, и начнетъ послѣ бесѣдовать о прочитанномъ и экзаменовать, точно школьниковъ, чортъ его побери!

А то вдругъ примется декламировать Пушкина, Лермонтова или Кольцова. Слушай его и не смѣй засмѣяться, когда онъ войдетъ въ азартъ и гаркнетъ: «Раззудись плечо, размахнись рука!» и взмахнетъ своей широкой мясистой рукой съ короткими пальцами.

А главное—нельзя было предвидѣть, чѣмъ окончатся эти чтенія. Случалось, что послѣ самыхъ, повидимому, мирныхъ занятій литературой адмиралъ внезапно переходилъ «на военное положеніе», разносилъ и посылалъ на салингъ.

Одна только хорошая сторона была, по мнѣнію господъ гардемариновъ и кондукторовъ, въ этихъ чтеніяхъ и собесѣдованіяхъ. «Глазастый дьяволъ», при всѣхъ своихъ допеканіяхъ гардемариновъ, не былъ «копчинкой» *). Если чтенія бывали

*) «Копчина» на языкѣ кадетовъ значитъ «скупой».

по вечерамъ, то къ чаю подавалось въ обильномъ количествѣ англійское печенье и разныя вкусныя булочки, поѣдаемыя молодыми людьми съ такой стремительностью, что Васька, адмиральскій лакей, съ неудовольствіемъ исполнялъ приказаніе адмирала «подать ещё». Но не столь пріятны были эти угощенія, какъ большая коробка папиросъ, которая ставилась на столѣ и во время вечернихъ и во время утреннихъ чтеній. Кури на даровщинку, да еще отличныя русскія папиросы, и сколько хочешь.

Разумѣется, гардемарины, давно пробавлявшіеся «мапилками», широко пользовались правомъ насладиться душистымъ табачкомъ (у «глазастаго» его много!) и курили, не переставая, папироску за папироской, словно намѣреваясь накуриться на цѣлыя сутки по крайней мѣрѣ. Послѣ каждаго чтенія въ большой коробкѣ оставался лишь десятокъ-другой папиросъ, такъ-называемыхъ «стыдливыхъ», что̀ приводило Ваську въ несравненно большее озлобленіе, чѣмъ уничтоженіе печеній. Онъ считалъ себя, и не безъ нѣкотораго основанія, положительно ограбленнымъ гардемаринами, такъ какъ они лишали его возможности красть адмиральскій табакъ въ неограниченномъ количествѣ и вести торговлю папиросами, продавая ихъ по баснословно-высокой цѣнѣ, въ болѣе широкихъ размѣрахъ. И Васька не разъ докладывалъ адмиралу, что не хватитъ запаса табаку, ежели адмиралъ будетъ угощать ими цѣлую ораву гардемариновъ, но каждый разъ адмиралъ посылалъ Ваську къ чорту и говорилъ, что запасъ такъ великъ, что долженъ хватить.

— А ежели не хватитъ, значитъ, ты крадешь, каналья! — прибавлялъ адмиралъ.

— Очень мнѣ нуженъ вашъ табакъ, — отвѣчалъ обыкновенно Васька, дѣлая обиженную физіономію. — Я и самъ имѣю запасъ, слава Богу... Мнѣ вашего не надо.

— То-то, оставь только меня безъ папиросъ!—значительно произносилъ адмиралъ.

Пока въ гардемаринской небольшой каютѣ, въ которой помѣщалось девять человѣкъ, шли толки о томъ, какимъ чтеніемъ дойметъ сегодня адмиралъ и не огорошитъ ли онъ приказаніемъ перевести какую-нибудь англійскую статейку,—гардемаринъ Ивковъ перебиралъ плоды своей музы, воспѣвавшей адмирала, и, выбравъ изъ многочисленныхъ стихотвореній два болѣе или менѣе цензурныхъ, рѣшилъ, согласно обѣщанію, показать ихъ сегодня адмиралу. — «Пусть не думаетъ, что я испугался. Пусть прочтетъ».

Адмиралъ не уходилъ въ каюту, а разгуливалъ себѣ по

правой (почетной) сторонѣ шканецъ, къ крайнему неудовольствію рыжаго мичмана Щеглова, вступившаго на вахту съ восьми часовъ,—того самаго коварнаго мичмана, который до послѣдняго времени былъ чичероне и переводчикомъ у Владиміра Андреевича Снѣжкова и поступилъ такъ безсовѣстно послѣ обѣда съ англичанкой, потерпѣвшей кораблекрушеніе.

Тутъ же на мостикѣ стоялъ и командиръ «Рѣзваго», капитанъ второго ранга Николай Аѳанасьевичъ Вершининъ, представительный и высокій брюнетъ лѣтъ сорока, съ красивымъ и румянымъ, добродушнымъ и нѣсколько истасканнымъ лицомъ, посматривая на адмирала съ тою скрытой непріязнью, какую почти всегда питаютъ командиры судовъ къ флагманамъ, сидящимъ у нихъ на судахъ. А этотъ флагманъ былъ еще такой безпокойный!

Выждавъ нѣсколько минутъ въ ожиданіи, не будетъ ли на нынѣшній день какихъ-нибудь особенныхъ приказаній, Николай Аѳанасьевичъ наконецъ спустился внизъ, къ себѣ въ каюту, и, приказавъ своему вѣстовому подавать чай, опустился на диванъ съ видомъ человѣка, не особенно довольнаго своей судьбой, и разлегся въ лѣнивой позѣ.

Это былъ хорошій морякъ, знающій свое дѣло, смѣлый и находчивый въ критическія минуты, но лѣнивый, безпечный и «слабый» капитанъ, не пользовавшійся большимъ авторитетомъ у матросовъ и офицеровъ и нѣсколько распустившій послѣднихъ. Онъ не заботился о корветѣ, предоставивъ все бремя работъ старшему офицеру, и командовалъ судномъ, что̀ называется, спустя рукава. Наверху онъ показывался рѣдко и бо̀льшую часть времени лежалъ у себя на диванѣ съ книгой въ рукахъ, и только когда въ морѣ свѣжѣло и начинался штормъ, Вершининъ сбрасывалъ свою лѣнь и по цѣлымъ часамъ выстаивалъ на мостикѣ, спокойный, зоркій и внимательный. Проходила опасность, и онъ снова скрывался къ себѣ въ каюту или заходилъ въ каютъ-компанію поболтать съ офицерами. Большой жуиръ, онъ очень любилъ долгія стоянки въ портахъ, особенно въ такихъ, гдѣ можно было найти много развлеченій и, главное, хорошенькихъ женщинъ—и въ такихъ портахъ все время проводилъ на берегу, почти не заглядывая на корветъ, зная, что тамъ неотлучно находится старшій офицеръ Михаилъ Петровичъ. На берегу Вершининъ кутилъ, и объ его грандіозныхъ кутежахъ и похожденіяхъ ходили цѣлыя легенды, не всегда соотвѣтствовавшія достоинству командира русскаго военнаго судна. Зато цѣлый цвѣтникъ хорошенькихъ женщинъ разныхъ національностей оплакивалъ отъѣздъ такого веселаго и щедраго русскаго капитана и въ Шер-

бургѣ, и въ Лиссабонѣ, и въ Ріо-Жанейро, и въ Капгаунѣ, и въ Батавіи, и въ Сингапурѣ, и въ Гонконгѣ. Довольны были заходами въ порты и долгими стоянками, конечно, и офицеры, а высшее морское начальство удовлетворялось рапортами Вершинина, объяснявшаго свои заходы и долгія стоянки то безотложностью починокъ, то необходимостью дать «освѣжиться», какъ выражаются моряки, командѣ послѣ бурнаго перехода. И потому въ рапортахъ Вершинина переходы всегда сопровождались штормами.

Веселый, мягкій и добродушный сибаритъ, Вершининъ не былъ особенно разборчивъ въ средствахъ для удовлетворенія потребностей своей широкой барской натуры, и такъ какъ жалованья ему не хватало, то онъ съ легкомысліемъ слабаго, неустойчиваго человѣка подписывалъ сомнительные счета поставщиковъ и не брезговалъ разными «экономіями».

Нечего и говорить, что съ прибытіемъ адмирала, да еще такого безпокойнаго, какъ Корневъ, окончились «веселые дни Аранхуэца». Приходилось Николаю Аѳанасьевичу подтянуться, держать ухо востро и не смотрѣть на каждый портъ, какъ на Капую. Приходилось болѣе заниматься службой, быть дѣятельнымъ капитаномъ и выслушивать адмиральскіе выговоры.

И адмиралъ и капитанъ, какъ двѣ совершенно разныя натуры, далеко не симпатизировали другъ другу... Только общая имъ обоимъ «морская жилка» нѣсколько примиряла ихъ. Тѣмъ не менѣе адмиралъ не разъ уже подумывалъ, какъ бы подъ благовиднымъ предлогомъ «сплавить» Вершинина, а Николай Аѳанасьевичъ, въ свою очередь, нерѣдко мечталъ о той счастливой минутѣ, когда безпокойный адмиралъ пересядетъ на одно изъ другихъ судовъ эскадры и хоть на нѣкоторое время дастъ вздохнуть.

VIII.

Не прошло и четверти часа, какъ капитанъ благодушествовалъ за чаемъ, закусывая бутербродами съ тонкими ломтиками ветчины, какъ въ капитанскую каюту влетѣлъ вахтенный унтеръ-офицеръ и доложилъ:

— Вашескобродіе! Адмиралъ приказали въ дрейфу ложиться!

«И чаю не дастъ напиться какъ слѣдуетъ! И съ чего это ему вздумалось вдругъ ложиться въ дрейфъ?»—недоумѣвалъ Вершининъ и, недовольный, что его оторвали отъ чая, торопливо вышелъ наверхъ, застегивая на ходу нижнія пуговицы бѣлоснѣжнаго жилета, и поднялся на мостикъ.

— Зачѣмъ это въ дрейфъ? — тихо спросилъ онъ мичмана Щеглова.

— Не знаю, Николай Аѳанасьичъ.

На крюйсъ-брамъ-стеньгѣ уже развѣвались позывные «Голубчика», и вслѣдъ затѣмъ взвились свернутые маленькіе комочки и, поднятые до верха мачты, ловкимъ движеніемъ руки сигнальщика развернулись пестрыми флагами, обозначавшими сигналъ: «лечь въ дрейфъ».

Въ ту же секунду вахтенный мичманъ крикнулъ: «свистать всѣхъ наверхъ!» Черезъ минуту вся команда была наверху, и старшій офицеръ взбѣгалъ на мостикъ.

И какъ только сигналъ былъ спущенъ, на корветѣ и на клиперѣ одновременно началось исполненіе маневра: убраны лишніе паруса, форъ-марселя поставлены противъ вѣтра, а гротъ-марселя по вѣтру, и минутъ черезъ восемь оба судна остановились, почти неподвижныя, покачиваясь на океанской зыби, въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга.

Адмиралъ стоялъ на полуютѣ, посматривая въ бинокль на «Голубчика». Невдалекѣ отъ адмирала находился флагъ-капитанъ Аркадій Дмитріевичъ, какъ всегда — чистенькій, прилизанный и прифранченный, въ своей адъютантской формѣ, но душившійся послѣ Санъ-Франциско уже не опопонаксомъ, а пачули, которыя пока не вызывали еще неудовольствія адмирала. У мачты, около сигнальныхъ книгъ, разложенныхъ на люкѣ, и вблизи двухъ сигнальщиковъ, бывшихъ у сигнальныхъ флаговъ, стоялъ, не спуская быстрыхъ бѣгающихъ глазъ съ адмирала, его флагъ-офицеръ, мичманъ Вербицкій, шустрый и бойкій молодой человѣкъ, отлично приспособившійся къ характеру безпокойнаго адмирала и всегда горѣвшій, казалось, необыкновеннымъ усердіемъ. Его неглупое, озабоченное и серьезное въ эту минуту лицо замерло въ томъ служебно-восторженномъ выраженіи, которое словно бы говорило, что флагъ-офицеръ готовъ распластаться ради службы и своего адмирала.

И адмиралъ благоволилъ къ Вербицкому,—что не мѣшало, конечно, разносить своего флагъ-офицера чаще, чѣмъ когонибудь другого, благо онъ былъ всегда подъ рукой, — относился къ нему съ чисто-отеческой нѣжностью и не предвидѣлъ, конечно, какой черной неблагодарностью отплатитъ ему этотъ шустрый молодой человѣкъ впослѣдствіи.

— Аркадій Дмитричъ! Прикажите поднять сигналъ, что мичманъ Петровъ съ «Голубчика» переводится на «Рѣзвый».

— Гдѣ, ваше превосходительство, состоится переводъ—въ Нагасаки?

— Кто вамъ сказалъ, что въ Нагасаки?—рѣзко крикнулъ адмиралъ, раздраженный этимъ, по его мнѣнію, дурацкимъ вопросомъ, и уставилъ на «придворнаго суслика» свои круглые

глаза, выраженіе которыхъ, казалось, говорило: «И какой же ты, братецъ, дуракъ!»

— Я полагалъ, ваше превосходительство...

— А вы не полагайте-съ!.. Переводъ состоится здѣсь же, сейчасъ... Пусть Петровъ переберется черезъ полчаса...

— Слушаю, ваше превосходительство, — отвѣчалъ флагъ-капитанъ, изумленный этимъ неслыханнымъ переводомъ съ одного судна на другое среди океана.

«Положительно сумасшедшій!» — рѣшилъ «придворный сусликъ» и медленно, слегка изгибаясь туловищемъ, направился къ флагъ-офицеру передавать адмиральское приказаніе.

Эта тихая походка, совсѣмъ непохожая на ту быструю и торопливую, почти бѣгомъ, какой обыкновенно ходятъ моряки, исполняя служебныя порученія,—мгновенно озлила «безпокойнаго адмирала» и, такъ сказать, переполнила чашу его нерасположенія къ флагъ-капитану. Вся его вылощенная, прилизанная худощавая фигура показалась ему до-нельзя оскорбляющей его морской глазъ и понятіе о бравомъ морякѣ.

— Этакая...

Онъ однако благоразумно воздержался отъ произнесенія весьма нелестнаго эпитета женскаго рода и крикнулъ, точно ужаленный:

— Аркадій Дмитричъ! На военныхъ судахъ не ползутъ, какъ черепахи-съ, а бѣгаютъ-съ!..

Флагъ-капитанъ рванулся, точно лошадь, получившая шенкеля.

Распоряженіе адмирала удивило и капитана и всѣхъ офицеровъ, не плававшихъ раньше съ нимъ.

И Николай Аѳанасьевичъ, оторванный отъ чая и бутербродовъ, сердито недоумѣвалъ, къ чему это на «Рѣзвый» назначаютъ еще офицера, когда ихъ и такъ довольно?

Старшій офицеръ скоро разрѣшилъ его недоумѣніе.

— Отъ насъ кого-нибудь переведутъ... Онъ, вѣрно, не рѣшилъ еще—кого... Смотрите—думаетъ!—проговорилъ Михаилъ Петровичъ, оглядываясь на адмирала.

Дѣйствительно адмиралъ ходилъ по юту въ какомъ-то раздумьѣ.

Наконецъ, видимо рѣшивши вопросъ, онъ подозвалъ капитана и сказалъ:

— Лейтенантъ Николаевъ переводится на «Голубчикъ»... Потрудитесь приказать ему черезъ полчаса собрать всѣ свои вещи и быть готовымъ уѣхать на баркасѣ, который придетъ съ «Голубчика».

— Есть!—отвѣчалъ капитанъ.

— Да, пока мы лежимъ въ дрейфѣ, пусть команда выкупается въ океанѣ!—прибавилъ адмиралъ.—Вербицкій! Сдѣлайте сигналъ: командѣ «Голубчика» купаться!

Когда маленькій лейтенантъ съ черными усами узналъ о своемъ переводѣ, онъ, несмотря на всю свою философію и увѣренія, что привыкъ къ адмиральскимъ разносамъ, былъ весьма непріятно изумленъ и мысленно изругалъ адмирала, совсѣмъ не сообразуясь съ правилами морской дисциплины.

Еще бы! Вмѣсто пріятной надежды на Сидней и Мельбурнъ со всѣми ихъ удовольствіями—иди въ Новую Каледонію... Ахъ, глазастый чортъ! А главное, вѣдь онъ второй годъ плаваетъ на «Рѣзвомъ». Привыкъ и къ доброму графу Монте-Кристо, какъ называли на «Рѣзвомъ» подчасъ капитана Николая Аѳанасьевича, и къ славному старшему офицеру, и къ сослуживцамъ, и къ каютѣ, и къ «Ворсунькѣ», своему вѣстовому... И вдругъ... Но сердись не сердись, а надо поскорѣй собираться.

И морякъ, котораго судьба была такъ круто измѣнена «безпокойнымъ адмираломъ», побѣжалъ внизъ, въ свою каюту, въ которой обжился и гдѣ все было такъ удобно прилажено и убрано, и сталъ съ помощью своего вѣстового Ворсуньки укладываться съ тою быстротой и стремительностью, съ какими собираютъ свои пожитки люди, застигнутые пожаромъ. Сапоги летѣли къ японской вазѣ, мундиръ къ сапожнымъ щеткамъ и многочисленныя фотографіи хорошенькой пухлой блондинки (не то невѣсты, не то кузины — это былъ секретъ лейтенанта) — къ грязному бѣлью... Разбирать было нечего. Поневолѣ приходилось профанировать святыя чувства («прости, Нюточка!»)... Всего полчаса времени («ахъ, проклятый брызгазъ!»). Надо еще покончить кое-какія дѣлишки: получить у ревизора жалованье за мѣсяцъ и остатокъ порціонныхъ, отдать старшему артиллеристу сорокъ долларовъ долгу и получить—хотя и сомнительно, что сейчасъ получишь—десять долларовъ съ одного гардемарина... Надо наконецъ проститься съ товарищами.

— Вали, вали, Ворсунька!..

— Боязная штучка, ваше благородіе,—говорилъ вѣстовой, не зная, куда дѣть изящный вѣеръ изъ перьевъ, которымъ «Нюточкѣ» предстояло обмахиваться въ кронштадтскомъ собраніи.

— Заверни въ бумагу или... куда, въ самомъ дѣлѣ, положить?.. Клади въ треуголку...

— Какъ бы не повредить штучку... Штучка нѣжная, ваше благородіе.

— Такъ заверни, Ворсунька, въ одѣяло... Жаль мнѣ, братъ, что я съ тобой разстаюсь...

— И мнѣ жалко, ваше благородіе... Слава Богу, жили съ вами хорошо. Обиды отъ васъ не видалъ...

— И ты мнѣ служилъ хорошо... Вотъ возьми себѣ этотъ пиджакъ... и сапоги старые бери... Ахъ, Ванька-антихристъ! Ахъ, чортова перечница!

— Премного благодарны, ваше благородіе! — проговорилъ вѣстовой и подумалъ: «Ишь какъ онъ отчесываетъ адмирала!»

— Счастливецъ вы, Василій Васильевичъ, — проговорилъ Снѣжковъ, останавливаясь у порога каюты.

— Покорно благодарю, хорошо счастье! Вы вотъ всѣ пойдете въ Австралію, а я...

— Такъ зато подумайте: вѣдь не будете адмирала видѣть... За одно это я охотно пожертвую всякими Австраліями... Ей-Богу...

— Вамъ надо, Владиміръ Андреичъ, отъ нерновъ лѣчиться...

— Вамъ вотъ смѣшно... Ужъ я бромъ принимаю, а какъ онъ заоретъ...

— Febris gastrica?..

— То-то и есть... Я бы съ восторгомъ съ вами «перепустился» *).

— Суньтесь-ка къ адмиралу... Попросите его...

— Развѣ это возможно!—вздохнулъ Снѣжковъ.

— То-то невозможно... И кто рѣшится ему объ этомъ сказать... Нашъ Монте-Кристо у него не въ фаворѣ... Что, Ворсунька, готово?..

— Сію минуту, ваше благородіе...

— Ну, простимся, Владиміръ Андреичъ... Жаль мнѣ разставаться съ нашей каютъ-компаніей.

Оба лейтенанта обнялись и трижды поцѣловались.

Переведенный лейтенантъ побѣжалъ проститься съ остальными.

Пока шли сборы, команда купалась.

Въ море былъ опущенъ большой парусъ, укрѣпленный къ борту веревками со всѣхъ четырехъ угловъ паруса. Въ этомъ громадномъ мѣшкѣ шумно и весело плескались голыя мускулистыя тѣла съ побурѣвшими отъ загара лицами, шеями и руками. Выплывать изъ-за этого мѣшка было строго воспрещено, чтобъ не попасть въ чудовищную глотку акулы.

Матросы были очень довольны этимъ нечаяннымъ купаньемъ. Куда оно лучше и пріятнѣе, чѣмъ эти ежедневныя обливанія

*) Перемѣнился.

изъ брандспойта. И среди скученныхъ тѣлъ шли веселыя шутки, раздавался смѣхъ... Всѣ только находили, что очень тепла вода и нѣтъ отъ нея озноба, какъ въ русскихъ рѣкахъ и озерахъ. Кто-то сообщилъ, что купаться выдумалъ адмиралъ, и его за это хвалили. Нечего говорить, заботливъ онъ о матросѣ. Господъ донимаетъ, муштру имъ задаетъ, а матроса жалѣетъ. И простъ—видно, что не брезгуетъ простымъ человѣкомъ...

— Выходи, ребята! Шабашъ купаться! — прокричалъ боцманъ, получивъ приказаніе съ вахты.

И матросы одинъ за другимъ поднимались по выкинутому трапу и, ступивъ на палубу, словно утки, отряхивались отъ воды и бѣжали на бакъ одѣваться.

Адмиралъ ужъ начиналъ обнаруживать нетерпѣніе: онъ то и дѣло посматривалъ на часы и взглядывалъ, не спускаютъ ли на клиперѣ баркаса. Ужасно копаются... Долго ли мичману собраться?.. Не для того ли онъ и сдѣлалъ это перемѣщеніе офицеровъ, чтобы пріучить господъ офицеровъ быть всегда готовыми?.. Мало ли какія случайности бываютъ въ морѣ, особенно въ военное время... Пусть привыкаютъ... Пусть знаютъ, что и океанъ не можетъ служить препятствіемъ...

— Михаилъ Петровичъ!—обратился онъ, переходя съ полуюта на мостикъ, къ старшему офицеру.

— Что прикажете, Иванъ Андреичъ?

— Нынче у мичмановъ цѣлые сундуки вещей, что ли?.. Отчего Петровъ не ѣдетъ, а... какъ вы думаете?

— Еще не прошло получаса, Иванъ Андреичъ.

— Когда главнокомандующій приказалъ мнѣ въ крымскую войну ѣхать на Дунай, я черезъ двадцать минутъ уже сидѣлъ въ телѣгѣ, а вы мнѣ: полчаса... Мичману перебраться съ судна на судно и... полчаса...

— Да вы сами назначили этотъ срокъ, ваше превосходительство!

— Ну, назначилъ, а онъ, какъ бравый офицеръ... Ну если бы во время сраженія... понимаете... тоже полчаса?..

Адмиралъ не отличался особеннымъ краснорѣчіемъ, и рѣчи его не всегда бывали связны... Вдобавокъ, во время возбужденія онъ слегка заикался.

— Во время сраженія не надо брать съ собой багажа, Иванъ Андреичъ...

— Какой у мичмана багажъ... Вы, Михаилъ Петровичъ, вздоръ говорите-съ...

И адмиралъ круто повернулся отъ старшаго офицера, къ которому очень благоволилъ, какъ къ отличному моряку...

Ужъ онъ въ нетерпѣніи сталъ хрустѣть пальцами, сжимая

обѣ руки, какъ отъ борта «Голубчика» отвалилъ баркасъ и подъ парусами, то скрываясь въ большой океанской волнѣ, то вскакивая на нее, несся къ корвету.

Лицо адмирала прояснилось. Баркасъ шелъ лихо, и паруса стояли отлично.

«И изъ-за чего это онъ каждый день кипятится! Изъ-за чего никому не даетъ покоя? — размышлялъ Николай Аѳанасьевичъ, принужденный оставаться наверху вмѣсто того, чтобы кейфовать внизу.—Кажется, и карьера блестящая,—человѣкъ на виду, всего достигъ, чего только можно въ его годы, командуй спокойно эскадрой, а то нѣтъ... всюду суетъ свой носъ, неизвѣстно для чего переводитъ въ океанѣ офицеровъ, ссорится съ высшимъ начальствомъ, допекаетъ гардемариновъ... Чего ему неймется!»

Такъ размышлялъ сибаритъ Николай Аѳанасьевичъ и нетерпѣливо ждалъ: скоро ли окончится вся эта суматоха и онъ напьется чаю, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку.

Баркасъ приставалъ къ борту, и мичманъ Петровъ далеко не съ радостной физіономіей представился капитану.

— Очень радъ служить вмѣстѣ!—привѣтливо и добродушно промолвилъ капитанъ.

— А вы, г. Петровъ, отлично шли на баркасѣ... Здравствуйте...—Адмиралъ протянулъ руку.—Только зачѣмъ вы такъ долго собирались?.. Не хотѣли, что ли, на «Рѣзвый»?—пошутилъ адмиралъ.

«Очень даже не хотѣлъ!»—говорило кислое лицо мичмана.

— Я, ваше превосходительство, кажется, скоро собрался...

— А мнѣ кажется, что долго-съ,—рѣзко проговорилъ адмиралъ.

Мичманъ смутился.

— Надѣюсь, вы будете такъ же хорошо служить на «Рѣзвомъ», какъ на «Голубчикѣ»... Мнѣ васъ хорошо аттестовалъ вашъ командиръ... Будемъ, значитъ, пріятелями!—поспѣшилъ подбодрить смутившагося мичмана адмиралъ, только-что его оборвавшій.—Можете идти.

Когда маленькій лейтенантъ явился откланяться адмиралу, онъ сказалъ:

— Прошу не думать, что я перевожу васъ по какимъ-нибудь причинамъ. Никакихъ. Считаю васъ хорошимъ офицеромъ... Вамъ будетъ небезполезно поплавать на такомъ образцовомъ военномъ суднѣ, какъ «Голубчикъ»... Съ Богомъ, Василій Васильичъ...

И адмиралъ крѣпко пожалъ его руку.

Черезъ четверть часа оба судна снялись съ дрейфа и, по-

ставивъ всѣ паруса, снова понеслись по десяти узловъ въ часъ.

Подвахтеннымъ просвистали внизъ, и капитанъ наконецъ спустился къ себѣ въ каюту и могъ основательно заняться чаемъ.

Ушелъ къ себѣ и адмиралъ и черезъ часъ послалъ Ваську пригласить къ себѣ господъ гардемариновъ и кондукторовъ.

Увы, не «промело!»

Они думали, что «промететъ», что адмиралъ послѣ сегодняшняго «дрейфа съ сюрпризами» забудетъ о своемъ приглашеніи-приказѣ (случалось, онъ забывалъ, и они, конечно, еще болѣе забывали), и слѣдовательно злосчастнымъ гардемаринамъ можно избавиться отъ собесѣдованія, а тутъ этотъ Васька со своей нахальной мордой и съ красной жокейской фуражкой въ рукахъ... Улыбается, подлецъ, и съ наглой развязностью, фамильярнымъ тономъ говоритъ:

— Не угодно ли, господа, пожаловать къ адмиралу. Слезно проситъ-съ. Ждетъ не дождется!

Надо идти.

Припомнили, кому быть сегодня «жертвами», то-есть сидѣть по бокамъ адмирала («жертвами» бывали всѣ по очереди) и чаще другихъ подвергаться экзамену, рѣшили не давать пощады адмиральскимъ папиросамъ и, приведя свои костюмы и прически въ болѣе или менѣе приличный видъ, двинулись изъ каюты.

Сбитой кучкой, не особенно торопясь, прошли они шканцы, имѣя «жертвъ» въ авангардѣ, и за минуту еще жизнерадостныя и веселыя лица молодыхъ людей имѣли теперь нѣсколько удрученный видъ школьниковъ, шествующихъ къ грозному учителю.

Только лицо Ивкова дышало отважно-рѣшительнымъ выраженіемъ, и онъ ощупывалъ въ боковомъ карманѣ своего люстриноваго сюртука нѣсколько листиковъ съ обличительными стихотвореніями и почему-то воображалъ себя то въ роли маркиза Позы передъ Филиппомъ, то въ положеніи посла князя Курбскаго передъ Иваномъ Грознымъ...

IX.

— Очень радъ васъ видѣть... эээ... очень радъ. Прошу садиться, господа!—говорилъ, по обыкновенію, слегка растягивая, словно пріискивая слова, привѣтливымъ тономъ адмиралъ, когда нѣсколько молодыхъ людей, въ возрастѣ отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ, вошли гурьбой въ адмиральскую каюту.

Судя по неестественно-серьезнымъ и нѣсколько напряженнымъ выраженіямъ почти всѣхъ этихъ юныхъ, свѣжихъ, жизнерадостныхъ, загорѣлыхъ лицъ, безбородыхъ и безусыхъ или съ едва пробивающимися бородками и усиками, гости, съ своей стороны, далеко не испытывали особенной радости видѣть любезнаго хозяина и что-то долго топтались, складывая свои фуражки на бортовой диванъ, у входа въ каюту.

— Да что вы толчетесь тамъ? Садитесь, прошу васъ!— крикнулъ адмиралъ съ нетерпѣливой ноткой въ голосѣ.

Молодые люди не заставили, конечно, болѣе повторять приглашенія, они бросились со всѣхъ ногъ, словно вспуганный косячокъ жеребятъ, и торопливо усѣлись вокругъ круглаго стола, на которомъ лежало нѣсколько книгъ и журналовъ и стояла привлекательная большая коробка зеленаго цвѣта съ папиросами. Очередныя «жертвы» заняли мѣста по обѣ стороны адмирала.

Воцарилась мертвая тишина.

Адмиралъ обводилъ ласковымъ взглядомъ своихъ «молодыхъ друзей» и, казалось, нѣсколько недоумѣвалъ: отчего они не чувствуютъ себя такъ же хорошо и пріятно, какъ чувствовалъ онъ себя самъ въ это прелестное утро. И это ему не нравилось.

Дѣйствительно, всѣ эти юнцы, обыкновенно веселые и шумливые, какими только могутъ быть молодые люди на зарѣ жизни, полные надеждъ,—теперь сидѣли притихшіе, съ самымъ смиреннымъ видомъ, напоминая собой шустрыхъ и проказливыхъ мышей, внезапно очутившихся передъ страшнымъ котомъ.

Положимъ, онъ добродушно и, повидимому, безъ всякаго злого умысла глядитъ своими большими, блестящими черными глазами, но все-таки... кто его знаетъ?..

Только Ивковъ, въ качествѣ всѣми признаннаго либерала, да его большой пріятель, добродушнѣйшій и милѣйшій штурманскій кондукторъ Подоконниковъ, который, проглотивъ съ восторгомъ въ Санъ-Франциско «Отцовъ и дѣтей», отчаянно корчилъ Базарова, сталъ признавать однѣ естественныя науки и, внезапно принявъ рѣшеніе поступить послѣ плаванья въ медико-хирургическую академію, надоѣдалъ доктору просьбами прочесть ему нѣсколько лекцій по физіологіи и анатоміи, которыя тотъ, разумѣется, основательно позабылъ,—только оба эти молодые люди старались принять самый непринужденный и независимый видъ (дескать, мы не очень-то боимся «глазастаго чорта») и по временамъ бросали на своихъ менѣе мужественно настроенныхъ товарищей сдержанно-ироническіе взгляды, которые, казалось, говорили:

— Чего вы трусите? Совсѣмъ это недостойно свободныхъ гражданъ!

«Презрѣнные рабы жестокаго тирана!» — мысленно вдругъ проговорилъ Ивковъ, находившійся, очевидно, въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи человѣка, собирающагося читать плоды своей гражданской музы самому обличаемому адмиралу и готоваго, если придется, пострадать за свой «суровый и свободный стихъ».

Эта эффектная фраза, внезапно пришедшая Ивкову въ голову подъ вліяніемъ недавно прочитанныхъ стиховъ Виктора Гюго, хоть и кольнула его художественное чутье своею фальшью—особенно въ виду коробки съ папиросами на столѣ гостепріимнаго «жестокаго тирана», котораго—невольно припомнилъ Ивковъ—къ тому же и матросы любили,—тѣмъ не менѣе соблазнила семнадцатилѣтняго поэта, какъ пикантное начало новаго цивическаго произведенія.

И, увлеченный имъ, онъ уже мысленно слагалъ слѣдующія строки, не лишенныя, по его не совсѣмъ скромному мнѣнію, нѣкоторой значительности:

Презрѣнные рабы жестокаго тирана,
О, заячьи сердца, лишь знающія страхъ,
Очнитесь поскорѣй и жалкаго Титана,
Какъ древле Перуна, повергните во прахъ.

Создавая эти строки, Ивковъ въ поэтическомъ экстазѣ, по обыкновенію, морщилъ лобъ и, самъ того не замѣчая, строилъ необыкновенныя гримасы, свидѣтельствовавшія о нѣкоторой мучительности поэтическихъ родовъ.

И «жестокій тиранъ», замѣтившій страданія Ивкова, участливо и необыкновенно ласково спросилъ:

— Что съ вами, Ивковъ?.. Вы нездоровы?.. У васъ такой видъ, будто желудокъ не въ порядкѣ, а?.. Идите скорѣй къ доктору...

Все поэтическое настроеніе сразу пропало у Ивкова, и онъ отвѣтилъ, стараясь скрыть свое стыдливое чувство обиженнаго поэта подъ сдержанной сухостью тона:

— Я совершенно здоровъ, ваше превосходительство.

И ужъ болѣе не продолжалъ слагать стиховъ въ присутствіи адмирала.

А Подоконниковъ, въ своемъ неудержимомъ стремленіи походить на Базарова во что бы то ни стало и не признавать ничего, кромѣ естественныхъ наукъ, пошелъ еще далѣе, и не въ области мысли, а въ сферѣ дѣйствій. Находя, что сидѣть, какъ всѣ сидятъ, не вполнѣ прилично Базарову, онъ слишкомъ откинулся назадъ на стулѣ и черезчуръ высоко заки-

нулъ ногу на ногу, принявъ не совсѣмъ естественную и вовсе неудобную, но зато демонстративную позу человѣка, окончательно рѣшившаго, что послѣ него будетъ расти лопухъ, а потому теперь ему на все «наплевать», и былъ очень доволенъ, что нисколько не стѣсняется и въ присутствіи адмирала походить на Базарова.

Но—увы!—внутреннее торжество юнаго Базарова длилось всего нѣсколько мгновеній, такъ что никто изъ товарищей не успѣлъ замѣтить и ахнуть отъ такого безстрашія Подоконникова.

Случайный взглядъ адмирала, скользнувшій по фигурѣ молодого человѣка не безъ нѣкотораго соболѣзнованія къ стѣсненности его положенія, смутилъ робкую душу юнаго штурмана, заставивъ немедленно опустить «задраенную» ногу, принять болѣе удобную позу и въ то же время покраснѣть до самыхъ корней своихъ рыжихъ волосъ отъ смущенія и досады за свой страхъ передъ этимъ «отсталымъ отцомъ» и за свое, какъ онъ думалъ, «позорное малодушіе».

О, какой онъ трусъ, и какъ ему далеко еще до Базарова! Необходимо изучить естественныя науки! И какой однако свинья этотъ докторъ Арсеній Ивановичъ! Онъ видимо не хочетъ познакомить его ни съ физіологіей ни съ анатоміей, ссылаясь на занятія, а между тѣмъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ по цѣлымъ днямъ и только играетъ въ шахматы или разсказываетъ глупѣйшіе анекдоты.

— Что-жъ вы не курите, господа? Курите, пожалуйста... Папиросы къ вашимъ услугамъ,—съ обычнымъ своимъ радушіемъ предлагалъ хозяинъ.

И съ этими словами онъ взялъ коробку, чтобы любезно передать ее гостямъ, какъ вдругъ потрясъ ею въ рукѣ, заглянулъ внутрь и гнѣвно крикнулъ:

— Васька!

Окрикъ этотъ былъ такъ металличенъ и пронзителенъ и такъ напомнилъ адмирала наверху, во время разносовъ, что всѣ невольно вздрогнули. У «жертвъ» отъ этого крика чуть не лопнули барабанныя перепонки, какъ они утверждали впослѣдствіи.

— Васька! Скотина!

Черезъ секунду-другую влетѣлъ Васька, и теперь уже не въ ситцевой рубахѣ и не въ туфляхъ на босыя ноги, а въ обычномъ своемъ щегольскомъ видѣ адмиральскаго камердинера, который онъ принималъ послѣ подъема флага, долго и тщательно занимаясь своимъ туалетомъ и поражая своимъ франтовствомъ писарей и вѣстовыхъ.

Онъ былъ въ черномъ люстриновомъ сюртукѣ, перешитомъ изъ адмиральскаго, въ бѣлой манишкѣ съ высокими воротничками, въ голубомъ галстукѣ, въ которомъ блестѣла аметистовая булавка въ видѣ сердечка, при часахъ съ толстой серебряной цѣпочкой, украшенной нѣсколькими брелоками, и въ скрипучихъ ботинкахъ. Его кудластые, съ проборомъ посрединѣ, волосы лоснились и пахли отъ обильно положенной помады.

Онъ благоразумно остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ адмирала, на случай неожиданной вспышки, и недвижно замеръ, подавшись впередъ корпусомъ и не безъ лакейской граціи изогнувъ нѣсколько руки съ красными пальцами, виднѣющимися изъ-подъ широкихъ манжетъ съ блестящими запонками. Въ его плутовскомъ лицѣ съ ярко-румяными щеками и съ сверкавшими изъ-за полуоткрытыхъ толстыхъ губъ зубами и въ его наглыхъ и лукавыхъ глазахъ стояло притворное выраженіе преувеличеннаго испуга и недоумѣнія.

— Это что?—спросилъ адмиралъ, взглядывая на Ваську и потрясая коробкой.

— Папиросы-съ!—умышленно наивнымъ тономъ отвѣчалъ Васька, дѣлая глупую физіономію.

— Болванъ! Смотри!—проговорилъ адмиралъ и швырнулъ на полъ коробку, изъ которой посыпался десятокъ папиросъ.

— Виноватъ, не досмотрѣлъ.

— А ты досматривай, если я приказываю... Подай сейчасъ полную коробку!

— Есть!

И, когда Васька исчезъ, адмиралъ, уже снова повеселѣвшій, усмѣхнулся и, обращаясь къ своимъ гостямъ, проговорилъ:

— Экая каналья! Хотѣлъ оставить васъ безъ папиросъ сегодня!.. Да вы постойте, Подоконниковъ, не закуривайте... Васька сію минуту принесетъ...

— Я, ваше превосходительство, закурю сигару, если позволите,—замѣтилъ молодой человѣкъ, рѣшившій, что онъ, какъ и Базаровъ, долженъ курить только сигары.

— И охота вамъ курить такую дрянь, какъ ваши чирутки, когда вамъ предлагаютъ хорошія папиросы...

— Я вообще предпочитаю сигары, ваше превосходительство!—храбро настаивалъ Подоконниковъ.

— Предпочитаете? А когда это вы, любезный другъ, успѣли научиться предпочитать сигары? Я такъ, по выходѣ изъ корпуса, когда былъ такимъ же молодымъ, какъ вы, ничего не умѣлъ предпочитать... Случалось, бывало, мичманомъ сидѣть

на экваторѣ,—и махорку курилъ... А ужъ вы сигары предпочитаете? Эй, Васька! Подай сюда ящикъ съ сигарами... У меня, по крайней мѣрѣ, хорошія сигары... Впрочемъ, вѣдь вы все равно не знаете въ нихъ никакого толка... Право, курите лучше папиросы... Совѣтую вамъ, Подоконниковъ...

Адмиралъ такъ настойчиво совѣтовалъ, что сконфуженный молодой человѣкъ поспѣшилъ закурить папиросу, чѣмъ видимо удовлетворилъ адмирала, имѣвшаго слабость почти требовать, чтобы всѣ раздѣляли его вкусы.

Закурили почти всѣ гости, наслаждаясь затяжками.

— А вѣдь не правда ли, любезный другъ, что папиросы лучше всякихъ сигаръ?—снова обратился онъ къ юному штурману, уже было-обрадовавшемуся, что пересталъ быть предметомъ адмиральскаго вниманія.

— По-моему, ваше превосходительство, и сигары...

— Да какого чорта вы понимаете въ сигарахъ, Подоконниковъ!—перебилъ, раздражаясь, адмиралъ, нѣсколько сбитый съ толку такимъ совершенно непонятнымъ пристрастіемъ этого юнца къ сигарамъ. — «Сигары, сигары»! Надо, любезный другъ, знать вещи, о которыхъ говоришь... Вотъ послужите, поплаваете, выучитесь курить хорошія сигары, тогда и говорите. А то куритъ мерзость и предпочитаетъ сигары... Скажите, пожалуйста!.. Такъ о чемъ мы послѣдній разъ читали, господа? — круто перемѣнилъ разговоръ адмиралъ и взялъ со стола томъ «Исторіи XVIII столѣтія» Шлоссера.

— О Франціи... Когда Наполеонъ былъ консуломъ, ваше превосходительство!—произнесла одна изъ «жертвъ» низкимъ баскомъ.

Къ благополучію этого неказистаго, приземистаго молодого человѣка, «дяди Черномора», какъ звали его за маленькій ростъ, съ соннымъ взглядомъ и мало обѣщающимъ выраженіемъ широкаго и лобастаго лица, который не очень-то легко воспринималъ науки и хлопалъ на чтеніяхъ глазами,—адмиралъ не любопытствовалъ узнать, о чемъ именно читали.

Онъ снова обвелъ взглядомъ присутствующихъ и, повидимому, недовольный общимъ вялымъ и унылымъ настроеніемъ, самъ началъ терять хорошее расположеніе духа. Въ самомъ дѣлѣ, онъ собираетъ этихъ «мальчишекъ» и тратитъ на нихъ время, чтобы развить ихъ и пріохотить къ занятіямъ, чтобы вселить въ нихъ духъ бравыхъ моряковъ, а они... не цѣнятъ этого и сидятъ, какъ въ воду опущенные!

И вмѣсто того, чтобы начать чтеніе, адмиралъ совершенно неожиданно проговорилъ:

— А я вамъ долженъ сказать, мои друзья, что вы вѣдь невѣжи...

«Друзья» невольно подтянулись на своихъ мѣстахъ.

— Да-съ, невѣжи... Развѣ воспитанные люди заставляютъ себя ждать, какъ вы полагаете?..

Никто, разумѣется, никакъ «не полагалъ» насчетъ этого, а всѣ только подумали, что «глазастаго чорта» вдругъ «укусила муха», и что самъ онъ тоже далеко не воспитанный человѣкъ.

— Такъ, я вамъ скажу-съ, поступаютъ только...

Видимо сдержавшись отъ употребленія существительнаго, характеризующаго съ большою ясностью невѣжливыхъ людей, адмиралъ на секунду запнулся и продолжалъ:

— Только люди, совсѣмъ не знающіе приличій... Помните это и впредь не ведите себя по-свински,—выпалилъ адмиралъ, на этотъ разъ уже не лишившій своей рѣчи образнаго сравненія, и подернулъ однимъ плечомъ.

— Отчего вы не шли и заставили меня посылать за вами, когда я сказалъ Ивкову, чтобы вы собрались къ десяти часамъ? Ивковъ, надѣюсь, передалъ вамъ мое приказаніе?

Ивкова подмывало принять «вѣнецъ мученичества» и, по крайней мѣрѣ, отсидѣть часа два на салингѣ. И онъ открылъ было ротъ, чтобы самоотверженно принять вину на себя, сказавъ, что забылъ передать товарищамъ приказаніе, какъ «дядя Черноморъ» уже добросовѣстно пробасилъ, что Ивковъ приказаніе передалъ, чѣмъ вызвалъ въ неблагодарномъ Ивковѣ мысленное названіе «идіота».

— Такъ какъ же вы смѣли ослушаться адмирала, а?

Судя по внѣшнимъ признакамъ, барометръ адмиральскаго расположенія духа не очень быстро падалъ, и потому адмиралъ, казалось, охотно удовлетворился бы болѣе или менѣе правдоподобной отговоркой. Онъ ждалъ отвѣта, и необходимо было отвѣчать.

И такъ какъ обѣ «очередныя жертвы», обязанныя, по давно установившемуся соглашенію, отвѣчать на всѣ безличные вопросы адмирала, упорно молчали, не умѣя находчиво соврать, то исполнить эту миссію охотно взялся маленькій, черный, какъ жукъ, шустрый и необыкновенно сладкій гардемаринъ Попригопуло, «потомокъ греческихъ императоровъ» или сокращенно—«потомокъ», какъ часто звали товарищи юнаго грека, имѣвшаго однажды неосторожность какъ-то пуститься въ генеалогію.

Съ восторженной почтительностью глядя на адмирала своими «черносливами», большими и масляными, онъ проговорилъ вкрадчивымъ тонкимъ голоскомъ, чуть-чуть шепелявя и плохо справляясь съ шипящими буквами:

— Мы, ваше превосходительство, собирались именно въ ту самую минуту, когда вы изволили прислать за нами... Часы отстаютъ, ваше превосходительство, въ гардемаринской каютѣ... Необходимо ихъ поправить... На цѣлыхъ десять минутъ отстаютъ...

Адмиралъ покосился на «потомка греческихъ императоровъ» и усмѣхнулся. Оттого ли, что ссылка на часы показалась ему слишкомъ нелѣпой, или просто оттого, что ему не хотѣлось болѣе «школить» своихъ «молодыхъ друзей», но только онъ сразу «подобрѣлъ» и замѣтилъ:

— Впередъ провѣряйте часы, господа... Ну, а теперь почитаемъ... Прошу слушать-съ!

И, раскрывая книгу, прибавилъ:

— Морскому офицеру надо стараться быть образованнымъ человѣкомъ и интересоваться всѣмъ... Тогда и свое дѣло будетъ осмысленнѣе, а вы вотъ... опаздываете и точно недовольны, что я съ вами занимаюсь!

— Помилуйте, ваше превосходительство, мы, напротивъ, очень довольны!—проговорилъ «потомокъ».

Адмиралъ сталъ читать одну изъ главъ Шлоссера. Читалъ онъ недурно, съ увлеченіемъ, подчеркивая то, что̀ считалъ нужнымъ оттѣнить. Нѣсколько человѣкъ слушали со вниманіемъ. Остальные дѣлали видъ, что слушаютъ, неустанно курили и думали, какъ бы скорѣе онъ кончилъ.

— Да, мои друзья,—заговорилъ адмиралъ, прерывая чтеніе и уставляя глаза на первое попавшееся лицо слушателя:—геніальный человѣкъ былъ Наполеонъ... Этотъ нѣмецъ Шлоссеръ его не совсѣмъ понимаетъ... Вотъ Тьера прочтите...

Ивкова такъ и подмывало заявить, что Наполеонъ, собственно говоря, былъ великій подлецъ и болѣе ничего, который задушилъ республику и сталъ тираномъ. Но онъ благоразумно рѣшилъ промолчать. Все равно «глазастаго» не убѣдишь, а онъ знаетъ, что̀ знаетъ. И Леонтьевъ того же мнѣнія, что Наполеонъ подлецъ, хоть и великій человѣкъ... И Подоконниковъ такъ же думаетъ...

— Да, большой геній былъ, а флота создать не умѣлъ... Англичане всегда били французовъ на морѣ... Вотъ хоть бы это абукирское сраженіе. Вы, конечно, не знаете абукирскаго сраженія?.. Вотъ Ивковъ стихи пишетъ и разныя глупости читаетъ... романы всякіе... а абукирскаго сраженія тоже не знаетъ!

И адмиралъ сталъ разсказывать объ абукирскомъ сраженіи и—надо отдать ему справедливость — такъ ярко и картинно, несмотря на недостатокъ краснорѣчія, нарисовалъ картину

боя, что даже самые невнимательные слушатели и тѣ оживились и внимали съ интересомъ.

— Вы думаете, отчего французовъ поколотили подъ Абукиромъ, хотя французская эскадра была не слабѣе англійской и французскіе матросы нисколько не уступали въ храбрости англійскимъ? Отчего вездѣ на морѣ французовъ били?

И такъ какъ ни одинъ изъ слушателей не отвѣчалъ, не рискуя за неправильный отвѣтъ быть оборваннымъ, то адмиралъ, выдержавъ паузу, продолжалъ:

— Оттого, что у французовъ были въ то время болваны морскіе министры и ослы адмиралы... Они заботились о карьерѣ, а не о флотѣ, и обманывали Наполеона... И у французскихъ моряковъ не было настоящей выучки, не было школы и того морского духа, который пріобрѣтается въ частыхъ плаваніяхъ... Помните это, господа!.. Безъ хорошей школы, безъ плаваній, во время которыхъ надо учиться, чтобы быть всегда готовымъ къ войнѣ, нельзя одерживать побѣдъ!

Проговоривъ это поученіе, адмиралъ принялся читать.

Противъ обыкновенія, сегодня онъ отвлекался менѣе и не разсказывалъ, придираясь къ какому-нибудь случаю, разныхъ эпизодовъ изъ службы на Черномъ морѣ. Часа черезъ полтора адмиралъ закрылъ книгу и проговорилъ:

— На сегодня довольно.

Не было и экзамена. И всѣ нетерпѣливо ждали обычнаго: «можете идти», но адмиралъ видимо еще хотѣлъ, какъ онъ выражался, «побесѣдовать съ молодыми друзьями» и сказалъ:

— Вотъ я сегодня перевелъ въ океанѣ офицеровъ съ судна на судно. Какъ вы полагаете, почему я это сдѣлалъ?

Всѣ «молодые друзья» полагали, что сдѣлалъ онъ это потому, что былъ «глазастый дьяволъ» и «чортова перечница». Почему же болѣе?

Не рискуя высказаться въ такомъ смыслѣ, всѣ, разумѣется, молчали.

И адмиралъ, казалось, понялъ, что думали «молодые друзья», и проговорилъ:

— Вы, конечно, думаете: адмиралу пришла фантазія, онъ и сдѣлалъ сигналъ? Нѣтъ, мои друзья. Я сдѣлалъ это, чтобы вы всѣ на примѣрѣ видѣли, что всегда каждый изъ васъ долженъ быть готовъ, какъ на войнѣ... И знаете ли, что я вамъ скажу...

Но въ эту самую минуту, какъ адмиралъ собирался что-то сказать, черезъ открытый люкъ адмиральской каюты донесся нервно-тревожный и неестественно-громкій окрикъ вахтеннаго офицера:

— Марса-фалы отдай! Паруса на гитовы! Право на бортъ!

Въ этомъ окрикѣ слышалось что-то виноватое.

Вслѣдъ затѣмъ въ адмиральскую каюту вбѣжалъ вахтенный гардемаринъ и доложилъ:

— Шквалъ съ навѣтра!

Адмиралъ, схвативъ фуражку, бросился наверхъ, крикнувъ Васькѣ закрыть иллюминаторы.

Довольные, что шквалъ такъ кстати прервалъ адмиральскую бесѣду, гардемарины выскочили изъ каюты, не предвидя, конечно, что этотъ шквалъ будетъ началомъ такого адмиральскаго «урагана», котораго они не забудутъ во всю жизнь.

X.

Жесточайшій шквалъ съ проливнымъ крупнымъ дождемъ уже разразился, словно бѣшеный, внезапно напавшій врагъ, надъ маленькимъ трехмачтовымъ корветомъ въ двѣсти тридцать футовъ длины.

Окутавъ «Рѣзвый» со всѣхъ сторонъ сѣрой мглой,—точно мгновенно наступили сумерки, онъ властно и шутя повалилъ его на бокъ всѣмъ лагомъ и помчалъ съ захватывающей духъ быстротой.

Вздрагивая и поскрипывая своимъ корпусомъ, накренившійся до послѣдняго предѣла корветъ чертитъ подвѣтреннымъ бортомъ вспѣнившуюся поверхность океана. Онъ тутъ, этотъ таинственный океанъ, страшно близко, кипитъ своими сѣдыми верхушками. Дула орудій купаются въ водѣ. Палуба представляетъ собою сильно наклоненную плоскость.

Ревъ вихря, вой его въ вздувающихся и бьющихся снастяхъ и въ рангоутѣ и шумъ ливня сливаются въ какомъ-то адскомъ, наводящемъ трепетъ концертѣ.

Молодые, неопытные моряки переживали жуткія мгновенія. Казалось, вотъ-вотъ еще накренитъ корветъ, и онъ въ одно мгновеніе пойдетъ ко дну и со всѣми его обитателями найдетъ безвѣстную могилу.

И многіе тихонько крестились.

По счастью, въ моментъ нападенія шквала успѣли убрать фокъ и гротъ (нижніе паруса) и отдать всѣ фалы. Такимъ образомъ площадь парусности и сопротивленія была значительно уменьшена, и шквалъ, несмотря на мощную свою силу, не могъ опрокинуть корвета и только въ безсильной ярости гнулъ брамъ-стеньги въ дугу.

Зато, словно обрадованный людской оплошностью, онъ съ остервенѣніемъ напалъ на паруса, не взятые на гитовы (не

подобранные). Въ одно мгновеніе большой форъ-марсель «полоскалъ», изорванный въ лоскутья, а оба брамселя, лиселя съ рейками и топселя были вырваны и, точно пушинки, унесены вихремъ.

Вахтенный офицеръ, молодой мичманъ Щегловъ, прозѣвавшій подобравшійся шквалъ и потому слишкомъ поздно начавшій уборку парусовъ, стоялъ на мостикѣ блѣдный, взволнованный и подавленный, съ виноватымъ видомъ человѣка, совершившаго преступленіе.

Ужасъ при видѣ того, что̀ вышло отъ его невнимательности, смущеніе и стыдъ наполняли душу молодого моряка. Онъ сознавалъ себя безконечно виноватымъ и навѣки опозореннымъ. Какой же онъ морской офицеръ, если прозѣвалъ шквалъ? Что̀ подумаетъ о немъ адмиралъ и что̀ онъ съ нимъ сдѣлаетъ? Что̀ скажутъ товарищи и Михаилъ Петровичъ за то, что онъ такъ осрамился? И нѣтъ никакого оправданія. Вѣдь онъ видѣлъ это маленькое сѣрое зловѣщее облачко на горизонтѣ и—что̀ нашло на него?—не обратилъ на него вниманія...

Въ эту минуту молодому самолюбивому мичману казалось, что послѣ такого позора жить на свѣтѣ и влюбляться въ каждомъ порту рѣшительно не сто̀итъ.

Съ чувствомъ смущенія и виноватости смотрѣли на клочки форъ-марселя и на сломанныя брамъ-реи и капитанъ, и старшій офицеръ, и старшій штурманъ, выскочившіе наверхъ и стоявшіе на мостикѣ, и старый боцманъ на бакѣ, и всѣ старые матросы.

Каждый изъ этихъ людей, дорожившихъ репутаціей «Рѣзваго», какъ исправнаго военнаго корабля, и считавшихъ себя какъ бы связанными съ нимъ тою особенною любовью, какую чувствовали прежніе моряки къ своему судну, — понималъ и еще болѣе чувствовалъ, что «Рѣзвый» осрамился, да еще на глазахъ такого моряка, какъ адмиралъ, и такого соперника, какъ «Голубчикъ», и каждый словно бы и себя считалъ причастнымъ этому сраму.

И на виновника его было брошено нѣсколько десятковъ сердитыхъ и укоряющихъ взглядовъ. «Осрамилъ, дескать!»

Даже совсѣмъ не морякъ, невозмутимый флегматикъ, бѣлобрысый докторъ, шибко струсившій въ тотъ моментъ, когда повалило корветъ, и тотъ, когда страхъ прошелъ, при видѣ сердитыхъ, но не тревожныхъ лицъ начальства, неодобрительно покачалъ головой и замѣтилъ, обращаясь къ «теткѣ Авдотьѣ»:

— А еще считаетъ себя морякомъ?

— И попадетъ же Щеглову!—промолвилъ въ отвѣтъ лей-

тенантъ Снѣжковъ. — Изъ-за-него и всѣмъ намъ въѣдетъ, — испуганно прибавилъ онъ.

Обыкновенно веселый и добродушный наверху, капитанъ Николай Аѳанасьевичъ былъ сильно раздраженъ.

— Прозѣвали шквалъ!.. Полюбуйтесь, что надѣлали... Эхъ!— сдерживая злобное чувство, кинулъ капитанъ, подходя къ Щеглову и искоса поглядывая тревожными глазами на адмирала, стоявшаго на другомъ концѣ мостика и уже поводившаго плечами.

«Будетъ теперь исторія!»—подумалъ онъ, поднимая голову и озирая рангоутъ.

Старшій офицеръ Михаилъ Петровичъ, взволнованный не менѣе самого Щеглова, ничего не сказалъ ему, но только бросилъ на него быстрый взглядъ изъ-подъ очковъ, но, Господи, что это былъ за уничтожающій взглядъ! Глаза добрѣйшаго Михаила Петровича въ это мгновеніе сверкали такой ненавистью, что, казалось, готовы были разорвать въ клочки мичмана, «опозорившаго» корветъ.

«И вѣдь новый форъ-марсель былъ!»—пронеслось въ ту же секунду въ головѣ старшаго офицера, этого заботливаго ревнителя и хозяина «Рѣзваго», и онъ громко, сердито и властно крикнулъ на бакъ:

— Стаксель долой!..

Увы!.. Отъ стакселя остались лишь клочки.

Адмиралъ едва сдерживался и только быстрѣй и быстрѣй ёрзалъ плечами.

То спокойно-рѣшительное выраженіе его лица, которое было въ первое мгновеніе, когда онъ выбѣжалъ наверхъ, и всегда бывавшее у него въ минуты дѣйствительной опасности, исчезло, какъ только его быстрый и опытный морской глазъ сразу увидалъ положеніе корвета и понялъ, что никакой бѣды нѣтъ. Шквалъ сію минуту промчится, и корветъ встанетъ.

И, не обращая никакого вниманія ни на сильный кренъ ни на ливень, онъ весь отдавался во власть закипавшаго гнѣва и негодованія стараго лихого моряка, который видитъ такой позоръ, и гдѣ же?—у себя на флагманскомъ суднѣ!

Хотя онъ стоялъ въ неподвижной позѣ «морского волка», разставивъ врозь ноги, но все «ходуномъ ходило» въ этой кипучей, безпокойной натурѣ. Насупившееся лицо отражало душевную грозу. Скулы безпокойно и часто двигались, и большіе круглые глаза метали молніи. Руки его то сжимались въ кулаки, то разжимались, и тогда толстые короткіе пальцы судорожно щипали ляжки, или нервно теребили щетинку усовъ, или рвали петли сюртука.

Но онъ еще крѣпился и молчалъ и только по временамъ, подрагивая то одной, то другой ногой, взглядывалъ на Щеглова и на капитана съ видомъ озлобленнаго ястреба, собирающагося броситься на добычу.

Въ самомъ дѣлѣ, какой срамъ!.. Прозѣвать шквалъ на военномъ суднѣ! Потерять парусъ!! И у него на глазахъ!

И вздрагивающія губы его невольно шепчутъ:

— Болванъ!.. Скотина!..

Эти ругательства, и еще болѣе энергичныя, слышитъ только флагъ-офицеръ, стоящій съ выраженіемъ почтительнаго трепета сзади адмирала. Тутъ же, въ нѣкоторомъ отдаленіи, стоитъ и только-что выбѣжавшій флагъ-капитанъ. Онъ, по обыкновенію, прилизанъ, щеголеватъ и надушенъ и стоически мокнетъ подъ дождемъ, но золотушное и хлыщеватое бѣлобрысое лицо его нѣсколько блѣдно и растерянно — не то отъ страха передъ воображаемой опасностью, не то отъ боязни попасть «подъ руку» этого необузданнаго «животнаго» и скушать что-нибудь оскорбительное, зная напередъ, что заячья его душонка стерпитъ все, чтобъ не испортить блестяще начатой адъютантской карьеры.

И въ эту минуту онъ рѣшаетъ окончательно уѣхать въ Россію. Придетъ корветъ въ Нагасаки, и онъ будетъ проситься отпустить его по болѣзни... То ли дѣло служба на сухомъ пути, гдѣ-нибудь въ штабѣ, съ порядочными, благовоспитанными людьми!.. А здѣсь—и эта полная опасности жизнь, и эти «мужики», начиная съ адмирала!

На мостикѣ показался Васька съ дождевикомъ для адмирала въ рукахъ и развязно подошелъ къ адмиралу.

— Пожалуйте, ваше превосходительство, а то сильно замочитъ!

— Къ чорту! — цыкнулъ на него адмиралъ, и Васька моментально исчезъ.

Прошло еще нѣсколько мгновеній. Адмиралъ сдерживался. Но гроза, бушующая въ душѣ его, требуетъ разряженія. Болѣе молчать нѣтъ силъ.

И, словно получившій въ спину иголку, онъ подлетѣлъ къ мичману и, остановивъ на немъ глаза, сдѣлавшіеся вдругъ совсѣмъ круглыми, и вращая бѣлками, пронзительно крикнулъ ему въ упоръ:

— Вы... вы... Знаете ли, кто вы?..

Ему стоило видимо большихъ усилій (или, вѣрнѣе, гнѣвъ не дошелъ до полной потери самообладанія), чтобъ не сказать мичману Щеглову, кто онъ такой въ эту минуту, по мнѣнію адмирала.

— Вы... вы... не морской офицеръ, а... прачка! — докончилъ онъ совершенно неожиданно для присутствующихъ и, вѣроятно, для самого себя. — Прачка! — повторилъ онъ, готовый, казалось, своими выпученными глазами съѣсть живьемъ мичмана.

А мичманъ, весьма ревниво оберегавшій чувство своего достоинства и не разъ «разводившій» съ адмираломъ, теперь виновато и сконфуженно слушалъ, приложивъ свои вздрагивающіе пальцы къ козырьку фуражки, и настолько чувствовалъ себя виновнымъ, что схвати его въ эту минуту адмиралъ за горло и начни его душить,—онъ безпрекословно выдержалъ бы и это испытаніе.

Вѣдь онъ прозѣвалъ шквалъ, онъ, мичманъ Щегловъ, самолюбиво мнившій себя доселѣ отличнымъ вахтеннымъ начальникомъ, у котораго глазъ... у, какой зоркій морской глазъ!

Обезоружило ли адмирала истинно страдальческое выраженіе отчаянія на лицѣ злополучнаго мичмана, который, казалось, вполнѣ сознавалъ, что ему слѣдуетъ поступить въ прачки, а не служить во флотѣ, или просто случайно брошенный адмираломъ взглядъ на «Монте-Христо» отвлекъ его вниманіе, но только адмиралъ оставилъ «мичмана-прачку» въ покоѣ и съ большею рѣзкостью въ тонѣ сказалъ, обращаясь къ капитану и отряхиваясь отъ воды:

— У васъ, Николай Аѳанасьевичъ, не военное судно, а кафе-шантанъ-съ! Срамъ! Вы ни за чѣмъ не смотрите... Офицеровъ распустили, и вотъ...

«Монте-Христо», и самъ раздраженный и сконфуженный, слушалъ эти рѣзкія обидныя слова, оскорблявшія въ немъ самолюбиваго и знающаго свое дѣло моряка, съ напускнымъ хладнокровіемъ несправедливо обиженнаго человѣка, который не оправдывается, хорошо зная тщету оправданій и требованія дисциплины.

— Ори, братецъ, ори, на то ты и безпокойный адмиралъ!— говорило, казалось, официально-серьезное выраженіе его полнаго, румянаго и потасканнаго лица веселаго жуира.

Эта сдержанность, понятая адмираломъ какъ возмутительное равнодушіе капитана къ своему дѣлу, взорвала его еще болѣе, и онъ, словно бѣшеный, выкрикнулъ:

— Не корветъ, а кабакъ! Ка-бакъ!

И съ этимъ окрикомъ онъ круто повернулся и перешелъ на другой конецъ мостика. Тамъ онъ остановился, взволнованный и грозный, словно туча, еще насыщенная электричествомъ, готовый и ограничиться этой вспышкой, и вновь забушевать еще съ большей силой, разразившись ураганомъ.

И то и другое было одинаково возможно въ этой бѣшеной, порывистой и страстной натурѣ адмирала, наивно-деспотичной и стихійной, какъ и любимое имъ море.

— Срамъ... позоръ!..—взволнованно шепталъ онъ.

И весь вздрагивалъ, гнѣвно сжимая кулаки, когда его выпученные и злые теперь глаза останавливались на трепавшемся форъ-марселѣ—этомъ ужасномъ свидѣтельствѣ служебной небрежности, возмущавшей и приводившей въ ярость вскормленника черноморскихъ лихихъ адмираловъ, прошедшаго суровую школу службы у этихъ рыцарей долга и вмѣстѣ съ тѣмъ отчаянныхъ и подчасъ жестокихъ деспотовъ.

Господа офицеры, выскочившіе изъ каютъ-компаніи, осторожно прятались за гротъ-мачту, чтобы не попасться на глаза адмиралу. Только храбрый мичманъ Леонтьевъ, проповѣдывавшій теорію деспотизма во имя свободы, да батюшка Антоній рѣшились показаться на шканцахъ.

Гардемарины, ровно шаловливыя мыши, сбились у трапа и поглядывали на адмирала, который только-что разсказывалъ имъ объ абукирской битвѣ и такъ любезно угощалъ ихъ папиросами, а теперь...

— Задастъ сегодня «глазастый чортъ» абукирское сраженіе!—говорилъ съ насмѣшливой улыбкой Ивковъ своему другу Подоконникову.—Вотъ увидишь... Смотри, какимъ онъ глядитъ Иваномъ Грознымъ... А вѣдь въ самомъ дѣлѣ Щегловъ «опрохвостился»!—прибавилъ юный морякъ, чувствуя невольную досаду на Щеглова и нѣсколько обиженный за честь своего корвета.

XI.

Сдѣлавъ столько вреда, сколько было возможно въ одну, много двѣ минуты жестокой схватки съ корветомъ, грозный шквалъ стремительно понесся далѣе, заволакивая широкой полосой мглы горизонтъ по лѣвую сторону корвета.

А справа и надъ «Рѣзвымъ» уже все очистилось и радостно просвѣтлѣло.

Снова ярко сверкало раскаленное солнце, быстро высушивая своими палящими, почти отвѣсными лучами и мокрую палубу, и намокшія, вздутыя снасти, съ дрожащими на нихъ и сверкающими какъ брильянты дождевыми каплями, и прилипшія къ спинамъ бѣлыя матросскія рубахи. Снова мягко и нѣжно сіяла голубая лазурь страшно высокаго неба съ плывущими по немъ перистыми, ослѣпительной бѣлизны, облачками, и снова океанъ съ тихимъ ласковымъ гуломъ катилъ свои волны. Прежній ровный нордъ-вестъ раздувалъ вымпелъ и адмиральскій и

кормовой флаги. Чудный прозрачный воздухъ дышалъ острой свѣжестью, какъ бываетъ послѣ грозъ.

«Рѣзвый» уже поднялся, и бѣгъ его становился все тише и тише. Опять были поставлены всѣ уцѣлѣвшіе паруса, и вслѣдъ затѣмъ раздалась команда: «свистать всѣхъ наверхъ». Надо было мѣнять форъ-марсель, поднять новыя брамъ-реи, привязать и поставить новые паруса взамѣнъ унесенныхъ шкваломъ.

Бѣдный «Рѣзвый» походилъ теперь на птицу съ выщипанными перьями и еле подвигался впередъ.

А сбоку, на вѣтрѣ, въ близкомъ разстояніи, «Голубчикъ», уже весь съ верху до низу покрытый парусами и стройный, красивый и изящный, словно гигантская бѣлоснѣжная чайка, граціозно и легко скользилъ по океану, чуть-чуть накренившись и замѣтно убѣгая впередъ.

Видно было, что шквалъ напрасно бѣсновался, напавши на клиперъ, встрѣтившій врага съ оголенными мачтами. На «Голубчикѣ» не прозѣвали и во-время убрали всѣ паруса.

И сконфуженные моряки съ оплошавшаго и ощипаннаго «Рѣзваго», начиная съ самого адмирала и кончая маленькимъ кривоногимъ сигнальщикомъ Дудкой, смущенно, словно бы виноватые, посматриваютъ на «Голубчика», блестящій и щегольской видъ котораго еще болѣе подчеркиваетъ посрамленіе «Рѣзваго» и растравляетъ свѣжую общую рану.

«Голубчикъ» уходилъ, и адмиралъ, несмотря на гнѣвъ, невольно залюбовавшійся клиперомъ, уже снова нахмурилъ-было брови за то, что спутникъ осмѣлился удаляться, какъ вдругъ лицо адмирала прояснилось.

Словно бы волшебствомъ на «Голубчикѣ» исчезли всѣ верхніе паруса и убранъ былъ пузатый гротъ. И клиперъ пошелъ тише, поджидая своего закопавшагося товарища.

— Поднять сигналъ «Голубчику», что я изъявляю ему свое особенное удовольствіе!—приказалъ, слегка поворачивая голову къ флагъ-офицеру, адмиралъ.

Черезъ минуту сигналъ уже взвился на крюйсъ-брамъ-реѣ.

А адмиралъ нарочно громко, чтобъ слышали всѣ, стоявшіе на мостикѣ, продолжалъ, ни къ кому не обращаясь, точно говоря самъ собой:

— Вотъ это военное судно, а не... кафе-шантанъ. Видно, что тамъ понимаютъ, какъ надо служить... Тамъ офицеры не распущены... Тамъ теперь смѣются надъ позоромъ флагманскаго корвета... Это чортъ знаетъ что такое!..

«Монте-Кристо» только морщился и тревожно взглядывалъ на форъ-люкъ, откуда должны были вынести новые паруса.

Ужъ прошла минута, другая, третья, а форъ-марсель не несли, и капитанъ волновался, нервно пощипывалъ свои холеные усы, и всѣ его мысли заняты были форъ-марселемъ.

Старшій офицеръ Михаилъ Петровичъ, распоряжавшійся авраломъ, точно ужаленный жгучимъ чувствомъ ревности къ «Голубчику», гдѣ старшимъ офицеромъ былъ его большой пріятель и такой же славный морякъ, какъ и онъ самъ, и съ которымъ они соперничали въ знаніи всѣхъ тонкостей морского дѣла,—еще нетерпѣливѣе, громче и сердитѣе крикнулъ:

— На бакѣ! Что же форъ-марсель? Скорѣе форъ-марсель!

Въ этомъ крикѣ, полномъ нетерпѣнія и досады, чуткое ухо моряка услыхало бы и нотку мольбы и страданія. Оно отражалось и въ нервно напряженномъ лицѣ Михаила Петровича, и во всей его перегнувшейся черезъ поручни длинной фигурѣ, и въ этой распростертой впередъ длинной рукѣ, которая, казалось, протягивалась за марселемъ.

Онъ весь теперь былъ поглощенъ одной мыслью—скорѣй перемѣнить паруса. Ничего другого не существовало въ мірѣ въ эту минуту, и онъ, какъ Ричардъ III, готовъ былъ воскликнуть: «Марсель, подавайте марсель, всю жизнь за марсель!»

«Господи! Неужели мы опять опозоримся и не поставимъ скоро всѣхъ парусовъ!? За что же такое наказаніе! Боже, помоги!»—мысленно произносилъ онъ молитву и еще болѣе подавался впередъ, точно этимъ движеніемъ разсчитывалъ ускорить появленіе желаннаго, свернутаго въ видѣ длиннаго кулька, большого паруса.

Но прошла еще длинная, казавшаяся вѣчностью минута, а паруса не несли. Всѣ какъ-то угрюмо и вмѣстѣ сконфуженно смотрѣли на бакъ; на палубѣ царила мертвая тишина.

— Михаилъ Петровичъ! Что-жъ это такое?—голосомъ, полнымъ жалобы и страданія, шепнулъ капитанъ, и вся его полная, высокая фигура и его румяное лицо выражали мучительную боль.

Но Михаилъ Петровичъ, казалось, не слышалъ. Его, обыкновенно доброе, славное лицо внезапно исказилось бѣшенымъ животнымъ гнѣвомъ, и руки тряслись. И онъ крикнулъ дрожавшимъ, задыхающимся, злобнымъ голосомъ:

— Форъ-марсель подать! Боцмана послать!..

Съ устъ его слетѣла въ дополненіе самая грубая ругань, и онъ, словно полоумный, бросился съ мостика на палубу и съ распростертыми руками побѣжалъ на бакъ и ринулся въ подшкиперскую.

Адмиралъ въ нетерпѣніи ходилъ взадъ и впередъ по полуюту,

словно звѣрь въ клѣткѣ, и по временамъ бѣшено мялъ въ рукахъ свою фуражку и яростно бросалъ ее на палубу.

Глядя на всѣхъ этихъ бѣснующихся моряковъ, посторонній человѣкъ подумалъ бы, что попалъ въ Бедламъ.

Но это были «цвѣточки».

XII.

Въ эти нѣсколько минутъ, которыя казались нетерпѣливымъ морякамъ наверху долгими часами, въ подшкиперской каютѣ, заваленной парусами, тросами, блоками и разными другими принадлежностями судового запаса, подшкиперъ съ лихорадочною торопливостью искалъ новый запасный форъ-марсель.

На этого стараго доку и «чистодѣла», какимъ былъ, какъ почти всѣ подшкипера, унтеръ-офицеръ Артюхинъ, сегодня нашло какое-то затменіе. Въ порядкѣ содержавшій подшкиперскую и знавшій на память, гдѣ что лежитъ, онъ, словно обезумѣвшій, метался въ небольшой темноватой каютѣ кладовой, отыскивая въ огромной кучѣ парусовъ форъ-марсель и оглашая каюту отчаянными проклятіями и ругательствами, безъ которыхъ, повидимому, поиски его не могли бы увѣнчаться успѣхомъ.

А въ открытыя двери подшкиперской, около которой, въ ожиданіи марселя, стояли матросы, посматривая на бѣснующагося «Ивана Митрича», то и дѣло доносился сверху зычный голосъ боцмана, все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ нетерпѣніемъ посылавшаго черезъ люкъ морскія привѣтствія, и наконецъ перешелъ въ какой-то безостановочный ревъ сплошной ругани, напоминавшей подшкиперу, что наверху ожидаютъ марсель далеко не съ ангельскимъ терпѣніемъ, и заставлявшей Артюхина, въ свою очередь, усиливать энергію и выразительность собственной ругательной импровизаціи.

— Ахъ, ты, сволочь!

Съ этими словами старый подшкиперъ,—на плутоватомъ лицѣ котораго, по выраженію матросовъ, «черти играли въ свайку», до того оно было изрыто оспой,—съ свирѣпымъ озлобленіемъ рванулъ изо всей силы край одного изъ парусовъ и, осыпавъ марсель новой руганью, словно живое, безмѣрно виноватое передъ нимъ существо, указалъ на него окровавленными пальцами и изступленно крикнулъ:

— Тащи его, подлеца, братцы!.. Чтобъ ему...

Въ тотъ самый моментъ, какъ нѣсколько человѣкъ матросовъ вытаскивали изъ подшкиперской свернутый въ длинную, широкую колбасу парусъ, на кубрикѣ показался старшій офи-

церъ Михаилъ Петровичъ, весь блѣдный, съ лицомъ, искаженнымъ страданіемъ и злобой.

— Артюхинъ!—крикнулъ онъ задыхающимся голосомъ, пропустивъ матросовъ съ форъ-марселемъ.

— Яу!—отозвался подшкиперъ, показываясь изъ каюты, какъ ракъ красный, обливающійся потомъ и съ угрюмо-виноватымъ видомъ человѣка, чувствующаго великость своей вины и готоваго, по меньшей мѣрѣ, не досчитаться нѣсколькихъ зубовъ.

Дѣйствительно было нѣсколько мгновеній, во время которыхъ, судя по выраженію лица старшаго офицера и по сжатымъ простертымъ его кулакамъ, физіономіи подшкипера грозила серьезная опасность быть искровяненной, и Артюхинъ уже заморгалъ глазами, готовясь къ «бою».

Но Михаилъ Петровичъ видимо овладѣлъ собой и только взвизгнулъ, поднося кулакъ къ самому носу подшкипера:

— У-у-у-у... подлецъ!

И, стремительно повернувшись, вылетѣлъ наверхъ и понесся бѣгомъ на мостикъ.

Но страданія старшаго офицера не прекратилась, хотя форъ-марсель и былъ поданъ. Сегодня, какъ нарочно, на «Рѣзвомъ» неудача шла за неудачей.

Когда свернутый парусъ стали поднимать къ марсу, чтобы затѣмъ привязать къ реѣ, веревка въ какомъ-то блочкѣ «заѣла» и—можете ли изобразить ужасъ моряковъ «Рѣзваго»?—марсель остановился посединѣ, повиснувъ на снастяхъ, и дальше не шелъ.

Позоръ, да еще на глазахъ у «Голубчика», былъ полнѣйшій.

Марсовой старшина неистово дергалъ съ марса «заѣвшую» снасть и, разумѣется, костилъ ее такъ, какъ только можетъ костить сквернословіе лихого и долго служившаго во флотѣ унтеръ-офицера. Сконфуженный и освирѣпѣвшій боцманъ не очень громко, чтобы не было слышно на ютѣ, но очень энергично выбрасывалъ изъ своего горла, словно бы изъ фонтана, отчаянную ругань на марсъ и снизу трясъ и раздергивалъ веревку, которая почему-то не шла.

«Неужто онъ въ горячкѣ не досмотрѣлъ, что неправильно привязали внизу парусъ, и его придется снова спустить и перевязать?»—въ ужасъ думалъ онъ, выпаливая, какъ бы въ отместку за такія мысли, какое-то невѣроятное по смѣлости фантазіи и вдохновенія ругательство.

Владиміръ Андреевичъ Снѣжковъ, завѣдывавшій фокъ-мачтой, стоялъ около нея ни живъ ни мертвъ. Съ ошалѣлымъ лицомъ, глупо вытаращенными глазами и раскрытымъ ртомъ,

растерянно смотрѣлъ онъ на застрявшій форъ-марсель съ выраженіемъ отчаянія и страха, то и дѣло оглядываясь назадъ, на ютъ, гдѣ бѣшено носилась взадъ и впередъ коренастая фигура адмирала, и чувствовалъ, какъ у него засасываетъ подъ ложечкой и схватываетъ поясницу.

— Боцманъ... Злодѣй ты этакій!—говорилъ онъ, не понимая, гдѣ это «заѣло».

— Въ блокѣ, должно, не пущаетъ!—сердито отвѣчалъ боцманъ, продолжая потряхивать снасть.

Прошло еще нѣсколько томительныхъ секундъ.

Форъ-марсель не шелъ.

— Михаилъ Петровичъ! Что-жъ это такое?—произнесъ капитанъ страдальческимъ тономъ, обращаясь къ старшему офицеру.

Бѣдный старшій офицеръ, страдавшій, казалось, болѣе всѣхъ, только сдѣлалъ гримасу, точно отъ сильной зубной боли, и рѣзко и раздраженно отвѣтилъ:

— Сами видите, что̀ такое!.. Позоръ!

И крикнулъ отчаяннымъ теноромъ di forza:

— На бакѣ! Отчего форъ-марсель не идетъ?

— Гордень заѣлъ!—отвѣтилъ тоненькой фистулой Снѣжковъ.

— Очистить живѣй!

И старшій офицеръ, не очень-то довѣрявшій распорядительности Владиміра Андреевича, хотѣлъ-было бѣжать на бакъ, посмотрѣть, въ чемъ дѣло, какъ вдругъ сзади, съ полуюта, раздался такой пронзительный крикъ, который заставилъ и старшаго офицера и всѣхъ бывшихъ вблизи невольно вздрогнуть.

— Э-э-э... о-о-о-о!— кричалъ адмиралъ, словно бы изступленный.

Въ этомъ бѣшеномъ крикѣ, полномъ стихійнаго необузданнаго гнѣва, было что-то напоминавшее грозный ревъ разъяреннаго звѣря.

Когда крикъ прекратился, всѣ, бывшіе на палубѣ «Рѣзваго» въ этотъ ясный сентябрьскій день 186* года, увидали зрѣлище, довольно странное для не-моряковъ.

Почтенный сорокашестилѣтній адмиралъ, начальникъ эскадры, съ налитыми кровью глазами и сжатыми кулаками, топталъ бѣшено ногами свою фуражку, выдѣлывая при этомъ самыя невѣроятныя танцовальныя па.

Пляска эта, похожая на воинственную пляску краснокожихъ индѣйцевъ, какъ изображаютъ ее въ иллюстраціяхъ, продолжалась нѣсколько секундъ.

Вслѣдъ за пляской адмиралъ поднялъ истоптанную фуражку, надѣлъ ее и, подбѣжавъ къ капитану, возопилъ:

— Подъ судъ!.. Ка-бакъ... Форъ-марсель!.. Форъ-марсель

поднимайте!.. Подъ судъ!.. И васъ, и старшаго офицера, и всѣхъ... Всѣхъ...

Но эти сравнительно мягкія слова развѣ могли облегчить его переполненное гнѣвомъ сердце?..

И, точно негодуя, что нельзя облегчить душевную ярость болѣе энергическими словами и сію же минуту отдать подъ судъ и приговорить къ разстрѣлянію капитана, на суднѣ котораго такой развратъ, адмиралъ отскочилъ отъ Николая Аѳанасьевича и, перескакивая по нѣсколько ступенекъ трапа, понесся самъ на бакъ, разражаясь ругательствами...

Всѣ сторонились, давая дорогу адмиралу, который съ легкостью молодого мичмана бѣжалъ по палубѣ, прыгая черезъ снасти. Офицеры скрывались за мачты. Гардемарины притаились на своихъ мѣстахъ. Царила мертвая тишина на палубѣ, оглашаемая адмиральскимъ крикомъ.

Только среди матросовъ по временамъ слышался сдержанный шопотъ. Чуть слышно кто-нибудь говорилъ сосѣду:

— Осерчалъ ведмѣдь... Ровно подъ микитки его хватили...

— И то: осрамился конвертъ.

— Накладетъ же онъ въ кису теткѣ Авдотьѣ!

Когда адмиралъ долетѣлъ до бака, позорно застрявшаго форъ-марселя уже не было. Онъ былъ поднятъ и, подхваченный съ марса, растянутъ вдоль реи, къ которой торопливо привязывали его лихіе марсовые «Рѣзваго«, разсыпавшіеся по рею, по обѣ стороны марса, точно бѣлые муравьи въ своихъ бѣлыхъ штанахъ и рубахахъ.

Словно разъяренный быкъ, внезапно потерявшій изъ глазъ раздражавшій его предметъ и съ разбѣга остановившійся, бѣшено и изумленно поводя глазами и ища, кого бы боднуть,— адмиралъ гнѣвно вращалъ бѣлками, озираясь по сторонамъ. Около былъ только боцманъ, не спускавшій съ адмирала глазъ.

Но гнѣвъ адмирала искалъ офицера, и онъ крикнулъ:

— Гдѣ мачтовый офицеръ?

— Я здѣсь, ваше пре-вос-хо-ди-тель-ство!—скорѣе пролепеталъ, чѣмъ проговорилъ Владиміръ Андреевичъ упавшимъ голосомъ, прикладывая дрожащіе пальцы къ козырьку фуражки и показываясь изъ-за мачты, за которой прятался.

Что-то безконечно жалкое, растерянное и испуганное было во всей его рыхлой, подавшейся впередъ фигурѣ, въ этомъ поблѣднѣвшемъ полномъ лицѣ, въ этомъ дрожавшемъ визгливомъ теноркѣ.

Адмиралъ уставился на Владиміра Андреевича и, казалось, придумывалъ, что сдѣлать съ офицеромъ, у котораго не могли сразу поднять форъ-марселя.

Прошло нѣсколько мгновеній. У тетки Авдотьи душа ушла въ пятки, и онъ, какъ очарованная овца передъ страшнымъ удавомъ, впился ошалѣлымъ взоромъ въ выкаченные, метавшіе молніи, глаза адмирала.

Но, повидимому, этотъ перепуганный и поблѣднѣвшій лейтенантъ не возбуждалъ въ адмиралѣ ярости и желанія растерзать его. Не такой человѣкъ нуженъ былъ въ эту минуту его освирѣпѣвшему превосходительству!

И, словно бы считая Снѣжкова недостойнымъ быть предметомъ своего гнѣва, адмиралъ только смѣрилъ его съ ногъ до головы уничтожающимъ взглядомъ и крикнулъ ему въ упоръ не столько гнѣвно, сколько презрительно:

— Баба! Баба!.. Баба-съ!

И, круто повернувшись, пошелъ назадъ, чувствуя неодолимое желаніе что-нибудь сокрушить, кого-нибудь разнести вдребезги, такъ какъ грозовая туча, сидѣвшая въ немъ, была еще не разряжена.

Подходя къ шканцамъ, онъ увидалъ Леонтьева, того самаго невоздержнаго на языкъ мичмана, который еще сегодня утромъ въ каютъ-компаніи проповѣдывалъ возмутительныя вещи. Онъ стоялъ у гротъ-мачты съ пенсне на носу и—казалось адмиралу—имѣлъ возмутительно-спокойный и даже нахальный видъ человѣка, воображающаго о себѣ чортъ знаетъ что.

«Ахъ, онъ... скотина! Какъ онъ смѣетъ!?»

И адмиралъ въ ту же секунду возненавидѣлъ мичмана и за его противныя дисциплинѣ мнѣнія, и за его нахальный видъ, олицетворявшій распущенность офицеровъ, и за его равнодушіе къ общему позору на корветѣ. Но, главное, онъ нашелъ жертву, которая была достойна его гнѣва.

Отдаваясь, какъ всегда, мгновенно своимъ впечатлѣніямъ и чувствуя неодолимое желаніе оборвать этого «щенка», онъ внезапно подскочилъ къ нему съ сжатыми кулаками и крикнулъ своимъ пронзительнымъ голосомъ:

— Вы что-съ?

— Ничего-съ, ваше превосходительство! — отвѣчалъ офиціально-почтительнымъ тономъ мичманъ, нѣсколько изумленный этимъ неожиданнымъ и, казалось, совершенно безсмысленнымъ вопросомъ, и, вытягиваясь передъ адмираломъ, приложилъ руку къ козырьку фуражки и принялъ самый серьезный видъ.

— Ничего-съ?.. На корветѣ позоръ, а вы ничего-съ?.. Пассажиромъ стоитъ съ лорнеткой, а? Да какъ вы смѣете? Кто вы такой?

— Мичманъ Леонтьевъ,—отвѣчалъ молодой офицеръ, чуть-чуть улыбаясь глазами.

Эта улыбка, смѣющаяся, казалось, надъ бѣшенствомъ адмирала, привела его въ изступленіе, и онъ, словно оглашенный, заоралъ:

— Вы не мичманъ, а щенокъ... Щенокъ-съ! Ще-нокъ!— повторялъ онъ, потряхивая въ бѣшенствѣ головой и тыкая кулакомъ себя въ грудь. — Я собью съ васъ эту фанаберію... Научу, какъ служить! Я... я... э-э-э...

Адмиралъ не находилъ словъ.

А «щенокъ» внезапно сталъ бѣлѣй рубашки и сверкнулъ глазами, точно молодой волчонокъ. Что-то прилило къ его сердцу и охватило все его существо. И, забывая, что передъ нимъ адмиралъ, пользующійся, по уставу, въ отдѣльномъ плаваніи почти неограниченной властью, да еще на шканцахъ *),— онъ вызывающе бросилъ отвѣтъ:

— Прошу не кричать и не ругаться!

— Молчать передъ адмираломъ, щенокъ!—возопилъ адмиралъ, наскакивая на мичмана.

Тотъ не двинулся съ мѣста. Злой огонекъ блеснулъ въ его расширенныхъ зрачкахъ, и губы вздрагивали. И, помимо его воли, изъ груди его вырвались слова, произнесенныя дрожащимъ отъ негодованія, неестественно визгливымъ голосомъ:

— А вы... вы... бѣшеная собака!

На мостикѣ всѣ только ахнули. Ахнулъ въ душѣ и самъ мичманъ, но почему-то улыбался.

На мгновеніе адмиралъ ошалѣлъ и невольно отступилъ назадъ.

И затѣмъ, задыхаясь отъ ярости, взвизгнулъ:

— Въ кандалы его. Въ кан-да-лы! Матросскую куртку надѣну! Уберите его!.. Заприте въ каюту! Подъ судъ!

Мичманъ Леонтьевъ не дожидался, пока его «уберутъ», и спустился внизъ, сопровождаемый сочувственными взглядами гардемарина Ивкова и кондуктора Подоконникова.

А бѣшеный адмиралъ взбѣжалъ на мостикъ и кричалъ, обращаясь къ капитану:

— Полюбуйтесь, какіе у васъ офицеры... Позоръ... Васъ подъ судъ... Подъ судъ... Тьфу! Кабакъ... Тьфу!

И, точно не находя словъ и желая выразить полное презрѣніе къ судну, онъ яростно плюнулъ (за бортъ однако) и бросился съ трапа.

Громко стукнувшая дверь доложила, что адмиралъ ушелъ въ каюту.

---

*) Дерзость начальнику на шканцахъ усугубляетъ наказаніе, такъ какъ шканцы на военномъ суднѣ считаются какъ бы священнымъ мѣстомъ.

Тамъ онъ рванулъ съ себя сюртукъ такъ, что отскочили пуговицы, и, бросивъ его на полъ, забѣгалъ, точно раненый звѣрь въ своемъ логовѣ.

XIII.

Минутъ черезъ двадцать «Рѣзвый» ужъ не имѣлъ вида ощипанной птицы и, поставивъ всѣ паруса, понесся, разрѣзывая волны, и нагонялъ «Голубчика».

Авралъ былъ конченъ. Подвахтенныхъ просвистали внизъ.

Мичманъ Щегловъ, прозѣвавшій шквалъ, совсѣмъ убитый, снова поднялся на мостикъ, вступая на вахту, и сконфуженно и виновато взглянулъ на капитана и старшаго офицера, которые оба были мрачны и угрюмы послѣ того, что произошло на корветѣ.

Особенно ему было стыдно передъ Михаиломъ Петровичемъ, и Щегловъ не могъ не сказать ему:

— Я, право, не могу понять, какъ это случилось, Михаилъ Петровичъ...

— Впередъ не зѣвайте на вахтѣ, батенька!.. Ну, нечего такъ отчаиваться!..—прибавилъ онъ, замѣтивъ отчаяніе Щеглова. — Со всякимъ можетъ случиться грѣхъ.

— А адмиралъ не запретитъ мнѣ стоять на вахтѣ, Михаилъ Петровичъ? Вѣдь это было бы ужасно...

— Не думаю... А впрочемъ, кто его знаетъ... Сегодня онъ совсѣмъ бѣшеный!—замѣтилъ онъ, спускаясь вслѣдъ за капитаномъ внизъ.

Всѣ господа офицеры сидѣли въ каютъ-компаніи, подавленные, удрученные и взволнованные и «позоромъ» корвета, и адмиральскимъ «ураганомъ», и, главное, судьбой этого отчаяннаго «Сереженьки», который рѣшился назвать адмирала, да еще на шканцахъ, бѣшеной собакой.

Что-то будетъ съ бѣднымъ Леонтьевымъ?

— Непремѣнно *онъ* его отдастъ подъ судъ, и Сереженьку разжалуютъ въ матросы!—говорилъ Снѣжковъ, все еще не пришедшій въ себя, несмотря на то, что самъ онъ сегодня довольно-таки дешево отдѣлался, скушавши только «бабу».

— Какъ вы думаете, Михаилъ Петровичъ, отдадутъ Леонтьева подъ судъ?—обратился Снѣжковъ къ старшему офицеру, который молча и угрюмо дымилъ папироской, сидя на своемъ почетномъ мѣстѣ, на диванѣ.

— А никакъ не думаю! — сердито отвѣчалъ старшій офицеръ, желая избавиться отъ разспросовъ и втайнѣ, кажется, одобрявшій поступокъ своего любимца.

— Если и не подъ судъ, то во всякомъ случаѣ выгонятъ со

службы... Бѣдный Сергѣй Александровичъ! Ни за что пропала карьера человѣка!.. Вотъ и допрыгался! Я всегда говорилъ, что надо быть философомъ и не лѣзть на рожонъ... Ну, поораль и пересталъ... А теперь?.. Эй, вѣстовые! Подай-ка мнѣ портерку! — приказалъ докторъ.

Старшій офицеръ искоса поглядѣлъ на доктора недовольнымъ взглядомъ.

«Стыдно, дескать, упрекать товарища, да еще въ бѣдѣ!»

— А что адмиралъ съ эскадры ушлетъ Сергѣя Александровича, это какъ Богъ святъ! — вставилъ пожилой артиллеристъ.

— И то счастливо отдѣлается...

— Дай-то Богъ, чтобы этимъ отдѣлался... Только врядъ ли... Подумайте: на шканцахъ!.. Недаромъ адмиралъ грозилъ матросской курткой... Ахъ, Сереженька! — участливо вздохнулъ Снѣжковъ. — Пойти его провѣдать...

— Нельзя-съ! — рѣзко промолвилъ старшій офицеръ. — Онъ подъ арестомъ, и часовой у его каюты.

— А я вамъ скажу, господа, что ничего Сергѣю Александровичу не будетъ! — совершенно неожиданно проговорилъ старшій штурманъ, доселѣ хранившій молчаніе.

Всѣ, исключая старшаго офицера, удивленно взглянули на штурмана, точно онъ сказалъ нѣчто несообразное.

— Что вы удивились?.. Я не наобумъ говорю... Я знаю адмирала... Слава Богу, плавалъ съ нимъ... И былъ случай, да и не такой, а поядовитѣе, можно сказать... Помните, Михаилъ Петровичъ, на «Поспѣшномъ» исторію съ Ивановымъ, штурманскимъ офицеромъ?

Михаилъ Петровичъ молча кивнулъ головой.

— Какая исторія? Разскажите, Иванъ Иванычъ! — обратилось нѣсколько голосовъ къ сѣденькому старичку.

— А исторія простая-съ. Тоже взъерепенился адмиралъ однажды такъ же, какъ сегодня, только по другому поводу... Карту, видите ли, штурманскій офицеръ ему нескоро подалъ... Ну, адмиралъ и осатанѣлъ, да и ругнулъ, знаете ли, его по-русски... А Ивановъ, хоть и штурманъ-съ, маленькій человѣчекъ, а все-таки имѣлъ свою амбицію и не стерпѣлъ, да и отвѣтилъ ему на томъ же русскомъ діалектѣ-съ...

И старый штурманъ одобрительно хихикнулъ.

— Ну и что же?

— А ничего... Адмиралъ спохватился и говоритъ:—«Я не васъ, а въ третьемъ лицѣ!» — «И я, — отвѣчалъ штурманъ: — въ третьемъ лицѣ, ваше превосходительство!» Тѣмъ все и кончилось... Никакого зуба не имѣлъ противъ него и, какъ слѣдуетъ, по окончаніи плаванія къ наградѣ его представилъ...

Онъ хоть и бѣшеный, но справедливый и добрый человѣкъ... Мстить изъ-за личностей не будетъ!.. Видно, не знаете вы, господа, адмирала! — заключилъ штурманъ.

Не зналъ его, конечно, и Леонтьевъ и, сидя подъ арестомъ въ каютѣ, находился въ подавленно-тревожномъ состояніи духа, вполнѣ убѣжденный, что ему грозитъ разжалованіе. Какъ-никакъ, а вѣдь онъ совершилъ тягчайшее преступленіе съ точки зрѣнія морской дисциплины. Положимъ, онъ былъ вызванъ на дерзость дерзостью «глазастаго чорта», но вѣдь судъ не приметъ этого во вниманіе. Морской уставъ точенъ и ясенъ — разжалованіе въ матросы.

И Леонтьевъ проклиналъ этого «башибузука», неизвѣстно за что набросившагося на него, проклиналъ и ненавидѣлъ, какъ виновника своего несчастья. И все-таки не раскаивался въ томъ, что сдѣлалъ. Пусть видитъ, что нельзя безнаказанно оскорблять людей, хотя бы онъ и былъ превосходный морякъ... Пусть... его разжалуютъ... Онъ и матросомъ запалитъ ему въ морду, если адмиралъ станетъ позорить его человѣческое достоинство...

И, вспомнивъ, какъ его, мичмана, назвали «щенкомъ», молодой человѣкъ стиснулъ зубы и инстинктивно сжалъ кулаки, охваченный негодованіемъ...

О, Господи! Какъ еще утромъ онъ былъ веселъ и счастливъ, и вдругъ теперь изъ-за этого «бѣшенаго животнаго», изъ-за этого «самодура» вся будущая жизнь его представляется какимъ-то мракомъ.

Молодой человѣкъ бросился на койку и пробовалъ заснуть, чтобъ избавиться отъ грустныхъ мыслей. Но, слишкомъ взволнованный, онъ заснуть не могъ и снова сталъ думать о своей будущей судьбѣ, о матросской куртκѣ, объ адмиралѣ...

Прошелъ такъ часъ, какъ дверь его каюты отворилась и вошелъ вахтенный унтеръ-офицеръ.

— Ваше благородіе, васъ требуетъ адмиралъ.

«Чего еще ему надо отъ меня?» — подумалъ со злостью мичманъ и спросилъ:

— Гдѣ онъ? Наверху?

— Никакъ нѣтъ, въ каютѣ!

Леонтьевъ вскочилъ съ койки и, поднявшись наверхъ, вошелъ въ адмиральскую каюту съ мрачнымъ и рѣшительнымъ видомъ на все готоваго человѣка, полный ненависти къ адмиралу.

XIV.

Взволнованный, но уже не гнѣвнымъ чувствомъ, а совсѣмъ другимъ, безпокойный адмиралъ быстро подошелъ къ остано-

вившемуся у порога молодому мичману и, протягивая ему обѣ руки, проговорилъ дрогнувшимъ, мягкимъ голосомъ, полнымъ подкупающей искренности человѣка, сознающаго себя виноватымъ:

— Прошу васъ, Сергѣй Александровичъ, простить меня... Не сердитесь на своего адмирала...

Леонтьевъ остолбенѣлъ отъ изумленія, — до того это было для него неожиданно.

Онъ уже ждалъ въ будущемъ обѣщанной ему «матросской куртки». Онъ уже слышалъ, казалось, приговоръ суда — строгаго морского суда — и видѣлъ свою молодую жизнь загубленною, и вдругъ вмѣсто этого тотъ самый адмиралъ, котораго онъ при всѣхъ назвалъ «бѣшеной собакой», первый же извиняется передъ нимъ, мичманомъ.

И, не находя словъ, Леонтьевъ растерянно и сконфуженно смотрѣлъ въ это растроганное, доброе лицо, въ эти необыкновенно кроткіе теперь глаза, слегка увлаженные слезами.

Такимъ онъ никогда не видалъ адмирала. Онъ даже не могъ представить себѣ, чтобы это энергическое и властное лицо могло дышать такой кроткой нѣжностью.

И только въ эту минуту онъ понялъ этого «башибузука». Онъ понялъ доброту и честность его души, имѣвшей рѣдкое мужество сознать свою вину передъ подчиненнымъ, и стремительно протянулъ ему руки, самъ взволнованный, умиленный и смущенный, вновь полный счастья жизни.

Лицо адмирала освѣтилось радостью. Онъ горячо пожалъ руки молодого человѣка и сказалъ:

— И не подумайте, что давеча я хотѣлъ лично оскорбить васъ. У меня этого и въ мысляхъ не было... Я люблю молодежь, — въ ней вѣдь надежда и будущность нашего флота. Я просто вышелъ изъ себя, какъ морякъ, понимаете? Когда вы будете сами капитаномъ или адмираломъ и у васъ прозѣваютъ шквалъ и не перемѣнятъ во-время марселя, вы это поймете. Вѣдь и въ васъ морской духъ... Вы — бравый офицеръ, я знаю... Ну, а мнѣ показалось, что вы стояли, какъ будто вамъ все равно, что корветъ осрамился, и... будто смѣетесь глазами надъ адмираломъ... Я и вспылилъ... Вы вѣдь знаете, у меня характеръ скверный... И не могу я съ нимъ справиться!.. — словно бы извиняясь, прибавилъ адмиралъ. — Жизнь смолоду въ суровой школѣ прошла... Прежнія времена — не нынѣшнія!

— Я больше виноватъ, ваше превосходительство... я...

— Ни въ чемъ вы не виноваты-съ! — перебилъ адмиралъ. — Вамъ показалось, что васъ оскорбили, и вы не снесли этого, рискуя будущностью... Я васъ понимаю и уважаю-съ... А те-

перь забудемъ о нашей стычкѣ и не сердитесь на... на «бѣшеную собаку», — улыбнулся адмиралъ. — Право, она не злая. Такъ не сѐрдитесь? — допрашивалъ адмиралъ, тревожно заглядывая въ лицо мичмана.

— Нисколько, ваше превосходительство.

Адмиралъ видимо успокоился и повеселѣлъ.

— Если вы не удовлетворены моимъ извиненіемъ здѣсь, я охотно извинюсь передъ вами наверху, передъ всѣми офицерами... Хотите?..

— Я вполнѣ удовлетворенъ и очень благодаренъ вамъ...

Адмиралъ обнялъ Леонтьева за талію и прошелъ съ нимъ нѣсколько шаговъ по каютѣ.

— Присядьте-ка...

И, когда мичманъ присѣлъ, адмиралъ опустился на диванъ и, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, произнесъ:

— И знаете ли, что̀ я вамъ скажу, Сергѣй Александровичъ, не какъ адмиралъ, а какъ старшій товарищъ, пожившій и повидавшій болѣе вашего. Не будьте слишкомъ строги и торопливы въ приговорахъ о людяхъ. Я слышалъ, что̀ вы сегодня утромъ говорили въ каютъ-компаніи... Слышалъ, какимъ вы хотѣли быть адмираломъ! — усмѣхнулся Корневъ. — Но только вы все вздоръ говорили... Положимъ, я требователенъ по службѣ, школю всѣхъ васъ, но будто ужъ я такой отчаянный деспотъ, какимъ вы меня расписывали, а?.. И знаете ли что̀? Не услышь я случайно вашего разговора, были бы вы сегодня на «Голубчикѣ»! — неожиданно прибавилъ адмиралъ.

Леонтьевъ удивленно взглянулъ на адмирала, ничего не понимая.

— Я имѣлъ намѣреніе васъ перевести на «Голубчикъ», но послѣ вашего разговора не перевелъ... А знаете ли почему?..

— Не могу догадаться, ваше превосходительство.

— Чтобъ вы не подумали, будто я васъ перевожу изъ-за того, что вы бранили своего адмирала... Теперь поняли?..

— Понялъ,—отвѣчалъ мичманъ.

— И я радъ, что такъ случилось... Очень радъ, что будемъ вмѣстѣ. Вы по крайней мѣрѣ убѣдитесь, что я не такой ужъ тиранъ... Поживете, увидите настоящихъ злыхъ... адмираловъ... Тогда, быть можетъ, и вспомните добромъ такого, какъ вашъ.

— Я никогда не забуду сегодняшняго дня, ваше превосходительство! — порывисто и съ чувствомъ произнесъ молодой человѣкъ. — Я никакъ не ожидалъ, что вы... такъ снисходительно отнесетесь къ моему поступку... Я думалъ...

— Вы думали, что я въ самомъ дѣлѣ надѣну на васъ матросскую куртку?.. Отдамъ васъ подъ судъ за то, что вы на-

звали меня бѣшеной собакой? — спросилъ, улыбаясь, адмиралъ.

— Признаться, думалъ, ваше превосходительство.

— Плохо же вы знаете своего адмирала! — съ выраженіемъ не то грусти, не то неудовольствія промолвилъ адмиралъ.—А, кажется, меня не трудно узнать... Я передъ всѣми вами весь, каковъ есть... Вотъ если бы вы осмѣлились ослушаться моего приказанія, или были малодушный или несчастный офицеръ, позорящій честь флага, тогда я не задумался бы строго наказать васъ... Не пожалѣлъ бы. А въ военное время и разстрѣлялъ бы офицера-труса или измѣнника! — энергично воскликнулъ адмиралъ, сверкнувъ глазами и сжимая кулаки.—Но губить молодого мичмана, да еще такого славнаго, только за то, что онъ такой же бѣшеный, какъ и его адмиралъ, и на дерзость отвѣтилъ дерзостью... Какъ вы могли, какъ вы смѣли объ этомъ думать... А еще неглупый человѣкъ, и такъ мало понимать людей!? Нѣтъ, любезный другъ, я не обращаю вниманія на такіе пустяки и изъ-за нихъ никого не губилъ... Не въ нихъ дѣло... Не въ этомъ духъ службы... Этимъ пусть занимаются какіе-нибудь мелочные люди... какіе-нибудь торгаши-адмиралы, не любящіе флота...

И, съ обычной своей экспансивностью, адмиралъ сталъ излагать свои взгляды на службу, на ея духъ, на отношенія начальника къ подчиненнымъ, на связь, какая должна быть между ними. Разумѣется, не обошлось безъ указаній на такихъ «незабвенныхъ» моряковъ, какъ Нельсонъ, Лазаревъ, Нахимовъ и Корниловъ...

Отпуская послѣ этой интимной бесѣды молодого мичмана, адмиралъ сердечно проговорилъ:

— Помните, что во мнѣ вы всегда найдете преданнаго друга... И впослѣдствіи, если я вамъ могу быть въ чемъ-нибудь полезенъ, идите прямо къ прежнему своему адмиралу. Что могу, всегда сдѣлаю... А сегодня прошу ко мнѣ обѣдать... Вы любите поросенка съ кашей?

— Люблю, ваше превосходительство.

— Такъ у меня сегодня поросенокъ съ гречневой кашей! — весело проговорилъ адмиралъ.

Молодой мичманъ вышелъ изъ адмиральской каюты горячимъ поклонникомъ безпокойнаго адмирала.

И спустя много лѣтъ, когда ему пришлось служить съ болѣе покойными «цензовыми» адмиралами новѣйшей формаціи, сколько разъ и съ какимъ теплымъ, благодарнымъ чувствомъ вспоминалъ онъ объ этомъ безпокойномъ и жалѣлъ, что такого уже нѣтъ болѣе во флотѣ...

— Эй, Васька! — крикнулъ адмиралъ, когда ушелъ Леонтьевъ, но крикнулъ какъ-то нерѣшительно, не такъ, какъ всегда.

Тотъ явился, словно бы нехотя, еле передвигая ноги, недовольный и мрачный, съ подвязанной чернымъ платкомъ щекой.

Адмиралъ покосился на подвязанную щеку, вспомнилъ, что, вернувшись въ каюту послѣ того, какъ бѣсился на палубѣ, онъ за что-то толкнулъ подвернувшагося ему Ваську, и виновато спросилъ:

— Ты щеку-то... зачѣмъ подвязалъ?

— Еще спрашиваете: зачѣмъ? — грубо отвѣчалъ Васька, зная, что адмиралъ теперь въ такомъ настроеніи, что ему можно грубить безнаказанно. — Зачѣмъ!? Мнѣ тоже даже довольно совѣстно показывать передъ людьми свой срамъ...

— Какой срамъ?

— А синякъ... Въ самый глазъ давеча звѣзданули... Чуть выше—и вовсе глаза бы рѣшился... И хоть бы за какую-нибудь вину... А то вовсе зря, изъ-за вашего бѣшенаго карахтера...

Адмиралъ не ронялъ слова, и Васька, бросивъ быстрый, лукавый взглядъ своего неподвязаннаго глаза на адмирала, послѣ паузы, рѣшительно проговорилъ:

— Какъ вамъ угодно, но только больше переносить отъ васъ мукъ я несогласенъ. Это сверхъ силъ моего терпѣнія... Какъ, значитъ, придемъ въ Нагасаки, извольте меня увольнить... Возьмите себѣ другого слугу.

— Кого я возьму? Что ты врешь тамъ?

— Вовсе не вру... Въ Нагасакахъ дозвольте получить разсчетъ.

— Ну, ну... не сердись... Не ворчи...

— Я не сержусь... Я знаю, что вы отходчисты, но все-таки обидно... Прямо въ глазъ!..

Адмиралъ вышелъ въ сосѣднюю каюту и, вернувшись, подалъ Васькѣ большой золотой американскій игль (въ десять долларовъ) и сказалъ:

— Вотъ тебѣ... возьми... Не ворчи только...

Почувствовавъ въ рукѣ монету, Васька поблагодарилъ и послѣ небольшого предисловія объявилъ, что онъ готовъ служить адмиралу. Онъ останется — разумѣется, не «изъ антереса» («какой мнѣ антересъ?»), а только потому, что очень «приверженъ» къ его превосходительству.

Проговоривъ эту тираду, Васька однако не уходилъ.

— Что тебѣ надо еще? — спросилъ адмиралъ.

— Маленькая просьбица, ваше превосходительство.

— Говори.

— Дозвольте взять ваше штатское пальтецо. Вы не извольте носить его. Оно зря виситъ... А я бы передѣлалъ.

— Бери.

— И пинжакъ у васъ одинъ совсѣмъ для адмиральскаго званія не подходитъ. А вашему камердинеру отлично бы! — продолжалъ Васька.

— Бери.

— Премного благодаренъ, ваше превосходительство.

— Большая ты каналья, Васька! — добродушно разсмѣялся адмиралъ.

Васька осклабился, оскалилъ зубы отъ этого комплимента и вышелъ изъ каюты, весьма довольный, что «нагрѣлъ» адмирала да еще за сравнительно пустой синякъ, едва даже замѣтный.

И онъ немедленно же снялъ со щеки платокъ, надѣтый имъ спеціально для предъявленія адмиралу бо́льшихъ требованій послѣ его гнѣвнаго состоянія, во время котораго Васька, кажется, нарочно подвертывался подъ руку бушующаго барина и получалъ, случалось, экстренныя затрещины, чтобы послѣ предъявить на нихъ счетъ, разыгрывая комедію невинно обиженнаго человѣка.

И адмиралъ всегда откупался, такъ какъ, по словамъ Васьки, послѣ того, какъ отходилъ, бывалъ совсѣмъ «простъ», и тогда проси у него, что́ хочешь. Дастъ!

XV.

Когда мичманъ Леонтьевъ появился въ каютъ-компаніи, веселый и радостный, совсѣмъ непохожій на человѣка, собирающагося одѣть матросскую куртку, — всѣ поняли, что объясненіе съ адмираломъ окончилось благополучно, и облегченно вздохнули, нетерпѣливо ожидая сообщеній Леонтьева.

Повидимому, болѣе всѣхъ былъ радъ за своего любимца старшій офицеръ. Хоть онъ и не предвидѣлъ особыхъ бѣдъ для дерзкаго мичмана, но все-таки ждалъ непріятностей и думалъ, что Леонтьева вышлютъ съ эскадры.

И его нахмуренное лицо озарилось доброй улыбкой и маленькіе близорукіе глаза заискрились радостью, когда онъ спросилъ, увѣренный по веселому виду мичмана, что все обошлось:

— Подъ арестъ, значитъ, ужъ не нужно, Сергѣй Александровичъ?

— Не нужно, Михаилъ Петровичъ, не нужно... Сегодня званъ къ адмиралу обѣдать.

— Обѣдать?! — воскликнулъ «тетка Авдотья» и совсѣмъ выкатилъ свои ошалѣлые глаза.—Вотъ такъ ловко!

— И вы остаетесь на эскадрѣ?

— Въ Россію не ѣдете?

— И ничего вамъ не будетъ?

— Остаюсь... и ничего мнѣ не будетъ! — отвѣчалъ на бросаемые ему со всѣхъ сторонъ вопросы молодой человѣкъ.

— Невѣроятно!—пробасилъ артиллеристъ.

— Удивительно!—счелъ долгомъ удивиться даже и докторъ.

Штурманъ значительно и торжествующе улыбался. «Дескать, что̀ я вамъ говорилъ?»

— Но, вѣрно, онъ пушилъ васъ, Сереженька?.. Здорово, а?— спрашивалъ Снѣжковъ.

— И не пушилъ... Знаете ли, господа, вѣдь мы совсѣмъ не знаемъ адмирала. Я только-что сейчасъ его узналъ... Какая справедливая душа! Какая порядочность!—восторженно воскликалъ мичманъ, присаживаясь у стола.

— Влюбились въ него теперь?—иронически замѣтилъ ревизоръ.

— Да, влюбился,—вызывающе проговорилъ молодой человѣкъ.—Влюбился и буду теперь стоять за него горой, и охотно прощаю ему и его крики и минуты бѣшенства... Онъ человѣкъ! И я былъ болванъ, считая его злымъ и мстительнымъ. Торжественно заявляю, господа, что былъ болванъ!

— Да вы разскажите толкомъ, что̀ такое случилось? Какъ это вы вдругъ обратились въ христіанскую вѣру?—нетерпѣливо замѣтилъ докторъ.

— Разсказывайте, разсказывайте, Сереженька.

— Что̀ случилось? А вотъ что̀: онъ извинился передо мной, и если-бъ вы знали, какъ искренно и сердечно. Онъ... адмиралъ... Понимаете?

Эти слова вызвали общее изумленіе.

Дѣйствительно, господамъ морякамъ, привыкшимъ къ желѣзной дисциплинѣ, трудно было понять, чтобы адмиралъ, получившій дерзость, могъ первый извиниться. Онъ могъ простить ее, но не просить прощенія у подчиненнаго. Это казалось чѣмъ-то диковиннымъ.

— И мало того,—порывисто продолжалъ мичманъ:—онъ понялъ, что я вызванъ былъ на дерзость его дерзостью, и не считаетъ меня виноватымъ... Скажите, господа, многіе ли начальники способны на это?.. Вѣдь надо быть очень порядочнымъ человѣкомъ, чтобъ поступить такъ...

Когда Леонтьевъ подробно передалъ свое объясненіе съ адмираломъ, въ каютъ-компаніи раздались восторженныя одобренія. Всѣ рѣшили, что хотя съ безпокойнымъ адмираломъ и тяжело подчасъ служить, и онъ бываетъ бѣшеный, но что

онъ добрый и справедливый человѣкъ, достойный глубокаго уваженія.

И въ этотъ самый день, когда адмиралъ бѣсновался, какъ сумасшедшій, и послѣ извинился предъ мичманомъ, сказавшимъ ему дерзость, на «Рѣзвомъ» незримо для всѣхъ крѣпла духовная связь между безпокойнымъ адмираломъ и его подчиненными, оставшаяся на всю жизнь добрымъ и поучительнымъ воспоминаніемъ о «человѣкѣ»,—воспоминаніемъ, которымъ—увы!—едва ли похвалятся современные адмиралы, вырабатывающіе свои отношенія къ подчиненнымъ лишь на безжизненной буквѣ устава или на торгашескихъ правилахъ «ценза», хотя бы весьма корректные и никогда не увлекающіеся профессіональнымъ гнѣвомъ.

Пока въ каютъ-компаніи шли разговоры объ адмиралѣ, онъ вышелъ изъ каюты и разгуливалъ взадъ и впередъ по шканцамъ, кидая по временамъ быстрые взгляды на рыжаго мичмана Щеглова, стоявшаго на мостикѣ.

Разстроенный и подавленный видъ молодого моряка возбуждалъ въ адмиралѣ участіе. Онъ понималъ, что долженъ былъ переживать молодой самолюбивый офицеръ, свершившій такое «преступленіе», какъ онъ. И это его отчаяніе и вызывало въ адмиралѣ сочувствіе и заставляло простить его вину, вселяя въ адмиралѣ увѣренность, что морякъ, такъ сильно потрясенный, ужъ болѣе не прозѣваетъ шквала, и что слѣдовательно отрѣшить его отъ командованія вахтой, какъ онъ собирался, было бы напраснымъ лишнимъ оскорбленіемъ и безъ того оскорбленнаго самолюбія.

И адмиралъ поднялся на мостикъ, подошелъ къ Щеглову и, какъ ни въ чемъ не бывало, спросилъ:

— Какъ ходъ-съ?

— Десять узловъ, ваше превосходительство!

Въ голосѣ мичмана звучала виноватая нотка.

Адмиралъ поднялъ голову, осмотрѣлъ паруса и замѣтилъ:

— Отлично-съ у васъ стоятъ паруса...

Этотъ комплиментъ, который въ другое время порадовалъ бы мичмана, теперь, напротивъ, заставилъ его только вспыхнуть. Онъ напомнилъ ему о парусахъ, потерянныхъ по его винѣ, и казался ему какою-то насмѣшкой.

«Ужъ лучше бы *онъ* опять разнесъ и назвалъ прачкой!»—подумалъ мнительный и нервно-настроенный морякъ.

Адмиралъ, казалось, понялъ и это. Ему стало жаль молодого человѣка. И онъ мягко промолвилъ:

— Не слѣдуетъ падать духомъ, любезный другъ... Вы получили тяжелый урокъ и, конечно, имъ воспользуетесь... Бѣда

у всѣхъ возможна... И вамъ только дѣлаетъ честь, что вы такъ близко приняли ее къ сердцу... Это доказываетъ, что въ васъ морская душа браваго офицера... Да-съ!

Молодой мичманъ, все еще думавшій, что ему мѣсто только въ «прачкахъ», ожилъ отъ этихъ ободряющихъ словъ адмирала и въ эту минуту желалъ только одного: чтобы на корветъ немедленно налетѣлъ самый отчаянный шквалъ. Онъ показалъ бы и адмиралу и всѣмъ, какъ лихо бы онъ убрался.

Но горизонтъ со всѣхъ сторонъ былъ чистъ, и мичманъ могъ только взволнованно проговорить:

— Я, ваше превосходительство, повѣрьте... заглажу свою вину... Вы увидите...

— Не сомнѣваюсь... И скажу вамъ, что на вашихъ вахтахъ я буду спокойно спать!—проговорилъ адмиралъ и спустился съ мостика.

Мичманъ, не находя словъ, благодарно взглянулъ на адмирала, оказывающаго ему такое довѣріе, и окончательно почувствовалъ себя снова неопозореннымъ морякомъ, могущимъ оставаться на службѣ.

И адмиралъ не ошибся. Дѣйствительно онъ могъ потомъ спокойно спать на вахтахъ Щеглова, такъ какъ послѣ этого дня на корветѣ не было болѣе бдительнаго вахтеннаго начальника.

Ободряющія, вò-время сказанныя слова отчаявшемуся молодому моряку сохранили флоту хорошаго офицера и были убѣдительнѣе всякихъ выговоровъ и арестовъ и всего того мертвящаго формализма, который особенно губителенъ во флотѣ.

Николай Аѳанасьевичъ долго кейфовалъ у себя въ каютѣ и не показывался наверху, чтобы не встрѣтиться съ адмираломъ.

Наконецъ онъ послалъ вѣстового за старшимъ офицеромъ, и, когда тотъ присѣлъ въ капитанской каютѣ, капитанъ спросилъ:

— Ну что, Михаилъ Петровичъ, адмиралъ отошелъ?

— Отошелъ, Николай Аѳанасьичъ... Только-что съ Леонтьевымъ объяснился и извинился передъ нимъ.

Монте-Кристо пожалъ плечами и, улыбаясь, сказалъ:

— Сумасшедшій!.. Съ нимъ ни минуты покоя... Значитъ, и насъ съ вами не отдастъ подъ судъ?

— Мало ли что онъ скажетъ...

— Ну и накричался же онъ сегодня... Уфъ!—отдувался Николай Аѳанасьевичъ.—И главное: почему, скажите на милость, нашъ корветъ—кафе-шантанъ?—внезапно раздражился капитанъ, вспомнивъ обидныя слова адмирала.—Что онъ на-

шелъ въ немъ похожаго на кафе-шантанъ, а?.. Вѣдь это чортъ знаетъ что такое...

— Осрамились мы сегодня, Николай Аѳанасьевичъ, надо сознаться.

— Да... все изъ-за Щеглова... И потомъ этотъ форъ-марсель... Отчего его долго не несли?

— Подшкиперъ въ спѣшкѣ не могъ его найти...

— Экая каналья!.. Но все-таки: почему же кафе-шантанъ? Кажется, у насъ корветъ въ порядкѣ...

— Кажется,—скромно отвѣчалъ старшій офицеръ.

— Нѣтъ, рѣшительно съ нимъ невозможно служить... Если онъ будетъ такъ продолжать, я, Михаилъ Петровичъ, попрошусь въ Россію... Надоѣло... Но пока это между нами... «Распустилъ офицеровъ»!.. Не ругаться же мнѣ, какъ боцману... Что значитъ: «распустилъ»?..

Капитанъ еще нѣсколько времени изливался передъ старшимъ офицеромъ и, когда тотъ ушелъ, снова улегся на диванъ и морщился при мысли, что послѣ сегодняшнихъ треволненій придется идти обѣдать къ безпокойному адмиралу. Правда, обѣды у него отличные и вино хорошее, но...

— Нѣтъ... почему: кафе-шантанъ? — воскликнулъ снова Монте-Кристо и никакъ не могъ сообразить, что этимъ хотѣлъ сказать адмиралъ.

XVI.

Адмиралъ обѣдалъ въ шесть часовъ. Столъ у адмирала былъ обильный и вина превосходныя. Въ морѣ у него каждый день обѣдало человѣкъ десять. Кромѣ постоянныхъ его гостей—командира, флагъ-капитана и флагъ-офицера, обѣдавшихъ у адмирала ежедневно, приглашались: вахтенный начальникъ, вахтенные гардемаринъ и кондукторъ, стоявшіе на вахтѣ съ 4 часовъ до 8 утра, и, по очереди, два или три офицера изъ числа остального персонала каютъ-компаніи. Довольно часто кто-нибудь приглашался и экстренно, не въ очередь. По воскресеньямъ, случалось, адмирала приглашали офицеры обѣдать въ каютъ-компанію.

Всѣ на «Рѣзвомъ» хорошо знали, что адмиралъ не любилъ, когда приглашенные являлись ранѣе назначеннаго времени. Онъ держался англійскихъ обычаевъ и допускалъ опозданіе минутъ на пять, но никакъ не появленіе гостя хотя бы минутой раньше.

Вначалѣ, когда еще не всѣмъ были извѣстны эти «правила», одинъ мичманъ, приглашенный къ адмиралу, желая быть вполнѣ корректнымъ, по его мнѣнію, пришелъ въ адми-

ральскую каюту минутъ за восемь и былъ принятъ далеко не съ обычной привѣтливостью радушнаго и гостепріимнаго хозяина.

Молча протянулъ адмиралъ гостю руку, молча указалъ пальцемъ на диванъ, присѣлъ самъ и, видимо чѣмъ-то недовольный, упорно молчалъ, подергивая плечами и теребя щетинистые усы.

Въ отвагѣ отчаянія гость рѣшился завязать разговоръ и сказалъ:

— Отличная сегодня погода, ваше превосходительство...

Вмѣсто отвѣта адмиралъ только покосился на мичмана и, послѣ паузы, проговорилъ:

— А знаете ли, что я вамъ скажу, любезный другъ...

«Любезный другъ», успѣвшій уже изучить другія привычки «глазастаго чорта», взглянулъ на него съ нѣкоторой душевной тревогой.

И по тону и по упорному взгляду круглыхъ, выкаченныхъ глазъ адмирала гость предчувствовалъ, что адмиралъ во всякомъ случаѣ не имѣетъ намѣренія сказать что-либо пріятное.

«Ужъ не хочетъ ли онъ передъ обѣдомъ разнести?»

И онъ мысленно перебиралъ въ своей памяти всѣ могущія быть за нимъ служебныя вины, за которыя могло бы «попасть».

Адмиралъ между тѣмъ, проговоривъ обычное свое предисловіе, остановился какъ бы въ раздумьѣ.

Такъ прошла еще секунда-другая тяжелаго молчанія. Гость чувствовалъ себя не особенно пріятно.

Наконецъ адмиралъ, видимо безсильный побороть желаніе выразить свое неудовольствіе и въ то же время придумывая возможно мягкую форму его выраженія, продолжалъ:

— У васъ, должно-быть, часы бѣгутъ-съ, вотъ что я вамъ скажу.

Молодой человѣкъ, совсѣмъ не догадывавшійся, къ чему клонитъ адмиралъ, и нѣсколько изумленный такимъ категорическимъ мнѣніемъ о невѣрности его отличнаго «полухронометра», торопливо досталъ изъ жилетнаго кармана часы, взглянулъ на нихъ и поспѣшилъ отвѣтить:

— У меня совершенно вѣрные часы, ваше превосходительство... Безъ пяти минутъ шесть.

— А я, кажется, любезный другъ, приглашалъ васъ обѣдать въ шесть часовъ?

— Точно такъ, въ шесть!—промолвилъ мичманъ, все еще не догадываясь, въ чемъ дѣло.

— Такъ вы и должны были придти ровно въ шесть!—отрѣзалъ адмиралъ.

Мичманъ наконецъ догадался.

— Виноватъ, ваше превосходительство... я не зналъ... я уйду-съ...

И съ этими словами онъ стремительно сорвался съ мѣста, словно бы въ диванѣ оказалась игла, готовый немедленно исчезнуть.

— Куда ужъ теперь уходить! Садитесь!—приказалъ адмиралъ.

Сконфуженный молодой человѣкъ покорно опустился на диванъ.

А безпокойный адмиралъ, облегчивъ свою душу, тотчасъ же успокоился и заговорилъ уже болѣе мягкимъ тономъ:

— Я позволилъ себѣ замѣтить вамъ, любезный другъ, объ этомъ для того, чтобы вы впередъ знали, что если васъ зовутъ въ шесть, то и надо приходить въ шесть.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Вотъ англичане дѣловой народъ и понимаютъ цѣну времени. У нихъ принято являться въ назначенное время, ни минутой раньше. И это, по-моему, умно, весьма умно... А то хозяинъ можетъ быть занятъ, мало ли чѣмъ—бреется, напримѣръ, а гость лѣзетъ не вò-время. Согласитесь, что это неделикатно. Наконецъ хозяинъ просто можетъ не быть дома до назначеннаго времени, а вы пришли и сидите одинъ, какъ болванъ... Вѣдь это непріятно, а? Не правда ли?

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство.

— А виноватъ не хозяинъ, а гость... Не приходи раньше времени. Надѣюсь, вы согласны со мной?

Еще бы не согласиться!

И мичманъ поспѣшилъ выразить полнѣйшее согласіе.

— А я все-таки радъ васъ видѣть, очень радъ,—любезно говорилъ адмиралъ, снова пожимая руку опѣшившему мичману.—Да что вы не курите?.. Курите, пожалуйста.

Нечего и прибавлять, что послѣ такого внушенія всѣ господа офицеры, гардемарины и кондукторы «Рѣзваго» стали неукоснительно держаться англійскихъ обычаевъ.

И въ этотъ день, полный такихъ позорныхъ неудачъ и еще не вполнѣ пережитыхъ волненій, разумѣется, никто не осмѣлился явиться въ адмиральскую каюту секундой раньше назначеннаго времени.

Одинъ за другимъ являлись приглашенные къ обѣду моряки, пріодѣвшіеся и прифранченные, какъ только-что пробило шесть часовъ.

Монте-Кристо, румяный и представительный, съ холеными черными усами и баками, въ разстегнутомъ бѣломъ кителѣ и ослѣпительномъ жилетѣ, обрисовывавшемъ изрядное

брюшко, имѣлъ сегодня сдержанный, офиціально-серьезный видъ недовольнаго человѣка, не забывшаго, что корветъ, которымъ онъ командуетъ, названъ кафе-шантаномъ.

Выраженіе его красиваго лица, обыкновенно веселое и добродушное, было строго и внушительно и, казалось, говорило:—«Я пришелъ сюда обѣдать потому, что того требуетъ долгъ службы, а вовсе не по своему желанію».

И старшій офицеръ Михаилъ Петровичъ, приглашенный по очереди вмѣстѣ съ докторомъ и старшимъ штурманомъ, былъ нѣсколько угрюмъ. «Позорная» перемѣна форъ-марселя до сихъ поръ волновала его морское самолюбіе.

Зато бѣлобрысый плотный докторъ съ гладко причесанными впередъ височками весело и умильно посматривалъ на небольшой столъ, уставленный соблазнительными закусками, предвкушая удовольствіе хорошо покушать.

Старшій штурманъ, человѣкъ вообще застѣнчивый, какъ-то бочкомъ вошелъ въ каюту, поздоровался съ адмираломъ и поскорѣй отошелъ въ сторону, и стоялъ съ выраженіемъ той философски-спокойной покорности судьбѣ на своемъ серьезномъ, красноватомъ, морщинистомъ лицѣ, какое обыкновенно бываетъ у штурмановъ,—этихъ пасынковъ морской службы,—когда они находятся передъ лицомъ начальства.

Владиміръ Андреевичъ Снѣжковъ, стоявшій на вахтѣ съ 4 до 8 часовъ утра и потому обязанный обѣдать у адмирала, перекрестившійся нѣсколько разъ передъ тѣмъ, какъ войти въ каюту, оправившій волосы и закрутившій свои рыжіе усы, вошелъ весь красный, взволнованный и вспотѣвшій, раскланялся съ адмираломъ и, почувствовавъ обычную робость, съ ошалѣлымъ видомъ юркнулъ въ кружокъ молодыхъ людей, стоявшихъ отдѣльно и тихо разговаривавшихъ. Стоявшіе съ нимъ утреннюю вахту приземистый и лобастый гардемаринъ «дядя Черноморъ» и старавшійся подражать Базарову штурманскій кондукторъ Подоконниковъ скрыли «тетку Авдотью» отъ глазъ адмирала вмѣстѣ съ экстренно приглашенными мичманомъ Леонтьевымъ и гардемариномъ Ивковымъ.

— Кажется, всѣ?—проговорилъ адмиралъ, озираясь, когда въ каютѣ появился Ратмирцевъ, какъ всегда, элегантный, въ своемъ адъютантскомъ сюртукѣ съ аксельбантами, чистенькій, гладко выбритый, съ прилизанными бѣлокурыми волосами, съ безукоризненными ногтями своихъ бѣлыхъ, холеныхъ рукъ, на мизинцахъ которыхъ блестѣло по кольцу, — внося вмѣстѣ съ собой душистую струйку духовъ.

— Всѣ, ваше превосходительство! — поспѣшилъ доложить флагъ-офицеръ Вербицкій.

— Покорно прошу, господа, закусить. Николай Аѳанасьевичъ! Пожалуйте... Михаилъ Петровичъ... Иванъ Иванычъ... Докторъ...

— Вы вѣдь померанцевую, Николай Аѳанасьевичъ? — особенно любезно спрашивалъ адмиралъ.

— Померанцевую, ваше превосходительство! — офиціально-сухимъ тономъ отвѣчалъ Монте-Кристо, подходя къ столу и чувствуя, при видѣ обилія и разнообразія закусокъ, что у него текутъ слюнки и начинаетъ уменьшаться обида на адмирала.

А адмиралъ, видимо ухаживая за Николаемъ Аѳанасьевичемъ, котораго хотѣлъ отдать подъ судъ, и словно бы желая особеннымъ къ нему вниманіемъ заставить забыть его и «кабакъ», и «кафе-шантанъ», и вообще всѣ бѣшеныя выходки утра, самъ налилъ сегодня капитану рюмку померанцевой и, подавая ее, проговорилъ:

— Сегодня Васька отыскалъ послѣднюю жестянку икры... Позвольте вамъ положить, Николай Аѳанасьевичъ...

— Не безпокойтесь, ваше превосходительство.

Но адмиралъ уже наложилъ на тарелочку огромную порцію паюсной икры, величина которой какъ будто соотвѣтствовала внутренней потребности адмирала загладить свою несправедливость передъ капитаномъ, который, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все-таки былъ лихой морякъ, и, передавая тарелочку, сказалъ:

— Не знаю, хороша ли? Вы вѣдь знатокъ, Николай Аѳанасьевичъ...

Монте-Кристо опрокинулъ въ себя рюмку водки и закусилъ икрой.

— Прелесть, ваше превосходительство! — проговорилъ Николай Аѳанасьевичъ, проглатывая кусокъ съ видимымъ наслажденіемъ.

И эта особенная внимательность адмирала, и превосходная икра, и видъ всѣхъ этихъ вкусныхъ закусокъ, возбуждавшихъ въ Николаѣ Аѳанасьевичѣ самыя пріятныя ощущенія, замѣтно смягчили сердце мягкаго и добродушнаго Монте-Кристо, и лицо его уже расплывалось въ широкую, довольную улыбку, а его сузившіеся глаза зажглись плотоядным огонькомъ завзятаго гурмана и чревоугодника.

Онъ не просто ѣлъ, а какъ-то особенно,—не спѣша и смакуя, точно совершая торжественный культъ чревоугодія.

— Еще рюмку, Николай Аѳанасьевичъ?.. Рекомендую вамъ русскіе грибки...

— Что-жъ, можно, ваше превосходительство... У васъ по-

меранцевая отличная... Не безпокойтесь, ваше превосходительство...

Адмиралъ уже налилъ рюмку и, обращаясь затѣмъ къ своему флагъ-офицеру, который завѣдывалъ его хозяйствомъ и, къ немалой досадѣ Васьки, закупалъ вина и другіе запасы,— сказалъ:

— Вербицкій! Смотрите, чтобъ у насъ всегда была померанцевая. Берегите ее для Николая Аѳанасьевича и не давайте ее пить гардемаринамъ... Молодые люди могутъ пить другую...

— Есть, ваше превосходительство!

Тронутый Монте-Кристо окончательно простилъ безпокойному адмиралу «кафе-шантанъ» и послѣ грибковъ усердно занялся омаромъ подъ провансальскимъ соусомъ...

— Иванъ Иванычъ! Что-жъ вы одну рюмку? Наливайте себѣ другую! — обратился адмиралъ къ старшему штурману.

— Не много ли будетъ, ваше превосходительство?—пошутилъ старый штурманъ, вливавшій въ себя ежедневно значительное количество портеру и марсалы совершенно безнаказанно, и, опрокинувъ изрядную рюмку водки, отошелъ въ сторонку.

— А вамъ померанцевая тю-тю!—шепнулъ, смѣясь, Ивковъ Подоконникову.

— Вы что тамъ смѣетесь, Ивковъ?.. Закусывайте...

— Я говорю, ваше превосходительство, что померанцевая намъ съ Подоконниковымъ не по чину.

— Ишь, зубоскалъ!—разсмѣялся адмиралъ.—Вашъ чинъ, любезный другъ, такой, что вы можете пить водку, какую вамъ дадутъ, и не больше одной рюмки... Ну, ужъ такъ и быть, налейте себѣ померанцевой...

— Да я никакой не пью.

— Чего-жъ вы хлопочете?

— Я за Подоконникова, ваше превосходительство. Онъ ее очень любитъ!

— Ну, такъ налейте Подоконникову... Онъ вотъ и сигары любитъ, и померанцевую, хотя ничего въ нихъ не понимаетъ... А вы что же, Владиміръ Андреичъ, не закусываете? Пожалуйте къ столу.

Лейтенантъ Снѣжковъ рванулся къ столу, словно лошадь, получившая шенкеля.

— Какой вамъ налить, Владиміръ Андреичъ?

— Какой прикажете, ваше превосходительство,—отвѣтилъ, весь краснѣя, «тетка Авдотья».

— Однако? Тутъ пять сортовъ...

— Все равно-съ, ваше превосходительство!

— Да вѣдь и мнѣ все равно, какой вамъ налить!—нетерпѣливо и раздражительно воскликнулъ адмиралъ, который терпѣть не могъ неопредѣленныхъ отвѣтовъ.

Лейтенантъ совсѣмъ смутился и не зналъ, какую водку назвать. Въ горлѣ у него точно пересохло. Глаза выкатились и смотрѣли совсѣмъ ошалѣло.

— Я... я, ваше превосходительство...—началъ-было онъ.

— Владиміръ Андреичъ пьетъ очищенную, ваше превосходительство! — поспѣшилъ выручить Снѣжкова старшій офицеръ.

— Такъ бы и сказали, а то — «все равно»!.. А я налилъ бы вамъ другой... Не угодно ли? — говорилъ адмиралъ, подавая лейтенанту рюмку. — Да что-жъ вы не закусываете? — остановилъ его гостепріимный хозяинъ, замѣтивъ, что Снѣжковъ, проглотивъ рюмку, хотѣлъ снова юркнуть. — Прошу покорно... Да берите икру, Владиміръ Андреичъ... Кушайте икру! — почти приказывалъ безпокойный адмиралъ, увидавъ, что Снѣжковъ торопливо тыкалъ вилкой въ тарелочку съ селедкой:—икра рѣдкая здѣсь закуска... Берите...

Снѣжковъ ужъ поймалъ наконецъ кусокъ селедки, сунулъ его въ ротъ, проглотилъ, не жевавши, и потянулся къ икрѣ, посматривая въ то же время на адмирала напряженно, растерянно и боязливо, точно сбитый съ толку ученикъ на учителя.

— Постойте, я вамъ положу, а то вы... вы ужасно копаетесь, Владиміръ Андреичъ, я вамъ скажу, и не даете Аркадію Дмитричу выпить его любимаго аллаша...

— Не извольте безпокоиться, ваше превосходительство, я успѣю! — изысканно-почтительно, отчеканивая слова, промолвилъ Ратмирцевъ и наклонилъ голову въ знакъ благодарности за вниманіе къ нему, слегка изогнувшись всѣмъ станомъ и приложивъ тонкую бѣлую руку къ груди.

Все это онъ продѣлалъ необыкновенно красиво и изящно, словно бы показывая всѣмъ присутствующимъ, что̀ значитъ человѣкъ съ изящными манерами, и когда Снѣжковъ, получивъ изъ рукъ адмирала тарелочку, отскочилъ наконецъ отъ стола, обливаясь потомъ и красный какъ ракъ, точно выйдя изъ бани, — Аркадій Дмитріевичъ налилъ себѣ крошечную рюмку аллаша, взялъ ее двумя пальцами, граціозно отставивъ остальные, и не спѣша выпилъ, закусилъ крошечнымъ кусочкомъ икры и отошелъ назадъ.

— Это, вѣрно, такъ полагается по-придворному?—шепнулъ Ивковъ своему пріятелю.

— Противно на него смотрѣть! И вѣдь какъ задается *)!— отвѣчалъ Подоконниковъ.

— Удивляюсь, Аркадій Дмитричъ, какъ вы любите такую дрянь, какъ аллашъ!—неожиданно замѣтилъ адмиралъ.

— У всякаго свой вкусъ, ваше превосходительство...

— То-то я и удивляюсь вашему вкусу... А впрочемъ, въ Петербургѣ многіе гвардейцы любятъ этотъ аллашъ. Вотъ Иванъ Иванычъ, я полагаю, такъ не любитъ, а?

— Я, ваше превосходительство, люблю, чтобы водка—такъ водка... Горечь чтобы была-съ, — отвѣчалъ старый штурманъ, посматривавшій на «напёрстокъ» Ратмирцева и на него самого съ чувствомъ глубочайшаго тайнаго презрѣнія, какъ на человѣка совершенно пустого, заносчиваго и неспособнаго.

— Не смѣю спорить, ваше превосходительство, особенно съ такимъ авторитетнымъ человѣкомъ въ этомъ дѣлѣ, какъ почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, — проговорилъ любезно-мягкимъ тономъ «придворный сусликъ», взглядывая на стараго штурмана съ снисходительно-любезной небрежностью, какъ на человѣка совершенно другой и низшей расы. Ратмирцевъ искренно былъ убѣжденъ, что штурманъ—это нѣчто мизерное и терпимое только въ морѣ.

Старый почтенный штурманъ, всю жизнь свою честно тянувшій лямку и пользовавшійся уваженіемъ и адмирала и всѣхъ своихъ сослуживцевъ, понялъ, конечно, и этотъ намекъ на то, что онъ любитъ выпить, почувствовалъ и этотъ высокомѣрный взглядъ, но ничего не отвѣтилъ: «Не стоитъ, дескать, связываться!»

И, словно бы желая показать, что не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на намекъ Ратмирцева, подошелъ къ столу и налилъ себѣ третью рюмку водки.

— И я съ вами, Иванъ Ивановичъ! — весело сказалъ капитанъ.

— Вистнете-съ, Николай Аѳанасьичъ?

— Вистну!..

Адмиралъ продолжалъ угощать и всѣмъ накладывать икры, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ капитану и старшему офицеру, и былъ видимо доволенъ, что и Николай Аѳанасьевичъ и старшій офицеръ какъ будто на него не сердятся.

— Прошу садиться, господа! — весело проговорилъ онъ, когда Васька и его подручный, молодой вѣстовой Гавриловъ,

*) На морскомъ жаргонѣ «задаваться» — значитъ выставляться, поднимать носъ.

оба въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ, разставили тарелки съ супомъ.

По правую руку адмирала сѣлъ Николай Аѳанасьевичъ, а по лѣвую Ратмирцевъ, затѣмъ старшій офицеръ, старшій штурманъ, докторъ и остальные. Молодежь сидѣла на «бакѣ», т. е. на другомъ концѣ стола, гдѣ прямо противъ адмирала сидѣлъ флагъ-офицеръ, на обязанности котораго было, между прочимъ, разрѣзывать птицу, когда таковая подавалась на жаркое, и наливать гостямъ на «бакѣ» вино.

Обѣдъ былъ превосходный, особенно принимая въ соображеніе, что «Рѣзвый» уже двѣ недѣли былъ въ морѣ. Послѣ супа съ пирожками была подана консервованная лососина, превосходно приготовленная съ разнообразнымъ гарниромъ. Адмиралъ зорко слѣдилъ, чтобы всѣ ѣли, и часто кричалъ Вербицкому, что около него у гостей пустыя рюмки.

И за обѣдомъ адмиралъ видимо особенно ухаживалъ и за Николаемъ Аѳанасьевичемъ и за старшимъ офицеромъ, то и дѣло подливая и тому и другому вина въ различныя рюмки, красовавшіяся у приборовъ и прежде, бывало, сбивавшія съ толку многихъ гардемариновъ, пока адмиралъ не научилъ ихъ, какое вино и въ какія рюмки слѣдуетъ наливать.

Когда подали поросенка съ гречневой кашей, Монте-Кристо, уже слегка размягшій послѣ нѣсколькихъ рюмокъ хереса, портвейна и краснаго бургонскаго, совершенно забылъ о «кафе-шантанѣ» и о своемъ намѣреніи проситься въ Россію, тѣмъ болѣе, что адмиралъ весьма кстати вдругъ припомнилъ, какъ однажды у нихъ на кораблѣ «Наваринѣ», которымъ командовалъ *самъ* Павелъ Степановичъ Нахимовъ, на глазахъ у всей эскадры долго не могли перемѣнить марселей.

— Шкиперъ, каналья, виноватъ былъ...

— И что же, ваше превосходительство, Павелъ Степановичъ задалъ такую же гонку, какъ и вы намъ сегодня?— спросилъ, улыбаясь, Монте-Кристо.

— А вы все еще не забыли?.. Экій злопамятный! Ну мало ли иногда что бываетъ... Развѣ сами-то вы сегодня не сердились въ душѣ... Развѣ вамъ не было обидно-съ?.. Спросите-ка у Михаила Петровича, какъ ему досадно было... Не такъ ли, Михаилъ Петровичъ?..

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство...

— То-то и есть... Мы, моряки, все слишкомъ горячо принимаемъ къ сердцу... въ этомъ-то и сказывается любовь къ дѣлу, хоть часто мы и бѣснуемся изъ-за пустяковъ... Но и пустяки иногда важны... да-съ... Эй, Васька! Подавай еще

поросенка Сергѣю Александровичу... Онъ любитъ поросенка съ кашей... Кушайте, Сергѣй Александровичъ!

Разговоры оживились къ концу обѣда. Адмиралъ разсказалъ, какъ однажды въ Черномъ морѣ два капитана держали пари на лягаваго щенка, кто скорѣй снимется съ якоря.

— Такъ что бы, вы думали, сдѣлалъ Ивковъ, покойный братъ нашего зубоскала?..

— А что, ваше превосходительство?

— Видитъ онъ, что шкуна, съ командиромъ которой онъ держалъ пари, его обгоняетъ, всѣ гребныя суда подняла, а у него еще баркасъ не поднятъ... Онъ, чтобы выиграть время, велѣлъ баркасъ утопить, оставивъ на мѣстѣ буекъ, поднялъ якорь, поставилъ паруса и былъ таковъ на своемъ тендерѣ... щенка-то и выигралъ... Послѣ ужъ онъ самъ признался, на какой пошелъ фокусъ... Фокусъ-то фокусомъ, а находчивость... Такой командиръ и съ непріятелемъ найдется... Вотъ что значитъ—школа черноморская...

Въ свою очередь и Монте-Кристо разсказалъ, какъ они на фрегатѣ «Коршунъ» «втирали очки» одному адмиралу.

Послѣ пирожнаго адмиралъ попросилъ всѣхъ пересѣсть на диваны. Подали ликеры и кофе.

Адмиралъ взялъ подъ руку Николая Аѳанасьевича и, отводя его въ сторону, тихо сказалъ:

— А вы ужъ со Щеглова не взыскивайте, Николай Аѳанасьичъ... прошу васъ... Онъ и такъ наказанъ... И вообще... на меня не сердитесь... Мало ли что скажешь... Я вѣдь знаю, что корветъ у васъ въ порядкѣ...

Монте-Кристо ушелъ отъ адмирала примиренный съ нимъ. Скоро и адмиралу пришлось убѣдиться, что Монте-Кристо въ критическія минуты — образцовый капитанъ, и это заставило адмирала снисходительнѣе относиться къ его недостаткамъ.

Когда вслѣдъ за капитаномъ всѣ стали откланиваться, адмиралъ, веселый и довольный, благодарилъ всѣхъ за посѣщеніе и, когда къ нему подошелъ Леонтьевъ, крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ:

— Такъ мы теперь друзья, не правда ли?

— Друзья, ваше превосходительство!—отвѣчалъ, улыбаясь, Леонтьевъ.

XVII.

На корветѣ всѣ, кромѣ вахтенныхъ, крѣпко спали.

Былъ второй часъ чудной южной лунной ночи. «Рѣзвый» безшумно несся впередъ, неся почти всѣ паруса.

Мичманъ Леонтьевъ, стоявшій на вахтѣ, шагалъ по мостику, зорко поглядывая по сторонамъ и изрѣдка покрикивая:

— Впередъ смотрѣть!

Вдругъ на мостикѣ внезапно показалась фигура адмирала. Онъ былъ заспанный, въ кителѣ и въ туфляхъ, одѣтыхъ на босую ногу.

Постоявъ минуту-другую, онъ подошелъ къ Леонтьеву и тихо сказалъ:

— Вызовите барабанщика, да чтобы безъ шума.

— Есть!

Черезъ минуту явился барабанщикъ.

— Пожарную тревогу!—приказалъ адмиралъ.

Раздалась тревожная призывная, долго не умолкавшая дробь.

И не прошло и двухъ минутъ, какъ весь корветъ ожилъ. Раздался топотъ сотенъ ногъ, доносились окрики боцмановъ. Всѣ стремглавъ летѣли по своимъ мѣстамъ. Еще минуты двѣ, и всѣ палубы были освѣщены, всѣ брандспойты готовы, и крюйтъ-камера въ нѣсколько мгновеній могла быть затоплена.

Испуганные, выскочили капитанъ и старшій офицеръ, спрашивая у Леонтьева, въ какомъ мѣстѣ пожаръ.

— Нигдѣ... Адмиралъ,—тихо произнесъ онъ, указывая на адмирала.

— Ну, пойдемте, господа, посмотримъ,—сказалъ адмиралъ, обращаясь къ капитану и старшему офицеру:—какъ мы приготовились къ пожару... Собрались люди молодцами, какъ слѣдуетъ на военномъ суднѣ!

Адмиралъ въ сопровожденіи капитана и старшаго офицера обошелъ весь корветъ. Все было найдено имъ въ образцовомъ порядкѣ. Всѣ люди по мѣстамъ. Всѣ инструменты въ исправности.

Поднявшись наверхъ, адмиралъ приказалъ поставить команду во фронтъ, благодарилъ матросовъ.

— Рады стараться, ваше-ство!—раздалось среди океана.

Затѣмъ адмиралъ велѣлъ собраться всѣмъ офицерамъ на шканцахъ и сказалъ:

— Видно, что исправное военное судно... Отъ души благодарю васъ, Николай Аѳанасьевичъ, и васъ, Михаилъ Петровичъ, и всѣхъ васъ, господа... Аркадій Дмитріевичъ!.. Завтра отдайте приказъ по эскадрѣ! Спокойной ночи! Распустите команду.

Съ этими словами адмиралъ скрылся.

Черезъ пять минутъ на корветѣ снова царила тишина, и «Рѣзвый» разрѣзалъ своей грудью океанскія волны, попрежнему безмолвный и, казалось, заснувшій.

XVIII.

Черезъ нѣсколько дней «Рѣзвому» пришлось выдержать жесточайшую «трепку».

Это была одна изъ тѣхъ, по счастію, рѣдкихъ «трепокъ», которыя наводятъ ужасъ даже на самыхъ опытныхъ и безстрашныхъ моряковъ и не забываются ими во всю жизнь. Особенно отзываются онѣ на капитанахъ. Они, сознающіе, что отъ ихъ находчивости, умѣнія и энергіи зависитъ жизнь сотенъ людей, переживаютъ ужасные часы въ страшномъ напряженіи нервовъ и, случается, нерѣдко въ одну ночь сѣдѣютъ и преждевременно старѣются. Вспоминая о такихъ испытаніяхъ впослѣдствіи, они обыкновенно становятся серьезны и говорятъ:

— Да, трепануло-таки насъ порядочно!

Но, разумѣется, слушатель не-морякъ и не догадается, сколько скрыто драмы въ этихъ немногихъ словахъ и сколько пережито было въ такіе дни или ночи.

«Рѣзвый» приготовился къ встрѣчѣ тайфуна подъ штормовыми парусами, но дьявольскій штормъ продолжался двое сутокъ.

Въ теченіе этого времени капитанъ «Рѣзваго» спалъ нѣсколько часовъ,—вѣрнѣе, не спалъ, а дремалъ тутъ же наверху, въ штурманской рубкѣ, и послѣ снова поднимался на мостикъ. Напряженный и страшно серьезный, Монте-Кристо лично распоряжался управленіемъ «Рѣзваго», командуя рулевымъ и зорко наблюдая, чтобы громадные валы не залили корветъ, метавшійся съ болѣзненнымъ скрипомъ среди разъяренныхъ волнъ.

Положеніе было серьезное.

Бывали минуты,—и эти минуты сознавались всѣми,—когда «Рѣзвый», казалось, изнемогалъ въ этой долгой борьбѣ съ озвѣрѣвшей стихіей. Малѣйшая неосторожность со стороны капитана, потеря присутствія духа—и корветъ могъ бы погибнуть. Это чувствовалось всѣми... это написано было на блѣдныхъ лицахъ матросовъ, въ широко-раскрытыхъ глазахъ, устремленныхъ на мостикъ...

Но Монте-Кристо, словно бы весь преображенный, хладнокровный и рѣшительный, страшно-напряженный и совсѣмъ непохожій теперь на легкомысленнаго, веселаго и лѣниваго жуира, полный энергіи и силъ, неустанно и внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ «Рѣзваго», направляя его въ разрѣзъ волнамъ и уклоняясь отъ ихъ нападеній.

Необыкновенно яростный порывъ освирѣпѣвшей бури, достигшей, повидимому, своего апогея, повалилъ гротъ-мачту.

Она съ трескомъ закачалась, склонилась и упала на подвѣтренный бортъ. Корветъ легъ на бокъ. Минута была критическая.

— Очистить скорѣй!—громовымъ голосомъ крикнулъ капитанъ въ рупоръ.

Старшій офицеръ Михаилъ Петровичъ уже былъ тамъ, у свалившейся мачты. Нѣсколько ударовъ топоровъ, и мачта, освобожденная отъ вантъ, была за бортомъ.

Корветъ снова поднялся, и лицо «Монте-Кристо», напряженное до послѣдней степени, прояснилось.

— Слава Богу!..—невольно прошепталъ онъ. И губы его вздрагивали.

Безпокойный адмиралъ, видавшій на своемъ вѣку виды, былъ угрюмо-спокоенъ. Онъ тоже не покидалъ мостика и стоялъ, уцѣпившись за поручни, безмолвный, ни разу ни вмѣшиваясь въ распоряженія капитана. Они были безукоризненны, и адмиралъ за эти два дня, внутренно любуясь Монте-Кристо, вполнѣ убѣдился въ томъ, что Николай Аѳанасьевичъ лихой и энергичный капитанъ, особенно въ критическія минуты, и что онъ—этотъ сибаритъ и жуиръ—сумѣетъ умереть рыцаремъ долга, если бы пришлось.

И два штормовые дня сблизили эти двѣ противоположныя натуры. Безпокойный адмиралъ проникся невольнымъ уваженіемъ къ мужественному и лихому капитану и прощалъ всѣ его недостатки.

Не разъ предлагалъ онъ ему спуститься внизъ и отдохнуть.

— Я за васъ постою, Николай Аѳанасьичъ... Вы утомились.

— Мѣсто капитана здѣсь, на мостикѣ, и я его не оставлю, пока корветъ въ опасности!—отвѣчалъ Монте-Кристо.

И голосъ его звучалъ энергіей. И тонъ его былъ совсѣмъ не такой, какимъ онъ говорилъ обыкновенно съ адмираломъ. Въ немъ было что-то властное и сильное, словно бы подчеркивающее, что онъ—капитанъ, и на немъ лежитъ вся отвѣтственность за судно и за экипажъ.

Зато адмиралъ то и дѣло посылалъ за Васькой и приказывалъ ему приносить наверхъ разныя закуски и вина для Николая Аѳанасьевича, чтобы онъ подкрѣпился. Но Монте-Кристо былъ слишкомъ нервно напряженъ и не ощущалъ голода. Онъ въ эти два дня довольствовался нѣсколькими галетами, которыя запивалъ портвейномъ.

Когда наконецъ къ концу второго дня штормъ сталъ затихать и корветъ былъ внѣ опасности, капитанъ попросилъ Михаила Петровича его смѣнить на мостикѣ и, отдавъ при-

казаніе вахтенному начальнику не будить его безъ особенной надобности, спустился наконецъ съ мостика.

Лицо его осунулось и, казалось, постарѣло. Впавшіе глаза, уже не горѣвшіе блескомъ возбужденія, были утомлены и безжизненны. Вся его фигура казалась какою-то вялою и лѣнивою, нисколько не напоминавшею ту энергичную, которая плѣняла всѣхъ еще нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Не хотите ли закусить, Николай Аѳанасьичъ? Я велю сейчасъ подать вамъ!—предложилъ адмиралъ, только-что вышедшій изъ каюты.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство. Я ничего не хочу...

— Не прислать ли вамъ чего-нибудь въ каюту, Николай Аѳанасьевичъ, а? Вѣдь вы ничего не ѣли. Есть недурная ветчина, омары, честеръ, страсбургскій пирогъ, копченая лососина. И у меня сохранилась одна бутылка превосходной рѣдкой мадеры... Я получилъ въ подарокъ нѣсколько бутылокъ этого вина въ прошлое плаваніе, когда былъ на Мадерѣ... Одна бутылка осталась... Позвольте вамъ прислать.

— Если позволите завтра, ваше превосходительство, я съ удовольствіемъ воспользуюсь вашимъ любезнымъ предложеніемъ, а теперь я смертельно хочу спать.

— Ну, идите... идите... Только позвольте вамъ сказать, Николай Аѳанасьичъ, что я, какъ морякъ, все время любовался вашими распоряженіями и гордился, что у меня въ эскадрѣ такой капитанъ. Да-съ. Только съ такими командирами, какъ вы и какъ командиръ «Голубчика», можно было выйти съ честью изъ такого анаѳемскаго шторма, и я считаю своимъ долгомъ горячо благодарить васъ за спасеніе корвета и людей!—взволнованно проговорилъ адмиралъ и какъ-то особенно сердечно и крѣпко пожалъ руку Монте-Кристо. — Такіе дни не забываются!—прибавилъ онъ.—Спокойной ночи. Выспитесь хорошенько. Завтра, если стихнетъ, разведемъ пары и къ вечеру будемъ въ Нагасаки.

Монте-Кристо былъ польщенъ словами адмирала, но ничего на нихъ не отвѣтилъ и торопливо спустился въ свою каюту.

— Уфъ!—облегченно и радостно вздохнулъ онъ при видѣ чистой и свѣжей постели, которая въ эти минуты составляла единственный предметъ его желаній. Ничего другого не существовало для него. Онъ точно забылъ все, что только-что произошло, все, что онъ пережилъ въ эти двое сутокъ... Нервы словно бы притупились...

И онъ, обезсиленный, раздѣтый вѣстовымъ, съ наслажде-

ніемъ бросился на мягкую койку и въ ту же минуту заснулъ какъ убитый.

XIX.

Къ утру слѣдующаго дня значительно стихло. Вѣтеръ ослабѣвалъ. Черныя клочковатыя тучи чернѣли на горизонтѣ, и изъ-за перистыхъ облачковъ то и дѣло показывалось ослѣпительное жгучее солнце. Старшій штурманъ Иванъ Ивановичъ уже поспѣшилъ взять высоты, чтобы сдѣлать астрономическія вычисленія и точно опредѣлиться. И то два дня безъ наблюденій. Это его смущало.

Покачиваясь на затихавшемъ, но все еще сильномъ волненіи, «Рѣзвый» и «Голубчикъ» шли въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, попыхивая дымкомъ изъ своихъ бѣлыхъ трубъ, оба сильно пощипанные бурей. Каждаго изъ нихъ штормъ покалѣчилъ, и они напомнили раненыхъ птицъ. На «Рѣзвомъ» не было гротъ-мачты и утлегаря (оконечность бугшприта), снесенъ съ боканцевъ капитанскій катеръ и проломленъ бортъ. «Голубчикъ» потерялъ фокъ-мачту, всѣ свои шлюпки, и верхняя рубка сильно пострадала.

Машины на обоихъ судахъ работали полнымъ ходомъ, и корветъ и клиперъ, буравя своими винтами, шли узловъ по семи, по восьми, направляясь въ Нагасаки, до котораго было не болѣе ста миль.

Тамъ, въ затишьѣ спокойной гавани, можно будетъ основательно исправить всѣ аваріи: поставить и вооружить новыя мачты и достать новыя шлюпки, а пока на обоихъ судахъ залѣчивали раны домашними средствами на случай новаго нападенія врага.

Къ подъему флага на «Рѣзвомъ» и на «Голубчикѣ», взамѣнъ потерянныхъ мачтъ, уже стояли такъ-называемыя «фальшивыя», на которыхъ можно было держать, въ случаѣ крайности, легкую парусность, и проломленные борты были задѣланы. Работали всю ночь, и Михаилъ Петровичъ, конечно, не смыкалъ глазъ.

Въ семь часовъ адмиралъ вышелъ наверхъ и довольнымъ взглядомъ оглядѣлъ «Рѣзваго» и потомъ «Голубчика». Оба они, хотя и пощипанные, все-таки сохраняли внушительный видъ исправныхъ военныхъ судовъ.

Адмиралъ приказалъ сигналомъ спросить «Голубчика», какія у него поврежденія и нѣтъ ли сильной течи.

Отвѣтные сигналы перечислили поврежденія и сообщили, что течи нѣтъ.

Адмиралъ удовлетворенно улыбался, разгуливая по юту.

Онъ думалъ теперь, къ какой бы наградѣ представить этихъ двухъ лихихъ капитановъ и заставить адмирала Шримса уважить его представленіе. И онъ уже заранѣе волновался при мысли, что этотъ Шримсъ, не имѣющій понятія о морскомъ дѣлѣ, можетъ не исполнить его ходатайство и оба капитана не будутъ отличены, какъ слѣдуетъ. Волновался и рѣшилъ, что онъ, въ случаѣ отказа, напишетъ ему такое письмо... такое...

Въ эту минуту адмиралъ вспомнилъ, что онъ еще не поблагодарилъ командира «Голубчика» за штормъ, и сказалъ вахтенному офицеру:

— Сергѣй Александровичъ! Прикажите поднять сигналъ, что я изъявляю командиру «Голубчика» свое особенное удовольствіе.

— Есть!—отвѣчалъ мичманъ Леонтьевъ.

— Да отчего это Вербицкаго нѣтъ, а? Адмиралъ наверху... семь часовъ... а флагъ-офицеръ спитъ... Пошлите за нимъ!—вдругъ раздраженно крикнулъ адмиралъ.

Но, увидавъ поднявшагося на мостикъ старшаго офицера, онъ снова просвѣтлѣлъ и, пожимая Михаилу Петровичу руку, проговорилъ:

— Добраго утра, Михаилъ Петровичъ... Очень радъ васъ видѣть и не могу не сказать, что вы меня даже удивили...

— Чѣмъ, ваше превосходительство?—спросилъ, недоумѣвая, старшій офицеръ.

— Еще спрашиваетъ?—улыбнулся адмиралъ.—Такъ быстро исправить поврежденія и поставить мачту... это... это... дѣлаетъ большую честь старшему офицеру... Ну, да вѣдь мы съ вами старые пріятели... Я васъ давно знаю... А все-таки... удивили, Михаилъ Петровичъ. Ну что, у насъ течи не показалось послѣ вчерашняго?..

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Михаилъ Петровичъ и покраснѣлъ, видимо польщенный словами адмирала, который дѣйствительно понималъ и умѣлъ цѣнить работу подчиненныхъ, потому что и самъ умѣлъ работать и въ свое время былъ образцовымъ старшимъ офицеромъ.

— Хорошо построенное судно, крѣпкое судно. Штормъ вѣдь былъ серьезный.

— Довольно серьезный, ваше превосходительство!—подтвердилъ старшій офицеръ.

— А какъ съ нимъ справился Николай Аѳанасьевичъ... Да-съ! Онъ показалъ всѣмъ, что значитъ лихой капитанъ въ критическія минуты! Какой глазъ... Какое хладнокровіе... Какое умѣнье!

— Николая Аѳанасьевича надо видѣть во время штормовъ,

чтобы вполнѣ оцѣнить и понять его, ваше превосходительство!

— А вы думаете, я не цѣню его, а? Съ такимъ капитаномъ, какъ онъ, да съ такимъ старшимъ офицеромъ, какъ вы, я куда угодно пойду-съ... Вы дополняете другъ друга, вотъ что я вамъ скажу, любезный другъ... Вѣдь—что ужъ грѣха таить—Николай Аѳанасьичъ съ лѣнцой и въ тихую погоду любитъ больше кейфовать... Зато вотъ эти два дня... Кстати, прикажите его вѣстовому не будить его къ флагу... Пусть высыпается.

— Слушаю-съ...

— Да и вамъ надо отдохнуть, Михаилъ Петровичъ. Глаза-то красные.

— Успѣю, ваше превосходительство... Въ Нагасаки отосплюсь.

— А вы, Вербицкій, почему это до сихъ поръ спали, а? Вслѣдствіе какихъ-такихъ трудовъ?—обратился адмиралъ къ своему флагъ-офицеру ворчливымъ и въ то же время добродушнымъ тономъ.

Шустрый мичманъ, хорошо изучившій своего адмирала, понялъ, что настроеніе его не предвѣщаетъ разноса, и потому храбро совралъ:

— Я и не думалъ спать, ваше превосходительство.

— Что же вы дѣлали?

— Читалъ, ваше превосходительство.

— Это видно по вашимъ соннымъ глазамъ... Ишь вѣдь... Всегда хочетъ вывернуться... Всегда у него наготовѣ отвѣтъ!—засмѣялся адмиралъ и шутливо погрозилъ мичману пальцемъ.

— А Аркадій Дмитричъ тоже читаетъ?—насмѣшливо спросилъ адмиралъ.

— Аркадій Дмитричъ нездоровъ, ваше превосходительство.

— Что съ нимъ? Укачало, видно?

— Точно такъ. Эти два дня Аркадію Дмитріевичу было такъ нехорошо, что Аркадій Дмитріевичъ даже и не душился, ваше превосходительство!—съ самымъ серьезнымъ лицомъ проговорилъ Вербицкій, зная, что лишняя шутка надъ флагъ-капитаномъ можетъ только быть пріятной адмиралу.

Дѣйствительно адмиралъ разсмѣялся дѣтскимъ громкимъ смѣхомъ.

— Даже и не душился!? Ха-ха-ха!.. Вотъ поправится Аркадій Дмитричъ, я ему скажу, какъ вы, Вербицкій, опредѣляете серьезность его болѣзни. Такъ не душился?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство... Я заходилъ къ Аркадію Дмитричу и третьяго-дня и вчера.

— Что-жъ онъ, отлеживался?

— Отлеживался и про себя читалъ акаѳисты Пресвятой Богородицѣ и Николаю угоднику, ваше превосходительство.

Адмиралъ снова засмѣялся.

— Ну, довольно вамъ зубоскалить, Вербицкій... Аркадій Дмитричъ религіозный человѣкъ... ну и читаетъ акаѳисты... Не безпокойте его сегодня... Пусть отдохнетъ послѣ шторма... А вы вотъ что: сегодня чтобы обѣдъ былъ по вкусу Николая Аѳанасьича... Вы знаете, что онъ особенно любитъ?

— Постараюсь догадаться, ваше превосходительство.

— Догадайтесь, и чтобы Николай Аѳанасьичъ былъ доволенъ обѣдомъ... И Михаилъ Петровичъ тоже. Надѣюсь, вы не откажетесь, Михаилъ Петровичъ, откушать сегодня у меня?..

Михаилъ Петровичъ поблагодарилъ адмирала.

— Ну, а теперь узнайте, Вербицкій, отчего Васька не докладываетъ, что готовъ кофе. Что онъ моритъ меня голодомъ, каналья? Шуганите его хорошенько!

Шустрый флагъ-офицеръ хотѣлъ-было ринуться со всѣхъ ногъ исполнять адмиральское приказаніе, какъ въ ту же минуту на полуютѣ показалась маленькая заспанная фигурка адмиральскаго камердинера въ красной жокейской фуражкѣ.

Онъ подошелъ, не особенно спѣша, къ адмиралу и, галантно приподнимая фуражку съ своей черной, кудластой головы, проговорилъ:

— Пожалуйте кофе кушать.

— Копаешься!—воркнулъ адмиралъ.

— У меня не десять рукъ, а всего двѣ!—огрызнулся Васька и пошелъ назадъ.

— Ишь вѣдь бестія! Поздно всталъ и... правъ! — проговорилъ, улыбаясь, адмиралъ. — Вербицкій! Пожалуйте ко мнѣ кофе пить! — приказалъ онъ и спустился съ юта, сопровождаемый флагъ-офицеромъ.

— А вѣдь этотъ мальчикъ карьеру сдѣлаетъ, Михаилъ Петровичъ!—замѣтилъ Леонтьевъ.

— А что-жъ, пусть дѣлаетъ!—равнодушно промолвилъ старшій офицеръ.

— И если будетъ нужно, продастъ этого самаго адмирала, передъ которымъ лебезитъ.

— И это возможно.

— Удивляюсь, какъ адмиралъ его не раскусилъ...

— А быть-можетъ, и раскусилъ... да привыкъ къ нему. Привычка, батюшка, большое дѣло... А кромѣ того Вербицкій прирожденный флагъ-офицеръ, ну и способный малый—этого отнять у него нельзя.

— Несимпатичный... карьеристъ...

— А вамъ, Сергѣй Александровичъ, хочется, чтобы всѣ были симпатичны?.. Какой еще вы юный однако, батенька!— ласково улыбнулся Михаилъ Петровичъ своими маленькими, закраснѣвшимися глазами въ очкахъ и прибавилъ:—Пойду-ка и я напьюсь чайку... Ужасно усталъ, признаться. Послѣ восьми часовъ и я закачусь спать... Всю ночь не спалъ изъ-за этихъ починокъ.

Въ началѣ шестого часа, когда солнце быстро клонилось къ закату, «Рѣзвый», имѣя въ кильватерѣ «Голубчика», входилъ въ прелестную бухту Нагасаки, живописно расположеннаго въ ея глубинѣ.

Всѣ были наверху, и на корветѣ царила торжественная тишина, обычная при входѣ военнаго судна на рейдъ, да еще въ чужіе люди.

На рейдѣ стояли четыре русскихъ военныхъ судна, два корвета и два клипера, принадлежащіе къ составу эскадры Тихаго океана, которымъ было приказано собраться въ Нагасаки и тамъ ждать адмирала, и нѣсколько военныхъ судовъ другихъ націй.

Едва только «Рѣзвый» подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ на крюйсъ-брамъ-стеньгѣ показался въ виду эскадры, какъ со всѣхъ судовъ раздался салютъ адмиральскому флагу, и на «Рѣзвомъ» тотчасъ же послѣдовалъ отвѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ салютовали и иностранныя суда, и имъ тоже отвѣчали.

Когда разсѣялся дымъ отъ выстрѣловъ, «Рѣзвый» бросилъ якорь, и всѣ шлюпки были спущены. «Голубчикъ» сталъ рядомъ.

Какъ только отданъ былъ якорь, со всѣхъ судовъ отвалили гички и вельботы съ командирами, которые спѣшили къ адмиралу съ рапортами. У всѣхъ были щегольскія шлюпки. Только командиръ «Голубчика» пріѣхалъ на своей единственно уцѣлѣвшей маленькой четверкѣ.

Одинъ за другимъ входили капитаны въ полной парадной формѣ на «Рѣзвый», встрѣчаемые карауломъ, и нѣсколько напряженные и взволнованные проходили въ адмиральскую каюту.

Адмиралъ принималъ всѣхъ привѣтливо, разспрашивалъ о плаваніи, о состояніи судовъ, обѣщалъ побывать на всѣхъ судахъ и пригласилъ капитановъ обѣдать «ровно въ шесть». И такъ какъ возвращаться на свои суда было поздно, то всѣ капитаны собрались въ капитанской каютѣ и, въ ожиданіи обѣда, были гостями радушнаго Монте-Кристо, который немедленно приказалъ вѣстовому подать разныхъ винъ и предложилъ всѣмъ выпить по рюмкѣ, по другой «начерно».

Нечего и говорить, что главной темой разговоровъ были общіе разспросы о штормѣ, объ адмиралѣ и объ его предположеніяхъ. Куда и кого онъ пошлетъ? Не слышно ли, какія суда возвращаются въ Россію?

Насчетъ шторма Монте-Кристо не вдавался въ большія подробности.

— Трепануло изрядно, ничего себѣ,—говорилъ онъ, разливая въ бокалы шампанское:—гротъ-мачту, какъ видите, потеряли. А куда кто идетъ — развѣ адмиралъ сообщаетъ. Этого и Аркадій Дмитричъ не знаетъ!—засмѣялся «Монте-Кристо».

— И меня онъ не посвящаетъ въ свои предположенія! — вставилъ флагъ-капитанъ.

— Да и не все ли равно, господа, узнать днемъ позже, днемъ раньше, кто куда идетъ... Я и самъ не знаю, куда мы идемъ: въ Австралію или на Ситху... Аркадій Дмитричъ говорилъ, что въ Австралію...

— Адмиралъ какъ-то сказалъ...

— А я не удивлюсь, если онъ вздумаетъ вдругъ идти въ Беринговъ проливъ...

Всѣ разсмѣялись.

— Отъ *него* всего можно ожидать!—замѣтилъ кто-то.

— То-то и есть... А вотъ вы, господа, лучше разскажите, нѣтъ ли чего въ Нагасаки новенькаго. Это, право, интереснѣе.

— Чего новенькаго?..

— Какъ чего?.. Неужели здѣсь одна и та же «королева Гортензія», что была въ прошломъ году... Неужели придется опять ухаживать за японками?..

— Вы вотъ насчетъ какого новенькаго?.. Такъ васъ можно порадовать... На-дняхъ пріѣхали три француженки...

— Вотъ это дѣло... Каковы онѣ?..

Одинъ неказистый, толстенькій и низенькій, совершенно лысый капитанъ сталъ подробно описывать достоинства француженокъ. Другой, помоложе, вступился за честь японокъ и хвасталъ своей нанятой на мѣсяцъ женой *), и скоро разговоръ почтенныхъ и солидныхъ капитановъ принялъ нѣсколько одностороннее и игривое направленіе.

Рѣшено было, что всѣ капитаны отправятся сегодня же вечеромъ знакомить Монте-Кристо съ француженками.

Тѣмъ временемъ адмиралъ внимательно оглядывалъ убранство стола и говорилъ Вербицкому:

---

*) Время разсказа относится къ дореформенной Японіи, когда можно было *въ чайныхъ домахъ* покупать временныхъ женъ, обязанныхъ на время найма сохранять вѣрность.

— Смотрите, не осрамите меня съ обѣдомъ... Довольно ли всего?

— Довольно, ваше превосходительство...

— Какой обѣдъ?

— Супъ съ пирожками, ветчина... Николай Аѳанасьевичъ любитъ.

— Дальше?

— Индѣйки!..

— Сколько?

— Четыре.

— Хватитъ на двадцать человѣкъ?

— Хватитъ... Индѣйки большія, ваше превосходительство. Горошекъ и маседуанъ.

— Ну, смотрите же, чтобы всего было довольно!

Послѣ обѣда всѣ разъѣхались. Капитаны отправились на свои суда, чтобы переодѣться въ статское платье и сообщить старшимъ офицерамъ, чтобы все было готово къ смотру, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ поѣхали на берегъ. Монте-Кристо конфиденціально предупредилъ старшаго офицера, чтобъ его не ждали. Онъ, можетъ-быть, вернется къ утру.

— Надо освѣжиться!—прибавилъ онъ, смѣясь.—Не все же штормовать въ морѣ. Надоѣло!

Разъѣхались еще раньше и всѣ офицеры и гардемарины, кромѣ вахтенныхъ. Всѣ торопились на берегъ погулять и познакомиться съ туземными дамами и затѣмъ собраться въ гостиницу, гдѣ сегодня долженъ былъ составиться грандіозный ландскнехтъ. Соберутся офицеры и гардемарины всей эскадры.

На «Рѣзвомъ» оставались, кромѣ вахтенныхъ да старшаго офицера, только батюшка да «лобастый» гардемаринъ, «дядя Черноморъ».

Адмиралъ прочитывалъ у себя въ каютѣ газеты.

Въ девятомъ часу онъ вышелъ наверхъ погулять.

Замѣтивъ на шканцахъ лобастаго гардемарина, онъ подошелъ къ нему и спросилъ:

— А вы, любезный другъ, отчего не на берегу? Или на вахту станете?

— Нѣтъ-съ... Не хочется что-то, ваше превосходительство...

— Ну, что вы вздоръ говорите. Какъ не хочется? Почему не хочется? Съѣздили бы, покатались верхомъ... моряки любятъ кататься верхомъ, хоть и ѣздятъ какъ сапожники... Посмотрѣли бы городъ... А то что сидѣть на корветѣ... Отчего вы не съѣхали, а?..

— Какъ-то нерасположенъ-съ...

— Нерасположены-съ?.. Не повѣрю... Вы и въ Санъ-Франциско рѣдко съѣзжали... Что̀ это значитъ?

— Дорого сто̀итъ съѣзжать!—сконфуженно проговорилъ молодой человѣкъ.

— Какъ дорого?.. Развѣ вамъ жалованья не хватаетъ, а? Куда вы его дѣваете?.. Ужъ не продулись ли въ карты?.. Говорите правду... Васъ не адмиралъ спрашиваетъ, а старшій товарищъ!—прибавилъ ласково адмиралъ.

— Я въ карты не играю...

— Такъ куда же вы дѣваете ваши деньги?.. Почему не съѣзжаете на берегъ?.. Копите, что ли?..

— Какое коплю... Я... я... ваше превосходительство...

— Ну, что̀ вы тянете? Говорите, любезный другъ, толкомъ...

— Я, ваше превосходительство, оставляю бо̀льшую часть своего содержанія матери... У нея, кромѣ меня, нѣтъ никого-съ! — тихо и застѣнчиво проговорилъ молодой человѣкъ.

— Такъ вотъ почему!.. Экій вы какой славный, я вамъ скажу, мальчикъ!—съ нѣжностью проговорилъ адмиралъ, обнимая за талію молодого человѣка.

И, помолчавъ, прибавилъ:

— А все-таки... не мѣшаетъ и вамъ съѣздить... да-съ... И вы, любезный другъ, напрасно не сказали мнѣ, что у васъ денегъ нѣтъ... И знаете ли что̀... Позвольте мнѣ быть вашимъ банкиромъ, а? Что̀ вы на это скажете?

— Я не понимаю, какъ это банкиромъ?..

— Очень просто... Вы берите у меня деньги, а послѣ отдадите, когда больше получать жалованья будете... Вы мнѣ же одолженіе сдѣлаете... Я не буду всѣхъ своихъ денегъ тратить... Прошу васъ... Пусть это между нами...

И, несмотря на протесты молодого человѣка, адмиралъ потащилъ его къ себѣ въ каюту и предложилъ взять денегъ. Онъ просилъ и требовалъ такъ настоятельно, что «дядя Черноморъ» взялъ наконецъ десять долларовъ.

— Ну, а теперь поѣзжайте на берегъ... Товарищи ваши всѣ тамъ... И помните, что я вашъ банкиръ...

Адмиралъ сѣлъ писать письма и велѣлъ Васькѣ разбудить себя завтра въ шесть часовъ.

— А мундиръ готовить?

— Зачѣмъ мундиръ?

— А смотры дѣлать!..

— Ты, Васька, хоть и бестія, а глупъ. Зачѣмъ смотры дѣлать въ мундирѣ, когда можно и въ сюртукѣ? Не мѣшай мнѣ!

XX.

Почтовый пароходъ, пришедшій изъ Гонконга на слѣдующій день, привезъ европейскія газеты, въ которыхъ, между прочимъ, сообщалось о крайне натянутыхъ отношеніяхъ между Россіей, Англіей и Франціей и предсказывалась вѣроятность близкой войны въ виду извѣстныхъ событій 1863 года.

Безпокойный адмиралъ былъ встревоженъ за положеніе своей маленькой эскадры и еще болѣе раздраженъ тѣмъ, что изъ Петербурга не было никакихъ извѣстій объ этомъ.

— Этакіе скоты... этакіе болваны! Всякія глупости спѣшатъ написать, а то, о чемъ нужно, не пишутъ, — громко проговорилъ адмиралъ и, видимо взволнованный, заходилъ по каютѣ, повторяя время отъ времени весьма нелестные эпитеты по адресу высшаго морского начальства.

Вызванный имъ консулъ не могъ сообщить адмиралу никакихъ точныхъ извѣстій. Онъ тоже ничего не зналъ.

Отпустивъ консула, адмиралъ долго ходилъ, обдумывая свое положеніе, и наконецъ велѣлъ сигналомъ потребовать къ себѣ всѣхъ командировъ судовъ.

Сообщивъ имъ газетныя извѣстія, онъ сказалъ:

— Если, господа, въ самомъ дѣлѣ будетъ война, эти подлецы-англичане получатъ извѣстіе о ней раньше, чѣмъ мы, и могутъ захватить насъ врасплохъ... У нихъ въ китайскихъ водахъ огромная эскадра. Придетъ и разнесетъ насъ, какъ дураковъ, благодаря тому, что у насъ въ министерствѣ сидятъ болваны-съ!

Флагъ-капитанъ Ратмирцевъ, присутствовавшій въ адмиральской каютѣ, рѣшилъ сегодня же проситься въ Россію по болѣзни и въ то же время подумалъ, что у него есть большіе козыри въ рукахъ, чтобъ насолить этому ненавистному ему адмиралу въ глазахъ морского министерства.

— Но этого не случится... не можетъ случиться! — воскликнулъ адмиралъ, сверкнувъ глазами. — Насъ не возьмутъ живьемъ... Я прошу васъ, господа, быть во всякую минуту готовыми къ бою... Орудія имѣйте всегда заряженными... И я не сомнѣваюсь, что въ случаѣ чего каждый изъ васъ сумѣетъ поддержать честь русскаго флага.

Всѣ молча наклонили головы.

Адмиралъ между тѣмъ продолжалъ:

— Завтра же съ разсвѣтомъ прошу всѣхъ выйти въ море и держаться у Нагасаки... Если увидите англичанъ или французовъ, клиперу «Копчикъ» немедленно дать знать сюда. Я остаюсь здѣсь ожидать почты и отвѣта отъ посланника нашего

въ Іеддо... Надѣюсь, что вы, Николай Аѳанасьичъ, и вы, Егоръ Егорычъ, поторопитесь исправить свои поврежденія? — обратился адмиралъ къ командирамъ «Рѣзваго» и «Голубчика».

Оба командира отвѣчали, что на ихъ судахъ будутъ работать день и ночь.

— Если извѣстія изъ Россіи,—продолжалъ адмиралъ:—подтвердятъ газетныя сообщенія—каждый изъ васъ, господа, получитъ отъ меня инструкцію. А пока прошу держать въ тайнѣ то, что я вамъ сказалъ, а то этотъ англичанинъ-фрегатъ, который стоитъ здѣсь, можетъ узнать наши намѣренія... Объявите на берегу и всѣмъ офицерамъ, что идете въ Гонконгъ... а на разсвѣтѣ непремѣнно сняться!—приказывалъ адмиралъ.

Одинъ изъ капитановъ заявилъ, что онъ едва ли успѣетъ окончить разсчеты съ берегомъ.

— Чтобъ были окончены! И скажите вашему ревизору, что если ему мало части дня и всей ночи, чтобъ окончить всѣ разсчеты, то я его вышлю съ эскадры, какъ нерадиваго офицера... Слышите?

— Слушаю, ваше превосходительство!

Капитаны были отпущены и, разъѣхавшись по своимъ судамъ, сдѣлали распоряженія объ уходѣ съ разсвѣтомъ изъ Нагасаки въ Гонконгъ. На «Рѣзвомъ» и «Голубчикѣ» принялись немедленно за работы, и въ тотъ же день новыя мачты были привезены съ берега.

А безпокойный адмиралъ въ это время набрасывалъ свой планъ дѣйствій на случай войны — и затѣмъ сталъ писать инструкцію командирамъ и донесеніе въ Петербургъ.

Все это онъ дѣлалъ съ стремительной горячностью, точно война должна быть объявлена не-сегодня-завтра.

Ратмирцевъ нѣсколько разъ въ теченіе дня спрашивалъ Ваську, что дѣлаетъ адмиралъ, и каждый разъ получалъ отвѣтъ, что адмиралъ пишетъ.

Наконецъ уже вечеромъ флагъ-капитанъ опять освѣдомился у камердинера.

— Пишетъ!—отвѣчалъ Васька.

— А какъ онъ... въ духѣ?—спрашивалъ Ратмирцевъ.

— Не должно быть, Аркадій Дмитричъ... Давеча я подавалъ ему стаканъ лимонада, такъ онъ... уставилъ довольно грозно глаза, я такъ и полагалъ, что онъ меня кокнетъ этимъ самымъ стаканомъ...

У трусливаго флагъ-капитана невольно пронеслась мысль: «а что какъ онъ и меня кокнетъ?»

— Если угодно, я сейчасъ пойду посмотрю, Аркадій Дмитричъ, въ какомъ онъ находится теперь градусѣ...

— Сходи...

Черезъ минуту Васька вернулся и доложилъ:

— Извольте идти къ нему, Аркадій Дмитричъ, онъ въ самомъ лучшемъ, можно сказать, состояніи своего карахтера.

Ратмирцевъ вошелъ въ адмиральскую каюту и увидалъ адмирала, сидѣвшаго безъ сюртука за столомъ. Среди тишины слышно было, какъ шуршало перо по бумагѣ.

Адмиралъ не слыхалъ, какъ вошелъ флагъ-капитанъ, и, видимо увлеченный, продолжалъ писать.

Ратмирцевъ обдернулъ сюртукъ, пригладилъ и безъ того прилизанные свои височки и чуть слышно кашлянулъ.

Ни малѣйшаго результата!

Тогда флагъ-капитанъ кашлянулъ громче.

Быстрымъ движеніемъ адмиралъ вздернулъ свою большую, круглую, коротко-остриженную голову и уставилъ на Ратмирцева глаза.

Эти глаза, блестящіе и возбужденные, казалось, не видали флагъ-капитана и были гдѣ-то далеко-далеко.

— Прошу извинить меня, ваше превосходительство,— началъ Ратмирцевъ, наклоняя голову въ почтительномъ поклонѣ:—я, кажется, помѣшалъ вамъ.

Только при звукахъ этого почтительно-тихаго голоса адмиралъ, повидимому, сообразилъ, кто передъ нимъ.

И онъ рѣзко и недовольнымъ тономъ спросилъ:

— Что нужно-съ?

— Я пришелъ къ вашему превосходительству съ просьбой, большой просьбой, и смѣю думать, что ваше превосходительство...

Адмиралъ положилъ перо и нетерпѣливо перебилъ:

— Да говорите короче, Аркадій Дмитричъ, а то вы всегда удивительно мямлите... Въ чемъ дѣло?

Но Ратмирцева недаромъ же прозвали «придворнымъ сусликомъ». Внутренно негодуя на этого «грубаго мужика» (распишетъ онъ его въ Петербургѣ!), онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ тѣмъ же почтительно-изысканнымъ тономъ, чуть-чуть ускоряя рѣчь:

— Какъ ни лестно мнѣ служить подъ непосредственнымъ начальствомъ вашего превосходительства, но болѣзненное мое состояніе...

— Вы хотите вернуться въ Россію, Аркадій Дмитричъ? — снова перебилъ адмиралъ, но на этотъ разъ голосъ его звучалъ веселой и довольной ноткой.

— Точно такъ, ваше превосходительство, если вамъ угодно будетъ отпустить меня...

— Что-жъ, съ Богомъ, Аркадій Дмитричъ. Если здоровье ваше требуетъ, удерживать не стану и, какъ больному, разрѣшаю вернуться въ Россію на казенный счетъ, — любезно прибавилъ адмиралъ.

Ратмирцевъ разсыпался въ благодарностяхъ. Отправки на казенный счетъ онъ не ожидалъ.

— Вы когда хотите ѣхать, Аркадій Дмитричъ?

— Съ первымъ пароходомъ, отправляющимся въ Гонконгъ.

— Рекомендую изъ Гонконга идти въ Европу на французскомъ пароходѣ... Отличные пароходы...

— Я такъ и думалъ, ваше превосходительство.

— Вы какъ думаете: прямо въ Петербургъ, или по дорогѣ заѣдете въ Парижъ?

— Хотѣлось бы кое-гдѣ побывать въ Европѣ.

— И отлично... А какъ пріѣдете въ Петербургъ, разскажите Шримсу, какъ мы здѣсь плаваемъ и какъ сумасшествуетъ «башибузукъ»... Они меня такъ называютъ, я знаю! — усмѣхнулся адмиралъ. — Ну, до свиданья пока, Аркадій Дмитричъ, у меня много работы! — сказалъ адмиралъ, протягивая Ратмирцеву руку.—Да прикажите Вербицкому завтра же выдать вамъ деньги, какія полагаются!—крикнулъ онъ вдогонку.

Ратмирцевъ вышелъ изъ каюты адмирала очень довольный. Съ деньгами, какія онъ получитъ, можно будетъ побывать въ Парижѣ и вообще попутешествовать, не стѣсняясь. Въ свою очередь и адмиралъ былъ радъ, что избавился отъ этой «золотушной бабы», какъ презрительно называлъ онъ за глаза своего флагъ-капитана.

«То-то будетъ сплетничать Шримсу на меня!» — подумалъ онъ, усмѣхнувшись, и снова принялся за работу.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня всѣ суда эскадры, за исключеніемъ «Рѣзваго» и «Голубчика», снялись съ якоря и вышли въ море, сопровождаемыя сигналомъ на флагманскомъ корветѣ, изъявлявшимъ удовольствіе адмирала. Самъ адмиралъ, не выспавшійся, съ красными глазами, стоялъ на мостикѣ и смотрѣлъ въ бинокль на удалявшуюся въ стройномъ порядкѣ маленькую эскадру.

И, когда она скрылась, онъ, видимо удовлетворенный, легъ опять спать съ полной увѣренностью, что эта маленькая эскадра въ случаѣ войны кое-что сдѣлаетъ.

Черезъ три дня усиленныхъ работъ и «Рѣзвый» и «Голубчикъ» были готовы къ выходу въ море.

Наконецъ на четвертый день пароходъ, пришедшій изъ Шанхая, привезъ почту изъ Россіи. Секретная бумага изъ

морского министерства подтверждала сообщенія иностранныхъ газетъ и предписывала адмиралу собрать эскадру и немедленно идти въ Николаевскъ-на-Амурѣ, гдѣ и находиться въ безопасности отъ непріятельскаго захвата въ случаѣ войны.

— Болваны! Такъ я васъ и послушался! — крикнулъ гнѣвно адмиралъ.

И онъ немедленно же прибавилъ къ своему донесенію, что считаетъ невозможнымъ исполнить такое приказаніе и оставаться все время въ бездѣйствіи. Въ подробномъ же донесеніи, написанномъ еще раньше, онъ сообщалъ, что соберетъ всю эскадру въ Санъ-Франциско и, получивъ по телеграфу извѣщеніе о войнѣ, отправитъ всѣ свои суда въ крейсерство для ловли англійскихъ купеческихъ кораблей и для внезапныхъ нападеній на англійскія колоніи. Вотъ что онъ намѣренъ сдѣлать вмѣсто того, чтобы позорно запереться въ Николаевскѣ-на-Амурѣ. Одновременно съ донесеніемъ къ морскому министру адмиралъ написалъ и рапортъ августѣйшему генералъ-адмиралу.

Въ тотъ же вечеръ Ивковъ былъ позванъ къ адмиралу.

— Я васъ посылаю курьеромъ въ Россію съ важными бумагами, Ивковъ, — проговорилъ адмиралъ, пожимая руку молодому человѣку.

— Слушаю, ваше превосходительство! — проговорилъ изумленный Ивковъ.

— Завтра утромъ мы уходимъ, а вы останетесь въ Нагасаки и на первомъ пароходѣ отправитесь въ Печелійскій заливъ, а оттуда черезъ Пекинъ въ Сибирь и въ Петербургъ... Надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе и докажете, что моряки могутъ летать не хуже фельдъегерей.

— Постараюсь.

— Я увѣренъ, потому и выбралъ васъ. Предписаніе и деньги на дорогу вамъ выдадутъ сегодня же, а завтра въ семь часовъ утра будьте готовы и приходите ко мнѣ за бумагами... Берегите ихъ... Изъ Петербурга, если хотите, вернетесь на эскадру... Хотите?

Ивковъ, уже мечтавшій объ отставкѣ, поколебался.

— Ну какъ хотите... Странный вы мальчикъ... Я хочу васъ имѣть подлѣ себя, а вы чураетесь этого... А вѣдь я очень расположенъ къ вамъ, Ивковъ. Изъ васъ вышелъ бы хорошій морякъ... всѣ данныя есть... А вы вотъ вмѣсто того все стихи пишете и адмирала своего ругаете... Ну, идите, собирайтесь.

На слѣдующее утро ровно въ семь часовъ Ивковъ уже былъ у адмирала.

Тотъ вручилъ ему маленькую сумку съ бумагами и велѣлъ

при себѣ надѣть ее на грудь подъ рубашку. Затѣмъ онъ обнялъ Ивкова, крѣпко поцѣловалъ его и сказалъ:

— Телеграфируйте въ Санъ-Франциско, когда пріѣдете въ Петербургъ.

— Слушаю-съ.

— А теперь послушайте, мой милый, дружескаго совѣта. Не сломайте себѣ шеи въ Петербургѣ, понимаете? Вы слишкомъ увлекающійся и горячій... А въ Петербургѣ разные кружки... Новыя тамъ идеи... Подавай все сразу. Того и гляди, попадетесь въ какую-нибудь исторію... Право, возвращайтесь лучше на эскадру, ко мнѣ...

— Я подумаю.

— Подумайте и сейчасъ же телеграфируйте — я васъ вытребую сюда. И помните, Петя,—прибавилъ горячо адмиралъ:— что гдѣ бы вы ни были и что бы съ вами ни случилось, у васъ есть вѣрный и любящій другъ... вотъ этотъ самый «глазастый чортъ»!—заключилъ, ласково улыбаясь, адмиралъ.—Ну, прощайте... Христосъ съ вами.

Въ десять часовъ утра «Рѣзвый» и «Голубчикъ» снялись съ якоря. Какъ только они вышли въ море, на обоихъ судахъ были заряжены орудія, и оба судна были вполнѣ готовы къ немедленному бою. Въ скоромъ времени показалась эскадра, и на флагманскомъ корветѣ взвился сигналъ: «Лечь въ дрейфъ». Вслѣдъ затѣмъ мичманъ Вербицкій развезъ всѣмъ командирамъ запечатанные пакеты съ инструкціями и, когда вернулся, адмиралъ велѣлъ поднять сигналъ: «Слѣдовать въ Санъ-Франциско безъ замедленія».

Всѣ недоумѣвали, зачѣмъ это эскадра идетъ въ Америку, если ожидаютъ войны.

А Ивковъ черезъ четыре дня уже былъ въ Печелійскомъ заливѣ и высадился въ Таку. Оттуда онъ немедленно отправился въ китайской одноколкѣ на мулахъ въ Тяньтзинъ и дальше въ Пекинъ. Доѣхавъ изъ Пекина до Калгана, пограничнаго города въ Монголіи, верхомъ въ сопровожденіи казака изъ посольства и китайскаго чиновника, онъ въ Калганѣ купилъ двухколесную монгольскую телѣгу и на почтовыхъ монгольскихъ лошадяхъ день и ночь скакалъ черезъ Гобійскую степь, приводя въ ужасъ бѣшеной ѣздой сопровождавшихъ его, мѣняющихся черезъ нѣсколько станцій, китайскихъ чиновниковъ. Въ Кяхтѣ онъ пересѣлъ на перекладную и уже одинъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Адмиралъ отлично зналъ, какъ нужно было подѣйствовать на самолюбиваго юнца, чтобъ заставить его летѣть, сломя голову. Ивковъ скакалъ какъ сумасшедшій дни и ночи на

курьерскихъ, останавливаясь на станціяхъ, чтобъ наскоро поѣсть, всего въ сложности не болѣе часа въ сутки, и дѣйствительно пріѣхалъ изъ Нагасаки черезъ Китай и Сибирь необыкновенно скоро въ Петербургъ.

Прямо съ вокзала онъ отправился къ морскому министру. Курьеръ въ пріемной сказалъ, что можно идти безъ доклада прямо въ кабинетъ.

Ивковъ вошелъ и увидалъ за большимъ письменнымъ столомъ полную, рыхлую фигуру адмирала Шримса, въ раскрытомъ халатѣ, подъ которымъ была только ночная сорочка.

Нѣсколько адмираловъ и офицеровъ въ мундирахъ сидѣло и стояло около. Адмиралъ Шримсъ что-то разсказывалъ и заливался густымъ сочнымъ смѣхомъ.

— Откуда это вы въ такомъ видѣ, молодой человѣкъ? — удивленно воскликнулъ министръ, увидавъ остановившагося у дверей запыленнаго и истомленнаго Ивкова. — Гдѣ это вы ночь кутили, а? Видно, прямо изъ веселой компаніи да къ министру? — со смѣхомъ говорилъ Шримсъ, хорошо извѣстный морякамъ своими циническими шуточками и фамильярностью обращенія, шутливо грозя пальцемъ.—Подходите-ка поближе... дайте на васъ посмотрѣть... Не бойтесь, не укушу.

Нѣсколько изумленный такимъ пріемомъ, Ивковъ подошелъ къ столу, поклонился и хотѣлъ-было проговорить обычную фразу представленія, какъ адмиралъ Шримсъ, протягивая свою большую бѣлую и пухлую руку, продолжалъ съ обычнымъ своимъ видомъ балагура, шутки котораго должны доставлять удовольствіе подчиненнымъ:

— Ну-съ, рекомендуйтесь. Откуда и зачѣмъ пожаловали?

— Гардемаринъ Ивковъ...

— Покойнаго Андрея Петровича сынъ?

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство. Только-что прибылъ изъ Нагасаки съ эскадры Тихаго океана... Ѣхалъ черезъ Китай и Сибирь.

— А какой сумасшедшій прислалъ васъ сюда? — смѣясь и видимо нарочно спросилъ министръ.

— Меня прислалъ не сумасшедшій, ваше высокопревосходительство.

— А кто же? — съ лукавой улыбкой перебилъ Шримсъ.

— Начальникъ эскадры Тихаго океана, свиты его величества контръ-адмиралъ Корневъ съ бумагами къ вашему высокопревосходительству! — отвѣчалъ съ самымъ серьезнымъ видомъ Ивковъ, сильно разочарованный такимъ шутливымъ отношеніемъ къ возложенному на него порученію. Онъ скакалъ день и ночь, и такая странная встрѣча.

Онъ подалъ министру толстый пакетъ и отступилъ отъ стола.

— Ишь вѣдь загорѣлось... Курьеровъ гоняетъ нашъ неукротимый Корневъ! — замѣтилъ, усмѣхнувшись, министръ, обращаясь къ сидѣвшимъ въ креслахъ двумъ адмираламъ.

И адмиралы и почти всѣ присутствующіе поторопились засмѣяться.

Небрежно поворачивая въ своихъ бѣлыхъ пальцахъ пакетъ, словно бы желая показать, что не придаетъ особенной важности привезеннымъ бумагамъ и не торопится ознакомиться съ ихъ содержаніемъ, министръ спросилъ Ивкова:

— На эскадрѣ все благополучно?

— Все благополучно, ваше высокопревосходительство! — отвѣчалъ молодой человѣкъ, чувствуя невольную обиду за своего «глазастаго чорта».

— Ну что, очень васъ всѣхъ разноситъ тамъ вашъ адмиралъ? Топчетъ фуражку? Задаетъ вамъ перцу? Небось, рады, что уѣхали съ эскадры? Говорите, не стѣсняйтесь, молодой человѣкъ.

Ивковъ хорошо понялъ, что этотъ веселый толстякъ съ умнымъ, заплывшимъ, когда-то красивымъ лицомъ, сдѣлавшій блестящую карьеру, никогда не бывавши въ морѣ, ждетъ отъ него подтвержденія, чтобы позабавиться насчетъ «безпокойнаго адмирала», видимо не очень-то любимаго министромъ.

Но вмѣсто того, чтобы отвѣтить въ тонъ, Ивковъ, чувствуя сильное негодованіе противъ этого шутника-циника, проговорилъ съ нѣкоторой аффектаціей офиціальности и слегка возбужденнымъ тономъ:

— Начальника эскадры всѣ слишкомъ уважаютъ и любятъ, ваше высокопревосходительство, чтобъ не желать служить подъ его начальствомъ... И никто изъ моряковъ, любящихъ дѣло, не въ претензіи, если адмиралъ, случается, дѣлаетъ выговоры и замѣчанія... Отъ такого моряка-адмирала, какъ Иванъ Андреевичъ, хоть и непріятно получить замѣчаніе, но всякій знаетъ, что онъ дѣлаетъ ихъ справедливо.

Министръ пристально оглядѣлъ молодого человѣка, и съ его лица сбѣжала улыбка.

— Вы любимчикъ вашего адмирала, что ли?

— Я ничьимъ любимчикомъ не былъ и не желаю имъ быть, ваше высокопревосходительство! — отвѣчалъ, весь вспыхивая, Ивковъ.

— Ого, какой онъ вернулся изъ жаркихъ странъ горяченькій! Совѣтую вамъ здѣсь поостыть, молодой человѣкъ. Такъ-то оно лучше будетъ! — полушутя, полусерьезно промол-

вилъ министръ.—Ну, съ Богомъ, родной... Ступайте... Приведите себя въ надлежащій видъ да явитесь по начальству, куда тамъ слѣдуетъ... А я еще васъ позову.

Ивковъ поклонился и вышелъ.

Когда онъ ѣхалъ въ гостиницу, въ головѣ его невольно явилось сравненіе, и этотъ «глазастый чортъ», этотъ «Ванька-антихристъ», котораго онъ казнилъ въ стихахъ, казался ему куда симпатичнѣе, милѣе и нужнѣе для флота, чѣмъ этотъ толстякъ-министръ... Какая разница!

XXI.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ.

Всѣ эти «Рѣзвые» и «Голубчики» давно пошли на сломъ и остались лишь въ памяти старыхъ моряковъ, которые на нихъ плавали въ дальнихъ моряхъ и учились своему тяжелому ремеслу подъ начальствомъ такого преданнаго дѣлу учителя, какимъ былъ «безпокойный адмиралъ». Деревянный паровой флотъ вмѣстѣ съ парусами какъ-то быстро исчезъ, и на смѣну его явились эти многомилліонные гиганты-броненосцы, оскорбляющіе глазъ моряковъ стараго поколѣнія своимъ неуклюжимъ видомъ, похожіе на утюги, съ маленькими голыми мачтами, а то и вовсе безъ мачтъ, вмѣсто прежняго красиваго рангоута, — но зато носящіе грозную артиллерію, имѣющіе тараны и ходящіе, благодаря своимъ сильнымъ машинамъ, съ такою быстротой, о которой прежде и не помышляли.

Съ обычной своей энергіей отдался «безпокойный адмиралъ» дѣлу реорганизаціи флота и нѣсколько лѣтъ сряду пользовался большою властью и виднымъ вліяніемъ. Не бывши министромъ, онъ, благодаря своей кипучей дѣятельности и авторитету, значилъ не менѣе министра, и безъ его участія или совѣта не строилось въ тѣ времена ни одного судна. Въ своемъ кабинетѣ, окруженный чертежами, бесѣдующій съ инженерами, увлекающійся приходившими въ его голову новыми типами судовъ, разносящій какого-нибудь опоздавшаго мичмана или приходящій въ бѣшенство при посѣщеніи строящагося судна, гдѣ копались и дѣлали не такъ, какъ, казалось ему, было нужно, — онъ былъ все тотъ же «безпокойный адмиралъ», что и на палубѣ «Рѣзваго», такъ же умѣлъ вносить «духъ жизни» въ дѣло и заставлять проникаться этимъ живымъ духомъ другихъ.

Въ его кабинетѣ толпилась масса народа. Зная его вліяніе, въ немъ заискивали, ему льстили, передъ нимъ казались увлеченными дѣломъ такъ же страстно, какъ и онъ самъ. Въ немъ видѣли будущаго морского министра, и каждый ловкій

человѣкъ старался эксплоатировать его довѣрчивость къ людямъ. И онъ часто вѣрилъ показной любви къ дѣлу и выводилъ въ люди каждаго, въ которомъ видѣлъ эту любовь и признавалъ способности...

Нечего и прибавлять, что многіе завидовали безпокойному адмиралу и ругали его. Особенно бранили его бездарные моряки, тѣ лѣнивые поклонники канцелярщины и мертвечины, которыхъ словно бы оскорблялъ своей энергіей и преданностью дѣлу этотъ безпокойный, во все вмѣшивающійся адмиралъ.

Они просто служили, исполняя съ рутиннымъ равнодушіемъ свое «отъ сихъ и до сихъ», а этотъ вѣчно волновался, вѣчно кипятился, вѣчно представлялъ какіе-то новые проекты, какія-то записки...

Но вотъ настали новыя времена. Запѣлись иныя пѣсни. Во флотѣ появились новые люди, и дѣятельность адмирала сразу была прекращена.

Его, еще полнаго силъ и энергіи, сдали въ архивъ.

И — какъ обыкновенно случается — всѣ тѣ, которые больше всего были обязаны «безпокойному адмиралу», всѣ тѣ, которые чаще другихъ обивали порогъ его кабинета — отвернулись отъ него, словно бы боясь потерять въ чьихъ-то глазахъ, продолжая бывать у адмирала.

И первый, разумѣется, Вербицкій, только-что произведенный, благодаря Корневу, въ контръ-адмиралы.

Еще бы! Безпокойный адмиралъ былъ почти-что въ опалѣ, совсѣмъ безсильный, нелюбимый и даже оклеветанный. А главное, въ то время было выгодно бранить все прежнее во флотѣ: и духъ, и систему, и корабли, и «безпокойнаго адмирала», какъ одного изъ выдающихся представителей и пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ прежняго главнаго руководителя флота.

Новымъ людямъ необходимо было показать, что все прежнее негодно, и что у нихъ есть своя программа возрожденія.

Явился пресловутый цензъ... Явился какой-то бухгалтерскій и чисто-коммерческій взглядъ на службу; всякая посредственность, бездарность и наглость высоко подняла голову, и затѣмъ мало-по-малу молодымъ поколѣніемъ овладѣлъ тотъ торгашескій духъ, который сталъ руководящимъ принципомъ. Моряки почти разучились плавать и почти не плавали. Всякій старался зашибить копейку и поскорѣй «выплавать цензъ», а гдѣ и на чемъ — на пароходѣ ли, дѣлающемъ рейсы между Петербургомъ и Кронштадтомъ, или на броненосцахъ, отстаивающихся на Транзундскомъ рейдѣ, — не все ли равно?

На пароходѣ даже спокойнѣе. Такъ или иначе, а всякій умѣющій не безпокоить начальство будетъ въ свое время командиромъ и имѣетъ всѣ шансы посадить на мель судно на Кронштадтскомъ рейдѣ. Этотъ торгашескій взглядъ на службу и эта полная индифферентность къ другимъ высшимъ идеаламъ морского служенія сдѣлали свое дѣло. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось количество гигантовъ-броненосцевъ и торжествовалъ «культъ гроша», обезличивались люди и исчезалъ тотъ истинно-морской духъ, та любовь къ дѣлу и то обычное у прежнихъ моряковъ рыцарство, которые являлись какъ бы традиціонными и безъ которыхъ всѣ эти чудеса техники являются лишь безполезными и дорого стоящими игрушками.

Подобныя мысли часто приходили въ голову «безпокойнаго адмирала», и онъ горько задумывался, расхаживая по своему кабинету въ долгіе дни своего служебнаго бездѣйствія и заброшенности, но уже не прежней порывистой и энергичной походкой, какой, бывало, ходилъ по палубѣ «Рѣзваго», а тихими и медленными шагами престарѣлаго человѣка.

Въ этихъ грустныхъ думахъ, въ разговорахъ съ немногими близкими людьми, которые навѣщали его, не было ничего личнаго. Онъ зналъ, что его пѣсня давно спѣта, и не о себѣ думалъ онъ, не о тѣхъ обидахъ и ослиныхъ ляганьяхъ, которыя пришлось ему испытать, особенно вслѣдъ за опалой, а о судьбѣ горячо любимаго имъ флота.

Несмотря на свои семьдесятъ съ хвостикомъ лѣтъ, онъ глядѣлъ еще бодро. Сѣдой какъ лунь, со своей коротко остриженной головой и большими круглыми глазами, онъ все еще сохранилъ остатки прежней неукротимой энергіи, а по временамъ напоминалъ прежняго «безпокойнаго адмирала» въ его «штормовыя» минуты. Сильно уходился онъ, но стихійная натура все-таки прорывалась.

Потребность дѣятельности еще сильно жила въ немъ, и онъ старался выдумать ее... Дома читалъ, читалъ много и слѣдилъ за морскимъ дѣломъ. Посѣщалъ разныя общества, въ которыхъ былъ членомъ, и всегда за кого-нибудь да хлопоталъ, за кого-нибудь да просилъ, являясь къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ въ мундирѣ и орденахъ, и настойчиво рекомендовалъ того «хорошаго человѣка», который обращался къ нему за помощью, и радовался какъ ребенокъ, когда ему удавалось что-нибудь сдѣлать, особенно для прежнихъ своихъ сослуживцевъ.

И Лсонтьевъ, когда-то назвавшій адмирала «бѣшеной собакой» и принужденный оставить морскую службу вслѣдствіе

того, что неосторожно отозвался въ клубѣ объ одномъ молодомъ адмиралѣ, какъ о человѣкѣ, слишкомъ фамильярно обращавшемся съ казенными деньгами (хотя эта фамильярность ни для кого не была секретомъ), и кромѣ того—что было еще преступнѣе!—напечаталъ, безъ разрѣшенія начальства, какую-то статейку, въ которой критически относился къ цензу и находилъ, что «купеческій духъ» развращаетъ флотъ,—этотъ самый Леонтьевъ, оказавшійся во флотѣ неудобнымъ человѣкомъ, испыталъ на себѣ истинно-дружескую привязанность «безпокойнаго адмирала».

Когда адмиралъ прослышалъ, что Леонтьевъ вышелъ въ отставку и бѣдствуетъ съ семьей, онъ, безъ всякаго вызова съ его стороны, сталъ хлопотать за бывшаго сослуживца, и у кого только ни перебывалъ онъ, кому только ни надоѣдалъ, пока не добился-таки, что Леонтьеву дали какое-то мѣсто.

Испыталъ воистину отеческую заботливость «безпокойнаго адмирала» и Ивковъ, давно вышедшій въ отставку и попавшій въ какую-то «исторію», заставившую его прокатиться въ не столь отдаленныя мѣста.

XXII.

Въ это декабрьское утро безпокойный адмиралъ, по обыкновенію, всталъ въ восемь часовъ, и когда Ефремъ, бывшій матросъ, состоявшій камердинеромъ при адмиралѣ болѣе десяти лѣтъ, принесъ кофе, адмиралъ подалъ ему листокъ бумаги съ написанными на немъ фамиліями и сказалъ:

— Сейчасъ сходи въ адресный столъ и узнай, гдѣ живутъ эти господа... Возьми справки... понялъ?

— Понялъ, ваше высокопревосходительство.

— Ступай.

Напившись кофе, безпокойный адмиралъ отправился гулять. Гулялъ онъ ежедневно, несмотря ни на какую погоду.

Возвратившись съ прогулки, онъ взялъ съ письменнаго стола телеграмму, прошелъ на половину къ женѣ и, поздоровавшись съ ней, проговорилъ:

— А я, Машенька, вчера поздно вечеромъ получилъ пріятную телеграмму. Слушай.

И старикъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ прочиталъ:

«Бывшіе командиръ и офицеры «Голубчика», собравшіеся за товарищескимъ обѣдомъ, пьютъ за здоровье бывшаго своего адмирала и учителя и, вспоминая плаваніе подъ вашимъ начальствомъ съ чувствомъ глубокой признательности, шлютъ сердечныя пожеланія всего лучшаго и выраженія глубочай-

шаго уваженія доблестному и славному адмиралу, имя котораго никогда не забудется во флотѣ».

— Вспомнили, Машенька, и какъ тепло... Не правда ли? Ужъ я послалъ Ефрема узнать адресы подписавшихъ телеграмму, чтобъ сегодня же побывать у нихъ и поблагодарить. И чего этотъ болванъ такъ долго шляется!—внезапно крикнулъ адмиралъ и, круто повернувшись, прошелъ въ кабинетъ.

Этотъ Ефремъ былъ глупъ, честенъ и преданъ своему барину, который, въ свою очередь, любилъ Ефрема и привыкъ къ нему, не переставая, впрочемъ, удивляться его глупости и выражать иногда это удивленіе въ довольно энергичной формѣ.

Привычку свою къ Ефрему, несмотря на его глупость, «безпокойный адмиралъ» довольно оригинально и неожиданно приводилъ иногда, какъ доказательство того, какъ трудно иногда бываетъ мѣнять министровъ.

— Вѣдь вотъ, напримѣръ, Ефремъ болванъ, естественный болванъ, а я держу его десять лѣтъ!—говорилъ адмиралъ.

«Безпокойный адмиралъ» крикнулъ другого лакея и, приказавъ закладывать карету, тревожно заходилъ по кабинету, поводя плечами.

Наконецъ Ефремъ явился и съ радостно-глупымъ видомъ подалъ справки изъ адреснаго стола.

— Отчего такъ поздно?

— А я, ваше высокопревосходительство, по пути заходилъ къ портному за вашимъ сюртукомъ.

— Я развѣ тебѣ приказывалъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство.

— И какой же ты, Ефремъ, болванъ, я тебѣ скажу! Ступай, вели подавать карету! — проговорилъ довольно мягко адмиралъ, бывшій въ хорошемъ настроеніи по случаю полученной телеграммы.

Возвратившись домой, безпокойный адмиралъ разсказывалъ женѣ, какъ онъ разыскивалъ квартиры и поднимался въ пятые этажи.

— И только троихъ засталъ. Остальнымъ оставилъ карточки... И знаешь ли что, Машенька? Я приглашу ихъ всѣхъ обѣдать... Надо отблагодарить за вниманіе... И Леонтьева и Ивкова позову... Завтра же позову! Такъ ты распорядись, Машенька.

— Хорошо.

— И къ этому дураку Любимову заѣзжалъ сегодня.

— Зачѣмъ?

— Надо было за одного человѣка попросить... Но эта скотина ничего не хочетъ сдѣлать, Машенька... Вѣдь дуракъ, а

воображаетъ себѣ, что если былъ министромъ, то и уменъ... Отъ него же новость услыхалъ... Ратмирцевъ, знаешь этого вылощеннаго болвана Ратмирцева?

— Ну, знаю,—улыбнулась адмиральша, давно привыкшая къ энергической рѣчи адмирала.

— Его старшимъ флагманомъ назначаютъ... Эту бабу! Этого придворнаго суслика, какъ звали его мичмана на моей эскадрѣ... Съ такими флагманами далеко не уѣдешь!—раздраженно проговорилъ «безпокойный адмиралъ».

Онъ помолчалъ съ минуту и, видимо смягчившись, сказалъ:

— Да... вотъ говорятъ, что люди неблагодарны и забываютъ многое... А вчерашняя телеграмма, а?.. Что ты скажешь, Машенька?.. Есть, значитъ, люди, которые помнятъ, что я кое-что сдѣлалъ для флота.

— Повѣрь, что всѣ это сознаютъ въ душѣ,—горячо проговорила адмиральша.

— Ну, едва ли... Теперь, Машенька, не моряки, а торгаши... Духа нѣтъ... Ну да что говорить...

Адмиралъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой, пошелъ въ свой кабинетъ и принялся читать «Times».

Но сегодня ему не читалось.

Прошлое и настоящее проносилось передъ обрюзгшимъ старикомъ, и онъ горько задумался, склонивъ свою сѣдую голову.

НА «ЧАЙКѢ».

I.

На большомъ, хорошо прикрѣпленномъ къ полу диванѣ въ капитанской каютѣ, освѣщенной висячей, раскачивавшейся лампой, спалъ, слегка похрапывая, Павелъ Львовичъ Озерскій, командиръ клипера «Чайка», пожилой, смуглый брюнетъ съ черными, сильно засѣдѣвшими баками и усами.

Онъ спалъ одѣтый въ короткій, старенькій «буршлатъ» (пальто) съ штабъ-офицерскими погонами съ двумя звѣздочками и въ высокихъ сапогахъ, надѣтыхъ поверхъ штановъ и перевязанныхъ выше колѣнъ ремешками.

Пальто на мѣху, дождевикъ, фуражка и зюйдъ-вестка висѣли на переборкѣ около дивана.

Капитанъ прилегъ часа три тому назадъ здѣсь на диванѣ вмѣсто того, чтобы по-настоящему соснуть въ спальной, и спалъ тѣмъ безпокойнымъ сномъ, какимъ спятъ моряки во время бурь и непогодъ, готовый, въ случаѣ надобности, немедленно выскочить наверхъ.

Должно-быть, капитану снился хорошій сонъ, переносившій его въ иную обстановку, къ близкимъ людямъ въ далекой Россіи, потому что его волосатое, обыкновенно суровое лицо улыбалось во снѣ и толстыя губы по временамъ шептали чьи-то уменьшительныя имена съ необыкновенною нѣжностью.

Очевидно, онъ былъ во снѣ среди своей семьи, оставленной имъ два года тому назадъ въ Кронштадтѣ, въ уютной квартирѣ, гдѣ полы не качаются, гдѣ не слышенъ скрипъ переборокъ, гдѣ ничто не принайтовлено...

Онъ былъ теперь далеко отъ всего этого, хотя и упирался ногами въ кромку дивана, чтобы не упасть на полъ.

Качка была сильная. Корму такъ и дергало. Она то стре-

мительно поднималась вверхъ, вздрагивая всѣми своими членами, точно въ судорогахъ, то низвергалась, и тогда пѣнившіяся верхушки волнъ сердито облизывали наглухо задраенные толстые иллюминаторы (окна) капитанской каюты и словно бы говорили, что всего нѣсколько дюймовъ отдѣляютъ пловцовъ отъ вѣрной смерти въ бушующемъ морѣ.

Сильный ударъ волны въ бокъ кормового подзора приподнялъ корму бокомъ. Она на вѣсу вздрогнула порывистѣе. Каютныя переборки заскрипѣли сильнѣе. Въ сосѣдней буфетной что-то грохнуло.

И капитанъ мгновенно проснулся.

Проснулся и, вскочивъ съ дивана, присѣлъ, упираясь ногами въ ножку стола, и первое мгновеніе, казалось, былъ еще подъ чарами сновидѣнія.

Но въ слѣдующую же секунду эти чары исчезли.

Небольшіе и опухшіе, съ красными вѣками, глаза уже тревожно сверкали рѣзкимъ металлическимъ блескомъ, словно у вспугнутаго волка, почуявшаго опасность.

И капитанъ, весь насторожившійся, прислушивался къ доносившемуся сквозь закрытый люкъ глухому гулу вѣтра и свисту его въ снастяхъ.

Выраженіе напряженной тревоги исчезло съ его блѣднаго, истомленнаго лица съ морщинами на высокомъ лбу.

Корма попрежнему поднималась и опускалась съ стремительной правильностью. Переборки скрипѣли съ однообразной, раздражающей пѣвучестью. Въ доносившемся сверху гулѣ не было ничего угрожающаго.

«На рулѣ зѣвнули подлецы!»—рѣшилъ капитанъ и досталъ изъ кармана теплаго вязанаго жилета часы.

— Третій часъ! — проговорилъ онъ и, казалось, еще болѣе успокоился, такъ какъ съ полуночи до четырехъ на вахтѣ стоялъ лейтенантъ Адріановъ, исправный, хорошій офицеръ, на котораго капитанъ полагался.

— Рябка! — крикнулъ во все горло капитанъ.

— Есть! — донесся изъ-за дверей громкій басокъ.

И вслѣдъ затѣмъ въ каюту вошелъ, балансируя на уходившемъ изъ-подъ ногъ полу, небольшого роста, коренастый вѣстовой съ заспаннымъ пучеглазымъ и довольно продувнымъ лицомъ, человѣкъ лѣтъ за тридцать, и остановился у стола, придерживаясь за него рукой, чтобы не упасть.

— Кипятокъ есть?

— Въ готовности, вашескобродіе!

— Медвѣдя!

— Есть, вашескобродіе!

И вѣстовой хотѣлъ-было уйти, выписывая ногами мыслете, чтобы готовить «медвѣдя», до котораго и самъ былъ охотникъ, какъ капитанъ сказалъ:

— Двери открой. Жарко. Вѣрно, жарилъ, пока я спалъ?

— И вовсе пронзительная погода, вашескобродіе! Подложилъ маленько! — докладывалъ Рябка, указывая пальцемъ на маленькую желѣзную, раскаленную докрасна печку, стоявшую недалеко отъ дверей.

— Скотина! Когда ты поумнѣешь?

— Не могу знать, вашескобродіе! — съ напускною простоватостью отвѣчалъ Рябка.

— То-то... нажарилъ, дуракъ!.. А что у тебя тамъ грохнуло, а? Опять что-нибудь разбито?

— А графинъ, вашескобродіе, упалъ изъ гнѣзда! — проговорилъ виновато, моргая глазами, вѣстовой.

— Изъ гнѣзда?.. Я вотъ тебѣ гнѣздо на рожѣ сдѣлаю, если еще изъ гнѣзда что-нибудь упадетъ... Понялъ?

— Понялъ, вашескобродіе!

— Ступай и живо медвѣдя... Да поумнѣй, смотри!

— Есть! — отвѣтилъ Рябкинъ.

И, благополучно выбравшись изъ каюты, шепнулъ себѣ подъ носъ:

— Ты-то у меня очень уменъ, скажи, пожалуйста! Только и есть ума, что ругаться!

Произнесъ онъ эти слова безъ злобы, а больше изъ зубоскальства. Рябка вотъ уже четвертый годъ какъ «околачивался», по его выраженію, въ вѣстовыхъ и доволенъ былъ своимъ положеніемъ, находя, что вѣстовымъ быть куда лучше, чѣмъ строевымъ, «форменнымъ» матросомъ. Трудное, полное опасности матросское дѣло не по душѣ было трусоватому Рябкѣ. Въ вѣстовыхъ куда покойнѣе. Ни трудной работы, ни лупцовки отъ боцмановъ, ни порки. Знай себѣ одного капитана. А къ нему Рябка приспособился за четыре года и находилъ, что съ такимъ капитаномъ еще жить можно — такіе ли еще бываютъ!

Этотъ хоть и ругатель, но дрался рѣдко и не зря, по мнѣнію Рябки, и за всѣ четыре года только два раза приказалъ отодрать его линьками. Ругался онъ, правда, за всякую малость, а то и такъ, для своего удовольствія, но зато былъ, по оцѣнкѣ вѣстового, больше съ виду сердитый и «простъ», такъ какъ вовсе не замѣчалъ, что Рябка таскаетъ и чай, и сахаръ, и папиросы, и вино, и при съѣздѣ на берегъ даже одѣваетъ капитанскія сорочки.

— Небось, у него всякаго припасу много! — утѣшалъ себя

вѣстовой, когда по временамъ слишкомъ безцеремонно пользовался капитанскимъ добромъ и предпочтительно виномъ.

Онъ, впрочемъ, не находилъ этого предосудительнымъ, хотя и считалъ капитана за довѣрчивость человѣкомъ небольшого ума. Разрѣшая себѣ эксплоатировать капитанскую простоту въ предѣлахъ пользованія разными припасами, Рябка никогда и не подумалъ стащить хотя бы мелкую монетку изъ капитанскаго кошелька, считая это форменнымъ воровствомъ.

Минутъ черезъ пять Рябка уже несъ, выдѣлывая довольно хитрыя акробатическія движенія, чтобы не упасть, стаканъ крѣпкаго чернаго кофе, на треть разбавленнаго ромомъ. Свободная рука служила балансомъ. Донести благополучно стаканъ съ жидкостью во время отчаянной качки, когда палуба уходила изъ-подъ ногъ, было нелегко.

— Не расплесни, каналья! — строго окрикнулъ капитанъ, имѣя въ виду спеціальную цѣль: придать бо́льшую цѣпкость ногамъ вѣстового.

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе! — отвѣчалъ вѣстовой, прижимая къ груди обернутый въ салфетку стаканъ и подаваясь всѣмъ корпусомъ впередъ, чтобы сохранить равновѣсіе.

Выждавъ моментъ, когда корма, опустившись, была на мгновеніе неподвижна, Рябка быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ «въ гору», сунулъ капитану въ руку стаканъ и хотѣлъ-было отойти, но въ это время корма уже взлетѣла вверхъ, и Рябка растянулся, «клюнувъ носомъ» палубу.

Капитанъ пустилъ по адресу своего вѣстового одно изъ тѣхъ привѣтствій, которыми онъ обыкновенно дарилъ матросовъ и въ минуты гнѣва и въ минуты добраго настроенія; и за художественность и разнообразіе выдумки по этой части заслужилъ у матросовъ даже кличку «музыканта». Вслѣдъ затѣмъ ловкимъ движеніемъ руки, державшей и не въ такую качку «медвѣдя», онъ поднесъ стаканъ къ усамъ и, отхлебнувъ треть, довольно крякнулъ и, усмѣхаясь, проговорилъ не безъ нотки презрѣнія въ своемъ сипловатомъ голосѣ:

— А еще матросъ!..

И, выпивъ всего «медвѣдя», капитанъ протянулъ вѣстовому стаканъ и проговорилъ:

— Убери, и пальто!

— Есть, вашескобродіе!

— Да, смотри, не растянись опять, какъ пьяная баба... А еще матросъ! — насмѣшливо повторилъ капитанъ.

— Всякій можетъ «баланецъ» потерять на такой качкѣ, вашескобродіе! — не безъ досады промолвилъ Рябка, задѣтый за живое насмѣшкой капитана.

— Всякій?!. Сучій ты подкидышъ, вотъ кто!..

— Меня никто не подкидывалъ, вашескобродіе! — осторожно возразилъ Рябка и, выдѣлывая ногами мыслете, благополучно дошелъ до дверей и, поставивъ въ буфетной стаканъ, вернулся, чтобы подать своему капитану пальто.

Это нелегкое дѣло было исполнено довольно удачно, и Рябка не безъ нѣкотораго удовлетворенія проговорилъ, подавая шарфъ:

— Зябко, вашескобродіе.

Умѣло ступая своими цѣпкими морскими ногами, капитанъ подошелъ къ барометру и, взглянувъ на него, вышелъ изъ каюты.

А Рябка направился въ буфетную выпить стаканъ «медвѣдя». Онъ одобрялъ этотъ напитокъ не менѣе, чѣмъ капитанъ, и находилъ его пользительнымъ.

Выпивши стаканъ и благоразумно поборовши соблазнъ выпить другой, онъ улегся въ своей крошечной каюткѣ напротивъ буфетной и моментально захрапѣлъ.

II.

Наверху дѣйствительно было зябко.

Рѣзкій ледяной вѣтеръ, свидѣтельствующій о близости Ледовитаго океана, то гудѣлъ, то стоналъ въ рангоутѣ и снастяхъ, надувая марселя въ четыре рифа и зарифленный фокъ, подъ которыми «Чайка» неслась, раскачиваясь и вздрагивая, узловъ по двѣнадцати, убѣгая въ бакштагъ отъ попутной волны.

Небо черно отъ нависшихъ тучъ. Вокругъ мракъ и непрерывный гулъ бушующаго моря.

Изрѣдка лишь изъ-за мчавшихся клочковатыхъ облаковъ вдругъ выглядывала полная луна, освѣщая своимъ таинственнымъ серебристымъ свѣтомъ холмистое море, несущійся клиперъ съ его мачтами, парусами и палубой и разсыпающіяся у носа алмазныя брызги верхушекъ волнъ, вкатывающихся на бакъ, чтобы вылиться въ море черезъ шпигаты. И снова мракъ ледяной осенней ночи въ Охотскомъ морѣ, куда клиперъ попалъ изъ Санъ-Франциско, посланный начальникомъ эскадры для крейсерства.

Когда капитанъ поднялся на мостикъ, его сразу охватило леденящимъ холодомъ послѣ тепла каюты.

Разставивъ широко ноги и держась за поручни, капитанъ сталъ всматриваться,

Луна въ эту минуту выплыла изъ-за облака.

Капитанъ воспользовался ея появленіемъ на нѣсколько секундъ и взглянулъ на паруса, на небо, на море.

Взглянулъ — и на его лицѣ не отразилось безпокойства. Вѣтеръ не крѣпчалъ.

— Какъ ходъ, Александръ Васильичъ?

Лейтенантъ Адріановъ, молодой человѣкъ съ пригожимъ, совсѣмъ закраснѣвшимъ отъ холода лицомъ, отвѣтилъ:

— Десять съ половиной узловъ, Павелъ Львовичъ!

— А у васъ на рулѣ зѣваютъ!.. Эй, Кошкинъ! — крикнулъ капитанъ, перегнувшись черезъ поручни мостика.

— Есть! — отвѣчалъ чей-то голосъ внизу.

— Я тебѣ покажу, какъ на рулѣ зѣвать! А еще старшій рулевой..

И, по обыкновенію, капитанъ уснастилъ свой окрикъ.

— А къ девяти часамъ и берегъ долженъ открыться. Не такъ ли, Евграфъ Иванычъ? — обратился капитанъ къ маленькой фигуркѣ, одѣтой въ затасканное пальто на бѣличьемъ мѣху, въ валенкахъ, съ нахлобученной на лобъ фуражкой и съ шерстянымъ шарфомъ, обмотаннымъ вокругъ шеи и захватывающимъ нижнюю часть морщинистаго, сухонькаго лица.

— Долженъ бы открыться, Павелъ Львовичъ!.. Но только сами знаете... Наблюденій сегодня не было... Точно не опредѣлились. А теченіе... чортъ его знаетъ... въ Охотскомъ морѣ! — проговорилъ нѣсколько ворчливымъ тономъ Евграфъ Ивановичъ, старшій штурманъ на «Чайкѣ».

— Но во всякомъ случаѣ не можетъ быть большой ошибки, Евграфъ Иванычъ, а?.. И берегъ еще далеко.

— А лучше бы, мнѣ кажется, привести къ [вѣтру да и покачиваться въ бейдевиндъ вмѣсто того, чтобы дуть по десяти съ половиною узловъ. Береженаго и Богъ бережетъ, Павелъ Львовичъ.

— Ну и трусу праздновать нечего, Евграфъ Иванычъ. Не можетъ же насъ подать теченіемъ на семьдесятъ миль за день.

— Я, Павелъ Львовичъ, трусу не праздную. Не привыкъ-съ, какъ вамъ извѣстно.

— Да вы не обижайтесь, Евграфъ Иванычъ. Слава Богу, знаемъ другъ друга. Немало съ вами плавали. А только жаль даромъ время терять.

— Если бы еще ночь была свѣтлая, что-нибудь видно было... А то...

Облака закрыли недолгую гостью-луну. Внезапно наступившая тьма словно бы докончила слова Евграфа Ивановича.

И, подъ впечатлѣніемъ этой тьмы, окутавшей со всѣхъ сторонъ быстро несущуюся впередъ «Чайку», тревожное настроеніе, какое бываетъ отъ ожиданія чего-то неизвѣстнаго, жуткаго и страшнаго, невольно охватило и капитана.

Онъ, казалось, теперь и самъ сомнѣвался, какъ и Евграфъ Ивановичъ, и въ его головѣ пролетѣла мысль о возможности налетѣть на берегъ. И отъ этой мысли у него замерло сердце.

— Да... ночь, чтобъ ей!.. — сердито проговорилъ капитанъ.

— То-то и есть... преподлѣйшая ночь!—повторилъ и старый штурманъ.

И, понимая отлично душевное состояніе капитана, прибавилъ:

— А до свѣта еще далеко. Въ восемь часовъ, не раньше, станетъ свѣтло!

— Да не каркайте, Евграфъ Иванычъ.

— Наше штурманское дѣло ужъ такое, Павелъ Львовичъ,— каркать!—засмѣялся Евграфъ Иванычъ.

— Ну, ладно... Будь по-вашему. Еще часъ пробѣжимъ, а потомъ приведемъ къ вѣтру. Будемъ ночь на мѣстѣ валандаться изъ-за вашего карканья, Евграфъ Иванычъ!.. Ну, а часокъ я сосну... А вы, Евграфъ Иванычъ, зайдите погрѣться ко мнѣ. У Рябки медвѣдь долженъ быть! Стакашку глотните. Ишь вѣдь холодъ!

Капитанъ пустилъ привѣтствіе холоду и отдалъ вахтенному лейтенанту приказаніе разбудить себя черезъ часъ.

— Въ бейдевиндъ приведемъ черезъ часъ.

— Есть!

— Это Евграфъ Иванычъ накаркалъ!—сердито проговорилъ капитанъ.—Пошли, — прибавилъ онъ, спускаясь съ мостика.

III.

Они спустились внизъ. Передъ входомъ въ каюту капитанъ заглянулъ въ каютку вѣстового и крикнулъ:

— Рябка!

Тотъ вскочилъ на ноги и протиралъ сонные, еще безсмысленные глаза.

— Очнулся?

— Точно такъ, вашескобродіе!

— По медвѣдю намъ. Остался?

— Никакъ нѣтъ. Самая ежели малость нестоящая, вашескобродіе!

— Ой, Рябка! Зубы у тебя, видно, всѣ цѣлы, скотина! Зачѣмъ мало сварилъ кофе? Чтобы сію минуту былъ медвѣдь!

— Въ одинъ секундъ! — проговорилъ вѣстовой и нырнулъ въ буфетную.

— Присаживайтесь-ка, Евграфъ Иванычъ. Онъ живо приготовитъ. Смышленая бестія!

Но Евграфъ Ивановичъ прежде посмотрѣлъ на барометръ.

— Поднимается! — баскомъ протянулъ онъ и присѣлъ на стулъ около стола.

— И нордъ-вестъ, кажется, полегче сталъ. Штормягой не пахнетъ!

— И безъ того онъ въ родѣ шторма.

— А главное—ледяной вѣтеръ...

Капитанъ повѣсилъ пальто и неожиданно воскликнулъ:

— И на кой дьяволъ адмиралъ турнулъ насъ сюда. Стояли бы себѣ въ Санъ-Франциско... Славно тамъ... не правда ли, Евграфъ Иванычъ?

— Собственно въ какомъ смыслѣ, Павелъ Львовичъ?

— Во всякомъ смыслѣ хорошо, Евграфъ Иванычъ. И погода, и насчетъ провизіи, и... ну, однимъ словомъ, настоящій портъ!.. А то осматривай собачьи дыры въ Охотскомъ морѣ.

— Видно, что такъ, Павелъ Львовичъ. Вотъ, Богъ дастъ, завтра и Гижигу увидимъ. Трущобистый городокъ-съ. Я былъ тамъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда ходилъ на транспортѣ «Алеутъ».

— А изъ Гижиги въ Камчатку... Бобровъ покупать! — засмѣялся капитанъ.

— Ну, Петропавловскъ все же лучше Гижиги, Павелъ Львовичъ.

— Такая же дыра... Рябка! Дьяволъ!—вдругъ гаркнулъ капитанъ.

И Рябка уже показался въ дверяхъ, дѣлая всевозможныя акробатическія усилія, чтобы сохранить равновѣсіе.

— Не пролей, Рябка! Ой, смотри, не пролей!

— Не сумлѣвайтесь, вашескобродіе!—храбро отвѣчалъ вѣстовой, хотя душа его и была полна сомнѣній.

Вѣроятно, и Евграфъ Ивановичъ, большой любитель «медвѣдя», который, по его словамъ, былъ очень полезенъ для моряковъ, какъ предохранительное средство отъ всякихъ болѣзней, тоже сомнѣвался относительно цѣлости напитка, понимая затруднительное положеніе вѣстового, у котораго при изрядной качкѣ по стакану, обмотанному салфеткой, въ каждой рукѣ, и ноги не вполнѣ морскія.

И старшій штурманъ быстро поднялся со стула. Привыкшій за тридцать пять лѣтъ службы, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ пятнадцать провелъ въ морѣ, ходить во всякую качку, онъ направился къ вѣстовому, благополучно принялъ отъ него два стакана, вызвавъ въ Рябкѣ благодарное чувство, благополучно донесъ ихъ къ столу и, передавая одинъ изъ нихъ капитану, промолвилъ:

— Такъ-то оно вѣрнѣе будетъ!

И, съ видимымъ наслажденіемъ выцѣдивъ стаканъ, крякнулъ и съ серьезнымъ видомъ человѣка, понимающаго то, что хвалитъ, замѣтилъ:

— Отличный медвѣдь, Павелъ Львовичъ! И въ мѣру разбавленъ.

— Да. Эта каналья отлично его готовитъ!—одобрилъ и капитанъ, выпивъ свой стаканъ.

«Каналья» довольно улыбался отъ этого комплимента, стоя у дверей и находя, впрочемъ, что готовить хорошо «медвѣдя» не особенно трудно—стоитъ только наполнять ромомъ никакъ не менѣе какъ полстакана.

— Повторимъ, Евграфъ Иванычъ?

— Не повредитъ-съ, Павелъ Львовичъ!—осторожно выразилъ свое согласіе штурманъ.

Они выпили еще по стакану.

Нѣсколько отогрѣвшійся Евграфъ Ивановичъ поблагодарилъ за угощеніе и, пожелавъ капитану хорошо соснуть часокъ, ушелъ наверхъ, взглянувъ, разумѣется, по дорогѣ на барометръ.

Поднявшись на мостикъ, онъ снова сталъ у компаса, тщетно стараясь что-нибудь увидать въ свой большой бинокль въ этомъ мракѣ бурной ночи.

— Хоть бы луна показалась!—воркнулъ онъ про себя.

Но луна не показывалась, а «Чайка» неслась среди окутывающей ее со всѣхъ сторонъ тьмы.

Капитанъ, бросившись на диванъ, какъ былъ въ тепломъ пальто, тотчасъ же захрапѣлъ.

Но не надолго...

Прошло не болѣе четверти часа, какъ вдругъ страшный ударъ подбросилъ его, заставивъ проснуться.

Онъ мгновенно вскочилъ съ дивана и, внезапно поблѣднѣвшій, бросился вонъ изъ каюты.

«Чайка» не двигалась съ мѣста. Она со всего хода врѣзалась на мель.

— Свистать всѣхъ наверхъ!—раздался нервный, тревожный голосъ вахтеннаго офицера.

Но и безъ этого окрика всѣ офицеры и матросы «Чайки» торопливо выбѣгали на палубу, полные ужаса и отчаянія.

IV.

Капитанъ не потерялся въ эти критическія минуты.

Напротивъ!

Сознаніе опасности, которой подвергались ввѣренные ему

люди и любимый имъ клиперъ, словно бы удесятерило его энергію, наэлектризовало мужество и изощрило находчивость.

Онъ взбѣжалъ на мостикъ, готовый или спасти клиперъ, или погибнуть, испробовавъ всѣ средства, какія только были возможны.

И, въ нѣсколько мгновеній оцѣнившій положеніе «Чайки», безпомощно стоявшей на мели въ бурную ночь, онъ уже намѣтилъ себѣ планъ дѣйствій.

Съ этой минуты ужасъ, охватившій его въ моментъ пробужденія, уступилъ мѣсто жаждѣ борьбы и надеждѣ выйти изъ нея побѣдителемъ.

Схвативши рупоръ изъ рукъ старшаго офицера, выскочившаго изъ своей каюты въ одномъ сюртукѣ, чтобы распоряжаться авраломъ, капитанъ приставилъ рупоръ къ губамъ и скомандовалъ:

— Паруса крѣпить, и молодцами, ребята! Марсовые къ вантамъ! По марсамъ! Бизань и фокъ на гитовы! Кливера долой!

Его громовой голосъ звучалъ властно, покойно и увѣренно.

И эта властная увѣренность, это крѣпкое словечко, которое онъ пустилъ рулевымъ, не дали паникѣ охватить людскія души, помутивъ разсудокъ. И матросы, закаленные строгой морской дисциплиной, безъ малѣйшаго колебанія исполнили команду капитана. Марсовые торопливо подымались въ темнотѣ по вантамъ, чтобы, стоя у реевъ, убрать марселя, а другіе матросы внизу тянули снасти, подбиравшія нижніе паруса и убиравшія кливера на носу «Чайки».

Въ ту же минуту капитанъ приказалъ позванному на мостикъ старшему механику немедленно разводить пары и прибавилъ съ нервною дрожью въ голосѣ:

— Но какъ можно скорѣй... Каждая минута...

Онъ не досказалъ и, приложивъ рупоръ, крикнулъ наверхъ во всю мочь своихъ крѣпкихъ легкихъ:

— По реямъ!

Старшій механикъ стремглавъ бросился въ машину и приказалъ зажигать топки. Машина быстро освѣтилась огнями лампъ и фонарей. Вода уже была въ котлахъ. Топки заряжены углемъ. Кочегары, взволнованные и блѣдные, торопливо зажигали уголь растопками и для скорости смачивали ихъ керосиномъ.

А капитанъ въ эту минуту, наклонившись къ уху старшаго офицера, чтобы вѣтеръ не относилъ тѣхъ приказаній, которыя онъ ему торопился отдавать, говорилъ вздрагивавшей отъ холода, приземистой, маленькой фигуркѣ старшаго офицера:

— Осмотрите трюмы. Нѣтъ ли гдѣ течи. Если есть, всѣ помпы и пластыри на пробоины. Чтобы гребныя суда готовы были къ спуску. Унтеръ-офицеры съ топорами у мачтъ. Приготовиться бросать орудія и другія тяжести за бортъ. Освѣтить палубы и наверхъ фонарей. Распорядитесь!

Капитанъ говорилъ быстро, отрывисто и нервно.

И, когда отдалъ приказанія, прибавилъ конфиденціально:

— Плотно врѣзались... Каковъ-то грунтъ!

— Плотно. А не прикажете палить о бѣдствіи?

— Палите, но кто услышитъ въ этой дырѣ!

Старшій офицеръ ушелъ исполнять всѣ капитанскія распоряженія. Капитанъ искалъ глазами на мостикѣ старшаго штурмана.

Но его не было. Съ фонаремъ въ рукахъ онъ уже дѣлалъ обмѣръ глубины кругомъ всего клипера.

Паруса закрѣплены.

Время отъ времени клиперъ, приподнимаемый волненіемъ, бьется о дно, и эти удары производятъ подавляющее впечатлѣніе.

Кажется, что вотъ-вотъ клиперъ треснетъ пополамъ.

Старшій штурманъ поднялся на мостикъ и докладываетъ капитану, что у передней части клипера глубина 12 футовъ, а у кормы 14.

— Ну, слава Богу... Не очень врѣзались. А каковъ грунтъ?

— Песокъ.

Въ сердцѣ капитана надежда растетъ. И она становится еще больше, когда мичманъ, посланный старшимъ офицеромъ, докладываетъ, что течи нигдѣ нѣтъ.

Вдобавокъ и вѣтеръ начинаетъ замѣтно стихать.

Тѣмъ не менѣе онъ еще былъ достаточно крѣпокъ, и волны, большія и яростныя, со всѣхъ сторонъ нападали на «Чайку» и грозили ее залить. Онѣ уже свободно перекатывались черезъ бакъ, попадали и съ кормы, и матросы крѣпко держались за протянутые по обѣимъ сторонамъ судна леера (веревки), чтобъ не быть смытыми волнами.

Грянулъ выстрѣлъ, возвѣщающій о бѣдствіи... По прошествіи минуты другой, третій...

Матросы толпились у грота-мачты, посреди клипера. Слабый свѣтъ развѣшанныхъ фонарей освѣщалъ ихъ напряженныя серьезныя лица. При каждомъ ударѣ клипера о дно среди матросовъ проносился вздохъ.

И вдругъ вкатилась волна, обдала толпу и унесла двухъ матросовъ въ море.

Капитанъ это увидалъ и крикнулъ:

— Держись, ребята, крѣпче. Не зѣвай!

Матросы крестились. Гибель двухъ товарищей произвела на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Еще за минуту не терявшіе надежды на спасеніе, многіе теперь были полны отчаянія.

И кто-то сказалъ:

— Скоро всѣмъ помирать, братцы!

Проходившій мимо старшій офицеръ, услышавъ эти слова, крикнулъ:

— Вотъ и глупости говоришь! Видно, что первогодокъ! Къ утру сойдемъ съ мели! До утра недолго ждать.

Онъ проговорилъ эти слова увѣреннымъ тономъ, хотя самъ далеко не былъ увѣренъ въ томъ, что говорилъ. Но онъ понималъ, что паника заразительна, и счелъ своимъ долгомъ подбодрить матросовъ.

И дѣйствительно подбодрилъ на минуту. Въ этотъ моментъ изъ-за клочковатой тучи выглянула луна. Красивая и холодная, она освѣтила бушующее море, покрытое сѣдыми буграми, и сбившуюся толпу людей, и кучку офицеровъ, и капитана, и штурмана на мостикѣ.

При лунномъ свѣтѣ море казалось еще ужаснѣе и положеніе безпомощнѣе.

Капитанъ и старшій штурманъ направили бинокли впередъ, стараясь увидать берегъ. Но мгла заволакивала горизонтъ.

— Видите, Евграфъ Иванычъ, что-нибудь? — спросилъ капитанъ.

— Ничего-съ!

— Сигнальщикъ! Видишь берегъ?

— Никакъ нѣтъ, вашескородіе... Одна мгла.

Капитанъ все еще медлилъ принимать рѣшительныя мѣры, надѣясь сняться съ мели, какъ только будутъ готовы пары, приказавши дать полный задній ходъ. Но ранѣе часа пары не могли быть подняты, а часъ—цѣлая вѣчность въ такомъ положеніи.

А волны продолжали вкатываться, и палуба была покрыта водою. Удары учащались. Клиперъ шлепался о дно, казалось, съ большею силой.

Старшій офицеръ поднялся на мостикъ и доложилъ капитану, что все исполнено.

— Да вы пальто бы надѣли, Николай Николаичъ! Простудитесь! Ишь вѣдь собака-погода!

— Надо надѣть.

И онъ послалъ сигнальщика за пальто.

— Придется баковое орудіе за бортъ! — сердито сказалъ капитанъ.

— Да... Иначе не сойдемъ!—промолвилъ старшій офицеръ.

— И выбросить все, что можно... чтобъ облегчить носъ.

— Прикажете?

— Да. Выбрасывайте!..

И капитанъ крикнулъ въ рупоръ:

— Баковое орудіе за бортъ...

Боцманъ Никитичъ повторилъ команду и прокричалъ:

— Вали, ребята, орудію кидать!

Шлепая по водѣ, матросы побѣжали на бакъ, гдѣ стояла большая пушка, черезъ которую ходили волны.

— Не подступиться къ ей!—сказалъ кто-то.

— Такъ волной и смоетъ...

Тогда одинъ изъ старыхъ матросовъ крикнулъ:

— Не бойтесь, подступимся.

И, обратившись къ старшему офицеру, сказалъ:

— Дозвольте, ваше благородіе, обвязаться концомъ. Я на орудію арканъ наброшу.

Мысль была хорошая. Матроса обвязали концомъ. Онъ накинулъ петлю и, отброшенный волной, былъ удержанъ веревкой, которую держали матросы.

V.

Работа была нелегкая. Обдаваемые ледяными волнами и обвязанные концами, чтобъ не быть сброшенными въ море, матросы возились у орудія. Наконецъ толстыя веревки, прикрѣплявшія пушку къ палубѣ, были отрублены и пушка свалена за бортъ.

— Прощай, матушка! — крикнулъ ей вслѣдъ тотъ самый матросъ, который первый накидывалъ на нее петлю.

Въ то же время другая часть матросовъ выносила снизу разныя запасныя вещи рангоута, такелажа, мѣшки съ провизіей, бочки съ солониной, и все это бросалось за бортъ.

Мокрые до нитки, иззябшіе матросы уходили съ бака и жались около грот-мачты и у машиннаго люка. Но и тамъ ихъ обдавали брызги волнъ. А пары уже начинали гудѣть, и въ сердцахъ моряковъ пробудилась надежда.

Весь мокрый, старшій офицеръ поднялся на мостикъ и, доложивъ капитану, что работы окончены, не безъ горделиваго чувства прибавилъ:

— Молодцами работали матросики, Павелъ Львовичъ!

— Не трусятъ? Паники нѣтъ?

— Нѣтъ... Сперва было немного. И то молодые матросы. Да и старикамъ впору струсить.

Николай Николаевичъ недаромъ пользовался уваженіемъ и любовью матросовъ, такъ какъ самъ любилъ ихъ и относился

къ нимъ съ рѣдкой по тогдашнимъ временамъ гуманностью. Онъ очень рѣдко прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и рѣдко дрался, и то только въ минуту служебнаго гнѣва, «съ пыла», какъ говорили матросы, и безъ жестокости.

И матросы, отлично понимавшіе начальство, прощали своему старшему офицеру эти вспышки. Они уважали его, какъ хорошаго моряка и справедливаго человѣка, а главное, чувствовали, что Николай Николаевичъ не чужой имъ и, понимая трудную ихъ службу, бережетъ ихъ, не изнуряя непосильными работами, не придираясь зря и не гнушаясь иногда поговорить съ матросомъ, сказать ему ласковое слово, обмолвиться шуткой...

И зато какъ же они и старались для своего старшаго офицера, котораго окрестили прозвищемъ «Ласковаго» за то только, что онъ обращался съ ними по-человѣчески.

— Да... положеніе изъ бамбуковыхъ!—согласился капитанъ и крикнулъ въ рупоръ:—Молодцы, ребята!..

— Рады стараться!—крикнула сотня голосовъ.

— Скоро на вольной водѣ будемъ!—продолжалъ капитанъ.—Тогда обсушитесь и обогрѣетесь. И по чаркѣ велю раздать за меня!

— Покорно благодаримъ!—раздались голоса.

— Это «Ласковый» за насъ постарался!—замѣтилъ какой-то матросъ.

— Безпремѣнно онъ!—подтвердили со всѣхъ сторонъ.

Матросы капитана не особенно любили и все хорошее, что дѣлалось для нихъ на клиперѣ, всегда приписывали старшему офицеру.

Прошли еще долгихъ четверть часа, и въ это время налетѣвшая волна смыла капитанскій катеръ, висѣвшій поверхъ борта, и проломила часть борта.

VI.

— Какъ время, Евграфъ Иванычъ?—нетерпѣливо спросилъ капитанъ. — За вѣтромъ не услышишь, какъ бьютъ склянки.

Старшій штурманъ, словно бы закаменѣвшій въ неподвижной позѣ у компаса, разстегнулъ пальто, досталъ изъ кармана вязанаго шерстяного жилета свой англійскій полухронометръ и поднесъ его къ освѣщенному компасу.

— Безъ пяти четыре!—проговорилъ онъ.

— А когда свѣтаетъ?

— Въ шесть.

— Вѣрно, мы засѣли въ Гижигинской губѣ?

— Не иначе... Тамъ мелей нѣтъ!

И старый штурманъ показалъ рукой за корму и надѣлъ перчатку.

— А вѣтеръ стихаетъ, Евграфъ Иванычъ.

— Стихаетъ. Къ утру совсѣмъ стихнетъ, я думаю.

— Волненіе только подлое.

— Тутъ на отмели подлѣйшее, а тамъ въ морѣ ничего.

— Хотѣлъ бы я быть тамъ!—вырвался словно бы страстный вопль изъ груди капитана.

— Богъ дастъ, будемъ, Павелъ Львовичъ!

— Вы думаете?

— А то какъ же!—вымолвилъ старшій штурманъ, понимавшій, какъ жестоко было бы отвѣтить иначе человѣку въ положеніи капитана.

— Скорѣй бы пары...

Въ эту самую минуту раздался звонокъ въ машинномъ телеграфѣ на мостикѣ.

Капитанъ приложилъ ухо къ переговорной трубѣ и услыхалъ нетерпѣливо ожидаемыя два слова:

— Пары готовы!

— Полный ходъ назадъ! — крикнулъ онъ въ переговорную трубку. — На рулѣ не зѣвать! Всѣ съ бака долой! — командовалъ капитанъ.

И сердце его сильно забилось въ ожиданіи: тронется клиперъ или нѣтъ.

Машина застучала. Изъ трубы вылеталъ дымъ и летѣли искры, быстро уносимыя вѣтромъ.

Многіе матросы крестились. Всѣ замерли въ ожиданіи. И снова показавшаяся луна безстрастно смотрѣла на эту кучу людей, для которой рѣшался вопросъ жизни или смерти.

Спастись при такомъ волненіи на шлюпкахъ нечего было и думать. Да и близко ли былъ берегъ, этого никто не зналъ. Кругомъ клипера было одно бурное море со своимъ грознымъ воемъ.

Прошла минута, другая, третья.

Машина часто и громко отбивала такты. Винтъ буравилъ воду. Но «Чайка», словно бы прикованная, но желавшая освободиться отъ цѣпей, только вздрагивала, билась о грунтъ и не двигалась съ мѣста.

— Самый полный!—злобно крикнулъ капитанъ въ машину.

— Есть! Самый полный!—отвѣчали изъ машины.

Клиперъ не двигался...

— Фокъ-мачту рубить! — бѣшенымъ голосомъ крикнулъ капитанъ.

Старшій офицеръ бросился на бакъ...

Уже занесли топоры...

— Отставить!.. Не надо! — вдругъ раздался крикъ, полный радости и счастья.

И такой же радостный крикъ вырвался у матросовъ и пронесся на палубѣ.

«Чайка» медленно и какъ бы съ трудомъ отходила назадъ и черезъ нѣсколько минутъ пошла быстрѣе, очутившись на вольной водѣ.

Минутъ черезъ десять хода капитанъ крикнулъ:

— Стопъ, машина!

И, когда клиперъ остановился, скомандовалъ.

— Изъ бухты вонъ! Отдай якорь!

Раздался звукъ якорной цѣпи, якорь грохнулъ въ воду, и «Чайка» остановилась, повернувшись носомъ противъ вѣтра.

— До утра простоимъ! — весело говорилъ капитанъ старшему офицеру.—А теперь велите командѣ дать по чаркѣ водки, и пусть люди просушатся и обогрѣются. Да попросите вахтеннаго офицера раньше восьми часовъ команду не будить... А я пойду спать! А вы, Евграфъ Иванычъ, на минуту зайдите ко мнѣ!—обратился капитанъ къ штурману.

— Слушаю-съ.

— А течи нѣтъ, Николай Николаевичъ?

— Нѣтъ...

— И отлично... Я спать пошелъ.

VII.

— Эй, Рябка! Медвѣдя! — крикнулъ капитанъ, входя въ каюту. Но Рябка не откликался.—Дьяволъ... Рябка!

Онъ заглянулъ въ каюту вѣстового. Тотъ крѣпко спалъ. Капитанъ разбудилъ вѣстового. Тотъ вскочилъ и протиралъ глаза.

— Спалъ?

— Спалъ, вашескобродіе!

— И ничего не слыхалъ?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе!

Капитанъ засмѣялся и, обращаясь къ штурману, замѣтилъ:

— Вѣрно, медвѣдя хватилъ много!

— Надо думать!

— Хватилъ, Рябка?

— Самую малость, вашескобродіе!

— Ну, а теперь изготовь намъ, да побольше! И печку затопи! Присаживайтесь-ка, Евграфъ Иванычъ.

Но старый штурманъ прежде посмотрѣлъ на барометръ и тогда только присѣлъ, и весело замѣтилъ:

— А барометръ поднимается, Павелъ Львовичъ!

ПИСЬМО.

I.

Въ прелестное теплое декабрьское утро 186* года, русскій военный клиперъ «Чародѣйка», направлявшійся въ Тихій океанъ, послѣ бурнаго перехода изъ Шербурга и изрядной «трёпки» въ «Бискайкѣ», какъ называлъ старшій штурманъ Бискайскій заливъ, бросилъ якорь на открытомъ со всѣхъ сторонъ Фунчальскомъ рейдѣ на островѣ Мадерѣ.

Былъ мертвый штиль, и клиперъ слегка покачивало на лѣниво-колыхавшейся океанской зыби.

Часа черезъ два послѣ того, какъ «Чародѣйка» стала на якорь и большая часть офицеровъ съѣхала на берегъ, изъ русскаго консульства привезли почту изъ Россіи.

Разбирая въ своей большой, свѣтлой, щегольской капитанской каютѣ казенные пакеты, письма и пачки газетъ, командиръ «Чародѣйки», капитанъ-лейтенантъ Сергѣй Михайловичъ Вершининъ, смуглый брюнетъ лѣтъ тридцати пяти-шести на видъ, только-что жадно прочитавшій письмо любимой жены и бывшій вслѣдствіе этого въ приподнято-умиленномъ настроеніи, внезапно поблѣднѣлъ, словно бы нежданно-негаданно увидалъ вдругъ на ходу, подъ носомъ своего милаго клипера, отвѣсную скалу или грозные сѣдые буруны и, какъ лихой опытный морякъ, понялъ сразу, что «Чародѣйкѣ» спасенья нѣтъ.

Его красивое сухощавое лицо, серьезное и мужественное, опушенное черными, чуть-чуть начинавшими серебриться бакенбардами, омрачилось выраженіемъ недоумѣнія, ужаса и страданія. Темно-каріе, острые, какъ у ястреба, глаза, обыкновенно увѣренно-покойные и даже слегка надменные во время штормовъ, расширились, загораясь безпокойно-гнѣвнымъ огонькомъ. Нижняя губа вздрагивала, открывая ослѣпительно-бѣлые зубы.

Вздрагивали и тонкіе, длинные, съ твердыми заостренными ногтями пальцы правой руки, которые крѣпко держали, словно бы что-то ненавистное и страшное, небольшой, но вѣскій конвертъ, заключавшій въ себѣ, какъ казалось на ощупь, нѣсколько листковъ письма и фотографическую карточку и адресованный на имя мичмана Бориса Константиновича Огнивцева, начальника пятой вахты на «Чародѣйкѣ».

Взглядъ Вершинина впился въ этотъ нетвердый, несомнѣнно женскій почеркъ, и изъ груди моряка вырвался вздохъ не то скорби, не то гнѣва.

Такъ прошло нѣсколько секундъ. Слишкомъ взволнованный, Сергѣй Михайловичъ, казалось, растерялся и не могъ сообразить, что ему надо сдѣлать.

А что-то сдѣлать было необходимо. Онъ это чувствовалъ.

И Вершининъ наконецъ понялъ. Въ лицѣ его появилось удовлетворенное выраженіе человѣка, принявшаго рѣшеніе, и по губамъ скользнула торжествующая улыбка.

Не выпуская изъ пальцевъ конверта, словно бы боясь разстаться съ такимъ важнѣйшимъ для него въ эту минуту предметомъ, отъ котораго зависѣло что-то необыкновенно значительное, Вершининъ лѣвою рукой вынулъ изъ бокового кармана разстегнутаго бѣлаго кителя надорванный конвертъ, въ которомъ былъ лишь одинъ, написанный разгоннымъ почеркомъ листокъ, и сталъ сравнивать почерки на конвертахъ, вглядываясь въ каждую букву того и другого адресовъ съ сосредоточенно-упорнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боязливымъ вниманіемъ эксперта, отъ показанія котораго зависитъ приговоръ ему самому.

Почеркъ на письмѣ, адресованномъ «этому мерзавцу», какъ мысленно назвалъ Вершининъ мичмана, до этой минуты пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ своего капитана, казалось, былъ другой, хотя нѣкоторыя буквы были удивительно схожи.

Но зато самый конвертъ...

Этотъ небольшой конвертъ, поднявшій въ душѣ моряка бурю, ужаснѣе для него всякихъ штормовъ на морѣ, былъ точно такой, какъ и полученный имъ.

Тотъ же форматъ, та же толстая матовая англійская бумага, и, главное, тотъ же крѣпкій, раздражающій запахъ любимыхъ женою духовъ: «Peau d'Espagne», внезапно вызвавшій въ Вершининѣ образъ очаровательной маленькой женщины съ манящими русалочными глазами.

Охваченный жгучей ревностью, морякъ почти не сомнѣвался, что держитъ въ рукахъ письмо жены.

«И какъ легко убѣдиться въ этомъ... Стоитъ только...»

Эта мысль неожиданно озарила его голову, на мгновенье овладѣла имъ, и онъ уже поднялъ другую руку, чтобы вскрыть чужое письмо.

— Фу, подлость!—брезгливо вдругъ прошепталъ капитанъ.

И, чувствуя отвращеніе и стыдъ, онъ швырнулъ письмо на столъ и подумалъ:

«Это еще недоставало!»

Когда первый, мучительно-острый захватъ ревности прошелъ, Вершинину очень хотѣлось убѣдить себя, что его подозрѣнія неосновательны.

«Точно не можетъ быть такого же конверта и такихъ же духовъ и у другой женщины!» — подумалъ онъ и нѣсколько успокоился.

Но это продолжалось нѣсколько мгновеній.

Въ возбужденной головѣ капитана вихремъ проносились мысли о женѣ, и ревнивыя подозрѣнія относительно письма снова терзали бѣднаго моряка.

II.

Вершининъ не обманывалъ себя.

Дѣйствительно, эта обворожительная Маруся, сводившая съ ума всѣхъ мичмановъ въ Кронштадтѣ и на которой Вершининъ женился три года тому назадъ, потерявши голову и точно опьянѣвшій послѣ флирта съ ней, подавала поводы къ ревности.

А Вершининъ любилъ свою Марусю безумно, мучительно. Любилъ и порой ненавидѣлъ ее за то, что она его мучила, и за то, что онъ сдѣлался ея рабомъ. Онъ ревновалъ ее, скрывая передъ ней изъ самолюбія муки ревности, и самъ приводилъ въ домъ молодыхъ мичмановъ, такъ какъ Маруся скучала безъ поклонниковъ. Онъ вѣрилъ и не вѣрилъ ей; до сихъ поръ сомнѣвался, любитъ ли его Маруся серьезно или только терпитъ, позволяя любить себя, торжествующая, что обратила въ рабство человѣка, не признававшаго власти женщины, и черезъ три года влюбленъ былъ въ жену еще сильнѣе, чѣмъ прежде, когда былъ женихомъ.

Маруся знала силу своихъ чувственныхъ чаръ и умѣла ими пользоваться. Эти чары и заставили главнымъ образомъ Вершинина жениться быстро, не узнавши характера будущей своей жены.

Съ той поры Вершининъ почувствовалъ себя словно бы выбитымъ изъ колеи. Жена овладѣла имъ всецѣло. Жизнь безъ нея казалась невозможной. Человѣкъ необыкновенно привяз-

чивый и страстный, до встрѣчи съ Марусей не испытавшій захватывающаго чувства, онъ любилъ свою Марусю со всѣми ея недостатками и надѣялся, что подъ его вліяніемъ недостатки эти сгладятся и она будетъ желанной женой и вѣрнымъ товарищемъ.

Но время шло. Вліянія Вершинина не было ни малѣйшаго, и жизнь съ Марусей была для него сплошнымъ мучительнымъ безпокойствомъ ревнивыхъ терзаній и страха потерять эту маленькую, граціозную, какъ кошечка, изящную и хорошо сложенную женщину, съ темно-каштановыми волосами, съ большими сѣро-зелеными глазами, быстро мѣнявшими выраженіе, безвольную и въ то же время упрямую, умную, отзывчивую и скрытную, лѣнивую и праздную, веселую и, порой, тоскующую, что она никому не нужна и никому не можетъ дать счастья.

Маруся далеко не была хороша собой. Черты ея лица были неправильны, но въ немъ—этомъ подвижномъ, выразительномъ лицѣ, съ ямочками на щекахъ, съ круглымъ, нѣжнымъ подбородкомъ и рядомъ мелкихъ зубовъ, виднѣвшихся изъ полураскрытыхъ сочныхъ губъ—и особенно въ большихъ глазахъ, опушенныхъ длинными рѣсницами, было что-то манящее, мягкое и въ то же время насмѣшливо-лукавое и самоувѣренное.

Вершининъ сознавалъ унизительную мучительность своей жизни, отравленной постоянной ревностью, но онъ все забывалъ, все прощалъ изъ-за счастья обладанія своей Марусей.

Порою онъ приходилъ въ ужасъ при мысли, что жена его не любитъ и во время его лѣтнихъ плаваній занимается съ кѣмъ-нибудь флиртомъ такъ же охотно, какъ занималась и съ нимъ, когда онъ былъ женихомъ. И тогда у него закрадывалась даже мысль оставить жену.

Но достаточно было ея улыбки, ея взгляда, полнаго ласки и нѣги, и Вершининъ, котораго всѣ знали, какъ человѣка сильной воли и рѣшительнаго характера, дивился, какъ могла придти ему въ голову такая дикая мысль. И онъ не только не думалъ объ оставленіи жены, но не спрашивалъ никакихъ объясненій, скрывая втайнѣ свои муки ревности.

И что это была за каторга — видѣть въ домѣ у себя постоянно поклонниковъ жены, видѣть, какъ она оживаетъ съ приходомъ гостей, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мужа: нравится ли ему это или нѣтъ?

Вершининъ зналъ, что Маруся любила, чтобы за нею ухаживали, и не только ухаживали, но чтобы влюблялись въ нее основательно, и охотно слушала признанія, вызванныя ея же кокетствомъ, далеко не разборчивымъ. Ея тщеславію льстило поклоненіе, и когда влюбленный, которому она какъ будто по-

давала какія-то надежды вмѣстѣ съ молчаливымъ позволеніемъ цѣловать ея красивыя, надушенныя руки, окончательно терялъ голову, ей доставляло удовольствіе мучить своего поклонника, жалѣя его и говоря, что она никакъ не ожидала, что это «серьезно», и что сама она нисколько не увлечена.

— И вы лучше сдѣлаете, если перестанете ходить ко мнѣ... Простите, если невольно причинила вамъ непріятность!—оканчивала обыкновенно Маруся, когда поклонникъ начиналъ предъявлять дерзкія требованія или начиналъ надоѣдать ей своимъ глупымъ видомъ, какой обыкновенно бываетъ у влюбленныхъ.

Такое отношеніе къ людямъ возмущало Вершинина. Онъ зналъ, что одинъ недалекій мичманъ чуть-было не пустилъ себѣ пулю въ лобъ изъ-за Маруси, а одинъ женатый солидный капитанъ I-го ранга запилъ горькую.

Вершининъ пробовалъ съ ней говорить объ этомъ. Она, смѣясь, объясняла его негодованіе ревностью. Она не виновата, что въ нее влюбляются и что находятся сумасшедшіе, готовые стрѣляться или пьянствовать. А ей интересно наблюдать людей. Что въ этомъ дурного?

— Или ты хочешь меня держать взаперти, чтобы я никого не видѣла?—иронически спрашивала Маруся и прибавляла:— Тогда я сбѣгу отъ тебя... Люби меня, какая я есть, или брось меня, если, по-твоему, я гадкая.

И она глядѣла на мужа вызывающе-обворожительнымъ взглядомъ.

Тотъ покорно смолкалъ, увѣряя ее въ своей любви.

— Еще бы ты смѣлъ не любить!—властно говорила Маруся съ торжествующей улыбкой и милостиво протягивала губы.

По временамъ въ голову Вершинина закрадывалась мысль, что у жены есть любовникъ.

И онъ пытливо заглядывалъ въ ея глаза. Но ея «русалочные» глаза не разрѣшали сомнѣній и ничего не говорили. Она хоть и не выказывала мужу знаковъ особенно-нѣжной любви, но всегда была съ нимъ мила, ласкова, внимательна и не противилась его ласкамъ.

И Вершининъ снова вѣрилъ и думалъ, что его жена, по крайней мѣрѣ, не измѣняетъ ему, и онъ одинъ пользуется счастьемъ ласкать свою Марусю.

Но какое-нибудь холодно-равнодушное замѣчаніе въ отвѣтъ на его горячія признанія, усталый, скучающій взглядъ при немъ и оживленіе при другихъ, и Вершининъ еще зорче слѣдилъ за Марусей и, казалось, тѣмъ болѣе любилъ ее, чѣмъ менѣе былъ въ ней увѣренъ.

Дѣтей у нихъ не было, и это огорчало Вершинина.

«Будь дѣти, она не вела бы такой праздной, пошлой жизни, не проводила бы цѣлыхъ дней въ болтовнѣ съ поклонниками, кокетничая съ ними»,—не разъ думалъ Вершининъ.

Когда на нее находили припадки тоски и онъ видѣлъ эти грустные, казалось, полные отчаянія глаза, онъ безконечно жалѣлъ жену и придумывалъ, чѣмъ бы занять ее, чѣмъ наполнить ея жизнь. Въ ту пору возбужденія, охватившаго общество, мало ли было дѣла!

И Вершининъ какъ-то предложилъ Марусѣ заниматься въ воскресной школѣ.

Она удивленно взглянула на него и не безъ ироническої нотки въ голосѣ кинула:

— Исправлять меня хочешь?

— Занять тебя чѣмъ-нибудь хочу, Маруся.

— Развѣ я на что-нибудь способна?

— Ты? Моя умница?

— А ты развѣ во мнѣ умницу цѣнишь, Сергѣй?

— Еще бы!

— Едва ли!—промолвила она въ какомъ-то грустномъ раздумьѣ.—И не поздно?—прибавила она.

— Что поздно?

— Пріурочить меня къ какому-нибудь дѣлу?

— Попробуй, Маруся! Попробуй, родная! — съ необыкновенной нѣжностью говорилъ Вершининъ.

— И ты думаешь, что отъ этого ты будешь счастливѣе?— спросила Маруся, взглядывая на мужа взглядомъ, въ которомъ было больше жалости, чѣмъ любви.

— Я и безъ того счастливъ, Маруся... А вотъ ты...

— Я не жалуюсь!—перебила молодая женщина. И, минуту спустя, проговорила:

— Что-жъ... Попробуемъ воскресную школу...

Она вначалѣ ретиво принялась за дѣло, но скоро ей это надоѣло.

— Скучно, не захватываетъ всю!—объяснила она мужу.— И ничего путнаго изъ меня не выйдетъ!

И снова вела прежнюю жизнь: читала французскіе романы, проводила время съ поклонниками, искала развлеченій, пока не наступали дни, когда она, словно бы понимая пустоту своей жизни и свою безвольность, хандрила одна въ своемъ уютномъ кабинетѣ, не принимая никого.

Но проходилъ день-другой, и Маруся становилась прежней легкомысленной женщиной, главное занятіе которой была игра съ поклонниками, при чемъ не было даже и особенно тща-

тельнаго выбора. Кружокъ молодыхъ людей, бывавшихъ у Маруси, былъ далеко не блестящій. Зато Маруся играла въ немъ первенствующую роль по своему уму, и это ее тѣшило.

Вершининъ часто запирался у себя въ кабинетѣ и терзался ревностью въ одиночествѣ. Эти вѣчные гости, это торчаніе какого-нибудь мичмана съ утра до вечера возмущали его, но онъ молчалъ, зная, что малѣйшее его замѣчаніе будетъ принято женой, какъ стѣсненіе ея свободы и какъ ревность, и Маруся, чего добраго, оставитъ его.

Въ послѣднее время къ Вершининымъ сталъ ходить мичманъ Огнивцевъ, имѣвшій въ Кронштадтѣ репутацію либерала, умницы и литератора. Онъ напечаталъ въ одномъ журналѣ горячую статейку о позорѣ тѣлеснаго наказанія, за которую отсидѣлъ двѣ недѣли на гауптвахтѣ, и обратилъ на себя вниманіе. Маруся увидала его на вечерѣ въ клубѣ, попросила представить его себѣ и пригласила бывать. Вершининъ, знавшій Огнивцева, радъ былъ этому знакомству.

— По крайней мѣрѣ, неглупый молодой человѣкъ и славный... Только горячка!..—говорилъ онъ женѣ.

III.

Огнивцевъ при первомъ же визитѣ началъ съ того, что сталъ громить отсталость молодой женщины. Не безъ насмѣшливой бойкости и не безъ пылкаго краснорѣчія, значительно подогрѣтаго, вѣроятно, привлекательностью Маруси, доказывалъ онъ пустоту ея жизни въ такое время, когда всѣ должны жить сознательно и приносить пользу освобожденному народу по мѣрѣ своихъ силъ, и, разумѣется, совѣтовалъ прежде всего быть развитой женщиной и для этого читать хорошія книжки.

Хотя онъ былъ нѣсколько дерзокъ, этотъ двадцатипятилѣтній, жизнерадостный, пригожій, безбородый мичманъ съ темно-русыми, кудреватыми волосами, маленькими усиками, живыми, какъ у мышенка, карими глазами и съ такимъ запасомъ здоровья, силъ и надеждъ, съ такою вѣрою въ скорое наступленіе на землѣ царства правды, добра и всеобщаго благополучія, что хоть отбавляй,—тѣмъ не менѣе Маруся не только не разсердилась на мичмана за то, что онъ ей наговорилъ дерзостей, не сказавши ни одного комплимента, и за то, что онъ безбожно надымилъ въ гостиной, куря папироску за папироской, а, напротивъ, обрадовалась новому неглупому гостю, живому, увлекающемуся и, казалось, искреннему, и когда онъ, просидѣвши почти часъ, не переставая болтать на цивическія темы, сорвался съ мѣста такъ же стремительно, какъ

и сѣлъ, Маруся подарила мичмана чарующимъ взглядомъ и, крѣпко пожимая его руку, просила его почаще заходить, когда вздумается.

— Если только вы не боитесь соскучиться съ такою отсталой женщиной, какъ я!—прибавила она съ лукавой улыбкой.

— Если будетъ время... Я много занимаюсь... Читаю!—проговорилъ мичманъ умышленно рѣзко, хотя и очень обрадовался приглашенію, представлявшему ему новый случай пропагандировать свои идеи, да еще такой... такой...

«Такой обворожительной ретроградкѣ, чортъ ее возьми!»—мысленно прибавилъ Огнивцевъ, нѣсколько поспѣшно награждая новую свою знакомую презрительной кличкой и стремительно уходя изъ гостиной.

Время, конечно, нашлось у мичмана, и дня черезъ три послѣ перваго визита, въ тридцатый день января 1867 года, онъ снова пришелъ и, просидѣвъ цѣлый вечеръ, ушелъ съ убѣжденіемъ, что Марья Николаевна не такая «отсталая», какъ онъ заключилъ съ перваго раза, и что изъ нея можетъ выйти «настоящій человѣкъ». Вмѣстѣ съ этимъ, такимъ же скоропалительнымъ заключеніемъ, Огнивцевъ нашелъ, что у Марьи Николаевны какіе-то особенные глаза, словно ласкающіе и въ то же время смѣющіеся. Взглянетъ, такъ точно ожжетъ, а потомъ холодной водой обольетъ...

— Набалованная... Воображаетъ!.. Видно, только амуры въ головѣ!—не безъ презрѣнія къ такому пустому занятію проговорилъ вслухъ мичманъ, возвратившись къ себѣ домой, въ маленькую комнатку, нанимаемую у одной сорокалѣтней вдовы, которую безпокойный мичманъ тоже пробовалъ-было сдѣлать «настоящимъ человѣкомъ», по крайней мѣрѣ настолько, чтобы она не пилила съ утра до вечера безотвѣтную горничную. Но, не добившись никакого толка, назвалъ ее «сытой коровой», обѣщалъ обличить въ газетахъ и подать жалобу къ мировому, если она не перестанетъ обижать Аннушку.

Послѣ перваго вечера, проведеннаго съ Марусей, мичманъ «зачастилъ» къ Вершининымъ и сталъ, какъ тогда говорили, «развивать» молодую женщину съ усердіемъ истиннаго пропагандиста. Онъ ходилъ къ Марусѣ ежедневно, просиживалъ цѣлые дни, сталъ своимъ человѣкомъ и внесъ въ эту атмосферу довольно пошлыхъ разговоровъ, ухаживанія и любовныхъ признаній свѣжую струю совсѣмъ другого воздуха. Какъ-то незамѣтно онъ разогналъ цѣлую стайку поклонниковъ Марьи Николаевны, которымъ при рѣчистомъ мичманѣ невольно приходилось молчать, чтобы не быть поднятыми на смѣхъ или не особенно двусмысленно быть названными въ спорѣ идіо-

тами, ретроградами, тупоголовыми и тому подобными эпитетами, въ которыхъ мичманъ не стѣснялся, коль скоро дѣло шло о какомъ-нибудь близкомъ его сердцу общественномъ или этическомъ вопросѣ.

И Марья Николаевна, заинтересованная этой вѣрой и жизнерадостностью Огнивцева, не удерживала своихъ поклонниковъ и довольно безсердечно отвернулась отъ нихъ, обративъ свое исключительное вниманіе на Огнивцева.

Обрадовался новому знакомству и Вершининъ. По крайней мѣрѣ умный человѣкъ ходитъ и не для того, чтобы пялить на Марусю глаза и говорить пошлости. И на Марусю Огнивцевъ долженъ имѣть хорошее вліяніе, и оно ужъ сказалось: постояло двора больше въ квартирѣ нѣтъ. И Маруся стала будто серьезнѣе.

Такъ думалъ Вершининъ и относился очень дружески къ Огнивцеву, считая его вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ для того, чтобы ухаживать за чужой женой. Да и высказываемые имъ взгляды не вязались съ этимъ.

И Вершининъ отдыхалъ теперь отъ ревности и, не боясь оставлять вдвоемъ жену съ Огнивцевымъ, уходилъ иногда по вечерамъ играть въ клубъ.

А Огнивцевъ говорилъ въ это время горячіе монологи о задачахъ жизни, читалъ Марусѣ «Современникъ», «Русское Слово», Фохта, Бюхнера, Молешотта и «Рефлексы головного мозга», доказывалъ,—и даже въ присутствіи Сергѣя Михайловича,—что бракъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, отжившее учрежденіе, совѣтовалъ Марьѣ Николаевнѣ открыть переплетную мастерскую на артельныхъ началахъ или—и того лучше—подготовиться основательно и ѣхать за границу изучать медицину, и довольно скоро, какъ и подобало двадцатипятилѣтнему мичману, влюбился въ Марусю, послѣ чего еще высокомѣрнѣе и категоричнѣе сталъ утверждать, что любовь, собственно говоря, ерунда, простое влеченіе половъ для размноженія человѣческаго рода (Огнивцевъ только-что прочиталъ Шопенгауера), и что разумно мыслящіе люди не должны страдать отъ любви, какъ она описывается въ романахъ, и быть выше этого «глупаго времяпрепровожденія». Служеніе честному дѣлу — вотъ главная задача жизни, и онъ, мичманъ Огнивцевъ, Борисъ Константиновичъ Огнивцевъ, никогда не «втемяшится съ сапогами» хотя бы въ саму Клеопатру египетскую, не станетъ страдать отъ любви и не попадетъ въ рабство къ женщинѣ, какъ какой-нибудь болванъ!—прибавлялъ мичманъ, довольно любопытно однако поглядывая украдкой своими мышиными живыми глазами на красивую руку Марьи Николаевны съ

обручальнымъ кольцомъ на третьемъ пальцѣ и съ рубиномъ на мизинцѣ.

— Никогда-съ. Сдѣлайте ваше одолженіе! — рѣшительно восклицалъ онъ съ особенной горячностью, точно оспаривая какого-то невидимаго оппонента.

Молодая женщина слушала и, лукаво улыбаясь, замѣчала:

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Увѣренъ.

— И никогда не влюблялись?

— Влюблялся недѣли на двѣ и потомъ...

— Потомъ влюблялись въ другую?..

— Случалось... Но вообще я никогда не придавалъ серьезнаго значенія этимъ глупостямъ... Есть дѣла посерьезнѣе, чѣмъ любовь.

И, словно бы въ доказательство своихъ категорическихъ положеній, мичманъ не обмолвился даже намекомъ на признаніе, не «пялилъ» на молодую женщину глазъ, ни разу не поцѣловалъ ея красивой руки, хотя удобные случаи къ тому и были,—и, продолжая себѣ читать хорошія книжки и говорить горячія рѣчи, повидимому, рѣшительно хотѣлъ остаться разумномыслящимъ человѣкомъ и не попасть въ рабство къ этой воображающей о себѣ барынѣ.

IV.

Такъ прошелъ мѣсяцъ.

Подобное геройское поведеніе Огнивцева рѣшительно удивляло Марусю и даже задѣвало ее за живое, словно бы Огнивцевъ проявилъ относительно нея неслыханную и неожиданную дерзость.

Въ самомъ дѣлѣ это было что-то невѣроятное.

Обыкновенно почти всѣ, знакомившіеся съ Марьей Николаевной, черезъ недѣлю дѣлались ея военноплѣнными, а на вторую уже глупѣли, вздыхали, писали довольно глупые стихи, дѣлали признаніе и, при малѣйшей возможности, цѣловали руки, а этотъ проповѣдникъ и чтецъ, считающій любовь глупымъ времяпрепровожденіемъ, дѣйствительно воображаетъ, что онъ неуязвивъ и не можетъ «втемяшиться съ сапогами»... Скажите, пожалуйста!

И Маруся съ обычнымъ своимъ мастерствомъ и легкомыслiемъ тщеславной женщины принялась «обработывать» уже и безъ того обработаннаго, но крѣпившагося въ своихъ теоретическихъ взглядахъ мичмана.

Краснорѣчивые взгляды «русалочныхъ» глазъ, порой грустные и задумчивые, порой ласковые, манящіе, что-то обѣщаю-

щіе... Сочувственныя реплики на восторженныя рѣчи... Загадочное молчаніе... Внезапная порывистость... Нечаянно срывавшіяся слова восхищенія умомъ мичмана... Платья съ легкимъ вырѣзомъ. Красивыя позы во время лежанія на кушеткѣ по случаю легкаго нездоровья и... ко всему этому, быть-можетъ, и маленькое увлеченіе мичманомъ во время этой травли...

Мичманъ все еще держалъ себя съ мужествомъ героя, стараясь не обнаруживать своего чувства къ этой, еще недавно «отсталой» женщинѣ, которую онъ уже теперь считалъ умной и отзывчивой ко всему хорошему и честному... Но тѣмъ не менѣе эти чарующіе взгляды, это явно выказываемое сочувствіе, это загадочное молчаніе заставляли мичмана по временамъ дѣлаться дѣйствительно отчаяннымъ «подлецомъ», то-есть забывать о будущемъ переустройствѣ вселенной и о трехъ мальчишкахъ, которыхъ онъ сталъ неаккуратно обучать грамотѣ, и отвратительно, словно бы у него пересохло въ горлѣ, читать «Рефлексы головного мозга» и, вмѣсто «рефлексовъ», думать объ этихъ большихъ сѣрыхъ глазахъ, считая высшимъ въ мірѣ счастьемъ любить Марусю и быть ею любимымъ и по временамъ испытывая безумное желаніе цѣловать и эти глаза, и эти маленькія ручки съ длинными, тонкими пальцами, и эти полураскрытыя алыя губы, прелесть которыхъ онъ замѣтилъ только недавно, за что и называлъ себя добросовѣстно «болванниссимусомъ».

И Маруся уже не безъ нетерпѣнія ждала признанія, когда, въ одинъ изъ мартовскихъ вечеровъ, Огнивцевъ особенно скверно читалъ статью Добролюбова и, прерывая чтеніе, взволнованно курилъ папиросу за папиросой, взглядывая строго, рѣшительно и пытливо на молодую женщину, сидѣвшую въ двухъ шагахъ отъ него на оттоманкѣ, въ капотѣ и въ туфелькахъ на ногахъ.

Мужа дома не было, и Марья Николаевна почти не сомнѣвалась, что мичманъ, который такъ отвратительно читаетъ въ ея присутствіи и такъ рѣшительно на нее взглядываетъ, воспользуется такимъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказать ей все то, что, очевидно, онъ до сихъ поръ скрывалъ.

И, какъ бы поощряя его къ откровенности, она проговорила, даря мичмана тѣмъ загадочнымъ взглядомъ, полнымъ чаръ, который, по опредѣленію Огнивцева, способенъ былъ спалить человѣка и подавать ему нѣкоторыя надежды:

— Вы сегодня скверно читаете, Борисъ Константиновичъ.

— Да... Въ горлѣ першитъ что-то... Вѣрно, простудился немного, Марья Николаевна...

— Такъ бросьте читать.

— Но надо кончить... Статья вѣдь какая!

— Завтра окончимъ, а теперь лучше поболтаемъ.

— Что-жъ... я съ большимъ удовольствіемъ...

Но, несмотря на «большое удовольствіе», Огнивцевъ, обыкновенно болтавшій за двоихъ, теперь рѣшительно не находилъ словъ и неистово курилъ съ рѣшительнымъ попрежнему видомъ.

Зато молодая женщина болтала теперь безъ умолку. Она говорила и о томъ, какая хорошая статья Добролюбова, и о томъ, какъ ей надо еще много учиться и читать, и о томъ, что послѣзавтра она поѣдетъ въ Петербургъ въ итальянскую оперу («Быть-можетъ, и вы поѣдете?»), и, какъ-то незамѣтно перейдя въ задушевный тонъ, выразила удовольствіе, что познакомилась съ такимъ умнымъ и развитымъ человѣкомъ, какъ Борисъ Константиновичъ.

И, замѣтивъ, какъ «умный и развитой» Борисъ Константиновичъ вспыхнулъ отъ удовольствія отъ такой похвалы, прибавила:

— Съ вами никогда не бываетъ скучно, Борисъ Константиновичъ... Съ вами умнѣе становишься, Борисъ Константиновичъ... И вся праздная моя жизнь кажется такою пустой... И я такъ рада, если мы съ вами будемъ друзьями, Борисъ Константиновичъ... Съ вами вѣдь можно дружить, не боясь, что вы серьезно влюбитесь, или какъ это вы говорили... Такое смѣшное слово?..

— Втемяшусь!—добросовѣстно подсказалъ Огнивцевъ.

— Именно... Вѣдь вы отрицаете такое глупое времяпровожденіе? Не правда ли?

— Отрицаю!—какъ-то нерѣшительно на этотъ разъ промолвилъ мичманъ.

— И отлично... Значитъ, мы будемъ друзьями... Хотите?

И, не дожидаясь согласія, она протянула Огнивцеву руку и взглянула на мичмана, словно бы приласкала его взглядомъ своихъ бархатныхъ глазъ.

Огнивцевъ такъ сжалъ маленькую руку Марьи Николаевны, что она чуть-было не вскрикнула и отъ боли и, быть-можетъ, отъ изумленія, что онъ не поцѣловалъ руки.

Но изумленіе ея увеличилось, когда Огнивцевъ, точно полоумный, сорвался съ кресла и, походивъ взадъ и впередъ по гостиной, остановился передъ молодой женщиной и взволнованно спросилъ:

— Марья Николаевна! Вы любите своего мужа?

Никакъ не ожидавшая такого вопроса, молодая женщина на секунду растерялась и молчала.

— Вы любите Сергѣя Михайловича? — снова спросилъ мичманъ.

— Что за странный вопросъ?

— Вы не хотите отвѣтить?..

— Да зачѣмъ вы вдругъ спросили объ этомъ?

— Мнѣ необходимо это знать!—не безъ нѣкоторой торжественности проговорилъ рѣшительно и рѣзко молодой мичманъ.

— И даже необходимо?—смѣясь, повторила Маруся.

И послѣ паузы, во время которой успѣла прочесть въ глазахъ мичмана мучительное нетерпѣніе, промолвила какъ-то загадочно:

— Любовь—понятіе относительное.

И прибавила:

— Ну, положимъ, люблю. Вамъ-то что до этого?

— Мнѣ?!

О, какъ бы хотѣлось ему, этому самому мичману, уже втайнѣ питавшему къ Вершинину ревнивую злобу, сказать этой маленькой женщинѣ, что ему до «этого» большое дѣло, огромное дѣло, но вмѣсто того онъ на секунду притихъ и наконецъ проговорилъ:

— Разумѣется, мнѣ до этого нѣтъ, собственно говоря, никакого дѣла... И вы извините меня, Марья Николаевна... Дѣйствительно, глупый, нелѣпый вопросъ... Развѣ вы жили бы съ человѣкомъ, котораго не любите... Вѣдь это было бы ужасно?! Это вѣдь...

Онъ чуть-было не прибавилъ, что быть женой нелюбимаго мужа позорно, но во-время прикусилъ языкъ и, взволнованный и поблѣднѣвшій, хотя и старавшійся сохранить отважный видъ, сѣлъ снова въ кресло и не безъ нѣкоторой даже развязности проговорилъ:

— Такъ, если позволите, я буду читать, Марья Николаевна.

— Не запершить ли у васъ опять въ горлѣ, Борисъ Константиновичъ?—участливо замѣтила Маруся.

— Не бойтесь.

— Ну, такъ я не позволю. Вы задѣли мое любопытство... Вы мнѣ скажите, зачѣмъ вы спрашивали, люблю ли я мужа? Слышите ли?! Я хочу знать. Мнѣ тоже это необходимо!—значительно прибавила она.

— Не спрашивайте, Марья Николаевна! Вы любите мужа и... шабашъ!

— Ну, а если-бъ я не любила мужа, какъ слѣдуетъ, по-настоящему... Если-бъ я только его терпѣла. Что бы тогда? — вдругъ кинула Маруся, понижая голосъ.

— Если бы... Мало что было, если бы...

— Но вы скажите... Вѣдь мы друзья?.. Такъ скажите...

— Вы непремѣнно этого хотите?

— Хочу.

— Тогда я сказалъ бы вамъ, что люблю васъ. И если бы вы могли отвѣтить на мою любовь любовью, я сказалъ бы: оставьте мужа и со мной начните новую жизнь!—восторженно и рѣшительно проговорилъ Огнивцевъ, взглядывая на Марусю благоговѣйно-влюбленнымъ взоромъ.

— Однако вы... вы стремительны, Борисъ Константиновичъ... И это говорите вы? Вы отрицающій любовь? Вы, который никогда не втемяшитесь? Я не повѣрила бы вамъ...

— А хотѣли бы повѣрить?

— Почему же нѣтъ?—уронила Маруся.

— И могли бы полюбить меня? Отвѣтьте: могли бы?

Маруся ничего не отвѣчала, но, торжествующая, смотрѣла на Огнивцева такимъ ласкающимъ взглядомъ, что мичманъ, опьяненный и обнадеженный имъ, прочелъ въ немъ то, что ему такъ хотѣлось, и сталъ говорить, что онъ только теперь понялъ, какой онъ былъ идіотъ, отрицая любовь, что онъ съ первой встрѣчи влюбился въ Марью Николаевну, что онъ любитъ ее до безумія, что онъ...

Но онъ не окончилъ рѣчи, хоть и хотѣлъ еще много-много сказать.

Совсѣмъ опьянѣвшій отъ этого, полнаго нѣги и вызова, взгляда, онъ уже сидѣлъ рядомъ на диванѣ съ Марусей и, вѣроятно, желая окончательно убѣдить ее въ своей горячей любви, сталъ осыпать поцѣлуями ея руки.

Она ихъ не отнимала, и мичманъ вдругъ оставилъ ихъ и дерзко прильнулъ къ ея губамъ.

Повидимому, молодая женщина не ожидала такой удивительной смѣлости и такого быстраго перехода отъ руки къ губамъ, особенно отъ человѣка, который только-что говорилъ, что любовь—ерунда. Но онъ такъ искренно отрекся отъ своего заблужденія, и такъ пригожъ былъ этотъ молодой, жизнерадостный мичманъ, что Маруся не успѣла даже настолько разсердиться, чтобы оттолкнуть его отъ себя, и не только не противилась безумнымъ поцѣлуямъ, но и сама цѣловала мичмана.

И только тогда вырвалась изъ его крѣпкихъ объятій, когда наконецъ увидала, что мичманъ готовъ совсѣмъ потерять голову.

— Довольно. Уходите... Уходите!—шепнула она и благоразумно поднялась съ дивана и отошла на другой конецъ гостиной.

Еще одинъ прощальный и «мирный» на честное слово поцѣлуй, и Огнивцевъ ушелъ счастливымъ, отравленнымъ и далеко не «мыслящимъ» человѣкомъ.

Такъ прошла недѣля-другая. Когда Вершининъ былъ дома, мичманъ читалъ и украдкой бросалъ на Марусю влюбленные взоры, а когда мужа не было дома, Огнивцевъ говорилъ о любви и доказывалъ ее горячими поцѣлуями.

Но совѣсть его мучила, и терзала ревность къ мужу. А главное, надо же скорѣе покончить и начать новую жизнь. Хотя Маруся, при напоминаніи о новой жизни, отвѣчала неопредѣленно, но для мичмана не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ любимъ, и что она желаетъ новой жизни.

И вотъ однажды вечеромъ, послѣ порціи поцѣлуевъ, онъ рѣшительно объявилъ Марусѣ, что пользоваться дальше краденымъ счастьемъ онъ не можетъ. Надо объяснить мужу. Если Марья Николаевна не рѣшается, то онъ самъ завтра утромъ скажетъ Сергѣю Михайловичу.

— О чемъ?—изумленно и испуганно спросила Маруся.

— Какъ о чемъ? О томъ, что мы любимъ другъ друга, и поэтому вашъ мужъ долженъ отстраниться...

— Но развѣ я говорила, что васъ люблю настолько, чтобы бросить мужа... Съ чего вы это взяли?

Мичманъ замеръ отъ изумленія.

— Вы мнѣ нравитесь, лгать не стану... Я виновата передъ вами, что могла ввести васъ въ заблужденіе, допустить то, чего не слѣдовало... Простите, Борисъ Константиновичъ. Но ломать всю жизнь, сдѣлать несчастнымъ человѣка, который такъ любитъ меня... Борисъ Константиновичъ! Вы вѣдь умный человѣкъ и, кромѣ того, человѣкъ съ характеромъ... Увлеченіе ваше скоро пройдетъ. Вѣдь есть дѣла посерьезнѣе любви. И вы простите меня, не правда ли?

Огнивцевъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Такъ, значитъ... значитъ, все... кончено!—упавшимъ голосомъ проговорилъ онъ.

— То-есть что кончено?.. Вы знаете, я расположена къ вамъ... Я люблю съ вами болтать... Останемся друзьями и приходите ко мнѣ...

— Вы смѣетесь? Прощайте совсѣмъ, Марья Николаевна!

— Совсѣмъ? Значитъ, вы меня больше не хотите видѣть?..

И Маруся опять ожгла мичмана своимъ взглядомъ.

— Не хочу видѣть!?.

И мичманъ снова сталъ говорить о своей любви съ отвагой отчаянія человѣка, спасающаго свою жизнь, и такъ горячо, такъ страстно, что Маруся снова внимала этимъ прельстительнымъ рѣчамъ съ такимъ участіемъ, все лицо ея снова дышало такой радостью и глаза снова такъ нѣжно глядѣли на мичмана, что онъ малодушно попросилъ на прощанье послѣдній поцѣлуй.

И ему дали его. И онъ былъ такой долгій, былъ полонъ такой отравы этотъ послѣдній поцѣлуй, что мичманъ готовъ былъ, казалось, заплакать, когда Маруся наконецъ отвела свое закраснѣвшееся лицо...

— Прощайте, Марья Николаевна!—проговорилъ Огнивцевъ, почти выбѣгая изъ гостиной.

— Такъ вы, значитъ, болѣе не придете, Борисъ Константиновичъ?—бросила ему Маруся изъ передней.

— Отъ васъ зависитъ...

Маруся только усмѣхнулась.

— Вы, Марья Николаевна, играете, что ли, со мной?.. Совсѣмъ прощайте!

— Такъ ли? Пожалуй, завтра же придете? — вызывающе кинула Маруся.

— Вы увѣрены?

— Почти.

— Напрасно... Или все, или ничего! Слышите! — въ свою очередь крикнулъ Огнивцевъ.

— Ничего!? Развѣ вамъ мало того, что вы называете «ничего»? Неблагодарный! Такъ не приходите больше. Я не желаю васъ видѣть. Я ошиблась въ васъ.

— А я въ васъ... И не приду. Прощайте!

— Прощайте!—сухо проговорила Маруся.

Огнивцевъ стукнулъ дверями и возвратился домой возмущенный, печальный и еще болѣе влюбленный въ женщину, которая, по его мнѣнію, такъ безсердечно поступила съ нимъ, не соглашаясь начать съ нимъ новую жизнь.

Нѣсколько разъ послѣ того онъ подходилъ къ дому, гдѣ жила «эта женщина», но самолюбіе мѣшало ему войти къ Марусѣ, и онъ возвращался. Наконецъ, чтобы скорѣе побороть свою любовь, онъ уѣхалъ въ мѣсячный отпускъ, въ Тамбовскую губернію, къ старой теткѣ. Отецъ и мать Огнивцева давно умерли, и тетка была его самой близкой и любимой родственницей.

Когда однажды онъ разсказалъ ей, почему пріѣхалъ въ деревню, старая, умная тетка, выслушавъ его исповѣдь, сказала ему:

— И умно сдѣлалъ. Эта женщина никогда не любила и никого не полюбитъ. Она только себя любитъ. И моли Бога, Боря, что все такъ хорошо окончилось... Такія исковерканныя женщины счастья не даютъ... Онѣ только дурманятъ людей. Это—пустоцвѣты!

— Что это Огнивцева давно не видно?—спросилъ вскорѣ послѣ послѣдняго визита Огнивцева Вершининъ жену.

— А не знаю... Видно, надоѣло ходить...

— Ужъ не влюбился ли въ тебя?.. И, какъ порядочный человѣкъ...

— У тебя вѣчно одно на умѣ! — раздраженно перебила Маруся.

Она въ самомъ дѣлѣ была раздражена и немного скучала безъ своего «неистоваго» мичмана. Почти увѣренная, что онъ придетъ, она была удивлена, что онъ не идетъ, и черезъ недѣлю поѣхала на балъ въ собраніе, надѣясь тамъ встрѣтить Огнивцева и... снова заставить его бывать у нея. Но Огнивцева въ клубѣ не было. Знакомые офицеры сказали ей, что мичманъ внезапно уѣхалъ въ отпускъ.

Маруся была изумлена, нѣсколько времени похандрила и въ эти дни была нервна и особенно холодна съ мужемъ. Вершининъ это замѣтилъ и мысленно благодарилъ Огнивцева за его отъѣздъ.

Назначеніе «Чародѣйки» въ дальнее плаваніе было неожиданностью для Вершинина. «Чародѣйку» посылали вмѣсто другого, прежде назначеннаго въ кругосвѣтное плаваніе, только-что выстроеннаго клипера, который оказался на пробѣ неудачнымъ и требующимъ серьезныхъ исправленій.

Отказаться отъ назначенія было немыслимо. Все, что могъ сдѣлать Вершининъ, это заручиться обѣщаніемъ высшаго морского начальства, что ему разрѣшатъ вернуться въ Россію годомъ раньше.

Нечего и говорить, какъ тяжело было Вершинину разставаться съ женой. Два года разлуки! Мало ли что можетъ случиться съ такой легкомысленной женщиной!

Его, впрочемъ, утѣшала мысль, что Маруся эти два года будетъ жить не одна въ Кронштадтѣ, а въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ матерью и отцомъ, старымъ адмираломъ. И, кромѣ того, Вершининъ замѣтилъ, что послѣ того, какъ Огнивцевъ уѣхалъ, жена какъ будто стала нѣсколько серьезнѣе и не окружала себя поклонниками, какъ прежде.

А Огнивцевъ, вернувшись изъ отпуска, ни разу не заглянулъ къ Марусѣ. Назначенный по личной своей просьбѣ на «Чародѣйку», онъ усердно работалъ на клиперѣ и только за нѣсколько дней до ухода клипера пріѣхалъ къ Марусѣ съ визитомъ въ то время, когда мужъ былъ дома. Онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ и, казалось Марусѣ, былъ нѣжно-грустенъ и говорилъ, противъ обыкновенія, мало.

Когда, въ день ухода «Чародѣйки», Маруся пріѣхала на клиперъ, Вершининъ замѣтилъ, какъ нѣжно и ласково смотрѣла Маруся на Огнивцева, разговаривая съ нимъ долѣе, чѣмъ, казалось бы, слѣдовало женѣ, пріѣхавшей провести послѣднія минуты съ мужемъ.

Но онъ не показалъ и виду, что это его глубоко обидѣло, и въ послѣднюю минуту разставанія, когда на клиперѣ гудѣли пары и якорь уже былъ поднятъ, долго, любовно и пытливо заглянулъ въ русалочные глаза Маруси и, крѣпко сжимая ея руку, съ необыкновенной серьезностью проговорилъ:

— Помни, родная моя, объ одномъ: я никакой правды не боюсь. Я только обмана боюсь. Я люблю тебя, Маруся, больше жизни и умоляю тебя: если полюбишь кого-нибудь—напиши. Я стѣснять тебя не буду. Дамъ разводъ.

Маруся взглянула на мужа тоскующимъ взглядомъ. Этотъ взглядъ словно и ласкалъ и жалѣлъ.

— Будь покоенъ, Сережа, я тебя не обману. Если бы случилось что-нибудь серьезное, я напишу.

И со своей властной, манящей улыбкой протянула губы.

Вершининъ прильнулъ къ нимъ, долго не отрывался и наконецъ, сдерживая подступающія слезы, шепнулъ:

— Прощай, прощай, Маруся, моя любимая, моя ненаглядная.

Когда Маруся по сходнѣ перешла на пароходъ, Вершининъ, поднявшись на мостикъ, долго еще не отрывалъ глазъ отъ любимой женщины.

Наконецъ клиперъ пошелъ тихимъ ходомъ, и Вершининъ замахалъ фуражкой и не замѣтилъ, что одинъ изъ прощальныхъ кивковъ Маруси былъ направленъ не на мостикъ, а на корму, гдѣ стоялъ Огнивцевъ.

V.

Самыя мрачныя мысли лѣзли въ голову Вершинину по поводу этого конверта. Ему думалось, что Огнивцевъ и жена любятъ другъ друга, и что Огнивцевъ пересталъ бывать изъза того, чтобы обмануть подозрѣнія мужа... Навѣрное они видѣлись въ Петербургѣ.

И при мысли, что Маруся была въ объятіяхъ другого—тоска и злоба охватывали его. Онъ вскочилъ съ дивана и заходилъ по каютѣ. Что-то грызло его, мучило, терзало. Ни о чемъ онъ думать не могъ. И онъ словно бы дразнилъ себя, рисуя въ своемъ воображеніи подробности этихъ свиданій... Демонъ ревности не выпускалъ его изъ своихъ когтей и, казалось, хотѣлъ извести его...

И Вершининъ между рыданіями повторялъ:

— О, подлая! Господи! За что, за что?!

Онъ старался увѣрить себя, что онъ ненавидитъ жену, если только его подозрѣнія справедливы, но подозрѣнія не оставляли его, и онъ въ то же время чувствовалъ, что не можетъ жить безъ Маруси...

Усталый, бросился наконецъ онъ на диванъ, и вдругъ въ голову его неожиданно пришла мысль:

«Но тогда зачѣмъ же Огнивцевъ просился въ плаваніе? Безъ меня имъ свободнѣе было бы наслаждаться».

Это соображеніе нѣсколько успокоило капитана.

— Матвѣевъ!—крикнулъ онъ.

— Есть!—отозвался изъ-за дверей громкій голосъ.

И въ ту же минуту въ каюту вбѣжалъ небольшого роста, худощавый, съ круглой головой, покрытой щетинкой темно-русыхъ волосъ, некрасивый, рябоватый матросъ лѣтъ тридцати, съ рыжими бачками и усами и съ глазами, доброе выраженіе которыхъ скрашивало некрасивость его лица.

Это былъ вѣстовой Сергѣя Михайловича, жившій у него около семи лѣтъ и привязавшійся къ нему со всей силой своего благодарнаго сердца послѣ того, какъ Вершининъ, раньше служившій на одномъ кораблѣ съ Матвѣевымъ, вызволилъ его, только-что поступившаго на службу первогодка, отъ жестокой порки, назначенной за какую-то незначительную служебную оплошность старшимъ офицеромъ, отличавшимся жестокостью въ обращеніи съ матросами.

Этотъ неказистый, робкій матросикъ, испуганный предстоящимъ наказаніемъ, имѣлъ такой страдальческій, покорный видъ, съ такимъ отчаяніемъ глядѣлъ своими большими сѣрыми глазами, повторяя вздрагивавшими, побѣлѣвшими губами: «Господи помилуй!», что Вершинина, бывшаго случайно на бакѣ, гдѣ уже наказывали другихъ матросовъ, охватила жалость, и онъ упросилъ старшаго офицера отмѣнить наказаніе.

Вскорѣ послѣ этого онъ взялъ Матвѣева въ вѣстовые и пріобрѣлъ въ немъ смышленаго, честнаго, усерднаго и преданнаго человѣка, который заботился о Вершининѣ съ самой утонченной внимательностью и глядѣлъ ему, что̀ называется, въ глаза. Въ свою очередь и Вершининъ привязался къ своему вѣстовому.

— Узнай, на клиперѣ ли мичманъ Огнивцевъ, и, если на клиперѣ, попроси его ко мнѣ сейчасъ.

— Есть!

Матвѣевъ исчезъ изъ каюты и чрезъ минуту докладывалъ капитану, что мичманъ Огнивцевъ въ одинъ секундъ явится. Только одѣнутся.

— Отдыхалъ онъ, что ли?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе! Такъ, значитъ, по жаркости. Писали что-то.

«Пишетъ! Вѣрно, ей пишетъ!»—невольно подумалъ капитанъ.

И лицо его мгновенно омрачилось. И жгучее больное чувство ревности охватило его съ новой силой. Подозрѣнія казались несомнѣнной ужасной дѣйствительностью.

Жена переписывается съ нимъ.

Матвѣевъ, хорошо изучившій характеръ Сергѣя Михайловича и видѣвшій его необыкновенную «приверженность» къ женѣ, понималъ причины нерѣдкаго тоскливаго настроенія капитана съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился. Нечего и говорить, что Матвѣевъ жалѣлъ Сергѣя Михайловича, сочувствуя ему всей душой, и питалъ къ Марьѣ Николаевнѣ смѣшанное чувство невольной симпатіи и неодобренія, а подчасъ даже и непріязни—когда, бывало, Сергѣй Михайловичъ очень «заскучивалъ» и по цѣлымъ часамъ просиживалъ въ своемъ кабинетѣ мрачный какъ туча.

Барыня всегда была съ Матвѣевымъ ласкова, привѣтлива и необыкновенно заботлива о немъ, всегда, бывало, и на табакъ дастъ, и сахару не забудетъ ему положить, когда сама пила чай, и на водку давала, когда посылала съ какимъ-нибудь порученіемъ. И вообще была добра съ прислугой и какъ-то умѣла возбуждать къ себѣ привязанность.

Но, съ другой стороны, онъ возмущался ея поведеніемъ, и главнымъ образомъ изъ-за своего капитана, рѣшительно не понимая, съ чего это ей нейметься и она, какъ выражался Матвѣевъ, «дразнитъ мужчиновъ» и зря ихъ «обезкураживаетъ», имѣя такого хорошаго, молодого и, слава Богу, форменнаго красавца-мужа.

Возмущался Матвѣевъ и тѣмъ, что барыня недостаточно любитъ мужа, мало покорна ему и нисколько его не жалѣетъ, видя его отъ нея тоску, и ужъ очень позволяетъ мичманамъ «муслить» свои руки. Не особенно ободрялъ Матвѣевъ и то, что Огнивцевъ, по его выраженію, «увязался»-было ходить, и что капитанъ оставлялъ барыню съ нимъ одну. Особенно это ему не нравилось послѣ того, какъ онъ однажды вошелъ въ гостиную съ какимъ-то докладомъ барынѣ и замѣтилъ, какъ при его появленіи они шарахнулись въ разныя стороны. И онъ очень былъ доволенъ, когда мичманъ Огнивцевъ пересталъ ходить.

«Видно, сперва прикуражила, а потомъ обезкуражила!»—подумалъ вѣстовой и рѣшительно не могъ понять, что за охота барынѣ «облещивать мужчиновъ» при такомъ мужѣ, какъ Сергѣй

Михайловичъ, и въ искренней душевной тревогѣ за своего капитана очень сокрушался, что не дастъ Богъ барынѣ дѣтей. «Тогда, небось, перестала бы пилохвостить!»

И теперь, замѣтивъ своего капитана въ мрачномъ настроеніи, въ какомъ тотъ часто бывалъ въ Кронштадтѣ, Матвѣевъ сообразилъ, что тутъ опять-таки не безъ «барынной какой-нибудь штуки». Вѣрно, письмо неласковое написала, или какой-нибудь подлый человѣкъ что-нибудь про барыню написалъ.

И, желая отвлечь Сергѣя Михайловича отъ мрачныхъ думъ, проговорилъ:

— Вольное *) платье прикажете изготовить вашескобродію? Можетъ, на берегъ изволите поѣхать—прогуляться. Воздухъ тамъ на острову, сказываютъ, легкій.

— Нѣтъ, братъ, не поѣду. А тебѣ, Матвѣевъ, письма нынче нѣтъ!

Повидимому, вѣстовой довольно спокойно принялъ извѣстіе о томъ, что нѣтъ вѣсточки отъ жены, жившей нянькой въ Кронштадтѣ.

— Тебя это не безпокоитъ?

— Что безпокоиться, вашескобродіе! Только зря себя нудить да грѣшнымъ дѣломъ, можетъ, понапрасну обижать бабу дурными мыслями. А это, вашескобродіе, неправильно! Вѣрно, письмо потомъ будетъ, вашескобродіе.

Эти слова вѣстового устыдили и въ то же время нѣсколько утѣшили Вершинина, и онъ, улыбнувшись, замѣтилъ:

— Философъ ты, Матвѣевъ, я тебѣ скажу.

— Точно такъ, вашескобродіе!—весело отвѣтилъ матросъ, хотя и не понявшій, что сказалъ ему капитанъ, но чувствовавшій, что онъ сказалъ что-нибудь хорошее.

Въ эту минуту двери изъ каютъ-компаніи открылись, и въ капитанскую каюту вошелъ мичманъ Огнивцевъ.

Вѣстовой тотчасъ же вышелъ.

При видѣ молодого, свѣжаго, пригожаго мичмана съ возбужденными, искрившимися глазами, Вершинина охватило злобное, скверное чувство негодующаго самца къ счастливому и болѣе молодому сопернику. Онъ преувеличивалъ теперь и привлекательность его живого, выразительнаго лица, и обаяніе его молодости, и тѣмъ ненавистнѣе становился этотъ человѣкъ, такъ подло воспользовавшійся его довѣріемъ.

«А онъ еще оставлялъ ихъ по вечерамъ вдвоемъ читать!»—вспомнилъ капитанъ. И ему стоило усилій, чтобъ не обнару-

*) Статское.

жить своихъ чувствъ и со своей обычной, даже теперь нѣсколько преувеличенной любезностью проговорить:

— Я васъ попросилъ, Борисъ Константиновичъ, чтобы обрадовать письмомъ. Вотъ оно... И какое толстое!—прибавилъ Вершининъ, пытаясь улыбнуться, но вмѣсто этого дѣлая страдальческую гримасу и передавая Огнивцеву слегка вздрагивающей рукой конвертъ.

— Очень вамъ благодаренъ, Сергѣй Михайловичъ!—отвѣчалъ мичманъ и, въ свою очередь, густо покраснѣлъ не то отъ радости, не то отъ смущенія.

И, отводя взглядъ отъ капитана, почему-то счелъ необходимымъ прибавить, взглянувъ на конвертъ и опуская его въ карманъ своей бѣлой «тужурки»:

— Это отъ кузины!

«Отъ Маруси!»—мысленно рѣшилъ капитанъ при видѣ смущенія Огнивцева и, овладѣвъ совершенно собой, проговорилъ, повидимому, самымъ спокойнымъ тономъ:

— А вамъ, Борисъ Константиновичъ, жена проситъ передать поклонъ.

— Прошу передать Марьѣ Николаевнѣ мое глубочайшее почтеніе и благодарность за память.

— Еще бы не помнить!.. Вы вѣдь сколько съ ней хорошихъ книгъ перечитали!

— Да... какъ же...

И Огнивцевъ хотѣлъ-было уходить, но капитанъ остановилъ его.

— Еще минутку, Борисъ Константиновичъ. Надѣюсь, потерпите минутку прочитать письмо отъ кузины?

— Хоть десять, Сергѣй Михайловичъ!

— Ишь вы какой!... Видно, кузина неинтересная?

— Не особенно!

— Ну, такъ и подавно потерпѣть можно. А я вотъ что хочу вамъ предложить, Борисъ Константиновичъ... Мнѣ кажется, будто вы въ послѣднее время скучаете и не тотъ веселый Борисъ Константиновичъ, какимъ я васъ зналъ прежде... Быть-можетъ, вы хотите вернуться въ Россію? Такъ скажите. Я васъ могу списать съ клипера по болѣзни и отправить въ Россію, хотя, конечно, пожалѣю такого отличнаго и усерднаго офицера, какъ вы...

Огнивцевъ слушалъ изумленный и, казалось, ничего не понимающій и, когда капитанъ кончилъ, воскликнулъ:

— Сердечно благодаренъ вамъ, Сергѣй Михайловичъ, но я, во-первыхъ, вовсе не скучаю и, во-вторыхъ, не имѣю ни малѣйшаго пока желанія вернуться въ Россію. Я самъ просился, какъ вамъ извѣстно, въ плаваніе...

— Не имѣете ни малѣйшаго желанія?.. А мнѣ казалось, что вы тоскуете... Очень, очень радъ, что ошибся, и что на клиперѣ у меня останется такой хорошій офицеръ... Вы знаете, я не комплиментъ вамъ говорю, Борисъ Константиновичъ!— горячо прибавилъ капитанъ.

И, когда мичманъ ушелъ, у Вершинина отлегло отъ сердца.

Онъ приказалъ Матвѣеву передать всю корреспонденцію старшему офицеру и сѣлъ писать письмо своей Марусѣ, горячее, полное любви письмо, тая свои ревнивыя подозрѣнія, и, мучимый раскаяніемъ, вспоминалъ слова своего вѣстового о томъ, что неправильно обижать понапрасну бабу дурными мыслями.

Окончивъ письмо, Вершининъ позвалъ Матвѣева.

— Ты что, Матвѣевъ, дѣлаешь?

— А вольное платье ваше чистилъ, вашескобродіе. Думалъ, можетъ, надумаетесь прогуляться.

— А пожалуй, и съѣзжу... Такъ неправильно обижать бабу дурными мыслями, Матвѣевъ? а?..—неожиданно спросилъ капитанъ, привѣтливо взглядывая на своего любимца-вѣстового, съ которымъ любилъ иногда полясничать.

— А то какъ же, вашескобродіе? Очень даже неправильно. И главная причина, что въ человѣкѣ не настоящая обида оказываетъ, а естество бунтуетъ. Такъ по моему разсудку я полагаю, вашескобродіе.

— И ты никогда не имѣлъ дурныхъ мыслей о своей Аннушкѣ?

— Какъ не имѣть? Про рѣдкую бабу нельзя не имѣть дурныхъ мыслей, вашескобродіе, потому какъ всякая, почитай, баба любитъ пошилохвостить... Такая ужъ ей отъ Бога дадена природа. Но только, осмѣлюсь доложить вамъ, вашескобродіе, мысли эти я гоню и себя зря не обезкураживаю... Начну посуду вытирать, либо платье ваше досматривать—за дѣломъ нудныя мысли и пройдутъ.

— Ну, а если бы, Матвѣевъ, твоя Аннушка въ самомъ дѣлѣ обманула тебя... Писала бы тебѣ, что вѣрная жена... А сама... Что бы ты сдѣлалъ?

— А ничего бы не сдѣлалъ, вашескобродіе!—съ необыкновенной простотой отвѣтилъ Матвѣевъ.

Вершининъ даже удивился.

— То-есть какъ бы ничего не сдѣлалъ?

— А что тутъ дѣлать, вашескобродіе! И обманъ разный бываетъ: одинъ обманъ лукавый, а другой отъ стыда. Небось, такія дѣла часто случаются съ матросскими женками. Вернется матросикъ изъ дальней, а у его дитё.

— Ну и что же?—съ нетерпѣливостью спросилъ Верши-

нинъ, у котораго вдругъ замерло сердце при внезапно набѣжавшей мысли, что вдругъ и онъ по возвращеніи увидитъ ребенка.

— Извѣстно, что. Побьетъ для вида жену и проститъ.

— И ты бы простилъ?

— А то какъ же. Очень просто. Съ легкимъ бы сердцемъ простилъ, если-бъ, не дай Богъ, Аннушка довела бы себя до такой линіи. Не гнать же ее въ шею, чтобы въ конецъ загубить и сдѣлать, грѣхомъ, дозвольте сказать, форменной потаскухой, вашескобродіе. Коли человѣка взаправду любишь, а не какъ, прямо сказать, кобель, такъ надо его пожалѣть, помочь ему, а не доводить изъ-за своего же мужчинскаго азарта до отчаянности... У господъ, можетъ, другія понятія, вашескобродіе, а по нашему, по матросскому понятію, такъ и вовсе большой обиды нѣтъ, если баба, безкарахтерная усмирить свою плоть, не сустоитъ противъ облестителя. Тоже и она живой человѣкъ, и упользоваться баловствомъ иной въ больную охотку. А настоящую, значитъ, приверженность она все-таки, быть-можетъ, къ мужу имѣетъ, даромъ что съ кѣмъ-нибудь льстилась. Польстилась да и забыла, особенно если безлюбая. Такія бабы бѣдокурыя. Имъ легче всего пропасть, вашескобродіе!— закончилъ Матвѣевъ.

Вершининъ былъ возмущенъ такою простогой отношенія къ «измѣнѣ». Но въ то же время онъ не могъ не сознать, что понятіе о любви и самая любовь у этого философа-матроса несравненно возвышеннѣе и одухотвореннѣе, чѣмъ его страстная и ревнивая любовь къ Марусѣ.

Онъ подлой измѣны не проститъ... Нѣтъ, не проститъ!

Но послѣ разговора со своимъ вѣстовымъ Вершининъ все-таки сталъ нѣсколько покойнѣе.

Матвѣевъ замѣтилъ это и спросилъ:

— Такъ сейчасъ прикажете вольную одежду подавать, вашескобродіе?

— Пожалуй, подай... Къ консулу надо зайти.

— То-то у концыря время и проведете. А то все одни да одни, вашескобродіе!

— Да скажи на вахтѣ, чтобы вельботъ приготовили!

— Есть, вашескобродіе!—отвѣчалъ Матвѣевъ, весь подтягиваясь и принимая тотъ видъ исполнительнаго вѣстового, который онъ считалъ для себя обязательнымъ, когда дѣло касалось его, такъ сказать, официальныхъ обязанностей.

Онъ хотѣлъ-было уходить, какъ Сергѣй Михайловичъ остановилъ его и сказалъ:

— А знаешь ли, что я тебѣ скажу, Матвѣевъ?

— Не могу знать, вашескобродіе.

— Славный ты человѣкъ... Вотъ что я скажу тебѣ, Матвѣевъ! — сердечно промолвилъ Вершининъ. — Ну, а теперь подай платье да скажи насчетъ вельбота!

— Есть, вашескобродіе!—отвѣчалъ вѣстовой, и въ его голосѣ звучала веселая нотка.

VI.

Черезъ три дня «Чародѣйка» въ девятомъ часу утра снималась съ якоря. Дулъ ровный нордъ-вестъ, и «Чародѣйка» собиралась уходить изъ Фунчаля подъ парусами.

Только-что раздалась команда старшаго офицера, распоряжавшагося авраломъ: «по марсамъ и салингамъ». И марсовые бросились, какъ бѣшеные, по вантинамъ.

Мрачный стоялъ капитанъ на мостикѣ, мрачный, напрасно старавшійся скрыть отъ всѣхъ свое душевное состояніе. Тоска и злоба грызли его сердце.

Еще бы!

Онъ только-что пріѣхалъ съ завтрака отъ консула и у него въ кабинетѣ, куда послѣ завтрака консулъ пригласилъ гостей покурить, на письменномъ столѣ, среди пачки писемъ, присланныхъ съ клипера для отправки ихъ въ Россію съ первымъ почтовымъ пароходомъ, замѣтилъ большой пакетъ, невольно бросившійся въ глаза своею объемистостью.

Вершининъ машинально взглянулъ на него и поблѣднѣлъ.

Пакетъ былъ адресованъ на имя Аделаиды Петровны Любарцевой, подруги Маруси, съ припиской: «для передачи М. Н. В.».

Сомнѣній больше не могло быть. Жена въ перепискѣ съ Огнивцевымъ!

«И сколько, подлецъ, ей написалъ!»—пробѣжало у него въ головѣ.

И вотъ теперь, взглядывая, какъ ставились паруса, Вершининъ уже не испытывалъ обычнаго чувства удовлетворенности и удовольствія капитана, на суднѣ котораго матросы работаютъ лихо, и «Чародѣйка» одѣлась въ паруса, похожая на бѣлокрылую птицу, съ такой быстротой, которая могла бы удовлетворить самаго требовательнаго моряка.

На палубѣ царитъ тишина, обычная на военномъ суднѣ во время аврала *). Только раздаются отрывистыя командныя слова старшаго офицера, видимо счастливаго, что «съемка съ якоря» идетъ великолѣпно. Гребныя суда были подняты

*) Авралъ—работа, требующая присутствія наверху всего экипажа судна

мастерски. На шпилѣ ходили быстро. Во время постановки парусовъ нигдѣ, слава Богу, ни одна снасть не «заѣдала», словомъ, все шло, какъ по маслу.

И старшій офицеръ, взглянувъ на капитана, удивился, что онъ не только не веселъ, а, напротивъ, мраченъ, словно бы чѣмъ-то серьезно недовольный.

А, кажется, нечѣмъ быть недовольнымъ!

И старшій офицеръ снова поднялъ голову кверху, оглядывая внимательно: дотянуты ли вездѣ до мѣста шкоты, нѣтъ ли какой-нибудь неисправности.

Но все въ порядкѣ. И старшій офицеръ недоумѣвающе пожалъ плечами и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ крикнулъ:

— Пошелъ брасы!

Почти безучастно относившійся къ тому, что дѣлается теперь на «Чародѣйкѣ», Вершининъ все-таки по привычкѣ глядѣлъ наверхъ, какъ отдаютъ паруса, и самъ въ это время думалъ, какъ лжива и испорчена Маруся и какъ она подло обманываетъ. Пишетъ ласковыя письма—и въ то же время переписывается съ Огнивцевымъ. До сихъ поръ она, кажется, никѣмъ серьезно не увлекалась, а теперь дѣло, кажется, серьезное... «Такъ зачѣмъ же скрывать? Зачѣмъ лгать? Вѣдь я ей говорилъ, что правды не боюсь...»

«И какой же подлецъ этотъ Огнивцевъ. Какой подлецъ!»—злобно повторялъ про себя Вершининъ, и, какъ это обыкновенно бываетъ у ревнивыхъ людей, ему съ какою-то болѣзненною рельефностью представлялось, какъ Маруся ласкала Огнивцева и въ то же время охотно отдавалась мужу. И онъ стискивалъ зубы, готовый крикнуть отъ боли и оскорбленія.

Вершининъ опустилъ взглядъ на палубу, и взглядъ упалъ на «подлеца». Онъ стоялъ у своей гротъ-мачты, которою завѣдывалъ, и въ эту минуту проговорилъ что-то механику, смотрѣвшему въ качествѣ посторонняго зрителя на авралъ.

Неодолимая, чисто-физическая ненависть охватила капитана при видѣ мичмана, веселаго, улыбающагося.

И Вершининъ внезапно крикнулъ Огнивцеву рѣзкимъ и грубымъ голосомъ:

— Во время аврала не разговариваютъ! Мичманъ Огнивцевъ, я вамъ говорю!

— Есть!—отвѣтилъ Огнивцевъ.

И, мгновенно поблѣднѣвшій, съ засверкавшими негодующими глазами, онъ вызывающе и съ недоумѣніемъ взглянулъ на капитана, взглянулъ и, словно бы внезапно понявшій причину этого грубаго окрика, отвелъ взглядъ, пожалъ плечами и какъ-то неестественно улыбнулся.

И Вершининъ тотчасъ же спохватился, что сдѣлалъ грубое замѣчаніе Огнивцеву не за то, что онъ что-то сказалъ механику, а за то, что онъ любимъ, какъ ему казалось, Марусей,—внезапно покраснѣлъ и, сознавая совершенную имъ несправедливость, избѣгалъ смотрѣть на Огнивцева.

«Изъ-за этой женщины я дѣлаюсь подлецомъ!»—подумалъ Вершининъ и въ эту минуту ненавидѣлъ жену, благодаря которой совсѣмъ терялъ самообладаніе. Полный стыда за свою грубую и несправедливую выходку, онъ тутъ же далъ себѣ слово не быть такимъ подлецомъ и не проявлять въ служебныхъ отношеніяхъ своихъ личныхъ чувствъ, недостойныхъ порядочнаго человѣка.

Всѣ офицеры были поражены. Всѣ привыкли видѣть капитана настоящимъ джентльменомъ, сдержаннымъ и справедливымъ. Всѣ привыкли къ тому, что онъ если и дѣлалъ замѣчаніе, то въ вѣжливой формѣ и предпочтительно съ глазу на глазъ. И вдругъ—этотъ бѣшеный окрикъ изъ-за пустяка, и притомъ на такого хорошаго морского офицера, какъ Огнивцевъ.

Между тѣмъ «Чародѣйка» снялась съ якоря. Слегка накренившись, съ поставленными верхними и нижними парусами, она понеслась въ полвѣтра отъ Мадеры въ океанъ, взявши курсъ къ югу, въ область пассата.

Подвахтенныхъ просвистали внизъ.

Когда офицеры спустились въ каютъ-компанію, многіе съ недоумѣніемъ спрашивали Огнивцева: не было ли какихъ причинъ этой грубой выходки капитана.

— Никакихъ!—отвѣчалъ Огнивцевъ.

— И вы, Борисъ Константиновичъ, конечно, пойдете объясняться къ капитану? Такъ оставить это нельзя!..—не безъ задора спрашивалъ своимъ тонкимъ визгливымъ голосомъ рыжій лейтенантъ Волховитиновъ, одинъ изъ тѣхъ мнительныхъ, мелко-самолюбивыхъ и легко обижающихся людей, которые всегда съ кѣмъ-нибудь и изъ-за чего-нибудь любятъ объясняться.

— Нѣтъ, не пойду!—сухо отвѣтилъ Огнивцевъ.

— Такъ и оставите это дѣло?

— Такъ и оставлю!—почти рѣзко проговорилъ Борисъ Константиновичъ.

Волховитиновъ замолчалъ, удивленно пожавши плечами. Удивились и другіе, знавшіе, что Огнивцевъ очень ревнивъ къ своему достоинству и грубости не снесетъ.

А вотъ теперь снесъ. А какъ храбръ на словахъ!

Огнивцевъ читалъ такія мысли почти на всѣхъ лицахъ.

Только старшій штурманъ, повидимому, не раздѣлялъ общаго удивленія и, сочувственно взглядывая на Огнивцева, промолвилъ:

— Небось, капитанъ и самъ теперь мучится... Онъ совсѣмъ разстроенный ушелъ въ каюту. Я видѣлъ...

Еще въ каютъ-компаніи не улеглось возбужденіе, вызванное грубой выходкой капитана, какъ вбѣжалъ разсыльный съ докладомъ, что капитанъ требуетъ всѣхъ офицеровъ наверхъ.

Всѣ вышли съ обычной у моряковъ быстротой на палубу и выстроились на правой сторонѣ шканцевъ по старшинству. На многихъ лицахъ стояло выраженіе недоумѣнія. Къ чему это капитанъ собралъ всѣхъ офицеровъ, и не у себя въ каютѣ, а наверху, при торжественно-официальной обстановкѣ?

Огнивцевъ, казалось, догадывался, и на его нервномъ, подвижномъ лицѣ отразилось душевное волненіе. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ Вершининымъ за эти краденые поцѣлуи и, неблагодарный, вспомнилъ теперь объ нихъ подъ чуднымъ голубымъ небомъ южныхъ широтъ далеко не съ хорошимъ чувствомъ и къ Марусѣ и къ самому себѣ за то, что поступилъ не какъ «мыслящій человѣкъ», а какъ свинья. «Именно свинья!»—энергично подчеркнулъ про себя молодой мичманъ въ порывѣ раскаянія. И теперь онъ даже сожалѣлъ, что въ отвѣтъ на письмо Маруси отвѣчалъ длиннымъ посланіемъ. Не слѣдовало отвѣчать.

«Но если бы Вершининъ зналъ, что я писалъ. Если бы зналъ!»

И въ ту же минуту, какъ Огнивцевъ подумалъ объ этомъ, онъ увидалъ поблѣднѣвшее, осунувшееся и напряженно-серьезное лицо капитана, который быстрыми шагами приблизился къ офицерамъ. Увидалъ и, прикладывая руку къ козырьку фуражки, почувствовалъ себя еще болѣе виноватымъ и въ то же время пожалѣлъ, что такой хорошій человѣкъ, какъ капитанъ, страдаетъ изъ-за такой женщины, какъ Маруся.

А капитанъ между тѣмъ говорилъ слегка вздрагивающимъ, но громкимъ, рѣшительнымъ голосомъ:

— Я только-что позволилъ себѣ сдѣлать грубое замѣчаніе Борису Константиновичу и, сознавая себя виноватымъ, считаю долгомъ извиниться передъ Борисомъ Константиновичемъ въ присутствіи всѣхъ господъ офицеровъ.

И затѣмъ, обратившись къ Огнивцеву, продолжалъ:

— Прошу васъ, Борисъ Константиновичъ, извинить меня и забыть о случившемся... Но если... если васъ мое извиненіе не удовлетворяетъ, я охотно готовъ дать вамъ удовлетвореніе,

какое вы отъ меня потребуете!—прибавилъ капитанъ, понижая голосъ и глядя на Огнивцева въ упоръ своими большими, черными, полными скорби глазами.

— Я вполнѣ, вполнѣ удовлетворенъ, Сергѣй Михайловичъ!—возбужденно и растроганно отвѣчалъ Огнивцевъ, невольно краснѣя подъ этимъ грустнымъ, словно бы укоряющимъ взглядомъ Вершинина.

— Очень вамъ благодаренъ, Борисъ Константиновичъ! Можете расходиться, господа!—промолвилъ капитанъ, казалось, душевно облегченный.

Офицеры спустились въ каютъ-компанію и восхваляли джентльменство капитана. Огнивцевъ былъ рѣшительно подавленъ его благородствомъ и питалъ къ нему восторженныя чувства.

И теперь вина его передъ нимъ казалась ему великой и требовала искупленія. Но какъ искупить ее? Какъ успокоить его ревность? Какъ объяснить ему, что онъ въ своемъ посланіи былъ только проповѣдникомъ и обвинителемъ, и ничѣмъ больше?

Дѣйствительно, въ отвѣтъ на письмо Маруси, одно изъ тѣхъ заигрывающихъ, полныхъ недосказанныхъ словъ и кокетливыхъ намековъ, женскихъ писемъ, въ которыхъ Маруся проявляла то же кокетство, что и въ жизни, въ отвѣтъ на ея сожалѣнія, что Бориса Константиновича нѣтъ, и ей не съ кѣмъ читать и не съ кѣмъ посовѣтоваться о томъ, какъ избавиться отъ праздной жизни,—Огнивцевъ исписалъ чуть ли не тетрадь бумаги, рекомендуя Марьѣ Николаевнѣ прежде всего прочитать массу книгъ, списокъ которыхъ онъ добросовѣстно приложилъ, и затѣмъ поступить на медицинскіе курсы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говорилъ о самовоспитаніи, о болѣе серьезномъ отношеніи къ людямъ, о правдивости въ чувствѣ, о безнравственности обмана... Однимъ словомъ, посланіе мичмана было горячее, пространное и нисколько не походило на любовное. Вдали отъ Маруси, Огнивцевъ чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ ея чаръ, хотя порой, вспоминая объ ея поцѣлуяхъ, приходилъ въ волненіе и негодовалъ, что Маруся такъ подло съ нимъ поступила, введя его въ обманъ своими поцѣлуями и заставивъ его быть такимъ подлецомъ передъ Вершининымъ.

И Огнивцева раздражало еще болѣе то, что онъ былъ не одинъ, пользовавшійся поцѣлуями.

Передъ отправленіемъ въ плаваніе онъ слышалъ отъ одного товарища, что цѣловали ее многіе, и что самъ онъ былъ даже любовникомъ Маруси въ теченіе трехъ недѣль и, внезапно прогнанный ею, чуть-было не застрѣлился. И товарищъ на-

чалъ-было поносить молодую женщину, но былъ остановленъ негодующимъ Огнивцевымъ, который сказалъ ему, что онъ свинья, во-первыхъ, потому, что обманывалъ мужа, а во-вторыхъ, потому, что разсказываетъ объ интимныхъ отношеніяхъ къ женщинѣ и поносить ее за то, что его прогнали.

— Ты подлецъ, и я съ тобою больше незнакомъ, —прибавилъ Огнивцевъ.

Раздумывая обо всемъ этомъ послѣ извиненія передъ нимъ Вершинина, молодой мичманъ рѣшилъ болѣе не отвѣчать Марусѣ, если бы она и писала ему еще. Для него не было никакихъ сомнѣній, что капитанъ догадывался, отъ кого было письмо, когда передавалъ его и неожиданно предложилъ ѣхать въ Россію...

— Не стоитъ эта женщина такого человѣка!—проговорилъ вслухъ Огнивцевъ, лежа на койкѣ въ своей маленькой каютѣ, и рѣшилъ, что онъ никогда не женится.

А капитанъ въ это время ходилъ по своей каютѣ, все еще мучимый ревнивымъ чувствомъ, все еще полный скорби, и скоро вошелъ за альковъ въ маленькую спальню, долго-долго глядѣлъ на большую фотографію жены, висѣвшую надъ койкой, и наконецъ изъ груди его вырвалось:

— Маруся, Маруся!

И въ тонѣ этого скорбнаго восклицанія звучали и укоръ и любовь.

VII.

Вотъ уже десять часовъ, какъ бѣдная «Чародѣйка» безпомощно бьется о камни среди бушующаго моря.

Она врѣзалась «основательно» (какъ злобно выразился старшій штурманъ), набѣжавши ночью съ полнаго хода парами на маленькую группу подводныхъ островковъ въ Китайскомъ морѣ, несмотря на то, что курсъ былъ благоразумно проложенъ въ 15 миляхъ отъ нихъ. Но астрономическаго наблюденія сдѣлать было нельзя,—небо было покрыто облаками, и солнце не выглядывало, — и теченіе, мало изслѣдованное въ этихъ мѣстахъ, предательски нанесло клиперъ на каменья.

И этотъ потрясающій ударъ, внезапно остановившій клиперъ, пробудилъ всѣхъ спавшихъ моряковъ, вселилъ въ нихъ ужасъ и заставилъ ихъ выскочить наверхъ и увидѣть кромѣшную тьму кругомъ и сѣдые ревущіе буруны, со всѣхъ сторонъ окружавшіе «Чародѣйку», бившіеся о ея бока и вливавшіеся своими верхушками черезъ бортъ клипера, когда его бросало то на одинъ, то на другой бокъ.

Положеніе было критическое, и неоткуда было ждать по-

мощи. Выстрѣлы изъ орудій, раздававшіеся черезъ пять минутъ, печальные, словно бы похоронные выстрѣлы, напрасно говорили о бѣдствующемъ суднѣ съ ста шестьюдесятью моряками. Буря заглушала ихъ, да и кто могъ бы подать въ такую бурю помощь?

До ближайшаго порта было миль двадцать, но какъ добраться до него въ такую погоду на шлюпкѣ, чтобы позвать на помощь какое-нибудь судно?

Вотъ уже десять часовъ, какъ капитанъ, напряженно-серьезный, почти суровый и въ то же время сохраняющій хладнокровіе, не сходитъ съ мостика, придумывая и испытывая всѣ средства, чтобы спасти любимую имъ «Чародѣйку» и людей.

Но напрасно работаетъ машина. Напрасно сброшены были за бортъ тяжести для облегченія судна.

Клиперъ не двигался съ мѣста, и вода все прибывала да прибывала, несмотря на то, что всѣ помпы пущены въ ходъ.

Надежды на спасенье почти никакой. Вѣтеръ реветъ съ адской силой, потрясая снасти и проносясь зловѣщимъ воемъ въ рангоутѣ. Свинцовыя волны словно бы говорятъ своимъ гуломъ о смерти.

Надежды нѣтъ. И это чувствуется почти на всѣхъ лицахъ, блѣдныхъ, съ расширенными зрачками, полныхъ выраженія ужаса и отчаянія.

А удары клипера о камни раздаются все чаще и сильнѣе. И при каждомъ ударѣ матросы крестятся.

Но капитанъ, и самъ едва ли питавшій какія-либо надежды на спасеніе, тѣмъ не менѣе имѣетъ мужественный видъ человѣка, который не падаетъ духомъ, готовый бороться до послѣдней минуты. И онъ время отъ времени вскрикиваетъ въ рупоръ своимъ громкимъ, твердымъ голосомъ:

— Не робѣй, ребята!.. Вѣтеръ скоро долженъ стихнуть, и можно будетъ спустить гребныя суда!

И, словно бы увѣренный, что вѣтеръ долженъ стихнуть, капитанъ отдаетъ приказаніе, чтобы гребныя суда были готовы къ спуску, а самъ въ эту минуту думаетъ, что не видать ему больше Маруси.

Огнивцевъ, бывшій на вахтѣ, невольно поддался обаянію мужества капитана и старался не выказать того ужаса передъ смертью, который охватывалъ его всего какимъ-то пронизывающимъ холодомъ, и старался не глядѣть на эти бушующія волны, говорящія о смерти, когда такъ мучительно хочется жить.

Несмотря на сознаваемую всѣми близость гибели, работы по приготовленію къ спасенію шли своимъ чередомъ, и въ этой работѣ люди какъ будто на минуту забывали, что они дѣлаютъ напрасное и безполезное дѣло. Но старшій офицеръ покрикивалъ, наблюдая, какъ выносили казенный денежный ящикъ, какъ вязали плотъ, какъ готовили къ спуску шлюпки, и боцманъ, несмотря на ужасъ положенія, все-таки сыпалъ ругательствами и даже далъ какому-то матросику затрещину, И все это какъ будто вселяло надежды въ смятенныя человѣческія сердца

Такъ прошелъ еще часъ, безконечно-долгій часъ.

Буря, казалось, стала понемногу утихать, и капитанъ въ эти минуты сталъ надѣяться... Если клиперъ продержится еще нѣсколько часовъ, быть-можетъ...

— Какъ вода въ трюмѣ? Сходите узнать, Борисъ Константиновичъ.

Огнивцевъ сбѣжалъ внизъ, спустился въ трюмъ и, вернувшись, доложилъ:

— Скоро къ топкамъ подойдетъ!

Капитанъ только поморщился и все-таки крикнулъ веселымъ тономъ:

— Вѣтеръ стихаетъ, ребята. Не робѣй, молодцы!

И «молодцы» дѣйствительно какъ будто почувствовали приливъ надежды отъ этого веселаго окрика.

Огнивцевъ между тѣмъ думалъ какую-то думу и вдругъ, словно бы просвѣтленный, полный рѣшимости, подошелъ къ капитану и сказалъ:

— Сергѣй Михайловичъ! Разрѣшите мнѣ на баркасѣ съ охотниками попробовать добраться въ Амое... Тамъ можно найти пароходъ и привести сюда.

— Вы на вѣрную смерть хотите идти?..

— Все равно умирать... А можетъ-быть, и удастся... Вѣтеръ стихаетъ...

Капитанъ взглянулъ на Огнивцева, на его смѣлое красивое лицо, и мучительно-ревнивое чувство кольнуло его. Но теперь не все ли равно?

И, стараясь побороть это чувство, онъ сказалъ:

— Нѣтъ, Борисъ Константиновичъ! васъ я не пошлю.

— Отчего?

— Отчего?—переспросилъ капитанъ.

— Да... позвольте узнать, отчего вы меня не хотите послать?

— Оттого, что вы любите мою жену, и она васъ любитъ!— вдругъ почти на ухо проговорилъ Вершининъ.

— Это неправда. Клянусь вамъ Богомъ!

— Но переписка?..

— Я получилъ только одно письмо и отвѣчалъ, совѣтуя Марьѣ Николаевнѣ учиться, читать, серьезнѣе относиться къ жизни и больше цѣнить такого благороднаго, чуднаго человѣка, какъ вы... Вотъ что я писалъ!—взволнованно проговорилъ Огнивцевъ.

— Борисъ Константиновичъ... Простите... Вы честный человѣкъ. Поѣзжайте на баркасѣ... Спасите насъ, если не утонете!—проговорилъ капитанъ.

И съ этими словами крѣпко пожалъ руку Огнивцева.

Вызвали охотниковъ. Охотниковъ нашлось болѣе чѣмъ нужно. Спустили баркасъ, поставивъ на немъ зарифленные паруса; скоро баркасъ понесся и скрылся въ волнахъ.

Матросы перекрестились. Никто не сомнѣвался, что мичманъ и охотники-матросы погибли.

А буря дѣйствительно стихала, и клиперъ било о камни не такъ жестоко. И надежда на спасеніе понемногу оживляла всѣхъ.

Къ вечеру на горизонтѣ показался дымокъ. Скоро подошелъ военный французскій корветъ и остановился недалеко отъ «Чародѣйки» на вольной водѣ.

Громкое «ура» раздалось на клиперѣ, и когда Огнивцевъ на баркасѣ вернулся на клиперъ, капитанъ крѣпко пожалъ руку Огнивцеву и взволнованно и горячо проговорилъ:

— Вы спасли «Чародѣйку» и насъ... И кромѣ того...

Онъ на секунду остановился и, понижая голосъ, застѣнчиво прибавилъ:

— Вѣру въ Марусю.

Счастливый и радостный, что живъ, что сдѣлалъ то, что надо было сдѣлать, Огнивцевъ смѣло и открыто глядѣлъ теперь въ глаза капитана и думалъ:

«Какой онъ несчастный, что любитъ эту женщину!»

И вслѣдъ затѣмъ въ душѣ его шевельнулось что-то въ родѣ завистливаго чувства къ капитану, словно онъ былъ бы и самъ непрочь попробовать этого несчастія съ Марусей.

Черезъ день «Чародѣйка» съ помощью французскаго корвета была снята съ каменьевъ и на буксирѣ отведена въ Гонконгъ, въ докъ.

ОДНО МГНОВЕНЬЕ.

I.

Однажды чуднымъ тропическимъ вечеромъ, когда корветъ «Витязь» шелъ себѣ подъ всѣми парусами узловъ по восьми, направляясь въ Ріо-Жанейро, въ каютъ-компаніи за чаемъ зашелъ разговоръ о самоубійствѣ.

Поводомъ къ такой рѣдкой среди моряковъ бесѣдѣ послужилъ разсказъ одного лейтенанта о своемъ товарищѣ, который два года тому назадъ застрѣлился отъ несчастной любви къ одной замужней женщинѣ.

Разсказчикъ назвалъ эту женщину. Ее многіе знали въ Кронштадтѣ. Это была жена одного инженера, изящная блондинка съ рыжеватыми волосами, умная, милая и обворожительная, казавшаяся совсѣмъ молодой, несмотря на свои тридцать девять лѣтъ.

Большинство моряковъ не выразило ни малѣйшаго сочувствія самоубійцѣ. Почти всѣ находили, что стрѣляться изъ-за женщины глупо.

А пожилой старшій штурманскій офицеръ, отличный и неустрашимый морякъ, и въ то же время, какъ всѣ знали, настолько трусившій своей высокой, полнотѣлой жены, бойкой и сварливой, что даже самъ просился въ дальнее плаваніе, желая избавиться отъ домашнихъ сценъ, не безъ авторитетности произнесъ:

— Самое послѣднее дѣло пропадать изъ-за женскаго вѣдомства. Только шалые юнцы на это способны. Получилъ ассаже—инженерша дама строгая—и ба-бацъ! Думалъ, что эта самая инженерша только единственная на свѣтѣ... Втѣпоры не соображалъ, что есть и другія дамы. Въ затменіи былъ...

Всѣ принимавшіе участіе въ разговорѣ согласились со штурманомъ и вообще не одобряли самоубійства отъ какихъ бы то ни было причинъ. Многіе находили, что самовольное лише-

ніе жизни обличаетъ трусливую душу и, во всякомъ случаѣ, эгоиста, не думающаго о страданіи, которое онъ причиняетъ другимъ. Человѣкъ съ характеромъ и въ здравомъ умѣ никогда не пойдетъ на самоубійство.

— Это все равно, что бросить судно въ минуту опасности!— съ убѣжденнымъ спокойствіемъ проговорилъ старшій офицеръ, капитанъ-лейтенантъ лѣтъ подъ сорокъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ бѣлаго кителя, прежній черноморецъ, пробывшій всю севастопольскую осаду на четвертомъ бастіонѣ и раненый во время послѣдняго штурма.—Ни одинъ порядочный морякъ это не сдѣлаетъ за совѣсть, а не за страхъ отвѣтственности. Надо бороться до послѣдняго издыханія. Не правда ли?

Всѣ согласились, что правда.

Только одинъ изъ присутствующихъ въ каютъ-компаніи не отвѣтилъ на вопросъ старшаго офицера.

Онъ не принималъ участія въ разговорѣ и, словно бы нисколько не интересуясь имъ, молча отхлебывалъ чай, нервно выкуривая папироску за папироской.

Это былъ мичманъ Стояновъ, смугловатый брюнетъ лѣтъ двадцати пяти, съ курчавыми черными волосами и шелковистыми усами, небольшого роста, сухощавый, серьезный, съ тонкими чертами красиваго, мужественнаго и умнаго лица, въ выраженіи котораго сразу чувствовалась сила воли недюжиннаго характера. Въ задумчивомъ взглядѣ темныхъ глазъ, опушенныхъ длинными рѣсницами, было что-то смѣлое, открытое и нѣсколько надменное, словно во взглядѣ молодого орла.

Много читавшій, независимый въ своихъ сужденіяхъ, нерѣдко расходившійся во взглядахъ съ сослуживцами, Стояновъ держался особнякомъ, не подчеркивая, впрочемъ, этого, и ни съ кѣмъ особенно близко не сходился. И несмотря на это Стоянова всѣ уважали за его прямой рыцарскій характеръ, полный благородства и чуткой деликатности, за соотвѣтствіе его словъ съ дѣломъ, за умъ и добросовѣстное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ. Онъ считался всѣми лихимъ морскимъ офицеромъ и лучшимъ вахтеннымъ начальникомъ. Въ то же время онъ былъ ревизоромъ *), аккуратность и щепетильная честность котораго были внѣ всякихъ сомнѣній!

Матросы тоже уважали Стоянова, но едва ли понимали и любили этого страннаго, по тогдашнимъ временамъ, морского офицера.

Хотя никогда онъ никого не наказывалъ, не дрался и даже не ругался, былъ ровенъ, мягокъ и справедливъ, тѣмъ

*) Офицеръ, завѣдующій хозяйственной частью.

не менѣе матросы словно бы чувствовали въ немъ совсѣмъ чужого человѣка. Онъ никогда не разговаривалъ съ матросами, не шутилъ съ ними и, казалось даже, какъ будто брезгалъ ими. Онъ не искалъ популярности среди нихъ, какъ дѣлали многіе другіе, и точно конфузился, попадая въ матросскую толпу; и въ то же время былъ самымъ горячимъ предстателемъ за нихъ.

Никто и не зналъ, сколькихъ онъ избавлялъ отъ позорныхъ тѣлесныхъ наказаній, до которыхъ старшій офицеръ былъ большой охотникъ, убѣждая, упрашивая, умоляя суроваго моряка пожалѣть людей и не унижать ихъ человѣческаго достоинства. Вѣдь скоро тѣлесныя наказанія будутъ отмѣнены официально. Объ этомъ уже писали въ «Морскомъ Сборникѣ».

И старшій офицеръ, съ которымъ Стояновъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ говорилъ глазъ-на-глазъ въ его каютѣ, нерѣдко снисходилъ къ просьбамъ молодого мичмана, невольно поддаваясь обаянію его страстной рѣчи, замѣнялъ порку какимъ-нибудь другимъ наказаніемъ и—самъ въ сущности не злой человѣкъ—въ душѣ питалъ благодарное чувство къ Стоянову, останавливавшему его отъ жестокостей.

И старшаго офицера команда любила, а Стоянова нѣтъ.

Онъ это чувствовалъ, онъ видѣлъ, что и въ каютъ-компаніи онъ далеко не любимъ. Онъ понималъ, что стоитъ только нѣсколько приспособляться къ людямъ—и все измѣнится, но онъ чуждался такой фальши, не мѣнялъ своихъ отношеній и попрежнему былъ одинокъ.

Со дня выхода изъ Шербурга Стояновъ сталъ искать еще большаго одиночества и, казалось, чуждался всѣхъ. Въ немъ замѣтна была какая-то перемѣна. Несмотря на его спокойствіе на людяхъ, многіе замѣчали, что Стояновъ часто бывалъ мраченъ и видимо что-то угнетало его.

Приписывали это разлукѣ съ невѣстой. Многимъ было извѣстно, что Стояновъ любитъ и горячо любимъ этой прелестной дѣвушкой, пріѣзжавшей на корветъ въ день ухода его изъ Кронштадта.

— А вы что ни слова не скажете, Борисъ Сергѣичъ?— обратился къ Стоянову старшій офицеръ.

— Я слушалъ, Иванъ Николаичъ.

— Вы, по обыкновенію, не согласны съ общимъ мнѣніемъ?

— Не согласенъ, Иванъ Николаичъ.

— И оправдываете самоубійство?

— Вполнѣ.

— Изъ-за какой-нибудь несчастной любви? Вы, Борисъ Сергѣичъ?

— Изъ-за любви нѣтъ. Но бываютъ такіе случаи въ жизни,

послѣ которыхъ жить нельзя!— какъ-то рѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно проговорилъ Стояновъ.

— Напримѣръ?

— Послѣ какой-нибудь подлости... послѣ позора...

— А искупить его лучшей жизнью развѣ нельзя?.. Человѣкъ, сознающій весь ужасъ позора, уже наполовину исправившійся человѣкъ.

— Люби кататься, люби и саночки возить. Сдѣлалъ пакость, такъ имѣй характеръ и отдуться за нее!—вставилъ штурманъ.

— Все это легко говорить, а пережить позоръ, я думаю, невозможно! Лучше смерть!

— Ну и самому прописать себѣ отпускъ на тотъ свѣтъ тоже не особенно легко, Борисъ Сергѣичъ! Въ ошалѣломъ состояніи, изъ-за любви, какъ это ни глупо, а еще можно понять самоубійство, но чтобы покончить съ собой сознательно, обдумавши...

— Я только и понимаю такое самоубійство.

— А разставаться съ жизнью развѣ такъ легко, вы думаете? Нѣтъ, батенька, не легко. Я испыталъ это разъ, когда мы на «Змѣйкѣ» наскочили на камни и думали, что всѣмъ намъ тутъ крышка. Охъ, и какъ же жутко было!—замѣтилъ старшій офицеръ.

— Не спорю, что легко... Но...

Стояновъ запнулся, точно у него что-то застряло въ горлѣ, и черезъ секунду съ какимъ-то убѣждающимъ спокойствіемъ въ тонѣ продолжалъ:

— Но вѣдь это одно мгновеніе... Одно только мгновеніе!— повторилъ онъ.

И смолкъ, видимо не желая продолжать этотъ разговоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ наверхъ и сталъ у борта. Онъ смотрѣлъ то на чудное, усѣянное звѣздами небо, то на тихо рокочущій сонный океанъ, волны котораго ласково лизали бока корвета, отсвѣчивая фосфорическимъ блескомъ.

Онъ долго стоялъ наверху, и слезы лились изъ его глазъ.

— Всего одно мгновенье!—чуть слышно произнесъ онъ и спустился внизъ, въ свою маленькую опрятную каютку, гдѣ надъ койкой висѣла большая фотографія прелестной дѣвушки.

Онъ сѣлъ къ письменному столику, подписалъ какія-то двѣ вѣдомости, предварительно провѣривъ ихъ, написалъ своимъ мелкимъ четкимъ почеркомъ рапортъ командиру и сталъ писать письмо невѣстѣ.

Когда, въ исходѣ четвертаго часа, разсыльный пришелъ въ каюту будить мичмана на вахту, Стояновъ уже окончилъ письмо и вложилъ его въ конвертъ. Затѣмъ онъ сложилъ аккуратно рапортъ, заперъ шифоньерку на ключъ и съ послѣд-

нимъ ударомъ колокола, отбивавшаго восемь склянокъ, выбѣжалъ наверхъ и принялъ вахту.

II.

Стояновъ мѣрно шагалъ по мостику, жадно вдыхая свѣжій воздухъ моря. Онъ поглядывалъ на паруса, подходилъ къ компасу взглянуть, по румбу ли правятъ рулевые, спускался на палубу провѣрить часовыхъ на бакѣ и снова ходилъ своей обычной легкой и граціозной походкой.

Когда солнце, медленно освобождаясь отъ своихъ пурпурно-золотистыхъ ризъ, поднялось надъ горизонтомъ, Стояновъ жадно устремилъ глаза на горизонтъ, любуясь прелестью восхода. Лицо его было мертвенно-блѣдно и рѣшительно-спокойно. Только въ его прекрасныхъ глазахъ стояло выраженіе мучительной тоски.

Онъ еще разъ обвелъ этимъ тоскливымъ жаднымъ взглядомъ и чудное бирюзовое небо, и далеко раскинувшійся океанъ, сверкавшій подъ лучами ослѣпительнаго солнца, и палубу корвета со спавшими на ней матросами, и все это казалось ему чѣмъ-то особеннымъ, новымъ, имѣющимъ невыразимую прелесть. И жажда жизни охватила все его молодое существо, и слезы брызнули изъ глазъ.

— Пора!—прошепталъ онъ.

И съ усиліемъ, словно бы еще борясь съ самимъ собой, наконецъ произнесъ:

— Сигнальщикъ!

Подремывавшій матросикъ явился къ нему.

— Поди... разбуди мичмана Варламова... Скажи, что я боленъ... прошу смѣнить меня.

Онъ говорилъ прерывисто, словно бы не находилъ словъ.

И когда сигнальщикъ пошелъ исполнять приказаніе, ему хотѣлось вернуть его и въ то же время онъ обрадовался, что сигнальщикъ уже исчезъ.

Черезъ пять минутъ явился заспанный, недовольный Варламовъ.

— Извините, Андрей Андреичъ... Я боленъ... Примите отъ меня вахту... Я долженъ уйти...

Варламовъ взглянулъ на Стоянова и былъ пораженъ какимъ-то страшнымъ спокойствіемъ его осунувшагося мертвеннаго лица.

— Идите, идите, Борисъ Сергѣичъ... Что съ вами?

— Скоро узнаете... Прощайте, Андрей Андреичъ.

Онъ крѣпко стиснулъ руку мичмана, какъ-то жалобно заглянулъ ему въ глаза и произнесъ:

— Еще разъ простите, что обезпокоилъ.

— Помилуйте... какія извиненія!.. Идите скорѣй... Вы совсѣмъ больны, Борисъ Сергѣичъ.

— Иду... иду... Вѣдь одно мгновенье...

И съ этими словами онъ занесъ за перила мостика ноги и бросился въ океанъ.

Мичманъ ахнулъ. Ахнули и матросы, видѣвшіе паденіе. Кто-то успѣлъ бросить спасательный кругъ.

— Фокъ и гротъ на гитовы! Марса-фалы отдать!—командовалъ отчаяннымъ голосомъ мичманъ.

Черезъ минуту капитанъ и старшій офицеръ были наверху.

— Что случилось?

— Стояновъ бросился за бортъ!

И капитанъ и старшій офицеръ были поражены.

Минутъ черезъ пять корветъ лежалъ на дрейфѣ, и баркасъ отправился на поиски.

Всѣ офицеры и матросы выскочили на палубу. Всѣ со страхомъ ждали возвращенія баркаса, предчувствуя, что онъ вернется безъ Стоянова.

И черезъ часъ баркасъ вернулся; бывшій на немъ офицеръ разсказалъ, что видѣлъ, какъ Стояновъ утонулъ, хотя спасательный кругъ и былъ вблизи. Но мичманъ не хотѣлъ его взять.

Корветъ снова пошелъ далѣе, и всѣ разошлись угрюмые.

Старшій офицеръ утиралъ слезы.

III.

Черезъ четверть часа капитанъ, взволнованный, со слезами на глазахъ, пришелъ въ каютъ-компанію и проговорилъ:

— Вотъ рапортъ Бориса Сергѣевича... Прочтите, господа... А я снова читать не могу...

Съ этими словами онъ торопливо ушелъ.

И старшій офицеръ прочелъ рапортъ слѣдующаго содержанія:

«Честь имѣю донести вашему высокоблагородію, что я совершилъ поступокъ, недостойный честнаго человѣка. Въ Шербургѣ я проигралъ пятьсотъ рублей казенныхъ денегъ. Хотя я пополнилъ часть ихъ причитающимся мнѣ за мѣсяцъ жалованьемъ и столовыми, а остальная часть будетъ пополнена товарищемъ, которому я написалъ изъ Шербурга, тѣмъ не менѣе послѣ такого позора я жить не могу. Могли не узнать о моей растратѣ товарищи, но я-то ее зналъ и слѣдовательно не считалъ себя въ правѣ воровски пользоваться общимъ уваженіемъ и оставаться жить на свѣтѣ.

«Донося объ этомъ вашему высокоблагородію, прошу переслать прилагаемое письмо по адресу».

Старшій офицеръ потрясенный ушелъ къ себѣ въ каюту. У всѣхъ на глазахъ стояли слезы.

У Т Р О.

Посвящается Александру Алексѣевичу Борисяку.

I.

Три дня океанъ бѣсновался.

Онъ ревѣлъ и вздымалъ свои громады, которыя бѣшено набрасывались на маленькій клиперъ «Красавецъ» и словно хотѣли его поглотить.

Но «Красавецъ» подъ штормовыми парусами и спущенными брамъ-стеньгами ловко ускользалъ между волнами. Онъ взлеталъ вмѣстѣ съ волной, за нею же падалъ и снова взлеталъ на новый валъ, заливаемый сѣдыми гребнями.

Въ эти тяжелые дни свирѣпаго шторма не видно было ни солнца ни неба подъ быстро несущимися клочковатыми черными облаками.

Мрачно кругомъ. Жутко было морякамъ на «Красавцѣ». Не разъ въ этотъ штормъ приходилось ждать смерти.

Наконецъ буря стала затихать и стихла.

И въ это прелестное раннее утро океанъ заштилѣлъ.

Онъ былъ такъ очаровательнъ и ласковъ, свѣтло-синій, въ своей гладкой мертвой зыби, такъ тихо, нѣжно и точно жалобно рокоталъ большими, но обезсиленными и лѣнивыми волнами, такъ ласково лизалъ бока клипера, что, казалось, океанъ одумался и раскаивается передъ моряками за то, что такъ напугалъ ихъ смертью.

А на высокомъ бирюзовомъ небѣ ни облачка. Бездонное и таинственное, оно вѣетъ лаской и своей непонятной загадочностью невольно манитъ къ себѣ вдумчиво-вопрошающіе взгляды.

А солнце, только-что поднявшееся изъ-за горизонта, еще

алѣющаго зарево̀мъ, такое ослѣпительное, веселое и жгучее, заливающее блескомъ все вокругъ, что, казалось, говоритъ соскучившимся по немъ морякамъ: — Вотъ оно и я. Радуйтесь!

II.

Но это роскошное утро не радовало матросовъ «Красавца», который, раскачиваясь на зыби, шелъ подъ парами, попыхивая дымкомъ изъ своей бѣлой трубы, узловъ по восьми.

На палубѣ, гдѣ шла обычная утренняя «убирка» и чистка, пронеслась вѣсть, что пропала «Діанка».

И эта вѣсть смутила матросовъ и вызвала оживленные толки и предположенія.

Встревоженный и испуганный, подходилъ къ матросамъ приземистый и коренастый пожилой боцманъ Ивановъ и задабривающимъ голосомъ говорилъ:

— Братцы! Повинись, кто утопилъ капитанскую суку. Не сама же она бросилась въ море. Діанка была башковатая шельма... Повинись и шабашъ! Отдерутъ, вотъ и всего... А не объявится убивецъ Діанки, командиръ всѣхъ насъ вгонитъ въ тоску... Небось, знаете, какъ онъ былъ привержонъ къ собакѣ... Команду обезсудитъ... Вздумаетъ, что противъ его взбунтовались и присогласились извести Діанку...

Матросы встревоженно соглашались, что дѣло—«табакъ», и что боцманъ по совѣсти говоритъ насчетъ тоски для команды. Только маленько «облещиваетъ», будто «отдерутъ и всего». Изъ-за Діанки не меньше какъ шкуру снимутъ, какъ съ сидоровой козы.

Но никто не винился. Никто не видѣлъ, кто выбросилъ Діанку. Еще ночью, подъ утро, рулевые только видѣли, какъ она выбѣжала изъ каюты...

— Не доводи, виноватый, капитана до обезумія... Объявись!— горячо убѣждалъ боцманъ.

Ни среди матросовъ, ни среди кочегаровъ, ни среди вѣстовыхъ не объявился убійца капитанской собаки.

Тогда боцманъ нахмурилъ черныя густыя брови, задвигалъ выдающіяся скулы своего приплюснутаго лица, выпучилъ круглые, какъ у совы, большіе глаза и, внезапно багровѣя и подрагивая ногой,—заговорилъ по-настоящему:

— Такъ слушай, безстыжій собачій сынъ... Слушай, подлюга-раздрайка...

И боцманъ сталъ сыпать самыя невѣроятныя ругательства, на которыя была только способна художественная выдумка вспыливиаго и негодующаго боцмана. Онъ грозилъ, что под-

леца, изъ-за котораго капитанъ на всѣхъ «обидится», безпремѣнно разыщутъ, и ужъ тогда...

— Тогда, — воскликнулъ боцманъ, придумывавшій самыя жестокія наказанія:—тогда будетъ ему прописана плепорція въ триста линьковъ... Отшлифуютъ до безчувствія... Вгонятъ въ «чихотку»... И никакой форменный матросъ не пожалѣетъ «паршивую» Іуду, чтобы ей подавиться Діанкой!..

Боцманъ выдержалъ паузу и прибавилъ:

— Такъ лучше сей же секундъ повинись!

И краснорѣчивыя предсказанія боцмана и совѣты трехъ старыхъ «правильныхъ» матросовъ: вспомнить совѣсть и не поступать противъ товарищей, не поощряли виновнаго сознаться.

Тогда негодующій боцманъ рѣшилъ произвести свое предварительное и скорое дознаніе.

По общему мнѣнію команды, онъ «дрался съ разсудкомъ и съ опаской», и сильная его рука была «легкая». И дѣйствительно, боцманъ не очень серьезно ткнулъ въ лицо нѣсколькихъ лѣнивыхъ матросовъ, имѣвшихъ нѣкоторое основаніе питать недобрыя чувства къ Діанкѣ, и затѣмъ допросилъ слегка подозрѣваемыхъ.

Не получивъ признанія, боцманъ пошелъ допрашивать не навистнаго ему продувного лодыря—Елисейку Зябликова.

Этотъ пригожій молодой матросъ изъ кантонистовъ лѣниво оттиралъ суконкой мѣдный кнехтъ у борта на ютѣ и, казалось, не обращая вниманія на общую подавленность, беззаботно напѣвалъ себѣ подъ носъ какую-то разухабистую пѣсню.

Сильное и, казалось, основательное подозрѣніе, которое внушалъ Зябликовъ, въ боцманѣ еще болѣе усилилось при видѣ этой беззаботности лодыря.

И боцманъ не сомнѣвался въ виновности Зябликова.

Еще бы!

Недаромъ Зябликовъ не разъ при всѣхъ грозился, что придушитъ Діанку, и боцманъ не разъ видѣлъ, съ какой жестокостью Зябликовъ, при удобномъ случаѣ, билъ капитанскую собаку.

Въ свою очередь, и злопамятная Діанка ненавидѣла матроса.

Зябликовъ считался не только послѣднимъ матросомъ на клиперѣ, лодыремъ и трусомъ въ морѣ, но и ненадежнымъ лживымъ человѣкомъ, хвастуномъ, дерзкимъ на языкъ, съ которымъ лучше не связываться.

И матросы сторонились его и слегка побаивались.

Крупный и волосатый, съ вздувшимися жилами, просмоленный кулакъ боцмана особенно сильно легъ на красивое и нѣсколько наглое лицо Зябликова.

Онъ довольно хладнокровно выдержалъ ударъ и, отступивши отъ боцмана, не безъ наглой и злорадной усмѣшки, искривившей его крупныя губы, спросилъ:

— Ты это за что?

— Небось, знаешь за что, подлецъ.

— Зря дерешься. Не я подарилъ Діанку акулъ-рыбамъ.

— Не ты? Кому-жъ другому подлецу?

— То-то не я. А по правдѣ скажу: очень даже радъ, что нашелся другой матросъ. Давно бы Діанку въ воду... Недаромъ сучьяго вѣдомства... Подлѣй и обманнѣй была самой подлой бабы... Въ родѣ быдто за боцмана бѣгала, подлая, въ палубу и тишкомъ цапала за ноги.

— За то Діанка и цапала тебя, что ты подлый матросъ. Понимала тебя. Ты извелъ животную. Побереги лучше шкуру. Не барабанная. Винись, кантонищина.

— Считаешь себя умнымъ, а зря грозишься. Давно утопилъ бы Діанку, если-бъ польстился на такое дѣло.

— И льстился. Обѣщалъ придушить собаку.

— Мало ли что скажешь отъ игры ума.

— Врешь! Ты утопилъ Діанку. Не губи людей. Признавайся. Не признаешься, такъ все равно по совѣсти тебя отлепортую. Всѣмъ извѣстно, какой ты арестантъ.

— А ты еще быдто праведный судья! Такъ докажи, что я утопилъ Діанку. Докажи, правильный боцманъ!

Боцманъ пришелъ въ ярость.

Чувствуя неодолимую потребность возмущеннаго чувства сію же минуту истерзать это красивое и словно издѣвавшееся лицо, онъ бросился къ Зябликову съ поднятымъ кулакомъ.

Но тотъ отскочилъ.

Въ ту же минуту боцманъ и матросъ увидѣли старшаго офицера, поднимавшагося на мостикъ.

Тогда Зябликовъ умышленно громко проговорилъ притворнымъ обиженнымъ тономъ:

— За что безвинно дерешься, боцманъ! Не очень-то дозволено звѣрствовать. Старшій офицеръ не похвалитъ!

— Ты... ты утопилъ Діанку. Ты, подлая тварь! — сдавленнымъ увѣреннымъ голосомъ прохрипѣлъ боцманъ.

И, погрозивъ кулакомъ, бросилъ на матроса взглядъ, полный злобы и презрѣнія, и пошелъ вприпрыжку на бакъ.

Зябликовъ снова сталъ оттирать кнехтъ, но ужъ больше не

напѣвалъ и взглядывалъ на небо и на океанъ встревоженными глазами.

Беззаботность съ его лица вдругъ исчезла.

III.

Послѣ трехъ почти безсонныхъ сутокъ и послѣ страшнаго душевнаго напряженія, пережитаго трусливымъ человѣкомъ, который долженъ былъ скрывать отъ людей и опасность клипера и—главное—свой страхъ передъ смертью, минутами, казалось, неминуемой, — старшій офицеръ сегодня проспалъ. Онъ не поднялся, какъ обыкновенно съ командой и не раздражался, упрекая себя.

Радостный, что онъ держалъ себя молодцомъ въ штормъ и капитанъ, кажется, доволенъ имъ, что опасность прошла и «Красавецъ» такъ хорошо выдержалъ страшный штормъ, — старшій офицеръ чувствовалъ себя счастливѣе и жизнерадостнѣе и, казалось, ощутилъ всѣмъ своимъ существомъ всю прелесть роскошнаго утра, которой прежде не замѣчалъ.

Весь въ бѣломъ, невысокаго роста, съ длинными расчесанными рыжеватыми бакенбардами, обрамляющими широкое и скуластое загорѣлое лицо, нѣсколько осунутое послѣ шторма, съ маленькими глазами и мясистыми щеками, старшій офицеръ стоялъ на краю мостика, вдыхая полной грудью чудный морской воздухъ, вѣющій свѣжестью океана. Онъ взглядывалъ и на небо и на океанъ и, видимо довольный собой и природой, обратился къ вахтенному офицеру:

— А вѣдь чудное утро, Викторъ Андреичъ.

— Прелесть, Павелъ Никитичъ!—восторженно воскликнулъ совсѣмъ юный мичманъ.

— И океанъ какой... А вѣдь какую штормягу задалъ... я вамъ скажу!

О штормѣ, который наводилъ на старшаго офицера трепетъ и заставлялъ уходить въ каюту и тамъ рыдать и молиться, чтобъ снова скрывать на людяхъ малодушный страхъ,—старшій офицеръ сказалъ нѣсколько небрежнымъ тономъ и, самодовольно улыбнувшись, прибавилъ:

— Небось, Викторъ Андреичъ, сердце ёкало?

— Совсѣмъ перетрусилъ... До стыда трусилъ, Павелъ Никитичъ! — отвѣтилъ мичманъ и, считая себя безконечно виноватымъ за то, что онъ такой трусъ, смутился и покраснѣлъ.

— Ничего... Попривыкнете, Викторъ Андреичъ,—покровительственно сказалъ старшій офицеръ.—И я въ первый свой штормъ, который испыталъ, когда былъ мичманомъ, вспоми-

налъ Бога. Однако посмотрѣть «убирку»... И то проспалъ сегодня!—прибавилъ Павелъ Никитичъ.

И, словно бы считая неудобнымъ быть при матросахъ необыкновенно радостнымъ и счастливымъ, онъ спустился съ мостика съ серьезнымъ и озабоченнымъ лицомъ доки старшаго офицера и пошелъ на свой обычный утренній осмотръ клипера.

Когда Павелъ Никитичъ спустился, сопровождаемый боцманомъ, въ палубу, боцманъ нашелъ, что время было доложить старшему офицеру о бѣдѣ—и не при матросахъ, а безъ свидѣтелей, когда старшій офицеръ, по мнѣнію Иваныча, кое-что понимающаго въ психологіи, легче «входитъ въ понятіе».

IV.

— Осмѣлюсь доложить, ваше благородіе!..—угрюмо началъ боцманъ.

— Осмѣливайся... докладывай, Ивановъ! — съ шутливымъ благоволеніемъ сказалъ старшій офицеръ.

— Команда—въ родѣ потерянной изъ-за эстой бѣды, что стряслась, ваше благородіе!—еще подавленнѣе и угрюмѣе докладывалъ боцманъ на ходу.

— Что такое? Какая бѣда, скотина? — тревожно спросилъ старшій офицеръ, внезапно остановившись и повернувшись къ боцману.

И маленькіе, только-что веселые глаза сердито забѣгали и зло смотрѣли на боцмана, вдругъ испортившаго превосходное настроеніе Павла Никитича.

— Діанка пропала, ваше благородіе!—промолвилъ боцманъ съ такимъ мрачнымъ видомъ, точно сообщалъ о необыкновенномъ несчастіи.

— Капитанская собака? Діанка? Куда ей пропасть?—испуганно протянулъ старшій офицеръ, еще не повѣрившій, казалось, этому неожиданному и крайне непріятному извѣстію.

Онъ зналъ, какъ любилъ командиръ «Красавца», капитанъ 2 ранга Бездолинъ, Діанку — и какое произведетъ на него впечатлѣніе пропажа его единственнаго и вѣрнаго друга, какъ называлъ Діанку молчаливый и хмурый капитанъ.

— Весь клиперъ обшарили съ капитанскимъ вѣстовымъ Мартышкой, ваше благородіе! Нигдѣ нѣтъ. Мартышка вовсе взревѣлъ отъ страха... Бѣда!

— Такъ гдѣ же Діанка? — растерянно спросилъ Павелъ Никитичъ.

Боцманъ не безъ снисходительности къ безсмысленному вопросу старшаго офицера отвѣтилъ:

— Надо полагать, что за бортомъ, ваше благородіе!..

— Конечно, за бортомъ, оселъ!.. Значитъ, матросы? Этакая возмутительная подлость!.. Ты, боцманъ, какъ допустилъ? Какъ опозорилъ своего старшаго офицера? Понимаешь ли, что матросы сдѣлали?—рѣзко и отчеканивая слова, говорилъ Павелъ Никитичъ, слегка блѣднѣя.

«Пустой человѣкъ. Одинъ форцъ, и нѣтъ настоящаго понятія. Только одного себя обожаетъ и о себѣ понимаетъ!»—подумалъ боцманъ.

И, взволнованный огульнымъ обвиненіемъ команды, онъ горячо проговорилъ:

— Команда непричинна, ваше благородіе!

— Врешь!.. Потатчикъ!

— Дозвольте обсказать, ваше благородіе!

— Ну?

— Врать не стану, ваше благородіе, что команда не очень уважала капитанскую собаку за ейный подлый характеръ. Животная, а понимала себя въ родѣ бытто начальницы и кусалась. Докладывалъ вашему благородію, что многіе обижались на собаку... Однако какъ передъ Богомъ говорю... Въ мысляхъ даже не было, чтобы сообща взбунтоваться противъ Діанки и утопить... Все-таки безсловесная животная, а въ родѣ какъ душегубство. Это развѣ самый послѣдній матросъ выдумаетъ и, не спросясь, утопитъ животную... Защитите команду, ваше благородіе... Явите милость! Обскажите капитану, что команда непричинна.

Горячее предстательство боцмана, казалось, убѣдило старшаго офицера, что матросы не осмѣлились такъ нагло нарушить дисциплину.

И, нѣсколько успокоенный, что хмурый капитанъ не спишетъ съ клипера своего старшаго офицера за распущенность матросовъ, вызвавшую бунтъ,—Павелъ Никитичъ уже менѣе гнѣвно посмотрѣлъ на боцмана и спросилъ:

— Кто этотъ подлецъ?

Боцманъ, только-что въ пылу гнѣва обѣщавшій Зябликову указать на него, какъ на виновника, былъ убѣжденъ, что назови онъ Зябликова—и онъ и команда будутъ спасены.

Но, послѣ мгновенной душевной борьбы, онъ торопливо и рѣшительно отвѣтилъ:

— Не могу знать, ваше благородіе!

И на душѣ боцмана вдругъ стало спокойнѣе и яснѣе. Онъ точно нашелъ разрѣшеніе душевной смуты противъ правды.

— Долженъ знать!.. Убѣждалъ, чтобы виновный признался?

— Сказывалъ, ваше благородіе.

— Говорилъ, что за одного негодяя всѣ отвѣтятъ?

— Говорилъ, ваше благородіе.

— И молчитъ?

— Молчитъ.

— Кого подозрѣваешь?

— Можно и ошибиться, ваше благородіе.

— Однако?..

— Грѣха на душу не приму, ваше благородіе...

— Какой тутъ грѣхъ!.. Навѣрно, Зябликовъ?

— Пыталъ. Не оказываетъ, чтобы онъ, ваше благородіе.

Старшій офицеръ на минуту задумался.

И наконецъ, поднявъ на лицо боцмана упорный и злой взглядъ, приказалъ:

— Чтобы къ шести склянкамъ, какъ капитанъ проснется, мнѣ было извѣстно, кто этотъ подлецъ. Понялъ?

— Понялъ!—съ суровымъ спокойствіемъ отвѣтилъ боцманъ.

— Чтобъ разыскать мерзавца. Если не сознается, скажи, кого подозрѣваешь, чтобы я могъ доложить капитану... А не то...

И, оборвавъ рѣчь, старшій офицеръ пошелъ дальше.

V.

— Приказалъ!?—съ выраженіемъ презрительной злости прошепталъ боцманъ.

И, прибавивъ нѣсколько особенно унизительныхъ ругательствъ въ женскомъ родѣ, выскочилъ изъ кубрика на палубу.

Онъ счелъ долгомъ позвать унтеръ-офицеровъ и нѣсколькихъ старыхъ матросовъ, чтобъ услышать ихъ мнѣнія насчетъ того, что рѣшилъ. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ собрались на тайное совѣщаніе въ подшкиперской каютѣ.

И тогда боцманъ взволнованно и горячо сказалъ:

— Ну, братцы! Вовсе дырявая душа у старшаго офицера. Въ родѣ какъ обгаженный заяцъ. Всю команду продастъ, чтобъ только ему не попало. Выдай ему къ шести склянкамъ того, на кого подозрѣніе, чтобъ старшій офицеръ доложилъ капитану... Такъ пусть самъ разыскиваетъ, а я, братцы, не согласенъ «лепортовать» на Зябликова! Пусть и онъ, подлюга, утопилъ Діанку, а я не согласенъ. А тамъ какая ни выйдетъ и мнѣ и всѣмъ «люзерюція», хоть бы съ меня спустили шкуру и разжаловали изъ боцмановъ. Такъ ли, братцы?

Старый кривоглазый матросъ Бычковъ первый проговорилъ:

— Это ты правильно, Иванычъ! Начхать на старшаго офицера, ежели онъ такъ подло о насъ полагаетъ!.. Не до смерти же будутъ шлиховать за суку. Небось, примемъ «плепорцію...» Примемъ! Шкура нарастетъ.

Бычковъ говорилъ спокойно и увѣренно, точно подбадривалъ и всѣхъ и себя.

Его всѣ поддержали. Раздались голоса:

— Некуда двинуться...

— Мы не кляузники!

— Небось, Бога помнимъ!

— Обидно изъ-за такого подлеца Зябликова отвѣчать, а ничего не подѣлаешь!

Только два унтеръ-офицера молчали.

По ихъ лицамъ было видно, что они недовольны рѣшеніемъ боцмана.

Но этика прежнихъ матросовъ не допускала кляузъ по начальству, и оба унтеръ-офицера не имѣли смѣлости сказать, что изъ-за Зябликова не стоитъ терпѣть, и можно бы указать на него.

Рыжій веснущатый унтеръ-офицеръ наконецъ предложилъ сейчасъ же форменно своротить рожу Зябликова и пристращать, что на берегу его изобьютъ до полусмерти.

— Тогда повинится!—прибавилъ рыжій.

Боцманъ нахмурился и сердито спросилъ рыжаго:

— Это ты куда гнешь? По какой-такой совѣсти?

Рыжій заморгалъ глазами и, точно не понимая вопроса, отвѣтилъ:

— Я, слава Богу, по совѣсти, Иванычъ.

— Такъ не верти лисьимъ хвостомъ... Ежели избить сейчасъ Зябликова, такъ сразу обозначится, на кого мы указываемъ. Почище кляузы придумалъ. А еще «по совѣсти»!

— Невдомекъ, значитъ, Иванычъ. Не сообразилъ, значитъ!—увильнулъ унтеръ-офицеръ.

— То-то непонятливый! — насмѣшливо проговорилъ боцманъ.—На берегу Зябликова проучимъ, а пока что, какъ Богъ дастъ, какая будетъ отчаянная раздѣлка отъ капитана! Онъ придумаетъ!—прибавилъ угрюмо боцманъ.

Всѣ подавленно молчали. Никто не сомнѣвался, что капитанъ «вгонитъ въ тоску» за Діанку.

Хотя капитанъ очень рѣдко наказывалъ линьками и никогда не дрался, а между тѣмъ внушалъ какой-то почти суевѣрный страхъ именно рѣдкостью, но зато и безпощадностью наказаній.

И главное—онъ словно гипнотизировалъ матросовъ своею загадочной молчаливостью и суровой нелюдимостью. Всегда наверху во время штормовъ и непогодъ, чистый «дьяволъ», какъ говорили матросы, спокойный, никогда не испытавшій ни малѣйшаго страха, онъ въ другое время рѣдко выходилъ

наверхъ изъ каюты и никому, ни офицерамъ ни матросамъ, не сказалъ за годъ ни одного привѣтливаго слова. Только одной Діанкѣ и показывалъ расположеніе. Мартышку, какъ всѣ звали на клиперѣ капитанскаго вѣстового, ни разу не ударилъ. А «Мартышка» боялся капитана несравненно больше, чѣмъ прежняго своего драчуна-капитана.

Мартышка испуганно на бакѣ разсказывалъ:

— И лба не перекреститъ. И ничего не боится. И глаза страшные, такіе пронзительные и горятъ. И все читаетъ книжки. И ни разу къ обѣду офицеровъ, по положенію капитанскому, не звалъ. И въ каютъ-компанію его никогда не звали. Однимъ словомъ, вовсе будто съ дьяволомъ знается!— таинственно прибавлялъ Мартышка.

— Однако валимъ, братцы, и къ мѣстамъ!— проговорилъ боцманъ, закрывая засѣданіе.

— А я, Иванычъ, сейчасъ попытаю Елисейку...— неожиданно сказалъ кривоглазый матросъ.

— Какъ?

— А добромъ, Иванычъ.

— Простъ ты, Бычковъ!.. Съ Елисейкой ни крестомъ ни пестомъ... Оглашенный!

— Не говори, Иванычъ. Зналъ такую загвоздку. Былъ на «Орлѣ» со мной такой же оглашенный. Ругали да били его до точки, и вдругъ... добромъ. Онъ и поворотъ на другой «галцъ»!

— Что-жъ, попытайся, Бычковъ... Только зря...

Всѣ поднялись наверхъ.

Боцманъ сталъ обходить палубу и, приглядывая за «убиркой», покрикивалъ:

— Поторапливай, черти! Не копайсь, братцы, такіе-сякіе.

И, когда замѣчалъ очень подавленныя лица молодыхъ матросовъ, тихо прибавлялъ:

— До срока не входи въ тоску... Духомъ не падай, матросики!.. Чище валяй... Не жалѣй суконокъ...

И въ грубоватомъ голосѣ боцмана звучала подбодряющая, почти ласковая нотка.

Тѣмъ временемъ Бычковъ «пыталъ» Зябликова «добромъ».

— И команда не вѣритъ?.. А ты, Бычковъ, хоть и по-хорошему пытаешь,—спасибо и за то,—а зря пытаешь! Не топилъ я Діанки... Знаешь ты, кто ее потопилъ?

— А кто?

— По моему понятію, самъ капитанъ и потопилъ.

— Это какъ же понять, Зябликовъ?

— Обмозгуй и поймешь! Не мирволь онъ подлой сукѣ...

при немъ бы и осталась. Не было бы и смуты... Капитанъ, значитъ, совсѣмъ виноватый, что рѣшился своей собаки... И выходитъ, быдто самъ потопилъ... Смотри за подлой, чтобы не куеала людей... И что̀ еще объясню, Бычковъ?..

— Что̀?

— Загадливый у насъ капитанъ... Страшный!.. А можетъ, не такой онъ окажется страшный. И дойдетъ, что самъ виноватъ. Тоже и понять надо всякаго человѣка... Вы не понимаете и думаете: большая будетъ отместка, а я понимаю его и за Діанку не боюсь, хоть и помню, какъ меня приказалъ раздѣлать!—хвастливо проговорилъ Зябликовъ.

Бычковъ сообщилъ боцману о неудачѣ своей попытки и о словахъ Зябликова и прибавилъ:

— А вѣдь Елисейка правду выдумалъ.

— То-то подлецъ съ понятіемъ... Не держи капитанъ такой собаки!—сердито сказалъ боцманъ.—А Елисейка вретъ... Это онъ потопилъ Діанку!..—прибавилъ боцманъ.

— А Богъ его знаетъ, Иванычъ. Онъ ли? И хвастаетъ, что не боится капитана за Діанку. Не такой, молъ, страшный.

— А ты вѣрь! И простъ же ты, Бычковъ. Вовсе ты простъ!

Пробило шесть склянокъ.

— Пойти къ дырявой душѣ!

И боцманъ пошелъ на мостикъ.

— Разыскалъ?—спросилъ старшій офицеръ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

— Такъ укажи, кого подозрѣваешь!

— Ни на кого не имѣю, ваше благородіе.

— Такъ ты Зябликова покрываешь? Вотъ ты какой боцманъ. Я тебѣ покажу!— говорилъ взбѣшенный старшій офицеръ.

И онъ наскочилъ на боцмана и подносилъ къ его темно-красному широкому носу свой маленькій бѣлый кулакъ.

Боцманъ не спускалъ своихъ вытаращенныхъ глазъ со старшаго офицера.

Тогда онъ ударилъ боцмана по лицу и, словно бы вдругъ облегченный, крикнулъ:

— Ступай!..

И, обратившись къ вахтенному офицеру, сказалъ:

— Конечно, это тварь Зябликовъ! Я такъ и доложу капитану.

Въ ту же минуту изъ капитанской каюты выскочилъ Мартышка и подбѣжалъ къ боцману.

— Встаетъ!—сказалъ вѣстовой.

— Хватился Діанки?

— Нѣтъ... Сей секундъ хватится. И что̀ только будетъ!

И Мартышка во всѣ лопатки полетѣлъ на камбузъ—сказать коку, чтобы варилъ кофе.

О томъ, что капитанъ всталъ, стало извѣстно на палубѣ.

Подавленные и испуганные люди притихли. На палубѣ воцарилась мертвая тишина.

Никто и не взглянулъ на стаи бѣлоснѣжныхъ альбатросовъ, рѣющихъ въ прозрачномъ воздухѣ.

VI.

Діанка, изъ-за исчезновенія которой сто тридцать человѣкъ переживали жуткій страхъ, дѣйствительно заслужила при жизни ненависть команды «Красавца».

Это была необыкновенно умная и лукавая молодая дворняжка, небольшая, гладкая, темно-каштановаго цвѣта, съ пушистымъ хвостомъ «кренделькомъ» и торчащими ушами, въ которой, казалось, были всѣ подлыя черты, возможныя только въ лживой собакѣ, попавшей случайно въ привилегированное высокое положеніе.

Въ присутствіи капитана Діанка казалась самой порядочной и доброй собакой и, стараясь выказывать капитану горячую преданность, она заглядывала ему въ глаза, лизала его руки и была особенно нѣжна и льстива, когда ей хотѣлось получить вкусную кость на тарелкѣ. Нечего и говорить, что Діанка была послушна и предупредительна, угадывала желанія капитана, не осмѣливалась при немъ выражать своего неудовольствія и старалась какой-нибудь забавной штукой обратить на себя вниманіе капитана и заставить его улыбнуться...

Съ офицерами Діанка была привѣтлива и даже льстива, когда приходила на мостикъ полежать на припекѣ, безъ капитана, и знала, что вахтенный офицеръ не особенно доброжелателенъ къ ней. Но стоило показаться капитану, чтобъ Діанка стала держать себя независимо и подчасъ вызывающе. И тогда смѣлѣй попадалась подъ ноги офицеру и даже ворчала, если ее отгоняли.

Съ матросами Діанка положительно была заносчива и требовательна на почтеніе отъ нихъ, особенно когда была въ близкомъ сосѣдствѣ съ капитаномъ или съ офицеромъ. Но если ей случалось оставаться безъ защиты, она принимала обиженный и предупредительный видъ и улепетывала въ капитанскую каюту или на мостикъ, лишь только замѣчала серьезныя намѣренія какого-нибудь матроса незамѣтно ткнуть или ударить ее.

Она просто-таки не терпѣла матросовъ.

При всякомъ удобномъ случаѣ Діанка выказывала недобрыя

чувства и даже презрѣніе къ нимъ и старалась куснуть матроса помоложе, точно понимая, что такой побоится серьезно огрѣть капитанскую собаку, и нападала на него съ большимъ коварствомъ и обыкновенно не въ присутствіи капитана.

Съ самымъ подлѣйше-невиннымъ видомъ собаки, словно бы почувствовавшей раскаяніе и потому виновато и льстиво вилявшей хвостомъ, приближалась она къ матросу. И, когда тотъ довѣрчиво начиналъ трепать Діанку, она быстро кусала и удирала на мостикъ.

Съ высоты мостика, вблизи вахтеннаго офицера, она съ прежнимъ, словно бы насмѣшливымъ, спокойнымъ высокомѣріемъ смотрѣла на обманутаго и, казалось, думала:

«Однако этотъ матросъ глупѣе щенка».

Но необыкновенная изобрѣтательность Діанки шла дальше. Она приняла на себя хлопотливую и во всякомъ случаѣ небезопасную обязанность, которая особенно нравилась ей, удовлетворяя ея злыя чувства къ матросамъ.

Какъ только раздавался окрикъ боцмана: «Пошелъ всѣ наверхъ!» и матросы торопливо выбѣгали на палубу, Діанка, какъ бѣшеная, летѣла внизъ и кусала за икры послѣднихъ, поднимающихся по трапамъ матросовъ, при чемъ чувствительнѣе кусала тѣхъ, кто внушалъ ей бо́льшую ненависть.

Какъ ни лукава была Діанка, налетавшая на матросовъ изъ засады и стремительно, ей все-таки приходилось получать торопливые пинки. Они озлобляли собаку и только изощряли ея хитрость, усиливая кровожадное удовольствіе охоты.

Чаще другихъ и ожесточеннѣе билъ Діанку, когда ловилъ ее на палубѣ, Зябликовъ, нерѣдко ходившій съ покусанными икрами.

Взаимная ненависть ихъ усиливалась, и они боялись другъ друга.

Едва ли команда была увѣрена, что командиръ знаетъ о такой коварной охотѣ за матросами. И отъ кого могъ онъ узнать о слегка покусанныхъ? Правда, боцманъ два раза докладывалъ старшему офицеру о подломъ характерѣ Діанки и о томъ, что ребята «обижаются» на нее.

Но Павелъ Никитичъ только смѣялся и говорилъ:

— Глупости. Со вздоромъ лѣзешь.

Павелъ Никитичъ и большинство офицеровъ восхищались выдумкой умной собаки, которая подгоняетъ лодырей, слегка хватая за ноги.

Только докторъ Иванъ Аѳанасьевичъ, не особенно дружившій съ каютъ-компаніей, штурманъ, недолюбливавшій флотскихъ, и одинъ мичманъ возмущались.

Но никто не рѣшился обратить вниманіе командира на поведеніе Діанки. Старшій офицеръ отказался докладывать капитану о «вздорѣ»—о томъ, что собака, играя, носится за матросами, а другіе не хотѣли вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Да капитанъ и ни съ кѣмъ не входилъ въ разговоры. Только говорилъ по службѣ и былъ лаконичнъ.

Въ офицерахъ капитанъ возбуждалъ непріятное и досадное чувство робости и какого-то невольнаго страха передъ импонирующей властностью неустрашимости и дерзкаго хладнокровія. Его одиночество и нелюдимость и суровая молчаливость интриговали и оскорбляли офицеровъ. Всѣ были недовольны мрачнымъ капитаномъ, какъ часто называли его.

Несмотря на годъ командованія клипером, онъ оставался неразгаданнымъ и загадочнымъ. Конечно, еще чаще судачили о немъ въ каютъ-компаніи и пробирали его. Главнымъ образомъ за то, что держитъ себя отчужденно и, нарушая морскія традиціи, не приглашаетъ офицеровъ по очереди къ себѣ обѣдать, отказался разъ навсегда обѣдать по воскресеньямъ въ каютъ-компаніи и на берегу тоже одинъ. А со старшимъ офицеромъ, своимъ ближайшимъ помощникомъ, еще молчаливѣе и скрытнѣе и не особенно даетъ ему самостоятельности. И это случилось какъ-то само собой, безъ объясненій съ какой бы то ни было стороны. Капитанъ, казалось, не очень-то цѣнитъ Павла Никитича, но не разноситъ. А Павелъ Никитичъ старается еще болѣе и еще болѣе боится капитана. Капитанъ никого не хвалитъ и никому не дѣлаетъ рѣзкихъ замѣчаній. И, будто не довѣряя никому, во время шторма или во время плаванія въ опасныхъ мѣстахъ не сходитъ съ мостика и простаиваетъ долгіе часы подъ-рядъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь. Онъ только приказываетъ.

Интересной и пикантной темой въ каютъ-компаніи было самое неожиданное для всѣхъ согласіе Бездолина на назначеніе его командиромъ «Красавца» взамѣнъ заболѣвшаго капитана.

А Бездолинъ недавно вернулся изъ трехлѣтняго дальняго плаванія, пробылъ съ семьей только полгода и... снова въ дальнее плаваніе на три года...

Развѣ было можно морякамъ не «ошалѣть» отъ удивленія, если жена капитана была, конечно, обворожительная женщина тридцати лѣтъ и двое дѣтей у нихъ, разумѣется, прелестныя?

И послѣ долгой разлуки только шесть мѣсяцевъ оставаться съ «очаровательной» и «прелестными» дѣтьми?

Конечно, явилось предположеніе о «страшной» семейной драмѣ.

Разумѣется, нашелся въ лицѣ мичмана Нельмина сплетникъ не безъ «выдумки», который, какъ всѣ сплетники, зналъ «все... все» про ближнихъ и потому, конечно, мѣсяца черезъ два послѣ ухода изъ Кронштадта сообщилъ въ каютъ-компанію имя любовника очаровательной жены капитана и...

— Вы понимаете?!—воскликнулъ съ увлеченіемъ мичманъ.

И на основаніи письма одного товарища, полученнаго въ Гревзендѣ, письма, въ которомъ сообщались смутные слухи, мичманъ разсказалъ съ подробностями, именно и обличавшими сплетню, о томъ, какъ «безумно-влюбленный» въ жену Бездолинъ, истосковавшійся въ три года, вдругъ узналъ, что его, молодого еще мужа, очаровательная промѣняла... на адмирала Трилистнаго... «Очаровательная» могла хранить вѣрность только годъ, и затѣмъ...

— Вы понимаете?—снова воскликнулъ мичманъ словно бы для того, чтобы слушатели понимали, что онъ несомнѣнно вретъ.—Вы понимаете, въ какой ужасъ пришелъ Бездолинъ отъ такой подлости своей Муни. Вы догадываетесь, господа, какъ поздно прозрѣлъ онъ, что женатый человѣкъ, у котораго очаровательная жена, рискуетъ уходить въ плаваніе на три года... И на кого промѣнять? Вы вѣдь знаете, какой старый «цынготный» адмиралъ? Ну, Бездолинъ сурово сказалъ Мунѣ, что она... въ родѣ какъ дама изъ Амстердама... Онъ все-таки безгранично ее любилъ, но «прощайте отнынѣ навсегда... О, Муня! Наслаждайтесь жизнью со старымъ козломъ»... И немедленно мундиръ и къ министру... Вотъ откуда это назначеніе командиромъ «Красавца»...

— И врешь же ты, какъ сивый меринъ!.. Вѣдь жена провожала мужа въ день ухода... И капитанъ каждый вечеръ уѣзжалъ съ клипера въ Петербургъ... И адмиралъ Трилистный родной дядя Марьи Николаевны!.. Неправдоподобно совралъ!—вдругъ проговорилъ товарищъ Нельмина.

Мичманъ на минуту смѣшался, и глаза его забѣгали.

Но вдругъ въ отвагѣ отчаянія выпалилъ:

— Ну такъ что-жъ?.. Ну пріѣзжала... Можетъ-быть, апарансы... И могла пріѣхать, чтобы просить прощенія...

— А Трилистный?..

— Ну такъ что-жъ?.. Можетъ, другой адмиралъ... И что пристаешь, Иванъ Иванычъ... Развѣ я выдумалъ?.. Я передаю со словъ Жиркова... Онъ писалъ... Онъ, значитъ, и перевралъ... Очень можетъ-быть, перевралъ... Я очень радъ, если несправедливо врутъ на Марью Николаевну... Прелестная женщина... Но я все-таки не ушелъ бы отъ нея на три года!—добродушно и весело прибавилъ Нельминъ.

Однако многіе повѣрили, что что-нибудь да есть и пахнетъ семейной драмой.

Но нашлись офицеры, которые, напротивъ, утверждали, что семейное счастье капитана не омрачено. Они любятъ другъ друга, и Марья Николаевна благородная женщина... Про нее ничего не говорятъ... Но министръ приказалъ: «Или отправляйтесь... Или оставляйте службу!» Поневолѣ пойдешь...

Болѣе честолюбивые прибавляли, что капитанъ страшный честолюбецъ и, обуянный гордыней, чуждается всѣхъ, потому что считаетъ себя выше другихъ...

Такъ вопросъ о «семейной драмѣ» и остался открытымъ.

И въ это чудное утро въ каютъ-компаніи нетерпѣливо ожидали приговора мрачнаго капитана надъ командой за Діанку и невыдачу виновнаго.

Кто же, какъ не Зябликовъ? Кто не знаетъ этого арестанта?

VII.

Приближалось время подъема флага. Восьмая склянка была въ началѣ. Уборка окончена, и переодѣтые въ чистыя рубахи матросы собрались на палубѣ.

Никакого рѣшенія еще не было, и команда волновалась сильнѣе.

Капитанъ еще не показывался наверхъ, старшаго офицера не призывалъ и даже не спросилъ вѣстового: «гдѣ Діанка?»

Молодой вѣстовой давался диву, и молчаніе капитана наводило большій страхъ. Подавая ему кофе, Мартынъ взглянулъ на лицо капитана, и ему казалось, что онъ мрачнѣе и суровѣе, чѣмъ обыкновенно.

Стараясь скрыть чувство тревоги и испуга, старшій офицеръ нервно шагалъ по мостику и то и дѣло взглядывалъ на люкъ капитанской каюты. Онъ мысленно обѣщалъ примѣрно наказать боцмана. Какая скотина! Не могъ добиться сознанія отъ Зябликова и даже не указалъ на него... Подлецы! Съ ними надо быть строже!—думалъ онъ о матросахъ, негодуя, что ему не придется успокоить капитана докладомъ о «мерзавцѣ», который сознался... По крайней мѣрѣ, старшій офицеръ отличился бы въ глазахъ мрачнаго капитана.

И почему этому арестанту не сознаться! Что выиграетъ, запираясь?

— Немедленно послать ко мнѣ въ каюту Зябликова!— приказалъ Павелъ Никитичъ, внезапно осѣненный какой-то мыслью, и, быстро спустившись съ мостика, ушелъ въ каюту.

Черезъ минуту Зябликовъ вошелъ въ каюту старшаго офицера.

— Слушай, Зябликовъ... Ты, конечно, утопилъ Діанку... Не сознаешься, я все-таки велю отпороть тебя, какъ сидорову козу, сегодня и, какъ отлежишься, снова буду пороть, пока не сознаешься. И кромѣ того матросы на берегу тебя изобьютъ до смерти, хоть боцманъ и прикрываетъ тебя... Не говоритъ, что подозрѣваетъ тебя... А я-то увѣренъ. Слышишь: у-вѣ-ренъ!

Старшій офицеръ говорилъ тихимъ, даже ласковымъ и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.

— Я не топилъ Діанки, ваше благородіе!—отвѣтилъ Зябликовъ, взглядывая на Павла Никитича.

Въ его умныхъ, наглыхъ глазахъ было что-то проницательное и фамильярное, дающее понять, что онъ, отверженецъ, нуженъ старшему офицеру и пойдетъ на соглашеніе.

— Не ври, Зябликовъ. Сознайся лучше. Буду ходатайствовать, чтобъ больше ста ударовъ не получилъ. И наказывать будутъ легче! — еще мягче убѣждалъ Павелъ Никитичъ. — А откровенное сознаніе покажетъ мнѣ, что ты можешь исправиться. И, чтобъ поощрить, дамъ отъ себя награду. На гулянку на берегу получишь два доллара! — прибавилъ старшій офицеръ.

И, нѣсколько смущенный, вдругъ почувствовавшій, что дѣлаетъ что-то очень подлое, Павелъ Никитичъ отвелъ глаза отъ упорнаго и наглаго взгляда.

Зябликовъ быстро рѣшилъ, что сдѣлка выгодная.

Едва замѣтная ироническая усмѣшка мелькнула въ его глазахъ, когда онъ отвѣтилъ:

— Что-жъ запираться передъ вами, ваше благородіе. Вы наскрозь изволите видѣть человѣка, ваше благородіе. Я Діанку утопилъ.

— Давно бы пора. Совѣсть-то въ тебѣ еще есть. Ступай!— сказалъ старшій офицеръ, обрадованный, что тяжесть съ его души упала, и онъ можетъ забыть свою подлость и снова быть довольнымъ собою.

Черезъ минуту на клиперѣ было извѣстно, что Зябликовъ сознался.

Матросы почувствовали облегченіе. Страхъ прошелъ. Люди, собиравшіеся избить Зябликова до полусмерти, теперь пожалѣли его и хвалили за то, что поступилъ правильно.

Бычковъ подошелъ къ отверженцу и ласково сказалъ:

— Молодца, Елисейка. Утопилъ Діанку и отдуешься. Не подвелъ насъ.

— Я не топилъ подлой суки!

Бычковъ вытаращилъ глаза.

— Такъ зачѣмъ винился?

— А ты думалъ, васъ, дураковъ, пожалѣлъ? — съ наглымъ цинизмомъ откровенности, возбужденно проговорилъ Зябликовъ.

И послѣ паузы продолжалъ:

— По правдѣ объясняй, что не топилъ собаки—шкуру сдерутъ — старшій офицеръ обѣщалъ, — а наври на себя, такъ отпорятъ съ разсудкомъ... И вы, правильныя анаѳемы, оставите меня въ покоѣ за Діанку, а то бы избили.

— Поучили бы... это вѣрно, Елисейка... А ты не обижайся... Очень обозвѣрѣли ребяты...

— Подлецъ Елисейка, молъ, во всемъ виноватый!? Взяли бы грѣха за напрасный бой. Виноватый въ Діанкѣ, можетъ, потомъ пьянымъ проговорится, а я съ переломанными ребрами. Глупые вы матросы, вотъ что! И старшій офицеръ тогда пойметъ, какъ онъ скрозь понимаетъ человѣка... Сволочь!—озлобленно прибавилъ Зябликовъ.

— То-то дырявая душа!—подтвердилъ Бычковъ.

— Я, скажемъ, послѣдній матросъ... подлецъ, но только на такую подлость не пойду... А онъ... во всемъ паратѣ благородный?.. Довольно обозначилъ... Понялъ. Приму сто линьковъ безвинно, а какъ придемъ въ Франциски, сбѣгу... Ну васъ, обормотовъ! Живите по глупости, какъ свиньи, а я по своему уму не согласенъ. Найду линію. Самъ себѣ господиномъ буду... Никто не посмѣетъ на твою личность... Можешь ты это понять, Бычковъ? Не понять вамъ, необразованной матрознѣ!..

Дѣйствительно Бычковъ недоумѣвалъ и только хлопалъ глазами.

И наконецъ добродушно промолвилъ:

— Здоровъ ты хвастать, Елисейка. Вовсе ты не матросскаго званія человѣкъ...

VIII.

Капитанъ, небольшого роста брюнетъ лѣтъ подъ сорокъ, съ красивымъ, энергичнымъ и суровымъ лицомъ, обрамленнымъ засѣдѣвшими бакенбардами, съ рано посѣдѣвшими волосами, сухощавый и крѣпкій, хмурый и задумчивый, ходилъ взадъ и впередъ по каютѣ, когда старшій офицеръ вошелъ въ каюту.

— Съ добрымъ утромъ, Алексѣй Алексѣичъ,—осторожно и серьезно-печально промолвилъ старшій офицеръ.

Капитанъ остановился.

— Здравствуйте, Павелъ Никитичъ, — официальнымъ, суховатымъ тономъ сказалъ Бездолинъ, протягивая небольшую, длинную и худую руку съ обручальнымъ кольцомъ.

Густыя его брови нахмурились, и у переносицы собрались морщины. Черные глаза, серьезные и пронизывающіе, вопросительно смотрѣли на старшаго офицера.

Этотъ взглядъ всегда безпокоилъ и смущалъ Павла Никитича, въ это утро особенно.

Онъ, невольно краснѣя и торопясь, проговорилъ:

— Мнѣ непріятно, что приходится доложить вамъ, Алексѣй Алексѣичъ, о неожиданномъ происшествіи... Ваша Діанка пропала.

Капитанъ молчалъ.

Старшій офицеръ еще торопливѣе продолжалъ:

— Команда не виновна въ этомъ подломъ поступкѣ, противномъ дисциплинѣ. Команда не знала о немъ и негодуетъ на виноватаго, который долгое время не сознавался... Боцманъ отказался указать мнѣ на подозрѣваемаго человѣка, и я взыщу съ него. По счастью, мнѣ удалось убѣдить виноватаго сознаться. Это, какъ я и не сомнѣвался, Зябликовъ...

Капитанъ не проронилъ слова.

Онъ сталъ еще суровѣе и, казалось, невозмутимѣе. Только въ глазахъ его было выраженіе какой-то брезгливости.

Павелъ Никитичъ, совсѣмъ изумленный, оробѣвшій, но старавшійся не показать страха, проговорилъ не безъ нѣкоторой развязности:

— Я прикажу наказать Зябликова, Алексѣй Алексѣичъ. Мнѣ кажется, такой поступокъ заслуживаетъ строгаго наказанія...

Прошла минута.

Наконецъ капитанъ строго сказалъ:

— Не наказывайте.

— Есть!—проговорилъ старшій офицеръ и вышелъ растерянный.

Капитанъ брезгливо поморщился.

— Мартынъ!

Явился вѣстовой. Онъ былъ встревоженъ.

— А ты чего боишься? — вдругъ угрюмо спросилъ капитанъ.

— Не могу знать, вашескобродіе.

— И боишься?

— Точно такъ, вашескобродіе!

— Звѣрь я, что ли?—крикнулъ онъ.

Въ этомъ крикѣ звучала тоскливая нотка.

Мартынъ подавленно молчалъ.

— Позови Зябликова!

— Есть!

Тотъ явился и вытянулся у дверей. Страха въ его лицѣ не было.

Капитанъ облегченно вздохнулъ.

— Зачѣмъ навралъ на себя?

Зябликовъ сказалъ — почему. Объяснилъ, какъ боится команда изъ-за Діанки. Доложилъ, что Діанка кусала матросовъ и особенно его.

Капитанъ слушалъ, опять хмурился, снова на лицѣ и въ глазахъ залегало что-то угрюмое, тоскливое и виноватое.

— Ступай и пошли боцмана! Тебя не накажутъ.

— Есть, вашескобродіе!

Торжествующій и особенно наглый, нарочно прошелъ Зябликовъ мимо старшаго офицера и направился къ боцману на бакъ.

— Небось, капитанъ скрозь видитъ невиннаго человѣка. Не считаетъ, какъ вы, справедливые, меня за послѣдняго подлеца... Къ капитану, Иванычъ; зоветъ, сей секундъ! Не заболѣй животомъ, какъ медвѣдь, смотри! — вдогонку крикнулъ Зябликовъ и захихикалъ.

Матросы снова уже не жалѣли «послѣдняго матроса» и сторонились его.

IX.

— Здравствуй, Ивановъ!

— Здравія желаю, вашескобродіе!

— Отчего не докладывалъ старшему офицеру, что Діанка кусала?

— Докладывалъ, вашескобродіе.

— И что?

— Отказали.

— А мнѣ?

— Не осмѣлился, вашескобродіе.

— Почему? Говори все!

— Не допускали до себя, вашескобродіе. И какъ бы не изволили «обидѣться» за собаку! -деликатно сказалъ боцманъ.

— То-есть... накажу не собаку, а матросовъ?

— Опасался, вашескобродіе!—застѣнчиво промолвилъ боцманъ.

Личной нервъ подергивалъ глазъ и щеку капитана.

Но онъ, повидимому, безстрастно спросилъ:

— И когда Діанка пропала, ты и команда боялись, что я безпощадно жестоко накажу, если виновный не объявится?

— Точно такъ, вашескобродіе. Очень заскучили матросики, чтобы вашескобродіе не признали въ родѣ бунта противъ Діанки... И я пыталъ: кто подлый человѣкъ, что̀ утопилъ животную. И старшій офицеръ изволили приказать: къ шести склянкамъ найти виноватаго или указать на того, кого подозрѣваю. Но я—извольте меня наказать—ослушался...

Капитанъ зналъ, что не любимъ, но быть въ глазахъ людей и безъ того обездоленныхъ, звѣремъ?

«За что?»

Въ эту минуту ужаса и тоски, охватившихъ душу, ему хотѣлось бы крикнуть, что это неправда, что онъ не такой...

Онъ справедливъ. Онъ не наказываетъ линьками...

Только два раза безпощадно наказалъ за воровство, считая необходимымъ, но отвратительнымъ средствомъ.

Онъ не бьетъ, не безпокоитъ безсмысленной муштрой, не моритъ работами, бережетъ людей... Онъ все дѣлаетъ, что̀ требуютъ долгъ и совѣсть. Правда, онъ не ищетъ у матросовъ расположенія, не поддѣлывается къ нимъ, не говоритъ имъ шутливо-ласковыхъ словъ. Онъ знаетъ, какъ это просто и легко... Но ему стыдно заигрывать съ людьми, жизнь которыхъ такъ жалка, безправна и опасна, и какая пропасть служебнаго неравенства съ нимъ... Или будь капитаномъ, какъ онъ, или выходи въ отставку, а начальниковъ, которые порютъ и шутятъ, обкрадываютъ и зовутъ молодцами, дрессируютъ, чтобъ отличиться, и бьютъ и калѣчатъ съ легкимъ сердцемъ, и говорятъ, что любятъ матросика, — такихъ еще часто называютъ добрыми... Но онъ не можетъ быть такимъ «добрымъ».

Онъ вызываетъ только страхъ!..

О, если-бъ они знали! Онъ, суровый и нелюдимый, одинокій и мрачный, и по характеру и по разладу между правдой и ложью жизни, по ранамъ горячаго сердца, хоть и чужой, но не врагъ, а другъ...

Разумѣется, капитанъ ни слова не сказалъ изъ того, о чемъ думалъ. Не подумалъ и признаться, что только вчера случайно узналъ, что любимая имъ собака кусаетъ людей и ненавистна имъ, и...

И развѣ пойметъ боцманъ Ивановъ?..

«Онъ правъ: я не допускалъ до себя!»—подумалъ капитанъ и обычнымъ суровымъ тономъ сказалъ боцману:

— Не разыскивай. Я утопилъ Діанку!

Боцманъ вытаращилъ глаза.

— Ступай!

X.

По обыкновенію, суровый и молчаливый, стоялъ на мостикѣ капитанъ и оглядывалъ палубу.

Все блестѣло и сіяло.

Вышедшіе къ подъему флага офицеры и разсыпавшіеся по палубѣ матросы съ изумленіемъ взглядывали на капитана.

— На флагъ! Флагъ поднять!

Всѣ обнажили головы.

Взвился флагъ на гафелѣ, и начались обычные утренніе рапорты.

Первымъ докладывалъ о благополучіи на клиперѣ старшій офицеръ, и его бѣлые пальцы, приложенные къ козырьку фуражки, чуть-чуть вздрагивали.

Когда онъ отрапортовалъ, капитанъ громко проговорилъ:

— Напрасно открыли виновника. Я выбросилъ за бортъ Діанку...

И прибавилъ:

— Оказалась такой же подлой, лживой собакой, какими бываютъ и люди...

Выслушавъ всѣ рапорты отъ начальниковъ частей, капитанъ ушелъ въ каюту...

А на бакѣ шли оживленные разговоры, и матросы радостно недоумѣвали.

И въ это чудное утро загадочность капитана, казалось, начинала проясняться.

ОТПЛАТА.

I.

— Изволите знать, вашескобродіе?

Съ этими словами старый отставной матросъ Кирюшкинъ, съ которымъ мы раннимъ августовскимъ утромъ сидѣли на пенькахъ у опушки лѣса, разбирая только-что собранные грибы, указалъ обрубленнымъ указательнымъ пальцемъ правой руки на старенькаго-престаренькаго отставного адмирала, ковылявшаго, опираясь на палку, по дорогѣ изъ Кронштадтской колоніи въ деревню «Вѣнки».

— Видать видалъ: онъ въ колоніи на дачѣ живетъ; а не знаю!—отвѣтилъ я.

— Это — Никандра Петровичъ Быстровъ. Слыхали, конечно?

— Не слыхалъ.

— Про Никандру Петровича не слыхали, вашескобродіе?- изумленно спросилъ Кирюшкинъ.

— То-то не слыхалъ.

— Довольно-таки диковинно, что не слыхали. Сами изволили служить во флотѣ и не знаете Никандры Петровича!

И, словно бы недовольный, что я не знаю Никандра Петровича, старый матросъ пожалъ плечами, отчего дыра на его неопредѣленнаго цвѣта ветхомъ легонькомъ пальтецѣ обозначилась яснѣе, и покачалъ головой, на которой была матросская фуражка, тоже давно потерявшая свой прежній черный цвѣтъ и сдѣлавшаяся рыжеватой. Сбитая на затылокъ, она оставляла открытымъ морщинистый пожелтѣвшій лобъ и часть бѣлой головы.

— Чѣмъ же замѣчателенъ вашъ Никандръ Петровичъ?

— Очень даже замѣчателенъ, если угодно знать. Всякій старый матросъ хорошо его помнитъ. Теперь, конечно, ежели

по чести разобрать, что̀ въ немъ? Однѣ, съ позволенія сказать, завалящія кости да шкура. Высохъ Никандра Петровичъ, въ родѣ быдго египетской муми... Вылѣзъ вонъ на солнышко, словно ящеръ изъ-подъ камня, у смерти отсрочки проситъ... Ему вѣдь, вашескобродіе, что̀ и мнѣ, къ девятому десятку подходитъ, и давно намъ съ нимъ на томъ свѣтѣ паекъ идетъ. Пожалуйте, молъ, такіе-сякіе на раздѣлку. И ты, ваше присходительство Никандра Петровичъ! И ты, отставной матросъ первой статьи, бродяжка и пьяница, Андрейка Кирюшкинъ!.. Вотъ теперь что̀... А прежде, этакъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, Никандра Петровичъ на весь балтинскій флотъ гремѣлъ...

— Чѣмъ же?

— Боемъ и шлифовкой. Первый по звѣрству капитанъ былъ!—не безъ нѣкоторой торжественности произнесъ старикъ.

Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, что рѣчь будетъ о такого рода знаменитости. Удивило меня еще и то, что Кирюшкинъ, не жалѣвшій обыкновенно довольно энергичныхъ эпитетовъ при воспоминаніяхъ о нѣкоторыхъ командирахъ, съ которыми служилъ и которые далеко не гремѣли на весь флотъ, подобно Никандру Петровичу, говорилъ объ этомъ послѣднемъ безъ порицанія.

Напротивъ, въ тонѣ старческаго, разбитаго голоса Кирюшкина звучали какъ бы почтеніе и любовь къ человѣку, даже прославившемуся боемъ и «шлифовкой».

— Ну, Дмитричъ, немного же замѣчательнаго въ Никандрѣ Петровичѣ!

— То-то очень даже много, вашескобродіе...

— Въ томъ, что шлифовалъ?..

— Вы прежде извольте дослушать, тогда и спорьте, вашескобродіе... Въ томъ и диковина, что этотъ самый Никандра Петровичъ сдѣлался совсѣмъ другимъ, самымъ жалостливымъ, можно сказать, командиромъ.

— Ну?!—недовѣрчиво протянулъ я.

— Ни—не ну, а на моихъ глазахъ все это было. Когда я съ имъ на «Дромахѣ» *) на конвертѣ въ дальнюю ходилъ.

— Какъ же это случилось?

— Одинъ матросикъ его выправилъ.

— Выправилъ? Разскажите, Дмитричъ. Это любопытно.

— Еще бы не любопытно... Бываетъ, значитъ, съ людьми это самое!—раздумчиво промолвилъ старикъ-матросъ.

— Рѣдко только, Дмитричъ.

---

*) «Андромаха».

— Рѣдко, а бываетъ. Человѣкъ, примѣрно, и Бога забылъ и совѣсть забылъ, а придетъ такой часъ, и вдругъ въ родѣ быдто все по-новому обернулось... А я такъ полагаю, по своему разсудку, вашескобродіе, что всякому человѣку, самому послѣднему, дадена совѣсть... Только не всегда такой случай выйдетъ, что она проснется и зазритъ человѣка. Какъ объ этомъ въ наукахъ пишутъ, вашескобродіе?

— Пишутъ, что трудное это дѣло перемѣниться въ извѣстные годы...

— То-то трудное, а Никандра Петровичъ вовсе перемѣнился,—дай Богъ ему легко смерть принять. Я по себѣ знаю, какое это трудное дѣло, примѣрно, отъ водки отстать. Прямо-таки нѣту силъ моего карахтера. Помните, вашескобродіе, еще когда мы съ вами на «Коршунѣ» взаграницу ходили, я былъ, можно сказать, какъ есть отчаянный пьяница?

— Какъ не помнить...

— И если миловали меня за пропой казенныхъ вещей, то потому, что командиръ «Коршуна» прямо-таки добрѣющій человѣкъ былъ и почиталъ во мнѣ хорошаго марсового... Небось, былъ марсовымъ, вашескобродіе! — не безъ удовлетвореннаго чувства вспомнилъ старикъ.

Дѣйствительно, Кирюшкинъ былъ лучшимъ матросомъ на «Коршунѣ», отличался необыкновенной смѣлостью, и притомъ былъ на рѣдкость добрый человѣкъ, общительнаго и веселаго характера, пользующійся общей любовью команды. И если-бъ не его слабость напиваться мертвецки на берегу, пропивая все, что на немъ бывало, то, конечно, онъ на службѣ былъ бы унтеръ-офицеромъ и не былъ бы подъ конецъ жизни бездомнымъ пьянчужкой, съ трудомъ зарабатывавшимъ въ Кронштадтѣ на свое пропитаніе... По зимамъ ходилъ въ факельщикахъ, а лѣтомъ занимался «грибами».

Это лѣто, когда мы встрѣтились послѣ тридцати лѣтъ, Кирюшкинъ гостилъ у меня на дачѣ, поселившись въ сараѣ для дровъ. Трезвый, онъ доставлялъ всѣмъ большое удовольствіе своими разсказами и необыкновенно уживчивымъ и деликатнымъ характеромъ. Его всѣ любили, и кухарка съ особеннымъ гостепріимствомъ угащивала Дмитрича.

Когда же онъ собирался отправиться въ «дальнюю», какъ называлъ онъ свои запои, то деликатно исчезалъ, объясняя, что ему нужно по дѣламъ въ Кронштадтъ, и возвращался черезъ недѣлю, а то и двѣ, въ невозможномъ костюмѣ, въ родѣ того, какой былъ на немъ въ это утро, и нѣсколько сконфуженный, что пропилъ старые пиджакъ и штаны, подаренные ему мной.

— И давалъ я тогда, вашескобродіе, зарокъ капитану за свойную доброту—не пить... и вышелъ передъ нимъ подлецомъ. Лупцовали меня раньше за это самое — я еще пуще пьянствовалъ. Вышелъ въ отставку, къ докторамъ ходилъ... «Такъ, молъ, и такъ... выпользуйте отъ пьянства...» Отреклись. Дивились только, какъ это я — такой старикъ, а живу съ пьяными нутренностями... А по какой-такой причинѣ я не имѣю силъ карахтера? Вотъ тутъ-то и загвозка! А форъ-марсового Егорушкина помните, вашескобродіе?

— Помню.

— Тоже былъ, можно сказать, во всей формѣ пьяница, а какъ вышелъ въ отставку—въ ротъ не беретъ. Случай такой вышелъ...

— Какой?

— Баба, вашескобродіе... Есть такія бабы, что вовсе умѣютъ оболванить мужчиновъ... Такъ Егорушкинъ, какъ вернулся изъ дальней, и встрѣтился съ такой... Замужъ запросилъ... А она:—«брось, говоритъ, пить, пойду». А не то поворотъ «оверштагъ»! Она вдовая матроска была и слышала, какъ къ повороту командуютъ. Ну, и какъ есть оболванила. Бросилъ пить изъ-за этой самой бабы... А и баба, если на совѣсть сказать, прямо-таки жидкая вовсе была, вашескобродіе! Глаза только одни... А вотъ поди-жъ ты! Такую власть взяла надъ Егорушкинымъ, что онъ пить пересталъ... А вѣдь пилъ-то какъ раньше! Значитъ, ему случай вышелъ такой, а мнѣ не вышло... Такъ вотъ и съ Никандрой Петровичемъ.

— Такъ вы разскажите, Дмитричъ, про вашего Никандра Петровича.

— Сейчасъ. Дозвольте только цыгарку сдѣлать, вашескобродіе.

— Папироску не хотите ли, Дмитричъ?

— Не занимаюсь ими. Я по-старинному, махорку курю.

Кирюшкинъ досталъ изъ кармана тряпицу съ крошеной махоркой и обрывокъ газетной бумаги. Свернувъ слегка дрожавшими отъ пьянства руками «цыгарку», онъ закурилъ ее и, съ наслажденіемъ затянувшись, проговорилъ:

— Нѣтъ табаку лучше махорки, вашескобродіе. И кашлю ослабку даетъ и мокроту гонитъ.

И, откашлявшись, началъ:

II.

— Былъ Никандра Петровичъ во всемъ своемъ форцѣ, когда передъ крымской войной назначили его командиромъ «Дромахи». Конвертъ былъ только-что отстроенъ и назначенъ

въ дальнюю, и Никандру Петровича изо всѣхъ другихъ выбрали, какъ самаго что ни на есть исправнаго капитана... Дока онъ былъ на флотской службѣ, это надо правду сказать... И отчаянности въ немъ было много... Какъ есть былъ форменный капитанъ... смѣлый... Во флотѣ знали его отчаянность, еще когда онъ бригомъ «Скорымъ» командовалъ. Бывало, на другихъ судахъ два рифа у марселей возьмутъ, а онъ дуетъ-себѣ на бригѣ безъ рифовъ... Зналъ, когда, значитъ, до точки дойти, не утопивши себя и людей. Ну и матросы были у него въ родѣ быдто чертей... Онъ ихъ тоже довелъ до отчаянности, потому что пощады не давалъ. Чуть что... заминка какая... меньше ста линьковъ не назначалъ... Такая у него была препорція... А насчетъ бою, такъ это не въ счетъ... Чистилъ... Почитай, ни одного матроса у него не было, чтобы, послуживши у него, остался съ цѣлыми зубами. Самый форменный мордобой былъ... Вы-то, вашескобродіе, этого мордобойства ужъ не застали, а я десять лѣтъ при такомъ положеньи служилъ... Сами понимаете, отчего другой матросъ до безчувствія напивался... Теперь, небось, нѣтъ такого пьянства, какъ было... Потому—другое положенье... и люди другіе.

Старикъ затянулся, сплюнулъ и продолжалъ:

— А было въ тѣ поры Никандрѣ Петровичу лѣтъ около сорока... И былъ онъ изъ себя видный, плотный и глазастый... Румяный такой и блондинистый... И очень приверженный къ женской командѣ... Не брезговалъ... была бы только баба товаристая, а званія ейнаго не разбиралъ. Женатымъ не былъ, а въ ту пору у него жила быдто горничной одна шельмоватая дѣвка, изъ Петербурга привезенная... Шлющая такая... Аленкой звали... Бѣгала она на конвертъ, когда мы въ гавани вооружались... Завтракать носила своему барину... Такъ вотъ, какъ назначили къ намъ этого самаго «ястреба»,— его такъ матросики звали,—и мы поняли, какіе-такіе настоящіе ястребы бываютъ... Налеталъ, я вамъ доложу. Такъ налеталъ, что и обсказать невозможно... А какъ вышли въ море, пошла настоящая шлифовка... Не дай Богъ и вспомнить... Тьфу!

И Кирюшкинъ сплюнулъ.

— А вѣстовой у него—изъ нашихъ «дромахинскихъ» матросовъ—одно слово, словно бы въ потемнѣніе разсудка отъ страха вошелъ... Чуялъ онъ бѣду, какъ только «ястребъ» его въ вѣстовые выбралъ... Мы съ Тепляковымъ земляки были...

—«Плохо, говоритъ, мое дѣло, Андрейка. «Ястребъ» недаромъ меня въ вѣстовые выбралъ. Изничтожитъ онъ меня, попомни, говоритъ, мое слово... Потому золъ онъ на меня».—«Что ты, говорю, мелешь. За что ему быть злымъ на тебя. Онъ тебя

вовсе и не знаетъ!»—«То-то, говоритъ, знаетъ», и самъ съ лица побѣлѣлъ.

И повинился мнѣ тогда Тепляковъ, что онъ къ этой самой Аленкѣ приверженность имѣлъ и тайкомъ забѣгалъ къ ей на кухню, когда ейнаго барина дома не было. И разъ онъ ихъ засталъ. Однако ни слова не сказалъ. Но съ той поры Тепляковъ остерегался ходить... Аленка все-таки бѣгала къ нему въ казармы и съ нимъ гуляла. И Никандра Петровичъ, должно-быть, догадывался, но только все-таки Аленку держалъ... очень ужъ занозистая дѣвка была... Огонь-дѣвка...—«Я, говоритъ, и своего «ястреба» люблю и матросика люблю... На всѣхъ меня хватитъ...»

— Что-жъ, «ястребъ» мстилъ Теплякову, что ли? — спросилъ я.

— А Богъ его знаетъ, что̀ въ его душѣ было, а только онъ бѣднягу-вѣстового почти-что каждый день безъ всякаго милосердія тиранилъ—то боемъ, то поркой... Къ каждой малости придирался... За все на немъ сердце срывалъ. И до такой отчаянности его довелъ, что самъ, должно-быть, испугался, какъ бы матросъ чего въ потемнѣніи ума не сдѣлалъ! И этакъ мѣсяцевъ черезъ пять отчислилъ его отъ вѣстовыхъ. И, взаправду, пора было... а то Тепляковъ безпремѣнно прикончилъ бы Никандру Петровича... Онъ, положимъ, терпѣливый былъ, но все-таки норовистый. Есть такіе, вашескобродіе. Терпитъ-терпитъ до даннаго ему предѣла, а потомъ на всякую отчаянность пойдетъ. И доходилъ ужъ Тепляковъ до предѣла. Сознался послѣ мнѣ, что недобрыя мысли были... Большое зло онъ на «ястреба» имѣлъ. И пропасть бы имъ обоимъ, если-бъ втѣпоры не увольнилъ Никандра Петровичъ своего вѣстового и не взялъ другого. Вовсе ожесточилъ человѣка и въ тоску ввелъ!.. Однако и покурить пора, вашескобродіе.

— Этотъ самый Тепляковъ и «выправилъ» Никандра Петровича?—спросилъ я.

— А вотъ узнаете, вашескобродіе. Заставили разсказывать, такъ слушайте! — ворчливо отвѣтилъ Дмитричъ, задѣтый въ своемъ самолюбіи разсказчика, привыкшаго, чтобъ его слушали. И вообще онъ, несмотря на свою горемычную жизнь и почти нищенское положеніе, умѣлъ сохранять свое достоинство.

Докуривъ свою «цыгарку», старикъ сказалъ:

— А хорошо на солнышкѣ... Кости-то старыя грѣетъ... Вѣрно, и Никандра Петровичъ солнышку радуется. Онъ и не знаетъ, что мы про него разсказываемъ, и, вѣрно, забылъ, что мнѣ три зуба вышибъ...

— Три?

— То-то три, и сразу. Рука у него была тяжелая...

— И наказывалъ васъ линьками?..

— И очень даже довольно часто... За пропой казны... Ну да Богъ съ нимъ... Я зла на него не имѣю... Мало ли чего было... И дай ему Богъ на томъ свѣтѣ покою... Потому—понялъ свою ожесточенность и людей сталъ жалѣть... Безпремѣнно явлюсь къ нему... Я и не зналъ, что онъ тутъ на дачѣ...

— Кажется, тутъ... Ну, такъ разсказывайте, Дмитричъ.

И старикъ продолжалъ:

III.

— Назначили Теплякова форъ-марсовымъ—онъ и раньше на форъ-марсѣ служилъ — и гребцомъ на капитанскій вельботъ... Видный и пригожій изъ себя былъ Тепляковъ, Никандра Петровичъ любилъ, чтобы гребцы, что на его катерѣ, что на вельботѣ, были здоровые, молодые и видные... По крайности лестно... И въ скорости Тепляковъ въ себя пришелъ... Свѣтъ Божій увидалъ, какъ изъ вѣстовыхъ вышелъ. А ужъ старался какъ, чтобы, значитъ, не могло быть капитанской шлифовки!.. Бывало, и на рѣ работалъ во всю и у орудія за комендора былъ... Провористый такой во всякомъ дѣлѣ... И повеселѣлъ...

— А развѣ «ястребъ» вашъ отошелъ?..

— Попрежнему раздѣлывалъ, но только все же Теплякову не такъ часто попадало, а вмѣстѣ со всѣми, ежели, примѣрно, капитанъ прикажетъ всѣхъ марсовыхъ перепороть...

— А это случалось часто?

— Небось, разъ въ недѣлю обвязательно... Чуть на секундъ, на другой паруса закрѣпили позже евойнаго положенія или марселя смѣнили на минуту позже, ужъ онъ замѣтитъ—самъ въ рукахъ склянку держалъ и, какъ ученье окончитъ, зыкнетъ:—«форъ-марсовыхъ или гротъ-марсовыхъ на бакъ!» Ну, а тамъ извѣстная раздѣлка. Получи по сту. И по другимъ случаямъ попадало... И самъ, бывало, смотритъ, какъ наказываютъ... Вовсе легко въ жестокость приходилъ. Потому—видитъ, что нѣтъ ему противности, онъ отъ этой самой жестокости и пьянѣетъ... Никого не боится—ни Бога ни чорта. Нынче вотъ, какъ препона есть, небось, жестокихъ командировъ что-то нѣтъ. Утихомирилъ ихъ батюшка императоръ Александръ Второй... Суди, молъ, виноватаго, а жестокимъ не будь... Хорошо. Плавали мы такимъ родомъ шесть мѣсяцевъ и кляли «ястреба»... А онъ и ухомъ не велъ, что матросы его не терпятъ... Небось, понималъ это... Пришли мы на-

конецъ и на Яву-островъ, въ Батавію... Изволите помнить, вашескобродіе?.. Мы съ вами и на «Коршунѣ» тамъ были... Еще тамъ арака такая пьяная... Только араку эту я и помню... какой-такой городъ... Пришли, а капитанъ ту-жъ минуту айда въ городъ и велѣлъ вельботу черезъ два дня у пристани быть въ десять часовъ утра. Онъ вездѣ въ портахъ любилъ съѣзжать и ужъ тамъ, сказывали, денежкамъ глаза протиралъ... Любилъ форснуть, ну и мамзелей угостить, чтобы, значитъ, знали, какой есть командиръ россійскаго конверта... Онъ по этой части себя соблюдалъ и, бывало, ежели къ себѣ гостей взаграницѣ звалъ, то ужъ, небось, угоститъ и напоитъ.

— А самъ пилъ?

— Въ препорцію.

— И наверху никогда пьянымъ не бывалъ?

— Не видалъ... Такъ развѣ въ каютѣ когда по-благородному выпьетъ, а чтобы наверху пьяный, этого никто не видалъ. Онъ до этого не допускалъ себя... Однако за пьянство съ матроса не взыскивалъ. Только вернись въ свое время, а въ какомъ видѣ пьянства, до этого не касался. И старшему офицеру приказывалъ не взыскивать. Только чтобы пропою казенныхъ вещей не было, а ты хоть въ мертвомъ видѣ будь... На то ты и матросъ... Однако вы все перебиваете, вашескобродіе. На чемъ я остановился?.. Я и запамятовалъ...

— Какъ въ Батавію пришли, и капитанъ съѣхалъ на берегъ, а вельботу приказалъ пріѣхать за нимъ черезъ два дня...

— Ну вотъ, тутъ скоро и конецъ будетъ... Уѣхалъ это Никандра Петровичъ, и на конвертѣ, значитъ, отдышка... Рады всѣ, что два дня безъ «ястреба»... На третій день послали съ восьми часовъ вельботъ за нимъ, и въ скорости послѣ того засвѣжѣло... Здоровый вѣтеръ поднялся... Кои матросы льстились, что въ такой вѣтеръ онъ не пойдетъ на вельботѣ, а побудетъ на берегу; но только я сумлѣвался... Отчаянность-то его понималъ... и на парей съ однимъ унтерцеромъ пошелъ на стаканъ араки... По-моему и вышло. Въ одиннадцатомъ часу и видимъ: жаритъ онъ на вельботѣ, да еще подъ парусами... Однако два рифа у грота взялъ. А вѣтеръ все сильнѣй... Вельботъ совсѣмъ на боку... близко ужъ былъ къ конверту, какъ въ одинъ секундъ вельботъ перевернуло—и всѣ въ водѣ... Тую-жъ минуту вахтенный офицеръ крикнулъ катернымъ на катеръ, и мы наваливаемся, чтобы спасти людей... А изволите знать, вашескобродіе, акульевъ тамъ страсть на рейдѣ-то... Гребу это я, а самъ думаю: «ястребу» крышка... Плавать онъ вовсе не мастеръ былъ, а волна ходила здоровая... Подошли... Кои матросы за пере-

вернутый вельботъ держатся, а Тепляковъ плыветъ и Никандру Петровича за волосы держитъ... Всѣхъ забрали, всѣ только въ водѣ искупались... Только капитанъ былъ въ безчувствіи... А Тепляковъ мокрый, красный и смотритъ на этого самаго «ястреба» по-хорошему... доволенъ, значитъ, что спасъ человѣка... Пристали это мы къ конверту, принесли капитана въ каюту и въ скорости его въ чувство привели... Оттерли... А то воды онъ хлебнулъ порядочно. А я Теплякова допрашиваю: —«Какъ, молъ, ты, Антошка, и своего злодѣя спасъ?»—«Сперва не хотѣлъ, говоритъ. Вижу, откинуло его парусомъ отъ вельбота и тонетъ онъ, а я по ближности... И какъ увидалъ онъ меня, то съ такой, говоритъ, тоской посмотрѣлъ—понялъ, молъ, что не ждать ему отъ меня помощи,—что въ тую-жъ минуту жалость меня взяла, и я къ нему... А онъ ужъ захлебнулся и подъ водой. Я за волосы и... тутъ катеръ подошелъ... и чувствую я, говоритъ, Андрейка, теперь легкость на душѣ. А не спаси я его... былъ бы въ родѣ убивца...» Только-что это онъ разсказалъ мнѣ и переодѣлся, какъ зовутъ Теплякова къ капитану... Этакъ минутъ черезъ десять вернулся онъ въ разстройкѣ...—«Ну, что онъ тебѣ говорилъ?—спрашиваю.—Благодарилъ?» Тепляковъ все въ подробности и обсказалъ, какъ Никандра Петровичъ, увидавши его, смотрѣлъ во всѣ глаза и спросилъ:—«Ты... ты меня спасъ?» А Тепляковъ ему:—«Точно такъ, вашескобродіе!» — «Ты?»—опять спросилъ Никандра Петровичъ. А Тепляковъ снова:—«Точно такъ, вашескобродіе!..» И послѣ того «ястребъ» заплакалъ и сто рублей предлагалъ. Однако Тепляковъ отказался.—«Я, говоритъ, не за деньги спасалъ...»—«Такъ проси, чего хочешь»,—спрашивалъ онъ. А Тепляковъ ему и скажи:—«Дозвольте, вашескобродіе, слово сказать».—«Говори».—«Пожалѣйте, вашескобродіе, матросовъ!..» Съ тѣмъ и ушелъ... Видно, самъ Господь его умудрилъ ко времени сказать это самое... Не побоялся!—промолвилъ умиленно Дмитричъ.

— Ну и что же, послѣ этого перемѣнился капитанъ?

— Совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ... Ни этого боя не было... ни шлифовки...

— И не было наказанія?..

— Какъ не было... были. Безъ взыска нельзя, но только наказывалъ не зря и рѣдко... И ожесточенность прошла... Вотъ какимъ родомъ матросикъ выправилъ Никандру Петровича... Небось, рѣдко такія дѣла бываютъ, а все-таки бываютъ! Случай такой подошелъ... Вотъ только мнѣ случая не было, вашескобродіе,—неожиданно заключилъ Дмитричъ.

Скоро мы встали и молча побрели домой.

ШУТКА.

I.

Было это давнымъ-давно.

Жаркимъ сентябрьскимъ днемъ 1860 г. клиперъ «Голубчикъ» подъ брейдъ-вымпеломъ начальника отряда поднимался по рѣкѣ Янтсе-Кіангъ, направляясь изъ Шанхая въ Ханькоу.

Жара стояла палящая, и тентъ надъ головами мало помогалъ. Жарило и солнце, дышала, казалось, жаромъ и мутно-желтая, широкая рѣка съ плоскими берегами.

Кочегары, работавшіе у топокъ, то и дѣло выбѣгали наверхъ, и ихъ обливали водой изъ брандспойта. Матросы, отдыхавшіе послѣ обѣда на палубѣ, томились, напрасно стараясь заснуть, и проклинали китайскую сторону и непривычное для нихъ пекло. Вахтенные изнывали, не находя мѣста. Даже боцманъ Егорушкинъ настолько раскисъ, что не выпускалъ, по обыкновенію, фонтановъ сквернословія изъ своей «луженой глотки», какъ называли матросы горло Егорушкино, вѣроятно, въ честь его способности ругаться и выпивать на берегу большое количество всякихъ спиртныхъ напитковъ, оставаясь при этомъ на ногахъ и даже въ «форменномъ» разсудкѣ.

Стоявшій на мостикѣ вахтенный начальникъ мичманъ Вергежинъ млѣлъ въ своемъ разстегнутомъ чесучевомъ кителѣ подъ палящими лучами солнца, — такъ какъ надъ мостикомъ тента не полагалось, — млѣлъ и лѣниво поглядывалъ на низкіе берега рѣки, не думая рѣшительно ни о чемъ. И прислониться было нельзя. Поручни вокругъ мостика горячіе. И отовсюду на клиперѣ пышало жаромъ.

Нѣсколько оживлялся мичманъ только тогда, когда джонки бывали подъ носомъ, и Вергежинъ приказывалъ давать свистки и иногда стопорить машину.

У компаса неподвижно стоялъ пожилой лоцманъ-китаецъ съ желтымъ безстрастнымъ лицомъ. Въ своей кацавейкѣ и съ черной, украшенной шарикомъ, шапочкой на головѣ, онъ, казалось, не чувствовалъ дьявольскаго зноя.

Этотъ лоцманъ-китаецъ, взятый въ Шанхаѣ, велъ клиперъ по рѣкѣ и почти не сходилъ съ мостика. Звали его Атой, а матросы, разумѣется, назвали «Атойкой» и дивились, что «длиннокосый» отказывался отъ водки, ѣлъ очень мало и только рисъ.

Въ первомъ часу клиперъ проходилъ мимо Нанкина, заставившаго Вергежина лѣниво вспомнить географію, лѣниво взглянуть на громадный городъ со множествомъ пагодъ и знаменитой башней и лѣниво отвернуться, не испытывая ни малѣйшаго желанія побывать на берегу, такъ какъ китаянки, послѣ наблюденія ихъ въ Шанхаѣ, нисколько не плѣнили мичмана. Да и къ тому же онъ находился еще подъ впечатлѣніемъ красоты миссъ Кэтти, наѣздницы изъ цирка въ Гонконгѣ, съ которой, двѣ недѣли тому назадъ, онъ провелъ три «чудныхъ», по его словамъ, дня, настолько чудныхъ, что прихватилъ у ревизора жалованье за мѣсяцъ впередъ и, въ память этихъ дней, носилъ на мизинцѣ кольцо съ драгоцѣннымъ камнемъ неизвѣстной, впрочемъ, породы, которое черноглазая миссъ Кэтти, уроженка Флориды, подарила вмѣстѣ со своей фотографіей Вергежину, великодушно истративъ на подарокъ двадцать восемь шиллинговъ изъ двадцати фунтовъ, полученныхъ ею «на перчатки» отъ щедротъ тароватаго и влюбленнаго мичмана.

— Атой! А китаянки красивы въ Нанкинѣ? — спросилъ по-англійски Вергежинъ лоцмана.

Китаецъ довольно равнодушно отвѣтилъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ:

— Красивы.

— Какъ въ Шанхаѣ?

— И въ Шанхаѣ красивы, и въ Нанкинѣ красивы, и вездѣ молодыя китаянки красивы... Надо правѣй держать. Влѣво отмель...

— Лѣво руля! — скомандовалъ Вергежинъ.

Носъ клипера покатился вправо.

— Такъ хорошо! — промолвилъ лоцманъ.

— Такъ держать!.. Замѣть румбъ! — крикнулъ мичманъ...

— Есть! — отвѣчалъ старшій рулевой изъ-подъ мостика, гдѣ помѣщался штурвалъ.

Прошло минутъ двадцать послѣ того, какъ клиперъ миновалъ Нанкинъ, когда Вергежинъ увидалъ на правомъ берегу

рѣки огромныя скопища людей. Двѣ толпы, отдѣленныя одна отъ другой большимъ пространствомъ, казались издали движущимися пятнами. И среди этихъ пятенъ то и дѣло вспыхивали дымки, вслѣдъ за которыми доносился слабый сухой трескъ ружейныхъ выстрѣловъ.

— Пожалуйте «бинокъ», ваше благородіе! — проговорилъ сигнальщикъ, подавая Вергежину большой морской бинокль.

Мичманъ сталъ смотрѣть на берегъ и въ бинокль довольно отчетливо увидалъ вооруженныхъ людей и нѣсколько всадниковъ. Между этими нестройными толпами китайцевъ, очевидно, происходила битва.

— Атой! Это что̀ значитъ? — спросилъ Вергежинъ.

Китаецъ приложилъ къ своимъ узкимъ глазамъ маленькую костлявую руку, съ огромными грязно-желтыми ногтями, и, повидимому, безстрастно глядѣлъ на то, что̀ ужъ замѣтилъ раньше всѣхъ.

— Тайпинги съ манджурами дерутся,—наконецъ произнесъ онъ.

Хотя Вергежинъ и мало былъ знакомъ съ китайскими дѣлами, но слышалъ и кое-что читалъ о томъ, что въ Китаѣ уже нѣсколько лѣтъ какъ идетъ борьба между тайпингами — какъ звали возставшихъ китайцевъ — и правительствомъ. Онъ зналъ, что война ведется съ перемѣннымъ счастьемъ, что нѣсколько городовъ южнаго Китая во власти мятежниковъ, и что въ ихъ войскахъ въ числѣ начальствующихъ офицеровъ много европейцевъ.

И Вергежинъ кстати припомнилъ недавній разсказъ товарища, мичмана съ корвета «Кречетъ», стоявшаго одновременно съ «Голубчикомъ» на шанхайскомъ рейдѣ, какъ въ одномъ изъ Ship-Shendlers, — какъ называются на Дальнемъ Востокѣ европейскія лавки, въ которыхъ можно купить рѣшительно все, начиная отъ гвоздя и до духовъ, — хозяинъ лавки, старый еврей, давно эмигрировавшій изъ южной Россіи, таинственно предлагалъ молодому офицеру поступить майоромъ на службу къ тайпингамъ и говорилъ, что онъ при заключеніи контракта получитъ 2000 долларовъ и будетъ получать по 6000 долларовъ въ годъ.

— Которые тайпинги? Вѣрно, тѣ, впереди которыхъ нѣсколько европейцевъ верхомъ? — спрашивалъ Вергежинъ, не отводя глазъ отъ бинокля.

— Да... Поближе къ намъ.

И черезъ минуту прибавилъ:

— Они побьютъ манджуровъ.

— Вы думаете?

— Непремѣнно. У тайпинговъ англичанинъ начальникъ.

— И много тайпинговъ въ Китаѣ?

— Много. Всѣ бѣдные люди, которые понимаютъ, отчего имъ не хорошо жить — тайпинги.

— Чего-жъ они хотятъ?

— Лучшей жизни. А при мандаринахъ это невозможно.

Вергежинъ пересталъ смотрѣть на берегъ и спросилъ китайца:

— А вы, Атой, конечно, тайпингъ?

— Тайпингъ! — отвѣтилъ, понижая голосъ, лоцманъ.

— Отчего же вы не тамъ, не съ ними?

— У меня другое дѣло. Не всѣмъ надо быть солдатами.

Вергежинъ спохватился, что не далъ знать капитану о томъ, что̀ дѣлается на берегу, и приказалъ сигнальщику доложить командиру, что идетъ сраженіе.

— Есть, ваше благородіе!

И матросъ побѣжалъ-было къ трапу, но въ ту же минуту вернулся и доложилъ:

— Сами идутъ, ваше благородіе!

II.

Начальникъ отряда и командиръ «Голубчика», оба въ разстегнутыхъ бѣлыхъ кителяхъ, поднимались на мостикъ.

Они только-что позавтракали и, судя по закраснѣвшимъ веселымъ лицамъ, замаслившимся глазамъ и нѣсколько неувѣренной походкѣ, позавтракали очень хорошо.

— Это что̀ такое? — спросилъ, обращаясь къ Вергежину, капитанъ, статный, довольно красивый блондинъ, указывая маленькой бѣлой и холеной рукой на берегъ.

Тонъ его голоса былъ, по обыкновенію, властный, хотя и любезный.

— Лоцманъ говоритъ, тайпинги дерутся съ манджурами.

— То-то дерутся, а вы не даете знать.

— Я только-что посылалъ сигнальщика.

— Надо было не «только-что», а раньше, когда увидѣли! — перебилъ капитанъ.

И, обращаясь къ начальнику отряда съ преувеличенною почтительностью именно потому, что не ставилъ его ни въ грошъ, проговорилъ:

— Сраженіе, Иванъ Ивановичъ. Эти канальи-китайцы дерутся между собой.

Начальникъ отряда, состоявшаго всего изъ двухъ судовъ, назначенныхъ къ возвращенію въ Россію, бывшій до того командиромъ корвета и «сплавленный» начальникомъ эскадры

Тихаго океана, «безпокойнымъ» адмираломъ, подъ видомъ почетнаго назначенія, — высокій, полный и рыхлый мужчина лѣтъ пятидесяти, съ большимъ брюшкомъ, выдававшимся изъ-подъ разстегнутаго жилета, съ добродушно-веселымъ лицомъ. засмѣялся густымъ, сочнымъ смѣхомъ и, пустивши по адресу китайцевъ крѣпкое словечко, прибавилъ:

— Небось, зададутъ лататы другъ отъ друга. Трусы эти подлецы!

— Не угодно ли взглянуть на нихъ въ бинокль?

И капитанъ передалъ Ивану Ивановичу бинокль, а себѣ велѣлъ подать подзорную трубу.

Иванъ Ивановичъ разставилъ ноги, чтобъ крѣпче держаться, и, тяжело дыша и подсапывая крупнымъ мясистымъ носомъ, сталъ глядѣть на берегъ.

— Перестрѣливаются... Пугаютъ другъ друга, а не сходятся. Экіе болваны! — говорилъ Иванъ Ивановичъ и снова залился смѣхомъ.

Трудно было понять, отчего онъ смѣялся. Оттого ли, что «болваны» перестрѣливались, или оттого, что за завтракомъ Иванъ Ивановичъ, кромѣ трехъ рюмокъ джина, попробовалъ и хересъ, и лафитъ, и ликеры.

Смотрѣлъ и капитанъ въ подзорную трубу.

И вдругъ, словно бы осѣненный внезапной счастливой мыслью, обратился къ Ивану Ивановичу и проговорилъ:

— Не разрѣшите ли, Иванъ Ивановичъ, попробовать наше бомбическое орудіе?

Иванъ Ивановичъ, казалось, не понималъ, въ чемъ дѣло, и еще болѣе выкатилъ свои большіе рачьи глаза.

— То-есть какъ это попробовать?

— А послать бомбу этимъ канальямъ! Отличный будетъ сюрпризъ! — прибавилъ капитанъ, улыбаясь и, видимо, увлеченный сюрпризомъ.

Иванъ Ивановичъ понялъ, и мысль капитана ему понравилась, потому что онъ весело раскатился смѣхомъ и съ добродушіемъ начальника, охотно исполняющаго просьбы, проговорилъ:

— А что-жъ? Отчего не попробовать... По-про-буемъ! Валяйте, Андрей Николаевичъ! Только, конечно, въ бунтовщиковъ... Въ этихъ... Какъ вы назвали ихъ?

— Тайпинги, Иванъ Ивановичъ.

— Такъ пускайте безешку тайпингамъ... Пусть канальи поймутъ, какія бываютъ безешки... А какъ отличить бунтовщиковъ? Или... такъ... въ кого Богъ дастъ?

— Я у этого болвана спрошу! — сказалъ капитанъ и обратился къ лоцману.

Ничего не подозрѣвавшій китаецъ не безъ нѣкотораго достоинства указалъ на толпу своихъ единомышленниковъ и прибавилъ:

— Ужъ они недѣлю тому назадъ побили маньжуровъ... Тѣ бѣжали. И сегодня побѣгутъ...

— Что это онъ говоритъ, Андрей Николаевичъ?

— Надѣется, что мятежники разобьютъ правительственныя войска, Иванъ Ивановичъ. Онъ, видно, самъ тайпингъ.

— А вотъ мы ихъ шуганемъ!.. Ха-ха-ха! Тоже бунтовать, подлецы!

III.

Вергежинъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

Въ высшей степени взволнованный и возмущенный, глядѣлъ онъ то на капитана, то на Ивана Ивановича.

«Пьяны они, что ли?» — подумалъ мичманъ.

Но нѣтъ! Замѣтно веселъ былъ Иванъ Ивановичъ... Капитанъ былъ только слегка возбужденъ.

«Господи! Да что же они собираются дѣлать?» — мысленно спрашивалъ себя молодой человѣкъ.

— Владиміръ Сергѣичъ! Самый малый ходъ! — приказалъ капитанъ.

— Есть!

Вергежинъ повернулъ ручку машиннаго телеграфа.

«Голубчикъ» замедлилъ ходъ.

— Владиміръ Сергѣичъ! Вызовите прислугу къ первому нумеру. И за старшимъ артиллеристомъ послать... Крюйтъ-камеру открыть и зарядить орудіе большимъ зарядомъ и бомбой! — не спѣша, отчетливо и ясно отдавалъ капитанъ приказанія вахтенному начальнику.

Но Вергежинъ не двигался съ мѣста и какъ-то странно глядѣлъ въ глаза капитана. И въ этомъ взглядѣ стояли и укоръ и мольба.

— Вы слышали приказаніе? — высокомѣрно произнесъ капитанъ, отводя свой взглядъ.

— Слышалъ, но не считаю возможнымъ исполнить ваше приказаніе, Андрей Николаевичъ! — тихо, чуть слышно проговорилъ Вергежинъ, прикладывая руку къ козырьку фуражки.

— Что-съ? — изумленно спросилъ капитанъ, казалось, не понимая, что говоритъ мичманъ.

— Я отказываюсь исполнять такія приказанія. Прошу занести объ этомъ въ шканечный журналъ и протестовать меня... Стрѣлять въ людей...

Капитанъ не далъ Вергежину договорить.

Щуря позеленѣвшіе вдругъ глаза, онъ презрительно усмѣхнулся и сказалъ:

— Мнѣ не интересны ваши мнѣнія, г. Вергежинъ. Немедленно сдайте вахту смѣняющему васъ вахтенному начальнику.

И съ этими словами повернулся къ мичману спиной.

Иванъ Ивановичъ, стоявшій тутъ же, сдѣлалъ видъ, что ничего не слыхалъ, и только покосился на Вергежина.

— А какъ бы намъ не влетѣло, Андрей Николаевичъ? — шепнулъ онъ капитану.

— За что? Мы будемъ палить въ бунтовщиковъ...

— Развѣ что такъ. Какъ союзники богдыхана?..

— Именно... А случай хорошій попробовать стрѣльбу. Жаль упустить.

— То-то жаль...

И Иванъ Ивановичъ опять разсмѣялся.

Когда на мостикъ поднялся начальникъ 1-й вахты, лейтенантъ Кичинскій, рыжеватый блондинъ, съ нѣсколько ошалѣлымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, Вергежинъ сказалъ ему, что сдаетъ вахту по приказанію капитана, и, объяснивъ, чѣмъ вызвано это приказаніе, тихо прибавилъ:

— Откажитесь и вы, Василій Петровичъ. Вѣдь это возмутительное дѣло... Понимаете? Откажитесь. Подъ судъ можете попасть... Право, можете! — нарочно застращивалъ Вергежинъ трусливаго и безхарактернаго лейтенанта.

Но лейтенантъ Кичинскій растерянно взглянулъ на Вергежина и ничего не отвѣтилъ.

Капитанъ приказалъ ему вызвать прислугу къ бомбическому орудію, и Кичинскій тотчасъ же крикнулъ:

— Боцманъ!.. Прислугу къ первому нумеру! Зарядить его бомбой!

— Трусъ, трусъ, трусъ! — шепталъ Вергежинъ, спускаясь съ мостика.

Онъ стремительно вбѣжалъ въ каютъ-компанію и воскликнулъ:

— Господа! Да развѣ это возможно?

— Что вы взъерепенились, Володенька?.. И почему спустились внизъ? — спросилъ кто-то.

Волнуясь и спѣша, Вергежинъ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

Никто не отозвался. Всѣ молчали и всѣ вдругъ словно бы почувствовали неловкость.

Только пожилой врачъ изъ семинаристовъ замѣтилъ:

— Свинство порядочное.

— Хуже... Это — позоръ..,

— Не горячитесь, Владиміръ Сергѣичъ! Не ваше дѣло судить о распоряженіяхъ командира. Онъ самъ отвѣчаетъ за свои

поступки! — внушительно замѣтилъ суровый на видъ и большой добрякъ старшій офицеръ.

— Но если поступки сумасшедшіе?

— Я не могу допустить такихъ разговоровъ въ каютъ-компаніи. Прошу ихъ прекратить, Владиміръ Сергѣичъ!

И съ этими словами старшій офицеръ поднялся съ дивана и вышелъ изъ каютъ-компаніи.

Вышелъ и артиллеристъ, за которымъ прибѣжалъ съ вахты унтеръ-офицеръ.

Вслѣдъ за ними ушли наверхъ и остальные офицеры. Въ каютъ-компаніи остались только докторъ и Вергежинъ.

— Что-жъ это такое, докторъ?—чуть не плача, воскликнулъ мичманъ.

— Проба орудія...

— И вѣдь что̀ удивительно: умный и порядочный человѣкъ, а между тѣмъ... Это что-то невѣроятное...

— Быть-можетъ, вліяніе хорошаго завтрака... Это вѣрнѣе всего.

— И всѣ молчатъ!

— Какъ видите.

— Нѣтъ, я, какъ вернемся въ Россію, выйду въ отставку!— рѣшительно воскликнулъ Вергежинъ.

— И хорошо сдѣлаете,—отвѣтилъ докторъ.

IV.

Выраженіе ужаса исказило черты желтаго безстрастнаго лица лоцмана и мелькнуло въ его глазахъ, когда онъ увидалъ, что заряжаютъ орудіе.

Но китаецъ овладѣлъ собой и, казалось, что-то обдумывалъ.

— Надо держать у лѣваго берега... Право на бортъ!—вдругъ проговорилъ онъ, обращаясь къ вахтенному офицеру.—Здѣсь мелко... Нельзя идти!—пояснилъ лоцманъ.

— Право на бортъ!—скомандовалъ лейтенантъ Кичинскій.

— Это зачѣмъ?—крикнулъ капитанъ.

— Лоцманъ сказалъ.

— Эта каналья вретъ. Онъ—тайпингъ и хочетъ насъ одурачить. Держать ближе къ правому берегу.

— Есть!

И рулевые снова переложили рулъ.

Тогда лоцманъ подошелъ къ капитану и сказалъ:

— Я ошибся, капитанъ... Я виноватъ, капитанъ...

— Что̀ такое?

— Тайпинги не эти. Вонъ гдѣ тайпинги, капитанъ!—говорилъ онъ, указывая вздрагивающей рукой на войско манджуровъ-имперіалистовъ.

— Врешь ты...

— О, нѣтъ, капитанъ. Я тогда не разглядѣлъ, а теперь хорошо вижу.

Капитанъ насмѣшливо улыбнулся.

— Капитанъ...

— Убирайся прочь...

Лоцманъ отошелъ и замеръ въ неподвижной позѣ у компаса.

Орудіе, стоявшее впереди мостика, у гротъ-мачты, было заряжено, и артиллеристъ, приблизившись къ капитану, доложилъ:

— Готово! Куда прикажете палить?

И странное дѣло! Этотъ вопросъ поставилъ, повидимому, капитана въ нѣкоторое затрудненіе, и онъ нѣсколько секундъ не отвѣчалъ.

Хмель, если онъ и былъ въ его головѣ, выскочилъ въ эту минуту, и намѣреніе послать бомбу въ тайпинговъ вдругъ представилось ему невозможной, нелѣпой жестокостью.

Но отмѣнить приказаніе, велѣть разрядить орудіе казалось ему несовмѣстимымъ съ его капитанскимъ престижемъ.

Почти всѣ офицеры и матросы были наверху. Недоумѣвающіе, молчаливые и, казалось, втайнѣ осуждающіе то, что готово было совершиться, смотрѣли они то на мостикъ, гдѣ стояло начальство, то на берегъ, откуда доносились ружейные выстрѣлы.

Вотъ передъ этими-то всѣми людьми капитанъ, ревниво оберегающій свое достоинство, и не хотѣлъ показаться смѣшнымъ, отмѣнивши свое приказаніе и словно бы показавши передъ всѣми, что онъ испугался протеста мичмана Вергежина.

И, бросивъ взглядъ на палубу, онъ замѣтилъ, что Вергежина и доктора нѣтъ наверху. И онъ понялъ, почему ихъ нѣтъ, понялъ ихъ негодованіе, и самъ испытывалъ въ эту минуту тяжелое чувство человѣка, попавшаго въ невозможное положеніе.

Но, разумѣется, ничто не выдавало мучительности его душевнаго состоянія. Казалось, онъ былъ совершенно спокоенъ и зналъ, что надо дѣлать.

И, взглядывая на берегъ и измѣряя своимъ привычнымъ «морскимъ глазомъ» разстояніе, онъ наконецъ тихо сказалъ артиллеристу:

— Поставьте на самый дальній прицѣлъ и наведите орудіе въ промежутокъ между двумя толпами китайцевъ: посмотримъ, какъ далеко упадетъ снарядъ.

Выходъ былъ найденъ.

И повеселѣвшій капитанъ, усмѣхнувшись, прибавилъ:

— Бомба должна упасть далеко за этими канальями. Такъ смотрите: на самый дальній прицѣлъ!

— Есть!—отвѣчалъ пожилой артиллеристъ изъ «бурбоновъ» и, казалось, былъ нѣсколько разочарованъ.

Спустившись съ мостика, онъ отдалъ приказаніе комендору.

Минуты черезъ двѣ-три орудіе было наведено. Артиллеристъ самъ нѣсколько разъ провѣрилъ наводку и, обливаясь потомъ, красный какъ ракъ и нѣсколько торжествующій, что служитъ предметомъ общаго вниманія, смотрѣлъ, выпучивъ глаза, на мостикъ, ожидая приказанія стрѣлять.

На палубѣ наступила тишина, та угнетающая тишина, которая невольно бываетъ при видѣ чего-то непонятнаго, возмущающаго людскую совѣсть...

Почти всѣ матросскія лица были напряженно-серьезны. У всѣхъ, казалось, была одна и та же мысль. И она искала выхода въ вопросѣ, которымъ тихо обмѣнивались матросы:

— Неужто въ людей будемъ палить?

И веселыя лица начальниковъ, стоявшихъ на мостикѣ, вызывали осужденіе.

— Гляди, какъ Атойка замеръ!—замѣтилъ кто-то изъ матросовъ.

— А ты думалъ какъ?.. Въ его будутъ палить. Ему и жалко.

А лоцманъ-китаецъ дѣйствительно словно бы замеръ.

Его желто-блѣдное съ обтянутыми щеками лицо стало еще желтѣй и въ своей неподвижности, съ закрытыми глазами, казалось безжизненнымъ.

О чемъ думалъ, какъ проклиналъ въ эти минуты китаецъ «варваровъ», которые готовы были шутя совершить ужасное дѣло?

Онъ открылъ глаза. Взглядъ ихъ сверкнулъ выраженіемъ ненависти и презрѣнія.

V.

— Можно стрѣлять!—сказалъ капитанъ вахтенному офицеру и сталъ смотрѣть въ подзорную трубу.

— Стрѣляйте!—отдалъ приказаніе вахтенный офицеръ.

Всѣ бинокли и всѣ глаза устремились на берегъ. Онъ былъ въ близкомъ разстояніи, такъ какъ, по приказанію капитана, клиперъ приблизился къ берегу.

— Пли!—скомандовалъ артиллеристъ.

Раздался оглушительный грохотъ выстрѣла бомбическаго орудія и вслѣдъ затѣмъ рѣзкій, шипящій свистъ вылетѣвшаго

снаряда. Пушка стремительно откатилась назадъ. Бѣлое облачко дымка недвижно стояло у борта, не сразу тая въ раскаленномъ воздухѣ.

Черный шарикъ, обратившійся въ едва замѣтную точку, описавъ покатую дугу, быстро скрылся изъ глазъ. Еще минута, и далеко-далеко за сражавшимися блеснулъ огонекъ и раздался трескъ разорвавшейся бомбы.

Мертвенное лицо китайца словно бы ожило, и съ матросскихъ лицъ вдругъ исчезла напряженность.

— Не въ людей, значитъ! — уже громко и съ чувствомъ невольнаго облегченія проговорилъ какой-то невзрачный, рябенькій, низенькій матросикъ и перекрестился.

— А ты думалъ въ людей, дурья голова? Станетъ *онъ* палить въ безвинныхъ людей. Небось, не станетъ!.. Такъ, пробу орудія велѣлъ сдѣлать!—отвѣчалъ другой матросъ, еще за минуту не сомнѣвавшійся въ томъ, что будутъ стрѣлять въ «китайца».

Словно бы чувствовавшій себя виноватымъ за такую увѣренность, онъ теперь защищалъ капитана.

А капитанъ приказалъ закрѣпить орудіе по-походному и распустить орудійную прислугу, подошелъ къ Ивану Ивановичу и тихо проговорилъ:

— Я не велѣлъ стрѣлять въ этихъ каналій. Чортъ съ ними! Что ихъ трогать!

— И отлично сдѣлали!—обрадованно отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.—А то дошло бы какъ-нибудь до Петербурга, что мы съ вами чужихъ бунтовщиковъ угощаемъ бомбой... Эти подлецы не стоятъ того, чтобы изъ-за нихъ имѣть непріятности съ начальствомъ.

— И я то же подумалъ, Иванъ Ивановичъ.

— И знаете ли что, Андрей Николаичъ?

— Что прикажете, Иванъ Ивановичъ?

— Не прикажу, а попрошу васъ, Андрей Николаичъ, не заносить объ этомъ выстрѣлѣ въ шканечный журналъ.

— Я прикажу не заносить.

— Такъ-то и лучше безъ официальности. А то... мало ли что выйдетъ? Почему стрѣляли? Зачѣмъ стрѣляли въ китайскій берегъ? И окажется потому, что мы съ вами, Андрей Николаичъ, позавтракали хорошо и что вино у насъ отличное...

Иванъ Ивановичъ весело разсмѣялся и прибавилъ:

— А теперь не худо бы содовой съ коньякомъ. Какъ вы объ этомъ думаете, Андрей Николаичъ?

— Мысль не дурная, Иванъ Ивановичъ.

— Такъ приходите скорѣй. А я жариться болѣе не намѣренъ,—проговорилъ Иванъ Ивановичъ и ушелъ съ мостика.

Капитанъ приказалъ дать полный ходъ и сказалъ лейтенанту Кичинскому:

— Сдайте вахту Владиміру Сергѣичу. Ему вѣдь достаивать!

И передъ тѣмъ, что̀ уйти съ мостика, онъ подошелъ къ лоцману и, потрепавъ его по плечу, шутливо промолвилъ:

— Что̀, Атой, струсилъ за своихъ тайпинговъ?

— Я за нихъ не боялся, капитанъ!

— Еще какъ боялся! И хотѣлъ, чтобы мы въ манджуровъ стрѣляли. И мели у праваго берега выдумалъ... Струсилъ, признайся?

— Нѣтъ, капитанъ. Я вполнѣ былъ увѣренъ, что русскій великодушный капитанъ не прикажетъ стрѣлять въ чужихъ людей, которые ему ничего не сдѣлали!.. — съ изысканною вѣжливостью отвѣтилъ китаецъ и въ знакъ уваженія присѣлъ на корточки.

Капитанъ болѣе не продолжалъ шутливыхъ разспросовъ и, казалось, нѣсколько сконфуженный, торопливо спустился внизъ и ушелъ въ каюту пить содовую воду съ коньякомъ.

«Голубчикъ» опять пошелъ полнымъ ходомъ, разсѣкая своимъ острымъ носомъ мутно-желтую воду Янтсе-Кіанга. На клиперѣ снова всѣ изнывали отъ адской жары, кромѣ Атоя, недвижно стоявшаго у компаса.

По временамъ онъ поворачивалъ свое желтое лицо назадъ и смотрѣлъ на берегъ. Но скоро клиперъ повернулъ въ изгибъ рѣки, и сражавшихся не было видно.

— А что̀, Атой, тайпинги побьютъ манджуровъ?—спросилъ Вергежинъ.

— Непремѣнно!—отвѣтилъ лоцманъ.

И взглядъ его узкихъ темныхъ глазъ свѣтился мягче, когда онъ глядѣлъ на Вергежина.

Повидимому, китаецъ догадывался, отчего молодой мичманъ былъ смѣненъ съ вахты и не былъ наверху во время стрѣльбы.

ПЕРВОГОДОКЪ.

I.

Когда на пятый день послѣ ухода изъ Кронштадта корвета «Ястребъ» въ кругосвѣтное плаваніе «засвѣжѣло», какъ говорятъ моряки, и корветъ бросало точно щепку со стороны на сторону по волнамъ разбушевавшагося Нѣмецкаго моря,—молодой матросикъ Егоръ Пѣвцовъ струсилъ не на шутку.

Это было первое его знакомство съ бурей на морѣ, его морское крещеніе.

Пѣвцовъ былъ въ числѣ вахтенныхъ и потому въ это осеннее непривѣтное утро находился наверху, на палубѣ «Ястреба», который подъ зарифленными парусами, поднимаясь съ волны на волну и раскачиваясь, несся съ крѣпкимъ попутнымъ вѣтромъ, доходящимъ до степени шторма, верстъ по 17 въ часъ.

На немъ было сто семьдесятъ пять матросовъ, пятнадцать офицеровъ, священникъ и докторъ.

Блѣдный, какъ смерть, съ помутившимся взглядомъ сѣрыхъ большихъ глазъ, стоялъ матросикъ у гротъ-мачты, крѣпко вцѣпившись рукой въ снасти, чтобы не упасть на качающейся палубѣ, которая словно бы уходила изъ-подъ его ногъ, еще не привычныхъ сохранять равновѣсіе во время качки,—и, полный страха, взглядывалъ на высокія засѣдѣвшія волны, бросавшіяся со всѣхъ сторонъ на «Ястребъ» и съ грознымъ гуломъ разбивающіяся одна о другую.

Далеко-далеко раскинулось бурное море, вздымаясь высокими холмами. Бѣлоснѣжные гребни ихъ пѣнились и, срываемые вѣтромъ, разсыпались жемчужною пылью.

Идетъ непрерываемый морской гулъ, сливающійся съ воемъ вѣтра, который то стонетъ, то гудитъ, проносясь по мачтамъ, парусамъ и снастямъ и потрясая веревки. Небо покрыто низ-

кими, черными, быстро несущимися облаками. Горизонтъ застланъ мглою.

Мрачно, тоскливо и холодно кругомъ.

Щемящая тоска и на сердцѣ матроса, впервые увидавшаго бушующее море и въ страхѣ преувеличивающаго опасность. Оно чужое ему, страшное и постылое, и онъ думаетъ, что нѣтъ постылѣй морской службы. То ли дѣло на сухомъ пути!

И когда корветъ, въ своихъ стремительныхъ размахахъ, ложится бокомъ, и верхушки волнъ вливаются черезъ бортъ на палубу, молодой матросъ въ ужасѣ широко открываетъ глаза и весь замираетъ.

Ему кажется, что корветъ не поднимется, что вотъ-вотъ эти свинцовыя водяныя горы, которыя тутъ, такъ близко, въ нѣсколькихъ шагахъ, поглотятъ судно со всѣми людьми, и нѣтъ спасенія. Смерть неминуема,—она глядитъ холодная и страшная изъ этихъ холодныхъ и страшныхъ волнъ.

А жить такъ хочется, такъ страстно хочется. За что умирать?

И матросикъ шепчетъ побѣлѣвшими, вздрагивающими губами:

— Господи, спаси и помилуй! Господи, спаси и помилуй!

Но корветъ уже поднялся однимъ бокомъ и стремительно ложится другимъ.

И въ эти мгновенные промежутки надежда закрадывается въ потрясенную душу матроса.

II.

Егоръ Пѣвцовъ первогодокъ.

Всего только шесть мѣсяцевъ тому назадъ, какъ его, неуклюжаго, крѣпкаго и приземистаго, бѣлобрысаго двадцатиоднолѣтняго паренька, съ большими добродушными сѣрыми глазами, въ числѣ другихъ новобранцевъ, привели въ Кронштадтъ изъ глухой деревушки Вологодской губерніи.

Онъ сдѣлался матросомъ, никогда въ жизни не видавши не только моря, но даже и озера. Видалъ онъ только маленькую рѣчонку Выпь, протекавшую у деревни.

Его помѣстили въ казарму, одѣли въ матросскую форму, и на другой же день экипажный командиръ, осматривавшій новобранцевъ, оглядѣвъ Пѣвцова, проговорилъ, обращаясь къ командиру роты, въ которую былъ назначенъ Пѣвцовъ:

— Изъ этой «деревни» хорошій марсовой выйдетъ!

И затѣмъ спросилъ Пѣвцова:

— Какъ зовутъ?

— Егоромъ!—испуганно отвѣчалъ новобранецъ.

— Фамилія?

Матросикъ въ недоумѣніи моргалъ глазами.

— Прозвище какъ?

— Пѣвцовъ...

— Вологодскій?

— Вологодскіе будемъ.

— Ну, братецъ, служи хорошо!.. Будь молодцомъ... Всѣ, смотри, будьте молодцами!—подбодрилъ экипажный командиръ новобранцевъ.

И вслѣдъ затѣмъ прибавилъ суровымъ тономъ:

— А не то...

Онъ не досказалъ и ушелъ.

Но всѣ новобранцы поняли, въ чемъ дѣло. Они уже слышали, когда шли въ партіи, что на службѣ спуска не даютъ.

Дѣйствительно, въ тѣ времена спуска не давали, и матросовъ учили при помощи очень суровыхъ наказаній.

Послѣ крестьянской жизни трудно было Пѣвцову привыкать къ казармѣ.

Онъ первое время находился въ постоянномъ страхѣ и, что̀ называется, лѣзъ изъ кожи вонъ, чтобы не навлечь на себя наказанія. Но по тѣмъ временамъ это не всегда было возможно.

Унтеръ-офицеръ Захарычъ, назначенный обучать новобранцевъ выправкѣ и ружейнымъ пріемамъ, добродушный внѣ службы пожилой человѣкъ, не отличался большимъ терпѣніемъ и, самъ выученный далеко не ласково, находилъ, что безъ боя «никакъ невозможно обломать деревенщину» и, какъ онъ выражался, привести въ «форменный разсудокъ».

И этотъ унтеръ-офицеръ нерѣдко звѣрѣлъ во время учобы. Ему все казалось, что «деревня» необыкновенно упорна и не «обламывается» съ тою скоростью, съ какою бы ему хотѣлось: и грудь не выпячена, и молодцоватаго вида нѣтъ... Однимъ словомъ, новобранцы—мужики-мужиками. Пожалуй, и ротный за это не похвалитъ и велитъ «всыпать» учителю.

И глаза учителя наливались кровью; его красноватое лицо съ багровымъ отъ пьянства носомъ перекашивалось, и онъ начиналъ «крошить».

Матросикъ покорно выдерживалъ удары озвѣрѣвшаго унтеръ-офицера и только блѣднѣлъ и жмурилъ глаза. Но потомъ цѣлый день былъ самъ не свой. Полный тоски и обиды, забивался онъ куда-нибудь въ уголъ и думалъ горькія думы о безвыходности своего положенія.

Подобная муштровка происходила ежедневно. Несмотря на

старанія Пѣвцова угодить своимъ усердіемъ Захарычу, рѣдкій день обходился безъ того, чтобы матросикъ не былъ избитъ.

А Захарычъ вдобавокъ еще говоритъ:

— Это еще что!.. на сухой пути... А въ морѣ будетъ вамъ, подлецы, настоящая раздѣлка!

Подтвержденіе этихъ словъ о настоящей «раздѣлкѣ» въ морѣ молодой матросъ не разъ слышалъ въ казармѣ изъ обычныхъ разговоровъ, которыми коротали вечера матросы. Наслушался онъ о строгостяхъ на судахъ, о разныхъ командирахъ и старшихъ офицерахъ, которые за всякую малость приказывали полировать спину, и о томъ, какъ тяжела и опасна матросская служба въ морѣ, и о томъ, какіе бываютъ въ морѣ штормы и ураганы.

Отчаяніе и страхъ закрадывались въ сердце молодого матроса; и въ голову его пришла мысль о побѣгѣ.

Мысль эта не покидала первогодка. Его манилъ къ себѣ густой, старый лѣсъ, который онъ такъ любилъ и куда, бывало, ходилъ стрѣлять рябчиковъ изъ своего сквернаго ружьишка. Его манили поля... манила деревня съ черными покосившимися избушками.

Тамъ все свое, родное, къ чему онъ привыкъ съ дѣтства... Здѣсь все чужое... и это море...

О, какимъ постылымъ показалось ему оно, когда онъ увидалъ его однажды со стѣнки купеческой гавани, въ одно изъ воскресеній, когда былъ отпущенъ изъ казармъ погулять!

III.

Жестокое наказаніе, которому при всей ротѣ былъ подвергнутъ одинъ «отчаянный» матросъ, пропившій всѣ казенныя вещи, бывшія на немъ, произвело потрясающее впечатлѣніе на Пѣвцова.

Послѣ этого случая мысль о побѣгѣ не давала покоя матросику.

И ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ Пѣвцовъ былъ приведенъ въ Кронштадтъ и выучивался у Захарыча,—онъ въ одно изъ воскресеній, отпущенный гулять, рѣшился не возвращаться болѣе въ казармы.

Кронштадтскій босякъ, съ которымъ познакомился Пѣвцовъ на рынкѣ и потомъ зашелъ съ нимъ въ кабакъ, увѣрилъ молодого матроса, что въ Питерѣ паспортъ легко раздобыть, стоитъ только найти тамъ Вяземскую лавру; а съ паспортомъ живи, гдѣ угодно.

Часу въ десятомъ утра Пѣвцовъ съ завѣтнымъ рублемъ въ карманѣ, рублемъ, принесеннымъ изъ деревни,—шелъ по льду, черезъ море, въ Ораніенбаумъ.

Шелъ онъ не по дорогѣ, а стороной отъ нея, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь.

Уже Пѣвцовъ былъ на половинѣ дороги, порядочно прозябши въ рваномъ армякѣ, который ему далъ босякъ въ обмѣнъ на казенную шинель, какъ увидалъ, что навстрѣчу ему идетъ матросъ, лицо котораго было почти закрыто башлыкомъ.

Скоро они сблизились. И вдругъ встрѣчный остановился и крикнулъ:

— Егорка! стой!

Матросикъ такъ-таки и обомлѣлъ: передъ нимъ стоялъ Захарычъ.

Изумленъ былъ и Захарычъ.

— Положимъ, я выпивши... У кумы въ Рамбовѣ былъ. Но только по какой причинѣ ты въ такомъ видѣ? Обсказывай, Егорка!

— Не погуби, Захарычъ!

— Я не душегубъ, Егорка... Я совѣсть имѣю. Говори сей секундъ, что это ты задумалъ... Никакъ бѣжать?

— Силушки моей не стало, Захарычъ...

— Въ отчаянность пришелъ?..

— Въ отчаянность...

— Изъ-за чего?.. Изъ-за меня?..—дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Захарычъ.

— Изо всего... И изъ-за тебя... Захарычъ...

— А я не съ сердцемъ, Егорка,—виновато сказалъ Захарычъ.—Надо обламывать тебя... форменнаго матроса сдѣлать... Мнѣ и невдомекъ, что ты такой... обидчивый... А я вотъ что тебѣ скажу: не бѣгай, Егорка!.. Не бѣгай, дурья голова!.. Я тебѣ добромъ говорю... Никому не доложу, что встрѣтилъ тебя... Иди, коли хочешь, съ Богомъ, но только пропадешь ты... Поймаютъ тебя и скрозь строй... за бѣга... А слышалъ ты, какъ это скрозь строй гоняютъ?

— Слышалъ...

— То-то и есть... Не дай Богъ!

— Все равно пропадать... И теперь ежели вернуться, пропалъ я.

— Пропалъ!? Я тебѣ не дамъ пропасть... Ежели я тебя до такой отчаянности довелъ боемъ, что ты вонъ въ армячишкѣ рваномъ бѣжать рѣшился, то я и вызволить тебя долженъ, Егорка... Небось, не пропадешь... Совѣсть-то у меня есть... Валимъ въ Рамбовъ!.. Тамъ я тебя опять, какъ слѣдуетъ, одѣну, и будешь ты снова матросъ... И ни одна душа не узнаетъ.

Матросикъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Захарычъ, который мучилъ его, такъ ласково говоритъ, жалѣетъ его.

И, тронутый этой лаской до глубины души, онъ могъ только взволнованно проговорить:

— Захарычъ... Спасибо!

— И чувствительный же ты парень, Егорка!.. Такъ валимъ, что ли? Ишь вѣдь, зазябъ!

Они пошли вмѣстѣ въ Ораніенбаумъ и скоро были у кумы.

— Здорово, кума! Опять обернулся! Надо съ тобой обмозговать одно дѣло!.. Только прежде поднеси шкаликъ парню. Зазябъ больно. И мнѣ по спопутности!—весело говорилъ Захарычъ кумѣ, не старой еще женщинѣ, вдовѣ боцмана.

Послѣ того, какъ оба выпили по шкалику, Захарычъ о чемъ-то зашептался съ кумой, и она тотчасъ же куда-то исчезла.

Вскорѣ она вернулась съ форменной матросской шинелью и фуражкой, и матросика обрядили.

— Ну, теперь айда домой, Егорка!.. Только прежде еще по шкалику... Не такъ ли, кума? И провористая же баба моя кума, Егорка!..

Выпили еще и пошли въ Кронштадтъ.

И когда матросикъ вернулся въ казарму, она была ему ужъ не такъ постыла.

На другой день всѣ новобранцы, бывшіе въ учобѣ у Захарыча, замѣтили, что онъ не такъ уже звѣрствуетъ, какъ раньше. Правда, ругань попрежнему лилась непрерывно, и одного непонятливаго онъ съѣздилъ по уху, но съѣздилъ легко и вообще дрался съ разсудкомъ.

А Пѣвцова, старавшагося изо всѣхъ силъ, даже похвалилъ и вечеромъ позвалъ пить чай.

Когда мѣсяца черезъ три матросика назначили въ кругосвѣтное плаваніе и онъ затосковалъ, Захарычъ, тоже назначенный на «Ястребъ», старался утѣшить своего любимца и обѣщалъ сдѣлать изъ него хорошаго марсового.

— Главное дѣло, не бойся! Вначалѣ будто боязно, когда тебя, примѣрно, на реѣ качаетъ; а потомъ ничего... Видишь, что другіе матросики не боятся, стараются... Чѣмъ же ты хуже ихъ? Я, братецъ ты мой, десять лѣтъ былъ марсовымъ и, какъ послали меня въ первый разъ марсель крѣпить, тоже полагалъ, что тутъ мнѣ и крышка. Либо въ море упаду, либо башку размозжу о палубу. А вотъ, какъ видишь, цѣлъ вовсе.

— Сказываютъ, строгость большая на морѣ, Захарычъ?

— Какъ слѣдуетъ быть... Но только, ежели ты самъ держишь себя въ строгости, то не за что тебя и драть, какъ сидорову козу, коли командиръ и старшій офицеръ наказы-

ваютъ не зря или въ безпамятствѣ ума, а по чести и съ разсудкомъ... Безъ взыску нельзя... Такая ужъ взыскательная флотская служба...

— А какъ нашъ командиръ и старшій офицеръ? Очень строгіе?—съ жаднымъ любопытствомъ спросилъ молодой матросъ.

— То-то нѣтъ... Тебѣ на первый разъ посчастливилось, Егорка! И жалостливые и матросомъ не брезгуютъ... Понимаютъ, что у матроса не барабанная шкура, и задарма нѣтъ у нихъ положенія раздѣлывать спину. Особенно капитанъ... Я съ нимъ плавалъ одно лѣто... Съ большимъ понятіемъ человѣкъ... Съ имъ не нудно служить...

— А старшій офицеръ?..

— Ишь вѣдь пужливый ты... допытываешься!—добродушно усмѣхнулся Захарычъ.

И, помолчавъ, продолжалъ:

— Матросы, кои служили съ нимъ раньше, сказывали, что доберъ... Однако любитъ при случаѣ по зубамъ пройтись. Да ты, Егорка, не сумлѣвайся насчетъ этого!—вставилъ Захарычъ, замѣтивъ испугъ на лицѣ первогодка.—У его рука, сказывали, легкая! А поретъ по справедливости, если кто свиноватилъ. А чтобы понапрасну обезкураживать человѣка—ни Боже мой! Да чего бояться? Ты у меня исправный и старательный матросикъ. За что тебя драть? И вовсе не за что! Такъ-то, Егорка! Счастье твое, что попалъ ты на судно къ такому доброму капитану!

Эти слова, а главное, тонъ ихъ, ласковый и душевный, очень подбодрили молодого матроса.

IV.

И первые дни плаванія не показались ему страшными.

Несмотря на позднюю осень, погода стояла тихая, и въ Финскомъ заливѣ и въ Балтійскомъ морѣ не было ни вѣтра ни волненія. Стоялъ штиль, и корветъ, не покачиваясь, шелъ-себѣ подъ парами, попыхивая дымкомъ изъ горластой трубы.

Первогодокъ былъ назначенъ во вторую вахту. Онъ долженъ былъ находиться на палубѣ, у гротъ-мачты, въ числѣ «шканечныхъ» и исполнять работы, требующія только мускульнаго труда, т. е. тянуть, или, какъ говорятъ матросы, «трекать» снасти (веревки).

Наверхъ взбираться, на ванты, и крѣпить паруса его не посылали еще.

Привыкъ онъ и къ судовой жизни, къ жизни по точному расписанію. Привыкъ, по свистку боцмана, вскакивать въ пять часовъ утра изъ своей койки, подвѣшенной вмѣстѣ съ другими

въ междупалубномъ пространствѣ, называемомъ «жилой палубой», скатывать койку, нести ее наверхъ и класть въ бортовое гнѣздо, затѣмъ пѣть во фронтѣ утреннюю молитву и послѣ кашицы и чая приниматься за обычную «уборку» палубы: скоблить ее камнемъ, проходить шваброй, окачивать водой, словомъ, доводить до той «каторжной», какъ говорятъ матросы, чистоты, которою щеголяютъ военныя суда.

Послѣ мытья палубы начиналась чистка орудій, бортовъ и всѣхъ мѣдныхъ вещей, находящихся на палубѣ: поручней, кнехтовъ, утокъ и т. п. Суконокъ и кирпича не жалѣли.

И во время этой «убирки», то-есть до 8 часовъ утра, когда поднимался флагъ и начинался судовой день, молодой матросъ привыкъ видѣть небольшую, круглую фигуру старшаго офицера, который носился по корвету, заглядывая то туда, то сюда, покрикивая своимъ тоненькимъ теноркомъ и иногда «смазывая» лица лодырей-матросиковъ, которые вмѣсто работы болтали.

Привыкъ Егоръ и слушать, какъ заливается «соловей». Такъ называли матросы стараго боцмана Зацѣпкина, который во время уборки, почти не переставая, «заливался», то-есть ругался, выпуская такія затѣйливыя словечки, которыя вызывали нерѣдко веселое настроеніе въ матросикахъ. До того эти варіаціи были неожиданны и затѣйливы.

Къ восьми часамъ уборка кончалась, и начинался день.

Благодаря гуманному отношенію командира, и дни не казались тяжелыми Егору.

До одиннадцати часовъ утра онъ вмѣстѣ съ другими матросами занятъ былъ какой-нибудь нетрудной работой наверху. Ему поручали или плести матъ, или скоблить шлюпку, или разбирать по сортамъ пеньку. Каждый былъ занятъ дѣломъ. И тогда слышно было, какъ на палубѣ за работой мурлыкались вполголоса пѣсни.

А въ одиннадцать уже шабашили, и въ началѣ двѣнадцатаго два боцмана и всѣ унтеръ-офицеры становились въ кружокъ и долгимъ свистомъ возвѣщали о раздачѣ водки. Выносилась на палубу большая ендова, и каждый, по вызову, подходилъ и пилъ чарку. Выпивалъ и молодой матросикъ и съ аппетитомъ ѣлъ вкусныя матросскія щи, мясо изъ нихъ и затѣмъ кашу. Кормили отлично въ морѣ, и Егоръ отъѣдался на хорошихъ харчахъ.

Послѣ обѣда, если Егоръ не стоялъ на вахтѣ, онъ вмѣстѣ съ другими отдыхалъ, растянувшись въ жилой палубѣ, пока въ три часа свистокъ боцмана не будилъ спавшихъ. Отъ трехъ до четырехъ шло обученіе грамотѣ, и Пѣвцовъ съ особенной охотой занимался съ однимъ изъ молодыхъ офицеровъ

и слушалъ, когда этотъ же офицеръ читалъ матросамъ что-нибудь вслухъ.

Послѣ этихъ занятій было какое-нибудь ученье,—парусное или артиллерійское, — но недолгое, благодаря распоряженію капитана не изнурять людей, и безъ того устававшихъ во время вахтъ. А на вахтѣ приходилось стоять по шести часовъ.

Съ пяти часовъ работъ ужъ не было, и въ это время матросы обыкновенно собирались на бакѣ, слушали хоръ пѣсенниковъ и вели между собою бесѣды. Въ шесть ужинали и въ восьмомъ часу уже свистали на молитву, а послѣ молитвы отдавалось приказаніе брать койки.

И подвахтенные отправлялись спать и спали крѣпкимъ сномъ наработавшихся за день людей до утра, если только среди ночи не раздавался въ палубѣ тревожный свистокъ въ дудку и вслѣдъ затѣмъ зычный окрикъ боцмана:

— Пошелъ всѣ наверхъ рифы брать!..

Такой окрикъ раздался въ шестую ночь послѣ выхода изъ Кронштадта, когда корветъ вошелъ въ непривѣтное Нѣмецкое море, отличающееся неправильнымъ и очень безпокойнымъ волненіемъ.

Егоръ проснулся, соскочилъ съ койки и едва устоялъ на ногахъ, — такъ сильно качало. Испуганный, онъ крестился и въ первую минуту растерялся.

— Живо... живо! Копайся у меня!—раздался грозный окрикъ боцмана Зацѣпкина.

И его здоровая, широкоплечая фигура посилась въ слабо освѣщенной нѣсколькими фонарями жилой палубѣ, и палуба оглашалась руганью.

— Вали наверхъ, черти! Летомъ, идолы!.. Не то подгоню!

Матросикъ торопливо надѣвалъ короткое пальто-буршлатъ и искалъ шапку.

Изъ открытаго люка доносился шумъ вѣтра.

Матросы стремглавъ выбѣгали наверхъ, а Егоръ, не привыкшій ходить по качающейся палубѣ и растерянный, замѣшкался.

Въ эту минуту сверху спустился бывшій на вахтѣ Захарычъ и подошелъ къ нему.

— Иди... иди... не бойся, Егорка! А то боцманъ тебя не похвалитъ!..—проговорилъ Захарычъ.

И Пѣвцовъ, съ трудомъ перебирая ногами, чтобы не упасть, вышелъ однимъ изъ послѣднихъ на палубу, направляясь къ своему мѣсту, къ гротъ-мачтѣ.

Его хватилъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, и у бака обдало солеными брызгами.

То, что̀ увидалъ онъ при слабомъ свѣтѣ луны, наполнило его сердце страхомъ.

А между тѣмъ ничего особенно страшнаго еще не было. Вѣтеръ только еще начиналъ крѣпчать, разводя большое волненіе, и корветъ порядочно-таки качало. Море гудѣло, но ревъ его еще не былъ страшенъ.

— Марсовые, къ вантамъ! По марсамъ!—раздался звонкій, крикливый тенорокъ старшаго офицера.

Стоявшій на палубѣ первогодокъ увидалъ, какъ полѣзли наверхъ матросы, какъ затѣмъ расползлись по реямъ и стали дѣлать свое трудное матросское дѣло: брать рифы у марселей. Ихъ маленькія черныя перегнувшіяся фигуры раскачивались вмѣстѣ съ реями, и молодому матросу казалось, что вотъ-вотъ сію минуту кто-нибудь сорвется съ реи и упадетъ въ бушующее море или шлепнется на палубу.

И сердце его замирало, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ удивлялся смѣлости матросовъ.

Вмѣстѣ съ другими Егоръ «трекалъ» снасть. И сосѣдъ его, тоже первогодокъ, пожаловался:

— Съ души рветъ. Моченьки нѣтъ. А тебя, Егорка?

— Мутитъ.

— И, страсти какія... Господи!

— Не разговаривать!—сердито крикнулъ офицеръ, завѣдывавшій гротъ-мачтой.

— Я тебѣ поговорю! — прошепталъ унтеръ-офицеръ, грозя кулакомъ.

Молодые матросы притихли.

Авралъ продолжался долго.

Взяли 4 рифа у марселей, убрали нижніе паруса, спустили стеньги, закрѣпили покрѣпче орудія.

И, когда корветъ былъ готовъ встрѣтить штормъ, просвистали: «подвахтенныхъ внизъ».

Егоръ спустился въ душную палубу, забрался въ койку и испуганно озирался.

— Спи, спи, деревня!—насмѣшливо кинулъ ему сосѣдъ по койкѣ.

— Страшно...

— Это какое еще страшно!.. Это что̀ еще... А вотъ что̀ завтра Богъ дастъ!..

— А что̀ завтра?..

Но сосѣдъ отвѣчалъ громкимъ храпомъ.

Скоро заснулъ и Егоръ.

Когда съ восьми часовъ онъ вступилъ на вахту, буря уже разыгралась, и первогодокъ былъ въ ужасѣ.

V.

Онъ все еще цѣпенѣлъ отъ страха во время размаховъ корвета; но страхъ понемногу ослабѣвалъ, и нервы его словно бы притупились. Но, главное, онъ видѣлъ, что старые матросы, хоть и были сосредоточены и серьезны, но никакого страха на ихъ лицахъ не было.

И капитанъ, и старшій офицеръ, и старшій штурманъ, и молодой вахтенный мичманъ, тотъ самый мичманъ, который училъ Егора грамотѣ,—всѣ они, повидимому, спокойно стояли на мостикѣ, уцѣпившись за поручни и взглядывая впередъ.

А боцманъ Зацѣпкинъ, находившійся на бакѣ, кого-то ругалъ съ такою же беззаботностью, съ какою онъ это дѣлалъ и въ самую тихую погоду.

Все это дѣйствовало успокаивающимъ образомъ на смятенную душу матроса.

И какъ разъ въ эту минуту подошелъ къ нему Захарычъ.

— Ну что, братъ, Егорка?—участливо спросилъ онъ.

— Страшно, Захарычъ!—виновато отвѣчалъ матросикъ.

— Еще бы не страшно! И всякому страшно, ежели онъ въ первый разъ «штурму» видитъ... Но только страху настоящаго не должно быть, братецъ ты мой, потому судно наше крѣпкое... Что ему сдѣлается?.. Знай-себѣ покачивайся... И я тоже, какъ первогодкомъ былъ да увидалъ бурю, такъ небо мнѣ съ овчинку показалось... Гляди... капитанъ наверху. Онъ башковатый. Онъ, небось, и не въ такую бурю управлялся... А съ этимъ штурмомъ управится шутя... Онъ дока по своему дѣлу!..

И матросикъ послѣ этихъ успокоительныхъ словъ ужъ безъ прежняго страха глядѣлъ на высокія волны, грозившія, казалось, залить корветъ.

А положеніе между тѣмъ было серьезное, и Захарычъ это отлично понималъ, но не хотѣлъ смущать своего любимца.

VI.

Штормъ усиливался.

Лицо капитана, по наружности спокойное, становилось все напряженнѣе и серьезнѣе по мѣрѣ того, какъ волны все чаще и чаще стали перекатываться черезъ палубу.

Къ полудню штормъ достигъ высшей степени своего напряженія. Носъ корвета начиналъ зарываться въ водѣ.

Капитанъ поблѣднѣлъ и тихо отдалъ приказаніе старшему офицеру приготовить топоры, чтобы рубить мачты для облегченія судна.

И старшій офицеръ такъ же тихо и спокойно отдалъ это приказаніе унтеръ-офицерамъ.

И нѣсколько человѣкъ стали у мачтъ, готовые по командѣ рубить ихъ.

А Егоръ именно теперь, во время такой серьезной опасности, и не подозрѣвалъ, что смерть близка, и надежда не покидала его.

Корветъ метался среди волнъ и плохо слушался руля. Носъ тяжело поднимался и чаще зарывался въ воду.

— Руби фокъ-мачту!—раздался въ рупоръ голосъ капитана.

Раздался стукъ топоровъ, и скоро фокъ-мачта упала за бортъ.

Носъ облегчился, и волны перестали заливать корветъ.

Егоръ, не понимавшій, въ чемъ дѣло, увидалъ только, что лицо капитана просвѣтлѣло. И лица старыхъ матросовъ оживились. Многіе крестились.

— И молодца же нашъ капитанъ, — сказалъ Егору, снова подходя къ нему, Захарычъ.—Вызволилъ!

— А развѣ опасно было?

— Еще какъ!.. Потопнуть могли... Штурма форменная!..

Егоръ ахнулъ, понявши, отъ какой онъ избавился опасности, и спросилъ:

— А теперь?..

— Теперь... Теперь слава Богу!.. Да и штурма затихаетъ.

Дѣйствительно, послѣ полудня штормъ сталъ утихать, и къ вечеру корветъ шелъ подъ парами, направляясь къ Копенгагену.

— А зачѣмъ ты, Захарычъ, не сказалъ мнѣ тогда всей правды про бурю? — спрашивалъ въ тотъ же вечеръ Егоръ Захарыча въ жилой палубѣ.

— Зачѣмъ?.. А не хотѣлъ пугать тебя, Егорка... По крайности ты раньше не мучился бы страхомъ, если-бъ, сохрани Богъ... Жалко мнѣ тебя было, Егорка... вотъ зачѣмъ... А теперь ты самъ знаешь, какія бури бываютъ... И послѣ того, какъ видѣлъ настоящую «штурму», станешь форменнымъ матросикомъ, какъ и другіе... Правильно я говорю?..

— Спасибо, Захарычъ!.. Добрый ты!.. Вѣкъ тебя не забуду! — дрогнувшимъ голосомъ отвѣчалъ молодой матросикъ.

ОБОРОТЪ.

Посвящается Д. А. Клеменцу.

I.

Былъ первый часъ жаркой ночи. Стоялъ мертвый штиль. Имѣя курсъ на островъ Яву, клиперъ «Пырокъ» шелъ полнымъ ходомъ, по одиннадцати верстъ въ часъ, съ тихимъ гуломъ разрѣзая своимъ острымъ носомъ притихшую океанскую гладь и оставляя за круглой кормой слѣдъ въ видѣ широкой серебристой ленты, сверкавшей подъ свѣтомъ полной луны.

Вокругъ и на палубѣ царила тишина. Только мѣрно и однообразно постукивала машина, да каждые полчаса раздавались на бакѣ удары колокола, отбивавшіе склянки. Разбившись маленькими бѣлыми кучками по всей палубѣ, вахтенные матросы дремали, притулившись у бортовъ, у мачтъ и орудій. Нѣкоторые вполголоса лясничали, коротая предстоящую вахту,—молодые матросы—сказками и свѣжими воспоминаніями о своихъ мѣстахъ, а старые—разсказами о прежней службѣ и о капитанахъ и офицерахъ, основательно спускавшихъ шкуры.

Темы эти были неистощимы.

Весь въ бѣломъ, съ разстегнутымъ воротомъ ночной сорочки, молодой лейтенантъ, вступившій съ полуночи на вахту, шагалъ взадъ и впередъ по мостику, стараясь разгулять сонъ. Онъ остерегался прислониться къ поручнямъ, хорошо зная, что его немедленно охватитъ дрема, и, чего добраго, выйдетъ наверхъ капитанъ и увидитъ заснувшаго вахтеннаго начальника—позоръ!

И при мысли о такомъ позорѣ лейтенантъ шагалъ рѣшительнѣе, посматривая сонными глазами на горизонтъ: не видать ли сѣраго шквалистаго облачка или огоньковъ встрѣчныхъ судовъ, и по временамъ останавливаясь у компаса, чтобы взглянуть: по румбу ли правятъ рулевые.

Совершенно равнодушный къ красотѣ этой волшебной южной ночи съ томной луной и міріадами ярко мигавшихъ звѣздъ, лейтенантъ въ эти минуты думалъ, что высшее на свѣтѣ счастье: лечь въ койку и заснуть.

Приблизительно о томъ же думалъ и старый боцманъ Даниловъ, безшумно ступая своими большими, слегка искривленными, босыми ногами по палубѣ, отъ бугшприта до гротъ-мачты и обратно.

Уставшій послѣ дня обычной служебной суеты и осипшій послѣ неустаннаго сквернословія, онъ притихъ и, чуть слышно окликая по временамъ часовыхъ, смотрѣвшихъ впередъ, прибавлялъ какое-нибудь короткое ругательное привѣтствіе лѣнивымъ, соннымъ голосомъ, безъ малѣйшаго одушевленія, словно бы лишь по чувству долга и не желая обижать часовыхъ.

Изрѣдка онъ, въ качествѣ исправнаго вахтеннаго боцмана, перегибался черезъ борты, у крамболъ, удостовѣриться — въ исправности ли отличительные красный и зеленый огни, частенько подходилъ къ кадкѣ съ водой, чтобъ выкурить трубчонку острой махорки, и стоялъ минуту-другую у кучки матросовъ, пріютившейся у станка бомбическаго носового орудія. Стоялъ и слушалъ, что разсказывалъ Егоръ Дудкинъ, пожилой, коренастый матросъ съ волосатымъ лицомъ, основательный пьяница на берегу и любимый разсказчикъ на ночныхъ вахтахъ.

— И откуда только у тебя, у трезваго дьявола, слова берутся!..—не безъ зависти говорилъ боцманъ, у котораго, вмѣсто словъ, «брались» только одни ругательства.

И не безъ сожалѣнія, что обязанности вахтеннаго боцмана не позволяютъ ему слушать Дудкина, отходилъ и снова шагалъ по палубѣ, разгоняя сонъ пріятными думами о томъ, что дня черезъ два онъ покажетъ въ Батавіи, какъ напиваются порядочные боцмана.

II.

— ...То-то я и обсказываю, братцы!.. Семнадцать лѣтъ околачиваюсь на флотѣ, всякаго, можно сказать, боя видалъ, а такихъ оборотовъ, чтобы озвѣрѣлый человѣкъ да вдругъ по своей волѣ сталъ доберъ къ нашему брату,—не видалъ и отъ

людей не слыхалъ... Никакъ это невозможно... Другіе обороты видалъ!—значительно и не безъ ироніи прибавилъ Дудкинъ, слегка повышая свой пріятный, немного сипловатый, какъ у пьяницъ, голосъ.

— Какіе-такіе другіе обороты?—спросилъ кто-то изъ слушателей.

— А такіе, что поступитъ на корабль какой-нибудь первогодокъ-мичманъ, ни усовъ ни бакенбардовъ еще нѣтъ и званія, и не то что вдарить, а даже изругать по-настоящему стыдится и воротитъ морду, когда при немъ полируютъ на бакѣ матроса, — а черезъ мѣсяцъ-другой, смотришь, ужъ въ понятіе вошелъ: лѣзетъ въ зубы и поросенкомъ визжитъ: «запорю, молъ!» Потому стыдно ему отъ другихъ отстать. Видитъ: прочіе всѣ мордобойничаютъ, и онъ. Видитъ: прочіе велятъ снять шкуру, и онъ. Вотъ, молъ, какой я форменный сталъ флотскій мичманъ. Живо въ себѣ жалость покорилъ. Такихъ оборотовъ я много видалъ... И легкіе они были... И только разъ въ жизни этотъ самый оборотъ трудный видѣлъ... На моихъ глазахъ онъ и вышелъ съ однимъ мичманомъ... Я у его въ вѣстовыхъ служилъ... Душа его не принимала обороту... Ну да ужъ и доберъ былъ Леванидъ Николаичъ Кудрявцевъ и на чужую бѣду обидчистъ. Другого такого я послѣ и не видалъ. Не водъ былъ такимъ на флотѣ... Однако и онъ сдрейфилъ... И изъ-за этого самаго и пропалъ. Изъ-за совѣсти, значитъ... Не осилилъ... И прямо-таки довели его анаѳемы до потерянности...

Дудкинъ примолкъ и, залитый серебристымъ свѣтомъ, строго глядѣлъ на усѣянное звѣздами темно-синее небо, повидимому, не имѣя намѣренія продолжать.

Такъ прошла минута-другая.

— Кто довелъ, Иванычъ? Ты разскажи про мичмана... уважь!—нетерпѣливо и почти умоляюще прошепталъ самый внимательный слушатель, молодой, худощавый, чернявый и маленькій матросъ Снѣтковъ, землякъ Дудкина, пользовавшійся его расположеніемъ и покровительствомъ и всегда сопровождавшій Дудкина на берегъ спеціально для того, чтобы удержать его отъ пропоя казенныхъ вещей и въ цѣлости доставить на шлюпку.

На клиперѣ такъ и звали его—нянькой Дудкина.

— Кто довелъ? — переспросилъ Дудкинъ. — Извѣстно кто! Свои... офицеры! Прежде имъ воля была куражиться надъ матросами, не нонѣшняя... И у всѣхъ, значитъ, одно понятіе было... И всѣ смѣялись надъ мичманомъ за то, что у него другое понятіе... «Какой, молъ, изъ тебя выйдетъ форменный

офицеръ, ежели, говорятъ, ты не можешь отполировать матроса... Ты, говорятъ, не мичманъ, а въ родѣ бывдто пужливой бабы!» Каждый день, бывало, стыдили его въ каютъ-компаніи. Покоя не давали мордобои!

— А онъ что... молчалъ?—спросилъ Снѣтковъ.

— Небось, не молчалъ... Обсказывалъ имъ, что матросъ не животная. И животную надо, молъ, жалѣть, а человѣка и подавно. И законъ-положенья, молъ, нѣтъ такого, чтобы его запарывать... Бывало, горячится, весь дрожитъ, на глазахъ слезы, а они ровно жеребцы ржутъ...—«Ты бы, говорятъ, замѣсто флотской службы въ стракулисты вышелъ, а то въ монахи!» И капитанъ устыживалъ—барышней звалъ... И старшій офицеръ, бывало, ввернетъ ехидное слово—недаромъ его на фрегатѣ аспидомъ звали. И разъ запустилъ:—«Нашъ мичманъ, говоритъ, зря мелетъ... форситъ, молъ... Дайте, говоритъ, сроку, и онъ въ лучшемъ видѣ будетъ спускать шкуры». Однако мой мичманъ все свое.—«Вы, говоритъ, какъ вгодно, я вамъ не указчикъ, но только я ни въ жисть пороть людей не буду и извергомъ не сдѣлаюсь... Я, говоритъ, присяги не давалъ палачомъ быть!» Сказалъ это и самъ весь бѣлый сталъ, и глаза, какъ у волчонка, такъ и горятъ... А старшій офицеръ въ злобу вошелъ, видитъ, что не переспоришь, такъ онъ начальникомъ обернулся. «Вы,—шипитъ:—мичманъ Кудрявцевъ, забываетесь и не понимаете, что говорите. Мы не изверги и не утѣсняемъ матросовъ. Мы, говоритъ, ихъ только учимъ и наказываемъ, если они того стоятъ». Осадилъ, значитъ, моего Леванида Николаича при всѣхъ... А ему и конфузно... Онъ совсѣмъ еще въ родѣ желторотаго галчонка оказывалъ, двадцать годовъ не было полныхъ. Всего второй мѣсяцъ, что вышелъ въ офицеры и поступилъ къ намъ на фрегатъ «Отважный». А я къ ему назначенъ былъ вѣстовымъ—тоже молодой былъ матросъ. И легко было съ имъ. Простой. Никогда дурного слова не скажетъ. Завсегда, бывало, ляснячалъ со мною, какъ съ ровней, и никакой въ емъ гордости, даромъ что самъ графскаго рода, но только лишенный званія изъ-за отца. Отца-то разжаловали изъ графовъ и рѣшили всѣхъ имѣніевъ.

— За что?—спросилъ кто-то.

— Бунтовалъ съ другими господами, когда покойный императоръ Николай вступалъ на царство. Ихъ всѣхъ и раскассировали по Сибири. А по какимъ-такимъ причинамъ господа бунтовали, Леванидъ Николаичъ въ точности не объяснялъ. Только и сказалъ, что папенька за бунтъ пострадалъ и находится въ Сибири. И очень онъ своего отца обожалъ. Два

его патрета завсегда въ каютѣ висѣли надъ койкой. Видный такой и въ полковницкомъ мундирѣ. И разъ какъ-то показываетъ Леванидъ Николаичъ на патретъ и говоритъ:—«Если-бъ ты зналъ, Дудкинъ, какой у меня хорошій родитель и какъ я, говоритъ, его почитаю... Это онъ, когда я еще былъ мальченокъ при немъ въ Сибири, училъ меня добру и потомъ, говоритъ, въ письмахъ наказывалъ быть добрымъ и справедливымъ начальникомъ... И я, говоритъ, оправдаю отца. Не осрамлюсь передъ нимъ!» И оправдывалъ! Зато и любили его матросы на фрегатѣ. Знали, небось, какъ онъ одинъ противъ всѣхъ стоялъ за нашего брата. А разъ и подъ арестомъ отсидѣлъ—капитанъ посадилъ да еще репортъ на него подалъ, чтобъ мичмана подъ судъ...

— За что?—спросилъ чернявый матросикъ.

— За эту самую жалостливость... Искоренить ее хотѣлъ... Однако пойти покурить!

Вслѣдъ за Дудкинымъ поднялись и слушатели и перешли къ кадкѣ съ водой, у которой стоялъ мѣдный ящикъ съ тлѣвшимъ фитилемъ.

Всѣ закурили короткія трубочки, и на бакѣ потянуло пріятнымъ запахомъ махорки.

— Скуснѣе, братцы, нѣтъ табаку! — проговорилъ Дудкинъ, затягиваясь съ наслажденіемъ.

— Изъ-за чего же вышло, что мичмана подъ арестъ, Иванычъ?—задалъ вопросъ Снѣтковъ, необыкновенно заинтересованный продолженіемъ разсказа.

— Ишь присталъ!.. Дай покурить... Обскажу все въ подробности...

— Ты это, Дудкинъ, насчетъ чего обсказываешь?—спросилъ, подходя, боцманъ.

— Насчетъ мичмана Кудрявцева. На «Отважномъ» въ сорокъ восьмомъ году служилъ...

— Какъ не помнить... Чудной мичманъ былъ. Въ родѣ быдто умомъ тронутый,..

— Что онъ тебѣ зубовъ не чистилъ и шкуры не спустилъ, такъ онъ, по твоему разсудку, и тронутый?.. Давно ли ты сталъ такъ полагать, Захарычъ? Небось, какъ въ боцманы вышелъ?—насмѣшливо и сердито прибавилъ Дудкинъ.

— А ты полегче... Нонче вы всѣ быдто тронутые стали, идолы, какъ прежней строгости на васъ нѣтъ...

— А тебѣ, видно, жалко ее?.. Мало тебѣ всыпано было линьковъ... Или память отшибло?

И Дудкинъ сунулъ въ карманъ штановъ трубку и пошелъ къ орудію.

Боцманъ пустилъ вслѣдъ лѣнивое ругательство.

Черезъ минуту разсказчикъ и слушатели усѣлись на прежнія мѣста, и Дудкинъ продолжалъ.

III.

— А вышло, братцы, такое дѣло. Стоялъ это Леванидъ Николаичъ подвахтеннымъ съ восьми до полудня, какъ капитанъ, послѣ перемѣны марселей, вскрикнулъ двухъ гротъ-марсовыхъ на бакъ, на шлифовку, значитъ. На «Отважномъ» отшлифовывали безо всякой жалости. И командиръ, прямо сказать, живодеръ былъ. Ему и кличка была дадена: «Живодеръ». И тую-жъ минуту зоветъ къ себѣ мичмана. Прибѣжалъ. Руку подъ козырекъ. А капитанъ ему препорученіе:— «Спустить этимъ двумъ подлецамъ шкуры. По сту линьковъ! И имѣйте, говоритъ, присмотръ, чтобы форменно драли... Потачки не извольте, говоритъ, допускать». Выслушалъ это Леванидъ Николаичъ и бѣлѣе сорочки сталъ. Я въ тѣ поры наверху былъ и видѣлъ, какъ онъ стоитъ ни живъ ни мертвъ передъ капитаномъ, и какъ пальцы его у козырька дрожатъ...

— Испугался, значитъ, капитана?—небрежно кинулъ одинъ изъ слушателей, бѣлобрысый, полнотѣлый матросъ изъ кантонистовъ.

— Ты не перебивай, а слушай, и тогда поймешь — испугался ли мичманъ капитана или препорученія!—строго замѣтилъ Дудкинъ.

И затѣмъ продолжалъ:

— А капитанъ былъ нравный и скорый. И видитъ, что мичманъ стоитъ—взбѣсился:—«Что вы, кричитъ, какъ статуй стоите. Или не слышали приказанія? Идите, и чтобы исполнить сей же секундъ!» А мичманъ ему на это громко такъ отчекрыжилъ:—«Покорно, говоритъ, прошу увольнить меня отъ такого препорученія. Я его исполнить никакъ не согласенъ!»

— Ишь ты!—вырвалось у черняваго матросика радостное восклицаніе, и онъ, взволнованный и умиленный, впился своими большими черными глазами въ лицо Дудкина.

— Всѣ, братцы, такъ и ахнули. И самъ Живодеръ выпучилъ глаза — не ждалъ, значитъ, такой отчаянности. А очнувшись, заревѣлъ, ровно зарѣзанный быкъ, что уконопатитъ онъ мичмана подъ судъ за непокорность, и тую-жъ минуту велѣлъ подъ арестъ, чтобы часового у каюты съ ружьемъ... Пять денъ отсидѣлъ мичманъ. Только меня къ ему и допускали... Я и кушанье носилъ ему изъ каютъ-компаніи... А онъ на отсидкѣ все книжки читалъ и вовсе былъ спокойный. И какъ я ему сказалъ, что всѣ матросы очень даже его жа-

лѣютъ, обрадовался.—«Пущай, говоритъ, отдадутъ меня подъ судъ и дѣлаютъ, что̀ хотятъ, а я, говоритъ, не могу въ родѣ быдто палачомъ себя понимать. И то, говоритъ, одна тоска слышать, какъ люди подъ линьками кричатъ, и нѣтъ силы-воли имъ помочь, а чтобы еще смотрѣть... не принимаетъ, говоритъ, этого моя душа»... Слушаю я это, братцы, и быдто лестно. Потому такіе люди отъ отчаянности тебя спасаютъ. Въ правду Божію заставляютъ вѣрить. Вотъ въ чемъ причина. И всѣ матросы послѣ этого случая стали еще приверженнѣй къ мичману и ужъ какъ старались, когда онъ стоялъ подвахтеннымъ, чтобы на бакѣ все было въ полной исправкѣ, чтобы Живодеръ не могъ придраться... Берегли мичмана.

— За такого куда вгодно! — восторженно замѣтилъ Снѣтковъ.

— А судомъ судили?—раздался чей-то голосъ.

— То-то нѣтъ, хучь капитанъ и подалъ лепортъ на мичмана главному командиру, какъ мы вернулись въ Кронштадтъ изъ клейсерства по Балтинскому морю. А разговоръ былъ съ главнымъ командиромъ! Въ скорости, какъ мы съ мичманомъ, по окончаніи компаніи, перебрались на берегъ, вечеромъ—кульеръ. «Требуетъ, молъ, завтра въ восемь утра главный командиръ!» Я, какъ слѣдуетъ, разбудилъ утромъ пораньше Леванида Николаича, напоилъ чаемъ, обрядилъ въ мундиръ и гайда за извозчикомъ. Уѣхалъ, а я жду въ тревогѣ. Думаю, какая будетъ ему раздѣлка... Потому ежели судить мичмана, то была-бъ ему крышка, въ родѣ какъ отцу. Тогда за непокорность и офицеровъ засуживали... За такія дѣла не давали пощады. Очень большая была строгость! Хорошо. Жду я мичмана, а онъ вскорѣ и вернулся.—«Не бойся за меня, Егоръ... ничего мнѣ за капитана не будетъ!» Говоритъ этто, а самъ вовсе не веселый и, въ раздумчивости бытто, прибавилъ: — «Облестила меня, старая шельма!» И какъ амуницію свою всю снялъ и переодѣлся, такъ и обсказалъ мнѣ въ подробности, какой лукавый разговоръ имѣлъ съ имъ главный командиръ... И что̀ бы вы думали? Онъ не только не оконфузилъ Леванида Николаича, какъ полагалось, крикомъ, а позвалъ въ кабинетъ, заперъ двери и, честь-честью, велѣлъ садиться... Даромъ что ему на томъ свѣтѣ давно паекъ шелъ и высохъ въ родѣ быдто египетской муми, а бѣда какой шельмоватый былъ! Умѣлъ, какъ и съ кѣмъ... Кого въ страхъ вогнать, кого облестить. Понялъ, что Леванида Николаича страхомъ не обезкуражишь, и по своей шельмоватости перво-наперво похвалилъ:—«Очень, говоритъ, на рѣдкость ваше чувствительное сердце. Я, говоритъ, самъ чувствительный. Но

какъ есть, говоритъ, вашъ начальникъ, долженъ сказать, что вы никакъ не смѣли ослушаться капитанскаго приказанія. И ежели, говоритъ, дать лепорту полный ходъ, то будутъ васъ судить по всей строгости флотскихъ законовъ и присудятъ матросскую куртку, а я, говоритъ, не хочу васъ губить и огорчать государя императора, какъ онъ узнаетъ, какіе на флотѣ есть непокорные офицеры!» Понимаете, братцы, какую загвоздку пустилъ старый дьяволъ?

— Въ чемъ загвоздка-то, Иванычъ?—спросилъ молодой чернявый матросикъ, не понявшій ея.

— А въ томъ, Вась, что адмиралъ боялся, что до императора Николая Павловича дойдетъ, какъ на «Отважномъ» закатывали царскихъ матросовъ... И могла выйти разборка. «Почему, молъ, порятъ сверхъ положенія?» Небось, Леванидъ Николаевичъ показалъ бы на судѣ, что и по положенію-то матросу чистая каторга, а ежели, какъ на «Отважномъ», сверхъ положенія да по триста линьковъ всыпали, и двое матросиковъ въ госпиталѣ померли на другой день послѣ порки, то выходитъ быдто въ родѣ живодерни, и жизнь наша мука-мученская! На что я здоровый, братцы, а какъ одинъ старшій офицеръ на «Копчикѣ» закатилъ мнѣ спьяну, подлецъ, такую же плепорцію, такъ я только черезъ два мѣсяца на поправку пошелъ. Фершалъ въ госпиталѣ тогда сказывалъ, что нутренность у меня, братцы, крѣпкая, а другой не вынесъ бы... Отъ чихотки бы померъ, говоритъ. Такъ вотъ, по той самой причинѣ, чтобы все было шито да крыто, старый дьяволъ и прикинулся, быдто жалѣетъ мичмана... Не очень-то онъ былъ жалостливый, а тоже: «чувствительный»! Въ Кронштадтѣ помнили, какой онъ былъ капитаномъ чувствительный. Недаромъ душегубомъ звали! И какъ слукавилъ, старый хрычъ, эту самую загвоздку, онъ и обсказываетъ мичману, что лучше, молъ, все дѣло прикончить въ секретѣ.—«Я, говоритъ, велю командиру взять лепортъ обратно, а вы, говоритъ, сходите къ нему и повинитесь хучь для виду... Уважьте, говоритъ, стараго адмирала; а я, говоритъ, такъ и быть, попрошу капитана, чтобы васъ не назначали наказывать матросиковъ... А вы все-таки, говоритъ, привыкайте... Для службы, говоритъ, надо стараться, а когда и отодрать матросика... Отъ этого его не убудетъ, и ему же на пользу...» Такимъ образомъ онъ и облестилъ Леванида Николаича.

Дудкинъ на минуту примолкъ.

— Повинился мичманъ передъ Живодеромъ? — спросилъ кто-то.

— Небось, матросская куртка не шуба. Поѣхалъ на другой

день! Тѣмъ дѣло и кончилось, а для Леванида Николаича только началось! Заскучалъ онъ съ той поры!—значительно проговорилъ Дудкинъ.—Отъ своей совѣсти заскучалъ. А главная причина: совѣсти ему было отпущено много, а карахтеру мало. Онъ и терзался, что ходилъ къ капитану, въ родѣ быдто виниться, и что за труса могутъ его считать.—«Слабый я есть человѣкъ, Егоръ!» Скажетъ онъ это мнѣ, махнетъ въ отчаянности рукой, да и айда въ клубъ. А вернется поздно домой—выпимши... А раньше въ ротъ не бралъ, вовсе брезговалъ. И какъ-то я даже доложилъ ему, что это нехорошо. Втѣпоры я еще не занимался виномъ!..—счелъ долгомъ пояснить Дудкинъ.—«Вѣрно, Егоръ, нехорошо», говоритъ.—«Не по вашему званію, Леванидъ Николаичъ»,—докладываю. Молчитъ, стыдно, значитъ... Но только не сердится. Понималъ, что я изъ приверженности къ нему. Бывало, цѣлую недѣлю дома сидитъ—обѣдъ я ему готовилъ—и книжки читаетъ. Вижу, скучитъ. Одинъ да одинъ. «Вы, Леванидъ Николаичъ, въ Питеръ бы прокатились!»—скажешь ему.—«И тамъ, Егоръ, одно и то же».—«У знакомыхъ, говорю, побывали бы!»—«Нѣтъ, говоритъ, у меня такихъ знакомыхъ, чтобы меня настоящимъ человѣкомъ сдѣлали, въ родѣ отца. Небось, онъ съ волками жилъ, а по-волчьи не вылъ!»

— Поди-жъ ты!—воскликнулъ чернявый матросикъ.

Въ этомъ невольномъ восклицаніи были и изумленіе, и любовь, и жалость къ мичману.

IV.

— Такимъ родомъ дожили мы съ Леванидомъ Николаичемъ до лѣта. А лѣтомъ опять пошли въ плаваніе на «Отважномъ». И опять моего Леванида Николаича стали стыдить въ каютъ-компаніи... Онъ огрызался, спорилъ. Можно, молъ, быть форменнымъ офицеромъ безъ всякаго боя; а послѣ и спорить бросилъ... Ну васъ! И тогда стали чураться отъ его.—«Что, молъ, ты, такой-сякой, много о себѣ полагаешь и нами брезгуешь!» И все лѣто мой мичманъ скучалъ. Съѣдетъ на берегъ одинъ и на фрегатѣ одинъ. Только со мной, бывало, и ляснича̀етъ... Въ охоту съ кѣмъ-нибудь поговорить... А службу старательно сполнялъ, и лестно ему было, чтобы его почитали за форменнаго офицера. И флотскую часть очень даже любилъ, изъ-за эстаго самаго онъ и на флотѣ служилъ. И море любилъ, не боялся его. Бывало, въ свѣжую погоду, возьметъ шлюпку и айда подъ парусами кататься. Лихо управлялся! Противъ его никто на «Отважномъ» не могъ управиться. А катеръ, за коимъ онъ доглядывалъ, былъ игрушкой и на гонкахъ всегда призы бралъ. Глазъ у него былъ зоркій, что̀ у ястребка. И до всего

Леванидъ Николаичъ доходилъ. Первый, можно сказать, по усердію былъ... одно слово, лихой и отчаянный мичманъ! Изъ себя молодчикъ, небольшой, сухощавенькій, аккуратный такой, кудрявый и пригожій, лестно было на него глядѣть... Бывало, придетъ на бакъ и матросиковъ обнадежитъ ласковымъ словомъ... И быдто легче станетъ на нашей живодернѣ. А ужъ старался какъ по службѣ! Изъ кожи лѣзъ, чтобы доказать капитану, какой онъ есть офицеръ, и чтобы ему дали править вахтой... А Живодеръ нашъ—надо правду сказать—былъ дока по морской части и форменный капитанъ, такъ отличиться передъ имъ, значитъ, и лестно Леваниду Николаичу... Однако капитанъ только обезкураживалъ мичмана. Не прощалъ ему, что главный командиръ не далъ ходу его лепорту, никакого взыску не сдѣлалъ и непокорнаго мичмана оставилъ на фрегатѣ. Да еще велѣлъ, сказывали, не огорчать высшихъ начальниковъ, не драть сверхъ положенія до чихотки. И зналъ, Живодеръ, чѣмъ обезкуражить мичмана! Понималъ, собака, какъ онъ обидчистъ по флотской части.

— Видно, придирался?—спросилъ бѣлобрысый.

— За всякую малость. Увидитъ, ежели когда Леванидъ Николаичъ подвахтеннымъ—что снасть не до мѣста, или кливеръ чуточку заполощетъ, тую-жъ минуту на бакъ во всю глотку кричитъ:—«А вы еще полагаете о себѣ, быдто хорошій морской офицеръ... А у васъ подъ носомъ кливеръ шлепаетъ!» Эти выговоры пуще всего донимали мичмана. Молодой былъ и, какъ самъ справедливый, не понималъ сгоряча, что капитанъ его утѣснялъ за то, что онъ о себѣ по-своему полагалъ. Думалъ, взаправду за флотскую часть. И прибѣжитъ, бывало, послѣ вахты въ свою каюту, бросится на койку и лежитъ ничкомъ. Обидно, что капитанъ то и дѣло конфузилъ его при всѣхъ. Небось, въ тоску войдешь!

— Еще бы не войти!—сочувственно вымолвилъ Снѣтковъ.

— По-настоящему такому башковатому да старательному вахту бы препоручить, а замѣсто того его всячески изводили. А Леванидъ Николаичъ отъ этого пуще въ задоръ входилъ... Доказать, значитъ, хотѣлъ, что знаетъ флотскую часть. А просить, чтобы ему препоручили вахту, не желалъ. Гордъ былъ.—«Ежели, говоритъ, не даютъ вахты, значитъ, я недостоинъ!» Ужъ я, бывало, всячески обнадеживаю Леванида Николаевича. Матросы, молъ, видятъ, какой онъ есть понимающій и отважный офицеръ.—«Это, говоритъ, мнѣ лестно, коли матросы видятъ, но капитанъ все-таки не видитъ. А онъ, говоритъ, хучь и извергъ, а морякъ отличный... Дѣло, говоритъ, въ тонкости знаетъ!» И не было, братцы, у Леванида Николаича въ умѣ,

что Живодеръ въ отместку, со зла, не видитъ его старанія... Объ евойной справедливости зря полагалъ!

— Такъ ему и не препоручили вахты?—спросилъ кто-то.

— Въ концѣ лѣта препоручили. Заболѣлъ одинъ лейтенантъ, такъ временно назначили Леванида Николаича. Онъ старшимъ мичманомъ былъ... Тутъ-то онъ и оправдалъ себя! Увидали всѣ, какой начальникъ пятой вахты. Лихость и задоръ его поняли... Но только изъ-за эвтого самаго прямо-таки погубили человѣка. Чтобъ имъ подлецамъ...

И Дудкинъ прибавилъ по адресу «подлецовъ» такія проклятія, на какія только способенъ былъ старый матросъ, прошедшій основательную выучку прежняго времени, и примолкъ.

Серебристый свѣтъ мѣсяца освѣщалъ напряженныя лица кучки слушателей и неказистое, заросшее волосами лицо разсказчика, полное негодующаго выраженія. Онъ словно бы вновь переживалъ далекое прошлое.

Всѣ притихли, и нѣсколько минутъ царило молчаніе среди торжественнаго безмолвія южной ночи.

— Раззадорить безпремѣнно хотѣли Леванида Николаича, чтобы онъ сталъ, какъ они всѣ, анаѳемы!—заговорилъ наконецъ Дудкинъ взволнованнымъ отъ озлобленія голосомъ.— Непереносно было, видишь ли, сучьимъ дѣтямъ, что онъ въ полной исправкѣ вахтой правитъ, и ни порки, ни боя, ни ругани, и у его на вахтѣ матросы изъ кожи лѣзутъ вонъ, стараются... И опять же злились, что вся команда, прямо-таки сказать, обожала мичмана, а ихъ, подлецовъ, только боялась и ненавидѣла. И пуще всѣхъ втравливалъ капитанъ, понимая его флотскій задоръ. И втравилъ-таки, подлюга! Обрадовался Живодеръ, будь ему въ пеклѣ форменная шлифовка... Небось, черти его отшлифуютъ!—прибавилъ Дудкинъ, полагавшій, повидимому, что на томъ свѣтѣ тѣлесныя наказанія еще не отмѣнены, и что тамъ шлифуютъ не хуже, чѣмъ на корабляхъ.

И, нѣсколько облегчивъ свое возмущенное чувство этими пожеланіями, Дудкинъ продолжалъ:

V.

— А втравили его, братцы, изъ-за шквала... Шли мы подъ всѣми парусами въ Ревель мимо Гоглонъ-острова, и на вахтѣ стоялъ съ полудня Леванидъ Николаичъ. И вдругъ налетѣлъ подъ самымъ островомъ шквалъ съ подвѣтра... Скомандовалъ, значитъ, мичманъ фокъ и гротъ на гитовы, марса-фалы и брамъ-фалы отдать и кливера долой, и паруса летомъ убрали, а гротъ-брамъ-фалъ не отдали... Матросъ, дуракъ, прозѣвалъ, и гротъ-брамсель въ лоскутья! А Живодеръ ужъ гнуситъ по-

скуднымъ голосомъ:—«Превосходно. Ай да вахтенный начальникъ, у коего брамсель въ клочки. Поцѣлуйте теперь того подлеца, что не отдалъ брамъ-фала!» И такъ накалилъ мичмана, что онъ ровно ополоумѣлъ и самъ не свой прилетѣлъ на бакъ, и не своимъ голосомъ крикнулъ боцману, чтобъ тую-жъ минуту дать виноватому двадцать пять линьковъ. А самъ весь трясется, словно лихорадка бьетъ. На баку всѣ ахнули... Заступникъ нашъ, голубь, и поди-жъ ты!.. Очень огорчились матросы.—«Вотъ тебѣ, молъ, и голубь!..» Но только его жалѣть надо было!—раздумчиво проговорилъ Дудкинъ.

— И вчужѣ, да жалко!—проронилъ Снѣтковъ.

— И пожалѣли, какъ узнали, что сталъ онъ мучиться совѣстью... На моихъ глазахъ это было. Какъ смѣнился съ вахты, такъ скрылся въ каюту, заперся и никого не допускалъ... Только къ вечеру меня допустилъ. Гляжу: сидитъ это на койкѣ, словно потерянный, и глаза красные. Я ему насчетъ ужина и чая докладываю: «покушайте, ваше благородіе!» А онъ только замахалъ головой и говоритъ:—«Послѣдній я теперь подлецъ сталъ, Егоръ! Что про меня отецъ-то скажетъ? Какъ я его оправдалъ, а?..» И какъ зальется, братцы, слезами. И жалко мнѣ его стало, и охота мнѣ его обнадежить... «Напрасно вы, Леванидъ Николаичъ, убиваетесь. Это вы, говорю, наказали съ пылу».—«А отчего же, говоритъ, я матроса приказалъ наказать съ пылу, а капитана или старшаго офицера съ пылу не вдарю?» Вижу, не дается въ обманъ, не таковскій. Тогда я докладываю:—«За вину, молъ, отодрали матроса; и за евто нельзя обижаться». Такъ выгналъ меня вонъ.—«Не утѣшай, говоритъ. Нѣтъ мнѣ оправданія!»

— Обидчистая въ немъ была совѣсть!—вставилъ молодой матросикъ дрогнувшимъ, растроганнымъ голосомъ.

— То-то совѣсти много. Другому ежели отпороть—наплевать. Отпоролъ и забылъ, а Леванидъ Николаичъ нѣсколько дней находился быдто въ потерянности. На матросовъ не глядѣлъ—стыдился. И въ каютъ-компаніи словно виноватый сидѣлъ за обѣдомъ. А его всѣ еще поздравляютъ. «Наконецъ, говорятъ, въ понятіе вошли, бросили свое бабство!» А долговязый аспидъ, старшій офицеръ, зубы скалитъ.—«Я, говоритъ, не сумнѣвался, что Леванидъ Николаичъ форцъ свой броситъ. Зарекался, что не будетъ пороть, а какъ брамсель въ клочки, такъ молодцомъ поступилъ!» И всѣ хвалили и пили за его оборотъ. А бѣдный мичманъ сидѣлъ, какъ пригвожденный, чуть не плачетъ, и, какъ отобѣдалъ, скорѣй въ каюту. И какъ пришли мы въ Ревель, закатился онъ на берегъ, а къ вечеру пріѣхалъ вовсе пьяный. Я раздѣлъ, уложилъ въ койку, а онъ

бунтуетъ и кричитъ:—«Пропащій я человѣкъ сталъ!» И такимъ родомъ тосковалъ онъ до самаго Кронштадта и сталъ виномъ заниматься, какъ съѣзжалъ на берегъ. А какъ пришли мы въ Кронштадтъ, вышло Леваниду Николаичу назначенье въ дальнюю, вахтеннымъ начальникомъ на транспортѣ «Байкалъ». Онъ съ грузомъ въ Камчатку шелъ.

VI.

— А какъ на «Байкалѣ» твой мичманъ, небось, наказывалъ? Вошелъ въ скусъ?—спросилъ бѣлобрысый, полнотѣлый матросикъ небрежно-легкомысленнымъ тономъ.

— Ну такъ что-жъ, ежели и наказывалъ?—раздраженно отвѣтилъ Дудкинъ, сурово взглядывая на бѣлобрысаго матроса.

— Я такъ... спрашиваю...

— Можетъ, и слѣдовало наказывать!.. Тоже и нашъ братъ всякій бываетъ...

И, помолчавъ, прибавилъ, обращаясь къ чернявому матросику:

— Я съ Леванидомъ Николаичемъ на «Байкалѣ» не ходилъ. Просилъ онъ, чтобы меня взять, да разрѣшенія не вышло, и меня обернули въ экипажъ. А ребята, что̀ съ имъ ходили, сказывали, что наказывалъ онъ рѣдко и легко, и то когда былъ выпимши. Зашибалъ у себя въ каютѣ, одинъ-на-одинъ, и, сказывали, очень скучалъ. А какъ пришли въ Камчатку, Леванидъ Николаичъ списался съ транспорта и не пожелалъ въ Кронштадтъ. Перевелся въ сибирскую флотилію и остался въ Камчаткѣ. Тамъ и вовсе затосковалъ и запилъ. И когда въ скорости императоръ Александръ Николаевичъ простилъ бунтовщиковъ противъ родителя и вернулъ имъ всѣ званія и помѣстья, то отецъ Леванида Николаича звалъ сына вернуться. Но только не довелось повидать отца. Денъ черезъ пять, какъ объявили Леванида Николаича графомъ, онъ померъ, отъ скорой чихотки, сказывали... А я такъ полагаю, что отъ совѣсти. А жить бы да жить, голубчику... Царство ему небесное!

И съ этими словами Дудкинъ обнажилъ свою коротко остриженную, начинавшую сѣдѣть голову и медленно осѣнилъ себя крестомъ. Перекрестились и другіе.

Чернявый молодой матросикъ глоталъ слезы. Въ эту самую минуту блеснула яркимъ снопикомъ падающая звѣзда, словно бы напоминая о молодомъ мичманѣ.

«ГЛУПАЯ» ПРИЧИНА.

I.

— А гдѣ это вамъ ухо повредили, Тарасычъ? На войнѣ?

Отставной матросъ Тарасычъ, бывшій сторожемъ севастопольской купальни, съ которымъ мы частенько бесѣдовали въ ранніе утренніе часы, когда другихъ купальщиковъ обыкновенно не было, — обернулся къ открытой дверкѣ маленькой каютки, гдѣ я раздѣвался, и съ оттѣнкомъ досады проговорилъ:

— Вотъ такъ-то всѣ господа любопытничаютъ насчетъ уха. Скажи да скажи! Ну, я и обсказываю всѣмъ, что, молъ, на войнѣ стуцерной пулей оторвало.

— А развѣ не на войнѣ?

Тарасычъ, послѣ минуты колебанія, отвѣтилъ нѣсколько таинственно:

— То-то не на войнѣ, вашескобродіе. Въ севастопольскую войну Господь меня вызволилъ. Ни одной царапинки не получилъ, даромъ что все время находился на четвертомъ бастіонѣ.

— А гдѣ же вы лишились уха?

— Въ Новороссійскомъ... Въ скорости послѣ замиренія, мы на шкунѣ «Дротикъ» клейсеровали у Капказа, а затѣмъ непокорнаго черкеса въ Туречину перевозили... можетъ, слыхали объ этомъ?

— Слыхалъ.

— Такъ вотъ въ ту самую весну, какъ мы перевезли одну партію черкесовъ и вернулись въ Новороссійскъ, я и рѣшился уха, вашескобродіе.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Вовсе, можно сказать, по глупой причинѣ.

— По какой?

— Не стóитъ и объяснять. Совсѣмъ нестóящая причина, вашескородіе.

Тарасычъ примолкъ и снова принялся снимать съ перекладинъ сушившіяся простыни и полотенца.

Эта таинственность Тарасыча, обыкновенно словоохотливаго и любившаго поговорить, какъ онъ выражался, объ «умственномъ», признаться, меня заинтриговала, и я сталъ его упрашивать разсказать, какая это такая нестóящая причина.

Тарасычъ наконецъ сдался.

— Вамъ, пожалуй, можно сказать, — проговорилъ онъ, приблизившись ко мнѣ: — вы это самое дѣло можете взять въ понятіе...

И, понижая голосъ, хотя въ купальнѣ не было ни души, застѣнчиво и словно бы виновато шепнулъ:

— Изъ-за бабы, вашескородіе.

— Изъ-за бабы? — невольно переспросилъ я.

— Точно такъ, вашескородіе. Изъ-за приверженности къ одной бабѣ. Въ тѣ поры, вашескородіе, я моложе былъ, — словно бы извиняясь, продолжалъ Тарасычъ: — такъ изъ-за эвтой самой бабы меня обезуродовать хотѣли.

— Она, значитъ, была черкешенка?

— Зачѣмъ черкесинка? Форменная наша россійская, съ Дона была пріѣхатчи съ супругомъ. И чтò это за баба была, вашескородіе! Другой такой ни раньше ни послѣ не видалъ! — прибавилъ горячо Тарасычъ, видимо отдавшійся нахлынувшимъ воспоминаніямъ и уже не стыдившійся, а, напротивъ, казалось, охотно готовый поговорить о нихъ.

— Вы разскажите, Тарасычъ, подробно эту исторію.

— Отчего не разсказать? Очень даже могу разсказать, потому вы, вашескородіе, не обезсудите, что, примѣрно, матросъ и, съ позволенія сказать, изъ-за женскаго званія безъ уха остался... Другому господину будто и смѣшно, а вы... однимъ словомъ... можете понять... Дайте вотъ только простыньки приберу. А тѣмъ временемъ вы искупайтесь. Вода освѣжительная. Я ужъ искупался... Теперь только раннимъ утречкомъ и хорошо купаться... А господа ходятъ всѣ съ восьми часовъ, когда солнышко поджариваетъ и вода теплая... Довольно это даже глупо, прямо-таки сказать!

Съ этими словами Тарасычъ торопливой и легкой походкой, словно онъ шелъ по палубѣ военнаго корабля, направился на другой конецъ купальни снимать развѣшанное бѣлье.

Я невольно любовался Тарасычемъ...

Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, этотъ сухощавый, крѣпкій, хорошо сложенный старикъ глядѣлъ молодцомъ. Его

смугловатое, сохранившее еще слѣды былой красоты, лицо — почти безъ морщинъ и отливаетъ здоровымъ румянцемъ. Большіе темные глаза, добродушно насмѣшливые и зоркіе, не потеряли блеска и порой зажигаются огонькомъ. Черные, слегка курчавые волосы и черная большая борода только слегка подернуты сѣдиной. Бѣлые, крѣпкіе зубы такъ и сверкаютъ изъ-подъ усовъ, когда Тарасычъ улыбается или держитъ во рту маленькую трубчонку.

Одѣтъ онъ чистенько и, видимо, не безъ заботы о нѣкоторомъ щегольствѣ. На немъ всегда бѣлый, сшитый на матросскій фасонъ, короткій буршлатикъ—пальто съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ и широкія парусинныя штаны, а по воскресеньямъ парусинные башмаки. Въ будни онъ въ купальнѣ ходилъ босой.

Тарасычъ расторопенъ и услужливъ, но держитъ себя съ достоинствомъ; ни передъ кѣмъ ни лебезитъ и ко всѣмъ купальщикамъ, безъ различія ихъ положеній и ранговъ, относится съ одинаковой предупредительностью. Только, по старой памяти, онъ оказываетъ нѣкоторую аттенцію морякамъ, и въ особенности старымъ севастопольцамъ. Тарасычъ всѣхъ ихъ знаетъ, и они всѣ знаютъ и уважаютъ Тарасыча. Къ нимъ онъ особенно внимателенъ, охотно вступаетъ въ разговоры, называя по имени и отчеству даже адмираловъ, ставитъ имъ, безъ напоминанія, шайки съ водой послѣ купанья и, накидывая простыни, усердно третъ своими большими, жилистыми и умѣлыми руками спины такихъ фаворитовъ-купальщиковъ.

Я началъ пользоваться благоволеніемъ Тарасыча вскорѣ послѣ пріѣзда въ Севастополь, какъ только онъ откуда-то узналъ о томъ, что я отставной морякъ и, вдобавокъ, севастопольскій уроженецъ. Мы скоро сдѣлались съ Тарасычемъ пріятелями, вмѣстѣ ловили на зарѣ бычковъ и часто, какъ онъ выражался, «балакали». Иногда, по вечерамъ, когда купальни запирались, Тарасычъ заходилъ ко мнѣ въ гостиницу и охотно выпивалъ стаканъ-другой чаю съ коньякомъ, который онъ называлъ почему-то «пользительнымъ напиткомъ».

Повидимому, этотъ «пользительный напитокъ» значительно способствовалъ нашему сближенію, тѣмъ болѣе, что я разбавлялъ чай своего гостя, нисколько не жалѣя коньяку.

II.

— Что, вашескобродіе, хорошо искупались? — весело спрашивалъ Тарасычъ, набрасывая на меня простыню и начиная усердно растирать спину.

— Отлично, Тарасычъ! — такъ же весело отвѣчалъ я, бодрый, жизнерадостный и словно бы окрѣпшій послѣ купанья.

— То-то я и говорю: у насъ въ Севастополѣ купанье первый сортъ, ежели купаться съ разсудкомъ... раннимъ часомъ. Ну, теперь извольте одѣваться, вашескобродіе. Сейчасъ шаечку съ водой для ногъ принесу.

Когда Тарасычъ возвратился, я напомнилъ ему объ обѣщаніи разсказать подробности его романической исторіи.

— Такъ вамъ въ самомъ дѣлѣ желательно послушать?—спросилъ Тарасычъ, испытующе взглядывая на меня.

— Очень даже желательно, Тарасычъ.

— Что-жъ... Я все въ подробности обскажу...

— Пожалуйста.

— Вы господинъ съ понятіемъ, — снова повторилъ онъ, словно бы приглашая меня отнестись къ его разсказу съ серьезностью.

Тарасычъ присѣлъ на срубъ купальни, опершись на стойку, закурилъ трубку и, видимо нѣсколько возбужденный, началъ разсказъ своимъ мягкимъ, пріятнымъ голосомъ.

III.

— Какъ разъ въ Вербное воскресенье, какъ теперь помню, вышли мы, вашескобродіе, изъ Константинополя въ обратную, въ Новороссійскъ. Разсчитывали, что дня этакъ черезъ три ходу будемъ въ Новороссійскомъ, какъ слѣдуетъ отговѣемъ на берегу и встрѣтимъ честь-честью праздникъ. Однако разсчетъ вышелъ совсѣмъ другой, вашескобродіе, отъ Господа Бога... Были ужъ мы недалече отъ Новороссійскаго, какъ поднялась штурма, и не приведи Богъ какая... Въ родѣ быдто боры... Съ берега, значитъ, дуетъ... Ну, мы на шкункѣ на нашей маленькой поставили штормовые паруса и ждемъ передышки. А качка была такая, что такъ бортами шкунка и черпала. А машина еле дѣйствуетъ, никакого ходу не даетъ... Тогда, сами знаете, машины не нонѣшнія были. Такъ день, такъ другой, ждали ослабки, а замѣсто того на третій день, вашескобродіе, на самую страстную пятницу буря во всю разыгралась, въ родѣ быдто свѣтопреставленія было. Кругомъ водяная пыль, ровно мгла, вѣтеръ реветъ и волны словно кипятъ. Никогда въ жизни не видалъ я такой штурмы. Шкунку нашу ровно бы стружку кидаетъ, и волна такъ и ходитъ черезъ палубу. Тяжко было, вашескобродіе. И думали матросики втѣпоры, что не видать намъ больше свѣта Божьяго. Придется, молъ, топнуть на Черномъ морѣ. Однако командиръ нашъ, Петръ Иванычъ Чайкинъ... Можетъ, слышали?.. Онъ теперь въ адмиралахъ, въ Петербургѣ живетъ...

— Слыхалъ.

— Такъ онъ, какъ слѣдуетъ ему по должности, команду подбадриваетъ. «Ничего, говоритъ, ребята, сустоимъ!» А самъ, привязавшись къ мостику, чтобы волна не смыла, стоитъ бѣлѣй рубашки и только покрикиваетъ: «право» да «лѣво!» А гдѣ ужъ тутъ править! Вовсе перестала слушаться руля шкуна наша; вышла, значитъ, изъ повиновенія и бунтуетъ. Паруса всѣ въ клочьяхъ. Машина не забираетъ... одно слово—бѣда. Сбились, значитъ, матросики къ шканцамъ, какъ овцы, крестятся и ждутъ смерти. Стоитъ на своемъ мѣстѣ и командиръ въ отчаянности. Видитъ, ничего ему не выдумать, будь ты хоть самый форменный капитанъ. Стоитъ и для вида форцу на себя напущаетъ, и все командуетъ: «право» да «лѣво!» А голосъ евонный такъ и дрожитъ.

Тарасычъ затянулся два раза, сплюнулъ и продолжалъ:

— А я на рулѣ орудую съ подручными, — я старшимъ рулевымъ былъ,—гляжу во всѣ глаза на волны и ворочаю, значитъ, штурваломъ, чтобы шкунку поперекъ волны поставить... Никакъ невозможно! Мотаетъ шкунку. И такъ это тоскливо на душѣ, вашескобродіе, что молодому матросу и вдругъ умирать. А главная причина — Глафиры жалко, этой самой изъ Новороссійскаго. Не увижу, молъ, ее никогда. И замѣсто того, чтобы о грѣхахъ вспомнить да Богу молиться, все объ ей думаю... Не узнаетъ, молъ, какъ я къ ней приверженъ былъ... Не пожалѣетъ матросика, желанная. Изъ-за этихъ думъ пуще тоска. И все эта самая Глафира быдто изъ воды на меня, голубушка, глядитъ, какъ русалочка, строго-престрого... «Погибай, молъ, человѣкъ, а мнѣ тебя не жалко... Ты мнѣ не любъ!..» И какъ это она такъ меня приворожила, я и до сихъ поръ въ толкъ не возьму, вашескобродіе. Но только доложу вамъ, что какъ въ первый разъ я зашелъ въ ейную лавочку по осени, — мы тогда въ Новороссійскомъ стояли, — и увидалъ хозяйку, такъ ровно бы меня по башкѣ марса-фаломъ съѣздило, и былъ я быдто въ родѣ какъ въ помраченіи ума. И никогда со мною допрежь не случалось такой оказіи... Въ старину бабы мною не брезговали, вашескобродіе, ну и я имъ спуску не давалъ... однако, чтобы была во мнѣ изъ-за ихъ отчаянность, этого никогда не случалось. Много, молъ, этого сословія! Но какъ встрѣлъ я Глафиру, съ того же разу стала она на свѣтѣ для меня одна. На другихъ хоть и не смотри... Такъ вѣдь заколдовала, видно, до смерти, каторжная. Поди-жъ ты! — воскликнулъ съ добродушной улыбкой Тарасычъ, словно бы самъ недоумѣвая силѣ своей страсти, воспоминаніе о которой и теперь еще жило въ немъ.

— А хороша была эта Глафира? — спросилъ я.

— Какъ кому, а для меня лучше не было, вашескобродіе! Сами изволите знать: не по хорошу милъ, а по милу хорошъ. Другая вонъ и писаная красавица считается, а на нее, съ позволенія сказать, начхать. Сиди со своей красотой, какъ глупая пава, да кричи «уа!». Опять же другая и вовсе быдто не красавица, а по твоему скусу милѣй всякой красавицы... И я такъ полагаю, вашескобродіе, что всякому человѣку дадена одна настоящая, значитъ, желанная. Только не всегда ты ее встрѣтишь. Ты, примѣрно, въ Севастополѣ, а она въ Кронштадтѣ. Но сердце все-таки чуетъ, какая тебѣ назначена. И коли ты встрѣлъ такую, тутъ тебѣ и крышка. Потому противъ своей природы не пойдешь. Учуетъ душа сродственную-то душу. Рѣдко только онѣ присоглашаются. По той причинѣ и въ законѣ люди неправильно живутъ. Грызутся да сварничаютъ и вовсе другъ дружку не любятъ. Каждая душа тоскуетъ по другой душѣ, по желанной.

— А вы женаты, Тарасычъ?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе. Остерегался.

— Отчего?

— Зачѣмъ зря жениться? Послѣ той самой я другой по сердцу не нашелъ... Такъ съ тѣхъ поръ бобылькомъ и доживаю вѣкъ. По крайности чужого вѣка не заѣдаю и самъ не терплю бабьяго озорства.

— А на Глафирѣ бы женились?

Вмѣсто отвѣта Тарасычъ сердито крякнулъ и задымилъ трубочкой.

— Чѣмъ же вамъ именно такъ понравилась Глафира и какая она была изъ себя? — предложилъ я вопросъ, заинтересованный этими неожиданными для меня разсужденіями Тарасыча.

Симпатичное лицо Тарасыча словно бы просвѣтлѣло и помолодѣло, и темные ласковые глаза освѣтились нѣжнымъ выраженіемъ, полнымъ задумчивой, тихой скорби, когда онъ заговорилъ:

— А была она, если вамъ угодно знать, вашескобродіе, изъ себя вся аккуратненькая и росту средственнаго. Такая сухощавенькая и пряменькая, ровно молодой тополекъ. Вовсе деликатнаго сложенія, даже, можно сказать, щупленькая. И гибкая, какъ ивовый прутикъ, и на ходу легкая. Какъ есть перышко, вашескобродіе. На рукѣ куда вгодно донесешь. Одно слово, все въ ей было одно къ одному, въ пленорцію пригнано и чистой отдѣлки. А лицо у ея было чистое-пречистое и бѣлое-пребѣлое. Даже загаръ не бралъ. И такого задумчиваго и строгаго даже, можно сказать, вида. А глаза

сѣренькіе, сторожкіе, ровно бы у куличка, что̀ на караулѣ стоитъ да озирается, умница, вокругъ: нѣтъ ли гдѣ опаски? Пужливая была до людей, вашескобродіе, въ родѣ дикой козочки. Извѣстно, какой народъ въ Новороссійскомъ: дерзкій да сбродный. Солдаты эти озорливые, да наши матросы, а офицеры вовсе даже, прямо сказать, касательно женскаго пола безстыдники... Ну, и она прегордо себя держала, никакихъ этихъ любезностевъ не допускала, ни Боже ни... Такъ взглянетъ, что холодъ проберетъ... Небось, умѣла взглянуть. Ее такъ и прозвали «безчувственной» за ея, значитъ, неприступность гордую... А торговки иначе промежъ себя не звали, какъ рыжей Глашкой. Изъ-за волосъ ейныхъ, золотистыхъ, ну и опять же злились: не хороводилась она съ ними и совсѣмъ не ихняго фасона была баба. Не шилохвостила подоломъ, не вертѣла зѣнками, не зазывала покупателевъ... Вовсе другого поведенія была, вашескобродіе. Правильная женщина!

Тарасычъ примолкъ на секунду и продолжалъ:

— А нрава была скрытнаго. И горда и карахтерна. И никогда не оказывала себя, не то, какъ прочія бабы. Извѣстно, баба сичасъ себя окажетъ, а эта нѣтъ. Задачливая какая-то. Не раскусишь! И языкомъ зря не молола. Смотришь, бывало, украдкой на ее и никакъ не высмотришь, что̀ у нея примѣрно на душѣ: весело ли ей жить на свѣтѣ или нудно? Рѣдко когда веселая была, больше въ задумчивости... И умственная... съ большимъ понятіемъ... до книжекъ охотница; сидитъ это въ лавкѣ и книжку читаетъ... Совсѣмъ особенная! Такъ я объ ней понимаю, вашескобродіе! — горячо закончилъ Тарасычъ свою восторженную характеристику.

— Молодая она была?

— Сказывала, что тридцати годовъ, но только съ виду ей тридцати не оказывало, вашескобродіе... Такъ годовъ двадцать можно было обозначить... И совсѣмъ на замужнюю не походила... Ровно бы дѣвушка!.. Тонкая такая.

— А мужъ молодой былъ?

— Молодой... Однихъ съ нею лѣтъ... Крѣпкій, здоровый мужчина.

— А человѣкъ каковъ?

Задавая этотъ вопросъ, я почти не сомнѣвался, что Тарасычъ не особенно одобрительно отнесется къ мужу женщины, которую онъ такъ безгранично любилъ. Но Тарасычъ рѣшительно озадачилъ меня, когда отвѣтилъ:

— Хорошій человѣкъ, вашескобродіе. Старательный и башковатый по своей части. Онъ прасоломъ былъ и часто въ разъѣздахъ находился... Оборотистый парень. А супругу свою

онъ, можно сказать, вовсе обожалъ... Такъ въ глаза ей и смотрѣлъ... Доберъ съ ей былъ... страсть. И что она хотѣла, все исполнялъ...

— А она его любила?

— Сдавалось мнѣ, вашескобродіе, что настоящей пристрастности къ ему не имѣла. Почитала супруга, какъ слѣдуетъ женѣ, соблюдала законъ, а чтобы по-настоящему имѣть приверженность, чтобы, значитъ, до помраченія... непримѣтно было... А по моему разсудку, вашескобродіе, главная причина въ томъ, что души ихъ несродственныя были... Изъ-за того и настоящей приверженности не могло быть.

— Какъ такъ?

— А такъ... Не пришлись они другъ дружкѣ, чтобы какъ, примѣрно сказать, при корабельной стройкѣ: стыкъ въ стыкъ. Онъ все больше о дѣлахъ заботился, одно только житейское понималъ. Продалъ да купилъ! И хоть жену обожалъ, холилъ ее да рядилъ, а души-то ея высокой не чувствовалъ... А Глафира однимъ житейскимъ брезговала... Она любила все больше умственное... Насчетъ души, значитъ, и всего такого прочаго, вашескобродіе. Почему, молъ, человѣкъ на свѣтѣ живетъ и какъ ему по совѣсти жить? И гдѣ, молъ, правда на свѣтѣ есть? И по какой причинѣ звѣздочки горятъ и на-земь падаютъ?.. И великъ ли предѣлъ свѣту?.. До всего такого она очень даже была любопытна... Ну, а Григорій Григорьевичъ, мужъ ейный, ничего этого не почиталъ... Совсѣмъ въ эти понятія не входилъ... И выходитъ — сродственности не было! Бѣда безъ этого! — примолвилъ Тарасычъ и призадумался.

IV.

— А какъ вы съ ней познакомились, Тарасычъ?

— Изъ-за этого самаго... изъ-за умственнаго разговора она и допустила къ себѣ... Я самъ, вашескобродіе, грѣшнымъ дѣломъ, приверженъ къ этому... Хоть и темный человѣкъ, а все разная дума идетъ въ голову. Такъ вотъ, какъ я увидалъ въ первый разъ Глафиру и пришелъ въ безуміе, можно сказать, такъ на другой день опять отпросился на берегъ и въ лавочку... нитки быдто покупать. Подошелъ, а войти смѣлости нѣтъ... Въ груди такъ и колотитъ... И самъ дивлюсь, вашескобродіе, своему страху... Прежде куда вгодно входилъ... не боялся, а тутъ ровно гусенокъ желторотый... Однако вошелъ. Смотрю, вмѣсто хозяйки — мужъ. Купилъ нитокъ. Тары-бары. Скучно въ лавкѣ-то ему одному сидѣть, такъ онъ балакаетъ. Давно ли шкуна пришла? Гдѣ были? Разговорились. Все думаю: она придетъ. Ну, я и про Севастополь, и какъ раньше

ходили въ Средиземное, про итальянцевъ, про штурмы... Бурдючокъ выпили... А тутъ и она вышла... Слушаетъ. Глаза такъ и впились. Любопытно, значитъ. А я, какъ увидалъ ее, отдалъ поклонъ, да такъ меня въ краску и бросило. Однако виду не подаю, что оробѣлъ... Продолжаю... И чувствую, что при ей какъ-то складнѣй выходитъ. Откуда только слова берутся... А самому лестно такъ, что она слушаетъ... Такъ, кажется, и говорилъ бы цѣлый день, только бы она слушала! Какъ окончилъ я, просятъ еще. «Вы, говорятъ, по матросской части много видѣли». Ну, я еще и еще... Какъ въ Неаполѣ затменіе солнца видѣли, и какъ гора Везувій лаву извергала... Григорій Григорьичъ еще вина вынесъ. Однако я отказался, — я всегда въ плепорцію пилъ, вашескобродіе... Взялся за шапку. А мужъ видитъ, что матросъ смирный и учливый, и сказываетъ: «Будемъ знакомы, матросикъ. Заходи когда». А Глафира Николаевна протянула руку и тихо-тихо такъ молвила: «Счастливый вы, говоритъ, человѣкъ... вы свѣтъ видѣли, а я, говоритъ, ничего не видала! Послушать и то, говоритъ, очень даже пріятно...» И какъ вернулся я въ тотъ день на шкуну, такъ даже трудно обсказать, вашескобродіе, въ какомъ, можно сказать, смятеніи чувствъ я находился... И точно вовсе другимъ человѣкомъ сталъ... И міръ-то Божій лучше показался, и люди добрѣе... А ночь-то всю такъ на звѣзды и проглядѣлъ. И много разныхъ думъ въ головѣ... И все объ ей... Совсѣмъ, прямо сказать, въ родѣ какъ обезумѣлъ, вашескобродіе.

— Что-жъ вы, Тарасычъ, сказали Глафирѣ, что любите ее?

— Что вы, вашескобродіе! — почти испуганно проговорилъ Тарасычъ.—Какъ я смѣлъ, когда видѣлъ, что мной она брезгуетъ, а не то чтобъ... Я и хаживалъ-то рѣдко... Придемъ бывало, въ Новороссійскъ, я забѣгу... такъ, четверть часика въ лавкѣ посижу, поговорю и айда... А самому жалко, что ушелъ... Но только она никогда не оставляла... А то иной разъ скажетъ: «Уходите, Максимъ Тарасычъ... Мнѣ, говоритъ, некогда!..» Такъ, терпѣла, значитъ, меня, а чтобъ какое-нибудь вниманіе, такъ вовсе его не было... А я такъ, вашескобродіе, вовсе въ малодушество изъ-за нея вошелъ... Не ѣмъ, не сплю... Какъ клейсеровали мы, вашескобродіе, — бывало, стою это на рулѣ, правлю по компасу... Ночь-то теплая... Звѣздочки-то горятъ... И такая это тоска на душѣ, что слезы такъ и каплютъ... И вовсе я исхудалъ по ей и ничѣмъ не могъ отъ этого избавиться...

— А она знала, что вы, Тарасычъ, такъ ее любили?

— Отъ бабы не укроется, ежели къ ей привержены... Учуетъ... И Глафира, надо полагать, чуяла... Только вида

не показывала и все строже да строже со мной обходилась... Разъ даже сказала: «Вы, говоритъ, очень часто въ лавку-то не забѣгайте. Я, говоритъ, этого не люблю!» Совсѣмъ обезкуражила...

— Что-жъ вы?

— Такъ я тайкомъ по вечерамъ бѣгалъ... въ окно заглядывалъ... И стыдно, что изъ-за бабы стремишься, а ничего не подѣлаешь. И зарокъ себѣ давалъ — не съѣзжать на берегъ. День-другой крѣпишься, сидишь на шкунѣ, а на третій отпросишься на берегъ и туда... на край города, къ лавочкѣ, и вечеромъ въ окно глядишь, какъ она въ своей горницѣ за книжкой сидитъ... И пить даже сталъ, вашескобродіе, чтобы въ забывчивость придти... Почитай, три мѣсяца пилъ, какъ послѣдній человѣкъ... И драли меня на шкунѣ за это... Ничего не брало... Все эта самая Глафира въ мысляхъ... Все она.

V.

Прошла минута-другая въ молчаніи.

Наконецъ я спросилъ, желая узнать окончаніе исторіи Тарасыча:

— Какъ же вы тогда отдѣлались отъ шторма на шкунѣ?

— Господь вызволилъ, а то бы давно рыбы насъ съѣли. Утишилъ, значитъ, Царь Небесный штурму... Къ полудню немножко ослобонило. Поставили стаксель да бизань и вышли на курцъ. Опять «Дротикъ» послушливый рулю сталъ—пересталъ бунтовать, и доплелись мы въ Новороссійскъ въ Свѣтлое воскресенье такъ послѣ полудня — рады-радешеньки, вашескобродіе, что отъ смерти спаслись. Буря эта самая и тамъ свирѣпствовала, такъ многіе даже ахнули, какъ увидали нашъ «Дротикъ» цѣлымъ. Командиръ порта даже самъ пріѣхалъ на шкунку и все капитана разспрашивалъ и потомъ благодарилъ команду. А я, вашескобродіе, только и думаю, когда отпустятъ насъ на берегъ и я сбѣгаю поздравить Глафиру. А у меня ей и гостинецъ припасенъ былъ изъ Константинополя: шелковый голубой платочекъ. Отдамъ, молъ, съ яичкомъ. Послѣ обѣда просвистали на берегъ, я, какъ слѣдуетъ, обрядился по-праздничному и туда... Лавочка заперта, такъ я въ ихнее помѣщеніе... окнами оно въ маленькую уличку выходило... А у воротъ Алимка сидитъ, черкесъ изъ мирныхъ, ихній работникъ, отчаянная такая рожа, молодой. Сидитъ этто, свою какую-то пѣсню гнусавитъ. «Нѣтъ, говоритъ, дома хозяевъ. Ушли». И самъ на меня сердито такъ смотритъ. Вижу—вретъ. Иду себѣ въ ворота. А онъ сзади: «Секимъ башка тебѣ будетъ!» Ну, думаю, брешетъ

себѣ татарва злая. И я ему «секимъ башку» отвѣтилъ и вошелъ. Сидятъ они за чаемъ.—«Христосъ воскресе!» Григорій Григорьичъ обрадовался... — «А въ городѣ, говоритъ, думали, что вы на шкунѣ всѣ потопли... буря-то какая!..» Похристосовались. А затѣмъ къ Глафирѣ Николаевнѣ.—«Христосъ воскресе!» И всего меня захолонуло, какъ я и съ ей три раза похристосовался.—«Такъ и такъ, говорю, позвольте предоставить гостинецъ». Строгая-престрогая стала. — «Не люблю, говоритъ, этого». Ну, тутъ мужъ за меня вступился.—«Не обиждай, говоритъ, человѣка. Возьми. Платочекъ отличный». Взяла и въ сторону положила. А я, вашескобродіе, совсѣмъ, значитъ, обезконфуженъ отъ такого пріема. А Григорій Григорьичъ велѣлъ ей наливать мнѣ чаю, усадилъ и сейчасъ же сталъ разспрашивать, какъ это мы бурю перенесли... — «Очень, говоритъ, я жалѣлъ тебя, Максимъ Тарасычъ... думалъ, и не свидимся». А Глафира сидитъ это нарядная въ свѣтломъ платьицѣ, такая красивая да свѣжая, словно вешнее утречко, а глаза строгіе-престрогіе. Молчитъ. И хоть слово бы сказала привѣтное, что, молъ, человѣкъ живъ остался. И такъ это обидно мнѣ стало, вашескобродіе, что и не обсказать. Плакать отъ обиды хочется, а не то чтобы кантовать. Тутъ, вѣрно, она пожалѣла и ласково такъ сказала:—«Что-жъ вы чаю не пьете?» И какъ сказала она это, то ровно бы я ожилъ, вашескобродіе, и свѣтъ опять мнѣ милъ... Взглянулъ я украдкой на нее... и строгости быдто въ ней меньше. Сидитъ, головку на ручку оперла, слушать, значитъ, собирается. А Григорій Григорьичъ пристаетъ, чтобы я про бурю. Ну, я и началъ... И такъ это я говорилъ, какъ собирались мы умирать на шкунѣ-то, какого страха натерпѣлись, и какая эта буря была, что Глафира слушаетъ, духъ затаила. Стиснула губы и впилась въ меня глазами, а какъ я кончилъ—вышла изъ комнаты. Мужъ за ей. Однако скоро вернулся и говоритъ:—«Жалостно ты очень разсказывалъ, Максимъ. Въ разстройку привелъ Глашу»... Посидѣлъ я такъ часъ и сталъ прощаться. Вышла и Глафира, глаза заплаканы. Однако видъ строгій. Подала руку и ни словечка. А мужъ объявилъ, что завтра уѣзжаетъ на недѣлю въ Сухумъ, и просилъ навѣстить когда жену. Она отрѣзала:—«Нечего, говоритъ, навѣщать. И мнѣ дѣла, и Максиму Тарасычу дѣла». Ну, Григорій Григорьичъ такъ и осѣлся. Прижалъ хвостъ. А надо полагать, вашескобродіе, что не допускала она меня къ себѣ не со злого сердца, а изъ жалости ко мнѣ же. Такъ послѣ я объ этомъ смекалъ, когда въ разумъ вошелъ... Какъ вы полагаете?—неожиданно спросилъ Тарасычъ.

И, словно бы желая пояснить свою мысль, прибавилъ:

— Не хотѣла, значитъ, чтобы я, видамши ее, больше да больше приходилъ въ безуміе... Она и не полагала, что я все равно былъ изъ-за нея совсѣмъ потерянный... Ну, и какъ правильная женщина, не желала, какъ прочія другія бабы, играть съ человѣкомъ.

— Пожалуй, что и такъ. А можетъ-быть, и вы ей нравились, Тарасычъ. Только она скрывала это!—замѣтилъ я.

Тарасычъ грустно усмѣхнулся. Скромность его и глубина чувства не допускали такого предположенія.

— Ни на эстолько, вашескобродіе!—проговорилъ Тарасычъ, показывая на кончикъ мизинца. — Небось, сердце мое учуяло бы. Чѣмъ-нибудь Глафира оказала бы, даромъ что скрытная. Глянула когда бы ласково... слово кинула сердечное... Уважать меня уважала за умственность, но только никакой приверженности не было.

— Ну, разсказывайте далѣе, Тарасычъ.

— А далѣе много не придется сказывать, вашескобродіе. Какъ она обезкуражила меня на Свѣтлое воскресенье, я три дня со шкуны не сходилъ... На четвертый не сустерпѣлъ. Отпросился подъ вечеръ на берегъ и айда. Вечеръ-то темный... пробрался я въ глухую уличку и къ окну... Гляжу въ щелинку у ставни на Глафиру. А волосы у ей распущенные,—видно, изъ бани вернулась, сидитъ она одинешенька и такая, я вамъ скажу, печальная, такая сиротливая, что сердце во мнѣ вовсе замерло. И такъ это жалко ее, и такъ самому тоскливо... И не знаю, что бы я далъ, только она бы, родненькая, не кручинилась? И съ чего это она? О чемъ думы думаетъ, голубенькая? Такъ это я раздумываю и самъ тоскую, какъ вдругъ около меня тѣнь, а затѣмъ что-то блеснуло и полоснуло по уху. Гляжу: Алимка, этотъ самый черкесъ, съ кинжаломъ...— «Я тебѣ и носъ отрѣжу... будешь ходить сюда». Я увернулся и на него. Сцѣпились. Наконецъ повалилъ я его и спрашиваю:—«По какой причинѣ ты, собака, на меня?»—«И ханымъ и тебѣ секимъ башка... Зачѣмъ ханымъ ходишь...»— «А тебѣ что?»—«Ханымъ меня не любитъ, а я ханымъ люблю, стерегу». Приревновалъ, значитъ, дьяволъ. А Глафира-то на этого черкеса никакого вниманія не обращала... И рожа, если-бъ вы знали, какая... Такъ онъ со злобы, чортъ... что выдумалъ!.. Стараюсь я это кинжалъ отнять, а онъ опять пырнулъ въ руку. Тутъ ужъ я озвѣрѣлъ... душу его за горло... Хрипитъ. А въ это самое время Глафира съ фонаремъ...— «Вы что тутъ дѣлаете? Какъ вы тутъ оказались, Максимъ Тарасычъ?»

— Я всталъ, молчу... Поднялся и черкесъ, сердито глядитъ такъ... А кинжалъ евойный у меня... Я глазъ съ черкеса не спускаю. А Глафира ему что-то по-татарски... и такъ это, должно, что-нибудь очень обидное... Онъ это вырвалъ кинжалъ у меня и къ ей... къ Глафирѣ-то... Я мигомъ очутился между ими, и кинжалъ пришелся мнѣ въ плечо. Но ужъ послѣ эстаго я этого черкеса разъ да другой по уху и сшибъ его съ ногъ... Держу за шиворотъ. А онъ, собака, мнѣ шепчетъ:— «Драка была. Ханымъ не видалъ. И ты говори: драка была, ханымъ не видалъ!» Путать, значитъ, ее не хотѣлъ... Поди-жъ ты! Тутъ Глафира велѣла тащить черкеса въ сарай, и я заперъ его на ключъ.—«А завтра, говоритъ, въ полицію отведутъ».—«Зачѣмъ, говорю... не надо»,—и сталъ-было прощаться. А она какъ подняла фонарь да увидала, что и лицо у меня въ крови и на плечѣ сквозь рубашку кровь,—такъ и ахнула. И, словно бы виноватая, вся затихла и на меня такъ жалостно смотритъ.—«Идемте, говоритъ, въ горницу... Обмойтесь и раны перевяжите. Я вамъ тряпокъ дамъ»... Ну, я пришелъ, обмылся—полъ-уха, гляжу, нѣтъ. Перевязалъ тряпками и прощаюсь... — «Спасибо, говоритъ, вамъ, спасли отъ черкеса... Только напрасно!» Тутъ ужъ я не утерпѣлъ, слезы градомъ, и я вонъ... А она въ догонку:—«Прощайте, Максимъ Тарасычъ... Не ходите ко мнѣ. Лучше для васъ будетъ. Я людямъ горе одно приношу...» Ну, явился я на шкуну. Всѣ: «какъ да какъ?» Обсказываю, что съ черкесомъ въ дракѣ дрался. Увели меня въ лазаретъ, и тамъ я съ недѣлю пролежалъ. Ухо да плечо залѣчивали, а я, вашескобродіе, всю эту недѣлю въ тоскѣ былъ... Въ концѣ недѣли навѣстилъ меня Григорій Григорьевичъ и сказалъ, что Алимка-подлецъ изъ полиціи убѣжалъ въ горы—и слѣдъ его простылъ... Дѣло это кончилось, и никто не зналъ, изъ-за чего все это вышло... Такъ вотъ, вашескобродіе, какъ я уха-то рѣшился! — заключилъ Тарасычъ.

— А Глафиру вы больше не видали?

— Видѣлъ... Какъ поправился, заходилъ въ лавку попрощаться... Черкеса опять перевозить начали въ Константинополь, а оттеда велѣно намъ было идти въ Одесту.

— Что-жъ, какъ она васъ встрѣтила?

— Въ строгости, вашескобродіе. Быдто и никакого кровопролитія не было. Но только, какъ я сталъ уходить, видно, пожалѣла опять. Крѣпко такъ руку пожала и говоритъ:—«Не поминайте меня лихомъ... Безталанная я...» А я ужъ тутъ открылся вовсе и сказалъ:—«Вѣкъ васъ буду помнить, потому дороже васъ нѣтъ и не будетъ мнѣ человѣка на свѣтѣ!» Съ

тѣмъ и ушелъ. Въ скорости мы пошли въ море... А мнѣ хоть на свѣтъ не гляди... Такъ прошло года три... Наконецъ я опять попалъ въ Новороссійскъ. Сошелъ на берегъ, ногъ подъ собой не чувствую... бѣгу къ лавочкѣ... А тамъ Григорій... Посмотрѣлъ... осунулся... Увидалъ меня, сперва обрадовался, да потомъ какъ заплачетъ... — «Что съ тобой, Григорій Григорьичъ?» Тутъ онъ объяснилъ мнѣ, что Глаша годъ тому назадъ уѣхала въ Іерусалимъ и отписала ему, чтобы больше не ждалъ ее... Просила прощенія... И объясняла, что странницей сдѣлается... Божьей правды искать будетъ...— «И тебя, Максимъ, вспомнила. Прислала крестикъ и велѣла тебѣ отдать...» Вотъ онъ, вашескобродіе, — заключилъ Тарасычъ, открывая воротъ рубахи и показывая маленькій кипарисовый крестъ.—Съ нимъ и умру!—прибавилъ онъ и поцѣловалъ крестъ.

— И ничего вы съ тѣхъ поръ не слыхали о Глафирѣ?

— Ничего... И мужъ не знаетъ, гдѣ она... Успокой, Господи, ея смуту душевную! — какъ-то умиленно проговорилъ Тарасычъ и перекрестился.

Въ эту минуту явился какой-то купальщикъ, и я простился съ Тарасычемъ.

„СОБАКА“.

I.

Въ исходѣ девятаго часа прелестнаго лѣтняго утра, когда на военномъ корветѣ «Могучій» приканчивалась обычная «чистота» и затихло дѣловое артистическое сквернословіе старшаго офицера Ивана Ивановича и боцмана Рябова, просвистали:

— На капитанскій вельботъ!

Черезъ пять минутъ изъ каюты вышелъ высокій, худощавый, рыжеватый капитанъ, лѣтъ сорока, въ статскомъ мѣшковатомъ платьѣ, съ цилиндромъ на головѣ и въ желтыхъ перчаткахъ. Видимо сердитый, нервно подергивавшій рыжую бакенбарду, торопливо прошелъ онъ мимо фронта офицеровъ, обязанныхъ провожать и встрѣчать командира, мимо караула и фалгребныхъ, спустился въ свою щегольскую шлюпку и уѣхалъ на берегъ—въ Санъ-Франциско.

Въ ту же минуту на бакъ прибѣжалъ Никишка.

Такъ всѣ звали капитанскаго вѣстового, шустраго, черняваго матроса, лѣтъ за тридцать, съ плутоватыми глазами продувной шельмы.

Онъ вошелъ въ кружокъ матросовъ, собравшихся выкурить трубчонку махорки у ведра съ водой, не безъ нѣкоторой важности закурилъ у фитиля капитанскую «чирутку» и, пыхнувъ, послѣ двухъ-трехъ отчаянныхъ затяжекъ, дымкомъ сигары видимо торопившійся «огорошить» интересною новостью, значительно и серьезно проговорилъ:

— Ну и вовсе взбѣсился «Собака»!

Никишка остановился и бросилъ взглядъ бѣгающихъ черныхъ глазъ на присутствующихъ—какова, молъ, сила впечатлѣнія?

Но «серьезные« матросы, постарше, не обнаружили особеннаго любопытства. Дескать, «Собака» и есть собака.

Однако все-таки насторожились. Недаромъ же Никишка околачивается около капитана и хоть «безпардонная душа», а не всегда вретъ.

И Никишка загадочно прибавилъ:

— А по какой-такой причинѣ Собака взъерепенился и заспѣшилъ на берегъ, ровно съ шиломъ на спинѣ?..

Никто изъ матросовъ не догадывался. Снова старики не считали приличнымъ обнаружить нетерпѣливое желаніе узнать о причинѣ.

Но одинъ матросикъ-первогодокъ съ любопытствомъ испуга спросилъ:

— А что, Никишка?

— Вернулся, братцы вы мои, Собака ночью съ берега, и не треснумши, а въ трезвомъ понятіи!—говорилъ Никишка, обращаясь не къ простоватому матросику, а къ «серьезнымъ» матросамъ.—И какъ влетѣлъ этто въ каюту: рразъ-два... три!.. Прямо звѣзданулъ въ морду!.. Небось, ловко! Погляди-ка!— не безъ оживленія и точно хвастаясь разсказывалъ Никишка, показывая на подтекъ подъ глазомъ.—И затѣмъ, братцы, пошелъ: «Собачій ты сынъ, сукина ты дочь!..» А сегодня проснулся и давай чесать... И какъ всталъ, сей секундъ: «позвать, Никишка разсякой, старшаго офицера!..»

Никто не спросилъ, за что «звѣзданули» Никишку. Всѣ знали, что Собака дрался и зря, да, повидимому, и не особенно жалѣли Никишку.

Обиженный такимъ равнодушіемъ, Никишка внезапно нарочно оборвалъ разсказъ о причинѣ съѣзда капитана на берегъ, возбудившій любопытство, и, разсчитывая на сочувствіе, воскликнулъ не безъ пафоса:

— Просто силъ нѣтъ моего терпѣнья. Вотъ возьму да и сбѣгу, какъ въ прошломъ году сбѣжалъ Трофимовъ...

Слушатели деликатно молчали. На нѣкоторыхъ лицахъ промелькнули сдержанныя, недовѣрчивыя улыбки.

Только Лещиковъ не промолчалъ.

Пожилой, коренастый и далеко не казистый форъ-марсовой, невоздержный на языкъ, особенно послѣ возвращенія съ берега, когда пьянѣе пьянаго вслухъ мечталъ о такомъ «законъ-положеніи», по которому всѣхъ капитановъ и офицеровъ «собакъ» будутъ гонять «скрозь строй—войди, молъ, въ понятіе»,—этотъ «занозистый» матросъ, какъ называла его команда корвета, не безъ презрительной усмѣшки, спокойно кинулъ:

— Скажи, какой обидчистый!.. Такъ и сбѣжитъ?

— Начху на Собаку и сбѣгу! — хвастливо повторилъ Никишка, разумѣется, и не думавшій о побѣгѣ.

— Меня и безъ денегъ форменно лупцуютъ и за дѣло и по спопутности, а ты, безпардонная вѣстовщина, въ отместку за бой и лупцовку, небось, шаришь капитанскіе карманы!.. Сколько вчера нашелъ монетъ, Никишка?

Въ кучкѣ засмѣялись.

— А если-бъ и нашелъ?—съ нахальнымъ задоромъ отвѣтилъ Никишка.

— То-то, прикопливаешь къ Россіи.

— Такъ что же? Я и послѣ берега въ полномъ своемъ разсудкѣ и по присягѣ завсегда въ вѣжливомъ повиновеніи у Собаки! Можешь это понять, Лещиковъ, по своей отчаянности?.. А Собака какъ со мной? И боемъ донимаетъ и на бакъ гоняетъ: «для полировки, молъ, крови». Ты обмозгуй, что я безотлученъ при Собакѣ и день и ночь. Такъ ежели онъ въ такомъ подломъ, можно сказать, «карахтерѣ» со своимъ вѣстовымъ, я и не смѣй когда упользоваться какой-нибудь мелочишкой?

— Шкуру твою велитъ снять, ежели поймаетъ тебя, Никишка, въ своихъ карманахъ!.. Это ты помни!—промолвилъ Лещиковъ.

— Меня, Никишку, поймаетъ?

— А ты думалъ, ни разу не поймалъ, такъ не попадешься?

— Это который дуракъ, тотъ влопается, а я, слава Богу, матросъ съ разсудкомъ!—самодовольно воскликнулъ Никишка, видимо увѣренный въ томъ, что шкуру съ него не снимутъ.

И послѣ паузы не безъ апломба продолжалъ:

— Собака и не знаетъ, сколько у него по карманамъ мелкихъ денегъ. Въ «портаметѣ» считаетъ, а мелочью брезгуетъ. И что ему, Собакѣ, ежели вѣстовому перепадетъ? Небось, я «портамета» евойнаго не касаюсь... Коснись, тогда форменно укралъ. А ежели да за свою каторжную жизнь франокъ, шильникъ, да много-много пятьдесятъ центовъ прибралъ—это въ родѣ быдто нашелъ... Все равно, обронить могъ на берегу Собака!.. Или взялъ цыгарку... Скажи, пожалуйста, какая бѣда!..

Никишка такъ горячо и возбужденно защищалъ право деликатныхъ находокъ въ карманахъ капитана, котораго можно звать Собакой, и притомъ такъ моргалъ лукавыми глазами, что едва ли всѣ слушатели повѣрили его защитительной рѣчи и, вѣрно, подозрѣвали, что Никишка несравненно шире пользуется забывчивостью капитана, чѣмъ говоритъ.

Всѣ молчали. Даже Лещиковъ не поднималъ спора.

Тогда Никишка проговорилъ:

— Очень Собака надѣется... Пожалуй, и поймаетъ на берегу!

— Да ты про кого это?—нетерпѣливо спросилъ кто-то.

— Про Трофимова... Собака вчера встрѣтилъ его въ городѣ и сегодня поѣхалъ за нимъ. Со дна, говоритъ, достану подлеца!

II.

Эта новость произвела сильное и тяжелое впечатлѣніе. Вся команда любила и жалѣла бѣглеца—тщедушнаго матроса, не стерпѣвшаго частыхъ порокъ и сбѣжавшаго съ корвета.

Нѣсколько мгновеній стояло молчаніе.

И наконецъ Лещиковъ рѣшительно проговорилъ:

— Такъ и поймалъ!

— То-то и есть!—радостно подтвердилъ молодой матросикъ.

— Нѣтъ такого закона, чтобы вернуть бѣглаго, ежели онъ ничего дурного не сдѣлаетъ... Небось, какъ въ прошломъ году Трофимовъ скрылся, его и не ловили... Концырь тогда сказывалъ, что никакъ, молъ, нельзя!..

Такъ говорилъ Лещиковъ, а въ душѣ трусилъ за товарища. Просвѣтлѣли и матросы.

— Вотъ то-то и есть! Собака изъ-за самаго этого и распалился!—сказалъ Никишка.—И вчера звѣрствовалъ надо мной и сегодня. А старшаго офицера призвалъ и ему обсказалъ, какъ этто встрѣлъ на улицѣ Трофимова.—«Идетъ, говоритъ, подлецъ, и ровно господинъ какой... Форсисто одѣтый въ вольной одежѣ, въ штиблетахъ и цыгарку куритъ. Можете, говоритъ, это понять?» Это Собака старшаго офицера спрашиваетъ, а самъ со злости ажно побѣлѣлъ. Старшій офицеръ молчитъ, а Собака шипитъ, точно глотку перехватило:—«И вѣдь смотритъ на меня; измѣнникъ присяги и, подлецъ, еще смѣетъ смотрѣть... Хучь бы не смѣлъ показываться... Ну, говоритъ, я окликнулъ: такой, молъ, сякой... Ты присягу нарушилъ и обязанъ вернуться, ежели не есть подлецъ!» А онъ-то: «Я, говоритъ, здѣсь не такой-сякой, а вольный человѣкъ и вернуться несогласенъ. А ты, говоритъ, проваливай». И еще шляпу въ насмѣшку приподнялъ и пошелъ... Послѣ этого Собака къ концырю... да не засталъ концыря. И сказывалъ старшему офицеру, что ежели концырь не поймаетъ Трофимова, то дойдетъ до губернатора и всю полицію грозитъ поставить, чтобы вернули ему измѣнника...—«Узнаетъ, молъ, тогда, какъ присягу нарушать! Я, говоритъ, ему шкуру сниму да подъ судъ отдамъ... Пусть скрозь строй пройдетъ!»

Никишка не безъ удовольствія передавалъ эти подробности. И, словно бы желая возбудить въ слушателяхъ мрачныя опасенія, прибавилъ:

— Какъ бы не сцапали Трофимова... Не показывайся Собакѣ на глаза! Не дерзничай!

Матросскія лица омрачились.

И вдругъ раздались подавленные голоса:

— Тогда Трофимову крышка!

— Собака-злодѣй изничтожитъ!

— И какой душевный матросъ былъ!

— А въ гробъ вгонитъ человѣка!

А Никишка, словно бы подтверждая этотъ приговоръ, проговорилъ:

— Очень даже просто!

— А ты не каркай!—взволнованно и сердито сказалъ Лещиковъ.—Ты вѣдь и врать поперекъ себя толще!

— Что мнѣ врать?.. Какая-такая причина врать!.. Что слышалъ, то и обсказалъ...

— Довольно даже подло обсказываешь... Развѣ не знаешь, что мериканская полиція не можетъ забрать Трофимова... Да онъ, можетъ, теперь и не Трофимовымъ прозывается, а мериканцемъ... Небось, у нихъ и пачпортовъ нѣтъ, а не то что прописка... Поймай-ка. Выкуси! Такъ и поймалъ со своей Собакой, безпардонная душа!

— Ты что лаешься? Развѣ я ловить буду?.. А я тоже беру въ понятіе, что люди говорятъ... Очень даже хорошо понимаю насчетъ пачпортовъ, а, небось, полиція и безъ прописки все знаетъ... Разыщетъ... И россійскаго человѣка нетрудно разыскать... Онъ сейчасъ себя окажетъ!—настаивалъ Никишка не столько изъ увѣренности въ поимкѣ бѣглеца, сколько изъ злобнаго чувства къ Лещикову.

— И опять врешь... Теперь Трофимовъ въ вольной одежѣ совсѣмъ другой сталъ на видъ человѣкъ... Какъ, молъ, найти, что онъ Трофимовъ... Всѣхъ жителевъ, что ли, пересмотритъ Собака?

— На пристани увидитъ нашъ офицеръ да сейчасъ городовому: бери, молъ!

— Офицеръ на такую подлость не пойдетъ... И городовой не послушаетъ... Это ты по своей подлой выдумкѣ врешь...

Чѣмъ болѣе Лещиковъ втайнѣ смущался доводами Никишки, тѣмъ сильнѣе горячился и презрительнѣе взглядывалъ на Никишку, испытывая желаніе раскровянить его «продувную морду».

Никишка увидалъ, что Лещиковъ «на точкѣ», примолкъ и снова закурилъ сигару.

III.

Въ это время въ кружокъ вошелъ баталеръ Ивановъ.

— Вы это о чемъ? — небрежно спросилъ онъ, закуривая трубку.

— Да вотъ насчетъ Трофимова, Петровичъ!—взволнованно проговорилъ Лещиковъ, питая къ старому унтеръ-офицеру нѣкоторую слабость, какъ къ завѣдующему раздачей водки, который иногда позволялъ Лещикову выпить двѣ чарки вмѣсто положенной одной, если Лещиковъ покупалъ вторую чарку у кого-нибудь изъ непьющихъ.

— Относительно какого, примѣрно сказать, обстоятельства?—задалъ вопросъ баталеръ, любившій, въ качествѣ бывшаго писаря, выражаться, какъ онъ говорилъ, «по-благородному».

— Да вотъ шельма Никишка брешетъ, что Трофимова обязательно поймаютъ... для этого и Собака на берегъ уѣхалъ—ловить!

— Ни въ жисть. Это одно «благоуханіе»! — авторитетно произнесъ баталеръ.

Онъ любилъ это слово и употреблялъ его въ разныхъ, имъ же придуманныхъ смыслахъ, когда хотѣлъ выразить что-нибудь невозможное или не стоящее вниманія.

И нерѣдко, когда кто-нибудь просилъ Петровича разрѣшить вторую чарку, онъ отвѣчалъ:

— Проваливай! Это одно благоуханіе!

— Такъ не поймаютъ, Петровичъ?—обрадованно спросилъ Лещиковъ.

— Никто и ловить не станетъ, хоть десять концыревъ проси у всѣхъ губернаторовъ...

— Ну?—недовѣрчиво протянулъ Никишка.

— То-то «ну». А ты не нукай, «безпардонная Никишка», коли тебѣ объясняютъ, чего ты понять не въ силѣ своего разсудка... Тоже о себѣ много полагаешь!..

— Диковинно что-то, по моему разсудку, Иванъ Петровичъ!—заискивающе промолвилъ Никишка.

— Нѣтъ ничего диковиннаго для образованнаго человѣка! Обмозгуй, ежели въ маломъ понятіи, Никишка! Ничего концырь не подѣлаетъ, какъ ни постарайся для твоей Собаки! Онъ скажетъ здѣшнему начальству:—«Пожалуйте мнѣ бѣглаго россійскаго матроса первой статьи Ѳедора Трофимова, сдѣлайте такое одолженіе, господа сенаторы!» А сенаторы ему въ отвѣтъ:—«По какой-такой причинѣ? Чѣмъ виноватъ мистеръ Трофъ?» Это американцы, навѣрно, такъ ужъ обозвали по-

своему Трофимова, чтобъ не копаться!—вставилъ баталеръ и продолжалъ за сенаторовъ: — «Убилъ ли Трофъ или укралъ? Ежели, молъ, дадите доказательство, мы будемъ ловить Трофа и судить по своимъ законъ-положеніямъ. А ежели оказательства нѣтъ, то какія мы имѣемъ права ловить и судить человѣка?.. У насъ вольная сторона... Живи, кто хочетъ».

На лицахъ матросовъ свѣтились удовлетворенныя улыбки.

Матросикъ радостно промолвилъ:

— Небось, Петровичъ зря не скажетъ. Онъ все знаетъ!

— Ну что, вѣстовщина, слышалъ? — насмѣшливо спросилъ Лещиковъ.

— Уши-то есть... Только и Собаку слышалъ... Онъ въ увѣренности поѣхалъ на берегъ!—замѣтилъ Никишка.

— Сдурѣлъ отъ бѣшенства и въ увѣренности... Въ родѣ быдто подъ хвостъ перцу Собакѣ подсыпали... А какъ вернется, небось, пойметъ образованіе!—категорически промолвилъ баталеръ.

И прибавилъ:

— Вотъ новый адмиралъ пріѣдетъ изъ Россіи, такъ Собаку утихомиритъ... Нынче другія пойдутъ права... Адмиралъ не любитъ, чтобы безо всякаго образованія тиранили матроса...

Матросы жадно слушали баталера.

— Скоро ли пріѣдетъ?..—раздались многіе голоса.

— Слышно, скоро!—отвѣчалъ баталеръ.

И кто-то спросилъ:

— Пожалуй, адмиралъ ослобонитъ насъ отъ Собаки? Какъ ты полагаешь, Петровичъ?

— Адмиралъ съ большимъ разсудкомъ. Нижняго чина не считаетъ въ родѣ арестанта. Небось, не станетъ держать на эскадрѣ такую Собаку! Обязательно отрѣшитъ и отправитъ въ Россію!—увѣренно проговорилъ баталеръ.

Всѣ, повидимому, были въ большой радости отъ адмиральскаго разсудка. Только Лещиковъ, казалось, не удовлетворился имъ.

— Ежели адмиралъ съ большимъ разсудкомъ, то по-настоящему слѣдовало бы Собаку скрозь строй! — сказалъ Лещиковъ.

Это замѣчаніе вызвало веселый сочувственный смѣхъ.

— Какъ полагаешь, Петровичъ? Не вышло такого законъ-положенія?—прибавилъ Лещиковъ.

— То-то не вышло!—засмѣялся баталеръ.

— Довольно-таки жалко, что не вышло! А въ здѣшней сторонѣ есть такой законъ-положеніе?

— Скрозь строя нѣтъ...

— И у мериканцевъ, значитъ, нѣтъ строгости для начальства?—допрашивалъ Лещиковъ.

— Очень даже строго... Ежели ты здѣсь хоть начальникъ да начхалъ на законъ, не похвалятъ... Отдадутъ подъ судъ и въ тюрьму... А то и повѣсятъ!.. Одно благоуханіе!—прибавилъ Петровичъ, придавая любимому своему слову положительный смыслъ.

— Это правильно... Ловко съ «собаками»! Небось, не смѣютъ идолы!.. А наши-то, которые шкуры снимаютъ, ничего не боятся!—проговорилъ Лещиковъ.

— Вотъ новыя права дадутъ — побоятся... Скоро шабашъ поркѣ!—сказалъ баталеръ.—Пріѣдетъ адмиралъ, выйдетъ объявка! А ужъ Собаку безпремѣнно уберутъ.

— Еще когда уберутъ, а онъ задастъ сегодня благоуханіе!—не безъ злорадства бросилъ Никишка.

Съ этими словами онъ захихикалъ и вышелъ изъ круга курильщиковъ.

IV.

Капитанскій вельботъ присталъ къ берегу во второмъ часу.

Вахтенный мичманъ Загорскій встрѣтилъ капитана у входа на палубу, въ официально-почтительной позѣ, приложивъ руку къ козырьку бѣлой фуражки, и юное жизнерадостное лицо мичмана слегка улыбалось.

Капитанъ остановилъ на немъ тяжелый холодный взглядъ и въ то же мгновеніе почувствовалъ злобу къ мичману именно за то, что онъ улыбался. Капитану казалось, что мичманъ радуется оттого, что капитанъ «оскандалился», потерпѣвъ полную неудачу на берегу.

И онъ рѣзко кинулъ:

— Брамъ-штагъ не вытянутъ. Полюбуйтесь!

Загорскій тогда догадался, откуда «разносъ», и взглянулъ на озлобленное худое лицо капитана.

«Опрохвостился, опрохвостился, опрохвостился!»—говорили, казалось, веселые, улыбающіеся глаза мичмана.

Лицо капитана позеленѣло.

Онъ отвелъ глаза и быстро прошелъ, ни на кого не глядя, въ свою каюту.

— Видно, не выгорѣло. Не запоретъ Трофимова!—шепнулъ мичманъ, обращаясь къ старшему штурману.

— Еще бы. Мы вѣдь въ Америкѣ!..

Черезъ пять минутъ Никишка, только-что подавшій капи-

тану форменное платье, вбѣжалъ въ каютъ-компанію и доложилъ старшему офицеру:

— Капитанъ просятъ, ваше благородіе!

Никишка вернулся изъ каютъ-компаніи и сказалъ:

— Сей секундъ придутъ, вашескобродіе!

Съ этими словами Никишка скрылся въ своей крохотной каюткѣ за дверью капитанской каюты и сталъ обшаривать карманы штановъ и жилетки статскаго платья. Онъ съ большею свободой, чѣмъ обыкновенно, выбиралъ мелкія деньги и пряталъ ихъ въ карманъ своихъ штановъ.

«Теперь хоть всю мелочь обирай!» — весело думалъ Никишка, хорошо знавшій, что забывчивость Собаки прямо пропорціональна его гнѣвному настроенію.

Однако Никишка деликатно отложилъ двѣ десятицентныя монетки и принесъ ихъ въ капитанскую каюту.

— Въ штанахъ, вашескобродіе!—доложилъ онъ и положилъ двѣ монетки на столъ.

— Вонъ!—крикнулъ капитанъ.

И, когда Никишка исчезъ, капитанъ, обращаясь къ Ивану Ивановичу, присѣвшему на кресло, заговорилъ:

— Нечего сказать, хорошъ русскій консулъ. Никакого содѣйствія. Скотина этакая!

И въ безсильной злости продолжалъ:

— Я напишу управляющему министерствомъ. Я буду жаловаться на консула. Такъ нельзя... Я къ нему пріѣзжаю, объясняю, а онъ еще смѣется... Отказался даже съѣздить къ губернатору. Говоритъ: безполезно. И это консулъ!.. Ну и страна тоже подлѣйшая. Укрываютъ бѣглыхъ. Но, если они не желаютъ вернуть мнѣ бѣглаго, я самъ распоряжусь...

— Какъ, Петръ Александровичъ? — осторожно спросилъ старшій офицеръ.

— А такъ, какъ долженъ поступить русскій капитанъ.. Надо схватить Трофимова и привезти на корветъ. Этотъ мерзавецъ навѣрно придетъ на пристань, чтобы подговаривать другихъ.

— Какъ бы чего не вышло, Петръ Александровичъ! — замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— А что можетъ выйти? Развѣ я не могу взять своего матроса?

— Онъ въ чужомъ государствѣ, Петръ Александровичъ.

— А наплевать мнѣ. Онъ мой матросъ!—упрямо говорилъ капитанъ, очевидно, имѣвшій довольно смутныя понятія о международномъ правѣ.

Старшій офицеръ дипломатически молчалъ.

— И я попрошу васъ,—продолжалъ капитанъ:—объявить унтеръ-офицерамъ, что, если они доставятъ на корветъ бѣглеца, получатъ награду.

Это приказаніе покоробило старшаго офицера.

Иванъ Ивановичъ считалъ капитана слишкомъ крутымъ, убѣжденнымъ поклонникомъ жестокихъ мѣръ, и притомъ неумнымъ человѣкомъ, который не понималъ новыхъ вѣяній шестидесятыхъ годовъ и во флотѣ.

Но, вышколенный строгой морской дисциплиной и разсчитывавшій на скорое командирство, Иванъ Ивановичъ не смѣлъ и подумать о неисполненіи приказанія капитана, какъ оно ни безнравственно, и отвѣтилъ:

— Слушаю-съ, Петръ Александровичъ!

Однако все-таки послѣ паузы прибавилъ:

— Боюсь только, Петръ Александровичъ, что унтеръ-офицеры не исполнятъ приказанія.

Капитанъ угрюмо молчалъ. Казалось, онъ и самъ мало на это надѣялся.

— Вы думаете?—спросилъ онъ.

— Почти увѣренъ.

— Кто поѣдетъ съ первой вахтой на берегъ?

— Мичманъ Невѣринъ.

— Пошлите его ко мнѣ... И все-таки отдайте мое приказаніе!

— Есть!—проговорилъ старшій офицеръ официально-недовольнымъ тономъ.

Черезъ минуту явился мичманъ Невѣринъ.

Когда капитанъ приказалъ ему схватить Трофимова, если онъ будетъ на пристани, мичманъ вспыхнулъ и, негодующій, отвѣтилъ, что не можетъ исполнить такого приказанія.

На мгновеніе капитанъ опѣшилъ.

— Подъ арестъ!—крикнулъ онъ и этимъ, казалось, разрѣшилъ вопросъ о своемъ капитанскомъ престижѣ.

V.

— Первая вахта, собирайся на берегъ!—весело прокричалъ боцманъ Рябовъ послѣ того, какъ продѣлалъ руладу на свисткѣ.

И боцманъ хотѣлъ-было спуститься на кубрикъ, чтобы пріодѣться на берегъ, гдѣ разсчитывалъ основательно попробовать виски, о которой разсказывали шлюпочные, какъ съ вахты крикнули:

— Подшкиперъ, баталеръ, боцманъ и унтеръ-офицеры первой вахты на ютъ!

Они тотчасъ же явились къ старшему офицеру, недоумѣ-

вающіе, что ихъ позвали не на бакъ, гдѣ обыкновенно объяснялся старшій офицеръ по служебнымъ дѣламъ.

Передъ этими «баковыми аристократами», которыхъ Иванъ Ивановичъ, случалось, безъ малѣйшаго стѣсненія, въ минуты служебнаго гнѣва, и билъ и наказывалъ линьками, въ настоящую минуту онъ чувствовалъ себя сконфуженнымъ, словно бы виноватымъ и заслуживающимъ больше чѣмъ неодобренія. Но, чтобы скрыть свое смущеніе, онъ представился сердитымъ и старался таращить свои круглые, далеко не злые глаза, когда умышленно-строгимъ тономъ сообщалъ, что будетъ выдана денежная награда тѣмъ изъ собравшихся, которые доставятъ на корветъ измѣнника, нарушившаго царскую присягу—бѣглеца Трофимова.

И, словно чтобы показать, что не онъ отдаетъ это приказаніе, Иванъ Ивановичъ еще суровѣе прибавилъ:

— Капитанъ приказалъ мнѣ передать это вамъ... Слышали?

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

И боцманъ Рябовъ первый проговорилъ, опуская глаза:

— Слушаю, ваше благородіе, но только никакъ невозможно, ни за какія деньги... Вовсе обидно боцману, ваше благородіе! Я, кажется, не замѣченъ...

— И гдѣ его найти, ваше благородіе!—прибавилъ болѣе дипломатичный подшкиперъ.

— Осмѣлюсь доложить, ваше благородіе: нѣтъ такого законъ-положенія, чтобы ловить людей въ Америкѣ!.. За это тебя-жъ обвиновятъ американцы... И не дадутъ ихняго Трофа!—промолвилъ баталеръ.

— Какого тамъ Трофа?—спросилъ старшій офицеръ.

— Да самаго Трофимова, ваше благородіе... Онъ теперь въ всей формѣ быдто американецъ!

Другіе молчали. Но ихъ подавленныя лица явно показывали, что приказаніе капитана не будетъ исполнено.

— Я вамъ передалъ приказаніе... Живо собирайся на берегъ! —вдругъ свирѣпо крикнулъ старшій офицеръ.

Но, несмотря на этотъ тонъ, всѣ понимали, что Иванъ Ивановичъ не сочувствуетъ приказанію капитана.

Вѣсть о приказаніи капитана вызвала среди матросовъ чувство негодованія.

— Чѣмъ выдумалъ облещивать Собака!—говорилъ, одѣвая чистую рубаху, Лещиковъ.—Полагаетъ, найдутся Іуды...

И, увидавъ одного унтеръ-офицера, на котораго не надѣялся, Лещиковъ громко прибавилъ:

— Посмѣй кто тронуть Трофимова, искровянимъ до смерти! Ты это помни, шилохвостый унтерцеръ!

— А ты что зря ласшься, Лещиковъ!—вступился, подходя, боцманъ.—Небось, не найдется безсовѣстной души на конвертѣ, чтобы заманить бѣглаго... Такъ и стали ловить!.. Пусть Собака зря посылаетъ.

Матросы первой вахты, пріодѣтые, стали выходить на палубу, какъ вдругъ сигнальщикъ крикнулъ вахтенному мичману:

— «Конвертъ» подъ адмиральскимъ флагомъ идетъ, ваше благородіе!

Мичманъ Загорскій взглянулъ въ бинокль въ даль рейда.

Дѣйствительно изъ-за острова показался русскій корветъ, который полнымъ ходомъ шелъ на рейдъ, слегка попыхивая дымкомъ изъ бѣлой горластой трубы.

— Позывные!—весело скомандовалъ мичманъ.

На крюйсъ-брамъ-стеньгѣ взвились позывные: «Могучій». На адмиральскомъ корветѣ отвѣтили своими позывными: «Коршунъ».

— Къ салюту! Дать знать капитану и старшему офицеру!— сдѣлалъ распоряженіе Загорскій.

Всѣ глаза жадно устремились на приближавшійся корветъ подъ флагомъ адмирала съ «большимъ разсудкомъ», и лица матросовъ свѣтились надеждой.

Съѣздъ на берегъ былъ отставленъ. Баркасные подали баркасъ на бакштовъ и поднялись на палубу.

— Къ салюту приготовиться!—крикнулъ выбѣжавшій наверхъ капитанъ.

Но въ ту же минуту на адмиральскомъ корветѣ былъ поднятъ сигналъ: «не салютовать».

Корветъ приближался. Капитанъ спустился и черезъ двѣ-три минуты поднялся на мостикъ въ мундирѣ, треуголкѣ, при саблѣ на боку, готовый ѣхать къ адмиралу съ рапортомъ, какъ только «Коршунъ» броситъ якорь.

Капитанъ былъ чуть-чуть блѣденъ.

— Небось, боится адмирала!—шептали матросы.

Ужъ «Коршунъ» былъ близко и несся прямо на корму «Могучаго».

— Команду во фронтъ!

Матросы выстроились по обѣимъ сторонамъ шкафута. Офицеры—на шканцахъ. Капитанъ, старшій штурманъ и старшій офицеръ, повернувшись лицами къ приближающемуся корвету, стояли на мостикѣ и могли разглядѣть новаго начальника эскадры, который зорко оглядывалъ «Могучій».

Стояла мертвая тишина. Слышно было, какъ на «Коршунѣ» скомандовали:

— Малый ходъ!

«Коршунъ» «рѣзалъ» корму «Могучаго».

Всѣ офицеры на «Могучемъ» держали руки у козырьковъ. Приложилъ руку къ козырьку и адмиралъ, но, казалось, не взглянулъ на капитана.

Пройдя почти вплотную около «Могучаго», адмиральскій корветъ круто повернулъ и пошелъ по борту «Могучаго».

— Здорово, ребята!—раздался громкій и пріятный голосъ адмирала.

— Здравія желаемъ, ваше-ство!—раздался отвѣтный крикъ полутораста матросовъ.

«Коршунъ» обошелъ «Могучаго» и бросилъ якорь.

Въ ту же минуту капитанъ отвалилъ отъ борта и направился къ адмиралу.

Матросовъ распустили изъ фронта.

Между ними шли разговоры объ адмиралѣ. Всѣ находили, что, судя по лицу, онъ съ большимъ разсудкомъ. Даже по голосу его нашли признаки того, что онъ, вѣрно, «доберъ».

Еще бы! Имъ такъ хотѣлось, чтобы онъ былъ «доберъ» и освободилъ наконецъ отъ Собаки.

Капитанъ что-то долго не возвращался.

Наконецъ вельботъ присталъ.

— Была, значитъ, выволочка!—шепнулъ боцманъ.

VI.

Дѣйствительно капитанъ взошелъ на палубу, видимо разстроенный.

Что-то растерянное, жалкое и недоумѣвающее было въ его осунувшемся и словно постарѣвшемъ лицѣ.

Онъ вошелъ въ каюту, безпомощно опустился въ кресло и задумался.

Наконецъ онъ переодѣлся и велѣлъ Никишкѣ позвать старшаго офицера.

— Не приказывайте унтеръ-офицерамъ ловить этого подлеца... Оказывается, нельзя!—съ кислой усмѣшкой проговорилъ капитанъ.

— Я уже передалъ ваше приказаніе, Петръ Александровичъ!

— Отмѣнить.

— Есть!

— Мичмана Невѣрина выпустить изъ-подъ ареста.

— Слушаю-съ.

— И... и новый адмиралъ недоволенъ мною... Я, видите ли,

безцѣльно жестокъ съ командой... Очень недоволенъ... И показалъ мнѣ газеты... Нынче и газеты принимаются во вниманіе... Какъ же-съ.

— Какія газеты?

— Прошлогднія, американскія... когда мы были въ Санъ-Франциско...

— Что-жъ тамъ, Петръ Александровичъ?

— Адмиралъ нашелъ, что въ газетахъ писали позорныя обо мнѣ вещи... Что на рейдѣ раздавались крики наказываемыхъ людей... Видно, не надо было пороть въ чужомъ городѣ, да еще у подлецовъ, которые всякіе пустяки печатаютъ въ газетахъ... Это, конечно, ошибка съ моей стороны... Надо было пороть въ морѣ... И адмиралъ—онъ вѣдь нынче противъ строгихъ наказаній, а давно ли отлично перепарывалъ всѣхъ марсовыхъ, если работали на минуту позже?—такъ онъ спрашивалъ: правда ли хоть часть того, что описано въ газетахъ... Я, конечно, не вралъ ему... Мнѣ нечего было стыдиться... Я сказалъ, что дѣйствительно строго наказывалъ матросовъ и считалъ себя въ правѣ наказывать, чтобы корветъ былъ въ исправномъ видѣ, какъ слѣдуетъ военному судну... И не скрылъ, что хотѣлъ поймать бѣглеца, если консулъ не хотѣлъ мнѣ поймать негодяя... И доложилъ, что если я и строгъ, то ради пользы службы... Зато у меня и работаютъ!.. Марселя въ пять минутъ мѣняютъ... Но... адмиралъ нашелъ, что будто бы всего этого можно достичь и безъ порки... Новыя, видите ли, вѣянія, а я не умѣю приспособляться, какъ его превосходительство... Вчера «дантистъ», а сегодня пишетъ противъ тѣлесныхъ наказаній... Читали статью адмирала въ «Морскомъ Сборникѣ»?..

— Читалъ.

— Сказалъ, что назначитъ слѣдствіе. а пока... пока...

Челюсти капитана затряслись.

— А пока адмиралъ отрѣшилъ меня отъ командирства... Завтра съѣду на берегъ и уѣду въ Россію... Совѣтуетъ подать въ отставку... Новые, говоритъ, порядки... Тѣлесныя наказанія отмѣнены... Требованія отъ капитановъ иныя... А я-то чѣмъ виноватъ!—прибавилъ капитанъ.

Онъ, видимо, не понималъ, за что долженъ подавать въ отставку. До сихъ поръ его считали образцовымъ капитаномъ и вдругъ...

— Больше не будетъ приказаній, Петръ Александровичъ?

— Отпустить команду на берегъ и сегодня же примите отъ меня корветъ...

Старшій офицеръ ушелъ.

На корветѣ скоро узнали о новости, и корветъ точно ожилъ. Обрадованные матросы благословляли адмирала. Многіе крестились, что избавились отъ Собаки.

— Одно благоуханіе!—говорилъ, заплетая языкомъ, баталеръ, возвратившись вечеромъ съ берега.

— Собакѣ бы скрозь строй! — кричалъ Лещиковъ, поднятый съ баркаса на гордешкѣ.

Собака слышалъ эти слова и не приказалъ «снять» шкуру съ Лещикова.

Капитанъ долго ходилъ въ эту ночь взадъ и впередъ по шканцамъ и о чемъ-то думалъ и, казалось, чего-то не понималъ.

Съ берега, горѣвшаго огнями ярко освѣщенныхъ домовъ, доносились звуки музыки. А усѣянное звѣздами небо было такъ красиво. И ночь была тепла и обаятельна.

Но капитанъ ничего этого не чувствовалъ.

Ему жаль было разставаться съ «Могучимъ», которымъ командовалъ пять лѣтъ. Ему тяжело было оставлять морскую службу, которую любилъ и съ которой свыкся.

И онъ ходилъ по палубѣ, и по временамъ его вздрагивающія губы шептали:

— За что? За что?

„ОТЧАЯННЫЙ“.

I.

На Транзундскомъ рейдѣ, гдѣ практическая эскадра балтійскаго флота простаиваетъ бо́льшую часть короткаго лѣта, стоялъ броненосный корабль «Грозящій» подъ флагомъ младшаго флагмана, контръ-адмирала почтенныхъ лѣтъ, который «выплавывалъ» свой цензъ на старшаго флагмана и чинъ вице-адмирала.

Былъ первый часъ пасмурнаго и прохладнаго дня въ концѣ іюня.

Матросы только-что отобѣдали на судахъ эскадры. Боцманы просвистали и выкрикнули:

— Команда, отдыхать!

Минутъ черезъ пять боцманъ «Грозящаго» Ждановъ отхлебывалъ чай, попыхивая папироской, въ своей маленькой каю́ткѣ на кубрикѣ, чистой и убранной не безъ претензіи на щегольство.

Фотографіи высокопоставленныхъ особъ, отца Іоанна Кронштадтскаго и командира «Грозящаго», въ красивыхъ вышиленныхъ рамкахъ, сдѣланныхъ однимъ матросомъ за «спасибо» боцмана, были развѣшаны въ соотвѣтствующемъ порядкѣ на переборкѣ противъ койки, аккуратно покрытой сѣрымъ байковымъ одѣяломъ, съ двумя взбитыми подушками въ бѣлыхъ наволокахъ въ изголовьѣ.

А надъ койкой, на дешевомъ коврѣ, красовался въ голубой рамкѣ съ нарисованными незабудками фотографическій кабинетный портретъ молодой женщины съ миловиднымъ лицомъ и топорной фигурой, съ растопыренными пальцами непомѣрно большихъ рукъ, выставленныхъ несомнѣнно ради колецъ, съ брошкой на короткой шеѣ и съ серьгами въ ушахъ.

Нечего и говорить, что эта дама въ нарядномъ платьѣ и въ шляпкѣ съ перьями была супругой боцмана Жданова.

Онъ ничѣмъ не напоминалъ боцмановъ стараго времени, этихъ смѣлыхъ моряковъ, свершавшихъ геройскіе поступки, не догадываясь о своемъ геройствѣ, отчаянныхъ ругателей, безшабашныхъ пьяницъ на берегу и огрубѣлыхъ, но не злыхъ, которые не чуждались такихъ же безправныхъ матросовъ, какъ и они сами, и, разумѣется, считали ихъ товарищами и «клязы» по начальству считали дѣломъ недостойнымъ боцмана. Къ тому же и знали, что матросскій линчъ усмиритъ боцмана, коли онъ несправедливый и звѣрствуетъ въ «боѣ».

Ждановъ—боцманъ новыхъ временъ и, разумѣется, несравненно культурнѣе.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, невысокаго роста, плотный, склонный къ полнотѣ, франтовато одѣтый, понимающій «обращеніе» и не говорящій грубымъ голосомъ «луженой глотки», съ большими круглыми глазами, усердными и рѣшительными, рыжій, съ веснущатымъ бѣлымъ, румянымъ лицомъ, серьезнымъ и степеннымъ, выстриженнымъ подъ гребенку, и съ подстриженной огненной бородой. На безыменномъ пальцѣ опрятной руки золотое обручальное кольцо и на мизинцѣ перстень съ бирюзой.

Разумѣется, онъ не пилъ ни водки ни вина. Иногда только «баловался» бутылкой пива. И безъ устали не сквернословилъ какъ виртуозъ, а ругался тихо, внушительно и кратко.

Тщеславный и самодовольный, онъ, казалось, весь былъ проникнутъ сознаніемъ своего достоинства и держалъ себя въ отчужденіи отъ матросовъ, чтобы не уронить престижа власти, «связавшись» съ необразованной и грубой «матрозней», которая могла бы забыться передъ боцманомъ и притомъ передъ человѣкомъ «другихъ понятій». Недаромъ же онъ получалъ газету «Свѣтъ», почитывалъ книжки и считалъ себя очень умнымъ и проницательнымъ боцманомъ, который устроитъ благополучіе своей жизни.

Съ матросами онъ обращался съ внушительной строгостью и былъ безпощаденъ, особенно съ провинившимися передъ дисциплиной, и противорѣчій не допускалъ. Зато съ офицерами былъ почтителенъ до искательности.

Морскую службу Ждановъ не любилъ. Особенно не любилъ и трусилъ моря, когда оно начинало рокотать и вздувалось большими волнами; но былъ безукоризненный исполнитель и усердный боцманъ, щеголявшій своимъ педантизмомъ и безупречнымъ поведеніемъ въ глазахъ начальства.

И Ждановъ, пользуясь своимъ положеніемъ, не разбиралъ

средствъ въ пріобрѣтеніи. За шесть лѣтъ службы онъ скопилъ деньжонки. Прижимистый и оборотистый, онъ разсчитывалъ заняться какимъ-нибудь торговымъ дѣломъ, когда выйдетъ въ запасъ.

Матросы боялись и не любили высокомѣрнаго и несправедливаго боцмана, но онъ не обращалъ на это вниманія. Ждановъ былъ увѣренъ, что капитанъ и старшій офицеръ цѣнятъ и одобряютъ строгаго боцмана. Да и матросы не смѣли бы жаловаться на него. Они были «надежные», да и онъ ихъ держалъ въ строгомъ повиновеніи.

Одинъ только матросъ, первую кампанію служившій на «Грозящемъ», обращалъ на себя безпокойное и озлобленное вниманіе боцмана.

«Совсѣмъ отчаянный!»—подумалъ Ждановъ.

Онъ, разумѣется, зналъ, что во время отдыха команды не имѣлъ права безъ особенной нужды безпокоить матросовъ, но потребовалъ «отчаяннаго».

II.

Когда молодой, худощавый, чернявый матросъ маленькаго роста вошелъ въ боцманскую каюту и безъ всякаго страха остановился у двери, боцманъ ужъ начиналъ безпокойно злиться.

Онъ медленно допивалъ стаканъ, умышленно не обращая вниманія на матроса.

И наконецъ, поднявъ на него злой, неподвижный взглядъ и понижая голосъ, значительно и медленно проговорилъ:

— Митюшинъ!

— Есть!

— Догадался, по какой причинѣ боцманъ тебя потребовалъ?

— Я недогадливый!—отвѣтилъ Митюшинъ.

Матросъ не назвалъ боцмана Иваномъ Артемьевичемъ. Не вытянувшись передъ нимъ, онъ стоялъ въ непринужденной позѣ. Его смуглое съ тонкими чертами лицо, обыкновенно подвижное, словно бы застыло въ его серьезномъ и строгомъ выраженіи. Въ сдержанномъ официальномъ тонѣ мягкаго тона голоса какъ будто звучала ироническая нотка, и въ быстрыхъ, острыхъ, черныхъ глазахъ Митюшина мелькнула насмѣшливая улыбка и исчезла.

«Ишь какъ стоитъ передъ боцманомъ!» — подумалъ Ждановъ.

И, сдерживая гнѣвъ, самолюбиво покраснѣлъ и сказалъ:

— Такъ догадайся!

— Насчетъ чего?

— Хотя бы насчетъ того, что я насквозь вижу человѣка и могу его понять.

Митюшинъ молчалъ, словно бы поддразнивая боцмана.

— Сообразилъ?

— Видно, не сообразилъ!

— А еще много воображаешь о себѣ!—презрительно кинулъ Ждановъ.

Митюшинъ не возражалъ. Только глаза улыбнулись, верхняя тонкая губа въ углу рта подергивалась, и лицо приняло вызывающее и слегка надменное выраженіе.

Боцманъ чувствовалъ едва скрываемое пренебреженіе къ себѣ матроса.

Съ какимъ наслажденіемъ искровянилъ бы онъ эту «дерзкую рожу»! Но Ждановъ трусилъ «отчаяннаго». Отъ него всего можно ожидать.

Изнывая въ злобѣ и едва сдерживаясь, боцманъ еще медленнѣе пыталъ Митюшина, процѣдивъ съ угрозой въ скрипучемъ своемъ голосѣ:

— Какъ бы не вышло съ тобой серьезныхъ непріятностей!

Митюшинъ словно бы нарочно зѣвнулъ съ видомъ человѣка, котораго не пугаютъ угрозы боцмана, а только наводятъ скуку, и равнодушно спросилъ:

— Какія еще непріятности?

— Дурака не строй... Не дерзничай... Ты съ кѣмъ говоришь?

— Съ боцманомъ.

— Такъ смотри у меня!—грозно крикнулъ Ждановъ, начиная терять самообладаніе.

— Что мнѣ смотрѣть?

— Я тебѣ покажу, какіе боцмана!

— Что показывать? Видѣлъ, какіе изъ васъ боцмана... А службу я сполняю какъ слѣдуетъ и законъ понимаю.

— По-ни-ма-ешь?—выговорилъ раздѣльно боцманъ, багровѣя.

— Очень даже понимаю!—вызывающе бросилъ матросъ.

Ждановъ вскочилъ, словно ужаленный, съ табуретки и задыхающимся злобнымъ голосомъ проговорилъ:

— Развѣ не знаю, какой ты отчаянный матросъ и какія твои беззаконныя мысли?.. О какихъ ты правахъ толкуешь матросамъ и передъ ними куражишься?.. Я, молъ, все понимаю и ничего не боюсь, а вы, молъ, терпите безпрекословно... Знаю, какой ты пересмѣшникъ выискался и смѣхомъ порочишь начальство, которое почитать обязанъ по присягѣ. Такъ я съ тебя этотъ форцъ собью. Поставлю въ дисциплину на

линію. Въ штрафные недолго перевести, хоть ты и первой статьи матросъ. А тогда и по закону будутъ тебя пороть, умника. А прежде и безъ закона отполируютъ, какъ доложу, какой ты есть паршивая овца. Узнаешь, какъ бунтовать и команду мутить...

Матросъ вспылилъ и съ заблестѣвшими злымъ огонькомъ глазами взволнованно проговорилъ:

— Что-жъ! Доноси по начальству... ври!.. Я найду свои права!

— Молчать передъ боцманомъ!..

— Я слушалъ твои умныя рѣчи. Послушай и мои!—рѣшительно и возбужденно заговорилъ Митюшинъ. — Мы вѣдь съ глазу на глазъ. Можетъ, и не слыхалъ отъ людей, какой ты безстыжій и какой взяточникъ боцманъ... Доноси, господинъ боцманъ. Пусть меня отдадутъ подъ судъ, съ моимъ удовольствіемъ... Не сдрейфю! Быть-можетъ, правда всплыветъ, какъ ты съ матросовъ деньги берешь да на себя заставляешь ихъ работать. Кто стулъ, кто обшить, кто сапогъ, кто тебѣ замѣсто вѣстового... Драться правъ нѣтъ, а вы, сволочь, боцмана да унтерцеры, зубы выбиваете... Знаете, что боятся жаловаться, такъ вы тиранствуете!? И какъ бы деньгами гдѣ поживиться... Это тебѣ вмѣсто Бога... Богъ-то только на языкѣ, а въ душѣ одинъ рупь-цѣлковый да беззаконіе! И какъ я ежели говорю, что на законъ плюютъ и совѣсть забыли,—такъ я, по твоему воображенію, бунтовщикъ? Ежели понимаю, что неправдой живете, такъ это бунтъ!? Свой же братъ, такой же подневольный мужикъ былъ, а грозить въ штрафные и пороть... Полагаешь—испугать и на линію поставить. Умникъ. Насквозь человѣка видишь, а не видишь, что не всякій свинья и за грошъ душу продастъ. Да и старшему офицеру, видно, не въ догадку, какой ты во всей формѣ мерзавецъ!

Этотъ великолѣпный и благополучный боцманъ, считавшій себя необыкновенно важной особой на кораблѣ, ахнулъ отъ изумленія и, растерянный, не останавливалъ дерзкихъ словъ возмущеннаго матроса.

Но прошла минута, и Ждановъ двинулся къ матросу, помахивая кулакомъ.

Поблѣднѣвшій какъ смерть, Митюшинъ не подался шагу назадъ и, рѣшительно глядя въ глаза боцмана, кинулъ:

— Смѣй только. Искровяню твою сытую свиную морду!

И Ждановъ отвелъ свой взглядъ. Кулакъ боцмана опустился. И еще медленнѣе прохрипѣлъ онъ сдавленнымъ отъ злобы голосомъ:

— Поймешь, какъ найдешь свои права! Узнаешь, что съ тобой, отчаяннымъ, будетъ за оскорбленіе боцмана... Вонъ!

— Доноси, Іуда! Какъ бы самому не поперхнуться... Не всѣ же повѣрятъ, что ты бунтъ открылъ!—презрительно кинулъ матросъ...

Съ этими словами Митюшинъ вышелъ изъ боцманской каюты.

III.

И матросы называли Митюшина «отчаяннымъ».

Они дивились «башковатому» и безпокойному маленькому матросу, который «ничего не боится», такъ какъ горячится противъ несправедливости и «обижается», если что не по закону.

Матросы любопытно слушали возбужденныя страстныя рѣчи, но не долюбливали и побаивались «законника» за его подчасъ ядовитыя шутки и насмѣшки и часто не понимали, изъ-за чего «кипятится» этотъ образцовый по службѣ матросъ и за что постоянно «скалитъ зубы» надъ своимъ же братомъ.

— Одно слово—отчаянный и много о себѣ полагаетъ!—говорили про Митюшина.

«Отчаянный» чувствовалъ, что его алчущая правды душа не встрѣчаетъ сочувствія, и что онъ, нелюбимый за языкъ, одинокъ.

И все-таки призывалъ возмущаться неправдой, издѣвался надъ равнодушными.

Теперь въ безпокойномъ сердцѣ «отчаяннаго» прибавилась обида, и тяжкая обида. Нашелся матросъ, который на своего же брата наушничалъ «подлецу» боцману — и за что? За то, что Митюшинъ матросамъ же хочетъ добра, защищая «законъ».

Митюшинъ зналъ, что противъ дисциплины виноватъ, «отчекрыживъ» боцмана, и что во всякомъ случаѣ будетъ «раздѣлка». «Пожалуй, и подъ судъ отдадутъ, ежели подлый боцманъ прибавитъ старшему офицеру всякаго вранья и кляузъ!»— разсуждалъ Митюшинъ.

И въ минуты сомнѣнія насчетъ торжества правды его воображеніе рисовало уже нещадную оскорбительную порку «по закону», послѣ перевода въ штрафные.

Но «отчаянный» не только не сожалѣлъ о случившемся, а, напротивъ, испытывалъ нравственное облегченіе. Острое безпокойство возмущенной души точно утихло послѣ того, какъ боцманъ получилъ вполнѣ имъ заслуженную сдачу.

«По крайней мѣрѣ пусть знаетъ, какой онъ подлецъ!»

Митюшинъ предполагалъ, что боцманъ уже докладываетъ старшему офицеру объ «отчаянности» подчиненнаго, и послѣ отдыха старшій офицеръ позоветъ къ себѣ и потребуетъ объясненія.

«Отчаянный» нетерпѣливо и тревожно ждалъ призыва. И думалъ:

«Хотя старшій офицеръ и строгій, но позволитъ обсказать все дѣло и тогда пойметъ, что исправный и усердный по службѣ матросъ, который ни разу еще не былъ беззаконно наказанъ, не въ отместку за себя «одерзничалъ» боцману. И какой же Митюшинъ бунтовщикъ, если онъ только «безпокоится» изъ-за закона и подлости боцмана?

«Отчаянный» не спалъ. Не до сна ему было.

Онъ повторялъ въ умѣ то, что объяснитъ старшему офицеру, настроенному боцманомъ, и смѣлость «отчаяннаго» диктовала смѣлыя слова. Они, казалось ему, должны быть такъ же убѣдительны, какъ сама правда.

И сомнѣнія разсѣивались, какъ тучи вѣтромъ. Безпокойному мечтателю-матросу вѣрилось, что правда «окажетъ», и что старшій офицеръ «полнымъ ходомъ войдетъ въ попятіе».

Митюшинъ вспомнилъ, что до сихъ поръ его не обезкураживали на «Грозящемъ».

Дѣйствительно, онъ завоевалъ себѣ нѣкоторое уваженіе. На «Грозящемъ» были офицеры, которые напоминали старыя времена флотской «выучки». Она, казалось, снова входила въ моду, и даже юные мичмана наскакивали съ кулаками на людей и не испытывали ни малѣйшаго смущенія.

Но всѣ эти господа, повидимому, понимали, что Митюшинъ выдѣлялся изъ толпы матросовъ и сознаніемъ человѣческаго достоинства и пониманіемъ своихъ правъ. И потому законъ оберегалъ неприкосновенность его тѣла. Да къ тому же толковый и усердный матросъ безукоризненно служилъ и не давалъ повода офицерамъ къ «выучкѣ».

Часъ отдыха прошелъ. Просвистали: «вставать».

Вслѣдъ затѣмъ пробила тревога къ артиллерійскому ученію.

IV.

На мостикъ поднялся толстый, небольшого роста адмиралъ, съ сѣдой бородой, обрамлявшей добродушное полное лицо, довольный и ласково улыбающійся, какимъ привыкли всѣ видѣть младшаго флагмана, когда онъ «выплавывалъ» свой цензъ, для увѣнчанія его морской карьеры на якорѣ, и слѣдовательно не опасался за цѣлость его броненосцевъ,—вѣдь эти великаны требуютъ искуснаго управленія, и они часто «напарываются» на камни или притыкаются къ мелямъ.

Адмиралъ смотрѣлъ на ученіе, и маленькіе добрые глаза его превосходительства принимали выраженіе мечтательнаго восторга при видѣ этихъ быстро заряжаемыхъ гигантовъ-

орудій, точно адмиралъ представлялъ себѣ настоящій бой, насколько могло представить воображеніе человѣка, не бывавшаго въ бояхъ, и—«Грозящій», натурально, побѣдителемъ какого-нибудь «торгаша-англичанина».

— Превосходно-съ, Викторъ Иванычъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ смотрю на нашихъ молодцовъ... Картина-съ,— проговорилъ адмиралъ, обращаясь къ капитану, стоявшему чуть-чуть сзади его, и приподнялъ голову и молодцовато выгнулъ грудь, чтобы казаться болѣе высокимъ и болѣе воинственнымъ.

Пожилой, плотный и представительный брюнетъ средняго роста, озабоченно и нѣсколько безпокойно глядѣвшій на ученье, приложилъ пальцы къ козырьку фуражки и чуть подался впередъ.

— Я и мечтаю-съ, Викторъ Иванычъ... И, какъ думаете, о чемъ?

— Не догадываюсь, ваше превосходительство!

— О томъ, что объяви намъ Англія войну, такъ съ такими матросиками, какъ наши, да съ такимъ духомъ, какъ у насъ,— раскатали бы мы англичанъ... Главное—духъ... Что-съ?

— Навѣрное, ваше превосходительство!—отвѣтилъ капитанъ.

И въ то же время, сохраняя почтительно-официальный видъ хорошо вышколеннаго подчиненнаго, подумалъ:

«Не то говоришь ты, адмиралъ! Намъ не сунуться въ море. Спрячемъ свой флотъ въ Кронштадтъ, и простоитъ онъ тамъ! И теперь больше стоимъ, чѣмъ плаваемъ».

На это капитанъ, впрочемъ, не претендовалъ.

Какъ и адмиралъ, онъ не любилъ плаваній, которыя такъ издергивали нервы осторожнаго до боязливости человѣка, не увѣреннаго ни въ себѣ ни въ тѣхъ судахъ, которыми командовалъ, пока благополучно «выплавывалъ» цензъ.

Командовалъ «Грозящимъ» онъ только два мѣсяца и, разумѣется, не зналъ его качествъ (раньше онъ управлялъ броненосцами другого типа), былъ доволенъ стоянкой въ Транзундѣ и не безъ страха отвѣтственности за свой семимилліонный броненосецъ думалъ о переходахъ по Финскому заливу. Того и гляди... Бѣда.

— Какъ фамилія этого комендора, Викторъ Иванычъ?— спросилъ адмиралъ, указывая короткимъ бѣлымъ и пухлымъ пальцемъ на «отчаяннаго», распоряжавшагося у орудія.

— Митюшинъ, ваше превосходительство!

— Бравый комендоръ... Любуюсь имъ, Викторъ Иванычъ!

— Усердный матросъ, ваше превосходительство... Не правда ли, Иванъ Петровичъ?..

Старшій офицеръ, длинноногій и худой капитанъ второго

ранга, лѣтъ за тридцать, въ очкахъ, съ академическимъ значкомъ на груди поношеннаго сюртука, озабоченный, раздражительный и нѣсколько ошалѣвшій, точно человѣкъ, что-то позабывшій, и своей фигурой и удлиненной формой лица, съ длиннымъ носомъ и круто срѣзаннымъ лбомъ, напоминалъ собой болотную птицу.

Онъ порывисто подтвердилъ аттестацію капитана и, обращаясь къ адмиралу, прибавилъ:

— Умный и способный матросъ, ваше превосходительство!

— А поведенія?

— Благонадежнаго, ваше превосходительство.

— Значитъ, не «закатываетъ»?—добродушно спросилъ адмиралъ и разсмѣялся тихимъ мелкимъ смѣхомъ.

— Трезвый...

— Такъ сдѣлали бы его унтеръ-офицеромъ!—въ формѣ совѣта промолвилъ адмиралъ.

— Онъ ужъ на виду къ производству... И боцманъ бы вышелъ хорошій, ваше превосходительство.

— То-то я сразу замѣтилъ матроса... И лицо открытое...—промолвилъ адмиралъ.

Когда артиллерійское ученіе было окончено, старшій офицеръ подошелъ къ Митюшину и сказалъ:

— Молодцомъ, Митюшинъ! И адмиралъ тебя замѣтилъ.

— Слушаю, вашескобродіе! — вымолвилъ матросъ вмѣсто обычнаго отвѣта: «рады стараться».

— Старайся. Унтеръ-офицеромъ будешь!

По-видимому, это обѣщаніе не обрадовало «отчаяннаго». Онъ промолчалъ, и когда старшій офицеръ пошелъ далѣе, выступая длинными шагами и поворачивая по сторонамъ голову, Митюшинъ усмѣхнулся и мысленно произнесъ:

— Нашелъ «цапель» унтерцера! Какова еще будетъ раздѣлка за боцмана.

«Вѣрно, вечеромъ, когда боцманъ пойдетъ къ старшему офицеру за приказаніями, оплететъ онъ матроса, и тогда «цапель» потребуетъ»,—подумалъ Митюшинъ.

Но пришелъ вечеръ, матросы отужинали, а Митюшина старшій офицеръ не требовалъ.

V.

Неизвѣстность тревожила Митюшина. Ему хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться сомнѣніями и услышать слово одобренія.

И онъ въ тотъ же вечеръ разсказалъ о своемъ столкновеніи съ боцманомъ рулевому Чижову. Онъ былъ аккуратный, исправный и обходительный человѣкъ. Себя онъ не «оказывалъ», какъ

говорилъ Митюшинъ, такъ какъ Чижовъ больше отмалчивался при щекотливыхъ словахъ «отчаяннаго» на бакѣ или уходилъ. Но, казалось, понималъ его и какъ-то съ глазу на глазъ одобрилъ его слова насчетъ «закона», хотя и умѣлъ въ то же время ладить съ боцманомъ Ждановымъ.

Разсказъ Митюшина не вызвалъ сочувствія въ Чижовѣ.

Онъ покачалъ бѣлобрысой головой, словно бы сокрушенно, и, оглянувшись вокругъ лукавыми раскосыми глазами, тихо проговорилъ:

— Твое дѣло дрянь, Митюшинъ... Крышка!

— Будто?—недовѣрчиво спросилъ Митюшинъ.

— Очень даже просто. Напрасно ты оконфузилъ боцмана. И безо всякаго права. Вѣдь съ тобой онъ обращался по-благородному?

— Положимъ...

— Въ физіономію не заѣзжалъ? Боцманскихъ словъ не загибалъ?

— Смѣлъ бы!

— Онъ только почтенія требовалъ... Такъ чего было съ нимъ хорохориться?.. И довелъ до злобы... Зачѣмъ ты связался съ боцманомъ и отчекрыжилъ, какой онъ такой... По какому твоему форцу?.. Зачѣмъ бѣду накликалъ?—сентенціозно, не одобряя поступка Митюшина, прибавилъ Чижовъ.

— Зачѣмъ?—переспросилъ «отчаянный».

Въ его насмѣшливомъ голосѣ звучала грустная нотка разочарованія въ человѣкѣ, на котораго надѣялся.

— То-то зря... Форцъ хотѣлъ показать боцману... себя потѣшить? Ну и потѣшился, а какой прокъ? Боцмана не обанкрутилъ, а себя зря обвиноватилъ. Небось, боцманъ съ разсудкомъ... Онъ во всей формѣ «обуродуетъ» тебя по начальству... Отвѣть-ка насчетъ бунта... Въ родѣ быдто бунтъ и окажетъ...

— И отвѣчу!—возбужденно промолвилъ «отчаянный».

— Отвѣтишь? Отдадутъ тебя подъ судъ и въ штрафные, это какъ Богъ!

— Пусть!—раздраженно, возмущаясь Чижовымъ, отвѣтилъ Митюшинъ.

— Пусть не пусть, а изъ-за фанаберіи отдуешься... Насчетъ закона горячиться... Права, молъ, имѣешь? Тебѣ покажутъ права... И тебя же люди дуракомъ назовутъ... Не суйся, молъ, въ чужую глотку... Могъ бы за башковатость и стараніе въ унтерцеры выйти... Ладилъ бы съ начальствомъ и жилъ бы по-хорошему, съ опаской. А теперь за твое мечтаніе—крышка... Старшій офицеръ строгій, не проститъ, потому неповиновеніе.

За это не прощаютъ. Не думай. И какъ пойдетъ опросъ, дознаются, что ты насчетъ закона да про всякое начальство баломутилъ изъ-за своего языка... Не стѣснялся своего званія... Вовсе, какъ дуракъ, втемяшился... А жилъ бы да жилъ, Митюшинъ, какъ прочіе люди, если бы боцмана не сконфузилъ...

«Отчаянный» молчалъ, словно бы не находилъ словъ, и, казалось, былъ подавленъ.

И Чижовъ, подумавшій, что «отчаянный» струсилъ, прибавилъ:

— Одна есть загвоздка. Избавился бы отъ бѣды...

— Какая?

— Повинись предъ боцманомъ. Тоже и ему не лестно, какъ въ судѣ его обскажутъ... Пожалуй, проститъ... А тебѣ что?

«Отчаянный» серьезно отвѣтилъ:

— Ай-да ловко уважилъ! Спасибо, пріятель!

— За что?.. Куда ты гнешь?

— Вполнѣ открылся, какой ты есть съ потрохами!

— Видно, не нравится, что обо всемъ полагаю съ разсудкомъ?

— Даже съ большимъ разсудкомъ обезсудилъ меня дуракомъ...

— Не лѣзь на рожонъ. Не полагай о себѣ... Помни, что матросъ.

— А поклонись я боцману и выйди въ унтерцеры, да беззаконно чисти твою лукавую рожу, такъ поумнѣю? Обскажи-ка!—съ презрительной насмѣшкой промолвилъ маленькій матросъ.

— Ты все зубы скалишь!

— А какъ же съ тобой?

— Въ штрафные, что ли, лестно?

— Безпремѣнно желаю. Оттого и зубы скалю!

— Перестанешь!—злобно сказалъ Чижовъ.

— И скоро?

— Хоть завтра пройдетъ твоя отчаянность!

— По какой-такой причинѣ?

— Отшлифуютъ на первый разъ за боцмана. Небось, прошлое лѣто выпороли одного матроса и перевели въ штрафные... Очень просто!

Митюшинъ ужаснулся при мысли, что его завтра же могутъ позорно наказать, и возмутился, что свой же братъ, матросъ, точно злорадствуетъ позору ближняго и беззаконію.

Но въ темнотѣ вечера у борта, на бакѣ, гдѣ два матроса бесѣдовали, Чижовъ не видалъ блѣднаго взволнованнаго лица и сверкающихъ черныхъ глазъ «отчаяннаго».

— Пусть шлифуютъ! А ты смотри! — вызывающе кинулъ онъ, скрывая свой ужасъ.

Чижовъ удивился.

— И съ чего это ты такой отчаянный? Не могу я въ толкъ взять...

— Вѣтромъ надуло...

— Гдѣ?

— На фабрикѣ.

— Такъ. А на царской службѣ тоже, значитъ, надуло?— иронизировалъ Чижовъ, чувствуя себя оскорбленнымъ презрительнымъ тономъ «отчаяннаго».

— Вѣрно, что такъ...

— Чудно что-то...

— Видно, не слыхалъ, что люди тоскуютъ по правдѣ? — вдругъ воскликнулъ Митюшинъ.

Чижовъ недовѣрчиво усмѣхнулся.

— То-то не понять! Душа въ тебѣ свиная, а разсудокъ подлый... Еще радъ, что матроса отпорютъ безъ всякаго закона! Думаешь: только больно, а не то, что позорно и обидно... И что̀ присовѣтовалъ?.. Совѣсть-то въ деревнѣ оставилъ... А я полагалъ, что ты хоть и трусъ,—все-таки съ понятіемъ втихомолку! — негодующе прибавилъ Митюшинъ, возвышая голосъ.

— Ты что̀ же ругаешься? Это по какимъ правамъ?

— Вали къ своему боцману... Виляй свинымъ своимъ хвостомъ и обсказывай. Можетъ, и ты ему про меня кляузничалъ... Такъ заодно...

— Усмирять тебя, дьявола отчаяннаго!

И Чижовъ, полный ненависти къ нему,—отошелъ.

Роздали койки. Митюшинъ долго не засыпалъ, думая грустныя думы.

Съ полуночи онъ вышелъ на вахту и мѣрно шагалъ по палубѣ, ни съ кѣмъ не заговаривая; онъ снова думалъ, одинокій, тоскующій, какъ вдругъ къ нему подошелъ матросикъ-первогодокъ.

Митюшинъ остановился.

— Что̀ тебѣ?—спросилъ онъ.

Матросикъ застѣнчиво и душевно проговорилъ, понижая голосъ до шопота:

— А тебя, Митюшинъ, Господь вызволитъ изъ бѣды за твою смѣлость. Я хоть и простъ, а понялъ, отчего ты тоскуешь. Изъ-за правды тоскуешь. Изъ-за нея проучилъ боцмана! Жалѣешь матроса, безпокойная ты душа!

— Спасибо на ласковомъ словѣ, Черепковъ! — горячо и взволнованно проговорилъ Митюшинъ.

И смятенная его душа просвѣтлѣла.

«Отчаянный» вдругъ почувствовалъ, что онъ не одинокъ.

VI.

Утромъ, когда на «Грозящемъ» шла обычная «уборка», боцманъ Ждановъ былъ еще неприступнѣе и ходилъ по кораблю, словно надутый и обозленный индюкъ.

Сегодня боцманъ наводилъ большій страхъ на матросовъ. Болѣе, чѣмъ обыкновенно, онъ сквернословилъ, придираясь изъ-за всякаго пустяка, и нѣсколькихъ матросовъ прибилъ съ хладнокровной жестокостью, не спѣша и молча.

«Отчаянный» волновался.

Одному матросу, у котораго изъ зубовъ сочилась кровь, онъ возбужденно и громко сказалъ:

— Что ты позволяешь этому звѣрю-боцману тиранствовать надъ собой? Онъ не смѣетъ драться!

Матросъ молчалъ. Притихли и другіе матросы, стоявшіе вблизи. Притихли и любопытно ждали, что будетъ. Боцманъ стоялъ въ двухъ шагахъ и слышалъ каждое слово «отчаяннаго».

Но Ждановъ только бросилъ на Митюшина безпощадный злой взглядъ и пошелъ далѣе, великолѣпный, строгій и высокомѣрный.

«Сегодня будетъ раздѣлка!» рѣшилъ Митюшинъ.

Дѣйствительно, за четверть часа до подъема флага вѣстовой старшаго офицера вприпрыжку подошелъ къ Митюшину.

— Старшій офицеръ требуетъ въ каюту!—проговорилъ невеселымъ тономъ вѣстовой.

И, понижая голосъ, участливо скороговоркой прибавилъ:

— Освирѣпѣлъ... страсть! Сей минутъ боцманъ былъ у «капеля» и на тебя, Митюшинъ, кляузничалъ... Я заходилъ въ каюту и слышалъ, какъ боцманъ противъ тебя настраивалъ. Такъ ты знай!

— Спасибо, братъ!—порывисто проговорилъ Митюшинъ.

— А первымъ дѣломъ помалкивай... Слушай и не пререкословь. Какъ отзудитъ, тогда обсказывай: «такъ, молъ, и такъ!» Дозволитъ!

Митюшинъ, слегка поблѣднѣвшій и возбужденно припоминая смѣлыя слова, которыя хотѣлъ сказать, быстро спустился въ каютъ-компанію.

Тамъ сидѣли почти всѣ офицеры корабля вокругъ большого стола за чаемъ.

При появленіи «отчаяннаго» оживленные разговоры и споры вдругъ стихли.

Въ каютъ-компаніи только-что узнали, что этотъ исправный и способный матросъ осмѣлился «бунтовать» и ругать при матросахъ даже самого адмирала. А боцмана чуть-было не ударилъ.

И многіе офицеры изумленными и безпощадными глазами оглядывали маленькаго смугловатаго матроса съ «дерзкими» глазами, который рѣшительно и смѣло шелъ, направляясь къ каютѣ старшаго офицера.

— Экая наглая скотина! Тоже агитаторъ на военномъ кораблѣ! — презрительно воскликнулъ одинъ юный, пригожій мичманъ.

— Не ругай человѣка. Не по-джентльменски! Да еще не въ отместку ли наговорилъ боцманъ. Нельзя ему довѣрять! — произнесъ по-французски высокій, съ открытымъ, добродушнымъ лицомъ, брюнетъ-мичманъ, обращаясь къ товарищу укоризненно.

Митюшинъ догадался, что рѣчь о немъ. Онъ зналъ, что брюнетъ былъ «доберъ» съ матросами и «понималъ законъ». «Отчаянный» бросилъ на мичмана быстрый, сочувственный взглядъ, точно благодарилъ единственнаго защитника, и безъ всякой робости постучалъ въ двери каюты старшаго офицера.

— Входи!

Матросъ вошелъ въ просторную, свѣтлую одиночную каюту и, остановившись у запертой имъ двери, поблѣднѣлъ и, строго серьезный, напряженно глядѣлъ на старшаго офицера. Слова, которыя хотѣлъ сказать «отчаянный», словно бы исчезли изъ его головы въ первую минуту.

Худощавый и высокій, Иванъ Петровичъ сидѣлъ у письменнаго стола, согнувши свои длинныя ноги, и, гнѣвный, съ сверкавшими подъ очками сѣрыми глазами, взволнованно и торопливо дѣлалъ затяжки изъ толстой папиросы и неистово теребилъ костлявыми и длинными пальцами жидковатую русую бороду.

При взглядѣ на Митюшина, не имѣвшаго виноватаго вида, небольшіе глаза старшаго офицера расширились отъ изумленія при такой, казалось, наглости матроса. И Иванъ Петровичъ уставился на «отчаяннаго», словно бы первый разъ въ жизни увидалъ и хотѣлъ разсмотрѣть такого опаснаго негодяя, который совершилъ неслыханное нарушеніе дисциплины и обнаружилъ возмутительныя понятія.

Не роняя слова, старшій офицеръ все болѣе возмущался, отдаваясь гнѣву.

Такъ прошло нѣсколько секундъ.

Матросъ не опускалъ глазъ.

VII.

— Ты вотъ какой! — наконецъ началъ Иванъ Петровичъ, окончивъ папиросу. — Русскій матросъ нарушилъ присягу... Да... Присягу и совѣсть! Подстрекалъ матросовъ къ неповиновенію предержащимъ властямъ... Опорочилъ боцмана, ругалъ его и грозилъ оскорбленіемъ дѣйствіемъ!.. Осмѣивалъ начальство! А я еще хотѣлъ произвести въ унтеръ-офицеры. Думалъ, что ты... Подъ судъ... Будешь въ морской тюрьмѣ.

Митюшинъ не вѣрилъ ушамъ, когда узналъ, въ чемъ его обвиняетъ и чѣмъ угрожаетъ старшій офицеръ, повѣрившій боцману.

— Вашескобродіе! Дозвольте объяснить!

— Молчать!—крикнулъ старшій офицеръ.

Митюшинъ смолкъ; казалось, положеніе его безнадежное... Старшій офицеръ продолжалъ говорить и, взвинчивая себя гнѣвомъ, уже грозилъ, что за подобное преступленіе присудитъ въ арестанты.

— Подъ арестъ! На хлѣбъ и воду! И если еще кому-нибудь дерзость—выпорю!—закончилъ старшій офицеръ.

Гнѣвъ его въ ту же минуту сталъ утихать... Точно грозовая туча разразилась. И онъ словно смутился, когда могъ увидать въ этомъ блѣдномъ, страшно серьезномъ лицѣ «преступника» страдальческое выраженіе и въ глазахъ что-то тоскливое, словно бы полное укора и въ то же время смѣлое.

— Вашескобродіе! Дозвольте объяснить! — снова началъ Митюшинъ.

— Что можешь объяснить? Боцманъ все доложилъ, какой ты гусь...

— Боцманъ, вашескобродіе, оболгалъ меня!

— Ты врешь... Развѣ боцманъ станетъ клеветать на матроса.

— Я Бога помню, вашескобродіе, и не вру! Боцманъ въ отместку накляузничалъ, и вы изволили повѣрить... На судѣ правда окажетъ, вашескобродіе...

Лицо «отчаяннаго» дышало такой правдивостью, и голосъ звучалъ такой искренностью, что матросъ уже не казался «преступникомъ», заслуживающимъ тяжкаго наказанія, и строгій офицеръ невольно смягченнымъ тономъ спросилъ:

— Ты ругалъ боцмана и грозилъ побить?..

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Развѣ боцманъ тебя тѣснилъ? Вѣдь съ тобой всѣ хорошо обращались?

— Точно такъ, вашескобродіе. Боцманъ не тѣснилъ, и всѣ со мною обращались по закону...

— Такъ почему же ты оскорбилъ боцмана?

— Онъ тиранствуетъ надъ матросами, вашескобродіе, и нѣтъ ему узды. Вамъ неизвѣстно, какой онъ взяточникъ и какъ бьетъ людей... И когда онъ поднялъ на меня кулаки въ своей каютѣ, я не позволилъ... Сказалъ, что дамъ сдачу... Каждый это скажетъ, если доведутъ... Закона нѣтъ драться и оскорблять... И матросъ можетъ чувствовать. За дерзости я виноватъ, вашескобродіе. Но не бунтовалъ и не подстрекалъ къ неповиновенію. Я только говорилъ матросамъ, что, по закону, нельзя драться, что надо жить по правдѣ и по совѣсти. Это развѣ бунтъ?

Митюшина словно бы захлестнула какая-то волна. Онъ возбужденно и страстно въ подробности разсказалъ о столкновеніи съ боцманомъ и отчего не можетъ уважать такого безсовѣстнаго человѣка, изъ-за котораго безвинно терпятъ матросы и не смѣютъ жаловаться изъ боязни, что правда не всплыветъ и правые останутся виноватыми. Онъ говорилъ, какъ нудно изъ-за этого служить. А вѣдь законъ для всѣхъ... Исполняй законъ, и не было бы людямъ обиды.

— Но ты-то что за защитникъ закона? Кто тебѣ позволилъ?

— За правду безпокоюсь, вашескобродіе... Говорилъ, что матросъ не долженъ позволять, чтобы его били.

— И начальство бранилъ?

— Точно такъ. Случалось, осуживалъ, вашескобродіе.

— За что-жъ ты смѣлъ судить?

— Каждый человѣкъ смѣетъ судить по своему понятію, вашескобродіе... Я и осуждалъ, что господа офицеры должны давать примѣръ законно, а они дерутся, и нѣтъ имъ... Вотъ и весь былъ мой бунтъ.

— И меня бранилъ?

— Случалось, вашескобродіе! — правдиво вымолвилъ «отчаянный».

— За что?

— За то самое, вашескобродіе!

— Ты взаправду отчаянный!—промолвилъ старшій офицеръ, но возмущеннаго чувства въ немъ уже не было.

Онъ задумался и находился въ смятенномъ настроеніи человѣка, котораго внезапно выбили изъ колеи.

Пронеслось что-то свѣтлое, когда и онъ въ дни юности безпокоился за правду... Самъ безупречно честный, онъ возмущался боцманомъ, о продѣлкахъ котораго и не догадывался и которымъ начиналъ вѣрить. Изумлялся «отчаянному» и понималъ, что онъ не бунтовщикъ, но во всякомъ случаѣ безпокойный матросъ и заслуживаетъ наказанія за нарушеніе

дисциплины, и такой матросъ будетъ заводить «исторіи». Если отдать его подъ судъ, то навѣрное переведутъ въ штрафные, и будущность человѣка испорчена. Да и обнаружится многое, что дѣлалось на «Грозящемъ» и что будетъ непріятно для старшаго офицера и капитана.

Иванъ Петровичъ считалъ себя справедливымъ. И въ голову его пришла мысль, что по совѣсти слѣдовало бы отдать подъ судъ боцмана, если все, что говорилъ Митюшинъ, подтвердится дознаніемъ. Но боцманъ былъ отличнымъ исполнителемъ, и лишиться такого человѣка непріятно для старшаго офицера. И, главное, снова на судѣ вынесется тотъ «соръ», который выносить боится начальство, а Иванъ Петровичъ боялся всякаго начальства, такъ какъ думалъ о своемъ благополучіи. Да и, отдавая боцмана подъ судъ, старшій офицеръ обнаружилъ бы свою вину. Какъ онъ не зналъ такихъ безаконій и служилъ съ боцманомъ двѣ кампаніи?

Въ концѣ концовъ старшій офицеръ, раздраженный, что на «Грозящемъ» изъ-за матроса вышли «такія непріятности» для него, и безъ того цѣлые дни хлопотавшій безъ устали, запутался и не зналъ, что сдѣлать съ «отчаяннымъ».

Прошла минута, другая. И наконецъ у старшаго офицера явилось рѣшеніе—замять все это дѣло. По крайней мѣрѣ, это казалось такому безхарактерному человѣку лучшимъ выходомъ.

И онъ сказалъ Митюшину:

— Я прощу твой проступокъ, если ты будешь просить прощенія у боцмана... Мнѣ жаль тебя... А я поговорю съ боцманомъ... Понялъ?

— Понялъ, вашескобродіе!

— Но только смотри, чтобы впредь ни гу-гу... Не болтай, а то попадешь подъ судъ и пропадешь... Не забудь этого... Какой бы ни былъ боцманъ — не твое это дѣло, а дѣло начальства... И не тебѣ о немъ разсуждать... А если считаешь себя безвинно наказаннымъ, можешь жаловаться по начальству!

Старшій офицеръ думалъ, что спасъ «отчаяннаго», и тотъ долженъ быть благодаренъ. Въ то же время «исторія» окончится. А боцмана онъ разнесетъ и ему пригрозитъ. Онъ перестанетъ драться и брать взятки...

Но Митюшинъ не только не обнаружилъ благодарныхъ чувствъ,—напротивъ, онъ былъ мраченъ.

— Такъ ступай и подъ арестъ не содись!..

— Слушаю, вашескобродіе... Но только...

— Что еще?

— Я не пойду просить прощенія у боцмана. Если кого подъ судъ, то слѣдуетъ его, вашескобродіе...

— Молчать! Я прикажу тебя выпороть,—вспылилъ старшій офицеръ.

— На то закона нѣтъ, вашескобродіе! Прикажите прежде судить, вашескородіе! Правда окажетъ! — отвѣтилъ «отчаянный» и вышелъ изъ каюты.

VIII.

Старшій офицеръ одумался, и «отчаяннаго» розгами не наказали.

Черезъ день послѣ дознанія его отправили въ Петербургъ, и «отчаянный» былъ посаженъ въ морскую тюрьму, какъ подслѣдственный. Осенью его перевели въ госпиталь, и у него оказалась скоротечная чахотка.

Въ палатѣ «отчаянный» попрежнему «безпокоился» за законъ, тосковалъ по правдѣ, говорилъ сосѣдямъ-больнымъ горячія рѣчи...

Онъ все еще ждалъ суда и надѣялся, что тамъ «правда окажетъ» и боцмана уберутъ.

«Отчаянный» такъ и не дождался. Передъ Рождествомъ онъ умеръ.

МОРСКОЙ ВОЛКЪ.

I.

Однажды, подъ вечеръ воскреснаго дня, баркасъ съ матросами первой вахты пристalъ къ лѣвому борту паруснаго корвета «Гонецъ», стоявшаго на севастопольскомъ рейдѣ.

Въ числѣ возвратившихся съ берега пожилой форъ-марсовой Лаврентій Чекалкинъ, носившій кличку «Морского волка» или просто «Волка», поднялся со шлюпки озлобленный, мрачный и блѣдный. Голова его была обмотана тряпицей, пропитанной кровью.

Другой матросъ, тоже пожилой форъ-марсовой Антонъ Руденко, поднялся на палубу, прихрамывая на ногу. Вспухшее его лицо было окровавлено. Половина уха была оторвана.

— Это что такое? — сердито спросилъ старшій офицеръ Петръ Петровичъ старшину баркаса.

— Передрались, ваше благородіе.

Быстрый и рѣшительный во всякихъ случаяхъ, Петръ Петровичъ крикнулъ боцману Гордѣенку:

— Завтра до флага перепороть обоихъ!

— Есть, ваше благородіе! Но...

— Какія тамъ «но»? Я тебѣ «но» пропишу на мордѣ!

— Слушаю, ваше благородіе. Однако дозвольте переждать порку.

— Почему?

— Волкъ быдто поранилъ ножомъ, а Руденко вовсе измялъ. И ноги, должно-быть, переломъ.

— Были «вдребезги»?

— Выпимши, но при полномъ разсудкѣ, ваше благородіе!

Старшій офицеръ изумился.

Оба матроса были исправные и пріятели.

— И вдругъ такъ изувѣчили другъ друга? Изъ-за чего?

— Не могу знать, ваше благородіе. Должно-быть, изъ-за эстой самой Ѳеньки! — со снисходительнымъ презрѣніемъ къ женщинамъ прибавилъ боцманъ.

— Какая-такая Ѳенька?..

— Молодая вдовая матроска.

— Ну такъ что-жъ?

— Съ Волкомъ два года путалась и въ одинъ секундъ:— «Отваливай! Очертѣлъ, молъ, сразу». Бѣда какія торопливыя есть матроски!—насмѣшливо прибавилъ боцманъ.

— Такъ, значитъ, Руденко не зѣвалъ на брасахъ... А Волкъ приревновалъ?

— Не должно... Ѳенька въ Симферополь утекла. Новый городъ пожелала увидать. Любопытная, видно! — усмѣхнувшись, пояснилъ старый боцманъ.

— Ничего не понимаю!—воскликнулъ Петръ Петровичъ.

— Какъ баба облеститъ — никакого не выйдетъ понятія, ваше благородіе!

— Тоже нашли изъ-за бабы драться! А еще хорошіе матросы! Позови-ка ихъ сюда!—приказалъ Петръ Петровичъ.

Онъ рѣшительно былъ изумленъ романической исторіей, и у кого же? «У пожилого, умнаго Волка, казалось, неспособнаго на такія штуки!»—подумалъ старшій офицеръ, питавшій нѣкоторую слабость къ лихому марсовому.

Ужъ очень хорошо вязалъ онъ «штыкъ-болтъ» на нокѣ форъ-марса-рея и вообще былъ «отчаянный» въ работахъ матросъ... Первый на «Гонцѣ».

И вдругъ, скажите, пожалуйста!

Черезъ минуту оба матроса подошли на ютъ, гдѣ стоялъ старшій офицеръ.

— Ты какъ же, Волкъ? Обезумѣлъ, что ли, подъ старость?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! — застѣнчиво промолвилъ Волкъ.

— Хорошъ: «никакъ нѣтъ»! Полюбуйтесь оба на себя. Докторъ сейчасъ осмотритъ. Нечего сказать: старые пѣтухи! А еще пріятели!.. Прежде пьянствовали вмѣстѣ... А теперь, видно, отсталъ пить?

— Отсталъ, ваше благородіе...

— Ну, говори, Волкъ, чтобы мнѣ знать, какъ васъ выдрать послѣ починки. Изъ-за чего разодрались?

— Такъ, ваше благородіе! Изъ-за разговора.

— Не ври, Волкъ... Изъ-за Ѳеньки?.. Сказывай!..

Волкъ молчалъ.

— Точно такъ, ваше благородіе! Съ позволенія сказать, изъ-за непутящаго вѣдомства и вышла «раздрайка»! — проговорилъ виновато Руденко.

Волкъ только презрительно взглянулъ на пріятеля.

— И ты, Волкъ, изъ-за бабы изувѣчилъ Руденко? А эта злая скотина пырнулъ тебя? Кто зачинщикъ?

— Я, ваше благородіе! — безучастно вымолвилъ Волкъ.

— А ты, вѣрно, подзадорилъ его, подлецъ? Волкъ зря не начнетъ! — сердито обратился старшій офицеръ къ Руденко.

— Я, ваше благородіе, думалъ, чтобы какъ слѣдуетъ... Для его старался... Открыть, значитъ, глаза его хотѣлъ... Вижу, Волкъ «здря» въ тоску вошелъ. Я и обсказываю: по той, молъ, причинѣ Оѳенька отъ его сбѣжала, что не очень-то лестно ей хороводиться съ нимъ. Прикидывалась, говорю, быдто обожаетъ... Какъ нить, въ Симферополѣ тую-жъ минуту молодого солдата нашла. Лукавая, ваше благородіе! Вокругъ пальца обводила Волка, а онъ...

— И Волкъ за твои подлыя слова изувѣчилъ тебя, Руденко?

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Ты, подлецъ, какъ разбойникъ... ножомъ? Ну ужъ и отполирую я тебя, мерзавца!

— Не оборонись я ножомъ, не жить бы мнѣ, ваше благородіе! Освирѣпѣлъ изъ-за словъ... Извольте взглянуть на морду... И ухо... И нога...

— Мало еще тебѣ. Будешь помнить выволочку... Зачѣмъ лѣзъ съ подлымъ разговоромъ къ Волку?.. Просилъ онъ тебя насчетъ Оѳеньки?.. Говорилъ, что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе...

«Какой же онъ привязчивый дуракъ!» — подумалъ старшій офицеръ, взглядывая на Волка. И, казалось, понялъ причину перемѣны Волка въ послѣднее время. Взглядъ его, безнадежно-скорбный, напоминалъ взглядъ смертельно раненаго звѣря.

И Волку было стыдно и обидно. То, что скрывалъ онъ отъ всѣхъ, стало предметомъ общаго вниманія. Главное, о Оѳенькѣ пойдутъ разговоры.

— Ступай оба. Докторъ осмотритъ! — сказалъ Петръ Петровичъ.

И значительно смягченнымъ тономъ прибавилъ, обращаясь къ Волку:

— А ты не тронь больше этого подлеца!

— Есть, ваше благородіе!

— Вѣдь до смерти его изобьешь... У тебя кулакъ!.. И угодишь въ арестанты изъ-за мерзавца. Помни, Волкъ.

— Есть, ваше благородіе!

И тонъ голоса Волка, и выраженіе его лица какъ будто говорили, что не стоитъ въ арестанты изъ-за такого человѣка, который своимъ подлымъ разговоромъ довелъ до драки и теперь, какъ «послѣдній матросъ», обсказалъ причину старшему офицеру.

— И ты, Волкъ, знаешь... того... Не распускай шкотовъ... Нечего матросу скучать... Плюнь!—почти ласково промолвилъ Петръ Петровичъ.

II.

Черезъ полчаса въ каютъ-компанію вошелъ худощавый и маленькій старый врачъ Никифоръ Ивановичъ Обыкновенно веселый и легкомысленный «папильонъ», онъ нѣсколько озабоченно сказалъ старшему офицеру:

— Дѣло-то «табакъ», Петръ Петровичъ!

— Больныхъ не любите, такъ и «табакъ», Никифоръ Ивановичъ?—проговорилъ, подсмѣиваясь, старшій офицеръ.

Онъ хорошо зналъ, что этотъ «мичманъ», несмотря на его почтенный возрастъ, не любилъ лѣчить больныхъ. Давно уже позабывшій медицинскія книжки, онъ всегда весело говорилъ, что природа свое возьметъ, а не то госпиталь есть, если матросу предназначено «въ чистую», какъ Никифоръ Ивановичъ называлъ смерть.

По счастью для него и, главное, для матросовъ, на корветѣ больныхъ не бывало.

— Да что ихъ любить, Петръ Петровичъ! А Волка нужно бы въ госпиталь!

— Развѣ на корветѣ нельзя зачинить?

— Все можно, а лучше отправить на берегъ. Природа у Волка свое возьметъ, и хирургъ живо обработаетъ. Рана глубокая, подъ ухо прошла... Перевязку сдѣлалъ, а теперь пусть дырку чинятъ въ госпиталѣ. Вѣрнѣй-съ. Ну, да и я, признаться, давно не занимался хирургіей, Петръ Петровичъ!.. И вообще не любитель лѣкарствъ! — откровенно признался Никифоръ Ивановичъ.

— А Руденко что?

— Отлежится... Дня черезъ три съ Богомъ порите его, Петръ Петровичъ.

— А нога?

— То-то перелома будто нѣтъ. Посмотрю, какъ завтра... И ловко же его изукрасилъ Волкъ! Счастье, что Руденко еще цѣлъ!—весело промолвилъ старенькій докторъ.

Старшій офицеръ послалъ вѣстового сказать на вахтѣ,

чтобы подали къ борту «четверку», и сказалъ юному, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ произведенному, смуглолицему мичману Кирсанову:

— Отвезите, Евгеній Николаичъ, вашего любимца въ госпиталь. Да попросите сейчасъ же его осмотрѣть и спросите, нѣтъ ли опасности.

— Слушаю, Петръ Петровичъ.

— И вѣдь съ чего сбрендилъ старый дуракъ! Знаете, Евгеній Николаичъ?

— Знаю, Петръ Петровичъ, отчего онъ перемѣнился въ послѣднее время и затосковалъ.

— То-то и удивительно... Волкъ... и... изъ-за какой-то Оеньки!..

— Волкъ непохожъ на другихъ... Онъ по-настоящему любитъ женщину! — краснѣя и взволнованно промолвилъ мичманъ, словно бы обиженный за удивленіе старшаго офицера.

Мичману было двадцать лѣтъ. Ему казалось, что и онъ «по-настоящему любитъ», навѣки, конечно, эту «божественную» Вѣру Владиміровну, къ сожалѣнію, жену капитана перваго ранга Перелыгина. Онъ знакомъ съ нею три мѣсяца, и съ первой встрѣчи влюбился въ эту привлекательную блондинку лѣтъ тридцати и таилъ отъ всѣхъ свою любовь. «Божественная» съ нимъ кокетничала, а онъ благоговѣлъ, по временамъ втайнѣ желалъ «кондрашки» толстому, короткошеему капитану перваго ранга, раскаивался и вѣрилъ, что госпожа Перелыгина—пушкинская Татьяна. Недаромъ же она любила декламировать:

Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Вымытый, перевязанный и переодѣтый, съ «отсылкой» (бумагой) въ госпиталь, вышелъ Волкъ на палубу.

Передъ тѣмъ, какъ Волку спускаться въ шлюпку, его окликнулъ старшій офицеръ и сказалъ:

— Скорѣй починись, Волкъ!

— Есть, ваше благородіе!

Вся команда уже въ палубѣ пожелала Волку скорѣй вернуться на корветъ.

Онъ хотѣлъ-было идти на носъ шлюпки, но мичманъ приказалъ матросу сѣсть на сидѣньѣ рядомъ съ нимъ, и «четверка» отвалила.

Вечеръ былъ обаятельный. Звѣзды загорѣлись въ небѣ.

Волкъ задумался.

Это былъ здоровый, крѣпкій человѣкъ за сорокъ, мускули-

стый, широкоплечій, мѣшковато одѣтый, спокойно-увѣренный въ своей физической силѣ, привыкшій къ морю и любившій его, съ грубоватымъ, привлекательнымъ открытымъ лицомъ и тѣмъ выраженіемъ искренности, простоты и въ то же время какого-то философски-спокойнаго ума, которымъ отличаются моряки, много видавшіе видовъ на своемъ вѣку.

Еще недавно его сѣрые глаза свѣтились радостно, и по временамъ на его серьезномъ лицѣ появлялась горделиво-торжествующая улыбка необыкновенно счастливаго человѣка. Въ то время онъ и бросилъ пить, и вдругъ сдѣлался бережливъ, сталъ мягче характеромъ.

Суровый на видъ, онъ обыкновенно рѣдко сердился, и его трудно было разозлить. Только скалилъ свои крѣпкіе бѣлые зубы и добродушно подсмѣивался. Но, когда его охватывалъ гнѣвъ, онъ напоминалъ озлобленнаго волка, и всѣ боялись довести матроса до изступленія. Знали, что могъ избить до смерти, если не удержатъ силой.

Въ послѣднее время Волкъ сразу измѣнился. Сталъ молчаливъ, угрюмъ и раздражителенъ. По временамъ долго смотрѣлъ на море, точно думалъ какія-то невеселыя думы, и глаза его были тоскливые, какими прежде не бывали.

Отъ людей старался скрыть тоску, и матросы, любившіе и уважавшіе Волка, только дивились, пока не узнали, что его бросила Ѳенька, безумная «приверженность» къ которой была извѣстна на корветѣ и всѣхъ изумляла.

— Чудеса! Вовсе втемяшился Волкъ! — говорили тихонько на бакѣ.

Но подсмѣиваться надъ нимъ не смѣли.

Всѣ знали, что Волкъ вообще не любилъ «пакостныхъ» разговоровъ, какъ называлъ онъ циничныя шутки о бабахъ, обычныя на бакѣ, и очень озлился бы за Ѳеньку. Разъ онъ избилъ до полусмерти матроса, сказавшаго при немъ что-то скверное о Ѳенькѣ.

И это хорошо помнили на бакѣ.

Шлюпка повернула съ рейда въ Корабельную бухту.

Море точно дремало. Кругомъ было тихо-тихо... только часовые съ блокшифовъ, на которыхъ жили арестанты, перекликались протяжными: «слу-шай!..»

Огоньки мигали въ домахъ слободки.

Волкъ глядѣлъ на огоньки... Еще мѣсяцъ тому назадъ Ѳенька здѣсь жила...

«Конецъ»,—подумалъ Волкъ, и чувство обиды и боли охватило его, когда онъ опять вспомнилъ «скоропалительность»

перемѣны Ѳеньки... Была, кажется, привержена, обѣщала вернуться изъ Симферополя и вдругъ такъ «обанкрутила»... Прислала вѣсточку... Шабашъ, молъ!

И снова ревность терзала Волка. Слова Руденки жалили его сердце, точно змѣя...

— Что, братъ, Волкъ... Болитъ голова?—вдругъ участливо спросилъ мичманъ.

— Самую малость, ваше благородіе!

— Вѣрно, скоро выпишешься...

— Какъ Богъ, ваше благородіе...

— Экій подлецъ этотъ Руденко!.. Ужъ ему будетъ!..

— И безъ того... избилъ... А полегче бы его пороть, ваше благородіе!.. Заступились бы, ваше благородіе, передъ старшимъ офицеромъ... Зачинщикъ-то я... я и виноватый!

— И ты еще заступаешься за подлеца?—воскликнулъ мичманъ, тронутый словами Волка.

— А то какъ же, ваше благородіе? Не оборонись онъ и не ошарашь ножомъ, пожалуй, быть мнѣ убивцемъ... За это въ арестанты.

— Развѣ убилъ бы?

— Въ обезумѣи человѣкъ на все пойдетъ, ваше благородіе,— необыкновенно просто и убѣжденно сказалъ Волкъ.

«Онъ по-настоящему любитъ»,—снова подумалъ мичманъ.

И ему стало обидно, что онъ не только не вызвалъ на дуэль лейтенанта Дымова, который въ каютъ-компаніи назвалъ «божественную» Вѣру Владиміровну «любительницей похожденій», но промолчалъ и теперь даже разговариваетъ съ Дымовымъ.

«И какой я подлецъ въ сравненіи съ Волкомъ!»—мысленно проговорилъ мичманъ.

Онъ нѣсколько минутъ молчалъ, и чувствуя себя виноватымъ и восхищенный любовью матроса. И вдругъ порывисто и сердечно проговорилъ, понижая голосъ до шопота:

— Знаешь что, Волкъ?

— Что, ваше благородіе?—чуть слышно отвѣтилъ Волкъ.

— Можетъ, ты захочешь извѣстить Ѳеньку, что ты въ госпиталѣ... Такъ скажи адресъ. Я напишу.

— Спасибо, ваше благородіе... Не надо!

И лицо Волка на лунномъ свѣтѣ показалось угрюмѣе, когда онъ еще тише прибавилъ:

— Не пріѣдетъ, ваше благородіе!..

— Шабашъ!—крикнулъ мичманъ.

«Четверка» остановилась у пристани.

Юный мичманъ приказалъ гребцамъ ждать его возвращенія и вмѣстѣ съ Волкомъ вышелъ на берегъ.

— Скорѣй поправься и на «конвертъ», Лаврентій Авдеичъ! — горячо проговорилъ молодой загребной на «четверкѣ».

— Спасибо, братцы! Чуть починять башку—на «конвертъ»!

Мичманъ съ Волкомъ поднимались въ гору. Матросъ шелъ немного сзади, соблюдая дисциплину.

— Иди рядомъ, Волкъ!—наконецъ проговорилъ Кирсановъ.

— Есть, ваше благородіе!

И Волкъ поровнялся съ мичманомъ.

— Отчего, ты думаешь, не пріѣдетъ?.. Только написать... Навѣстить...

— Не надо, ваше благородіе!

— Не добрая, что ли, она?

— Она!? Такой другой, можетъ, на свѣтѣ нѣтъ. Руденко все набрехалъ на нее!—возбужденно проговорилъ Волкъ.

— Такъ отчего же она уѣхала?.. Ты такъ привязанъ къ ней. Нарочно зимой на вольную работу ходилъ, чтобы только.

— Не пытайте, ваше благородіе!—перебилъ матросъ.

И въ его грустномъ голосѣ звучала почти-что мольба.

Юный мичманъ сконфузился и смолкъ.

Въ госпиталѣ какъ разъ былъ вечерній осмотръ главнаго доктора и были всѣ врачи, когда пришелъ мичманъ съ раненымъ.

Хирургъ внимательно осмотрѣлъ рану Волка, ковырялъ ее какимъ-то инструментомъ и велѣлъ фельдшеру помѣстить Волка въ палату.

— Счастливо оставаться, ваше благородіе!—отвѣтилъ Волкъ на ласковое прощаніе мичмана.

И, когда матросъ ушелъ, мичманъ спросилъ пожилого рыжеватаго врача:

— Что, докторъ, опасна рана?

— Опасна! — умышленно преувеличивая опасность раны, отчеканилъ рѣзко, съ апломбомъ, рыжій врачъ, словно бы недовольный недостаточно почтительнымъ тономъ профана къ жрецу.

— Волкъ умретъ? — испуганно, чуть не со слезами проговорилъ мичманъ.

— Съ чего вы это взяли? Опасна не значитъ смертельна!— внезапно смягчаясь, промолвилъ рыжій врачъ при видѣ испуга мичмана за матроса.—Не волнуйтесь, молодой человѣкъ... Богъ дастъ, выживетъ... Здоровый... А странная фамилія: Волкъ...

— Это, докторъ, кличка... А фамилія его Чекалкинъ... Первый матросъ у насъ на корветѣ... И какой хорошій человѣкъ, если бы знали!.. Вы, докторъ, почините его! — умоляюще и краснѣя просилъ мичманъ.

— Постараюсь... А вы первый годъ мичманомъ?—ласково улыбаясь, промолвилъ врачъ.

— Первый... А что?

— Свѣжестью вѣетъ... Пріятно смотрѣть на такого мичмана... Позвольте познакомиться... Зайдите ко мнѣ какъ-нибудь...

Они назвали фамиліи другъ другу и оба, повидимому, были довольны новымъ знакомствомъ.

Когда мичманъ вернулся на корветъ и доложилъ старшему офицеру, что сказалъ хирургъ, Петръ Петровичъ поморщился и пошелъ къ капитану доложить о происшествіи.

Въ виду серьезности раны капитанъ недовольно замѣтилъ, что придется написать начальнику эскадры рапортъ, и прибавилъ:

— А какъ Руденко отлежится, дайте ему триста розогъ...

— Есть!

— А потомъ подъ судъ... Законопатятъ въ арестанты... Ножомъ пырнуть! Могъ и убить!

Капитанъ помолчалъ и прибавилъ:

— И какъ это Волкъ втемяшился въ какую-то тамъ бабенку-съ!.. Не первогодокъ, кажется... Не понимаю-съ!

— И я не понимаю... Могъ бы понять, что ему сорокъ лѣтъ, а этой Оѳенькѣ, говорятъ, двадцать семь!

— Конечно, возрастъ основательный... Но... но Волкъ молодецъ и вѣдь не старикъ же однако!—съ внезапнымъ раздраженіемъ крикнулъ капитанъ.

И старшій офицеръ спохватился, что далъ маху. Капитану было сорокъ пять, а его женѣ—двадцать.

III.

Волкъ лежалъ на койкѣ рядомъ съ матросомъ Бычкомъ, сломавшимъ себѣ ногу при паденіи съ марса-реи фрегата «Проворный».

На третью ночь послѣ поступленія въ госпиталь Волкъ не спалъ. Болѣла голова, и тревожили тяжелыя мысли. Не занятый работой, онъ вспоминалъ недавнее время,—только о немъ и вспоминалъ и не могъ отъ него оторваться.

И съ какою-то мучительной проясненностью проносились передъ нимъ картины счастья, и какого счастья... А теперь?

Волкъ только встряхивалъ головой, словно отгоняя отъ себя тоску.

«Хоть бы въ сердцѣ простила. Не подлецъ же я!»—думалъ онъ.

Припоминалъ, въ чемъ виноватъ былъ передъ Оѳенькой, и мучился раскаяніемъ.

«Оттого и бросила»,—объяснялъ внезапное рѣшеніе Ѳеньки этотъ не понимавшій женщинъ матросъ. И, съ тоской любящаго сердца, потерявшаго навѣки Ѳеньку, прошепталъ:

— Крышка!

— Чего не спишь, Волкъ? Это насчетъ чего крышка?— спросилъ сосѣдъ по койкѣ.

Волкъ не отвѣчалъ.

Но ему вдругъ захотѣлось открыться, выкрикнуть кому-нибудь нестерпимую боль смятенной души, не дающей покоя.

И, сдерживаясь отъ волненія, проговорилъ:

— А я, братецъ ты мой, думаю: не можетъ этого быть, чтобы бабья душа была въ родѣ бы какъ безпардонная... Сегодня, къ примѣру, ты хорошій, а завтра—подлый человѣкъ и чтобы духа твоего не было... Такой загвоздки въ секундъ нѣтъ... Видно, другая какая загвоздка...

— Стоитъ и обмозговывать! Нашелъ чѣмъ заниматься!— отвѣтилъ Бычокъ, удивленный, что такой степенный и старый матросъ думаетъ о такомъ нестоящемъ предметѣ, какъ бабья душа, да еще ночью, когда спать надо.

Но такъ какъ и Бычку не спалось,—нога ныла,—то онъ тотчасъ же прибавилъ:

— Всякая, и безпардонная есть. Но только мало нашего полнаго понятія о бабѣ. Отъ нея столько загвоздокъ, что лучше и не думай, по какимъ причинамъ, а бей ее! Оно вѣрнѣй.

Бычокъ, матросъ лѣтъ за тридцать, увѣренно и убѣжденно проговорилъ эти слова, и притомъ безъ всякаго озлобленія.

Напротивъ! И въ его некрасивомъ, грубомъ лицѣ и въ тонѣ его голоса было много добродушія.

— За что бить?—спросилъ Волкъ.

И въ его возбужденную голову пришла мысль: можетъ, не обезкуражила бы его Ѳенька, если бы онъ ее билъ? Но въ ту же минуту мысль эта исчезла. Сталъ бы онъ ее бить! Да и Ѳенька въ его глазахъ была особенная, тронь только ее!

— А за все, братецъ ты мой! Такая ужъ въ нихъ природа. И которыя лестнѣе, вовсе безпардонныя шельмы! Видалъ ты вчера мою матроску, Волкъ? Провѣдать забѣгала...

— Видалъ.

— Такъ завсегда вертитъ подоломъ, стерва! По глазамъ сейнымъ вижу... И чѣмъ глаза ласковѣе, тѣмъ больше облыжности... Значитъ, ужъ продастъ меня. Заметаетъ, подлая лиса, хвостомъ... Какъ, молъ, ловчѣй обмануть законнаго своего матроса.

Волкъ жадно слушалъ. Это сужденіе Бычка казалось откро-

вешемъ. И новыя подозрѣнія невольно закрадывались въ довѣрчивую душу влюбленнаго Волка.

А Бычокъ среди тишины палаты, нарушаемой храпомъ или какимъ-нибудь словомъ во снѣ, вполголоса продолжалъ:

— Ужъ сколько я дубасилъ свою матроску—все загвоздокъ искалъ.

— И что же?

— Зря! Только мужчинское свое зло срывалъ. Бывало, бьешь—клянется... Прибавишь бою—Аришка взвоетъ и сперва поклянется, а потомъ зарокъ дастъ... Никогда, молъ, не буду... Въ потемнѣніи разсудка, дескать, законъ нарушила... Подлый матросъ, молъ, слабую матроску облестилъ... Такъ по путѣ—вѣтромъ надуло... А я, говоритъ, тебя только, законнаго матроса, и обожаю... И вѣдь такъ ублажитъ, что по нашей подлости и повѣришь...

— А вѣры-то нѣтъ?

— Вѣрь подлой! Синяки прошли, она опять за свое. Кровь въ ей бунтуетъ. Никакъ не можетъ. Ну и приверженности ко мнѣ такой нѣтъ, чтобы законъ Аришкѣ въ охотку... Однако врать нечего—добрая матроска и завсегда уважитъ... Пойми-ка эту линію, Волкъ!

Но Волкъ не понималъ, казалось, и возмущенно сказалъ:

— Подлость одна бить такъ бабу.

— То-то я и бросилъ потомъ Аришку. Вижу: не выучишь. И нѣтъ во мнѣ прежней обиды. Служи, молъ, такая-сякая, какъ обязанная жена, и мой хлѣбъ жри, и чортъ съ тобой, ежели ты въ родѣ бы́дто влюбленная... Путайся съ другими... Вотъ, братецъ ты мой, какъ я полагаю насчетъ загвоздокъ... Плюнь и шабашъ!

Волкъ былъ возмущенъ и молчалъ.

— А ты, Волкъ, чего не спишь... Какая загвоздка, или башка болитъ? Съ чего это тебя матросъ ножомъ пырнулъ?

— Избилъ его... Не догадайся онъ ножомъ, я-бъ его до смерти...

— Пьяный?

— То-то трезвый.

— Такъ чѣмъ же тебя матросъ до точки довелъ?

— А онъ не будь что ни на есть подлюгой!—взволнованно началъ Волкъ, закипая гнѣвомъ.—Нечего сказать, открылъ свою подлую душу... И вѣдь нѣтъ больше подлости, какъ обезсуживать бабу... Брешн на се—всякій повѣритъ. А она что съ подлецомъ сдѣлаетъ? Онъ-то разславитъ... Пакость на ей и останется. Понимаемъ ли мы бабу? Намъ только чтобы себя потѣшить... И ты, Бычокъ, какъ ее понимаешь?

— Да такъ и понимаю. На то и дадена баба.

— Развѣ это правильно, ежели по совѣсти? Можно, что ли, такъ форменно жить? Вотъ ты Аришкѣ считаешься будто мужемъ. Собаки и есть. По-собачьи и живете... А знаю я одну вдовую матроску, такъ она не такая. Позволитъ кто-нибудь ее лошматить? Наплюетъ тебѣ въ рожу да и отъ тебя въ утекъ... Горда. Такъ взглянетъ, что ты сконфузишься передъ ей. И такая занозистая. Не то, что прочія... Ваши всѣ на обманъ. А, главное, Ѳенька наотмашь всю причину сказывала. Ничего не боялась.

Голосъ Волка звучалъ восторженно.

— Чудно что-то... Такъ ты изъ-за этой Ѳеньки...

— А ты какъ думалъ?

— Ты, значитъ, въ родѣ быдто...

Но Волкъ перебилъ:

— Не въ родѣ быдто, а форменно приверженъ и за Ѳеньку хоть въ арестанты пойду... Меня она, можетъ, другимъ обернула... Тоже и я до Ѳеньки въ родѣ какъ песъ былъ... А какъ Богъ мнѣ счастье послалъ... Ѳеньку узналъ, такъ прямо-таки подъ всѣми парусами врѣзамшись на мель... И шабашъ... Понять можешь, Бычокъ?

— Бываетъ, видно... Втемяшится быдто какъ въ потемнѣніи разсудка человѣкъ...

— Небось, не въ потемнѣніи, а въ полномъ разсудкѣ... И жизнь посвѣтлѣла... Будемъ мы, молъ, по-хорошему... Мною не брезговала, понимала, что Волкъ душу ей отдастъ... И какъ это... въ секундъ поворотъ отъ меня... Такъ ровно марсафаломъ по башкѣ... И сейчасъ не войду въ понятіе... Въ чемъ загвоздка...

Голосъ Волка оборвался.

Невыносимая тоска томила его. Прошла минута-другая въ молчаніи.

Наконецъ Бычокъ сказалъ:

— Такъ, значитъ, этотъ самый матросъ, котораго ты избилъ...

— Что матросъ?—грозно перебилъ Волкъ.

Бычокъ испуганно промолвилъ:

— Набрехалъ все про Ѳеньку...

— А ты полагалъ: она по-собачьи? Сейчасъ меня обнадежила, а завтра съ другимъ?.. Ты про нее подумай! Даромъ что ты со сломанной ногой... Нешто не понялъ, что я обсказалъ?..

— Такъ по какой же причинѣ Ѳенька вдругъ тебя обанкрутила?

— По какой причинѣ?—переспросилъ Волкъ.

И, самъ терзающійся непониманіемъ, съ какой-то отвагою отчаянія, произнесъ:

— Есть, значитъ, причина. Изъ-за моего подлаго карахтера бросила...

Волкъ смолкъ.

Въ виду предупрежденія Волка, не разспрашивалъ болѣе и Бычокъ и, разумѣется, не смѣлъ сказать своего мнѣнія о Оенькѣ.

А Волкъ чувствовалъ неодолимую потребность убѣдить и Бычка, и, главное, себя, что Оенька не безпардонная душа.

И онъ проговорилъ:

— Слушай... Я обскажу тебѣ, какая это матроска... Ты увидишь...

— Обсказывай!

Волкъ вздохнулъ и началъ.

IV.

— Большой, значитъ, фартъ, ежели ты встрѣлъ ту самую, о которой сердце тосковало. И не видалъ, а чуялъ. Изъ-за сей—прямо сказать—свѣтъ увидишь. А ты какъ думалъ, невѣрный матросъ? Небось, всякій жизни ищетъ, а не то чтобы очень радъ, когда шкуру твою оббиваютъ, словно она барабанная шкура, а больше какъ о ней и не смѣй полагать. По какимъ-такимъ причинамъ ты въ родѣ быдто арестантъ?.. И всего у тебя и радостей, что напился на берегу да пьяный облапилъ бабу. Что Машка, что Аксюшка—все равно, а потомъ и айда на корабь. Жди тамъ боя да шлиховки изъ-за всякой малости, ежели строгость самая что ни на есть форменная. И какой ты ни покорный матросъ, и у его, можетъ, душа требуетъ отдышки. Чтобы хоть на берегу по-хорошему пожить, узнать привѣтъ и ласку. Чтобы настоящая душевная баба съ понятіемъ, и могла понимать, какой я приверженный и довѣрчивый... И чтобы она не боялась... И безо всякой облыжности... На совѣсть... Хвостомъ не верти... Да только такой бабы, можетъ, и не встрѣтить во всю жизнь... Только въ башкѣ полагаешь да въ душѣ тоскуешь... А то если и встрѣлъ, а она начхала... Отваливай, молъ!

— И ты такую бабу встрѣлъ, Волкъ? — недовѣрчиво спросилъ Бычокъ.

— Такую самую и встрѣлъ. Поздно только по своимъ годамъ... Не сустоялъ въ разсудкѣ... Привязался какъ смола. Тоже обезумѣлъ старый матросъ. На мертвомъ якорѣ остаться обнадеживалъ я себя въ ослѣпленности... А замѣсто того — крышка!.. А все-таки виноватить ее не могу... Обидно, а

сердца противъ Ѳеньки нѣтъ... И въ какихъ смыслахъ крышка?.. Не все ли равно? А она не виновата... И не забуду, что изъ-за сѣной доброй воли я два года былъ во всей своей формѣ счастливымъ человѣкомъ. Душу получай, молъ, всю. Только бери! И чтобы ей никакой обиды... Понялъ я съ ей, какая приверженность во мнѣ... Бывало, съ конверта на берегъ, такъ ногъ подъ собой не слышу, какъ бѣгу въ слободку... А сердце колотитъ... Увижу, молъ... А улыбнется, такъ свѣтло на душѣ... Однимъ словомъ,—новый оборотъ жизни... И пить бросилъ... Пойми, вѣдь я кто такой?.. Грубая матрозня и изъ себя въ родѣ старой швабры. И она... обратила на такого вниманіе... Видно, безпримѣрная награда вышла отъ судьбы за мою допрежнюю матросскую жизнь... И вѣдь я чуть-было отъ судьбы не убѣжалъ... Не узналъ бы своего счастья!

Волкъ вздохнулъ и примолкъ.

«Простъ ты, Волкъ. Повѣрилъ бабѣ. Лучше бы не встрѣвалъ эстой Ѳеньки!» — подумалъ Бычокъ и спросилъ, заинтересованный разсказомъ:

— Ты почему полагаешь?

— А по той самой причинѣ, что не хотѣлъ тогда идти къ Иванову—боцману съ «Костенкина». Безпремѣнно звалъ приходить въ слободку. Женка, молъ, именинница... Пирогъ и ведро водки.

— Какъ же не хотѣлъ на такое угощеніе? — удивлялся Бычокъ.

— Наканунѣ меня отодрали на «Гонцѣ». Съ берега вернулся въ безпамятномъ видѣ. Такъ я остерегался... Однако отпросился у старшаго офицера и на именины. Ладно. Вошелъ я это въ ихнюю хибарку... Поздоровкался съ хозяевами, и какъ увидалъ Ѳеньку, такъ сразу точно меня вдарило. И словно тую самую встрѣлъ, что давно зналъ въ мысляхъ... И все вокругъ просвѣтлѣло... Быдто отъ этой самой Ѳеньки и свѣтъ вокругъ льетъ, и нѣтъ для меня такой пригожей бабы во всемъ Божьемъ мірѣ... Оконфузился даже и всего только пять шкаликовъ выпилъ... Зашабашилъ. И украдкой взглядываю на матроску... Около нея матрозня... Всякую брехню брешутъ... Видитъ—приваживаетъ. Отсмѣивается, но очень-то не позволяетъ... Такъ и отбреетъ, ежели ужъ очень матросы пристаютъ... А мнѣ и обидно... Какъ она такіе собачьи разговоры позволяетъ?.. «Нехорошо»,—думаю. А самъ нѣтъ-нѣтъ да и взгляну... Такъ и тянетъ... А изъ себя чернявая, чистая лицомъ и, видно, башковатая. Глаза большіе-пребольшіе, и взглядъ перемѣнчивый... То смѣется, то ласковый, то вдругъ быдто невеселый... Задумалась — и опять встряхнетъ головой

и смѣется... И какъ призадумается, мнѣ и жалко... Вижу: молода, а тоже, видно, на сердцѣ что-то есть... И что больше взглядываю, то милѣе... И всѣ дивуются, что я не жру винища... И сталъ тутъ боцманъ разсказывать, какой я, молъ, отчаянный матросъ и какой я пьяница. Не будь пьянства, былъ бы давно боцманомъ.

— Чего-жъ не пьешь, Волкъ?—вдругъ кинула Оѳенька.

Ну, еще больше оконфузился. Отвѣтилъ: — «не хочу, молъ».—Пронзительно такъ посмотрѣла и улыбнулась. Видно, поняла, что съ перваго раза ошарашила. И правильно, ошарашила какъ есть, и стыдно передъ ей быть въ пьяномъ видѣ.

А матросы хмелѣли. И давай къ Оѳенькѣ пуще приставать. «У, поцѣлуй, молъ, вдовая матроска! Тебя не убудетъ!» Она смѣется и грозитъ въ ухо.—«Свиньи, говоритъ, вы невѣжливые съ вдовой». — А одинъ унтерцеръ облапилъ. Ну, я не стерпѣлъ этого ахальства. Къ унтерцеру, да отдернулъ.—«Никто, говорю, не смѣй, матросы, обидѣть бабу!» Всѣ видятъ, что не шутю, и въ шутку обернули. Однако оставили Оѳеньку. И она взглянула на меня. Вижу — удивилась. А молодой бѣлобрысый марсовой съ «Костенкина», блѣдный и словно командиръ надъ ей, говоритъ:—«Хвостомъ не верти, такъ и матросъ не обидитъ».—«Ты мнѣ мужъ, что ли?»—это Оѳенька въ отвѣтъ, и злая и прескучная стала. Отошелъ. Воззрился на Оѳеньку, а она и не глядитъ на марсового.

— Кто же онъ для нея былъ?

— А ты, матросъ, не перебивай... Узнаешь, какой это подлецъ... Хорошо... Оѳенька еще посидѣла, пить не пила, а пригубила рюмку, да въ девятомъ часу стала съ хозяевами прощаться. Уходить, молъ, пора — поздно. И со мной попрощалась.—«Спасибо, говоритъ, Волкъ, что не свинья, какъ прочіе! Буду помнить». И вышла, а съ ей бѣлобрысый увязался. Вышелъ и я слѣдомъ. — «На конвертъ, говорю, срокъ». А я на случай около Оѳеньки быть, чтобы не обидѣлъ се этотъ бѣлобрысый. Мало ли вашего брата подлеца съ бабой... да еще съ глаза на глазъ. Въ слободкѣ темень... ни зги... И тучи на небѣ... и ни души... Только часовые съ города перекликаются... Глухая слободка ночью... Небось, знаешь, какія подлости тамъ бываютъ? А глазъ у меня зоркій. Вижу, какъ Оѳенька съ матросомъ идутъ въ городъ. А я за ими. И вдругъ между ими разговоръ.

И чѣмъ дальше — громче, въ разстройку. Слышу, матроска отчекрыжила:

— Больше несогласна... Отваливай!..

А бѣлобрысый вскричалъ:

— Это какъ же, подлая? Давно ли говорила, что любъ тебѣ...

— Ну и что-жъ? Мало ли что говорила и кому говорила... Хочу—любъ, хочу—нѣтъ. Я въ своей волѣ...

— Такъ ты такъ? Думаешь, смѣешь?..

— Испугалась, что ли?.. Не люблю я тебя...

— Видно, другого нашла?

— А хоть бы нашла? Тебѣ какое дѣло?.. Я не обвязанная...

Тутъ матросъ обругалъ Оенькy послѣднимъ словомъ и сталъ драться.—«Подлецъ... не смѣй»,—отчаянно крикнула Оенька. А я уже подскочилъ и давай бить этого подлеца. До смерти бы избилъ, да Оенька меня въ разсудокъ привела.—«Брось!»—говоритъ. И пошла. А я за ей. Провожу, молъ, до людной улицы. Идемъ — молчимъ. Слышу — плачетъ, тихо, ровно забиженный ребенокъ... И такъ мнѣ стало ее жалко, что и не обсказать. Вышли этто мы на большую улицу, а она во всѣ глаза смотритъ на меня... видно удивленная... И говоритъ:—«А я полагала, что ты заступился изъ-за своей мужчинской подлости... Вижу, ты, Волкъ, первый матросъ, что не надругался надо мной, какъ надъ послѣдней тварью... Дай тебѣ Богъ всего хорошаго... Ты, можетъ, и меня заставилъ на себя взглянуть, какая я есть...» И такъ это было мнѣ лестно, что она поняла обо мнѣ. Вѣдь до какого понятія о мужчинскомъ сословіи довели матроску. Нечего сказать, вовсе какъ звѣри были съ ей. И такая стала она мнѣ родная, такая свѣтлая, и такъ жалко ее, что и не обсказать. Прикажи только—куда угодно за нее. Сразу оказалось какой она человѣкъ. Въ ту же минуту сердцемъ почуялъ ея смятенную душу, тоску и отчаянность эту самую въ разговорѣ съ матросами. Быдто и въ самомъ дѣлѣ безпардонная. А какая она безпардонная!? Она обиженная и другой жизни хотѣла, а не то что... Сразу безпардонность ейная прошла, какъ съ ею добромъ.—«Иди, говоритъ, Волкъ, на свой конвертъ, а то опоздаешь и наказаніе изъ-за меня получишь. И то защитилъ, добрый человѣкъ!» А у меня и словъ нѣтъ. И быдто еще съ виду угрюмистѣй. Не смѣю оказать себя и даже спросить не осмѣливаюсь, можно ли когда повидать. А она мнѣ:—«Можетъ, и захочешь меня провѣдать когда?» И такъ, братецъ ты мой, словно виноватая, тишкомъ проговорила, что мнѣ вовсе глотку перехватило. Гляжу только. —«Такъ зайдешь?»—спрашиваетъ.—«Съ полной, говорю, радостью, Оедосья... А какъ по батюшкѣ?» — спрашиваю. — «Оенькой зови... Какая я Оедосья!» И объяснила, что въ родѣ куфарки у антиллерійской офицерши, и сказала домъ. И, прощамшись, кинула:—«А ты, Волкъ, не думай, что я болтала тому матросу... Такъ, зря, отъ отчаянности!»

Ушелъ я на Графскую пристань и совсѣмъ по-другому быдто понимаю, какая есть на свѣтѣ жизнь. Напялъ яликъ—и на конвертъ. На завтра выпороли за опозданіе на полчаса. Лупцуйте, молъ! А я быдто безо всякаго вниманія. И вовсе другимъ сталъ. Душа словно взыграла. И радость, и тоска, и Оенька на умѣ. Вотъ поди-жъ ты!—словно бы оправдываясь, прибавилъ Волкъ.

Минута-другая прошла въ молчаніи.

— А что же дальше? Сказывай, Волкъ... И по какой причинѣ раздрайка? Чудна что-то твоя Оенька, — проговорилъ Бычокъ.

— Небось, не видалъ такой?

— То-то не видалъ...

— Такъ ты слушай и пойми ея безпокойную душу...

И Волкъ продолжалъ:

V.

— Въ скорости пошелъ къ ней. Посидѣлъ. Часмъ угостила. Балакаемъ. И такая понятливая ко всему—совсѣмъ не бабій въ ей разсудокъ. Сталъ чаще ходить—сказываю про всякое понятіе мое и о томъ, какъ матросу нудно на свѣтѣ, и какъ не по правдѣ люди живутъ, и какъ обидно простому человѣку... Вижу—слушаетъ, не скучаетъ со мной. И простая со мной. А мнѣ—хоть не уходи съ кухни... Поняла, значитъ, что я вовсе привязамшись, и не гонитъ... Зовстъ, а обнадежить себя не рѣшаюсь. Не къ рылу, молъ. Однако, какъ кампанію кончили, перебрались въ казармы поздней осенью — пришелъ къ Оенькѣ и сдерзничалъ—открылся.—«Не обезсудь, говорю, за мою приверженность по гробъ жизни». И Оенька на это:—«Такой не видала, говоритъ, приверженности, и ты мнѣ любъ, говоритъ...» Однако въ законъ не согласилась.

— Отчего?

— По своей гордости... вотъ отчего... Не могу, говоритъ, быть обвязанной и ни твоей ни своей воли рѣшиться... И обманывать тебя не стану.

Оенька оставила мѣсто, и наняли мы комнату въ слободкѣ. Стала бѣлье стирать. Не хотѣла, чтобы я одинъ для нея старался... жалѣла. И никакой въ ней корысти не было... Не льстилась на деньги... И жили мы душа въ душу такъ два года... Заботливая обо мнѣ была—придешь, бывало, съ конверта или съ караула—точно въ раю... И щекотливая была... Не любила, если я приревную... «Ты, говоритъ, вѣрь моей совѣсти... Не думай, какая прежде я была... Я, говоритъ, въ разсудокъ пришла. Что было—было. Лучше и не вспоминать. И

самой стыдно... И помни: станешь ты мнѣ чужой, — скажу. Обидно тебѣ будетъ,—а правды не скрою...» А я вѣрю Ѳенькѣ и въ полномъ довѣріи, и изо всѣхъ силъ стараюсь, чтобы ей было хорошо... Чѣмъ-нибудь потѣшить. Одно слово, при ей въ родѣ крѣпостного... И чѣмъ дольше, тѣмъ сильнѣе моя приверженность... И опять въ законъ прошу...

— Подожди,—говоритъ...

Обнадеживаю я себя и счастью своему краю не знаю. Только быдто обидно, что Богъ ребенка не даетъ. Такъ прошло два года, какъ сталъ я замѣчать, что Ѳенька нѣтъ-нѣтъ да и заскучитъ. И приду, бывало, съ конверта — я обсказываю, что было,—она ужъ не въ охотку слушаетъ. Обнимешь—она чаще отстранять стала. И страшно сдѣлалось. Думаю—не та Ѳенька и обо мнѣ не заботливая... И въ голову подозрѣнія—мука одна. Молчу—скрываю, только приду и сердце свое срываю. То куда ходила, то отчего ѣсть не приготовлено... то отчего безъ дѣла сидишь... Жду—лаской отвѣтитъ, проститъ грубость, догадается, отчего сердце кипитъ во мнѣ, а она мнѣ:—«Ты что съ попреками... Я не жена, слава Богу... Я сама по себѣ»... И платкомъ обвязала голову, да и ушла... Вернулась—и глаза заплаканы.

А я самъ не свой... Въ полной разстройкѣ души. Въ ей и тьма, и обида, и страхъ. Кажется, кожу съ себя готовъ снять, а меня въ родѣ быдто подлеца поняли... Чтобы попрекать? За что?

— А ты, Волкъ, оттаскалъ бы Ѳеньку за косу. Нешто нельзя сказать бабѣ, чтобы сполняла свое дѣло?..—возбужденно проговорилъ Бычокъ.

— Ѳеньку да за косу?.. И какой ты, матросъ, дуракъ! Самъто только и понимаешь, когда тебя по уху...

— Такъ ты что же?.. Самъ же и виниться сталъ передъ ей?..

— То-то и повинился. И со всей покорностью, глупая башка. Безъ Ѳеньки мнѣ жизнь, что въ родѣ могилы. Пойми ты, ежели въ тебѣ настоящая душа... Вѣдь приверженность не сапоги. Снялъ и шабашъ!

— Ну, ладно... Обсказывай!.. Тоже и ты, я скажу, чудной!

— Замирились... Простила... И послѣ говоритъ: — «Незадачливая я... Только тебя мучаю и себя разстраиваю... Ты обо мнѣ лучше полагаешь, чѣмъ я есть... Бѣдный ты мой, бѣдный Волкъ!.. Видно, не умѣю я цѣнить твою ко мнѣ любовь... Обиженная отъ Бога природой!..» Такъ прошелъ мѣсяцъ. Я—дуракъ—опять успокоился... Вижу, не брезгуетъ мною... А что-то въ ей безпокойное—дума какая-то... Не объясняетъ... А ужъ

прежней ласковой и веселой Ѳеньки нѣтъ... То скучная, то вдругъ приникнетъ ко мнѣ и приласкаетъ... И я радъ... Думаю: обойдется... И какъ-то разъ говоритъ:—«Уѣду отъ тебя, Волкъ, въ отлучку на нѣсколько дней... Къ сродственникамъ, въ Симферополь хочу»... Попрощались. Уѣхала... Обѣщала дать вѣсточку, какъ вдругъ черезъ два дня отписала: «Не жди меня больше, Волкъ. За все добро и приверженность много благодарны. Но нѣтъ во мнѣ прежней любви... Прости, если виновата, за зло и не поминай безталанную Ѳеньку»...

Волкъ смолкъ. Казалось, долгій разсказъ не успокоилъ его. Онъ попрежнему не понималъ причины этой внезапной перемѣны и не сомнѣвался, что и Бычокъ думалъ о Ѳенькѣ то, что говорилъ и Руденко.

Онъ не вѣрилъ и отгонялъ подозрѣнія... Но когда его глазамъ мучительно грезилась пригожая Ѳенька, такая же ласковая и порывистая, въ объятіяхъ молодого солдата въ Симферополѣ, въ голову Волка невольно закрадывалась мысль, что Ѳенька безпардонная душа.

VI.

Прошлю двѣ недѣли.

Волкъ поправился и явился на корветъ.

Матросы обрадовались Волку. Старшій офицеръ потребовалъ Волка въ каюту и шутливо спросилъ:

— Совсѣмъ починили тебя?

— Точно такъ, ваше благородіе.

— И больше не «скучишь» изъ-за бабы?..

Волкъ смущенно молчалъ.

— Не стоитъ, братецъ... Понялъ?

— Есть, ваше благородіе!

— Особенно въ твоихъ годахъ. Молодыя не очень-то любятъ пожилыхъ. Слышалъ объ этомъ?

— Точно такъ, слышалъ, ваше благородіе, — угрюмо отвѣтилъ Волкъ и весь побагровѣлъ.

Петръ Петровичъ не сомнѣвался, что утѣшилъ матроса, и отпустилъ его.

А Волкъ далеко не успокоился и былъ попрежнему молчаливъ и угрюмъ. И всѣ дивились, что башковатый матросъ могъ такъ долго тосковать изъ-за бабы. Даже мичманъ Кирсановъ, который уже забылъ госпожу Перелыгину и «по-настоящему» любилъ госпожу Дытлову, не съ прежнимъ уваженіемъ и симпатіей смотрѣлъ на Волка. Онъ слышалъ кое-что о Ѳенькѣ и теперь считалъ Волка порядочнымъ дуракомъ. Можно любить по-настоящему хорошую женщину, а не какую-

нибудь... Развѣ можно любить женщину, которая не заслуживаетъ уваженія... Вотъ хоть бы онъ... Убѣдился, что госпожа Перелыгина далеко не пушкинская Татьяна, и наказалъ ее своимъ забвеніемъ... Госпожа Дытлова, та... вполнѣ понимаетъ, что такое настоящая любовь.

И мичманъ какъ-то завелъ съ Волкомъ разговоръ на эту тему, но встрѣтилъ такой иронически-холодный взглядъ матроса, что лишилъ его своего расположенія и больше съ нимъ уже не разговаривалъ.

«Рѣшительно, онъ—грубая скотина, не понимаетъ сочувственнаго человѣческаго отношенія!»—не безъ нѣкоторой горечи подумалъ мичманъ и уже начиналъ раздѣлять мнѣніе каютъ-компаніи насчетъ того, что бить и драть матроса обязательно нужно и для службы полезно.

Вскорѣ «Гонецъ» пошелъ въ крейсерство къ кавказскимъ берегамъ.

У Анапы быстро разыгрался штормъ. Просвистали спускать стеньги.

На форъ-марсѣ вышла какая-то заминка. Тамъ былъ мичманъ Кирсановъ. Былъ и Волкъ. Когда послѣ спуска реи всѣ спустились, мачтовый офицеръ сталъ ругать Волка. Мичманъ ни слова не сказалъ въ защиту лихого матроса. Не то не хотѣлъ противорѣчить лейтенанту, не то не принялъ къ сердцу несправедливости. «И то всего обругали! Стоитъ ли изъ-за этого вступаться?»

И тѣмъ не менѣе мичману стало неловко, когда онъ встрѣтилъ взглядъ прежняго своего фаворита. И сколько въ этомъ взглядѣ было недоумѣнія и укора! Вѣдь мичманъ видѣлъ, что Волкъ не виноватъ...

А вѣдь онъ думалъ, что мичманъ доберъ къ матросамъ и справедливъ...

«Гдѣ же правда на свѣтѣ?»—подумалъ Волкъ и ничего не отвѣтилъ на ругань лейтенанта.

И въ этотъ штормовой день Волкъ работалъ за двоихъ, и его всегда посылали дѣлать опасное дѣло. И онъ казался еще хладнокровнѣе и угрюмѣе.

А штормъ усиливался. Показалась течь. Откачивали во всѣ помпы. Вода прибывала. Корветъ трещалъ по всѣмъ своимъ старымъ швамъ. У матросовъ закрадывалась мысль о гибели. Только Волкъ, казалось, былъ равнодушенъ.

«На что теперь мнѣ жизнь?» — пробѣгала въ его головѣ мысль неразрывно съ мыслью о Ѳенькѣ. Но онъ наваливался во всю силу на помпу.

Къ вечеру штормъ сталъ стихать, и «Гонецъ» вбѣжалъ въ Анапу.

Когда затихла погода, командиръ возвратился въ Севастополь и вошелъ въ докъ, чтобы починиться послѣ шторма.

«Гонецъ» порядочно-таки расшатало.

VII.

Въ первое же воскресенье первую вахту отпустили на берегъ.

И только-что Волкъ вышелъ на Графскую пристань, какъ увидалъ Ѳеньку.

Блѣдная, исхудалая, стояла она около него.

— Къ тебѣ вернулась, если не забылъ Ѳеньку... Небось, состарилась?

Волкъ не находилъ словъ и крѣпко сжималъ своей мозольной шершавой рукой маленькую руку. Глаза его сіяли восторженнымъ счастьемъ.

— Идемъ, Ѳенька... Такъ ты не брезгуешь мною?

— Глупый... Я ужъ двѣ недѣли тебя жду...

Голосъ ея звучалъ лаской. И глаза улыбались.

— И знай... Никого я не знала въ Симферополѣ... И снова къ тебѣ потянуло... Безъ тебя соскучилась... Больше не буду мучить тебя. Узнала, какъ тебя изъ-за меня ранили.

Волкъ сіялъ.

Черезъ недѣлю они повѣнчались.

Прошелъ годъ, и началась война. И Волкъ на четвертомъ бастіонѣ часто встрѣчалъ свою храбрую матроску, носившую мужу булки, ѣду и гостинцы, несмотря на то, что пули и ядра свистали надъ ней. Встрѣчалъ и, забывая о близости смерти, глядѣлъ на нее такими счастливыми глазами, что Ѳенька только ласково улыбалась, угощая мужа, и разспрашивала о дѣлахъ бастіона.

Оба уцѣлѣли. Ужасъ войны окончательно сблизилъ ихъ. Нечего и прибавлять, что Волкъ попрежнему былъ «подвахтеннымъ» у Ѳеньки.

БЛЕСТЯЩІЙ КАПИТАНЪ.

I.

Былъ девятый часъ сентябрьскаго утра.

Тулонскій рейдъ точно млѣлъ въ мертвомъ штилѣ. Солнце еще не томило жгучими лучами.

Капитанъ «Витязя», стоявшаго рядомъ съ флагманскимъ кораблемъ французской эскадры, только-что принялъ обычные утренніе рапорты и, оставшись на мостикѣ, радостно, почти-что влюбленно любовался своимъ красавцемъ-корветомъ, съ изящными линіями обводокъ, стройнымъ, съ высокимъ рангоутомъ, бѣлоснѣжною трубой и сверкавшею бѣлизной палубой.

Капитанъ-лейтенантъ Ракитинъ, молодой морякъ, впервые назначенный командиромъ, еще переживалъ медовые мѣсяцы власти и командованія однимъ изъ лучшихъ судовъ балтійскаго флота и щеголялъ безукоризненнымъ порядкомъ, умопомрачительной чистотой «Витязя» и «идеальной» быстротой работъ на немъ.

И «Витязь» приводилъ въ восторгъ иностранныхъ моряковъ.

То было время обновленія и во флотѣ. Только-что были отмѣнены тѣлесныя наказанія. Капитанъ умѣлъ и безъ жестокости властвовать надъ командой, и его «молодцы», какъ онъ называлъ матросовъ, рвались на работахъ изъ всѣхъ силъ, рискуя изъ-за «идеальной» быстроты на ученіяхъ увѣчьями и жизнью, ради самолюбиваго щегольства и желанія отличиться блестящаго капитана. И онъ былъ доволенъ «молодцами». Они не осрамятъ «Витязя».

Щеголевато одѣтый, весь въ бѣломъ, стройный и хорошо сложенный блондинъ лѣтъ подъ тридцать, красивый, съ самоувѣреннымъ и смѣлымъ лицомъ, съ шелковистыми свѣтло-русыми усами и бакенбардами, Ракитинъ взялъ бинокль и

смотрѣлъ на флагманскій французскій корабль. И торжествующая побѣдоносная улыбка играла на его лицѣ.

Онъ отвелъ бинокль и, щуря голубые глаза, кинулъ, обращаясь къ вахтенному офицеру, мичману Лазунскому:

— У французовъ, вѣрно, сегодня парусное ученье.

— И у насъ будетъ, Владиміръ Николаичъ? — почтительно и весело спросилъ мичманъ.

— Конечно.

— Опять французы «опрохвостятся», Владиміръ Николаичъ! — возбужденно проговорилъ мичманъ.

И его юное, безбородое и жизнерадостное лицо свѣтилось счастливой улыбкой побѣдителя.

Но Ракитину, щепетильно оберегающему свое капитанское достоинство, вдругъ показалось, что мичманъ фамильяренъ, вступая съ капитаномъ въ разговоры. И Ракитинъ оборвалъ мичмана, проговоривъ рѣзкимъ тономъ:

— Сигнальщикъ пусть не спускаетъ глазъ съ крюйсъ-брамъ-стеньги адмирала!

— Есть, смотритъ! — мгновенно дѣлаясь серьезнымъ, отвѣчалъ мичманъ.

— И вы посматривайте. Не прозѣвайте сигнала.

— Есть! Не прозѣваемъ! — еще серьезнѣе, тономъ служебной аффектаціи, отвѣтилъ нѣсколько обиженный мичманъ.

И несмотря на то, что сигнальщикъ не спускалъ подзорной трубы съ адмиральскаго корабля, мичманъ крикнулъ ему:

— Хорошенько смотри на адмирала!

«Зря кричитъ!» — подумалъ сигнальщикъ и крикнулъ:

— Есть! Смотрю!

Капитанъ не сходилъ съ мостика и то и дѣло взглядывалъ на флагманскій корабль, по юту котораго расхаживалъ невысокій худощавый адмиралъ, горбоносый, съ сѣдой эспаньолкой, въ темно-синемъ длинномъ форменномъ сюртукѣ, съ отложными воротничками бѣлоснѣжной сорочки, необыкновенно любезный и вѣжливый старикъ-орлеанистъ, хоть и служилъ при Наполеонѣ Третьемъ.

Ракитинъ нетерпѣливо теребилъ свою бѣлорусую жидкую бакенбарду въ ожиданіи торжества «Витязя». Еще бы! Не разъ уже «Витязь» возбуждалъ профессіональную зависть и національную досаду иностранныхъ моряковъ и тѣшилъ самолюбіе русскаго блестящаго капитана.

Когда «Витязю» приходилось стоять на какомъ-нибудь рейдѣ съ французской или англійской эскадрой, Ракитинъ, соблюдая любезность международнаго этикета, по сигналу иностраннаго адмирала, дѣлалъ на «Витязѣ» тѣ же ученія, какія дѣлались

и на чужихъ эскадрахъ. И большею частью русскій корветъ оставался побѣдителемъ. Всѣ на «Витязѣ» радовались. Даже докторъ и батюшка торжествовали, что на корветѣ ставили и убирали паруса минутой или полминутой раньше французовъ или англичанъ.

II.

— Сигналъ! — крикнулъ во весь свой голосъ сигнальщикъ.

На крюйсъ-брамъ-стеньгѣ флагманскаго корабля «Terrible» взвились три комочка и у верхушки развернулись сигнальными флагами: «поставить всѣ паруса».

Въ ту же секунду на всѣхъ судахъ французской эскадры поднялись отвѣтные сигналы, и среди тишины рейда раздались командныя французскія слова.

— Свистать всѣхъ наверхъ! Паруса ставить! — неестественно громко и взволнованно крикнулъ мичманъ, срываясь съ голоса, которымъ старался напрасно басить.

Засвистали дудки. Прозвучали голоса боцмановъ и унтеръ-офицеровъ.

Словно вспуганное стадо бросились матросы къ своимъ мѣстамъ. Офицеры стремглавъ выбѣгали изъ каютъ-компаніи и неслись къ мачтамъ. Старшій пожилой штурманъ рысцой побѣжалъ на мостикъ, а младшій тѣмъ же аллюромъ пронесся за нимъ и взялъ въ руки минутную склянку, чтобы усчитать время маневра.

Старшій офицеръ «Витязя», Василій Леонтьевичъ, маленькій, кругленькій, толстенькій и свѣжій какъ огурецъ лейтенантъ, лѣтъ за тридцать, уже взбѣжалъ на мостикъ и разставилъ свои короткія ноги, подавшись всѣмъ своимъ корпусомъ черезъ поручни.

И все стихло.

— Марсовые къ вантамъ! По марсамъ и по салингамъ! — громко, весело, задорно и точно грозя кому-то вызовомъ, скомандовалъ густымъ и сочнымъ баритономъ Василій Леонтьевичъ.

Съ этой командой онъ бросилъ взглядъ своихъ быстрыхъ и острыхъ, какъ у мышатъ, карихъ глазъ на «француза»: побѣжали ли тамъ по вантамъ.

Нѣтъ еще! Слава Богу!

А марсовые «Витязя» уже ринулись какъ бѣшеные по натянутымъ вантинамъ. Лишь мелькали голыя пятки. Одни уже были на марсахъ, другіе бѣжали выше — на салинги, когда французскіе матросы еще только добѣгали до марсовъ.

И шустрый живчикъ «Волчокъ», какъ называли на бакѣ Василія Леонтьевича, нетерпѣливѣе и громче крикнулъ:

— По реямъ!

Бѣлыя рубахи разбѣжались по марсамъ и брамъ-реямъ, придерживаясь рукой за «выстрѣлы» (въ родѣ перекладины поверхъ реи) для баланса, съ такой смѣлой быстротой, словно бы они бѣжали по полу, а не по круглымъ поперечнымъ деревамъ-реямъ, которыя своими серединами висѣли на страшной высотѣ надъ палубой, а ноками (концами) — надъ моремъ.

Матросы точно и не думали, что малѣйшая неосторожность— и сорвешься, чтобы размозжить голову о палубу или нырнуть съ высоты въ море и не вынырнуть на свѣтъ Божій.

— Отдавай!.. Пошелъ шкоты! Съ марсовъ и салинговъ долой!

Голосъ старшаго офицера звучалъ нервнѣе и нетерпѣливѣе.

Капитанъ, не спускавшій глазъ съ рей, едва сдерживался отъ нетерпѣнія и самолюбиваго волненія. Ему казалось, что вотъ-вотъ — и позоръ: «Витязь» не обгонитъ французовъ...

— Сколько минутъ? — вздрагивавшимъ голосомъ крикнулъ онъ.

— Двѣ съ половиной! — отвѣтилъ младшій штурманъ.

«И чего эти подлецы копаются!» — думалъ Ракитинъ, словно бы забывая, съ какою быстротой и съ какою смѣлой удалью дѣлали матросы свое трудное и опасное дѣло.

— Василій Леонтьичъ! Скоро ли!? — съ упрекомъ воскликнулъ капитанъ.

Старшій офицеръ пожалъ плечами.

— И безъ того люди рвутся! — отвѣтилъ Василій Леонтьевичъ.

Еще минута, безконечная минута...

И «Витязь» съ верху до низу, и съ боковъ и впереди по бугшприту, одѣлся парусиной и походилъ на гигантскую птицу съ опущенными крыльями.

Попрежнему на корветѣ царила тишина.

Минуту спустя поставлены были паруса и на судахъ французской эскадры.

Но торжество капитана было неполное.

Онъ сердился. Самолюбіе блестящаго капитана было уязвлено.

Еще бы!

Сегодня на «Витязѣ» поставили не съ обычной сказочной быстротой, приводившей въ изумленіе моряковъ, а на сорокъ секундъ позже, и «Витязь» опередилъ французовъ только на минуту.

— Прикажите команду во фронтъ, Василій Леонтьевичъ.

— Есть!

Черезъ минуту матросы стояли во фронтѣ.

Быстрой и рѣшительной походкой, приподнявъ голову, подошелъ Ракитинъ къ срединѣ фронта. Всѣ глаза были устремлены на капитана. Въ напряженныхъ взглядахъ была подавленность. Нѣсколько секундъ Ракитинъ молчалъ, остановивъ прищуренные серьезные глаза на одномъ матросѣ, стоявшемъ противъ него. И молодой марсовой еще больше и безсмысленнѣе выпячивалъ глаза на капитана.

— Не ожидалъ отъ васъ, ребята! Подгадили сегодня. Конались! — проговорилъ капитанъ строго и торжественно-мрачно.

И матросы словно бы почувствовали себя виноватыми. Лица стали еще напряженнѣе. Эффектъ вполнѣ удовлетворилъ капитана, и онъ, ужъ смягчая голосъ, продолжалъ:

— Смотри!.. Впредь не осрамитесь и меня не осрамите передъ французами. Увѣренъ... Вы вѣдь у меня молодцы...

— Рады стараться, вашескобродіе! — облегченно и весело рявкнули матросы.

Капитанъ велѣлъ разойтись, успокоенный, что «молодцы» не осрамятъ его и цѣнятъ слова капитана.

III.

Матросы считали Ракитина «молодчагой» по флотской части командиромъ.

Обрадованные «отдышкой» послѣ прежняго капитана, типичнаго «мордобоя», съ расточительностью наказывавшаго людей линьками, матросы находили, что новый командиръ хоть и донимаетъ службой и спѣшкой куда больше «мордобоя», но зато «доберъ». Дрался рѣдко и «съ разсудкомъ», зря въ штрафные не переводилъ «для всыпки», не очень уважалъ, чтобы офицеры занимались сильнымъ «босмъ», и не взыскивалъ за пьянство на берегу.

Они, почти не знавшіе отдыха и работавшіе какъ бѣшеные, въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что «подгадили» изъ-за сорока секундъ и мало стараются, чтобы не осрамить капитана и не осрамиться передъ французомъ.

И старый боцманъ Терентьичъ, самъ взвинченный словами капитана, возбужденно говорилъ на бакѣ матросамъ:

— Ужо постарайтесь, черти! Не осрамите капитана передъ французами, дьяволы! Другой по формѣ вышибъ бы всѣмъ марсовымъ зубы, а капитанъ—«молодцы, молъ»! Небось, при мордобоѣ лупцовали бы ваши спины, и не была бы у меня цѣла морда, если бы онъ распалился за что-нибудь... Еще счастье, что за секундъ не взыскивалъ..,

Многіе марсовые успокаивали боцмана.

— Не бойсь, Терентьичъ. Постараемся!

— Строгъ на сѣнку, а добрымъ словомъ...

— Обнадежилъ, значитъ... Молодцы, молъ.

— И не зудилъ... Не осрами—и шабашъ!

— Покажемъ, братцы, какъ закрѣпимъ паруса.

— То-то покажемъ!—подхватили многіе голоса.

И громче и возбужденнѣе прозвучалъ голосъ молодого, краснощекаго и жизнерадостнаго марсового Никѣева съ большими ласковыми черными глазами.

IV.

Въ то же время капитанъ говорилъ въ своей каютѣ старшему офицеру:

— Надѣюсь, Василій Леонтьичъ, мы утремъ носъ французамъ при уборкѣ парусовъ... Не подгадимъ. Прикажете сигару?

— Благодарю... я папироску... Чѣмъ же подгадили, Владиміръ Николаичъ? Развѣ что на сорокъ секундъ позже закрѣпили... Не велико опозданіе... И безъ того куда скорѣе.

— Не велико, а могло его не быть, Василій Леонтьичъ... И не должно быть... У насъ команда—молодцы! Съ ними можно и безъ порки... Умѣй только понимать психологію русскаго матроса... Я, слава Богу, знаю его!—самоувѣренно произнесъ Ракитинъ.

— Золотой народъ!—горячо проговорилъ Василій Леонтьевичъ. И виновато прибавилъ:—Иногда и ударишь... привычка... Но если за дѣло—не обижаются.

— А все лучше бы господамъ офицерамъ полегче... Того и гляди еще въ «Колоколъ» попадемъ... Неловко...

Шпилька была направлена въ старшаго офицера.

Онъ понялъ, но ничего не сказалъ.

— Кто это могъ сообщить про бывшаго командира «Витязя»... Читали?

— Читалъ... А кто сообщилъ—и не думалъ.

— Пожалуй, младшій механикъ Носовъ отличился. Тоже либералъ этотъ сынокъ старшаго писаря!—съ презрительнымъ высокомѣріемъ проговорилъ Ракитинъ. И, поморщившись, продолжалъ:—Въ каютъ-компаніи онъ проповѣдуетъ глупости... Какой-то механикъ, а тоже... Вы, Василій Леонтьичъ, не очень-то позволяйте этому механишкѣ... Мы на военномъ суднѣ... Чтобы онъ и не думалъ заниматься обличительной литературой. Живо сплавлю!—прибавилъ капитанъ, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ подчеркивая о своей власти «сплавить».

Василій Леонтьевичъ далеко не уважалъ этого «безпардоннаго карьериста», какимъ считалъ Ракитина. Онъ возмущался

его требованіями какой-то сказочной быстроты, и его высокомѣріемъ, и хвастовствомъ, что можетъ офицера сплавить, и самомнѣніемъ человѣка, воображающаго, что онъ одинъ сдѣлалъ «Витязь» такимъ образцовымъ судномъ, и пролазничествомъ, и нахальствомъ...

«Ишь задается хлыщъ! И мнѣ еще ни за что дѣлаетъ выговоры!» — подумалъ старшій офицеръ. Онъ вспыхнулъ и, сдерживая себя суровой школой дисциплины, офиціально-сухо отвѣтилъ:

— Андрей Петровичъ Носовъ,—нарочно назвалъ старшій офицеръ механика по имени и отчеству:—не говорилъ въ каютъ-компаніи возбудительныхъ рѣчей, за которыя я былъ бы въ правѣ его остановить. А что онъ говоритъ въ своей каютѣ или на берегу, до этого мнѣ нѣтъ дѣла. Я старшій офицеръ, а не сыщикъ-съ. И если вамъ угодно не позволить ему писать, коли Андрей Петровичъ пишетъ, то извольте ему приказать или прикажите мнѣ передать ваше приказаніе...

Блестящій капитанъ дорожилъ Василіемъ Леонтьевичемъ, какъ отличнымъ старшимъ офицеромъ, понялъ свою безтактность передъ нимъ и въ первое мгновеніе былъ огорошенъ словами Василія Леонтьевича, казалось, недалекаго и покладливаго служаки.

Тѣмъ было досаднѣе Ракитину, что онъ не смѣлъ оборвать старшаго офицера, который такъ настойчиво противорѣчилъ капитану и отказался исполнить его приказаніе, выраженное въ формѣ совѣта.

И Василій Леонтьевичъ, видимо, не желавшій сближенія съ Ракитинымъ съ перваго же дня его командирства, вызывалъ въ немъ теперь злобное чувство мелкой самолюбивой душонки.

Струсившій служебнаго разрыва, Ракитинъ и не показалъ вида неудовольствія. Напротивъ, словно бы удивленный, онъ самымъ любезнымъ товарищескимъ тономъ, желая очаровать старшаго офицера, проговорилъ:

— Да что вы, Василій Леонтьичъ... Извините, если я васъ безъ намѣренія обидѣлъ... Я и не думалъ дѣлать вамъ замѣчанія... И не имѣю повода... На-дняхъ слышалъ съ мостика черезъ открытый люкъ каютъ-компаніи слова механика, и мнѣ показалось... Васъ, вѣрно, не было... Я вѣдь знаю, что вы не допустите чего-нибудь предосудительнаго... Точно я не знаю, какой вы идеальный старшій офицеръ и незамѣнимый помощникъ, Василій Леонтьичъ!

«Экій подлецъ. Безъ всякихъ правилъ»,—подумалъ Василій Леонтьевичъ.

И, самъ честный человѣкъ, имѣвшій правила, отъ которыхъ

не отступалъ, онъ смягчился отъ комплиментовъ и извиненія блестящаго капитана.

— Я въ частномъ разговорѣ, по-товарищески, высказалъ вамъ, Василій Леонтьичъ,—говорилъ капитанъ еще мягче и вкрадчивѣе:—свое мнѣніе о механикѣ.

Пустивъ душистымъ дымкомъ хорошей гаванны, онъ продолжалъ:

— Между нами говоря, не люблю я штурмановъ, и механиковъ, и артиллеристовъ... Порядочные-таки хамы...

И сколько презрѣнія къ этимъ паріямъ флота было въ тонѣ Ракитина и сколько увѣренности, что старшій офицеръ вполнѣ съ нимъ согласенъ.

Хотя и Василій Леонтьевичъ не былъ лишенъ кастоваго предразсудка, но далеко не былъ такимъ ненавистникомъ офицеровъ корпусовъ, какъ Ракитинъ. И старшій офицеръ сказалъ:

— Наши штурмана, механики и артиллеристъ достойные офицеры, Владиміръ Николаевичъ!

— Еще бы были у меня лодыри!..

— И вполнѣ порядочные люди... А если не особенно показные... не свѣтскіе... такъ вѣдь это, я думаю, не порокъ, Владиміръ Николаевичъ!—проговорилъ Василій Леонтьевичъ.

— Очень радъ слышать такой отзывъ... Значитъ, наши... пріятное исключеніе...

Наступило молчаніе.

Старшій офицеръ поднялся съ кресла и спросилъ:

— Я вамъ больше не нуженъ, Владиміръ Николаичъ?

— Нѣтъ, Василій Леонтьичъ...

Когда Василій Леонтьевичъ вышелъ изъ каюты, Ракитинъ ненавидѣлъ своего старшаго офицера.

V.

На флагманскомъ кораблѣ поднятъ былъ сигналъ: «убрать паруса».

Матросы «Витязя» превзошли ожиданія даже Ракитина.

Они уже кончали крѣпить марселя и брамселя, когда французы еще начинали и только расходились по реямъ.

— Экія бабы!—произнесъ съ веселой улыбкой капитанъ и сталъ смотрѣть на реи «Витязя».

Марсовые точно волшебствомъ забирали мякоть подобранныхъ парусовъ марселей и связывали ихъ сезнями (бечевами), упираясь ногами на «нерты»—веревки, протянутыя вдоль рей.

Обѣщавшіе не «осрамить» капитана марсовые, съ возбужденными, вспотѣвшими и раскраснѣвшимися лицами, торопились, словно обезумѣвшіе, для которыхъ мгновеніе—сокровище. Ка-

залось, въ эти секунды они не знали чувства самосохраненія и забыли, что тонкіе веревочные «нерты», качавшіеся отъ движенія сильныхъ и цѣпкихъ ногъ, были опасной опорой, требующей осторожности и владѣнія нервами.

А восхищенный капитанъ, предчувствовавшій торжество побѣды, только любовался, какъ бѣшено рвутся и «идеально» крѣпятъ марселя «молодцы», покачивающіеся на высотѣ рей.

Старшій офицеръ, напротивъ, взволнованный, съ тревогой смотрѣлъ наверхъ. Бѣшеная торопливость марсовыхъ возбуждала опасенія, и совѣсть его была неспокойна. И онъ взволнованно крикнулъ:

— Марсовые! Осторожнѣе! Крѣпче держитесь, братцы!

Ракитинъ метнулъ на старшаго офицера злой взглядъ и насмѣшливо кинулъ ему:

— Марсовые не бабы, Василій Леонтьичъ!

— Люди, Владиміръ Николаичъ!—значительно и возбужденно отвѣтилъ онъ.

— Знаю-съ, что люди!—надменно сказалъ капитанъ, краснѣя отъ негодованія, что его учатъ.

И только-что онъ это сказалъ, какъ передъ его глазами съ гротъ-марса-рея сорвался человѣкъ.

Что-то бѣлое ударилось о ванты, отбросилось вбокъ и звучно шлепнулось о палубу.

Ни крика ни стона.

Работавшіе на шканцахъ матросы ахнули и отвернулись отъ недвижнаго человѣка, вокругъ котораго палуба окрасилась кровью.

Голова была размозжена, но красивое молодое лицо марсового Никѣева уцѣлѣло. Большіе черные глаза выкатились, померкнувшіе въ застывшемъ взглядѣ ужаса.

Многіе торопливо перекрестились.

Гротъ-марсовые невольно взглянули внизъ и снова стали вязать сезни. Безумный пылъ исчезъ. Явилось вдругъ чувство самосохраненія.

— Въ лазаретъ человѣка!—скомандовалъ старшій офицеръ.

Голосъ его дрогнулъ. Василій Леонтьевичъ не смотрѣлъ на убитаго.

Боцманъ Никитинъ уже прикрылъ его размозженную голову, и двое шканечныхъ отнесли Никѣева внизъ. Матросы отводили глаза отъ убитаго, крестились и снова трекали снасти. Офицеры поторапливали. Прибѣжалъ блѣдный и испуганный судовой врачъ. Какой-то старый баковый матросъ, забулдыга и пьяница Копчиковъ, крѣпившій кливеръ, промолвилъ вполголоса:

— Тоже спѣшка. Вотъ и спѣшка!

— Молчать! — окрикнулъ первый лейтенантъ, распоряжавшійся на бакѣ.

Работы горѣли.

— Марсовые съ марсовъ и салинговъ долой!—скомандовалъ Василій Леонтьевичъ.

Въ его командѣ не было прежняго возбужденія. Убитый не выходилъ изъ его головы.

«Витязь» былъ побѣдителемъ.

Еще на французской эскадрѣ не были убраны паруса, а «Витязь» красовался съ оголенными мачтами. Снасти были убраны.

Несмотря на торжество русскаго корвета, на палубѣ стояла зловѣщая тишина только-что бывшаго несчастья.

Потрясенные матросы притихли и угрюмо молчали, стоя у своихъ снастей.

Только забулдыга Колчиковъ тихо говорилъ съ иронической поткой въ сипломъ пропитомъ голосѣ двумъ товарищамъ:

— А вы рвись, такіе-сякіе... Подыхай изъ-за секунда!.. Зато молодцы! А ему начхать, что Егорка расшибся... Ты погляди, что ему... Это не «Волчокъ»... У того душа!

Дѣйствительно, блестящій капитанъ былъ подъ впечатлѣніемъ торжества.

Напрасно онъ старался принять озабоченный видъ. Въ его еще торжествующемъ лицѣ было лишь выраженіе досады, когда онъ произнесъ, обращаясь къ старшему офицеру:

— Экій неосторожный матросъ...

И, не получивъ отвѣта, спросилъ:

— Кто сорвался, Василій Леонтьичъ?

— Егоръ Никѣевъ... Уже второе несчастье въ теченіе мѣсяца! — взволнованно-сердито проговорилъ старшій офицеръ. И скомандовалъ:—Подвахтенные внизъ!

Капитанъ, раздраженный и еще выше поднявшій голову, ушелъ въ каюту.

Разговаривая между собой, офицеры спускались въ каютъ-компанію.

Мичманъ Лазунскій вскочилъ на мостикъ, вступая на вахту.

Разстроенный и грустный, словно бы желая подѣлиться съ кѣмъ-нибудь тяжелымъ настроеніемъ, онъ сказалъ старшему офицеру:

— И если бы вы знали, Василій Леонтьичъ, какой былъ славный Никѣевъ!

— Знаю. Всякаго было бы жаль. Человѣкъ!—раздумчиво и серьезно промолвилъ Василій Леонтьевичъ.

— Еще бы... Конечно, всякаго, Василій Леонтьичъ...

И, мгновенно вспыхивая, чуть не со слезами въ голосѣ, точно боялся, что Василій Леонтьевичъ можетъ дурно подумать о мичманѣ, Лазунскій торопливо и застѣнчиво прибавилъ:

— Вы не подумайте обо мнѣ, Василій Леонтьичъ, будто я...

— Что вы, что вы, Борисъ Алексѣичъ?.. Я думаю... я увѣренъ, что вы славный юный мичманъ... Такимъ и останьтесь, когда будете капитаномъ!—ласково сказалъ Василій Леонтьевичъ. И, уходя, прибавилъ:—Панихида будетъ въ одиннадцать... И половину вахтенныхъ отпустите внизъ...

— Есть, Василій Леонтьичъ!—отвѣтилъ мичманъ.

А глаза его говорили:

«И какой добрый этотъ Василій Леонтьевичъ».

VI.

Черезъ полчаса старшій офицеръ прошелъ въ лазаретъ. У двери стояла толпа, ожидая очереди. Въ маленькой каютѣ лазарета толпились матросы, пришедшіе взглянуть на покойника и, перекрестившись, поцѣловать его лобъ.

Уже обмытый и одѣтый въ чистые штаны и рубаху, съ парусинными башмаками, онъ лежалъ на койкѣ. Голова покоилась на подушкахъ. Глаза были закрыты, и уже мертвенно пожелтѣвшее лицо казалось спокойнымъ, съ тѣмъ выраженіемъ какого-то важнаго недоумѣнія, которое часто бываетъ у покойниковъ. Образной читалъ псалтирь.

Василій Леонтьевичъ постоялъ минуту-другую, не спуская глазъ съ покойника, потомъ перекрестился, поклонился ему и вышелъ, испытывая тяжелое чувство виноватости.

— Послать ко мнѣ въ каюту боцмана! — приказалъ вѣстовому Василій Леонтьевичъ.

Черезъ минуту Терентьичъ вошелъ въ каюту старшаго офицера.

Василій Леонтьевичъ велѣлъ покойника перенести въ палубу передъ образомъ и сказалъ, что панихиды будутъ два раза въ день, а черезъ день его похоронятъ на французскомъ кладбищѣ.

— Чтобы взводъ провожалъ, и можетъ идти на похороны, кто пожелаетъ.

— Есть, ваше благородіе...

— Да вотъ еще что, Кирилловъ... Узнай, изъ какой деревни покойный Никѣевъ и живы ли у него родители?..

— Никого у его въ живыхъ, ваше благородіе...

— Такъ, можетъ, близкіе кто у него на родинѣ...

— Точно такъ, ваше благородіе, и по той причинѣ дозвольте разрѣшить...

— Что?

— Собственныя вещи Никѣева отправить на родину. Покойникъ безпремѣнно наказывалъ своему земляку Иванову... Ежели, говоритъ, случаемъ расшибусь, отпиши въ Кронштадтъ и безъ промедленія отправь вещи...

— Хорошо. Я отправлю. А какія вещи?..

— По малости бабьи гостинцы, ваше благородіе! На платье штучку, два колечка, платокъ и сорокъ франковъ... Покойный не занимался виномъ, ваше благородіе.

— Ладно. Принеси мнѣ. И адресъ дай.

— Очень благодарны, ваше благородіе... Душевный былъ матросикъ. Простой. Вся команда жалѣетъ... Горячъ былъ на работѣ. Изъ-за горячности и сорвался. Хвасталъ не осрамить капитана. И не осрамилъ, ваше благородіе!

— А кому же послать... Кто она?..

— Въ законный бракъ съ ей собирался, ваше благородіе, какъ «Витязь» вернется. Той самой невѣстѣ и копилъ гостинцы. Пригвоздила, значитъ, покойнаго Егорку эта въ родѣ не то, съ позволенія сказать, въ родѣ дѣвицы, матросская дочка. И сама пригвоздимшись... Три года съ нимъ зналась, какъ мужняя жена... И часто отписывала ему... Только и была близкая ему.

— А отчего Никѣевъ, такой молодецъ, думалъ, что убьется?..

— Такъ, зря болталъ, а вышло быдто чуялъ судьбу, ваше благородіе... Азартный былъ сердцемъ. А капитанъ еще давече приказывалъ не подгадить... И лестно такъ... Никѣевъ и распалился... И дозвольте, ваше благородіе, еще доложить...

— Что?.. говори!

— Очень эта спѣшка самая можетъ извести команду... Такъ попросили бы командира... Онъ доберъ... Дастъ ослабку, ваше благородіе...

Василій Леонтьевичъ сморщился и обѣщалъ поговорить.

Послѣ похоронъ матроса старшій офицеръ осторожно поговорилъ съ капитаномъ... и разговоръ кончился тѣмъ, что Василій Леонтьевичъ списался съ корвета и уѣхалъ въ Россію.

Блестящій капитанъ былъ не по душѣ старшему офицеру.

НА НОЧНЫХЪ ВАХТАХЪ.

I.

О чемъ мечталъ мичманъ?

I.

Эта ночь въ Атлантическомъ океанѣ, подъ сѣверными тропиками, градусахъ въ пяти отъ экватора, была волшебной, чарующей ночью.

Небо сверкало звѣздами, точно брильянтами на темномъ бархатѣ. Лѣниво, словно бы нехотя плывущая полная луна глядѣла сверху задумчиво-томной красавицей и лила свой серебристо-блѣдный свѣтъ, побѣждая мракъ тропической ночи и придавая ей еще бо́льшую прелесть. Океанъ притихъ, точно дремалъ, нѣжась подъ луннымъ сіяніемъ, и волны тихо и ласково шептались одна съ другою. И отъ нихъ и отъ мягкаго пассатнаго вѣтра вѣяло нѣжной прохладой, столь желанной послѣ палящихъ лучей тропическаго солнца. Одѣтый съ верху до низу своихъ трехъ высокихъ мачтъ парусами, имѣя ихъ и между мачтами и впереди у бугшприта, военный клиперъ «Русалка» легко и граціозно скользитъ по соннымъ, тихо переливающимся, но все-таки могучимъ волнамъ среди волшебнаго полусвѣта, весь залитый лучами мѣсяца, направляясь къ югу.

И, съ плескомъ, похожимъ на ласковый шопотъ, волны нѣжно лижутъ со всѣхъ сторонъ слегка покачивающуюся «Русалку», загораясь отъ прикосновенія къ ней ослѣпительнымъ фосфорическимъ блескомъ и разсыпая алмазную пыль своихъ гребешковъ.

И кажется, будто «Русалка» плыветъ въ какомъ-то волшебномъ водяномъ царствѣ, полномъ чудесъ, въ каймѣ рас-

топленнаго серебра, оставляя за кормой блестящій слѣдъ въ видѣ широкой серебристой ленты, исчезающей вдали.

Всѣ спятъ, кромѣ вахтеннаго офицера и вахтеннаго отдѣленія матросовъ.

На «Русалкѣ» и вокругъ тишина.

Слышатся только словно бы вздохи океана да однообразно-тихій гулъ воды, разсѣкаемой клипером, — гулъ, напоминающій лепетъ морского прибоя во время штиля, да по временамъ пониженные до шопота голоса вахтенныхъ матросовъ, разгоняющихъ сказкой или бывальщиной незамѣтно подкрадывающуюся дрёму.

II.

Юный мичманъ Николай Лютиковъ, худощавый, стройный и свѣжій блондинъ съ большими ласковыми глазами, едва пробивавшейся бородкой и маленькими усиками, казавшійся при лунномъ освѣщеніи еще пригожѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, только-что вступилъ на вахту съ полуночи до четырехъ.

Онъ повѣрилъ часовыхъ, осмотрѣлъ огни, убѣдился, что паруса стоятъ хорошо и всѣ шкоты дотянуты до мѣста, поднялся на мостикъ и, оглядываясь вокругъ, замеръ отъ восторга, нѣмѣющій и умиленный волшебной красотой ночи.

Охваченный ея властными чарами, онъ очень скоро охотно и неосмотрительно отдается во власть воспоминаній объ иныхъ чарахъ, которыя еще такъ недавно сводили его съ ума. Основательно ими отравленный, онъ все еще не можетъ отъ нихъ избавиться, несмотря на два мѣсяца разлуки съ воплощеніемъ этихъ чаръ, на свои двадцать два года, изрядное легкомысліе, насмѣшки сослуживцевъ, укорительныя письма матери и несмотря даже на то, что съѣзжалъ на берегъ и въ Копенгагенѣ и въ Лондонѣ и ѣздилъ изъ Шербурга на три дня въ Парижъ.

Это былъ совсѣмъ «диковинный» мичманъ, какъ выражался молодой судовой врачъ Василій Пароновичъ, любившій объяснять всѣ явленія анатомически, физіологически и химически и возлагавшій большія надежды на съѣзды на берегъ.

— Господи! Что за дивная ночь! — взволнованно шепчетъ мичманъ.

Онъ шепчетъ, готовый заплакать, полный тоскливаго томленія и жажды какого-то такого необыкновеннаго, захватывающаго счастья, о какомъ можно мечтать только въ чинѣ мичмана, да еще въ такую волшебную ночь и на такой покойной вахтѣ, когда вахтенному начальнику почти-что нечего дѣлать.

И онъ ходитъ по мостику въ приподнятомъ нервномъ настроеніи, жадно вдыхая ночную прохладу, мечтательно взглядываетъ и на мигающія звѣзды, и на самодовольно-красивую луну, и на сонный океанъ, и прислушивается къ его тихимъ, словно бы жалобнымъ вздохамъ.

Но на что ни глядитъ теперь мичманъ, онъ все-таки видитъ неотступно передъ собой гибкую, какъ ива, стройную, какъ пальма, по его мнѣнію, обворожительную черноглазую женщину, краше, милѣй и привлекательнѣй которой не было, нѣтъ, да, разумѣется, и не будетъ на свѣтѣ женщины, что̀ тамъ ни говори докторъ и «испанскій грандъ» (какъ звали смугло-желтаго брюнета и большого лодыря, лейтенанта Анчарова) насчетъ его ослѣпленія Ниной Васильевной, женой чрезмѣрно тучнаго и потому не особенно счастливаго въ семейной жизни капитана перваго ранга Ползикова.

«Идіоты! Если бы они знали!»

Положительно Лютиковъ былъ самый диковинный и нелѣпый мичманъ среди всѣхъ мичмановъ балтійскаго и черноморскаго флотовъ и недаромъ ставилъ втупикъ судового врача, не оправдывая его физіологическихъ и химическихъ объясненій.

Казалось бы, громадность разстоянія между тропиками и Кронштадтомъ способна отрезвить самое пылкое воображеніе. Казалось бы, кое-что значило и то обстоятельство, что въ Порто-Гранде—послѣдней стоянкѣ клипера—не было нетерпѣливо ожидаемаго письма за № 20 въ отвѣтъ на его обширное посланіе за № 52 (это въ два мѣсяца) въ прозѣ, а частью и въ стихахъ, обращенныхъ однако не къ «Нинѣ», а къ какой-то королевѣ неизвѣстнаго государства—Стеллѣ, единственнымъ и дѣйствительно настоящимъ вѣрноподданнымъ которой былъ обезумѣвшій мичманъ. Наконецъ и фотографія «королевы», снятая передъ уходомъ «Русалки» въ плаваніе и хранившаяся въ шифоньеркѣ мичмана, была такая скверная и такъ мало похожа на «обворожительную», что не могла вызывать милаго образа. Что же касается до прядки черныхъ волосъ, свернутой калачикомъ и хранившейся подъ стекломъ въ медальонѣ, висѣвшемъ на часовой цѣпочкѣ, то и эта «память» едва ли могла приводить въ состояніе невмѣняемости человѣка, понимающаго разницу между стекломъ и женскими губами.

А между тѣмъ «властительница думъ» и настроеній мичмана теперь снова была та самая чаровница лѣтъ тридцати (а, быть-можетъ, и съ хвостикомъ), которую мичманъ, влюбленный, какъ воробей, ревнивый, какъ старый мужъ молодой жены, и бѣшеный, какъ тетеревъ по веснѣ, чуть ли не еже-

дневно въ теченіе шестимѣсячнаго знакомства считалъ то мадонной, на которую готовъ былъ молиться, то такою лживой, бездушной, легкомысленной и коварной женщиной, какой не существовало еще въ подлунной,—хотя и были Лукреція Борджіа и Мессалина,— и которую слѣдуетъ убить и затѣмъ застрѣлиться самому, предварительно однако отравившись ея горячими поцѣлуями, чтобы провести послѣднія минуты жизни счастливо.

И если Нина Васильевна и мичманъ до сихъ поръ были живы, то единственно потому, что госпожа Ползикова въ моменты такой кровожадности мичмана умѣла внезапно превращаться въ мадонну.

Такъ мичманъ и ушелъ въ кругосвѣтное плаваніе, не уяснивъ себѣ окончательно, мадонна ли Нина или коварная дама, но все-таки влюбленный до безумія въ обѣ разновидности одного и того же лица.

III.

Ночь такъ обаятельна, ночь такъ опьянительна, что мичманъ, сперва-было великодушно пожелавшій Нинѣ всѣхъ благъ и радостей безъ собственнаго въ нихъ участія, внезапно, при одной мысли, что Нину можетъ цѣловать какой-нибудь другой мичманъ, мѣняетъ свое самоотверженное рѣшеніе. Онъ озаренъ счастливой идеей о томъ, что высшее на землѣ счастіе, по крайней мѣрѣ для него, мичмана Лютикова, въ гербѣ котораго недаромъ же два лютика, соединенныхъ въ клювѣ аиста, олицетворявшаго постоянство, не командовать клипером, не сдѣлаться адмираломъ, не искать славы, почестей и богатства,—все это ерунда,—а очутиться сейчасъ же, сію минуту, не дожидаясь смѣны съ вахты, на какомъ-нибудь малообитаемомъ, а то и на необитаемомъ, но во всякомъ случаѣ никому неизвѣстномъ островѣ вмѣстѣ съ Ниной Васильевной, среди такого же чуднаго океана и въ такую же волшебную ночь, — очутиться, чтобы взять ея обѣ маленькія, душистыя руки съ длинными, тонкими пальцами въ свои, заглянуть поглубже въ ея большіе лучистые глаза и высказать ей все, рѣшительно все, чего не успѣлъ онъ высказать въ теченіе шести мѣсяцевъ, хотя и бывалъ у Нины чуть ли не ежедневно, болтая сперва какъ сорока, пока вдругъ не смолкъ и только вздыхалъ и наконецъ снова не заговорилъ счастливыми восторженными восклицаніями послѣ безмолвныхъ и долгихъ поцѣлуевъ.

И послѣ того, какъ онъ все ей выскажетъ, она убѣдится въ безпредѣльности и силѣ его любви, — убѣдится, что такъ

«свято» ее никто не любилъ и не будетъ любить, и не станетъ его мучить, какъ мучила, мѣняя нѣсколько разъ въ часъ свое настроеніе и дѣлая его то безконечно счастливымъ (когда бывала мадонной), то безконечно несчастнымъ (когда говорила, чтобы онъ уходилъ навсегда); она пойметъ странность своего отношенія, не станетъ больше приводить его въ ужасъ своими рѣзкими переходами отъ ласки къ выраженію презрѣнія и не будетъ питать его ревность на необитаемомъ островѣ, кокетничая, за неимѣніемъ мичмановъ, съ чайками.

О, она раскается за то, что терзала такъ бѣднаго мичмана, и, вся просвѣтленная, послѣ объясненія скажетъ:

— Никсъ! Я люблю тебя одного. Я твоя, и я только твоя и никуда не хочу съ необитаемаго острова. Даже Гостиный дворъ позабуду ради твоего счастія!

Разумѣется, не предполагалось, чтобы на необитаемый островъ могли прибыть капитанъ перваго ранга Ползиковъ или — что было бы еще ужаснѣе — нѣсколько поклонниковъ-мичмановъ, присутствіе которыхъ, особенно по одиночкѣ, около кокетливой Нины вызывало въ Лютиковѣ,—имѣвшемъ нѣкоторыя основанія считать себя немножко любимымъ и быть по временамъ самымъ счастливымъ мичманомъ въ мірѣ,—бѣшеное желаніе отправить всѣхъ этихъ господъ на тотъ свѣтъ или, по меньшей мѣрѣ, сдѣлать изъ ихъ болѣе или менѣе обворожительныхъ, хотя, разумѣется, и «подлыхъ» лицъ нѣчто, похожее на рубленыя котлеты.

Вотъ почему, мечтая теперь о Нинѣ, мичманъ забылъ, какъ она его изводила, съ какой-то веселой жестокостью играя его настроеніями. Напротивъ, онъ благодарно вспоминалъ о томъ, какъ она его цѣловала, и, считая теперь Нину только мадонной и ничѣмъ болѣе, еще сильнѣе рвался на необитаемый островъ.

Затѣмъ мечты его вдругъ прервались воспоминаніями.

Начавши ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, то-есть съ маленькихъ атласныхъ рукъ, на которыхъ не было, казалось, ни одной точки, пропущенной жадными губами пылкаго мичмана, онъ незамѣтно поднялся духовными очами до шеи, красивой, точно выточенной шеи, потомъ до прелестнаго лица, съ парой черныхъ, неотразимо притягивающихъ глазъ, взглядъ которыхъ, казалось, сулилъ безграничное счастье, глядѣлъ на лобъ, на щеки, на брови и особенно долго на алыя полураскрытыя губы, изъ-за которыхъ сверкали ослѣпительные мелкіе зубки, затѣмъ стремительно опустился къ ногамъ въ шелковыхъ ажурныхъ чулкахъ и красныхъ туфелькахъ и...

Изъ груди мичмана вдругъ вырвался такой громкій вздохъ, что стоявшій вблизи и клевавшій носомъ молодой сигналь-

щикъ Ефремовъ мгновенно встрепенулся и, думая, что мичманъ его кличетъ, поспѣшилъ кликнуть:

— Есть, ваше благородіе!

Несмотря на тоскливо-нервное свое настроеніе, Лютиковъ невольно улыбнулся и, приблизившись къ сигнальщику, съ обычнымъ своимъ добродушіемъ спросилъ:

— Вѣрно, вздремнулъ, братъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Маленько задумался.

— Задумался?

— Точно такъ, ваше благородіе. Въ задумчивость вошелъ. Ночь такая.

— Это правда: чудная ночь.

— Ахтительная, ваше благородіе. Въ Рассеѣ такихъ нѣтъ.

— О чемъ же ты задумался, Ефремовъ?

— Такъ, обо всякой, значитъ, всячинѣ, ваше благородіе.

— Ты женатъ?

— Въ холостомъ званіи состою, ваше благородіе.

— Такъ, можетъ, ты думалъ...

Мичманъ запнулся и неожиданно спросилъ:

— Ты любишь какую-нибудь женщину, Ефремовъ?

Сигнальщикъ на минуту опѣшилъ. Но вслѣдъ затѣмъ усмѣхнулся нѣсколько самодовольной улыбкой и отвѣтилъ:

— Безъ эстаго никакъ нельзя, ваше благородіе. Какая баба подвернется, тую и любишь. Извѣстно, матросское званіе: на брасахъ не зѣвай!

Оскорбленный такою профанаціей, мичманъ не продолжалъ разговора и снова зашагалъ по мостику, продолжая мечтать о своей «королевѣ».

IV.

Но теперь мечты его приняли другое направленіе. Онъ уже не на необитаемомъ островѣ, а въ Петербургѣ, куда только-что пріѣхалъ, возвратившись изъ кругосвѣтнаго плаванія по болѣзни, какъ только получилъ отъ Нины письмо, въ которомъ она пишетъ, что мужъ умеръ...

И мичманъ, безжалостно отправивъ на тотъ свѣтъ капитана перваго ранга Ползикова, торопится къ Нинѣ Васильевнѣ. Она теперь свободна и слѣдовательно имѣетъ возможность видѣть мичмана не только часто, какъ ей хочется, судя по послѣднему ея письму за № 20, но постоянно, сдѣлавшись его женой.

Вотъ онъ подъѣхалъ къ дому, въ которомъ помѣстила ее пылкая фантазія мичмана, взбѣгаетъ на лѣстницу, звонитъ, входитъ въ ея маленькую, но хорошенькую, конечно, квартиру и... Господи! Да какъ же она хороша въ глубокомъ траурѣ!

Онъ цѣлуетъ ея руки, глаза, волосы, шею, щеки, губы и только послѣ того умоляетъ ее быть его женой. Она сперва говоритъ о разницѣ лѣтъ: ему 22, ей 30, но скоро соглашается. Еще бы не согласиться! Недаромъ же ея письма говорятъ о томъ, какъ безъ него скучно, очень скучно.

И все складывается въ мечтахъ мичмана удивительно хорошо. Даже финансовый вопросъ разрѣшается безъ малѣйшихъ затрудненій выходомъ мичмана въ отставку съ полученіемъ мѣста съ хорошимъ жалованьемъ, тысячи полторы-двѣ въ годъ, и они отлично заживутъ...

Мичманъ представляетъ себѣ, какъ они заживутъ, но представленія его ограничиваются лишь поцѣлуями, которыми онъ теперь можетъ пользоваться à discrétion и безъ всякаго страха, что въ гостиную неожиданно войдетъ капитанъ перваго ранга Ползиковъ или влетитъ этотъ болванъ вѣстовой Егоровъ, совсѣмъ не соображавшій, какъ надо входить въ гостиную, когда тамъ сидитъ мичманъ вдвоемъ съ Ниной Васильевной. Не помѣшаютъ и мичманы. Во-первыхъ, они будутъ жить не въ Кронштадтѣ, а въ Петербургѣ, и, во-вторыхъ, онъ такъ-таки и не велитъ никого принимать. Ни единой души. Они будутъ всегда вдвоемъ. И выходить изъ дому будутъ всегда вдвоемъ.

Однако мысль о томъ, что придется по утрамъ ходить на службу, куда никакъ нельзя брать Нину съ собой, возбуждаетъ въ мичманѣ ревнивое подозрѣніе насчетъ того, что въ его отсутствіе кто-нибудь изъ этихъ подлецовъ-мичмановъ можетъ являться съ визитомъ и мало того, что разговаривать съ Ниной, но и нахально цѣловать ея руки... Она нѣсколько легкомысленно-свободно относится къ тому, что у нея цѣлуютъ руки, и это обстоятельство бывало не разъ однимъ изъ мотивовъ, по которымъ мичманъ послѣ бурной сцены уходилъ мрачный, съ зарождающимися мыслями убить Нину Васильевну и потомъ застрѣлиться самому.

Болѣе другихъ возмущалъ его «подлецъ» Ракушкинъ, смуглолицій, красивый и фатоватый мичманъ, декламировавшій стихи и игравшій на фортепіано «съ большимъ чувствомъ», по словамъ многихъ дамъ. Возмущалъ онъ его главнымъ образомъ потому, что въ качествѣ товарища и бывшаго друга зналъ, что Лютиковъ влюбленъ въ Нину Васильевну, и вмѣсто того, чтобы не мѣшать ему, какъ слѣдовало бы порядочному человѣку, и ухаживать за женою какого-нибудь другого чрезмѣрно тучнаго или чрезмѣрно худого капитана перваго ранга, онъ сталъ ухаживать (и именно вскорѣ послѣ того, какъ Лютиковъ открылъ свою тайну, извѣстную, впрочемъ, всему Кронштадту, за исключеніемъ капитана перваго ранга Ползикова)

за Ниной Васильевной, торчалъ по цѣлымъ часамъ, не спуская съ нея глазъ, и съ особеннымъ чувствомъ игралъ ноктюрны Шопена и добивался-таки того, что Лютиковъ демонстративно уходилъ мрачный, чувствуя себя безконечно несчастнымъ и готовымъ убить Ракушкина, если бы... И только записочка Нины Васильевны, звавшей его вечеромъ «поскучать вдвоемъ», успокаивала его вмѣстѣ съ увѣреніями «мадонны», что пока ей, кромѣ Лютикова, никто не нравится.

Но теперь, на ночной вахтѣ, въ пятидесяти градусахъ разстоянія отъ Кронштадта, при невозможности имѣть успокаивающую записочку, мичманъ терзается ревностью, и ему снова кажется, что поселиться на необитаемомъ островѣ было бы лучше, чѣмъ въ Петербургѣ..

Однако и необитаемый островъ, и супружеское счастіе въ Петербургѣ, и горячіе поцѣлуи — все это вдругъ вылетаетъ изъ головы мичмана, и напрасно онъ старается возвратиться къ этимъ мечтамъ, приводившимъ его въ пріятное настроеніе. Всѣ его мысли сосредоточены на Ракушкинѣ и на Нинѣ, которая снова представляется ему уже не «мадонной», а прямотаки лживой и бездушной женщиной, съ которой онъ на свое несчастье только встрѣтился. Въ этотъ именно часъ (а въ Кронштадтѣ теперь около часа пополудни, — мысленно перевелъ время Лютиковъ) Ракушкинъ сидитъ около Нины Васильевны на томъ же самомъ небольшомъ диванчикѣ, на которомъ вдвоемъ такъ удобно сидѣть и на которомъ такъ часто сидѣлъ и онъ. Ивана Ивановича Ползикова, по обыкновенію, нѣтъ дома. «Засиживается въ канцеляріи, дуракъ, вмѣсто того, чтобы торопиться домой»,—мысленно покорилъ теперь мичманъ тучнаго капитана перваго ранга за то именно, за что еще недавно, когда самъ сидѣлъ на диванчикѣ, очень хвалилъ, находя его однимъ изъ энергичныхъ и дѣятельныхъ экипажныхъ командировъ.

И Ракушкинъ безъ всякаго стѣсненія говоритъ теперь Нинѣ о своей любви и умоляетъ позволить ему поцѣловать ея руку... Она слушаетъ этого «мерзавца» и, безсовѣстная, забываетъ, что еще два мѣсяца тому назадъ, на самомъ этомъ диванчикѣ... она забываетъ, что писала въ письмахъ, какъ скучаетъ безъ него, все забыла, коварная, и вмѣсто того, чтобы прогнать, какъ бы слѣдовало, Ракушкина, продолжаетъ улыбаться, слушая его, и—главное!—не отнимаетъ своей руки...

Эта картина такъ живо и ярко представляется мичману, что сердце его замираетъ, затѣмъ негодованіе охватываетъ все его существо, и онъ, полный отчаянія и злобы, самъ не замѣчаетъ, какъ говоритъ вслухъ:

— Безсовѣстная!.. Подлецъ, подлецъ!—нѣсколько разъ повторяетъ мичманъ, угрожая Ракушкину изъ-подъ пятаго градуса широты и готовый непремѣнно бросить его въ океанъ, предварительно, конечно, давъ ему въ морду и сказавши, что такъ поступаютъ только Іуды-предатели.

— Есть!—снова раздался неестественно-громкій окрикъ сигнальщика Ефремова.

Пробудившись отъ дремоты, близкой къ настоящему сну, которой сигнальщикъ предавался хотя и не въ особенно удобномъ положеніи,—стоя съ подзорной трубой въ рукахъ и прислонившись къ поручнямъ мостика,—но все-таки довольно основательно, Ефремовъ на этотъ разъ явственно слышалъ, какъ вахтенный начальникъ ругался подлецомъ, и, нимало не сомнѣваясь, что выругали именно его за то, что онъ снова «маленько задумался», поторопился доказать своимъ бодрымъ и громкимъ окрикомъ, что онъ бодрствуетъ.

— Ты что кричишь? Опять дрыхнешь?—не безъ раздражительной нотки спросилъ, останавливаясь, мичманъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Вы изволили меня обругать подлецомъ... Но только, осмѣлюсь доложить, я не дрыхалъ.

— Я не тебя!—проговорилъ мичманъ.

— Виноватъ, ваше благородіе...

А мичманъ снова заходилъ, и снова воображеніе его представило Нину Васильевну рядомъ съ Ракушкинымъ, который цѣловалъ ужъ не руки, а тѣ самыя губы...

И волшебная ночь потеряла для него всякую прелесть. И онъ чувствовалъ теперь себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ, какимъ только можетъ быть мичманъ въ двадцать два года.

V.

Прошелъ мѣсяцъ.

Лютиковъ опять стоялъ на вахтѣ съ полуночи до четырехъ въ то время, какъ «Русалка» подъ парами шла къ выходу изъ Зондскаго пролива, направляясь послѣ недѣльной стоянки въ Батавіи въ Сингапуръ.

Опять была волшебная ночь, но мичманъ ужъ не мечталъ такъ, какъ раньше. И самъ онъ измѣнился: похудѣлъ, поблѣднѣлъ послѣ болѣзни.

И онъ ее еще не пережилъ, эту болѣзнь молодости, этотъ первый ударъ, полученный имъ въ видѣ нѣсколькихъ строкъ отъ Нины Васильевны, полученныхъ имъ въ Батавіи.

Эти строки гласили: «Не пишите болѣе. Такъ будетъ лучше для насъ обоихъ».

Мичманъ только ахнулъ, прочитавъ эти строки. Еще въ послѣднемъ письмѣ она писала, что любитъ его, и вдругъ: «не пишите болѣе»...

Онъ бросился въ койку и зарыдалъ, какъ малый обиженный ребенокъ, и сквозь слезы шепталъ:

— За что? За что?

Онъ цѣлый день не выходилъ изъ своей каюты и не находилъ отъ тоски себѣ мѣста.

Но еще обиднѣе и больнѣе было ему, когда на другое утро «испанскій грандъ» сказалъ ему:

— А знаете, Коленька, какія извѣстія изъ Кронштадта?

— Какія?

— Дама вашего сердца... госпожа Ползикова обратила особенное вниманіе на мичмана Ракушкина, и онъ теперь при ней безотлучно...

— Ну такъ что-жъ?—вызывающе крикнулъ весь блѣдный Лютиковъ.

— Ничего... Я вамъ только сообщаю новость,—лѣниво протянулъ «испанскій грандъ».

А докторъ, улыбаясь, прибавилъ:

— Не ждать же ей диковиннаго мичмана три года...

— Она не ждала ни меня и никого не ждетъ.. И всѣ эти извѣстія—подлыя сплетни... И я васъ вызываю на дуэль!—вдругъ неестественно-громко выкрикнулъ Лютиковъ «испанскому гранду», а самъ трясся точно въ лихорадкѣ.

— Вы, Николай Николаевичъ, того... напрасно волнуетесь... Лучше на берегъ, голубчикъ, съѣздите,—замѣтилъ докторъ.

— А вы меня за что на дуэль?—добродушно спросилъ «грандъ».

Мичманъ отвѣтилъ:

— Вы не смѣете такъ о ней говорить.

— Да что я сказалъ?

— Про Ракушкина... Это вздоръ... Этого не можетъ быть... И я не позволю такъ говорить о порядочной женщинѣ!

Насилу его успокоили и заставили просить извиненія у «гранда».

Всѣ пять дней, что клиперъ стоялъ въ Батавіи, Лютиковъ пробылъ у себя въ каютѣ и лежалъ на койкѣ. Напрасно докторъ нѣсколько разъ заходилъ къ нему, рекомендуя съѣздить на берегъ.

Мичманъ сердито отказывался.

И теперь, нѣсколько успокоившійся, хотя все еще не пережившій перваго своего разочарованія, онъ мечтаетъ о томъ, съ какимъ ледянымъ равнодушіемъ онъ взглянетъ на Нину

Васильевну, когда вернется въ Россію... Ракушкину не поклонится... Пройдетъ мимо, осмотритъ ихъ обоихъ съ холоднымъ презрѣніемъ и...

«Какіе всѣ люди подлые!»—мысленно говоритъ мичманъ и тутъ же рѣшаетъ не любить больше никого.

— Не стоитъ!—шепчетъ онъ, подбадривая себя. Ему хочется поскорѣй показать «этой женщинѣ», что онъ совсѣмъ къ ней равнодушенъ и презираетъ ее, и въ то же время онъ чувствуетъ себя одинокимъ на свѣтѣ и готовъ заплакать.

А ночь такая волшебная, и мичману такъ хочется счастья...

II.

Диковинный матросикъ.

I.

Среди тишины чудной тропической ночи колоколъ пробилъ четыре удара. Былъ часъ ночи, и до смѣны вахтенныхъ было еще далеко. А спать такъ хотѣлось.

Тогда гротъ-марсовой старшина Аришкинъ, степенный, пожилой человѣкъ, пользовавшійся на клиперѣ «Голубчикъ» репутаціей самаго «башковатаго» матроса, который въ книжкѣ могъ читать и умѣлъ огорошивать «занозистыми» словечками даже такого ученаго человѣка, какъ фельдшеръ,—проговорилъ, обратившись къ кучкѣ дремавшихъ у гротъ-мачты матросовъ:

— Не спи, братцы. А то какъ бы вахтенный не разбудилъ по-своему... Небось, зубы начиститъ.

«Братцы» встрепенулись, услышавши мудрыя слова, такъ какъ знали, что вахтенный лейтенантъ любилъ подкрасться ровно кошка и разбудить дѣйствительно «по-своему» заснувшаго матроса.

Но ночь, волшебная тропическая ночь, тоже расточала свои сонныя чары «по-своему», и не прошло и пяти минутъ послѣ предостереженія Аришкина, какъ уже среди кучки раздались подхрапыванія.

— Ну ужъ и здоровы спать, идолы!—воркнулъ Аришкинъ и, наклонившись къ спящимъ, проговорилъ:—«Кошка идетъ!»

Всѣ моментально вскочили. «Кошкой» звали вахтеннаго лейтенанта Пыжикова, находившаго, что «распускать» матросовъ не слѣдуетъ.

Аришкинъ засмѣялся.

— Небось, проснулись?.. Садись... Я вамъ лучше что-нибудь разскажу. По крайности сонъ разгонитъ.

— То-то разскажи, Никонычъ... уважь... А то какъ бы взаправду не подкралась Кошка,—замѣтилъ одинъ изъ марсовыхъ.

— Какъ не уважить васъ, дрыхаловъ, уважу!—ласково промолвилъ Аришкинъ.

И, плотнѣй усѣвшись на «бухту», откашлялся и началъ вполголоса и слегка нараспѣвъ слѣдующій разсказъ.

II.

— Тоже вотъ былъ у насъ на клиперѣ, на «Грозящемъ», когда мы на немъ три года тому назадъ ходили въ «дальнюю», матросикъ одинъ, Васька Пернатый прозывался. Отцы его говорилъ, птицеловы были, и было имъ прозвище «Пернатые»... Такъ довольно даже рѣдкій и диковинный матросъ былъ, братцы вы мои. Такого никогда на флотѣ я не видывалъ. Человѣкъ, прямо сказать, съ понятіемъ и по матросской части зналъ, хорошимъ рулевымъ былъ и въ Кронштадтѣ веселымъ человѣкомъ оказывалъ себя, и карахтера тихаго, и виномъ не занимался, а какъ уплыли мы изъ Кронштадта и вошли въ заграничныя мѣста, тутъ, значитъ, и вышла эта самая загвоздка...

— Въ чемъ загвоздка?—спросилъ кто-то.

— А въ томъ, братецъ ты мой, что вовсе въ разстройку вошелъ. И чѣмъ дальше мы уходили, тѣмъ больше онъ быдто тронутый понятіемъ становился. Ни съ кѣмъ не говорилъ, чуждался, больше одинъ да одинъ, и все въ тоскѣ да въ тоскѣ, братцы вы мои. Глядитъ этто онъ на море, мырлычитъ себѣ подъ носъ пѣсню, а самъ плачетъ... Однако тосковать-тосковалъ, а службу справлялъ форменно... А на берегъ съѣзжалъ, такъ ни на что и не смотрѣлъ, а прямо въ кабакъ, и привозили сто два раза размертвецки-пьяно... На клиперѣ не дотрогивался и чарки своей не пилъ, а на берегу, значитъ, тоску свою залить хотѣлъ... Дошли мы такимъ родомъ до Мадеръ-острова, какъ остановилъ онъ старшаго офицера и докладываетъ:

— Дозвольте, вашескобродіе, объяснить причину. — «Объясняй!» говоритъ.—«Такъ, молъ, и такъ, какъ вамъ, говоритъ, будетъ угодно, а нѣтъ больше силъ моего терпѣнія!» Этто онъ докладываетъ, а самъ блѣдный-преблѣдный изъ лица и похудалъ весь, хотя никакой хвори въ себѣ не имѣлъ. А старшій офицеръ малаго терпѣнія былъ человѣкъ и какъ вскрикнетъ:—«Ты что, говоритъ, такой-сякой, лясы разводишь? Говори толкомъ, въ чемъ дѣло?» Пернатый не испугался и отчесалъ:—«Явите, говоритъ, божескую милость, прикажите меня сей же секундъ отправить обратно въ Россею, а то я преступникомъ—бѣгле-

цомъ могу быть! Пробовалъ, говоритъ, я всячески принудить себя и не могу, вашескобродіе. Тоска сосетъ».

— Ишь ты... Что-жъ старшій офицеръ?

— Извѣстно что... Подумалъ, что матросъ «огурнуться» хочетъ отъ флотской службы... Сперва-наперво равно бы ошалѣлъ, что матросъ съ такимъ диковиннымъ прошеніемъ осмѣлился, а потомъ: разъ, два, три, и пошелъ лупцовать. Искровянилъ матроса въ самомъ лучшемъ видѣ и говоритъ:—«Я тебѣ, говоритъ, покажу силъ-терпѣнія. Отшлифовать велю, такъ поймешь свою дерзость прошенія». А Васька Пернатый свое:—«Не пойму, говоритъ, вашескобродіе. Не отъ лодырства я прошусь!» Велѣлъ ему всыпать двадцать пять. Всыпали...

— За прекословіе, значитъ?

— То-то за оно самое. Потому старшій офицеръ очень скоръ былъ и прекословія не позволялъ... Любилъ, чтобы молчали, хотя бы онъ приказалъ самого себя съѣсть... Малаго терпѣнія былъ человѣкъ... А который нетерпѣливый—хуже глупаго бываетъ... Одѣлся, значитъ, Васька Пернатый послѣ порки и безо всякой это злобы и какъ бы въ задумчивости говоритъ унтерцерамъ, кои его линьками драли:—«Никакіе линьки, говоритъ, тоски не разгонятъ. Дойду до капитана, и вернутъ меня въ Россею». Слушаемъ мы и думаемъ: «спятилъ матросикъ», кои съ дурости смѣялись. Думали, чудитъ человѣкъ... А онъ, братцы, какъ опосля оказалось, и вовсе не могъ совладать со своей тоской. Хорошо. Ушли мы съ Мадеръ-острова и въ скорости зашли на Зеленые острова, для запаса угля, живности и свѣжей провизіи, потому, какъ сказывали, съ острововъ Зеленыхъ прямо хотѣли вальнуть на Яву-островъ и минуя Надежный мысъ (мысъ Доброй Надежды). Денъ въ шестьдесятъ переходъ разсчитывали, потому и запасу всякаго много брали. Какъ услышалъ про это самое Васька Пернатый—на немъ лица нѣтъ. Ходитъ по клиперу какъ бы въ потерѣ чувствъ. И исхудалъ же онъ за это время—страсть... Было ему тогда этакъ годовъ тридцать, не больше, а съ виду въ родѣ старика оказываетъ... Однако до капитана не доходилъ... Боялся, видно, линьковъ... Онъ не очень-то ихъ обожалъ... Съ умомъ человѣкъ былъ и хотя тихій, а обидчистый... Ладно. Стоимъ это мы въ Портограндахъ (Порто-Грандо) четвертый день, грузимъ уголь, быковъ, свиней, утокъ и курей принимаемъ, у араповъ пельсины покупаемъ, лакомимся, значитъ, какъ вдругъ утромъ перекличка, а Васьки Пернатаго нѣтъ...

— Сбѣжалъ?—нетерпѣливо спросилъ одинъ изъ слушателей.

— А ты слушай, тогда и узнаешь!—недовольно проговорилъ Аришкинъ.—А то «сбѣжалъ»!.. А можетъ, и не сбѣжалъ...

— Такъ куда-жъ онъ дѣлся?

Аришкинъ нѣсколько секундъ помолчалъ, словно бы желая, какъ опытный разсказчикъ, усилить вниманіе своей аудиторіи, и продолжалъ:

— Старшій офицеръ какъ узналъ, что Пернатый въ нѣтчикахъ, очень даже осатанѣлъ. «Мы, говоритъ, его, подлеца, сыщемъ. Онъ безпремѣнно отъ службы удрать хочетъ. Бѣглымъ «мигрантомъ» сдѣлаться. Я покажу ему мигранта!» Совсѣмъ безъ терпѣнія человѣкъ былъ старшій офицеръ... Не смозговалъ того, что Васька Пернатый въ Россею бѣжать хотѣлъ, а онъ кулаками машетъ и кричитъ: «мигрантъ!». Это, значитъ, который человѣкъ со своей родины на чужую убѣгаетъ,—пояснилъ Аришкинъ.—Ладно. Тую-жъ минуту послали на берегъ шлюпку съ мичманомъ къ концырю, чтобы поймать, молъ, и предоставить бѣглаго казеннаго человѣка... А городъ этотъ самый Порто-гранда маленькій... арапы больше живутъ... Пернатаго-то скоро и разыскали въ избенкѣ арапской. Послѣ матросъ, что съ мичманомъ на поимку ѣздилъ, обсказывалъ, какъ бѣднягу подъ кроватью нашли... Забился туда... Насилу вытащили. И бросился онъ въ ноги концырю и мичману. Плачетъ.—«Не берите, молъ, меня, на клиперъ. Я въ Россею доберусь и явлюсь по начальству. Пусть со мной что вгодно дѣлаютъ, но я по крайности въ своей сторонѣ буду». А мичманъ что можетъ? Тоже подневольный офицеръ. Ему сказано доставить, онъ и долженъ былъ доставить. И пожалѣлъ онъ матросика, а привезъ на катеръ да еще для вѣрности связалъ... Это жалѣючи-то!—не безъ иронiи прибавилъ разсказчикъ.—Привезли и тотъ же секундъ безъ допроса, какъ, молъ, и почему матросъ отъ тоски на отвѣтъ въ Россею бѣжитъ,—бѣднягу на бакъ и всыпали безъ счета... Въ родѣ какъ въ безчувствiи въ лазаретъ снесли... А вѣдь все отъ непонятiя... Послѣ ужъ только въ понятiе насчетъ матросика вошли... Тогда и старшій офицеръ понялъ, что терпѣнія въ немъ не было... То-то оно и есть...

Въ эту минуту неслышными шагами приблизился лейтенантъ Пыжиковъ. Аришкинъ тотчасъ же смолкъ.

— Вы тутъ что? Дрыхнете?—спросилъ лейтенантъ, вгляды-ваясь въ матросскiя лица.

Всѣ поднялись и почти въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Никакъ нѣтъ, ваше благородiе!

— Я имъ сказку сказывалъ, ваше благородiе!—доложилъ Аришкинъ.

— То-то... У меня на вахтѣ поспи!.. Я разбужу!—проворчалъ лейтенантъ и пошелъ дальше.

III.

Матросы опять усѣлись, и Аришкинъ продолжалъ:

— Отлежался Пернатый... Опять службу справляетъ... Опять тоскуетъ... И боцманъ въ ошалѣватости... Не понимаетъ... Однако пожалѣлъ.—«Такъ, молъ, и такъ, вашескобродіе, какъ бы чего надъ собой Пернатый не сдѣлалъ. Въ большой онъ, молъ, разстройкѣ!»—доложилъ боцманъ старшему офицеру. И старшій офицеръ какъ быдто началъ въ понятіе входить и торопливость свою оставилъ. «Присматривай за нимъ, говоритъ, хорошенько и зря, говоритъ, не обезкураживай боемъ. А тамъ видно будетъ!» Ладно. Идемъ это мы тропиками, какъ вотъ теперь... Благодать одна... Тепло, служба легкая... И встрѣчали мы въ этихъ самыхъ мѣстахъ Свѣтлый праздникъ... А Васька-то Пернатый быдто отходить почалъ отъ тоски эти дни... Отстояли мы заутреню... А Пернатый около меня стоялъ... Гляжу: молится, съ колѣнъ не встаетъ и руками лицо закрылъ... Плечи вздрагиваютъ... Плачетъ...

Вышли это мы наверхъ... разгавливаемся... А солнышко подымается... И свѣтло стало... И матросики веселые... Праздникъ-то Свѣтлый, праздникъ праздникамъ... Только Васька самъ не свой. Глядитъ это на яйца, на куличи, не ѣстъ, и такая въ его лицѣ тоска, братцы вы мои, что и не обсказать. «Полно, говорю, Вась... Черезъ три года вернемся, говорю, въ Россею»... А онъ ровно и не слушаетъ. Уставилъ глаза на море, да какъ вскочитъ на бортъ... На счастье, одинъ матросъ у борта стоялъ... схватилъ его за ноги... Насилу держитъ. А онъ голосомъ кричитъ:—«Пустите, братцы, нѣтъ силъ моего терпѣнія... Лучше смерть».

Сняли его съ борта. Привели къ капитану,—онъ въ то время команду обходилъ, поздравлялъ.—«По какой-такой причинѣ ты жизни хотѣлъ рѣшиться, матросикъ, и въ такой великій день?—спросилъ капитанъ.—То бѣжать хотѣлъ, а теперь топиться?» Тотъ опять свое:—«Тоскую, говоритъ, въ чужихъ мѣстахъ». Видитъ капитанъ, что человѣкъ на изводъ готовъ. Велѣлъ позвать доктора.—«Обслѣдуйте и доложите...» Онъ и доложилъ, что у Пернатова въ родѣ быдто болѣзни... мудреное слово какое-то сказалъ... А выходитъ, что тоска по родинѣ... Ну, капитанъ тотчасъ же потребовалъ Пернатаго и говоритъ:—«Какъ придемъ на Яву-островъ, оставлю тебя, а ты съ обратнымъ судномъ вернешься въ Россею!» И какъ услышалъ это Пернатый, то сразу же человѣкомъ сталъ. Въ настоящее понятіе вошелъ... Повесслѣлъ... одно слово: матросъ какъ матросъ... А какъ пришли на Яву-островъ и велѣли

ему на конвертъ (корветъ) перебираться, что̀ въ Россею шелъ, такъ и обсказать нельзя, какъ онъ обрадовался... Прощается со всѣми и плачетъ отъ радости... Совсѣмъ диковинный матросикъ былъ!—заключилъ разсказчикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялся и сказалъ:

— Трубчонку выкурить пойду... Смотри, опять не засните, черти!

— Не заснемъ, Никонычъ. Ты разговорилъ сонъ... Да и скоро свѣтать начнетъ... Ишь заря занимается.

III.

Форменная баба.

I.

— Это ты, Егорка, про вдову Аришку?—властно спросилъ, подходя къ двумъ матросамъ, притулившимся у борта на ютѣ, молодой, красивый, черноволосый матросъ Александръ Дымновъ, казавшійся еще красивѣе при свѣтѣ полнаго мѣсяца, заливавшаго своимъ серебристымъ свѣтомъ и океанъ и палубу «Голубчика», который подъ всѣми парусами спускался на югъ, направляясь къ Индійскому океану.

— Про нее!—отвѣчалъ, нѣсколько робѣя, бѣлобрысый матросикъ Трофимовъ, котораго Дымновъ называлъ Егоркой.

— Не видалъ ты, значитъ, настоящихъ бабъ, ежели обожаешь Аришку. Какая это баба? Это, прямо говоритъ, кура, а не баба... Ке-ке-ке... Только и кудахчетъ... да знай норовитъ съ матроса лишній грошъ за лукъ содрать. Торговка, а не баба... И Іуда... Съ «крупой» тоже зенками вертитъ... Ей все равно, что̀ смола, что̀ крупа! А ежели ты баба флотская, такъ и будь флотской.

— Это ты, Дымновъ, вовсе здря виноватишь Арину. Она баба ласковая!—заступился Егорка, нѣсколько обиженный презрительнымъ отзывомъ о молодой торговкѣ, плѣнившей, въ числѣ многихъ, и его.

Вдобавокъ двѣ ситцевыя рубахи, подаренныя ею Егоркѣ наканунѣ ухода «Голубчика» въ кругосвѣтное плаваніе, въ значительной мѣрѣ подогрѣвали память о добротѣ и ласкѣ Арины, напоминая вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстному и благодарному матросу и объ его клятвенномъ обѣщаніи исполнить ея просьбу—привезти ей изъ «дальней» шелковый платокъ съ «жаръ-птицей», какой привозилъ одинъ матросикъ ея конкуренткѣ по базару, «бѣлобрысой Дунькѣ», и супирчикъ съ Цейлонъ-острова.

— Мнѣ что̀ твою Аришку виноватить? Я ею не занимался... Начхать мнѣ на такихъ бабъ!—высокомѣрно произнесъ красавецъ-матросъ.—Небось, и тебѣ двѣ рубахи подарила, а замѣсто ихъ: «Привези, молъ, Егорка, на память гостинцевъ!» Не тебя одного, простоту, она этими рубахами облещала... Никакой настоящей приверженности въ ей нѣтъ... Что̀ Кузьма, что̀ Архипъ... Только гостинцы бы ей возили... Корыстная душа... А ты и раскисъ: «Аришка да Аришка!..»

— Ты, небось, зналъ лучше Аришки?..

— Я-то?—хвастливо переспросилъ Дымновъ.

— Ты-то.

— Передъ той бабой, какую я зналъ, твоя Аришка, прямо сказать, ничего не сто̀итъ... Да такой бабы тебѣ никогда и не узнать...

— Это почему?

— А потому, что моя Нюшка формен̈ная баба, и не по твоей она трусости...

— Въ какихъ это смыслахъ понять?

— А въ такихъ, что изъ-за бабы ты и пятидесяти линьковъ побоишься принять, а не то что въ недѣлю по двѣ сотни!

— Я и такъ до смерти боюсь линьковъ, а то еще изъ-за бабы!.. Вовсе и не сто̀итъ баба, чтобы изъ-за нея да пороли... И ты чудно что-то обсказываешь, Дымновъ!—испуганно и недовѣрчиво проговорилъ Егорка, слишкомъ тихій, спокойный и робкій человѣкъ, чтобы допустить даже въ помыслахъ такую несообразную компликацію.

— То-то я и говорю, что тебѣ этого не понять!—не безъ снисходительнаго презрѣнія кинулъ красивый брюнетъ.

— Довольно трудно понять... Небось, и ты самъ этого не поймешь...

— По-ни-малъ!.. Очень даже хорошо понималъ... Изъ-за самой этой Нюшки меня стращали скрозь строй гонять, а насчетъ порки нечего и говорить... Всыпывали довольно даже часто... Всего бывало!

— И ты не бросилъ этой самой бабы?

— Глупый ты, Егорка!.. Бросилъ?.. Я не только не бросилъ, а чѣмъ больше пороли меня изъ-за Нюшки, тѣмъ она мнѣ любѣе становилась... Можешь ты это себѣ въ понятіе взять?.. То-то не можешь... Потому въ тебѣ никакой отчаянности карахтера нѣтъ, и никогда ты настояще не былъ приверженъ къ бабѣ...

И Дымновъ хотѣлъ-было отойти, находя, что и то, что̀ онъ сказалъ, было достаточно, чтобы произвести на товарищей импонирующее впечатлѣніе, но Егорка, втайнѣ во всемъ зави-

довавшій Дымнову, хотя и очень расположенный къ нему, проговорилъ:

— А ты, Дымновъ, объясни про форменную бабу-то... Разскажи, какъ это все вышло у васъ и по какой-такой причинѣ тебя за нее пороли.

— Напрасно тебѣ это и объяснять. Все равно не поймешь...

— Можетъ, и пойму... А ты разскажи.

— Я и самъ зналъ тоже одну такую же занозистую бабенку!—началъ-было другой матросикъ, доселѣ не проронившій слова.—Въ горничныхъ у нашего экипажнаго служила... Ну и заноза, я вамъ скажу, братцы!..

— Та-ку-ю!?—перебилъ Дымновъ, взглядывая не безъ презрительнаго изумленія на человѣка, имѣющаго дерзость сравнивать кого-нибудь съ «форменной бабой».—Такую! Дуракъ ты, Антоновъ, дуракъ и есть!.. Такую!?.

— Да ты за что лаешься-то?—спросилъ поклонникъ занозистой горничной.

— А по той причинѣ, что твоей этой самой занозѣ такъ же далеко до такой, какъ отсюда до берега!—отвѣтилъ Дымновъ и взмахнулъ рукой на океанъ, катившій свои большія волны, обозначавшіяся во мракѣ ночи сѣдыми верхушками.

— Ты нешто ее знаешь?

— И знать не желаю.

— Такъ какъ же ты можешь объ ей полагать?

— То-то могу.

— Это еще почему?

— А потому, что такой, какъ Нюшка, нѣтъ и быть не можетъ другой. Понялъ?

Въ убѣжденномъ и властномъ тонѣ Дымнова звучала такая восторженность, что оба матроса невольно притихли, словно бы внезапно понявшіе дѣйствительное превосходство той женщины, о которой такъ горячо говоритъ матросъ, несмотря на то, что изъ-за нея его пороли.

— Такъ разскажи намъ про свою Нюшку! — снова попросилъ Егорка.

— Разскажи, Дымновъ, уважь... Должно-быть, очень облестительная баба. И прозвище у ней чудное: Нюшка!

Вѣроятно, не столько эти просьбы, сколько потребность поговорить о женщинѣ, вызывавшей сильное чувство, съ молодыми ребятами, которые не осмѣлятся отнестись съ насмѣшкой къ сердечнымъ признаніямъ, заставила матроса согласиться.

— Ужъ такъ и быть, разскажу вамъ про Нюшку, чтобы вы могли хоть слышать, какія на свѣтѣ бываютъ форменныя бабы!—проговорилъ Дымновъ уже не прежнимъ рѣзкимъ то-

помъ, а мягкимъ и значительнымъ, словно бы заранѣе стараясь расположить слушателей къ героинѣ своего романа.

И, присѣвши къ борту, Дымновъ покрутилъ усы и началъ:

II.

— Это я прозвалъ ее, братцы, Нюшкой, а звали ее всѣ Анной Гавриловной, потому какъ она во всемъ своемъ нарядѣ, при серьгахъ, съ бруслеткой и въ кольцахъ жила въ родѣ бывто экономки у капитана перваго ранга Ухватова. Онъ моимъ экипажнымъ былъ и командовалъ кораблемъ «Не-тронью» *). Небось, слышали?

— Его еще бабьимъ боровомъ звали!—замѣтилъ Егорка.

— Онъ самый и есть. Лысый, чижелый, брюхастый, прямо сказать, боровъ, а туда же: на любовь льстился. Не понималъ, что это ему не къ рылу, и по своей дурости полагалъ, что можно черезъ деньги настоящую приверженность получить. Очень обожалъ экономку. Ничего для нея не жалѣлъ. Рядилъ, какъ паву.

— А изъ какихъ она была?—спросилъ Егорка.

— Писаря Авакумова жена. Тотъ на деньги польстился: сказывали, двѣ тыщи за нее взялъ и отъ правовъ отказался. Ну, и Нюшка изъ антиреса въ экономки пошла... Думала сперва, что очень это лестно въ родѣ барыни быть да своего лысаго чорта въ родѣ какъ турецкаго султана ублажать... И жила она у его такимъ манеромъ годъ, ровно заключемная. Никуда Ухватовъ ее не пускалъ... Страсть ревнивый былъ... И обожалъ ее больше да больше... Все надѣялся, что Нюшка не изъ-за денегъ съ нимъ будетъ хороводиться... Но только напрасно... Безъ экономки остался!

Матросъ проговорилъ эту фразу съ злораднымъ торжествомъ. На его красивомъ лицѣ сіяла побѣдоносная улыбка.

— Отбилъ, значитъ, у экипажнаго?—сочувственно и въ то же время изумленно спросилъ Егорка, проникаясь необыкновеннымъ уваженіемъ къ Дымнову.

Онъ хорошо зналъ, что Дымновъ былъ мастеръ облещивать бабъ, и что кронштадтскія торговки, горничныя, кухарки и матросскія жены бывали неравнодушны къ красавцу-матросу. И рады были, если онъ обращалъ на нихъ вниманіе. Но отбить полюбовницу отъ самого экипажнаго—это представлялось Егоркѣ чѣмъ-то особенно блестящимъ и смѣлымъ. И чѣмъ менѣе способенъ былъ онъ самъ на такую «отчаянность», тѣмъ сильнѣе восхищался, втайнѣ завидуя ей.

— А ты думалъ, струсилъ? Небось, изъ-за Нюшки я бы

*) «Не тронь меня».

и чорта не испугался, а не то что экипажнаго командира, какъ только я ее увидалъ. А увидалъ я ее поздней осенью, какъ теперь помню, въ октябрѣ мѣсяцѣ. Назначили меня ординарцемъ къ Ухватову на 13-е число. Ребята, кои раньше ординарцами ходили, предупреждали:—«Не пяль, молъ, глазъ на экономку, ежели увидишь, и не отвѣчай ей, ежели что спроситъ, а то экипажный, коли замѣтитъ или узнаетъ черезъ старую куфарку,—это въ родѣ вѣдьмы была приставлена,—изобьетъ тебя въ лучшемъ видѣ за то и велитъ отшлифовать—придерется за что-нибудь! Были, молъ, такія дѣла».—«Ладно,—говорю.—Что мнѣ пялить глаза на ухватовскую полюбовницу. Бабъ, что ли, мало про нашего брата!» Явился въ восемь утра къ ему на квартиру—онъ въ офицерскихъ хлигеляхъ жилъ—и дежурю въ передней. Этакъ въ десятомъ часу вышелъ изъ кабинета. Евойный вѣстовой подалъ ему пальто—въ экипажъ идти. Посмотрѣлъ это Ухватовъ на меня пронзительно такъ и сказалъ:—«Съ мѣста, такой-сякой, никуда не отлучаться, а не то... запорю. Понялъ?»—«Понялъ, вашескобродіе».—«Хорошо понялъ?»—«Точно такъ, вашескобродіе!» И опять смотритъ на меня, разглядываетъ, точно никогда не видалъ. И, вижу, глаза злые-презлые. Ушелъ и, уходя, опять на меня обернулся и опять сердито посмотрѣлъ. Понялъ, видно, боровъ, что я не лыкомъ шитъ, а матросъ молодой. Опасался, значитъ, какъ бы экономка не обмолвилась со скуки словомъ съ ординарцемъ. Хорошо. Сижу это я себѣ на рундукѣ въ прихожей, и курить до смерти хочется, а курить боюсь—какъ бы запаху матросской цыгарки не оказало. Тихо кругомъ. Вѣстовой комнаты убралъ и ушелъ - себѣ на кухню, а я томлюсь, можно сказать, изъ-за того, что покурить нельзя. Наконецъ не смогъ терпѣть. Вышелъ на парадную лѣстницу и наскоро выкурилъ цыгарку, и будто полегчало... Вернулся, сѣлъ на мѣсто, какъ скрипнули изъ комнаты двери, и вошла Нюшка. Вошла, братцы вы мои, и какъ взглянула, ровно бы меня гаишпугомъ по головѣ съѣздили... Вовсе въ разстройку пришелъ. Всталъ это я и на нее гляжу, а самого въ краску бросило. И даже чудно показалось. Зналъ я довольно много бабъ и ни одну не боялся, а эта словно бы ошарашила.

— Больно хороша была, что ли? — нетерпѣливо спросилъ Егорка.

— Прямо-таки... пронзительная! — восторженно отвѣтилъ Дымновъ.—Другому, можетъ, она и не хороша была, а для меня во всемъ свѣтѣ лучше не было... Такъ отъ ея взгляда словно меня кипяткомъ обдало. И въ тотъ же секундъ почуялъ я, что тутъ мнѣ крышка изъ-за этой самой экономки. А изъ

себя она была, братцы, чернявая и тѣломъ не товаристая, а такъ, въ плепорцію... и на ходу легкая-прелегкая, словно кошечка. И моложавая, хоть ей около тридцати было. Точно этихъ годовъ не оказывало. Глядитъ это она на меня. А глаза у Нюшки—какъ уголье, черные-пречерные... и приманчивые... Видитъ эту мою разстройку и смѣется глазами... Играетъ ими, значитъ... «Здравствуйте, — говоритъ.—Васъ какъ звать, матросикъ?» Пришелъ я немного въ себя и даже въ досаду вошелъ, что я передъ экономкой оказалъ себя такимъ, можно сказать, желторотымъ галчонкомъ и довольно даже грубо отвѣтилъ, что зовутъ меня Лександрой.—«А по батюшкѣ какъ?»—«Лександра, говорю, Иванычъ».—«Такъ это вы, Лександра Иванычъ, такой опасный мужчина есть, какъ я слышала?»—«Я самый, говорю, если вамъ вгодно знать!»—Смѣется.—«Вы, говоритъ, видно, курить ходили. Такъ вы не ходите. Я вамъ сейчасъ хорошихъ папиросовъ принесу. Здѣсь покурите».—«Свои, молъ, цыгарки люблю. Чужими не занимаюсь». Присѣла на рундукъ такая, я вамъ скажу, форсисто одѣтая. Золотая бруслетка и кольцы на бѣлыхъ рукахъ... И отъ нея запахъ хорошій идетъ. Сидитъ этто, посмѣивается, а сама прислушивается, какъ бы кто не вошелъ, ровно куличокъ на болотцѣ. Просидѣла этакъ съ пять минутъ, поднялась и говоритъ:—«Однако прощайте, Лександра Иванычъ. Очень, говоритъ, рада была бы подольше съ вами поговорить, но только за васъ боюсь. Достанется вамъ, ежели Петръ Ильичъ узнаетъ, что я съ вами разговариваю. Онъ у меня, говоритъ, ревнивый, въ родѣ паши турецкой. Небось, слышали?» Сказала и руку подала... А рука у нея бѣлая и ровно пухъ мягкая... И такъ она меня въ задоръ взяла, что я за руку ее держу и говорю:—«За меня не опасайтесь, Анна Гавриловна... Посидите, ежели сами не боитесь, а я не боюсь. Пусть достанется!»—«Это вы только такъ говорите!»—«А вы, говорю, испытайте, вру я или нѣтъ. Посидите».—«Отчаянный вы однако. Я такихъ люблю!» И снова присѣла... И стала она говорить про скуку жизни своей, какъ вдругъ вскочила и въ комнаты... А въ скорости кухарка у дверей.—«Не видалъ ли, матросикъ, Анны Гавриловны?»—«Не видалъ», — говорю. Ушла вѣдьма... А Нюшка изъ кабинета выглядываетъ и бѣлые зубки скалитъ.—«Жалко мнѣ васъ, Лександра Иванычъ. Попадетъ вамъ изъ-за меня».—«Съ большимъ, говорю, удовольствіемъ изъ-за васъ все приму!»—«Посмотрю, говоритъ, вѣрно ли вы говорите, а пока что до свиданія... Очень рада знакомству. Съ вами весело». — «И съ вами, говорю, весело».—«Какъ бы не стало горько... Вы больше и не захотите меня видѣть... я очень даже увѣрена... Петръ

Ильичъ жестоко васъ накажетъ!»—«Какъ бы ни наказалъ, а видѣть васъ, Анна Гавриловна, для меня одинъ, можно сказать, восторгъ! Можетъ, когда и выйдете на улицу, а я васъ сторожить буду». Назвала грубьяномъ, а глазами облещиваетъ, привораживаетъ быдто. И какъ скрылась, словно темно вокругъ стало. Вовсе сразу меня обанкрутила... Ушелъ и я въ казармы обѣдать и, какъ вернулся, Ухватовъ уже дома и цѣлый день никуда не выходилъ. Однако послѣ обѣда, когда онъ отдыхалъ, Нюшка показалась на минутку.—«Такъ очень хотите меня видѣть?»—спросила она.—«Очень»,—говорю.—«Такъ я послѣзавтра утромъ въ десять часовъ со двора пойду. Можетъ, и увидите!» Съ тѣмъ и скрылась. А въ восемь часовъ ушелъ я съ ординарцевъ самъ не свой, будто потерянный изъ-за этой самой Нюшки... Ну, на слѣдующее утро была раздѣлка. Экипажный зашелъ въ нашу роту, велѣлъ ученье сдѣлать, придрался ко мнѣ и приказалъ дать пятьдесятъ розогъ. Это была, братцы, первая вспышка за Нюшку!.. Однако и покурить пора!

Съ этими словами Дымновъ всталъ и ушелъ на бакъ.

— Отчаянный этотъ Дымновъ!—проговорилъ Егорка.

— И Нюшка эта отчаянная!—вымолвилъ Антоновъ.—Я бы съ такой бабой не связался!—прибавилъ онъ.

— То-то я и говорю... Не стоитъ баба того, чтобы изъ-за нея на рожонъ лѣзть...

— Облестила, значитъ, съ перваго раза... Ну и правду сказать: форменный мужчина, лестный бабамъ... Красивъ, шельма... Недаромъ въ Брестѣ французинька за имъ на клиперъ пріѣзжала... Втюрилась...

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Дымновъ, усѣлся и продолжалъ:

III.

— Отпросился я у фетьфебеля и въ десять былъ у офицерскихъ хлигелей... Въ скорости вышла Нюшка... Я за ней въ отдаленности иду. Завернула она въ проулокъ... пошла тише... Я къ ней. Поздоровались. Смѣется.—«А вы и вправду отчаянный... Не боитесь. И наказывали васъ, а вы пришли... Ну, теперь лучше уходите, а то, сохрани Богъ, узнаетъ Ухватовъ, накажутъ васъ больше». И этими словами меня опять только въ задоръ привела. И я не только не ушелъ, а слѣдомъ за ней съ полчаса времени шелъ... Нюшка обернется, видитъ—я тутъ, и смѣется, а мнѣ и весело... Только у самыхъ хлигелей наткнулся я на экипажнаго. Остановилъ. Въ зубы. —«Ты, говоритъ, зачѣмъ не въ казармахъ?» И не далъ ничего обсказать. Тую-жъ минуту велѣлъ идти домой, а черезъ пол-

часа меня ужъ разложили... Была здоровая всыпка... Такъ, братцы мои, лупцовалъ онъ меня раза по два въ недѣлю. А разъ даже стращалъ, что скрозь строй прогонитъ. Учуялъ, что Нюшка мною занимается. А я терплю... И все думаю, какъ бы мнѣ только увидать Нюшку.

— И видалъ?

— А то какъ же. Всячески услѣживалъ. На черной лѣстницѣ сторожилъ. Мимо оконъ ходилъ. Пропаду, думаю, а Нюшку покорю... Такъ прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой... И, видючи, сколько изъ-за нея я принялъ мученьевъ, она поняла мою приверженность и велѣла приходить къ ей вечеромъ, на святки. Борова, молъ, дома не будетъ и вѣстовой со двора уйдетъ, а кухарка будетъ спать.—«И я, говоритъ, тебѣ сама двери парадныя открою. Постучи. Только помни, говоритъ, ежели Ухватовъ признаетъ, онъ тебѣ не проститъ. Ежели, говоритъ, не побоишься, значитъ, любишь, и я тебя, отчаяннаго, любить стану». Это она испытывала, значитъ. А я въ радости и словъ не найду... Однако на черной лѣстницѣ облапилъ ее да въ губы...—«Жди, молъ, буду». Ну и на другой день вечеромъ: «тукъ-тукъ!» Отворила... и ласковая такая... Ушелъ отъ нея, ногъ подъ собой не слышу, а на другую ночь опять къ ей... стучусь... Увела меня въ свою боковушку... Ласкаетъ. Путались мы такимъ манеромъ недѣли двѣ, и безъ Нюшки мнѣ ровно не жить. Но только обидно, что она все при боровѣ. Такъ обидно, что въ тоску вошелъ и говорю ей:—«Брось своего подлеца, а не то я васъ обоихъ укокошу».—«Будто?—смѣется и еще дразнитъ:—А вотъ, говоритъ, ты уйдешь, я къ борову пойду, его приласкаю. Онъ тоже любитъ меня!» Ну, тутъ я осатанѣлъ и избилъ Нюшку...—«Не шути, молъ, такъ». Избилъ, а потомъ жалко стало. Прощенія прошу, а она зубы скалитъ. «Никого не любила я, говоритъ, такъ, какъ тебя. И докажу!»—говоритъ... И доказала, потому что форменная баба была... Послѣ праздниковъ прибѣжала въ казармы.—«Пойдемъ,—говоритъ: — я на вольной квартирѣ живу. Ушла отъ борова. Не могу больше его выносить. Стану, говоритъ, по швейной части заниматься...» И вечеромъ обсказала мнѣ, какъ Ухватовъ капиталомъ ее соблазнялъ, какъ въ ногахъ валялся:—«Не уходи, молъ, Аннушка. Люби меня!» А Нюшка все отвергала... Вотъ, братцы, какая она была... Небось, такой другой нѣтъ! Вѣрно ли я говорю?

— На рѣдкость баба!—проговорилъ Егорка.

— Привязчивая!—вымолвилъ Антоновъ.

— А экипажный послѣ того что съ тобой сдѣлалъ?—спросилъ Егорка.

— А подъ Новый годъ приказалъ отодрать меня до безчувствія за отлучку изъ казармы. Вотъ что онъ сдѣлалъ. Недѣлю послѣ въ госпиталѣ отлеживался. Нюшка приходила... жалѣла... И пропасть бы мнѣ, братцы, вовсе изъ-за Ухватова, да Богъ спасъ. Въ самый Новый годъ произвели его въ адмиралы и послали въ Средиземное море начальника эскадры смѣнять. Въ скорости онъ и уѣхалъ... И отдышка мнѣ вышла... И сталъ я, братцы, самымъ счастливымъ человѣкомъ... Во всей любовной покорности была Нюшка... Такъ годъ мы съ ней прожили... И былъ я ей самый вѣрный человѣкъ...

Дымновъ примолкъ и задумался.

— Какъ же ты ушелъ отъ нея въ дальнюю?

— Изъ-за нея и ушелъ. Самъ просился...

— Почему?

— А такъ... разстройка между нами вышла!—нехотя отвѣтилъ Дымновъ, не имѣя доблести признаться, что Нюшка черезъ годъ бросила его, влюбившись въ одного мичмана.

Онъ вспомнилъ это и, несмотря на то, что обида еще жила въ его сердцѣ, съ восторженной задумчивостью проговорилъ:

— Да, братцы, форменная была баба. И никогда ее не забыть!

СМОТРЪ.

I.

За нѣсколько лѣтъ до крымской войны на севастопольскомъ рейдѣ, словно замлѣвшемъ въ мертвомъ штилѣ, стояла щегольская эскадра паруснаго черноморскаго флота.

Палящая жара начинала спадать. Августовскій день догоралъ.

На полуютѣ флагманскаго трехдечнаго корабля «Султанъ-Махмудъ» подъ адмиральскимъ флагомъ, повисшимъ на форъ-брамъ-стеньгѣ, маленькій молодой сигнальщикъ Ткаченко не спускалъ подзорной трубы съ Графской пристани, у которой дожидалась бѣлая адмиральская гичка.

Адмиралъ приказалъ ей быть къ семи часамъ, и время приближалось.

И какъ только на судахъ эскадры колокола пробили шесть склянокъ, въ колоннадѣ пристани показался высокій, слегка сутуловатый, плотный адмиралъ Воротынцевъ, крѣпкій и необыкновенно моложавый для своихъ пятидесяти семи лѣтъ, которыя онъ называлъ «среднимъ возрастомъ».

Онъ глядѣлъ молодцомъ въ сюртукѣ съ эполетами, съ Владиміромъ на шеѣ и георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ. Изъподъ чернаго шейнаго платка бѣлѣли маленькія брыжжи сорочки—«лиселя», какъ называли черноморскіе моряки, носившіе ихъ, отступая отъ формы, даже и въ николаевскія времена.

Быстрой, легкой походкой, перескакивая черезъ двѣ ступеньки лѣстницы, съ легкостью мичмана, адмиралъ спустился къ гичкѣ.

Офицеры, встрѣчавшіеся съ адмираломъ, кланялись, снимая фуражки. Снималъ фуражку, отдавая поклоны, и адмиралъ. Матросамъ, останавливающимся съ фуражками въ рукахъ, говорилъ:

— Зря не торчи, матросъ. Проходи!

Сигнальщикъ съ флагманскаго корабля увидалъ адмирала, со всѣхъ ногъ шарахнулся къ вахтенному лейтенанту Адріанову и нѣсколько взволнованно и громко воскликнулъ:

— Адмиралъ, ваше благородіе!

— Гдѣ?

— Идетъ къ гичкѣ, ваше благородіе!

— Доложи, какъ отвалитъ.

— Есть, ваше благородіе!..

И черезъ минуту крикнулъ:

— Отваливаютъ, ваше благородіе!

— Оповѣсти капитана и офицеровъ.

— Есть!—отвѣтилъ сигнальщикъ и побѣжалъ съ полуюта.

Щеголяя своимъ сипловатымъ баскомъ, лейтенантъ крикнулъ:

— Фалгребные, караулъ и музыка наверхъ, адмирала встрѣчать!

Старый боцманъ Кряква засвисталъ и закончилъ команду руладой артистическаго сквернословія.

Здоровые на подборъ гребцы на гичкѣ наваливались изо всѣхъ силъ, откидываясь совсѣмъ назадъ, чтобы сильнѣе сдѣлать гребки, и минутъ черезъ десять гичка съ разбѣга зашабашила и, удержанная крюкомъ, остановилась какъ разъ кормой къ серединѣ рѣшетчатой доски трапа.

— По чаркѣ, молодцы!—отрывисто бросилъ адмиралъ, выскакивая изъ шлюпки.

И, видимо довольный своими гребцами, сдобрилъ свои слова краткимъ комплиментомъ въ видѣ своеобычнаго морского привѣтствія.

— Рады стараться, ваше превосходительство! — отвѣтилъ загребной отъ имени всѣхъ, красныхъ, вспотѣвшихъ и тяжело дышавшихъ гребцовъ.

Адмиралъ не поднялся, а взбѣжалъ съ маху мимо фалгребныхъ, по двое стоявшихъ у фалгреповъ на поворотахъ колѣнчатаго высокаго параднаго трапа, и у входа былъ встрѣченъ капитаномъ и вахтеннымъ начальникомъ. Офицеры стояли во фронтѣ на шканцахъ. По другой сторонѣ караулъ отдавалъ честь, держа ружья «на караулъ». Хоръ музыкантовъ игралъ любимый тогда во флотѣ венгерскій маршъ въ честь Кошута.

И, словно бы избѣгая этихъ парадныхъ встрѣчъ, отмѣнить которыя было неудобно, адмиралъ, раскланиваясь, торопливо скрылся подъ полуютъ, въ свое просторное адмиральское помѣщеніе.

Въ большой свѣтлой каютѣ, служившей пріемной и столовой, съ проходившей по срединѣ бизань-мачтой, съ балкономъ вокругъ кормы и убранной хорошо, но далеко безъ кричащей роскоши адмиральскихъ каютъ на современныхъ судахъ, адмирала встрѣтилъ вѣстовой, носящій странную фамилію Суслика, пожилой, рябоватый и серьезный матросъ, съ мѣдной серьгой въ оттопыренномъ ухѣ, въ матросской форменной рубахѣ и босой.

Жилъ онъ безотлучно вѣстовымъ у Воротынцева лѣтъ пятнадцать. Но денегъ у Суслика не было, и онъ не пользовался своимъ положеніемъ адмиральскаго любимца-вѣстового и пьянствовалъ на берегу съ матросами, а съ «баковыми аристократами» не водилъ компаніи.

— Снасть съ меня убрать и трубку, Сусликъ!—не говорилъ, а кричалъ адмиралъ по привычкѣ моряковъ, командовавшихъ на палубѣ.

И онъ нетерпѣливо разстегнулъ и сбросилъ сюртукъ, пойманный налету вѣстовымъ, снялъ орденъ и размоталъ шейный черный платокъ.

Въ минуту Сусликъ снялъ съ большихъ ногъ адмирала сапоги, подалъ мягкіе башмаки и старенькій люстриновый «походный» сюртукъ съ золотыми «кондриками» для эполетъ. И тотчасъ же принесъ длинный чубукъ съ янтаремъ, подалъ адмиралу и приложилъ горящій фитиль къ трубкѣ.

— Ловко... Отлично!—произнесъ адмиралъ сквозь бѣлые, крѣпкіе, всѣ до одного зубы, закуривая трубку.

Онъ почувствовалъ себя «дома», въ каютѣ, безъ «снасти», удовлетворенно довольнымъ и, развалившись съ протянутыми ногами въ большомъ плетеномъ креслѣ у стола, съ наслажденіемъ затягивался изъ трубки крѣпкимъ и вкуснымъ сухумскимъ табакомъ по рублю за око *), и по временамъ насмѣшливая улыбка свѣтилась въ его маленькихъ острыхъ глазкахъ.

Вѣстовой хотѣлъ-было уйти, какъ адмиралъ сказалъ:

— Подожди, Сусликъ!

— Есть! — отвѣтилъ Сусликъ и притулился у двери въ спальную.

Адмиралъ молчалъ, покуривая трубку.

— «А то гаванскую сигару, адмиралъ?»—вдругъ проговорилъ онъ, стараясь измѣнить и смягчить свой рѣзкій голосъ, нѣсколько гнусавя и протягивая слова, словно передразнивалъ кого-то.

Адмиралъ усмѣхнулся и уже продолжалъ своимъ голосомъ въ добродушно-ироническомъ тонѣ:

---

*) Трп фунта.

— И марсалы не подавали за обѣдомъ у его свѣтлости князя Собакина... Да-съ... Высокая государственная особа-съ пріѣхала въ нашъ Севастополь... Первый аристократъ-съ... Разговоръ на дипломатіи... Одна деликатность... Гляди, молъ, моряки, какіе вы грубые и необразованные... И все го-сотерны, го-лафиты... А шампанское послѣ супа пошло... А послѣ пирожнаго тутъ же ромъ полощи... Аглицкая мода... Плюй при публикѣ, а громко сказать неприлично-съ... Понялъ, Сусликъ?

— Точно такъ, Максимъ Иванычъ.

— Такихъ не видалъ, Сусликъ?

— Не доводилось, Максимъ Иванычъ.

— Завтра покажу. Его свѣтлость и дочка его пріѣдутъ посмотрѣть корабль, и мы дадимъ завтракать... Да чтобы ты былъ у меня въ полномъ парадѣ... Понялъ?

— Есть!

— Чтобы чистая рубаха... Побрейся и обуйся. Нельзя босому подавать важной дамѣ. Скажутъ: грубая матрозня!—не безъ иронiи вставилъ адмиралъ и прибавилъ:—Да смотри, идолъ, рукой не сморкайся...

— Не оконфузю, Максимъ Иванычъ!—увѣренно и не безъ горделивости отвѣтилъ Сусликъ.

И въ черноволосой, коротко остриженной его головѣ промелькнула мысль:

«Ты-то не оконфузь своимъ языкомъ!»

— Ты у меня вѣстовщина съ башкой! То-то черти играли въ свайку на твоей чортовой рожѣ.

— Небось, по своему матроскому разсудку могу обмозговать и марсалу завтра подамъ къ столу, дарма что по-столичному не подаютъ...

Адмиралъ засмѣялся.

— Сметливъ ты, Сусликъ, когда трезвый!—произнесъ онъ.

— Я только отпущенный вами на берегъ занимаюсь виномъ... И рѣдко!—угрюмо и сердито промолвилъ вѣстовой, хорошо зная, какъ основательно онъ «занимается» во время рѣдкихъ отлучекъ на берегъ и какія бывали съ нимъ раздѣлки отъ адмирала, когда онъ, случалось, очень «намарсаливался».

— Ты, Сусликъ, не вороти рожи... Я къ слову...

— Такъ прикажете принести графинъ марсалы, Максимъ Иванычъ?

— Молодчина! Догадался, башка, попотчевать адмирала. Давай, да попроси капитана.

Вѣстовой принесъ графинъ марсалы и двѣ большія рюмки, поставилъ на столъ и пошелъ за капитаномъ.

Адмиралъ налилъ рюмку, быстро выпилъ рюмки три и четвертую началъ уже отхлебывать большими глотками, съ удовольствіемъ смакуя любимое имъ вино.

II.

Осторожно и вкрадчиво, словно котъ, вошелъ въ адмиральскую каюту капитанъ, пожилой, толстый, круглый и сытый брюнетъ съ изрядным брюшкомъ, выдающимся изъ-подъ застегнутаго сюртука съ штабъ-офицерскими эполетами капитана 1-го ранга, съ волосатыми пухлыми руками и густыми усами. Его смуглое, отливавшее рѣзкимъ густымъ румянцемъ, съ крупнымъ горбатымъ носомъ и съ большими, умильными, выпуклыми черными глазами съ поволокой лицо выдавало за типичнаго южанина.

Несмотря на необыкновенно ласковое и даже слащавое выраженіе этого лица, въ немъ было что-то фальшивое. Капитана не терпѣли и прозвали на бакѣ «живодеромъ-грекомъ».

Капитанъ, впрочемъ, называлъ себя русскимъ и считалъ болѣе удобнымъ передѣлать свою греческую фамилію «Дмитраки» на Дмитрова, и испросилъ объ этомъ разрѣшеніе.

— Что прикажете, ваше превосходительство? — спросилъ, приближаясь къ адмиралу, капитанъ почтительно-высокимъ мягкимъ теноркомъ и впился въ адмирала своими, полными восторженной преданности, «коварными маслинами», какъ называли его глаза мичмана. Но прежде капитанъ предусмотрительно взглянулъ на графинъ,—много ли уровень марсалы понизился.

— И что это вы, Христофоръ Константинычъ, словно ученый котъ, меня прельстить хотите... Я хоть и превосходительство, а Максимъ Иванычъ. Кажется, знаете-съ?—насмѣшливо и раздражительно выпалилъ адмиралъ.—Присядьте... Хотите марсалы?—прибавилъ онъ любезнѣе.

Повидимому, капитанъ нисколько не обидѣлся насмѣшкой адмирала. Напротивъ, пріятно улыбнулся, словно бы остроуміе адмирала ему понравилось.

«Лишняя лесть не мѣшаетъ, какъ и лишняя ложка масла въ кашѣ»,—подумалъ «грекъ», никогда не показывавшій неудовольствія на начальство.

И капитанъ, присаживаясь на стулъ, тѣмъ же льстивымъ тономъ проговорилъ:

— Премного благодаренъ, Максимъ Иванычъ... А что назвалъ по титулу—извините-съ, Максимъ Иванычъ... По привычкѣ-съ... Прежній адмиралъ не любилъ, чтобы его называли по имени и отчеству...

— А я не люблю, когда меня титулуютъ-съ... И не благодарите-съ. Хотите или нѣтъ-съ марсалы?

— Выпью-съ рюмку, Максимъ Иванычъ... Отличное вино...

— Наливайте... Вино натуральное...—И, отхлебнувъ марсалы, прибавилъ:—Завтра у насъ смотръ, Христофоръ Константинычъ.

Капитанъ изумился.

— Главный командиръ ?—испуганно спросилъ онъ.

— Эка вы, Христофоръ Константинычъ! Пріѣзжай главный командиръ въ Севастополь, давно бы у васъ дрожали поджилки... Къ намъ пріѣдетъ въ одиннадцать часовъ князь Собакинъ... Катеръ послать съ мичманомъ!

— Его свѣтлость!?—съ какимъ-то сладострастіемъ въ голосѣ воскликнулъ облегченно капитанъ.—Почему его свѣтлость пожелалъ осчастливить насъ?

— А такъ-съ. Взялъ да осчастливилъ!.. Захотѣлъ посмотрѣть, и съ дочерью... Она пожелала... И насчетъ этого князь въ нѣкоторомъ родѣ-съ стѣснился... Послѣ обѣда... Обѣдъ ничего, только марсалы не подавали-съ... Отвелъ меня къ окну и тихонько спрашиваетъ: «Только удобно ли дочери, адмиралъ?»

— Въ какомъ это смыслѣ, Максимъ Иванычъ?

— Не сообразили, Христофоръ Константинычъ? А еще командиръ корабля?—насмѣшливо спросилъ адмиралъ.

— Не могу сообразить, Максимъ Иванычъ...

— Поймете, какъ узнаете, что думаетъ князь... А мнѣ досадно, что этотъ брандахлыстъ, будь ты хоть разминистръ и развельможа, боится везти замужнюю дочь на русскій военный корабль. Аристократка,—скажите, пожалуйста!.. Я и спрашиваю, будто не догадываюсь: «Почему-съ сомнѣвается ваша свѣтлость?» А онъ улыбается по-придворному—чортъ его знаетъ, какъ понять!—и наконецъ съ самой утонченной любезностью прогнусавилъ: «Я слышалъ, милый адмиралъ, что на корабляхъ въ ходу такой морской жаргонъ, что женщина сконфузится... Такъ не лучше ли не брать графиню». Поняли, Христофоръ Константинычъ?

— Какое мнѣніе у его свѣтлости о флотѣ, Максимъ Иванычъ!—съ чувствомъ прискорбія промолвилъ капитанъ.

— Дурацкое мнѣніе-съ... — выкрикнулъ адмиралъ, обрывая капитана.—Екатерина, небось, не обидѣлась, когда адмиралъ Свиридовъ, разсказывая ей о побѣдѣ, увлекся, сталъ «загибать» и, спохватившись, ахнулъ... Она была умная и ласково сказала: «Не стѣсняйтесь, адмиралъ. Я, говоритъ, морскихъ терминовъ не понимаю!..» А вѣдь на смотру мы барынькѣ о сраженіяхъ разсказывать не будемъ... Да хоть бы услышала

съ бака «морской терминъ»... Эка бѣда!.. Не слыхала, что ли, на улицѣ, будь и графиня!.. Вашъ, Христофоръ Константинычъ, князь... — почему-то назвалъ адмиралъ князя капитанскимъ:—не очень-то уменъ... Ты посмотри и увидишь, сконфузимъ ли мы даму, если захотимъ! И я далъ слово, что не сконфузимъ. Поняли?..

— Есть!

— Чтобы завтра во время смотра ни одного «морского термина», Христофоръ Константинычъ! — строго проговорилъ адмиралъ.

— Слушаю-съ...

— Положимъ, на бакѣ хоть топоръ повѣсь—такъ ругаются, особенно боцманъ и унтеръ-офицеры... Но пусть хоть при дамѣ воздержатся...

— Не посмѣютъ, Максимъ Иванычъ,—съ какой-то внушительною загадочностью попрежнему ласково проговорилъ капитанъ.

— И офицеры чтобы придержали языки... Ни одной команды не могутъ кончить безъ прибавленій... Такъ побольше, знаете ли, характера... На часъ, не больше...

— Помилуйте-съ, Максимъ Иванычъ.

— Что-съ?

— Да ужъ одно посѣщеніе такихъ высокопоставленныхъ особъ, какъ его свѣтлость и ея сіятельство графиня, обрадуетъ господъ офицеровъ и заставитъ ихъ быть на высотѣ положенія!—не безъ «лирики» проговорилъ капитанъ.

— Что вы вздоръ городите-съ!—рѣзко оборвалъ Максимъ Иванычъ.—Что-съ? Какая тамъ радость и высота положенія... лакейство-съ!.. Это брехня на офицеровъ... Что-съ?—выкрикивалъ, точно спрашивалъ взбѣшенный адмиралъ, хотя капитанъ не думалъ возражать.—И вы ничего не говорите офицерамъ... Поняли-съ?

— Понялъ, ваше превосходительство!

— Я самъ имъ скажу, что адмиралъ не хотѣлъ бы видѣть подтвержденія глупостей князя и дамы въ обморокѣ отъ... отъ морскихъ терминовъ, что ли... Однимъ словомъ... Я попрошу офицеровъ, и они воздержатся... Слышали-съ?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— А больше васъ не задерживаю, можете идти-съ!

Капитанъ вышелъ, улепетывая какъ вѣжливый котъ отъ оскалившей зубы собаки.

«Подлинно собака!»—съ ненавистью подумалъ капитанъ.

Адмиралъ, раскраснѣвшійся и отъ возмущеннаго чувства, и отъ многихъ рюмокъ марсалы, сердито проговорилъ:

— Экая подлая лакейская душа! Думаешь, и ко мнѣ въ душу влѣзешь? Дудки, лукавый грекъ!

Адмиралъ раздраженно выпилъ рюмку марсалы и крикнулъ:

— Сусликъ!

— Есть,—отвѣтилъ прибѣжавшій вѣстовой.

— Марсалы на донышкѣ, а ты не видишь?.. А?

— Не будетъ ли вреды, Максимъ Иванычъ?—заботливо и осторожно промолвилъ Сусликъ.

— Молчи, чортова свайка! На ночь вредно? Какой-нибудь графинчикъ... да еще и «грекосъ» пилъ!—привралъ вѣстовому адмиралъ.—Давно не училъ тебя, гувернера, идола, что ли? Да живо!.. И трубку!

Вѣстовой исчезъ и вернулся съ трубкой и съ графиномъ марсалы, но наполненнымъ до половины только.

III.

Капитанъ призвалъ къ себѣ старшаго офицера, Николая Васильевича Курчаваго, разсказалъ о счастьѣ, которое выпало «Султанъ-Махмуду», и обычнымъ своимъ ласковымъ тономъ продолжалъ:

— Такъ ужъ вы присмотрите, дорогой Николай Васильичъ, чтобы смотръ какъ слѣдуетъ... Чтобы паруса горѣли... при постановкѣ и уборкѣ... Орудія чтобы летали... И чтобы ни соринки нигдѣ... Однимъ словомъ... идеальная чистота...

— Все будетъ исправно, Христофоръ Константинычъ! — нетерпѣливо проговорилъ старшій офицеръ.

«Чего размазывать, коварный грекъ!» — подумалъ этотъ блестящій морской офицеръ и любимецъ севастопольскихъ дамъ, молодой, красивый и щеголеватый капитанъ-лейтенантъ.

И его жизнерадостное, веселое лицо вдругъ стало напряженнымъ и подавленнымъ.

— Ужъ я знаю, дорогой Николай Васильичъ, что съ такимъ превосходнымъ старшимъ офицеромъ командиръ спокоенъ... Я такъ только, для очистки совѣсти напомнилъ...

— Такъ позвольте идти, Христофоръ Константинычъ...

— Я не задержу васъ, Николай Васильичъ... Куда торопитесь?.. Или собираетесь на берегъ... на бульваръ?..

— Какой бульваръ?.. Работы много... Да и смотръ завтра.

— Я такъ и полагалъ, что вы не уйдете съ корабля, Николай Васильичъ, хоть вы и жданный кавалеръ нашихъ дамъ,— сказалъ капитанъ, словно бы сочувственно глядя на своего старшаго офицера, имѣвшаго репутацію ловкаго «обольстителя».—Навѣрное, васъ ждутъ на бульварѣ!—прибавилъ капитанъ и плутовски прищурилъ глазъ.

— Никто меня не ждетъ, Христофоръ Константинычъ!— небрежно бросилъ Курчавый.

И про себя улыбнулся, какъ вспомнилъ, что супруга пожилого капитана, молодая красавица «гречанка», навѣрно сегодня на бульварѣ и позволила бы ему заговорить ей зубы.

«А эта ревнивая скотина и не догадывается!»—мысленно проговорилъ старшій офицеръ.

— Ну-съ, отъ поэзіи перейдемъ къ прозѣ-съ, Николай Васильичъ.

— Что прикажете?

— Не приказываю, я прошу-съ объявить, что если завтра я услышу во время пребыванія высокихъ гостей хоть одно ругательное слово, то всѣхъ боцмановъ и унтеръ-офицеровъ перепорю-съ, дорогой Николай Васильичъ, по-настоящему, безъ снисхожденія. А кто-нибудь изъ нихъ или изъ другихъ нижнихъ чиновъ выругается площаднымъ словомъ, съ того спущу шкуру, пусть въ госпиталѣ отлежится. И, пожалуйста, внушите имъ, что пощады не будетъ!—тихо и ласково, словно бы рѣчь шла о какомъ-нибудь удовольствіи, проговорилъ капитанъ.

Онъ еще былъ первую кампанію на «Султанъ-Махмудѣ» и стѣснялся адмирала. Но изысканная жестокость «грека» была извѣстна во флотѣ.

Подобная угроза, передъ исполненіемъ которой онъ не затруднился бы, изумила даже и въ тѣ жестокія времена во флотѣ.

И старшій офицеръ, далеко не отличающійся гуманностью и, какъ всѣ, считавшій лучшей воспитательной мѣрой тѣлесныя наказанія матросовъ и «чистку зубовъ», былъ возмущенъ «жестокимъ грекомъ».

Но, сдерживаемый морской дисциплиной, скрывая волненіе, онъ офиціально-сухимъ тономъ проговорилъ:

— Приказаніе ваше передамъ, но внушать основательность жестокаго наказанія всѣхъ за одного и притомъ за ругань, которая до сихъ поръ не считалась даже проступкомъ и никогда не наказывалась, не считаю возможнымъ по долгу службы. И, пожалуй, наказанные заявятъ претензію адмиралу. Адмиралъ — справедливый человѣкъ.

«Грекъ» струсилъ.

— Адмиралъ же приказалъ, чтобы ни одного ругательства. Онъ обѣщалъ его свѣтлости, что дочери можно пріѣхать. И какъ же иначе поддержать честь флота, Николай Васильичъ? Но если вы можете заставить боцмановъ не ругаться завтра безъ страха взысканій, то я ничего не имѣю... Я не жестокій командиръ, какимъ меня разславили... Повѣрьте, Николай

Васильичъ!—необыкновенно грустнымъ тономъ прибавилъ капитанъ.

И даже «маслины» его будто опечалились.

— Будьте покойны, Христоферъ Константинычъ. Меня послушаютъ.

— Тогда вы магъ и волшебникъ! И какъ я счастливъ, что имѣю такого старшаго офицера, уважаемый Николай Васильичъ. Всегда говорите мнѣ правду. Не стѣсняйтесь. Я люблю правду!

«И какъ прелестная «гречанка» выноситъ этого подлаго «грека»!»—внезапно подумалъ Курчавый.

Онъ вышелъ изъ каюты оживившійся, повеселѣвшій и довольный и оттого, что капитанъ, испугавшись претензій и адмирала, отмѣнилъ свое нелѣпое, неслыханное по жестокости приказаніе, и оттого, что это «лживое животное», навѣрное, скоро будетъ рогатымъ.

«Не безпокойся, «грекъ». Я не буду «зѣвать на брасахъ»!»

IV.

Старшій офицеръ собралъ на бакъ всѣхъ боцмановъ, унтеръ-офицеровъ и старшинъ и, войдя въ тѣсный кружокъ, проговорилъ:

— Слушай, ребята! Завтра у насъ смотръ. Пріѣдетъ петербургскій генералъ и съ нимъ дочь, молодая графиня... И такой моды, братцы, что не можетъ услышать браннаго слова... Сейчасъ испугается и... въ слезы! — проговорилъ, смѣясь, Курчавый.

Въ кучкѣ раздался смѣхъ.

— Не видала, значитъ, матросовъ, вашескобродіе! — замѣтилъ одинъ изъ боцмановъ.

— Жаръ-птица объявилась!..—проговорилъ какой-то унтеръ-офицеръ.

— Пужливая, видно, генеральская дочь, вашескобродіе! — насмѣшливо сказалъ кто-то.

— То-то и есть, братцы!—заговорилъ старшій офицеръ.— И генералъ опасается... Думаетъ, какъ на корабль пріѣдетъ, то тутъ и срамъ дочкѣ отъ вашей ругани... Боцмана, молъ, не могутъ даже при дамѣ поберечься... Безпардонные черти!

«Безпардонные черти» добродушно улыбались.

— Однако нашъ адмиралъ защитилъ васъ, ребята, передъ важнымъ генераломъ... Привозите, молъ, ваша свѣтлость, боцмана не оконфузятъ!

— Небось довѣрилъ, молодца адмиралъ... Не оконфузимъ, вашескобродіе... Постараемся!—раздались горячіе голоса.

— Такъ завтра, во время смотра, ни одного боцманскаго

слова, братцы! Я увѣренъ, что мы покажемъ себя! — съ подкупающей, вызывающей веселостью проговорилъ статный и привлекательный Курчавый.

И почему-то онъ въ эту минуту вспомнилъ, какъ сильно и благодарно-трогательно цѣнили эти люди, обреченные на жестокую флотскую муштру, даже небольшое человѣческое отношеніе начальства и какъ много они прощали человѣку только за то, что онъ считалъ и матроса человѣкомъ.

Вспомнилъ Курчавый, какъ берегли его, тогда мичмана, матросы во время ледяного шторма, вспомнилъ въ эти секунды многое, и вдругъ этотъ блестящій офицеръ сильнѣе почувствовалъ, какъ близки ему матросы, и въ его головѣ пролетѣла мысль, что они точно къ чему-то его обязываютъ, и что «собственно говоря» и ему можно было бы поменьше драть и бить матросовъ.

Польщенные довѣріемъ адмирала и старшаго офицера, котораго давно на бакѣ звали «козырнымъ» за его морскую лихость и любили за открытый добрый характеръ,—всѣ, проникнутые добрыми и горделивыми намѣреніями показать себя и не оконфузить, дали старшему офицеру обѣщаніе.

— Взгляни ты на самую пріѣзжую графиню въ родѣ быдто какъ на кварту водки—языкъ и при тебѣ, вашескобродіе! — промолвилъ, словно бы подбадривая себя, одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, торопливо обѣщавшій, что на смотру онъ «ни гу-гу».

Только старшій боцманъ Кряква раздумчиво молчалъ.

Это былъ сухощавый и крѣпкій старый человѣкъ, со скрюченными корявыми пальцами лѣвой руки, давно сильно помятой высученнымъ марса-фаломъ, и слегка искривленными цѣпкими жилистыми босыми ногами, со спокойно-лихой посадкой небольшой ладной фигуры настоящаго «морского волка», видавшаго всякіе виды.

Перешибленный сизоватый носъ и отсутствіе нѣсколькихъ переднихъ зубовъ, слѣды тяжелыхъ карающихъ рукъ, разумѣется, не украшали загорѣлаго, краснаго и грубаго бритаго лица, съ короткою щетинкой сѣдыхъ усовъ и съ плѣшинами на черныхъ клочковатыхъ бровяхъ, подъ которыми свѣтились умные, зоркіе и слегка ироническіе темные глаза. Всѣ поврежденія лица имѣли, впрочемъ, свою жестокую исторію, о которой Карпъ Тимоѳеичъ Кряква и разсказывалъ кому-нибудь изъ матросовъ, но только на берегу и когда, послѣ безчисленныхъ шкаликовъ, былъ еще въ словоохотливомъ періодѣ воспоминаній, во время которыхъ начальству икалось.

Первый ругатель-художникъ на эскадрѣ, творчество котораго было для черноморскихъ моряковъ классическимъ образ-

цомъ сквернословія, онъ, видимо, сомнѣвался въ исполненіи сослуживцами легкомысленно принятаго на себя обязательства и добросовѣстно не рѣшался давать зарокъ хотя бы на время смотра.

— Надо стараться, вашескобродіе!—сказалъ наконецъ боцманъ поощрительнымъ тономъ.—Развѣ только, ежели не стерпѣть, хучь тишкомъ, чтобы барышня не вмерла съ перепугу, Николай Васильичъ! —предложилъ Кряква словно бы устраивающій обѣ стороны компромиссъ. — Она, видно, щуплая и пужливая, вашескобродіе... Такъ она не услышитъ, ежели тишкомъ...

Всѣ засмѣялись.

Засмѣялся и старшій офицеръ и сказалъ:

— Отъ твоей выдумки барынька умереть, пожалуй, и не умретъ, а въ обморокъ, чего добраго, и упадетъ... А голосъ-то у тебя... самъ знаешь, такой, что и тишкомъ на ютѣ слышно... Такъ ужъ ты, Кряква, постарайся, поддержи.

— Развѣ подлецъ я, что ли, чтобы изобидѣть барышню, вашескобродіе! И оконфузить нашъ «Султанъ-Махмудъ» передъ княземъ и обнадежить адмирала и вашескобродіе никакъ не согласно... Во всю мочь буду стараться, но только отъ зарока освободите, Николай Васильичъ, чтобы совѣсть не зазрила.

— Ну, ладно... ладно... Спасибо, Кряква... И ужъ если не сможешь, такъ заткни ротъ рукой и себя облегчи про себя... Такъ завтра, братцы, чтобы все было въ исправкѣ! — прибавилъ старшій офицеръ и вышелъ изъ кружка.

— Какъ есть «козырный»,—сказалъ одинъ унтеръ-офицеръ послѣ ухода Курчаваго.

— «Козырный» и есть!—раздались голоса.

Кучка разошлась.

Каждый унтеръ-офицеръ внушалъ своимъ подчиненнымъ матросамъ приказъ адмирала и старшаго офицера, чтобы во время смотра все было по-хорошему... благородно.

И, разумѣется, унтеръ-офицеръ уже отъ себя прибавлялъ къ этому обѣщаніе форменно «начистить рожу» того «сучьяго матроса», который «оконфузитъ» адмирала.

— А еще какая «шлиховка» будетъ отъ капитана, ежели узнаетъ... Только держись, ежели какъ самъ будетъ считать удары. Онъ, видишь, небось, какая «греческая Мазепа»! — въ заключеніе прибавлялъ для острастки унтеръ-офицеръ.

Затѣмъ, словно бы отдѣлавшись отъ служебной обязанности по временамъ «играть въ строгое начальство», унтеръ-офицеры мгновенно дѣлались простыми, далеко не страшными людьми и по-товарищески лясничали съ тѣми же матросами, у кото-

рыхъ обѣщали «искровянить хайлы», о посѣщеніи петербургскаго важнаго генерала и — главная загвоздка въ томъ-то и есть!—о «щуплой и пужливой» дочкѣ, боявшейся даже и духа матросской ругни. «Въ родѣ какъ помретъ, братцы!»—вышучивали разсказчики графиню. Представлялась она имъ именно такой «щуплой и пужливой», какъ вообразилъ себѣ боцманъ Кряква.

Старый боцманъ никому не внушалъ.

«Сама, молъ, матрозня въ чувствѣ!»

Послѣ спуска флага адмиралъ хоть и былъ красенъ, но далеко еще не «намарсалился». Онъ попросилъ къ себѣ офицеровъ и объяснилъ имъ, почему проситъ ихъ воздержаться.

— Дама-съ будетъ съ нимъ... Дочь его!—прибавилъ адмиралъ.

Нечего и говорить, что офицеры обѣщали.

А молодой лейтенантъ Адріановъ, интересовавшійся литературой и вдобавокъ влюбчивый, какъ воробей, не безъ торжественности проговорилъ, краснѣя какъ маковый цвѣтъ:

— Одно присутствіе женщины, Максимъ Иванычъ, женщины... которая вліяетъ... благотворно и... и... и...

У лейтенанта «заѣло». И адмиралъ поспѣшилъ на помощь къ растерявшемуся лейтенанту.

— И прехорошенькая-съ, Аркадій Сергѣичъ... Да-съ! И сложена... и... Однимъ словомъ—есть на что посмотрѣть... И... шельмоватая-съ... Любитъ, что показать-съ!—сказалъ, смѣясь, адмиралъ.

V.

Высокій и прямой старикъ въ военномъ сюртукѣ съ генералъ-адъютантскими эполетами и эффектно одѣтая молодая блестящая женщина ровно въ одиннадцать часовъ вступили на палубу «Султанъ-Махмуда».

Адмиралъ, капитанъ и вахтенный офицеръ приняли почетныхъ гостей у входа. Встрѣча была парадная, какъ полагалось по уставу. Музыка играла маршъ. Команда выстроена была во фронтѣ. На шканцахъ стоялъ караулъ, и офицеры, въ сюртукахъ и кортикахъ, вытянулись въ линію. Во главѣ стоялъ красивый старшій офицеръ.

Его свѣтлость, не отнимая руки въ бѣлой замшевой перчаткѣ, отдавалъ честь и подошелъ съ дочерью къ офицерамъ. Адмиралъ представилъ ихъ гостямъ. Князь протянулъ старшему офицеру руку. Пожимая руку Курчаваго, графиня на секунду пріостановилась, бросила на него быстрый любопытный взглядъ и двинулась за отцомъ... Онъ всѣмъ подавалъ руку... То же дѣлала и дочь... Штурманамъ и двумъ врачамъ

его свѣтлость руки не подалъ... Графиня любезно пожала имъ руки.

«Молодчага!» — подумалъ Максимъ Иванычъ, видимо не очень-то довольный «накрахмаленнымъ» видомъ его свѣтлости.

Затѣмъ князь поздоровался съ матросами. Тѣ такъ рявкнули, что князь едва замѣтно поморщился. Обойдя фронтъ по обѣимъ сторонамъ, онъ вмѣстѣ съ молодою, высокою и цвѣтущею графиней пошелъ, по приглашенію адмирала, «заглянуть внизъ, въ палубу».

Между тѣмъ приказано было разойтись.

Послѣ того какъ гости, въ сопровожденіи адмирала, капитана и старшаго офицера, обошли всѣ палубы, заглянули въ пустой лазаретъ и побывали въ каютъ-компаніи, всѣ вернулись наверхъ и поднялись на полуютъ.

— Я въ восхищеніи отъ безукоризненной чистоты и порядка на кораблѣ. И какой бравый видъ у матросовъ. Какая идеальная тишина, любезный адмиралъ. Я вижу больше того, что̀ ожидалъ, любезный адмиралъ!—говорилъ князь утонченно-любезно, протягивая слова и чуть-чуть въ носъ. — Почту за долгъ лично доложить, когда возвращусь въ Петербургъ,—прибавилъ князь съ особенною аффектаціей серьезной почтительности въ тонѣ, словно бы желая осчастливить этого «маловоспитаннаго моряка», какимъ считалъ князь адмирала.

Адмиралъ не былъ особенно тронутъ комплиментами его свѣтлости, ничего не смыслившаго въ морскомъ дѣлѣ и словно бы удивлявшагося, что на кораблѣ черноморскаго флота чистота и порядокъ... И это снисходительное высокомѣріе въ дурацкой манерѣ звать «любезнымъ адмираломъ», и желаніе облагодѣтельствовать своимъ докладомъ, и апломбъ... все это начинало раздражать самолюбиваго адмирала.

«Брандахлыстъ ты и есть. «Почтешь за долгъ»! А воображаешь: умница»,—подумалъ адмиралъ.

Зато «грекъ», получившій и на свою долю нѣсколько любезныхъ словъ, таялъ и разсыпался въ восторженно-льстивой благодарности.

Тѣмъ временемъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отца графиня болтала съ старшимъ офицеромъ.

Это была брюнетка лѣтъ тридцати, эффектная и красивая, съ надменно приподнятой головой, бойкая и самоувѣренная, словно бы имѣющая право сознавать и неотразимость красоты лица, и привлекательность своихъ формъ и роскошнаго сложенія.

Казалось, она хорошо знала, чѣмъ именно привлекаетъ муж-

чинъ, и словно бы нечаянно показывала Курчавому то руки, то ослѣпительную шею и, играя черными, слегка вызывающими и смѣющимися глазами, говорила старшему офицеру:

— У васъ очень мило... Мнѣ понравилось... И какіе вы, господа моряки, любезные...

И, безцеремонно оглядывая красиваго блондина значительнымъ и пристальнымъ ласковымъ взглядомъ красиваго и холенаго животнаго, вдругъ съ дерзкой насмѣшливостью проговорила:

— А вы, кажется, имѣете здѣсь репутацію опаснаго... Очень рада видѣть мѣстную знаменитость.

Курчавый, самолюбиво польщенный, вспыхнулъ и съ напускною серьезностью сказалъ:

— Репутація, графиня, незаслуженная...

— Не совсѣмъ, я думаю... Приходите,—поболтаемъ!—почти приказала она.

Курчавый, снимая фуражку и наклоняя голову, спросилъ:

— Когда позволите?..

— А сегодня, въ семь часовъ...

Его свѣтлость повелъ безстрастные глаза на дочь.

«Новый капризъ!»—подумалъ онъ и поморщился.

«Проблематическая» репутація единственной дочери, жены извѣстнаго сановника, товарища князя по пажескому корпусу, давно уже была болячкой князя, и ужъ онъ только смущался теперь забвеніемъ «апарансовъ» красавицы-графини.

Его свѣтлость опять взглянулъ на дочь.

Но она не обратила вниманія на значительный, предостерегающій взглядъ отца, который,—графиня хорошо знала,—говорилъ: «Люди смотрятъ!»

— Съ чего прикажете начать, ваша свѣтлость? — слегка аффектированнымъ тономъ младшаго по должности и по чину спросилъ адмиралъ, прикладывая руку къ козырьку своей бѣлой фуражки, слегка сбившейся на затылокъ.

— Я въ вашемъ полномъ распоряженіи, любезный адмиралъ!—съ подавляющей любезностью отвѣтилъ князь и тоже немедленно приложилъ два длинные пальца руки въ перчаткѣ къ большому козырьку фуражки, надвинутой, напротивъ, на лобъ.

— Угодно вашей свѣтлости сперва посмотрѣть артиллерійское ученіе, потомъ парусное?.. Или пожарную тревогу прикажете, ваша свѣтлость?—настойчивѣе спрашивалъ адмиралъ, продолжая играть роль подчиненнаго.

— Такъ покажите мнѣ, любезный адмиралъ, сперва вашихъ молодцовъ-матросовъ-артиллеристовъ и затѣмъ лихихъ моря-

ковъ въ парусномъ ученіи... Больше я не злоупотреблю вашей любезностью, адмиралъ.

— Слушаю-съ, ваша свѣтлость.

Адмиралъ позвалъ къ себѣ вахтеннаго офицера и приказалъ:

— Барабанщиковъ.

Старшій офицеръ, слышавшій разговоръ двухъ стариковъ, похожихъ въ эту минуту на «ученыхъ обезьянъ», извинился передъ графиней и бѣгомъ бросился къ компасу, чтобы подсмѣнить вахтеннаго лейтенанта и командовать авраломъ.

И, слегка перегнувшись черезъ поручни полуюта, звучнымъ, красивымъ и особенно радостнымъ голосомъ крикнулъ бѣжавшимъ по палубѣ двумъ барабанщикамъ:

— Артиллерійскую тревогу!

Барабанщики съ разбѣга остановились и забили тревожный призывъ.

— Къ орудіямъ!—рявкнулъ съ бака Кряква.

Въ мгновеніе раздался топотъ сотни ногъ по трапамъ и по палубѣ. Ни одного окрика унтеръ-офицеровъ.

Черезъ минуту на кораблѣ царила мертвая тишина. У орудій на палубѣ и внизу въ батареяхъ недвижно стояла орудійная прислуга.

VI.

— Гдѣ угодно, ваша свѣтлость, посмотрѣть ученіе? Здѣсь или внизу?

— Пожалуй, здѣсь, адмиралъ.

Пробила дробь, и ученіе началось.

Старый артиллеристъ по обыкновенію волновался, но не закипалъ гнѣвомъ и не ругался. Онъ, по счастью, не забывалъ, что на полуютѣ его свѣтлость и графиня, которая...

«Пронеси Господи смотръ!»—мысленно проговорилъ колченогій капитанъ морской артиллеріи и наконецъ просіялъ. Онъ замѣтилъ, что и гости, и адмиралъ, и «коварный грекъ», и старшій офицеръ видимо были довольны.

Еще бы!

Матросы откатывали орудія въ открытые порты и подкатывали назадъ для примѣрнаго заряжанія, словно игрушки, и дѣлали свое дѣло безъ суеты, быстро и молча.

— Превосходно... Ве-ли-ко-лѣп-но!—говорилъ его свѣтлость, любуясь ученьемъ и обращаясь къ адмиралу, точно лично онъ—виновникъ торжества.

— Привыкли матросы, ваша свѣтлость!.. И въ морѣ боевыми снарядами недурно палятъ! — отвѣчалъ адмиралъ безъ

особой почтительной радости и словно нисколько не удивлялся лихости матросовъ.

Но въ душѣ радостно удивлялся, что старый артиллеристъ изъ вахтеровъ не произнесъ ни одного браннаго слова.

— Удивляетъ меня нашъ Кузьма Ильичъ! Хоть бы свою любимую «цынготную дѣвку» сказалъ!—тихо и весело проговорилъ адмиралъ, подходя къ старшему офицеру.

— Еще какъ окончится ученіе, Максимъ Иванычъ!.. Зарѣжетъ!.. Особенно передъ графиней!—взволнованно отвѣчалъ старшій офицеръ, не спуская глазъ съ артиллериста, точно хотѣлъ внушить ему не прорваться.

— А эта дамочка-съ, видно, всѣ свои онеры вамъ показала, Николай Васильичъ?—съ улыбкой бросилъ адмиралъ и вернулся къ его свѣтлости и графинѣ, отъ которыхъ не отходилъ капитанъ и восторженно улыбался.

Скоро его свѣтлость прослъ дать отбой, и матросы были отпущены отъ орудій.

— Ну-ка, теперь покажемъ гостямъ, какъ мы ставимъ и убираемъ паруса, Николай Васильичъ?—уже самъ возбужденный при мысли о быстротѣ парусныхъ маневровъ, весело сказалъ адмиралъ старшему офицеру.

И, обратившись къ его свѣтлости, промолвилъ:

— Не угодно ли, графиня и ваша свѣтлость, поближе подойти.

Князь и графиня подошли къ поручнямъ.

Старшій офицеръ, лихой морякъ и знатокъ паруснаго дѣла, возбужденный, съ загорѣвшимися глазами, забывшій въ эту минуту рѣшительно все кромѣ парусовъ и, казалось, еще красивѣе, со своимъ вызывающимъ видомъ лица и всей посадки его стройной фигуры, какъ-то особенно звучно и весело крикнулъ:

— Свистать всѣхъ наверхъ. Паруса ставить!

Боцмана засвистали. Всѣ матросы были на палубѣ, и марсовые бросились къ мачтамъ.

— Къ вантамъ! По марсамъ и салингамъ!—крикнулъ старшій офицеръ.

Сигнальщикъ уже перевернулъ минутную склянку.

Матросы взбѣжали по веревочной высокой лѣстницѣ духомъ.

Адмиралъ отошелъ отъ гостей и, поднявъ голову, впился глазами на мачты. Казалось, теперь онъ весь жилъ постановкой парусовъ.

— По реямъ!

Матросы разлетѣлись по реямъ какъ бѣшеные, словно бы по ровному полю.

Еще минута — и весь корабль, точно волшебствомъ, весь одѣлся парусами.

И адмиралъ, и старшій офицеръ, и боцманъ Кряква только довольно улыбнулись. Нечего и говорить, что князь дивился быстротѣ маневра.

— Одна минута, вашескобродіе, — доложилъ сигнальщикъ старшему офицеру.

— Прелестно... Весь маневръ въ одну минуту... Это волшебство!—проговорилъ князь.

Адмиралъ не опускалъ головы съ верху и зорко поглядывалъ на паруса, все ли до мѣста дотянуто. Не спускалъ глазъ и Курчавый и не замѣтилъ, что графиня бросала по временамъ на него восхищенные взгляды, словно бы на перваго тенора на сценѣ.

Адмиралъ слышалъ слова князя и не подумалъ отвѣтить.

«Точно могли на «Султанъ-Махмудѣ» ставить паруса менѣе минуты! Точно матросы не работаютъ какъ черти!»—подумалъ адмиралъ, и, конечно, въ голову его и не пришло мысли о томъ, какими жестокими средствами дрессировали матросовъ, чтобы сдѣлать ихъ «чертями».

Вмѣсто адмирала «грекъ», весь сіяющій, благодарилъ его свѣтлость за то, что быстрота такъ понравилась князю и графинѣ, и точно онъ, капитанъ, виновникъ такого торжества.

Черезъ нѣсколько минутъ раздалась команда старшаго офицера «крѣпить» паруса.

Снова побѣжали наверхъ марсовые и стали убирать марселя и брамсели. Внизу въ то же время брались «на гитовы» нижніе паруса.

Попрежнему царила тишина на кораблѣ, и адмиралъ и старшій офицеръ были въ восторгѣ. Уборка парусовъ шла отлично, и ни одного боцманскаго словца не долетало до полуюта.

Но вдругъ—на форъ-марсѣ заминка. Уголъ марселя не подбирается.

Курчавый въ ужасѣ взглянулъ на форъ-марсель. Адмиралъ нетерпѣливо крякнулъ.

Въ эту минуту маленькій молодой матросикъ, стоявшій внизу у снасти, смущенно и быстро ее раздергивалъ. Она «заѣла» и не шла.

И, вѣроятно, чтобы понудить веревку, матросикъ чуть слышно умилостивлялъ веревку, говоря ей:

— Иди, миленькая! Иди, упряменькая!

Но такъ какъ «миленькая» не шла, то матросъ разсердился и, бѣшено тряся веревку, тихо приговаривалъ:

— Иди, подлая. Иди, такая-сякая.. Чтобъ тебѣ, такой-сякой...

Унтеръ-офицеръ услыхалъ непотребное слово и, негодующій, чуть слышно проговорилъ матросу:

— Ты что-жъ это, Жученко, такой-сякой, ругаешься? Что я тебѣ приказалъ, растакой с... с...

Боцманъ подскочилъ къ снасти, раздернулъ ее и сдержанно сердито воркнулъ:

— Чего копались тутъ, такіе-сякіе, словно клопы въ кипяткѣ? Матросъ, а насѣкомая, такая-сякая!

Мачтовый офицеръ въ благородномъ негодованіи воскликнулъ:

— Не ругаться, такіе-сякіе!

Среди тишины до полюта долетѣли и «морскіе термины». Князь весь съежился. Графиня улыбнулась и отвернула лицо. Словно бы смертельно оскорбленный, что вышла заминка, какъ сумасшедшій бросился старшій офицеръ внизъ и, не добѣгая до бака, онъ крикнулъ:

— Отчего не раздернули?

— Раздернули!—крикнулъ Кряква.

— Раздернули!?. А еще обѣщали... Постараемся!?

И съ устъ старшаго офицера какъ-то незамѣтно сорвалось «крылатое» словечко, и онъ полетѣлъ назадъ.

«Грекъ» замеръ отъ страха.

«Все пропало! Его свѣтлость!?. Что онъ доложитъ въ Петербургѣ?»—пронеслось въ головѣ капитана.

И онъ уже былъ на бакѣ и, по обыкновенію, мягко проговорилъ:

— Перепорю васъ, такіе-сякіе!..

Князь совсѣмъ сморщился... Графиня сдерживала смѣхъ.

Максимъ Иванычъ, услыхавши всю эту брань, вспылилъ. Онъ побѣжалъ самъ на бакъ. Но до бака не дошелъ и, увидавши ненавистнаго ему «грека», прошепталъ:

— Разодолжили-съ... Нечего сказать... При дамѣ-съ!..

И, позабывши, что дама въ нѣсколькихъ шагахъ, адмиралъ прибавилъ отъ себя болѣе внушительныя слова.

Только-что взбѣжавши назадъ на полютъ, адмиралъ вспомнилъ, что сказалъ, и, смущенный, чуть слышно спросилъ старшаго офицера:

— Слышно было?

— Слышно, Максимъ Иванычъ!—угрюмо проговорилъ старшій офицеръ и продолжалъ командовать.

Закрѣпили паруса отлично. Никто изъ гостей и не замѣтилъ заминки на нѣсколько секундъ, которая «зарѣзала» моряковъ.

Марсовыхъ спустили съ марсовъ.

— Я въ восторгѣ, адмиралъ,—проговорилъ съ утонченною любезностью князь.—Парусное ученіе великолѣпно. Благодарю за доставленное наслажденіе, любезный адмиралъ.

Адмиралъ смущенно поклонился.

— Прикажете продолжать ученіе, ваша свѣтлость?

— Къ сожалѣнію, не могу... Обѣщалъ смотрѣть сегодня 15-ю армейскую дивизію.

— Быть-можетъ, изволите позавтракать, ваша свѣтлость?

Но князь извинился, что нѣтъ времени, и скоро, любезно простившись со всѣми, направился къ трапу...

— Такъ вечеромъ приходите!—промолвила, весело смѣясь, графиня, протягивая руку Курчавому.

Проводивши гостей, адмиралъ вошелъ въ свою каюту и, взглянувъ на парадно накрытый столъ и на вѣстового въ полномъ парадѣ, воскликнулъ:

— Ну и чортъ съ нимъ, если не захотѣлъ завтракать...

И, обращаясь къ вѣстовому, крикнулъ:

— Старый сюртукъ, и зови всѣхъ офицеровъ къ столу, Сусликъ! Да башмаки свои можешь снять!

ТОВАРИЩИ.

I.

Въ этотъ жаркій ноябрьскій день на «Кречетѣ», стоявшемъ на рейдѣ Гонконга, было особенное возбужденіе.

Ждали прихода въ Гонконгъ новаго начальника эскадры, контръ-адмирала Сѣверцова.

Матросы, взволнованные и серьезные, таинственно шушукались на бакѣ, разбившись кучками.

Переходя отъ одной къ другой, пожилой и степенный форъ-марсовой Акимъ Васьковъ увѣреннымъ и ободряющимъ голосомъ, пониженнымъ до шопота, говорилъ:

— Онъ, братцы, произведетъ разборку! Онъ дознается! Только не трусь, ребята! Поддержи по совѣсти, какъ я всю правду обскажу: «Такъ, молъ, и такъ, ваше превосходительство!»

Только-что окончена была генеральная чистка и «приборка». Клиперъ «Кречетъ» такъ и сверкалъ на солнцѣ блескомъ мѣди орудій, поручней, люковъ и компаса. Труба была бѣлоснѣжна. Борты заново выкрашены. Рангоутъ выправленъ на славу. Палуба безукоризненна. О томъ, что на смотру не подгадятъ работами, нечего и говорить.

А между тѣмъ капитанъ, старшій офицеръ, ревизоръ, старшій механикъ и два вахтенные начальника, видимо, были встревожены. Испуганно притихшіе, они сегодня не били матросовъ и не ругались съ обычною виртуозностью.

Адмиралъ шелъ на корветѣ «Проворномъ», вызванномъ телеграммой въ Сингапуръ недѣлю тому назадъ. Только изъ этой телеграммы на «Кречетѣ» узнали о новомъ начальникѣ эскадры и его неожиданно-скоромъ пріѣздѣ изъ Россіи.

«Новаго» не знали.

Никто раньше съ нимъ не служилъ. Послѣ службы въ чер-

номорскомъ флотѣ и оставленія Севастополя Сѣверцовъ нѣсколько лѣтъ былъ морскимъ агентомъ за границей и тридцати семи лѣтъ, только-что произведенный въ контръ-адмиралы, былъ назначенъ начальникомъ эскадры.

Быстро дѣлавшій карьеру, обогнавшій многихъ старшихъ по службѣ, Сѣверцовъ, по кронштадтскимъ слухамъ, былъ хладнокровный, сдержанный, молчаливый и строгій человѣкъ, особенно преслѣдующій злоупотребленія, и хорошій морякъ, не «дантистъ». Передавали, что онъ не «разноситъ» офицеровъ, но придирчиво-требователенъ, и служить съ нимъ нелегко. Говорили, что онъ имѣетъ состояніе и потому относительно независимъ и служитъ изъ честолюбія. Въ послѣднее время на эскадру дошли слухи, будто бы Сѣверцовъ подавалъ высшему морскому начальству докладную записку о необходимости реформъ во флотѣ.

Зналъ Сѣверцова только капитанъ «Кречета» Пересвѣтовъ. Они были товарищи. Но Пересвѣтовъ зналъ товарища только въ корпусѣ. Послѣ выхода въ офицеры служба ихъ разлучила, и они не встрѣчались.

Пересвѣтовъ хоть и помнилъ, что Сѣверцовъ въ корпусѣ былъ хорошимъ товарищемъ, тѣмъ не менѣе очень волновался пріѣздомъ товарища-адмирала, слухи о которомъ были не особенно утѣшительны для капитана, который болѣе чѣмъ фамильярно относился къ счетамъ по поставкамъ угля и провизіи. Положимъ, онъ пользовался скидками на счетахъ единственно потому, что былъ образцовый мужъ и отецъ и желалъ кое-что припасти для семьи; самъ онъ отличался скромностью своихъ потребностей и былъ разсчетливъ до скупости,—но все-таки едва ли будутъ пріятны объясненія съ товарищемъ-адмираломъ, если бы обнаружились какъ-нибудь его семейныя заботы.

«Ужъ слишкомъ высоки были цѣны по счетамъ»,—думалъ теперь Егоръ Егоровичъ, почесывая свою лысину, и о чемъ-то конфиденціально шепталися съ ревизоромъ, лейтенантомъ Перлинымъ.

— Не безпокойтесь, Егоръ Егорычъ... Все по формѣ... Не къ чему придраться. Консулы удостовѣряли цѣны. Чѣмъ же мы виноваты, если цѣны высоки!—успокаивалъ капитана молодой лейтенантъ, прокучивавшій въ портахъ шальныя деньги.—И наконецъ откуда можетъ узнать начальникъ эскадры? Развѣ мы, Егоръ Егорычъ, дѣлаемъ злоупотребленія? Мы пользуемся не отъ казны, а отъ поставщиковъ... И многіе капитаны и ревизоры такъ дѣлаютъ... Точно уже оно такой секретъ... Никто за такіе безгрѣшные доходы не попадалъ

подъ судъ, Егоръ Егорычъ. Можетъ, и новый адмиралъ, когда былъ капитаномъ, зналъ, гдѣ раки зимуютъ. Онъ богатъ,— ему не нужны деньги, а ревизору у него, вѣроятно, были нужны, Егоръ Егорычъ!

И лейтенантъ такъ добродушно разсмѣялся, и въ его веселыхъ сѣрыхъ глазахъ сверкала такая беззаботная увѣренность, что капитанъ нѣсколько успокаивался, и въ его головѣ проносилась мысль: «Все-таки Сѣверцовъ—товарищъ и не станетъ придираться».

— А вы, Александръ Иванычъ, впредь будьте осторожнѣе.

— Есть, Егоръ Егорычъ!

Но не одни только счеты пугали трусливаго капитана. Тревожило его и «нѣсколько строгое» обращеніе съ матросами, какъ деликатно называлъ Пересвѣтовъ нещадную порку людей, и, главное, это недавнее наказаніе матроса Никифорова, котораго пришлось отправить на берегъ въ госпиталь послѣ трехсотъ линьковъ.

Капитанъ очень дорожилъ старшимъ офицеромъ, который былъ настоящимъ помощникомъ и дѣйствительно «собакой» и который такъ вышколилъ команду, что «Кречетъ» былъ образцовымъ судномъ и работали на немъ превосходно; но теперь капитанъ вдругъ сталъ находить, что Леонтій Петровичъ черезчуръ увлекается... Вотъ этотъ случай съ «подлецомъ» Никифоровымъ... Что если адмиралъ узнаетъ? Можетъ выйти цѣлая исторія...

И капитанъ, толстый, съ изряднымъ брюшкомъ, небольшого роста, лысый и «мордастый», съ маленькими бѣгающими глазками, съ большими усами полнаго, рыхлаго и бритаго, нѣсколько бабьяго лица, еще болѣе струсилъ при мысли о приходѣ этого молчаливаго товарища-адмирала («Чортъ знаетъ, какимъ онъ сталъ теперь!») и о матросѣ Никифоровѣ, который такъ некстати опасно заболѣлъ послѣ недавней порки.

Въ виду неизвѣстности, что будетъ, капитанъ, казалось, еще болѣе затосковалъ о женѣ и своихъ трехъ дѣтяхъ. По крайней мѣрѣ онъ нѣсколько разъ взглядывалъ на фотографіи, висѣвшія въ его каютѣ, вздыхалъ, торопливо крестился и снова ходилъ мелкими неспокойными шагами по клеенкѣ.

— Леонтья Петровича позови!—крикнулъ онъ вѣстовому.

— Что прикажете, Егоръ Егорычъ?—съ почтительною офиціальностью, довольно сухо спросилъ старшій офицеръ.

Онъ былъ еще болѣе хмуръ, желтъ и раздраженъ, чѣмъ обыкновенно, этотъ худощавый, высокій блондинъ съ свѣтло-русыми баками и усами, мученикъ службы и дисциплины, безпрекословный исполнитель и одинъ изъ тѣхъ «собакъ»—стар-

шихъ офицеровъ, который, не зная отдыха, заботился о безукоризненномъ порядкѣ и умопомрачающей чистотѣ «Кречета», вѣчно «собачился» и, самолюбивый службистъ, наводилъ страхъ на матросовъ безпощадною строгостью, чтобы судно было въ порядкѣ, и чтобы капитанъ не могъ быть недовольнымъ лихими работами команды.

— Присядьте, Леонтій Петровичъ. Какъ Никифоровъ? Посылали сегодня въ госпиталь справиться?—тревожно спросилъ капитанъ.

— Плохъ-съ, Егоръ Егорычъ. Докторъ ѣздилъ!—угрюмо отвѣтилъ старшій офицеръ, присаживаясь въ кресло.

— Что съ нимъ?

— Скоротечная чахотка.

— Быть-можетъ, прежде былъ боленъ?

— Что ужъ тутъ обманывать себя: просто заболѣлъ отъ наказанія. Запороли, Егоръ Егорычъ!

— Эхъ, Леонтій Петровичъ!.. Не похвалятъ насъ, если адмиралъ узнаетъ.

— Очень даже... Можно и подъ судъ попасть! —съ мрачною правдивостью промолвилъ старшій офицеръ.

— И какъ это вы такъ наказали матроса, Леонтій Петровичъ?—проговорилъ капитанъ съ видомъ сокрушенія и досады.

Баклагинъ взглянулъ въ глаза капитана, и во взглядѣ старшаго офицера промелькнуло изумленіе и презрительное негодованіе.

И Леонтій Петровичъ сказалъ:

— Докторъ говорилъ, что трехсотъ линьковъ нельзя, и я доложилъ вамъ, а вы приказали исполнить ваше распоряженіе, наказать Никифорова.

— Я, кажется, не приказывалъ запороть человѣка, Леонтій Петровичъ!..

— Конечно, я виноватъ-съ, что буквально исполнилъ приказаніе капитана... Я и не стану отпираться.

— Но, Богъ дастъ, вамъ не придется, Леонтій Петровичъ. Можно попросить доктора... Онъ доложитъ, что... что Никифоровъ заболѣлъ не отъ наказанія... Скажите доктору...

— Ужъ говорите объ этомъ доктору сами!..—негодующе вымолвилъ старшій офицеръ.

— И наконецъ адмиралъ можетъ и не узнать... Не правда ли, Леонтій Петровичъ?

— Узнаетъ.

— Почему?

— Команда заявитъ претензію...

— Вѣрно, скотина Васьковъ мутитъ?

— И онъ, да и всѣ недовольны...

— Такъ какъ же вы довели до этого команду?

— Вы думаете, одинъ я?.. Вѣдь пищей недовольны, Егоръ Егорычъ... Я думаю, будутъ претензіи на васъ и на ревизора... По слухамъ, новый адмиралъ — справедливый человѣкъ... И пѣсня моя спѣта!—неожиданно прибавилъ Баклагинъ съ какимъ-то равнодушіемъ отчаянія.

— Не отчаивайтесь, Леонтій Петровичъ... Сѣверцовъ все-таки—мой товарищъ... Я доложу, какой вы отличный старшій офицеръ...

— Очень вамъ благодаренъ, Егоръ Егорычъ. Не безпокойтесь... Я все-таки буду проситься въ Россію и... выйду въ отставку, не ожидая, что выгонятъ... за то, что я безусловный исполнитель... Больше я не нуженъ, Егоръ Егорычъ?

— Да что съ вами, Леонтій Петровичъ?.. Я думалъ, вы меня успокоите, а вы...

— Валите теперь все на меня, Егоръ Егорычъ... Быть-можетъ, вашъ товарищъ и удовлетворится вашими объясненіями о матросѣ Никифоровѣ... Да, кажется, онъ скоро и помретъ и не пожалуется...

Съ этими словами старшій офицеръ ушелъ и, казалось, только теперь понялъ, что Пересвѣтовъ не только плохой морякъ и отчаянный казнокрадъ, но и трусъ, готовый ради спасенія шкуры свалить свою отвѣтственность на своего подчиненнаго, котораго такъ лицемѣрно увѣрялъ въ благодарныхъ чувствахъ.

Баклагинъ, этотъ рыцарь исполнительности и строгости, не ожидалъ такого предательства отъ капитана, обязаннаго отвѣчать за все на ввѣренномъ ему суднѣ.

И Никифоровъ, умирающій въ Гонконгѣ, и подлецъ-капитанъ, чуть ли не отрекавшійся отъ своего безпощаднаго приказанія, не выходили изъ головы старшаго офицера. И онъ съ угрюмой тоской думалъ о позорѣ суда.

Вѣдь онъ видѣлъ, что послѣдніе удары линьковъ ложились на синюю спину уже безчувственнаго, притихшаго человѣка. Онъ могъ остановить истязаніе!

До такой исполнительности онъ еще не доходилъ въ теченіе своей морской службы!

II.

Въ пятомъ часу дня корветъ «Проворный» подъ адмиральскимъ флагомъ на крюйсъ-брамъ-стеньгѣ вошелъ, попыхивая дымкомъ, на гонконгскій рейдъ и сталъ на якорь вблизи отъ «Кречета».

Капитанъ въ полной парадной формѣ только-что хотѣлъ идти на вельботъ, чтобы ѣхать къ адмиралу съ рапортомъ, какъ сигнальщикъ доложилъ вахтенному офицеру, что адмиралъ отвалилъ отъ борта.

— Къ намъ?—спросилъ капитанъ, возвращаясь отъ парадного трапа.

— Къ намъ!—отвѣтилъ молодой вахтенный офицеръ, взглянувъ на адмиральскій вельботъ.

Капитанъ разсчитывалъ поговорить наединѣ съ адмираломъ и «подготовить» его на всякій случай по-товарищески къ строгости съ командой старшаго офицера. И, почти растерянный, онъ снова вернулся къ трапу и приказалъ выстроить команду во фронтъ, вызвать караулъ и господъ офицеровъ для встрѣчи адмирала.

Черезъ нѣсколько минутъ, среди мертвой тишины, на палубу клипера вошелъ адмиралъ съ новымъ флагъ-офицеромъ и пріостановился, чтобы выслушать обычный рапортъ вахтеннаго офицера.

— На клиперѣ все благополучно! Воды въ трюмѣ—одинъ дюймъ. Больныхъ нѣтъ.

Вслѣдъ за вахтеннымъ офицеромъ Пересвѣтовъ съ особенной служебной аффектаціей подчиненнаго проговорилъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ, при чемъ приложенные къ треуголкѣ короткіе, толстые пальцы слегка вздрагивали:

— Честь имѣю донести вашему превосходительству, что на ввѣренномъ мнѣ клиперѣ все обстоитъ благополучно.

— Здравствуй, Егоръ Егорычъ. Давно не видались!— проговорилъ адмиралъ, пожимая руку капитана.

Съ этими словами онъ направился къ офицерамъ, выстроеннымъ на правой сторонѣ шканцевъ.

Невысокій, худощавый, безъ импонирующаго адмиральскаго вида завзятаго моряка, а, напротивъ, скромный и простой, не производившій впечатлѣнія строгаго начальника своимъ серьезнымъ, моложавымъ и довольно красивымъ лицомъ съ темно-русыми бакенбардами и усами, онъ нѣсколько застѣнчиво, краснѣя, подавалъ каждому офицеру свою маленькую руку въ бѣлой перчаткѣ.

Не промолвивъ никому ни одного изъ тѣхъ любезныхъ или внушительныхъ словъ, которыми считаютъ нужнымъ начальники при первой встрѣчѣ «ободрить» подчиненныхъ, Сѣверцовъ пошелъ къ выстроенной по обѣимъ сторонамъ шкафута командѣ.

Безъ той молодцоватости въ посадкѣ и безъ зычности въ голосѣ, какими обыкновенно привѣтствуютъ матросовъ адми-

ралы,—«новый» безъ всякой внушительности и далеко не громко произнесъ обычныя слова:

— Здорово, ребята!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—отвѣтили матросы.

Но въ этомъ отвѣтѣ не было того громкаго и веселаго возгласа полутораста голосовъ, какой бываетъ обыкновенно на судахъ.

Адмиралъ замѣтилъ это. Замѣтилъ и напряженно-взволнованныя лица людей.

Попрежнему молча спустился адмиралъ въ палубу, молча и внимательно осматривалъ кубрикъ, шкиперскую и баталерную каюты, камбузъ, заглядывалъ въ нѣкоторыя офицерскія каюты и только спросилъ врача, заглянувъ въ пустой лазаретъ:

— И на берегу нѣтъ больныхъ?

— Есть, ваше превосходительство. Матросъ Никифоровъ въ госпиталѣ.

— Что съ нимъ?

— Скоротечная чахотка.

— Опасенъ?

— Очень.

Адмиралъ пошелъ дальше, направляясь въ машинное отдѣленіе.

Отъ сердца капитана отлегло. Сѣверцовъ, повидимому, удовлетворился отвѣтомъ.

И, сопровождая адмирала, Пересвѣтовъ подумалъ: «Сѣверцовъ не такой, какъ о немъ слухи. Не будетъ придираться. И не къ чему! Клиперъ—игрушка. И если будетъ претензія,—онъ не поднимете исторіи. Все-таки товарищъ, и крѣпко пожалъ руку, и не задается... Простой... И изъ-за чего ему такъ фартитъ!»—пробѣжала завистливая мысль.

Снова ни слова не говоря, адмиралъ осмотрѣлъ машинное отдѣленіе, залѣзалъ въ коридоръ винтового вала, въ трюмъ, и наконецъ поднялся наверхъ и взошелъ на мостикъ.

Кажется, все въ порядкѣ, а онъ молчитъ, и неизвѣстно, доволенъ ли онъ или нѣтъ.

Это молчаніе безпокоило и капитана, и старшаго офицера, и механика, и ревизора.

Адмиралъ сдѣлалъ нѣсколько ученій. Смотрѣлъ и перемѣну марселей, и пожарную тревогу, и дессантъ, и многое другое. И ни слова.

Только во время артиллерійскаго ученія подходилъ къ офицерамъ, завѣдующимъ батареей, и интересовался:

— Каковъ уголъ обстрѣла вашего орудія? Какова дальность полетовъ снаряда?

Моряки не умѣли отвѣтить и конфузились. Никто объ этомъ не спрашивалъ.

— Надо узнать!—тихо говорилъ адмиралъ, чтобы не слышно было замѣчанія.

Адмиралъ видимо не понравился. Все только смотритъ, такой серьезный и молчаливый, и будто не радуется, что матросы отдаютъ и крѣпятъ паруса съ поразительной быстротой.

Раскраснѣвшійся и вспотѣвшій капитанъ ждалъ, что хоть послѣ ученія, блестящаго паруснаго ученія, на которомъ матросы летали по вантамъ и разбѣгались словно обезумѣвшіе, молчаливый и серьезный Сѣверцовъ заговоритъ и похвалитъ.

Но, вмѣсто того, онъ тихо проговорилъ капитану:

— Напрасна такая быстрота.

Пересвѣтовъ вытаращилъ изумленные глаза. Однако почтительно промолвилъ:

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Всѣ эти... эти фокусы—дурная старая привычка. И для дѣла безцѣльны... И люди рискуютъ упасть!—прибавилъ Сѣверцовъ, словно бы желая пояснить свое замѣчаніе.

— Точно такъ, ваше превосходительство! Ваше приказаніе будетъ свято исполнено, ваше превосходительство!—угодливо поддакнулъ ошалѣвшій капитанъ.

Сѣверцовъ пристально взглянулъ на товарища и густо покраснѣлъ. Что-то брезгливое мелькнуло въ серьезныхъ сѣрыхъ глазахъ адмирала.

— Прикажи собрать команду и удались вмѣстѣ со всѣми офицерами.

— Есть!

И Пересвѣтовъ перешелъ къ старшему офицеру, блѣдному и мрачному, стоявшему у компаса.

— Людей во фронтъ!..

— Есть!

— Леонтій Петровичъ!—чуть слышно, упавшимъ голосомъ прибавилъ растерянный капитанъ.

— Что-съ?

— Уговорите Васькова... Скажите: сдѣлаемъ унтеръ-офицеромъ, если не будетъ претензій...

— На такую... подлость я неспособенъ, Егоръ Егорычъ!—зло прошепталъ старшій офицеръ.

И, словно бы обрадованно, крикнулъ:

— Команда, во фронтъ!

Капитанъ и всѣ офицеры спустились въ каюты. Только вахтенный офицеръ, юный мичманъ Аркадьинъ, остался на мостикѣ и, радостно взволнованный, посматривалъ на адмирала, остановившагося вмѣстѣ съ флагъ-офицеромъ посреди фронта.

«Узнаетъ ли онъ наконецъ, что у насъ творится?»—думалъ мичманъ.

Капитанъ стоялъ подъ приподнятымъ люкомъ своей роскошной каюты, въ которой еще недавно благодушествовалъ и чувствовалъ себя рѣдкимъ, заботливымъ мужемъ и отцомъ, когда подсчитывалъ, сколько «сбереженія» привезетъ онъ домой. Уже тысячу двѣсти фунтовъ отложилъ, и еще цѣлый годъ впереди покупка угля и провизіи. «Нельзя «дурака строить», если семейный и предусмотрительный человѣкъ, и многіе не зѣвають на брасахъ»,—не разъ думалъ Пересвѣтовъ, подписывая счеты и получая отъ ревизора свою львиную долю.

Теперь Егоръ Егоровичъ напряженно прислушивался къ тому, что покажутъ матросы («И какая свинья Баклагинъ!»—подумалъ капитанъ), прислушивался, и испугъ передъ серьезными непріятностями все болѣе и болѣе охватывалъ его сердце вмѣстѣ съ завистливою злобой къ этому товарищу, желающему выскочить передъ высшимъ начальствомъ. «Тихоня, молчитъ, а выдумалъ что? «Напрасна быстрота». Гдѣ это слыхано?.. Онъ, слава Богу, двадцать пять лѣтъ служитъ, и вездѣ порютъ, чтобы матросы работали лѣтомъ, а Сѣверцовъ—новые порядки. Скотина какая, а еще товарищъ... Ни слова благодарности за порядокъ на клиперѣ... Молчитъ... Того и гляди напакоститъ мнѣ... Испортитъ карьеру...»

Мысль эта гвоздила Пересвѣтова. Онъ малодушно трусилъ и старался возбудить себя надеждой на объясненіе съ Сѣверцовымъ. «Онъ пойметъ, что у него семья... Онъ повѣритъ, что не по винѣ командира Никифоровъ такъ наказанъ. И эти высокія цѣны... Онъ—не при чемъ... Ревизоръ дѣлаетъ покупки... Вѣдь товарищъ же онъ... Не посмѣетъ утопить товарища...»

И Пересвѣтовъ торопливо крестился, умоляя Господа Бога, чтобы адмиралъ оказался порядочнымъ товарищемъ и не поднималъ бы исторіи изъ-за матросскихъ претензій... Пусть уберутъ Баклагина, и на клиперѣ не будетъ порки...

Въ каютъ-компаніи царило подавленное молчаніе.

Старшій офицеръ свирѣпо курилъ папиросу. Два лейтенанта, особенно расточительно наказывавшіе матросовъ, вспомнили, что беззаконно наказывали даже унтеръ-офицеровъ.

Самъ ревизоръ, обыкновенно развязный и болтливый, притихъ, подумавъ, что еще не роздалъ матросамъ жалованья за прошлую треть. Былъ въ меланхоліи и старшій механикъ Подосинниковъ. Невесело глядѣлъ и докторъ Моравскій.

Только старый штурманъ и его помощникъ да нѣсколько молодыхъ мичмановъ безъ страха ожидали конца смотра новаго адмирала.

— Никого не разнесъ... Рѣдкій адмиралъ!..—одобрительно промолвилъ одинъ изъ мичмановъ, обращаясь къ старшему штурману Василію Андреевичу, пожилому и коренастому плотному человѣку съ красноватымъ «лобастымъ» лицомъ, заросшимъ черными, едва пробритыми бакенбардами и густыми усами.

— Ддда... Кажется, серьезный человѣкъ. Не кипятится... Не болтаетъ на вѣтеръ и не куражится: «Я, молъ, молодой адмиралъ!»—отвѣтилъ самый серьезный, основательный и добросовѣстный служака, «имѣющій правила», какъ говорилъ Василій Андреевичъ про людей, которыхъ считалъ порядочными.

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Небось, разберетъ основательно претензіи. То-то капитанъ въ тревогѣ. Еще какая выйдетъ исторія... Что обнаружится...

— Какая исторія? Что именно обнаружится?..—рѣзко и вызывающе спросилъ ревизоръ Нерпинъ, услышавши тихій разговоръ штурмана съ мичманомъ.

— Многое-съ!—сухо отвѣтилъ Василій Андреевичъ.

— Напримѣръ-съ?

Штурманъ хотѣлъ-было отвѣтить, какъ съ дивана вдругъ мрачно и рѣзко выпалилъ старшій офицеръ:

— А хоть бы болѣзнь Никифирова, котораго запороли... А гнилое масло у матросовъ?.. А... Да мало ли что... Или вы ничего не помните, Александръ Иванычъ?

Ревизоръ принужденно засмѣялся. Мичмана изумленно взглянули на старшаго офицера, который присутствовалъ при наказаніи Никифорова, и опустили глаза. Всѣ молчали. Снова наступила въ каютъ-компаніи тяжелая напряженность.

III.

Среди мертвой тишины на палубѣ «Кречета» раздался негромкій, слегка басоватый голосъ адмирала:

— Есть ли какія-нибудь претензіи, ребята?

И его серьезные глаза оглядывали особенно насупившіяся и встревоженныя лица матросовъ...

Прошла секунда, другая, и изъ фронта вышелъ пожилой,

поблѣднѣвшій матросъ Акимъ Васьковъ и, остановившись передъ адмираломъ, проговорилъ:

— Имѣю претензію, ваше превосходительство!

— Какъ твоя фамилія?

— Васьковъ, ваше превосходительство.

— Говори...

— Мочи нѣтъ терпѣть, ваше превосходительство. Вовсе нудно отъ дёрки и боя, ваше превосходительство... За всякій пустякъ наказываютъ... Господинъ капитанъ и старшій офицеръ ровно съ арестантами обращаются и наказываютъ, можно сказать, безъ всякаго закона... Недавно пороли матроса Никифорова, когда ужъ онъ въ омертвѣніи былъ... И когда пришелъ въ чувство, его отправили въ госпиталь, и тамъ онъ помираетъ, ваше превосходительство... И за треть левизоръ жалованья не выдаетъ... Просилъ,—такъ говорилъ: потомъ, молъ... Шесть мѣсяцевъ не выдаютъ, ваше превосходительство. И, осмѣлюсь доложить, харчъ неправильный. Извольте обслѣдовать мою претензію, ваше превосходительство.

— Я разберу... У кого еще претензія, ребята?—спросилъ адмиралъ.

Тогда сразу вышло нѣсколько десятковъ матросовъ. Они заговорили сразу.

— По очереди!—промолвилъ адмиралъ.

Лицо его попрежнему было серьезно и спокойно.

Всѣ говорили почти одно и то же, что̀ докладывалъ Васьковъ.

Жаловались на безмѣрную порку, если на секунду опоздаютъ марсовые крѣпить или отдавать паруса, и на «бой съ поврежденіемъ»; жаловались на гнилое масло, на тухлую солонину, на порченыя овощи...

Претензію заявило человѣкъ сорокъ.

Адмиралъ терпѣливо выслушалъ жалобы и, когда послѣдній жалобщикъ окончилъ, Сѣверцовъ сказалъ:

— Всѣ претензіи будутъ разсмотрѣны, ребята.

— Покорно благодаримъ, ваше превосходительство!—гаркнули вдругъ весело матросы, какъ одинъ.

— Защитите, ваше превосходительство! Прикажутъ за претензіи отодрать до безчувствія!—раздался вслѣдъ за окрикомъ голосъ Васькова.

— Васьковъ, подойди!

Матросъ вышелъ изъ фронта.

— Ты сейчасъ говорилъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— Почему ты предполагаешь, что тебя накажутъ?

— Въ прошломъ году обсказывалъ на смотру такія же претензіи начальнику эскадры, и какъ они изволили уѣхать, мнѣ было дадено двѣсти линьковъ, ваше превосходительство. Въ лазаретъ снесли опосля...

— За твои претензіи не накажутъ. До свиданія, ребята!— проговорилъ адмиралъ.

— Счастливо оставаться, ваше превосходительство!—крикнули матросы...

До капитана дошли нѣкоторыя жалобы. Онъ слышалъ эти веселые окрики и, совершенно растерянный, вышелъ наверхъ. Адмиралъ попросилъ вахтеннаго офицера велѣть подать адмиральскую гичку къ борту.

Всѣ офицеры были во фронтѣ, и караулъ вызванъ для проводовъ начальника эскадры.

Онъ подошелъ къ капитану и отвелъ его къ кормѣ.

— Къ сожалѣнію, я слышалъ очень серьезныя претензіи!— совсѣмъ тихо и снова нисколько не мѣняя своего покойнаго тона, сказалъ адмиралъ.

— Я слышалъ, ваше превосходительство, какъ команда бунтовала, стараясь...

— Если претензіи справедливы,—тогда твое счастье, что команда и не подумала бунтовать... Матросъ Никифоровъ засѣченъ?

— Старшій офицеръ не доглядѣлъ, ваше превосходительство...

— А мнѣ не сказали, что есть больной въ госпиталѣ...

— Онъ на берегу...

— Попрошу тебя не наказывать людей за подачу претензій... И ты поймешь, что я вынужденъ просить тебя и старшаго офицера съѣхать сегодня же на берегъ и ожидать окончанія дознанія... Завтра дознаніе начнется...

— За что же, ваше превосходительство? — почти умолялъ капитанъ. — Обращаюсь къ товарищу... Не губи меня... Позволь объясниться съ тобой наединѣ...

— Я попрошу къ себѣ на корветъ, я выслушаю тебя... Пріѣзжай послѣ сдачи клипера. Объ этомъ получишь приказъ.

Съ этими словами Сѣверцовъ повернулъ къ шканцамъ, сдѣлалъ общій поклонъ офицерамъ, протянулъ руку капитану и отвалилъ отъ борта.

— На корветъ! — проговорилъ адмиралъ, обращаясь къ флагъ-офицеру, сѣвшему на руль.

Черезъ полчаса адмиралъ въ статскомъ платьѣ ѣхалъ на своемъ вельботѣ по направленію къ городу.

— Вѣрно, ѣдетъ въ госпиталь павѣстить Никифорова!—замѣтилъ мичманъ на вахтѣ, обращаясь къ своему товарищу, подошедшему «полясничать» о событіи, о неожиданномъ отрѣшеніи отъ должностей капитана и старшаго офицера.

— Если только застанетъ Никифорова въ живыхъ!—вдругъ раздался изъ-подъ мостика необыкновенно суровый и въ то же время тоскливый голосъ старшаго офицера.

Капитанъ о чемъ-то шепталсяся съ ревизоромъ въ своей каютѣ, пока вѣстовой его укладывалъ чемоданы и сундуки. Сборы Баклагина не безпокоили его. Они — зналъ онъ — не долги.

Къ семи часамъ адмиралъ вернулся съ берега. Вскорѣ на катерѣ пріѣхали съ вещами старшій офицеръ и первый лейтенантъ съ флагманскаго корвета, чтобы въ званіи временныхъ капитана и старшаго офицера «Кречета» принять клиперъ. Они передали отрѣшеннымъ адмиральскій приказъ по эскадрѣ и передали словесную просьбу адмирала—пожаловать капитану послѣ отвѣта на допросные пункты.

Въ десятомъ часу вечера, когда уже команда спала, сперва Пересвѣтовъ, а потомъ Баклагинъ оставили клиперъ и уѣхали въ Гонконгъ. Оба остановились въ одномъ отелѣ.

IV.

Слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ командира адмиральскаго корвета окончила дознаніе, и все дѣло было представлено Сѣверцову.

Раннимъ утромъ сидѣлъ онъ надъ нимъ въ своей роскошной адмиральской каютѣ и внимательно прочитывалъ вороха исписанной бумаги.

Адмиралъ наконецъ окончилъ послѣдній листъ.

Дознаніе вполнѣ выяснило, что на «Кречетѣ» никто не чувствовалъ себя человѣкомъ, до того жестоко было обращеніе съ командой. Особенно была значительна объяснительная записка бывшаго старшаго офицера Баклагина. Она еще съ большею безпощадностью раскрывала тяжелое положеніе матросовъ, чѣмъ показанія самихъ жертвъ. Въ этихъ показаніяхъ чувствовалась какъ бы недосказанность и смягченность, словно бы уже счастливые, что избавились отъ капитана и старшаго офицера, они не хотѣли губить ихъ и сжели и не прощали имъ, то во всякомъ случаѣ готовы были щадить ихъ.

Никифирова адмиралъ не засталъ въ живыхъ. Но Баклагинъ описалъ возмутительную картину наказанія, а матросы словно бы не хотѣли класть настоящія краски.

Особенно удивило Сѣверцова данное комиссіи показаніе Васькова.

Этотъ часто наказывавшійся матросъ, на словахъ ненавистникъ капитана и старшаго офицера, былъ удивительно сдержанъ въ своихъ показаніяхъ. Онъ даже скрылъ, что послѣ какого-то рѣзкаго отвѣта онъ получилъ триста линьковъ и пролежалъ мѣсяцъ въ лазаретѣ. Скрылъ онъ и то, что у него было надорвано ухо и вышиблено нѣсколько зубовъ.

Обо всемъ этомъ съ педантическою подробностью было указано въ запискѣ старшаго офицера, а потерпѣвшій словно бы щадилъ мучителя.

Кромѣ несомнѣнныхъ фактовъ жестокости, не вызываемой даже серьезными поводами, дознаніе обнаружило и самыя наглыя злоупотребленія.

Оказывалось, что Пересвѣтовъ, товарищъ адмирала, былъ въ стачкѣ съ ревизоромъ и механикомъ по казнокрадству, а ревизоръ—уже одинъ обкрадывалъ матросовъ.

«Я имъ покажу! — подумалъ адмиралъ, убѣжденный, что онъ покажетъ отмѣнный примѣръ силы закона, если отдастъ подъ судъ нѣсколькихъ офицеровъ. — Пусть виноватый — не только товарищъ, а хоть бы братъ: не пощажу!»—рѣшилъ молодой адмиралъ и самъ восхитился своимъ нелицепріятіемъ.

И тѣмъ не менѣе безспорно жестокій старшій офицеръ находилъ въ его умѣ какое-то снисхожденіе...

— Николаевъ!

Въ каюту вошелъ бѣлобрысый матросъ, только-что назначенный вѣстовымъ къ адмиралу.

— Попроси сюда флагъ-офицера!

— Есть!

Черезъ минуту въ каюту вошелъ Охотинъ, пріѣхавшій съ новымъ адмираломъ изъ Россіи; Сѣверцовъ взялъ его флагъ-офицеромъ по рекомендаціи одного пріятеля.

— Что прикажете, ваше превосходительство?

— Попросить сигналомъ ревизора «Кречета».

Охотинъ направился изъ каюты, какъ Сѣверцовъ окликнулъ:

— Владиміръ Сергѣичъ!

— Есть, ваше превосходительство.

И, сразу «осадивъ» и красивой, легкой походкой приблизившись къ адмиралу, пригожій и румяный, черноволосый съ маленькими усиками флагъ-офицеръ смотрѣлъ въ глаза Сѣверцова серьезно, внимательно и спокойно, стараясь во всемъ подражать своему начальнику. Даже и говорилъ тихо и сдержанно.

— Когда сдѣлаете сигналъ, поѣзжайте на берегъ на моемъ вельботѣ и пригласите отъ моего имени Пересвѣтова пріѣхать сейчасъ.

— Есть! А если не застану дома? Прикажете оставить записку, ваше превосходительство?

— Непремѣнно. И зайдите къ Баклагину. Попросите его пріѣхать ко мнѣ послѣ полудня.

— Слушаю-съ. Больше никакихъ приказаній, ваше превосходительство? — освѣдомился Охотинъ, точно щеголяя и своимъ безстрастнымъ видомъ и своею предусмотрительностью.

— Нѣтъ, Владиміръ Сергѣичъ!

Сѣверцовъ снова задумался и лѣниво отхлебывалъ чай.

И наконецъ спокойно, рѣшительно, съ довольнымъ сознаніемъ рыцаря служебнаго долга, не останавливающагося ни передъ чѣмъ,—прошепталъ:

— Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ!

Несомнѣнно, что въ щепкахъ адмиралъ видѣлъ виноватыхъ людей, повидимому, не испытывая къ нимъ ни снисхожденія ни жалости.

И когда его превосходительство рѣшилъ въ своемъ умѣ, какъ онъ искоренитъ безобразія на эскадрѣ, если и на другихъ судахъ увидитъ что-нибудь подобное, что увидѣлъ на «Кречетѣ», и окончилъ пить чай,—въ комнату вошелъ ревизоръ.

Блѣдный, далеко ужъ не съ наглыми и смѣющимися глазами, молодой и щеголеватый лейтенантъ Нерпинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, поклонившись адмиралу, котораго теперь ненавидѣлъ, какъ виновника своего несчастія, проговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Честь имѣю явиться, ваше превосходительство!

Адмиралъ слегка наклонилъ голову, но руки не протянулъ.

И Нерпинъ сдѣлался еще блѣднѣй.

— Изъ показаній видно, что вы вмѣстѣ съ капитаномъ при посредствѣ консуловъ получали въ свою пользу деньги, остававшіяся отъ разницы между фиктивной и дѣйствительной цѣною... Вы отрицали это въ своихъ показаніяхъ... А между тѣмъ капитанъ съ механикомъ сознались... Кромѣ того, матросы показали, что имъ выдавалась скверная провизія... Вы остаетесь при прежнихъ показаніяхъ? — спрашивалъ Сѣверцовъ тихо и, казалось, нисколько не волнуясь.

— Нѣтъ. Все правда, ваше превосходительство.

— Что васъ вынудило? Были какія-нибудь особенныя причины?

— Никакихъ. Кутилъ, ваше превосходительство! Да и мно-

гіе ревизоры и капитаны пользуются доходами и за это не обвинялись... И я не считалъ, что дѣлаю преступленіе. Я только пользовался процентными скидками!.. Казна ничего не теряетъ...

— Не теряетъ? А болѣе дорогія цѣны? А дурная провизія матросамъ?

— Цѣны даются консулами. А провизія рѣдко бывала дурной...

Адмиралъ поднялъ глаза на Нерпина. Повидимому, онъ дѣйствительно не сознавалъ всей гадости, которую дѣлалъ.

И Сѣверцовъ продолжалъ:

— Положимъ, вы не понимаете настоящаго значенія этихъ скидокъ... Но на васъ есть обвиненія болѣе тяжелыя... Многіе показываютъ, что вы не выдавали слѣдующихъ имъ денегъ...

Ревизоръ молчалъ.

— Отвѣтьте. Вѣдь это неправда? Вы не обкрадывали матросовъ?

Краска разлилась въ лицѣ Нерпина. Въ немъ былъ тупой страхъ пойманнаго животнаго и больше ничего.

— Я эти деньги раздамъ завтра же.

— А если бы я не узналъ, то не роздали бы?!. Такимъ офицерамъ не мѣсто во флотѣ...

— Я подамъ въ отставку, ваше превосходительство! Не губите, умоляю васъ... Не позорьте... Вѣдь жизнь впереди. Вѣрьте, я больше не поставлю себя въ такое положеніе.

Онъ былъ жалокъ, этотъ умоляющій, готовый на всякія униженія человѣкъ, чтобы только избавиться отъ оглашенія позора—невыдачи жалованья матросамъ... Это онъ считалъ позоромъ... Но вѣдь онъ уплатитъ, немедленно уплатитъ...

Адмиралъ слушалъ и не чувствовалъ въ сердцѣ сожалѣнія, а умъ, напротивъ, говорилъ, что такой молодой человѣкъ и такой безчестный не имѣетъ никакого права на прощенье.

И Сѣверцовъ, не поднимая тона своего тихаго и монотоннаго голоса, сказалъ:

— Оправдать или обвинить васъ—дѣло суда, а я не смѣю по долгу службы замять вопіющаго дѣла... Не смѣю. Прошу васъ завтра же сдать должность, удовлетворивъ жалованьемъ матросовъ, списаться съ клипера и ѣхать въ Кронштадтъ. А я представлю управляющему министерствомъ, чтобы всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу предали суду...

— Ваше превосходительство!.. Развѣ, погубивши меня, вы... вы спасете что-то?.. Искорените привычку?.. Ну, если я воръ, такъ и выйду въ отставку... А другіе?.. Они занимаютъ вид-

ныя мѣста... Всѣ знаютъ, откуда домъ, называемый угольнымъ, у адмирала Бедряги... Вѣдь вы не погубите его... О, ваше превосходительство!.. Не отдавайте подъ судъ!—съ какой-то настойчивостью отчаянья и страха воскликнулъ Нерпинъ.

— Объясните все это суду... Онъ приметъ во вниманіе... А я не смѣю, лейтенантъ Нерпинъ... Поймите это... Можете идти...

— Понимаю, понимаю, ваше превосходительство... Понимаю, что это жестоко, ваше превосходительство.

И съ этими словами ревизоръ выбѣжалъ изъ каюты.

Адмиралъ, казалось, тоже не могъ понять, какъ этотъ офицеръ, безъ всякаго самолюбія и не имѣвшій чувства чести, но все-таки не дуракъ, не могъ понять непоколебимой справедливости адмирала и унизительно молилъ о пощадѣ.

Точно онъ могъ разсчитывать, что адмиралъ, уже заслужившій репутацію рыцаря безъ страха и упрека, будетъ дѣлать поблажку безчестнымъ и вреднымъ для флота людямъ...

И Пересвѣтовъ, этотъ естественный воръ и палачъ, тоже воображаетъ, что адмиралъ, потому что онъ товарищъ, долженъ мирволить безчестному. Кажется, могъ бы не красть и не запарывать людей! Кажется, могъ бы сообразить, что въ Россіи новыя вѣянія.

Такъ просто, благородно и прямолинейно разсуждалъ Сѣверцовъ и не безъ удовлетвореннаго чувства вспомнилъ свою безукоризненную службу, щепетильную честность и независимость, благодаря которой онъ не только не затерялся въ толпѣ, а сдѣлалъ блестящую карьеру и въ тридцать восемь лѣтъ—адмиралъ, начальникъ эскадры, а его товарищи только капитаны второго ранга...

И адмиралъ присѣлъ къ письменному столу, взялъ большой листъ почтовой бумаги и такъ началъ рапортъ морскому министру:

«Съ глубокимъ сожалѣніемъ имѣю честь донести вашему высокопревосходительству о позорномъ дѣлѣ, дознаніе о коемъ при семъ препровождаю...»

Не успѣлъ адмиралъ написать и страницы своимъ размашистымъ почеркомъ, какъ въ каюту вошелъ флагъ-офицеръ и, осторожно приблизившись къ столу, остановился, выжидая, когда занятый адмиралъ поднимете голову.

Черезъ минуту Охотинъ доложилъ:

— Капитанъ 2-го ранга Пересвѣтовъ пріѣхалъ съ берега, ваше превосходительство! А капитанъ-лейтенантъ Баклагинъ явится къ вашему превосходительству въ два часа.

— Просите Пересвѣтова ко мнѣ. И скажите на вахтѣ, чтобы никто не входилъ ко мнѣ.

— Есть!..

VI.

— Здравствуй, Егоръ Егорычъ!.. Садись...

И Сѣверцовъ пожалъ руку товарища и проговорилъ:

— Ты, какъ умный человѣкъ, поймешь, конечно, что я долженъ дать ходъ дознанію. Знаешь: дружба — дружбой, а служба — службой,—прибавилъ адмиралъ, хотя въ корпусѣ никогда ни съ кѣмъ не дружилъ.

Егоръ Егорычъ тяжко вздохнулъ, вытеръ вспотѣвшую лысину и, словно бы еще не теряя надежды на товарища, старался скрыть свой страхъ и даже попробовалъ улыбнуться, когда вздрагивающимъ голосомъ проговорилъ, подсапывая носомъ:

— Что же, ваше превосходительство, ты хочешь сдѣлать съ товарищемъ?

— Предложить ѣхать тебѣ въ Россію, Егоръ Егорычъ... А ужъ тамъ... морское начальство рѣшитъ: предать ли тебя суду, или нѣтъ...

— А ты... ты, Николай Николаичъ... что напишешь?—съ мольбой въ глазахъ спросилъ Пересвѣтовъ.

— Правду, конечно, Егоръ Егорычъ...

— А именно?

— Прошу суда...

— За что же?.. Ты, значитъ, повѣрилъ показаніямъ матросовъ?..

— Не однимъ ихъ показаніямъ... Они еще были очень мягки. А показанія Баклагина противорѣчатъ твоимъ... Жестокія наказанія ты приписываешь только бывшему твоему старшему офицеру...

— И я показывалъ справедливо... Я никого не засѣкъ... Я, по данному мнѣ уставомъ праву, приказывалъ виновныхъ наказывать линьками... Старшій офицеръ увлекался... Это онъ смотрѣлъ, какъ наказывали Никифорова.

— Баклагинъ хоть имѣлъ мужество не щадить себя, а ты, Егоръ Егорычъ,—извини,—вѣдь въ своихъ отвѣтахъ говорилъ неправду.

— Я не отрицалъ, что ревизоръ меня запуталъ, Николай Николаичъ!.. Что-жъ... я виноватъ... Но за это не отдаютъ подъ судъ... И, Николай Николаичъ... Ты богатый человѣкъ и не семейный... А я... Ты думаешь, я запутался въ этихъ дѣлахъ ради наживы для себя?.. Клянусь, изъ-за семейнаго

положенія... Николай Николаичъ!.. Вѣдь я—самъ-пятъ!.. А содержаніе... Нехорошо, не спорю... Но одинъ, что ли, я?.. Развѣ нѣтъ смягчающихъ обстоятельствъ... Что-жъ, ты хочешь по міру пустить мою семью... Такъ вѣдь это... того... не по-товарищески... Отдашь подъ судъ... меня выгонятъ... безъ пенсіи... Ты говоришь: строгость на клиперѣ... Такъ вѣдь вездѣ во флотѣ строго... Прежній адмиралъ въ приказахъ объявлялъ благодарность... И всегда я былъ на хорошемъ счету. И всегда поролъ... А теперь я вдругъ—извергъ... Хорошо... Ну—извергъ... Ты приказалъ не наказывать строго... Не гнаться за быстротой... Ну, я исполню твои приказанія... И съ этими процентами со счетовъ, и уголь... Чортъ съ ними... Ну, ужъ если тебѣ надо показать твою строгость и ретивость молодого адмирала, такъ отошли меня въ Россію по болѣзни... А то и позоръ, и нищету... О, Господи! За что?

И Пересвѣтовъ больше не могъ говорить. Рыданія вырвались изъ его груди.

«И какой же ты подлецъ!»—думалъ адмиралъ, взглядывая на рыдающаго Пересвѣтова, и словно бы не догадывался, что и этотъ жестокій человѣкъ съ матросами и казнокрадъ можетъ быть любящимъ семьяниномъ. Онъ забылъ, что можно избавить флотъ отъ такихъ капитановъ и безъ того, чтобы сдѣлать ихъ несчастными, и, главное, забылъ, что не лица виноваты, а духъ времени и система.

Но адмиралъ хотѣлъ «показать примѣръ» и проговорилъ:

— Мы разно смотримъ на службу, Егоръ Егорычъ. Ты меня не убѣдишь. Флотъ нашъ долженъ обновиться...

— Изъ-за того, что я буду съ семьей нищимъ? Я запоролъ, какъ ты говоришь, Никифорова...

— Да... И за это и за злоупотребленія долженъ потерпѣть кару...

— А ты не запорешь, а сдѣлаешь несчастными многихъ людей... и скажу, какъ бывшему товарищу: знаешь ли почему? Можно сказать?

— Говори, пожалуйста.

— Изъ-за своей карьеры... А ты развѣ не поролъ марсовыхъ, когда былъ старшимъ офицеромъ на «Андромахѣ» въ Черномъ морѣ?.. Тогда мода была такая... А теперь ты... Что-жъ, отдавайте подъ судъ, ваше превосходительство!—съ отчаяніемъ въ голосѣ крикнулъ этотъ возбужденный страхомъ трусъ.

И, злобно безсильный, Пересвѣтовъ взглянулъ на адмирала и вышелъ изъ каюты.

Адмиралъ густо покраснѣлъ и сталъ продолжать рапортъ.

БАКЛАГИНЪ.

I.

Когда бывшій командиръ «Кречета» узналъ отъ товарища и начальника, адмирала Сѣверцова, что̀ ему предстоитъ, онъ возвращался на берегъ, въ Гонконгъ, хотя и очень разстроенный, но все-таки по крайней мѣрѣ онъ зналъ, что̀ съ нимъ хочетъ сдѣлать адмиралъ. Извѣстность положенія не такъ волнуетъ, какъ неизвѣстность. И, несмотря на объявленіе Сѣверцова, что онъ будетъ просить высшее начальство о преданіи своего товарища суду, Пересвѣтовъ не терялъ еще надежды, что въ Петербургѣ не поднимутъ дѣла и не отдадутъ подъ судъ, а отнесутся «полегче».

И министръ и другіе болѣе или менѣе вліятельные старики-адмиралы посмотрятъ на эти обвиненія въ жестокости и въ злоупотребленіяхъ проще, трезвѣе и спокойнѣе «подлеца» Сѣверцова, который готовъ погубить товарища изъ-за честолюбиваго желанія отличиться безпощадной карой.

И когда Егоръ Егоровичъ представлялъ себѣ многихъ адмираловъ, съ которыми былъ знакомъ не по службѣ только, а бывалъ у нихъ въ домахъ и игралъ съ ними въ преферансъ,—когда онъ вспомнилъ, что очень любимъ тестемъ, тоже старымъ адмираломъ, то Пересвѣтовъ еще болѣе надѣялся, что его не погубятъ. Вѣдь многіе изъ нихъ, когда были капитанами, запарывали не одного только матроса и не были безъ кое-какихъ слабостей въ хозяйствѣ экипажа: и пользовались даровыми рабочими-матросами, и дѣлали экономіи на обмундированіи и довольствіи нижнихъ чиновъ. И когда дѣлались адмиралами, эти капитаны, наводившіе прежде трепетъ на матросовъ, становились мягче и ужъ не пользовались—да и не могли—тѣмъ, чѣмъ пользовались раньше по обычаю, о которомъ хоть и не говорилось громко, но ко-

торый не считался чѣмъ-нибудь позорнымъ. Вотъ распустить команду, не держать судна въ порядкѣ, долго крѣпить паруса, ничего не понимать въ своемъ дѣлѣ, это—позоръ.

Такъ какъ же эти почтенные и уважаемые служаки-адмиралы покарaютъ того, кто дѣлалъ то же, что дѣлали въ свое время и они, и попался «въ передрягу» только потому, что имѣлъ несчастіе нарваться на безсердечную, скрытную «собаку» Сѣверцова, и что появились какія-то новыя вѣянія,—чортъ бы ихъ побралъ!—о которыхъ однако не объявили приказомъ по флоту.

Такія размышленія занимали Пересвѣтова, когда онъ ѣхалъ по заштилѣвшему рейду на адмиральской гичкѣ. И, послѣ первой остроты отчаянія и страха за будущее его и его семьи, онъ оправился настолько, что могъ обсуждать свое положеніе.

И тогда-то Егоръ Егоровичъ могъ вспомнить и общность взглядовъ, правилъ и привычекъ большей части дружной морской семьи, воспитанной тѣмъ же корпусомъ, и брезгливость—выносить соръ изъ избы, брезгливость да и боязнь, какъ бы не вызвать неудовольствія высшей власти, и—главное—добродушную снисходительность къ своему же морѣяку, если онъ попалъ «въ непріятности» не по морской службѣ и не по серьезному нарушенію дисциплины.

«Тогда суди и наказывай!»—мысленно произнесъ Пересвѣтовъ.

И будущее теперь казалось ему не такимъ уже отчаяннымъ, какимъ представлялось послѣ бесѣды съ адмираломъ.

Если Егоръ Егоровичъ и не возносился чрезмѣрными надеждами, то все-таки надѣялся не на что-нибудь ужасное, а только на «пакости», хотя и большія.

Ужъ если и не замнутъ совсѣмъ дѣла о немъ, чтобы не «опрохвостить» этого выскочку-адмирала, имѣющаго, повидимому, высокаго покровителя въ высшихъ морскихъ сферахъ,—то дадутъ домашнюю головомойку министръ и начальникъ штаба и будутъ держать на службѣ до выслуги полной пенсіи и уволятъ, по прошенію, въ отставку съ производствомъ въ контръ-адмиралы.

Но чѣмъ болѣе смягчалась кара въ умѣ Пересвѣтова при мысли о своей отличной службѣ, еще недавно засвидѣтельствованной предмѣстникомъ начальника эскадры, о родственныхъ узахъ съ адмираломъ-тестемъ и о знакомствѣ со многими адмиралами, которые были не безсердечными, а хорошими и добрыми людьми и «не зѣвали при случаѣ на брасахъ»,—тѣмъ несправедливѣе казалась эта кара, и тѣмъ ненавистнѣе становился въ его глазахъ Сѣверцовъ.

Но особенно злился Пересвѣтовъ на бывшаго своего помощника Баклагина.

По мнѣнію бывшаго капитана, Баклагинъ, именно благодаря его показаніямъ и нежеланію помочь своему капитану, былъ главнымъ виновникомъ того, что вся эта исторія открылась и съ подлымъ удовольствіемъ раздута адмираломъ Сѣверцовымъ.

Нечего и говорить, что о запоротомъ Никифоровѣ и о тысячѣ двухстахъ фунтовъ, лежавшихъ въ видѣ чека въ карманѣ, Пересвѣтовъ въ эту минуту не вспомнилъ.

Зато Егоръ Егоровичъ злился и, не понимая, чѣмъ, кромѣ подлости или несосвѣтимой глупости, объяснить эти откровенныя разоблаченія «собаки» старшаго офицера, спрашивалъ себя:

— Какая цѣль такой подлости? Кажется, я ничего дурного не сдѣлалъ, и... такой подлецъ!

II.

Пересвѣтовъ вернулся въ отель, сбросилъ сукно, облачился въ чесучу и сталъ отпиваться содовой водой съ Brandy. Послѣ нестерпимо палящаго зноя на улицѣ—въ прохладномъ, полутемномъ номерѣ Пересвѣтовъ нѣсколько отдышался, пересчиталъ изрядную сумму денегъ въ золотѣ, написалъ женѣ длинное письмо о «подлости» товарища-адмирала и о скоромъ пріѣздѣ и вышелъ въ контору отеля, чтобы сдать письмо и справиться о днѣ отхода перваго парохода въ Европу.

Въ это время въ конторѣ появился бывшій ревизоръ, лейтенантъ Нерпинъ. Вещи его были внесены китайцемъ-«боемъ» гостиницы.

— Подъ судъ ѣду, Егоръ Егорычъ! Прямо въ Россію и подъ судъ, Егоръ Егорычъ!—воскликнулъ, здороваясь съ Пересвѣтовымъ, молодой красивый лейтенантъ въ щегольскомъ статскомъ платьѣ.

И въ лицѣ и въ голосѣ Нерпина была вызывающая, неспокойная наглость, и въ преувеличенномъ смѣхѣ слышалась искусственность.

— Какъ же-съ... И васъ подъ судъ—скажите, пожалуйста! И всѣхъ насъ, грабителей: васъ, меня и Подосинникова, старшаго механика... Съ нимъ и не говорилъ этотъ новый прохвостъ, а приказалъ передать—уѣзжать. Вѣрно, и Баклагина отправитъ въ Россію... Онъ, дуракъ, самъ себя, говорятъ, описалъ извергомъ... Сегодня Баклагина зоветъ къ себѣ Сѣверцовъ... Вѣрно, Баклагинъ еще перескажетъ. Можетъ, за откровенность грозный судья и не потребуетъ примѣрнаго на-

казанія... Всѣхъ, говорятъ, выдалъ въ своемъ показаніи... Нечего сказать, по-товарищески, Егоръ Егорычъ... Каковъ-съ!?

Пересвѣтовъ озлобленно промолвилъ:

— Да... Признаться, не ожидалъ такой... мерзости...

— А еще фыркалъ... Придирался ко мнѣ... Ревизоръ, молъ, худо кормитъ... Помните, чуть-было изъ-за солонины скандала не сдѣлалъ!.. Хорошъ товарищъ... Въ родѣ этого Іуды-адмирала. И, пожалуй, еще Іуда оставитъ Баклагина на эскадрѣ... А вѣдь мы воры... ужасные воры... Онъ вѣдь такъ-таки и намекалъ мнѣ объ этомъ. Такъ и хотѣлось дать ему въ морду... да удержался... Не захотѣлъ въ матросы изъ-за мерзавца. И какой же скотъ его превосходительство... Реформаторъ... Неподкупный... Долгъ выше всего... Независимый!.. Имѣетъ деньги, такъ и зудитъ, подлецъ. А какъ самъ-то выскочилъ въ адмиралы?.. Я слышалъ отъ ревизора на «Проворномъ».

— А что?—съ замирающимъ любопытствомъ спросилъ Пересвѣтовъ.

— Изъ-за одной пожилой дамы, жены... (и Нерпинъ даже назвалъ фамилію какого-то сановника). И карьера оттого... Нелицепріятный! Независимый!—лгалъ Нерпинъ, перевирая слышанную имъ сплетню.

Пересвѣтовъ теперь ужъ не останавливалъ лейтенанта, который хоть и въ статскомъ платьѣ, а все-таки не смѣлъ по долгу дисциплины такъ ругать начальника эскадры, и капитанъ прежде, разумѣется, не позволилъ бы подчиненному такихъ рѣчей.

Егору Егоровичу, напротивъ, было пріятно слушать брань и сплетни на Сѣверцова, да еще безъ свидѣтелей и въ конторѣ иностраннаго отеля, въ которой сидѣлъ англичанинъ-хозяинъ (конечно, «подлый» и «воображающій о себѣ»), разумѣется, ни слова не понимавшій и только недовольно пучившій и безъ того слегка выпяченные голубые глаза, словно бы находя, что для разговоровъ мѣсто не «office», а «parlour».

Но еще пріятнѣе и успокоительнѣе было то, что ревизоръ, повидимому, не былъ въ отчаяніи и, казалось, далеко не вѣрилъ возможности быть подъ судомъ.

«Положимъ, Нерпинъ и легкомысленный человѣкъ, но неглупый и ловкій», — думалъ Егоръ Егоровичъ и сказалъ бывшему ревизору:

— Ѣдемъ, Александръ Ивановичъ, на одномъ пароходѣ...

— Обязательно съ вами, Егоръ Егорычъ... И старшій механикъ вмѣстѣ, Егоръ Егорычъ...

— Обсудимъ, какъ показывать въ Петербургѣ... А вы еще увѣряли: не узнаетъ!—не безъ упрека прибавилъ Пересвѣтовъ.

— Да вѣдь вольно было вамъ, Егоръ Егорычъ, признаваться... И Подосинниковъ тоже... И какія доказательства? Книги и документы въ полномъ порядкѣ. И какія злоупотребленія, если по совѣсти разобрать? Ну, отдавай подъ судъ! Я на судѣ скажу, что мы не воры... Да, не побоюсь многое сказать... Пусть мнѣ докажутъ, что мы—воры оттого, что не отдали скидки со счетовъ поставщикамъ или консуламъ. Я объяснилъ этому упрямому подлецу!.. Онъ говоритъ: «объясните суду». И объясню... Увидятъ!—не безъ горячности говорилъ Нерпинъ.

— А Богъ дастъ, до суда и не дойдетъ. Что мусоръ-то перекапывать!

— То-то и я иногда такъ думаю. А вы какъ думаете? Подъ носомъ у адмирала ревизоръ на «Проворномъ» не купитъ въ Гонконгѣ по шести фунтовъ за тонну угля? И развѣ скидку не спрячетъ? Такъ меня за что подъ судъ!

Наконецъ Нерпинъ замолчалъ, и хозяинъ обратился къ русскимъ офицерамъ:

— Вамъ, кажется, я нуженъ?

Тогда Нерпинъ сталъ спрашивать о днѣ ухода парохода въ Европу и о цѣнѣ мѣстъ въ первомъ классѣ.

Кстати подошелъ Подосинниковъ, и Нерпинъ взялъ три билета и сказалъ бывшему своему капитану:

— А вы, Егоръ Егорычъ, одолжите своему ревизору двадцать пять фунтовъ... А то не хватитъ до Россіи. Въ Кронштадтѣ возвращу.

Пересвѣтовъ поморщился и обѣщалъ дать деньги.

— Только въ дорогѣ... А то, пожалуй, просадите деньги въ Гонконгѣ, Александръ Иванычъ.

Всѣ трое вышли, направляясь въ свои комнаты.

Нерпинъ обѣщалъ сейчасъ же зайти къ Егору Егоровичу и въ подробности разсказать, какъ «точилъ» адмиралъ. «И все тихо такъ, спокойно. Этакій фарисей!»

III.

Въ эту минуту въ дверяхъ своего номера показалось хмурое лицо Баклагина.

Всѣ раскланялись съ нимъ.

— Вы къ адмиралу, Леонтій Петровичъ?—спросилъ Пересвѣтовъ.

— Къ Искаріоту? Къ этой скотинѣ?—задалъ вопросъ и ревизоръ.

— Потрудитесь вѣжливѣе говорить при мнѣ о русскомъ адмиралѣ,—сухо, рѣзко и повелительно произнесъ Баклагинъ.—Вы еще флотскій офицеръ,—прибавилъ бывшій «собака» старшій офицеръ.

Нерпинъ скрылся въ свой номеръ, а Пересвѣтовъ проговорилъ:

— На пять минутъ, Леонтій Петровичъ!

— Что вамъ угодно, Егоръ Егорычъ?

И онъ отворилъ двери и просилъ войти своего бывшаго капитана.

— Пожалуйте!

И Баклагинъ указалъ на кресло.

Пересвѣтовъ опустился на кресло. Присѣлъ и Баклагинъ.

— Леонтій Петровичъ! Что вы со мной сдѣлали?—обиженнымъ тономъ спросилъ Егоръ Егоровичъ.

— Что сдѣлалъ съ вами?—переспросилъ Баклагинъ серьезно.

— Вы подвели меня, Леонтій Петровичъ. И за что? За что?

— Я не имѣю привычки подводить. Не понимаю. Какъ я васъ подвелъ?

— Да вашими показаніями, Леонтій Петровичъ.

— Вы тоже давали ихъ?

— Конечно.

— Такъ при чемъ же мои? Я отвѣчалъ на вопросные пункты по совѣсти и по правдѣ.

— А за вашу правду я иду подъ судъ, Леонтій Петровичъ.

— Значитъ, и я буду подъ судомъ. И за себя. Люби кататься, люби и саночки возить. И вы не за мою правду пойдете отвѣчать суду, а за что—вы сами знаете. Я въ показаніи говорилъ о своей жестокости, о томъ, какъ я наказывалъ. О васъ, конечно, не говорилъ. Это ваше дѣло говорить за себя.

— Но вообще это не по-товарищески, Леонтій Петровичъ.

— Что не по-товарищески?

— Да какъ же—эти ненужныя подробности о наказаніяхъ... И зачѣмъ?.. И вѣдь вы, Леонтій Петровичъ, усердствовали... Могли бы и остановить меня, если бы я требовалъ строгихъ наказаній, а вы все: «слушаю-съ» да «слушаю-съ»... И теперь... я во всемъ виноватъ... И наконецъ вы даже не хотѣли исполнить просьбы, чтобы не было претензій, и сказать доктору... А у меня семья, Леонтій Петровичъ!—прибавилъ Пересвѣтовъ.

— У меня другія правила-съ. Такихъ просьбъ не считалъ возможнымъ исполнить... Я не ожидалъ такихъ просьбъ отъ капитана... А что я былъ жестокъ не менѣе васъ,—знаю... И

правду объ этомъ написалъ въ показаніяхъ потому, что не считаю нужнымъ скрывать то, что дѣлаю. Надѣюсь, можно понять?

Но, повидимому, Пересвѣтовъ не понималъ.

Пересвѣтовъ поднялся съ кресла.

Имѣя видъ оскорбленнаго и обиженнаго человѣка, онъ проговорилъ именно то, изъ-за чего и пришелъ къ Баклагину передъ его отправленіемъ къ адмиралу.

— Согласенъ... Не хотѣли покрыть меня, Леонтій Петровичъ... У васъ другія правила... Вижу, что вы во многомъ меня обвиняете... И сознаю, что виноватъ въ смерти Никифорова, и... ну, знаете, какъ нахально дѣйствовалъ ревизоръ, и я... однимъ словомъ... Но, Леонтій Петровичъ!.. Вы знаете мое положеніе... Знаете адмирала и что мнѣ грозитъ... И я прошу васъ...

Въ голосѣ Пересвѣтова звучала просительная, приниженная нотка. Лицо его имѣло выраженіе побитой собаки.

Баклагинъ отвелъ глаза и, вставая, нетерпѣливо и удивленно спросилъ:

— Въ чемъ же дѣло?

— Вы ѣдете къ Сѣверцову...

— Да. Потребовалъ...

— Такъ не говорите обо мнѣ, Леонтій Петровичъ... Не прибавляйте адмиралу его злобы къ товарищу...

— Да что же вы смѣете думать обо мнѣ?—вдругъ вскрикнулъ, какъ ужаленный, негодующій Баклагинъ. И лицо его стало блѣднымъ.—Вы.—вы... вѣрно, людей судите по себѣ?.. Такъ вы ошибаетесь! Я не скрываюсь за спиной другого...

Пересвѣтовъ торопливо ушелъ, недоумѣвающій и испуганный бѣшенымъ окрикомъ Баклагина.

Съ брезгливымъ чувствомъ взглянулъ Баклагинъ на слегка сутуловатую фигуру бывшаго своего капитана и чрезъ минуту вышелъ изъ отеля и поѣхалъ на пристань.

IV.

У пристани дожидалъ Баклагина вельботъ съ «Проворнаго».

Леонтій Петровичъ вскочилъ въ шлюпку, взялся за суконные гордешки руля и сурово крикнулъ:

— Весла!

Съ перваго же взгляда вельботныхъ на хмурое и серьезно-строгое, худощавое и осунувшееся лицо Баклагина, на длинной фигурѣ котораго «вольное» платье сидѣло и мѣшковато и неуклюже, и съ одного его отрывистаго и повелительнаго окрика—гребцы сразу почувствовали и поняли, что повезутъ

«собаку» старшаго офицера. И съ первыхъ же гребковъ навалились во-всю, словно бы хотѣли показать «собакѣ», какъ гребутъ матросы съ «Проворнаго».

Вельботъ быстро шелъ, разрѣзая, словно ножомъ, воду. Гребцы, раскраснѣвшіеся отъ гребли и отъ палящаго солнца, гребли артистически, съ небольшими и равномѣрными паузами между гребками, во время которыхъ всѣ гребцы, какъ одинъ, откидывались назадъ и поднимались.

И мрачное лицо Баклагина слегка прояснилось.

Прояснилось оно, и когда вельботъ приближался къ «Проворному» и къ «Кречету».

Въ него и впились загорѣвшіеся глаза бывшаго старшаго офицера. И онъ словно бы выискивалъ чего-нибудь, оскорбляющаго его морской глазъ, но не находилъ, и глаза свѣтились любовнымъ взглядомъ старшаго офицера, который восхищался стройнымъ своимъ клиперомъ съ его чуть-чуть наклоненными тремя высокими мачтами, съ безукоризненно-выправленнымъ рангоутомъ и бѣлоснѣжной каймой выровненныхъ коекъ поверхъ борта...

И Баклагинъ отвелъ глаза, угрюмый и грустный при мысли, что клиперъ, за которымъ онъ такъ неусыпно доглядывалъ и заботился, который лелѣялъ и любилъ, какъ близкое и дорогое существо,—теперь не его клиперъ... И все кончено... Служба, которую онъ любитъ, невозможна... И еще позоръ суда...

Да... Онъ былъ жестокъ...

И въ смерти Никифорова, и въ той почти молитвенной радости матросовъ, вызванной уходомъ капитана и его, онъ словно бы прозрѣлъ всю силу своей жестокости.

Баклагинъ не переставалъ думать о томъ, о чемъ до смерти Никифорова, въ которой себя обвинялъ, и не думалъ.

Какъ онъ, Леонтій Петровичъ,—казалось, не злодѣй же,—сдѣлался такимъ жестокимъ и самымъ неумолимымъ исполнителемъ, особенно когда сдѣлался старшимъ офицеромъ?

Онъ считалъ себя честнымъ и правдивымъ человѣкомъ. Онъ былъ добродушенъ и ласковъ съ вѣстовымъ и съ матросами на берегу, но на суднѣ...

Конечно, безъ наказаній нельзя во флотѣ. Но ему теперь казалось, что можно было бы и легче... Онъ точно не видѣлъ, что жизнь на «Кречетѣ» дѣйствительно была арестантской... И кромѣ того матросовъ обкрадывали. Онъ возмущался, но и только...

«И Пересвѣтовъ вѣдь правъ!»—съ тоской думалъ Баклагинъ. Онъ, старшій офицеръ, дѣйствительно усердствовалъ,

но во имя чего и передъ кѣмъ? Могъ бы и остановить тогда Пересвѣтова, когда докторъ говорилъ, что Никифоровъ не выдержитъ столькихъ линьковъ. Могъ бы... Долженъ былъ... И капитанъ послушалъ бы своего старшаго офицера, какъ слушалъ всегда и во всемъ по морскому дѣлу. Баклагинъ вѣдь зналъ, что когда засвѣжѣетъ или придется штормовать, то трусившій и мало находчивый капитанъ всегда безпрекословно приказывалъ то, что̀ подъ видомъ почтительныхъ совѣтовъ приказывалъ старшій офицеръ...

А между тѣмъ...

И какая слѣпота! Онъ не догадывался, что ревизоръ дѣлится... Онъ не думалъ, что Пересвѣтовъ такой форменный подлецъ... Его же одного обвинялъ въ жестокости и о чемъ же приходилъ просить... Въ какой гнусности подозрѣвалъ его, не знающаго подвоховъ и лакейства...

Онъ служилъ со многими и всякими капитанами, но такого позорнаго человѣка, такой подлой душонки не видалъ, слава Богу...

«Проворный» былъ въ нѣсколькихъ саженяхъ.

Баклагинъ сталъ еще мрачнѣе. Ему было оскорбительно-непріятно встрѣчаться съ знакомыми на корветѣ...

«Что̀, Леонтій Петровичъ? Запороли человѣка и пожалуйте къ адмиралу!»—казалось Баклагину, встрѣтятъ его на «Проворномъ», на которомъ съ командой не такъ обращались, какъ на «Кречетѣ».

— Шабашъ!—скомандовалъ Баклагинъ.

Онъ оставилъ на банкѣ три доллара.

— Гребцамъ!—промолвилъ Баклагинъ загребному и поднялся на корветъ.

V.

Командиръ «Проворнаго», бывшій на палубѣ, подошелъ къ Баклагину, крѣпко пожалъ руку и деликатно, ни словомъ не упоминая о служебной серьезной непріятности, съ привѣтливостью сказалъ:

— Ну, какъ нашли корветъ со шлюпки, Леонтій Петровичъ? Вы вѣдь дока... и я дорожу вашимъ мнѣніемъ, вы знаете?

— Въ отличномъ порядкѣ, Иванъ Иванычъ... Красавецъ корветъ... А я, извините... Адмиралъ потребовалъ... Адмиралъ...

— Да... да, ждетъ васъ... Онъ, какъ я знаю, очень цѣнитъ въ васъ отличнаго морского офицера, Леонтій Петровичъ, и рыцаря правдивости!—прибавилъ капитанъ, который, какъ предсѣдатель слѣдственной комиссіи, зналъ объ этомъ и счелъ

долгомъ обратить на рѣдкое показаніе Баклагина вниманіе адмирала.

Баклагинъ мысленно поблагодарилъ командира и попросилъ вахтеннаго офицера послать доложить адмиралу.

— Онъ приказалъ просить къ нему, Леонтій Петровичъ, безъ доклада.

Баклагинъ вошелъ въ адмиральскую каюту.

— Пожалуйте, Леонтій Петровичъ...

Съ этими словами Сѣверцовъ привсталъ, протянулъ свою маленькую бѣлую руку и указалъ на кресло у письменнаго стола, въ глубинѣ каюты, у открытаго большого иллюминатора въ кормѣ, изъ котораго точно въ рамкѣ виднѣлось море и бирюзовое небо.

— Прикажете папиросу, Леонтій Петровичъ?—предложилъ адмиралъ, пододвигая ящикъ.

— Очень благодаренъ, ваше превосходительство. Я привыкъ къ своимъ!—безъ всякой аффектаціи и почтительности или благодарности, просто, видимо не пугаясь предстоящаго объясненія, проговорилъ Баклагинъ тѣмъ покойнымъ, слегка официальнымъ тономъ, какимъ говорилъ обыкновенно съ начальствомъ.

И досталъ изъ кармана объемистый портсигаръ, вынулъ толстую папироску и, вложивъ въ янтарный мундштукъ, не спѣша закурилъ.

Этотъ хмурый человѣкъ словно бы не зналъ, что можетъ ему предстоять и въ какой служебной зависимости находится отъ адмирала—до того Баклагинъ былъ непохожъ на испуганнаго или на представляющагося испуганнымъ подчиненнаго. Сѣверцовъ нѣсколько удивленно посмотрѣлъ на Баклагина. И, вмѣстѣ съ невольнымъ уваженіемъ, которое вызывалъ Баклагинъ въ Сѣверцовѣ, онъ словно бы разсѣивалъ престижъ молодого адмирала въ его же глазахъ. И это сознаніе было непріятно Сѣверцову. Онъ какъ будто терялъ съ Баклагинымъ тонъ, котораго надо было держаться справедливому, строгому и нелицепріятному адмиралу.

Баклагинъ невольно помѣшалъ внутреннему покойному довольству адмирала. И Сѣверцовъ, при всей гордости своей независимостью, казалось, былъ бы болѣе доволенъ, если бы Баклагинъ показалъ себя менѣе независимымъ и болѣе чувствующимъ престижъ адмиральской власти, безукоризненной справедливости и рѣдкаго повиновенія голосу долга.

Его превосходительство нѣсколько секундъ помолчалъ и, слегка краснѣя отъ самолюбиваго самоудовлетворенія тѣмъ, что собирался сказать,—съ обычнымъ своимъ серьезнымъ спокойствіемъ проговорилъ:

— Я считаю своимъ долгомъ прежде всего выразить вамъ благодарность за то мужество откровенности, съ какимъ вы отвѣтили на вопросные пункты. По крайней мѣрѣ вы не побоялись серьезной отвѣтственности и сознались во всемъ.

— Я говорю правду, ваше превосходительство, не въ ожиданіи благодарности!—отвѣтилъ Баклагинъ.

Сѣверцовъ покраснѣлъ. Онъ понялъ, что Баклагинъ не только не обрадованъ благодарностью, а, напротивъ, отклоняетъ ее.

И, сбитый съ позиціи, онъ уже нѣсколько нервнѣе проговорилъ:

— Изъ вашего показанія видно, что наказанія были жестоки. Вы знали, что законъ, допуская тѣлесныя наказанія, не имѣлъ въ виду истязаній...

— Зналъ, ваше превосходительство.

— Но, быть-можетъ, вы исполняли приказанія капитана?..

— Я и самъ наказывалъ, ваше превосходительство.

— А кѣмъ наказанъ покойный Никифоровъ?

— По приказанію капитана, но въ моемъ присутствіи. И смерть матроса—моя вина... Я могъ бы остановить наказаніе и доложить капитану, но я этого не сдѣлалъ.

— Почему?

— Прошу разрѣшенія не отвѣчать вашему превосходительству!—мрачно сказалъ Баклагинъ.

Онъ подумалъ:—«И какъ смѣешь ты залѣзать въ мою душу!» И адмиралъ показался ему далеко не симпатичнымъ.

И въ ту же минуту Сѣверцову Баклагинъ показался грубымъ и не понимающимъ такого справедливаго адмирала, какъ онъ.

— Мнѣ очень жаль, что въ васъ эскадра лишится хорошаго морского офицера, но я все-таки обязанъ представить все дѣло высшему начальству и просить о преданіи всѣхъ прикосновенныхъ суду.

Баклагинъ молчалъ. Ни проблеска желанія просить о чемъ-нибудь адмирала.

И онъ уже съ меньшимъ спокойствіемъ прибавилъ:

— Впрочемъ, я буду просить министра, чтобы васъ избавили отъ суда... Я вѣдь знаю, что вы были только исполнитель въ наказаніи Никифорова... И ваша прежняя служба...

— Прошу, ваше превосходительство, отдать меня подъ судъ. Къ чему же нарушать справедливость ради меня, ваше превосходительство? Я виноватъ, и... дѣло суда покарать!—холодно и сухо отвѣтилъ Баклагинъ.

Сѣверцовъ покраснѣлъ и, едва сдерживаясь, нѣсколько возвышая голосъ и раздражаясь, сказалъ:

— Это ужъ мнѣ предоставленная власть. А васъ покорнѣйше прошу отправиться въ Россію и явиться къ начальству. Съ Богомъ!

Адмиралъ поклонился, но не подалъ руки Баклагину и, когда остался одинъ, почувствовалъ себя словно облегченнымъ и снова испытывалъ чувство удовлетворенности и сознанія своего престижа.

Баклагинъ поставилъ на свой счетъ памятникъ матросу Никифорову и послѣ этого вернулся въ Россію.

Суда ни надъ кѣмъ не было. Всѣ прикосновенные остались на службѣ. Только Баклагинъ самъ подалъ въ отставку.

ПАРИ.

I.

Быстренинъ и Муратовъ, лейтенанты черноморскаго флота, недавно назначенные командирами, были влюблены въ свои парусныя суда.

Первый—въ красавца, съ одной высокой мачтой, носившей большую парусность, тендеръ «Ястребокъ». Второй—въ стройную, хорошенькую, съ двумя слегка наклоненными мачтами, шкуну «Ласточку».

И «Ястребокъ» и «Ласточка» отлично ходили и мастерски управлялись лихими молодыми капитанами.

Они были товарищи по корпусу, закадычные друзья и оба завзятые охотники.

Ходили на охоту вмѣстѣ, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ вспыльчивый Быстренинъ и всадилъ въ ляжку друга зарядъ дроби за то, что Муратовъ стрѣлялъ не въ очередь, какъ было условлено, и убилъ пару жирныхъ перепелокъ. А очередь должна соблюдаться свято. Сознавая себя виноватымъ, Муратовъ даже не выругался и сталъ сконфуженно снимать сапоги и штаны. И когда Быстренинъ началъ извиняться, Муратовъ остановилъ товарища:

— Брось, Николай Иванычъ! Я не въ претензіи. Самъ виноватъ. А ты—порохъ. И вдобавокъ сегодня пуделялъ, а я безъ промаха. Досадно только, что нельзя сегодня охотиться!— добродушно прибавилъ Муратовъ.

Быстренинъ вытеръ кровь, сдѣлалъ перевязку, забинтовалъ ногу, и друзья пошли въ Севастополь.

Раскаяніе свое Быстренинъ вымещалъ на своемъ «Джекѣ». Умный молодой пойнтеръ рѣшительно не понималъ, за что его безпощадно вытягивали плетью. Вѣдь не онъ же виноватъ, что хозяинъ не заставлялъ птицъ падать. Джекъ

такъ непокорно визжалъ и съ такимъ испуганнымъ удивленіемъ и укоромъ смотрѣлъ на Быстренина, что тотъ ожесточеннѣе стегалъ собаку.

— За что это ты Джека, Николай Иванычъ? — спросилъ Муратовъ.

— Онъ знаетъ... шельмецъ. Не гоняйся за птицей, если я не велѣлъ.

Муратовъ взглянулъ на раздраженно-сконфуженное лицо Быстренина и не продолжалъ.

Быстренинъ оставилъ Джека въ покоѣ и, повеселѣвшій, сталъ обычнымъ пріятнымъ собесѣдникомъ и подчасъ остроумнымъ зубоскаломъ.

Муратовъ, по обыкновенію, болѣе слушалъ и восхищался другомъ.

Въ Севастополѣ, конечно, не узнали, что Быстренинъ залѣпилъ зарядъ Муратову. На вопросы Алексѣй Алексѣевичъ коротко отвѣчалъ: «Споткнулся... уронилъ ружье, спустился курокъ». Быстренинъ, напротивъ, подробно разсказывалъ, какъ это случилось. Черезъ три дня друзья снова пошли на перепеловъ. Было время перелета.

II.

Не омрачилась дружба лейтенантовъ даже и тогда, когда годъ тому назадъ они одновременно «втюрились» въ севастопольскую чародѣйку «Марусю», какъ всѣ за-глаза называли единственную дочь крикуна-добряка адмирала Ратынскаго, старавшагося показать, что онъ... ууу... какой строгій, и когда-то писаной красавицы-адмиральши, которую мичмана не безъ основанія прозвали «адмираломъ», а мужа — «адмиралшей».

Стройная, хорошо сложенная и граціозная красавица-брюнетка съ бѣлымъ матовымъ лицомъ и большими жгучими глазами, силу чаръ которыхъ она часто пробовала съ задорнымъ любопытствомъ двадцатилѣтней южанки и увѣренностью балованной побѣдительницы сердецъ, Маруся кокетничала съ двумя лейтенантами и обоимъ подавала нѣкоторыя надежды.

Быстренинъ, пригожій, кудрявый брюнетъ со смѣющимися, ласковыми глазами, не уставая, щеголялъ и умомъ, и насмѣшливымъ остроуміемъ веселой болтовни, и цитатами изъ Лермонтова, и мечтательными иносказаніями, и восторженнымъ восхищеніемъ. Разумѣется, при всякомъ удобномъ случаѣ онъ крѣпко пожималъ маленькую руку Маруси, словно бы хотѣлъ подтвердить свои чувства.

Маруся находила, что Быстренинъ интересенъ. И влюбленъ интересно. И, вѣрно, сдѣлаетъ предложеніе интересно. И она не всегда сердилась на продолжительность и силу пожатій рукъ и сама слабо пожимала въ отвѣтъ, словно бы не лишая влюбленнаго надеждъ.

Недуренъ былъ и Муратовъ,—высокій, стройный блондинъ съ мужественнымъ загорѣлымъ лицомъ. Быстренинъ безъ устали болталъ. Муратовъ неизмѣнно краснорѣчиво молчалъ при Марусѣ. Но его голубые глаза, свѣтлые и серьезные, говорили болѣе, чѣмъ нужно было для такой любознательной чародѣйки.

И Маруся находила, что Муратовъ иногда молчитъ очень интересно и влюбленъ серьезнѣе, чѣмъ Быстренинъ. Ей было пріятно и весело сознавать, что такой мужественный и серьезный человѣкъ, казалось, боится ея больше, чѣмъ самого адмирала Корнилова, и что достаточно ей ласково улыбнуться или обжечь взглядомъ, чтобы Муратовъ свѣтлѣлъ и блѣднѣлъ.

Онъ, правда, не пожималъ ея рукъ, какъ нахалъ Быстренинъ, но она чувствовала, какъ подчасъ вздрагиваетъ его рука. Она чувствовала его горячее дыханіе и блескъ его упорныхъ глазъ во мракѣ волшебнаго вечера, когда онъ прощался съ нею на бульварѣ или на Графской пристани.

И Марусѣ вдругъ казалось, что Муратовъ былъ бы вѣрнымъ рыцаремъ-мужемъ, красивымъ, любящимъ навсегда, и она пожимала крѣпко его вздрагивающую руку, и голосъ ея нѣжнѣе шепталъ: «До свиданія!»

Муратовъ, мало знавшій женщинъ, уже возмечталъ, что рай находится въ Севастополѣ. И скоро на бульварѣ же, словно бы темнота и нѣга волшебнаго теплаго вечера такъ же помогаетъ признаніямъ, какъ и преступленіямъ,—вдругъ прошепталъ, точно виноватый въ чемъ-то:

— Марья Александровна... Разрѣшите просить вашей руки!

Маруся не испугалась. Слава Богу, не первый разъ просили ея руки. Она, конечно, поблагодарила за честь; не скрыла, что Алексѣй Алексѣевичъ ей больше чѣмъ нравится, но...

— Позвольте подумать... А пока пусть это будетъ секретомъ... Не проговоритесь Быстренину... Онъ болтунъ... Обѣщаете?

— Еще бы... Никому ни слова!

Прощаясь, Маруся значительно шепнула:

— Пока мы друзья... Но, можетъ-быть, скоро...

Муратовъ вернулся на корабль.

Счастливый, онъ скрывалъ въ каютъ-компаніи свои надежды.

Придется и Быстренину молчать. Нельзя. Далъ слово.

Муратовъ пожалѣлъ друга и чувствовалъ себя точно виноватымъ передъ нимъ за то, что онъ обнадеженъ... Нравится Марусѣ, а Быстренинъ за бортомъ.

Но вѣдь они не мѣшали другъ другу въ глазахъ чародѣйки. Еще бы! Онъ по совѣсти влюбленно молчалъ, и сама судьба взыскала его.

«Никакой претензіи тутъ нѣтъ!»—подумалъ Муратовъ.

На другой же день пріѣхалъ къ нему въ гости Быстренинъ.

Онъ тоже скрывалъ такую же тайну до времени.

И, считая себя по праву быть болѣе интереснымъ женщинамъ, чѣмъ другъ, Быстренинъ, не безъ искренняго участія счастливца къ безнадежному «влюбленному», спросилъ:

— Ну какъ твои дѣла съ Марусей, Алексѣй Алексѣичъ?

Муратовъ смутился и застѣнчиво отвѣтилъ:

— Втюрился... Вотъ и дѣла!

— Лучше брось, Алексѣй Алексѣичъ!.. Право, брось, голубчикъ Алеша!..

III.

Скоро друзья вернулись изъ осенняго плаванія. Они одновременно съѣхали со своихъ кораблей на берегъ и встрѣтились на пристани. Тотчасъ же пошли на свою маленькую квартиру и тамъ увидѣли по конверту.

Муратовъ вошелъ въ свою комнату, вскрылъ конвертъ и прочелъ пригласительный билетъ на бракосочетаніе Марьи Александровны Ратынской съ капитаномъ перваго ранга Иваномъ Ивановичемъ Киргизцевымъ. Прочелъ еще разъ и сталъ необыкновенно серьезенъ, точно былъ на вахтѣ въ тотъ моментъ, когда неожиданно подъ носомъ корабля онъ увидалъ скалу.

Влетѣлъ Быстренинъ къ Муратову и съ злою усмѣшкою протянулъ:

— Однако! Ты какъ полагаешь, Алеша... Это какъ называется?..

— Полагаю, что Маруся выходитъ замужъ,—съ угрюмымъ спокойствіемъ отвѣтилъ Муратовъ.

— Да ты обалдѣлъ, что ли, Алексѣй Алексѣичъ?.. Какого принца Маруся выбрала? Вотъ такъ принцъ!.. Это просто свинство!..

— Какое же свинство, Коля? Киргизцевъ понравился и...

— Понравился!? — воскликнулъ, закипая, Быстренинъ.— Боровъ... подъ пятьдесятъ... Запарываетъ матросовъ... По-

нравился!? Ты въ здравомъ умѣ?.. Просто захотѣлось быть адмиральшей... Вотъ тебѣ и чародѣйка... Лермонтова слушала... И я-то дуракъ... Возмутительно! А по-твоему, что ли, Маруся влюбилась въ борова?..

— Вѣдь бываетъ, Коля... Нравятся немолодые!—старался Муратовъ защитить Марусю.

— Иванъ Иванычъ Мазепа?.. Скажи, пожалуйста! Мазепа!? Просто скотина! И у такой скотины будетъ женой Маруся?..

— Ддда... Не стоитъ Киргизцевъ такого счастья!—мрачно промолвилъ Муратовъ.

— А мы-то втюрились... Стоило! Отлично оболванила... Еще недавно на бульварѣ: «Пока мы друзья. Но, можетъ-быть, скоро...» Очень скоро!..

— Это кому же Маруся говорила? — упавшимъ голосомъ спросилъ Муратовъ, хотя уже догадался—кому.

— Мнѣ!—не безъ горделивости сказалъ Быстренинъ.—Я только не могъ тебѣ сказать, что я «такъ и такъ»... сдѣлалъ предложеніе. Маруся просила подождать, но никому ни слова... И особенно тебѣ... Вѣрно, думала, что поссоримся... Ты приревнуешь...

— А ты разсказываешь, Коля?—упрекнулъ Муратовъ.

— Я молчалъ... Она просила «пока»... А теперь не все ли равно?.. И только тебѣ, Коля... Ты пойми... Вѣдь ты не свалялъ дурака, какъ я... Тебѣ вѣдь Маруся не говорила: «можетъ-быть, скоро»?—взволнованно и нетерпѣливо спросилъ Быстренинъ.

— Свалялъ!..—отвѣтилъ Муратовъ.

— И тоже: «можетъ-быть, скоро»?

— Просто отказала!

Быстренинъ облегченно вздохнулъ.

— Такъ ты не можешь почувствовать этого свинства... Тебя Маруся не обнадеживала!

Муратовъ понималъ и чувствовалъ, что «свинство» не въ томъ, за что Быстренинъ такъ возмущается, считая себя обиженнымъ. И онъ проговорилъ:

— Ты, братъ, умный и психологіи разныя любишь, а взъерепенился на Марусю изъ-за чего?.. Изъ-за того, что подала тебѣ надежду?.. Ну такъ что-жъ, что обнадежила... Тогда ты нравился, а потомъ... Да мало ли причинъ... Раздумала и шабашъ! Да хоть бы слово дала... Развѣ ужъ не можетъ взять его назадъ... Въ такихъ дѣлахъ не позорно не сдержать слова... Любовь... это... самъ знаешь, совсѣмъ особенная штука...

— Ну, положимъ... Особенная...

— Такъ, извини, Коля, а въ тебѣ только мужское самолюбіе говоритъ. Втюрился, такъ и въ тебя должны втюриться. А она не желаетъ!

— Ну и чортъ съ ней!—воскликнулъ Быстренинъ.—И ты, Алексѣй Алексѣичъ, пошли ее къ чорту. А то вообразитъ, что такъ мы и пропадемъ изъ-за нея... А выходить за борова все-таки свинство!—прибавилъ Быстренинъ.

— И не будемъ больше говорить о Марусѣ.

— Идетъ... не будемъ. А за молодою женою борова не пріударишь, Алексѣй Алексѣичъ?

— Это ты около чужихъ женъ околачиваешься... А я не занимаюсь такой охотой. И тебя не хвалю.

— А я не вижу ничего дурного... Надо же нашему брату, лейтенанту, поухаживать за чужою женой, если своей нѣтъ...

— Женись.

— Маруся предпочла борова... На свадьбу пойдешь?

— Нѣтъ. А ты?

— Непремѣнно пойду.

— Только смотри, Николай Иванычъ... У тебя вѣдь языкъ—врагъ твой...

— Такъ что же?..

— Не скажи Марусѣ чего-нибудь... понимаешь... обиднаго насчетъ замужества... Боровъ не боровъ, а ея мужъ.

IV.

Стояла чудная весна. Въ севастопольскихъ садахъ цвѣли фруктовыя деревья. На улицахъ благоухали акаціи.

Бухты были оживлены съ ранняго утра. Суда обѣихъ черноморскихъ дивизій, зимовавшихъ въ огромной Корабельной бухтѣ, вооружались для предстоящаго плаванія. Мачты уже одѣлись такелажемъ и сѣтью снастей. Палубы приводились въ порядокъ. Паруса были привязаны. Съ шаландъ выгружались бочки съ провизіей и цистерны съ водой.

Въ Корабельной бухтѣ висѣла ругань боцмановъ. Черезъ три дня всѣ эти корабли—фрегаты, корветы, бриги, шкуны и тендеры—должны выйти на рейдъ и выстроиться въ двѣ линіи.

Въ началѣ перваго часа дня Муратовъ и Быстренинъ, съ пяти часовъ, утра наблюдавшіе за окончаніемъ вооруженія ихъ судовъ, «Ласточки» и «Ястребка», возвращались домой, на квартиру, обѣдать послѣдніе дни передъ плаваніемъ вмѣстѣ. Оба въ старенькихъ рабочихъ сюртукахъ, въ сбитыхъ на

затылки фуражкахъ, съ «лиселями», какъ называли черноморцы бѣлѣвшія брыжжи воротничковъ сорочки, которыя моряки носили, несмотря на николаевскія времена, оба раскраснѣвшіеся, усталые и голодные, оба веселые и довольные, оживленно перекидывались словами о работахъ на ихъ судахъ, боцманахъ и «молодчагахъ»-матросахъ, о скоромъ плаваніи и о скоромъ пріѣздѣ въ Севастополь Корнилова, начальника штаба главнаго командира черноморскаго флота и портовъ,— адмирала-умницы и грозы для командировъ.

О Марусѣ друзья даже и не вспомнили. Послѣ выхода замужъ она была забыта, тѣмъ болѣе основательно, что ужъ перестала быть прежней чародѣйкой и не пробовала больше своихъ чаръ. Притихла. «Боровъ» былъ не изъ близорукихъ, на бульварѣ гулялъ вмѣстѣ и не былъ любезенъ съ молодыми людьми.

Друзья выпили по рюмкѣ, съ удовольствіемъ съѣли супъ, битки и блинчики, приготовленные вѣстовымъ Муратова Клименкой и поданные вѣстовымъ Быстренина Селезневымъ, и собирались - было отдохнуть послѣ обѣда, какъ въ комнату вошелъ охотникъ Бугайка, сильный и крѣпкій старикъ, въ ловко сидѣвшемъ на немъ измызганномъ старомъ буршлатѣ и въ старенькихъ грязныхъ сапогахъ, въ которые были засунуты побурѣвшіе штаны.

Бугайка, отставной матросъ, былъ отличнымъ охотникомъ, знающимъ всѣ мѣста въ окрестностяхъ Севастополя, Симферополя и Бахчисарая. Онъ былъ бродяга по натурѣ и не боялся одиночества. Жена давно его бросила, и Бугайка нанималъ каморку въ Корабельной слободкѣ у старушки-вдовы боцмана. Но жилъ дома рѣдко. Шатался съ ружьемъ по крымскимъ долинамъ и въ горахъ. Выучился по-татарски и водилъ съ татарами знакомство. Дичь продавалъ въ Севастополѣ господамъ и часто дарилъ барчонкамъ ежей, лисичекъ, зайцевъ и кроликовъ. Деньги пропивалъ, угощая каждаго. И затѣмъ снова уходилъ шататься съ ружьемъ.

— Здравія желаю, Алексѣй Алексѣичъ! Здравія желаю, Николай Иванычъ!

Оба лейтенанта весело встрѣтили Бугайку и удивились, что онъ въ городѣ трезвъ.

Онъ осторожно досталъ изъ-за пазухи длинноухаго съ волнистой свѣтло-желтой шерстью щенка и, прихвативъ его своею жилистой, корявой рукой за шиворотъ, поставилъ на полъ и сказалъ:

— Правильный сетерокъ! Полюбуйтесь, ваши благородія! Три карбованца прошу. Стоитъ!

Друзья подошли къ щенку, и каждый изъ нихъ съ серьезнымъ видомъ знатока выщупалъ визжавшаго щенка, заглядывалъ въ зубы, раздвигалъ глупые глаза, трогалъ носъ, потягивалъ пушистый хвостъ и выворачивалъ уши.

Видимо, оба лейтенанта были отъ щенка въ восторгѣ.

И почти одновременно оба сказали:

— Беру, Бугайка!

— Возьму щенка!

Быстренинъ значительно прибавилъ:

— Не найденный?

— Не безпокойтесь, Николай Иванычъ! Не подведу знакомыхъ господъ, ваше благородіе! Ни у кого вокругъ нѣтъ такихъ сукъ, чтобы... найти сетерка. Одна Ахметкина сука подъ Бахчисараемъ недѣли три ощенилась. Ахметка и подарилъ утромъ кобелька... А хорошъ?

— Спасибо, Бугайка!

И Муратовъ и Быстренинъ полѣзли въ карманы штановъ за деньгами.

— Да кто-жъ беретъ щенка?.. Я думалъ, что я, — промолвилъ Быстренинъ.

— Я очень бы хотѣлъ, Коля!

— И мнѣ хочется щенка!

— Да вѣдь твой Джекъ молодой, хорошій песъ. А моя Діанка стара... И чутье теряетъ...

— Джекъ горячъ... Ни къ чорту... И сетера у меня не было, а у тебя былъ....

И, любуясь сетеркомъ, Быстренинъ не безъ обиды прибавилъ:

— И какъ намъ быть съ щенкомъ? Согласись, Алексѣй Алексѣичъ... Права на щенка одинаковыя.

— Оттого-то я и прошу уступить его мнѣ!—настойчиво проговорилъ Муратовъ, жадно взглядывая на щенка.

— И я прошу... Будь другомъ... уступи, Алеша!

Въ мягкомъ голосѣ Быстренина звучала капризная нотка.

Муратовъ по совѣсти считалъ, что его желаніе имѣть щенка болѣе основательно. И, всегда уступавшій другу, на этотъ разъ заупрямился и упорно сказалъ:

— Не имѣю основаній уступить!

— И у меня ихъ нѣтъ ни малѣйшихъ!

Бугайка насмѣшливо поглядывалъ своими маленькими острыми глазами на офицеровъ, которые не рѣшили, по его мнѣнію, «въ секундъ» насчетъ щенка, и, нетерпѣливо ожидавшій свои три карбованца, чтобы немедленно ихъ пропить, проговорилъ:

— То-то всякому охотнику лестно имѣть сетерка... Выйдетъ собака! Онъ теперь что? Глупый!—ласково прибавилъ Бугайка, словно бы въ оправданіе за маленькую лужку подъ щенкомъ.— А только войдетъ въ понятіе, хоть на палубу пускай—не оконфузитъ!.. Никакъ и не обсогласиться безъ того, что пустить сетерка на фартъ... Орелъ или рѣшка!

— Видно, иначе нельзя!—серьезно промолвилъ Муратовъ и энергично пустилъ изъ длинной трубки клубки дыма.

— Никакъ безъ того не выйдетъ, и никому не обидно. Чье счастье... Въ одинъ секундъ объявится... Только вскиньте копейку, ваше благородіе.

— Охота довѣряться слѣпому случаю, Алексѣй Алексѣичъ,— насмѣшливо сказалъ Быстренинъ.

— Приходится, Николай Иванычъ.

— Такъ ужъ, если ты упрямъ, лучше подержимъ пари на щенка.

— Упрямъ, братъ, ты... Какое пари?

— Кто изъ насъ раньше снимется съ якоря,—тому и щенокъ. Шансы у насъ одинаковые! Согласенъ?

— Согласенъ!

«Щенокъ, вѣрно, мой!»—подумалъ Муратовъ.

«Щенокъ мой!»—рѣшилъ про себя Быстренинъ.

— Это вы ловко обмозговали, Николай Иванычъ, насчетъ «парея» на сетерка. Ай да ловко, ваше благородіе! Нашему брату, матрознѣ, и невдомекъ... Больше на фартъ живемъ,— проговорилъ Бугайка съ едва замѣтной иронической ноткой въ своемъ сипловатомъ, пріятномъ голосѣ и лукаво улыбаясь бойкими, смѣющимися глазами.—И «Ласточка» Алексѣя Алексѣича—форменная шкунка, и «Ястребокъ» вашъ—«дендерь» форсистый... А матросы —на то и матросы... Не оконфузятъ своихъ командировъ, чтобы самимъ не допроситься до дерки. Я часто просилъ и вѣдь живъ остался,—усмѣхнулся Бугайка.

— Ты чего зубы скалишь, Бугайка? — строго спросилъ Быстренинъ.

— Извѣстно... веселый охотникъ, ваше благородіе, и пьяница... и спѣшка есть... Такъ ужъ дозвольте получить три карбованца... а могорычъ самъ справлю...

— Пропьешь?..

— Безотлагательно, Николай Иванычъ...

Бугайка получилъ три рубля. Муратовъ прибавилъ отъ себя полтинникъ, а Быстренинъ далъ тоже полтину и велѣлъ вѣстовому дать охотнику стаканъ водки.

Бугайка довольно сдержанно поблагодарилъ за могорычъ и торопливо вышелъ.

Щенокъ до совмѣстной съемки съ якоря «Ласточки» и «Ястребка» находился въ общемъ владѣніи.

На лѣто щенка рѣшили отдать одному знакомому доктору при госпиталѣ, охотнику и умѣющему воспитать щенковъ очень хорошо и не безъ той обязательной строгости, съ какой воспитывали матросовъ.

А пока Муратовъ приказалъ вѣстовому немедленно купить молока и напоить щенка.

— И эти дни хорошенько смотри за нимъ! И не смѣй ударить!—прибавилъ Быстренинъ.

— Есть, ваше благородіе... Какъ прикажете ихъ звать?—деликатно спросилъ молодой матросъ, указывая пальцемъ на щенка.

— Скажу потомъ. А теперь живо молока!

И, когда вѣстовой исчезъ, Быстренинъ сказалъ Муратову:

— Надо бы сейчасъ назвать щенка...

— Что-жъ, назовемъ.

— Хочешь, Алексѣй Алексѣичъ, назвать «Фингаломъ»? Вѣдь звучно!

— Ничего... Но, признаюсь, не очень нравится...

— Выбирай, какое тебѣ болѣе нравится... Спорить не стану, Алеша!

— «Шарманомъ», напримѣръ... Онъ вѣдь дѣйствительно charmant.

— Кличка подходитъ къ щенку... Но вѣдь Шармановъ въ Севастополѣ три. У доктора — Шарманъ, у Баляснаго—Шарманъ, у Захара Петровича — Шарманъ... Случится охотиться съ кѣмъ-нибудь—неудобно... Впрочемъ, если ты настаиваешь, Алексѣй Алексѣичъ, назовемъ Шарманомъ, — съ усиленно-ласковой уступчивостью говорилъ Быстренинъ.

— Ты правъ, Николай Иванычъ! Къ чорту «Шармана»! Придумай другую кличку. Ты придумаешь.

Послѣ нѣсколькихъ прозвищъ, которыя не нравились обоимъ лейтенантамъ, остановились на кличкѣ «Другъ», внезапно пришедшей въ голову Муратова.

Друзья остались довольны и разошлись по своимъ комнатамъ отдохнуть часъ, чтобы послѣ снова идти на вооруженіе до вечера.

Муратовъ долго не могъ уснуть.

Первый разъ за время долгой дружбы въ сердцѣ Алексѣя Алексѣевича внезапно явилось тяжелое чувство разочарованія въ другѣ.

Раздумывая о немъ, онъ впервые отнесся къ нему критически. И Муратовъ старался оправдать Быстренина и обвинялъ себя за подлыя подозрѣнія въ черствомъ эгоизмѣ... И кого же? Единственнаго друга, котораго такъ давно любитъ.

«Это невозможно. Это подло!»—повторялъ Муратовъ, отгоняя подозрѣнія.

И все-таки не могъ избавиться отъ назойливой, удручающей мысли, что Быстренинъ могъ бы уступить щенка.

V.

Черезъ три дня черноморскій флотъ стоялъ на севастопольскомъ рейдѣ. «Ласточка» и «Ястребокъ», оба заново выкрашенные, черные, съ золотыми полосками вокругъ бортовъ, съ изящными линіями обводовъ, съ красивой погибью мачтъ, съ безукоризненной осадкой, отлично вытянутымъ такелажемъ и съ бѣлоснѣжной каймой выровненныхъ надъ бортовыми гнѣздами коекъ, — стояли, недалеко другъ отъ друга, въ глубинѣ рейда, въ хвостѣ первой линіи судовъ.

Оба были стройны, красивы и словно бы задорно блистали подъ блескомъ южнаго солнца.

Съ послѣднимъ ударомъ восьмой склянки на всѣхъ судахъ взвились флаги и гюйсы, подняты брамъ-реи, и по рейду разнеслась музыка съ кораблей, встрѣчавшихъ подъемъ флага.

Майское утро было прелестно.

Ни облачка на безстрастно-красивомъ бирюзовомъ небѣ. Ни ропота моря. Полное властныхъ чаръ, обаятельно-ласковое, дышавшее бодрящей свѣжестью, оно едва рябило.

Ни съ простора моря ни съ горъ не проносился вѣтеръ. Вымпелы едва колыхались.

Ни стоны ни крики, то покорные, то ожесточенные крики безпощадно наказываемыхъ линьками матросовъ, не нарушали тишины рейда.

Все злое, безцѣльно-жестокое и позорное, что творилось въ старину, точно любило предразсвѣтную полумглу и избѣгало яркаго блеска роскошнаго утра.

Не оглашался заштилѣвшій рейдъ и необузданно-вдохновенной руганью старшихъ офицеровъ и боцмановъ, обычной во время уборки судовъ. Къ подъему флага всѣ суда уже блистали умопомрачающею чистотой.

Только изрѣдка проносилось ожесточенно-громкое морское окончаніе сухопутныхъ словъ, и среди тишины рейда раздавался изступленный капитанскій окрикъ, похожій на дикій крикъ душевно-больного изъ буйной палаты.

Съ девяти часовъ на рейдѣ воцарилась особенно торжественная тишина.

Старшіе и младшіе флагманы осматривали суда своихъ дивизій.

На корабляхъ то и дѣло играли марши, встрѣчавшіе и про-

вожавшіе адмираловъ. По рейду разносились громкіе матросскіе отвѣты на привѣтствія адмираловъ.

Гичка съ младшимъ флагманомъ пятой дивизіи направилась въ глубину рейда, гдѣ стояли корветы, бриги, шкуны и тендера. Гичка приставала къ разнымъ судамъ и наконецъ пристала къ «Ласточкѣ».

На палубу шкуны вошла, быстро поднявшись по трапу, высокая, крупная, внушительная фигура стараго контръ-адмирала Ратынскаго съ строгимъ и нахмуреннымъ моложавымъ лицомъ, котораго мичманы прозвали «адмиральшей» и «Сашенькой».

Онъ еще болѣе выпятилъ грудь и приподнялъ густые адмиральскіе эполеты, еще болѣе нахмуривъ брови, стараясь таращить свои добродушные глаза какъ можно сердитѣе, когда выслушалъ рапорты вахтеннаго начальника, молодого мичмана, и командира шкуны, лейтенанта Муратова.

Адмиралъ подалъ офицерамъ руки, поздоровался съ выстроенной командой, велѣлъ распустить матросовъ и вмѣстѣ съ Муратовымъ пошелъ осматривать шкуну.

Добродушному адмиралу надоѣло казаться строгимъ, хмурить свои густыя черныя брови и подергивать широкими плечами, тѣмъ болѣе, что онъ—и самъ когда-то лихой капитанъ до женитьбы — приходилъ въ восторгъ отъ образцоваго порядка и изумительной чистоты на «Ласточкѣ».

И его лицо расплывалось въ широкую улыбку, а небольшіе темные глаза улыбались, и вся внушительная фигура адмирала, казалось стала поменьше.

Послѣ осмотра, когда адмиралъ вмѣстѣ съ Муратовымъ поднялись наверхъ и остановились на шканцахъ, — адмиралъ проговорилъ:

— Вы знаете-съ, Алексѣй Алексѣичъ, я строгъ. Очень строгъ-съ!

Муратовъ не поддакнулъ, хотя и зналъ, что «Сашенька» любилъ, чтобы офицеры считали его строгимъ и на службѣ боялись его.

— Да-съ. Служба... Нельзя безъ строгости. Но при всемъ томъ я не могу указать ни на малѣйшее упущеніе... Ваша шкуна—образцовая-съ...

Муратовъ былъ всегда сдержанъ съ начальствомъ. Онъ не выразилъ на своемъ лицѣ радостнаго чувства, не поблагодарилъ за похвалу и молчалъ.

А флагманъ продолжалъ:

— Да-съ, обрадовали, Алексѣй Алексѣичъ... Такого порядка... не видѣлъ... Радъ, что могу вамъ это сказать!

И адмиралъ крѣпко пожалъ руку Муратова.

— Вы увидите, ваше превосходительство, судно не хуже «Ласточки»,—проговорилъ Муратовъ.

— Какое?

— «Ястребокъ», Александръ Петровичъ.

— Вашего друга?

— Точно такъ. Быстренина.

— Посмотрю-съ. До свиданія.

И, передъ тѣмъ какъ сходить по трапу, адмиралъ проговорилъ уже совсѣмъ не какъ начальникъ:

— А что забыли насъ, Алексѣй Алексѣичъ? Жена недовольна... Зайдите къ ней...

— Постараюсь, Александръ Петровичъ...

«Ястребкомъ» адмиралъ восхитился не меньше чѣмъ «Ласточкой», а молодой командиръ тендера просто-таки обворожилъ его.

Скрывая улыбку, Быстренинъ какъ будто слегка испугался появленія нахмуреннаго «Сашеньки» и немедленно согласился съ нимъ, что онъ строгъ и что его боятся. Быстренинъ очень тонко показалъ, что польщенъ горячей благодарностью восхищеннаго адмирала, обѣщалъ на-дняхъ же быть у адмиральши, ловко освѣдомился, когда Маруся обѣдаетъ у своихъ, и получилъ приглашеніе обѣдать въ воскресенье, если не уйдетъ въ море.

Въ тотъ же день адмиралъ, докладывая старшему флагману о посѣщеніи судовъ, особенно хвалилъ «Ласточку» и «Ястребка». Хвалилъ обоихъ командировъ, но Быстренина сердечнѣе и экспансивнѣй.

— Муратовъ превосходный и достойный офицеръ... Только какой-то скрытный... Будто не очень цѣнитъ похвалу адмирала...

А про Быстренина сказалъ:

— Блестящій офицеръ. И капитанъ-умница. И на берегу умница. И душа нараспашку...

— Оба лихіе офицеры!—согласился сѣдой высокій старикъ.

И, подумавши, прибавилъ:

— Только полагаю, что Муратовъ основательнѣе и серьезнѣе.

Вечеромъ друзья сошлись въ морскомъ клубѣ.

— Ну какъ «Сашенька»? Былъ доволенъ «Ласточкой»? Не выдержалъ роли строгаго адмирала?—весело спрашивалъ Быстренинъ.

— Доволенъ! — скромно отвѣтилъ Муратовъ и заботливо спросилъ:

— Твоимъ «Ястребкомъ», конечно, остался очень доволенъ?

— Въ восторгѣ!

— То-то!—обрадованно промолвилъ Муратовъ.

— Ну да я, признаться, не тронулся его восторгами. — Вѣдь онъ—«Сашенька» и «адмиральша»!—съ презрительной улыбкой сказалъ Быстренинъ...

— «Сашенька»... «Адмиральша», а службу понимаетъ и добрый, честный человѣкъ... Я, братъ, доволенъ, что «Сашенька» насъ похвалилъ.

— Въ воскресенье звалъ обѣдать. Адмиральша недовольна, что давно не былъ. А тебя звалъ?

— Обѣдать не звалъ. Да и я хочу идти къ доктору обѣдать. Только едва ли... Если задуетъ хорошій вѣтеръ, уйдемъ въ море...

— И разыграется нашъ «Другъ».

— Ддда!—протянулъ Муратовъ.

Въ субботу съ вечера задулъ зюйдъ-вестъ, и въ ночь засвѣжѣло.

Въ воскресенье, въ шесть часовъ утра, на флагманскомъ кораблѣ былъ поднятъ сигналъ: «сниматься съ якоря и идти въ Ѳеодосію».

Быстренинъ вернулся съ берега поздно и спалъ, когда сигнальщикъ вбѣжалъ съ докладомъ.

— Ваше благородіе!

Отвѣта не было. Сигнальщикъ дернулъ Быстренина за руку.

Прошло двѣ-три минуты, когда Быстренинъ выскочилъ наверхъ.

Хотя и безъ него работы по съемкѣ съ якоря были начаты, но молодой мичманъ не умѣлъ распорядиться какъ слѣдуетъ, и баркасъ еще не начинали поднимать.

— Баркасъ! Баркасъ! — какъ зарѣзанный крикнулъ Быстренинъ.

Онъ взглянулъ на «Ласточку». Тамъ уже поднимали баркасъ.

Быстренинъ понялъ, что онъ опоздаетъ.

— Зарѣзали, Михаилъ Никитичъ! Запорю боцмана! Всѣхъ запорю!—въ бѣшенствѣ крикнулъ Быстренинъ.

И въ эту минуту, казалось, онъ могъ запороть.

Боцманъ было-бросился съ людьми поднимать баркасъ, но Быстренинъ вдругъ велѣлъ отставить. Всѣ удивились приказанію и тому, что командиръ ужъ не кричалъ, какъ бѣсноватый, что запоретъ, хотя и никого еще не запарывалъ.

По лицу Быстренина пробѣжала торжествующая улыбка. Онъ подозвалъ боцмана и приказалъ:

— Потопить баркасъ! Понялъ?

Боцманъ ошалѣлъ.

— Скотина! Потопи за кормой... Не замѣтятъ... и буекъ!.. Вернемся—поднимемъ...

Боцманъ понялъ и радостно отвѣтилъ:

— Есть... «Ласточкѣ» носъ утремъ, Николай Ивановичъ!..

Боцманъ убѣжалъ, а Быстренинъ побѣжалъ на шпиль, гдѣ выхаживали якорь, и уже не грозилъ перепороть, а заискивающимъ голосомъ молилъ:

— Братцы, навались... братцы, ходомъ!

Матросы наваливались.

Быстренинъ просвѣтлѣлъ. Онъ и отличится и выиграетъ пари. И, довольный, что придумалъ такую остроумную «штуку», не вспомнилъ, что пари будетъ выиграно неправильно, и что̀ скажетъ другъ Муратовъ, если узна̀етъ.

«Разумѣется, никто не долженъ знать. Никто на тендерѣ не разскажетъ!» — подумалъ Муратовъ, когда у него пробѣжала мысль, что начальникъ дивизіи можетъ узнать.

— На гротъ... На кливера!..

Боцманъ прибѣжалъ и доложилъ, что баркасъ потопленъ.

— Чехолъ надѣнь на распорки... Будто баркасъ...

— Есть!—отвѣтилъ боцманъ.

«И ловокъ же!»—подумалъ боцманъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ.

— Кливера ставить. Гротъ садить! — точно въ восторгѣ скомандовалъ Быстренинъ.

На «Ласточкѣ» только послали людей по вантамъ.

VI.

Муратовъ уже пилъ чай въ своей маленькой каютѣ, когда вбѣжалъ сигнальщикъ и доложилъ о сигналѣ.

И въ ту же минуту Муратовъ услышалъ команду вахтеннаго мичмана:

— Свистать всѣхъ наверхъ. Сниматься съ якоря!

Боцманъ просвисталъ и повторилъ команду.

Муратовъ выскочилъ на мостикъ.

Скрывая волненіе, серьезный и, казалось, спокойный, онъ крикнулъ:

— На шпиль! Гребныя суда поднять!

Матросы работали во-всю. Муратовъ не кричалъ, не ругался, какъ обезумѣвшій. Онъ былъ строгъ, случалось, наказывалъ, но не «звѣрствовалъ».

И матросы были довольны своимъ командиромъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ всѣ гребныя суда были подняты.

Еще оставалось минутъ пять, чтобы якорь отдѣлился отъ грунта, — сталъ на «панеръ»,—и шкуна, одѣтая парусами, пошла.

«Щенокъ мой!»—подумалъ Муратовъ.

Онъ слышалъ отчаянный окрикъ съ «Ястребка»: «Баркасъ, баркасъ!» и обезумѣвшій крикъ: «Запорю!»—Очевидно, баркасъ не былъ еще поднятъ на «Ястребкѣ», когда на «Ласточкѣ» уже поднимали. И у «Ласточки» нѣсколько минутъ впереди. Онъ обернулся назадъ—взглянуть, что̀ на «Ястребкѣ». Но «Ястребокъ» стоялъ въ линіи послѣднимъ, и за другими судами, стоявшими въ кильватерѣ,—нельзя было видѣть, что̀ дѣлается на «Ястребкѣ».

Эти послѣднія минуты казались Муратову вѣчностью.

И самолюбіе моряка, и щенокъ — по справедливости его щенокъ,—и честь «Ласточки», и честь его команды, которая можетъ быть отличной и безъ модной жестокости, и незаглохшее чувство разочарованія въ другѣ,—все это волновало Муратова, и онъ желалъ побѣды, точно чего-то необыкновенно важнаго, рѣшающаго его судьбу.

И онъ невольно перекрестился и прошепталъ: «Слава тебѣ, Господи», когда раздался голосъ боцмана: «Панеръ», и «Ласточка» тронулась...

И вдругъ поблѣднѣлъ и, казалось, не вѣрилъ глазамъ.

Мимо «Ласточки» несся, почти лежа на боку и чертя подведеннымъ бортомъ, красавецъ «Ястребокъ», имѣя на своей высокой мачтѣ всю парусину незарифленной и на бугшпритѣ всѣ кливера.

У навѣтреннаго борта стоялъ Быстренинъ, красивый, но слегка поблѣднѣвшій, улыбающійся, казалось, торжествующій, и, снимая фуражку, крикнулъ Муратову:

— Щенокъ мой!

— Твой! Ты—волшебникъ!—отвѣтилъ Муратовъ.

Забирая ходу, тендеръ летѣлъ къ выходу съ рейда.

Шкуна летѣла за нимъ, нагоняя его.

Тогда на «Ястребкѣ» подняли «топсель». Тендеръ совсѣмъ легъ на бокъ.

На флагманскомъ кораблѣ взвились позывные «Ястребка» и сигналъ: «Адмиралъ изъявляетъ свое удовольствіе».

«Правильно. Молодчина Быстренинъ!» — подумалъ Муратовъ, любуясь бѣшеной отвагой друга и все еще недоумѣвая, какъ онъ могъ такъ скоро поднять баркасъ и раньше сняться съ якоря.

VII.

Мичманъ съ «Ястребка» проболтался о потопленіи баркаса, и «штука» Быстренина стала извѣстной въ Севастополѣ.

Многіе моряки восхищались выдумкой Быстренина.

Старый адмиралъ, начальникъ пятой дивизіи, потребовалъ Быстренина на флагманскій корабль.

Лейтенантъ вошелъ въ адмиральскую каюту далеко не въ пріятномъ настроеніи.

Адмиралъ подалъ руку Быстренину и сказалъ:

— Находчивы, молодой человѣкъ, и лихо управляетесь «Ястребкомъ»,—хвалю-съ.

Но старое, сморщенное лицо адмирала было серьезно и сдѣлалось строгимъ, когда старикъ продолжалъ:

— И все-таки объявляю вамъ строгій выговоръ-съ. Понимаете, за что-съ?

— Понимаю, ваше превосходительство!—отвѣтилъ Быстренинъ и самолюбиво вспыхнулъ.

— Впредь не фокусничайте. Нехорошо-съ. Что бы вы сдѣлали, если бы баркасъ былъ вамъ нуженъ въ тѣ дни, когда были въ морѣ? Я отдалъ бы васъ подъ судъ-съ. И не пощадилъ бы... Служба—не фокусы...

И послѣ паузы прибавилъ:

— Слышалъ-съ, держали пари?..

— Точно такъ!

— Такъ вѣдь вы и проиграли... Не такъ ли-съ?

— Разумѣется... И щенокъ—не мой.

— Я былъ увѣренъ, что вы такъ поступите!—мягче промолвилъ старикъ и, подавая руку Быстренину, сказалъ, что онъ можетъ идти.

Черезъ недѣлю «Ласточка» возвратилась въ Севастополь изъ крейсерства у кавказскихъ береговъ.

Быстренинъ тотчасъ же поѣхалъ къ Муратову и послѣ первыхъ привѣтствій сказалъ:

— Пари ты выигралъ, Алексѣй Алексѣичъ! Щенокъ твой...

— Почему?

Быстренинъ разсказалъ, почему онъ раньше снялся съ якоря, и прибавилъ:

— Не сердись, Алеша, увлекся...

Хоть Муратовъ и не сердился, и друзья продолжали болтать, но оба почему-то почувствовали, что между ними вдругъ пробѣжала кошка.

АМЕРИКАНСКАЯ ДУЭЛЬ.

I.

«Чайка», красавецъ военный трехмачтовый клиперъ, слегка накренившись, несся подъ всѣми парусами съ попутнымъ, ровнымъ зюйдъ-вестомъ, направляясь изъ Гонолулу, на Сандвичевыхъ островахъ, къ берегамъ Калифорніи, въ Санъ-Франциско.

Былъ седьмой часъ чуднаго іюньскаго вечера.

Солнце, ослѣпительно заалѣвшее, медленно, величаво и словно бы нехотя опускалось за горизонтъ, заливая его блескомъ пурпура и золота и окрашивая часть бирюзоваго неба какими-то волшебно-нѣжными переливами всевозможныхъ красокъ.

Палящій зной дня прошелъ. Отъ волнистаго безбрежнаго океана вѣяло прохладой. Казалось, не надышишься этимъ чистымъ морскимъ воздухомъ.

Океанъ тихо рокоталъ. Въ этомъ рокотѣ не звучалъ угрозой морякамъ и не натягивалъ ихъ постоянно напряженные нервы. Могучія волны прозрачной синевы съ сѣдыми, ослѣпительной бѣлизны, верхушками одна за другою съ тихимъ гуломъ разбивались о клиперъ, обдавая его алмазною водяною пылью, и покачивали его съ бока на бокъ съ ласковою осторожностью доброй няньки.

За кормой слегка пѣнилась серебристая лента и вдали исчезала, сливаясь съ волнами.

Было тихо и торжественно кругомъ на безпредѣльномъ просторѣ океана, часть котораго была охвачена заревомъ заката. И эта торжественность природы невольно передавалась многимъ чуткимъ душамъ моряковъ.

Вахтенные матросы, стоявшіе у своихъ снастей, не перекидывались словами. Они притихли и, любуясь на величавый закатъ, невольно отрѣшались отъ обыденныхъ мыслей, при-

поднято настроенные. У многихъ вырывались невольные вздохи, тѣ вздохи безотчетной грусти, которая охватываетъ людей, чувствующихъ красоту и таинственную неразгаданность природы.

Одинъ молодой матросикъ, маленькій, худенькій и пригожій, съ большими глазами, пугливыми, какъ у дикаго звѣрька, тоскливо смотрѣлъ, какъ закатывается солнце, и вдругъ перекрестился и шепнулъ:

— О, Господи!

И молодой голосъ его звучалъ грустно-грустно, словно бы онъ жаловался на что-то, просилъ о чемъ-то, жалѣлъ чего-то.

А между тѣмъ вокругъ такъ хорошо!

Никто не обратилъ вниманія на это скорбное восклицаніе молодого матросика.

Только стоявшій около него, у той же фокъ-мачты, при снастяхъ, пожилой матросъ, рябоватый и вообще неказистый лицомъ, крѣпкій и приземистый, безъ средняго пальца, давно оторваннаго марса-фаломъ на жилистой, пропитанной смолой, правой рукѣ, повелъ на вздохнувшаго матросика безстрастнымъ, казалось, взглядомъ человѣка, давно ко всему притерпѣвшагося.

Повелъ и, сразу понявши причину грустнаго настроенія первогодка-матросика,—проговорилъ своимъ грубоватымъ, сиплымъ отъ пьянства голосомъ, въ которомъ однако, несмотря на грубость, пробивалась участливая нотка:

— И дуракъ же ты, Егорка.

Егорка пугливо взглянулъ на стараго матроса, который раньше никогда не удостоивалъ его разговоромъ.

— А ты не оказывай передъ имъ страху,—продолжалъ безпалый матросъ, понижая конфиденціально свой зычный басъ:—онъ и броситъ надъ тобою куражиться... боцманъ-то... Нешто больно даве съѣздилъ? Цѣлы зубы?—небрежно прибавилъ онъ.

— Цѣлы... Онъ зубовъ не касался.

— Такъ чего же ты заскучилъ, Егорка?

— Главная причина: вовсе обидно, Иванычъ.

— Обидно? А ты не обиждайся. Плюнь! Такая ужъ флотская служба терпѣливая. Не ты одинъ матросъ на «Чайкѣ». Всѣ терплютъ. А то какой обидчистый, скажи, пожалуйста,—насмѣшливо кинулъ Иванычъ.

Матросикъ былъ, видимо, смущенъ такимъ напоминаніемъ о «всѣхъ».

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ одинъ терпитъ? Другихъ вотъ наказываютъ линьками, а его, слава Богу, еще ни разу не пороли. Вотъ только боцманъ утѣсняетъ, за всякую малость дерется, а то Господь пока миловалъ.

А Иванычъ, словно бы желая подбодрить Егорку, продолжалъ:

— Это што, коли боцманъ или старшій офицеръ съѣздитъ по мордѣ съ разсудкомъ, безъ поврежденій... Это нестоящее дѣло для форменнаго матроса. Онъ долженъ къ бою привыкать—на то она и служба. А вотъ меня, братецъ ты мой, такъ прежде форменно шлифовали линьками и, можно сказать, вовсе до отчаянности и безо всякаго предѣла... Такой уже дьяволъ былъ у насъ на кораблѣ старшій офицеръ... ну и капитанъ тоже... лютъ былъ на порку. И ничего: сустерпѣлъ все. Живъ остался и безо всякой чихотки. А ты: «обидно»! То-то оно и есть, что ты еще вовсе глупъ, Егорка!

И, помолчавъ, прибавилъ:

— А я ужо боцману скажу, чтобы не очень тебя оболванивалъ. Пужливый и обидчистый, молъ, матросикъ... Покурить нешто!

И съ этими словами Иванычъ отошелъ отъ мачты и, вынувъ изъ кармана просмоленныхъ штановъ коротенькую трубку и кисетъ съ махоркой, набилъ трубку и сталъ курить.

Егорка не успѣлъ и сказать слово благодарности, весь проникнутый ею.

Благодаря ласковому слову, онъ уже былъ иначе настроенъ. Обнадеженный, онъ уже не чувствовалъ жуткой сиротливости и снова сталъ смотрѣть на закатъ, но уже безъ щемящей тоски забиженнаго существа, а въ тихомъ, грустномъ и неопредѣленномъ раздумьѣ.

И жить такъ хотѣлось, несмотря на обиды боцмана.

II.

На мостикѣ стоялъ, одѣтый во все бѣлое, въ сбитой слегка на затылокъ фуражкѣ, изъ-подъ которой виднѣлись свѣтло-русые кудрявые волосы, лейтенантъ Весеньевъ.

Онъ тоже любовался величественной картиной заката, душевно приподнятый и безконечно счастливый, полный надеждъ такихъ же яркихъ и чудныхъ, какъ эти краски неба.

Восторженно-мечтательное выраженіе свѣтилось и въ его молодомъ, свѣжемъ и жизнерадостномъ лицѣ, опушенномъ шелковистой, вьющейся русой бородкой, и въ его небольшихъ живыхъ сѣрыхъ глазахъ. Во всей его статной, хорошо сложенной фигурѣ было что-то вызывающее, побѣдное и счастливое.

Онъ отрывался отъ заката, чтобы взглянуть на паруса, на компасъ, на вымпелъ, и снова устремлялъ свои глаза на западъ, туда, гдѣ должны черезъ день показаться красноватые берега Калифорніи, которая казалась теперь молодому лейте-

нанту самымъ милымъ, самымъ желаннымъ уголкомъ Божьяго міра.

И, любуясь закатомъ, любуясь океаномъ и небомъ, любуясь блѣднымъ дискомъ луны, едва свѣтящейся на небѣ и словно не смѣющей показать своей красоты передъ солнцемъ, глядя на паруса, на палубу, на рулевыхъ, молодой лейтенантъ, весь проникновенный и восторженный, и въ солнцѣ, и въ небѣ, и въ морѣ, и въ парусахъ—словомъ, во всемъ видѣлъ маленькую, граціозную женщину съ большими темными глазами, то грустными, то задумчивыми, то улыбающимися и всегда прелестными.

Онъ словно бы отожествлялъ весь міръ съ ней, и весь міръ былъ полонъ ею.

Вотъ уже три мѣсяца, какъ всѣ мысли Весеньева поглощены этой маленькой женщиной съ большими, темными, загадочными глазами, съ которой онъ познакомился въ Санъ-Франциско, и съ первой встрѣчи влюбился въ нее такъ, какъ никогда еще не влюблялся ни въ какихъ широтахъ, самъ нѣсколько испуганный и смущенный захватившимъ его чувствомъ, которое въ разлукѣ не только не проходило, какъ прежде, а, напротивъ, захватывало еще сильнѣе, и не было, казалось ему, другой женщины во всей подлунной, которая могла бы заставить забыть эту. Она одна, одна была именно тою родственною душой, другомъ и желанной женщиной,—словомъ, тѣмъ воплощеніемъ идеала и инстинкта, присущимъ каждому мужчинѣ, который давно носился въ его душѣ. И когда онъ въ первый разъ увидѣлъ въ Санъ-Франциско эту женщину, онъ сразу же призналъ ее за ту, свою любимую, давно знакомую, о которой тосковалъ, ища женской любви, въ мечтахъ, еще на зарѣ своей юности,—призналъ и радостно отдался чувству, не думая, зачѣмъ, къ чему, что̀ изъ этого выйдетъ.

Весеньевъ, обыкновенно экспансивный, болтливый и общительный, охотно разсказывавшій о своихъ увлеченіяхъ, на этотъ разъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ сослуживцевъ свое чувство и даже закадычному другу своему, красавцу-брюнету Оленичу, не открывался. И только, чувствуя неодолимую потребность говорить о любимой женщинѣ, онъ разсказывалъ иногда ему, какая умная, отзывчивая и милая женщина миссисъ Джильда. Однако друга своего не знакомилъ съ ней.

Скрывалъ онъ отъ всѣхъ и переписку съ миссисъ Джильдой и свое намѣреніе жениться на ней. Ему казалось, что она не любитъ своего мужа, нѣсколько нахальнаго, хлыщеватаго, съ кольцами на рукахъ, не всегда опрятныхъ, въ пестрыхъ костюмахъ и мало образованнаго, довольно красиваго янки, лѣтъ

тридцати пяти, профессія котораго была загадочна. По крайней мѣрѣ кто-то предупреждалъ Весеньева никогда не играть съ нимъ въ карты и вообще остерегаться его.

Но ему до мужа не было никакого дѣла, и онъ очень рѣдко встрѣчалъ его въ гостиной жены.

А она, эта маленькая брюнетка съ лицомъ матовой бѣлизны, съ черными какъ смоль волосами, которой по временамъ казалось лѣтъ двадцать пять, а по временамъ и больше, уроженка Мексики, называвшая себя испанкой, такъ ласково, такъ проникновенно, казалось, слушала, нѣжась въ лѣнивой позѣ на диванѣ или лежа въ гамакѣ подъ тѣнью высокой калифорнской секвои въ саду, почти всегда въ ярко-пунцовомъ платкѣ, который такъ шелъ къ ней,—слушала стремительныя рѣчи этого кудряваго, бѣлолицаго блондина и загадочно улыбалась. Сама она почти ничего не говорила и только иногда подавала реплики, умныя и подчасъ насмѣшливыя, воспламенявшія еще болѣе молодого моряка.

Весеньевъ былъ представленъ ей на балу, данномъ городомъ офицерамъ «Чайки» черезъ три дня послѣ прихода ея на санъ-францискій рейдъ. Это было время междоусобной войны, и американцы-аболиціонисты всячески выражали участіе русскимъ, правительство которыхъ явно показывало свои симпатіи сѣверянамъ.

Всѣ клубы, всѣ гостиныя широко открыли свои двери русскимъ офицерамъ, и они были вездѣ желанными гостями.

Весеньевъ заговорилъ съ миссисъ Джильдой, точно давно ее зналъ. Онъ танцовалъ почти съ ней одной, получилъ на память отъ нея гвоздику и вернулся подъ утро на клиперъ, влюбленный по уши.

На другой день онъ былъ у нея съ визитомъ, въ небольшой виллѣ почти за городомъ, и просидѣлъ два часа, а затѣмъ сталъ ходить каждый день. Его неодолимо тянуло въ эту маленькую гостиную, гдѣ миссисъ Джильда обыкновенно проводила цѣлый день, лежа на диванѣ съ книгой въ рукахъ, или въ садъ къ гамаку, подъ секвои.

Онъ почти никого не встрѣчалъ у нея въ тѣ предобѣденные часы или по вечерамъ, когда бывалъ у нея, и она ласково, какъ доброму хорошему знакомому, протягивала ему свою крошечную руку съ рубиномъ на мизинцѣ и уютнѣе усаживалась на диванъ, не скрывая своихъ маленькихъ ногъ въ шитыхъ туфляхъ. Приготовляясь слушать этого пришельца съ дальняго сѣвера, вдругъ, какъ-то неожиданно, сдѣлавшагося своимъ человѣкомъ въ домѣ, она глядѣла на него умнымъ, вдумчивымъ и грустнымъ взглядомъ, казалось, нисколько не

удивленная, что русскій морякъ ходитъ каждый день, но порою, казалось, недоумѣвала, что онъ даже не пользуется правами американскаго флирта и съ робкою почтительностью цѣлуетъ ея крошечныя холодныя руки, и по временамъ глядитъ на нее такъ грустно-грустно, точно жалѣетъ ее, точно прозрѣваетъ, что въ сердцѣ этой маленькой женщины разыгрывается драма.

И миссисъ Джильда привыкла къ Весеньеву и, казалось, не безъ удовольствія слушала, какъ стремительно, словно бы «волнуясь и спѣша», говорилъ онъ безъ умолку на своемъ не особенно правильномъ англійскомъ языкѣ о далекой Россіи, о которой она имѣла представленіе, какъ о странѣ, гдѣ вѣчный снѣгъ и гдѣ вездѣ гуляютъ медвѣди, о родныхъ, о плаваніи на «Чайкѣ», о своихъ планахъ и надеждахъ. Она слушала, слегка удивленная его горячностью и огонькомъ, сверкающимъ въ его обыкновенно смѣющихся глазахъ, когда онъ, со свойственною русскимъ откровенностью, обнажалъ передъ ней свою душу, высказывая свои рѣшительные взгляды и нерѣдко требуя самаго радикальнаго переустройства вселенной.

Скоро онъ сталъ менѣе болтливъ. Онъ задумчиво примолкалъ, сидя около маленькой женщины, и глядѣлъ на нее восторженными глазами. Она тихо улыбалась и не отнимала своей крошечной руки, которую молодой лейтенантъ осыпалъ поцѣлуями.

Наканунѣ отхода изъ Санъ-Франциско Весеньевъ тоскливо сказалъ:

— Завтра мы уходимъ, миссисъ Джильда.

Она, казалось, была удивлена.

— Уходите? И я васъ болѣе не увижу? — протянула она грустно.

— Отъ васъ зависитъ. Я васъ люблю, Джильда. Не на шутку люблю.

Лицо ея омрачилось печалью. Ея большіе темные глаза нѣжно и благодарно глядѣли на Весеньева.

И она наконецъ прошептала:

— Это скоро пройдетъ.

— Это скоро не пройдетъ. Я чувствую.

— Зачѣмъ это случилось? Зачѣмъ?—уныло сказала она.

— Я не знаю, зачѣмъ. Я знаю только, что люблю васъ.

— Но вы совсѣмъ меня не знаете?

— Вы... чудная.

— О, я совсѣмъ не такая, какъ вы думаете... Я далеко не хорошая...

И слезы показались на ея глазахъ.

— Не лгите на себя... Хотите быть моей женой, Джильда?

Она почти испуганно посмотрѣла на Весеньева.

— Мнѣ тридцать лѣтъ... я почти старуха, а вы...

— Мнѣ двадцать шесть... Но развѣ это не все равно? Я люблю васъ больше жизни. Хотите быть моею навсегда, Джильда? Вы разведетесь съ мужемъ... Вѣдь вы не любите его?

— Нѣтъ.

— Я пріѣду черезъ полгода сюда и увезу васъ въ Россію.

Джильда съ тоской глядѣла на Весеньева и молчала.

— Вы отказываете?

Джильда не роняла слова и сидѣла съ поникшей головой.

— Вы, значитъ, нисколько не любите меня, Джильда? А мнѣ казалось...

Лицо Весеньева вдругъ поблѣднѣло, голосъ былъ полонъ тоски, и на глазахъ дрожали слезы.

Маленькая женщина быстро подняла голову.

Еще секунда—она рванулась съ дивана и, обвивая шею Весеньева, прильнула своими устами къ его устамъ и снова сѣла на свое мѣсто.

А слезы такъ и бѣжали изъ ея глазъ.

— Джильда! Родная! Голубка моя!—проговорилъ по-русски Весеньевъ, умиленный и готовый плакать отъ счастья.

И, цѣлуя ея руки, онъ по-англійски продолжалъ говорить о своей любви.

А она, перебирая тонкими, блѣдными пальцами его кудрявые волосы, повторяла:

— Лучше забудь меня. Лучше забудь!

Опредѣленнаго отвѣта она не дала, но не лишала его надежды.

Они разстались, обѣщая писать другъ другу.

Письма ея были печальны и полны любви.

III.

Солнце уплывало за горизонтъ.

— На флагъ!—скомандовалъ Весеньевъ.

Къ спуску флага наверхъ вышли всѣ офицеры.

Солнце исчезло изъ глазъ, а на горизонтѣ тотчасъ же потускнѣли яркія краски. Горнистъ заигралъ зорю. Всѣ обнажили головы. Спустили флагъ. Со спускомъ флага день на военномъ суднѣ окончился.

Въ скоромъ времени была пропѣта матросами молитва и розданы койки.

Послѣ короткихъ сумерекъ быстро опустилась ночь, чудная, теплая ночь. Въ небѣ засверкали міріады звѣздъ, и луна, томная, задумчивая и красивая, медленно поднималась все

выше и выше, обливая своимъ серебристымъ свѣтомъ и полосу океана, и паруса «Чайки», и палубу клипера.

Какимъ-то волшебствомъ дышала эта ночь.

Весеньевъ шагалъ взадъ и впередъ по мостику, вдыхая полною грудью, и мечталъ о встрѣчѣ съ Джильдой.

Какое неожиданное счастье, что въ Гонолулу, гдѣ собралась эскадра, адмиралъ приказалъ командиру «Чайки» идти въ Санъ-Франциско и тамъ дожидаться его. Навѣрное, придется стоять около мѣсяца. Каждый день онъ будетъ у Джильды, и вопросъ о свадьбѣ рѣшится. Въ послѣднемъ письмѣ она писала, что согласна. Она и не догадывается, что послѣзавтра онъ будетъ у нея. Онъ нарочно явится сюрпризомъ.

И молодой лейтенантъ представлялъ себѣ радость встрѣчи, и сердце его замирало. И онъ глядѣлъ на океанъ, глядѣлъ на луну и на звѣзды, и видѣлъ одну Джильду.

Пробило 8 ударовъ полуночи, и на смѣну Весеньева пришелъ другой вахтенный офицеръ.

— Всѣ паруса... Курсъ WSW. Вѣтеръ восемь балловъ... Ходу десять узловъ... Хорошей вахты!—весело говорилъ Весеньевъ, сдавая вахту мичману.

Онъ бѣгомъ бросился въ каютъ-компанію. Тамъ вѣстовой ужъ приготовилъ ему стаканъ горячаго чая.

Тамъ же сидѣлъ, читая книгу, и другъ его, лейтенантъ Оленичъ.

Они были друзьями еще съ морского корпуса и съ тѣхъ поръ жили душа въ душу, братски привязанные другъ къ другу.

Весеньевъ былъ такой веселый, такой жизнерадостный, что Оленичъ невольно спросилъ:

— Что съ тобой, Боря?.. Отчего ты сіяешь?

— А развѣ я сіяю?

— Совсѣмъ... Точно собираешься идти на свиданіе съ любимой женщиной, а не ложиться спать!—засмѣялся Оленичъ.

Весеньевъ покраснѣлъ.

Онъ присѣлъ къ столу рядомъ съ Оленичемъ и тихо шепнулъ ему:

— Ты почти угадалъ, Володя... Я тебѣ ничего не говорилъ раньше, но теперь скажу... Ты вѣдь мой единственный другъ.

И Весеньевъ разсказалъ о томъ, что любитъ миссисъ Джильду и собирается жениться.

— Ты съ ума сошелъ!—воскликнулъ Оленичъ когда его другъ кончилъ.

— Отчего съ ума сошелъ?

— Да вѣдь ты совсѣмъ не знаешь этой дамы. Я видѣлъ тогда на балу, и...

— И что же?

— И, скажу тебѣ по правдѣ, она мнѣ не понравилась...

— Отчего?

— Трудно сказать... Въ ней есть что-то скрытное... Точно ей есть что скрывать.

— Ты, Володя, гнусно смотришь на женщинъ вообще и потому говоришь вздоръ. Придемъ въ Санъ-Франциско, и я тебя познакомлю съ Джильдой... Тогда ты увидишь, какая это прелестная женщина.

— Но, во всякомъ случаѣ, Боря, ты хоть спроси о ней у нашего консула. Онъ всѣхъ знаетъ.

— Къ чему спрашивать?

— А какъ же? Быть-можетъ, твоя миссисъ Джильда просто авантюристка...

Весеньевъ сталъ бѣлѣе сорочки и вздрагивающимъ голосомъ произнесъ:

— Оленичъ! Я люблю тебя, какъ брата, но если ты когда-нибудь осмѣлишься сказать о ней подобное слово... мы навѣки враги.

Оленичъ пожалъ плечами съ видомъ сожалѣнія.

— Прости, Боря... Вѣдь я твой другъ и потому позволилъ себѣ сказать...

— Гадость!—прибавилъ Весеньевъ.—О, я непремѣнно познакомлю тебя съ ней, и ты убѣдишься, что это за чудное созданіе.

— И однако мужъ ея, говорятъ, шулеръ...

— Можетъ-быть... Но развѣ она виновата... Можетъ-быть, она этого и не знаетъ...

— Мудрено не знать, если весь городъ знаетъ...

— Ну и пусть знаетъ...

— И живетъ съ нимъ и пользуется средствами шулера... Боря, голубчикъ, не торопись, умоляю тебя... Прежде разузнай, разспроси... Ты вѣдь довѣрчивъ, несмотря на свой умъ, и наивенъ, несмотря на то, что считаешь себя знатокомъ людей... Связать себя на всю жизнь...

Оленичъ замолчалъ, взглянувъ на страдальческое лицо друга. Онъ понялъ, что продолжать было безполезно, не рискуя поссориться съ человѣкомъ, котораго любилъ.

И онъ рѣшилъ иначе спасти друга отъ легкомысленной женитьбы.

IV.

Черезъ день «Чайка», слегка попыхивая дымкомъ изъ своей бѣлой трубы, тихимъ ходомъ входила на санъ-франциский рейдъ.

Клиперъ еще наканунѣ подчистился, прибрался и показывался теперь въ чужіе люди нарядным, изящнымъ щеголемъ, возбуждавшимъ завистливое удивленіе на военныхъ иностранныхъ судахъ, стоявшихъ на рейдѣ. А ихъ было немало.

И моряки разныхъ національностей ревниво смотрѣли, какъ ловко проходила среди купеческихъ кораблей «Чайка» и какъ хорошо она стала на якорь и быстро спустила всѣ свои шлюпки на воду.

А Весеньевъ уже торопливо одѣвался въ своей каютѣ въ новую лѣтнюю статскую пару и въ пробковомъ «шлемѣ», обернутомъ бѣлой кисеей, въ свѣтлыхъ перчаткахъ, съ тросточкой въ рукахъ, имѣлъ вполнѣ джентльменскій видъ.

Онъ отправился въ городъ съ первой же отходившей шлюпкой.

Оленичъ, бывшій на вахтѣ, проводилъ своего друга взглядомъ, полнымъ сожалѣнія. Онъ сегодня же вечеромъ собирался поѣхать къ консулу и разузнать отъ него объ этой миссисъ Джильдѣ Браунъ.

Несимпатична была ему эта маленькая брюнетка съ грустными глазами... Теперь же, послѣ признанія Весеньева, онъ прямо-таки относился къ ней враждебно и готовъ былъ повѣрить всякимъ дурнымъ о ней слухамъ.

«И чего нашелъ онъ въ ней привлекательнаго?»—задавалъ вопросъ себѣ Оленичъ, вспоминая эту брюнетку, какою онъ ее видѣлъ на балу: въ желтомъ газѣ съ краснымъ, сильно декольтированную, съ красной гвоздикой въ темныхъ, безпорядочно спутанныхъ волосахъ. Черезчуръ истомленное лицо, большіе глаза, правда, граціозна, но въ ея манерахъ что-то кошачье, что-то лукавое...

«Бѣдный Борисъ!»

А «бѣдный Борисъ» въ это время ступилъ на набережную, предвкушая радость встрѣчи. Жара была нестерпимая, и онъ тотчасъ же нанялъ коляску и попросилъ везти себя за городъ, на виллу Браунъ.

— Знаете?

— Знаю!—отвѣтилъ кучеръ-ирландецъ.

— А чѣмъ занимается мистеръ Браунъ, вы знаете?—спросилъ Весеньевъ.

— Это его дѣло!—рѣзко отвѣчалъ ирландецъ и прибавилъ:— а въ карты вы все-таки съ нимъ не играйте, сэръ!

Не доѣзжая до виллы, Весеньевъ просилъ кучера остановиться.

Отпустивъ коляску, онъ пошелъ пѣшкомъ, разсчитывая обрадовать Джильду внезапнымъ появленіемъ.

«То-то обрадуется!»—думалъ онъ, вспоминая ея послѣднее, особенно нѣжное письмо, выученное почти наизусть молодымъ лейтенантомъ.

Съ сильно бьющимся сердцемъ вошелъ онъ въ калитку сада. Масса чудныхъ розъ, олеандровъ, фіалокъ, геліотропа и резеды наполняли садъ благоуханіемъ.

«Она, конечно, одна въ гамакѣ, съ книгой въ рукахъ»,—подумалъ Весеньевъ и, свернувъ въ узкую каштановую аллейку, направился къ высокимъ секвоямъ, распространяющимъ смолистый ароматъ.

Вдругъ раздался мужской голосъ, грубый и наглый, какъ показалось Весеньеву, и вслѣдъ затѣмъ веселый, громкій и самодовольный смѣхъ.

«Это не мужъ»,—пронеслось въ головѣ Весеньева.

И у него ёкнуло сердце. Все радостное настроеніе внезапно пропало. Въ душѣ сдѣлалось мрачно, и садъ показался вдругъ мрачнымъ-мрачнымъ... И все вокругъ словно потеряло прелесть.

Онъ хотѣлъ увѣрить себя, что это голосъ брата или отца... Наконецъ какой-нибудь хорошій знакомый... Но этотъ голосъ... этотъ подлый голосъ звучалъ какими-то торжествующими звуками, наполнявшими сердце Весеньева тоской.

«Развѣ уйти?»—подумалъ онъ.

Но самъ подвигался впередъ, замедляя шаги и чувствуя, какъ замираетъ сердце, словно бы его ожидало несчастье.

Онъ ищетъ жадными, лихорадочно загорѣвшимися глазами эти двѣ знакомыя секвои... и онѣ въ нѣсколькихъ шагахъ.

Между ними протянутъ гамакъ, и въ немъ, вся въ бѣломъ, словно окутанная пѣной, эта маленькая женщина... Бѣлыя туфельки видны изъ-подъ юбки. Голова лежитъ на подушкѣ... Глаза полузакрыты... И это матовой бѣлизны лицо кажется еще прелестнѣе.

А около, почти у самой головы Джильды, на складномъ стулѣ сидѣлъ плотный, коренастый господинъ лѣтъ подъ сорокъ, хлыщеватаго вида, съ лицомъ, которое показалось Весеньеву до невозможности пошлымъ и глупымъ.

А между тѣмъ этотъ пошлякъ-янки, въ какомъ-то ярко-зеленомъ пиджакѣ, взялъ волосатою, грубою рукой маленькую блѣдную руку Джильды и жадно поцѣловалъ эту руку своими толстыми сочными губами разъ, другой, третій...

Скрытый деревьями молодой человѣкъ все это видѣлъ и чуть не вскрикнулъ отъ негодованія.

Напрасно онъ старался побороть жгучую, острую боль ревниваго чувства, охватившаго его. Напрасно онъ хотѣлъ изобразить на своемъ лицѣ презрительное равнодушіе.

Онъ имѣлъ самый жалкій, страдальческій и растерянный видъ, когда, перейдя дорожку, подошелъ къ гамаку и, почтительно поклонившись, проговорилъ глухимъ, точно чужимъ голосомъ:

— Здравствуйте, миссисъ Браунъ.

Джильда слабо вскрикнула. Въ ея глазахъ блеснула радость, и въ то же время что-то виноватое промелькнуло въ этомъ взглядѣ.

— Вотъ неожиданно. Я очень рада васъ видѣть!

Она крѣпко сжимала руку молодого человѣка, но, несмотря на слова о радости, лицо ея было грустно.

— Мистеръ Блэкъ... Мистеръ Весеньевъ, русскій морякъ,— проговорила Джильда.

— Тотъ самый, что ходилъ къ вамъ каждый день, миссисъ Джильда?—съ безцеремоннымъ смѣхомъ выпалилъ янки.

И, смѣривъ молодого человѣка далеко не дружелюбнымъ взглядомъ, протянулъ ему руку.

— Мистеръ Блэкъ не особенно воспитанный человѣкъ!— смущенно промолвила Джильда, взглядывая на Весеньева.

— Еще бы! Я не бѣлоручка изъ Европы, а янки!—дерзко проговорилъ мистеръ Блэкъ.

— Пойдемте-ка, господа, лучше въ домъ... Здѣсь жарко.

Джильда спустилась съ гамака и взяла подъ руку Весеньева.

— Мнѣ некогда... Я на минутку только,—пролепеталъ онъ.

Джильда значительно взглянула на молодого человѣка и ласково проговорила:

— Куда вы? Посидите, прошу васъ...

— А я ухожу, мнѣ некогда. До свиданія, дорогая миссисъ Джильда. До завтра, не правда ли? Завтра ѣдемъ въ Сакраменто?—говорилъ мистеръ Блэкъ и на прощаніе поцѣловалъ нѣсколько разъ руку молодой женщины.

Весеньева передернуло.

Джильда смущенно высвободила свою руку изъ руки мистера Блэка.

— Я не поѣду съ вами въ Сакраменто, мистеръ Блэкъ!— проговорила она.

— А почему, позвольте узнать, вы не поѣдете? Вѣдь вы хотѣли ѣхать.

— Я передумала.

Мистеръ Блэкъ засмѣялся гадкимъ смѣхомъ и пристально поглядѣлъ на Джильду.

— Это рѣшительно?—спросилъ онъ.

— Рѣшительно.

Янки еле кивнулъ головой Весеньеву и ушелъ, насвистывая какой-то мотивъ.

Когда онъ вышелъ за калитку, Джильда умоляюще посмотрѣла на Весеньева и спросила:

— Что съ вами? Вы сердитесь на меня?.. Вы... не довѣряете мнѣ?.. О, я впередъ знала, что это будетъ! — печально промолвила молодая женщина, и по лицу ея пробѣжала грустная усмѣшка.

— Скажите, что это за идіотъ былъ у васъ?—едва владѣя собой, спросилъ Весеньевъ.

— Одинъ мой знакомый...

— Нечего сказать, хорошъ! Онъ вамъ очень нравится?

Джильда грустно усмѣхнулась.

— Отвѣчайте. Нравится?

— Нѣтъ, нѣтъ!—повторила молодая женщина.

— Но въ васъ онъ, конечно, влюбленъ?

— Да!—виновато шепнула Джильда.

— И бываетъ у васъ каждый день?

— Бываетъ.

— И цѣлуетъ ваши руки?

— Цѣлуетъ!—покорно отвѣчала она.

— И вы обѣщали съ нимъ ѣхать въ Сакраменто?

— Обѣщала.

— А между тѣмъ вы писали, что любите меня...

— Писала...

— Но какъ же въ такомъ случаѣ вы принимаете этого болвана и позволяете ему думать?..

— Скучно одной. Я говорила вамъ: я нехорошая... Я люблю, когда за мной ухаживаютъ...

Молодой лейтенантъ недовѣрчиво взглянулъ на Джильду.

— И только цѣлуютъ руки?—негодующе спросилъ онъ.

— Вы мнѣ не вѣрите. Вы что-то подозрѣваете? А я никогда не лгу...

— И вы, въ самомъ дѣлѣ, говорите правду, что любите меня и пойдете за меня замужъ?

— Люблю. Но, мнѣ кажется, свадьбы не будетъ. Я несчастная. И вы мнѣ не вѣрите!—сказала она, и все въ ней говорило о какой-то тоскѣ.

— Вѣрю... вѣрю!—вдругъ порывисто воскликнулъ Весеньевъ, забывая все подъ чарами любви.

И, умиленный, сталъ цѣловать лицо маленькой женщины.

Она просвѣтлѣла и нѣжно-благодарнымъ взглядомъ ласкала молодого Весеньева.

Они пошли въ полутемную прохладную гостиную. Джильда,

по обыкновенію, улеглась на широкій диванъ. Весеньевъ сѣлъ около. Онъ говорилъ о свадьбѣ. Онъ торопилъ ее скорѣй сказать мужу и потребовать развода.

— Онъ не дастъ... Онъ и Блэкъ убьютъ васъ.

— Въ такомъ случаѣ уѣдемъ тихонько. Согласна?

Они рѣшили уѣхать вмѣстѣ тайно въ Нью-Іоркъ и оттуда на пароходѣ въ Европу. Весеньевъ по болѣзни спишется съ «Чайки». Его навѣрно отпустятъ.

— Только уѣдемъ скорѣй... Мнѣ все не вѣрится, что мы уѣдемъ, что ты меня любишь... Говори, что любишь! Говори!— шептала Джильда.

И Джильда горячо цѣловала жениха.

Рѣшено было уѣхать черезъ три недѣли. Въ седьмомъ часу Весеньевъ ушелъ отъ Джильды, еще болѣе влюбленный, обѣщая быть завтра вечеромъ.

V.

Черезъ два дня Весеньевъ привезъ къ Джильдѣ своего друга Оленича.

Оленичъ уже успѣлъ собрать справки у русскаго консула о мистрисъ Браунъ, и справки эти были не особенно благопріятны. По словамъ консула, миссисъ Джильда женщина сомнительной репутаціи. Ее часто встрѣчаютъ съ посторонними мужчинами. Что же касается до мужа, то это профессіональный шулеръ и человѣкъ вообще очень подозрительный.

Несмотря на неблагопріятные отзывы, Оленичъ былъ рѣшительно очарованъ этой маленькой, блѣдной женщиной съ большими темными глазами. Далеко не красавица, она показалась Оленичу плѣнительной съ ея маленькой, лѣнивой и граціозной фигуркой. Въ этой женщинѣ было что-то привлекающее, точно магнитъ. Она, по обыкновенію, и съ Оленичемъ говорила мало, больше слушала, подавая реплики и задавая вопросы, говорящіе о тонкомъ умѣ и отзывчивости, и при этомъ словно бы ласкала взглядомъ, полнымъ чего-то манящаго, загадочнаго и грустнаго. Въ этихъ глазахъ точно были и правда и обманъ...

И Оленичъ послѣ визита, самъ восхищенный, тѣмъ не менѣе пришелъ къ заключенію, что другъ его дѣлаетъ величайшую глупость, собираясь жениться на Джильдѣ.

«Это было бы величайшимъ несчастьемъ!»—подумалъ онъ и самъ чувствовалъ, что что-то неотразимо тянетъ къ этой женщинѣ, и ласковый ея взглядъ чаруетъ и волнуетъ его.

— Ну, что, голубчикъ, понравилась тебѣ моя Джильдочка?—

торжествующе и радостно спрашивалъ Весеньевъ своего друга, когда они возвращались съ виллы.

— Очень!

— Еще бы, это прелестная женщина... И какіе добрые глаза!

— Загадочные...

— И, не правда ли, хороша собой...

— Да... недурна! — сдержанно отвѣчалъ Оленичъ и почему-то покраснѣлъ.

Съ этого дня между друзьями какъ-то незамѣтно наступило охлажденіе. Оленичъ точно избѣгалъ говорить съ Весеньевымъ и рѣзко обрывалъ его, когда онъ начиналъ говорить о Джильдѣ.

VI.

Адмиральскій корветъ «Витязь» неожиданно пришелъ въ Санъ-Франциско десятью днями раньше, чѣмъ его ожидали.

Капитанъ «Чайки», ѣздившій къ адмиралу съ рапортомъ, возвратившись, передалъ старшему офицеру о приказаніи адмирала—черезъ три дня идти «Чайкѣ» на Ситху.

Узнавши объ этомъ распоряженіи, Весеньевъ тотчасъ же попросилъ шлюпку, собираясь предупредить Джильду, чтобы она была готова ѣхать съ нимъ черезъ два дня въ Нью-Іоркъ.

Весеньевъ заручился уже согласіемъ капитана на отъѣздъ въ Россію по болѣзни и не сомнѣвался, что и адмиралъ разрѣшитъ отъѣздъ, но хлопотъ предстояло еще много. Надо было устроить денежныя дѣла, сдѣлать кое-какія покупки на дорогу для Джильды и для себя, и Весеньевъ разсчитывалъ, что Оленичъ поможетъ ему раздѣлить хлопоты этихъ дней.

И молодой лейтенантъ постучался въ каюту Оленича. Отвѣта не было. Каюта заперта. Вѣстовые доложили, что онъ еще съ утра уѣхалъ на берегъ.

«И куда это онъ каждое утро ѣздитъ!»—подумалъ Весеньевъ, нѣсколько заинтересованный этими регулярными съѣздами на берегъ по утрамъ своего друга.

Около полудня Весеньевъ подъѣхалъ къ виллѣ.

Горничная Бетси, толстогубая негритянка, съ добродушными, влажными и сильно выкаченными глазами, объявила мистеру «Весени», какъ она называла лейтенанта, что миссисъ Джильды нѣтъ дома.

— Скоро будетъ?

— А не знаю. Она куда-то уѣхала съ вашимъ другомъ.

— Съ какимъ другомъ?—изумился Весеньевъ.

— Съ мистеромъ Олени... Онъ вѣдь каждый день по утрамъ у насъ бываетъ... Сидитъ съ миссисъ Джильдой. Вы вечеромъ, а онъ утромъ! — прибавила она, добродушно улыбаясь всѣмъ своимъ лоснящимся чернымъ лицомъ и показывая ослѣпительно-бѣлые зубы.

Въ глазахъ лейтенанта помутилось. Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Ни Джильда ни Оленичъ ни слова не говорили ему объ этомъ.

«Господи! Что же это?.. И Джильда и другъ лгутъ... Зачѣмъ?.. Зачѣмъ?..»—подумалъ онъ.

Ревнивыя подозрѣнія закрались ему въ голову. Свѣтлый лѣтній день точно померкъ, и самъ Весеньевъ сталъ мрачнѣе тучи.

«Такъ вотъ для чего Оленичъ съѣзжаетъ на берегъ каждое утро!»

Злоба къ Оленичу наполняла сердце Весеньева, — злоба жестокая, какая только можетъ быть у человѣка, обманутаго людьми, въ которыхъ онъ вѣрилъ, и у ревнивца, терявшаго любимую женщину.

— О, подлые!—простоналъ Весеньевъ.

Толстая Бетси сочувственно, и въ то же время слегка насмѣшливо, посматривала на русскаго моряка.

— Куда они поѣхали?—спросилъ онъ.

— Кажется, въ паркъ.

— Въ паркъ... Зачѣмъ въ паркъ? — безсмысленно повторилъ онъ.

— Въ паркѣ хорошо гулять..

— Въ Сакраменто еще лучше! И Блэкъ бываетъ здѣсь?

— Теперь рѣже.

— А прежде?

— Каждый день...

«А она обѣщала его совсѣмъ не принимать!»—мелькнуло въ головѣ молодого человѣка.

— О, лживая, подлая гадина!—вырвалось изъ его груди.— Дайте мнѣ конвертъ, Бетси.

— Пойдемте въ комнаты.

Весеньевъ прошелъ въ гостиную. Эта комната, въ которой онъ былъ такъ счастливъ, теперь казалась ему словно бы опозоренной... Все здѣсь фальшиво... вездѣ ложь, какъ и въ этой женщинѣ...

Онъ досталъ визитную карточку и, дрожащей рукой, не понимая, что дѣлаетъ, написалъ слѣдующія строки:

«Вы лживое созданіе. Мнѣ стыдно за васъ и за себя. Возвращаю ваше слово и презираю васъ!»

Вложивъ карточку въ конвертъ, онъ отдалъ ее Бетси и сказалъ:

— Прошу васъ, Бетси, отдайте эту записку въ руки миссисъ Браунъ.

— Будьте покойны.

— Непремѣнно въ руки...

— Отдамъ въ руки. А вы развѣ вечеромъ не пріѣдете?

— Нѣтъ, Бетси, не пріѣду. Никогда больше не пріѣду.

И, едва сдерживая рыданія, Весеньевъ выбѣжалъ изъ виллы.

— Въ паркъ!—крикнулъ онъ кучеру.

Онъ велѣлъ остановиться у входа и вошелъ въ огромный паркъ съ высокими пихтами и секвоями, и озирался кругомъ безумными взглядами.

Онъ обѣжалъ всѣ главныя аллеи, всматривался въ гуляющихъ и сидящихъ на скамьяхъ. Тѣхъ, кого онъ искалъ, не было.

Тогда онъ направился наобумъ въ глубь парка, въ густую чащу. Тамъ было прохладно. Онъ шелъ, не зная зачѣмъ, не зная куда, подавленный горемъ, обезумѣвшій отъ полученной обиды и любившій Джильду, казалось, еще сильнѣе оттого, что она его обманула.

Гдѣ-то послышался голосъ.

Весеньевъ осторожно, крадучись, какъ тать, пошелъ на голосъ и замеръ, полный злобы.

У пруда на скамейкѣ сидѣли Джильда и Оленичъ.

Онъ что-то тихо говорилъ и цѣловалъ ея руку.

Она слушала и ласково глядѣла на него задумчивыми грустными глазами.

Весеньевъ приблизился къ нимъ.

Джильда стала бѣлѣе рубашки и испуганно остановила глаза на Весеньевѣ. Въ ея лицѣ было что-то безконечно-страдальческое.

Оленичъ смущенно отодвинулся, выпустивъ руку Джильды.

Смертельно-блѣдный Весеньевъ, едва кивнувъ Джильдѣ, подошелъ вплотную къ Оленичу, далъ ему пощечину и проговорилъ:

— Вы подлецъ, и я къ вашимъ услугамъ.

Съ этими словами онъ тихо удалился, неестественно улыбаясь, точно сдѣлалъ что-то значительное и нужное для своего спокойствія.

VII.

Уже выхаживали на шпилѣ якорь, когда къ «Чайкѣ» пристала шлюпка и изъ нея вышелъ негръ-посыльный.

Онъ спросилъ, гдѣ мистеръ Весеньевъ, и подалъ ему маленькій конвертъ.

Весеньевъ, осунувшійся за эти дни, точно выдержавшій какую-то болѣзнь, отошелъ къ борту и прочиталъ слѣдующія строки:

«Я ждала того, что случилось, но, признаться, думала, что вы спросите, такъ ли я виновата, прежде чѣмъ написать, что я лживое созданіе... Я просто несчастное, нехорошее, но не лживое созданіе... И, клянусь, я васъ одного люблю, хоть слушала и Блэка и вашего друга... Спросите у него, онъ вамъ скажетъ... Простите меня и будьте счастливы... Надѣюсь, вы меня довольно презираете, чтобы не просить васъ забыть несчастную и легкомысленную, но непорочную Джильду».

— Будетъ отвѣтъ, сэръ?

— Никакого.

— Такъ и сказать миссисъ Браунъ?

— Такъ и скажите.

«Какой отвѣтъ! Она опять лжетъ!—подумалъ Весеньевъ.—Вѣдь Оленичъ сказалъ ему, что она была его любовницей!»

И мучительное, злое чувство обиды и ревности опять сказалось съ прежней остротой.

Какъ онъ страдалъ, этотъ бѣдный, легкомысленный лейтенантъ! Эти дни онъ ходилъ, словно безумный, и серьезно думалъ о томъ, что жить не стоитъ. И когда Оленичъ, послѣ нанесеннаго оскорбленія, предложилъ бывшему своему другу американскую дуэль, Весеньевъ радостно согласился, почти увѣренный, что узелокъ вытянетъ не онъ.

Однако узелокъ вытянулъ онъ. Умирать предстояло Оленичу.

Рѣшено было, чтобы не возбудить подозрѣнія въ умышленной смерти, что вынувшій роковой жребій бросится въ море на другой день по выходѣ изъ Санъ-Франциско. Такимъ образомъ смерть объяснится несчастною случайностью.

Послѣ объясненія, во время котораго Оленичъ, словно бы нарочно, чтобы нанести тяжелую боль Весеньеву, сказалъ ему, что Джильда была его любовницей, они не говорили, конечно, ни слова и, казалось, еще болѣе возненавидѣли другъ друга.

«Чайка» тихо выходила съ санъ-франциского рейда.

Весеньевъ жадно смотрѣлъ на городъ, въ которомъ такъ жестоко поругана была его вѣра въ двухъ любимыхъ людей.

Наконецъ городъ скрылся, а молодой лейтенантъ все еще смотрѣлъ на берега, и образъ маленькой блѣдной женщины съ большими грустными глазами невольно стоялъ передъ

нимъ, наполняя всѣ его мысли. И онъ чувствовалъ, что все-таки любитъ Джильду. И жалѣлъ и ее и себя.

Но Оленича онъ не прощалъ. При мысли о немъ злоба закипала въ сердцѣ молодого человѣка, и онъ словно забывалъ, что бывшій другъ его долженъ завтра умереть.

Оленичъ не показывался изъ своей каюты. Онъ цѣлую ночь писалъ кому-то письма и плакалъ.

VIII.

Весеньевъ стоялъ вахту съ четырехъ до восьми утра.

Мрачный ходилъ онъ по мостику и, когда солнце выплывало изъ-за горизонта, разогнавъ предразсвѣтный полумракъ и заливая свѣтомъ и блескомъ все вокругъ, онъ не любовался чуднымъ зрѣлищемъ восхода. На душѣ у него было тоскливо и смутно.

Онъ посматривалъ на паруса, на океанъ, катившій свои волны, взглядывалъ на компасъ и снова ходилъ по мостику.

А вѣтеръ замѣтно крѣпчалъ, и волны рокотали сердитѣй, сильнѣе раскачивая «Чайку», которая подъ марселями, брамселями, фокомъ и гротомъ неслась къ сѣверу, въ полвѣтра, узловъ по десяти въ часъ.

Какъ только-что взошло солнце, Весеньевъ увидѣлъ поднявшагося снизу Оленича. Его красивое лицо было мертвенно-блѣдно, спокойно и серьезно. Только тонкія губы вздрагивали и глаза какъ-то странно жмурились.

При видѣ Оленича сердце Весеньева ёкнуло.

Оленичъ твердой походкой поднялся на мостикъ и подошелъ къ Весеньеву. Весеньевъ смущенно опустилъ глаза, не смѣя взглянуть въ лицо человѣка, приговореннаго къ смерти.

А онъ между тѣмъ говорилъ:

— Передъ смертью простимся, Боря. Я очень виноватъ передъ тобой, прости меня. Разстанемся хоть не врагами...

И онъ протянулъ Весеньеву руку. Тотъ пожалъ ее.

— Прости меня,—повторилъ онъ:—и слушай: Джильда никогда не была моей любовницей. Я гнустно навралъ на нее. Она любитъ одного тебя...

И тотчасъ же у Весеньева исчезла всякая злоба на Оленича, и онъ взволнованно проговорилъ:

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

— Я тоже люблю Джильду... и ревновалъ... понимаешь?.. Сперва я ухаживалъ за ней, чтобъ открыть тебѣ глаза и остановить отъ женитьбы, а потомъ... потомъ... увлекся ею...

— А она?

— Она жалѣла меня, слушала, что я ей говорилъ, и скрывала наши свиданія, чтобы не огорчить тебя... Она несчастная, легкомысленная, все, что хочешь, но не лживое созданіе... Но ты все-таки не женись на ней... Она измучитъ тебя... Ты всегда будешь ее подозрѣвать... Прости же, Боря... Скажи, что ты не вспомнишь лихомъ своего друга...

— Володя... милый... Такъ зачѣмъ же?.. Забудемъ все и... прости меня. Дуэль недѣйствительна...

— Нѣтъ, голубчикъ... Нельзя... Слово держать надо. Надо искупить позоръ оскорбленія и подлость. Прощай!..

Они обнялись крѣпко, по-братски.

Слезы душили Весеньева, когда онъ опять сказалъ:

— Володя... вѣдь это глупо... умирать... Опомнись... Изъ-за чего? Я разрѣшаю тебя отъ слова...

— Но я не разрѣшаю... И прошу тебя не ложиться въ дрейфъ изъ-за меня... Я скоро потону. Я пловецъ неважный... Письма отправь... Вотъ они...

Онъ отдалъ письма, быстро спустился съ мостика, сѣлъ на подвѣтренный бортъ и, нарочно перегнувшись, упалъ за бортъ.

Весеньевъ ахнулъ. Въ одно мгновеніе онъ снялъ съ себя сапоги и сюртукъ и бросился съ мостика въ океанъ спасать своего друга.

Сигнальщикъ побѣжалъ за капитаномъ, и черезъ нѣсколько минутъ «Чайка» лежала въ дрейфѣ, и баркасъ былъ посланъ искать погибающихъ.

Весеньевъ былъ отличный пловецъ и скоро настигъ Оленича.

— Боря... родной... зачѣмъ?..—воскликнулъ Оленичъ.

— Затѣмъ, чтобъ ты жилъ, а не то вмѣстѣ погибнемъ! — радостно говорилъ Весеньевъ, поддерживая друга.—Ложись на спину... Вотъ такъ... Смотри, и баркасъ идетъ.

Дѣйствительно, скоро подошелъ баркасъ, и оба друга были вытащены изъ воды.

Изъ Ситхи Весеньевъ написалъ Джильдѣ письмо, моля о прощеніи. Отвѣта по указанному адресу въ Гонконгъ не было. Тогда Оленичъ написалъ консулу, и черезъ двѣ недѣли былъ полученъ отвѣтъ, что миссисъ Браунъ убита пѣкіимъ Блэкомъ.

ЗАГАДОЧНЫЙ ПАССАЖИРЪ.

I.

Въ ночь сочельника трехмачтовый военный крейсеръ «Русланъ» шелъ подъ всѣми парусами, узловъ по десяти, спускаясь къ южнымъ широтамъ.

«Русланъ» легко разсѣкалъ воду и плавно раскачивался съ бока на бокъ между волнъ, казалось, почтительно отступающихъ отъ него. Вѣтеръ былъ рѣзкій, холодный, но не крѣпкій и ровный.

Океанская зыбь еще не улеглась. Она вздувалась, и высокія волны съ однообразнымъ тихимъ гуломъ лѣниво разбивались одна о другую, и пѣнящіяся ихъ верхушки разсыпались алмазною пылью, облитыя серебристымъ таинственнымъ свѣтомъ мѣсяца.

Холодомъ и какою-то безнадежною тоской одиночества вѣетъ и отъ засѣдѣвшаго холмистаго океана, и отъ безстрастно-красивой луны, и отъ звѣздъ, ярко мигающихъ съ темной бездонной выси. Стоящіе на вахтѣ матросы, одѣтые въ буршлаты поверхъ фланелевыхъ рубахъ, словно бы поддаются тоскѣ этой ночи. И имъ острѣе чувствуется, что жизнь ихъ—скверная, служба — проклятая и море — постылое. Молчаливые и серьезные, они взглядываютъ на океанъ, отворачиваются отъ него, и въ эту рождественскую ночь ихъ еще сильнѣе манитъ домой. И они тихо лясничаютъ между собой о далекихъ своихъ мѣстахъ.

II.

И «Ганцакурату Кару Карычу», какъ прозвали матросы педантичнаго, хладнокровнаго, справедливаго и добросовѣстно-недалекаго капитана, барона Оскара Оскаровича Нордштрема,

и офицерамъ «очертѣлъ» длинный переходъ. Казалось, въ этотъ вечеръ бо́льшая часть офицеровъ, засидѣвшихся въ роскошной каютъ-компаніи, освѣщенной электричествомъ, дольше обыкновеннаго, скучала и нервничала еще болѣе, чѣмъ въ прежніе дни перехода изъ Шербурга прямикомъ въ Батавію.

Особенно пріуныли семейные.

Даже старшій офицеръ Евгеній Николаевичъ, красивый румяный брюнетъ съ роскошной бородкой, блестящими зубами и золотымъ porte-bonheur'омъ на рукѣ, любившій казаться служителемъ суроваго долга, — которому некогда скучать въ морѣ, да и неприлично было,—сдержанно и достойно серьезенъ и задумчивъ.

Обыкновенно великолѣпный и любившій вставлять вѣскія, авторитетныя слова въ общіе разговоры, любезный со всѣми и ни къ кому не выказывавшій особаго расположенія,—старшій офицеръ молчалъ и думалъ, что встрѣчать праздникъ несравненно лучше дома, въ Петербургѣ, чѣмъ на «Русланѣ», да еще съ людьми, хоть и хорошими, но далеко не такими тонко чувствующими и умными, какъ онъ. И, разумѣется, Евгеній Николаевичъ не сомнѣвался, что Вавочка, устраивая елку, поплакала о своемъ одиночествѣ и, бѣдная, очень горюетъ въ разлукѣ.

И съ наивною влюбленностью въ себя онъ размышлялъ:

«Еще бы Вавочкѣ не горевать о немъ, внимательномъ, заботливомъ, любящемъ семью! Еще бы не цѣнить Вавочкѣ такого умнаго и хорошаго человѣка, который такъ развилъ ся умъ, такъ балуетъ подарками! Она знаетъ, что онъ сдѣлаетъ блестящую карьеру, и семья будетъ обезпечена. Еще бы не любить такого безукоризненнаго мужа, который если и измѣняетъ супружескому долгу, то только въ дальнемъ плаваніи и единственно ради здоровья! Недаромъ же Вавочка боготворитъ и смотритъ ему въ глаза, всегда боящаяся огорчить его. Она—чудная, честная женщина и, разумѣется, не позволитъ себѣ «подло увлечься», какъ увлекаются многія соломенныя вдовы плавающихъ моряковъ... Она и не подумаетъ!»

И въ ту же минуту Евгеній Николаевичъ мысленно рѣшилъ, что въ Батавіи онъ непремѣнно съѣздитъ на берегъ.

Другіе женатые моряки, вѣроятно, не считали себя такими великолѣпными идолами, на которыхъ ихъ жены могли бы молиться. Напротивъ, если нѣкоторые мужья и не были идолопоклонниками, то во всякомъ случаѣ—вѣрноподданными своихъ королевъ-супругъ. Вотъ отчего они и не могли скрыть, что

имъ сиротливо и одиноко вдали отъ любимыхъ, да еще въ такой вечеръ.

Особенно былъ подавленно-грустенъ старшій механикъ Иванъ Васильевичъ, необыкновенно добродушный и милый человѣкъ, лѣтъ за сорокъ, котораго машинисты и кочегары иначе не называли, какъ «нашимъ». И всѣ знаютъ, что старшій механикъ тоскуетъ по своей «королевѣ Марго», какъ мичманы прозвали Марью Васильевну.

Ни для кого не было секретомъ, что этотъ высокій, плотный и сильный молодецъ съ характеромъ и волей, не позволяющій начальству наступить на ногу, находился въ полномъ рабствѣ у своей маленькой, худенькой и молодой жены съ блѣднымъ лицомъ цыганскаго типа. Она называла себя миловидной, непонятой женщиной XX вѣка и не скрывала отъ Ивана Васильевича, что у него грубая натура, не понимающая ея возвышенной души, и что можетъ понимать ее одинъ только мичманъ Севрюгинъ, и въ утѣшеніе она прибавляла, что если не оставляетъ Ивана Васильевича и не ищетъ заработка, то потому, что она—благородная женщина и не хочетъ огорчать мужа... Онъ хоть и низменно ее любитъ, но любитъ и ее и дѣтей, такъ пусть Иванъ Васильевичъ остается мужемъ, не понимая ея, а мичманъ въ то же время будетъ понимающимъ другомъ...

Иванъ Васильевичъ еще благодарилъ жену и, уходя въ дальнее плаваніе, ревѣлъ какъ бѣлуга и обѣщалъ привезти все, что написала жена въ спискѣ, переданномъ мужу при проводахъ.

Молодой докторъ, выспавшійся послѣ обѣда и читавшій книгу, взглянулъ на механика и только пожалъ плечами. Лейтенантъ Вершининъ, отъ скуки выпивавшій третью полбутылку портера, проговорилъ:

— Что, Иванъ Васильевичъ... Небось, объ елкѣ мечтаете?

— Вообще!—деликатно отвѣтилъ Иванъ Васильевичъ.

— То-то вообще... И я вообще думаю, что скучища... Тоже поѣхалъ бы къ знакомому на елку... А вмѣсто этого съ полуночи на вахту... Что бы намъ зайти на Мысъ... Тамъ по крайней мѣрѣ... англичанки...

Молодой докторъ, сидѣвшій за книгой, поднялъ глаза на Ивана Васильевича.

«Тоже любовь!»—высокомѣрно подумалъ докторъ и собирался предложить Ивану Васильевичу примѣнить къ нему новое средство излѣченія отъ страсти, вычитанное недавно имъ изъ медицинскаго журнала.

Видимо не имѣвшіе темы для разговора два скучающіе

мичмана лѣниво перекидывались словами о томъ, когда Батавія, и что тамъ интереснаго, будутъ ли они произведены въ Новый годъ въ лейтенанты, сколько каждый выплылъ ценза, и сѣли играть въ шахматы.

— Что бы намъ зайти на Мысъ! Тамъ по крайней мѣрѣ англичанки!—раздражительно воскликнулъ Вершининъ.

Мичманы оживленно встрепенулись. И одинъ проговорилъ:

— Вотъ такъ чудесно... А то знакомься съ малайками на Явѣ...

— И отчего въ самомъ дѣлѣ мы не зайдемъ на Мысъ... И намъ и командѣ слѣдовало бы освѣжиться... А то за какія вины съ ума сходить отъ одури?

— Вамъ, господа, только на умѣ берегъ... Тогда не поступали бы во флотъ!—замѣтилъ старшій офицеръ.

— Я и уйду изъ флота, Евгеній Николаичъ!

— Въ чиновники?—спросилъ старшій офицеръ.

— Въ чиновники. Дядя—товарищъ министра. Онъ устроитъ.

— Нынѣ вездѣ безъ протекціи ничего не получишь! — замѣтилъ Вершининъ.

— Ужъ будто!.. Нужно и образованіе, и трудъ, и способности,—авторитетно промолвилъ Евгеній Николаевичъ.

Мичманъ Каврайскій, худой, нервный молодой человѣкъ съ умными небольшими глазами, горѣвшими злымъ блескомъ, сидѣлъ въ сторонѣ, въ креслѣ у фортепіано, слушалъ и злился. Злился и оттого, что ему противна служба и онъ служитъ, и потому, что онъ молодъ и часто капризничаетъ, и потому, что онъ не знаетъ, къ чему приступиться и что дѣлать, чтобы не чувствовать постояннаго компромисса, и потому, что онъ не можетъ отдѣлаться отъ того, что считаетъ позорнымъ, — отъ лжи, отъ лицемѣрія и зависти. Онъ злился, что слышитъ здѣсь одну только пошлость и никто не обращаетъ вниманія на его рѣчи, обыкновенно останавливаемыя старшимъ офицеромъ. Онъ злился и за то, что не можетъ написать на бумагѣ то, что волнуетъ его и занимаетъ его мысли,—о пересозданіи общества, о новой этикѣ, — и за то, что не умѣетъ сложить стиховъ. Онъ злился и за то, что онъ обреченъ на неизвѣстность, и что нѣтъ у него друга, передъ которымъ могъ бы излиться...

Каврайскій услышалъ послѣднія слова старшаго офицера, главное—этотъ тонъ, увидалъ красивое, самодовольное лицо.

«Экая ты великолѣпная скотина!» — хотѣлъ крикнуть Каврайскій и, вмѣсто этого, волнуясь, проговорилъ:

— Вы, Евгеній Николаевичъ, конечно, будете адмираломъ...

Выходилъ какъ будто и комплиментъ, но старшій офицеръ

почувствовалъ, что̀ хотѣлъ сказать Каврайскій, и, какъ будто бы не слыхалъ его словъ, обратился съ чѣмъ-то къ доктору.

III.

— Къ повороту оверштагъ! Право на борты!—донесся черезъ люкъ взволнованный и неестественно-громкій голосъ вахтеннаго офицера.

И въ эту же минуту прибѣжалъ сверху разсыльный и доложилъ:

— Справа шлюпка съ людьми! Огонь подали.

Всѣ оживились и бросились наверхъ.

«Русланъ» повернулъ къ огоньку, легъ въ дрейфъ, и баркасъ спустили. Ѣхать на баркасѣ вызвался Каврайскій. Лейтенантъ Вершининъ, завѣдующій баркасомъ, охотно согласился. Съ Каврайскимъ отправлялся докторъ. Взяли одѣяла и бочоночекъ съ ромомъ, и баркасъ отчалилъ.

— А вѣдь насъ можетъ и залить, докторъ! — проговорилъ Каврайскій, правя рулемъ и не отрывая возбужденныхъ, уже не злыхъ глазъ съ волнъ.

— Очень жаль, что вы, значитъ, оказались плохимъ морякомъ, язвительный мичманъ... У васъ печень не въ порядкѣ...

— Не зальетъ! Людей спасемъ!..—восторженно воскликнулъ мичманъ.

И на лунномъ свѣтѣ его худое, некрасивое лицо казалось такимъ проникновеннымъ, счастливымъ.

Безпокоились за баркасъ и на «Русланѣ».

И бѣлокурый баронъ говорилъ старшему офицеру съ едва тревожной нотой въ голосѣ:

— Надо было послать баркасъ, но если основательно сообразить, то, пожалуй, и не слѣдовало бы...

— Уже поздно теперь сообразить, баронъ!..

— О, нѣтъ. Сообразить всегда необходимо, Евгеній Николаичъ!.. Положимъ, Каврайскій—толковый офицеръ... Найдется въ трудномъ положеніи...

Старшій офицеръ промолчалъ.

— Это про что Ганцакуратъ? — тихо спрашивалъ унтеръ-офицеръ, подходя къ рулевымъ на штурвалѣ.

— Опасается за баркасъ.

— Зря. Ежели люди на шлюпкѣ въ океанѣ, то по какой-такой причинѣ нашему баркасу пропасть...

— И какъ людей не вызволить! — промолвилъ старшій рулевой.

— Мичманъ вызволитъ. Башковатый и отчаянный, — увѣренно сказалъ унтеръ-офицеръ и отошелъ къ своему мѣсту, на шканцы.

Прошло полчаса.

Баронъ то и дѣло взглядывалъ въ бинокль. Ни шлюпокъ ни огня не было видно.

Баронъ вздохнулъ.

— Я и говорилъ, что надо было обсудить прежде,—снова проговорилъ Оскаръ Оскаровичъ.

Прошло еще четверть часа.

— Сигнальщикъ, видишь?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе!..

— Конечно, надо было послать баркасъ, но...

Баронъ рѣчи не досказалъ. Онъ увидалъ въ бинокль, что баркасъ идетъ къ «Руслану».

IV.

Наконецъ подошелъ баркасъ и былъ поднятъ.

На палубу вошли десять англичанъ, видимо, матросовъ съ купеческаго корабля, спокойно-радостныхъ и счастливо улыбающихся, и совсѣмъ непохожій ни на моряка ни на англичанина немолодой господинъ средняго роста съ большой окладистой бородой, въ лѣтнемъ старенькомъ пальто, высокихъ сапогахъ и съ сомбреро на красиво посаженной головѣ.

Обличье и манера показывали интеллигентнаго человѣка. Онъ, казалось, былъ совершенно равнодушенъ къ своему спасенію.

Въ первое мгновеніе его приняли за шведа или норвежца.

Но велико было общее изумленіе, когда докторъ весело и радостно проговорилъ, обращаясь къ капитану и офицерамъ, окружившимъ спасенныхъ:

— Соотечественникъ... Русскій... Сергѣй Сергѣичъ Курганинъ... Пойдемте, Сергѣй Сергѣичъ... Сейчасъ чаю и закусить...

— А помѣститесь ко мнѣ, Сергѣй Сергѣичъ!—воскликнулъ Каврайскій, весь мокрый.

Всѣ радостно жали руку бородатому господину. Со всѣхъ сторонъ слышались восклицанія:

— Какъ сюда попали?

— Откуда?

— Куда шли?

— На какомъ пароходѣ потерпѣли крушеніе?

— Потомъ разскажете мнѣ подробно, Сергѣй Сергѣичъ... А пока отдохните послѣ этого ужаснаго испытанія!—говорилъ капитанъ.

Курганинъ слегка приподнималъ сомбреро, показывая кудрявые, сильно засѣдѣвшіе волосы, и не выказывалъ никакой радости отъ того, что находится среди любезныхъ соотече-

ственниковъ, и на всѣ вопросы отвѣчалъ коротко и даже суховато: «Шелъ изъ Вальпарайсо на грузовомъ англійскомъ пароходѣ. Вчера ночью онъ сгорѣлъ. Всѣ спаслись и успѣли взять свои вещи. Другая шлюпка съ капитаномъ и штурманомъ ночью разлучилась...»

Затѣмъ Курганинъ пошелъ за инженеръ-механикомъ и Каврайскимъ въ каютъ-компанію. Всѣмъ бросилось въ глаза это равнодушіе Курганина, и его посѣщеніе Вальпарайсо, и какая-то сдержанность.

Особенно онъ удивилъ капитана. Подозвавъ доктора, онъ ввелъ его въ свою каюту и тихо и нѣсколько значительно спросилъ его:

— Кто такой этотъ господинъ?

— Я назвалъ: Курганинъ.

— Это я слышалъ, докторъ. Но я бы спросилъ васъ, какое его общественное положеніе, такъ сказать?

— Не знаю. Не спрашивалъ, баронъ... Курганинъ не изъ разговорчивыхъ... Но по нѣсколькимъ его словамъ видно, что онъ изъ интеллигентныхъ людей.

— Зачѣмъ же онъ попалъ въ Вальпарайсо? — спрашивалъ капитанъ, и его лицо выражало недоумѣніе.

— Вѣрно, путешествуетъ, баронъ! — нетерпѣливо проговорилъ докторъ.

— На грузовомъ пароходѣ?

— А что-жъ... Если нѣтъ большихъ средствъ.

— Безъ средствъ не путешествуютъ такъ далеко. Вы заблуждаетесь, любезный докторъ... Я плавалъ много, а въ отдаленныхъ странахъ такихъ туристовъ я не видалъ. Не понимаю. Рѣшительно не понимаю, докторъ!

И, видимо старающійся понять и обезпокоенный, что не можетъ понять, баронъ раздумчиво покачалъ головой и продолжалъ:

— Очень странно! «Есть много, другъ Горацio...» А вы, докторъ, пожалуйста, не безпокойте пассажира разспросами... И намекните, чтобы въ каютъ-компаніи были деликатны... Все-таки не наше дѣло, почему этотъ господинъ въ Вальпарайсо... Не наше... И вы, докторъ, ужъ пожалуйста, какъ тоже больше статскій человѣкъ, позаботьтесь о пассажирѣ, и вообще чтобы ему было, знаете ли, спокойно и хорошо... Мнѣ кажется, что онъ боленъ... Такое у него лицо... Англичане счастливые, что спасены, а онъ... Можетъ-быть, пожаръ такъ подѣйствовалъ на него...

И, нѣсколько конфузясь, прибавилъ:

— И вотъ что еще, докторъ... Знаете, такъ деликатно нужно...

Если пассажиръ, вы понимаете... безъ средствъ въ путешествіи, то какъ-нибудь... предложите ему взять въ долгъ... Я охотно могу передать вамъ нѣкоторую сумму... Предположимъ, что у меня есть лишніе сто долларовъ... Такъ я, докторъ...

Все еще опалѣлые глаза барона свѣтились выраженіемъ доброты и въ то же время стыдливости, когда онъ прибавилъ:

— И, прошу васъ, докторъ, чтобы ни душа не знала!..

«Славный ты нѣмца»,—подумалъ докторъ и сказалъ:

— Будьте спокойны, баронъ. Но я думаю, что Курганинъ не возьметъ... Что-то у него въ лицѣ есть... И—вы правы—нервы у него, должно-быть, не въ порядкѣ.

Въ эту минуту вбѣжалъ разсыльный.

— Старшій офицеръ велѣлъ доложить: прикажете сниматься съ «дрейфы»?

— Разумѣется... Сниматься...

И, когда разсыльный вышелъ, баронъ, любившій сообщать доктору всѣ свои случайныя недоумѣнія, сказалъ:

— Вотъ и этихъ англичанъ... придется везти до Батавіи...

— А имъ, баронъ, и Курганину нужно на мысъ Доброй Надежды...

— То-то и затрудненіе. Я рѣшилъ не заходить на Мысъ... Такъ и доложилъ въ Петербургѣ управляющему министерствомъ... Мы можемъ дѣлать шикарный переѣздъ... И адмиралъ мнѣ сказалъ: «Ну что-жъ... хорошо!..» И мнѣ хочется оправдать его слова...

— Да развѣ, баронъ, министру такъ и нужно, если онъ сказалъ: «Ну что-жъ... Хорошо...» Право, ему все равно...

— Но мнѣ не все равно! — не безъ горделивости промолвилъ капитанъ. — Правда, появилось новое обстоятельство... Эта шлюпка съ русскимъ и англичанами... Въ томъ и затрудненіе... Я рѣшилъ не заходить на Мысъ...

— Такъ завезите англичанъ и русскаго въ Капштаунъ... И наша команда освѣжится... и офицеры... Да и вамъ, баронъ, надо развлечься...

— Но какъ же... Вдругъ на Мысъ...

— И, право, отлично, баронъ... Матросы ужъ затосковали... Да и каютъ-компанія нервничаетъ... Еще бы... Ну, я пойду, баронъ... Пассажировъ буду угощать...

— Такъ вы, докторъ, можете по долгу службы подать мнѣ рапортъ о томъ, что для здоровья команды необходимо зайти на Мысъ?..

— Обязательно и съ восторгомъ, баронъ!—сказалъ докторъ и, повеселѣвшій, вышелъ въ каютъ-компанію.

V.

По случаю аврала офицеры были наверху.

Только старшій механикъ оставался около Курганина и хлопоталъ, чтобы ему скорѣе подали закусить и чаю.

Неожиданный пассажиръ хоть и очень интриговалъ Ивана Васильевича, но уже не производилъ на него прежняго не пріятнаго впечатлѣнія.

Его сухощавое и серьезное лицо, изрѣзанное морщинами, умное и спокойное, было не изъ веселыхъ и довольныхъ, и въ его глубоко сидящихъ глазахъ было что-то тоскливое и вмѣстѣ съ тѣмъ непокорное, не казалось такимъ сурово-равнодушнымъ и пренебрежительно-сдержаннымъ, какимъ оно казалось всѣмъ въ первый моментъ появленія соотечественника на «Русланѣ».

Но все-таки что-то странное, непохожее на другихъ, что чувствовалось въ этомъ скромно одѣтомъ молчаливомъ господинѣ, нѣсколько стѣсняло добряка Ивана Васильевича, и онъ деликатно не навязывался къ нему съ разспросами.

Старый механикъ то и дѣло пододвигалъ Курганину то сыръ, то колбасу, то разные консервы и вино, и былъ очень доволенъ, что человѣкъ, только-что выскочившій изъ большой опасности, сидитъ здѣсь, гдѣ тепло и свѣтло, и уписываетъ все за обѣ щеки почти-что съ жадностью.

Пришелъ докторъ и сталъ угощать гостя.

— Ужъ меня угощаетъ господинъ инженеръ... Спасибо. Я ѣмъ за троихъ. Забыли взять провизію съ парохода.

— И вы не ѣли сутки?

— Вода была...

Онъ потомъ выпилъ два стакана чаю и спросилъ:

— Вы куда идете, господа?

— Въ Батавію,—отвѣчалъ механикъ.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Пассажиръ съ удовольствіемъ пилъ чай.

— Ура! Идемъ на Мысъ!—радостно воскликнулъ лейтенантъ Вершининъ, входя въ каютъ-компанію.—Сейчасъ баронъ велѣлъ перемѣнить курсъ. И пообѣдаемъ же мы на берегу послѣ подлыхъ консервовъ! И увидимъ, докторъ, женскую красоту... Тамъ вѣдь англичанки. Готовьте только денежки, докторъ и Иванъ Васильевичъ!

Старшій механикъ добродушно запротестовалъ.

— Не врите... Я женатый...

— Скажите, пожалуйста, какой Іосифъ прекрасный!.. Жена въ Кронштадтѣ, а вы будете въ Капштадтѣ... Навѣрно туда дернемъ. Отъ Каптауна два шага...

И, обращаясь къ Курганину, лейтенантъ сказалъ:

— Мы васъ спасли, а вы—пасъ. Изъ-за васъ да англичанъ капитанъ идетъ на Мысъ... Слѣдовательно, не спаси мы васъ, не видать бы намъ англичанокъ... Восхищайся малайками... Такъ позвольте выпить за ваше здоровье... Какого вина прикажете?

— Никакого.

— Почему?

— Не пью.

— По принципу?

— Изъ-за печени.

— Въ такомъ случаѣ одинъ выпью... Ваше здоровье!

Пришли въ каютъ-компанію и другіе офицеры. Всѣ были оживлены.

Еще бы! Черезъ два дня моряки будутъ на берегу.

И по такому-то случаю кто-то велѣлъ подать бутылку шампанскаго. Содержатель каютъ-компаніи приказалъ подать десять бутылокъ.

— Согласны, господа?

Всѣ, разумѣется, согласились.

Выпили за скорый приходъ на Мысъ. Выпили за капитана, за старшаго офицера, за каютъ-компанію.

Докторъ и Каврайскій предложили тостъ за спасеннаго соотечественника.

Тостъ былъ принятъ сдержанно. Пассажиръ не раздѣлялъ общаго оживленія и многимъ казался несимпатичнымъ и даже подозрительнымъ. Не разсказываетъ ни о пожарѣ на пароходѣ, ни о себѣ, ни о томъ, чѣмъ занимается и зачѣмъ путешествуетъ.

Подвыпившій Вершининъ даже подумалъ: «Ужъ не стибрилъ ли пассажиръ крупнаго куша и не бѣжалъ ли изъ Россіи? По всему видно, что умный человѣкъ!»

Однако всѣ подняли бокалы. Курганинъ только пригубилъ изъ своего бокала.

А Вершининъ чокнулся и «дипломатически» спросилъ пассажира:

— Мнѣ кажется, я васъ встрѣчалъ въ Петербургѣ?

— Возможно... Я долго жилъ въ Петербургѣ.

— Такъ... такъ... Извините... Не были вы директоромъ банка?

— Нѣтъ!—усмѣхнулся пассажиръ.

— Значитъ, ошибся... А очень на васъ похожъ одинъ директоръ банка...

— Если бы Сергѣй Сергѣевичъ былъ директоромъ банка, то не путешествовалъ бы на грузовомъ пароходѣ!—замѣтилъ мичманъ.

А Каврайскій озлился и хотѣлъ проучить Вершинина, но вмѣсто того сказалъ ему:

— Вы... вы много выпили шампанскаго!

Молчаливый пассажиръ взглянулъ на мичмана, и въ глазахъ его мелькнула ласковая улыбка.

Особенно не нравился пассажиръ старшему офицеру. Онъ сразу почувствовалъ, что этотъ господинъ совсѣмъ чужой и не изъ «порядочныхъ» людей. Это видно и по костюму, и по сѣрой фланелевой рубахѣ, и по нѣсколько грубоватымъ рукамъ.

«Да и чортъ знаетъ, что̀ это за птица? Русскій — такъ и будь русскимъ! Долженъ почувствовать, что съ русскими!.. А между тѣмъ сидитъ точно янки... Скотина!.. Точно не знаетъ приличія».

И старшій офицеръ съ усиленною любезностью проговорилъ:

— Не будетъ нескромнымъ, если спрошу, давно ли вы изъ Россіи?

— Годъ...

— И, вѣрно, соскучились по Россіи?

— Нисколько!—просто и искренно отвѣтилъ пассажиръ.

Многіе переглянулись.

— Даже нисколько?.. Вы—оригинальный соотечественникъ! Вѣдь какъ тамъ заграницы ни хороши, а отечество... свое... родное! — впадая въ нѣкоторый пафосъ, продолжалъ старшій офицеръ.—И тамъ свое дѣло... служба... друзья... И, главное, домашній очагъ... Жена... дѣти...

И такъ какъ пассажиръ поднялъ свои внимательно-серьезные глаза на Евгенія Николаевича и не торопился отвѣчать, ожидая, что̀ еще скажетъ этотъ видимо влюбленный въ себя морякъ, то старшій офицеръ почувствовалъ къ пассажиру еще бо̀льшую непріязнь и, внезапно закипая злостью, продолжалъ:

— И что̀, собственно говоря, особенно привлекательнаго въ заграницахъ?.. Развѣ что природа, да, пожалуй, хорошія гостиницы... А если сравнить, гдѣ проще и сердечнѣе люди, гдѣ больше не показного, а настоящаго патріотизма... Гдѣ... Неужели всѣ эти говорильни не показали ихъ безсилія сдѣлать что-нибудь серьезное...

Пассажиръ попрежнему молчалъ.

И старшій офицеръ не безъ раздраженія спросилъ:

— Вы, вѣрно, не согласны со мной?..

— Не согласенъ!

Многіе съ удивленіемъ взглянули на пассажира.

А старый механикъ, разрѣшившій себѣ кромѣ шампанскаго пройтись и по хересамъ и почувствовавшій себя рѣшительно

несчастнымъ вдали отъ королевы Марго, обратился къ пассажиру и, слегка заплетая языкомъ, проговорилъ:

— Сергѣй Сергѣичъ!.. Вы не согласны. И это ваше дѣло. Быть-можетъ, и я съ вами соглашусь, если узнаю, почему вы не согласны... Но вотъ мы здѣсь... Чортъ знаетъ гдѣ... Вы чуть не погибли. Такъ неужели васъ не тянетъ въ Россію... къ домашнему очагу?.. А я такъ сейчасъ бы въ Кронштадтъ... Извините, Сергѣй Сергѣичъ... Сію бы минуту...

— Да у меня семейнаго очага нѣтъ, Иванъ Васильевичъ!— промолвилъ пассажиръ.

— Вы, вѣрно, спать хотите, Сергѣй Сергѣевичъ?—съ дипломатическою цѣлью спросилъ докторъ.

— И очень.

Съ этими словами пассажиръ всталъ и, сдѣлавъ общій поклонъ, ушелъ въ каюту въ сопровожденіи Каврайскаго.

Когда шампанское было выпито и пора было расходиться, старшій офицеръ не безъ таинственности произнесъ:

— А вѣдь загадочный пассажиръ!

Почти всѣ согласились, что загадочный.

Были разныя предположенія: или у пассажира на душѣ преступленіе, или онъ—государственный преступникъ, бѣжавшій изъ Сибири, или политически неблагонамѣренный человѣкъ.

Докторъ и Каврайскій протестовали противъ всѣхъ предположеній.

— Но кто же онъ такой?—допрашивали офицеры.

— Отчего не объяснить, кто онъ?

VI.

Въ теченіе двухъ дней пассажиръ сидѣлъ въ каютѣ и что-то писалъ. Въ каютъ-компаніи онъ попрежнему былъ малоразговорчивъ и на вопросы отвѣчалъ лаконически. Отъ предложенія доктора дать взаймы онъ отказался.

Онъ поблагодарилъ доктора и сказалъ:

— Я могу зарабатывать вездѣ... А у меня теперь скромныя привычки!

Пассажиръ заинтересовалъ всѣхъ офицеровъ. А старшій офицеръ даже начиналъ трусить. И передъ приходомъ въ Капштаунъ доложилъ и безъ того озабоченному капитану:

— Какъ бы чего не вышло, баронъ... Если пассажиръ и вдругъ... опасный злоумышленникъ.

— Такъ намъ какое дѣло... Мы спасали человѣка въ морѣ!— негодующе сказалъ баронъ.—И почему онъ долженъ быть злонамѣреннымъ?

Однако и баронъ былъ смущенъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ онъ такъ и не знаетъ, кто же у него пассажиръ. Надо же обозначить въ рапортѣ, какого званія спасенный...

— Какъ же выйти изъ этого затрудненія? — спрашивалъ баронъ.

— Очень просто. Спросите у пассажира... И пусть покажетъ паспортъ...

— Пфуй, какъ вамъ не стыдно, Евгеній Николаевичъ! Пфуй! Schande!.. Я и такъ повѣрю, что онъ скажетъ... И по долгу службы спрошу... И запишу, какъ онъ покажетъ...

Когда «Русланъ» бросилъ якорь и пассажиръ пришелъ проститься съ капитаномъ, баронъ крѣпко пожалъ руку Курганина, пожелалъ всего лучшаго и, краснѣя, прибавилъ:

— Извините... Мнѣ придется написать въ рапортѣ, кого намъ Богъ привелъ встрѣтить въ океанѣ и отвезти въ Кантаунъ... Ваше званіе... или чинъ... или... ну, какъ вамъ угодно, Сергѣй Сергѣичъ... А мнѣ никакого нѣтъ дѣла... извините... Или...

Пассажиръ улыбнулся и подалъ свой заграничный паспортъ.

— О, мнѣ не надо... Не надо...

— Такъ, вѣрно, старшему офицеру необходимо. Не угодно ли...

Старшій офицеръ взялъ и прочиталъ:

«Отставной статскій совѣтникъ князь Сергѣй Сергѣевичъ Курганинъ».

Евгеній Николаевичъ, нѣсколько сконфуженный, возвратилъ пассажиру паспортъ.

Курганинъ простился съ офицерами и съ нѣкоторыми матросами и уѣхалъ на берегъ.

Когда всѣ офицеры узнали, кто былъ пассажиръ, онъ сдѣлался во мнѣніи всѣхъ еще болѣе загадочнымъ.

БЛЕСТЯЩЕЕ НАЗНАЧЕНІЕ.

I.

Во второмъ часу погожаго осенняго дня 186* года, къ подъѣзду деревяннаго особнячка въ одной изъ дальнихъ кронштадтскихъ улицъ подъѣхалъ на извозчикѣ капитанъ втораго ранга Викторъ Ивановичъ Загаринъ, только-что пріѣхавшій на пароходѣ изъ Петербурга.

Это былъ небольшого роста, худощавый человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ на видъ, съ располагающимъ серьезнымъ и озабоченнымъ лицомъ, обрамленнымъ длинными и густыми свѣтло-русыми бакенбардами.

Одѣтъ былъ Загаринъ очень скромно.

На немъ — потертое пальто, изъ-подъ отворотовъ котораго былъ видѣнъ далеко не блестящій, шитый золотомъ, воротникъ мундира. На шеѣ красовался орденъ. На головѣ была старая фуражка, чуть-чуть сбитая на затылокъ. Въ маленькой красивой рукѣ—треуголка.

Загаринъ не успѣлъ позвонить, какъ дверь подъѣзда распахнулась, и моряка встрѣтилъ вѣстовой Рябкинъ, молодой, красивый, чернявый матросъ, сіяющій здоровьемъ, свѣжій и румяный, съ ослѣпительными зубами. Онъ былъ въ синей фланелевой рубахѣ съ открытымъ большимъ воротомъ, черныхъ штанахъ, широкихъ внизу и обтянутыхъ къ поясу. Опрятныя ноги были босы.

— Благополучно?—съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ въ негромкомъ мягкомъ голосѣ спросилъ Викторъ Ивановичъ, всегда послѣ женитьбы задававшій этотъ вопросъ, какъ только возвращался домой.

— Все, слава Богу, благополучно, вашескобродіе!

— Викторъ Викторычъ и барыня гуляли?

— Есть! Прогуливались въ саду, вашескобродіе!

Рябкинъ принялъ треуголку и бросилъ на Загарина тревожный и пытливый взглядъ смышленыхъ карихъ глазъ.

Лицо Виктора Ивановича, казалось, было спокойно.

Но Рябкинъ недаромъ же семь лѣтъ жилъ вѣстовымъ у Загарина и зналъ его самообладаніе. И онъ сразу рѣшилъ, что баринъ «въ разстройкѣ».

Еще бы!

Онъ видѣлъ, что Викторъ Ивановичъ, обыкновенно добродушный, простой и веселый, особенно дома, вернулся изъ Петербурга такимъ серьезнымъ и озабоченнымъ, какимъ бывалъ только на мостикѣ своего судна во время шторма или когда дома было неблагополучно.

Онъ обратилъ вниманіе и на то, что Загаринъ не летѣлъ, какъ всегда, въ комнаты, а, напротивъ, словно бы нарочно замедлялъ шаги, поднимаясь по небольшой лѣстницѣ и проходя по галереѣ.

Но главное, что̀ смутило и испугало вѣстового: въ сѣрыхъ лучистыхъ глазахъ Виктора Ивановича было что-то тоскливое.

И молодой матросъ, всегда жизнерадостный и въ послѣднее время совсѣмъ счастливый до глупости молодоженъ, — внезапно омрачился.

— Что̀, Рябкинъ? Не ожидалъ? — участливо спросилъ Загаринъ.

— Вышла, значитъ, «лезорюція», вашескобродіе? — подавленнымъ голосомъ промолвилъ Рябкинъ.

— То-то вышла.

И Викторъ Ивановичъ подавилъ вздохъ.

— Въ дальнюю, вашескобродіе?

— Да. На три года.

— Вѣдь мы весь прошлый годъ были въ Средиземномъ, а раньше три года въ дальней были, вашескобродіе!

— Такъ что̀ же?

— Можно бы обсказать вышнему начальству, вашескобродіе. Такъ, молъ, и такъ...

— Ты дуракъ, Рябкинъ! — ласково промолвилъ Викторъ Ивановичъ.

И почему-то остановился, понюхалъ распустившуюся розу среди множества цвѣтовъ, которыми была уставлена галлерея, и вошелъ въ прихожую.

Въ свѣтлой прихожей слегка пахло смолой отъ большого пеньковаго мата. Все, начиная отъ вѣшалки и кончая лампой, сіяло чистотой. Все словно бы предупреждало о безукориз-

непномъ порядкѣ, ласковой домовитости и мирѣ во всей небольшой квартирѣ.

Въ полурастворенную дверь была видна залитая солнцемъ часть гостиной, сочные листья пальмъ, зеркало, японскія вазы, коверъ, мягкія кресла... И такъ свѣтло... Такъ уютно... Такъ мила вся эта скромная обстановка!

И Викторъ Ивановичъ еще больнѣе и острѣе почувствовалъ, какъ «дорогъ ему берегъ»...

«А между тѣмъ его отрываютъ отъ всего, что такъ дорого и близко ему... Есть холостые отличные капитаны... Есть женатые, съ восторгомъ уходящіе въ Тихій океанъ... Есть карьеристы... За что?»—снова подумалъ Загаринъ и почти строго сказалъ, когда Рябкинъ снималъ съ него пальто:

— Завтра перебираться на «Воинъ»!

— Есть, вашескобродіе.

И тоскливо прибавилъ:

— Когда уходимъ?

— Да что ты пристаешь, Рябкинъ! — съ внезапной рѣзкостью проговорилъ Викторъ Ивановичъ.

— Виноватъ, вашескобродіе... Насчетъ запаса полагалъ... По той причинѣ и обезпокоилъ!—промолвилъ вѣстовой.

Викторъ Ивановичъ направился-было въ гостиную, но вдругъ обернулся къ Рябкину.

Ласково взглядывая на сконфуженнаго и грустно-притихшаго любимца-вѣстового, Загаринъ съ обычной своей мягкой сдержанностью промолвилъ:

— Черезъ недѣлю снимаемся... А о запасахъ для меня пока не хлопочи... У прежняго капитана, вѣрно, все запасено... Купимъ у него...

И еще мягче прибавилъ:

— Всю эту недѣлю, съ вечера будешь съѣзжать сюда... домой и оставаться до утра...

— Какъ же будете одни безъ меня на «конвертѣ»?—озабоченно промолвилъ Рябкинъ.

— Не безпокойся. Вечерами и я домой. А къ флагу вмѣстѣ на корветъ.

Рябкинъ благодарно взглянулъ на капитана и спросилъ:

— Фрыштыкъ подавать, вашескобродіе? Ариша постаралась.

— Спасибо. Не надо. А ты, Рябкинъ, не раскисай передъ Аришей... Больше разстроишь свою жену... Постарайся для нея... Будь молодцомъ.

— Есть, вашескобродіе! Извѣстно — бабье сословье... Реветъ!—проговорилъ, стараясь бодриться и показать себя молодцомъ, Рябкинъ.

Но голосъ его вздрагивалъ и пригожее его лицо подергивалось, точно Рябкинъ готовъ былъ заревѣть.

II.

Въ эту минуту, топая ножонками, въ прихожую вбѣжалъ маленькій мальчикъ лѣтъ трехъ, худенькій, блѣднолицый, съ золотистыми кудрявыми волосами и прелестными, необыкновенно большими, темными глазами.

Это былъ тотъ «Викторъ Викторовичъ», о которомъ спрашивалъ отецъ вѣстового.

Въ первое мгновеніе мальчикъ остановился съ разбѣга и загорѣвшимися глазами любовался мундиромъ, густыми золотыми эполетами и орденами на шеѣ и на груди отца, и затѣмъ бросился къ нему, властно поднимая ручонки и вытягивая губы, чтобы его подняли и поцѣловали.

Викторъ Ивановичъ поднялъ, какъ перышко, ребенка и съ какой-то особенной порывистой горячностью цѣловалъ его и съ мучительной тоской взглядывалъ на это милое личико съ большими, широко открытыми, не по-дѣтски умными, проникновенными глазами.

Онъ понесъ своего ненагляднаго «Виктора Викторовича» въ гостиную, и мальчикъ, перебирая ордена, говорилъ:

— Ты не уѣдешь отъ насъ, папа? Тебѣ позволили остаться съ нами?

— Нѣтъ, милый... не позволили...

— Такъ возьми Вику съ собой...

— А какъ же мама останется безъ Вики?

— И мамочку возьми... И Рябкина... И няню... И Аришу... И Шарика... И чижика... Всѣхъ... всѣхъ возьми!..

Вмѣсто отвѣта, морякъ крѣпко прижалъ къ себѣ мальчика и, спуская его на полъ, вынулъ изъ кармана игрушку.

Онъ завелъ мышку, и она побѣжала по полу, дѣлая маленькіе круги.

— О... папа... смотри!..

Мальчикъ въ восторгѣ присѣлъ на корточки.

Отецъ умиленно взглянулъ на Вику и, стараясь скрыть тоску, направился въ комнату жены.

III.

Но изъ дверей уже торопливо вышла, слегка переваливаясь, высокая матовой бѣлизны брюнетка лѣтъ двадцати пяти, въ мягкомъ тепломъ капотѣ, прикрывающемъ замѣтную полноту ея таліи.

Это была необыкновенно милая женщина, при видѣ кото-

рой точно свѣтлѣло на душѣ за хорошаго человѣка. Даже самый легкомысленный человѣкъ съ невольнымъ почтеніемъ глядѣлъ на эту скромную, слегка застѣнчивую красавицу, казалось, и не понимающую прелести красоты ея одухотвореннаго изящнаго лица, довѣрчиваго и ласковаго, и большихъ ясныхъ правдивыхъ глазъ, опушенныхъ длинными рѣсницами.

Сразу чувствовалось, что за такой женщиной нельзя было ухаживать. Ее только можно было полюбить безнадежно, завидуя счастливцу Загарину, у котораго, далеко не красиваго и не блестящаго, такая жена, что даже кронштадтскія сплетни не могли ея коснуться.

Всѣ только дивились такой на рѣдкость счастливой парѣ.

Почти съ благоговѣйной осторожностью обнялъ Викторъ Ивановичъ жену и, поцѣловавъ ее, хотѣлъ только сказать о несчастьѣ—своемъ неожиданномъ назначеніи въ плаваніе на три года, — какъ жена, крѣпко сжимая въ своей маленькой рукѣ руку мужа, словно бы не отпуская его отъ себя и точно все еще не довѣряя тому, что сразу почувствовала, какъ только-что увидѣла мужа,—спросила:

— Да неужели могли сдѣлать такую несправедливость? Назначили тебя командиромъ «Воина»?

— Напротивъ... Блестящее назначеніе, Вѣра.

— Но вѣдь ты не хочешь его.

— Еще бы!..

— Отказывался?

— Разумѣется.

— И все-таки... на три года?

Викторъ Ивановичъ махнулъ головой.

— Нѣтъ... Это невозможно! — растерянно проронила молодая женщина.

И, вдругъ спохватившись, сказала:

— Ты, милый, голоденъ... Идемъ въ столовую.

Загаринъ отказался. Онъ закусилъ въ Петербургѣ.

И съ необыкновенной нѣжностью промолвилъ:

— Ты лучше садись, Вѣра... Устанешь.

— Пойдемъ ко мнѣ... Няня здѣсь съ Викой... Разскажи, что министръ сказалъ... Отчего тебя назначилъ...

Мышка остановилась. Мальчикъ схватилъ ее и подбѣжалъ къ матери.

— Мамочка! Смотри какая!.. Папа привезъ... Онъ всѣхъ насъ возьметъ!—радостно кричалъ Вика.

И, показавъ матери мышку, отнялъ ее и вернулся къ пожилой своей нянѣ Матренѣ Петровнѣ.

Вѣра Николаевна, казалось, все еще не могла повѣрить,

что мужъ уйдетъ въ плаваніе... Имъ всѣмъ такъ хорошо вмѣстѣ...

«Все ли Витя говорилъ министру, чтобъ остаться!?» — подумала она.

И, когда они усѣлись на маленькомъ диванѣ въ уютной, перегороженной японскими ширмами спальной, Вѣра Николаевна, стараясь скрыть отъ мужа душевное волненіе, спрашивала:

— Ты говорилъ министру, что у насъ Вика?.. Ты говорилъ, что скоро у насъ...

И молодая женщина крѣпко прижалась къ мужу, словно ища помощи, и продолжала:

— Ты говорилъ, что мы только четыре года женаты?.. Ты говорилъ, милый, что мы счастливы и не хотимъ разставаться? Говори... какъ тебя онъ встрѣтилъ?.. Почему отказалъ?..

— Привѣтливо встрѣтилъ и сразу огорошилъ. «Назначаю, говоритъ, командиромъ «Воина», какъ одного изъ лучшихъ капитановъ. Надѣюсь, довольны?»

— Изумился, милый?

— Да. Ты знаешь, до сихъ поръ начальство не баловало вниманіемъ. И вдругъ: «изъ лучшихъ»! Кто это мнѣ удружилъ — передъ министромъ—не понимаю! Не самъ же выбралъ... Однако подумалъ: вѣрно, сейчасъ же отмѣнитъ назначеніе... Желающихъ много... И сказалъ, что считаю себя въ правѣ просить не назначать меня. Говорю, что семейныя обстоятельства рѣшительно вынуждаютъ меня остаться здѣсь.

— Что-жъ онъ?

— Окрысился и грозно сказалъ: «На службѣ нѣтъ семейныхъ обстоятельствъ!»

— Какое безсердечіе! Да развѣ у него нѣтъ семьи? Нѣтъ дѣтей?—воскликнула Вѣра Николаевна.

И слезы задрожали на ея глазахъ.

— Онъ не безсердечный... И не злой... И семья есть...

— Такъ какъ же не понимаетъ семейныхъ обстоятельствъ?

— Понимаетъ и свои и чужія... Но у насъ, Вѣра, нѣтъ протекціи... И — знаешь — я не изъ ласковыхъ телятъ... Не разсыпался въ благодарностяхъ за назначеніе... А въ кабинетѣ у министра было два старыхъ адмирала да нѣсколько штабъ-офицеровъ... Онъ и хотѣлъ на мнѣ показать, какой онъ радѣтель службы... Однако все-таки освѣдомился: «Какія-такія могутъ быть семейныя обстоятельства?..» Точно не зналъ, какія именно обстоятельства! — возбужденно проговорилъ морякъ.

И, стараясь быть сдержаннѣе, чтобъ не взволновать больше

и безъ того взволнованную жену, Викторъ Ивановичъ продолжалъ:

— Ты поймешь, Вѣра, что не могъ же я объяснять, что безъ тебя и Вики эти три года будутъ невыносимы... Да, вѣрно, ужъ ему наболтали о нашемъ счастьѣ...

— Ты правъ, милый! — шепнула молодая женщина и пожала руку мужа.

— И я коротко сказалъ, что здоровье жены и сына требуютъ моего присутствія. И прибавилъ, что весь прошлый годъ плавалъ въ Средиземномъ...

— А онъ?

— Отвѣтилъ, что мои доводы не заслуживаютъ уваженія... И такъ... такъ скверно искривилъ свой беззубый ротъ въ улыбку и колко сказалъ: «Такой чувствительный семьянинъ не долженъ быть морякомъ. Разъ служите — должны плавать. Немедленно примите корветъ и съ Богомъ!..» И нѣкоторые изъ присутствующихъ тихо захихикали. Хотѣли подслужиться. Есть вѣдь подлецы!

Викторъ Ивановичъ поморщился точно отъ боли и продолжалъ:

— И вѣдь адмиралъ правъ... Да, правъ!

— Ты его еще оправдываешь?

— Да, родная моя. Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ я привязался къ тебѣ, море перестало быть для меня прежнимъ... Служба не захватываетъ больше... Меня манитъ берегъ... къ тебѣ... Я знаю, что̀ такое счастье... И какъ министръ сказалъ, такъ хоть въ ту же минуту подалъ бы въ отставку.

— Такъ что-жъ?..

— А гдѣ сейчасъ найдемъ мѣсто? Чѣмъ будемъ пока жить? И не дали бы отставки... Еще, пожалуй, отдали бы подъ судъ... Неповиновеніе начальству... Исключили бы со службы...

И взволнованнымъ, виноватымъ голосомъ Викторъ Ивановичъ вдругъ прибавилъ:

— Виноватъ я передъ тобой, Вѣра. Долженъ былъ раньше выйти въ отставку... Тогда бы...

— Что̀ ты говоришь, Витя?.. Ты, хорошій, избаловавшій меня счастьемъ, виноватъ передо мной?! — перебила Вѣра Николаевна.

И, едва сдерживая рыданія, глядѣла на мужа прелестными большими и грустными глазами, полными безконечной благодарной любви беззавѣтно преданной, но не влюбленной женщины.

Викторъ Ивановичъ благоговѣйно поцѣловалъ ея руку и восторженно промолвилъ:

— Золотое ты сердце... А я все-таки виноватъ... «Слишкомъ чувствительный семьянинъ для флотскаго офицера»!

Загаринъ пробовалъ улыбнуться. Но вмѣсто улыбки вышла какая-то гримаса.

И онъ продолжалъ:

— Ушелъ отъ адмирала, и блеснула надежда. Извозчика и — къ Путинцеву. Зналъ, что онъ въ Петербургѣ... Знаю, что безшабашный карьеристъ, безъ правилъ, только-что выскочилъ, адмиралъ и влюбленный въ себя... Любимецъ министра... А все-таки, думаю, товарищъ... Стоитъ только доложить адмиралу, и меня вызволитъ...

— Не люблю я Путинцева!—вдругъ возмущенно воскликнула Вѣра Николаевна, обыкновенно очень снисходительная къ людямъ.

И лицо ея залилось румянцемъ.

— Хлыщъ... Женатый Донъ-Жуанъ... И еще хвастаетъ побѣдами... То-то и не любишь Путинцева.

— Просто не терплю его... Я видѣла его два раза въ собраніи... Онъ такъ гадко глядѣлъ на дамъ, что онѣ должны бы сгорѣть отъ стыда...

— На тебя, надѣюсь, не смѣлъ такъ смотрѣть?—спросилъ Викторъ Ивановичъ и внезапно поблѣднѣлъ.

— Что ты, милый... Хоть онъ и нахалъ...

— Смѣлъ бы!—глухо прошепталъ Викторъ Ивановичъ.

И Вѣра Николаевна, съ чувствомъ гадливости вспомнившая о взглядѣ Путинцева, еще вчера на улицѣ заставившаго ее покраснѣть и отвернуться, снова вспыхнула и отъ того, что скрыла про этотъ взглядъ, чтобъ не разстроить мужа, и оттого, что Путинцевъ осмѣлился такъ взглянуть на нее.

И она сказала:

— Разумѣется, Путинцевъ не захотѣлъ тебѣ помочь?..

— И вдобавокъ оказался лицемѣрнымъ прохвостомъ... Сталъ распинаться въ товарищескихъ чувствахъ... Вилялъ... и сказалъ, что онъ не въ такихъ отношеніяхъ съ министромъ, чтобы просить за другого... И навралъ съ три короба, чтобъ увильнуть... И сказалъ, что, вѣрно, кто-нибудь изъ старыхъ адмираловъ указалъ на меня министру. И онъ рѣшилъ, что я долженъ идти, и заартачился. Онъ упрямъ... И что я, вѣрно, раздражилъ его, если онъ такъ категорически отказалъ... И совѣтовалъ по-товарищески идти, а черезъ годъ пусть я прошусь по болѣзни въ Россію. И тогда Путинцевъ похлопочетъ. «Ты, говоритъ, опять будешь въ семьѣ...» И еще соболѣзновалъ... Однимъ словомъ, мнѣ было досадно, что я первый разъ въ жизни искалъ протекціи и обратился къ нему... Такъ и сказалъ Путинцеву.

И мужъ и жена притихли.

Наконецъ Вѣра Николаевна спросила:

— Когда ты долженъ уходить?

— Черезъ недѣлю...

— Нѣтъ... Не уходи... Не уходи... Вѣдь это... несчастье... За что?

IV.

Для такого мужа и отца и такого не честолюбиваго и далеко не завзятаго моряка, какимъ былъ Викторъ Ивановичъ, блестящее назначеніе было дѣйствительно большимъ несчастьемъ.

Но старикъ-адмиралъ, насмѣшливо назвавшій Загарина «чувствительнымъ семьяниномъ», едва ли вѣрилъ, что «семейныя обстоятельства» ужъ такія серьезныя, чтобы хорошему офицеру отказываться отъ дальняго плаванія.

Не мичманъ же онъ. Мичману простительно втюриться до умопомраченія. На то и мичманъ!

«Но капитану второго ранга, которому подъ сорокъ, не къ лицу разыгрывать влюбленнаго», — думалъ скептикъ-старикъ. Да и по опыту и по наблюденіямъ онъ не сомнѣвался, что моряки трезво и просто относятся къ разлукѣ, иногда и продолжительной, съ женой и дѣтьми.

Нечего и говорить, что назначеніе Загарина возбудило толки въ морскихъ кружкахъ Кронштадта.

Многіе моряки завидовали счастливцу, командующему щегольскимъ корветомъ, отправляющимся въ Тихій океанъ. И лестно и выгодно. На береговое содержаніе трудно жить семейному человѣку, а въ дальнемъ плаваніи усиленное жалованье. Всѣ знали, что ни Загаринъ ни жена не имѣютъ ничего кромѣ содержанія и живутъ очень экономно. А теперь можно поправиться.

Тѣмъ болѣе удивлялись, что Викторъ Ивановичъ пробовалъ отказаться отъ назначенія.

Правда, Загарины счастливая пара, но развѣ можно такъ близко принять къ сердцу разлуку. Не одному ему приходится разставаться... Или онъ очень ревнивый? Такъ Вѣра Николаевна на рѣдкость женщина. И такъ привязана къ мужу и такая «остойчивая», что не «сдрейфитъ». Нечего ему бояться за свое счастье...

Въ морскомъ собраніи, какъ водится, критиковали высшее морское начальство.

Особенно горячились болѣе честолюбивые капитаны, разсчитывавшіе получить «Воинъ», и были такіе, которые уже хлопотали объ этомъ назначеніи, какъ только прежній коман-

диръ Петровскій заболѣлъ. Были пущены въ ходъ всякія средства, даже и едва ли благовидныя, разумѣется, хранившіяся втайнѣ.

Всѣ находили, что Викторъ Ивановичъ отличный человѣкъ, хотя и не совсѣмъ были довольны, что послѣ женитьбы онъ спрятался въ своей семейной скорлупѣ и его рѣдко видѣли въ собраніи, среди товарищей. Онъ точно избѣгалъ общества. Почти ни у кого не бывалъ и никого не звалъ къ себѣ. Разумѣется, онъ былъ отличнымъ старшимъ офицеромъ и исправнымъ командиромъ, но не лихой и не энергичный морякъ. И ужъ черезчуръ «гуманничаетъ» съ матросами. Иногда и нужно «подбадривать» ихъ. Оттого у него на судахъ не было того «шика», который необходимъ военному судну... Однимъ словомъ, далеко не изъ блестящихъ капитановъ... Слишкомъ слабъ для командира...

И, разумѣется, всѣ рѣшили, что, по справедливости, есть болѣе достойные капитаны, чтобъ командовать судномъ въ заграничномъ плаваніи и не осрамиться передъ иностранными моряками... Нѣтъ въ Викторѣ Ивановичѣ морской жилки... Былъ, но, какъ женился, Загаринъ не тотъ. Положимъ, онъ отказывался... Однако все-таки идетъ!

Кто-то заступился за него.

— Викторъ Ивановичъ и сдѣлалъ бы глупость — не пошелъ бы. Но адмиралъ заартачился.

Тогда капитанъ второго ранга Никулинъ, красивый брюнетъ съ бѣгающими лукавыми глазами, не безъ увѣренности проговорилъ:

— Захоти Загаринъ похлопотать вплотную, небось, сумѣлъ бы остаться... Видно, не очень-то трогательны домашнія обстоятельства... Экая, въ самомъ дѣлѣ, семейная идиллія... Послѣ четырехъ-то лѣтъ... И я встрѣтилъ Виктора Иваныча... Вовсе не имѣетъ вида страдальца... Еще бы! Только-что въ штабѣ подъемныя получилъ!..

Никулинъ захихикалъ и прибавилъ:

— Я-было къ нему съ участьемъ, а онъ отвѣтилъ съ большимъ «асаже»... Еще товарищъ! Прижучило бы его очень, спросилъ бы Николая Сергѣича Никулина совѣта... Онъ и сказалъ бы ему, какъ избавиться отъ назначенія. Знаю лазейку... Но только онъ, видно, раздумалъ...

— Какую лазейку?—спросили съ разныхъ сторонъ.

— Ну да ужъ есть такая... Такъ и разбалтывай!.. Вѣдь вы, господа, не отказываетесь отъ хорошихъ назначеній! — лукаво улыбаясь, сказалъ Никулинъ.

— Загаринъ антикъ — откажется... Вы ему скажите про

нее... Онъ попытается, — сказалъ товарищъ Виктора Ивановича.

— Небось, самому хочется?.. Поздно... Пока что, а подъемныя тю-тю... Долги-то, вѣрно, у Загарина есть! — отвѣтилъ, смѣясь, Никулинъ.

Однако глаза его особенно забѣгали.

V.

Загаринъ дѣйствительно не дѣлалъ больше никакихъ попытокъ.

Онъ походилъ на того мужественнаго приговореннаго, у котораго нѣтъ болѣе надежды, и ему остается только скрывать мучительную тоску, похожую на агонію, въ эти немногіе дни передъ разлукой, чтобы не увеличивать страданій безумно любимой жены и единственно преданнаго друга.

И Викторъ Ивановичъ геройски переносилъ несчастье.

Съ утра до вечера онъ былъ на корветѣ, гдѣ заканчивались портовыя работы, и старался заботами о скорѣйшемъ уходѣ «Воина», согласно предписанію начальства, отвлекаться отъ назойливыхъ тяжелыхъ думъ.

И офицеры и матросы, видимо довольные новымъ командиромъ, встрѣтили его такъ радостно, что Викторъ Ивановичъ былъ тронутъ. Онъ, конечно, догадался по этой встрѣчѣ, что прежній командиръ уже напугалъ людей своей неумолимой строгостью наказаній и надменно-дерзкимъ обращеніемъ, и матросы такъ обрадовались, увѣренные, что дальнее плаваніе, и безъ того непріятное имъ, морякамъ поневолѣ, по крайней мѣрѣ не будетъ безпрерывной «каторгой» съ постояннымъ страхомъ наказаній и вѣчнымъ трепетомъ передъ жестокимъ педантомъ-командиромъ.

Недаромъ же Петровскій имѣлъ репутацію блестящаго капитана, на судахъ котораго матросы были «идеально» расторопны, суда — игрушками, и самъ онъ — одинъ изъ лучшихъ представителей флота по лихости, находчивости, энергіи и желѣзной волѣ.

Хоть хорошая молва и не такъ бѣжитъ, какъ дурная, тѣмъ не менѣе о Загаринѣ матросы кое-что знали. И съ перваго же дня, какъ на клиперъ пріѣхалъ новый командиръ, и офицеры и матросы вздохнули. И лица стали не такія подавленныя. И разговоры въ каютъ-компаніи и на бакѣ пошли другіе. Даже «Волчокъ», маленькій песикъ, кѣмъ-то изъ матросовъ привезенный съ берега на клиперъ и впредь до распоряженія почти не показывавшійся на палубѣ, вдругъ появился и путался между матросами, сперва робкій, съ под-

жатымъ хвостомъ, а черезъ день уже не безъ гордости носилъ его крендельком, и матросы уже не сомнѣвались, что «Волчокъ» поѣдетъ съ ними въ «дальнюю».

Судовой врачъ Нерозовъ, недавно окончившій курсъ молодой человѣкъ, поступилъ въ морскую службу для того, чтобъ попасть въ дальнее плаванье и увидать роскошную природу, диковинныя страны и людей. И, счастливый, что мечты его осуществились, онъ черезъ мѣсяцъ принужденъ былъ отказаться отъ желаннаго плаванія—до того разстроилъ и напугалъ Петровскій своимъ обращеніемъ съ людьми и жестокостью, и подалъ въ отставку.

Теперь молодой человѣкъ снова обрадовался и, взволнованный отъ страха, что ужъ поздно вернуть отставку, онъ въ тотъ же день полетѣлъ хлопотать и вечеромъ веселый вернулся съ берега. Онъ останется и пойдетъ въ плаваніе да еще съ такимъ капитаномъ, какъ Загаринъ.

— Вы вотъ радуетесь, и всѣ мы радуемся, что пойдемъ съ Викторомъ Иванычемъ. А онъ-то, бѣдняга, кажется, недоволенъ, что ѣдетъ! Недаромъ отказывался! Да только не «выгорѣло» Виктору Иванычу. Не умѣетъ онъ просить начальство. Не изъ такихъ! — сочувственно говорилъ старшій механикъ Биркинъ, и самъ бывшій «не изъ такихъ».

— Отчего же Загаринъ отказывался?—спрашивалъ докторъ.

— Вотъ подите-жъ... На рѣдкость привязанъ къ своей женѣ... Просто не такъ, какъ у насъ, въ Кронштадтѣ, а въ родѣ какъ обезумѣвшій. Бываютъ же такіе мужья... Ну да и Вѣра Николаевна... Я видалъ ее... Просто на сердцѣ веселѣй, какъ увидишь такую даму...

Молодой докторъ серьезно замѣтилъ, что сильныя привязанности иногда очень разстраиваютъ нервную систему... Но, повидимому, Загаринъ не кажется неврастеникомъ.

— И не покажется... Съ характеромъ человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе молодой врачъ рѣшилъ, что онъ будетъ наблюдать за капитаномъ и постарается помочь ему, если нервы его будутъ разстроены.

На другой день въ каютъ-компаніи было извѣстно, что Загаринъ, изъ-за необходимости разстаться съ семьей, отказывался отъ назначенія.

Эта новость не произвела на офицеровъ, даже и на женатыхъ, сильнаго впечатлѣнія.

Кромѣ старшаго механика и врача, обоихъ холостыхъ, всѣ больше удивлялись, но не сочувствовали. А мичмана, съ жестокостью очень молодыхъ людей, даже подсмѣивались надъ пожилымъ человѣкомъ, котораго сумасшедшая и продолжитель-

ная любовь къ женѣ,—будь она хоть бы сама милая Вѣра Николаевна,—казалась смѣшной и даже нѣсколько унизительной для моряка.

И одинъ изъ нихъ не безъ задорнаго самодовольнаго хвастовства воскликнулъ:

— Я и самъ лѣтомъ врѣзался... Хотѣлъ-было: «Исайя ликуй»!.. Но какъ меня назначили, господа, на «Воинъ» вахтеннымъ начальникомъ, я взялъ да и скомандовалъ себѣ: «Иванъ Иванычъ! Право на бортъ! Марса-фалы отдай. Поворотъ оверштагъ!» И, какъ видите, въ полной памяти и въ здравомъ разсудкѣ... А какъ, слава Богу, у насъ командиромъ Викторъ Иванычъ, такъ хоть кричи «уру», что иду на корветѣ!

Черезъ Рябкина и на бакѣ узнали, что новый капитанъ «въ разстройкѣ» по случаю его большой «приверженности» къ барынѣ и маленькому барчуку. Кстати, и Рябкинъ пожаловался, что ему очень нудно уходить изъ Кронштадта.

И нѣкоторые матросы пожалѣли капитана, а къ жалобамъ вѣстового, напротивъ, отнеслись безъ сочувствія, точно не матросское это дѣло—передъ людьми изливаться въ тоскѣ по своей бабѣ, и не одинъ онъ разстается съ женой.

И кто-то сказалъ:

— Такія ли бываютъ, братецъ ты мой, горя и у нашего брата.

VI.

Викторъ Ивановичъ сдѣлалъ всѣ необходимыя семейныя дѣла и распоряженія.

Онъ написалъ своей матери, жившей въ Твери, переѣхать въ Кронштадтъ къ Вѣрѣ; перевелъ женѣ полученіе большей части своего содержанія и просилъ своего друга Николаева, ординатора въ кронштадтскомъ госпиталѣ, часто навѣщать жену и немедленно телеграфировать, если жена или Витя заболѣютъ серьезно.

— Ладно!—отвѣтилъ докторъ, расхаживая по своей большой комнатѣ, нанимаемой у жильцовъ.

Здоровье Вити и прежде безпокоило Загарина и жену.

Но теперь этотъ худенькій, блѣдный мальчикъ, съ большими вдумчивыми глазами, который не будетъ на любящихъ глазахъ отца, возбуждалъ въ немъ мрачныя, страшныя мысли.

И онъ, скрывая страхъ, спросилъ доктора о здоровьѣ мальчика.

Докторъ, пожилой холостякъ, давно привязанный къ Загарину, сказалъ:

— Твой Вика хоть и слабенькій, но никакой болѣзни въ немъ нѣтъ. Вѣра Николаевна умная мать... Умѣетъ ходить за нимъ... Мальчикъ выровняется... Не тревожься, Викторъ Иванычъ... Я присмотрю за твоими... Самъ только не распускай себя, голубчикъ... И на кой чортъ именно ты имъ понадобился, несмотря на твой отказъ... Такъ помни, Викторъ Иванычъ. Если нервы расшалятся—посовѣтуйся съ Нерозовымъ... Онъ порядочный человѣкъ и толковый врачъ. И если всѣ бромы и прочія средства не помогутъ, валяй телеграмму начальству о болѣзни, брось корветъ и... домой. А пока раздѣвайся... Дай на тебя посмотрю.

Докторъ добросовѣстно выстукалъ и выслушалъ Загарина и сказалъ:

— Все въ порядкѣ... Только пульсъ повышенный... Эти ночи плохо спишь?..

— Мало...

— Еще бы... Ужъ лучше скорѣй уходи.

— Черезъ пять дней уйду, Егоръ Егорычъ.

— И пусть Вѣра Николаевна и не думаетъ ѣхать на корветъ—провожать тебя...

— Вѣрѣ хочется.

— Мало ли чего хочется... Я приду на-дняхъ и скажу ей, что нельзя.... А къ тебѣ, въ день ухода, заберусь съ утра, какъ только обходъ своихъ больныхъ сдѣлаю.

Друзья разстались. Докторъ отправился въ госпиталь. Загаринъ вернулся на корветъ.

Викторъ Ивановичъ нѣсколько успокоился за Вику и, покончивъ всѣ семейныя дѣла, считалъ, что готовъ къ уходу въ плаваніе.

По крайней мѣрѣ Вѣра не останется безъ него одинокой.

Вернувшись на корветъ, Загаринъ приказалъ Рябкину развѣсить портреты жены и Вики въ спальной своей роскошной капитанской каюты.

Въ шесть часовъ вечера Викторъ Ивановичъ вмѣстѣ съ вѣстовымъ уѣхалъ на вельботѣ на берегъ.

Дома его уже ждалъ обѣдъ.

И мужъ и жена не говорили о томъ, что обоихъ ихъ мучило и что оба они старались скрыть другъ отъ друга. И какъ будто нарочно разсказывали о разныхъ предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ разлукѣ. Вѣра Николаевна разсказывала о Викѣ, какъ онъ съ ней гулялъ, что говорилъ, о прочитанной повѣсти, о томъ, что себя хорошо чувствуетъ, о нѣсколькихъ визитахъ знакомыхъ дамъ. А Викторъ Ивановичъ, словно бы занятый своимъ корветомъ, говорилъ о ра-

ботахъ, о старшемъ офицерѣ, докторѣ и старшемъ штурманѣ...

И вдругъ оба смолкали и не глядѣли другъ на друга. Разговоръ не клеился. Они чувствовали, что напрасно стараются обмануть другъ друга и какъ мучительно-тяжело обоимъ.

И послѣ обѣда, притихшіе, словно бы виноватые, они сидѣли вдвоемъ на маленькомъ диванѣ въ спальной и молчали. Каждый думалъ про себя, стараясь казаться спокойнымъ.

Часу въ восьмомъ раздался звонокъ, и Рябкинъ вошелъ съ докладомъ, что пришелъ капитанъ второго ранга Никулинъ.

«Что ему надо?»—подумалъ Загаринъ.

Онъ приказалъ просить въ кабинетъ и, вставая, сказалъ женѣ:

— Сейчасъ сплавлю его, Вѣра.

— Поскорѣй!..

Въ маленькой комнатѣ, служившей Загарину кабинетомъ, гдѣ на диванѣ, послѣ прежнихъ раннихъ обѣдовъ, Викторъ Ивановичъ обыкновенно игралъ съ Викой,—стоялъ красивый брюнетъ съ бѣгающими глазами и, особенно крѣпко пожимая руку Загарину, проговорилъ:

— Извини, Викторъ Иванычъ, что ворвался. Я на пять минутъ.

— Садись, Николай Сергѣичъ...

— Ты, Викторъ Иванычъ, вѣдь отказывался отъ назначенія?

— Да...

— И остаешься при своемъ желаніи?

— Такъ что же?

— А то, Викторъ Иванычъ, что еще можно отмѣнить приказаніе...

Загаринъ изумленно взглянулъ на товарища.

— Я тебя не понимаю, Николай Сергѣичъ.

— Поймешь, Викторъ Иванычъ, и скажешь спасибо товарищу... Завтра же ѣдемъ на первомъ пароходѣ въ Петербургъ...

— Зачѣмъ?

— Я отвезу тебя, Викторъ Ивановичъ, къ одной дамѣ...

Загаринъ нахмурился и спросилъ:

— Къ какой дамѣ... И при чемъ дама?

— Очень милая дама... Ну, однимъ словомъ, увидишь... Проси ее, чтобъ тебя не посылали, а ужъ это мое дѣло, чтобъ она устроила мое назначеніе... И ты будешь доволенъ, что останешься, и я, что уйду командиромъ «Воина»... Понимаешь, Викторъ Иванычъ?

Загаринъ понялъ.

— Я не поѣду,—сухо проговорилъ онъ и всталъ.

Всталъ и Никулинъ, нѣсколько сконфуженный.

— Не желаешь остаться?.. Не хочешь воспользоваться протекціей...

— Только не такой...

— Не хуже и не лучше другой, Викторъ Иванычъ... Впрочемъ, у каждаго свои взгляды... Хотѣлъ тебѣ же помочь...

— Напрасно безпокоился... Лучше самъ проси даму, чтобы тебя назначили...

— Поздно... Безъ тебя теперь она не согласится... хлопотать... Ну, а ты... предпочитаешь «дурака свалять»... Извини, что задержалъ товарища!—иронически проговорилъ Никулинъ. И, пожавъ руку Виктора Ивановича, ушелъ.

Загаринъ вернулся къ женѣ, и напрасно онъ старался скрыть раздраженіе.

Еще бы не замѣтить его по подергиванію щеки! И Вѣра Николаевна тревожно спросила:

— Зачѣмъ приходилъ Никулинъ? Чѣмъ тебя раздражилъ?

— Да какъ же!.. И какъ онъ явился съ такимъ предложеніемъ!?—повышая голосъ, проговорилъ Викторъ Ивановичъ.

И, присѣвши рядомъ съ женой, разсказалъ ей, зачѣмъ приходилъ Никулинъ.

Вѣра Николаевна, не прерывая, жадно слушала мужа, серьезная и подавленная.

— Ты вѣдь понимаешь, что я не могъ согласиться? Ты вѣдь не упрекнешь меня, родная моя? Не правда ли?—взволнованно и словно бы безъ вины виноватый, спрашивалъ Загаринъ, ожидая одобренія.

Что-то обидное и больное словно бы укололо внезапно сердце Вѣры Николаевны. Въ ея головѣ промелькнула мысль: «Ради семьи не можетъ остаться. И говоритъ: такъ любитъ!»

Но въ слѣдующую же секунду молодой женщинѣ стало безконечно стыдно.

Хоть Вѣра Николаевна и не сознавала, отчего такъ нехорошо предложеніе Никулина, но въ слѣдующее же мгновеніе, словно бы просвѣтленная, она почувствовала, что оно нехорошо, если такой человѣкъ, какъ мужъ, возмутился.

И ужъ не обиженная, а сама, казалось, считавшая себя напрасно обидѣвшей человѣка, который такъ безпредѣльно и любитъ и благоговѣйно влюбленъ въ нее,—Вѣра Николаевна съ необыкновенной нѣжностью, порывисто промолвила, умиленная:

— Милый!.. хорошій... Ты правъ, конечно...

И Викторъ Ивановичъ почувствовалъ, что съ души его спало что-то тяжелое, благодарно взглянулъ на жену и восторженно проговорилъ:

— Спасибо, Вѣра... И какъ я тебя люблю!

И снова оба искали и не находили словъ, пока не пришелъ докторъ Николаевъ и не втянулъ ихъ въ разговоръ.

VII.

Послѣ того какъ въ столовой отпили вечерній чай и Загарины вмѣстѣ съ докторомъ перешли въ гостиную,—Рябкинъ и Ариша сидѣли за самоваромъ въ большой, безупречно прибранной кухнѣ, въ углу которой теплилась свѣча у образа, а на кухонномъ столѣ стояла маленькая лампа.

Ариша, полноватая, здоровая блондинка, была старше мужа и по сравненію съ красавцемъ-матросомъ казалась и старѣе своихъ тридцати пяти лѣтъ и почти некрасивой. Но бойкая, съ умными глазами, умѣющая «ходить за собой» опрятно, Ариша внушала къ себѣ не только влюбленныя ревнивыя чувства, но и невольное почтеніе къ ея «башковатости» и практической сноровкѣ. И Рябкинъ находился въ полномъ подчиненіи Аришѣ, хотя, случалось, и покрикивалъ на Аришу, словно бы желая показать, что обязанъ держать бабу въ понятіи насчетъ того, что онъ глава.

И Ариша только лѣниво посмѣивалась, увѣренная, что «Вась» только хорохорится.

Она была матросская вдова и черезъ годъ послѣ того, какъ первый ея мужъ потонулъ, она поступила къ Загаринымъ кухаркой и, сама влюбившаяся въ вѣстового, скоро влюбила его въ себя и, честь-честью, вышла за него замужъ. Она была очень счастлива съ такимъ красивымъ и влюбленнымъ, и веселымъ, и добрымъ матросомъ, и теперь то и дѣло плакала...

Рябкинъ выпилъ нѣсколько стакановъ чая и съ лимономъ и съ вареньемъ, припасеннымъ для него Аришей еще лѣтомъ, когда на дачѣ варила для барыни, слушалъ, сколько новыхъ рубахъ, носковъ и другого бѣлья получитъ къ плаванію, и, разстроенный, смотрѣлъ, какъ Ариша, прерывая разговоръ, начинала всхлипывать, самъ вытиралъ слезы и говорилъ:

— А ты не реви, Ариша... Не реви... Будь форменной матроской... Посмотри, какъ барыня выдерживаетъ себя!

Но, довольный, что Ариша такъ реветъ и такъ заботится о немъ, Рябкинъ словно бы хотѣлъ еще болѣе разжалобить жену, насказавъ ей, какія опасности предстоятъ ему въ плаваніи.

И онъ продолжалъ:

— На то наше матросское положеніе, Ариша. Вода—не сухая путь. Бога-то каждый секундъ вспомнишь. Небось, слыхала, какой-такой окіянъ. Бабѣ и не понять... это какъ штурма... Волна, я тебѣ скажу, Ариша, такая преогромная, что и не обсказать... Выше собора... И много ихъ... Такъ и вздымаются надъ конвертомъ... И душа замретъ. Вотъ, молъ, обрушится и зальетъ... Окіянъ... гу-гу-гу... гудитъ... Вѣтеръ—страсть какъ воетъ... И конвертъ бросаетъ во всѣ стороны, какъ растопку... И волна вкатывается... Прозѣвай—смоетъ... А бываютъ такія бури, ураганы прозываются, что крышка... Проглонетъ судно со всѣми... Небось, опосля только и догадаешься, что Вась не вернется... Тогда отслужишь панихиду и форменно поревешь... А пока что — не реви, Ариша... Не реви...

По Ариша уже ревмя ревѣла. И Рябкинъ, подъ вліяніемъ своихъ же жалостныхъ словъ, ревѣлъ.

Но, впечатлительный, затѣмъ спѣшилъ утѣшить и Аришу и себя.

— А ты не бойся, Ариша... Богъ дастъ, вернемся... Очень даже вернемся... Мало ли матросовъ ворочаются... И Викторъ Иванычъ, небось, во всякую бурю управится... Онъ — форменный капитанъ... Не дастся въ обиду окіяну... И опять же... знаетъ, какъ не попасть въ центру урагана... Тогда нѣтъ крышки... Опять будемъ вмѣстѣ, Ариша... Не реви зря, желанная моя супруга...

И, когда Ариша отошла немного и подала закусить, Рябкинъ уже болѣе не велъ жалостныхъ рѣчей— и безъ того у Ариши глаза вспухли отъ слезъ,—а, напротивъ, старался подбодрить ее.

И, уписывая за обѣ щеки остатки отъ господскаго обѣда, въ промежуткѣ разсказывалъ, что привезетъ Аришѣ изумрудный супирчикъ съ Цейлонъ-острова, и шелковое платье изъ китайской стороны, и платочекъ на голову...

— Совсѣмъ будешь облестительная матроска!—говорилъ Рябкинъ.

Ариша улыбалась сквозь слезы и нѣжно шептала:

— Доѣдай, Вась, жаркое... Доѣдай...

— А завтра ежели на фрыштыкъ?

— Барыня не хватится. И много ли осталось?.. Не безпокойся... Кушай на здоровье, безцѣнный супругъ... И рюмочку еще... Для тебя припасла марсалы, родной... У насъ здѣсь ея много... Выпей, Вась. Въ плепорцію можно и вреды нѣтъ... Ты вѣдь у меня твердый супругъ... Я не обожаю

ньяницъ... И ежели когда сама отъ плиты рюмку, такъ для силъ монхъ... А съ тобой для компаніи!—говорила Ариша и налила двѣ рюмки.

Выпили они оба, и Рябкинъ прикончилъ жаркое.

Глаза Ариши заблестѣли. Обиднѣе стало ей, что она останется одинокой.

И не безъ раздраженія сказала:

— Могъ бы баринъ для барыни остаться. Обожаетъ, а не схлопоталъ!

— Докладывалъ барину... Обскажите, молъ, по начальству. «Дуракъ!» говоритъ... А лезорюція-то вышла ему такая, что иди... А отпрашивался.... Это вѣрно...

— Такъ барыня бы за барина... попросила.

— Нѣтъ такого положенія... Не пуститъ баринъ... То-то и есть... Обидѣли Виктора Иваныча!

И, помолчавъ, прибавилъ:

— А ты живи у барыни, Ариша. Не отходи!

— Зачѣмъ отходить отъ такой барыни...

— Завтра и новый вѣстовой явится для осмотра... Понравится ли барынѣ? Только зачѣмъ вамъ вѣстовой... Зря держать человѣка...

И Рябкинъ вдругъ сталъ необыкновенно серьезенъ.

— И сама одна справлюсь... Не зачѣмъ вѣстового, — торопливо и возбужденно отвѣтила Ариша.

Но молодой матросъ нахмурился и почти грубо сказалъ:

— Ты, Ариша, смотри!..

— Что выдумалъ?.. Глупый, Вась!..

— Глупый, а вздумается!.. Тоже бываютъ матроски!

Арина, вѣрно, вспомнила, что съ ней бывало, когда первый мужъ плавалъ, и въ то же время не обидѣлась на ревнивый, грубый окрикъ мужа. Напротивъ!

И зардѣвшаяся Ариша, со страстной порывистостью влюбленной жены, воскликнула:

— Пропади пропадомъ всѣ матросы кромѣ тебя, желаннаго... Да развѣ можно тебя промѣнять на кого-нибудь... Не знаешь, какъ тебя обожаю?..

— То-то и есть, Ариша... Чтобы по совѣсти жила безъ меня... Не облещай...

И, уже смягченный, Рябкинъ почти-что просящимъ тономъ прибавилъ:

— Я довѣрчивый матросъ... А ты, Ариша, умная и сноровистая... Не обидь. Нехорошо...

— Чтобы да тебя обмануть?.. Да вотъ тебѣ Богъ!

Ариша, уже вскочившая съ табурета, перекрестилась передъ

образомъ, разумѣется, забывшая, что клялась въ томъ же и первому мужу.

И, низко заглядывая въ глаза Рябкина, шепнула:

— Смотри, Вась, и ты...

— Что я?..

— Помни законъ... Не смѣй, Вась!

Въ свою очередь Рыбкинъ далъ слово, что онъ не согласенъ забыть законъ...

— Совѣсть еще есть... Проживу по-хорошему! — взволнованно промолвилъ онъ.

— Перекрестись!—приказала Ариша.

Рябкинъ торжественно перекрестился передъ образомъ.

Ариша поцѣловала матроса и сказала:

— Завтра же барынѣ доложу, что вѣстового намъ не надо.

Кукушка прокуковала десять разъ, и въ кухнѣ раздался звонокъ.

— Вѣрно, докторъ уходитъ... Бѣги, Вась...

Черезъ пять минутъ Рябкинъ вернулся.

— Ушелъ... И мнѣ велѣли спать!—проговорилъ онъ, аккуратно повѣсивъ на крючокъ платье Загарина и поставивъ на сундукъ сапоги.—Развѣ завтра вычистить?—словно бы спрашивая совѣта Ариши, прибавилъ Рябкинъ.

— И сама завтра вычищу.

Скоро за перегородкой раздавался храпъ.

VIII.

Въ одиннадцать часовъ утра на «Воинѣ» стали разводить пары.

У борта корвета стоялъ небольшой военный пароходъ, на которомъ пріѣхали провожающіе моряковъ-офицеровъ.

Погода была отвратительная, и всѣ сидѣли эти послѣдніе часы передъ долгой разлукой съ родными и близкими въ каютахъ и въ каютъ-компаніи.

Капитана родные не провожали. Загаринъ рано утромъ простился со своими дома и ужъ на извозчикѣ вытиралъ слезы.

Блѣдный и, казалось, спокойный, Викторъ Ивановичъ сидѣлъ въ своей капитанской щегольской каютѣ съ докторомъ Николаевымъ. Въ качествѣ друга онъ старался развлечь Виктора Ивановича и потому разсказывалъ ему исторіи и анекдоты, которые уже слышалъ Загаринъ.

— Пойти-ка взглянуть, какова теперь погода! — проговорилъ Загаринъ.

— Такая же теплая,—отвѣтилъ докторъ.

Оба надѣли пальто, вышли наверхъ и поднялись на мостикъ.

Вахтенный офицеръ, мичманъ Иванъ Ивановичъ, который хвасталъ, что ему «наплевать» на всякую любовь, и удивлялся, что капитанъ ради жены отказывался отъ плаванія, одѣтый въ дождевикъ, съ зюйдъ-весткой на головѣ, — стоялъ у компаса рядомъ съ молодой дѣвушкой, закутанной въ ротонду. Оба грустные, взволнованные, они о чемъ-то тихо говорили... А дождь такъ и лилъ.

При появленіи капитана мичманъ вдругъ смолкъ, незамѣтно смахнулъ слезы и почему-то взглянулъ на палубу.

Капитанъ не хотѣлъ мѣшать влюбленнымъ. Онъ прошелъ на бакъ.

Нѣсколько вахтенныхъ матросовъ, одѣтыхъ въ дождевики, были угрюмы.

— Видишь, какъ дѣйствуетъ на людей погода! — замѣтилъ докторъ.

— Еще бы!—отвѣтилъ Загаринъ и сталъ смотрѣть вокругъ.

Погода была тоскливая.

Шелъ дождь съ мокрымъ снѣгомъ по временамъ. Пронизывало холодомъ и сыростью. Море, свинцовое и непривѣтное, слегка переливалось маленькой зыбью, съ едва пѣнившимися, лѣнивыми «зайчиками». Горизонтъ большого рейда былъ затянутъ мглой... Брандвахта едва виднѣлась. Небо было обложено тяжело нависшимъ сѣрымъ куполомъ тучъ. Кронштадтъ былъ окутанъ мутной пеленой, сквозь которую выдѣлялись тусклыми силуэтами церкви и высокія трубы казенныхъ мастерскихъ.

Викторъ Ивановичъ смотрѣлъ на этотъ привычный для него осенній видъ Финскаго залива, и Загарина внезапно охватило мрачное предчувствіе.

Почему? Что именно вызвало въ немъ какой-то невольный тоскливый страхъ? Онъ не могъ себѣ его объяснить. Далеко не суевѣрный, владѣвшій собою морякъ понималъ, что нѣтъ никакихъ причинъ этого душевнаго настроенія. Не боится же онъ плаванія, знаетъ его опасности и умѣетъ бороться съ океаномъ. Ничто не грозитъ жизни жены и Вики, кромѣ тѣхъ внезапныхъ недуговъ, отъ которыхъ никто не застрахованъ.

Загарину все это приходило въ голову, и онъ старался отогнать эти мрачныя, нелѣпыя мысли, приписавъ ихъ и нервамъ, и разлукѣ, и погодѣ.

И тѣмъ не менѣе онъ не могъ избавиться отъ нихъ. Чѣмъ назойливѣе старался не думать о нихъ, тѣмъ яснѣе и, казалось, неотвязчивѣе чувствовалъ и словно былъ увѣренъ,

что уходъ грозитъ какимъ-то большимъ несчастіемъ. О немъ, казалось, говорилъ и мглистый горизонтъ, и море, и небо, и это неожиданное назначеніе.

— Какія глупости!—сердито проговорилъ онъ.

— Это что глупости? Что мы мокнемъ на дождѣ? Спустимся лучше внизъ... Дѣйствительно погода—подлецъ...

Они вошли въ каюту.

Тамъ было тепло, уютно и свѣтло. Вѣстовой догадался затопить каминъ и зажечь лампу.

Мракъ на душѣ капитана исчезъ, и онъ сказалъ доктору:

— Нервы, братъ, расшалились... Чепуха лѣзла въ голову на бакѣ...

Викторъ Ивановичъ разсказалъ про нее и, смѣясь, прибавилъ:

— Вѣрь я въ предчувствія, какъ старыя бабы, то...

— То былъ бы не Викторомъ Иванычемъ, какого я знаю давно, а невѣжественнымъ человѣкомъ и трусомъ передъ опасностью, которой вдобавокъ еще нѣтъ. Такъ-то, дружище...

— Положимъ, и такъ... Но если бы эти мрачныя мысли угнетали меня?

— На то у тебя есть сильная воля, чтобы не поддаваться имъ.

— И если все-таки...

— Обязанъ лѣчиться, какъ говорилъ... Попринимай капли, слѣди за желудкомъ, а работы у тебя, какъ капитана, довольно. Нервы у тебя не въ порядкѣ. Ну, скажемъ, въ первое время, острота разлуки... Но пока не боленъ серьезно—не долженъ распускать себя... Не думаешь же ты, что весь смыслъ жизни въ неразлучномъ счастливомъ житіи съ женой, хотя бы и съ такой, въ которую влюбленъ до сихъ поръ до безумія, и съ дѣтьми?.. Положимъ, это одна изъ пріятныхъ сторонъ жизни, не спорю, но есть и другое. И не одинъ же ты въ положеніи соломеннаго вдовца... Не одинъ же ты на свѣтѣ влюбленный мужъ, разстающійся по какимъ-нибудь дѣламъ съ женой... А главное—вѣдь твое дѣло серьезное... На тебѣ отвѣтственность за людей... Ихъ лучшая жизнь, спокойствіе, безопасность, ихъ жизнь... На тебѣ исполненіе серьезнаго долга... Да что я тебѣ говорю?.. Будто не ты, Викторъ Иванычъ, пропѣлъ мнѣ суровую отповѣдь пять лѣтъ тому назадъ, когда я такъ разнервничался, что чуть-было не сваляль дурака... Вѣдь помнишь?

— Еще бы не помнить...

— А тогда мое настроеніе было «бамбуковое», со всякими предчувствіями... Недаромъ я до сихъ поръ холостякъ... Вѣдь я навсегда разставался съ русалкой, на которую раньше молился. Знаешь, любилъ ли ее?..

— Знаю.

— Но не испыталъ, что̀ значитъ обмануться въ любимой женщинѣ... Это дѣйствительно несчастіе... Можно слабой твари и раскиснуть. И помнишь, какъ я раскисъ?..

— Совсѣмъ раскисъ...

— Да такъ, что, не образумь ты меня, не устыди во̀-время— пустилъ бы пулю въ лобъ... И, какъ видишь, не считаю себя несчастнымъ оттого только, что меня пустила въ трубу красивая русалка... А вѣдь ты счастливъ, Викторъ Иванычъ, и... вдругъ предчувствія...

— Оттого и не хотѣлъ идти въ плаваніе, что счастливъ, и не тянетъ меня въ плаваніе...

— Да многихъ ли тянетъ?.. Только карьерныя соображенія... А матросы такъ идутъ поневолѣ въ дальнее плаваніе... Вѣдь не моряки — русскіе мужики. Море имъ непривычно и страшно, что̀ не мѣшаетъ имъ быть отличными матросами и изъ-за страха и за совѣсть... Ты прежде любилъ море... Понятно, что теперь разлюбилъ его и не хочется идти... Однако не воспользовался же предложеніемъ небрезгливаго товарища.

— Еще бы!

— А если-бъ послали на войну?.. Не хотѣлъ бы, а пошелъ.

— И теперь иду, но это другое дѣло. И знаешь ли, чего я не понимаю?

— Назначенія?

— Именно. Кто могъ удружить мнѣ?

— Начальство... Сообразило, что ты дѣльный капитанъ и любимъ матросами... Эти безпощадно-суровые, такъ-называемые лихіе капитаны, дантисты и поклонники порокъ, значитъ, выходятъ изъ моды. И уголь не будетъ такъ дорогъ... И матросы не будутъ безправными... И во флотѣ новыя пѣсни, какъ вездѣ. Въ наше время обновленія послѣ крымской войны... И сердись не сердись, Викторъ Иванычъ, а я радъ за команду «Воина»...

И докторъ, одинъ изъ тѣхъ идеалистовъ шестидесятыхъ годовъ, который и въ своемъ маленькомъ дѣлѣ примѣнялъ свои гуманные взгляды, съ обычной страстностью сталъ говорить о тѣхъ чудныхъ надеждахъ, которыми онъ былъ полнъ въ это горячее время освобожденія крестьянъ и другихъ реформъ...

— Однако и рюмку водки пора выпить за твое здоровье!— заключилъ докторъ.

— Мы завтракаемъ въ каютъ-компаніи... Сію минуту полдень, и насъ позовутъ... Такъ смотри, голубчикъ... навѣщай моихъ... За Викой присматривай...

— Буду... А ты, Викторъ Иванычъ, смотри, не того... не распускай себя...

Въ эту минуту вошелъ старшій офицеръ и сказалъ:

— Милости просимъ, Викторъ Иванычъ и докторъ, къ намъ въ каютъ-компанію...

Каютъ-компанія была полна провожающими и хозяевами-моряками, отправляющимися въ дальнее плаваніе.

Огромный столъ, надъ которымъ висѣла большая лампа и по переборкамъ каюты горѣли свѣчи въ кенкеткахъ, сверкалъ бѣлизной бѣлья, сервизомъ и хрусталемъ и заставленъ былъ закусками и бутылками.

Распорядитель пиршества, молодой лейтенантъ Веретьевъ, выбранный каютъ-компаніей содержателемъ на шесть мѣсяцевъ, только-что одѣвшій вѣстовыхъ въ нитяныя бѣлыя перчатки и просившій ихъ не подгадить и не облить соусомъ при подачѣ громадныхъ рыбинъ и индѣекъ,—не безъ горделивости оглядѣлъ убранство стола и, при входѣ капитана, пригласилъ садиться.

Провожавшіе мужчины — преимущественно моряки—были веселы. Нѣкоторыя дамы, и особенно старыя, провожавшія сыновей—были серьезны и съ заплаканными глазами; были, впрочемъ, и веселыя молодыя лица.

Капитана усадили, конечно, на почетное мѣсто, на диванъ во главѣ стола. Съ одной стороны сидѣлъ старикъ-адмиралъ, провожавшій сына, съ другой—докторъ Николаевъ.

Но передъ этимъ Виктору Ивановичу пришлось познакомиться съ нѣкоторыми гостями и отвѣтить знакомымъ дамамъ, что жены нѣтъ потому, что нездорова.

Кое-какъ размѣстились. Гостепріимные хозяева-моряки, уже обмѣнявшіеся послѣдними интимными увѣреніями, пожеланіями и наставленіями со своими близкими въ уединеніи каютъ, здѣсь, на людяхъ, не давали воли своимъ чувствамъ и угощали своихъ дамъ, накладывая имъ на тарелки всего въ такомъ количествѣ, которое словно бы свидѣтельствовало о силѣ не высказываемыхъ въ публикѣ чувствъ и о желаніи утѣшить и матерей, и женъ, и сестеръ.

Мужчинъ не приходилось утѣшать въ этотъ адмиральскій часъ.

Они уже безъ угощенія выпили по двѣ рюмки и ѣли разнообразныя и вкусныя закуски. И провожавшіе, казалось, еще болѣе оживились и находили, что три года плаванія «пронесутся какъ мигъ».

Старый адмиралъ, толстый, съ большимъ животомъ и добродушнымъ лицомъ съ крупными чертами, ѣлъ свѣжую икру съ

наслажденіемъ и вдумчивостью заправскаго гурмана, маленькіе и заплывшіе глазки котораго блистали плотоядным огонькомъ.

— Отличная икорка, Викторъ Иванычъ!—промолвилъ адмиралъ, словно бы объявляя благодарность капитану за хорошій смотръ.

Разумѣется, адмиралу налили еще рюмку померанцевой и наложили на тарелочку изрядную порцію икры.

— Вотъ этого не покушаете въ дальнемъ плаваніи!— участливо замѣтилъ адмиралъ, обращаясь къ капитану.

И словно бы въ видѣ утѣшенія прибавилъ:

— Славное судно вашъ корветъ, Викторъ Иванычъ. И въ образцовомъ порядкѣ. Понимаю, какъ пріятно командовать «Воиномъ» и идти на немъ въ дальнее плаваніе...

И, не ожидая отвѣта, адмиралъ принялся за икру.

— Любитъ покушать! — смѣясь, прошепталъ на другомъ концѣ какой-то мичманъ.

— Это вѣдь онъ говоритъ: «Кто любитъ ѣсть, садись подлѣ меня, кто любитъ пить—садись подлѣ брата!»—отвѣтилъ пожилой морякъ, сидѣвшій около своего племянника-мичмана.— Братъ адмирала не глупъ выпить.

— Такъ надо садиться между обоими!—засмѣялся мичманъ.

Подали на двухъ блюдахъ огромныя форели. Вѣстовые, съ напряженными раскраснѣвшими лицами, осторожно обносили блюда и соусники съ подливкой, поглядывая на лейтенанта Веретьева, который отрывался отъ оживленной тихой бесѣды со своей женой—пикантной брюнеткой лѣтъ тридцати, извѣстной въ Кронштадтѣ, обворожительной, кокетливой Надеждой Викентьевной, сводившей съ ума и мичмановъ и адмираловъ,— и бросалъ тревожные взгляды на вѣстовыхъ.

— Молодцами! — довольно шепнулъ онъ подававшему ему бѣлобрысому вѣстовому съ выкаченными глазами и наложилъ женѣ и себѣ по большому куску форели.

— Это ты, Ника, можешь такъ ѣсть въ такія минуты! — шепнула пикантная брюнетка, и въ ея черныхъ красивыхъ глазахъ, только-что безконечно покорно-грустныхъ, уже стояло выраженіе упрека и неудовольствія.

— Надя... Что ты?—чуть слышно промолвилъ лейтенантъ.

— Хороша любовь!

— Надя!

— На три года разстаемся и... навалилъ... Ты можешь ѣсть, а я... я не могу...

— И я не могу... Такъ, нечаянно... Какая ѣда теперь!..

И лейтенантъ не безъ тайнаго сожалѣнія только ковырнулъ рыбу и сталъ говорить о томъ, какъ будетъ тосковать.

Пикантная брюнетка не дотрогивалась. Глаза ея снова стали безконечно грустными. Всѣ могли видѣть, какая она несчастная Пенелопа.

— Еще бы намъ не тосковать, милая Надежда Викентьевна! — замѣтила высокая, полная и некрасивая дама, сидѣвшая рядомъ.—Они,—и некрасивая дама строго взглянула на своего мужа, старшаго штурмана Василія Ивановича, худенькаго, маленькаго и скромнаго человѣка лѣтъ подъ пятьдесятъ:—они тамъ будутъ веселиться, а мы...

Василій Ивановичъ покраснѣлъ, какъ піонъ.

Это онъ будетъ веселиться? Онъ, отправляющійся въ третье кругосвѣтное плаванье главнымъ образомъ потому, что семья большая и Василій Ивановичъ во всемъ отказывалъ себѣ, чтобы больше прикопить денегъ въ плаваніи на приданое для дочери. Онъ принялъ предложеніе идти на «Воинѣ» и потому, чтобъ не раздражать своимъ присутствіемъ свою монументальную Анну Петровну, допекавшую смирнаго Василія Ивановича главнымъ образомъ жалобами и упреками въ томъ, что она далеко не счастливая женщина, какъ разсчитывала двадцать лѣтъ тому назадъ, когда была довѣрчива и неопытна...

И Василій Ивановичъ «дернулъ» рюмку мадеры и промолвилъ, обращаясь къ Надеждѣ Викентьевнѣ:

— Какое тамъ веселье... Развѣ вотъ мичманамъ-съ...

— Конечно!—подтвердилъ Веретьевъ.

И, замѣтивъ, что время подавать индѣйку и шампанское, мигнулъ старшему вѣстовому, занимающему должность буфетчика.

Розлили шампанское.

Старый адмиралъ поднялся и сказалъ нѣсколько словъ пожеланій успѣшнаго плаванія, и заключилъ комплиментомъ капитану. Капитанъ предложилъ тостъ за всѣхъ провожающихъ.

Затѣмъ раздавались чоканія и новые тосты. Пили за капитана, за дамъ, за адмирала, за всѣхъ офицеровъ. Пили за мужей и женъ, женихов и невѣстъ. Молодой судовой врачъ догадался предложить тостъ за команду...

Дамы снова начали утирать слезы. Монументальная дама со слезами на глазахъ совѣтовала Василію Ивановичу беречься и шептала о супружескомъ долгѣ. Василій Ивановичъ только пожималъ плечами и не краснѣлъ потому, что и безъ того былъ красенъ послѣ мадеры, шампанскаго и шартреза. Два жениха, лейтенантъ и младшій механикъ, пріуныли и тихо повторяли клятвы.

— Смотри, Ника!—шептала пикантная брюнетка.

— О, Надя...

— Не транжирь денегъ, Анатолій!—говорилъ адмиралъ.

— О, папа!

Кофе былъ выпитъ. И въ каюту вошелъ сигнальщикъ и доложилъ съ вахты:

— Пары готовы. Скоро «опанеръ»!

Капитанъ всталъ изъ-за стола и, простившись со всѣми провожающими, вышелъ наверхъ и поднялся на мостикъ.

— Всѣхъ наверхъ, съ якоря сниматься!—раздалась команда вахтеннаго мичмана.

Еще послѣднія прощанія, и провожавшіе перебрались на пароходъ. Сходня была убрана.

— Ходъ впередъ!

«Воинъ» тихо двинулся. Двинулся въ Кронштадтъ и пароходъ.

Съ парохода и съ корвета раздались прощальныя привѣтствія.

Матросы снимали зюйдъ-вестки и крестились на Кронштадтъ.

— Прощай, Россія!—воскликнулъ кто-то.

Корветъ пошелъ полнымъ ходомъ и, обмѣнявшись съ Кронштадтомъ салютомъ, черезъ четверть часа былъ въ морѣ...

ДОБРЫЙ.

Посвящается Е. Д. Синицкому.

I.

Однажды, въ началѣ декабря 186* года, когда щегольской корветъ «Кречетъ» стоялъ на двухъ якоряхъ на большомъ рейдѣ Батавіи, я—тогда юный гардемаринъ—правилъ вахтой съ полуночи до четырехъ утра.

Огни были потушены. Вокругъ царила тишина.

Капитанъ и бо́льшая часть офицеровъ были на берегу. Старшій офицеръ, штурманъ, механикъ и «батя», какъ всѣ звали іеромонаха Антонія, никуда не съѣзжавшаго съ корвета, давно спали въ своихъ каютахъ.

Команда спала на палубѣ. Отдѣленіе вахтенныхъ дремало, примостившись на «бухтахъ» снастей и у пушекъ.

Только бодрствовали двое часовыхъ, да шагалъ взадъ и впередъ по шканцамъ вахтенный унтеръ-офицеръ.

Не спалъ и одинъ изъ вахтенныхъ матросовъ — Аверьянъ Шняковъ.

Это былъ старшій рулевой, серьезный и старательный человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, любившій иногда пофилософствовать на бакѣ и вступавшій охотно въ бесѣды съ тѣми офицерами, особенно съ молодыми, которые пользовались его расположеніемъ за то, что не дрались и не очень ругались.

Прислонившись къ борту на шканцахъ, Шняковъ тихо мурлыкалъ подъ носъ какую-то пѣсню. И вдругъ, обрывая ее, поднималъ голову и вдумчиво смотрѣлъ на небо, усѣянное брильянтами мигающихъ звѣздъ, среди котораго медленно-величаво поднималась томная и словно бы самодовольная луна.

Она, какъ говорятъ моряки, свѣтила во «всю рожу».

Шняковъ вдыхалъ полной грудью нѣжную прохладу южной ночи и, казалось, проникновенно любовался ею.

Дѣйствительно, почти безмолвная и таинственная, она была прелестна.

Море едва трепетало рябью, отливавшей серебромъ, и словно о чемъ-то шептало такъ ласково, такъ нѣжно, какъ можетъ шептать только любящая женщина. И оно манило бы къ себѣ,—такъ хорошо поплавать въ немъ,—если бы по временамъ не показывалось надъ водой, совсѣмъ близко, отвратительной плоской большой головы каймана съ неподвижными глазами.

На такой рейдовой вахтѣ дѣлать рѣшительно нечего.

Я ужъ любовался ночью, до усталости шагалъ по мостику, мечтая о писательской славѣ, обошелъ два раза палубу—убѣдиться, что часовые не спятъ, и, прислонившись къ поручнямъ, вдругъ почувствовалъ, что неотразимая и властная дрема сію минуту охватитъ меня.

«О, какъ хорошо заснуть!.. Какое наслажденіе!.. Но вахтенному офицеру нельзя... Я, конечно, не засну... Я только постою немного».

И въ ту же секунду заснулъ.

Черезъ минуту-другую не то дремы, не то крѣпкаго сна, полнаго грезъ и сновидѣній, я открылъ глаза и, сконфуженный, отошелъ отъ предательскихъ поручней, спустился съ мостика и направился къ Шнякову, чтобъ въ разговорѣ съ нимъ разогнать сонъ.

Мы были въ отличныхъ отношеніяхъ.

Шняковъ зналъ, какъ я уважалъ его, отличнаго рулевого и необыкновенно чуткаго къ правдѣ, и какъ любилъ слушать его. И онъ иногда разсказывалъ о прежней службѣ, о разныхъ начальникахъ, съ которыми служилъ, о правдѣ и неправдѣ. Особенно любилъ онъ разсказывать, когда мы вдвоемъ катались, бывало, на двойкѣ подъ парусами и когда Шняковъ деликатно училъ своего юнца-начальника не однимъ только управленіемъ шлюпкой.

Въ его разсказѣ чувствовался слегка скептическій умъ, но не озлобленный послѣ двадцатилѣтней службы, смягченный философіей его добраго и отзывчиваго сердца.

II.

— Не спится, Шняковъ?—тихо спросилъ я, приблизившись къ нему.

Онъ встрепенулся, точно внезапно оторванный отъ думъ, и повернулъ ко мнѣ залитое луннымъ свѣтомъ простое рус-

скос съ крупными чертами лицо, густо заросшее русыми баками, худощавое, крѣпкое и загорѣлое, съ вдумчивыми и серьезными сѣрыми глазами.

— Ночь, ваше благородіе!—еще тише отвѣтилъ онъ, словно бы боялся спугнуть чары волшебной ночи. И прибавилъ: — Задумался, глядючи...

— О чемъ?

— Мало ли о чемъ, ваше благородіе... Услѣди-ка...

Шняковъ примолкъ и черезъ минуту сказалъ:

— Хотя бы взять въ понятіе эти самыя мѣста...

— Хорошо!

— А крокодилъ да акулъ-рыба кишмя кишатъ... Вотъ вамъ и хорошо, ваше благородіе! Опять же и то: надо и такимъ подлецамъ кормиться. Господь создалъ ихъ для разбоя... Живи, молъ, разбойничай... Ну и они, что ни попало, своя рыба или человѣкъ—все пища, и въ пасть... Такъ вѣдь крокодилъ или акулъ-рыба безо всякаго понятія живетъ... На то онъ гадъ... Его и остерегайся... А ежели ты человѣкъ, да хуже крокодила... Отъ его не убережешься... Прямо лѣзь въ глотку и шабашъ...

— Да ты развѣ такихъ людей зналъ?

— То-то доводилось, ваше благородіе... Мало ли околачиваюсь на флотѣ.

И, указывая рукой на рейдъ, прибавилъ:

— Вотъ на этомъ самомъ рейдѣ матросики просто въ отчаянность пришли... Кажется, нашъ братъ не обидчистъ и терпѣливъ, и то чуть-было не начали въ родѣ какъ бунтовать...

— И ты въ Батавіи былъ?

— Годовъ десять тому назадъ, ваше благородіе. На клиперѣ, на «Бойцѣ» въ дальнюю ходилъ... Капитаномъ у насъ былъ Евгенъ Иванычъ Двинскій... Можетъ, слышали?

Я слышалъ, что Евгеній Ивановичъ Двинскій, молодой адмиралъ, давно занимавшій береговое мѣсто, былъ мягкій и очень добрый человѣкъ.

— И съ такимъ добрымъ капитаномъ вы дошли до отчаянности?—воскликнулъ я.

— Что и говорить... Ужъ на что былъ доберъ! Не то чтобы наказать линьками или ударить, ругательнаго слова никому не сказалъ... Одно слово въ родѣ будто андела былъ, ваше благородіе!

— Такъ почему же вы хотѣли бунтовать?

— А потому, что ни съ однимъ, самымъ что ни на есть злымъ командиромъ, не жили мы въ родѣ какъ арестанты съ анделомъ Евгенъ Иванычемъ... Не вызволи насъ тогда одинъ

матросикъ, многимъ бы пришлось пройти скрозь строй... Небось, изволили слышать, какія были наши права при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, да ежели еще за въ родѣ какъ за бунтъ, за то, что дошли до отчаянности и хотѣли просить отдышки... Небось, у насъ, на «Кречетѣ», никто не подумаетъ бунтовать!—прибавилъ Шняковъ.

Нечего и говорить, какъ я былъ изумленъ въ эту ночную вахту въ Батавіи.

— Разскажи, голубчикъ, про все... все... Это что-то непонятное... Порядочный и добрый командиръ и... вдругъ... Да какъ же это могло случиться?—спрашивалъ я, недоумѣвающій.

— Что-жъ... Извольте слушать... Я вамъ обскажу про добраго командира, ваше благородіе. Всякихъ видалъ, но только другого, какъ Двинскій, не видалъ, — проговорилъ, усмѣхнувшись, Шняковъ и прибавилъ:—Сбѣгать на бакъ... Выкурю трубчонку и обернусь.

— Только, пожалуйста, поскорѣй, Шняковъ.

— Живо накурюсь, ваше благородіе.

Черезъ минуты двѣ, которыя показались мнѣ безконечными, Шняковъ вернулся на шканцы той быстрой походкой, какой обыкновенно ходятъ матросы на судахъ, прислонился къ борту, взглянулъ на падавшую звѣзду и среди тишины чудной ночи пониженнымъ своимъ пріятнымъ голосомъ заговорилъ.

III.

— Вотъ вы дивитесь, ваше благородіе. А мы на «Бойцѣ» спервоначалу вовсе въ ошалѣніе пришли, словно тебя ежели да нежданно огорошили по башкѣ марса-фаломъ! Да какъ же это, Господи? Евгенъ Иванычъ Двинскій, командиръ, молъ, добрый и жалостливый, самъ по своимъ правамъ на ввѣренномъ ему суднѣ въ родѣ какъ царь, и у его на клиперѣ съ людьми звѣрствовали и до того начали вгонять въ тоску, что и не обсказать... Небось, ошалѣешь и потомъ захочешь войти въ понятіе насчетъ такой обидной нашей тоски, ежели на бакѣ съ людей стали снимать шкуры... И въ скорости поняли, ваше благородіе, какая капитанская доброта...

— Какая?

— Никчемная, прямо сказать, «здряная»! — убѣжденно и взволнованно промолвилъ матросъ, слегка поднимая голосъ. И послѣ паузы продолжалъ: — И нѣтъ хуже такой доброты для матросовъ. Я такъ полагаю по своему разсудку, ваше благородіе. Только напрасно она обнадеживаетъ матроса и пуще его обезкураживаетъ... Вѣру въ добраго человѣка смущаетъ и вводитъ

въ бо́льшую тоску... По крайности видишь: командиръ въ родѣ бѣшеной собаки, и знаешь. А вѣдь: голубь, форменный голубь, а тебя обанкрутилъ хуже чѣмъ коршунъ... А все: голубь... И самъ себя почитаетъ голубемъ... И господа на «Бойцѣ»: голубь да голубь... А какъ мы обрадовались, какъ увидали Двинскаго—Богу молились. Вотъ, молъ, Богъ чамъ цалъ на [illegible] кость добраго командира... Пріѣхалъ на клиперъ—такой смирный, привѣтный и съ нами обходительный... А изъ себя высокій и аккуратный, вовсе чернявый, этакъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, лицо бѣлое, чистое, и черные глаза добрые-предобрые... Вотъ, небось, этотъ подлецъ и дитю не обнадежитъ глазами!—прибавилъ чуть слышно Шняковъ и кивнулъ головой на воду.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корвета плылъ кайманъ.

Черезъ минуту онъ нырнулъ, и матросъ продолжалъ:

— А флотской части не зналъ—сразу видно было. Допречь онъ все въ адъютантахъ по штабамъ околачивался и въ плаваніе почти не ходилъ. А назначили его командиромъ, сказывали, изъ-за отца... адмиралъ въ силѣ находился, такъ отказа ему не было. Хорошо. И думали, ваше благородіе, что командиръ помаленьку къ должности своей пріобыкнетъ, а нашему брату лестно... Кроткій... Небось, слышалъ, баринокъ, какая тогда была флотская служба и на какихъ правахъ состоялъ матросъ? Такъ изволите понять, ежели голодному—и вдругъ пища! Вовсе обезкураженному матросу — и новый оборотъ жизни! Всталъ безъ страха и легъ спать не избитый и не драный. И былъ я, ваше благородіе, въ такихъ обнадеженныхъ мысляхъ, что душа взыграла... Радуюсь. Насъ, молъ, безправныхъ, Богъ вспомнилъ... А надо вамъ обсказать, ваше благородіе, что до того я два года ходилъ марсовымъ на «Костенкинѣ» кораблѣ съ командиромъ Обуховымъ... Можетъ, слыхали? Въ прошломъ году его увольнили. Не срами, молъ, флота и получай пенсіонъ. Небось, и безъ живодерства матросъ не оконфузитъ.

— Слышалъ про Обухова... Говорятъ, былъ жестокій.

— То-то. Быкъ и есть. Такъ и звали его въ Кронштадтѣ, потому никакого въ немъ Божьяго разсудка, а въ родѣ бычьяго. Только и отпущено ему было отъ Господа Бога. И когда онъ не находился въ понятіи и сидѣлъ въ каютѣ и марсалился—ничего-себѣ, быкъ какъ быкъ, и вѣстовой очень даже обожалъ его. А ежели да ему войдетъ что въ башку, то хотя на ней колъ теши. Выкатитъ глаза, мотаетъ головой и оретъ: «Чтобы по всей буквѣ закона наказать!» Упрется и одно мычитъ: «Наказать по всей строгости закона». И хотя бы за пустяч-

ную провинность онъ, по бычьему своему разуму, по закону запарывалъ. «Я, молъ, ничего другого понимать не желаю». И только какъ это, ваше благородіе, въ прежнія времена давали такимъ, прямо сказать, остолопамъ волю надъ матросами? Просто даже никакъ не поймешь. Теперь, какъ царь нашъ Александръ Николаичъ приказалъ, въ какомъ видѣ надо понимать матроса, небось, мы вздохнули. Въ родѣ какъ людьми стали, ваше благородіе. А тогда?..

Шняковъ только вздохнулъ и примолкъ.

IV.

— Такимъ манеромъ освободился я отъ Обухова и попалъ на «Боецъ»... къ доброму капитану... Въ полной надеждѣ на отдышку, и вмѣсто того... намъ въ родѣ крышки...

— Да какъ же?—спросилъ я.

— А такъ же, ваше благородіе. Изъ-за старшаго офицера Перкушина. Очень даже безстыжій и жестокій былъ человѣкъ, не тѣмъ будь помянутъ, покойникъ. Онъ-то и былъ настоящимъ командиромъ и разбойникомъ. Надо всѣмъ волю забралъ.

— А Двинскій?

— Только хлопалъ добрыми глазами. И какъ вышли мы изъ Кронштадта, обозначилось, что. нашъ Евгенъ Иванычъ вовсе не понималъ службы и безо всякаго мужчинскаго характера... Перкушинъ словно заворожилъ капитана, и весь Евгенъ Иванычъ съ его добротой былъ у старшаго офицера въ полномъ повиновеніи, а быдто со своей амбиціей. Шельмоватый и прельстивый былъ Перкушинъ. Велъ свою линію. «Какъ, молъ, прикажете!» А приказывалъ-то все онъ. И дока по флотской части былъ. И, надо правду сказать, отчаянный и ничего не боялся, ежели заштормуетъ. Умѣлъ управиться и не сойдетъ, бывало, съ мостика, какъ въ штурму нашъ маленькій клиперокъ бѣдуетъ и зарывается въ волнахъ. Подлый былъ человѣкъ, а во всей формѣ молодчага—распоряжался. Съ имъ и страха не было.

— А капитанъ что?

— Тоже для видимости стоялъ наверху и однако не мѣшался. И на ночь Перкушинъ всегда, бывало, въ бурю капитана упрашивалъ отдохнуть. Я, молъ, всѣ ваши распоряженія исполню. А какія распоряженія? Раньше плавалъ Евгенъ Иванычъ на яхтахъ, между Петербургомъ и Кронштадтомъ. Безъ старшаго офицера онъ ни Боже ни. И хотѣлъ бы, да не смѣлъ. Только почетъ и имѣлъ, да что добрый. И самъ, сказывали, не хотѣлъ срамиться, идти въ капитаны, такъ отецъ принудилъ: «Карьеръ, говоритъ, сдѣлаешь, а мы,

говоритъ, выберемъ старшаго офицера, собаку по морской части, онъ, говоритъ, твой клиперъ въ лучшемъ видѣ будетъ держать и тебя не обанкрутитъ. Онъ съ большимъ понятіемъ помощникъ тебѣ будетъ, и ты его во всемъ слушай». И Перкушину тоже адмиралъ: «Такъ, молъ, и такъ. Берегите сына и будьте ему настоящимъ помощникомъ, однимъ словомъ. А какъ благополучно вернетесь, говоритъ, не въ примѣръ выйдетъ награжденіе». Старшій офицеръ самъ опосля разсказывалъ левизору объ этомъ, и вѣстовой разсказалъ на бакѣ. Такимъ манеромъ Перкушинъ и сталъ гнать свою линію, чтобы отличиться. Еще когда стояли въ Кронштадтѣ, готовились въ море, хоть и строгъ былъ, а не оказывалъ всей своей подлости, но какъ ушли, по всей формѣ началъ вгонять въ тоску. Донималъ ученьями и требовалъ, чтобы матросъ въ родѣ какъ обезьяна леталъ по вантамъ и чтобы на секундъ не смѣлъ опоздать съ парусами или на другой какой работѣ. И вовсе какъ на скота смотрѣлъ на нашего брата. За каждую малость приказывалъ на бакъ и самъ смотрѣлъ, какъ людей въ линьки принимали. И цыгарку куритъ да еще посмѣивается. Вовсе безъ пыла и съ жестокимъ разсчетомъ, спокойно изводилъ людей и безъ крика. И ругался мало. И не очень дрался, воздерживался, особенно при капитанѣ. Но зато выучивалъ, ваше благородіе, на бакѣ... И такой страхъ навелъ, что мы стали въ родѣ какъ арестанты...

— Да какъ же капитанъ не зналъ, какъ старшій офицеръ обращается?—спросилъ я.

— То-то не зналъ, ваше благородіе. Порка шла обязательно въ четыре часа утра, когда капитанъ спалъ.

— А пожаловаться?

— Не смѣли сперва дойти до капитана. Перкушинъ застращивалъ. Только, молъ, пикни. И при капитанѣ онъ былъ съ матросами ровно лиса... Вовсе обманный былъ человѣкъ... И настраивалъ, при случаѣ, Евгена Иваныча противъ команды. Они, молъ, безчувственные, грубые и пьяницы. Съ ими, молъ, трудно добромъ. Для пользы службы и для порядка военнаго судна нужна строгость. Капитанскій вѣстовой Лаврюшка обсказывалъ намъ, какъ настраивалъ капитана Перкушинъ.

— А капитанъ что?

— Извѣстно, что: очень жалѣлъ, что ежели нужна строгость, но приказывалъ, чтобы никакихъ утѣсненіевъ не было и не наказывали безъ снисходительности линьками. Перкушинъ обнадеживалъ, что онъ взыскиваетъ съ разсудкомъ и, молъ, отъ намѣреніевъ капитана по долгу службы отступить

не можетъ. Однимъ словомъ, объегоривалъ капитана... Съ имъ и левизоръ и механикъ—въ родѣ шайки была... Перкушинъ вводилъ въ тоску, а тѣ двое «обуродовали» по угольной части, а ужъ левизоръ одинъ по своей части—прямо-таки грабилъ. И харчъ намъ недобросовѣстный давалъ... А капитанъ все подписывалъ, что они ни дадутъ... Вѣрь не вѣрь, а подписывай, коли по должности своей не понимаешь... Такимъ манеромъ вовсе обанкрутили добраго-то капитана. Врутъ ему, какъ сивые мерина, и, какъ слѣдуетъ, въ глаза оказываютъ во всей формѣ уваженіе. И со стороны-то всѣмъ видно, а капитанъ будто ничего не замѣчаетъ. Одно слово, оболваниваютъ, да еще про себя тишкомъ надъ капитаномъ смѣются. Вѣстовые слышатъ. А разъ на берегу въ Ривѣ (Рio-Жанейро) выпившій левизоръ — башковатъ былъ брехать капитану насчетъ будто бы дешевой покупки всякаго припаса— при мнѣ кричалъ товарищу:—«Я, говоритъ, что вгодно, то и дѣлаю по своей части... Какіе счета подамъ... Только спроситъ: «Вѣрно?»—«Обязательно вѣрно»... И, не читая, подмахнетъ... Очень добрый Евгенъ Иванычъ... Ровно дитё!» Кричитъ, заливается... Дескать, какъ сподручно матроса обкрадывать. Господамъ-то смѣшно, а намъ не до смѣха было, ваше благородіе! Во всѣхъ смыслахъ съ имъ была тоска... Кровныя наши денежки и то левизоръ зажиливалъ. Гдѣ на разбойниковъ искать правды нашему доброму?.. Однако надо и передохнуть, ваше благородіе.

V.

— Прошло около года. Переходы мы дѣлали не очень большіе. Перкушинъ любилъ закатывать на берегъ, и потому мы захаживали во многіе порты и въ хорошихъ стояли на якорѣ подольше. И какъ Перкушинъ на недѣлю съѣзжалъ на берегъ, у насъ былъ словно праздникъ. Первый лейтенантъ, исправлявшій должность старшаго офицера за Перкушина, ни ученьями не допекалъ ни наказывалъ людей... Правильный и по-настоящему добрый человѣкъ былъ Алексѣй Николаичъ Вощининъ. Понималъ матроса и не считалъ его быдто тварью. Бывало, и слово привѣтное скажетъ, и матросъ чувствовалъ, что имъ не брезгуетъ. И по морской части дошлый... И мы, ваше благородіе, безо всякаго страха, а только чтобъ перваго лейтенанта не оконфузить, просто изъ кожи лѣзли вонъ и на фокъ-мачтѣ, которой завѣдывалъ, и на вахтахъ, когда онъ стоялъ, и на ученьяхъ, когда за старшаго офицера дѣлалъ не до измора, а много-много полчаса, а то часъ... «Вотъ, молъ, какого бы намъ старшаго офицера!»—

толковали мы, бывало, промежду себя на бакѣ. Тогда и капитанъ взаправду былъ бы добрый!.. И былъ у насъ, ваше благородіе, одинъ молодой матросикъ, Василій Кошкинъ, вмѣстѣ со мной на форъ-марсѣ работалъ... Лучшій былъ марсовой и отчаянный въ работѣ. И смирный, робкій былъ человѣкъ, вовсе безотвѣтный по терпѣливости, а очень щекотливый къ неправдѣ. И, бывало, заговоритъ со мной, какъ жестоко изводитъ Перкушинъ людей, чуть не плачетъ. Большой жалостливости была его душа, ваше благородіе, за людей. Главное, другихъ жалѣлъ. Самого его рѣдко пороли, да и съ разсудкомъ, потому очень ужъ онъ боялся Перкушина, и даже разбойнику трудно было придраться къ такому старательному и отчаянному матросу... Въ скорости пересталъ Кошкинъ со мной говорить о старшемъ офицерѣ и вовсе въ задумчивость впалъ и затосковалъ... И подъ конецъ сталъ ожесточаться сердцемъ... Вдребезги напивался на берегу и, робкій, какъ-то сдерзничалъ Перкушину. Тотъ только ахнулъ и на другое утро отодралъ какъ сидорову козу. Въ большую тоску вошелъ Кошкинъ... И шли мы изъ Ривы на «Надежный мысъ»; пришелъ передъ вечеромъ Василій на бакъ, вошелъ въ кругъ около кадки съ водой, закурилъ трубку и самъ блѣдный, весь дрожитъ, сказалъ:—«А такъ, братцы, никакъ невозможно! Дойдемъ, говоритъ, до капитана... Доложимъ, какой есть Перкушинъ! Капитанъ вовсе добёръ. Но только онъ не знаетъ Перкушина... Доложимъ! Капитанъ, какъ узнаетъ, ахнетъ. Увольнитъ, говоритъ, старшаго офицера и назначитъ Алексѣя Николаича, перваго лейтенанта, и всѣмъ намъ, говоритъ, будетъ избавленіе». Удивились, какъ это смѣло такъ обсказалъ нашъ смирный. Молчатъ. И забрало насъ, и страшно, что̀ послѣ будетъ отъ Перкушина. Старые матросы стали говорить, что какъ бы еще хуже не вышло. А боцманъ Терентьичъ прикрикнулъ:—«Ты, говоритъ, чуть не первогодокъ, а учишь старыхъ матросовъ! Терпѣли, будемъ еще терпѣть. Богъ дастъ, и отойдетъ Копчикъ!» Перкушину и было прозваніе «Копчикъ». Онъ былъ маленькій, крѣпкій, и носъ согнутый, какъ у птицы, и глаза пронзительные и круглые, какъ у копчика... А Кошкинъ свое. И еще забористѣй... и самъ чуть не плачетъ... И сказалъ, что онъ доложитъ капитану про Перкушина. Пусть только выстроитъ боцманъ во фронтъ... И насъ, ваше благородіе, вдругъ прорвало... Откуда и страхъ пропалъ, а капитанъ въ тую же минуту вышелъ наверхъ и ласково такъ поглядываетъ. «Во фрунтъ!» «Во фрунтъ!» Сперва этто нѣсколько голосовъ. А тамъ все больше да громче. Видитъ боцманъ, что команда вошла въ чувство,

и самъ въ тоскѣ изъ-за Перкушина. Никитичъ тоже не отсталъ отъ своего же брата.—«Ну и будетъ, черти, намъ всѣмъ шлиховка»,—сердито проговорилъ онъ и просвисталъ: «всѣхъ наверхъ!» Черезъ секундъ команда стала во фрунтъ. Кончикъ выскочилъ обозленный.—«Это бунтъ, Евгенъ Иванычъ! Не извольте къ этимъ подлецамъ выходить! Позвольте, говоритъ, я съ ими объяснюсь, какъ они смѣли самовольно во фрунтъ собраться. Это форменный бунтъ!»

— И что-жъ капитанъ?—невольно вырвалось у меня.

— Не послушалъ Кончика. Сердце-то подсказало, что бунта нѣтъ, а одна, можно сказать, отчаянность.—«Оставьте учить меня!»—вдругъ окрикнулъ капитанъ и весь закраснѣлъ, и тую-жъ минуту быдто испугался прыти. Однако прямо къ намъ: сконфуженный, ласковый, глаза добрые-предобрые и растерянные, быдто въ удивленіи, что команда собралась въ унынiи. И доложу вамъ, ваше благородіе, и досадно и жалко мнѣ было глядѣть на Евгена Иваныча. За свою же доброту приходилось ему за другихъ передъ матросами стоять въ растерянности и оконфузливости. Помолчалъ такъ секундъ-другой, поглядѣлъ на насъ ласково и быдто жалѣючи и привѣтнымъ тихимъ голосомъ поздоровался:—«Здоровы, братцы!» Отвѣтили дружно и громко:—«Здравія желаемъ, вашескобродіе!» Дескать, не противъ тебя мы осмѣлились. И капитанъ еще ласковѣй спросилъ:—«По какой причинѣ вы, братцы, собрались?»—«До вашескобродія осмѣлилась дойти команда!»—доложилъ съ праваго фланга боцманъ Терентьичъ.—«Говори, боцманъ, въ чемъ дѣло». И тогда вышелъ передъ фрунтъ Кошкинъ, блѣдный какъ рубаха.—«Дозвольте доложить, вашескобродіе?»—«Говори, Кошкинъ, не бойся, голубчикъ!» И Кошкинъ началъ обсказывать... И чѣмъ дальше, тѣмъ больше приходилъ въ взволнованность, какъ доказывалъ, въ какой тоскѣ матросы за притѣсненіе и какая каждое утро на бакѣ расправка... И вмѣстѣ съ Кошкинымъ все болѣе и болѣе краснѣлъ и капитанъ, и приходилъ въ разстройку и въ тоску, и добрые глаза стали такіе придумчивые и печальные...

И очень просилъ Кошкинъ разслѣдовать, по правдѣ ли все онъ осмѣлился доложить командиру, и сказалъ со слезами въ голосѣ:—«Если не правда, засудите меня, вашескобродіе, а если я по чистой совѣсти обсказалъ, защитите людей, вашескобродіе!» И замолчалъ. И матросы молчали. И у многихъ во время того, какъ обсказывалъ Кошкинъ, навертывались слезы. А Никитичъ вовсе насупился и нахмурилъ брови, и вдругъ сказалъ:—«Осмѣлюсь доложить вашескобродію, что Кошкинъ смирный и примѣрный матросъ по поведенію и по

службѣ и ни слова неправды не обсказалъ вашескобродію». Молчалъ и поникъ головою капитанъ... И на палубѣ словно замерло. Такая стала тишина. Наконецъ Евгенъ Иванычъ поднялъ голову и, весь быдто взбунтовавшись, покраснѣлъ и гордо такъ сказалъ, что самъ разберетъ дѣло и матросовъ ни въ жисть не дастъ въ обиду.—«Больше, говоритъ, братцы, нещадности не будетъ». А Кошкина ласково приспокоилъ: «Спасибо, матросикъ, что объявилъ отъ полнаго своего сердца претензію. И не тоскуй и не бойся: тебѣ ничего не будетъ, и не будетъ никому взыску, что дошли до меня не по формѣ. Впредь самъ буду по воскресеньямъ опрашивать... Расходись, молодцы!»—«Рады стараться, вашескобродіе!» Съ этимъ капитанъ раздумчиво такъ пошелъ въ свою каюту, и тую-жъ минуту слѣдомъ пошелъ за имъ и старшій офицеръ, слегка изъ себя поблѣднѣвшій. А форцъ прежній. Не понравился мнѣ этотъ форцъ. Думаю: какъ бы онъ какой загвоздки не придумалъ, чтобъ оправдать себя передъ капитаномъ. Однако разошлись обнадеженные. Особенно радовался Кошкинъ.—«Теперь, говоритъ, братцы, безпремѣнно полный оборотъ намъ будетъ. Капитанъ все узналъ... По глазамъ видно, что не догадывался, какъ старшій офицеръ живодерничалъ и какъ левизоръ кормилъ. Онъ защититъ». И всѣ хвалили теперь Кошкина, что придумалъ дойти до капитана и постоялъ за команду и такъ жалостливо обсказывалъ... И боцманъ Терентьичъ похвалилъ за то, что Кошкинъ душу баломутитъ. А какой конецъ по капитанской «лезорюціи» будетъ, боцманъ сомнѣвался... «Какъ, молъ, Копчикъ обкружитъ голубя и одурманитъ его».

— Что же вышло, Шняковъ?

— А вотъ доскажу. Только прежде надо покурить, ваше благородіе.

И Шняковъ пошелъ на бакъ. А я снова обошелъ палубу. Сна уже давно не было, и ночная вахта проходила необыкновенно скоро. Уже пробило четыре склянки (2 часа ночи).

VI.

— Въ первое время Копчикъ притихъ. Пороть поролъ, но безъ живодерства. Однако и къ боцману и въ особенности къ Кошкину сталъ придираться—прямо-таки не взлюбилъ. И съ капитаномъ во время перваго же разговора была разстройка. Вѣстовой Лаврюшка слышалъ, какъ старшій офицеръ вломился въ амбицію и пригрозилъ, что спишется по болѣзни съ клипера на берегъ и возвратится въ Россію. Матросы, молъ, самовольно стали во фрунтъ и облыжно показали

на своего начальника, а капитанъ вмѣсто взыска ихъ же обнадежилъ бунтовать. И сталъ обсказывать, что наказывать матросовъ въ своемъ правѣ и безъ жестокости... И до того сбилъ капитана, что разстроилъ его. И сталъ онъ передъ нимъ будто извиняться и просить не уходить, но только чтобы Перкушинъ не вводилъ матросовъ въ тоску, чтобы все было по-хорошему и матросы не могли жаловаться. Копчикъ обѣщалъ не вводить капитана въ разстройку и просилъ только не очень-то вѣрить матросамъ по своему доброму сердцу. Изъ-за этого, молъ, они и стали полагать о себѣ. Вотъ Копчикъ какую линію подвелъ, ваше благородіе. И левизоръ приходилъ объясняться насчетъ харча. Правымъ остался—вѣрно, говоритъ, что одна бочка солонины скверная попалась, такъ ее прикажетъ немедленно выбросить за бортъ. Одно слово—обанкрутили Евгена Иваныча. И разъ спросилъ насчетъ претензіи, а потомъ ужъ пересталъ. А старшій офицеръ на мысѣ Надежномъ и не думалъ списаться съ клипера. И какъ вышли мы съ Надежнаго, Копчикъ опять по-старому сталъ звѣрствовать. И первымъ же дѣломъ боцмана разжаловалъ и далъ двѣсти линьковъ и Кошкина отшлиховалъ до отчаянности. И обоимъ сказалъ:—«Попробуй-ка оба бунтовать, ты строить во фрунтъ, а ты, подлецъ, облыжно жаловаться»..

И Терентьичъ, разжалованный, какъ его отпороли, сказалъ на бакѣ:—«Вотъ и капитанская лезорюція! Вотъ и доходили до капитана!» А Кошкинъ еще хуже затосковалъ. И капитанъ будто не видитъ ничего. Однако, вѣстовой сказывалъ—загрустилъ... Чуетъ, что слово не сдержалъ, и не знаетъ, какъ ему быть... Не довѣрялся Копчику. А боцманомъ Копчикъ сдѣлалъ невѣрнаго унтеръ-офицера... Все передавалъ про команду старшему офицеру и вовсе въ родѣ Іуды былъ. И дрался во всю. Послѣднюю совѣсть въ себѣ уничтожилъ.. И порѣшили мы на берегу избить до полусмерти Іуду-боцмана. Проучить... Но когда еще берегъ, а пока вовсе обезнадежили, и никакой вѣры на защиту капитана не осталось... Дойти до его—еще хуже. И совсѣмъ покорились... Живемъ въ страхѣ. И будто въ арестантскихъ домахъ. А матросикъ Кошкинъ хуже затосковалъ и зазрился совѣстью, что изъ-за его выдумки вмѣсто избавленія... еще товарищей подвелъ... И вовсе угрюмистый сталъ. И покорно терпѣлъ наказанія Копчика и бой боцмана-Іуды... И ожесточался... Вотъ до чего довели, ваше благородіе, тихаго и смирнаго человѣка, ежели только его сердце мучится по правдѣ. Шли мы такимъ манеромъ до Батавы... И передъ самымъ приходомъ, въ пятомъ часу утра,

одного щуплаго матроса Копчикъ отпоролъ до безчувствія, и его снесли въ лазаретъ. Стали мы на рейдъ. Вышли въ скорости къ подъему флага. Ждемъ, какъ приметъ командиръ лепортъ доктора о больномъ по случаю жестокой порки, однако капитанъ и послѣ лепорта веселый, что поѣдетъ, молъ, на берегъ. И фельдшеръ намъ объяснилъ, что докторъ не доложилъ о больномъ. Копчикъ его упросилъ. Очень обидѣлись тогда матросы, ваше благородіе. И такъ ненавистенъ намъ былъ Копчикъ, хоть бы его за бортъ... Однако боимся его... Молчимъ... Только про себя тишкомъ говоримъ:—«Что-жъ это, братцы, въ чихотку будетъ Копчикъ вгонять, и капитанъ его держитъ въ полномъ довѣріи и ничего не знаетъ». И берегу не радуемся, не смотримъ на радостное утро. Кому оно на радость, а намъ въ тоску... А на мостикѣ и капитанъ и многіе другіе офицера весело разговариваютъ, точно человѣкъ не въ лазаретѣ еле дышитъ... «Гдѣ же, молъ, Божья правда?» Этто я про себя думаю, и сердце бунтуетъ, ваше благородіе... Бунтуетъ, и зло беретъ... А около меня Кошкинъ... Лица на ёмъ нѣтъ... глаза ввалились и какъ уголья... И я ему:— «Давай, Вась, соберемъ матросовъ и во фрунтъ... Дойдемъ до капитана... Пусть пойдетъ въ лазаретъ и увидитъ... Пусть освобонитъ насъ отъ Копчика!» А Кошкинъ: — «Не надо... Лучше, говоритъ, одному принять скрозь-строй, чѣмъ всѣмъ. Небось, братцы добромъ вспомнятъ!» — «Да ты что надумалъ, Вась?» Я сразу понялъ по его глазамъ, что Кошкинъ надумалъ. Ни слова не сказалъ и уже пошелъ прямо къ мостику, поднялся и, снявъ шапку, остановился передъ капитаномъ. Матросы такъ и ахнули... Ахнули и офицеры... Удивился и капитанъ. Однако сконфузился и съ укоромъ взглянулъ на Копчика. Всѣ замерли на палубѣ.

Взволнованный Шняковъ на секунду примолкъ.

VIII.

— Только голосъ дрожалъ, когда матросикъ доложилъ капитану:—«Извольте, молъ, заглянуть, вашескобродіе, въ лазаретъ, какъ запоролъ утромъ человѣка старшій офицеръ. И съ той поры, какъ вашескобродіе обѣщали разобрать мою жалобу, старшій офицеръ нѣсколько денъ притихъ и послѣ сталъ еще болѣе тѣснить людей... Вы, молъ, обѣщали, что намъ ничего не будетъ за претензію, а старшій офицеръ и меня и прежняго боцмана нещадно наказалъ и объяснилъ, что за то, что дошли до вашескобродія. И съ тѣхъ поръ зря меня наказывалъ».— «Молчать! Какъ ты смѣешь такъ говорить съ капитаномъ!»— вдругъ крикнулъ Копчикъ. Но тутъ капитанъ осердился.

«Молчите вы!» И сказалъ Кошкину: «Говори!» Копчикъ тую-жъ минуту внизъ... Не пожелалъ слушать. А Кошкинъ:— «Больше нечего обсказывать, вашескобродіе. Только освободните людей отъ старшаго офицера. Не доведите команду до отчаянности... А меня извольте наказать, вашескобродіе, за то, что осмѣлился самовольно объяснить вашескобродію насчетъ старшаго офицера!» Капитанъ только махнулъ головой и побѣжалъ въ лазаретъ. И фершалъ сказывалъ, что капитанъ очень огорчился, когда увидалъ больного. И спросилъ фершала: попадали въ лазаретъ такіе больные? Фершалъ доложилъ, что бывали. И тогда капитанъ обнадежилъ больного и самъ закрылъ руками глаза. Вѣрно, слезы хотѣлъ скрыть... Сердце-то доброе и жалостливое... И увидалъ наконецъ, какъ окрутили его старшій офицеръ и другіе. Постоялъ онъ такъ съ минуту и сказалъ доктору съ тоскливостью и укоромъ:— «И вы, докторъ, вмѣстѣ съ другими меня обманывали?» И ушелъ въ каюту. Такъ и не уѣхалъ на берегъ въ тотъ день и все ходилъ въ задумчивости по каютѣ. И не допускалъ къ себѣ старшаго офицера. А къ вечеру уже послалъ за первымъ лейтенантомъ Алексѣемъ Николаичемъ и велѣлъ быть ему старшимъ офицеромъ, а Перкушину на его «лепортѣ» о болѣзни написалъ:—«По болѣзни можете вернуться въ Россію и сегодня же уѣхать на берегъ». А мы прослышали и все еще не вѣримъ. Думаемъ: допуститъ къ себѣ старшаго офицера, и опять онъ останется. Однако, видно, самъ этого боялся. Такъ и не допустилъ къ себѣ Перкушина. И Копчикъ сталъ собираться и громко въ каютъ-компаніи ругалъ капитана. И въ вечеръ со всѣми вещами уѣхалъ съ клипера; матросы крестились. И съ той же минуты мы вздохнули съ Алексѣй-Николаичемъ. И капитанъ повеселѣлъ. Не осмѣлься Кошкинъ на смѣлость, — не избавились бы мы отъ Копчика. Вотъ оно что дѣлаетъ смѣлое сердце, ваше благородіе! — заключилъ Шняковъ.

Оба мы молча глядѣли на чудное звѣздное небо.

И вдругъ раздался окрикъ часового:

— Кто гребетъ?

— Офицеръ!

Я скомандовалъ фалгребныхъ и пошелъ къ трапу встрѣчать возвращавшихся съ берега капитана и офицеровъ.

ТОСКА.

Посвящается М. И. Полованецъ.

I.

Передъ рождественскими праздниками клиперъ «Нырокъ» стоялъ на неаполитанскомъ рейдѣ.

Было холодно и непривѣтно. Хлесталъ дождь.

По временамъ налетали шквалы, и «Нырокъ» изрядно клевалъ носомъ. Солнце изрѣдка показывалось, пригрѣвало и снова скрывалось за сѣрыми облаками.

На клиперѣ только-что пообѣдали, какъ въ каютъ-компанію вошелъ черномазый, красивый молодой неаполитанецъ Пепино.

Вздрагивая отъ холода въ своемъ довольно легкомысленномъ пальтишкѣ, Пепино сталъ просить, умолять, наконецъ требовать, чтобы офицеры купили у него превосходные кораллы, камеи, кольца и брошки, которые онъ показывалъ, открывая своей сухой, довольно грязной рукой небольшой ящикъ, полный соблазнами.

Никто не покупалъ.

Только два мичмана заглянули въ ящикъ.

Но, вѣроятно, вспомнивъ, что въ карманахъ у нихъ ни «чентезима», они нашли, что кораллы неважные и не настоящіе, и даже не спросили о цѣнѣ.

Итальянецъ возмутился.

— Это не настоящіе!—воскликнулъ онъ.

И онъ клялся, что такихъ коралловъ нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ.

И, истощивъ свое краснорѣчіе, онъ быстро «отошелъ» и уже добродушно и быстро затараторилъ о томъ, что не купить чего-нибудь для «belle signore», какъ русскія, было просто безуміемъ со стороны офицеровъ.

— Не то,—возбужденно кричалъ онъ:—бѣдныя синьоры

проплачутъ свои глазки на своемъ дальнемъ сѣверѣ отъ того, что онѣ такъ безсовѣстно забыты своими друзьями,—подчеркнулъ онъ, лукаво и весело подмигивая чернымъ глазомъ.

Однако его угрозы не дѣйствовали даже на пожилыхъ соломенныхъ мужей-моряковъ.

Тогда Пепино, полный увѣренности, воскликнулъ, что русскія синьорины, конечно, разлюбятъ офицеровъ, если они не привезутъ какого-нибудь сувенира изъ Неаполя.

Мичмана только расхохотались.

Зато старшій офицеръ и старшій механикъ не смѣялись, но любопытнѣе заглядывали въ ящикъ итальянца и, казалось, при публикѣ не хотѣли покупать.

Тогда итальянецъ, видимо потерявшій терпѣніе при видѣ такой глупости русскихъ, бѣшено крикнулъ что-то, вѣроятно, не особенно лестное для моряковъ и, негодующій, выбѣжалъ изъ каютъ-компаніи на верхнюю палубу соблазнять матросовъ.

II.

Матросы добродушно и ласково потрепывали по спинѣ итальянца, говорили ему: «бонъ» и больше мимикой, чѣмъ словами объясняли, выворачивая карманы, что денегъ нѣтъ.

— Аржану-но. Понимаешь, черномазый?

Пепино добродушно смѣялся, тоже ласково трепалъ по спинамъ матросовъ, показалъ маленькую серебряную монету и старался пояснить, что довольно и этой монетки, чтобы купить какую угодно вещь. Нечего и говорить, что эти торопливыя слова подкрѣплялись необыкновенно выразительными пантомимами и жестикуляціей Пепино.

Пожилой, рыжеватый боцманъ Антоновъ подошелъ къ итальянцу и нѣсколько застѣнчиво сталъ спрашивать цѣну маленькаго кольца.

Пепино запросилъ двадцать франковъ, показавъ два раза свои грязныя пятерни.

Въ отвѣтъ боцманъ обругалъ непечатнымъ словомъ итальянца и показалъ свои два просмоленныхъ корявыхъ пальца.

Подвижное лицо итальянца выразило изумленіе.

— Только для «russo» продамъ за десять!—воскликнулъ итальянецъ.

И Пепино рѣшительно сунулъ кольцо въ карманъ штановъ боцмана.

Взвизгивая, чуть не умоляя, онъ частью словами, частью жестами старался объяснить, что у него дѣти, и что онъ еще не обѣдалъ.

— Манжаре, это значитъ черномазый насчетъ ѣды! — не

безъ апломба проговорилъ подошедшій курчавый, черноволосый фельдшеръ.

Кончилось тѣмъ, что итальянецъ отдалъ кольцо за два франка.

— Еще итальянцы, а жулики,—проговорилъ фельдшеръ.

— Нашихъ, что ли, мало!—раздраженно бросилъ боцманъ. И строго прибавилъ:—Вездѣ, братецъ ты мой, манжарить нужно. Или тебѣ это невдомекъ, фершалу? А еще тоже образованный.

И, стараясь скрыть довольную улыбку отъ покупки, боцманъ завернулъ кольцо въ конецъ шейнаго платка.

— Это вы для кого, Арсентій Ивановичъ?

— Для тебя, умника,—рѣзко оборвалъ боцманъ:—тоже тебѣ, хорьку, все пронюхать надо,—прибавилъ боцманъ.

— Я по своему разсудку самъ могу понять, для кого купили супирчикъ!—конфиденціально произнесъ фельдшеръ и прищурилъ свои плутоватые, быстрые и нѣсколько наглые глаза.

— Ты зря не виляй хвостомъ. Такъ-то лучше, Абрамка; отъ твоего любопытства чутье пропадаетъ... Еще помрешь,—усмѣхнулся боцманъ.

— Не бойтесь, Арсентій Иванычъ, я знаю, про что знаю. Слава Богу, тутъ-то у меня есть,—указалъ фельдшеръ на свой лобъ.

— И знай, пока морда цѣла!—вдругъ окрысился боцманъ.

— То-то и видно ваше необразованіе, а туда же супирчики!—не безъ снисходительнаго презрѣнія произнесъ фельдшеръ и однако благоразумно улизнулъ.

— Сволочь!—кинулъ вслѣдъ ему боцманъ.

III.

Въ эту самую минуту мелкими шажками приблизился средняго роста довольно видный, полноватый человѣкъ, свѣжій, румяный, гладко выбритый, съ пушистыми, приподнятыми кверху усами. На толстомъ мизинцѣ сверкалъ маленькій брильянтъ. Это былъ Петръ Ивановичъ Приселковъ, старшій судовой врачъ на «Ныркѣ».

— А ты что же, Антоновъ, не явился ко мнѣ показаться?

— Запамятовалъ, вашескородіе.

— Скажите, пожалуйста, отчего же это ты могъ запамятовать, а самъ же жаловался. Ступай сейчасъ въ лазаретъ, осмотрю.

И они спустились внизъ на кубрикъ, въ маленькую каютку, гдѣ былъ лазаретъ.

— На что же именно ты, братецъ, жалуешься?—мягко и искусственно-ласково спросилъ Петръ Ивановичъ, слегка вытягивая грудь и принимая серьезный видъ авгура.

— Въ нутрѣ ничего не оказываетъ, вашескобродіе.

— Да гдѣ же «оказываетъ»?

— Нигдѣ, вашескобродіе. Тоской боленъ.

— Тоской?—удивленно спросилъ докторъ: — отчего же ты тоскуешь?

— Смѣю доложить, вашескобродіе, ото всего.

— Какъ отъ всего? Напримѣръ? Разсказывай.

— Самыя, можно сказать, нудныя мысли лѣзутъ въ голову, такъ ее и сверлятъ.

— Гмъ...—глубокомысленно протянулъ Петръ Ивановичъ.— Такъ сверлятъ?

— Точно такъ, вашескобродіе. Ровно буравъ въ башкѣ.

— Ты говоришь—буравъ? И часто?

— Чаще по ночамъ, вашескобродіе.

— Д-а-а. Ложись, я тебя осмотрю.

Но, прежде чѣмъ лечь, боцманъ возбужденно и быстро сталъ говорить какую-то чепуху, среди которой вырывались и самыя здравыя рѣчи. Подавленный боцманъ быстро легъ на койку и нѣсколько испуганно взглянулъ на доктора возбужденными глазами. Казалось, больной испугался доктора главнымъ образомъ отъ того, что Приселковъ заговоритъ боцмана.

Недаромъ же Петра Ивановича матросы называли «стрекозинымъ старостой» и не безъ основанія считали, что онъ «очень о себѣ полагаетъ», такъ какъ былъ увѣренъ, что онъ самый башковатый человѣкъ на свѣтѣ.

— Ну, разсказывай, Антоновъ.

— Насчетъ чего, вашескобродіе?

— И глупый же ты, Антоновъ; по порядку разсказывай, гдѣ и какъ у тебя болитъ.

— Я уже обсказывалъ вашему скобродію, что форменно ничего не болитъ, только въ башкѣ сверлитъ.

— Когда же это началось?

— Еще въ Кронштадтѣ; все безпокойная дума донимаетъ.

— Насчетъ чего?

— А насчетъ всего; одна тоска, и никуда отъ нея не уйдешь. Даже пересталъ настояще заниматься службой. И прежняго форца нѣтъ, и форменно матрозню не привожу въ чувство, даже ругаюсь безъ всякаго старанія. А, кажется, знаютъ боцмана: въ струнке держалъ, а теперь— одна скука.

— Такъ вѣдь это, Антоновъ, хорошо, что ты пересталъ быть идоломъ, по крайней мѣрѣ пересталъ быть грозой.

— Хорошаго-то мало, вашескобродіе, котда заболѣлъ тоской. Особенно по ночамъ тяжело, и такая-то глупость лѣзетъ въ голову, что и не обсказать. И все будто и передъ людьми виноватъ и другихъ виноватишь. Будто вовсе люди бросили безъ всякаго вниманія. Обижаютъ своего же брата. Отчего это безъ обиды никакъ не проживешь?

— Да кто же тебя притѣсняетъ?—удивился докторъ.

Боцманъ чуть-было не сказалъ: «Да твоя же глупость», но вмѣсто этого съ страдальческой улыбкой проронилъ:

— Никто, вашескобродіе.

«А то заговоришь»,—рѣшительно подумалъ боцманъ и прибавилъ:

— Такъ извольте осматривать, вашескобродіе.

— А ты, братецъ ты мой, не учи меня, я и самъ знаю, на то я и докторъ, а ты матросъ.

— Слушаю, вашескобродіе,—промолвилъ боцманъ, и въ его глазахъ промелькнула лукавая усмѣшка.

Петръ Ивановичъ замѣтилъ это и озлился.

— Ноги подыми.

И съ этими словами Петръ Ивановичъ присѣлъ на койку, выслушалъ сердце и грудь, потрогалъ животъ и, поднявшись, сказалъ:

— У тебя все въ порядкѣ. Скоро поправишься. Тебѣ надо отдохнуть, и всякая тоска пройдетъ.

— И чудныя мысли пройдутъ, вашескобродіе?—возбужденно спросилъ больной.

— Разумѣется. Главное—будь спокоенъ и ни о чемъ не думай.

— Ужъ пропишите лѣкарство насчетъ того, чтобы ни о чемъ не думать, вашескобродіе.

— Пропишу. А пока я отправлю тебя на берегъ, въ Неаполь. Тамъ тепло и солнце. Въ итальянскомъ госпиталѣ тебѣ будетъ хорошо, покойно; людей, которые тебя такъ раздражаютъ на клиперѣ, не будетъ. Ты отлежишься тамъ мѣсяца два и выйдешь такимъ же отличнымъ, старательнымъ боцманомъ, какъ и былъ.

— Слушаю, вашескобродіе. Только не лучше ли будетъ поправка, ежели прикажете меня отправить въ Кронштадтъ; по крайности свои люди присмотрятъ.

— Вишь ты какой, больной, а воображаешь, что можешь учить. Говорю, ни о чемъ не думай.

Боцманъ внезапно раздражился и, видимо сдерживаясь, почти крикнулъ:

— И умные же вы, господа, наскрозь понимаете, а вотъ

былъ Вячеславъ Оксентичъ, нашъ старшій врачъ, царство ему небесное, такъ онъ всякаго больного понималъ, а главная причина—добёръ былъ да и ума былъ большого, а не гордился.

Петръ Ивановичъ сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ этихъ словъ, и, обращаясь къ вошедшему фельдшеру, приказалъ:

— Дать ему порошки, которые прописалъ, да смотрите, чтобы боцманъ больше лежалъ на койкѣ, и вечеромъ доложите мнѣ.

Съ этими словами Петръ Ивановичъ пошелъ къ капитану и доложилъ ему, что боцманъ прихворнулъ и его надо отправить отдохнуть на берегъ.

IV.

— Да чѣмъ онъ боленъ?—спросилъ капитанъ. — Кажется, здоровый человѣкъ.

— У него маленькое переутомленіе, Александръ Александровичъ, «neurastenia cerebralis».

— Какое еще переутомленіе у матроса?

— Въ короткихъ словахъ это значитъ, что нервы, функціонирующіе на органы рѣчи...

И Петръ Ивановичъ съ необыкновеннымъ апломбомъ сталъ было продолжать длинную лекцію, но капитанъ сказалъ, что ему нужно сію минуту ѣхать на берегъ.

— Да я все равно нехорошо пойму то, что вы, докторъ, мнѣ разскажете. А по-моему, разнести бы боцмана. онъ бы и поправился, а то нынче все нервы, даже и у матросовъ.

— Такія времена, Александръ Александровичъ. Наука говоритъ, что такихъ людей нужно лѣчить. По моему мнѣнію, боцманъ на берегу скоро поправится. Главное—спокойствіе. Онъ просится въ Кронштадтъ, но едва ли Италія не будетъ для него полезнѣе. Во всякомъ случаѣ поживетъ мѣсяцъ-другой въ госпиталѣ въ Неаполѣ.

Капитанъ зналъ, что Петръ Ивановичъ былъ довольно ограниченный человѣкъ, влюбленный въ себя. И, что всего ужаснѣе, считалъ себя необыкновенно умнымъ и знающимъ и нерѣдко раздражалъ своими словами даже не нервныхъ людей.

— А не лучше ли отправить его въ Кронштадтъ, докторъ?

— Какъ угодно, Александръ Александровичъ.

— Да я спрашиваю, не какъ мнѣ угодно, а какъ лучше, раздраженно воскликнулъ капитанъ.

— Я уже доложилъ вамъ свое мнѣніе, кажется. Какъ докторъ, занимавшійся много лѣтъ, знаю, что лучше и что хуже.

Вотъ почему я и говорю вамъ, что боцмана надо отправить на берегъ.

— Ну что же, отправляйте. Не пропадетъ ли онъ тамъ?

— Я буду навѣщать его, Александръ Александровичъ, пока мы будемъ здѣсь стоять, да и можно будетъ пускать къ нему кого-нибудь изъ пріятелей. Только у него ихъ, кажется, немного на клиперѣ. Безпокойный и не особенно пріятный человѣкъ.

Когда докторъ вошелъ въ каютъ-компанію и сказалъ старшему офицеру о болѣзни боцмана, Иванъ Ивановичъ, приземистый брюнетъ лѣтъ сорока съ сердитымъ, некрасивымъ, раздраженнымъ лицомъ педанта старшаго офицера, повидимому, особенно близко принявшій къ сердцу положеніе боцмана, возбужденно воскликнулъ:

— Да за что же вы присудили, докторъ?

— Какъ присудилъ?

— Да хуже чѣмъ къ одиночному заключенію. Развѣ человѣка не понимаете? Вѣдь онъ съ тоски и въ самомъ дѣлѣ свихнется. Одинъ, одинъ, да еще среди чужихъ людей! И это вы называете спокойствіемъ! Помилосердствуйте, докторъ! Пусть боцманъ пока останется въ лазаретѣ на клиперѣ, а если не поправится, отправимъ его въ Кронштадтъ.

Докторъ слушалъ старшаго офицера съ снисходительной усмѣшкой.

— Удивительное дѣло, вѣдь я не смѣю говорить о морскомъ дѣлѣ, котораго не понимаю. Я не говорю ни объ астрономіи, ни о механикѣ, ни о теоріи урагановъ. А нѣтъ человѣка, который бы не говорилъ о медицинѣ, особенно бабы, не считалъ бы себя въ правѣ критиковать лѣченіе врачей и не ругалъ бы ихъ. Я, слава Богу, учился и много работалъ, и, кажется, знаю, что дѣлаю.

И, словно бы желая еще больше сорвать сердце на возмущающее его нахальство публики, еще безапелляціоннѣе и докторальнѣе произнесъ то, что едва ли бы сказалъ, не встрѣтивши противорѣчія со стороны профана.

— Вы, Иванъ Ивановичъ, думайте съ капитаномъ какъ вамъ угодно, а я считаю долгомъ сказать, что не отвѣчаю за выздоровленіе больного, если онъ не будетъ немедленно же отправленъ на берегъ.

— Будто бы?—раздался съ конца стола насмѣшливый голосъ мичмана Коврайскаго.

— А вы врачъ, что ли?

— Считаю себя только не влюбленнымъ въ себя авгуромъ и только мичманомъ.

— И надо объ этомъ помнить.

— И помню.

— Какъ видно, забываете. Впрочемъ, это общее правило: каждый безусый мичманъ думаетъ, что онъ все знаетъ. Это— въ порядкѣ вещей.

— Какъ и въ порядкѣ, что жрецъ считаетъ себя непогрѣшимымъ.

Уже споръ готовъ былъ разгорѣться, какъ старшій офицеръ приказалъ Коврайскому немедленно приготовить баркасъ и отправляться на немъ съ больнымъ на берегъ.

— Да какъ же, Иванъ Иванычъ. Докторъ, смилуйтесь!.. Тоже у меня былъ дядя съ переутомленіемъ, и тоже его отправляли изъ Петербурга для отдыха въ Италію. Нарвался на врача, который былъ глушъ какъ сапогъ. Хорошо, что дядя пробылъ въ Италіи только три мѣсяца. Тамъ совсѣмъ пропадалъ безъ шельмы-тетеньки и безъ обычной обстановки и догадался удрать.

Старшій офицеръ безпокойно заерзалъ плечами.

— Надо умѣть исполнять приказанія, чтобы заставить слушаться. Пожалуйста, отправляйтесь съ больнымъ, — строго прибавилъ Иванъ Ивановичъ.

Такимъ образомъ, благодаря самолюбіямъ доктора и старшаго офицера, боцманъ черезъ два часа былъ въ неаполитанскомъ госпиталѣ.

V.

Когда боцмана привезли въ госпиталь, онъ какъ-то страдальчески взглянулъ на мичмана и сказалъ:

— Спасибо, ваше благородіе. Хотятъ меня доконать. Нечего сказать—умники!

А мичманъ, словно бы виноватый, сказалъ боцману:

— Да вѣдь я, голубчикъ, не виноватъ.

— Никто не виноватъ, ваше благородіе. Оказывается, виноватый одинъ я, и по своей же глупости.

— По какой глупости?

— Да тоже полагалъ, что есть такіе, какъ Вячеславъ Оксентичъ, а главная причина—очень ужъ полагаютъ о себѣ глупые люди; оттого имъ и самый полный ходъ. Навѣстите когда, ваше благородіе.

Съ этими словами боцманъ вошелъ въ небольшую, очень чистую комнату.

Изъ открытаго окна врывались снопы яркаго солнца.

Къ больному подошла высокая, бѣлокурая нѣмка и нѣжнымъ, слегка аффектированнымъ голосомъ проговорила по-французски, указывая на кровать:

— Вотъ ваше мѣсто. Сейчасъ же ложитесь. Докторъ сію минуту придетъ осмотрѣть васъ. Вы здѣсь скоро поправитесь.

— Что она лопочетъ, ваше благородіе, эта долговязая?

— Она успокаиваетъ тебя, говоритъ, что здѣсь поправишься Видишь, какъ здѣсь чисто.

— Въ тюрьмѣ еще чище, ваше благородіе.

Боцманъ, едва сдерживая себя, проговорилъ:

— Я ихъ, подлецовъ, больше просить не буду. И безъ нихъ улепетну... Крышки не же-ла-ю...— и внезапно заплакалъ.

Мичманъ сталъ-было успокаивать больного, но онъ внезапно раздражился и сказалъ:

— Бросьте, ваше благородіе, прежде ума припасите.

VI.

Особенно тяжела была для больного ночь.

Сонъ не приходилъ, и больной въ полутьмѣ электричества возбужденно оглядывалъ комнату.

Изъ окна доносился гулъ бушующаго моря.

Боцману казалось, что онъ одинъ и никуда отсюда не выйдетъ, и его забыли, и въ головѣ его пробѣгали мысли о прошлой жизни.

Былъ онъ матросомъ форменнымъ, но все-таки не было ему никакой задачи. Вмѣсто службы была одна тоска. То попадался мордобой-капитанъ, то ревизоръ неправильно кормилъ матросовъ, то съ углемъ выходили зазорныя дѣла, то старшій офицеръ зудилъ зря.

Антоновъ не разъ толковалъ объ этомъ на бакѣ и раза два подавалъ претензіи адмираламъ. За все это боцмана считали безпокойнымъ человѣкомъ и наказывали.

Онъ понималъ, что все-таки держали его боцманомъ только потому, что онъ былъ усердный и хорошій боцманъ, и придраться къ нему было нельзя.

Особенно тосковалъ больной въ эту ночь по Кронштадту. Тамъ, — думалъ онъ: —было бы такъ хорошо ему, уютно въ своей комнатѣ, которую нанималъ у сестры.

Тамъ жила и Степанида Андреевна, прачка. Онѣ вмѣстѣ съ сестрой держали прачечное заведеніе, а боцманъ помогалъ имъ: разносилъ бѣлье по давальцамъ и писалъ счета.

И сестра и Степанида вспоминались ему, какъ необыкновенно добрыя и привѣтныя женщины. Онъ, напротивъ, считалъ себя грубымъ и вздорнымъ и вспоминалъ, какъ, возвращаясь нерѣдко не въ своемъ видѣ, обижалъ и сестру и Степаниду.

И больному всѣ эти несправедливости представлялись несравненно сильнѣе, и себя онъ считалъ безмѣрно виноватымъ. «Самъ же я и есть скотъ настоящій»,—думалъ онъ и просилъ Бога, чтобы Онъ избавилъ его отъ тоски.

— Хоть бы докторъ далъ лѣкарство отъ нея!—громко говорилъ онъ и въ то же время сознавалъ, что никакой докторъ отъ тоски его не избавитъ.

VII.

Въ маленькой комнаткѣ становилось темнѣй.

Въ головѣ больного точно сидѣлъ гвоздь, и онъ вскрикивалъ:

— Уберите меня, уберите!

Предметы въ комнатѣ представлялись больному какими-то странными, и онъ испытывалъ ужасъ одиночества.

Казалось ему, что и сестра, и Степанида, и закадычный его пріятель Ипатка, старый баковой матросъ съ «Ныркa», позабыли о немъ.

Онъ забытъ всѣми, и одинъ, одинъ, постоянно одинъ.

А давно ли они вмѣстѣ съ этимъ Ипаткой балакали и по праздникамъ послѣ чаю распивали не одинъ полуштофъ?

Въ такія минуты друзья его казались больному большими обидчиками; онъ раздражался и называлъ обидчиковъ свиньями.

— А еще называли своимъ добрымъ пріятелемъ! Кто ихъ тянулъ за языки?

Но проходило мгновеніе, больной одумывался и снова раздумчиво и внимательно вглядывался въ полутьму.

Тоска охватывала его все сильнѣй и сильнѣй.

«Черти вы и есть»,—уже совершенно здраво подумалъ боцманъ, вспоминая и доктора, и капитана, и многихъ офицеровъ, и сестру, и Степаниду.

— Вотъ поправлюсь, явлюсь на «Нырокъ», отслужу на клиперѣ свой срокъ—и въ отставку.

И ему представлялось, что въ отставкѣ, на берегу, жизнь будетъ совсѣмъ другая, чѣмъ на суднѣ. И онъ будетъ при дѣлѣ, и люди будутъ лучше.

И не надо обижать, а главное—не врать.

— Небось, сестра всегда оказывала своему брату приверженность. Ты, молъ, одинъ мой вѣрный сродственникъ... И Степанида называла добрымъ человѣкомъ. А какъ этотъ самый вѣрный сродственникъ и добрый человѣкъ—одинъ какъ перстъ и безъ всякаго призору, такъ хоть бы вѣсточку прислали. Форменныя бабы и оказались. Небось, сестра давится деньгами отъ давальцевъ.

А точно гвоздь такъ и сверлилъ его голову.

Наконецъ больной заснулъ. Но сонъ его былъ прерывистый и необыкновенно чуткій.

VIII.

— Братцы, спасите!—раздался изъ сосѣдней комнаты тихій голосъ.

Боцманъ присѣлъ на койкѣ и сталъ прислушиваться.

— Братцы, помогите!—громче сказалъ кто-то.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались мягкіе шаги, послышался тихій женскій голосъ, и крики стихли.

— Вѣрно, милосердная... только какъ нашъ русскій понимаетъ ее?

И боцманъ, обрадованный, что рядомъ съ нимъ русскій, направился къ двери; но въ эту минуту вошла бѣлокурая нѣмка и своимъ слегка гнусавымъ, искусственно-ласковымъ голосомъ проговорила, указавъ на койку:

— Спите, спите, вамъ лучше будетъ.

Но голосъ сестры, вмѣсто того, чтобы успокоить больного, только раздражилъ его.

И онъ насмѣшливо промолвилъ довольно громко:

— Чего ты зудишь, бѣлобрысая? Лучше помалкивай. Дрыхни сама.

Сестра Анна еще настойчивѣе повторила:

— Dormez, dormez!

— Форменная ты дура и есть. Дрыхни сама.

Нѣмка погладила боцмана по головѣ.

Онъ рѣзко отдернулъ голову и сказалъ:

— Проваливай, проваливай. Я и безъ тебя дорми; только бы Богъ далъ сна.

Сестра стала успокаивать по-французски боцмана.

Но онъ сердито махнулъ рукой и отвернулся отъ нея.

— Братцы, голубчики!—снова послышался голосъ изъ сосѣдней комнаты.

И сестра исчезла.

«Тоже поправку выдумали; доктора законопатили. Надо провѣдать сосѣда. Вѣрно, утромъ пустятъ, а не пустятъ, я безъ спроса пойду. По крайности будемъ не одни здѣсь русскіе».

Наступила тишина. Сосѣдъ смолкъ.

Скоро заснулъ и боцманъ, но не надолго.

Пришла нѣмка и, увидавши, что онъ лежитъ въ платьѣ, разбудила боцмана и показала ему, что надо раздѣться и лечь.

— Опять зазудила. Тоже въ родѣ нашего доктора.

Однако боцманъ, пріученный долгой флотской службой къ дисциплинѣ, тотчасъ же раздѣлся и легъ въ постель.

Сестра затушила электричество, и въ комнатѣ воцарилась темнота.

А боцманъ чувствовалъ себя еще безпомощнѣе, и ему казалось, что теперь онъ окончательно всѣми забытъ.

Сонъ не приходилъ. И въ головѣ боцмана пробѣгали мысли о томъ, какъ хорошо быть въ Кронштадтѣ и побалакать съ умной Степанидой насчетъ того, какъ правильно жить на свѣтѣ, и почему въ мірѣ такъ много зла.

Изъ окна сильнѣе доносился гулъ моря.

— Небось, въ морѣ погода. Видно, «зарифимшись» «Нырокъ».

И прежній лихой боцманъ представлялъ себѣ, что, вѣрно, на «Ныркѣ» взяты рифы, и онъ дуетъ подъ тремя рифами, и подвахтенные уже спятъ въ койкахъ.

И боцманъ, уже во снѣ, разсыпалъ артистическую ругань, вызывая подвахтенныхъ наверхъ брать четвертый рифъ.

На другое утро, когда слабый свѣтъ проникъ въ комнату, боцманъ проснулся и, увидавъ себя въ непривычной обстановкѣ, сообразилъ, гдѣ онъ, и воскликнулъ:

— Крышка!

«Сегодня же надо утекать отсюда»,—подумалъ онъ и, открывъ окно, жадно вдыхалъ свѣжій, острый воздухъ ранняго утра.

Солнце только-что поднялось изъ-за Везувія, и верхушки горъ были въ золотистой дымкѣ.

Напротивъ слегка вырисовывался въ туманѣ островъ Капри. Раздавался тихій перезвонъ въ церквахъ.

Въ госпиталѣ было еще тихо.

— Ишь вѣдь, дьяволы, дрыхнутъ. Поди, нескоро дадутъ горяченькаго.

И боцманъ, словно звѣрь въ клѣткѣ, шагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ, и въ головѣ его пробѣгали мысли о томъ, какъ онъ уйдетъ изъ госпиталя и явится на «Нырокъ».

Тамъ же, можетъ-быть, онъ узнаетъ отъ ребятъ насчетъ того, какъ живутъ въ Кронштадтѣ сестра его Иренья и Степанида, какъ справляются онѣ безъ него съ бѣльемъ.

«Не вышла ли Степанида замужъ?»—подумалъ боцманъ, и жгучее озлобленіе почему-то охватило его.

— Безтолково бабье вѣдомство... Обязательно перепутаютъ. Еще Степанида побашковатѣе, а сестра—вовсе дура. Воображаетъ, что умна, все сама можетъ. А главная причина—очень льстится на мужчиновъ,—съ раздраженіемъ проговорилъ боцманъ.

— Это ты про что, землякъ?

Съ этими словами къ нему вошелъ пожилой, чернявый, коротко остриженный русскій матросъ.

— Ты съ какого судна?

— Боцманъ съ «Нырка». А ты?

— Рулевой съ конверта «Грозящій».

— Какъ тебя звать?

— Иванъ Поярковъ.

— Садись,—сказалъ боцманъ.

И земляки пожали другъ другу руки.

— Ты чѣмъ же боленъ?—спросилъ боцманъ.

Лицо матроса было худое и землистое. Всѣ черты были заострены.

Въ глазахъ горѣлъ лихорадочный блескъ. Голосъ его былъ глухой.

— Грудью. Знобитъ все. Да здѣсь въ теплѣ полегчаетъ. Дохтуръ обѣщаетъ, что выправитъ,—увѣренно и радостно проговорилъ матросъ.

— Конечно, выправишься. Я служилъ на конвертѣ съ однимъ форъ-марсовымъ; такъ онъ тоже былъ боленъ грудью и страсть какъ поправился, когда конвертъ вошелъ въ теплыя мѣста. Теперь словно быкъ.

Матросъ жадно слушалъ боцмана и видимо обрадовался.

— А какъ тебя звать?

— Арсентій-Иванычемъ зовутъ ребята.

— А ты по какой причинѣ въ госпиталѣ?

— Зря. По чужой глупости. Ничего не болитъ, только тоска, а меня сюда законопатили. Скорѣй бы поправка мнѣ вышла въ Кронштадтѣ, а вотъ дохтуръ не пущаетъ.

И боцманъ, обрадованный, что можетъ поговорить съ земляком, да еще съ матросомъ, какъ съ нимъ «довольно глупо» поступили, и при этомъ далъ не особенно лестныя характеристики о докторѣ, капитанѣ и многихъ офицерахъ.

— А у васъ на конвертѣ какъ?

Матросъ сказалъ, что пожаловаться на начальство грѣшно. Капитанъ доберъ. Вовсе не наказываетъ линьками. И старшій офицеръ не очень допекаетъ, только любитъ чистить по мордѣ. Да только рука у него не тяжелая, и бьетъ безъ пылу.

— А какъ же онъ смѣетъ, ежели такого положенія нѣтъ? И сами вы дураки и есть,—вдругъ прибавилъ боцманъ.

Матросъ удивленно взглянулъ на боцмана.

— Нешто и ты Арсентій Иванычъ, не учишь нашего брата?

— То-то и я былъ мордобоемъ; да, спасибо, нашелся чело-

вѣкъ. И вѣдь поди, съ виду совсѣмъ плюгавый былъ,—шканечный, а вовсе осрамилъ, какъ изъ-за меня попалъ въ лазаретъ. Совсѣмъ не могъ вынести бою. А онъ же меня и спасъ, когда я упалъ за бортъ. Этимъ самымъ меня онъ и оконфузилъ.

— Ишь ты!—промолвилъ, вздохнувъ, матросъ.

Земляки долго разговаривали.

Рулевой часто задыхался и, полный надежды, разсказывалъ, какъ онъ поправится и вернется въ Кронштадтъ. Тамъ его ждетъ супруга. Еще недавно прислала вѣсточку. Ждетъ не дождется. Безъ тебя, молъ, болѣзнаго мѣста не найтить.

— Можешь ли, Арсентій Иванычъ, понять, какая у меня молодчага матроска? Не то что какія облыжныя: на словахъ одно, а чуть ушелъ изъ Кронштадта—и сейчасъ, шельма, льстится на другого. А моя, братецъ ты мой, форменно приверженная.

И лицо матроса дышало восторженностью, и въ глазахъ его стояли умиленныя слезы.

А боцманъ слушалъ, и почему-то этотъ восторженный матросъ возбуждалъ въ немъ и обиду и зависть.

«Сердцемъ добёръ, такъ и вѣритъ другому сердцу. Брешетъ, вѣрно, его матроска»,—подумалъ боцманъ.

Но ему не хотѣлось нарушить вѣры матроса, и онъ, не рѣшаясь передъ серьезно больнымъ высказать свои взгляды на силу бабьей привязанности, осторожно спросилъ:

— Небось, зоветъ тебя въ Кронштадтъ?

— Звала, даже очень звала. Пріѣзжай, молъ, я за тобой какъ нянька буду смотрѣть. Да потомъ спохватилась. Тебѣ, молъ, тепло нужно. Вотъ если бы перевестись въ черноморскій флотъ, такъ она бы обязательно пріѣхала въ Севастополь.

«Ладно, пріѣдетъ къ тебѣ»,—подумалъ боцманъ и спросилъ:

— Насчетъ этого отписывалъ ей?

— Отписывалъ.

— Что же она?—возбужденно и жадно спросилъ боцманъ.

— Рада, очень рада, да сомнѣвается, какъ бы ужъ вышелъ переводъ. Ну и опасается бросить Кронштадтъ. А вѣдь она тамъ торговкой на рынкѣ.

Въ эту минуту боцманъ вспомнилъ, что и его звали въ Кронштадтъ, и точно такъ, какъ и Пояркову, совѣтовали скоро не возвращаться.

«Брешетъ»,—озлобленно подумалъ боцманъ и съ особеннымъ участіемъ сталъ подбадривать рулевого. Онъ говорилъ, что больной скоро пойдетъ на поправку, его переведутъ въ Севастополь, и жена тотчасъ же пріѣдетъ къ нему.

— Всего вѣдь восемь рублей переѣхать. Небось, найдетъ.

Больной любовно смотрѣлъ на боцмана и предложилъ ему, коли нужно, написать вѣсточку въ Кронштадтъ.

— Некому,—рѣзко отвѣтилъ боцманъ.

— Развѣ, Арсентій Иванычъ, ты одинокій?

— Одинокій.

— Трудно, должно-быть, одинокому, Арсентій Иванычъ. То-то ты и не подаешь претензіи на доктора. А то должны отправить. Нынче вѣдь права.

— Тамъ видно будетъ. И давно ты женатый?

— Шесть лѣтъ, Арсентій Иванычъ.

— Давно. По нынѣшнимъ временамъ и вовсе много. А ты ишь какой благополучный.

И въ голосѣ боцмана звучала завистливая нотка.

— Пофартило, Арсентій Иванычъ. Да и чего, ежели по правдѣ говорить, меня обманывать? Не привержена, такъ прямо и скажи. Больно, да зато сразу. По крайней мѣрѣ совѣсть есть.

— Тутъ, братецъ ты мой, совѣсть совѣстью, а есть и другая загвоздка. Есть и такая баба, которая по совѣсти виляетъ хвостомъ, и привержена, молъ, а затѣмъ: простите, молъ, ошиблась, очень, молъ, душѣ больно. И духу въ ей не хватитъ, что такъ, молъ, и такъ—кумъ есть. А понять не можетъ, какъ обидно, что она заметаетъ хвосты. Да еще и тебя обвиноватитъ; ты, молъ, зря обнадеженъ, не понимаешь, молъ, какая я распронесчастная баба. И взаправду бѣда ей.

IX.

Прошло три дня.

Боцману стало лучше. По ночамъ онъ тосковалъ попрежнему, но галлюцинацій не было. Докторъ «Нырка» разъ посѣтилъ боцмана и сказалъ ему, что онъ глядитъ совсѣмъ молодцомъ. Скоро будетъ здоровъ вполнѣ.

«Такъ и ври, зуда. Отъ себя не убѣжишь».

И, обратившись къ доктору, сказалъ:

— Дозвольте явиться на «Нырокъ».

— Какъ, что, почему?—засуетился докторъ.—Вѣдь я тебѣ говорилъ, что здѣсь лучше. Развѣ здѣсь нехорошо?

— Дозвольте явиться на «Нырокъ»,—снова и уже настойчиво проговорилъ боцманъ.

— Нельзя, хуже будетъ.

— Дозвольте, вашескобродіе.

— Никакъ не могу.

— Я тоже, вашескобродіе, не могу. По моему малому раз-

судку безъ вашего дозволенія уйду. Явлюсь къ старшему офицеру и отлепортую.

Докторъ внимательно взглянулъ въ глаза боцмана, и, казалось, въ глазахъ больного не было ничего такого, что̀ могло бы грозить больному еще сильнѣйшимъ разстройствомъ нервовъ. И докторъ наконецъ сказалъ:

— Ну и чортъ съ тобой. Но помни, если кому-нибудь сдерзничаешь, съ тебя строго взыщутъ. Это—не берегъ.

— Очень хорошо понимаю, вашескобродіе.

— И въ Кронштадтъ тебя не отправятъ. Буду лѣчить тебя на клиперѣ.

Часа черезъ два за больнымъ пріѣхалъ мичманъ Коврайскій.

Боцманъ обрадовался.

А Коврайскій тоже радостно сказалъ:

— А я, Антоновъ, уже говорилъ и старшему офицеру и капита̀ну насчетъ отправки тебя въ Кронштадтъ. «Грозящій» уходитъ черезъ два дня въ Россію.

Но, къ удивленію мичмана, боцманъ не только не обрадовался, но сталъ угрюмѣе и мрачнѣе.

— Много вамъ благодаренъ, ваше благородіе, но только, можетъ, я въ Кронштадтъ и не желаю.

— Не желаешь? — изумился мичманъ, уже кос-что прослышавшій отъ фельдшера, почему именно такъ тянетъ боцмана въ Кронштадтъ.—Да вѣдь ты просился?

— А теперь не желаю, ваше благородіе.

— Ну, какъ знаешь. Только смотри, голубчикъ, не надрывайся на клиперѣ; все-таки отдохни, въ лазаретѣ отлежись.

— Нѣтъ ужъ, ваше благородіе, лучше при дѣлѣ буду, а то докторъ заговоритъ, ваше благородіе.

— Ну, какъ знаешь, а если хочешь, тебя флагманскій докторъ посмотритъ. На-дняхъ адмиралъ будетъ въ Неаполѣ.

— Что̀ смотрѣть, никакой докторъ не поможетъ отъ тоски,— проговорилъ боцманъ, и голосъ его звучалъ такой тоской, что мичманъ не смѣлъ больше ни о чемъ его разспрашивать.

X.

Матросы боцмана встрѣтили привѣтливо.

Старшій офицеръ приказалъ ему все-таки отдохнуть и лечь въ лазаретъ. Но боцманъ рѣшительно просилъ править свою должность.

— А то, вашескобродіе, безъ дѣла опять заболѣешь.

— А что̀, докторъ позволилъ?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе, обсказалъ: ложись въ лазаретъ.

— Такъ какъ же я отмѣню распоряженіе доктора?

— Дозвольте, вашескобродіе.

— Ну, подожди. Я прежде переговорю съ докторомъ, а въ госпиталѣ тебѣ, конечно, было скверно.

— Еще бы, вашескобродіе.

— Я постараюсь отправить тебя на родину.

— Нѣтъ, вашескобродіе. Пока-что до отправки останусь.

— Не тянетъ?

— Вездѣ одна тоска, вашескобродіе.

Старшій офицеръ участливо взглянулъ на боцмана и спросилъ:

— Ты вѣдь, кажется, не женатъ?

— Точно такъ, вашескобродіе.

— Оно и лучше, братецъ ты мой.

И какъ-то грустно прибавилъ:

— Тоже не всегда и женатому хорошо.

— Точно такъ, вашескобродіе. Видѣлъ въ Кронштадтѣ, какъ живутъ семейные люди. Одна пакость. Обманываютъ другъ друга въ самомъ лучшемъ видѣ. По-собачьи живутъ.

— А ты думаешь, почему?

— Облыжности много, вашескобродіе. Больше по своей мужчинской подлости и почитаютъ бабу. Оттого между ими ничего кромѣ этой самой подлости и нѣтъ.

И боцманъ, словно бы рѣшая какой-то занимающій его больной вопросъ, спросилъ:

— Осмѣлюсь спросить, вашескобродіе, вѣрно, у господъ семейные люди живутъ не по-собачьи?

— Ишь ты какой любопытный. А ты какъ думаешь?

— Полагаю, что всякіе и между господъ, вашескобродіе.

— Правильно. Часто люди зря женятся...—задумчиво промолвилъ старшій офицеръ, семейная жизнь котораго была далеко не изъ сладкихъ.

— И нѣтъ другъ о другѣ настоящаго понятія. А главное—ни за что другъ друга обижаютъ!.. Такъ дозвольте не идти въ лазаретъ?

— Ну ладно. Знаешь, что я тебѣ скажу, Антоновъ, лучше и ты не сдѣлай глупости, — полушутя, полусерьезно сказалъ старшій офицеръ.

— Какой, вашескобродіе?

— Не женись. Очень ужъ у тебя обидчивый и подозрительный характеръ.

Боцманъ вспыхнулъ.

— Какая дура польстится на стараго человѣка, вашескобродіе?

— Зато старые сами льстятся.

— Дураки и есть, вашескобродіе. Зато ихъ и обчекрыживаютъ. И по-дѣломъ, а главная причина—понимай, кто ты такой есть, и ушей не развѣшивай.

Старшій офицеръ, который самъ очень развѣшивалъ уши, когда его молодая, пригожая жена, провожая въ дальнее плаваніе, особенно горячо увѣряла въ своей любви и вскорѣ по уходѣ мужа написала ему письмо, въ которомъ въ довольно туманныхъ выраженіяхъ намекала, что она, къ сожалѣнію, не такъ сильно любитъ его, и увѣряла въ своей безграничной дружбѣ,—старшій офицеръ, словно бы понимавшій, что и боцманъ находится въ томъ же положеніи, какъ и онъ, проговорилъ, напуская на себя рѣшительный видъ:

— Вотъ и молодчага, такъ съ бабами и надо дѣйствовать. Если она тебя «обчекрыжила», ты и наплюй.

«Ты-то плюнулъ... Вовсе въ родѣ какъ бы подвахтенный у своей женки; она ему пишетъ-пишетъ, а онъ вѣритъ и ей отписываетъ письма; изъ каждаго порта депешу да депешу, и супруга депешу, и оба не по-настоящему. И отчего это люди такъ врутъ?»—подумалъ боцманъ и доложилъ старшему офицеру, принимая официальный видъ:

— Прикажете, вашескобродіе, ванты тянуть? Дали ослабку.

— Да ужъ ты пока оставь, я прикажу Иванову. Ну, ступай; чуть станетъ тебѣ хуже, скажи мнѣ.

— Есть, вашескобродіе.

И боцманъ вышелъ изъ каюты старшаго офицера.

А Иванъ Ивановичъ присѣлъ у письменнаго стола, любовно взглянулъ на большую фотографію, висѣвшую надъ койкой, потомъ прочиталъ нѣсколько писемъ жены и произнесъ:

— Вотъ почему теперь о дружбѣ. Вѣрно, новое увлеченіе. Въ этомъ вся и разгадка.

И Иванъ Ивановичъ задумался.

XI.

Должно-быть, боцманъ сильно понадѣялся на свои силы, распоряжаясь работами, потому что къ вечеру почувствовалъ себя усталымъ, и главное—въ умѣ его мысли какъ будто путались и зрѣніе мутилось.

Пріѣхавшій съ адмираломъ флагманскій врачъ вмѣстѣ съ Приселковымъ осмотрѣлъ боцмана.

Къ вечеру къ боцману зашелъ старшій офицеръ и сказалъ:

— Ну, братецъ ты мой, они рѣшили, что тебѣ на клиперѣ

оставаться нельзя. Лучше тебѣ снова на берегъ, въ госпиталь.

Боцманъ опѣшилъ. Нѣсколько секундъ онъ молчалъ и только подозрительно-пристально смотрѣлъ на старшаго офицера.

И, внезапно охваченный бѣшенствомъ, онъ, стараясь сдержаться, воскликнулъ:

— Это по какимъ же правамъ, вашескобродіе? Бабьи штуки, что ли? Такъ я на это не согласенъ, вашескобродіе! Вы съ ими заодно? Думаете, я—нижній чинъ, такъ можете тиранствовать человѣка. Я права найду!—И почти бѣшено крикнулъ:—Вонъ!

И прибавилъ непечатное слово.

На кубрикѣ и на палубѣ ахнули.

Въ ту же минуту сверху прибѣжалъ унтеръ-офицеръ и сказалъ старшему офицеру:

— Адмиралъ требуетъ.

А на мостикѣ низенькій, худощавый и строгій адмиралъ раздраженно и рѣзко говорилъ капитану:

— Это у васъ что за безобразіе? Вотъ до чего распущена команда! Такая неслыханная дерзость. Немедленно его въ карцеръ и отдать подъ судъ. Вы на что тутъ старшій офицеръ?—крикнулъ адмиралъ подошедшему Ивану Ивановичу.

— Онъ—сумасшедшій, ваше превосходительство,—почтительно отвѣтилъ старшій офицеръ.

И въ ту же минуту вспомнилъ письмо жены и подумалъ, что онъ самъ, какъ и боцманъ, можетъ сойти съ ума.

— Пусть доктора осмотрятъ. Если онъ сумасшедшій, то почему вы его держали на клиперѣ?—обратился адмиралъ къ подошедшему доктору.

— Онъ—не сумасшедшій.

— Такъ, значитъ, бунтъ?

Старшій офицеръ взглянулъ на доктора, и презрѣніе стояло въ глазахъ моряка. «Ученая скотина»,—подумалъ онъ и доложилъ адмиралу:

— Разрѣшите, ваше превосходительство, до новаго осмотра докторовъ не садить боцмана въ карцеръ. Я его хорошо знаю. Онъ не позволилъ бы себѣ такой выходки, если бы былъ здоровъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! На военномъ суднѣ—и такое вопіющее нарушеніе дисциплины.

И, послѣ секунды раздумья, адмиралъ прибавилъ:

— Конечно, я былъ бы очень радъ, если бы вы, докторъ, ошиблись, и боцманъ оказался бы сумасшедшимъ. Пусть его сейчасъ осмотрятъ.—И съ этими словами адмиралъ спустился.

— Вѣдь иначе бѣднягѣ пришлось бы подвергнуться жесто-

кому наказанію. По закону—смертная казнь,—проговорилъ капитанъ.

Мичманъ Коврайскій восторженно взглянулъ на уходящаго адмирала и, взволнованный, умоляюще прошепталъ доктору:

— Что вы хотите дѣлать? Вѣдь адмиралъ вамъ подсказываетъ: найдите больного сумасшедшимъ.

— Это ужъ не мое дѣло. Я высказалъ мое мнѣніе, какъ велитъ мнѣ наука.

— А совѣсти у васъ нѣтъ?—чуть слышно, возбужденно прибавилъ мичманъ и бросился къ старшему офицеру.

— Иванъ Ивановичъ, спасите человѣка.

Старшій офицеръ ласково взглянулъ на мичмана и строго сказалъ ему:

— Скажите боцману, что его сейчасъ осмотрятъ.—И тихо прибавилъ:—Успокойте бѣднягу, онъ вѣдь къ вамъ, кажется, расположенъ.

XII.

Черезъ часъ въ лазаретѣ собрался консиліумъ. При освидѣтельствованіи боцмана были адмиралъ, капитанъ, старшій офицеръ и мичманъ Коврайскій.

На всѣ вопросы флагманскаго врача о здоровьѣ боцмана, тотъ отвѣчалъ вполнѣ здраво, только нѣсколько возбужденно.

— Я уже докладывалъ вамъ, Александръ Александровичъ,— не безъ апломба проговорилъ Приселковъ, обращаясь къ капитану.

Всѣ молчали.

Только адмиралъ недовольно пожалъ плечами и сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ пока не сажайте его въ карцеръ.

И, обратившись къ флагманскому доктору, по-французски сказалъ:

— По-моему, онъ сумасшедшій.

— И я такъ думаю, ваше превосходительство,—поспѣшилъ поддакнуть старшій флагманскій врачъ.

XIII.

Въ тотъ же день боцмана допрашивала слѣдственная комиссія. Большинство членовъ ея признало, что преступленіе было совершено въ припадкѣ умопомѣшательства.

— Вы видите, милый мичманъ, спасли человѣка,—сказалъ потомъ въ каютъ-компаніи старшій офицеръ.

— Спасли ли только? Вѣдь отъ тоски онъ все-таки не избавится.

— Да и въ Кронштадтѣ ему не радостная жизнь. Бѣднягa!— угрюмо прибавилъ старшій офицеръ.

ЛЕДЯНОЙ ШТОРМЪ.

Посвящается А. В. Вергежскому.

I.

Яйла «курила» и сверкала подъ блескомъ южнаго солнца своими бѣлоснѣжными гребнями, расщелинами и склонами.

Срывая и крутя алмазную пыль, порывы горнаго вѣтра налетали съ бѣшеной силой все чаще и чаще и такъ пронизывали своимъ ледянымъ дыханіемъ, что напоминали близость не Чернаго моря, а Ледовитаго океана.

Вѣтеръ дулъ и съ горъ, и съ моря, и, казалось, съ самого неба, подернутаго бирюзой, по которому величаво и словно бы лѣниво поднималось ослѣпительное солнце, появившись изъ-за горъ.

Надъ ними неслись нѣжно-бѣлыя перистыя облачка, а на противоположномъ горизонтѣ, надъ моремъ, надвигались черныя, тяжелыя и нависшія тучи и точно грозили приближеніемъ шторма.

И, чуя его, бакланы и чайки тревожно, короткими концами, носились низко надъ волнами, какъ будто скользя по нимъ.

И бѣлыя какъ снѣгъ чайки словно бы предостерегали другъ друга своимъ грустнымъ крикомъ, похожимъ на плачъ обиженнаго ребенка.

Въ маленькой открытой гавани Ялты, у набережной, трепыхались, прыгая на своихъ якоркахъ, зимовавшія каботажныя суденышки.

Этотъ десятокъ маленькихъ бригантинокъ и шкунокъ допотопной конструкціи не внушалъ большого довѣрія. Повидимому, не особенно довѣряютъ имъ и господа шкипера—изъ отставныхъ боцмановъ военнаго флота или «изъ грековъ» — и не плаваютъ на своихъ «каботажкахъ» въ зимнюю пору, когда Черное море задаетъ «форменныя трепки», отъ которыхъ не

спасетъ моряковъ даже заступничество св. Николая Мирликійскаго. Да и тихое оно на долгое время заволакивается такимъ густымъ туманомъ, что здѣшніе шкипера, умѣющіе плавать только «на глазъ», вблизи знакомыхъ береговъ, и не имѣющіе понятія о прокладкѣ курса по картѣ и о компасѣ, знаютъ, что легко вмѣсто Ѳеодосіи попасть въ Одессу, а то и въ Константинополь.

И бравые, но невѣжественные моряки высыпаются за зиму на своихъ «каботажкахъ», по цѣлымъ днямъ грѣются на солнцѣ на набережной или проводятъ время въ турецкихъ кофейняхъ, гдѣ, вмѣсто кофе, дуютъ сантуринское.

Ошвартовавшійся у мола, раскачивался пассажирско-грузовой «Бакланъ», только-что пришедшій изъ Севастополя. Выпущенные пары прогудѣли о приходѣ. Вѣтеръ подхватывалъ черные клубы дыма изъ горластой трубы. Нѣсколько палубныхъ пассажировъ въ порты Кавказа вышли на берегъ, чтобы купить кое-чего и попробовать твердой земли послѣ сильной качки на пароходѣ... А что еще будетъ впереди?..

Крѣпчало.

Волны взбухали и «разгуливались». Сталкиваясь между собою, гребни пѣнились съ сердитымъ воемъ, и вѣтеръ подвывалъ волнамъ, срывая верхушки «зайчиковъ» и разносилъ брызги.

Море вблизи сѣдѣло и становилось сердитѣй.

А вдали, совсѣмъ вдали, оно казалось холмистымъ, темнымъ, таинственно-грознымъ и жуткимъ.

Прибой гудѣлъ.

Особенно былъ высокъ подъемъ столба воды у волнорѣза (конца) мола.

Эта, суженная вверху, прибойная волна взлетала съ бѣшеной стремительностью на высоту 30 футовъ, почти вертикально... Еще мгновеніе—и, рокочущая и обезсиленная, она низвергалась, сливаясь съ широкими волнами. Черезъ нѣсколько секундъ взлетала слѣдующая могучая и бушующая волна.

Кучка людей уже пришла на молъ.

Грузчики подавали тюки и ящики къ лебедкѣ, поворачивающейся съ парохода къ пристани. Нѣсколько зрителей изъ «сѣрой» публики напряженно и испуганно взглядывало то на море, то на пароходъ, словно бы изумляясь и сожалѣя людей, которые пойдутъ на «Бакланѣ», казавшемся скорлупой передъ взволнованнымъ, вздувшимся моремъ.

Были и «господа».

Въ отдаленіи отъ стѣнки, чтобы не получить ледяной ванны,

они любовались высокимъ и грознымъ прибоемъ, и безсмысленная его сила невольно наводила почтительный страхъ.

Какой-то художникъ съ подстриженной бородкой, худощавый, молодившійся старикъ, быстро, размашисто и самоувѣренно писалъ масляными красками эскизы прибойной волны. Но неуловимо-характерный, трепетавшій жизнью, грозный и красивый и, казалось, каждое мгновеніе мѣнявшій и цвѣтъ, и мощь, и прозрачность воды, прибой едва ли былъ почувствованъ художникомъ.

Въ выраженіи его изжитаго и скептическаго лица виденъ былъ умъ, но «бога» въ немъ не было.

И онъ, ловя натуру, въ то же время взглядывалъ на молодую, красивую и изящно одѣтую дѣвушку, стоявшую отъ него въ другъ шагахъ съ пожилой дамой. Обѣ восхищались и ужасались прибоемъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на художника.

Зато дамы невольно заглядывались на пригожаго, бѣлокураго студента съ худощавымъ и одухотвореннымъ лицомъ и необыкновенно мягкими и «чистыми» голубыми глазами. Возбужденный и зарумянившійся на стужѣ, онъ озабоченно разставлялъ фотографическій аппаратъ, чтобъ снять въ разныхъ видахъ прибой, произведшій сильное впечатлѣніе.

II.

Одинъ изъ «сѣрыхъ» зрителей, обращавшихъ исключительное вниманіе на сравнительно небольшой, низко нагруженный пароходъ, молодой человѣкъ съ болѣзненнымъ и напряженно-встревоженнымъ лицомъ, лихорадочными и угрюмо-насмѣшливыми глазами, съ жидкой черной бородкой и маленькими усиками надъ тонкой безкровной губой,—повидимому, находился въ отчаянно-скверномъ положеніи.

По крайней мѣрѣ костюмъ его далеко не соотвѣтствовалъ собачьему холоду въ Ялтѣ, побаловавшей еще вчера чудной, теплой погодой.

Лѣтнее «легкомысленное» пальтецо, тонкое и протертое на локтяхъ, настолько выцвѣло, что опредѣлить его цвѣтъ было трудно. Дырявыя и стоптанныя ботинки обнажали голые грязные пальцы. Легонькая фуражка, когда-то модная, очевидно, попавшая съ большой головы, была съ вентиляціей... Однимъ словомъ, вся одежда несомнѣнно плохо защищала молодого человѣка, пронизываемаго ледянымъ нордъ-остомъ.

Только шерстяной шарфъ, въ который онъ пряталъ носъ, представлялъ собою лучшую и основательную часть костюма и, казалось, именно онъ и придавалъ нѣкоторый апломбъ всей

этой худенькой, безсильной и вздрагивающей фигурѣ. Но молодой человѣкъ носилъ свое рванье съ такимъ же достоинствомъ, съ какимъ сытые люди носятъ свое хорошо сшитое платье.

Молодой «зритель» пытливо смотрѣлъ на пароходъ и не безъ зависти думалъ о солидно одѣтыхъ матросахъ, работавшихъ на лебедкѣ, и о тепломъ помѣщеніи на кубрикѣ. Да и у машины было тепло...

И, несмотря на грохочущій въ концѣ мола прибой, на гулъ вздымающагося моря и на вой вѣтра, молодой человѣкъ, словно бы озаренный вдругъ рѣшеніемъ, обратился къ одному изъ грузчиковъ. Онъ показался молодому человѣку умнѣе и симпатичнѣе другихъ, этотъ пожилой здоровый брюнетъ, обросшій сильно засѣдѣвшими бородой и усами. Онъ только-что спустилъ съ широкой сутулой спины изрядный ящикъ и, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ парохода, ловко закурилъ на вѣтрѣ папироску.

— Пойдетъ въ «рейцъ», господинъ рабочій?

И, приложивъ къ козырьку засинѣвшіе пальцы, молодой человѣкъ махнулъ головой на пароходъ.

— Пойдетъ! — обрывисто и далеко не любезно отвѣтилъ грузчикъ.

— Въ такого-то дьявола-штормъ?

— Капитанъ знаетъ, коли идетъ! — строго и авторитетно промолвилъ грузчикъ и отвернулся.

— Развѣ по волѣ пойдетъ въ бурю?

— Отстоялся бы здѣсь, если-бъ хотѣлъ.

— Можетъ, и очень бы хотѣлъ, да службы рѣшиться не смѣетъ...

— А ты знаешь, что ли?—рѣзко спросилъ грузчикъ.

— То-то знаю... Небось, ваши шишки, главные, значитъ, начальники въ страхѣ капитановъ держатъ... Лестно, молъ... Я, такой-сякой, захочу — прогналъ съ мѣста, захочу—оставилъ... Имъ вѣдь, вашимъ начальствамъ «обормотамъ», сиди на сухомъ пути да жри хорошій харчъ съ мадерой виномъ, а вотъ ихніе подначальные капитаны, по опаскѣ и глупости, хоть самъ потопай да матросовъ топи!.. Они и виноватые останутся... А управляющіе, молъ, не при чемъ... Очень просто... И ежели въ тебѣ есть понятіе, то обмозгуешь, что вездѣ одна и та же идетъ линія... Всѣ, что по своему мѣсту или по капиталу надъ людьми куражатся,—одно слово, озвѣрѣлыя свиньи и сволочь!—прибавилъ съ злой насмѣшкой молодой босякъ.

И эта неожиданно-дерзкая рѣчь, не совсѣмъ понятная грузчику, который никогда и не думалъ о людской неправдѣ, хотя,

быть-можетъ, и чувствовалъ ее своими боками, и оборванный видъ этого босяка, видимо, дошедшаго до точки,—вызвали въ грузчикѣ неодобрительныя чувства къ оратору.

И онъ, основательный и домовитый семейный человѣкъ, тепло одѣтый и хорошо напившійся чаю съ хлѣбомъ въ своемъ маленькомъ домишкѣ въ слободкѣ, купленномъ на деньги жены, неизвѣстно какъ добытыя ею, — строго взглянулъ на бездомнаго босяка и ничего не проговорилъ.

Однако, заинтересованный этимъ оборванцемъ съ такой дерзкой «фанаберіей», не уходилъ.

А молодой оборванецъ неожиданно сказалъ:

— А если капитана этого парохода спросить... не возьметъ ли онъ матросомъ?

— Это кого взять матросомъ?—удивленно спросилъ грузчикъ.

— Меня.

— Тебя!?. Такого... господина?

И грузчикъ разсмѣялся.

Но оборванецъ, казалось, не обратилъ вниманія на презрѣніе въ смѣхѣ этого сильнаго и здороваго человѣка къ слабосильному, нищему и самоувѣренному проходимцу. И онъ спокойно отвѣтилъ:

— То-то такого господина... Сію минуту нанялся бы. Бури не боюсь...

— Ты хоть и отчаянный господинъ, но капитану не требуются матросы. Да тебя, все равно, не возьмутъ... Тоже лодырь, объявился матросъ!..

— Правильно разсудилъ, сытый грузчикъ!.. А ежели, напримѣръ, наняться грузчикомъ на пристани, а то носильщикомъ?..

— Проваливай лучше... Замерзнешь въ своемъ легкомъ кустюмѣ!

— А я полагалъ, по тому самому ты и порекомендуешь меня на должность!..—съ рѣзкой и угрюмой ироніей проговорилъ молодой человѣкъ.

— Другой должности ищи... А пока что... одѣнься.

И съ этими словами грузчикъ торопливо отошелъ, испытывая какую-то неловкость, въ родѣ виновности, передъ этимъ вздрагивающимъ босякомъ съ чахоточнымъ лицомъ.

— Сволочи!—негодующе бросилъ искатель занятій, два мѣсяца тому назадъ пріѣхавшій изъ Керчи, гдѣ былъ, по болѣзни, разсчитанъ съ табачной фабрики и со штрафомъ за дерзкія слова управляющему.

Замерзнувшій отъ ледянаго вѣтра, молодой человѣкъ почти побѣжалъ съ мола и направился въ «матросскую слободку»,

гдѣ жилъ у старой квартирной хозяйки, ялтинской мѣщанки, которой платилъ три рубля въ мѣсяцъ за крошечную конуру, безъ отопленія, разумѣется.

Ни у кого изъ встрѣчныхъ, шедшихъ къ молу—посмотрѣть на прибой и на пароходъ, собирающійся уходить въ бурю—онъ не рѣшился попросить гривенника, чтобы купить десятокъ папиросъ и выпить въ кофейнѣ стаканъ горячаго чая.

Уже два мѣсяца онъ напрасно искалъ работы и продалъ все, что было возможно, чтобы не умереть съ голода.

Вчерашній день онъ не ѣлъ.

III.

Вѣтеръ усиливался съ быстротой. Барометръ падалъ.

Прибой у мола взлеталъ выше и рокоталъ грознѣе.

Нагрузка парохода приходила къ концу послѣ того, какъ нѣсколько бочекъ и ящиковъ были выгружены.

Былъ одиннадцатый часъ утра.

Капитанъ парохода, спавшій лишь часа два на переходѣ изъ Севастополя въ Ялту, встревоженный, озабоченный и не выспавшійся, торопливо напился чаю съ свѣжими булками и вышелъ изъ своей каюты въ рубку.

Взглянувъ на собравшуюся у пристани преимущественно сѣрую публику, испуганную и по временамъ выражавшую опасенія, онъ, казалось, спокойно и увѣренно приказалъ старшему помощнику поторапливать нагрузку и, поднявшись на мостикъ, сталъ смотрѣть на далекій горизонтъ чернѣющаго моря и на зловѣщія темныя тучи, клочковатыя и низкія...

Но горькія думы поднимались въ душѣ этого, повидимому, хладнокровнаго и сдержаннаго капитана.

Это былъ пожилой, низенькій и кряжистый человѣкъ съ крупными, грубыми и добродушными чертами щекъ обвѣтрившагося, краснаго и напряженно-серьезнаго лица.

Никифору Андреевичу Москалеву далеко за пятьдесятъ.

Здоровый крѣпышъ, онъ былъ очень неказистъ, морщинистъ и съ сѣдою, какъ лунь, бородой, его нескладно скроенная фигура была гибка, поступь легка, и его маленькіе, воспаленные отъ безсонной ночи и возбужденные сѣрые глаза еще горѣли молодымъ блескомъ.

Онъ былъ въ старенькомъ, сильно потертомъ пальто, подбитомъ густымъ и крупнымъ крымскимъ баранômъ, съ мерлушечьимъ воротникомъ и въ высокихъ смазныхъ сапогахъ. Изъподъ форменной фуражки съ толстымъ потемнѣвшимъ золотымъ галуномъ на околышѣ выбивались сильно посѣдѣвшіе русые волосы.

Капитанъ впился въ даль моря и тяжко вздохнулъ.

Штормяга будетъ серьезная, и онъ его встрѣтитъ.

Мысли наводили страхъ на стараго моряка, давно плававшаго по Черному морю. Сперва онъ ходилъ здѣсь на военныхъ судахъ молодымъ штурманскимъ офицеромъ, потомъ на коммерческихъ пароходахъ, когда оставилъ военную службу, всегда мачеху для штурмановъ — этихъ обойденныхъ, обиженныхъ и обозленныхъ пасынковъ морской семьи.

О, какъ хотѣлось ему быть теперь въ Севастополѣ и тамъ пережидать штормъ, вмѣсто того, чтобы идти въ море.

И зачѣмъ онъ пошелъ изъ Севастополя? Зачѣмъ?

Капитанъ понималъ: зачѣмъ. Онъ малодушно боялся выговора. Начальство подумаетъ, что онъ струсилъ. Шторма еще не было въ Севастополѣ. Но вѣтеръ уже крѣпчалъ, и волненіе разводило большое. Слѣдовало бы остаться. Пожалуй, и промело бы.

Никифоръ Андреевичъ служилъ въ коммерческомъ флотѣ двадцать семь лѣтъ и пятнадцать послѣднихъ командуетъ пароходами. Онъ дорожилъ мѣстами и смолоду привыкъ къ неодолимому, чисто-рабьему страху передъ людьми, отъ которыхъ зависѣла его судьба. Боялся, хотя бы не уважалъ и даже презиралъ въ душѣ своихъ патроновъ.

И слава Богу, до сихъ поръ все шло благополучно. Исправный, пунктуальный и осторожный, онъ ни разу не билъ пароходовъ, даже аварій не случалось. И начальство, кажется, имъ довольно, хотя и долго не заикалось о пассажирскомъ пароходѣ. А Никифоръ Андреевичъ никого не просилъ и не любилъ безпокоить начальство. «Само знаетъ». Товарищи прямо говорили, что давно слѣдовало бы Никифору Андреевичу получить пассажирскій пароходъ на Крымской линіи, но, вѣрно, не даютъ за то, что онъ не представительный человѣкъ. Мало ли какіе высокопоставленные пассажиры и какія важныя свѣтскія пассажирки ѣздятъ въ Крымъ.

Необыкновенно скромный, до болѣзни застѣнчивый Никифоръ Андреевичъ сознавалъ,—и очень страдалъ прежде, — что онъ не только не представительный, а просто-таки «безобразная рожа», какъ самоотверженно называлъ онъ свое топорное лицо. Особенно возбуждалъ въ немъ чувство отвращенія и словно бы виноватости передъ людьми его мясистый, похожій на картофелину съ проростками и багровый, какъ у пьяницъ, носъ. Онъ былъ самымъ главнымъ изъяномъ его лица и самымъ «больнымъ мѣстомъ» мнительнаго и втайнѣ болѣзненно самолюбиваго Никифора Андреевича.

Онъ не увеличивалъ своихъ достоинствъ, а скорѣе умалялъ

пхъ. Онъ понималъ, что не «боекъ умомъ», никогда не «запосился», ничего не читалъ, о чемъ можно бы задуматься и имѣть шире кругозоръ, былъ не рѣчистъ и терялся, особенно передъ важными людьми. Даже и со своимъ начальствомъ не умѣетъ разговаривать и не умѣетъ подлаживаться. Явится, бывало, по окончаніи рейса въ Одессу, доложитъ, по возможности, лаконично о томъ, что все благополучно, и, робѣющій, стѣсняющійся и застѣнчиво краснѣющій, скорѣе вонъ изъ кабинета и на квартиру — повидать семью и пробыть «дома» два-три не всегда счастливые дня до слѣдующаго ухода въ рейсъ недѣли на три, а то и на четыре.

И Никифоръ Андреевичъ старался подавить оскорбленное самолюбіе обойденнаго человѣка и обиду усерднаго работника на семью, благосостояніе которой являлось для него чуть ли не главнымъ и единственнымъ смысломъ жизни.

Положимъ, на пассажирскомъ и выгоднѣе, и виднѣе, и пароходы быстрѣе и лучше, но, того и гляди, какая-нибудь исторія изъ-за пассажировъ перваго класса. И въ рейсѣ капитанъ долженъ быть всегда на чеку и одѣтъ щегольски. Замухрышка-капитанъ непріятенъ пассажирамъ. Они вѣдь требовательные, съ претензіями и капризами. То покажется какому-нибудь генералу, что капитанъ недостаточно «приличенъ» и внимателенъ, то будто обѣдъ недоброкачественъ, то вино скверное и дорогое, то качаетъ, и виноватъ капитанъ, что не стоитъ на мостикѣ, а болтаетъ или спитъ; то зачѣмъ въ туманъ пароходъ стоитъ по нѣскольку часовъ и капитанъ не обращаетъ вниманія на совѣты идти въ Ялту, до которой всего полчаса, и сирена гудитъ. Особенно дамы нервничаютъ. То и дѣло спрашиваютъ капитана, погибнетъ ли пароходъ? Есть ли надежда спастись?.. Капитанъ долженъ оберегать ихъ. Онѣ вѣдь жены извѣстныхъ лицъ въ Петербургѣ... Все генеральши и со связями... Или жены милліонеровъ изъ Москвы... И всѣхъ этихъ плачущихъ, перетрусившихъ барынь надо уговаривать и успокаивать... А пассажирамъ надо объяснять, что въ такой густой туманъ, когда бака не видно съ кормы, лучше переждать, пока не прояснится... И эти стрекулисты изъ газетъ тоже... народецъ. Задаются!.. Форсятъ!.. Не покажи особеннаго вниманія къ представителю прессы, не помѣсти одного въ каюту, не пусти на мостикъ, — начнетъ фыркать и... все нехорошо, не такъ, какъ на заграничныхъ пароходахъ, и потомъ закатитъ корреспонденцію, въ которой разнесетъ вдрѣбезги капитана. А ядовитый генералъ, у котораго болитъ печень? Онъ ѣдетъ въ Ессентуки и, сердитый, выискиваетъ, за что бы придраться, и главнымъ образомъ за то, что капи-

танъ не знаетъ, что этотъ желтый и худой старикъ, съ гладко выбритыми щеками и съ застланнымъ взглядомъ озлобленныхъ глазъ, тайный совѣтникъ и директоръ департамента. Такой господинъ и того хуже... Онъ непремѣнно напишетъ предсѣдателю правленія письмо о безпорядкахъ на пароходѣ, на которомъ, по несчастью, поѣхалъ, и попроситъ обратить вниманіе на недостаточную вѣжливость капитана съ пассажирами... И тогда запросъ правленія директору... Тотъ, въ свою очередь, капитану... Оправдывайся... Того и гляди, переведутъ на грузовой пароходъ... Бывали такіе случаи.

«Богъ съ ними, съ этими пассажирами. Лучше подальше отъ нихъ... По крайней мѣрѣ спокойнѣе!» — утѣшалъ себя Никифоръ Андреевичъ.

Но недавно Никифору Андреевичу обѣщали, что лѣтомъ ему дадутъ пассажирскій пароходъ... Подъ старость Никифоръ Андреевичъ показался начальству нѣсколько благообразнѣе, и старый морякъ обрадовался за семью. Тогда онъ будетъ получать жалованья съ процентами до пяти съ половиною тысячъ. А теперь онъ получалъ съ прибавками за долгую службу только три съ половиной. Конечно, и съ этими деньгами возможно жить, но осторожно и съ умѣньемъ. Недаромъ же Анна Ивановна недовольна, что Никифоръ Андреевичъ такъ мало получаетъ и не умѣетъ обратить вниманія на свои заслуги. Семья не маленькая: кромѣ Анны Ивановны, четыре дочери. Двѣ ужъ невѣсты и... хоть бы одинъ женихъ!..

«И что съ ними всѣми будетъ, если, Боже храни, кормильца не будетъ?» — подумалъ вдругъ Никифоръ Андреевичъ.

И сердце его замерло отъ тоскливаго ужаса за близкихъ.

Какъ дорога и любима семья — эти некрасивыя, застѣнчивыя, обидчивыя «дѣвочки». Онѣ живутъ въ скромной обстановкѣ, при вѣчной воркотнѣ матери о трудности сводить концы съ концами, не знаютъ развлеченій, почти безъ знакомыхъ мужчинъ. Особенно всегда недовольны и раздражительны двѣ старшія дочери, часто говорятъ, вытирая слезы, что онѣ жить хотятъ...

И по временамъ Никифору Андреевичу больно и тяжело въ семьѣ, когда, послѣ рейсовъ, онъ проводилъ эти рѣдкіе, желанные дни дома. Онъ ждалъ тепла и любви, ждалъ отдыха въ «гнѣздѣ», ради котораго работалъ безъ конца, — и вмѣсто этого ни ласки ни вниманія... Не такими хотѣлъ бы онъ видѣть ихъ.

Формально любезныя, онѣ точно безмолвно укоряли отца, что онъ не сумѣлъ сдѣлать ихъ счастливыми и не старался зарабатывать столько, чтобы семья жила прилично.

Жена, моложавая сорокалѣтняя Анна Ивановна, съ нимъ холодна и нѣсколько третируетъ, считая его недалекимъ и очень некрасивымъ. Никифоръ Андреевичъ это чувствуетъ и побаивается жены. И прежде она не любила мужа и вышла замужъ, чтобъ пристроиться. Пригожей и бѣдной безприданницѣ было восемнадцать, когда она пошла за некрасиваго, смѣшного и влюбленнаго сорокалѣтняго Никифора Андреевича, только-что назначеннаго капитаномъ парохода.

Первые годы супружества пронеслись въ головѣ капитана. Какъ онъ страдалъ, ревновалъ и любилъ. И сколько было у жены любовниковъ! Онъ зналъ и не показывалъ, что знаетъ.

Теперь нѣтъ и осадка. Онъ все простилъ. И жена стала ласковѣе, какъ узнала, что мужъ получитъ наконецъ пассажирскій пароходъ... Семья будетъ жить лучше.

— И вдругъ нищія! — прошепталъ Никифоръ Андреевичъ.— Нищія! — въ ужасѣ повторилъ онъ, представивъ положеніе семьи, если...

«И какъ онъ безпомощенъ... И какъ онъ беззащитенъ!»

Словно бы только теперь, передъ явной опасностью, онъ вдругъ прозрѣлъ, что въ глазахъ начальства онъ только исправный капитанъ, а не человѣкъ.

Заболѣй онъ — черезъ шесть мѣсяцевъ уволятъ. Состаришься — убирайся вонъ и живи, какъ знаешь. Умри — семьѣ ни гроша пенсіи. Погибни въ морѣ — семья моряка, проплававшаго двадцать семь лѣтъ, нищая!

«Безсовѣстные! Безсердечные!» — подумалъ Никифоръ Андреевичъ и спустился съ мостика, попрежнему не понимая, что̀ дѣлаетъ людей безсовѣстными и безсердечными.

IV.

— Первый свистокъ! — приказалъ капитанъ первому помощнику

— Есть! — неувѣренно и смущенно проговорилъ статный красивый молодой брюнетъ въ щегольской тужуркѣ и высокихъ сапогахъ.

И, стараясь скрыть передъ капитаномъ чувство жуткаго страха, овладѣвшаго имъ, и не спѣша исполнять приказаніе, дрогнувшимъ голосомъ прибавилъ:

— Мы, значитъ, уходимъ, Никифоръ Андреевичъ?

Старый капитанъ, владѣвшій собою несравненно лучше своего помощника, словно бы не понялъ его вопроса.

И въ его серьезномъ, казалось, не встревоженномъ лицѣ и въ обычномъ спокойномъ голосѣ было словно удивленіе, когда онъ, въ свою очередь, спросилъ:

— А то какъ же, Иванъ Ивановичъ?

— Я полагалъ, Никифоръ Андреевичъ, переждемъ... штормъ...

— Не оставаться же здѣсь... Заштормуй — пароходъ разобьетъ въ щепки объ молъ. Вотъ въ Керчи и отстоимся, если штормяга прихватитъ...

«Уже бушуетъ въ морѣ!»—подумалъ Никифоръ Андреевичъ. И, стараясь подбодрить и себя и помощника, прибавилъ:

— Слава Богу, дойдемъ!

Помощникъ взглянулъ на море.

— И мы не загружены, Иванъ Ивановичъ!

— Да, Никифоръ Андреевичъ... Здѣсь пустяки груза.

— А машина у насъ здоровая. Отлично выгребали изъ Севастополя...

— Какъ бы не заливала насъ продольная волна, Никифоръ Андреевичъ... Взгляните, что тамъ! — испуганно проговорилъ брюнетъ.

И въ головѣ его пронеслась мысль:

«Здѣсь пароходъ разобьетъ, зато всѣ живы будемъ!»

Но сказать этой мысли не смѣлъ. А громадная волна, которая будетъ заливать и обледенять палубу и бугшпритъ, тревожила и капитана.

И, вѣроятно, оттого, что это его мучило и вселяло опасенія, Никифоръ Андреевичъ, обыкновенно ровный и добродушный съ подчиненными, раздражительно и даже съ озлобленіемъ воскликнулъ, глядя въ упоръ на красивое, взволнованное и румяное лицо помощника.

— Да что заранѣе трусу праздновать, Иванъ Ивановичъ! И что вы каркаете, Иванъ Ивановичъ! Вы не воронъ!

— Я вовсе не трусъ, Никифоръ Андреевичъ! — обидчиво вымолвилъ помощникъ.

И въ то же время почувствовалъ, что сердце упало и по спинѣ забѣгали мурашки... И онъ прибавилъ:

— Я не каркаю... Я только хотѣлъ...

— Все равно, идти надо. Первый свистокъ! — повелительно и рѣзко перебилъ Никифоръ Андреевичъ, отводя глаза.

— Есть! — отвѣтилъ въ отвагѣ отчаянія пригожій помощникъ.

И, бросивъ на «обезумѣвшаго» капитана, не внимавшаго резоновъ и внезапно «окрысившагося», жалко-испуганный и укоряющій взглядъ своихъ бархатныхъ и нагло-ласковыхъ съ поволокой, черныхъ глазъ южанина, — торопливо пошелъ на мостикъ.

Черезъ нѣсколько секундъ, заглушая вой вѣтра и гулъ прибоя, прогудѣли пары короткаго свистка.

Три палубные пассажира—одинъ въ лисьемъ шубѣ-пальто, пожилой, рыжій лавочникъ изъ Новороссійска, съ плутоватыми раскосыми глазами, и два чеченца въ буркахъ, изъ Туапсе, съ мужественными, правильными, точно выточенными, худощавыми и глупыми молодыми лицами — примостившись на своихъ настилкахъ у горячей трубы, посматривали то на капитана, то на матросовъ.

И лавочникъ, торопившійся домой, чтобы получить съ кого-то въ срокъ деньги и по алчности не рѣшившійся, несмотря на страхъ, остановиться въ Ялтѣ до слѣдующаго парохода, хотя и смертельно боявшійся воды, — закусывалъ воблу и ситникъ, пока не качаетъ, и, блѣдный, испуганно прислушивался къ шуму моря и крестился. А чеченцы ѣли хлѣбъ и овечій сыръ и дрожали подъ своими бурками, покорные Аллаху.

Видъ капитана и матросовъ не наводилъ унынія и обнадеживалъ.

И лавочникъ говорилъ черкесамъ:

— Понимай, чиркесъ... Ежели пароходъ уходитъ, значитъ, секимъ-башки намъ не будетъ! И капитанъ знаетъ.

Черкесы слушаютъ, едва понимаютъ и безмолвствуютъ съ видомъ фаталистовъ, ожидающихъ своей участи.

Матросы послѣ свистка стали напряженнѣе и угрюмѣе. О томъ, что впереди, не разговаривали. Каждый про себя думалъ, что матросская жизнь каторжная, и что въ морѣ жутко. Того и гляди, не увидишь берега.

Художникъ, окончивъ два эскиза, взглянулъ на море и, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, словно бы въ экстазѣ воскликнулъ:

— Какая грозная красота!.. И какъ хорошъ прибой!

«Что за скотина!»—подумалъ пригожій студентъ и возбужденно и сердито произнесъ:

— Какой опасности подвергаются матросы!.. Въ ней красоты мало!

И красивая барышня посмотрѣла на пароходъ и догадалась, что ѣдущимъ на пароходѣ не до красотъ природы.

— Бѣдные!—застѣнчиво промолвила барышня, обращаясь къ студенту и словно бы извиняясь, что она, восхищаясь моремъ, забыла о людяхъ.

И въ эти минуты среди любопытныхъ изъ сѣрой публики раздавались восклицанія, полныя сочувствія и сожалѣнія къ морякамъ:

— Отчаянный капитанъ!

— И буря-то страсть!

— Небось, не боится идти!

— Какъ-то дойдетъ праходъ.

— Матросикамъ-то какъ... Замерзнутъ!

— Вызволилъ бы ихъ Николай угодникъ!

— Спаси ихъ Господь! Не сдѣлай сиротъ!

И кто-то истово перекрестился.

Капитанъ услышалъ эти замѣчанія и вспомнилъ о своихъ.

«И какого чорта я не остался въ Севастополѣ!»—снова упрекнулъ себя Никифоръ Андреевичъ, скрываясь въ рубку.

Онъ приказалъ буфетчику подать чаю и коньякъ и, оставшись одинъ, безъ свидѣтелей, Никифоръ Андреевичъ не выглядѣлъ рѣшительнымъ.

Но мысль о томъ, что остаться бы въ Ялтѣ и спастись, рискуя разбить пароходъ, даже не пришла ему въ голову.

V.

Какъ только «Бакланъ», прогудѣвъ о приходѣ, ошвартовался у мола, Антонъ Жученко, чернявый и курчавый молодой матросъ съ безшабашно-смѣлымъ и жизнерадостнымъ пригожимъ лицомъ, то и дѣло прибѣгалъ на корму и взволнованно и жадно вглядывался въ начало мола, поджидая кого-то.

Онъ не обращалъ вниманія ни на завывающее море, ни на ледяной вѣтеръ, трепавшій его шелковистую бородку и кудрявые волосы, выбивавшіеся изъ-подъ матросской нахлобученной шапки, и, казалось, въ своемъ не особенно тепломъ буршлатѣ, застегнутомъ наглухо, не чувствовалъ рѣзкаго холода.

Словно прикованный, весь нетерпѣніе и ожиданіе, онъ впивался въ каждую женщину, показывавшуюся на поворотѣ съ улицы на молъ и сколько-нибудь напоминавшую ему издали ту, которую онъ такъ возбужденно ждалъ.

И его острые, какъ у ястребка, каріе и лукавые глаза вдругъ загорались радостнымъ блескомъ, и взглядъ становился нѣжнымъ, ласкающимъ и влюбленнымъ. Ему видѣлось, что спѣшитъ его желанная, любимая...

Это она, Матреша... Невысокая, аккуратная, такая франтовитая...

Но еще минута, и матросъ увидалъ не ту, которую ждалъ.

«И что за рыло!»—мысленно досадовалъ Антонъ.

Его лицо, быстро мѣняющее выраженіе, уже омрачилось. И, подавленный и тоскливый, Антонъ снова вглядывался въ показывавшіяся женскія фигуры и, не узнавъ Матрены, начиналъ волноваться и злиться.

Прошло полчаса. Время казалось безконечнымъ.

Прогудѣлъ долгій свистокъ и за нимъ короткій первый.

Антонъ былъ въ отчаяніи. Въ слѣдующее мгновеніе, взбѣшенный и ревнивый, онъ уже питалъ злыя обвиненія противъ Матрены и мысленно повторялъ:

— Подлая!.. Шельма!

Антонъ уже рѣшилъ, что изъ-за такой «подлянки» не стоитъ убиваться. Чу ее, сволочь, къ чорту. Наплевать! При первой же встрѣчѣ искровянитъ ея обманную рожу.

Однако не отходилъ отъ кормы.

Антону дѣлалось обиднѣе и оскорбительнѣе.

Онъ былъ приверженъ до дурости, сохранялъ законъ, былъ ласковъ, не пьянствовалъ, не ругалъ и—дуракъ, какъ есть дуракъ—не билъ, какъ бы слѣдовало, чтобы понимала. Онъ въ бурю уйдетъ, а ей все равно... Видно, опять зашилохвостила...

— Безстыжая обманщица!..—прибавилъ онъ вслухъ.

И Антону нестерпимо захотѣлось видѣть сейчасъ, сію минуту эту «подлую», чтобы все обнаружить. Онъ покажетъ себя, какъ обманывать... Покажетъ, и потомъ пусть убирается навѣкъ.

Матросу казалась теперь секунда цѣлой вѣчностью. Онъ загорѣлся и, словно бѣшеный, сбѣжалъ съ парохода и бросился къ агентству.

Два пожилые носильщика-армяне сидѣли у стѣны, притулившись за вѣтромъ.

— Братцы!.. Спѣшка!.. Кто съѣздитъ духомъ въ городъ?

Оба равнодушно подняли большіе, влажные и лѣнивые глаза на нетерпѣливаго матроса и спрятали въ гарусные шарфы, намотанные на шеѣ, свои большіе, сизые, мясистые носы.

Ни одинъ даже не отвѣтилъ.

— Идолы! Не даромъ. Заплачу!

— Дежурный. Нельзя!—отвѣтилъ одинъ.

— И мнѣ нельзя!—промолвилъ другой.—А ты не баринъ, не ругайся!—обидчиво прибавилъ онъ.

— Цѣлковый дамъ!

— А куда?—вдругъ разомъ спросили оба носильщика, нѣсколько оживляясь.

— Въ Виноградную.

— Морозъ-то какой. Хо-хо-хо! А тебѣ какая-такая спѣшка?—спросилъ болѣе добродушный и любопытный носильщикъ.

— Дать знать женкѣ, чтобы явилась. Наживешь карбованецъ, армяшка!

— Не подходитъ. А ты вотъ мальчика пошли, сродственникъ, племянникъ. Умный, все справитъ. Наумка!..

Подошелъ черномазый, черноглазый и носатый мальчикъ.

Антонъ облегченно вздохнулъ и торопливо заговорилъ:

— Живо, Наумка! Бери перваго извозчика и жарь въ Виноградную, домъ Кукораки... Знаешь?

Мальчикъ утвердительно кивнулъ.

— Въ домѣ меблированныя комнаты барышни Айканихи... Не забудешь?

— Знаю Айканиху.

— У нея въ горничной Матрена. Пусть въ одинъ секундъ зюда на извозчикѣ съ тобой... Молъ, матросъ Антонъ накасалъ, чтобы безпремѣнно. «Бакланъ», скажи, въ «рейцъ» отходитъ... Штормъ! Понялъ?

— Все поняли!—хитро улыбаясь, отвѣтилъ Наумка.

— Вали, Наумка! — кинулъ Антонъ, подавая мальчику деньги на извозчика.—Постараешься, цѣлковый!

— А если пароходъ уйдетъ?—вкрадчиво спросилъ Наумка.

Оба носильщика хихикнули.

— Бѣги же! Да летомъ! Отдамъ дядѣ!—грозно закричалъ Антонъ.

И маленькій Наумка, словно бы жеребчикъ, получившій внезапно плеть, помчался со всѣхъ ногъ.

— Наумка молодца... Исправно сполнитъ. Онъ—башка, даромъ что малъ!—любовно сказалъ носильщикъ, восхищенный предусмотрительностью племянника, и подумалъ, что слѣдуетъ съ Наумки получить «могорычъ».

Но матросъ не уходилъ и волновался.

— Будь спокоенъ, Наумка не обманетъ—возьметъ извозчика!—прибавилъ Наумкинъ дядя.

— То-то не обманетъ... А ужъ и шельмоватый Наумка!

— Понятливый. И привезетъ твою супружницу. Только отпустила бы Айканиха. Строгая барышня... уксусная!—протянулъ армянинъ.

— Знаю, что уксусная и зудитъ. Однако не посмѣетъ... И Матрешка не овца... Отчекрыжитъ... Бойкая на языкъ!

Въ эту минуту мальчикъ сѣлъ въ коляску, въѣзжавшую на молъ, и скрылся.

— Спасибо, братцы!

Съ этими словами Антонъ побѣжалъ на пароходъ.

Снова прислонившись къ борту кормы, онъ впился впередъ на молъ и, взволнованный и вздрагивающій, будто въ лихорадкѣ, повторялъ:

— И что за сволочь Матрешка!

И въ голосѣ его невольно дрожала нотка любви.

Прогудѣлъ второй звонокъ. Лебедка еще работала, принимая бочки. Сердце Антона усиленно забилось.

И имъ овладѣла лишь одна мысль:

«Успѣетъ ли пріѣхать эта подлая Матрешка?»

VI.

«Айканиха», какъ вульгарно и неподходяще называли носильщики и Антонъ фамилію Ады Борисовны, да еще считали ее «уксусной»,—была тонкая и деликатнаго обращенія дѣвица, точный возрастъ которой никто въ точности не зналъ, но во всякомъ случаѣ предполагали, что Адѣ Борисовнѣ отъ тридцати до сорока.

Бѣлобрысая, съ щурящимися, маленькими, близорукими, порой мечтательными глазами, съ мелкими кудряшками у лба, высокая и худая, какъ спичка, благоухающая chipr'омъ и втайнѣ влюбчивая, какъ корректная кошка, не воющая по ялтинскимъ крышамъ по родственной душѣ какого-нибудь приличнаго кота,—Ада Борисовна, благодаря изяществу сдержанныхъ манеръ, пышнымъ складкамъ на лифѣ, выхоленнымъ рукамъ въ кольцахъ и кое-какимъ секретамъ нѣжности кожи лица, казалась близорукимъ мужчинамъ еще недурной, особенно подъ густой вуалеткой и безъ солнечнаго или луннаго освѣщенія на берегу моря.

Пансіонъ, какъ считала Анна Борисовна приличнѣе называть свои меблированныя комнаты въ двухэтажномъ домѣ, она не считала «компрометантнымъ» занятіемъ хотя бы для образованной дѣвушки изъ порядочнаго общества и генеральской дочери, жаждавшей самостоятельности и какого-нибудь дѣла,—тѣмъ болѣе, когда пансіонъ, вполнѣ приличный, семейный, доставляетъ не только исходъ жажды полезной дѣятельности на пользу туристовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошій доходъ во время сезона, когда порядочные пріѣзжіе ошалѣваютъ отъ серьезныхъ цѣнъ, произносимыхъ съ любезной улыбкой изящно-одѣтой, благоухающей и корректной Адой Борисовной.

Хоть Ада Борисовна и влюбчива, но это не мѣшаетъ ей быть дѣловитой и аккуратной хозяйкой, понимающей значеніе сезона и несоотвѣтственныхъ цѣнъ за комнаты. Она необыкновенно заботлива о своихъ жильцахъ, особенно зимой, когда пріѣзжихъ такъ мало и пустующихъ комнатъ такъ много. Она умѣетъ примирять безпокойныхъ и нервныхъ жильцовъ съ кое-какими неудобствами, въ родѣ холода въ комнатахъ, щелей въ рамахъ и слишкомъ маленькихъ порцій за завтраками и обѣдами,—безконечной внимательностью, зна-

ніемъ трехъ языковъ и научно доказанныхъ фактовъ о пользѣ для здоровья прохладнаго воздуха въ комнатахъ и домашняго простого и свѣжаго обѣда безъ излишества. И, въ подтвержденіе своихъ теоретическихъ сообщеній, Ада Борисовна разсказывала, какъ быстро поправлялись жившіе въ ея пансіонѣ прошлой зимой князь Булатовскій, извѣстный писатель Ракушкинъ и одинъ молодой офицеръ фонъ-Дорфъ.

У князя, товарища министра или въ родѣ этого, восторженно присочиняла Ада Борисовна для большаго эффекта, былъ діабетъ, у нашего извѣстнаго Ракушкина—переутомленіе, у молодого изящнаго офицера, лейбъ-улана фонъ-Дорфа—плевритъ. Къ веснѣ всѣ были здоровы, пополнѣли и стали веселые. Вотъ что сдѣлали ялтинскій морской воздухъ, режимъ и добросовѣстная заботливость объ удобствахъ...

Участливая къ своимъ жильцамъ, что сказывалось и въ ласковомъ взглядѣ маленькихъ глазъ и въ мягкомъ сопрано, иногда доходящемъ до тремоло, Ада Борисовна или заходила къ жильцамъ, или приглашала въ свою уютную и хорошо убранную гостиную со множествомъ фотографій прежнихъ жилицъ и жильцовъ съ болѣе или менѣе извѣстными фамиліями. И, чтобы сколько-нибудь развлечь тоскующихъ на чужбинѣ по семейной обстановкѣ, хозяйка не безъ увлеченія и мастерства бесѣдовала о разныхъ темахъ, дипломатически приноравливаясь къ взглядамъ гостьи или гостя.

Ада Борисовна болтала и о литературѣ, и о политикѣ, и о своемъ знатномъ происхожденіи, и о дороговизнѣ въ Ялтѣ провизіи, и о задачахъ жизни, и, случалось, не безъ патетическихъ нотокъ разсказывала объ одиночествѣ непонятыхъ душъ. Въ интимной бесѣдѣ съ какой-нибудь понимающей собесѣдницей Ада Борисовна разсказывала, разумѣется, въ третьемъ лицѣ, объ одномъ романѣ, испортившемъ жизнь. *Она* любила. *Онъ* представлялся, что любитъ, но вскорѣ обнаружилось, что *онъ* хотѣлъ жениться изъ-за низменныхъ цѣлей—изъ-за приданаго и протекціи отца. И *она* отказала и съ тѣхъ поръ уже никогда не любила... Знала Ада Борисовна и много пикантныхъ романовъ пріѣзжавшихъ въ Ялту дамъ. Осторожно, не называя именъ героинь, Ада Борисовна разсказывала о наивной простотѣ завязокъ этихъ романовъ, брезгливо удивляясь, что можно увлекаться такими героями, какъ татары-проводники, такіе некультурные и такіе необразованные. И не безъ негодованія прибавляла, что имъ «Богъ знаетъ за что» московскія купчихи и даже генеральши платили шальныя деньги. Вообразите?

Зимой, ради экономіи, Ада Борисовна держала только одну

горничную, Матрешу, которая живетъ въ пансіонѣ уже пять лѣтъ и, расторопная и знающая свое дѣло, должна была, по мнѣнію Ады Борисовны, одна справляться, хотя ей, конечно, трудно вездѣ поспѣвать.

Но зато Ада Борисовна давала Матренѣ соотвѣтствующія инструкціи о томъ, въ какихъ номерахъ слѣдуетъ быть исправнѣе и къ кому внимательнѣе, имѣя въ виду характеръ и положеніе жильцовъ, размѣръ ихъ платы и время возможнаго пребыванія въ пансіонѣ.

Стараться въ остальныхъ номерахъ, о которыхъ не сообщалось особенныхъ инструкцій, предоставлялось самой Матрешѣ, чтобы не было неудовольствій со стороны жильцовъ.

Ада Борисовна, разумѣется, не могла не дорожить расторопной, ловкой и приличной горничной, которой платила лишь десять рублей въ мѣсяцъ и нерѣдко давала наставленія, считая Матрешу «продувной бестіей», какъ не всегда деликатно выражалась про себя образованная дѣвушка, гордившаяся своей корректностью и порядочностью и считавшая Матрешу далеко не на высотѣ добродѣтели, составляющей лучшее украшеніе женщины.

Не безъ тайной невольной зависти злобствовала Ада Борисовна, что какая-то вульгарная горничная особенно нравится, главное, не жилицамъ, а жильцамъ, и, разумѣется, потому, что эта смазливая и вертлявая Матреша явно стрѣляетъ глазами, безстыдно показывая свои полныя формы подъ обтянутымъ лифомъ, и, конечно, не прочь, ради добавочныхъ подарковъ, отъ флирта съ жильцами, готовыми флиртовать хотя бы и съ горничными.

Но какъ ни возмущала Аду Борисовну эта безнравственная Матреша, тѣмъ не менѣе практическая сметка хозяйки пересиливала зависть и брезгливость добродѣтельной поневолѣ, увядавшей дѣвицы. И она не преслѣдовала Матрешу за флиртъ, хорошо понимая, что жильцы болѣе привязываются къ пансіону, не поднимаютъ исторій изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ и какъ-то становятся веселѣе, когда видятъ въ комнатѣ внимательную и услужливую горничную. Тѣмъ болѣе терпѣла, что Матреша настолько была сообразительна, дорожила мѣстомъ и знала строгія правила барышни, что не допускала «гадостей», которыя могли бы испортить репутацію ея пансіона.

Къ тому же Матреша годъ тому назадъ вышла замужъ и, конечно, должна вести себя осторожнѣе. Вѣдь любитъ же она этого влюбленнаго Антона. Недаромъ же она, не послушавъ добрыхъ совѣтовъ Ады Борисовны, сдѣлала глупость—

вышла замужъ за грубаго, безъ гроша матроса и тѣмъ огорчила ее. Хоть Матреша и обѣщала остаться, но вѣдь, того и гляди, уйдетъ и оставитъ безъ опытной и привычной горничной хозяйку, которой была обязана и своимъ положеніемъ и деньжонками.

«Неблагодарныя!»—думала Ада Борисовна.

VII.

Матреша была хорошо сложенная, съ красивыми формами бюста, ослѣпительно-бѣлая, рыжеволосая блондинка, лѣтъ двадцати пяти-шести на видъ, небольшого роста, крѣпкая, свѣжая, дышавшая здоровьемъ, съ привѣтливымъ и сдержанно-лукавымъ взглядомъ быстрыхъ и смышленыхъ глазъ, умѣвшихъ, казалось, говорить краснорѣчивѣе словъ, съ слегка вздернутымъ носомъ, пышными губами и черной родинкой на щекѣ,—какъ муха въ молокѣ,—придающей пикантность миловидному и кокетливо-задорному лицу Матреши. И вся она точно чувствовала свою привлекательность.

Щеголевато пріодѣтая, въ бѣломъ фартукѣ и въ высокомъ французскомъ чепцѣ, опрятная, вѣжливая безъ угодливости, съ большими красивыми рабочими руками съ обручальнымъ и бирюзовымъ кольцами на безыменномъ пальцѣ, Матреша въ одиннадцатомъ часу убирала третій номеръ, особенно рекомендованный барышней. Матреша старательно и усердно вытирала каждый день со всѣхъ вещей пыль, послѣ того, какъ подметала полъ, и убирала постель въ маленькой сосѣдней спальнѣ, потомъ прибирала письменный столъ, складывала къ мѣсту газеты и быстро являлась на электрическій звонокъ жильца.

Онъ, требовательный, мелочной, страдавшій болѣзнью печени, платилъ за свои двѣ комнаты дороже, чѣмъ другіе, чтобы только пользоваться особеннымъ вниманіемъ и быстрымъ исполненіемъ своихъ законныхъ просьбъ, какъ внушительно говорилъ «№ 3», отучнѣвшій петербургскій чиновникъ второй молодости, пріѣхавшій въ Ялту для отдыха отъ неимовѣрно долгаго сидѣнья въ департаментѣ и не терявшій еще надежды на возвращеніе силъ первой молодости.

«№ 3» жилъ уже болѣе мѣсяца и, видимо довольный, заплатилъ Матрешѣ пять рублей за мѣсяцъ услугъ. Онъ напускалъ серьезный видъ, когда Матреша приходила убирать и подавала самовары, завтракъ и обѣдъ, хотя изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ бровей незамѣтно бросалъ на Матрешу загоравшіеся глупые взгляды и снова отводилъ глаза и дѣлался серьезнымъ, не рѣшаясь на авантюру, о которой втайнѣ мечталъ, и,

аккуратный, прикидывалъ, во что это могло бы стоить, если бы эта «штучка» согласилась хотя бы на флиртъ и, главное, не болтала бы объ этомъ, чтобъ не скомпрометировать репутаціи солиднаго, виднаго чиновника въ генеральскомъ званіи.

Однако сегодня, когда Матреша окончила уборку и хотѣла было уходить изъ комнаты, жилецъ внезапно проговорилъ серьезнымъ тономъ, одѣваясь въ свой мѣховой охотничій костюмъ:

— А сегодня прохладно у васъ, Матреша... А?..

— Сильный вѣтеръ сегодня...

— Какой?..

— Нордъ-остъ...

— Вы, Матреша, говорите, нордъ-остъ?..

И, внезапно понижая голосъ, прибавилъ:

— А вы не озябли, Матреша?..

— Мнѣ не холодно!—улыбнулась Матреша.

— И вечеромъ не холодно?.. А?.. Вечеромъ холоднѣе... Или у васъ горячая кровь, Матреша...

— Я молода, баринъ... Оттого и кровь горячая...

И Матреша кокетливо и вызывающе повела глаза на жильца второй молодости.

Старикъ осоловѣлъ и шепнулъ:

— А вѣдь вы прехорошенькая, Матреша.

— Будто?..

— Право, очень хорошенькая... Гдѣ вашъ мужъ?..

— Въ разлукѣ!.. Онъ матросъ...

— У такой милой Матреши и матросъ?.. И скучно по мужѣ?

— Какъ по мужѣ не скучать...

— А знаете ли что, Матреша?..

— Что, баринъ?..

— Только между нами...

— Я не болтушка, будьте спокойны...

— Вы мнѣ очень нравитесь, Матреша... И вотъ вамъ позвольте подарить золотой...

— За что?

Съ этими словами жилецъ подошелъ къ Матрешѣ и подалъ пять рублей.

— А за вашу красоту... И постоянно радъ вамъ давать по стольку, если... если... позволите васъ поцѣловать... Въ этомъ... ээ... ээ... ничего дурного!—прибавилъ, млѣя, жилецъ.

Торопливо и почти-что съ серьезнымъ дѣловитымъ видомъ Матрена сунула золотой въ карманъ юбки и подставила свою бѣлую, упругую щеку.

Не глядя на раскраснѣвшееся, млѣвшее лицо жильца вто-

рой молодости, который припалъ къ шеѣ носомъ, Матрена съ брезгливымъ чувствомъ ощущала слюнявыя губы и поцѣлуи, которыхъ столько продавала во время сезона съ такимъ же дѣловитымъ равнодушіемъ. И, прислушиваясь къ двери, Матреша, привыкшая къ курортнымъ нравамъ, думала:

«Никакой тутъ мерзости нѣтъ. Барыни еще хуже. Меня не убудетъ отъ этихъ поцѣлуевъ безсовѣстнаго блудливаго старика. А между тѣмъ лишнія деньги пригодятся для дома: для меня и красавца Антошки».

И черезъ двѣ-три минуты она уже рѣшила, что за пять рублей уплата произведена, и, оттолкнувъ осоловѣлаго старика, шепнула:

— Будетъ! Еще барыня войдетъ... Каково?

Старикъ испуганно отошелъ къ столу и, присаживаясь, пролепеталъ сдавленнымъ голосомъ:

— Милая... Обворожительная! Если-бъ вы знали, какъ я васъ... люблю!

— Знаю!..—насмѣшливо промолвила Матреша.

— Такъ прошу... заходите вечеромъ... на четверть часа... Я поцѣлую васъ... Придете?

— Можетъ-быть!—неопредѣленно засмѣялась Матреша.

— Я снова подарю золотой...

— Но только помните уговоръ: кромѣ поцѣлуевъ, какъ сейчасъ, ничего!..

— И это наслажденіе, Матреша... О, какая вы вкусная, Матреша!..

«И какой ты противный!»—подумала Матреша, улыбаясь глазами.

Въ эту минуту въ двери тихо постучали.

Матрена уже сметала книги съ этажерки пуховкой, какъ ни въ чемъ не бывало, а жилецъ хриплымъ голосомъ разрѣшилъ войти и успокоился, что въ дверяхъ стояла толстая, пожилая кухарка и, извинившись, что осмѣлилась побезпокоить генерала, сказала, что зовутъ Матрешу.

— Мальчикъ какой-то ждетъ тебя въ кухнѣ!—шепнула въ коридорѣ кухарка.

Обѣ спустились въ кухню. Тамъ Наумка торопливо доложилъ Матрешѣ о своемъ порученіи и что извозчикъ ждетъ. Пароходъ скоро уходитъ. Ужъ второй свистокъ.

Матреша обрадовалась, почему-то смутилась и бѣгомъ вернулась наверхъ и нетерпѣливо постучала въ комнату Ады Борисовны.

И, впущенная, возбужденно и почтительно проговорила:

— Позвольте на полчаса отлучиться, барышня!

— Это зачѣмъ? — съ неудовольствіемъ спросила хозяйка, подозрительно взглядывая на взволнованное лицо Матреши.

— Антонъ прислалъ за мной. «Бакланъ» уходитъ. И какая буря, барышня!—прибавила тревожно Матреша.

— Твой матросъ могъ бы самъ забѣжать... И что матросамъ буря... А ты дома нужна.

— Антону, значитъ, было нельзя.

— И тебѣ нельзя... И что за свиданіе на нѣсколько минутъ... Скажите, пожалуйста, что за проводы!

«Экая злюка и безсердечная!»—подумала Матреша.

И, оскорбленная, возбужденно и возвышая голосъ проговорила:

— Кажется, безъ необходимости утромъ не прошусь, барышня. Ровно каторжная у васъ работаю... И вы не зудите, барышня, и отпустите, а не то и безъ спросу уѣду...

— Не будь дерзкая, Матреша!.. Номера третій и пятый убраны?

— Убраны.

— Уѣзжай и скорѣй возвращайся!.. И что у насъ за прислуга!—вздохнула Ада Борисовна.

Но Матреша этихъ словъ, вѣрно, не слыхала. Она была уже въ своей маленькой комнатѣ въ первомъ этажѣ, противъ комнаты Ады Борисовны, торопливо обвязала шею голубой лентой, надѣла теплое пальто съ барашкомъ на воротникѣ, новую шляпку, переложила изъ кармана золотой, только-что полученный отъ жильца № 3, въ портмоне, чтобы дать его Антону, и выбѣжала на улицу.

Черезъ минуту она съ Наумкой ѣхала на молъ.

Чѣмъ ближе подъѣзжала коляска къ молу, тѣмъ ужаснѣе казалась буря.

И Матреша чувствовала себя виноватой передъ Антономъ, что онъ все еще матросомъ и долженъ идти въ такую бурю.

«Могла бы уже съ нимъ не разлучаться. Деньги-то прикоплены»,—думала Матреша и взволнованно повторяла:

— Ради Бога, поскорѣе, извозчикъ! Поскорѣй, голубчикъ!

И, взглядывая на бушующее море, Матреша замирала отъ ужаса при мысли о гибели Антона и только теперь поняла, какъ любитъ его и какъ передъ нимъ виновата.

VIII.

Едва сдерживая безумную радость, охватившую его, когда Антонъ увидалъ коляску, въ которой сидѣла Матреша, казалось, еще красивѣе и франтоватѣе,—онъ ужъ и не подумалъ больше о томъ, чтобы показать себя Матрешѣ и искровянить ея обманную рожу.

Но, словно бы стыдясь показывать, какъ онъ обрадовался и какъ онъ ее любитъ, Антонъ встрѣтилъ Матрешу, когда она взбѣжала на пароходъ, не особенно горячо и, напуская на себя беззаботный видъ, пожалъ руку и проговорилъ:

— Однако и поздно, Матреша... Полагалъ, и не пріѣдешь...

— Не знала, что пришелъ... Письмо бы послалъ...

— Послалъ...

— Не получила, Антоша, честное слово!..

Антонъ отдалъ рубль Наумкѣ и повелъ Матрешу внизъ, въ матросскую каюту.

— Небось, торопилась?..

— Еще бы!

Матреша обвила шею Антона и крѣпко-крѣпко поцѣловала его. Глаза ея блестѣли такою любовью, что Антонъ, счастливый и радостный, восторженно любовался Матрешей и, словно не находя словъ, нѣсколько секундъ молчалъ.

И спросилъ наконецъ:

— А живешь какъ у своей уксусной?

— Подлая... Не хотѣла отпускать сегодня... Сказала, что и безъ спросу уѣду...

— Молодца ты у меня, Матрешка.

Онъ крѣпко сжалъ ея руку и прибавилъ:

— Вернемся съ рейса, къ тебѣ забѣгу.

— Антоша, милый мой. Не ходи ты въ рейсъ. Слышишь? Оставайся здѣсь. Ѣдемъ!—возбужденно говорила Матреша.

И въ голосѣ ея звучала мольба. И глаза ея такъ нѣжно ласкали.

— Никакъ нельзя.

— Сдѣлай для меня... Штормъ-то какой... О, Господи!

— Служба. И нехорошо уйтить. И подъ судъ уйдешь, если сбѣжишь... Понимаешь?

Матреша понимала не то, что уйти нехорошо, а то, что посадятъ въ тюрьму. Но теперь она понимала, что она виновата передъ Антономъ, когда уговаривала его не оставлять пока мѣста рулевого на пароходѣ, благо жалованье хорошее, и сама не хотѣла бросать мѣста горничной. Доходы соблазняли и послѣ интимности съ Антономъ и выхода за него замужъ.

Она скрывала это отъ него. Вѣдь доходы не мѣшали ея любви къ Антону, но онъ бѣшеный, ревнивый... Вызналъ бы все, живя въ Ялтѣ.

И, охваченная позднимъ раскаяніемъ, она заплакала.

— Не реви, Матрешка... Чего ревѣть? — съ необыкновенной нѣжностью проговорилъ матросъ, тронутый страхомъ

Матреши за него и самъ отлично понимающій опасность шторма.

И, стараясь поцѣлуями вытереть слезы, онъ, чтобъ подбодрить Матрешу, прибавилъ своимъ увѣреннымъ и безшабашнымъ тономъ:

— И чего бояться? До Керчи дойдемъ, тамъ и отстоимся... И телеграммъ тебѣ пошлю!

Матреша улыбнулась сквозь слезы. И черезъ минуту, хорошо знающая власть своего обаянія надъ Антономъ, рѣшительно и повелительно сказала:

— Какъ рейцъ кончишь, проси разсчетъ. Слышишь. Не хочу я больше мужа матросомъ!

— Обязательно возьму разсчетъ, коли ты хочешь быть при мужѣ!..

— То-то хочу, и чтобъ вмѣстѣ жить, Антоша... на одной квартирѣ... Надоѣло врозь... Брошу я свою Айканиху!

Обрадованный Антонъ сіялъ побѣдоносно.

— То-то пришла въ разсудокъ, Матрешка... Давно звалъ тебя вмѣстѣ жить, какъ полагается форменно супругамъ... И я мѣсто пріищу... въ дворники пріищу, а то не здѣсь, такъ въ Севастополѣ. Небось, тебѣ не нужно въ людяхъ жить.

— Придумаемъ, какъ лучше, Антоша... Деньжонки есть.

— Скопила?

— Такъ по малости на мѣстѣ...

И, замѣтивъ, что Антонъ не обрадовался этимъ словамъ, прибавила, любуясь своимъ пригожимъ и ревнивымъ мужемъ:

— Не нравится, что живу въ горничной?

— А ты какъ полагала, Матрешка? Лестная, что ли, твоя должность! Развѣ что только выгодная, ежели вертишься день-денской да жильцамъ ублажай, чтобы были довольны... Хуже нѣтъ... И между ими есть, что прямо-таки подлецы! Думаютъ—съ деньгами и господа... Облестительная горничная... Такъ и безъ разговора ее упоцѣлуетъ. Свиньи!

— Всякіе есть... И отваживаешь!—лгала Матреша, чтобъ не оскорбить Антона.—Недавно еще... въ третьемъ номерѣ, старый генералъ приставалъ...

— А ты бы его въ морду, Матрешка! Молъ, въ законѣ!—вспыльчиво воскликнулъ матросъ.

— И такъ отсталъ... Не воображай... Будь покоенъ, обожаю своего Антошку... Милый! Вернешься только въ Ялту—ну ихъ съ пансіономъ!—горячо говорила Матреша, охваченная страхомъ за мужа.

И прильнула къ его губамъ. Потомъ вспомнила о золотомъ и сунула его Антону.

— А ты, Матрешка, знай, что, окромѣ тебя, ни на кого не взгляну. Завладѣла!..

Въ каютѣ сильно покачивало. Въ открытыя двери донесся окрикъ:

— Свистокъ!

Антонъ истово и серьезно поцѣловался троекратно съ Матрешей, и они вышли наверхъ.

— До свиданія, Матрешка!

— Прощай, мой желанный!

Загудѣлъ третій свистокъ. Матреша сбѣжала со сходни. Антонъ поднялся на мостикъ и сталъ къ рулю съ подручнымъ.

Старый капитанъ, въ дождевикѣ поверхъ теплаго пальто, обмотанный шарфомъ и въ теплыхъ англійскихъ перчаткахъ, озабоченный, стоялъ на мостикѣ, обернувшись къ кормѣ, чтобы не прозѣвать хода впередъ при отдачѣ швартововъ и пароходъ не ударился бортомъ о стѣнку мола.

Увидавъ своего любимца, славнаго рулевого, Никифоръ Андреевичъ кинулъ:

— Легко, Антонъ, снарядился. Зазябнешь. Есть полушубокъ?

— Есть, вашескобродіе. Не успѣлъ одѣться. Снимемся, надѣну.

— Видно, жена помѣшала?

— Пріѣзжала проводить, Никифоръ Андреевичъ!

Убрали сходню. Никого изъ постороннихъ не осталось.

— Отдавать швартовы!—скомандовалъ капитанъ.

И сію же минуту, какъ только-что стали отдавать швартовы, капитанъ возбужденно крикнулъ по телефону въ машину:

— Полный ходъ впередъ!

Машина застучала, и винтъ забуровилъ. «Бакланъ» отходилъ отъ пристани и, раскачиваясь съ бока на бокъ, обдаваемый верхушками волнъ, направился, сдѣлавъ поворотъ налѣво, въ море.

Капитанъ тихонько перекрестился и, полный рѣшимости не оставить мостика, чтобъ бороться со штормомъ, съ угрюмымъ видомъ человѣка, для котораго нѣтъ выхода изъ положенія, глядѣлъ впередъ и тоскливо смотрѣлъ и слушалъ, какъ на просторѣ дьявольски поднимаются и ревутъ волны.

Придерживая зазябшей рукой шляпку, Матреша стояла у края пристани, не спуская глазъ съ Антона, ворочавшаго рукоятку штурвала. Ужасъ отражался въ расширенныхъ зрачкахъ Матреши при мысли, что Антону не вернуться. Она, напрасно стараясь улыбнуться, кивала на пароходъ головой, чувствуя, какъ рыданія перехватываютъ горло.

Прибой грохоталъ, и волны гудѣли.

Въ публикѣ ахнули. Многіе крестились, точно прощались. Никто не спускалъ глазъ съ отошедшаго парохода. Зрители не расходились еще.

«Бакланъ» только-что отошелъ, какъ качка уже «трепала» пароходъ. Носъ его стремительно опускался, словно зарываясь въ воду, и корма взлетала словно на дыбы. И мгновеніями «Бакланъ» скрывался отъ глазъ и снова показывался, такой маленькій, метающійся, захлестываемый бѣшеными волнами и, казалось, обреченный на гибель.

По мѣрѣ того, какъ «Бакланъ» удалялся отъ мола, пароходъ казался съ берега еще безпомощнѣе и чаще закрытымъ волнами.

Куча стала расходиться.

Зрители «посѣрѣе», подавленные, подъ впечатлѣніемъ потрясающаго зрѣлища обреченныхъ людей, бросали недружелюбные короткіе взгляды на тѣхъ изъ немногихъ возвращающихся съ мола господъ, которые, тепло одѣтые и довольные, внушительно и громко восхищались грознымъ моремъ и бѣснующимся прибоемъ и съ веселой развязностью болтали и смѣялись.

Матреша, съ красными отъ слезъ глазами, удрученная тоскливыми думами объ Антонѣ, тихо и раздумчиво, ни на кого не глядя, проходила въ толпѣ, направляясь къ извозчикамъ, чтобъ спѣшить домой. Ее нагналъ жилецъ пятаго номера пансіона Айканихи, маленькій круглый молодой человѣкъ въ щегольскомъ мѣховомъ пальто и въ бобровой бояркѣ, мѣсяцъ тому назадъ пріѣхавшій изъ Петербурга въ Ялту отдыхать отъ чего-то и зачѣмъ-то вдохновляться моремъ. Неказистый, со скуластымъ, румянымъ и самодовольнымъ лицомъ, онъ заглянулъ въ лицо Матреши и слегка побѣдоноснымъ и наглымъ теноркомъ воскликнулъ:

— И вы полюбоваться природой, Матреша?.. Вы на морозѣ прехо...

И внезапно оборвалъ слово.

Оборвалъ и, рѣшительно сбросивъ золотое пенсне и словно бы лично оскорбленный страшнымъ порывомъ ледяного вѣтра, быстро спряталъ въ серебристый бобровый воротникъ свой чувствительный къ холоду, пухлый, маленькій вздернутый носъ.

Глаза Матреши сверкнули презрительнымъ огонькомъ. Она презрительно отвернулась отъ пятаго номера и пошла скорѣе. А молодой человѣкъ удивленно и обиженно взглянулъ на Матрешу, такую внимательную и любезную въ пансіонѣ и такую грубую на улицѣ.

— И глупый же однако кобель! — громко проговорилъ какой-то рабочій.

А Матреша слышала, какъ около нея какой-то старый, обросшій, смуглый грекъ говорилъ такой же старой гречанкѣ, что «Баклану» не дойти, и что такого шторма и не вспомнить. Слышала и отъ другихъ проходящихъ такія же безнадежныя замѣчанія и видѣла тревожныя лица.

Совсѣмъ потерянная, сѣла Матреша въ коляску и велѣла ѣхать домой.

Вернувшись, она стала прибирать неубранные номера и накрывать въ столовой къ завтраку... Пансіонъ ей сталъ нестерпимъ. Она затосковала и стала угрюмой.

Ада Борисовна увидала мрачную Матрешу въ столовой и проговорила мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ, искренности котораго Матреша не вѣрила:

— Что съ тобой, Матреша? Нельзя же быть горничной съ такимъ мрачнымъ лицомъ. Можно подумать, что тебя обидѣли, и ты дуешься. На кого ты дуешься? Уже не на меня ли?

— Я не дуюсь, барышня.

— Вотъ и порадовала. Вѣдь я, кромѣ добра, ничего тебѣ не сдѣлала. Пять лѣтъ живешь, и, слава Богу, и я довольна и жильцы тобой довольны. А мнѣ было-казалось, что дуешься на меня.

— Зачѣмъ дуться? Не понравится, и взяла разсчетъ!—проговорила Матреша.

Ада Борисовна испугалась.—«Дерзка!»—подумала она.

И, охотница до бесѣдъ по душѣ, она позвала Матрешу въ комнату и просила разсказать откровенно, что съ Матрешей. Вѣдь Ада Борисовна такъ привязана къ Матрешѣ. Она такая отличная горничная. Недаромъ же всѣ жильцы вознаграждаютъ за ея внимательность.—«Даже такой требовательный, какъ номеръ третій, и тотъ очень доволенъ и говорилъ, что такой добросовѣстной, какъ ты, не видалъ. А этотъ почтенный человѣкъ важный генералъ и богатый... Только будь внимательна, и онъ хорошо заплатитъ за услуги... Онъ до осени думаетъ прожить... И пятый номеръ, молодой человѣкъ, благодарилъ, что у насъ въ пансіонѣ такая аккуратная горничная.

— Ты вѣдь умница, Матреша, и всегда привѣтливая. А между тѣмъ такая мрачная.

Матрешѣ хотѣлось скорѣе отдѣлаться отъ Ады Борисовны, которая стала «облещивать» и запѣла свои разговоры.

И Матреша отрѣзала:

— Антона жалко. Оттого и невеселая!

— Но отчего жалко? Вѣдь онъ, слава Богу, здоровъ?

— Буря на морѣ. А пароходъ ушелъ. Кажется, понятно, барышня?

— Но, милая... Ушелъ пароходъ и дойдетъ, куда нужно... Зачѣмъ же ты тревожишься?..

«Зачѣмъ тревожишься!?»—подумала Матреша.

И, едва сдерживая слезы, Матреша сказала:

— Мнѣ некогда, барышня. Надо накрывать къ завтраку!

Но, чтобы утѣшить Матрешу и она «не имѣла мрачнаго вида», совсѣмъ не подходящаго приличной горничной приличнаго пансіона, Ада Борисовна сказала, что задержитъ на минуту, и проговорила:

— Вѣрь, Матреша, что опасности нѣтъ (и подумала: «а если будетъ, тогда и плачь!»). Капитанъ же знаетъ, и хорошій капитанъ... И будь благоразумнѣе: не тревожь себя. Не распускайся. Не кажись неинтересной, Матреша... Ты вѣдь хорошенькая, и надо беречь красоту... Мало ли какія мнительныя мысли приходятъ въ голову, но не слѣдуетъ давать имъ воли... Ты думаешь, Матреша, и у меня нѣтъ тоскливыхъ думъ? И мнѣ бываетъ грустно, но я знаю, что у меня есть обязанности передъ жильцами, и... на людяхъ я любезна... Я обязана... Будь же хоть при жильцахъ не такой грустной... Сдѣлай для меня... У насъ вѣдь въ пансіонѣ порядочные люди, а не Богъ знаетъ какіе.

Матреша наконецъ вышла.

Всѣ эти льстивые разговоры «Айканихи», какъ называла Аду Борисовну Матреша, зная хорошо ея лицемѣріе и эгоизмъ, не только не успокоили и не обрадовали комплиментами, но еще болѣе возбудили Матрешу противъ хозяйки. И она казалась молодой женщинѣ безсердечной, сухой и отвратительной съ ея «подлыми», лукавыми совѣтами, чтобы удержать жильцовъ.

Съ какимъ злорадствомъ объявитъ она Айканихѣ объ уходѣ... «Только получу телеграмму, что пароходъ пришелъ въ Керчь и Антонъ здоровъ!»

Такъ думала Матреша, накрывая на столъ, и по временамъ надежда закрадывалась въ ея сердце.

Вечеромъ, когда Матреша подала самоваръ жильцу второй молодости, онъ проговорилъ:

— Ты придешь?.. Ты вѣдь обѣщала, Матреша... А я онять золотой дамъ.

Но генералъ былъ оскорбленъ, когда Матреша, не скрывая отвращенія, со злостью отвѣтила:

— Никогда не смѣйте приставать... блудливый старикашка... Наплевать мнѣ на ваши деньги... Туда же, ухаживатель!

Матреша вышла и въ своей маленькой комнаткѣ плакала. А вѣтеръ, казалось, усиливался и завывалъ громче и силь-

нѣе. Рвало крыши. Лѣстницы визжали и свистали. Изъ трубъ точно вылеталъ стонъ.

Матреша выскочила на улицу и—Боже! что̀ за вихрь! Подъ блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца блестѣли замерзшія канавки и лужицы. Ледяной, захватывающій холодъ! И какіе порывы вѣтра, пригибающіе къ землѣ деревья и рвущіе крыши и вывѣски!

«О, Господи! Что̀ тамъ, въ морѣ!»—думала Матреша.

И, вернувшись въ комнату, она, рыдая, молилась:

«Спаси, Боже, пароходъ!»

На слѣдующій день штормъ бушевалъ, какъ вчера, и жильцы жаловались, что въ комнатахъ холодно. Номера третій и пятый, необыкновенно злые и недовольные Матрешей, говорили ей, что жить въ этакомъ пансіонѣ нельзя—морозятъ здѣсь,—и къ вечеру Ада Борисовна упрекнула Матрешу, что она стала дерзка съ жильцами. Жаловались, что она долго не идетъ на звонки.

— Свиньи они, вотъ что̀!—со злостью отвѣтила Матреша и прибавила:—Холодъ въ комнатахъ. Они и за это сердятся!

Къ вечеру Матреша стала еще нервнѣе и раздражительнѣе. Телеграммы не было. Ночь Матреша безпокойно спала, часто просыпалась и прислушивалась, нѣтъ ли стука въ прихожей.

Прошла ночь. Настало утро. Штормъ не стихалъ. Телеграммы не было.

Послѣ уборки комнатъ, не спросившись Ады Борисовны, Матреша поѣхала въ агентство узнать, гдѣ «Бакланъ»?

Въ агентствѣ отвѣтили, что о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій.

Матреша вернулась убитая.

IX.

Никифоръ Андреевичъ съ ужасомъ видѣлъ, что штормъ крѣпчалъ, и черезъ нѣсколько часовъ послѣ выхода изъ Ялты понялъ, что идти прежнимъ курсомъ, въ Ѳеодосію или въ Керчь, нельзя.

При громадной боковой качкѣ волны нападали на груженый пароходъ съ обѣихъ сторонъ, поминутно вкатываясь и на палубу, и на корму, и на бакъ. И вода, застоявшаяся на палубѣ и безпрерывно обрызгивающая бугшпритъ и борты, быстро замерзала, покрывая ихъ льдомъ.

Матросы и пассажиры то и дѣло скалывали ледъ, но новыя волны снова наносили новый ледъ. И матросы зябли, изнемогали и снова работали, въ изступленіи невольнаго ужаса, охватывающаго при мысли о неминуемой опасности, и испуганно взглядывали съ мольбой и вопросомъ на укутаннаго капитана, дождевикъ на которомъ обледенѣлъ.

А капитанъ, придумывающій средства спасенія отъ гибели, думалъ:

«Волны зальютъ, и ледъ будетъ лишней тяжестью—она насъ увлечетъ ко дну. Надо повернуть и пойти полнымъ ходомъ по волнѣ—и, Богъ дастъ, дойдемъ до Новороссійска или Батума, куда попутно».

«Только повернетъ ли счастливо пароходъ? Не зальетъ ли его при поворотѣ? Тогда смерть!»—промелькнуло въ головѣ Никифора Андреевича. Казалось, смерть въ этихъ кипящихъ волнахъ, отъ которыхъ дышитъ ледянымъ холодомъ, такъ близка и неминуема.

«О, Господи!»—шепнулъ капитанъ и мысленно прибавилъ: «Выбора нѣтъ!»

Онъ видѣлъ, что ледяной штормъ неистовствовалъ. Носъ ужъ обледенѣлъ и не такъ легко поднимался на волну. Вездѣ ледъ. И матросы его не побѣждаютъ. Брызги мгновенно обращаются въ льдинки. И какая жестокая стужа! Онъ чувствуетъ, что ноги коченѣютъ...

Все больше и больше волнъ вкатывается на бакъ, и людямъ работать тамъ невозможно.

Капитанъ видѣлъ испуганные и молящіе взгляды кучки людей, работавшихъ на оледенѣвшей палубѣ около трубы. Они вздрагивали отъ стужи, посинѣвшіе, съ одеревенѣвшими пальцами, окачиваемые брызгами, покрывающими буршлаты ледяною корой.

Былъ пятый часъ утра, когда капитанъ рѣшился.

Придерживаясь за поручни, чтобы не быть снесеннымъ въ море, капитанъ подошелъ къ штурвалу, помѣщенному въ маленькой рубкѣ, и приказалъ Антону:

— Лѣво на бортъ!

И, выйдя изъ рубки, онъ смотрѣлъ, какъ покатилъ носъ вправо, и... и... вдругъ... закрылъ глаза, опять ихъ открылъ и секунду-другую ждалъ гибели...

Правый бортъ кренился все ниже и ниже, все ближе и ближе къ волнамъ. Онѣ уже вливались и покрывали словно смертнымъ покровомъ...

И всѣ матросы, охваченные ужасомъ, подбѣжали къ трубѣ и... замерли, потрясенные.

Ни одинъ не крикнулъ... не молилъ...

Только мѣщанинъ изъ Новороссійска вылъ и молился, каялся въ грѣхахъ и обѣщалъ не грѣшить, если Богъ смилуется и спасетъ...

Эти нѣсколько мгновеній предсмертнаго страха казались безконечно долгими.

И вдругъ вздохъ облегченія вырвался изъ десятка грудей...

Бортъ поднялся... Волны отхлынули... И, сдѣлавши оборотъ, пароходъ выпрямился и раскачивался уже не боковой качкой, а килевой.

Всѣмъ казалось, что положеніе стало лучше.

И Никифору Андреевичу показалось, что пароходъ безопаснѣе. Надежда закралась въ изнывшую душу. Капитанъ, вызвавъ старшаго помощника подсмѣнить, бросился въ каюту, чтобы немного согрѣться. Передъ этимъ онъ велѣлъ матросамъ очищать пароходъ отъ льда посмѣнно.

И, Боже, какое физическое наслажденіе тепла испыталъ Никифоръ Андреевичъ въ каютѣ. И съ какимъ удовольствіемъ онъ выпилъ стаканъ горячаго чая съ коньякомъ... И съ какою надеждой онъ думалъ, что штормъ хоть немного стихнетъ!

Но къ ночи надежды почти не было. Отчаяніе уже овладѣло имъ.

Еще бы!

Бугшпритъ представлялъ собою уже гору льда. То же было и съ кормой. И пароходъ замѣтно сѣлъ ниже... Носъ все тяжелѣе взлеталъ изъ воды...

Но Никифоръ Андреевичъ, несмотря на отчаяніе, не потерялъ еще упорства въ борьбѣ.

И, озаренный счастливой мыслью, всегда трусившій начальства, Никифоръ Андреевичъ теперь не подумалъ его бояться, когда приказалъ старшему помощнику выбросить за бортъ часть груза...

Въ эту минуту изъ-за стремительно несущейся къ югу черной зловѣщей тучи вдругъ обнажился полный мѣсяцъ, красивый и блѣдный, ливший мягкій и серебристый, казалось, трепетный полусвѣтъ.

Безстрастно и холодно глядѣлъ онъ сверху и на вздувшееся, вспѣнившееся и гудѣвшее море, и на этотъ, словно бы заблудившійся, маленькій пароходъ, судорожно метавшійся въ качкѣ, изнемогавшій подъ ударами бѣшено нападавшихъ громадъ-волнъ, и на эту маленькую кучку испуганныхъ и иззябшихъ отъ пронизывающей стужи людей, напрасно работающихъ, чтобы освободить корму отъ нарастающаго льда.

Глядѣлъ и на Никифора Андреевича, казалось, замерзшаго въ своей неподвижной позѣ, и на искаженное отъ паническаго ужаса и жалко-страдальческое лицо, съ вздрагивающими челюстями, старшаго помощника, который глядѣлъ на капитана безсмысленными, выкаченными и неподвижными глазами.

Убитымъ голосомъ помощникъ спросилъ:

— Выбросить грузъ?

— Десять тысячъ пудовъ! Поняли?—крикнулъ капитанъ.

— Есть!—уныло отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— А сію минуту отдать якорь, а то и два!—рѣзко и повелительно кричалъ Никифоръ Андреевичъ.

— Есть!—отвѣчалъ оцѣпенѣвшій отъ страха старшій помощникъ, казалось, не понимавшій цѣли этихъ приказаній.

«Гибель неизбѣжна! О, Господи!» — думалъ Иванъ Ивановичъ и воскликнулъ:

— Стоитъ ли бросать грузъ, Никифоръ Андреевичъ?

И, чуть не рыдая, вдругъ разразился жалобными упреками:

— Зачѣмъ въ Ялтѣ не остались? Зачѣмъ? Пароходъ могъ разбиться въ щепы объ молъ, но мы были бы живы. А теперь — смерть. Зачѣмъ пошли на погибель? Вѣдь у васъ семья... у меня—невѣста... Всѣ хотятъ жить!.. И вы виноваты... вы!..

— Якорь! Грузъ за бортъ! Вы обезумѣли отъ страха? Какъ вамъ не стыдно! Мы отстоимъ пароходъ! — громовымъ голосомъ крикнулъ Никифоръ Андреевичъ, разгнѣванный, что помощникъ не вѣритъ тому, во что онъ хочетъ вѣрить.

Этотъ бѣшеный окрикъ капитана задѣлъ самолюбіе старшаго помощника, и въ то же мгновеніе проблескъ надежды на жизнь вспыхнулъ въ его сердцѣ.

И онъ, пріободренный, бросился съ мостика исполнять приказанія, которыя казались теперь малодушному молодому брюнету необыкновенно значительными.

А у капитана, напротивъ, надежды не было уже прежней.

— Стопъ машина!—крикнулъ Никифоръ Андреевичъ.

Якорь упалъ на глубинѣ двадцати саженъ.

«Бакланъ» остановился, вздрогнулъ всѣми своими членами и бросился къ вѣтру.

«Пароходъ еще не погибъ на поворотѣ!»—подумалъ капитанъ, когда носъ остановился противъ вѣтра, и, облегченно вздохнувъ, перекрестился.

Съ лихорадочной поспѣшностью матросы выбрасывали за бортъ грузъ.

Облегченный, пароходъ приподнялся надъ водой. Надежда снова воскресла въ людяхъ.

X.

Но недолго надѣялись моряки.

О, что за безконечно-длинная была эта ужасная ночь на Черномъ морѣ!

Штормъ, казалось, ревѣлъ «во всю» и дошелъ до своего апогея. Морозъ захватывалъ дыханіе.

Не прерывающійся гулъ моря и вой вѣтра, потрясающій мачты и проносившійся то стономъ, то визгомъ по мачтамъ, трубѣ и бортамъ, и эти тяжелыя, ледяныя и освирѣпѣвшія волны въ такой жуткой близости наводили ужасъ на несчастныхъ моряковъ, не испытавшихъ еще такого жестокаго шторма. Грозящая смерть смотрѣла въ глаза, безпощадно-близкая.

Пароходъ метался, какъ въ бѣшенствѣ агоніи. Онъ, точно въ судорогахъ, вздрагивалъ на своей цѣпи. Она то натягивалась, какъ струна, то «сдавала». И тогда «Бакланъ» подбрасывало, и онъ стоналъ и скрипѣлъ, вздрагивая на своей привязи.

Часы тянулись безъ конца. И каждая минута этихъ долгихъ часовъ говорила объ ужасѣ смерти.

Матросы и два черкеса-пассажира скалывали топорами и ломами ледъ, стоя по колѣни въ ледяной водѣ, привязанные концами, чтобы не быть смытыми въ море. А ледъ все выше и выше поднимался надъ носомъ.

Вмѣсто короткаго бугшприта и носа бѣлѣла безформенная уродливая глыба.

Выдерживать на такой стужѣ больше нѣсколькихъ минутъ было невозможно. Почти у всѣхъ были отморожены лица, ноги и руки. Смутная надежда заставляла людей переносить мýки и скалывать ледъ. Но скоро они уже бросили работы и прижимались къ горячей трубѣ. Но обмороженные люди не чувствовали жара.

И сонная апатія охватила этихъ мучениковъ.

«Заснуть! Заснуть!»

Погрѣвшись нѣсколько минутъ въ каютѣ, Никифоръ Андреевичъ былъ съ матросами и работалъ съ ними. Онъ приказывалъ, просилъ, умолялъ изнемогшихъ людей не спать и взять топоры и ломы, и, самъ потерявшій надежду, обнадеживалъ, что штормъ стихнетъ и пароходъ отстоится.

И многіе не слушали.

«Зачѣмъ?»—угрюмо говорили матросы и шли внизъ...

Только боцманъ, Антонъ и два младшіе помощника капитана, обмороженные, все-таки съ какимъ-то остервенѣніемъ отчаянія и уже едва владѣя руками продолжали работать.

Но и они понимали, что работаютъ напрасно. Что могутъ они сдѣлать?

Но Антонъ все-таки напрягалъ всѣ свои молодыя силы.

Вѣдь ему такъ хотѣлось жить и такъ много обѣщала жизнь вмѣстѣ съ Матрешей!

И Антонъ въ бѣшенствѣ рубилъ ледъ топоромъ, пока не обессилѣлъ и тутъ же упалъ, готовый заснуть.

Никифоръ Андреевичъ немедленно велѣлъ отнести его на кубрикъ.

Тамъ Антонъ бросился въ койку. Онъ не чувствовалъ боли отмороженныхъ ногъ и, внезапно охваченный равнодушіемъ ко всему—даже къ смерти, заснулъ какъ убитый.

Никто болѣе не работалъ. Никто ужъ не надѣялся. Всякій думалъ только о теплѣ и о снѣ.

И, добравшись до тепла, многіе молились и плакали.

Никифоръ Андреевичъ дремалъ въ своей каютѣ на мостикѣ тревожной, прерывистой дремотой. Каждую минуту онъ въ ужасѣ просыпался, вскакивалъ и выбѣгалъ.

Штормъ ревѣлъ. Пароходъ все больше и больше покрывался льдомъ.

Только вахтенный и рулевой на мостикѣ и двое часовыхъ на палубѣ уныло бодрствовали.

«Черезъ часъ-другой... смерть!»—мысленно проговорилъ Никифоръ Андреевичъ.

Ужъ онъ перестрадалъ предсмертныя мѵки, простился заочно съ семьей съ тоской любви и теперь уже съ покорнымъ отчаяніемъ ждалъ смерти.

Онъ какъ будто уже не жилецъ... И ему безразлично, пожалѣютъ ли его близкіе и что скажетъ начальство.

Мѣщанинъ изъ Новороссійска громко читалъ молитвы.

Вахтенный помощникъ вдругъ зарыдалъ.

Капитанъ не чувствовалъ сожалѣнія. И, изнеможенный, усталый отъ всей этой каторжной жизни, понятой имъ только теперь,—проговорилъ почти-что съ мольбой:

— Скорѣе бы смерть!

XI.

Забрезжило утро.

Осунувшійся за эту ночь и казавшійся дряхлымъ старикомъ, Никифоръ Андреевичъ недовѣрчиво встрѣтилъ надежду, охватившую измученное сердце, словно приговоренный къ смерти вѣсть о помилованіи.

Море, казалось, миловало, и надежда крѣпла въ Никифорѣ Андреевичѣ. И въ головѣ его проносились мысли о жизни, когда онъ смотрѣлъ вокругъ.

Штормъ еще ревѣлъ, но уже обезсиленно. Волны вздымались, но уже не съ прежней мощью и злобой нападали на изнемогшій «Бакланъ». Онъ ужъ не метался. Хоть качка и трепала его, но волны не вкатывались и только обдавали

брызгами. За ночь весь пароходъ обледенѣлъ, и глыбы высились надъ кормою, бортомъ и носомъ, и борты хоть и понизились, но не были еще совсѣмъ близки къ водѣ.

Еще можно уйти отъ могилы.

И капитанъ, умиленный и ожившій, горячо прошепталъ нѣсколько благодарныхъ молитвенныхъ словъ и приказалъ разбудить матросовъ и сниматься съ якоря.

Всѣ вышли. Многіе еле двигались. Антонъ, болѣе другихъ обмороженный, поднялся на мостикъ къ рулю, и лицо его дышало смѣлостью и вѣрой въ жизнь.

Всѣ ожили. Волны не заливали.

Скоро якорь былъ поднятъ.

И, чтобы воспользоваться попутнымъ штормомъ, капитанъ приказалъ снова взять курсъ на Батумъ и идти самымъ полнымъ ходомъ.

Къ вечеру всѣ моряки обнажили головы и, радостные, крестились. Перекрестился счастливый и Никифоръ Андреевичъ.

Пароходъ, почти касавшійся бортами воды, уже не боялся шторма и входилъ въ Батумскую гавань.

Еще минута—и «Бакланъ», представлявшій собой какую-то ледяную массу, ошвартовался.

XII.

Агентъ поздравлялъ капитана съ счастливымъ приходомъ. Никифоръ Андреевичъ просилъ немедленно отправить обмороженныхъ въ госпиталь. Со всѣми больными простился и обѣщалъ завтра же навѣстить ихъ.

Чуть не обезумѣвшій отъ восторга, мѣщанинъ изъ Новороссійска оставилъ пароходъ. Крѣпко пожали руку капитану два черкеса и ушли. Они не захотѣли въ госпиталь, хотя у нихъ и были отморожены руки.

Никифоръ Андреевичъ, снова уже трусившій начальства, не переодѣваясь, написалъ въ главную контору въ Одессу слѣдующую телеграмму:

«Не могъ выполнить рейса и прибылъ благополучно въ Батумъ. Принужденъ былъ выбросить 10.000 пудовъ груза, чтобы облегчить пароходъ во время шторма. Подробности донесеніемъ».

Затѣмъ, чтобы успокоить семью, Никифоръ Андреевичъ написалъ телеграмму женѣ о прибытіи въ Батумъ и, отправивъ телеграмму въ городъ, пошелъ полѣчить свои отмороженные пальцы на ногахъ и щеки, вымыться и переодѣться.

Черезъ десять минутъ Никифоръ Андреевичъ, обрадован-

ный, что не сдѣлался калѣкой и можетъ быть кормильцемъ семьи, сидѣлъ въ своей теплой натопленной каютѣ за стакаюмъ горячаго чая, сильно разбавленнаго коньякомъ для предупрежденія простуды.

Когда къ нему вошелъ агентъ, Никифоръ Андреевичъ первымъ дѣломъ просилъ прислать людей для очистки парохода отъ льда и, словно бы виноватый за убытокъ обществу, застѣнчиво и лаконически сказалъ:

— Никакъ нельзя было не выбросить груза... Прихватило штормомъ... Да-съ!..

Несмотря на просьбы агента разсказать подробности о томъ, какъ Никифоръ Андреевичъ штормовалъ и что онъ испытывалъ, капитанъ, словно бы стыдясь разсказывать о своихъ испытаніяхъ, ничего интереснаго не разсказалъ и только проговорилъ:

— Какъ видите... слава Богу... Вотъ только грузъ выбросили, и матросы померзли... Особенно Антонъ, рулевой...

Не обмолвился Никифоръ Андреевичъ агенту и о томъ, что за эту ужасную ночь и посѣдѣлъ, и осунулся, и обморозилъ порядочно-таки ноги, но зато просилъ агента обратить вниманіе, что только крайность заставила его выбросить грузъ, и прибавилъ:

— Не взыщутъ за это? Не обвинятъ?.. Какъ вы думаете?

Агентъ увѣрялъ Никифора Андреевича, что никто и не обвинитъ такого отличнаго капитана, который спасъ пароходъ... Напротивъ...

— Вѣдь какой ледяной штормъ... Ужасный! — прибавилъ агентъ и, не добившись отъ капитана ничего любопытнаго, ушелъ, находя, что Никифоръ Андреевичъ глупъ и нестерпимо скученъ.

XIII.

Всѣ эти дни Матреша не находила мѣста. Тоскующая, она немало проливала слезъ по ночамъ, и мучилась думами объ Антонѣ, и считала себя безконечно виноватой.

Прошло два дня, прошелъ третій... Матреша по два раза въ день бѣгала въ агентство справляться о «Бакланѣ», и попрежнему ей отвѣчали незнаніемъ.

А штормъ продолжался. Ни одинъ пароходъ не приходилъ въ Ялту. Разсказывали, что рейсы прекращены...

И Матреша возвращалась домой съ мола еще болѣе разстроенная и тоскливая.

Напрасно и Ада Борисовна и нѣкоторые жильцы, недовольные, что видъ Матреши «наводитъ скуку», утѣшали обыч-

ными банальными фразами, прибавляя къ нимъ, что Матреша еще молода и такая хорошенькая.

Матреша угрюмо отмалчивалась или просила оставить ее въ покоѣ.

Особенно обрывала она хозяйку, когда та начинала говорить по «душѣ» и слащавымъ голосомъ утѣшать о силѣ характера и терпѣніи.

Наконецъ, на четвертый день послѣ этого ужаса неизвѣстности, Матреша получила сильно запоздавшую телеграмму и прочла:

«Вмѣсто Керчи попали въ Батумъ. Немного обморозилъ ноги и нахожусь въ госпиталѣ. Скоро на поправку и буду къ дорогой супругѣ».

Матреша отъ радости смѣялась и плакала. И рѣшила ѣхать къ Антону въ Батумъ съ первымъ же пароходомъ...

«Бѣдный, вѣдь обмороженный... Около него должна быть... И скорѣе, скорѣе!»

Въ тотъ же день Матреша справилась въ агентствахъ, когда пойдетъ пароходъ въ Батумъ. Ей отвѣтили, что черезъ три дня, если штормъ стихнетъ, пароходъ придетъ изъ Севастополя въ кавказскій рейсъ.

И Матреша въ тотъ же вечеръ, рѣшительная и счастливая, что штормъ затихалъ, пошла къ Адѣ Борисовнѣ просить разсчета.

Ада Борисовна читала французскій романъ, наслаждаясь описаніемъ любви виконта и графини на Ривьерѣ, когда постучали въ дверь.

— Войдите!..

— Я, барышня, къ вамъ по дѣлу...

— Что такое?.. Ну, ты теперь прежняя Матреша... Веселая, довольная... Надѣюсь, больше ужъ нервничать и огорчать меня...

— Никогда больше не огорчу васъ, барышня!—насмѣшливо играя глазами, проговорила Матреша.

И, принимая серьезный видъ, прибавила рѣшительнымъ и вызывающимъ тономъ:

— Позвольте разсчетъ, барышня.

— Какъ разсчетъ?.. Зачѣмъ?.. Ты собираешься уходить отъ меня?—растерянно и испуганно промолвила Ада Борисовна, не предполагавшая, что Матреша оставитъ мѣсто теперь.

— Черезъ три дня уйду... Потрудитесь найти себѣ горничную...

— Да какъ же я въ три дня... Какъ же тебѣ не совѣстно такъ поступать со мной... Вѣдь это что же? Я такъ обращалась съ тобой... У тебя такое выгодное мѣсто... И зачѣмъ же тебѣ уходить... Или тебя переманиваютъ?..

— Я къ мужу ѣду... Извольте дать разсчетъ...

— Но хоть подожди, пока я не найду приличной горничной... Вѣдь такъ не поступаютъ, Матреша... Ты меня подводишь... Я не одна... У меня жильцы... Кажется, могла бы... Ну, я тебя прошу, Матреша... Останься!

— Не могу, барышня. И осталась бы, да Антонъ боленъ.

— Антонъ!?. Можетъ подождать Антонъ... Не серьезно онъ больной... Цѣлый годъ безъ него жила и вдругъ...

— Пожалуйте разсчетъ, барышня!—упорно повторила Матреша.

— Но ты не смѣешь уйти, пока я не найму другой горничной!—вдругъ мѣняя тонъ, сказала Ада Борисовна.

— Уйду... Смѣю!..

— Я буду жаловаться наконецъ!

— Кому угодно, барышня... Мнѣ наплевать... Черезъ три дня уѣду!

— Безсовѣстная... Неблагодарная!..

— Вы-то стыдливая... Вы-то благодарная! — съ злой насмѣшкой отвѣтила Матреша.

— Вонъ!.. Вонъ уйди... дерзкая!.. — вспылила Ада Борисовна...

— И завтра же уйду... А вы не ругайтесь... Недаромъ уксусная... Никто не влюбляется, такъ вы и злющая! — бросила скороговоркой Матреша и вышла, хлопнувъ дверью.

Ада Борисовна заплакала.

— Господи, какая дерзкая и безнравственная эта безчувственная тварь!—прошептала Ада Борисовна.

Черезъ три дня шторма ужъ не было. Море успокоилось, и погода была прелестная.

Пароходъ пришелъ въ Ялту и въ девять часовъ вечера ушелъ въ рейсъ. Матреша уже была на пароходѣ въ восемь часовъ и везла съ собой двѣ большихъ корзины съ вещами. и на груди былъ зашитъ билетъ ссудосберегательной кассы.

Черезъ сутки пароходъ благополучно пришелъ въ Батумъ, и Матреша, справившись въ гостиницѣ, въ одиннадцатомъ часу уже была въ госпиталѣ.

Антонъ еще не спалъ, когда сторожъ ввелъ Матрешу въ палату, гдѣ лежалъ уже поправлявшійся матросъ.

— Матрешка!—едва выговорилъ Антонъ, увидавъ Матрешу.

А Матреша припала къ лицу Антона и, плача отъ радости, говорила:

— Всегда теперь будемъ вмѣстѣ жить... Желанный мой...

ДУЭЛЬ ВЪ ОКЕАНѢ.

I.

Этотъ длинный переходъ изъ Фунчаля въ Батавію на Явѣ, безъ захода въ Ріо или на мысъ Доброй Надежды, начиналъ очень надоѣдать обитателямъ русскаго военнаго корвета «Отважный».

Вотъ уже двадцать пять дней, какъ океанъ да небо, небо да океанъ безъ конца.

Они, конечно, были прелестны и ласковы въ сѣверныхъ тропикахъ. О, какъ прелестны!

Солнце, ослѣпительно-красивое, всегда заливало жгучимъ блескомъ тихо рокочущій океанъ съ его ласковыми, невысокими волнами. Луна такъ таинственно-задумчиво глядѣла съ бархатистаго неба, и подъ ея серебристымъ свѣтомъ волшебныя южныя ночи становились еще волшебнѣе. Міріады звѣздъ такъ ласково мигали...

Но все-таки океанъ да небо, хотя и не угрожавшіе морякамъ штормами, казались однообразно-прелестными и надоѣдали людямъ, привязаннымъ къ землѣ.

И какъ безмолвно, пусто кругомъ!

Изрѣдка забѣлѣетъ парусъ встрѣчнаго или попутнаго судна... Обмѣняются привѣтствіями, поднятіемъ флага, и разойдутся, или «Отважный» обгонитъ попутнаго «купца».

И снова «Отважный» идетъ да идетъ подъ всѣми парусами, легко и граціозно поднимаясь съ волны на волну, въ одиночествѣ.

Рѣяли въ высотѣ орлы океана—фрегаты. То летали надъ водой, то опускались на нее бѣлоснѣжные альбатросы за рыбой и снова улетали, скрываясь отъ глазъ. Порой, вблизи, показывалъ черную спину китъ, выпускалъ высокій фонтанъ воды и исчезалъ. Въ прозрачной синевѣ океана показывались

акулы съ лоцманами у борта и удирали, не пронзенныя острогой какого-нибудь охотника-матроса. Часто на солнцѣ сверкали летучія рыбки.

Все это приглядѣлось.

И кончились благодатные тропики, гдѣ вахты матросовъ такія покойныя, и такъ хорошо дремлется подъ лаской вѣковѣчнаго пассата, и такъ слушаются сказки, если еще есть новыя у матроса-сказочника.

«Отважный» проскочилъ подъ парами штилевую полосу у экватора, прошелъ южные тропики, спускался все ниже и ниже, гдѣ вѣтеръ уже не шутилъ и дышалъ ледянымъ дыханіемъ южнаго полюса, и повернулъ въ Индійскій океанъ, чтобы съ попутнымъ муссономъ подниматься на Яву.

II.

Индійскій океанъ уже гнѣвно рокоталъ и порой бѣшено вздымался засѣдѣвшими громадными волнами, нападавшими на маленькій корветъ. Вѣтеръ выл и завывалъ въ мачтахъ и снастяхъ, стараясь опрокинуть «Отважный». Солнце пряталось подъ черными клочковатыми облаками, и безъ него штормъ казался еще страшнѣй и грознѣй, одиночество — еще безотраднѣе.

И со спущенными брамъ-стеньгами и подъ штормовыми парусами «Отважный», казалось, метался, словно затерянный и обреченный на гибель.

Но крѣпкій корветъ не давался грохотавшему бѣсновавшемуся старику-океану. Онъ стремительно взлеталъ на волны и опускался съ нихъ, отряхиваясь, словно громадная птица, отъ гребней волнъ, врывавшихся на бакъ. Онъ вздрагивалъ отъ ударовъ волны и уходилъ отъ смертельнаго савана. Злобная, она обрушивалась сзади кормы.

И капитанъ, строгій и напряженный, не спускавшій возбужденныхъ сверкавшихъ глазъ съ носа «Отважнаго», только покрикивалъ въ рупоръ рулевымъ у штурвала подъ мостикомъ:

— Не зѣвать... Право... Такъ держать!

Штормъ улеталъ дальше. Матросы облегченно крестились. Капитанъ уходилъ въ каюту отсыпаться.

Было въ океанѣ только «свѣжо», какъ говорятъ моряки про сильный вѣтеръ, не доходящій до силы шторма.

И «Отважный» подъ зарифленными парусами, раскачиваясь съ бока на бокъ, несся въ бакштагъ узловъ по двѣнадцати.

Только будто сѣдой бурунъ съ шумомъ разсыпался подъ носомъ «Отважнаго», и онъ вздрагивалъ и поскрипывалъ отъ быстраго хода.

Вахтенный офицеръ наблюдалъ за рулевыми. Стоялъ на мостикѣ и старшій офицеръ... Какъ бы не оплошалъ молодой мичманъ!

Кругомъ все то же. Океанъ да небо, то грозные, то милостивые, но ни разу не ласковые.

— «Очертѣло!»—все чаще и чаще говорили на бакѣ матросы.

«Лясничали» рѣже и только отрывисто, и болѣе насчетъ «подлаго» Индійскаго океана, который ни одной частицы ночи не даетъ выспаться подвахтеннымъ. Непремѣнно боцманъ крикнетъ: «пошелъ всѣ наверхъ!»—то къ повороту, то рифы брать.

— Очертѣетъ!.. На то и служба такая! — говорилъ какой-нибудь изъ старыхъ матросовъ.

— Еще, слава Богу, командиръ правильный...

— А Петра Васильичъ, что и говорить... Анделъ! — замѣчалъ кто-нибудь о старшемъ офицерѣ.

И обыкновенно любимые разговоры на бакѣ о качествахъ того или другого начальника на «Отважномъ», или воспоминанія о злыхъ и строгихъ, и не злыхъ и понимающихъ матроса начальникахъ, съ которыми прежде служили разсказчики,— теперь не поднимались. И шутокъ было не слышно.

Всѣ стали напряженнѣе и молчаливѣе.

Только молодые матросики изъ первогодковъ тоскливѣе вспоминали о далекой родной сторонѣ и чаще задумывались объ опасностяхъ морской службы.

— Кругомъ вода!—съ тоской говорилъ одинъ бѣлобрысый матросикъ съ большими сѣрыми глазами, который все еще не могъ привыкнуть къ морю, хотя и старался изо всѣхъ силъ дѣлать, что приказывали, чтобы боцманъ и унтеръ-офицеры не ругали и не били его.

Только не били бы! И, главное, чтобы не наказали линьками!

Старый боцманъ Корявый, «околачивавшійся», какъ онъ говорилъ, во флотѣ двадцать лѣтъ и послѣ всякихъ видовъ сдѣлавшійся большимъ философомъ, обыкновенно дрался «съ разсудкомъ» и «жалѣючи», какъ говорили про него матросы.

Но и онъ становился раздражительнѣй и дрался вовсе безъ разсудка, словно бы въ отместку за долгое ожиданіе напиться на берегу «во всей формѣ», какъ называлъ онъ возвращеніе съ берега въ лежку и подниманіе на палубу при помощи болѣе трезвыхъ матросовъ, а то и на гордешкѣ.

— За что звѣрствуешь, Митричъ? — спрашивалъ его пріятель, старый матросъ, вмѣстѣ обыкновенно пьянствовавшій на берегу.

— То-то отъ скуки... Поймн... Когда еще берегъ...

— А ты Бога вспомни. Обижаешь, Митричъ, безотвѣтныхъ... первогодковъ... Нехорошо, братецъ! — серьезно и въ то же время душевно убѣждалъ боцмана маленькій и сухощавый матросъ Опорковъ съ добрыми, словно бы виноватыми глазами человѣка, понимающаго, что онъ пропоецъ и не разъ даже пропивалъ на берегу все казенное платье и возвращался въ одной рубахѣ, а на другой день покорно ждалъ линьковъ.

— И Бога помню, когда въ понятіи.

— Войди...

— А ты не лѣзь, Опорковъ... До берега не буду въ понятіи... Поймн и не серди боцмана!—сердито оборвалъ пріятеля боцманъ.

И Опорковъ отходилъ.

Самъ онъ «заскучивалъ» по берегу, какъ и боцманъ. Необыкновенно добрый, онъ все-таки остановилъ на другой день боцмана и просилъ пожалѣть людей.

— Потерпи. Зато, Митричъ, какъ берегъ... Одно слово— вдребезги!—прибавлялъ Опорковъ.

III.

Въ каютъ-компаніи тоже все чаще и чаще раздавались недовольныя восклицанія скучающихъ офицеровъ:

— Скорѣй бы на берегъ!

— Тощища!

— Хоть бы по-человѣчески поѣсть, а то сиди на консервахъ!

— Обязательно выйду въ отставку!

Каждый изъ восклицавшихъ не ждалъ лично сочувственныхъ репликъ и не продолжалъ жаловаться на скуку. Надоѣли всѣ другъ другу.

Почти каждый день послѣ полудня, когда старшій штурманъ, доложивши капитану полуденную широту и долготу мѣста «Отважнаго», возвращался изъ капитанской каюты, мичманъ баронъ фонъ-Рейцъ, бѣлобрысый молодой человѣкъ, съ скучающимъ добродушнымъ лицомъ невозмутимаго флегматика, спрашивалъ о чемъ-нибудь плотнаго и крѣпкаго, маленькаго, лысаго, съ сѣдыми бачками и усами, старшаго штурмана.

И въ этотъ день онъ невозмутимо-спокойно спросилъ:

— Скоро въ Батавію, Аѳанасій Петровичъ?

— Я не Богъ-съ! Я штурманъ-съ, баронъ.

— Я это знаю, Аѳанасій Петровичъ... Но однако?

— И однако не знаю-съ! Эй, вѣстовые! Начерно рюмку водки!

— Сколько осталось миль, Аѳанасій Петровичъ?

— Это знаю-съ. Тысяча шестьсотъ двадцать миль!—любезнѣе отвѣтилъ Аѳанасій Петровичъ и съ удовольствіемъ выпилъ рюмку, крякнулъ и закусилъ кускомъ хлѣба съ сыромъ.

— Значитъ...

И баронъ, не спѣша, говорилъ про себя цифры.

— Значитъ, черезъ десять дней мы будемъ обѣдать въ Батавіи, Аѳанасій Петровичъ!—увѣренно произнесъ баронъ.

Обыкновенно сдержанный и скупой на слова въ морѣ, Аѳанасій Петровичъ становился нервнѣй въ концѣ перехода, особенно когда ему говорили подобные «сапоги въ смятку», какъ подумалъ старый штурманъ про слова барона, да еще мальчишки и съ такимъ апломбомъ.

И безъ того достаточно красный и отъ полнокровія и, быть-можетъ, отъ лѣченія его спеціально портвейномъ, Аѳанасій Петровичъ дѣлался еще краснѣй, хмурилъ свои сѣдыя густыя брови и не безъ раздраженія замѣчалъ:

— Значитъ, что пристяжная скачетъ.

— Вы, Аѳанасій Петровичъ, съ предразсудками.

— То-то вы безъ предразсудковъ, баронъ. Вамъ, конечно, извѣстно: будетъ ли штормъ или не будетъ-съ, прихватитъ ли ураганъ или не прихватитъ-съ. Стихнетъ вѣтеръ, и мы пополземъ по три узла-съ... Однимъ словомъ, вы все знаете-съ и черезъ десять дней будете обѣдать въ Батавіи, а я не собираюсь на берегъ, пока не бросимъ якоря...

Баронъ равнодушно выслушалъ и, когда старый штурманъ окончилъ, протянулъ:

— Да вы не сердитесь, Аѳанасій Петровичъ...

— Очень нужно сердиться.

И въ каютъ-компаніи снова была тишина.

Прежняго оживленія уже не было. Разговоры изсякли. Еще недавно общительные люди становились молчаливыми и болѣе чувствительными къ шуткѣ, если мичманъ Загорскій, enfant gaté каютъ-компаніи и веселый разсказчикъ анекдотовъ, пробовалъ пошутить. Но, главное, всѣ стали относиться другъ къ другу съ большей критикой. Сослуживцы, замѣчавшіе прежде немало хорошихъ сторонъ другъ въ другѣ, невольно старались замѣтить теперь дурныя. Споровъ не было. Если и поднимались, то принимали ожесточенный характеръ, и старшій офицеръ Петръ Васильевичъ, человѣкъ необыкновенно миролюбиваго характера и боявшійся, какъ огня, дрязгъ, ссоръ, словомъ, какой-нибудь «исторіи» въ каютъ-компаніи,— торопился прекратить споръ или разводилъ спорщиковъ, находя надобность съ однимъ изъ нихъ поговорить о чемъ-нибудь по службѣ.

Заниматься чѣмъ-нибудь, кромѣ службы, и отвлекаться запросами и рѣшеніями пытливой мысли большая часть офицеровъ на «Отважномъ» не привыкла. Только Петръ Васильевичъ умѣлъ наполнять свою жизнь постоянными служебными хлопотами и дѣлами, выдумывая ихъ, если ихъ не было. Да молодой докторъ, казалось, не скучалъ, хотя больныхъ на корветѣ и не было. Онъ цѣлыми днями читалъ или писалъ длиннѣйшія письма къ своей молодой женѣ, съ которой разстался черезъ годъ послѣ свадьбы, и старался разгонять тоску по любимой женщинѣ въ серьезномъ чтеніи и въ передачѣ ей своихъ замѣтокъ и впечатлѣній о первомъ своемъ плаваніи.

Остальные не знали, куда дѣвать время послѣ вахтъ и короткихъ ученій. Книги въ маленькой библіотекѣ корвета всѣ прочитаны. Новыхъ береговыхъ впечатлѣній, объединяющихъ разные характеры, темпераменты, взгляды и привычки семнадцати человѣкъ,—не было.

Всѣ изнывали и раздражались до озлобленія въ ожиданіи берега.

Даже и «Макарка», веселая обезьяна, купленная въ Фунчалѣ, что-то притихла: не носится, какъ оглашенная, по корвету, не взбѣгаетъ на верхушки мачтъ, не дразнитъ стараго добродушнаго водолаза «Умнаго» и не фамильярничаетъ съ матросами въ качествѣ общей любимицы.

«Макарка» часто сидитъ на борту и грустно поглядываетъ на океанъ, точно ожидаетъ увидать берегъ съ его роскошнымъ лѣсомъ, полнымъ кокосовъ, о которыхъ, повидимому, она еще помнитъ, несмотря на то, что уже два года какъ вывезена изъ Африки и попала на Мадеру плѣнникомъ.

И «Умный», казалось, скучаетъ по берегу. Словно чувствуя, что къ нему люди стали равнодушнѣе, чѣмъ раньше, «Умный» больше отсыпается на припекѣ и во время авраловъ и ученій удираетъ въ каютъ-компанію, чтобъ не попасться на глаза боцману, который въ это время можетъ обидѣть и «Умнаго», хотя онъ и знаетъ, что такое палуба на военныхъ судахъ, и, какъ сообразительная собака, понимаетъ свои обязанности.

IV.

Петръ Васильевичъ становился озабоченнѣе. Настроеніе въ каютъ-компаніи ему не нравилось, смущало и безпокоило его.

«То и дѣло выйдетъ какая-нибудь исторія!» — думалъ онъ.

Всю свою тридцатипятилѣтнюю жизнь провелъ Петръ Ва-

сильевичъ миролюбиво и по совѣсти, очень чуткой у него. Ни съ кѣмъ не ссорился и умѣлъ ладить съ самыми разнообразными людьми во время службы, но не изъ искательства или карьерныхъ соображеній, а просто потому, что былъ необыкновенно снисходителенъ къ ближнимъ.

Онъ былъ исправный служака, хорошій морякъ, но блестящихъ качествъ не выказывалъ и несъ служебную лямку, не разсчитывая на замѣтную карьеру. Зато и офицеры и матросы очень любили Петра Васильевича.

Этотъ, не особенно стройный, небольшого роста, худощавый блондинъ съ длинными бакенбардами, всегда хлопотливый и заботливый и объ «Отважномъ» и о матросахъ, привлекалъ необыкновенной простотой и особенно какимъ-то добросердечіемъ къ людямъ, которое свѣтилось въ его глазахъ.

Строгій ревнитель служебнаго долга, Петръ Васильевичъ требовалъ службы. Но не столько понималъ, сколько чувствовалъ, что трудная матросская служба не должна быть каторгой, и онъ не требовалъ муштры, не дрессировалъ людей, чтобы изъ нихъ выходили «черти», какъ называли старые моряки матросовъ, поражавшихъ безцѣльной быстротой работы на ученьяхъ и ожидавшихъ, изъ-за полминуты отдачи или уборки парусовъ, безпощаднаго наказанія.

И на «Отважномъ» не было того трепета команды, какой бывалъ на многихъ судахъ при каждой работѣ и при каждомъ ученіи. Не было оскорбительныхъ наказаній, и рѣдко, очень рѣдко раздавались на бакѣ крики наказываемаго линьками матроса.

Случалось, что въ минуты служебнаго пыла и Петръ Васильевичъ наскакивалъ на матроса, во-время не отдавшаго марса-фала или сдѣлавшаго такую же серьезную служебную провинность. Наскакивалъ и, случалось, ударялъ...

Но черезъ пять минутъ онъ подходилъ къ матросу и, словно извиняясь, говорилъ:

— А ты, братецъ, впередъ отдавай марса-фалъ... Я за дѣло ударилъ... И ты не обижайся...

И хоть матросъ и говорилъ, что не обижался, но Петру Васильевичу все-таки бывало не по себѣ. И онъ давалъ себѣ слово сдерживаться...

Но особенно сдержанъ и терпимъ былъ Петръ Васильевичъ въ своей неудачной семейной жизни, что не было секретомъ и въ Кронштадтѣ. Всѣ видѣли, съ какою безграничною и въ то же время робкою любовью на лицѣ входилъ онъ въ морское собраніе, подъ руку съ молодой, привлекательной женой; всѣ знали, что Лидія Викторовна обманываетъ его.

И, разумѣется, всѣ считали Петра Васильевича «форменнымъ» простофилей, у котораго глаза слѣпы.

Какъ ни простъ и снисходителенъ онъ, какъ ни любитъ свою жену, все-таки развѣ могъ бы жить подъ одной кровлей съ такой «дамочкой», которая только позоритъ его, если бы онъ былъ не такой «фефелой» и могъ бы догадаться о томъ, что знаетъ весь Кронштадтъ. Давно бы слѣдовало прогнать эту «особу» и отнять у нея ихъ трехлѣтняго сына.

Такъ разсуждали моряки, даже и тѣ, которые ухаживали за Лидіей Викторовной и вмѣстѣ съ ней старались обманывать мужа.

Но никто не зналъ, что Петръ Васильевичъ не только догадывался, но и зналъ, что любимая имъ женщина обманываетъ, и онъ не только не подумалъ «прогнать» жену, но даже скрывалъ отъ нея, что знаетъ, никогда не упрекнулъ ее и, тая про себя обиду и ревнивую жгучую боль, былъ попрежнему ласковъ съ ней и только черезъ годъ послѣ свадьбы переселился въ кабинетъ и оставался только другомъ и пѣстуномъ своей жены.

Любящее сердце подсказало Петру Васильевичу только одинъ исходъ изъ своего положенія. Не станетъ же онъ поднимать «исторію», да еще въ своемъ домашнемъ очагѣ, не оскорбитъ онъ женщины и не сдѣлаетъ ее болѣе несчастной и опозоренной, если, оставленная, она пустится во всѣ тяжкія.

И Петръ Васильевичъ, казалось, привыкъ къ положенію мужа съ обязанностями, но безъ правъ, и не понималъ даже своего героизма любви и самоотверженія.

«Чего ссориться намъ? Развѣ она виновата, что годъ любила, а потомъ разлюбила? Если скрываетъ отъ меня, значитъ, ей такъ нужно... Смѣю ли я выматывать ея признанія? Вѣдь это жестокость!»

Такъ нерѣдко раздумывалъ Петръ Васильевичъ и, разумѣется, находилъ въ своемъ любящемъ сердцѣ оправданіе обидѣвшей его женщинѣ.

И она съ какимъ-то беззаботнымъ легкомысліемъ вела прежнюю жизнь и, словно бы въ благодарность, что онъ не ревнивъ и такой примѣрный нетребовательный мужъ, стала съ нимъ мягка, любезна и, казалось, стала понимать, какое золотое у него сердце.

Какъ ни тяжело было оставлять жену на три года, Петръ Васильевичъ, разумѣется, не отказался отъ назначенія старшимъ офицеромъ на «Отважный» и порадовалъ молодую женщину хорошимъ содержаніемъ въ плаваніи, бо́льшую часть котораго будетъ оставлять женѣ.

При разлукѣ онъ только просилъ писать ему и беречься...

— Не лучше ли переѣхать на югъ, къ твоимъ?—осторожно прибавилъ онъ, полный тревоги, что молодая женщина, живя одна въ Кронштадтѣ, навлечетъ на себя еще бо́льшія сплетни.

— Ты хочешь?—спросила Лидія Викторовна.

— Тебѣ было бы лучше! — смущенно промолвилъ Петръ Васильевичъ.

— То-есть чѣмъ лучше?

— Ты была бы съ близкими... И лучшій климатъ...

Молодая женщина пытливо взглянула на Петра Васильевича. И ей стало жалко при видѣ соломеннаго мужа, его смущеннаго, словно виноватаго лица, и ей самой сдѣлалось вдругъ стыдно. Покраснѣла и она.

И вдругъ порывисто сказала:

— Ты не вѣрь слухамъ, которые про меня распускаютъ... Не вѣрь. Я, право, лучше, чѣмъ говорятъ обо мнѣ.

И слезы навернулись на красивыхъ черныхъ глазахъ Лидіи Викторовны. И голосъ ея звучалъ тоской, когда она прошептала:

— Добрый... хорошій ты...

Петръ Васильевичъ едва сдерживалъ слезы и припалъ къ маленькой рукѣ съ красивыми кольцами на мизинцѣ.

Въ каютѣ Петра Васильевича оба молчали нѣсколько мгновеній.

И наконецъ Лидія Викторовна чуть слышно спросила:

— Ужели ты все еще меня любишь?.. Понимаешь: влюбленно любишь?

— Люблю!..—смущенно проронилъ мужъ.

— И такую?.. Вѣдь я виновата, виновата передъ тобой...

— Ты не виновата, что не любишь меня. Ты права... Не говори ни слова!..

Молодая женщина въ порывѣ раскаянія крѣпко поцѣловала мужа, заплакала и рѣшительно проговорила:

— Я уѣду къ своимъ на югъ... Черезъ недѣлю же уѣду!..

Въ Брестѣ Петръ Васильевичъ получилъ первое письмо отъ жены изъ деревни на югѣ. Она писала, что останется у своихъ до возвращенія мужа, и просила его чаще писать ей.

Дальнѣйшія письма Лидіи Викторовны, длинныя и ласковыя, трогали и радовали Петра Васильевича, и, казалось, жизнь впереди сулила ему новое счастье.

V.

Ровный попутный вѣтеръ гналъ «Отважный» впередъ, и суточное плаваніе его — миль около двухсотъ — словно бы оправдало предположенія барона.

До Батавіи оставалось тысячу миль. При благопріятныхъ обстоятельствахъ дней черезъ пять корветъ долженъ бросить якорь, и, послѣ шестидесятидневнаго перехода, моряки наконецъ поѣдутъ на желанный берегъ, получатъ вѣсти отъ своихъ близкихъ и газеты.

Петръ Васильевичъ въ этотъ день сидѣлъ за обѣдомъ въ каютъ-компаніи на обычномъ своемъ почетномъ мѣстѣ, на маленькомъ диванчикѣ, и, по обыкновенію, внимательно взглядывалъ на лица офицеровъ и старался разогнать мрачное настроеніе.

— Сегодня плаваніе отличное. Двѣсти миль! Скоро, Богъ дастъ, и въ Батавіи будемъ!—говорилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.—И получимъ вѣсти... И свѣжее мясо будемъ ѣсть... И фрукты... Въ Батавіи простоимъ недѣли двѣ... Капитанъ говорилъ... И надо вытянуть ванты... И Аѳанасій Петровичъ хронометры провѣритъ.

— Обязательно, Петръ Васильевичъ!—проговорилъ старшій штурманъ.—И вмѣстѣ съ вами, Петръ Васильевичъ, поѣдемъ въ ботаническій садъ... Возьмете съ собой?..

— А то какъ же, Аѳанасій Петровичъ. И цѣлой компаніей поѣдемъ... Непремѣнно. И что за природа тамъ, господа! Очень хороша Батавія наверху, гдѣ голландцы понастроили виллы среди парка. Останавливаться надо въ Hôtel des Indes... Славно я тамъ, господа, жилъ, когда плавалъ на «Ныркѣ»...

— А теперь, видно, на недѣлю поѣдете на берегъ, Петръ Васильевичъ?—спросилъ старый штурманъ, очень уважавшій и привязанный къ Петру Васильевичу, который не питалъ ни капли обычной въ морякахъ нелюбви къ «паріямъ» морской службы—штурманамъ, механикамъ и артиллеристамъ. Старшій офицеръ былъ, напротивъ, большой и старый пріятель съ Аѳанасіемъ Петровичемъ и съ нимъ съѣзжалъ на берегъ, и съ нимъ нерѣдко водилъ бесѣды, ничего общаго не имѣющія со службой.

Съ нимъ они говорили о смыслѣ жизни, о религіи, о необходимости имѣть правила, и съ нимъ же за обѣдомъ на берегу выпивали лишнюю бутылку портвейна, особенно почитаемаго Аѳанасіемъ Петровичемъ. И оба они были очень скупы на траты на себя. У старшаго штурмана была большая семья, которой Аѳанасій Петровичъ отдавалъ большую часть своего содержанія, а Петръ Васильевичъ отказывалъ себѣ во всемъ. Изъ того содержанія, которое оставлялъ себѣ, большую часть берёгъ, чтобы накупить въ Китаѣ и Японіи разныхъ вещей для жены.

— То-то на недѣлю не съѣдешь, Аѳанасій Петровичъ... Надо присмотрѣть за работами... А на три дня все-таки съѣду... Погуляемъ по лѣсу... Хорошо въ тропическомъ лѣсу, Аѳанасій Петровичъ! Ахъ, какъ хорошо!

И, нѣсколько застѣнчивый, Петръ Васильевичъ стѣснялся при всѣхъ говорить о томъ, какъ онъ любитъ природу. Точно такъ же скрывалъ онъ отъ всѣхъ и свою платоническую любовь къ женѣ и свои всегда рыцарскіе взгляды на женщинъ.

Петръ Васильевичъ продолжалъ хвалить и мѣстоположеніе верхней Батавіи, и прогулки, и ананасы, и въ то же время прислушивался къ спору, вдругъ поднявшемуся на концѣ стола между очень красивымъ брюнетомъ, лейтенантомъ Байдаровымъ, самомнительнымъ и заносчивымъ человѣкомъ, считавшимъ себя и отличнымъ моракомъ, и умнымъ, и неотразимымъ для женщинъ кавалеромъ,—и мичманомъ Витинымъ, котораго въ каютъ-компаніи всѣ звали за его ласковый, добродушный характеръ и юность «Васенькой».

Петръ Васильевичъ уже чувствуетъ возможность ссоры. «Васенька» горяченькій, Байдаровъ, напротивъ, не теряетъ самообладанія и любитъ холодно и оскорбительно-вѣжливо унизить человѣка, который не признаётъ его авторитета и уже потому заслуживаетъ высокомѣрнаго отношенія.

И лицо Петра Васильевича, худощавое, съ мягкими чертами лица, обрамленнаго русыми бакенбардами, испуганно встревожено. Въ необыкновенно добрыхъ, лучистыхъ сѣрыхъ глазахъ его стояло выраженіе смущенія и страданія.

Онъ боялся крупной ссоры. Байдаровъ озлобленъ. Васенька не спуститъ.

Но еще болѣе тревожили Петра Васильевича презрительно-злые взгляды Байдарова, которые, во время спора съ мичманомъ, онъ бросалъ на кудряваго молодого инженеръ-механика Сойкина. Точно хотѣлъ онъ унизить въ спорѣ не столько своего оппонента, сколько Сойкина, который не ронялъ слова и въ то же время блѣднѣлъ, взглядывая, въ свою очередь, на Байдарова.

Уже съ самаго начала плаванія Петръ Васильевичъ видѣлъ, что Байдаровъ не терпѣлъ Сойкина. Онъ никогда не разговаривалъ съ нимъ и часто травилъ его, нарочно разсказывая при немъ о неразвитости и «хамствѣ» инженеръ-механиковъ. Необыкновенно терпѣливый, Сойкинъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Петръ Васильевичъ не разъ останавливалъ Байдарова и только удивлялся, за что Байдаровъ не любитъ Сойкина. Сойкинъ, кажется, славный, порядочный человѣкъ. Не желаетъ играть какой-нибудь роли.

Держитъ себя скромно и только въ бесѣдахъ съ мичманами высказывалъ свои задушевные взгляды, и тогда внезапно загорался.

И Петръ Васильевичъ съ ласковой улыбкой поглядывалъ на матово-смуглое выразительное лицо Сойкина съ его большими сверкающими глазами, толстымъ носомъ и крупными губами, и слушалъ, полный сочувствія, его слова, дышавшія то искреннимъ негодованіемъ, то восторженностью юнца ко всему чистому, хорошему и благородному.

Къ концу перехода ужъ Сойкинъ не говоритъ и большую часть времени рисуетъ. Онъ немного художникъ и мечтаетъ по возвращеніи въ Россію оставить службу и поступить въ академію художествъ.

Ненависть между Байдаровымъ и Сойкинымъ успѣвалась. Одинъ не скрывалъ ея, другой, казалось, не обращалъ вниманія на презрительныя насмѣшки и высмѣиваніе Байдарова въ разговорахъ съ другими. Они не разговаривали другъ съ другомъ и только официально-сухо раскланивались при встрѣчѣ въ каютъ-компаніи по утрамъ.

Петръ Васильевичъ уже раньше старался примирить ихъ. Но всѣ попытки ни къ чему не привели. Петръ Васильевичъ взялъ только съ Байдарова обѣщаніе не издѣваться въ каютъ-компаніи надъ механиками.

— Вы понимаете, что допустить этого въ каютъ-компаніи не могу. Такъ не заставьте старшаго офицера останавливать васъ...

— Слушаю-съ!—официально отвѣчалъ Байдаровъ.

— Я прошу у васъ не официальнаго: «слушаю-съ», Николай Николаичъ! Я вашего слова прошу. Передъ вами не старшій офицеръ, а товарищъ... И... вы... извините. Не понимаю этого... ненавидите Сойкина...

— Слишкомъ много чести для него... Я просто игнорирую его и не говорю съ нимъ.

— Вижу, вижу, Николай Николаичъ... Вы многихъ не признаёте... достойными. Простите: большая въ васъ гордыня... Но хоть не высмѣивайте и не оскорбляйте Сойкина, Николай Николаичъ. Вѣдь и самаго терпѣливаго можно вывести изъ себя, и... исторія. Онъ же останется виноватымъ... Вы—лейтенантъ, а Сойкинъ—прапорщикъ... Будьте великодушны, Николай Николаичъ!

Петръ Васильевичъ просилъ такъ взволнованно и горячо, что Байдаровъ обѣщалъ не быть виновникомъ непріятностей для Петра Васильевича.

И старшій офицеръ благодарилъ и успокоился. Исторіи не будетъ.

И вдругъ теперь?

Сойкинъ блѣденъ, какъ смерть. Навѣрное, Байдаровъ говорилъ что-нибудь нехорошее. Онъ вѣдь любитъ поражать оригинальностью безсердечныхъ взглядовъ и травить мичмановъ... а механиковъ и артиллеристовъ считаетъ чуть не идіотами, если они не молятся на него, какъ на божка. «А вѣдь далъ мнѣ слово... Какой несимпатичный человѣкъ!..»

А «Васенька» въ эту минуту воскликнулъ, весь вспыхивая, со слезами на глазахъ:

— Ваша теорія о женщинахъ безнравственна... позорна. Да... позорна. И вообще ваши взгляды... возмутительны... Я долженъ это сказать... Обязанъ... Мы, флотскіе,—аристократы, а другіе—плебеи!? И матросы—рабы, а мы—живодеры? Нѣтъ... Неправда... Ретроградамъ скоро отходная...

— Прежде выучитесь говорить прилично и избавьте меня отъ вашихъ пылкихъ изліяній... Не обидно, а... неостроумно. Изливайтесь своимъ единомышленникамъ,—разсчитанно отчеканивалъ медленно и тихо Байдаровъ и съ презрительной, уничтожающей усмѣшкой взглянулъ на Сойкина.

Петръ Васильевичъ бросилъ котлету мясныхъ консервовъ и, стараясь побороть волненіе, проговорилъ:

— Васенька! Ну что вы ершитесь... И то жарко, а вы... горячитесь... какой вы спорщикъ, голубчикъ? Вы все: «трахъ» да «трахъ», а Николай Николаевичъ прехладнокровно раздѣлываетъ васъ для своего удовольствія... Какъ, молъ, вы пижонисто волнуетесь... У Николая Николаича вѣдь оригинальные взгляды, а у насъ съ вами попроще-съ... Такъ зачѣмъ зря входить въ ражъ, Васенька, и выпаливать рѣзкія слова, точно на ссору лѣзете... Скоро Батавія, а вы... Въ каютъ-компаніи и вдругъ ссоры... Нечего сказать, хорошо будетъ плаваніе на «Отважномъ»!.. Будьте снисходительны, Васенька... Ну, хоть для меня... ни гу-гу больше... Присаживайтесь-ка ко мнѣ. Угощу лимонадомъ... Вы любите, Васенька... Вѣстовой! Василію Аркадьевичу лимонаду. И Степану Ильичу подать... Онъ любитъ!—говорилъ, слегка заикаясь отъ волненія, Петръ Васильевичъ и съ тревожной лаской взглянулъ на блѣднаго молодого механика.—И всѣмъ шампанскаго, за скорый приходъ. Однимъ словомъ, за миръ и благоденствіе нашей каютъ-компаніи!..

Петръ Васильевичъ выдержалъ паузу и продолжалъ еще взволнованнѣе:

— А вы, Николай Николаичъ, ужъ слишкомъ язвите Васеньку... За что-съ?.. Вы все понимаете, а онъ ничего не понимаетъ, такъ зачѣмъ его вызывать на споръ... Это... это... И вообще...

— Что вообще, Петръ Васильевичъ?—съ преувеличенною почтительностью высокомѣрія спросилъ Байдаровъ.

— И вообще... Прошу васъ, лейтенантъ Байдаровъ, не заводить въ каютъ-компаніи предосудительныхъ разговоровъ!— вдругъ неожиданно для себя, точно отъ невыносимой боли, крикнулъ Петръ Васильевичъ.

И лицо его побѣлѣло. Челюсти тряслись. И въ глазахъ блестѣли слезы.

Воцарилось мертвое, напряженное молчаніе.

Почти всѣ офицеры строго и непріязненно взглянули на Байдарова и, опустивши глаза на тарелки, стали усиленно ѣсть, точно котлеты интересовали ихъ болѣе всего.

Только Сойкинъ не поднялъ глазъ на Байдарова. Молодого механика подергивало точно въ лихорадкѣ.

А Николай Николаевичъ Байдаровъ еще выше поднялъ свою бѣлокурую голову. Его красивое молодое лицо, свѣжее, румяное и холеное, безбородое, съ шелковистыми небольшими усиками, и его голубые, блиставшіе рѣзкимъ блескомъ глаза были дерзко вызывающіе. На тонкихъ искривленныхъ губахъ блуждала усмѣшка. Маленькая рука съ кольцомъ на мизинцѣ небрежно играла цѣпочкой на бѣлоснѣжномъ жилетѣ.

Прошла минута, другая...

— Уходите, Николай Николаичъ,—шепнулъ сосѣдъ его.

Байдаровъ небрежно пожалъ плечами и тихо промолвилъ, кивнувъ на Сойкина:

— Этого... что ли, бояться?..

И едва Байдаровъ сказалъ это слово, какъ Сойкинъ неожиданно поднялся съ мѣста и, едва держась на ногахъ, крикнулъ какимъ-то сдавленнымъ голосомъ:

— Вы подлецъ, господинъ Байдаровъ!

И въ то же мгновеніе далъ пощечину.

Всѣ ахнули. Петръ Васильевичъ замеръ отъ ужаса и стыда. Ему казалось, что онъ самъ виноватъ и такъ позорно оскорбленъ.

Сойкинъ тотчасъ же сталъ спокойнѣе. Онъ подошелъ къ старшему офицеру и дрогнувшимъ, робкимъ, молящимъ голосомъ произнесъ:

— Простите, Петръ Васильевичъ... Прикажите арестовать...

— О, голубчикъ... Что вы сдѣлали?.. Идите въ каюту подъ арестъ!—упавшимъ голосомъ отвѣтилъ Петръ Васильевичъ, не смѣя поднять глазъ на Байдарова.

Байдаровъ хотѣлъ усмѣхнуться, и вмѣсто улыбки лицо его искривилось болѣзненной гримасой. Онъ обвелъ позеленѣвшими глазами присутствующихъ, остановилъ долгій, злой,

смертельный взглядъ на Сойкинѣ, точно хотѣлъ запомнить его лицо навсегда. И, словно понявъ весь ужасъ и позоръ оскорбленія, вдругъ поникъ головой и, закрывъ свою горящую щеку, убѣжалъ изъ каютъ-компаніи.

Черезъ пять минутъ онъ прислалъ старшему офицеру рапортъ о болѣзни.

VI.

Петръ Васильевичъ, подавленный и грустный, доложилъ капитану объ ужасной исторіи...

— Добился-таки Байдаровъ пощечины!—сурово промолвилъ капитанъ.—Довелъ бѣднаго Сойкина... Подъ судъ пойдетъ... Славный молодой человѣкъ...

— И какой скромный... Терпѣлъ... терпѣлъ... Ужъ я просилъ Байдарова...

— Надо было, Петръ Васильевичъ, раньше списать съ корвета этого гуся... И мы оба съ вами виноваты, что держали его...

— Виноватъ-съ... Этакая исторія, Владиміръ Алексѣичъ!

— Какъ бы Байдаровъ въ Батавіи не убилъ Сойкина на дуэли... Надо какъ-нибудь не допустить этой глупости... Не пускайте Сойкина въ Батавіи... И пусть онъ извинится передъ Байдаровымъ въ каютъ-компаніи... А Байдаровъ въ Батавіи же спишется и пусть ѣдетъ въ Россію... Не захочетъ, такъ я самъ спишу.

— Сойкинъ, я думаю, согласится извиниться, да Байдаровъ...

— Не удовлетворится?

— Едва ли...

— Ну и пусть какъ знаетъ... Онъ пощечину по-дѣломъ получилъ... Еще удивляюсь, какъ раньше не получилъ этотъ наглецъ... Воображаетъ, что дядя министръ и отецъ адмиралъ... Ну, что дѣлать... И вы не волнуйтесь, Петръ Васильичъ. Знаю, какой вы сами миролюбивый... И скажите Сойкину, чтобы онъ не тревожился... Попрошу въ Петербургѣ, чтобы не очень покарали...

— Сойкинъ и такъ собирается бросить службу... хочетъ въ художники.

— Тѣмъ лучше для него... Успокойте бѣднягу...

— Слушаю-съ, Владиміръ Алексѣичъ.

— И съ Байдаровымъ переговорите... Можетъ, ваше миротворство на этотъ разъ и вывезетъ...

Старшій офицеръ ушелъ отъ капитана и зашелъ въ каюту къ старшему штурману.

Тотъ только-что заснулъ полчасика послѣ обѣда и потягивалъ портеръ.

— Исторія, Аѳанасій Петровичъ!—вздохнулъ старшій офицеръ.

— Все плаваніе намъ испортилъ этотъ брандахлыстъ... Аристократъ!.. Вѣрите, и у меня чесалась рука, чтобы запалить ему въ морду... Портерку?

— Ну его... Вы, Аѳанасій Петровичъ, портеръ, а тутъ...

— Что тутъ?.. Получи въ морду и иди съ корвета... Всѣ перекрестятся!

— Онъ-то уйдетъ... Не уйдетъ, такъ капитанъ спишетъ... А какъ бы намъ Степана Ильича подъ судъ не подвести... Байдаровъ на дуэль вызоветъ...

— А онъ не иди... Дуэль... Моряки и безъ того каждый день рискуютъ, можно сказать, жизнью и не боятся смерти, когда нужно, а... тутъ иди подъ пулю?.. Мы, Петръ Васильичъ, будемъ убѣждать Сойкина... Уговоримъ...

Петръ Васильевичъ разсказалъ, что придумалъ капитанъ, и штурманъ воскликнулъ:

— И того умнѣй! Брандахлыста на берегъ, а Сойкина продержать подъ арестомъ... Уйдемъ изъ Батавіи, и дѣлу конецъ.

— А все-таки... вы понимаете... какая исторія...

— Ну что-жъ?.. Исторія... Не вернешь ее... Извините, Петръ Васильичъ, что я скажу?

— Говорите, Аѳанасій Петровичъ...

— Очень ужъ вы того... добры сверхъ положенія. По-евангельски не всегда можно-съ... Блаженны миротворцы, положимъ, Петръ Васильичъ... Но только—извините—побольше бы давали «ассаже» хлыщу Байдарову, онъ бы...

Петръ Васильевичъ покраснѣлъ до волосъ. Смѣшался вдругъ и старый штурманъ.

Оба знали, что красавецъ Байдаровъ былъ одно время любимцемъ Лидіи Викторовны.

— Что-жъ, обрывай я его, онъ подумалъ бы, что я изъ личности!—проговорилъ старшій офицеръ.—Эхъ, скорѣй бы въ Батавію, Аѳанасій Петровичъ!

— Все слава Богу.—И Аѳанасій Петровичъ, суевѣрный, какъ всѣ штурмана, сплюнулъ.—Вѣтеръ молодчага... Если такъ пойдетъ... разведемъ пары у экватора и... черезъ пять сутокъ и въ Батавіи... И письмо отъ Лидіи Викторовны получите... И я отъ своей команды... Стаканчикъ, Петръ Васильичъ?

— Развѣ... Выпью и пойду по дипломатической части!

Штурманъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ налилъ стаканъ портеру Петру Васильевичу.

Тотъ выпилъ и сказалъ:

— И какъ это люди, въ родѣ Байдарова, не могутъ въ

мирѣ жить... Мало ли что бываетъ, а не поднимай исторій... Не обижай людей... Не понимаю этого, Аоанасій Петровичъ.

— То-то оттого и съ правилами... Дай Богъ удачи...

VII.

Когда Петръ Васильевичъ вошелъ въ маленькую каюту, у двери которой стоялъ часовой съ ружьемъ, Сойкинъ сидѣлъ на койкѣ и набрасывалъ какой-то рисунокъ.

— Ну вотъ и я къ вамъ, батенька, посланникомъ отъ капитана... Эка карандашъ...

— Вы меня извините, Петръ Васильевичъ...

— Эхъ, вы...Еще извиняетесь. Можетъ-быть, мнѣ извиниться, что допустилъ... Ну... милый человѣкъ... А такъ ли не такъ ли, а вы извинитесь...

Сойкинъ перемѣнился въ лицѣ.

— Нехорошо, Степанъ Ильичъ... Вы оскорбили и повиниться не хотите?..

— Трудно, Петръ Васильичъ...

— Положимъ, Байдаровъ нехорошо поступилъ... травилъ... пакости говорилъ...

— Это я бы еще снесъ, Петръ Васильевичъ. Я вѣдь выносливый... Не хотѣлъ скандала... Но этого не вынесъ...

— А чего?

— Онъ, право, подлецъ... Можете себѣ представить... Онъ одну мерзость сказалъ за обѣдомъ про одну даму... А я... я... хорошо знаю эту даму... Она... Она... благороднѣйшая и лучшая женщина, которую я зналъ... И онъ зналъ, что она моя хорошая знакомая, а все-таки... Понимаете? И вѣдь все подло лгалъ... Эта дама отвергла его... такъ онъ мнѣ мстить выдумалъ... Ну, все... все меня и заставило ударить его, Петръ Васильевичъ... Такъ посудите... Могу ли я извиняться?.

Голосъ Петра Васильевича звучалъ такъ нѣжно и грустно, когда онъ отвѣтилъ:

— И все-таки должны... Ради этой самой женщины должны... Развѣ это расправа... Эхъ, дорогой юноша, труднѣе бываютъ вещи, и все-таки... правильнѣе не платить за скверное скверными...

Старшій офицеръ еще говорилъ, разсказывая въ третьемъ лицѣ нѣчто похожее на прежнее свое положеніе, и Сойкинъ наконецъ согласился...

— Спасибо,.. Не надо ли чего?.. Лимонадъ отъ меня требуйте...

Черезъ минуту Петръ Васильевичъ стучался въ двери каюты Байдарова.

— Войдите!..

Байдаровъ сидѣлъ у шифоньерки и писалъ письмо.

Онъ обернулся и, увидавъ старшаго офицера, всталъ.

Его лицо дышало злобой, страданіемъ и рѣшимостью.

— Что прикажете?—рѣзко спросилъ онъ старшаго офицера.

Петръ Васильевичъ, смущенный, словно виноватый, передалъ совѣтъ капитана списаться въ Батавіи съ корвета и прибавилъ, что Сойкинъ хочетъ извиниться передъ Николаемъ Николаевичемъ при всѣхъ товарищахъ въ каютъ-компаніи.

Оба они не глядѣли другъ на друга.

— Я и безъ приказанія капитана спишусь съ корвета. А извиненія Сойкина не желаю!—отвѣтилъ Байдаровъ. И, помолчавъ, прибавилъ:— Это, вѣрно, ваша идея моего удовлетворенія?

— И моя, Николай Николаичъ.

— Я такъ и думалъ. Вы вѣдь недаромъ необыкновенно христіански терпимы. Объ этомъ весь Кронштадтъ знаетъ!— прибавилъ Байдаровъ и засмѣялся.

Петръ Васильевичъ выскочилъ изъ каюты, ужаленный въ самое сердце.

Въ тотъ же вечеръ капитанъ приказалъ снять часового, и Сойкинъ находился подъ домашнимъ арестомъ. Къ нему заходили многіе офицеры.

Зашли къ арестованному Петръ Васильевичъ и Аѳанасій Петровичъ.

Старшій офицеръ сообщилъ, что Байдаровъ извиненіемъ не удовлетворился.

— И чортъ съ нимъ!—вставилъ старшій штурманъ.

— Байдаровъ, конечно, вызоветъ васъ на дуэль въ Батавіи, Степанъ Ильичъ.

— А вы откажетесь, Степанъ Ильичъ?—замѣтилъ Аѳанасій Петровичъ.

— Разумѣется, долженъ отказаться! — говорилъ старшій офицеръ.

Молодой человѣкъ взволнованно сказалъ:

— Я не откажусь... Я не позорный трусъ!

— Васъ не выпустятъ въ Батавіи изъ каюты. И сидите...

Оба стали убѣждать молодого человѣка.

Сойкинъ колебался.

VIII.

Всѣ на корветѣ спали, кромѣ вахтеннаго офицера и вахтенныхъ.

Вѣтеръ былъ свѣжій. «Отважный» несъ марсели въ два рифа, зарифленные гротъ, фокъ и кливера.

Петръ Васильевичъ спалъ въ своей каютѣ полураздѣтый, чтобы въ минуту выбѣжать наверхъ, если вѣтеръ засвѣжѣетъ...

Въ одной изъ каютъ въ каютъ-компаніи сидѣлъ Байдаровъ и осматривалъ два корабельные одноствольные заряженные пистолета, которые онъ только-что принесъ тихонько изъ палубы. Заряжены они были для стрѣльбы въ цѣль послѣ полудня, но стрѣльба была отмѣнена.

При мысли объ оскорбленіи онъ вздрагивалъ, и злоба видимо охватила его.

И онъ написалъ слѣдующую записку:

«Оскорбленіе должно быть смыто кровью. Предлагаю черезъ часъ драться на матросскихъ пистолетахъ въ моей каютѣ (она больше вашей). Секундантовъ не нужно. Выстрѣлъ послѣ счета «три» того, на кого выпадетъ жребій. Если несогласны, убью васъ, какъ собаку».

Байдаровъ разбудилъ дремавшаго дежурнаго вѣстового и велѣлъ ему разбудить Сойкина и отдать записку.

Сойкинъ сладко спалъ, когда вѣстовой его разбудилъ.

Полусонный сталъ читать онъ записку у свѣчи, зажженной вѣстовымъ, и сонъ вдругъ пропалъ. Сердце упало. Онъ почувствовалъ холодъ, пробѣжавшій, словно струйка, по спинѣ, и ноги стали свинцовыми. Глаза впились въ клочокъ бумажки, и буквы, казалось, увеличивались въ гигантскія буквы и подвигались на него... Тоска охватила его, и губы шептали: «зачѣмъ?..»

Иллюминаторъ то опускался, то поднимался, вода слегка гудѣла, обливая иллюминаторъ и разсыпаясь алмазными брызгами на серебристомъ лунномъ свѣтѣ... Переборки каюты поскрипывали.

Прошла минута.

— Будетъ отвѣтъ, ваше благородіе? Лейтенантъ безпремѣнно требуютъ.

Сойкинъ очнулся.

Въ головѣ его мелькнула мысль: «Отказаться!..»

Глаза снова читали: «убью, какъ собаку!»

И Сойкинъ черкнулъ на запискѣ: «согласенъ», сунулъ ее въ руку вѣстового, точно хотѣлъ скорѣй избавиться отъ этого клочка, принесшаго смерть, быстро одѣлся, закрылъ на ключъ двери и сталъ торопливымъ, нервнымъ почеркомъ писать письма. Одно матери, другое той женщинѣ, изъ-за которой главнымъ образомъ далъ оплеуху. Письма начинались: «я буду убитъ»... Онъ былъ увѣренъ, что живетъ послѣдній часъ, и рыданія душили его...

. . . . . .

Склянки пробили шесть ударовъ—три часа утра.

Сойкинъ бросился на колѣни передъ образомъ, вскочилъ и съ послѣднимъ ударомъ колокола вошелъ въ каюту Байдарова.

— Протоколъ подпишите!—чуть слышно проговорилъ тотъ.

Въ неподвижномъ тяжеломъ взглядѣ Байдарова Сойкинъ читалъ смерть. Онъ отвелъ глаза и покорно подписалъ что-то, не читая.

— Выбирайте...

«Узелокъ—смерть»,—подумалъ Сойкинъ и вытащилъ узелокъ.

— Вамъ выбирать мѣсто и считать до трехъ... Одному у двери, другому у иллюминатора.

— У дверей...

Съ этими словами Байдаровъ подалъ два пистолета.

— Берите!

Сойкинъ взялъ правый.

— Взведите!

Курокъ щелкнулъ.

— На мѣсто!

Байдаровъ говорилъ повелительно и шопотомъ. Эта слабо освѣщенная одной свѣчой каюта въ 4 шага длины казалась клѣткой убійства. И самъ Байдаровъ—убійцей...

«За что же меня убивать?»—хотѣлось сказать Сойкину, и броситься вонъ, и звать на помощь.

Но вмѣсто этого онъ сталъ у двери.

— Наводите пистолетъ!

Сойкинъ навелъ свой пистолетъ въ уголъ каюты.

Байдаровъ навелъ на грудь Сойкина.

— Стрѣляйте въ меня... Я все равно буду въ васъ стрѣлять.

Сойкинъ молчалъ.

— Считайте!

Вздрагивающимъ голосомъ, медленно, оттягивая темпъ, считалъ Сойкинъ:

— Разъ... два... три...

Раздались два выстрѣла.

Сойкинъ жалобно вскрикнулъ и медленно склонился, схватывая рукою грудь, и упалъ въ раскрывшіяся двери.

Петръ Васильевичъ выбѣжалъ изъ каюты, подбѣжалъ къ раненому и поднялъ его голову на грудь.

— Дуэль... Убитъ!.. — коснѣющимъ языкомъ проговорилъ Сойкинъ, и глаза его потускнѣли...

Сбѣжавшіеся офицеры стояли потрясенные...

Старшій офицеръ бережно опустилъ покойника, поцѣловалъ его въ губы и смотрѣлъ ему въ лицо.

«БЕРЕГЪ» И МОРЕ.

I.

Скверное осеннее утро. Въ большомъ, внушительномъ, строгаго стиля кабинетѣ роскошной казенной квартиры адмирала Берендѣева медленно и строго пробило одиннадцать.

Въ эту минуту осторожно, словно бы не смѣя нарушить торжественной тишины кабинета, вошелъ пожилой черноволосый лакей, съ широкимъ смышленымъ лицомъ, обрамленнымъ засѣдѣвшими бакенбардами, опрятный и довольно представительный въ своемъ черномъ сюртукѣ съ солдатскимъ Георгіемъ.

Неслышно ступая большими цѣпкими ногами въ мягкихъ козловыхъ башмакахъ, онъ приблизился къ огромному письменному столу посреди комнаты, за которымъ сидѣлъ, погруженный въ чтеніе какой-то бумаги, съ длиннымъ карандашомъ въ маленькой, костлявой и морщинистой рукѣ, низенькій, сухощавый, совсѣмъ сѣдой старикъ, съ коротко остриженною головой и маленькою бородкой клинышкомъ.

Онъ былъ въ разстегнутомъ форменномъ сюртукѣ и въ бѣломъ жилетѣ. Бѣлоснѣжный, тугой стоячій воротничокъ сорочки подпиралъ шею и горло въ морщинахъ. Морщины изрѣзывали и длинноватое, гладко выбритое, отливавшее желтизною лицо съ длиннымъ прямымъ носомъ, напоминающимъ трудолюбиваго дятла.

Утонувшій въ высокомъ, глубокомъ креслѣ, старый адмиралъ казался совсѣмъ маленькимъ.

Камердинеръ адмирала Никита, бывшій матросъ, выждалъ нѣсколько секундъ, взглядывая на адмирала и словно бы опредѣляя степень серьезности его настроенія.

Адмиралъ не поднималъ головы и, казалось, не замѣчалъ своего камердинера.

Тогда, слегка вытянувшись, по старой привычкѣ, Никита рѣшительно и довольно громко произнесъ:

— Осмѣлюсь доложить...

— Дуракъ! — раздражительно оборвалъ старый адмиралъ, приказавшій разъ навсегда не безпокоить его по утрамъ, когда онъ занимается, добросовѣстно прочитывая доклады и добросовѣстно подучивая учебникъ механики, чтобы потомъ не обнаружить своего незнанія на подчиненныхъ людяхъ.

— Дама желаетъ видѣть ваше высокопревосходительство.

Адмиралъ взволновался.

— Дама? Зачѣмъ дама? Какая дама?

— Супруга капитана второго ранга Артемьева. Молодая и брюнетистая по личности, ваше высокопревосходительство.

Съ этими словами Никита положилъ на письменный столъ визитную карточку.

Адмиралъ, прежній лихой «морской волкъ», неустрашимый, простой и доступный, недаромъ послѣ долгой службы на берегу измѣнился.

Если бы посѣтительница была съ громкой фамиліей или супруга человѣка съ серьезнымъ служебнымъ положеніемъ, онъ хоть и выругалъ бы про себя даму, оторвавшую его отъ работы, но, разумѣется, приказалъ бы немедленно просить.

«А то къ нему, высокопоставленному лицу, работающему до одурѣнія, лѣзетъ на квартиру какая-то Артемьева, жена капитана второго ранга... Да еще, дура, передаетъ свою карточку... Очень нужно ему знать, что ее зовутъ Софьей Николаевной!»

Обозленный и дамой, и Никитой, и сегодняшнимъ предстоящимъ засѣданіемъ, гдѣ ему придется говорить, защищая свой докладъ, адмиралъ швырнулъ карточку и проговорилъ своимъ скрипучимъ старческимъ голосомъ, звучавшимъ гнѣвною раздражительностью:

— Скотина! Какъ ты смѣлъ пустить просительницу? Развѣ не знаешь, что просителей на дому не принимаю. Что курьеръ смотрѣлъ? Гдѣ онъ?

— Усланъ ея высокопревосходительствомъ.

— Куда?

— Въ театръ и къ портнихѣ.

Адмиралъ сердито крякнулъ и сказалъ:

— Скажи просительницѣ, что можетъ явиться въ министерство... Пріемъ отъ часа до двухъ... Понялъ?

«Ты-то сталъ меньше понимать на сухой пути!» — подумалъ Никита, служившій при Берендѣевѣ много лѣтъ:

сперва—капитанскимъ вѣстовымъ, а послѣ отставки—камердинеромъ на берегу.

И, вмѣсто того, чтобы «исчезнуть», какъ исчезалъ, бывало, изъ каюты при первомъ же окрикѣ своего капитана, Никита доложилъ:

— Я уже все обсказалъ дамѣ, ваше высокопревосходительство.

— Что-жъ она?

— Не уходитъ!

— Какъ не уходитъ?—изумленно спросилъ адмиралъ, казалось, не понимавшій такого неповиновенія жены моряка.

— «Я, говоритъ, не могу уйти. Мнѣ, молъ, по экстрѣ на пять минутъ поговорить, вотъ и всего!» Этто сказала во всемъ своемъ хладнокровіи и шмыгъ въ залу.

— Экая нахалка!.. А ты болванъ!.. Иди и скажи ей, что я не могу принять. Пусть убирается къ чорту!

— Есть!

Никита вышелъ и черезъ минуту вернулся.

— Ушла?—нетерпѣливо спросилъ адмиралъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство! Несогласна!—казалось, довольный, сказалъ Никита.

— Какъ она смѣетъ? На какомъ основаніи?..—подчеркнулъ адмиралъ: «на какомъ основаніи» — особенно любимыя имъ слова съ тѣхъ поръ, какъ изъ отличнаго строевого моряка сдѣлался неожиданно для себя государственнымъ человѣкомъ.

— На томъ основаніи, что «буду, говоритъ, ждать адмирала. Онъ, молъ, не безсердечный человѣкъ, чтобы не найти пяти минутъ для женщины». Извѣстно, по бабьему своему разсудку, не можетъ войти въ понятіе насчетъ спѣшки при вашей должности!—прибавилъ Никита съ едва уловимою ироническою ноткой въ его голосѣ.

— Это чортъ знаетъ что такое!..—бѣшено крикнулъ адмиралъ, поднимаясь съ кресла.

И онъ заходилъ по кабинету, придумывая и, казалось, не придумавши, какъ отдѣлаться отъ этой дамы.

— Какая наглость!.. Наглость какая!—повторилъ адмиралъ, похрустывая пальцами.

Адмиралъ уже представлялъ себѣ просительницу дерзкою психопаткой, а то и курсисткой, съ которой, чего добраго, нарвешься на скандалъ и еще попадешь въ газеты. Нечего сказать, пріятно!

И какое можетъ быть у нея экстренное дѣло къ нему?

Взволнованный адмиралъ придумывалъ причины, одна дру-

гой несовмѣстимѣе. Одна изъ нихъ казалась ему вѣроятнѣе. «Вѣрно, прилетѣла жаловаться на мужа, что прибилъ ее. И по-дѣломъ такой женщинѣ! Вѣрно, и распутная. Иди съ жалобой къ экипажному командиру, а то лѣзетъ въ квартиру... И не уходитъ... Курьера нѣтъ... Никишка... рохля!»

«Наглая баба!» — мысленно поносилъ старикъ просительницу.

И этотъ властный старикъ, который позволяетъ грубости и не про-себя съ подчиненными, избалованный ихъ страхомъ дисциплины и раболѣпствомъ, теперь чувствуетъ безсиліе, и передъ кѣмъ? Передъ какою-то бабой!..

Точно потерявшій умъ и засушившій на старости лѣтъ сердце, онъ злобствуетъ на просительницу, труситъ ея и, растерянный, не знаетъ, на что рѣшиться.

Рѣшительный и сообразительный въ морѣ, онъ прежде зналъ, что дѣлать при всякихъ обстоятельствахъ на командуемыхъ имъ судахъ.

А теперь?..

Такъ прошла минута.

Отступивъ къ двери, Никита взглядывалъ на бѣснующагося адмирала и мысленно порицалъ его.

«Не обезумѣй изъ-за своего званія, очень просто рѣшилъ бы ты въ секундъ плевое дѣло, по разсудку и совѣсти. На томъ свѣтѣ ужъ ему паекъ идетъ, а онъ куражится надъ подчиненными людьми...»

Сочувствующій просительницѣ, пообѣщавшій ей попытаться насчетъ пріема адмираломъ, онъ осторожно проговорилъ:

— Дозвольте доложить, ваше высокопревосходительство?

— Ну... Что еще?

— Просительница не осмѣлится зря докучать вашему высокопревосходительству.

— Почему?

— Она вовсе не озорного вида.

— А какого?

— Очень даже благороднаго обращенія, ваше высокопревосходительство! Хоть по своей гордости и не оказываетъ обезкураженности, плакать не плачетъ, а замѣтно, что въ разстройкѣ... Такая тихая, въ строгой задумчивости сидитъ просительница и ждетъ!

И послѣ паузы Никита значительно и серьезно прибавилъ, чтобы напугать адмирала:

— Какъ бы, грѣхомъ, съ ней чего не случилось отъ отчаянности, ваше высокопревосходительство!

— Чего?—испуганно и растерянно спросилъ адмиралъ.

— Извѣстно, по женской части. Схватитъ ее «истерикъ», и заголоситъ просительница на всю квартиру!—значительно и таинственно понижая голосъ, докладывалъ Никита.

Недаромъ же онъ клепалъ на просительницу съ самыми добрыми намѣреніями человѣка, еще не забывшаго совѣсть.

Онъ хорошо зналъ своего адмирала. Не разъ наблюдалъ, какъ теряется старикъ, «давая слабину», когда адмиральша, лѣтъ на тридцать моложе мужа, женщина, по словамъ Никиты, «шельмоватая», «форсистая» и еще «бельфамистая», довольно-таки часто занималась «истерикомъ» и въ такія минуты называла мужа «противною старою обезьяной».

Вотъ почему, пользуясь случаемъ, Никита «забиралъ ходу», какъ называлъ онъ смѣлость своего разговора съ адмираломъ, и продолжалъ:

— Одно только будетъ безпокойство вашему высокопревосходительству, осмѣлюсь доложить... И ежели бы изволили потребовать просительницу, она живо бы обсказала свою причину, и... проваливай!

Адмиралъ снова назвалъ своего камердинера непечатнымъ словомъ и прибавилъ:

— Чортъ съ ней. Зови ее! Только предупреди: пять минутъ—и ни секунды!

— Есть, ваше высокопревосходительство! — отвѣчалъ Никита, не обращая большого вниманія на брань и, казалось, очень довольный, скрывая свое горделивое чувство побѣдителя.

«Только зря больше пяти минутъ куражился. Давно принялъ бы барыню и сидѣлъ бы за своими бумагами!»—подумалъ Никита.

И почти вприпрыжку «исчезъ» изъ кабинета обрадовать просительницу.

А старый адмиралъ, словно бы боявшійся уронить престижъ власти, на который покушается жена капитана второго ранга Артемьева («И какъ онъ смѣлъ пустить свою дуру къ высшему начальству!»), слегка выпялилъ грудь, нахмурилъ сѣдыя брови и, заложивъ за спину обѣ руки, остановился невдалекѣ отъ дверей въ позѣ нахохлившагося дятла, готовый оборвать «нахалку».

II.

Уже предубѣжденный противъ просительницы, адмиралъ въ первую минуту не сообразилъ, что остановившаяся передъ нимъ, слегка блѣдная, высокая, стройная женщина, въ черномъ платьѣ и въ скромной шляпѣ, рѣшительно ничѣмъ не

походила на наглую психопатку, какую разсчитывалъ встрѣтить его высокопревосходительство.

Не замѣтилъ, казалось, адмиралъ въ просительницѣ и того невольно-бросающагося въ глаза, что замѣтилъ Никита: отпечатка простоты, порядочности и горделивой скромности и строгой одухотворенной красоты ея умнаго, энергическаго лица съ большими темными, серьезными глазами.

Онъ только обратилъ вниманіе, что она не извинялась и не благодарила за то, что допущена къ высокопоставленному лицу, и ея глаза глядѣли на него прямо, открыто и смѣло, полные надежды.

Этотъ взглядъ, совсѣмъ непохожій на тѣ заискивающіе, разсчитанно-кокетливые и притворно-страдальческіе взгляды, которыми бо́льшая часть просительницъ достигала цѣли, только еще болѣе раздражилъ уже раздраженнаго старика.

Какая дерзость!

И онъ едва кивнулъ головой на поклонъ молодой женщины. Вспылившій, онъ даже не спросилъ, что́ ей нужно, а сразу набросился на нее и почти кричалъ:

— На какомъ основаніи, сударыня, вы лѣзете въ мою квартиру?.. Позвольте спросить, сударыня, на какомъ законномъ основаніи?! Долженъ я, что ли, бросить государственныя дѣла и слушать каждую даму, которой вдругъ «приспичитъ» отрывать серьезнаго человѣка отъ занятій? Казалось бы, что вы, какъ жена флотскаго офицера, должны это понимать. Не понимали,—спросили бы мужа... Или... нынче новая мода. Съ мужьями не совѣтуются. Полная свобода... Жена сама по себѣ... Очень хорошо! Такъ спросили бы одного изъ вашихъ знакомыхъ мичмановъ...

Просительница блѣднѣла.

Казалось, она не вѣрила своимъ ушамъ.

Изумленная, она еще пристальнѣе глядѣла на адмирала.

Презрительное молчаніе и высокомѣрный видъ просительницы еще болѣе обозлили старика.

И онъ кричалъ точно на мичмана:

— Добились своего, сударыня Дуракъ-лакей впустилъ, вы воспользовались его глупостью, и я принужденъ васъ принять Такъ что́ же вамъ отъ меня нужно? Прошу говорить короче!.. Какое можетъ быть у васъ экстренное дѣло, чтобы ворваться сюда?

Вмѣсто того, чтобы заговорить о дѣлѣ, Артемьева повернулась и пошла къ двери.

Адмиралъ опѣшилъ.

Прошло нѣсколько мгновеній. Голосъ его значительно понизился, когда онъ проговорилъ:

— Вернитесь, госпожа Артемьева!..

Она остановилась у дверей и съ блестѣвшими слезами на глазахъ произнесла:

— Съ меня довольно оскорбленій, ваше высокопревосходительство.

Повидимому, только въ эту минуту адмиралъ увидѣлъ, какою благородною правдивостью дышитъ печальное, негодующее и строгое лицо этой блѣдной брюнетки, изящной и красивой, и, казалось, сообразилъ, какъ грубо и оскорбительно кричалъ на просительницу.

И, приблизившись къ ней, проговорилъ:

— Напрасно вы, сударыня, приняли такъ близко къ сердцу мои слова.

— Напрасно?—изумленно и строго протянула Артемьева. И тихо, стараясь сдерживать себя, продолжала:—Вы, адмиралъ, вѣрно, не помните, что говорили? Или вамъ кажется, что вы еще мало кричали и мало говорили оскорбительныхъ словъ, чтобы можно было ихъ принять къ сердцу... О, разумѣется, сама виновата. Вѣдь я не разсчитывала на такой пріемъ... Я думала...

— Вы могли бы пожаловать въ часы пріема!—перебилъ старикъ, словно бы оправдываясь.

И голосъ его сталъ мягче. И самъ онъ не походилъ на высокомѣрнаго, грубаго адмирала.

— Знала. Но мнѣ было необходимо говорить съ вами не при публикѣ.

— Я принялъ бы васъ отдѣльно и въ министерствѣ. Повѣрьте, Софья Николаевна, что я не принимаю у себя на дому...

— Значитъ, я была введена въ заблужденіе... Мнѣ говорили, что вы принимаете. Еще на-дняхъ графиня Штейгеръ...

Адмиралъ, пойманный во лжи, смутился.

Вѣдь онъ не отказывалъ просительницамъ поважнѣе и бывалъ съ ними очень любезенъ.

И, вмѣсто того, чтобы оборвать обличительницу, онъ почти виновато произнесъ:

— Въ очень рѣдкихъ случаяхъ, Софья Николаевна...

— Такъ я надѣялась на рѣдкій, счастливый случай. Онъ былъ важенъ для меня. Мнѣ съ разныхъ сторонъ говорили, что вы... добрый человѣкъ, и я поѣхала. Конечно, я знала, что вы бываете неразборчивы въ выраженіяхъ съ подчиненными. Вѣроятно, не сомнѣваетесь, что ни одинъ изъ нихъ не приметъ къ сердцу словъ человѣка, отъ котораго зависитъ судьба...—съ нескрываемою злою иронією вставила молодая женщина.

И, отдавшаяся властному чувству поруганнаго человѣческаго достоинства, грустная и скромная въ смѣлости, она тихо и значительно, слегка вздрагивающимъ отъ сдерживаемаго волненія голосомъ продолжала:

— Но смѣла ли я думать, что вы, заслуженный адмиралъ, станете кричать на женщину, какъ на матроса, и оскорблять ее, какъ не оскорбляютъ даже уличныхъ женщинъ, увѣренный, что можно дѣлать все безнаказанно. Вѣдь я—жена капитана второго ранга Артемьева. А что если я вдругъ урожденная княжна или графиня, ваше высокопревосходительство?

Подавленный, растерянный и словно бы забывшій, что онъ всесиленъ, властенъ и не знаетъ противорѣчій, адмиралъ почувствовалъ словно удары бича въ этихъ, давно неслыханныхъ имъ, смѣлыхъ словахъ.

Оробѣвшій и безсильный передъ безпощадною правдой возмущенной и оскорбленной женщины, онъ не осмѣливался остановить ее.

Что могъ онъ сказать въ оправданіе своей оскорбительной грубости и бѣшенаго крика?

Новымъ крикомъ: «Убирайтесь вонъ!»

Но—странное дѣло!—теперь просительница, бросающая ему въ глаза порицаніе, не только не возбуждаетъ въ адмиралѣ большей злобы или мстительности мелкой душонки, а, напротивъ, вызываетъ въ немъ невольное уваженіе къ смѣлости правдивой души, стыдъ передъ нею и сознаніе своего позорнаго поступка.

Казалось, онъ былъ подсудимымъ передъ строгимъ судьей-просительницей.

А она говорила:

— Извините, ваше высокопревосходительство, что осмѣлилась отнять у васъ время. Я наказана за свое заблужденіе... Покойный мой отецъ Нерѣшимовъ много помогъ ему,—онъ такъ хорошо вспоминалъ о своемъ прежнемъ капитанѣ на «Кречетѣ»... И я все-таки увѣрена, что вашъ гнѣвъ за мои слова не отразится на мужѣ. Вы этого не сдѣлаете!—почти просила Артемьева.

Адмиралъ еще ниже опустилъ свою сѣдую голову, словно не рѣшался поднять своихъ выцвѣтшихъ смущенныхъ глазъ.

И молодая женщина почти мягко прибавила:

— Вѣдь мои слова были вызваны вами... И, быть-можетъ, когда ваше раздраженіе пройдетъ, вы убѣдитесь, что не всѣ просительницы такъ выносливы, какъ ваши подчиненные. И... и вамъ будетъ стыдно.

Съ этими словами Артемьева хотѣла уйти.

Адмиралу уже было стыдно.

И стало еще стыднѣе отъ того, что просительница, да еще дочь славнаго Нерѣшимова, его пріятеля, который вышелъ въ отставку, защищая свое человѣческое достоинство, даже не желаетъ говорить о своемъ дѣлѣ.

«А вѣдь у бѣдняжки, вѣрно, горе... Такіе безнадежные глаза. И какъ похожа она на отца... Такая же... характерная...»—подумалъ адмиралъ.

И, взволнованный, испуганно воскликнулъ:

— Не уходите, Софья Николаевна!..

Въ голосѣ адмирала звучала мольба.

И виновато прибавилъ:

— Простите, если только можете, виноватаго старика!..

Молодая женщина не ожидала такого впечатлѣнія ея смѣлыхъ словъ. Она не сомнѣвалась, что послѣ нихъ дѣло ея потеряно и не стоило обращаться къ адмиралу съ просьбой.

И вдругъ такая перемѣна!

Софья Николаевна была тронута. Она ужъ была готова если не оправдать грубаго деспота-старика, то значительно уменьшить его вину. Теперь ей казалось, что она ужъ слишкомъ рѣзко обошлась съ нимъ, словно бы забывая, что только благодаря этому адмиралъ почувствовалъ свое безсердечіе и стыдъ.

Сама взволнованная и смущенная, молодая женщина промолвила:

— О, благодарю васъ, Василій Васильичъ!

— Не вамъ благодарить, а мнѣ... Вы проучили старика... Присядьте, Софья Николаевна... Вотъ сюда, на диванъ...

Она опустилась на диванъ. Адмиралъ сѣлъ напротивъ.

— Что съ вами?.. Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ, Софья Николаевна?—спросилъ онъ.

Казалось, спрашивалъ не сухой формалистъ-адмиралъ, а ласковый, учтивый, добрый отецъ, старавшійся загладить вину передъ обиженною дочерью.

III.

— У меня къ вамъ большая просьба, Василій Васильевичъ!—серьезно, значительно и тихо проговорила молодая женщина. И смущенно, краснѣя, прибавила:—Но только попрошу васъ, чтобы она осталась между нами.

— Даю слово, что ни одна душа не узнаетъ, Софья Николаевна.

— Прикажите назначить мужа въ дальнее плаваніе. Я знаю, что освобождается мѣсто старшаго офицера на «Воинѣ». Мужъ имѣетъ всѣ права на такое назначеніе... Я прошу не протекціи, а только напоминаю о правѣ.

Адмиралъ изумился.

Онъ припомнилъ, что мужъ просительницы, симпатичный, красивый блондинъ, еще два мѣсяца тому назадъ отказался отъ блестящаго назначенія на Востокъ.

— Такъ, значитъ, вашъ мужъ раздумалъ...

— Какъ раздумалъ?

— Онъ ссылался на семейныя обстоятельства, когда я предлагалъ ему отвести миноносецъ въ Тихій океанъ.

Кровь отлила отъ лица Артемьевой, и она рѣшительно сказала:

— Онъ не хочетъ въ плаваніе... Но ему необходимо идти... для его же пользы...

Адмиралъ пристально посмотрѣлъ на красивую женщину. Она перехватила этотъ взглядъ, казалось ей, подозрительный, и, гордо приподнимая голову, строго промолвила:

— Я люблю мужа и семью... Оттого и прошу васъ отправить его въ плаваніе...

— Развѣ онъ?..—сорвалось у адмирала.

— Онъ благородный, честный, деликатный человѣкъ!—съ горячею страстностью воскликнула Софья Николаевна, словно бы впередъ запрещая кому-нибудь сказать о мужѣ что-нибудь дурное.

— Я знаю... Какъ же... И способный офицеръ...

— Еще бы!

— Съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу, Софья Николаевна...

— И скоро онъ уѣдетъ?

— А вы какъ хотите?..

— Какъ можно скорѣе.

— Ему будетъ приказано черезъ три дня уѣхать къ мѣсту назначенія.

— Благодарю васъ, Василій Васильичъ!

Лицо Софьи Николаевны немного прояснилось, и она поднялась съ дивана.

Адмиралъ крѣпко пожалъ ея руку, проводилъ молодую женщину до двери и, почтительно кланяясь, сказалъ:

— Дай вамъ Богъ счастья. Не поминайте лихомъ!

— Добромъ вспомню, Василій Васильичъ!

— И если я буду вамъ нуженъ... зайдите.

— Непремѣнно... Отъ часу до двухъ—въ министерствѣ...

— И ко мнѣ прошу.

— Развѣ въ особо важномъ случаѣ... Иначе не ворвусь...

Въ прихожей Никита, подавая просительницѣ накидку, весело промолвилъ:

— Вотъ, барыня, и слава Богу...

— Вамъ спасибо, большое спасибо!—сердечно отвѣтила молодая женщина.

Она полѣзла-было въ карманъ, но Никита остановилъ ее словами:

— Я не къ тому, барыня... Не надо... А, значитъ, «лезорюція» отъ него вышла?

— Вышла...

— Вотъ то-то и есть... Только надо съ нимъ, какъ вы...

— А какъ?

— Не давать спуску... Я слышалъ, какъ вы, барыня, отчитывали... Небось, войдетъ въ разсудокъ!—довольный, сказалъ Никита и низко поклонился Артемьевой, провожая за дверь.

Она опустила густую вуаль, словно бы не хотѣла быть узнанною, торопливо спустилась по широкой лѣстницѣ и, очутившись на набережной, прошептала:

— Что-жъ... По крайней мѣрѣ дѣти спасены!

Слезы невольно показались на ея глазахъ.

Софья Николаевна взглянула на часы. Было четверть перваго.

И она наняла извозчика и попросила его ѣхать скорѣе въ десятую линію Васильевскаго острова.

Софья Николаевна не любила, чтобы дѣти сидѣли за столомъ безъ нея.

IV.

Два мальчика-погодки—шести и пяти лѣтъ, и двухлѣтняя очаровательная дѣвочка съ бѣлокурыми волосами, веселые, ласковые и не боязливые, радостно выбѣжали къ матери въ прихожую.

Она невольно полюбовалась своими красавцами-дѣтьми и особенно порывисто и крѣпко поцѣловала ихъ.

И бонна, рыжеволосая, добродушная нѣмка изъ Сѣверной Германіи, и пригожая, привѣтливая горничная Маша не имѣли недовольнаго, надутаго или испуганнаго вида прислуги, не ладившей съ хозяевами.

Онѣ встрѣтили Софью Николаевну привѣтливо-спокойно, безъ фальшивыхъ улыбокъ подневольныхъ людей, видимо расположенныхъ къ Софьѣ Николаевнѣ, уважающихъ, не боявшихся ея, хотя она и была требовательная хозяйка, особенно къ чистотѣ въ квартирѣ.

Но чувствовалось, что она не смотритъ на прислугу, какъ на рабовъ, и не считаетъ ихъ чужими.

По вѣшалкѣ Софья Николаевна узнала, что мужа нѣтъ дома.

— Я только переодѣнусь, и подавайте, Маша, завтракать!— проговорила она обычно спокойно и ласково.—И попросите Катю, чтобы оставила для Александра Петровича цвѣтную капусту. Намъ не подавайте!

— Баринъ только-что ушли и сказали, что завтракать не будутъ...

— Такъ пусть Катя оставитъ капусту къ обѣду.

«Уже съ утра сталъ уходить!»—съ больнымъ, тоскливымъ чувствомъ подумала Софья Николаевна и пошла въ спальную.

И гостиная-кабинетъ съ двумя письменными столами, большимъ библіотечнымъ шкапомъ, фотографіями писателей, піанино и холеными цвѣтами на окнахъ и въ жардиньеркѣ, и спальная безъ ширмъ и портьеръ, и двѣ комнаты для дѣтей и бонны сверкали чистотою, опрятностью и сразу привлекали, какъ иногда люди, какою-то симпатичною своеобразностью.

Въ нихъ даже пахло какъ-то особенно пріятно. И воздухъ былъ чище. И дышалось легче.

Казалось, это было одно изъ тѣхъ рѣдкихъ, заботливо-свитыхъ гнѣздъ, въ которомъ пріютился семейный миръ.

Ничто въ этой очень скромной обстановкѣ не напоминало обязательно-показныхъ гостиныхъ «подъ роскошь», такъ-называемыхъ «будуаровъ» съ намеками на «нѣгу Востока» изъ Гостинаго двора, темныхъ, тѣсныхъ дѣтскихъ и грязныхъ угловъ, гдѣ «притыкается» на ночь прислуга.

Видно было, что здѣсь устроились по-своему, для себя, а не «для людей», какъ устраиваются «всѣ».

Теперь это гнѣздо, свитое и оберегаемое любящею женой и матерью,—уже не то милое и родное, которое дѣлало жизнь ея полною и счастливою.

Софья Николаевна переодѣвается и думаетъ все одну и ту же думу, которая не оставляетъ ее съ тѣхъ поръ, какъ гнѣзду грозитъ разрушеніе. Надо спасти мужа и дѣтей, главное—дѣтей.

И ей кажется, что спасетъ, чего бы ей ни стоило.

Недаромъ же она рѣшилась на долгую разлуку съ человѣкомъ, который такъ дорогъ ей, котораго такъ безумно и влюбленно любитъ и—что еще тяжелѣе — не можетъ, по совѣсти, обвинить его.

Напротивъ!

Она знаетъ, что онъ боролся и старается скрыть отъ нея свое тяжелое настроеніе, какъ скрываетъ свои мѵки и она.

Развѣ виноватъ онъ, что жена больше не нравится, и ему съ ней стало скучно?

Виноватъ развѣ онъ, мягкій и довѣрчивый, что вѣритъ и

поддается кокетству и лести Варвары Александровны, той красивой, веселой, блестящей и нарядной женщины, которая влюбляетъ его въ себя и сама влюбляется только потому, что Шура красивъ и не хочетъ быть ея любовникомъ.

Онъ слишкомъ порядоченъ, чтобы обманывать жену, какъ не разъ обманывала Варвара Александровна своего мужа.

И Софья Николаевна не обвиняла, какъ бо́льшая часть женщинъ, соперницу, а себя въ томъ, что мужъ, семь лѣтъ любившій ее и, казалось, безпредѣльно, не на шутку полюбилъ другую.

Она слишкомъ серьезна и слишкомъ terre-à-terre для общительнаго и жизнерадостнаго Шуры. Она больше сидѣла дома, занятая дѣтьми и заботами о гнѣздѣ.

Она знала свою власть надъ мужемъ и напрасно слишкомъ пользовалась его безграничною привязанностью и добротою. Она сдѣлала и его домосѣдомъ. Читалъ съ нею, слушалъ ея впечатлѣнія, совѣтовался обо всемъ, и они изрѣдка ходили въ театръ и на лекціи, всегда вмѣстѣ.

И мужъ не разъ говорилъ, что счастливъ. Онъ сознавалъ, что подъ вліяніемъ жены, и радовался, что умница Соня, его другъ и желанная красавица, сдѣлала его серьезнѣе, отучила его отъ прежней пустой жизни и заставила думать о томъ, о чемъ прежде онъ не думалъ...

И вдругъ она почувствовала, что ея счастье—надъ пропастью.

Софья Николаевна при первомъ же посѣщеніи Варвары Александровны поняла, отчего мужъ сталъ хандрить и чаще уходить изъ дому.

Софья Николаевна таила въ душѣ скорбь и му́ки ревности и ни словомъ, ни взглядомъ не показала оскорбленной женской гордости. Она ждала, что ослѣпленіе мужа пройдетъ: онъ пойметъ эгоистичную, лживую натуру Варвары Александровны, и прежнее вернется.

Но прошло два-три мѣсяца.

Мужъ худѣлъ и, встревоженный и тоскливый, еще болѣе задумывался, сидя за своимъ письменнымъ столомъ или въ столовой. Еще виноватѣе, ласково и внимательно говорилъ онъ о разныхъ пустякахъ, словно бы докторъ, говорящій съ приговоренною къ смерти. Онъ чаще носилъ Софьѣ Николаевнѣ цвѣты и конфеты. Еще порывистѣе ласкалъ дѣтей и вдругъ срывался съ мѣста по вечерамъ, хотя, случалось, и собирался остаться дома.

Онъ не говорилъ женѣ, какъ прежде, куда уходитъ. Онъ молчалъ, не желая лгать, выдумывая какой-нибудь визитъ къ знакомымъ.

Не спрашивала, какъ прежде, и Софья Николаевна.

Она прощалась съ мужемъ, не цѣлуясь, только крѣпко пожимала его руку, казалось, спокойная, и не глядѣла на него, чтобы еще болѣе не смутить его смущеннаго лица.

Софьѣ Николаевнѣ вдругъ пришла въ голову мысль, что, захваченный страстью, онъ можетъ оставить ее и семью.

Недаромъ же онъ какъ-то тоскливо ей сказалъ: «Какая ты самоотверженная и благородная! Соня! Я тебя не стою!»

И тогда Софья Николаевна пришла въ ужасъ. Рѣшила отправить мужа въ плаваніе, подальше отъ отравившей его женщины.

Ей казалось, что она думаетъ только о немъ и о дѣтяхъ, забывая себя.

Семь лѣтъ она была счастлива. Силой любви не вернуть. Но она должна удержать отца дѣтямъ и спасти любимаго человѣка.

Какое обрушится на него и дѣтей несчастье, если на его шеѣ будетъ двѣ семьи? Онъ, безхарактерный, можетъ запутаться и пропасть...

Будь она одна... Она не мѣшала бы новому его счастью и сказала бы: «Никогда не упрекну тебя. Развѣ виноватъ, что разлюбилъ меня?»

Такъ говорила себѣ Софья Николаевна. И въ то же время иногда ей хотѣлось крикнуть: «Люби меня!..»

V.

На слѣдующее утро пріѣхалъ курьеръ.

— Зовутъ въ главный штабъ къ одиннадцати часамъ... Не понимаю, Соня, зачѣмъ требуютъ! — проговорилъ Артемьевъ пріятнымъ, мягкимъ баритономъ.

Это былъ средняго роста, стройный, хорошо сложенный блондинъ, казавшійся совсѣмъ молодымъ, несмотря на свои тридцать четыре года, съ точно выточенными чертами красиваго и привлекательнаго лица, съ блестящими зубами и свѣтло-русыми бородкой и пушистыми усами.

Особенно привлекательны были голубые глаза, добрые и ласковые, свѣтившіеся умомъ.

Пріученный женой, онъ уже съ ранняго утра, какъ только-что всталъ, былъ въ тужуркѣ, съ бѣлоснѣжнымъ воротникомъ, повязаннымъ регатомъ, чистый, опрятный и свѣжій, съ приглаженными, слегка курчавыми свѣтлыми волосами.

Софья Николаевна, тоже съ утра одѣтая въ черную юбку и свѣжую пунцовую блузку, гладко причесанная, поблѣднѣвшая отъ безсонной ночи, поблѣднѣла еще больше при извѣстіи о томъ, чего вчера сама просила.

Она смотритъ на милое, ласковое лицо красавца-мужа, и ей кажется, что она поторопилась... спасать его... Она преувеличила опасность и напрасно ѣздила къ Берендѣеву.

Въ разлукѣ мужъ скорѣе отвыкнетъ отъ нея. Она останется одна...

И молодая женщина словно бы прозрѣла, что ея самоотверженіе, которымъ гордилась, было не такимъ благороднымъ побужденіемъ, какимъ себя обманывала, а злымъ, ревнивымъ чувствомъ и боязнью остаться съ дѣтьми безъ тѣхъ средствъ, которыми пользуется при мужѣ. И ея, казалось ей, необходимая предусмотрительность представилась теперь нелѣпой. Чувство и страсть влюбленной женщины заставили ее забыть въ эту минуту все: и дѣтей, и соперницу, и обиду не близкой жены.

И она со страхомъ воскликнула:

— А если какое-нибудь назначеніе въ плаваніе... Вѣдь ты не примешь, Шура!..

— Постараюсь, Соня!—промолвилъ Артемьевъ.

Артемьеву казалось, что бѣдная, встревоженная Соня и не догадывается, отчего онъ употребитъ всѣ средства, чтобы не уйти въ дальнее плаваніе.

И, смущенный, онъ проговорилъ, цѣлуя руку жены:

— Не волнуйся заранѣе. Быть-можетъ, требуютъ по пустякамъ... Назначатъ членомъ въ какую-нибудь комиссію...

— Но если не то... Если пошлютъ... Откажешься, милый?

— Непремѣнно, Соня! — еще смущеннѣе вымолвилъ Артемьевъ, отводя глаза отъ этого блѣднаго, красиваго лица, полнаго выраженія любви.

— И знаешь ли что, Шура...

— Что, Соня?

— Если начальство откажетъ...

— Тогда что дѣлать?—испуганно воскликнулъ Артемьевъ.

— Я поѣду къ Берендѣеву и попрошу, чтобы тебя не посылали.

— Ты къ Берендѣеву?.. Нѣтъ, не надо, Соня... Неловко, чтобы жена просила за мужа... Ты вѣдь сама не любишь такихъ протекцій... Не такой ты человѣкъ, Соня... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—порывисто прибавилъ Артемьевъ.

«Этого бы еще недоставало!»—подумалъ онъ.

— Хорошій мой... Благородный! Ты правъ!—чуть слышно сказала Софья Николаевна.—Такъ выходи въ отставку!—неожиданно прибавила она.

— Не отпустятъ... И скоро ли получишь мѣсто... И на какія деньги будемъ жить, Соня... Подумай...

— Уѣдемъ отсюда въ провинцію... Тамъ дешевле жить... Тамъ легче достанешь мѣсто... Тамъ... ты повеселѣешь... Не будешь хандрить, какъ въ послѣднее время...

И, деликатно-сдержанная въ послѣднее время въ проявленіяхъ ласки, Софья Николаевна обняла мужа и, прижавшись къ нему, съ тоской шептала:

— Уѣдемъ, милый... Уѣдемъ!

Артемьевъ гладилъ голову жены, жалѣлъ ее и въ то же время думалъ о веселой, блестящей и остроумной женщинѣ, которая завладѣла имъ какими-то чарами жгучихъ обѣщающихъ глазъ и чувственною красотою ея лица, формъ и фигуры, отъ которыхъ ему не избавиться. Онъ думалъ, что она полюбила его до того, что готова бросить мужа, если онъ оставитъ жену...

И онъ потерялъ голову... Онъ не въ силахъ уйти отъ... Онъ называетъ себя подлецомъ передъ Соней. Она—святая, благородная женщина. Но отчего же она кажется ему ужъ не прежнею чарующею, властною красавицей, и съ ней ужъ не такъ легко и весело, какъ съ Варварой Александровной? Онъ привязанъ къ Сонѣ, безконечно любитъ и уважаетъ ее. А та не такая умная, святая и честная, какъ Соня, и между тѣмъ... она, одна она кажется ему дорогою, любимою и желанною.

Артемьевъ еще нѣжнѣе сталъ гладить голову жены и еще ласковѣе говорилъ:

— Не волнуйся, Соня... Сейчасъ узнаемъ, зачѣмъ меня зовутъ... Пора ѣхать.

Онъ осторожно отстранился отъ объятій жены, поцѣловалъ ея маленькую горячую руку и ушелъ одѣваться.

— Буду ждать тебя къ завтраку! — сказала Софья Николаевна, провожая мужа.

Черезъ часъ онъ возвратился совсѣмъ подавленный. Софья Николаевна была блѣдна, какъ смерть.

— Надо уѣзжать, Соня! Назначенъ старшимъ офицеромъ на «Воина».

— А въ отставку?..

— Просился. Отказали.

— Хочешь... я поѣду къ Берендѣеву.

— Нѣтъ... нѣтъ. Спасибо, Соня... Это невозможно...

И, цѣлуя особенно нѣжно руку жены, точно прося въ чемъ-то прощенія, вдругъ раздумчиво промолвилъ:

— Быть-можетъ, и лучше, что въ плаванье!

Черезъ три дня Артемьевъ уѣхалъ въ Одессу, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ Добровольнаго флота и идти на Дальній Востокъ.

VI.

На другой день послѣ памятнаго старому адмиралу визита Софьи Николаевны, Берендѣевъ во второмъ часу сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и, слегка наклонивъ голову, внимательно и съ удовольствіемъ слушалъ докладъ своего любимаго помощника и совѣтчика, начальника главнаго штаба, вице-адмирала Ивана Сергѣевича Нельмина.

По обыкновенію, онъ докладывалъ коротко, обстоятельно и почтительно-настойчиво, казалось, любуясь собой и видимо щеголяя своимъ дѣловитымъ краснорѣчіемъ и умѣніемъ не раздражать «стараго дятла», какъ называлъ про себя Нельминъ своего начальника.

Это былъ высокій, плотный и еще очень видный, совсѣмъ засѣдѣвшій брюнетъ съ моложавымъ лицомъ и молодыми, слегка наглыми глазами, безъ бороды, съ выхоленными усами, щеголевато одѣтый, благоухающій духами, съ крупнымъ брильянтомъ на мизинцѣ.

Еще не особенно давно извѣстный во флотѣ ругатель и «дантистъ»,—онъ тогда словно бы нарочно щеголялъ грубоватостью и откровенной рѣзкостью прямого «отчаяннаго моряка», носилъ фуражку на затылкѣ, свысока смотрѣлъ на береговыхъ моряковъ, признавалъ тогда только портеръ и хересъ, къ женщинамъ относился съ циничнымъ высокомѣріемъ холостяка, съ приподнятымъ негодованіемъ возмущался «безобразіями» во флотѣ, бранилъ за-глаза высшее начальство и не разъ говорилъ, что «плюнетъ на все» и выйдетъ въ отставку. Невмоготу такому человѣку!

Однако Нельминъ въ отставку не выходилъ.

Несмотря на его негодующія рѣчи, онъ умѣлъ ладить съ высшимъ начальствомъ, которое часто посылало хорошаго моряка въ плаванія, и въ то же время пользовался среди мичмановъ репутаціей лихого и независимаго капитана, который не выноситъ ни малѣйшей подлости и готовъ пострадать за правду.

Обворожилъ Нельминъ и двухъ вліятельныхъ высокопоставленныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства, которыя какъ-то пріѣхали въ Кронштадтъ и посѣтили броненосецъ подъ командой Нельмина. Онъ показался имъ настоящимъ симпатично-грубоватымъ «loup de mer», гостепріимнымъ, прямымъ и открытымъ, чуждымъ хитрости и чиновничьей угодливости. Онъ любитъ только море и родной ему флотъ. А до остального ему нѣтъ дѣла.

И Нельминъ, какъ говорили сообразительные моряки, «не

зѣвалъ на брасахъ». Товарищи его, не смѣвшіе и думать о цивическихъ чувствахъ, тянули служебную лямку, еще выплавывая цензъ на контръ-адмиральскій чинъ, а Нельминъ уже былъ вице-адмираломъ и во-время смекнулъ, что въ тѣ времена «морскіе волки» на берегу далеко не имѣютъ привлекательности.

И Нельминъ уже не кричалъ о «безобразіяхъ», но зато писалъ, едва справляясь съ изложеніемъ своихъ мыслей, записку объ истинныхъ задачахъ флота и лучшихъ типовъ судовъ, сталъ вдругъ считать себя очень знающимъ техникомъ и умнымъ государственнымъ человѣкомъ. Словно бы въ пику Берендѣеву, Нельминъ сталъ доступенъ, изысканно-вѣжливъ съ подчиненными, при случаѣ говорилъ о русской исконной политикѣ, русскомъ желѣзѣ, русскихъ заводахъ, строящихъ русскіе крейсера, сталъ одѣвать фуражку на лобъ, какъ старый холостякъ, обѣдалъ часто у Донона съ шампанскимъ, бывалъ на техническихъ засѣданіяхъ и съ ловкостью и наглымъ безстыдствомъ «сухопутнаго волка» интриговалъ, гдѣ возможно, противъ стараго адмирала.

Многіе моряки, знавшіе Нельмина раньше, когда онъ «геройствовалъ» и «разносилъ» даже титулованныхъ мичмановъ, сынковъ вліятельныхъ отцовъ, удивлялись перемѣнѣ прежняго независимаго ругателя.

Только болѣе наблюдательные люди и прежній министръ, котораго особенно бранилъ Нельминъ, хорошо знавшіе искренность его благороднаго негодованія и цивическихъ чувствъ, посмѣивались и говорили, что Нельминъ хоть и не отличается большимъ умомъ, но всегда былъ большой шельмой и отличнымъ капитаномъ.

И всѣ думали что Нельминъ скоро посадитъ на мель старика, и не ждали ничего хорошаго отъ будущаго начальника.

VII.

Берендѣевъ одобрилъ докладъ своего любимца и спросилъ:

— Артемьева назначили старшимъ офицеромъ на «Воина»?

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство. Онъ имѣетъ всѣ права на плаваніе. Сегодня утромъ я объявилъ ему о назначеніи и предложилъ, согласно вашему приказанію, уѣхать черезъ трое сутокъ.

— И что же? Отлынивалъ?

— Да. Очень просилъ не посылать въ Тихій океанъ.

— Разнесли его, конечно, Иванъ Сергѣичъ?

Съ особенной аффектаціей служебной почтительности, скрывавшей и зависть и снисходительное презрѣніе честолюби-

ваго интригана къ старому отсталому адмиралу, Нельминъ отвѣтилъ:

— Я выслушалъ мотивы его просьбы, нашелъ ихъ неосновательными и объявилъ ему, что не могу доложить объ его просьбѣ вашему высокопревосходительству... Вы изволили его назначить... И, разумѣется, не измѣните своего приказанія безъ особо уважительныхъ причинъ.

— Конечно, конечно!—поддакнулъ Берендѣевъ.—И какія могъ онъ привести причины?

— Разумѣется, будто бы важныя семейныя обстоятельства!— И съ циничной улыбкой Нельминъ прибавилъ:—Я, ваше высокопревосходительство, догадываюсь, какія это важныя семейныя обстоятельства, изъ-за которыхъ этому красивому молодчинѣ не хочется уѣзжать изъ Петербурга... Да еще на Востокъ... Любоваться китаянками и японками или такимъ «бабцемъ», какъ начальница эскадры Тихаго океана, при которой адмиралъ—въ родѣ вѣстового.

Старый адмиралъ поморщился.

У него сохранились еще нѣкоторыя правила, едва ли знакомыя многимъ чиновнымъ людямъ того времени, болѣе приспособленнымъ къ жизни на берегу и обладающимъ бо́льшими административными талантами, чѣмъ Берендѣевъ, пробывшій полжизни въ морѣ. Онъ брезгливо останавливалъ разговоры, имѣющіе характеръ сплетни, наговора или злоязычія, про сослуживцевъ, и особенно гнѣвался, если кто-нибудь изъ желающихъ прислужиться адмиралу начиналъ передавать ему то, что́ о немъ говорятъ, или кто его бранитъ. Тогда старикъ рѣзко обрывалъ и негодующе кричалъ:

— Мнѣ не нужны сыщики. Я адмиралъ русскаго флота, а не начальникъ сыскного отдѣленія!

На этотъ разъ, благодаря визиту Артемьевой и ея странной, непонятной просьбѣ объ отправкѣ мужа, Берендѣевъ сконфуженно спросилъ:

— О чемъ же вы догадываетесь, Иванъ Сергѣичъ?

— Вы вѣдь не любите, ваше высокопревосходительство, все то, что́ изволите называть не-служебными разговорами...

— Все-таки... говорите, Иванъ Сергѣичъ.

«Небось, и «старый дятелъ» разрѣшилъ себѣ любопытство!»—насмѣшливо подумалъ Нельминъ. И, довольный, что можетъ разсказать нѣчто пикантное въ его вкусѣ, Нельминъ весело улыбнулся и, выдержавъ паузу, спросилъ:

— Изволили видѣть Каурову, ваше высокопревосходительство?

Старикъ утвердительно кивнулъ головой. Эта несимпатичная ему дама бывала у его жены.

— Недаромъ ее прозвали «великолѣпной Варварой»... Невредная барынька... «Юнонистая», обворожительная и знаетъ, чѣмъ довести до ошалѣнія и стараго и малаго. Ну, и съ темпераментомъ, и безъ предразсудковъ. Мужу еще два года плавать на Востокѣ... Не оставаться же «великолѣпной Варварѣ» безутѣшной вдовой... Артемьевъ и втюрился... Каурова и обрадовалась отбить такого красавца отъ жены... Та— очень пикантная брюнетка... Но строга... Своего благовѣрнаго только и признаётъ... Онъ и взбунтовался... «Великолѣпная Варвара» и сама влюбилась... По крайней мѣрѣ и прежняго своего обожателя второй молодости не удержала для контенанса и подарковъ... Уволила по третьему пункту...

Старый адмиралъ понялъ странную просьбу Артемьевой и только удивился, какъ Артемьевъ могъ промѣнять свою жену на Каурову.

Но зато какъ противенъ былъ Берендѣеву этотъ игриво-циничный тонъ своего любимца.

И, прерывая Нельмина, онъ съ упрекомъ проговорилъ:

— Пакостно вы думаете о женщинахъ, Иванъ Сергѣичъ.

«Я не такая фефела, какъ ты, «старый дятелъ», влюбленный въ свою продувную адмиральшу!» — мысленно промолвилъ Нельминъ.

И, словно бы извиняясь за свои взгляды на женщинъ, сказалъ:

— Старому холостяку это простительно, ваше высокопревосходительство.

— Все-таки... Женщина... Мало ли врутъ на женщинъ... Пожалѣть надо чужую репутацію...

— Могу увѣрить, ваше высокопревосходительство, что репутація «великолѣпной Варвары» прочно установлена. Я хорошо это знаю...—подчеркнулъ Нельминъ, значительно усмѣхнувшись, словно бы намекая, что былъ близокъ съ Кауровой.

Съ этими словами онъ поднялся съ кресла и почтительно-офиціальнымъ тономъ спросилъ:

— Не будетъ никакихъ приказаній, ваше высокопревосходительство?

Старикъ задумался, словно бы припоминая что-то, что нужно сказать, озабоченно нахмурилъ брови и забарабанилъ по столу сморщенными, костлявыми пальцами. И длинный носъ его точно нюхалъ воздухъ.

— Кажется, ничего!—нерѣшительно протянулъ Берендѣевъ, взглядывая на часы.

Онъ вспомнилъ, что у него одно очень непріятное рѣшеніе и что его ждутъ другіе доклады, хотѣлъ-было отпустить Нельмина, какъ вдругъ спохватился и, довольный, что вспомнилъ, расправилъ брови, пересталъ барабанить и торопливо сказалъ:

— Вѣдь въ пять часовъ встрѣча персидскаго шаха?

— Точно такъ, выше высокопревосходительство. На Варшавскомъ вокзалѣ.

— Такъ, пожалуйста, поѣзжайте встрѣтить вмѣсто меня шаха, Иванъ Сергѣичъ... Вы помоложе... А старику одѣвать мундиръ и тащиться на вокзалъ и утомительно, и жаль тратить время... И то заболтался съ вами о пустякахъ.

— Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство!

Видимо довольный приказаніемъ, — Нельминъ еще не имѣлъ брильянтовой звѣзды «Льва и Солнца» и радъ былъ случаю показаться въ блестящемъ обществѣ придворныхъ сановниковъ,—онъ почтительно пожалъ протянутую руку старика и молодцовато, высоко поднявъ голову, вышелъ изъ кабинета.

VIII.

Берендѣевъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ министерствѣ до шести часовъ. По утрамъ и по вечерамъ онъ работалъ дома. Всѣ только удивлялись неутомимости и выносливости семидесятилѣтняго старика.

Съ обычной добросовѣстностью принималъ онъ доклады начальниковъ управленій, разсматривалъ чертежи техниковъ, выслушивая ихъ объясненія и стараясь уяснить себѣ, и нерѣдко долженъ былъ рѣшать вопросы, которыхъ не понималъ вполнѣ и рѣшенія которыхъ подсказывались докладчиками. Онъ читалъ донесенія, записки и просьбы, подписывалъ, разрѣшалъ, отказывалъ,—однимъ словомъ, дѣлалъ все то разнообразное и многочисленное дѣло, за которое считалъ себя отвѣтственнымъ не только передъ высшей властью, но и передъ своей совѣстью, и которое старался дѣлать на основаніи закона и ради пользы любимаго имъ флота.

Берендѣевъ вникалъ во все—и въ важное и крупное, и неважное и мелкое, все хотѣлъ понять, всегда старался съэкономить казенную копейку, писалъ циркуляры о правильности расходовъ топлива и матеріаловъ. Самъ безукоризненно честный, онъ обѣщалъ строго преслѣдовать злоупотребленія и очень брезгливо относился къ посяганіямъ на казну подъ разными, казалось, благовидными предлогами.

Весь отданный работѣ и заботамъ, расплываясь въ мелочахъ и желавшій все дѣлать самъ, онъ упускалъ изъ вида

или не имѣлъ общаго плана, и въ его дѣятельности, полной неутомимой энергіи, не чувствовалось объединяющей мысли. Онъ точно дѣлалъ Сизифову работу и не представлялъ себѣ ея значенія.

Когда онъ былъ командиромъ судовъ и начальникомъ эскадры, онъ зналъ, что ему нужно было дѣлать и для чего онъ дѣлалъ. Не сомнѣвался въ своемъ умѣніи управлять кораблемъ и эскадрой и переносить штормъ или вести ее въ бой, увѣренный въ матросахъ и офицерахъ.

И въ морѣ онъ былъ и спокоенъ, и въ отличномъ расположеніи духа, и не зналъ ни сомнѣній въ себѣ ни раздражительной грубости и подозрительности къ подчиненнымъ.

Берендѣевъ любилъ власть и давалъ ее чувствовать въ морѣ не столько по праву положенія, сколько по праву знанія, находчивости и неустрашимости. Но онъ не зналъ той влюбленности въ свою власть и въ то же время той неувѣренности въ ея нравственной силѣ, которыя явились на берегу въ лихомъ морякѣ, сдѣлавшемся государственнымъ человѣкомъ.

И въ рѣдкія минуты, когда Берендѣевъ отрывался отъ работы, которою онъ самъ себя добросовѣстно изводилъ, онъ испытывалъ сомнѣнія въ плодотворности и даже нужности всего того, что дѣлаетъ, и въ такія минуты думалъ, что вся его работа, которой нѣтъ конца, всѣ его старанія и усердіе, всѣ его циркуляры, выговоры и «разносы» не достигаютъ цѣли. И старику кажется, что онъ одинъ въ полѣ не воинъ, и что положеніе не по его силамъ.

Тогда онъ и самъ, казалось, не былъ вполнѣ увѣренъ въ необходимости именно тѣхъ многомилліонныхъ броненосцевъ, которые онъ разрѣшаетъ строить по примѣру другихъ странъ и которые подвергаются по временамъ критикѣ въ печати.

Но какой нуженъ Россіи флотъ, какіе типы судовъ лучшіе? Берендѣеву некогда было думать объ этомъ, да онъ и не могъ бы предложить что-нибудь другое, неувѣренный въ пользѣ того, чего самъ не знаетъ.

Онъ видѣлъ, что талантливыхъ командировъ нѣтъ. Болѣе способные думали о собственномъ благополучіи. Служба для нихъ была не цѣлью, а средствомъ для карьеры и добыванія возможно большаго содержанія. Фокусники, какъ называлъ Берендѣевъ тѣхъ, которые старались выдвинуться чѣмъ-нибудь не ради дѣла, а только для того, чтобы о нихъ кричали, возбуждали въ старикѣ презрѣніе, и проектъ ледокола для плаванія къ сѣверному полюсу, представленный ему, казался старику нелѣпостью и «фокусомъ» для моряковъ.

Берендѣевъ часто посѣщалъ суда, дѣлалъ смотры, ходилъ

на нѣсколько дней въ плаванія и находилъ, что, благодаря системѣ цензa, хорошихъ капитановъ мало, и способные офицеры бѣгутъ изъ флота. Онъ со стыдомъ узнавалъ, что броненосецъ потонулъ среди бѣлаго дня оттого, что наскочилъ на камень. И гдѣ же? Въ Финскомъ заливѣ, гдѣ, казалось, многолѣтніе промѣры должны были найти камень и оградить его! Каждое лѣто онъ получалъ телеграммы или рапорты о томъ, что суда притыкались къ ненанесеннымъ на карты камнямъ или просто «напарывались» по безпечности или нераспорядительности самихъ же моряковъ. Съ ужасомъ узнавалъ старикъ о злоупотребленіяхъ командировъ и ревизоровъ въ дальнихъ плаваніяхъ и о систематическихъ кражахъ въ какомъ-нибудь портѣ...

И Берендѣевъ отдавалъ виновныхъ подъ судъ, писалъ болѣе убѣдительные циркуляры, призывая къ чувству долга, снова работалъ, не покладая рукъ, и снова сомнѣвался въ своей способности управлять флотомъ, когда на его честную сѣдую голову опять падало извѣстіе о какомъ-нибудь громкомъ злоупотребленіи или о какой-нибудь халатности, воистину преступной.

И были минуты, когда онъ считалъ обязанностью уйти отъ власти.

Съ доблестью прямодушнаго человѣка онъ докладывалъ правду, считалъ во всемъ виноватымъ себя и свою неспособность и взволнованно просилъ замѣнить его болѣе способнымъ и достойнымъ человѣкомъ...

— А кѣмъ?

Честнаго старика успокаивали, просили продолжать свою неусыпную, безукоризненную дѣятельность, и онъ оставался, еще болѣе работалъ, во все вникалъ, все выслушивалъ, рѣшалъ, подписывалъ, ворчалъ, пылилъ и грубо разносилъ съ распущенностью избалованнаго подобострастіемъ деспота, раздражался и бѣшено негодовалъ, какъ честный человѣкъ, чувствующій по временамъ себя какъ въ лѣсу и сознающій свое безсиліе.

Въ седьмомъ часу, совсѣмъ уставшій, Берендѣевъ вернулся домой, и тотчасъ же подали обѣдать.

Онъ былъ въ духѣ сегодня. Послѣ супа онъ съ боязливой неясностью пошутилъ съ «Милочкой», какъ звалъ старикъ свою жену, Людмилу Ивановну, величественную, съ необыкновенно крупными формами даму, еще моложавую для своихъ сорока лѣтъ, съ красивымъ, хорошо подкрашеннымъ лицомъ и волосками подведенными глазами.

Сказалъ нѣсколько словъ и племянницѣ жены, очень молодой вертлявой дѣвушкѣ, невѣстѣ гвардейскаго офицера, уже собиравшагося выйти въ отставку и просить у будущаго дяди приличнаго мѣста. По крайней мѣрѣ «тетушка» обѣщала устроить. Недаромъ же старикъ любилъ и побаивался своей супруги и—главное—ея истерикъ.

Послѣ обѣда Берендѣевъ, по обыкновенію, поцѣловалъ крупную, надушенную руку, унизанную кольцами, и пошелъ «вздремнуть», какъ адмиральша вошла за мужемъ въ кабинетъ и сказала:

— Коля братъ былъ утромъ. Онъ, бѣдняга, обиженъ... Ужъ ты устрой его... Я обѣщала...

— Что обѣщала, Милочка?

— Что ты назначишь его старшимъ офицеромъ на «Воина» Онъ имѣетъ всѣ права, а между тѣмъ Нельминъ не назначаетъ его... Это вѣдь свинство...

— Старшій офицеръ уже сегодня назначенъ. А насчетъ правъ твоего брата велю доложить...

— Такъ можно отмѣнить, Вася,—съ вкрадчивой нѣжностью сказала адмиральша.

— Не могу, Милочка.

— Но я прошу...

— Право, нельзя.

— Для меня?—удивленно спросила Людмила Ивановна.

— И для тебя... Артемьевъ назначенъ на законномъ основаніи.

— Скажите, пожалуйста... Вѣрно, Нельминъ на тебя повліялъ... И ты слушаешь... Отмѣни распоряженіе... Слышишь?

— Не путайся не въ свои дѣла, Милочка...

— Такъ ты такъ-то цѣнишь меня?.. Такъ любишь?

И адмиральша выбѣжала.

Черезъ минуту Никита доложилъ, что у барыни «истерикъ».

Адмиралъ однако сегодня послалъ камердинера къ чорту и легъ спать.

Когда черезъ часъ Берендѣевъ всталъ, Никита, подавая своему барину стаканъ чая съ лимономъ, весело доложилъ, что «истерикъ» благополучно прошелъ, и у барыни гости.

И обрадованный старикъ прошелъ въ кабинетъ и сѣлъ къ письменному столу.

IX.

Въ погожее декабрьское утро пароходъ Добровольнаго флота входилъ въ Нагасаки.

Среди нѣсколькихъ англійскихъ, французскихъ и японскихъ

военныхъ судовъ были и два русскихъ: внушительный и неуклюжій, весь черный гигантъ-броненосецъ «Олегъ», подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ на голой мачтѣ съ боевымъ марсомъ, и рядомъ весь бѣлый трехмачтовый красавецъ-крейсеръ «Воинъ», съ высокимъ рангоутомъ и съ двумя слегка наклоненными трубами.

Пароходъ отдалъ якорь.

Артемьевъ простился съ капитаномъ, офицерами и пассажирами-спутниками изъ Одессы и отправился на «Воина».

Хотя морякъ и считался способнымъ офицеромъ, но онъ посматривалъ на изящный и блестящій крейсеръ безъ профессіональнаго удовольствія.

Напротивъ.

Невеселый, онъ думалъ о двухъ годахъ вдали отъ «великолѣпной Варвары», да еще стоянокъ на японскихъ и китайскихъ рейдахъ или во Владивостокѣ—далеко не интереснымъ главнымъ портѣ нашей окраины.

Артемьевъ бывалъ уже здѣсь.

Еще холостымъ лейтенантомъ служилъ онъ на броненосцѣ и не забылъ, какъ пошло, глупо и безцѣльно проводилъ онъ время, стараясь избыть скуку рейдовой службы.

Ему казалось, что морская профессія не имѣла того смысла и той прелести, о которыхъ говорили моряки другого поколѣнія, плававшіе въ шестидесятыхъ годахъ.

Эти дальнія плаванія, эта полная опасностей служба закаливали характеръ и воспитывали тотъ морской духъ, который не имѣлъ ничего общаго съ его безразличнымъ отбываніемъ служебныхъ обязанностей.

Тогда и на флотъ повѣяло свѣжимъ воздухомъ шестидесятыхъ годовъ. Моряки словно бы прозрѣли, что матросы—люди. И многіе стыдились того, что еще недавно казалось такимъ простымъ, обыкновеннымъ и необходимымъ: и жестокости, и безсмысленно-строгой муштры, и своего невѣжества обо всемъ, кромѣ своего ремесла.

Тогда находились рѣдкіе адмиралы и капитаны, которые умѣли дѣлать службу осмысленною, а не каторгой или тоской, и въ то же время заставлять своимъ вліяніемъ молодыхъ офицеровъ видѣть въ чужихъ странахъ не одни только рестораны и туземныхъ кокотокъ.

И гдѣ только ни пришлось побывать морякамъ въ прежнихъ дальнихъ плаваніяхъ!

И поѣздки въ Лондонъ и Парижъ изъ портовъ, куда заходили суда, и южная загадочная Индія, и Калифорнія съ ея сказочно выросшимъ «Фриски», и быстро сдѣлавшаяся изъ

страны каторжниковъ свободная и богатая Австралія, и роскошь острововъ Зондскаго архипелага и Тихаго океана—все это было дѣйствительно поучительнымъ отдыхомъ послѣ длинныхъ иногда и бурныхъ нерѣдко океанскихъ переходовъ.

Зато они хорошо знакомили русскихъ моряковъ со штормами и ураганами и поднимали въ нихъ чувство хладнокровія, неустрашимости и долга въ этой борьбѣ человѣка съ разсвирѣпѣвшимъ старикомъ-океаномъ, грозившимъ со стихійною жестокостью смертью.

И берегъ манилъ многихъ моряковъ иначе, какъ манилъ моряковъ другого поколѣнія. Тѣмъ было стыдно не прочитать чего-нибудь о странѣ, куда шли, не повидать чего-нибудь дѣйствительно интереснаго, не сравнить чужой жизни и обычаевъ съ нашими и подчасъ не задуматься о томъ, о чемъ и не думалось.

И сама прелесть роскошной природы, и этотъ то бурный, то ласково рокочущій океенъ, и высокое бирюзовое небо, и восходъ и закатъ солнца, и дивныя серебристыя ночи съ безстрастно-томнымъ мѣсяцемъ и міріадами ласково мигающихъ звѣздъ—все, все, казалось, говорило и пѣло о чемъ-то приподнятомъ, умиленномъ и хорошемъ болѣе чуткой и проникновенной душѣ моряка отъ болѣе частаго его общенія съ природой.

Эти плаванія оставались часто прелестными воспоминаніями.

Артемьевъ могъ вспомнить о своемъ первомъ дальнемъ плаваніи, какъ и большая часть сослуживцевъ, какъ о чемъ-то тускломъ, скучномъ и непріятномъ.

Часто чинили машину броненосца. Трусили на переходахъ. Однообразны, скучны были долгія стоянки на Дальнемъ Востокѣ. Плавали рѣдко, ради осторожности капитана, боявшагося и перетратить уголь, и испортить благополучіе своихъ плаваній, и слѣдовательно карьеру.

Неувѣренный въ умѣніи управлять своимъ броненосцемъ, стоящимъ милліоны, онъ не любилъ плавать и недолюбливалъ моря. Недаромъ же его называли «цензовымъ» морякомъ. Добродушно-лукавый, не строгій по службѣ и даже слегка заискивающій у офицеровъ, какъ человѣкъ, у котораго есть какія-то секретныя фамильярныя отношенія къ казеннымъ деньгамъ, онъ только «выплавывалъ» цензъ, чтобы поскорѣе быть произведеннымъ въ контръ-адмиралы съ увольненіемъ по семейнымъ обстоятельствамъ въ отставку,—благо честолюбія въ немъ не было и деньжонки припасены. Съ такимъ подспорьемъ къ пенсіи можно жить скромненько съ семьей хотя бы и въ Петербургѣ.

Молодой лейтенантъ три года на Дальнемъ Востокѣ добросовѣстно служилъ, исполняя нехитрыя обязанности вахтеннаго офицера и не питая уваженія къ своему капитану.

Мягкій, добрый по натурѣ самъ, онъ не наводилъ страха на матросовъ, но «умывалъ руки», когда другіе наводили его. Не его дѣло, хотя и непріятно.

Онъ не думалъ, какъ и большая часть людей, ни о задачахъ и правилахъ жизни, ни о томъ равнодушіи ко злу, личному и общественному, которое испытывалъ и самъ и видѣлъ въ сослуживцахъ и въ товарищахъ. Онъ только смутно понималъ и чувствовалъ, что не такъ благополучна жизнь, и что на морякахъ, какъ и на всѣхъ интеллигентныхъ людяхъ, отражаются общія вѣянія, понижающія нравственные и общественные запросы.

Недаромъ же ему были несимпатичны и неразборчивость средствъ въ погонѣ за карьерой, положеніемъ и деньгами, и тѣ успѣхи наглости, лицемѣрія и невѣжества, которые невольно бросались въ глаза и въ обществѣ, и среди моряковъ, и среди тѣхъ корреспондентовъ, называющихъ себя литераторами, которые выхваливали «чудеса техники и дѣятельность высшаго морского начальства», и въ газетѣ, которую по привычкѣ Артемьевъ читалъ и на Дальнемъ Востокѣ.

И Артемьевъ отбывалъ службу на броненосцѣ и старался избыть скуку на берегу. Тамъ вмѣстѣ со всѣми дулся въ карты, покучивалъ и, послѣ ужиновъ, обильныхъ виномъ, «любилъ» и китаянокъ, и японокъ, и заѣзжихъ француженокъ, и англичанокъ, и русскихъ быстро влюбляющихся окраинныхъ дамъ.

Онъ не особенно разбиралъ достоинства и прелести женщинъ, но зато и забывалъ ихъ на слѣдующій день. Только встрѣча послѣ возвращенія въ Россію съ Софьей Николаевной и любовь къ ней, непохожая на прежнія авантюры, заставили взглянуть на себя, одуматься и о многомъ задуматься... И семь лѣтъ пронеслись такъ счастливо!

А теперь?..

«Ужели онъ такой «подлецъ», что не можетъ ни сбросить съ себя чаръ «великолѣпной Варвары», ни признаться «святой Софіи», что она нелюбимая, и они должны разойтись?»

Такія мысли пробѣгали въ головѣ Артемьева, когда ему живо представилось послѣднее прощаніе съ Варварой Александровной, вдругъ сдѣлавшейся «Вавочкой». Словно бы въ доказательство своей любви, она вдругъ рѣшилась «забыть для него первый разъ въ жизни долгъ жены» и горячею лаской еще болѣе отравила довѣрчиво влюбленнаго моряка.

X.

Когда Артемьевъ подъѣхалъ къ крейсеру, тамъ пробили двѣ склянки.

Былъ часъ дня. Послѣ обѣда команда отдыхала. Кромѣ вахтеннаго офицера и нѣсколькихъ вахтенныхъ матросовъ, наверху—ни души.

«Видно, не обрадовались новому старшему офицеру!»—подумалъ Артемьевъ, приставая къ борту.

Щегольски одѣтый, въ бѣлой тужуркѣ, мичманъ, въ фуражкѣ по прусскому образцу, входящему въ моду, безбородый, съ закрученными кверху усами, недурной собой, бойкій и не безъ апломба на видъ молодой человѣкъ, рѣзкимъ, отрывистымъ голосомъ вызвалъ фалгребныхъ и встрѣтилъ Артемьева, приложивъ съ официальною напускною серьезностью къ козырьку свои выхоленные бѣлые пальцы съ нѣсколькими кольцами на мизинцѣ и не безъ церемоннаго любопытства разсматривая новаго старшаго офицера.

О назначеніи Артемьева на «Воина» уже знали изъ телеграммы, полученной изъ Петербурга капитаномъ.

— Командиръ дома?—спросилъ Артемьевъ, протягивая руку.

— Дома. Только-что позавтракалъ. Вѣрно, еще не спитъ.

Этотъ бойковатый, навязывающійся на фамильярность мичманъ, напомнившій Артемьеву новый во флотѣ типъ «аристократическихъ сынковъ» и хлыщей, которые рисуются декадентскими взглядами, хорошими манерами,—не понравился Артемьеву, и онъ съ большею сухостью проговорилъ:

— Велите принять со шлюпки мои вещи и пошлите доложить командиру, что я прошу позволенія явиться къ нему.

И мичманъ, уже скорѣе съ почтительнымъ видомъ подчиненнаго, промолвилъ:

— Есть. Прикажете снести въ вашу каюту?

— Развѣ старшій офицеръ уѣхалъ?

— Двѣ недѣли тому назадъ! Ужъ мы цѣлый мѣсяцъ стоимъ здѣсь!—прибавилъ мичманъ.

И, иронически почему-то усмѣхнувшись, отдалъ приказанія.

Черезъ минуту сигнальщикъ доложилъ:

— Командиръ просятъ въ каюту!

Артемьевъ пошелъ внизъ, а мичманъ Непобѣдный рѣшилъ, что новый старшій офицеръ—не изъ «порядочнаго общества». Да и фамилія!.. «Что такое Артемьевъ?»—проговорилъ мичманъ.

— Честь имѣю явиться. Назначенъ старшимъ офицеромъ!

Кругленькій, толстенькій, небольшого роста, упитанный человѣкъ лѣтъ сорока, въ тужуркѣ, съ большою бородой, маленъ-

кими живыми глазами, лысый, съ маленькимъ брюшкомъ и добродушнымъ лицомъ, точно сорвался съ дивана и торопливыми, суетливыми шажками приблизился къ Артемьеву и протянулъ пухлую, съ ямками, короткую руку.

И, какъ будто о чемъ-то вспомнивъ, онъ вдругъ принялъ серьезный начальническій видъ командира, то-есть нахмурилъ лобъ, откинулъ кверху свою круглую голову, приподнялся на носкахъ, словно бы стараясь казаться выше ростомъ, и неестественно-внушительнымъ тономъ, который казался ему необходимымъ по его положенію и который самъ казался ему и не къ мѣсту и стѣснительнымъ, проговорилъ, слегка понижая свой крикливый голосъ:

— Получилъ о вашемъ назначеніи телеграмму... Очень радъ... Знаю по вашей репутаціи... Увѣренъ, что пріобрѣту въ васъ хорошаго помощника... И... тому подобное...

Капитанъ запнулся и нѣсколько разъ повторилъ: «И тому подобное»,—слова, которыми нѣсколько злоупотреблялъ и не всегда кстати.

Но, словно бы убѣдившись, что играть въ начальника и пріискивать глупыя слова совершенно достаточно, онъ привѣтливо растянулъ ротъ, открывая блестящіе зубы, улыбнулся и глазами и лицомъ, пригласилъ садиться и радушно спросилъ, завтракалъ ли Александръ Петровичъ, и, узнавъ, что Артемьевъ завтракалъ, предложилъ рюмку «мадерцы».

Артемьевъ отказался и отъ вина.

— Такъ стаканъ чайку... Эй, Никифоровъ! Чаю! У меня отличный коньякъ... Надѣюсь, мы поладимъ и ссориться не будемъ. Не люблю я, Александръ Петровичъ, ссориться... И безъ того здѣсь отчаянная скука... Вотъ увидите... Такъ чего еще ссориться! Мнѣ годъ отзванивать цензъ... А вы на сколько лѣтъ къ намъ?

— На три!—недовольно протянулъ Артемьевъ.

— Долгонько!

И капитанъ меланхолически свистнулъ.

— Вѣдь и вы, Александръ Петровичъ, женаты. И я имѣлъ честь встрѣчать вашу супругу. Конечно, не въ разводѣ?..— шутливо прибавилъ Алексѣй Ивановичъ.

— И не разведенъ, и трое дѣтей, Алексѣй Ивановичъ!

— Въ нѣкоторомъ родѣ: «бамбукъ»!

Толстый капитанъ зажмурилъ глаза и разсмѣялся необыкновенно-добродушнымъ, заразительнымъ и пріятнымъ смѣхомъ.

— Просились сюда?—увѣренно спросилъ онъ.

— Назначили. И никакъ не отвертѣлся, Алексѣй Ивановичъ,—смѣясь, отвѣтилъ Артемьевъ.

И подумалъ:

«Добрый человѣкъ этотъ Тиньковъ. Съ нимъ, конечно, будемъ ладить!»

— А я, батенька, проспился. Пять дѣтей дѣтворы,—я вѣдь бо́льшую часть службы отстаивался по лѣтамъ на мониторахъ въ Транзундѣ!—довольно усмѣхнулся при этомъ капитанъ.—Ну, долги... И тому подобное... Надѣлъ мундиръ и къ Берендѣеву... Понимаете?.. Поневолѣ попросишься и въ эти трущобы...

Вѣстовой подалъ чай. Алексѣй Иванычъ подлилъ fine champagne гостю и подлилъ себѣ.

Видимо обрадованный, что можетъ поболтать съ новымъ порядочнымъ человѣкомъ, да еще съ помощникомъ, съ которымъ можно нараспашку посудачить о высшемъ начальствѣ, капитанъ началъ разспрашивать о томъ, что̀ новаго въ Петербургѣ и въ Кронштадтѣ, остается ли Берендѣевъ на своемъ мѣстѣ, или, въ самомъ дѣлѣ, назначатъ Нельмина («Порядочный-таки прохвостъ и все такое!»—вставилъ Алексѣй Ивановичъ), и, узнавши отъ Артемьева, что Берендѣевъ не уходитъ, капитанъ, вѣроятно, по случаю такого пріятнаго извѣстія, подлилъ себѣ еще коньяку и подлилъ гостю и, отхлебнувъ чаю, проговорилъ:

— По крайней мѣрѣ нашъ старикъ—не шарлатанъ. Честный и справедливый, и работящій. Ему не смѣютъ нашептывать... И тому подобное... Шалишь...

Посудачивъ съ удовольствіемъ о разныхъ начальникахъ центральнаго управленія, Алексѣй Ивановичъ познакомилъ своего старшаго офицера и съ начальникомъ эскадры, контръ-адмираломъ Парменомъ Степановичемъ Трилистниковымъ.

— Ничего себѣ... Не разноситъ. Любитъ только, чтобы матросы громко и радостно встрѣчали. А на ученьяхъ не придирчивъ. И самъ небольшой до нихъ охотникъ... Кажется, только и думаетъ, какъ бы окончить свои два года и вернуться. Однимъ словомъ, былъ бы спокойнымъ адмираломъ, если бы не адмиральша...

— А что̀?

— Увидите... Она вѣдь здѣсь, на «Олегѣ»... Дама воинственнаго характера. Въ родѣ Мароы Посадницы... И все такое... Передъ ней адмиралъ пасъ... А она всегда съ адмираломъ будто съ безкозырнымъ шлемомъ въ рукахъ. И чтобы подчиненные ея боялись... Очень апломбистая! Всякую смуту заводитъ на эскадрѣ... Запретили бы въ Петербургѣ начальникамъ эскадръ своихъ женъ... Только нашъ адмиралъ краснѣетъ, а выйти изъ-подъ начальства адмиральши не смѣетъ... Она и переводитъ и назначаетъ офицеровъ. Къ однимъ благо-

волитъ, другихъ не любитъ. Понимаете... Все-таки военный флотъ, и вдругъ баба!.. Нехорошо!..

— Совсѣмъ гнусно... Ужъ я слышалъ.

— И еще, слава Богу, эта самая Марѳа Посадница, съ позволенія сказать,—сапогъ и подъ пятьдесятъ... Даже матросъ послѣ долгаго перехода не влюбится... И все подобное... А что если бы такая начальница да была молодая и обворожительная, въ родѣ «великолѣпной Варвары»! Что бы вышло?..

— Какой «великолѣпной Варвары»?—порывисто спросилъ Артемьевъ.

— Да вы, Александръ Петровичъ, развѣ не знаете... Варвару Александровну Каурову?

— Встрѣчалъ!—отвѣтилъ Артемьевъ и густо покраснѣлъ.

— То-то и есть... Я и говорю, что бы вышло... Мнѣ нѣтъ дѣла до ея тамъ конституціи съ мужемъ, когда онъ плаваетъ, а она на берегу. Но знаю, что поклонниковъ у «великолѣпной Варвары» всѣхъ чиновъ, отъ мичмана до вице-адмирала, много. И скотина Нельминъ еще самъ хвасталъ...

— Онъ лжетъ! И вообще лгутъ на нее! Она порядочная женщина!—перебилъ Артемьевъ.

— Да вы что кипятитесь, Александръ Петровичъ. Я... И тому подобное... Вовсе и не думалъ что-нибудь. И очень уважаю человѣка, какъ вы, который бережетъ репутацію женщины... И тому подобное...

Алексѣй Ивановичъ говорилъ растерянно и испуганно. Артемьеву стало жаль Алексѣя Ивановича.

И онъ сказалъ:

— Я увѣренъ, что вы, Алексѣй Ивановичъ, не станете чернить женщину безъ доказательствъ. Не такой же вы человѣкъ... Меня раздражилъ Нельминъ... Скотина!..

— Отъявленная скотина!..

Капитанъ, конечно, уже не продолжалъ рѣчи о «великолѣпной Варварѣ» («Быть-можетъ, еще родственница!»—подумалъ Алексѣй Ивановичъ, тоже ухаживавшій за ней, хотя и безуспѣшно) и счелъ своимъ долгомъ порекомендовать своему старшему офицеру команду.

— Старательная и исправная. Слава Богу, не ссоримся. Крейсеръ въ должномъ порядкѣ, и до сихъ поръ, ничего-себѣ, все было благополучно. И офицеры исправно служатъ. Въ каютъ-компаніи нѣтъ ссоръ. Ну, разумѣется, на берегу покучиваютъ, развлекаются и все подобное... Что тутъ дѣлать!? Только объ одномъ прошу васъ, Александръ Петровичъ!—прибавилъ капитанъ.

— Чего прикажете, Алексѣй Ивановичъ?

— Подтяните вы мичмана Непобѣднаго и еще нѣкоторыхъ... Ужъ я дѣлалъ имъ выговоры, грозилъ отдать подъ судъ. И... чортъ ихъ знаетъ!.. Видно, не очень-то боятся меня!—сконфуженно проговорилъ капитанъ.

— А чѣмъ вы ими недовольны, Алексѣй Ивановичъ?..

— Раздражаютъ и оскорбляютъ матросовъ... Жестоко бьютъ... И выдумываютъ новыя наказанія... И все подобное... Противъ закона... И вообще... воображаютъ... Особенно мичманъ Непобѣдный... Хлыщъ и нахалъ!..

— Слушаю-съ...

И Артемьевъ поднялся.

— Не забудьте сейчасъ достать мундиръ и явиться къ адмиралу и адмиральшѣ. Можетъ-быть, узнаете, пошлютъ ли насъ въ отдѣльное плаваніе на Сѣверъ... Адмиралъ собирался...

— Все-таки лучше, чѣмъ стоять въ здѣшнихъ дырахъ!

— Зато спокойнѣе... Я вѣдь привыкъ къ спокойнымъ стоянкамъ,—краснѣя, промолвилъ капитанъ.— Обѣдать прошу ко мнѣ, Александръ Петровичъ.

И вдругъ побѣжалъ къ письменному столу и принесъ Артемьеву два письма: одно толстое, другое потоньше.

Алексѣй Ивановичъ извинился, что чуть-было не запамятовалъ порадовать Александра Петровича вѣстями съ родины.

Письма были получены двѣ недѣли тому назадъ съ англійскою почтой.

Артемьевъ взглянулъ на два конверта и, обрадованный, сунулъ ихъ въ карманъ и прошелъ въ каютъ-компанію.

Онъ представился всѣмъ бывшимъ тамъ: двумъ лейтенантамъ, механику, доктору и іеромонаху, обмѣнялся рукопожатіями и приказалъ вѣстовому прежняго старшаго офицера открыть сундукъ и достать мундиръ, трехуголку, эполеты и саблю.

И пошелъ въ свою просторную, свѣтлую каюту читать письма.

Онъ сперва жадно проглотилъ небольшое душистое письмо, полное короткихъ, размашистыхъ фразъ, такихъ же волнующихъ, чувственно-кокетливыхъ, какими была вся она, и полное восклицательныхъ знаковъ, словно бы усиливающихъ силу перваго увлеченія «великолѣпной Варвары».

Она писала о послѣднемъ прощаніи, когда пожертвовала всѣмъ ради его любви, и надѣялась, что жертва ея не забудется милымъ, безумно любимымъ. Только онъ заставилъ ее понять настоящую любовь и отвращеніе къ мужу... И она обѣщала при первой же возможности пріѣхать въ Нагасаки... Она «переговоритъ обо всемъ съ мужемъ», вымолитъ разводъ, и тогда...

Слѣдовалъ рядъ восклицательныхъ знаковъ и подпись: «Твоя».

Потомъ Артемьевъ, еще не успокоившійся отъ волненія, сталъ читать большое, сдержанно-любящее, дружеское и умное письмо Софьи Николаевны.

Ни одного восклицательнаго знака. Ни одного упрека. Ни одного звука объ ея отчаяніи, любви и влюбленности.

Въ письмѣ Софья Николаевна больше писала о дѣтяхъ и умѣла схватить и передать ихъ характерныя черты. Извѣщала, что дѣти здоровы, часто вспоминаютъ и говорятъ объ отцѣ, описывала ихъ обычную жизнь и затѣмъ сообщала о новостяхъ общественнаго характера, о новой интересной книгѣ.

Въ постъ-скриптумъ Софья Николаевна сообщила, что въ послѣдній ея обычный вечеръ въ оперѣ она видѣла двоюроднаго брата Вики, только-что вернувшагося изъ Японіи съ молодой, очень милой женой-англичанкой, «обѣщали быть у меня», — да встрѣтила въ фойе Каурову, по обыкновенію, элегантную, блестящую и очаровательную, и съ ней Нельмина.

Кстати объ этомъ несимпатичномъ карьеристѣ. Вики разсказывалъ, будто Нельмина назначаютъ товарищемъ Берендѣева. Это — какъ бы преддверіе... Неужели Берендѣевъ не раскусилъ этого интригана?..

Письмо жены Артемьевъ прочелъ съ интересомъ, со спокойною радостью за близкихъ и съ какимъ-то невольнымъ чувствомъ виноватости и въ то же время нѣкоторой враждебности, именно потому, что онъ не могъ не сознавать, какая его жена хорошая и чудная женщина.

Но, когда онъ прочиталъ постъ-скриптумъ, это чувство враждебности и виноватости усилилось.

Артемьевъ снова схватилъ письмо «великолѣпной Варвары» и сталъ его перечитывать.

Каждая строка, казалось, дышавшая страстью, вызывала въ немъ и чары ея красоты и острое, жгучее, ревнивое чувство мужчины. И онъ приходилъ теперь въ бѣшенство при мысли о Нельминѣ, котораго встрѣчалъ у Кауровой, и напрасно гналъ онъ отъ себя мысль о томъ, что Каурова не могла быть чьей-нибудь любовницей кромѣ него.

Къ чему тогда это письмо?.. Это признаніе?

— Одежа готова, вашескобродіе, — доложилъ вѣстовой, входя въ каюту.

— Скажи на вахтѣ, чтобы приготовили вельботъ.

— Есть!

Черезъ четверть часа Артемьевъ входилъ въ адмиральскую каюту на броненосцѣ и, къ изумленію своему, увидалъ только одну адмиральшу.

XI.

«Однако!?» — мысленно воскликнулъ Артемьевъ при видѣ «начальницы» эскадры Тихаго океана.

И сталъ мрачнѣе.

Онъ поклонился и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился у круглаго стола, посреди роскошной адмиральской пріемной, въ почтительномъ отдаленіи отъ адмиральши.

Она сидѣла, строгая и высокомѣрная, въ креслѣ у балкона, изъ раскрытыхъ широкихъ иллюминаторовъ котораго, словно изъ рамокъ, выглядывали и сверкавшій подъ солнцемъ, рябившій рейдъ, и голубое небо, и зеленѣющій берегъ.

Въ ожиданіи адмирала, Артемьевъ нетерпѣливо взглядывалъ на боковую дверь каюты.

Среди мертвой тишины изъ-за дверей вдругъ донесся тихій, меланхолическій храпъ.

«Зачѣмъ же приняли? Вѣдь не къ адмиральшѣ пришелъ являться старшій офицеръ?» — подумалъ раздраженно молодой морякъ.

Да онъ и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія знакомиться съ этой, едва ему кивнувшей своими взбитыми кудерками, маленькой и коренастой «волшебницей Наиной» съ огромными, «выкаченными», какъ у лягушки, глазами, неподвижно-строго устремленными на него, съ крупной бородавкой на широкомъ, слегка приплюснутомъ носу и съ рѣдкими черными усиками на укороченной «заячьей» губѣ, открывающей такіе ослѣпительно-бѣлые, сплошь безукоризненные зубы, что, казалось, они не могли быть не вставными.

Затянутая въ корсетъ до того, что хорошенькая блузка изъ небѣленаго полотна напоминала моряку напирающій брамсель, готовый подъ напоромъ засвѣжѣвшаго вѣтра разорваться въ клочки, красная, какъ вареный ракъ, — адмиральша Елизавета Григорьевна Трилистникова, рожденная княжна Печенѣгова, по мнѣнію Артемьева, носила слишкомъ снисходительную кличку «сапога».

Прошла минута-другая.

Храпъ изъ сосѣдней комнаты переходилъ въ мажорный тонъ.

Адмиральша, казалось, строже и любопытнѣе «выпучила» глаза на офицера, словно бы изумленная, что онъ, невѣжа, не подходитъ представиться ей и скорѣй разрѣшить жадное, злостное любопытство строгой и несомнѣнно вѣрной всю жизнь супруги.

Пикантные слухи объ Артемьевѣ ужъ опередили его пріѣздъ.

Молодой офицеръ между тѣмъ выругалъ про себя, и довольно энергично, храпѣвшаго адмирала.

Онъ и «скотина» за то, что женился на адмиральшѣ, — разумѣется, она и лѣтъ тридцать тому назадъ была такая же «противная жаба», — хотя бы у нея было и большое состояніе и всѣ сокровища міра. Онъ и «оселъ», не сумѣвшій избавиться отъ адмиральши хоть бы на время плаванія. Онъ и «позорный трусъ», который только срамитъ и себя и службу, позволяя «бабѣ» командовать русской эскадрой.

«Ишь пялитъ на меня глаза!» — подумалъ старшій офицеръ, взглянувъ на адмиральшу.

И, поклонившись ей, — все же дама! — повернулся и направился къ выходу, чтобъ ѣхать на «Воина».

— Попрошу васъ пожаловать ко мнѣ! — остановилъ Артемьева низкій и густой, слегка нетерпѣливый контральто, часто бывающій у честолюбивыхъ и очень некрасивыхъ дамъ.

Молодой морякъ подавилъ вздохъ и, приблизившись къ адмиральшѣ, снова наклонилъ голову.

Съ видомъ чуть ли не королевы адмиральша протянула надушенную руку съ короткими пальцами, унизанными кольцами, поднявши ее кверху, съ обычнымъ жестомъ для baise main.

Артемьевъ еще не забылъ красивыхъ, тонкихъ рукъ «великолѣпной Варвары», и выхоленная, пухлая и некрасивая рука адмиральши показалась ему еще противнѣе и словно бы «наглѣе» отъ того, что на ней сверкали крупные брильянты, рубины и изумруды безчисленныхъ колецъ.

Онъ особенно деликатно пожалъ ее и отступилъ нѣсколько шаговъ.

Въ глазахъ адмиральши промелькнуло изумленіе отъ такой дерзости.

Она, впрочемъ, не показала ни гнѣвнаго чувства «начальницы эскадры» къ дерзкому подчиненному, ни обычнаго озлобленія уродливой женщины къ красивому человѣку, и любезно попросила садиться.

— Познакомимся. Можете курить! — милостиво прибавила она.

Артемьевъ присѣлъ. Но не закурилъ.

— Кажется, имѣю удовольствіе видѣть господина Артемьева, новаго старшаго офицера крейсера «Воинъ»?

«Отлично знаешь, кто я такой, изъ доклада съ вахты. Но, вѣрно, допросъ по порядку?» — подумалъ молодой человѣкъ и отвѣтилъ утвердительно.

— Ваше имя и отчество?

— Александръ Петровичъ.

— А меня зовутъ Елизаветой Григорьевной. Сегодня пришли на «Добровольцѣ»?

— Часъ тому назадъ.

Прошла пауза. Адмиральша помахала вѣеромъ, подровняла на обѣихъ рукахъ кольца и не безъ иронически-шутливаго упрека сказала:

— А я думала, что вы, Александръ Петровичъ, удостоите представиться женѣ начальника эскадры и разскажете что-нибудь интересное съ родины... А вы было-бѣжать... Это нелюбезно, молодой человѣкъ.

«Начинается разносъ?» — усмѣхнулся про себя Артемьевъ и сказалъ:

— Я не смѣю безпокоить васъ, Елизавета Григорьевна.

— Вотъ какъ! — не то удовлетворенно, не то недовѣрчиво протянула адмиральша.

— Я по службѣ, Елизавета Григорьевна... Явиться къ его превосходительству.

— Парменъ Степанычъ отдыхаетъ. Я ему скажу, что вы являлись. Передать ему что-нибудь надо?..

— Очень вамъ благодаренъ. Рѣшительно ничего.

— Вѣдь вы, Александръ Петровичъ, назначены сюда, конечно, Нельминымъ?

При имени Нельмина и словѣ «конечно» молодой морякъ густо покраснѣлъ и съ какой-то особенной силой увѣренности, которою хотятъ обмануть себя неувѣренные въ чемъ-нибудь люди, отвѣтилъ:

— Я назначенъ по распоряженію министра!

— И Василій Васильичъ лично приказалъ вамъ уѣхать изъ Петербурга черезъ три дня?

«И это ужъ извѣстно!»

— Нѣтъ-съ. Начальникъ главнаго штаба сообщилъ мнѣ приказаніе министра.

— Но отчего такая спѣшность, Александръ Петровичъ? — казалось, съ самымъ искреннимъ участіемъ спросила адмиральша.

Объ этомъ напрасно раздумывалъ и Артемьевъ и до сихъ поръ ни до чего не додумался.

— Воля начальства! — сказалъ онъ.

— Я рѣшительно не понимаю Василія Васильевича. Онъ вѣдь добрый старикъ. Входитъ въ семейное положеніе офицера... Самъ женатый. Я еще поняла бы такія распоряженія Нельмина... Холостякъ... Любитъ щеголять энергіей. Въ три дня! По правдѣ сказать, я — не большая поклонница новаго товарища министра. Нѣсколько предосудителенъ этотъ донъ-Жуанъ подъ шестьдесятъ...

Артемьева уже грызло подозрѣніе.

— А вѣдь вы, Александръ Петровичъ, очень не хотѣли къ намъ?

— Очень! — горячо воскликнулъ Артемьевъ.

— Ну еще бы, это такъ понятно. Я слышала, какая у васъ прелестная и преданная жена и — безъ комплиментовъ! — какой вы, Александръ Петровичъ, образцовый мужъ и отецъ...

«Куда это ты гнешь, вѣдьма? — подумалъ Артемьевъ и взглянулъ на нее.—Совсѣмъ любезно улыбается теперь лягушечьими глазами. А все-таки скорѣй бы треснулъ брамсель, — и она бы ушла!» — неделикатно пожелалъ молодой человѣкъ, взволнованно ожидавшій отъ адмиральши какой-нибудь любезной «пакости».

— Такія дружныя, согласныя пары нынѣ, къ сожалѣнію, рѣдкость,—продолжала адмиральша, повидимому, оживившаяся матримоніальной темой. — Не правда ли, Александръ Петровичъ?

«Правда, что ты одна изъ отвратительнѣйшихъ особъ для пары! Вотъ это правда!» — хотѣлось бы сказать гостю, но вмѣсто этого онъ, подавая реплику, уклончиво промолвилъ:

— Говорятъ...

— Къ несчастію, въ этомъ «говорятъ» много правды... Или мужъ увлечется чужой женой... или жена — чужимъ мужемъ. Да еще, пожалуй, и какимъ-нибудь холостякомъ второй молодости въ придачу, особенно если законный мужъ — большой философъ... Никакого чувства долга... Никакихъ нравственныхъ принциповъ... И куда мы придемъ!?

Но въ эту минуту, щегольски одѣтый во все бѣлое и въ бѣлыхъ парусинныхъ башмакахъ, молодой матросъ, благообразный, чисто-выбритый, съ опрятными руками, видимо, съ повадкой хорошо выдрессированнаго адмиральскаго вѣстового, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ адмиральши и, глядя на нее напряженными, слегка испуганными глазами, тихимъ и почтительнымъ голосомъ доложилъ:

— Капитанъ проситъ позволенія видѣть ваше превосходительство!

— Проси!

И, обращаясь къ Артемьеву, прибавила, любезно и конфиденціально понижая голосъ:

— A la bonne heure! Сейчасъ увидите большого философа-мужа.

— Да Князьковъ и не женатъ.

— Какой Князьковъ?.. Я говорю про милѣйшаго Ивана Николаича... Вы знаете Каурова? Мужъ недавно перевелъ его

командиромъ съ «Вѣрнаго» на «Олега», а Князькова на «Вѣрный».

Въ вошедшемъ видномъ брюнетѣ съ красивыми крупными чертами моложаваго, румянаго и жизнерадостнаго лица, съ пушистыми усами и окладистой черной бородой, рѣшительно нельзя было увидать ни малѣйшей неловкости или затруднительности мужа «великолѣпной Варвары».

Онъ молодцовато и какъ-то пріятно и легко несъ свою крупную, полноватую фигуру въ бѣломъ кителѣ, бѣлыхъ штанахъ и желтыхъ башмакахъ, слегка почтительно наклонивъ коротко остриженную, крѣпко посаженную, круглую, черноволосую голову съ жирнымъ загорѣлымъ затылкомъ.

Кауровъ крѣпко поцѣловалъ руку адмиральши и съ аффектаціей почтительнаго подчиненнаго спросилъ:

— Какъ прикажете, ваше превосходительство... Будить адмирала?

— А что?

— Ученье... Адмиралъ хоть посмотритъ.

— Какое въ два часа?

— Минное, ваше превосходительство.

— Не безпокойте Пармена Степаныча. Дѣлайте безъ него.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

Кауровъ съ какимъ-то удовольствіемъ и какъ-то «вкусно» сыпалъ «превосходительствомъ».

Адмиральша указала на стоявшаго Артемьева.

— Вотъ и новенькій къ намъ. Знакомы?

Кауровъ такъ крѣпко пожалъ руку Артемьева и такъ ласково, добродушно и, казалось, чуть-чуть посмѣиваясь глазами, улыбался всѣмъ лицомъ, что влюбленный любовникъ его жены невольно смутился и, казалось, готовъ былъ сейчасъ же извиниться передъ мужемъ и просить, чтобы онъ на него не сердился. Онъ самъ понималъ, какъ обворожительна его жена.

— Молодой человѣкъ не хотѣлъ къ намъ... И на меня — ни малѣйшаго вниманія. Не удостоилъ подойти самъ. Вѣрно, разстроенъ. Хандритъ... По семьѣ, конечно, — ядовито прибавила адмиральша.

Артемьевъ презрительно усмѣхнулся.

— Привыкнетъ, ваше превосходительство!.. Только немножко подтянуть себя... Нервы и стихнутъ, Александръ Петровичъ... И я привыкъ на положеніи соломеннаго вдовца... Вавочка обрадовала-было осенью. Телеграфировала, что пріѣдетъ... А на-дняхъ: «не пріѣду»... Ну что Вавочка? Она писала, что вы—спасибо, голубчикъ!—навѣщали ее... Здорова? Не скучаетъ?

— Здорова... Не скучаетъ, кажется...

— И молодецъ Вавочка. Честь имѣю кланяться, ваше превосходительство!

И Кауровъ снова чмокнулъ руку адмиральши.

Поклонился и Артемьевъ, собираясь уходить.

— Такъ и не удостоите, молодой человѣкъ, чѣмъ-нибудь интереснымъ изъ Петербурга? — съ насмѣшливой усмѣшкой высокомѣрно спросила адмиральша.

— Ничего интереснаго нѣтъ, Елизавета Григорьевна... А петербургскія и кронштадтскія сплетни, вѣроятно, вамъ хорошо извѣстны, гораздо лучше, чѣмъ мнѣ.

Адмиральша едва кивнула и не протянула руки.

XII.

Только-что Артемьевъ вернулся на крейсеръ и сталъ переодѣваться, какъ капитанскій вѣстовой Максимъ, такой же добродушный, веселый и суетливый, какъ и капитанъ, уже просилъ старшаго офицера пожаловать въ капитанскую каюту.

— Въ большомъ они нетерпѣніи, ваше вашескобродіе!

Черезъ нѣсколько минутъ Артемьевъ былъ у капитана.

— Ну, садитесь и разсказывайте, Александръ Петровичъ! Какъ принялъ адмиралъ и тому подобное? О чемъ такъ долго бесѣдовали, если не секретъ? Идемъ мы на Сѣверъ и тому подобное? — полный любопытства, нетерпѣливо и озабоченно спрашивалъ Алексѣй Ивановичъ, то и дѣло вытирая капли пота съ лысины.

— Адмиралъ никакъ не принялъ. Храпѣлъ.

— Любитъ всхрапнуть... Ха-ха-ха! Отъ переутомленія... Ха-ха-ха! Быкъ-быкомъ! А Марѳа Посадница?

— Форменная донна Стервоза!

Алексѣй Ивановичъ захохоталъ, какъ ребенокъ, простодушно и заразительно. И глаза стали дѣтскими.

— Это вы ловко окрестили, Александръ Петровичъ... Именно донна Стервоза! Испанисто «задается»... И сама она, молъ, донна и ея дядюшка... Удостоился видѣть... Тоже въ родѣ гранда Свинтусино-де-ла-Пройдоха.

Видимо довольный своимъ дешевымъ остроуміемъ, Алексѣй Ивановичъ самъ же весело смѣялся.

— Такъ что же адмиральша, Александръ Петровичъ?

— Ну и рожа, Алексѣй Иванычъ! Куда хуже сапога... Адмиралъ храпитъ, а она у балкона... таращитъ глаза... Хотѣлъ-было удрать отъ нея... Не къ ней же являться и прикладываться къ ея свинымъ лапкамъ въ кольцахъ!..—раздраженно говорилъ Артемьевъ.

Капитанъ уже не хохоталъ. Онъ сталъ вдругъ серьезенъ.

— Такъ-таки и не явились къ адмиральшѣ?.. И тому подобное?..

— Сама позвала.

— И не подошли къ рукѣ, Александръ Петровичъ?..—спрашивалъ Алексѣй Ивановичъ, взглядывая на старшаго офицера сконфуженными и въ то же время испуганно-укоризненными глазами.

— Не подошелъ... Пожалъ руку... Да чего вы волнуетесь, Алексѣй Иванычъ?

— А что она? Вѣдь всѣ у насъ обязательно цѣлуютъ ея руку. И тому подобное... Нельзя... Такъ какъ же прошелъ этотъ скандалъ?.. Чѣмъ кончилось? По крайней мѣрѣ не развели съ ней? И тому подобное?.. — совсѣмъ уже подавленно спрашивалъ капитанъ.

Артемьевъ разсказалъ про свое свиданіе съ адмиральшей и прибавилъ:

— Все кончилось тѣмъ, что не подала руки... И съ чего вы это такъ волнуетесь?

— Эхъ, Александръ Петровичъ!..—вздохнулъ капитанъ.— Не все кончилось... Только началось. И тому подобное. Она злопамятная... И теперь адмирала будетъ нажигать.

— И чортъ съ ней!.. Пусть ко мнѣ придирается!

— Ко всѣмъ, и главное—ко мнѣ... Однѣ непріятности пойдутъ... И тому подобное. А то и законопатитъ насъ куда-нибудь въ трущобное плаваніе. И чего вамъ стоило, голубчикъ, подойти къ ней—все-таки супруга адмирала и въ нѣкоторомъ родѣ, хоть и сапогъ, а дама! — и приложиться къ ея свинымъ лапамъ? Потѣшили бы ее... Мало ли какія подлыя руки приходится пожимать. И тому подобнее. Пожалъ и отошелъ. Такъ къ чему изъ-за какой-нибудь подлой бабы наживать только безпокойство... Вы не будьте въ претензіи, Александръ Петровичъ, что я позволилъ... И тому подобное...

И, протянувъ руку, капитанъ крѣпко пожалъ руку Артемьеву, просто и искренно сказавъ:

— Я — пугливая ворона, Александръ Петровичъ. Всего боюсь. Мнѣ бы только протянуть годъ—и къ семьѣ... Потомъ опять по лѣтамъ буду отстаиваться гдѣ-нибудь въ Финскомъ заливѣ... А семья на дачѣ около. Пріѣдешь—и хорошо... Жизнь—развѣ безпокойство, передряги да ссоры? Ну, да, вѣрно, уйдемъ и донны Стервозы не увидимъ!.. Какъ-нибудь пролетитъ эта исторія съ ней!

Артемьевъ сказалъ, что онъ не въ претензіи. Ему жаль

было сказать Алексѣю Ивановичу, что такъ бояться всего— ужасно.

А чѣмъ лучше его жизнь? — невольно спросилъ онъ себя, когда заперся въ своей каютѣ и вспомнилъ свою службу. Онъ всегда «умывалъ руки», оставаясь «чистенькимъ», и боялся заступиться за «правду», чтобы не рискнуть благополучіемъ и счастьемъ семейной жизни.

И развѣ не трусъ онъ передъ женой?

XIII.

Артемьевъ написалъ письмо «великолѣпной Варварѣ».

Это былъ крикъ страсти, злобы, негодованія и обиды влюбленнаго, ревниваго и самолюбиваго животнаго, котораго такъ неожиданно и скоро обмануло другое лживое, красивое и очаровательное животное,—строки, достаточно глупыя для человѣка въ томъ возрастѣ, когда отрава и слѣпота въ любви такъ же обычны, какъ и въ старые годы.

Какъ обыкновенно бываетъ, письмо вдругъ оканчивалось требованіемъ «всей правды» (да еще по телеграфу), пріѣзда въ Нагасаки, какъ она обѣщала, клятвами въ любви и увѣреніями, что несчастная и оклеветанная Вава — прелестная женщина и, выйдя за него замужъ, станетъ еще прелестнѣе.

Артемьевъ прочиталъ свое посланье, и ему стало стыдно.

«Развѣ есть доказательства, что она лжетъ? Развѣ слухи, подлые намеки адмиральши и гнусное хвастовство Нельмина непремѣнно правдивы? И наконецъ какое у меня право—и гдѣ такое право? — оскорблять женщину, которая все-таки любила?»

Артемьевъ разорвалъ письмо свое на мелкіе клочки. Онъ рѣшилъ завтра написать, а сегодня отвѣтить женѣ.

Но послѣ нѣсколькихъ строкъ продолжать письма Артемьевъ не могъ. Не могъ написать правды. Стыдно было и лгать.

Но онъ избѣжалъ того и другого, — совѣсть сговорчива,— написалъ телеграмму. Напишетъ «бѣдной Сонѣ» всю правду потомъ.

Нѣсколько успокоенный, Артемьевъ вышелъ наверхъ, велѣлъ собрать команду во фронтъ, представился командѣ и произвелъ на матросовъ хорошее впечатлѣніе, особенно тѣмъ, что очень громко и внятно сказалъ, что законъ не разрѣшаетъ бить и употреблять какія-нибудь наказанія, въ законѣ не указанныя.

Еще большее впечатлѣніе произвелъ новый старшій офицеръ на жадно слушавшихъ его матросовъ тѣмъ, что разрѣшилъ

обращаться къ нему съ жалобами, если кто-нибудь будетъ беззаконно наказанъ.

Распустивъ команду, Артемьевъ вмѣстѣ съ боцманами осмотрѣлъ крейсеръ и нашелъ, что старшему офицеру придется много поработать, чтобы крейсеръ былъ въ порядкѣ.

— Грязновато тамъ, гдѣ не на виду! —говорилъ онъ боцманамъ.

— Это точно, ваше благородіе!—соглашались оба.

— Такъ отчего же эта грязь?..

— Не требовалъ прежній старшій офицеръ!

— А я буду требовать!

Въ тотъ же вечеръ «новый» нечаянно услыхалъ, что оба боцмана посмѣивались надъ нимъ, увѣренные, что онъ только сначала «хорохорится», и замѣтилъ, что въ каютъ-компаніи съ нимъ всѣ были сдержанны и сухи.

А Непобѣдный разсказывалъ о какихъ-то новыхъ порядкахъ, которые завелъ на какомъ-то островѣ какой-то Донъ-Кихотъ.

«Пробуютъ»,—подумалъ Артемьевъ и не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

Часовъ въ девять онъ съѣхалъ на берегъ. Отправилъ телеграмму и зашелъ въ ресторанъ одного изъ лучшихъ отелей.

Онъ сѣлъ за столикъ, лѣниво отхлебывалъ портеръ и, мрачный, посматривалъ на публику, какъ вдругъ къ нему подошелъ въ статскомъ платьѣ Кауровъ. Онъ былъ нѣсколько красенъ, но не пьянъ.

— Позвольте на минуту подсѣсть, Александръ Петровичъ?

— Пожалуйста, Иванъ Николаичъ!

И Артемьевъ какъ-то виновато и ласково улыбнулся. А Кауровъ, посмѣиваясь, разсказывалъ:

— За обѣдомъ Мароа Посадница жаловалась адмиралу на васъ. Еще бы! Не прикладывались къ ручкѣ... Не титуловали... За ея пакостные намеки назвали сплетницей. Хвалю... Она и насчетъ этого прошлась... да и обо всѣхъ вашихъ поступкахъ «вообще». Гости... А, вѣрно, ужъ было накаливаніе à part... Такъ вы имѣйте въ виду и завтра подтяните крейсеръ... Пріѣдетъ адмиралъ и будетъ придираться. Ну, а вамъ, Александръ Петровичъ, «пофартило». Послѣзавтра уйдете отъ адмиральши въ крейсерство на Сѣверъ. Это не нашъ адмиралъ придумалъ... Берендѣевъ приказалъ изъ Петербурга.

— Очень вамъ благодаренъ, Иванъ Николаичъ... Не угодно ли стаканъ портера?

— Стаканъ... я уже порядочно выпилъ этихъ стакановъ... а впрочемъ...

Кауровъ пригубилъ стаканъ и сказалъ:

— А я вѣдь, Александръ Петровичъ, собственно говоря, не для этого предупрежденія подсѣлъ къ вамъ...

У Артемьева ёкнуло сердце.

— Моя Вавочка васъ того... пріоболванила? Втемяшились?

— Да, Иванъ Николаичъ!

— И шлемъ безъ козырей?

— Въ родѣ этого...

— Вавочка умѣетъ. Безъ этого скучно... Особенно если сама увлечется... А вы, слава Богу... чего лучше мужчина! Разумѣется, для васъ перваго она пожертвовала супружескимъ долгомъ и познала настоящую любовь... и, вѣрно, развода хочетъ съ постылымъ Иваномъ Николаичемъ и съ вашею Софіей Николаевной... однимъ словомъ, романъ... Но только вы этому не вѣрьте... Когда она вамъ говорила или писала— она вѣрила. А затѣмъ... Много было этихъ первыхъ жертвъ... знаете ли, по привычкѣ, какъ боцмана прежде ругались... Ну, и интереснѣе каждому любовнику быть первымъ... Но... на кой чортъ ей бросать мужа?.. Содержаніе ничего-себѣ... Вернется, и ему хватитъ. И не пріѣдетъ она въ Нагасаки. И вы, милый человѣкъ, не впадайте въ меланхолію... Я вотъ давно привыкъ... Ничего не подѣлаешь... Есть же такія женщины... большого сердца... Вѣрьте, не пріѣдетъ сюда... И знаете ли почему?

— Почему?

— Вавочка теперь подковываетъ Нельмина... Того и гляди, еще женитъ на себѣ... Ну, будьте здоровы, Александръ Петровичъ.

Съ этими словами Кауровъ ушелъ.

XIV.

— Здорово, молодцы!

Адмиралъ крикнулъ свое привѣтствіе громко, отрывисто и щеголевато-весело, видимо увѣренный, что одно появленіе его обрадуетъ команду крейсера «Воинъ», выстроенную во фронтъ, въ это погожее солнечное утро на рейдѣ Нагасаки. Даже и немногіе не-молодцы немедленно станутъ молодцами послѣ этого подбадривающаго оклика во всю силу густого, зычнаго голоса.

Онъ обходилъ фронтъ рѣшительной походкой и взглядывалъ на матросовъ орломъ, приподнявъ голову въ бѣлой фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, къ которому по временамъ прикладывалъ три пальца своей громадной бѣлой руки.

Огромнаго роста, атлетическаго сложенія, съ крупными чертами моложаваго и еще очень красиваго, свѣжаго и румянаго лица, съ большой окладистой русой бородой, Парменъ Степановичъ Трилистниковъ имѣлъ необыкновенно мужественный, молодецкій видъ энергичнаго, властнаго адмирала.

При видѣ его никто и не подумалъ бы, что онъ находится въ позорномъ повиновеніи адмиральшѣ, труситъ ея и съ большимъ апломбомъ повторяетъ ея слова, считая ихъ собственными.

Матросы рявкнули, словно оглашенные, какъ одинъ: «Здравія желаемъ, ваше превосходительство», но въ энергическомъ и отрывистомъ вскрикѣ ста шестидесяти человѣкъ только слышалось: «раааръ, дваа, ство!»

И напряженно выпученные глаза ихъ такъ впились въ адмиральское лицо, точно дѣйствительно хотѣли съѣсть его отъ радости—до того хорошо были выучены матросы «Воина» встрѣчать и провожать начальника эскадры.

Адмиралъ былъ доволенъ отъ произведеннаго имъ впечатлѣнія. Недаромъ же, здороваясь съ матросами, онъ называетъ ихъ молодцами. Но не на всѣхъ судахъ его эскадры такъ восторженно вскрикиваютъ.

Адмиралъ даже забылъ въ эту минуту, о чемъ наказывала ему адмиральша; онъ не хмурилъ бровей и не дѣлалъ глубокомысленно-глупыхъ глазъ. И, словно бы желая осчастливить и капитана, который какъ шарикъ катался за величественной фигурой его превосходительства, адмиралъ, полуотвернувшись, сказалъ капитану на ходу:

— Молодцы у васъ, Алексѣй Иванычъ...

— Точно такъ, ваше превосходительство. Молодцы!

— Главное: духъ, Алексѣй Иванычъ!.. Духъ-съ!

Сопровождаемый капитаномъ, старшимъ офицеромъ и молодымъ мичманомъ, адмиральскимъ флагъ-офицеромъ, адмиралъ спустился внизъ осматривать крейсеръ.

Матросамъ скомандовали разойтись.

Всѣ молодые, пріодѣтые въ чистые рубахи и штаны, съ новыми фуражками на головахъ и болѣе тщательно вымытые, подстриженные и побритые по случаю «внезапнаго» посѣщенія адмирала, обыкновенно узнаваемаго на судахъ эскадры наканунѣ, матросы разбились по кучкамъ на бакѣ.

По обыкновенію, разговоры начались съ адмирала, котораго уже давно не видали на крейсерѣ и котораго матросы на эскадрѣ прозвали фамильярной и, казалось, совсѣмъ несоотвѣтственной здоровенному и мужественному виду адмирала, кличкой «Пармешеньки».

Придумалъ эту кличку рулевой Вѣкшинъ.

Пустивши ее, онъ объяснилъ на бакѣ, что услыхалъ кличку на берегу отъ ребятъ съ «Олега». И никто, конечно, не сомнѣвался.

Это былъ смирный, тихій и усердный чернявый матросикъ, худощавый и невзрачный, съ едва уловимымъ лукавствомъ въ блескѣ его сторожкихъ карихъ глазъ и необыкновенно боязливый передъ начальствомъ. Велъ онъ себя, какъ самъ говорилъ, «очень аккуратно, чтобы не вышло какихъ-нибудь непріятностей».

И въ то же время Вѣкшинъ любилъ пофилософствовать, и предпочтительно насчетъ порядковъ на службѣ и начальства. Трусилъ, какъ заяцъ, всякихъ «непріятностей», даже малодушно лебезилъ—и все-таки предавался мечтаніямъ и на начальствѣ изощрялъ свою выдумку на клички, предоставляя славу авторства кому-то неизвѣстному. Но зато про себя радовался, что прозвища господъ нравятся на бакѣ и разносятся по судамъ эскадры. И онъ удовлетвореннѣе мурлыкалъ какую-то пѣсенку, вдумчиво поглядывая на бездонное небо.

Только съ своимъ закадычнымъ другомъ, марсовымъ Бабушкинымъ, дѣлился Вѣкшинъ своими, какъ онъ выражался, «загвоздками», которыя лѣзли въ его безпокойную душу. Но даже и другу не признавался въ выдумкѣ.

И теперь, когда начальство было внизу, Вѣкшинъ подошелъ къ Бабушкину и, оглядѣвшись, гдѣ боцманъ, спросилъ, понижая голосъ:

— Видѣлъ?

— А что?

— Слѣпые вы всѣ развѣ?.. Вѣдь вовсе полагаетъ о себѣ, быдто и взаправду «орелъ»... И форцъ-то какой...

— И диковина, братецъ ты мой! Обмозгуй-ка.

— Про что, Нилъ?

— Такой ахтительный быкъ и позволяетъ помыкать собой бабѣ... Хучь бы молодой... А то... «пучеглазая вѣдьма»!.. Какъ это понять?

— И очень даже пойми... «Пучеглазая» недаромъ у насъ за адмирала. Она мужчинскаго характера и съ умомъ и съ амбиціей... Въ строгости держитъ своего «Быкъ-Быкыча», даромъ что съ лица не лестнѣй акулъ-рыбы... Чуть что—и по загривку... Не смѣй бунтовать. Я, молъ, княжескаго рода и богатѣющая шла за тебя... А окромя бычьяго твоего вида никакой, молъ, у тебя амуниціи. Адмиральскій вѣстовой обсказывалъ, какъ «Пучеглазая» его учитъ. Я, молъ, съ большимъ понятіемъ, а тебѣ, говоритъ, милушѣ, Богомъ отпущено

въ обрѣзъ только, говоритъ, едва хватитъ для лейтенантскаго званія. Ты, говоритъ, изъ-за меня и въ адмиралы вышелъ... Показывай себя, какой ты у меня «тамбурмажористый» человѣкъ, а говорить не говори... Только похвали или поругай... И кушай, говоритъ, до отвала, какую хочешь скусную пищу, дуй, говоритъ, самыя дорогія вина, играй въ карты, одно слово... Денегъ, говоритъ, у меня много, и домъ у меня въ Петербургѣ—въ родѣ бытто дворца... Знай пользуйся—и только чтобы находился въ постоянномъ моемъ повиновеніи и состоялъ, говоритъ, при своей вѣрной супругѣ въ самомъ полномъ законѣ. Чтобы никакихъ подлостей... И что бы, говоритъ, вышло безъ меня изъ такого статуя?

— Что-жъ онъ?

— Что-жъ ему? Знастъ, молъ, «Пучеглазую», молчитъ. И какая ему жизнь безъ нея?.. И какой ему ходъ?.. И опять: ужъ зазнался въ богатствѣ, что вошь въ коростѣ... Какъ-никакъ, а все-таки—надо правду сказать,—«доберъ», если бы не «пучеглазая». То-то и пойми, братецъ ты мой!—закончилъ Вѣкшинъ, завидя подходившаго боцмана.

Нечего и говорить, что Вѣкшинъ, передавая слова адмиральскаго вѣстового, пользовался ими какъ канвой, на которой рисовалъ узоры своей фантазіи. Но какъ бы то ни было, хотя бы адмиральша въ дѣйствительности и не «учила» адмирала такъ, какъ разсказывалъ Вѣкшинъ, но его выдумка не лишена была художественной правды и отвѣчала потребности возмущеннаго и трусливаго сердца.

Тѣмъ временемъ адмиралъ заглянулъ на кубрикъ, въ машинное отдѣленіе и въ лазаретную каюту. Тамъ адмиралъ подбодрилъ чахоточнаго умирающаго матроса тѣмъ же окрикомъ: «Здорово, молодецъ!» и, поднявшись наверхъ, взошелъ на мостикъ и приказалъ забить артиллерійскую тревогу.

Артиллерійскимъ ученіемъ смотръ и окончился.

Адмиралъ поблагодарилъ капитана за порядокъ на крейсерѣ, за ученье и за то, что матросы-молодцы.

— Съ такими молодцами... Вы понимаете, Алексѣй Иванычъ?

Капитанъ отвѣтилъ, что вполнѣ понимаетъ.

Тогда адмиралъ приказалъ завтра сняться съ якоря и не безъ торжественности прибавилъ:

— Посылаю васъ въ крейсерство на Сѣверъ...

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!—далеко не весело отвѣтилъ капитанъ.

— Цѣль назначенія...

Адмиралъ, вѣрно, вспомнилъ наказъ адмиральши не особенно много говорить и зналъ, что инструкція прислана изъ морского

министерства, и надо только переписать се. И, не докончивъ объясненія, продолжалъ:

— Прошу пожаловать сегодня ко мнѣ обѣдать, Алексѣй Иванычъ... Вы получите инструкцію, и я вамъ объясню, что надо... Вѣрно, надоѣло отстаиваться на якорѣ?

Алексѣй Ивановичъ долженъ былъ сказать, что надоѣло...

Адмиралъ замѣтилъ, что онъ и раньше бы послалъ Алексѣя Ивановича, но надобно было ждать новаго старшаго офицера.

Съ Артемьевымъ адмиралъ еще не сказалъ ни слова. Онъ только пожалъ ему руку при встрѣчѣ.

И теперь онъ любопытно взглядывалъ на него, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ на мостикѣ, какъ распорядителя «аврала», и на лицѣ адмирала, казалось, было что-то смущенное и нерѣшительное.

Но приказаніе «адмиральши» разнести Артемьева было категорическое, и добродушіе адмирала не смѣло спорить противъ привычнаго послушанія.

Вдобавокъ онъ вспомнилъ, что «умница Бетси» высказала весьма основательныя причины высшаго соображенія, требующія строгаго выговора начальника эскадры старшему офицеру. Припомнилъ и нѣсколько разъ повторенныя адмиральшей слова, которыя, вѣрно, «энергичный Пармъ» (такъ звала наединѣ адмиральша Пармена Степановича) захочетъ сказать Артемьеву...

И брови адмирала вдругъ нахмурились, а лицо приняло глубокомысленно-серьезный видъ.

Адмиралъ спустился въ капитанскую каюту.

— Прикажите, Алексѣй Ивановичъ, послать ко мнѣ старшаго офицера.

Капитанъ поднялся наверхъ и встревоженно шепнулъ Артемьеву:

— Идите къ адмиралу, Александръ Петровичъ. Главное, не перебивайте его и тому подобное...

XV.

Ни въ позѣ ни въ лицѣ Артемьева не было ни преувеличенной почтительности, ни открытаго радостнаго выраженія, ни «пріятной» боязливости, однимъ словомъ, не было того, что особенно нравилось въ подчиненномъ Трилистникову, какъ и многимъ начальникамъ...

Въ официальной сдержанности и въ спокойствіи старшаго офицера адмиралу, «подвинченному» адмиральшей, уже показалось что-то независимое и даже дерзкое.

«Того и гляди, нарвешься на дерзость»,—подумалъ Парменъ Степановичъ.

Вотъ почему адмиралъ не рѣшился «разнести вдребезги» Артемьева, какъ обѣщалъ своей Бетси. Трилистниковъ, хоть и имѣлъ видъ нахохлившагося пѣтуха, но не особенно повысилъ голосъ, когда значительно и серьезно началъ:

— До моего свѣдѣнія дошло, что вы, господинъ Артемьевъ, почему-то нашли нужнымъ... да-съ, нашли умѣстнымъ... обратиться съ рѣчью къ нижнимъ чинамъ... Вы особенно старались... именно особенно старались... разъяснить имъ ихъ права и...

Адмиралъ на секунду остановился и наморщилъ лобъ, словно припоминая хорошо выученный урокъ.

— Старшій офицеръ обязанъ поддерживать дисциплину... возбуждать духъ матросовъ, а не... не возстановлять ихъ противъ офицеровъ. Такія рѣчи...

— Позвольте, ваше превосходительство! — перебилъ Артемьевъ, возмущенный такимъ нелѣпымъ обвиненіемъ.

— Прошу не перебивать-съ!—воскликнулъ адмиралъ.

И смолкъ, точно потерялъ окончаніе строгаго выговора, подсказанное адмиральшей.

Сконфуженный и, казалось, струсившій, онъ еще болѣе хмурилъ брови и старался принять еще болѣе глубокомысленный видъ человѣка, придумывающаго что-то умное и значительное.

Такъ прошла долгая пауза.

Наконецъ Парменъ Степановичъ, еще болѣе понижая голосъ, проговорилъ свою импровизацію:

— Именно высшія соображенія вынуждаютъ меня обратить ваше серьезное вниманіе на дисциплину. Надо поддерживать нашъ русскій духъ. Внушать матросу безпредѣльное довѣріе къ начальству... А между тѣмъ русскій морякъ—и приказываете нижнимъ чинамъ жаловаться изъ-за всякаго пустяка... Прошу васъ не вводить новыхъ порядковъ... Прошу и приказываю! Можете теперь дать объясненіе...

— Я буду просить ваше превосходительство назначить форменное слѣдствіе...

Адмиралъ не ждалъ такой реплики.

— Какъ? Что-съ? Зачѣмъ-съ?—съ изумленіемъ и растерянностью спросилъ онъ.

— Если обвиненія вашего превосходительства подтвердятся, я долженъ быть преданъ суду...

— Да что вы, Александръ Петровичъ. Какой судъ!.. Я хотѣлъ по-отечески, келейно предупредить... Понимаете... Эти свѣдѣнія...

— Это—просто скверныя сплетни, ваше превосходитель-

ство... И на основаніи ихъ ваше превосходительство дѣлаете выговоръ... Прошу слѣдствія.

Парменъ Степановичъ сообразилъ, что свѣдѣнія, полученныя Бетси, въ самомъ дѣлѣ могутъ быть невѣрными. Дойдетъ до Берендѣева... Скандалъ...

Адмиралъ совсѣмъ струсилъ. И почти заискивающе сказалъ:

— Ну, что вы, Александръ Петровичъ. Ну, положимъ, погорячился... Такъ прошу, Александръ Петровичъ, извинить...

«А ну тебя къ чорту!»—подумалъ Артемьевъ, взглядывая на испуганное лицо Трилистникова. И тотчасъ же поймалъ себя на малодушіи и трусливости, когда сказалъ:

— Извольте. Я не подниму исторіи, ваше превосходительство!

— И отлично!.. Къ чему скандалъ? Прошу, Александръ Петровичъ, забыть выговоръ... Я былъ введенъ въ заблужденіе... Понимаете ли... Его какъ бы не было!—говорилъ Трилистниковъ, протягивая руку.

Онъ крикнулъ вѣстового и велѣлъ ему попросить капитана.

— Вотъ, Алексѣй Иванычъ, и разъяснилось недоразумѣніе съ Александромъ Петровичемъ. Онъ вполнѣ убѣдилъ меня, что у васъ превосходный старшій офицеръ...

Съ этими словами всѣ они вышли наверхъ.

Снова команда и офицеры были во фронтѣ. Снова адмиралъ «съ шикомъ» благодарилъ «молодцовъ», благодарилъ капитана, старшаго офицера и офицеровъ, и уѣхалъ на «Олегъ».

— Видно, не перебивали адмирала, Александръ Петровичъ?—весело спрашивалъ капитанъ.

— Нѣтъ... И хороши эти сплетники, которые подслуживаются адмиральшамъ!

— А что?

Артемьевъ разсказалъ о выговорѣ адмирала.

Возмутился и Алексѣй Ивановичъ. А все-таки обрадовался, что все такъ «благополучно окончилось».

— А, конечно, насплетничалъ Непобѣдный. Онъ первый сплетникъ при Маріѣ Посадницѣ. Еще вчера вечеромъ ѣздилъ на «Олегъ» Значитъ, къ адмиральшѣ.

— Не сомнѣваюсь. Онъ и аллегорію разводилъ насчетъ меня въ каютъ-компаніи. Хорошъ фруктъ! Ну и нравы, Алексѣй Иванычъ!—промолвилъ Артемьевъ.

Онъ чувствовалъ себя отвратительно.

Въ то же время адмиральша спрашивала мужа въ его кабинетѣ:

— Ну что, Пармъ?

— Разнесъ, Бетси.

— А онъ?

— Онъ... Онъ оправдывался. Говорилъ, что все сплетни...

— А ты?

— Ну, конечно...

— Что конечно?

— Оборвалъ...

— А онъ?

— Онъ... Онъ, Бетси, кажется, не такъ виноватъ...

— Это почему?

— Обидѣлся... Прошу, говоритъ, формальнаго слѣдствія...

— Ну?..

— Ну, къ чему слѣдствіе... Я... я... сказалъ, что если захочу, то прикажу назначить слѣдствіе...

— И ты еще извинился, пожалуй.

— Ничего подобнаго... И знаешь ли что, Бетси?

— Что?

— Не навралъ ли Непобѣдный про рѣчь?..

— А знаешь, что я тебѣ скажу, Парменъ Степанычъ?

— Что, Бетси?—смущенно спросилъ адмиралъ, словно бы заранѣе ожидая непріятности.

— Ты—дуракъ.

— Вотъ ты всегда недовольна... И непремѣнно скажешь непріятность...

— Да какъ же!? — раздраженно воскликнула Елизавета Григорьевна. И, понижая голосъ, чтобы никто не слышалъ ея «бенефисовъ», она продолжала:—Невѣжа Артемьевъ преднамѣренно оскорбилъ твою жену, жену своего начальника. Ты знаешь?.. Я не хотѣла, чтобы ты за это преслѣдовалъ его... Но его во всякомъ случаѣ неприличная рѣчь матросамъ требовала строгаго выговора... Ты, кажется, вполнѣ со мною согласился... Непобѣдный не могъ такъ наврать. И ты даже не сумѣлъ сдѣлать выговора... Я-то стараюсь... Облегчаю тебя... А ты?... Хорошъ адмиралъ!.. Гдѣ съ нимъ говорилъ?..

— Въ капитанской каютѣ.

— И дуракъ!.. Нужно было разнести наверху... Онъ не осмѣлился бы отвѣчать... Ну, скажи,—ты извинился?.. Струсилъ?

— Стану я извиняться!—не безъ отваги отчаянія вралъ Парменъ Степановичъ.

— Ну, то-то!..—И, нѣсколько успокоенная, адмиральша проговорила:—По крайней мѣрѣ Артемьева не будетъ, уйдетъ завтра, и мы не будемъ видѣть этого дерзкаго невѣжу... Ну, идемъ завтракать... Достала консервованныхъ грибовъ у

консула. Привезли изъ Россіи. Будутъ жареные въ сметанѣ... Вѣдь любишь?..

Адмиралъ просвѣтлѣлъ и отъ окончанія бенефиса и отъ грибовъ, и, цѣлуя руку жены, сказалъ съ добродушіемъ довольнаго человѣка:

— Умница ты, Бетси... У, какая умница! Тебя бы назначить министромъ!

XVI.

Черезъ два дня «Воинъ» вошелъ въ Тихій океанъ, направляясь въ негостепріимное Берингово море, куда посылало высшее морское начальство.

Давно уже американцы и другіе иностранцы охотились за морскимъ звѣремъ у нашихъ береговъ, нарушая договоры, по которымъ охота за морскимъ звѣремъ допускалась въ десяти миляхъ отъ побережья нашихъ сѣверныхъ морей (Охотскаго и Берингова) и въ тридцати отъ Командорскихъ острововъ, гдѣ особенно было много драгоцѣнныхъ котиковъ.

Не регулярно посылались военныя суда для охраны береговъ. Котики безжалостно уничтожались иностранцами. Драгоцѣнный звѣрь уменьшался. Изрѣдка появлялись въ русскихъ газетахъ статьи о безсовѣстномъ разбойничьемъ поведеніи иностранныхъ китобоевъ и шкунъ.

И нѣсколько лѣтъ до посылки «Воина» въ крейсерство появилась военная шкуна у Командорскихъ острововъ.

Капитанъ ея наводилъ страхъ на капитановъ «купцовъ», занимавшихся ловлей котиковъ на нашей зонѣ. Бдительный морякъ взялъ, какъ призы, двѣ американскія шкуны и послалъ нѣсколько ядеръ вдогонку убѣгающему подъ всѣми парусами клиперу, нагруженному драгоцѣннымъ звѣремъ.

Цѣна на котиковъ сильно повысилась на биржѣ Санъ-Франциско и на биржахъ во многихъ портахъ Дальняго Востока.

И вдругъ, совершенно случайно, прежній начальникъ эскадры Тихаго океана прочелъ въ англійской шанхайской газетѣ нѣчто невѣроятное.

Въ статьѣ разсказывалось, что на-дняхъ пришли двѣ шкуны съ полнымъ грузомъ котика, проданнаго дешевле рыночной цѣны. Грузъ принадлежалъ по документамъ какому-то русскому купцу. Но будто въ дѣйствительности принадлежалъ капитану того военнаго судна, которое охраняетъ ловлю котиковъ отъ иностранцевъ. И затѣмъ шли довольно пикантныя подробности о томъ, какъ ведется торговля, которой занимаются русскіе агенты, строго оберегающіе промыселъ отъ иностранцевъ.

Адмиралъ, разумѣется, не повѣрилъ такому позорному обвиненію.

Но правдоподобіе подробностей всего этого «трюка» заставило адмирала послать вырѣзку изъ англійской газеты мѣстному начальнику во Владивостокъ.

Адмиралъ отвѣтилъ другому адмиралу конфиденціальнымъ письмомъ.

Разумѣется, англичане и американцы—недаромъ «торгаши и разбойники». Они изъ мести оклеветали русскихъ моряковъ. Если бы было что-нибудь подобное, то, конечно, до адмирала дошли бы слухи.

А между тѣмъ во Владивостокѣ, не стѣсняясь, говорили въ клубѣ о торговыхъ операціяхъ съ котиками, о какой-то «стачкѣ» и называли людей, хорошо заработавшихъ на котикахъ во время охраны ихъ ловли отъ иностранцевъ.

Когда начальникъ эскадры зашелъ во Владивостокъ, мѣстный адмиралъ снова ничего не слыхалъ, а пришлый въ тотъ же день узналъ про баснословные слухи.

И неожиданно пришелъ на корветѣ на Командорскіе острова.

Онъ велѣлъ шкунѣ вернуться во Владивостокъ и написалъ въ Петербургъ такое донесеніе, что тогдашній морской министръ только ахнулъ.

Онъ былъ увѣренъ, что въ другихъ вѣдомствахъ возможны злоупотребленія, но въ его—немыслимы сколько-нибудь серьезныя. Недаромъ же онъ все знаетъ, все видитъ и своевременными мѣрами уничтожаетъ въ началѣ.

А между тѣмъ...

Адмиралъ-министръ только энергично выругался, какъ боцманъ старыхъ временъ, разрѣшавшій руганью всѣ вопросы, сомнѣнія и неожиданности, приказалъ произвести строжайшее слѣдствіе и конфиденціально написалъ, чтобы «ради чести Россіи и флота» дѣлу не придавали огласки и не привлекали къ суду лицъ, прежде прикосновенныхъ къ позорной торговлѣ котиками. Судить только командира и офицеровъ шкуны.

Они были судимы и сосланы въ Сибирь. Нѣкоторымъ прикосновеннымъ предложили подать въ отставку. Мѣстный адмиралъ получилъ другое назначеніе. Все прошло тихо, келейно. Сору изъ избы вынесено не было, и можно было говорить, что одна паршивая овца можетъ найтись въ самомъ лучшемъ стадѣ.

XVII.

Океанъ съ перваго же дня встрѣтилъ «Воина» непривѣтливо.

Матросы старались коротать вахты разговорами, особенно

по холоднымъ сѣвернымъ ночамъ въ океанѣ, когда въ своихъ буршлатахъ, поверхъ синихъ рубахъ, жались другъ къ другу, словно лошади въ табункѣ, у своихъ снастей или на марсахъ, озябшіе и невольно испуганные «погодой».

Упорно сильный и порою порывистый холодный вѣтеръ гудѣлъ и стоналъ въ снастяхъ, мачтахъ, по задраеннымъ люкамъ и закрѣпленнымъ по-походному орудіямъ. Онъ слегка гнулъ стеньги и выпиралъ, словно бы готовый изорвать въ лоскутья, марселя въ три рифа, съ зарифленными фокомъ и стакселемъ, подъ которыми бѣжалъ крейсеръ «Воинъ» въ «бакштагъ» узловъ по десяти-одиннадцати. Онъ раскачивался, стремительно ложась на бокъ и касаясь верхушекъ волнъ то однимъ, то другимъ лагомъ, и зарывался носомъ въ пѣнящуюся воду, чтобы снова подняться высоко, отряхиваясь, словно птица, отъ водяныхъ струй.

Рокоталъ и сѣдой океанъ своими могучими волнами, которыя бѣшено бились одна о другую и нападали на трехмачтовый клиперъ. Казалось, вотъ-вотъ эти водяныя горы обрушатся на опустившуюся корму.

Но въ ту же секунду ужъ корма поднималась, гора сзади опускалась, чтобы снова вздуться новой волной-горой.

Многимъ матросамъ было жутко.

Но прошелъ день-другой. «Воинъ» такъ же раскачивался и бѣжалъ, ускользывая отъ волнъ. Капитанъ и старшій офицеръ, по очереди стоявшіе на мостикѣ вмѣстѣ съ вахтенными офицерами, казалось, не обнаруживали тревоги. Не былъ особенно озабоченъ и старшій штурманъ. Попрежнему былъ молодчага «мичманенокъ», какъ звали матросы любимаго ими мичмана Аріаднина.

И, недавно еще оторванные отъ земли, не любившіе моря съ его ужасами, особенно страшными для сухопутнаго человѣка, матросы покорно смирились, увѣренные, что океанъ только пугаетъ.

Но все-таки старались не смотрѣть на этотъ сѣдой, безграничный, ревущій нескончаемымъ гуломъ океанъ, необыкновенно красивый въ своемъ грозномъ величіи мощи и для многихъ ненавистный.

И въ кучкахъ «лясничали», словно бы нарочно выбирая такія темы, которыя отвлекали отъ дѣйствительности морской жизни, полной опасности и часто напоминающей о смерти людямъ, которымъ жить хочется.

Говорили о «домашности», о своихъ мѣстахъ, о Кронштадтѣ, про берегъ, на которомъ бывали въ Европѣ и Азіи, сравнивали порядки у «нихъ» и у «насъ», вызывавшіе споры. Ожи-

давніе отставки разсказывали о своихъ планахъ будущей жизни.

Ни одинъ даже изъ лучшихъ марсовыхъ и не подумалъ о поступленіи на купеческое судно, чтобы идти въ море. Только двое поморовъ рѣшили снова «заниматься рыбой» на Мурманѣ. Далеко не всѣ думали вернуться къ землѣ. Многіе, особенно непьющіе и усердные по службѣ, мечтали вслухъ о мѣстахъ швейцара и старшаго дворника въ Петербургѣ. Рѣшительно вся «вѣстовщина» питала надежды на поступленіе въ лакеи въ хорошій домъ и на хорошее жалованье. И старшій боцманъ Адріанъ Ивановичъ Рыжій, безукоризненный исполнитель, умѣвшій быстро понимать и приспособляться, сдержанный, ровный и мягкій, видимо знающій себѣ цѣну, человѣкъ лѣтъ тридцати, съ маленькими быстрыми глазами, свѣтившимися умомъ, уже заручился обѣщаніемъ мичмана Непобѣднаго устроить его въ Петербургѣ городовымъ или жандармомъ.

Его матросы уважали и слегка побаивались.

Одинъ только рулевой Вѣкшинъ терпѣть не могъ боцмана, боялся его больше всего начальства и про себя называлъ Рыжаго за его удлиненное худощавое лицо хорькомъ. И, словно бы объясняя, почему онъ не любитъ боцмана, Вѣкшинъ подъ строгимъ секретомъ разсказывалъ Бабушкину, что Рыжій выгналъ изъ своей квартиры отца, отставного стараго боцмана, за то, что отецъ выпиваетъ, ругается и будто бы только можетъ «оконфузить» сына.

— Хорекъ и есть! — прибавлялъ негодующимъ шопотомъ Вѣкшинъ.

XVIII.

Настроеніе каютъ-компаніи «Воина» было невеселое.

Никому не улыбалось послѣ долгихъ стоянокъ и развлеченій на берегу крейсерство въ негостепріимномъ Беринговомъ морѣ съ безпокойными вахтами, скукой, безъ писемъ и газетъ, безъ свѣжей провизіи, которой не достанешь въ поселкахъ на островахъ. Развѣ только рыбу. Кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, никто не любилъ и не чувствовалъ моря съ его разнообразными и сильными впечатлѣніями. Служба была непріятной повинностью. Бо́льшая часть моряковъ рвалась въ Россію, предпочитая «выплавывать цензъ» въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ стоянокъ и прогулокъ въ Финскомъ заливѣ, чѣмъ три года подъ-рядъ въ дальнемъ плаваніи съ океанскими переходами и штормами, и дѣлать дѣло, и притомъ опасное, которое далеко не по душѣ и не обѣщаетъ ни быстрой карьеры ни денегъ.

Недовольные собрались къ обѣду шестнадцать человѣкъ офицеровъ, докторъ и батюшка.

Качало сильно, и вѣстовые, разносившіе тарелки съ супомъ, выписывали вензеля. Ѣсть его приходилось со сноровкой.

Когда супъ благополучно былъ съѣденъ, на разныхъ концахъ стола раздались раздражительныя замѣчанія о предстоящемъ плаваніи.

— Зато, господа, купимъ дешево котиковъ на Командорскихъ островахъ!—замѣтилъ старшій механикъ, аккуратный и разсчетливый человѣкъ, съ пріобрѣтательными наклонностями, любившій вездѣ покупать солидныя вещи для обстановки и для основательныхъ, какъ онъ говорилъ, подарковъ для своей положительной супруги.

По этому поводу вспомнили о старой «котиковой» исторіи.

Бо́льшая часть офицеровъ, обрадованная интересной темой, съ большимъ негодованіемъ бранила осужденныхъ моряковъ.

Изъ этихъ обвиненій выходило, что нѣсколько попавшихся моряковъ были исключительно рѣдкими, безсовѣстными и дурными людьми во флотѣ, оттого только и могло явиться такое безпримѣрно позорное дѣло. Казалось, что негодующіе моряки никогда и не думали объ условіяхъ, которыя создаютъ и даже поощряютъ людей быть дурными и нехорошими.

Особенно безпощаденъ былъ первый лейтенантъ Николай Николаевичъ Буйволовъ, добродушный и лѣнивый человѣкъ лѣтъ за тридцать, который особенно гордился старой дворянской фамиліей «Буйволовыхъ», ведущихъ родъ будто бы отъ Тохтамыша, и вѣрилъ въ прирожденную дворянскую доблесть такъ же непоколебимо, какъ и въ то, что выигрывалъ въ Петербургѣ въ макао только тогда, когда его жена передъ игрой крестила обѣ его ладони.

Онъ находилъ, что наказаніе виновныхъ было слишкомъ милостиво.

— Такихъ мерзавцевъ слѣдовало бы разстрѣлять!—пробасилъ Буйволовъ.

— И Сибирь... благодарю, Николай Николаичъ... — протянулъ ревизоръ, пригожій молодой лейтенантъ, вполнѣ увѣренный, что проценты со счетовъ поставщиковъ—обычное право порядочнаго человѣка.

— Могъ бы, кажется, подумать объ отвѣтственности!—основательно промолвилъ старшій механикъ. И прибавилъ, скрывая зависть:—Смѣлость-то какая... Въ годъ тридцать тысячъ долларовъ чистоганомъ! По курсу шестьдесятъ тысячъ!

Непобѣдный, уже не смѣвшій при новомъ старшемъ офицерѣ бить матросовъ, особенно горячо заговорилъ о чести мундира.

Старшій офицеръ не вмѣшивался въ разговоръ. Помалчивали и докторъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, маленькій тщедушный докторъ,—любитель-художникъ, восхищавшійся моремъ и отрицавшій медицину,—и пожилой старшій штурманскій офицеръ Иванъ Семеновичъ, осторожно сторонившійся отъ Непобѣднаго и двухъ его пріятелей, одного мичмана и младшаго механика, которые восхищались богатымъ «аристократическимъ сынкомъ» и кутили на его счетъ.

Всѣ трое невольно переглянулись во время рѣчи Непобѣднаго, и въ ихъ глазахъ промелькнули брезгливыя улыбки. И они снова уткнули свои лица въ тарелки, словно бы не желая слушать эти разговоры.

Но мичманъ Аріаднинъ бросилъ ѣсть и слушалъ.

Это былъ долговязый юный брюнетъ, съ близорукими большими глазами, обыкновенно не принимавшій участія въ разговорахъ. Онъ былъ изобрѣтатель и съ упорствомъ маніака весь отдавался своей idée-fixe — о необыкновенной подводной лодкѣ, которая могла бы уничтожать сразу цѣлую эскадру, хотя самъ, необыкновенно добрый и не воинственный, считалъ войны отвратительнымъ варварствомъ. Кромѣ этого онъ былъ страстный игрокъ и на-дняхъ проигралъ въ Нагасаки всѣ деньги, которыя были, и еще жалованье за полгода впередъ.

Онъ вспыхивалъ и жмурилъ глаза, точно отъ боли, взволнованный и, видимо, не рѣшавшійся заговорить.

Вдругъ онъ «дернулъ» стаканъ бордо, хотя никогда не пилъ вина, и, застѣнчиво краснѣя, воскликнулъ:

— Господа!.. Одного, что ли, нужно разстрѣлять, если только разстрѣлъ что-нибудь измѣнитъ... Я не согласенъ на это... Нѣтъ! А главное: сами-то мы каковы?.. А вѣдь «бичуемъ маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ»!

На сѐкунду воцарилось молчаніе.

— И выпалилъ изобрѣтатель! Такъ и спросили вашего согласія!—замѣтилъ ревизоръ.

— Вы, мичманенокъ, дичь несете. А дворянская честь!.. Честь мундира!—пробасилъ Буйволовъ.

— Скажите, пожалуйста, какой благородный цензоръ нравовъ, дующійся въ карты! Толстого, что ли, начитались? Или хотите поразить оригинальнымъ пониманіемъ чести мундира? - сказалъ Непобѣдный.

Эти слова вывели изъ себя добродушнаго «мичманенка», и не потому, что дышали высокомѣріемъ и произнесены были наглымъ, злымъ тономъ, а только потому, что сказалъ ихъ ему Непобѣдный, еще смѣвшій говорить о чести мундира.

Аріаднину былъ несимпатиченъ Непобѣдный, и они почти

не говорили другъ съ другомъ. Но долговязый мичманъ не могъ и подумать, чтобы Непобѣдный былъ наушникомъ адмиральши и такъ подло оклеветалъ старшаго офицера.

Объ этомъ Аріаднинъ узналъ наканунѣ ухода изъ Нагасаки отъ флагъ-офицера.

Старшій офицеръ уже хотѣлъ остановить эти разговоры, принимавшіе благодаря возмущенному «мичманенку» рѣзкій характеръ, какъ Аріаднинъ, побѣлѣвшій какъ воротничокъ его сорочки, полный негодованія, вызывающе крикнулъ, обращаясь къ Непобѣдному:

— А наушничество вы считаете честью мундира?

— Прошу прекратить споры, Сергѣй Алексѣичъ! И васъ прошу, Евгеній Викторовичъ!

Голосъ старшаго офицера звучалъ строго, а глаза его такъ ласково глядѣли на «мичманенка».

И маленькій докторъ и старшій штурманъ сочувственно ему улыбнулись.

Непобѣдный еще выше и высокомѣрнѣе поднялъ свою красивую голову. Совсѣмъ побѣлѣвшія тонкія губы искривились въ презрительную улыбку. Словно бы не понявшій этого вопроса, онъ удивленно пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ.

А сердце въ немъ упало, какъ у трусливаго человѣка, пойманнаго въ подлости.

Въ каютъ-компаніи воцарилась напряженная тишина. Всѣ прислушивались къ гулу, доносившемуся сверху черезъ закрытый люкъ.

Послѣ обѣда всѣ быстро разошлись по своимъ каютамъ.

Непобѣдный легъ въ койку и пробовалъ заснуть, но сна не было. И онъ упорно смотрѣлъ на толстый матовый иллюминаторъ, который то мгновенно исчезалъ въ водѣ, то снова выскакивалъ и летѣлъ вверхъ, обдаваемый кипѣвшей волной.

Въ полусвѣтѣ маленькой каюты и раздирающій скрипъ переборокъ, и стремительность размаховъ, и гулъ, долетающій сверху, казались въ одиночествѣ Непобѣдному гораздо страшнѣе.

Онъ еще не испыталъ такой качки и боялся моря.

Когда крейсеръ валился на бокъ и на мгновеніе останавливался, словно бы раздумывая, подниматься или идти ко дну, эти мгновенія были для Непобѣднаго безконечными.

Ужасъ охватывалъ его. Онъ закрывалъ глаза, крестился, вспоминая Бога, и въ то же время не вѣрилъ, что Богъ поможетъ.

И когда крейсеръ поднимался, чтобы лечь на другой бокъ, Непобѣдный въ безсильной злости думалъ:

«Какой я дуракъ, что не остался по болѣзни въ Нагасаки и не попросилъ адмиралшу, чтобы мнѣ разрѣшили вернуться въ Россію».

Онъ непремѣнно выйдетъ въ отставку.

XIX.

Барометръ падалъ. Низкія клочковатыя и черныя тучи стремительно неслись, облагая небо. Вѣтеръ крѣпчалъ.

Капитанъ и старшій офицеръ по очереди стояли наверху, смѣняясь другъ съ другомъ. Часто поднимался и старшій штурманъ Иванъ Семеновичъ. Онъ обглядывалъ горизонтъ напряженно и строго, словно бы недовольный океаномъ и небомъ, которое уже нѣсколько дней не показываетъ солнца, и Иванъ Семеновичъ не увѣренъ въ точности мѣста «Вопна» по счисленію.

Алексѣй Ивановичъ былъ въ дохѣ, валенкахъ и мѣховой шапкѣ.

Чтобы не быть сброшеннымъ въ океанъ, Алексѣй Ивановичъ вцѣпился руками въ поручни мостика, который стремительно раскачивался надъ океаномъ. Капитанъ глядѣлъ передъ собой устало, неувѣренный въ себѣ, безъ подъема духа и той нервной возбужденности, которую испытываютъ заправскіе моряки въ бурную погоду.

Океанъ невольно смущалъ Алексѣя Ивановича. Онъ не любилъ сильныхъ ощущеній и хотѣлъ, чтобы и въ океанѣ, какъ и на берегу, все было «благополучно», безъ непріятностей и тому подобнаго. Онъ боялся отвѣтственности передъ совѣстью за людей и передъ начальствомъ, и не скрывалъ отъ себя, что онъ—не морякъ и не такой капитанъ, какой долженъ быть. И Алексѣй Ивановичъ безъ горделивости смотрѣлъ, какъ дерзко несется, убѣгая отъ волнъ, трехмачтовый крейсеръ. Онъ не привязанъ къ нему и не вѣритъ ему, какъ часто привязываются къ своимъ судамъ и вѣрятъ имъ страстные моряки. Напротивъ! «Вопнъ» кажется Алексѣю Ивановичу какимъ-то маленькимъ, затерянпымъ и жалкимъ среди бушующихъ водяныхъ горъ. И Алексѣй Ивановичъ слышитъ, что вѣтеръ крѣпчаетъ, океанъ грохочетъ грознѣе, и понимаетъ, что «Вопну» предстоитъ жесточайшій штормъ.

«Разумѣется, онъ не покажетъ передъ людьми ни малодушія ни страха!»

Такъ бодритъ себя Алексѣй Ивановичъ и часа по четыре не сходитъ съ мостика, считая долгомъ честнаго человѣка показывать подчиненнымъ примѣръ неустрашимости, спокойствія и рѣшительности, которыхъ не имѣлъ.

Зазябшій на ледяномъ вѣтрѣ, уставшій, съ измотавшимися нервами, взглядываетъ Алексѣй Ивановичъ на бѣснующійся океанъ, на черный горизонтъ, на зловѣщія облака, и въ голову его чаще и чаще особенно ярко-тоскливо закрадываются мысли о далекомъ родномъ «берегѣ».

Алексѣй Ивановичъ не вспомнилъ теперь, какъ ласково и упорно точила его горделиво-вѣрная и назойливо-добросовѣстная жена «Нюнюша», особенно послѣ пятнадцати лѣтъ супружества. Она зудила за «все», а главное—за то, что они живутъ совсѣмъ не такъ хорошо, какъ другіе, и бѣдныя дѣти лишены всего,—нельзя даже иногда купить новые башмаки. О себѣ она ужъ не говоритъ. Пусть себѣ ходитъ почти оборванная. Надо подумать о семьѣ. Надо же избавиться отъ долговъ и попроситься командиромъ въ дальнее плаваніе, если начальство забыло. Тогда можно было бы всѣмъ вздохнуть.

Хотя Алексѣй Ивановичъ нерѣдко вздыхалъ въ дальнемъ плаваніи, но, разумѣется, забылъ супружескіе шипы. И ему кажется въ эти минуты, что его жена, моложавая и, по обыкновенію не оборванная, необыкновенно любящая, заботливая, добрая и деликатная Нюнюша, тоскующая въ одиночествѣ,—идеалъ чудной жены, да еще моряка! Пятеро прелестныхъ дѣтей — и всѣ въ крѣпкихъ башмакахъ—кажутся ему еще любимѣе и милѣе. Квартира въ Кронштадтѣ уютнѣе, теплѣе и больше. Однимъ словомъ, «домъ» представляется раемъ.

Къ капитану подошелъ вплотную старшій офицеръ на смѣну и, схватываясь за поручень, сказалъ:

— Идите скорѣе грѣться, Алексѣй Ивановичъ.

— А вѣдь пахнетъ штормягой и тому подобное!—проговорилъ капитанъ такимъ искусственно-бодрымъ и даже развязнымъ тономъ, какъ будто бы штормяга доставилъ Алексѣю Ивановичу лишь одно удовольствіе.

— Повидимому... къ тому идетъ!—отвѣтилъ серьезно Артемьевъ.

— Готовы къ штурму и тому подобное, Александръ Петровичъ?

— Все готово. Вездѣ осмотрѣлъ. Штормовые паруса вынесены.

— Пожалуй, сейчасъ же поставить штормовые...

— Не прикажете ли подождать, Алексѣй Иванычъ?

— Вы думаете, подождать?..

— Вѣтеръ еще позволяетъ нести зарифленные марсели... «Воинъ» отлично убѣгаетъ отъ волны.

— Ладно. Подождемъ!—согласился Алексѣй Ивановичъ и

прибавилъ въ видѣ вопроса:—Пожалуй, къ вечеру нордъ-остъ и тому подобное... отойдетъ?

Въ голосѣ звучало нетерпѣніе и что-то заискивающее, точно онъ просилъ, чтобы и старшій офицеръ надѣялся, что шторма не будетъ.

— Едва ли. Иванъ Семенычъ говоритъ, что здѣсь штормы ревутъ по недѣлямъ... Что же, приведемъ и будемъ штормовать!.. «Воинъ»—крѣпкое судно... Ни малѣйшей течи...

— И отлично... хорошее судно, да-съ. А все-таки наградилъ Берендѣевъ насъ плаваніемъ и тому подобное!—раздраженно сказалъ Алексѣй Ивановичъ.—Ну, пойду погрѣться и попробую соснуть, а ужъ вы, голубчикъ... штормовые пораньше... Все спокойнѣе...

— Не безпокойтесь, Алексѣй Иванычъ... Отдохните хорошенько!—участливо сказалъ Артемьевъ.

— Какой тутъ отдыхъ съ этой пакостной погодой!

И, обращаясь къ вахтенному офицеру, Алексѣй Ивановичъ приказалъ разбудить его, если что случится.

— Да чтобы часовые хорошенько впередъ смотрѣли!—неожиданно строго крикнулъ онъ.

— Есть!—увѣренно-спокойно отвѣтилъ Аріаднинъ.—Будьте спокойны, Алексѣй Иванычъ! — заботливо прибавилъ «мичманенокъ», нисколько не обижаясь на свирѣпый окрикъ всегда мягкаго и деликатнаго капитана.

Молодой мичманъ понялъ, что Алексѣю Ивановичу хотѣлось отдать какое-нибудь приказаніе и показать, что и онъ можетъ быть строгимъ капитаномъ.

Алексѣй Ивановичъ осторожно двинулся по мостику и пріостановился у компаса, гдѣ стоялъ Аріаднинъ. Словно бы извиняясь за окрикъ, капитанъ проговорилъ совсѣмъ ласково:

— А вы, Сергѣй Васильичъ, одѣлись бы теплѣе, а то замерзнете въ своемъ пальтишкѣ. Пришлю полушубокъ... Да велите матросамъ дать по чаркѣ водки за меня... Ишь, дьявольскій вѣтеръ и тому подобное...

Когда Алексѣй Ивановичъ спустился въ свою натопленную каюту, вѣстовой Никифоровъ снялъ съ капитана доху и тотчасъ подалъ завернутый въ салфетку стаканъ горячаго чая и затѣмъ графинчикъ съ коньякомъ. Алексѣй Ивановичъ подлилъ коньяку и велѣлъ снести мичману полушубокъ.

— Да и валенки есть, кажется. Снеси!

Послѣ четырехъ часовъ наверху Алексѣй Ивановичъ испытывалъ необыкновенно пріятное ощущеніе физическаго удовольствія отъ тепла и дивана. Онъ выпилъ стаканъ чаю, прилегъ на диванъ, но спалъ нѣсколько минутъ.

Онъ вдругъ вскочилъ и присѣлъ на диванѣ, прислушиваясь къ гулу; онъ чувствовалъ, какъ корма вздрагиваетъ на воздухѣ и тяжело падаетъ. Одному въ каютѣ ужъ ему не нужно было «показывать примѣръ», и осунувшееся лицо Алексѣя Ивановича было встревожено и растерянно.

— Никифоровъ! Узнай, что̀ наверху!

— Въ одномъ положеніи, вышескобродіе!—уныло отвѣтилъ Никифоровъ, придерживаясь за косякъ двери. И, самъ блѣдный отъ страха, спросилъ:—Прикажете уложить какія поцѣннѣе вещи, вашескобродіе?

— Зачѣмъ?

— А на случай, если будемъ топнуть, вашескобродіе.

— Съ чего ты взялъ?

— Такъ я подамъ чаю, вашескобродіе?

— Подай и влей три ложки коньяку.

— Есть!

Подавая стаканъ, Никифоровъ проговорилъ:

— То-то дома-то у насъ лучше, вашескобродіе...

— Еще бы!

— А кругомъ вода... Такъ не укладываться?

— Ты дуракъ, Никифоровъ. Гдѣ здѣсь спастись?

— То-то некуда, вашескобродіе... Лучше и не думать. Думай не думай, а все отъ Бога. Захочетъ, такъ и штурмы не будетъ, а будетъ—вызволитъ.

И Никифоровъ какъ будто нѣсколько успокоился.

Но эта философія не успокоила Алексѣя Ивановича. Онъ душевно суетился, какъ человѣкъ, не имѣющій подъ собой никакой почвы и потерявшій способность обобщать факты. Снова подняться наверхъ и посмотрѣть, что̀ тамъ, ему не хотѣлось. Въ каютѣ тепло, а тамъ... пакость. И Артемьевъ сумѣетъ распорядиться. И дали бы знать, если бы что-нибудь случилось. И то онъ отстоялъ почти четыре часа, спустившись только, чтобы наскоро пообѣдать.

И Алексѣй Ивановичъ то разсматривалъ карту Берингова моря, прикрѣпленную къ столу, и особенно впился маленькими, красными отъ вѣтра глазами въ широкій входъ изъ океана въ море, между грядой Алеутскихъ острововъ и Командорскими островами, около которыхъ, вѣрно, американскія шкуны разбойничаютъ, уничтожая котиковъ, то думалъ о Кронштадтѣ, Нюнюшѣ и дѣтяхъ, то смотрѣлъ на барометръ, то вдругъ вспоминалъ, что теченіе неизвѣстно, и вдругъ «Воинъ» летитъ на «Ближніе» острова Алеутской гряды... Крейсеръ—со всего хода на каменья, и всѣмъ смерть.

Алексѣй Ивановичъ благоговѣйно крестился и падалъ духомъ.

— Никифоровъ!..

Отвѣта нѣтъ. Капитанъ заоралъ:

— Спалъ?

— Точно такъ... Все не думаешь... Вы, вашескобродіе, лучше бы отдохнули.

— Попроси старшаго штурмана.

Иванъ Семеновичъ, рыжій человѣкъ лѣтъ сорока, всегда былъ серьезенъ и даже строгъ, когда не могъ дѣлать обычныхъ обсерваціи и не могъ опредѣлить точнаго астрономическаго мѣста «Воина», особенно когда былъ недоволенъ моремъ и берега не были въ очень далекомъ разстояніи.

Иванъ Семеновичъ, только-что поднятый съ койки, на которой сладко спалъ, съ особенно строгимъ лицомъ вошелъ въ капитанскую каюту и спросилъ:

— Что прикажете, Алексѣй Иванычъ?

Капитанъ просилъ Ивана Семеновича присѣсть на «минутку» и повелъ рѣчь о томъ, что безъ обсерваціи «Воинъ», быть-можетъ, и въ Берингомъ.

— Теченіе и тому подобное... Возможно и напороться на Алеутскіе? Какъ вы думаете, не привести ли, Иванъ Семенычъ?

Хорошо вышколенный дисциплиной и прощавшій Алексѣю Ивановичу за его доброту его морскую неумѣлость и сустливость, Иванъ Семеновичъ не подчеркнулъ этого и почтительно доложилъ, что по счисленію «Воинъ» въ 120-ти миляхъ отъ Берингова, и курсъ проложенъ въ шестидесяти миляхъ отъ Алеутскихъ острововъ.

— Допустимъ даже, что мы уже въ Беринговомъ. Но днемъ трудно напороться, Алексѣй Иванычъ. Прикажите къ вечеру привести...

Алексѣй Ивановичъ не настаивалъ и предложилъ чаю. Иванъ Семеновичъ отказался.

— Такъ рюмочку марсальцы?

— Развѣ одну, Алексѣй Иванычъ!—строго согласился Иванъ Семеновичъ.

Иванъ Семеновичъ выпилъ двѣ и, желая успокоить Алексѣя Ивановича, разсказалъ, что здѣсь же, лѣтъ двадцать тому назадъ, на «Красавцѣ» съ командиромъ Берендѣевымъ, они дули съ попутнымъ штормомъ...

Разумѣется, Алексѣй Ивановичъ и не подумалъ о такой дерзости.

— Береженаго и Богъ бережетъ. Третью рюмку, Иванъ Семенычъ?.. Марсальца отличная!

— Не время, Алексѣй Иванычъ!—серьезно сказалъ Иванъ Семеновичъ и всталъ.

— А вѣтеръ какъ?

— Разыгрывается.

— Ишь вѣдь подлецъ! Не затихнетъ къ вечеру. Какъ полагаете, Иванъ Семенычъ?

— Въ морѣ не смѣю предсказывать. Я не Богъ, Алексѣй Иванычъ. Отштормуемъ, Богъ дастъ, если придется,—прибавилъ Иванъ Семеновичъ, словно бы говорилъ о самой обыкновенной непріятности въ морѣ.

Съ этими словами Иванъ Семеновичъ, ловко балансируя своими цѣпкими ногами, вышелъ изъ каюты, нисколько не успокоивши капитана.

Снова охваченный чувствами подавленности и тревоги, Алексѣй Ивановичъ легъ на диванъ, вспомнилъ вдругъ, что сегодня младшая дѣвочка именинница, и наконецъ забылся въ тяжеломъ снѣ.

Старшій штурманъ по дорогѣ подошелъ къ штурвалу подъ мостикомъ. Четыре матроса крѣпко держали обѣими руками штурвалъ и то и дѣло перекладывали его.

Иванъ Семеновичъ заглянулъ въ компасъ и похвалилъ своего любимца, старшаго рулевого Вѣкшина.

— То-то, не давай носу къ вѣтру.

— Насилу сдерживаемъ. «Клейсеръ» такъ и норовитъ къ вѣтру.

— А ты не пускай. И въ разрѣзъ большой волны старайся. Ты—умный рулевой!

— Есть! Стараемся, ваше благородіе,—отвѣтилъ Вѣкшинъ и самолюбиво покраснѣлъ.

Поднялся Иванъ Семеновичъ и на мостикъ. Внимательно и строго оглядѣлъ горизонтъ.

— Напрасно только разбудилъ капитанъ. Тревожится бѣдняга!—сказалъ Иванъ Семеновичъ Артемьеву.

— Суетливый... Ну, и семья, Иванъ Семенычъ!

— И у насъ съ вами семьи, Александръ Петровичъ!

— Алексѣй Иванычъ не плавалъ...

— То-то и есть... Хорошій, добрый человѣкъ, гостепріимный... Марсала у него отличная... А капитанъ... Не слѣдовало Алексѣю Ивановичу проситься въ дальнее плаваніе... Ну, я пошелъ спать, Александръ Петровичъ.

Спустившись въ свою необыкновенно чисто убранную каюту, гдѣ все было принайтовлено и ничто не качалось, Иванъ Семеновичъ завернулся въ бараній тулупъ и легъ досыпать свои послѣобѣденные полтора часа.

XX.

Уже двое сутокъ ревѣлъ штормъ.

Подъ штормовыми триселями и бизанью, держась въ крутой бейдевиндъ, «Воинъ» не поддается ему и мотается, весь вздрагивая и поскрипывая точно отъ боли.

Океанъ, весь сѣдой, кипитъ и реветъ, безпощадный и ужасный въ своемъ бѣшеномъ, грозномъ величіи.

Бѣснующіяся волны набрасывались на крейсеръ со всѣхъ сторонъ, чтобы поглотить его. Онѣ вкатывались на палубу, но наглухо закрытые люки не пускали ихъ внизъ, и онѣ бѣшено перекатывались черезъ палубу, черезъ бакъ, смыли неосторожнаго матроса, не удержавшагося за протянутый лееръ, смыли, какъ щепки, два катера и окатывали ледяными душами перемерзшихъ людей.

А вѣтеръ, казалось, хотѣлъ уничтожить крейсеръ. Онъ гнулъ стеньги и валилъ его на подвѣтренный бортъ.

Эти двое сутокъ моряки спускались внизъ только погрѣться и перекусить что-нибудь въ сухомятку, и снова выходили наверхъ и сбивались въ кучки у гротъ-мачты, цѣпляясь за обледенѣвшія снасти.

Потрясенные, они чувствовали еще сильнѣе свое ничтожество передъ океаномъ, крестились, роптали и не вѣрили Алексѣю Ивановичу, когда онъ кричалъ въ рупоръ слова одобренія, въ которыхъ не было вѣры. Его осуждали и теперь не стѣснялись громко проклинать службу.

Только Артемьевъ внушалъ еще довѣріе. Всѣ видѣли, что въ эти дни и ночи онъ только на нѣсколько часовъ уходилъ внизъ. Остальное время былъ наверху и былъ настоящимъ распорядителемъ. Онъ не терялъ духа. Возбужденный, обледенѣвшій, съ отмороженнымъ лицомъ, подходилъ къ матросамъ, говорилъ, что «Воинъ» отлично выдерживаетъ штормъ, совѣтовалъ грѣться почаще внизу и велѣлъ выдавать три раза въ день по чаркѣ. Матросы чувствовали, что старшій офицеръ заботится о нихъ, не жалѣя, и при немъ ропотъ и проклятія стихали.

— То-то, братцы, и я говорилъ, что нечего бояться!—заискивающе потомъ говорилъ блѣдный отъ страха боцманъ Рыжій. Многіе ужъ его теперь не боялись и называли первымъ трусомъ. И боцманъ скрывался.

Цѣлыхъ двое сутокъ каждое мгновеніе казалось многимъ послѣднимъ.

И все-таки у всѣхъ таилась надежда.

Не сомнѣвались, что «Воинъ» выдержитъ штормъ, и старшій офицеръ, и «мичманенокъ», и Иванъ Семеновичъ, и докторъ.

— И не такъ еще доводилось штормовать!—говорилъ Иванъ Семеновичъ.

Иванъ Семеновичъ почти не отходилъ отъ штурвала, который держали шесть матросовъ, и, возбужденно-серьезный, обыкновенно мало говорившій на службѣ, онъ часто похваливалъ Вѣкшина:

— Молодца «Вѣкша»! Маленькій, а удаленькій! Вотъ эту большущую волну разрѣжь. Не гордись, сѣдая... Такъ ее. Право, больше право, одерживай!

И у Вѣкшина въ сердцѣ отходила «загвоздка» насчетъ смерти.

Онъ думалъ только о томъ, о чемъ и Иванъ Семеновичъ: какъ бы не пускать на крейсеръ громадинъ-волнъ.

— Что за величіе! Какая мощь! Какая красота!—потрясенный отъ восторга, восклицалъ маленькій докторъ, любуясь океаномъ и, казалось, въ эту минуту забывшій, что океанъ — въ то же время и стихійный звѣрь.

— Только держитесь крѣпче, Ѳедоръ Ѳедорычъ, смотъ!—окрикнулъ «мичманенокъ», тоже восхищенный океаномъ.

XXI.

На третій день штормъ, казалось, усилился.

«Воинъ» начиналъ изнемогать въ непосильной борьбѣ.

Волны чаще врывались и дольше застаивались на палубѣ. Заливаемый ими носъ тяжелѣе поднимался. Крейсеръ плохо слушался руля и безумно метался, словно въ агоніи.

Въ девятомъ часу утра «мичманенокъ», посланный старшимъ офицеромъ узнать, какъ въ трюмѣ вода, видимо взволнованный поднялся на мостикъ.

Считая ненужнымъ доложить сперва Алексѣю Ивановичу, который добросовѣстно мерзъ на мостикѣ, безмолвно предоставивъ распоряжаться всѣмъ старшему офицеру, Аріаднинъ сказалъ Артемьеву, что вода въ трюмѣ прибываетъ.

— На помпы!—въ рупоръ крикнулъ старшій офицеръ.

Безнадежный ужасъ охватилъ всѣхъ. Никто не трогался. Смерть, казалось, неминуема.

— На помпы!—повторилъ Артемьевъ и бросился внизъ.

Его чуть-было не смыло. Удержали матросы.

— На помпы, живо! Или не хотите спастись?—бѣшено крикнулъ Артемьевъ.

Аріаднинъ ужъ былъ тутъ и повелъ съ собою матросовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ помпы работали.

Артемьевъ ужъ былъ на мостикѣ.

Возбужденный опасностью, онъ почувствовалъ въ себѣ необыкновенный подъемъ духа и сталъ «рыцаремъ на часъ». Онъ забылъ обо всемъ, все личное казалось ему такимъ ничтожнымъ и мелкимъ... Онъ одинъ теперь отвѣтственъ передъ всѣми. Онъ долженъ ободрить и спасти людей. И весь онъ охваченъ одною только мыслью: бороться до послѣдней минуты.

Алексѣй Ивановичъ уже мысленно простился съ близкими и, увѣренный въ смерти, съ безстрашіемъ покорности смот-

рѣлъ на близкія волны и почему-то сбросилъ съ себя шубу, подхваченную вѣтромъ въ океанъ, и думалъ, что долженъ исполнить долгъ до конца: умереть на людяхъ не трусомъ-командиромъ.

Послѣднія минуты, казалось, наступали...

«Воинъ» легъ на бокъ... Волны набросились...

— Руби гротъ-мачту! Руби, братцы!—гаркнулъ въ рупоръ Артемьевъ. И былъ ужъ у мачты вмѣстѣ съ докторомъ, старшимъ штурманомъ и нѣсколькими матросами.

Нѣсколько ударовъ топора, и мачта за бортомъ...

Крейсеръ поднялся... Всѣ глаза устремились на Артемьева, какъ на спасителя.

Помпы работали... Разводили пары...

Отчаяніе смѣнялось надеждой, надежда отчаяніемъ... «Воинъ» еще метался на волнахъ.

Штормъ затихалъ... Но положеніе «Воина» было отчаянное... Несмотря на усиленную работу помпъ, вода не убывала. Напротивъ, постепенно прибывала.

Еще четыре часа, и вода зальетъ крейсеръ.

Стали стрѣлять изъ орудій, извѣщая о бѣдствіи.

Такъ прошло два часа. Надежды уже не было ни у кого. Матросы бросили помпы и взобрались на мачты...

— Судно!—вдругъ раздался чей-то голосъ.

По крейсеру раздалось «ура!».

Къ «Воину» летѣлъ подъ парусами трехмачтовый пузатый китобой подъ американскимъ флагомъ.

На «Воинѣ» крестились. Нѣкоторые плакали. Два матросика безумно хохотали.

Черезъ часъ всѣ погибающіе были на китобоѣ. И только-что китобой отошелъ, «Воинъ» уже исчезъ въ океанѣ.

Спасенныхъ привезли во Владивостокъ.

Командира, старшаго офицера и старшаго штурмана предали морскому суду за гибель «Воина».

Всѣ были оправданы. Алексѣй Ивановичъ, не пожалѣвъ своего самолюбія, заявилъ на судѣ, что только старшему офицеру люди обязаны спасеніемъ.

О паникѣ, бывшей на военномъ суднѣ, никто не сказалъ.

Послѣ суда капитану и всѣмъ офицерамъ разрѣшено было вернуться въ Петербургъ.

Артемьевъ уже узналъ, что «великолѣпная Варвара» выходитъ замужъ за товарища министра Нельмина.

Но море заставило Артемьева другими глазами взглянуть и на себя, и на увлеченіе «великолѣпной Варварой», и на ея лживость, и на многое другое. И онъ возвращался домой, благодарный морю и счастливый, что живъ.

ПРОПАВШІЙ МАТРОСЪ.

I.

Уже третій день, какъ «Ястребъ» стоитъ въ Гонконгѣ, отдыхая въ затишьѣ закрытаго рейда, послѣ бурнаго перехода изъ Сингапура, во время котораго была трепка.

Весь черный, съ бѣлой полоской, нашъ клиперъ сіяетъ теперь блескомъ и безукоризненной чистотой щегольского военнаго судна. Красивые обводы корпуса, его посадка, стройный, чуть-чуть подавшійся назадъ рангоутъ, съ выровненными реями и подтянутымъ такелажемъ, ласкаютъ самый взыскательный морской глазъ. Изъ бѣлой трубы вьется дымокъ. Это работаетъ опрѣснитель, превращающій соленую морскую воду въ прѣсную.

Мы въ большомъ обществѣ. Англійская эскадра, военныя суда другихъ націй, океанскіе пароходы, десятокъ изящныхъ яхтъ гонконгскихъ спортсменовъ, парусные «купцы» всевозможныхъ типовъ подъ разными флагами и неуклюжія большія джонки съ глазами драконовъ на тупыхъ носахъ оживляютъ рейдъ.

Безвѣтреное утро дышитъ палящимъ зноемъ. На небѣ ни облачка. Заштилѣвшая бухта словно млѣетъ подъ ослѣпительно-жгучимъ солнцемъ. Изрѣдка только пронесется изъ-за горъ легкій порывчикъ, и тогда раздуваются флаги и вымпела, лѣниво поникшіе въ раскаленномъ воздухѣ, и по зеркальной поверхности рейда пробѣгаетъ рябь.

Несмотря на удушливую жару, на рейдѣ—движеніе. Отъ города къ кораблямъ и обратно то и дѣло снуютъ многочисленныя «шампуньки», китайскія лодки, съ навѣсомъ изъ циновокъ посрединѣ. Такая «шампунька» быстро скользитъ по водѣ, необыкновенно ловко управляемая однимъ китайцемъ-гребцомъ,

который скоро и часто вертитъ весломъ у кормы и, повидимому, не смущается зноемъ.

Матросы, только-что окончившіе «убирку», жадными глазами поглядываютъ съ палубы на большой, красивый, совсѣмъ европейскій городъ съ роскошными зданіями среди купъ зелени, живописно расположенный амфитеатромъ по склону большой горы маленькаго оголеннаго скалистаго острова.

Этотъ островъ принадлежитъ англичанамъ. Еще въ сороковыхъ годахъ пустынная и безлюдная скала вблизи материка, теперь Гонконгъ—лучшій портъ Китайскаго моря, цвѣтущая морская колонія Англіи и одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Дальняго Востока.

На бакѣ—обычномъ матросскомъ клубѣ — пока неизвѣстно насчетъ дня, въ который отпустятъ команду на берегъ. Боцманъ Савельевъ хранитъ многозначительное молчаніе, ибо онъ самъ ничего не знаетъ, такъ какъ старшій офицеръ не отдавалъ ему никакихъ приказаній. Вѣстовые, вертящіеся около офицеровъ и спрошенные: «не слыхать ли чего?», отвѣчали, что «разговора объ этомъ не было». Такимъ образомъ матросамъ приходилось изнывать въ ожиданіи побывать на желанномъ «берегу» и издали любоваться городомъ, сулящимъ, повидимому, немало удовольствій.

Гребцы съ вельбота и катера, не разъ отвозившіе на берегъ капитана и офицеровъ и сами побывавшіе около пристани, могли сообщить любознательнымъ товарищамъ довольно точныя свѣдѣнія лишь относительно доброкачественности и крѣпости джина въ ближнемъ кабачкѣ. Остальныя же свѣдѣнія, не менѣе любопытныя для матросовъ, были крайне поверхностны. Что же касается до наблюденій гребцовъ надъ «длинокосыми» (такъ называли матросы китайцевъ) у пристани и разсказовъ о томъ, какую они, кромѣ риса, прости Господи, жрутъ «нечисть», — то все это не особенно интересовало слушателей, тѣмъ болѣе, что они успѣли уже ознакомиться съ китайцами въ первый же день прихода на рейдъ.

Едва успѣли отдать якорь и спустить шлюпки, какъ клиперъ былъ окруженъ большими и маленькими «шампунъками», словно шайкой пиратовъ, и въ ту же минуту, низко кланяясь и присѣдая, появились на палубѣ поставщики, комиссіонеры, торговцы, портные, мужчины-прачки, продавцы фруктовъ, художники, словомъ—всевозможный китайскій людъ. Разрѣшено было впустить на клиперъ не болѣе десяти человѣкъ, но китайцы какъ-то ухитрились взбираться на палубу, проскальзывая мимо боцмана, и скоро ихъ набралось множество. Они запрудили шканцы, пробирались внизъ, заглядывали въ каюты.

Суя съ умильнымъ видомъ въ руки свои рекомендаціи и развязывая короба и узлы, торгаши показывали ящики, рѣзныя вещи изъ черепахи и слоновой кости, вѣера и матеріи, портные предлагали снять мѣрку или купить готовые пиджаки изъ чечунчи. Кто-то на скверномъ англійскомъ языкѣ рекомендовалъ офицерамъ, таинственно улыбаясь, посѣтить чайный домъ и китайскій театръ. Художникъ, показывая образцы, убѣждалъ снять портретъ — всего пять долларовъ. Старый, худощавый китаецъ съ видомъ ученаго, въ большихъ очкахъ, оправленныхъ черепахой, раскрылъ маленькій мѣшечекъ съ разными пилочками и буравчиками и, нагнувшись, показывалъ на ногу одного лейтенанта. Въ чемъ дѣло? Изъ врученнаго сертификата оказывается, что это мозольный операторъ, производящій свои операціи безъ малѣйшей боли.

На бакѣ, среди матросовъ, расхаживаютъ торгаши съ рубахами и двое шапочниковъ. У нихъ пачки форменныхъ матросскихъ фуражекъ, и они выкрикиваютъ:

— Фуляски... Люсіанъ фуляски!

— Ишь желторожій! По-нашему научился, шельма! — смѣются матросы, трогаютъ китайцевъ за косы и разглядываютъ фуражки.

— Почемъ берешь?

— Одина доляр!—говоритъ китаецъ, показывая для большей убѣдительности одинъ палецъ.

— Полдоларя хочешь? — возражаетъ матросъ, показывая въ свою очередь полпальца.

Китаецъ сперва кобянится, но скоро соглашается, и нѣсколько матросовъ покупаютъ обновки.

А толпа между тѣмъ все увеличивается. На палубѣ настоящій базаръ. Китайцы толпятся, суетятся и кричатъ. Смущенный боцманъ Савельевъ не знаетъ, какъ ему быть. Онъ гонитъ одного, другого, но на мѣсто прогнаннаго является третій, а можетъ-быть, и тотъ же самый, — всѣ они кажутся, съ непривычки, на одно лицо.

Наконецъ капитанъ рѣшительно приказалъ прогнать китайцевъ, тѣмъ болѣе, что уже подъ носомъ клипера завертѣлись подозрительныя лодчонки, съ которыхъ таинственно показывались бутылки. Якорная цѣпь могла служить удобнымъ сообщеніемъ.

Получивъ категорическое приказаніе вахтеннаго офицера: «очистить палубу отъ китайцевъ», боцманъ Савельевъ началъ, по своему обыкновенію, съ того, что, подойдя къ нимъ, осыпалъ ихъ самой отборной и энергичной руганью, на которую только было способно неистощимое боцманское вдохновеніе, и

ужъ затѣмъ показалъ на выходъ краснорѣчивымъ жестомъ руки, поясняя его словами:

— Проваливай, желторожіе! Маршъ!

Хотя «желторожіе» и не оцѣнили по достоинству импровизаціи боцмана, но и его сердитый видъ и здоровенный кулакъ заставили китайцевъ собираться уходить. Собирались они, впрочемъ, такъ конотливо, норовя скрыться отъ глазъ приплаго «варвара», что Савельевъ вынулъ изъ кармана линекъ. Тогда только испуганные китайцы заторопились, и палуба была очищена. Но «шампуньки», не внимая соревновательной брани двухъ боцмановъ и нѣсколькихъ унтеръ-офицеровъ, не отходили отъ борта. Тогда велѣно было принести брандспойтъ, и пущенная струя разогнала «шампуньки». Онѣ отъѣхали на почтительное разстояніе и остановились. И только послѣ часа напраснаго ожиданія, что ихъ позовутъ, и послѣ тщетныхъ попытокъ нѣсколькихъ смѣльчаковъ приблизиться къ борту, вся эта флотилія уплыла, забуровивъ веслами, въ городъ.

На клиперѣ остался лишь одинъ китаецъ Атой, заплывшій жиромъ, откормленный пожилой человѣкъ, съ плутоватымъ взглядомъ маленькихъ глазъ, необыкновенно солидный и, казалось, безстрастный въ своемъ щегольскомъ шелковомъ халатѣ свѣтло-голубого цвѣта и въ новой шапочкѣ съ чернымъ шарикомъ. Атой—рекомендованный компрадоръ, т.-е. поставщикъ провизіи. Несмотря на свой степенный видъ и манеры, полныя важнаго достоинства, онъ производилъ впечатлѣніе большого мошенника. Его носъ точно чуетъ хорошую добычу.

II.

Пробило восемь склянокъ, и прозвонили рынду. На всѣхъ военныхъ судахъ взвились флаги, обозначающіе полдень. Матросы отобѣдали и собирались-было отдыхать, какъ боцманъ Савельевъ, придя отъ вахтеннаго офицера на бакъ, растопырилъ длинныя ноги и, приставивъ къ губамъ дудку, сдѣлалъ обычную гримасу, надулъ свои щеки и залился соловьемъ, послѣ чего весело прокричалъ звучнымъ, напоминающимъ тромбонъ, голосомъ:

— Первая вахта на берегъ! Живо!

Матросы обрадованно встрепенулись.

«Наконецъ-то!»—говорили, казалось, ихъ внезапно просвѣтлѣвшія лица.

— А когда второй вахтѣ, Максимъ Алексѣичъ?—спросилъ кто-то боцмана.

— Завтра!—поспѣшно отвѣчаетъ боцманъ и уходитъ внизъ, въ свою каютку, чтобы пріодѣться для «берега».

Савельевъ любилъ пофрантить и задать, какъ онъ говорилъ, «форцу» передъ иностранными людьми, а главное передъ англійскими матросами, которыхъ онъ недолюбливалъ за то, что они «носъ дерутъ».

Предвкушая заранѣе удовольствіе попробовать нахваленнаго англійскаго джина, марсовой Акимъ Ждановъ весь просіялъ послѣ боцманской команды и, не докуривши маленькой трубочки, набитой махоркой, загасилъ въ ней огонь, придавивъ его своимъ просмоленнымъ, корявымъ большимъ пальцемъ, сунулъ трубку въ карманъ штановъ и торопливой матросской побѣжкой бросился къ трапу и спустился на кубрикъ.

Съ такою же веселой поспѣшностью онъ досталъ изъ рундука свой мѣшокъ съ вещами, вынулъ изъ него чистую рубаху и штаны, новую пару сапогъ, собственноручно имъ сточанную изъ казеннаго товара, и завернутый въ тряпицу долларъ и, слегка обмывъ лицо и руки, сталъ одѣваться среди веселой, говорливой толпы матросовъ, обряжавшихся на берегъ.

Многіе матросы, охотники щегольнуть, облекались въ собственныя матросскія рубахи съ передами и воротниками изъ тонкаго шертинга, повязывали шеи черными шелковыми платками, пропуская концы сквозь металлическое кольцо, и одѣвали собственные чехлы на фуражки. Нѣкоторые брали даже въ руки клѣтчатые носовые платки, больше, впрочемъ, для «вида». Всѣ эти вещи покупались хозяйственными матросами на деньги, прикопленныя отъ заслуги *).

У Акима Жданова никакихъ собственныхъ вещей никогда не водилось и, признаться, даже и казенныя не всегда береглись въ должной сохранности. Костюмъ его, хотя и не отличался особеннымъ щегольствомъ, но все сидѣло какъ-то необыкновенно ловко и хорошо на Акимѣ.

Это былъ небольшого роста, худощавый, сильный и крѣпкій человѣкъ лѣтъ за тридцать, служившій во флотѣ болѣе десятка лѣтъ. Его загрубѣвшее и красноватое отъ вѣтра и загара лицо, окаймленное русыми бакенбардами, простое, не особенно красивое, съ небольшимъ широкимъ носомъ и толстыми губами, которыя прикрывались подстриженными усами, — отличалось добродушіемъ и смышленостью. Такимъ же добродушнымъ выраженіемъ свѣтился и взглядъ его небольшихъ сѣрыхъ глазъ.

Въ своей, свободно облегавшей грудь, бѣлой холщевой

*) «Заслугой» называются деньги, которыя выдаются матросамъ, не пьющимъ винной порціи, и деньги, остающіяся отъ экономіи на провизіи, не израсходованной, согласно положенію, матросами въ плаваніи.

рубахѣ съ синимъ отложнымъ воротомъ, открывавшимъ загорѣлую жилистую шею, опоясанный поверхъ штановъ толстымъ ремнемъ, отъ котораго спускался тоненькій ремешокъ, прикрѣпленный къ рабочему матросскому ножу, спрятанному въ карманъ, въ надвинутой на затылокъ шапкѣ, — Акимъ Ждановъ имѣлъ видъ и повадку молодца-работяги матроса, котораго не испугаетъ опасность. Но въ немъ не было того показного молодечества, какимъ щеголяютъ подчасъ матросы, особенно молодые. Напротивъ, вся его небольшая, хорошо сложенная фигура производила впечатлѣніе простоты и безпритязательности.

Покончивъ съ туалетомъ, Акимъ вынулъ изъ кармана свой единственный долларъ и въ нѣкоторомъ раздумьѣ глядѣлъ на блестящую монету, лежавшую на его широкой мозолистой ладони.

Казалось, въ душѣ Акима происходила какая-то борьба.

Онъ хорошо зналъ свою слабость, изъ-за которой немало претерпѣвалъ, — нарѣзываться до чортиковъ, когда попадалъ на берегъ и когда у него были деньги. Это еще куда ни шло—отчего не погулять матросу? Но бѣда была въ томъ, что какъ только Акимъ бралъ, по выраженію матросовъ, «четвертый рифъ», т.-е. переходилъ свой «градусъ», тогда...

Самъ онъ рѣдко помнилъ, что бывало «тогда», и напрасно припоминалъ вчерашнія свои дѣла, просыпаясь на клиперѣ безъ сапогъ и безъ фуражки, въ разорванной въ клочья рубахѣ, нерѣдко съ разбитымъ лицомъ, а одинъ разъ даже проснувшись въ лазаретѣ съ изрядной раной, полученной въ руку ножомъ. Приходилось Акиму узнавать отъ ребятъ, что съ берега его привели связаннаго, что онъ «начисто раздѣлалъ» англійскаго матроса, съ которымъ дрался, и если бы не подоспѣли «наши», то Акимъ совсѣмъ бы «изничтожилъ» человѣка. А не то разсказывалось, какъ Акимъ треснулъ унтеръ-офицера Лаврентьева, совсѣмъ зря, какъ сгрубилъ мичману и какъ на весь рейдъ оралъ, когда Акима подняли со шлюпки на клиперъ, и грозилъ всѣхъ разнести вдребезги...

Отрезвѣвшій Акимъ обыкновенно внималъ всѣмъ этимъ сообщеніямъ и приходилъ въ ужасъ. «Неужто все это могло быть?»

Но грозный видъ старшаго офицера, призывавшаго Акима на расправу, ясно свидѣтельствовалъ, что все это было. И Акимъ съ виноватымъ выраженіемъ лица, потупивъ долу глаза, слушалъ и увѣщанія и угрозы, пересыпанныя бранью, переминаясь съ ноги на ногу и время отъ времени произнося тихимъ, подавленнымъ голосомъ:

— Виноватъ, ваше благородіе!

Подчасъ онъ съ тѣмъ же покорнымъ видомъ выдерживалъ и затрещины озлившагося старшаго офицера, но все-таки не могъ дать обѣщанія, что впредь «этого» не будетъ. Совѣсть не позволяла Акиму врать, и онъ уходилъ въ карцеръ или становился въ наказанье на ванты, напутствованный обѣщаніемъ порки. Впрочемъ, это обѣщаніе не всегда приводилось въ исполненіе. На клиперѣ избѣгали тѣлесныхъ наказаній, да и притомъ и старшій офицеръ и остальные офицеры имѣли нѣкоторую слабость къ Акиму, какъ къ отличному матросу и превосходному человѣку.

Въ самомъ дѣлѣ, Акимъ Ждановъ не только былъ добросовѣстный, смышленый и безстрашный матросъ, но на рѣдкость парень. Скромный и кроткій, неспособный, казалось, обидѣть и мухи, онъ недаромъ пользовался общимъ расположеніемъ. Всѣ любили его за добрый уживчивый нравъ и за рѣдкую правдивость. Всѣ понимали, что у Акима золотое сердце.

И вотъ этотъ-то кроткій человѣкъ совсѣмъ преображался, когда ему зашибало въ голову. Онъ становился наглымъ задирой и ругателемъ, лѣзъ въ драку и готовъ былъ на всякое буйство, и чѣмъ оно бывало отчаяннѣе, тѣмъ любѣе Акиму. Казалось, что въ эти минуты онъ хотѣлъ вволю насладиться своимъ неудержимымъ произволомъ, своимъ «я», для котораго нѣтъ никакой препоны, и показать, что онъ ничего не боится.

Сильно доставалось Акиму въ теченіе его службы. Его немилосердно прежде пороли, полагая, что это исправитъ. Но порка не исправляла Акима. Онъ крѣпился извѣстное время, но, когда его прорывало, снова буйствовалъ. На клиперѣ Акима ни разу не наказывали тѣлесно и жалѣли его. Это, кажется, дѣйствовало на Акима сильнѣе всякихъ наказаній, и онъ, случалось, возвращался съ берега, хоть и выпившій, но не до точки, и буйствовалъ не столь отчаянно, какъ прежде.

— Ты бы, Акимъ, бросилъ совсѣмъ пить, — говорилъ ему нерѣдко боцманъ Савельевъ.—Не умѣешь ты съ умомъ пить.

— Это точно, Максимъ Алексѣичъ, градуса своего не знаю. А бросить—нѣтъ силы.

— А ты попробуй.

— Пробовалъ... Ничего не выходитъ.

— До бѣды себя доведешь...

— И самъ понимаю, Максимъ Алексѣичъ... Долго ли до бѣды.

— У доктора полѣчись. Можетъ, у тебя болѣзнь.

— Лѣчился и у дохтура въ Кронштадтѣ. Славный такой дохтуръ, Ѳедоръ Васильичъ Артемьевъ, былъ... Лѣкарство давалъ...

— И что же?

— Зря лѣчился... Видно, Господь Богъ мнѣ испытаніе послалъ.

— Давно бы ты, Акимъ, унтеръ-офицеромъ былъ, ежели бы не эта самая загвоздка.

— За этимъ я не гонюсь, Максимъ Алексѣичъ... Богъ съ нимъ, съ унтерцерствомъ, а главная причина: срамъ отъ этого моего буйства во хмелю.

Бесѣдовали на эту тему съ Акимомъ и нѣкоторые офицеры. Онъ больше отмалчивался съ виноватымъ видомъ неисправимаго человѣка.

III.

Проникнутый добрымъ намѣреніемъ не брать сегодня «четвертаго рифа», Акимъ нѣсколько секундъ колебался: взять ли съ собой весь долларъ, или теперь же его размѣнять у кого-нибудь изъ товарищей, половину оставить на клиперѣ, а на другую выпить?

Благоразуміе подсказывало поступить именно такъ. И безъ того ужъ онъ былъ оставленъ «безъ берега» за послѣднее свое безобразіе на мысѣ Доброй Надежды и въ Сингапурѣ просидѣлъ на клиперѣ въ то время, какъ товарищи гуляли на берегу. А онъ любилъ-таки посмотрѣть на чужіе города и на чужихъ людей и всегда, бывало, сперва погуляетъ по городу и ужъ потомъ зайдетъ въ кабакъ.

«Не мало ли только будетъ? Джинъ, сказываютъ, здѣсь дорогъ,—раздумывалъ Акимъ.—Пожалуй, дадутъ всего три стаканчика?»

Изъ затруднительнаго положенія Акима вывелъ подошедшій къ нему Василій Швецовъ. Они были земляки—оба вологодскіе и изъ одной деревни—вмѣстѣ служили на форъ-марсѣ, были между собой пріятели и на берегу обыкновенно гуляли вмѣстѣ. Швецовъ добросовѣстно берегъ товарища и старался удерживать его, когда замѣчалъ, что Акимъ приближается къ «градусу».

Это былъ здоровый, съ богатырской грудью, средняго роста матросъ, съ пригожимъ румянымъ лицомъ и крѣпкими бѣлыми зубами, сверкавшими изъ-за полураскрытыхъ алыхъ губъ, веселый, бойкій на языкъ парень, мастеръ побалагурить и посмѣшить матросовъ, спѣть пѣсню и отхватать на бакѣ трепака. Матросъ онъ былъ хорошій, но съ лукавой лѣнцой—любилъ полодырничать. Еще водилась за нимъ слабость: вралъ онъ, несосвѣтимо вралъ, довольно художественно и, такъ сказать, зря, безъ всякаго намѣренія повредить кому-нибудь своимъ враньемъ. Ужъ какъ надъ нимъ ни смѣялись, а онъ не могъ

удержаться и при первомъ же случаѣ вралъ что-нибудь самое невозможное. На берегу выпить онъ былъ не прочь, но никогда не напивался и деньги больше тратилъ на покупку вещей и на гостинцы своей невѣстѣ—кронштадтской горничной, къ которой писалъ длинныя письма, наполненныя отчаяннымъ враньемъ насчетъ бурь и штормовъ и насчетъ городовъ и людей, которые онъ видѣлъ. И чувствительная горничная много пролила напрасныхъ слезъ, читая про ужасы и бѣды, сочиненные женихомъ-матросомъ.

Швецовъ предсталъ предъ Акимомъ въ праздничномъ щегольскомъ видѣ.

— Ты это что, Акимъ, надулся какъ мышь на крупу и на долларъ глаза пялишь? Аль жалко его прогулять?—спросилъ съ веселымъ смѣхомъ Василій, скаля свои бѣлые зубы.

— То-то... Не прогулять бы!—значительно произнесъ Акимъ.

— А ты, Акимъ, дай для вѣрности его мнѣ на сохрану, чтобы, знаешь, опять бѣды не было. Только уговоръ: слушайся, братецъ, друга... А то прошлый разъ... замѣсто того, ты меня же саданулъ въ морду... Страсть какъ!—разсмѣялся Швецовъ.

— Буду слушаться... Ты въ родѣ быдто няньки будешь.

— И отлично. Мы съ тобой, Акимушка, погуляемъ честь честью, благородно. Перво-наперво пошляемся по городу, людей посмотримъ, въ лавки загляпемъ по спопутности, а къ вечеру можно и выпить по малости, до градуса, значитъ... Такъ, что ли? Оно и выйдетъ по-хорошему.

Акимъ рѣшительно отдалъ свой долларъ товарищу и тихо промолвилъ:

— Смотри же, Вась, не давай мнѣ ходу, будь другомъ. Чуть ежели что, вяжи меня...

— Не бойсь, братъ, вызволю...

— Сказываютъ, напитокъ здѣсь дорогъ?

— Всякій долженъ быть въ Гонконтѣ... На разный скусъ.

И, помолчавъ съ минуту, Швецовъ вдругъ заморгалъ глазами и возбужденно выпалилъ:

— А знаешь что, Акимка?

— Что?

— Вѣдь насъ и завтра отпустятъ на берегъ!

Акимъ отлично зналъ, что пріятель вретъ, и промолчалъ.

— Это я тебѣ вѣрно говорю... право, вѣрно,—съ горячностью продолжалъ Василій.—Сичасъ Макарка, капитанскій вѣстовой, сказывалъ... Самъ капитанъ старшему офицеру, говоритъ, приказъ отдалъ, чтобы каждой вахтѣ по два дня къ ряду гулять. Это, говоритъ, въ награду матросикамъ за ихъ труды. Небось, Макарка вздора болтать не станетъ...

— И здоровъ же ты врать, Вась!—улыбнулся Акимъ.

— Зачѣмъ врать? Завтра самъ увидишь. А то: врать!

Стоявшіе вблизи матросы разсмѣялись.

— Васька, братцы, никогда не вретъ!—замѣтилъ кто-то.

— Такъ завтра отпустятъ?—раздался голосъ изъ кучки.

— Безпремѣнно!—настаивалъ Василій.

— И, пожалуй, денегъ дадутъ... Насчетъ этого не слыхалъ?

— Чего не слыхалъ, того не слыхалъ.

— А ты, Василій Иванычъ, соври...

Снова раздался хохотъ.

— Вались наверхъ, ребята!.. — прокричалъ появившійся боцманъ Савельевъ.

Онъ положительно сіялъ великолѣпіемъ, этотъ долговязый, не совсѣмъ ладно скроенный, худой, рыжій Максимъ Алексѣичъ, съ зачесанными впередъ височками, съ выбритыми усами и съ баками въ видѣ котлетъ, въ тонкой рубахѣ, въ сапогахъ со скрипомъ и съ пестрымъ платкомъ въ своей большой жилистой рукѣ.

— Вались... вались, нечего копаться! Сичасъ во фрунтъ!—весело покрикивалъ боцманъ, поторапливая, безъ обычныхъ крѣпкихъ словъ, замѣшкавшихся ребятъ.

Скоро всѣ отправлявшіеся на берегъ были наверху.

Старшій офицеръ ходилъ по палубѣ. Увидавъ Акима, онъ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— Смотри же, Ждановъ. Помни, братецъ, что я тебѣ говорилъ.

— Есть, ваше благородіе!

— Побереги себя. Ежели снова набуянишь, то никогда больше не увидишь берега. Понялъ?

— Понялъ, ваше благородіе!

— А пожъ зачѣмъ берешь? Оставь его.

— Есть, ваше благородіе.

— Ну, ступай... Дай тебѣ Богъ, Ждановъ, воздержаться.

Акимъ снялъ съ себя поясъ съ ножомъ, передалъ его оставшемуся матросу и пошелъ покурить.

А въ это время старшій офицеръ говорилъ боцману:

— Смотри, Савельевъ, чтобы Жданова на берегу берегли. Одного не оставлять!

— Съ имъ завсегда Швецовъ, ваше благородіе. Земляки. Онъ его соблюдаетъ.

— То-то. Да вообще всѣмъ скажи, чтобы за Ждановымъ смотрѣли.

— Есть, ваше благородіе!

Черезъ нѣсколько минутъ раздалась команда садиться на баркасъ, и довольные матросы съ веселыми лицами гуськомъ, одинъ за другимъ, спускались по трапу.

Я былъ назначенъ ѣхать съ матросами на берегъ и потомъ собрать ихъ и привезти на клиперъ. Въ помощь мнѣ были даны два унтеръ-офицера.

Прощаясь со мной, старшій офицеръ и меня попросилъ поберечь Жданова.

— Сами знаете, какой это славный матросъ! — прибавилъ онъ.

Баркасъ былъ полонъ бѣлыми рубахами. Я спустился, сѣлъ у руля, и мы отвалили. Дружная, спорая гребля двадцати четырехъ веселъ скоро донесла шлюпку до пристани красавца-города.

IV.

— Къ семи часамъ быть на пристани!—напоминалъ я передъ тѣмъ, какъ баркасъ приставалъ.

— Есть, будемъ!

— Смотри, ребята, не опоздайте. Ровно въ семь баркасъ отвалитъ!

— Не опоздаемъ, ваше благородіе!—раздались въ отвѣтъ дружные веселые голоса.

— Шабашъ!

Съ этимъ командным возгласомъ весла были мгновенно убраны. Шлюпка тихо подошла къ пристани, и матросы стали торопливо выскакивать на давно желаемый берегъ, пропустивъ сперва боцмана, фельдшера, писаря и другую баковую «аристократію».

На пристани слонялись нѣсколько матросовъ съ купеческихъ иностранныхъ судовъ и англійскіе матросы съ военной шлюпки. Кучки китайцевъ собрались поглазѣть на вновь прибывшихъ чужестранныхъ гостей.

— Люсіанъ, люсіанъ!—разносилось съ разныхъ сторонъ.

Какіе-то подозрительные на видъ китайцы уже предлагали свои услуги. Таинственно покачивая головами и сюсюкая, они звали съ собою нашихъ матросовъ, объясняя и на ломаномъ англійскомъ языкѣ и пантомимами: гдѣ можно хорошо выпить и весело провести время.

— Не слушай ихъ, братцы. Гони чертей въ шею! — посовѣтовалъ одинъ изъ матросовъ, бывавшій прежде въ Гонконгѣ.— Кабаковъ, по-здѣшнему баръ-румовъ, сколько угодно... Гляди! И безъ нихъ найдемъ... А то эти идолы еще Богъ знаетъ куда заведутъ... Одного нашего матросика, когда мы здѣсь стояли три года назадъ, тоже увели да и отпустили въ чемъ мать родила... Отшпарили его опосля на «конвертѣ»... Народецъ! Проваливай, желторожіе.

Совѣтъ стараго бывалаго матроса дѣйствуетъ. Услуги факторовъ отвергаются.

Взадъ и впередъ прохаживаются нѣсколько чрезчуръ набѣленныхъ и накрашенныхъ китаянокъ, неловко ступая своими маленькими изуродованными ногами. На рукахъ у этихъ дамъ кольца и мѣдные браслеты. Волосы чѣмъ-то смазаны. Онѣ поглядываютъ изъ-подъ своихъ широкихъ бумажныхъ зонтовъ на пришлыхъ «люсіанъ» и любезно улыбаются, кидая на нихъ взоры своихъ узкихъ глазъ.

— А вѣдь ничего себѣ китайскія бабы! — посмѣиваются матросы и въ свою очередь не безъ любопытства посматриваютъ на китаянокъ.

— Ишь, шельмы, куражатся... похаживаютъ!

— Узкоглазыя, братцы.

— Хуже нашихъ-то россейскихъ...

— Супротивъ нашихъ дрянь.

— Не замай, не замай, мамзель! — сконфуженно говоритъ, отпатываясь отъ подошедшей китаянки, молодой матросикъ.

— Иснужался, Михѣевъ?—смѣются матросы.

— Ишь вѣдь безстыжая!

— А ты ее по загривку!

Тутъ же на пристани, къ услугамъ желающихъ, — паланкины. Около нихъ дремлютъ высокіе, рослые китайцы-носильщики съ обнаженными плечами и грудью. Они просыпаются и предлагаютъ за полъ-шиллинга снести меня въ городъ.

Я отказываюсь.

— А не попробовать ли въ паланкинѣ, Максимъ Алексѣичъ? — обращается щеголеватый писарь Скобликовъ къ боцману.

— Брось! — презрительно отвѣчаетъ боцманъ. — Нешто у насъ ногъ нѣту?

— Ноги, конечно, но только многіе даже ѣздятъ, Максимъ Алексѣичъ. Прокатимтесь?

— Не согласенъ. На своихъ на двоихъ поѣду

Но Скобликовъ недаромъ любитъ хорошій тонъ и считаетъ себя понимающимъ «деликатное обхожденіе». Онъ не хочетъ лишить себя удовольствія «прокатиться, какъ офицеры» и не безъ торжественности влѣзаетъ въ паланкинъ и садится, принимая небрежную позу. «Дескать, ничѣмъ насъ не удивишь!» Двое дюжихъ носильщиковъ-китайцевъ, ухватившись голыми руками за концы длинныхъ и гибкихъ бамбуковыхъ жердей, понесли нашего восхищеннаго собой писаря Скобликова ходкимъ шагомъ въ гору, слегка выкрикивая подъ тактъ ходьбы.

— Ишь цаца какая!—проговорилъ боцманъ съ неудовольствіемъ.

Разбившись на кучки, матросы разбрелись по кабачкамъ. Ихъ было немало вблизи отъ пристани и въ нижней части города, въ которой скучены невзрачные дома довольно грязнаго китайскаго квартала. Меньшая часть пошла въ городъ, расположенный на склонѣ скалистой горы, чтобы сперва погулять, посмотрѣть на улицы и дома, заглянуть въ лавки и послѣ уже закончить день выпивкой и гулянкой.

Въ числѣ этихъ любознательныхъ были, конечно, и Акимъ и пріятель его, Василій Швецовъ.

Несмотря на палящій зной—было около сорока градусовъ—наши матросы бодро шагали, поднимаясь по пыльной дорогѣ въ гору и перекидываясь словами. Оба были мокры. Потъ градомъ катился съ ихъ раскраснѣвшихся лицъ. Мимо то и дѣло проносили паланкины и проходили съ легкимъ покрикиваніемъ кули (переносчики тяжестей), таща на спинахъ, прикрытыхъ цыновками, громадныя каменныя плиты, вѣроятно, для какой-нибудь постройки. Очень рѣдко попадались англичане въ паланкинахъ или верхомъ, одѣтые въ чечунчу, съ индѣйскими шлемами, обвязанными кисеей, на головахъ. Видимо, только какое-нибудь спѣшное дѣло могло выгнать этихъ хозяевъ острова изъ своихъ прохладныхъ, уютныхъ домовъ на улицу въ эти часы сильнѣйшаго зноя.

Акимъ съ какимъ-то особеннымъ сочувствіемъ взглядывалъ на обливавшихся потомъ китайцевъ, переносившихъ камни, и наконецъ проговорилъ:

— Тоже и здѣсь, братецъ ты мой, народу не легко...

— Какому народу?—спросилъ Василій.

— Китайскому. Въ этакое-то пекло да камни таскать... А вонъ, гляди, мѣшки несутъ!

— Длиннокосые къ пеклу привыкли. Ишь идутъ и покрикиваютъ...

— Это они покрикиваютъ для передышки, чтобы легче было нести... Это они, братъ, умно...

И, помолчавъ, Акимъ замѣтилъ:

— Привыкли!? Поневолѣ привыкнешь, коли на харчъ заработать надо. Наше матросское дѣло легче, а и то инъ разъ возропщешь. А ты: привыкли! Поносилъ бы ты самъ!

— Не стоитъ ихъ жалѣть: нехристи!—презрительно проговорилъ Василій.

— Это ты, Вася, зря мелешь... У Бога всѣ люди—дѣти...

— Одни хрещеные!..—настаивалъ Василій.

— Всѣ... Это и въ книгахъ писано.

— Ну и чего ты, Акимка, присталъ?.. Пусть будутъ всѣ.

— А только, видно, во всемъ свѣтѣ Господь заказалъ простому народу трудиться, а богатому въ холѣ жить. Что хрещеный, что нехристь, а ежели который человѣкъ простого мужицкаго званія, работай, братецъ ты мой, до отвалу... То-то оно и есть!—прибавилъ Акимъ въ какомъ-то философскомъ раздумьѣ, словно бы отвѣчая на свои мысли.

— Дай мнѣ капиталъ, и я по-господски проживу,—засмѣялся Акимъ.

— Капиталу Богъ и не дастъ нашему брату... Любитъ насъ Богъ-то. Потому съ капиталомъ—пропали бы люди, ежели да у всѣхъ капиталъ... Кто за землей бы ходилъ... да за колоскомъ приглядывалъ?..

— А и знатно же печетъ, Акимка!—промолвилъ Швецовъ, видимо не желая поддерживать подобный разговоръ.

— Припекаетъ!

Они шли молча и, поднявшись на гору, вышли на большую, широкую улицу съ густыми деревьями бульвара. Высокіе, красивые дома конторъ, гостиницъ и мѣстныхъ богачей тянулись сплошнымъ рядомъ. Въ нижнихъ этажахъ помѣщались блестящіе магазины. Всюду царила чистота.

— Красивый городъ!—похвалили оба матроса.

Они отдохнули на бульварѣ, подъ тѣнью, поглядывая на прохожихъ всевозможныхъ національностей, видѣли, какъ какой-то англичанинъ вытянулъ хлыстомъ китайца, не успѣвшаго посторониться, и ругнули этого англичанина — одного изъ тѣхъ рыцарей наживы, которые пріѣзжаютъ на Востокъ со спеціальной цѣлью нажиться во что бы то ни стало и по которымъ, разумѣется, нельзя судить о цѣлой націи,—выкурили по трубкѣ и зашли въ первый попавшійся баръ-румъ и выпили по большой кружкѣ пива. Утоливъ жажду, они, взявшись подъ руки, пошли бродить по улицамъ, останавливались у витринъ магазиновъ и глазѣли на выставленныя вещи. Заходили и въ китайскія лавки и, послѣ долгаго выбора и наторговавшись досыта, купили въ одной изъ нихъ шелковый платокъ. Это былъ гостинецъ Василія для его невѣсты. Затѣмъ наши пріятели попали на лугъ передъ казармами, на которомъ англійскіе солдаты играли въ крокетъ, подивились чистому виду солдатъ и часу въ шестомъ, значительно уставшіе, спустились въ нижній городъ и зашли въ одинъ изъ баръ-румовъ, недалеко отъ пристани.

Китаецъ-слуга подошелъ къ нимъ.

— Джинъ!..—приказалъ Василій.

Они усѣлись за отдѣльный столикъ, выпили по стаканчику

и спросили по другому. Акимъ смаковалъ, похваливалъ водку и становился возбужденнѣе.

Невдалекѣ отъ нихъ сидѣла компанія англійскихъ матросовъ.

V.

Сперва Акимъ изливался въ своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ прогулки по городу. Онъ хвалилъ чистоту и порядокъ на улицахъ, красоту строеній и блескъ лавокъ, и вообще находилъ, что Кронштадту противъ Гонконга «не сустоять».

— Не тотъ форцъ, ну и гличанинъ чище нашего человѣка будетъ.

— Сказываютъ, гличане страсть мясо лопаютъ.

— Солдаты-то ихніе... Сразу видно: сытый народъ.

Затѣмъ Акимъ вновь пустился философствовать—и на этотъ разъ уже съ бо̀льшими подробностями — насчетъ тяготы, которую несетъ здѣсь китаецъ и во всемъ божьемъ мірѣ простого званія человѣкъ. При этомъ Акимъ старался себѣ уяснить, почему именно Господь Богъ такъ предопредѣлилъ.

Нечего, разумѣется, и прибавлять, что во все время этой бесѣды Акимъ исправно потягивалъ джинъ, смакуя его съ видимымъ наслажденіемъ настоящаго пьяницы и оживляясь все болѣе и болѣе.

Покуривая трубочку, онъ говорилъ безъ умолку и, замѣтивъ, что его стаканчикъ пустъ, проговорилъ слегка конфиденціальнымъ тономъ:

— Валимъ, Вась, еще по одному. Джинъ этотъ самый добрый.

— Не много ли будетъ, Акимка? Ужъ мы по четыре хлобыстнули.

— По четыре?—не безъ хитрости какъ бы удивился Акимъ.— Ишь ты, какое вино легкое... Хлобыстнемъ по пятому, и шабашъ! Больше ни-ни, чтобы, какъ слѣдоваетъ, значитъ, въ благородномъ видѣ вернуться на клиперъ... Я, братецъ ты мой, слово-то свое помню. Отлично помню, Вась. Будь спокоенъ!— прибавилъ уже начинавшій хмелѣть Акимъ съ подкупающею убѣдительностью трезваго, совершенно резонно разсуждающаго человѣка.

Успокоенный этими благоразумными словами и не замѣчавшій въ своемъ товарищѣ какого-то особеннаго, болѣзненно-нервнаго возбужденія, которое сказывалось и въ разгорѣвшемся, неспокойномъ взглядѣ Жданова и въ порывистости его рѣчей и жестовъ, Василій имѣлъ неосторожность согласиться и, по примѣру англичанъ, крикнулъ:

— Бой!

Слуга-китаецъ («бой») подошелъ къ нашимъ пріятелямъ и, легко сообразивши, въ чемъ дѣло, вернулся съ двумя наполненными стаканами.

— Смотри, Акимъ, послѣдній! — серьезно промолвилъ Василій.

— Да развѣ я, Вася, не понимаю? Ты какъ обо мнѣ полагаешь: съ понятіемъ я матросъ, или нѣтъ?

— Когда ежели ты, Акимка, тверезъ, то съ большимъ понятіемъ.

— А развѣ я пьянъ? Нешто такіе бываютъ пьяные? Я, значитъ, только въ удовольствіи. Каторжные мы, что ли, чтобы на берегу не погулять?.. Вася! Другъ! Тоже и наше матросское дѣло... Развѣ весело? Да еще когда тебя какъ сидорову козу пороли? Теперь, слава Богу, не порютъ. И я чувствую, и ни Боже ни... По-благородному...

Акимъ чокнулся съ товарищемъ, залпомъ проглотилъ стаканъ джина и погрузился въ раздумье. Стаканъ этотъ былъ, такъ сказать, рѣшающимъ. Ему, что называется, ударило въ голову. Послѣ этого стакана Акимъ точно преобразился. На лицѣ его, доселѣ добродушномъ, появилась пьяная вызывающая и дерзкая усмѣшка. Весь онъ какъ-то выпрямился, поднялъ голову и посматривалъ и на товарища и на сосѣдей, англійскихъ матросовъ, съ задорнымъ видомъ.

— А ты думалъ какъ? Я и не смѣй погулять!—вдругъ воскликнулъ онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ.—Это по какому-такому праву? Всю жизнь околачивайся да работай и не моги напиться? Шалишь, братъ! Почему господамъ можно, а мнѣ нельзя?.. Каковъ я матросъ, Вася?.. Сказывай по совѣсти, каковъ я есть матросъ? Хорошій или нѣтъ?

— Хорошій...

— То-то оно и есть. Хорошій и живу по правдѣ, а почему боцманъ надо мною куражится? «Не пей, говоритъ, Акимка!» И старшій офицеръ: «Не смѣй, говоритъ, а то запорю!» И въ зубы: цокъ! цокъ! Что-жъ, бей! Ты—господинъ, а я въ родѣ быдто рабъ. Бей, Иродъ! А я, какъ захочу, все-таки погуляю на берегу! Пори, коли хочешь, сдѣлай ваше одолженіе, мнѣ наплевать! Никого я васъ, иродовъ, не боюсь. Никого!.. Одного Господа Бога боюсь и передъ Нимъ отвѣчу... Спроситъ Господь: «зачѣмъ, Акимка, пьянствуешь?» Небось, знаю, что скажу.

Акимъ помолчалъ и, поглядывая на стойку, гдѣ красовались бутылки, неожиданно воскликнулъ, почему-то припоминая давно прошедшій эпизодъ изъ своей крѣпостной молодости:

— За что меня въ матросы сдали, а? По какимъ-такимъ правамъ? Жена приглянулась барину. Это по правдѣ?

Онъ изо всей силы стукнулъ по столу и гаркнулъ:

— Джину!

Безстрастный китаецъ-«бой» явился на зовъ.

— Акимъ... Акимка! Не безобразь, слово-то свое помни!— старался успокоить товарища Василій, понимая, что теперь трудно будетъ остановить «взявшаго рифы» Акима.

— Слово!? Я имъ покажу слово! Живи въ подневольѣ и не погуляй!? Не замай, Швецовъ! — оттолкнулъ Акимъ Василія.— Расшибу!

И, несмотря на протесты Швецова, Акимъ выпилъ еще и еще. Теперь въ немъ проснулся буйный человѣкъ, видимо искавшій ссоры и не знавшій, на кого бы обрушиться. Онъ сидѣлъ и подозрительно поводилъ вокругъ глазами, налившимися кровью.

Въ это мгновеніе за столомъ, гдѣ сидѣли англійскіе матросы съ купеческаго корабля, кто-то громко засмѣялся, и этого было совершенно достаточно, чтобы дать исходъ охватившей Акима злобѣ. Не успѣлъ Василій опомниться и удержать товарища, какъ Акимъ уже былъ у сосѣдняго стола и, выбравъ почему-то между сидѣвшими самаго плотнаго, коренастаго и краснолицаго англичанина, далъ ему со всего размаха такую затрещину, что англійскій матросъ упалъ навзничь.

На секунду англичане опешили отъ этого неожиданнаго нападенія, но затѣмъ тотчасъ же стали обсуждать поступокъ русскаго матроса. Видимо, они считали его въ высшей степени некорректнымъ и хотѣли уже въ свою очередь наброситься на стоявшаго въ выжидательной позѣ Акима, какъ получившій затрещину англичанинъ, только-что поднявшійся съ полу, сказалъ своимъ товарищамъ что-то, заставившее ихъ остановиться. Тогда приземистый и коренастый англичанинъ-матросъ, взглянувъ на Акима не безъ нѣкотораго ироническаго изумленія, подмигнулъ ему глазомъ и, указывая пальцемъ на улицу, показалъ свои кулаки, которыми продѣлалъ нѣсколько движеній въ воздухѣ. «Дескать, не угодно ли подраться какъ слѣдуетъ».

Нечего и говорить, что Акимъ самой невозможною руганью выразилъ свое полное согласіе.

Расплатившись за напитки, компанія англичанъ и наши два матроса вышли на набережную, и оба бойца, окруженные кружкомъ, къ которому мало-по-малу присоединялись любопытные, вступили въ драку. Драка была жестокая. Англійскій матросъ, очевидно, хорошо знакомый съ правилами бокса, довольно

ловко наносилъ удары и въ грудь и въ лицо Акима, отражая свирѣпое и безтолковое нападеніе своего противника. Уже два зуба были вышиблены у Акима и кровь обильно текла съ его истерзаннаго лица, но Акимъ, несмотря на уговоры Василія, который пытался отдернуть своего товарища, — не отставалъ и изловчился-таки переломить переносицу опытному въ бояхъ англичанину. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы внезапно англійскіе матросы не дали тягу, при видѣ появившагося полисмена. Еще одна минута, и полисменъ, подошедшій къ Акиму, получилъ хорошій ударъ въ грудь.

Полисменъ, сильный и здоровый сипай, ловкимъ движеніемъ схватилъ Акима за шиворотъ и повлекъ его, держа впереди себя.

— Что ты надѣлалъ, Акимка?.. Въ участокъ поволокутъ!— соболѣзновалъ Василій, не оставляя въ бѣдѣ товарища и сопровождая его.

Акимъ продолжалъ ругаться, какъ только можетъ ругаться пьяный русскій матросъ, но внезапно стихъ и нѣкоторое время шелъ молча. Должно-быть, въ его головѣ пронеслась мысль о стыдѣ проночевать въ англійскомъ «участкѣ», а можетъ-быть, ему просто было обидно, что его тащитъ за шиворотъ какой-то черномазый человѣкъ въ формѣ,—но только Акимъ внезапнымъ движеніемъ вырвался изъ рукъ полицейскаго, далъ ему затрещину и побѣжалъ по узкому переулку. Сипай бросился вдогонку. Не отставалъ и Василій. Но у Акима было преимущество въ одной-двухъ минутахъ времени. Онъ завернулъ въ какой-то закоулокъ и внезапно скрылся изъ виду, юркнувъ въ китайскій домъ, куда гостепріимно поманилъ его какой-то китаецъ довольно подозрительнаго вида.

Полисменъ поискалъ бѣглеца еще нѣсколько минутъ и, обратившись къ Василію, началъ ему что-то говорить съ видимой серьезностью, но Василій ничего не понялъ и, потолкавшись нѣсколько времени въ уличкѣ, возвратился слѣдомъ за полисменомъ на набережную въ полной увѣренности, что Акимъ ко времени подойдетъ.

Но прибылъ баркасъ за людьми, а Акима не было.

Тогда Швецовъ чистосердечно доложилъ мнѣ про все дѣло.

Я обратился за совѣтомъ къ полицейскому, стоявшему на пристани.

— Дѣло серьезное,—сказалъ онъ:—вашего матроса могутъ раздѣть донага, напоить и сдать на какое-нибудь купеческое судно, и онъ проснется въ морѣ.

Я отвезъ команду на клиперъ, доложилъ о происшествіи

старшему офицеру и тотчасъ же вернулся на берегъ съ письмомъ капитана къ начальнику полиціи. Въ ту же ночь вмѣстѣ съ двумя полицейскими мы обошли весь китайскій кварталъ, но нигдѣ не могли найти слѣдовъ нашего матроса.

— Вѣрно, вашъ матросъ уже въ морѣ на какомъ-нибудь купеческомъ кораблѣ!—замѣтилъ полицейскій чиновникъ.

Цѣлыхъ три дня продолжались неутомимые поиски. По распоряженію англійскаго губернатора, были осмотрѣны всѣ купеческіе корабли, стоявшіе на рейдѣ. Акима не находили.

Капитанъ и офицеры жалѣли злосчастнаго Акима. О матросахъ нечего и говорить. Всѣ были въ какомъ-то подавленномъ состояніи — недаромъ на клиперѣ такъ любили Акима. Его пріятель, Василій Швецовъ, былъ безутѣшенъ, что однако не мѣшало ему, при передачѣ обстоятельствъ исчезновенія Акима, врать самымъ отчаяннымъ образомъ.

Вмѣсто предположенныхъ шести дней мы простояли въ Гонконгѣ изъ-за розысковъ Акима цѣлыхъ десять и, отчаявшись въ успѣхѣ, собрались уходить изъ Гонконга, поручивъ розыски пропавшаго матроса нашему консулу,—какъ совершенно случайно, наканунѣ ухода, Акимъ нашелся.

VI.

Дѣло было такъ.

Наканунѣ ухода нашего изъ Гонконга, часу въ первомъ ночи, катеръ съ нѣсколькими офицерами, бывшими въ театрѣ, возвращался изъ города на клиперъ, перешедшій съ утра на самый конецъ рейда, почти къ выходу.

Несмотря на усѣянное звѣздами небо, ночь была темная. Темная и душная. Стоялъ мертвый штиль, и изъ-за горъ не вырывались порывчики освѣжающаго вѣтра. На рейдѣ стояла глубокая сонная тишина. Дремало, казалось, море, дремали многочисленные корабли, вырисовываясь въ темнотѣ какими-то высокими фантастическими силуэтами съ мерцавшими, словно на фонѣ неба, огоньками фонарей на мачтахъ, терявшихся во мракѣ южной ночи. Изрѣдка лишь, въ получасы, тишина рейда нарушалась тихимъ, словно жалобнымъ звономъ судовыхъ колоколовъ, отбивающихъ склянки. Вотъ разнесся по рейду одинъ ударъ (½ 1-го), и бухта снова погружалась въ ночное безмолвіе, среди котораго раздавался лишь тихій, однообразный и мѣрный всплескъ веселъ нашего катера.

Офицеры лѣниво перекидывались словами о пѣвицахъ и пѣвцахъ путешествовавшей оперной труппы, направлявшейся изъ Гонконга въ Шанхай. Уставшіе отъ долгой гребли, матросы наваливались на весла лѣнивѣй и слабѣй и жадно

вдыхали не освѣжавшій ночной воздухъ. До клипера еще было порядочно далеко, и его два огонька еще не видиѣлись. Катеръ проходилъ совсѣмъ близко отъ какого-то «купца» съ широкимъ скуластымъ носомъ, какъ вдругъ, среди ночной тишины, съ судна, надъ нашими ушами, раздался тихій и скорбный голосъ:

— Братцы, землячки... Помогите, голубчики!

Всѣ мы невольно вздрогнули отъ этого неожиданнаго молящаго окрика. Одинъ изъ гребцовъ сказалъ:

— Да вѣдь это Акимка Ждановъ!

Между тѣмъ на «купцѣ» послышалась англійская ругань.

— Братцы, помо...

Рѣчь оборвалась на полусловѣ. Раздался шумъ возни, и все смолкло.

Не ожидая команды, гребцы перестали грести и держали весла надъ водой. Очевидно, всѣ ждали распоряженія пристать къ «купцу».

— Ждановъ! — громко окликнулъ лейтенантъ оказавшійся старшимъ между нами.

Отвѣта не было.

Тогда тотъ же офицеръ окликнулъ по-англійски:

— На купцѣ! Кто есть?

Съ «купца» никто не отозвался, точно на немъ не было живого человѣка.

Послѣ короткаго общаго совѣта, рѣшено было пристать къ борту и взойти на купеческое судно, чтобы освободить нашего матроса.

Нѣсколько взмаховъ веселъ, и катеръ былъ у борта.

— Вамъ что надо? — окликнулъ съ палубы чей-то грубый голосъ по-англійски.

— Русскаго матроса съ военнаго судна...

— Никакого русскаго матроса здѣсь нѣтъ.

— А вотъ увидимъ. Разбудите-ка капитана!—рѣзко проговорилъ лейтенантъ—и съ этими словами началъ подниматься по трапу. Вслѣдъ за нимъ поднялись и мы, пять офицеровъ, а за нами шесть человѣкъ гребцовъ. Остальные шесть остались на катерѣ.

Человѣческая тѣнь куда-то исчезла, и мы остались одни на палубѣ.

— А если намъ не отдадутъ Жданова?—замѣтилъ кто-то.

— Пустяки, отдадутъ!—проговорилъ лейтенантъ Горскій.— Не посмѣютъ, канальи, не отдать! А чуть что, мы останемся здѣсь, а катеръ съ шестью гребцами пошлемъ на клиперъ дать знать капитану.

Черезъ минуту изъ каюты вышелъ на палубу, съ фонаремъ въ волосатой рукѣ, высокій и плотный заспанный человѣкъ въ желтомъ халатѣ, изъ кармановъ котораго торчало по револьверу. Это былъ курчавый сильный брюнетъ лѣтъ за сорокъ, съ энергичнымъ и суровымъ смуглымъ лицомъ, окаймленнымъ длинной черной бородой.

— Что вамъ угодно, сэръ?—холодно спросилъ онъ, поднимая фонарь и не безъ угрюмаго удивленія бросая быстрый взглядъ на нашу группу.

— Вы капитанъ?

— Положимъ, капитанъ. Капитанъ, сэръ, американскаго барка «Encounter». Изъ южныхъ штатовъ!—заносчиво прибавилъ онъ.

Дѣло было во время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

— А вы?—закончилъ онъ вопросомъ.

— Русскіе офицеры съ военнаго клипера.

Американецъ - южанинъ мотнулъ головой вмѣсто привѣтствія.

— Чѣмъ обязанъ?

Горскій объяснилъ причину нашего появленія въ такой поздній часъ.

Капитанъ на минуту задумался.

— Вы ошиблись, сэръ... Никакого русскаго у меня нѣтъ... Есть всякая сволочь, но русскаго, сэръ, нѣтъ... Обознались.

— Я пошлю на клиперъ за командой и дамъ знать въ полицію!—проговорилъ Горскій.

Глаза капитана метнули молнію. Онъ рѣзко свистнулъ.

На свистъ его прибѣжалъ негръ-матросъ.

Капитанъ осыпалъ его бранью, пообѣщавъ его проучить, отчего негръ вздрогнулъ, и велѣлъ привести «новичка».

— Я не зналъ, что за человѣка мнѣ привезли недѣлю тому назадъ. Знаю, что я заплатилъ за него пятнадцать долларовъ, а человѣкъ хотѣлъ бѣжать. Ну, я припряталъ его... А какой онъ націи, какое мнѣ дѣло!.. Мои дьяволы напрасно его выпустили ночью... Къ вечеру ужъ вы бы его не увидали!—насмѣшливо прибавилъ капитанъ.

— Ушли бы въ море?

— Ушелъ бы, сэръ... А теперь ищи новаго подлеца! Вы ввели меня въ большіе убытки, сэръ... Надѣюсь, вы ихъ вернете?

— Пятнадцать долларовъ я вамъ заплачу...

— Мало, но... съ военными моряками не сговоришь... All right!—прибавилъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился Акимъ въ какихъ-то лохмотьяхъ, съ подтеками и синяками на лицѣ. Какія-то тѣни появились на палубѣ. Свѣтъ фонаря позволилъ различить эти черныя, получерныя и бѣлыя отчаянныя физіономіи матросовъ этого судна.

Акимъ между тѣмъ радостно бросился къ своимъ.

— Здравствуй, Ждановъ! — ласково привѣтствовали офицеры Жданова.

— Здравія желаю, ваше благородіе!..—сконфуженно отвѣчалъ Акимъ.—Грѣхъ попуталъ... Чуть-было съ ими въ море не ушелъ, ваше благородіе. А все изъ-за своей подлости, ваше благородіе. Изъ-за самаго эстаго вина.

Акимъ радостно пожималъ руки товарищамъ-матросамъ.

Горскій отдалъ 15 долларовъ капитану, и всѣ стали спускаться въ катеръ.

— Господь услышалъ мои молитвы. Опять я со своими россійскими!—тихо говорилъ Акимъ, усѣвшійся на носу шлюпки.— И сколько же я горя принялъ, братцы, у этихъ идоловъ... Капитанъ ихній просто лютый звѣрь... Ну да и матросы... съ разныхъ сторонъ понабраны... И негры, и арапы, и индѣйцы... одно слово, чума настоящая!

VII.

Около полудня мы снялись съ якоря. Часа черезъ два по выходѣ въ море задулъ вѣтеръ, мы прекратили пары, и раздалась команда ставить паруса.

Акимъ летомъ взбѣжалъ по вантамъ, лихо пошелъ на нокъ и съ какимъ-то остервенѣніемъ работалъ на своей форъ-марса-реѣ, рядомъ съ Василіемъ. И когда марсовыхъ спустили внизъ, «авралъ» былъ оконченъ, и онъ подошелъ къ кадкѣ съ водой на бакѣ выкурить свою трубочку махорки, то чувствовалъ себя сегодня особенно счастливымъ, находясь между своими, въ кружкѣ курившихъ матросовъ. И все вокругъ сегодня казалось ему особенно близкимъ и роднымъ.

Думалъ онъ, что ему крѣпко достанется, и ожидалъ порки. Но, къ удивленію его, ничего подобнаго не случилось. Его, правда, «срамилъ» капитанъ, а старшій офицеръ, выслушавъ его эпопею съ суровымъ лицомъ, ругательски ругалъ его и наказалъ запрещеніемъ съѣзжать на берегъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, но все это было ничто въ сравненіи съ тою радостью, которую онъ испытывалъ. Да и кромѣ того онъ чувствовалъ, что и «срамившій» его капитанъ, и ругавшій старшій офицеръ, и всѣ офицеры и команда видимо были рады его возвращенію и были къ нему расположены. И самая

легкость наказанія глубоко его тронула и взволновала. Онъ далъ себѣ слово, что больше не возьметъ въ ротъ ни капли вина.

«Чуть не пропалъ, какъ собака»,—думалъ онъ съ ужасомъ.

— Ну, разскажи, Акимъ, какъ ты съ американцемъ чуть-было не уплылъ?—спрашивали его со всѣхъ сторонъ матросы.

— Да, братцы, не дай Богъ никому...

— И куда ты, Акимка, тогда пропалъ въ уличкѣ, когда за тобой полицейскій гнался?—допрашивалъ Василій.—Ужъ мы тебя искали... искали...

— Цѣлыхъ три дня тебя искали... Мичманъ съ полиціей повсюду шарилъ... И концырю дали знать... Ровно ты скрозь землю провалился!—замѣтилъ подошедшій боцманъ.

— Да оно такъ ровно и было, быдто скрозь землю... Это китайцы подлые меня заманили...

— Ишь ты!

Акимъ сдѣлалъ затяжку и продолжалъ:

— Какъ тогда я отъ полицейскаго убѣжалъ, поманилъ меня желторожій... Скрылъ, значитъ... А затѣмъ, помню, водки принесъ... «Пей»,—говоритъ по-ихнему и знакомъ показываетъ. Я выпилъ, а что дальше—не помню, братцы... Очнулся я подъ утро... Смотрю: кругомъ какія-то рожи... а самъ я на кубрикѣ лежу въ чемъ мать родила...

— Обчистили, значитъ, китайцы?

— Должно, они, идолы. Кому же больше? Они и на «купца» меня отвезли... Хорошо. Дали мнѣ какую-то рвань и повели наверхъ, а чума эта, команда, значитъ, сбродная, скалитъ на меня зубы и лопочетъ что-то. А ихній боцманъ, изъ американцевъ, должно-быть, бѣлъ лицомъ, подвелъ меня къ капитану и говоритъ: «сейлоръ, молъ». Матросъ то-исъ. Каптейнъ-то глядитъ настоящимъ дьяволомъ. Посмотрѣлъ на меня этакъ пронзительно.—«Руссъ?» говоритъ.—«Руссъ», отвѣчаю и говорю:—«такъ и такъ, отпусти, молъ, меня на клиперъ», и рукой показываю, гдѣ, значитъ, нашъ клиперъ стоитъ. А онъ опять:—«Руссъ?» спрашиваетъ.—«Руссъ!»—Тогда онъ досталъ изъ кармана плеть и щелкнулъ... «То, молъ, и тебѣ будетъ!» Опосля того вынулъ леворверъ, погрозилъ и что-то сказалъ боцману.

— Нешто каптейны съ леворверомъ?..

— Этотъ безотлучно съ леворверомъ... Чуть ежели команда бунтовать, онъ и всадитъ, братцы, пулю... Такія у ихъ права... А и народъ же... черти безшабашные... Увели меня опять внизъ, указали койку, и велѣно было меня караулить... Сердце у меня такъ и захолонуло послѣ всего этого... И чуть-было тутъ я не заплакалъ... Вижу: пропасть должонъ...

— А ты бы на утекъ, Акимка?—замѣтилъ кто-то изъ слушателей.

— То-то и я объ этомъ самомъ держалъ въ головѣ. Отвяжу, молъ, ночью шлюпчонку да и айда... Подошла, братцы мои, ночь, я поползъ наверхъ. Вахтенный, слава тебѣ, Господи, думаю, спитъ... Сталъ я на бортъ подыматься, какъ этотъ самый арапъ-негра, вахтенный, значитъ, меня за шиворотъ и ну кричать... Выбѣжалъ капитанъ, и избили меня, скажу вамъ, до полусмерти, надѣли наручники и въ трюмъ... Такъ я томился пять денъ... все въ страхѣ—вотъ-вотъ уйдемъ въ море... А вчерась выпустили меня—спасибо ихнему боцману—подышать-то воздухомъ на палубу... Сижу этто я послѣ карцыря, значитъ, и горькую думу думаю, какъ вдругъ слышу: гребетъ шлюпка... Ближе, ближе... Слышу: наши, по-россійски говорятъ. Я и закричалъ... Вотъ оно, какъ Богъ-то меня вызволилъ... И дай Богъ здоровья командиру... Вы, братцы, сказываютъ, здѣсь изъ-за меня стояли?..

— Все тебя разыскивали, Акимка...

— Ишь вѣдь... Доберъ-то капитанъ... Не захотѣлъ своего россійскаго матросика безъ жалости броситъ...

Акимъ помолчалъ и прибавилъ:

— Ужъ теперь я этой самой подлой водки въ ротъ не возьму.

— Ну?—раздалось чье-то восклицаніе сомнѣнія.

— Помяни мое слово, не возьму!

Оглавленіе

XII тома.

Морскіе разсказы.

	стр.
Беспокойный адмиралъ	5
На «Чайкѣ»	111
Письмо	127
Одно мгновенье	160
Утро	166
Отплата	188
Шутка	197
Первогодокъ	209
Оборотъ	221
«Глупая» причина	234
«Собака»	248
«Отчаянный»	263
Морской волкъ	281
Блестящій капитанъ	302
На ночныхъ вахтахъ:	
I. О чемъ мечталъ мичманъ?	314
II. Диковинный матросикъ	324
III. Форменная баба	329
Смотръ	338
Товарищи	358
Баклагинъ	377
Пари	389
Американская дуэль	406
Загадочный пассажиръ	426
Блестящее назначеніе	439
Добрый	466
Тоска	480
Ледяной штормъ	500
Дуэль въ океанѣ	538
«Берегъ» и море	558
Пропавшій матросъ	624